Die Pogrome in Russland

3377.

ПОГРОМЫ ВЪ РОССІИ

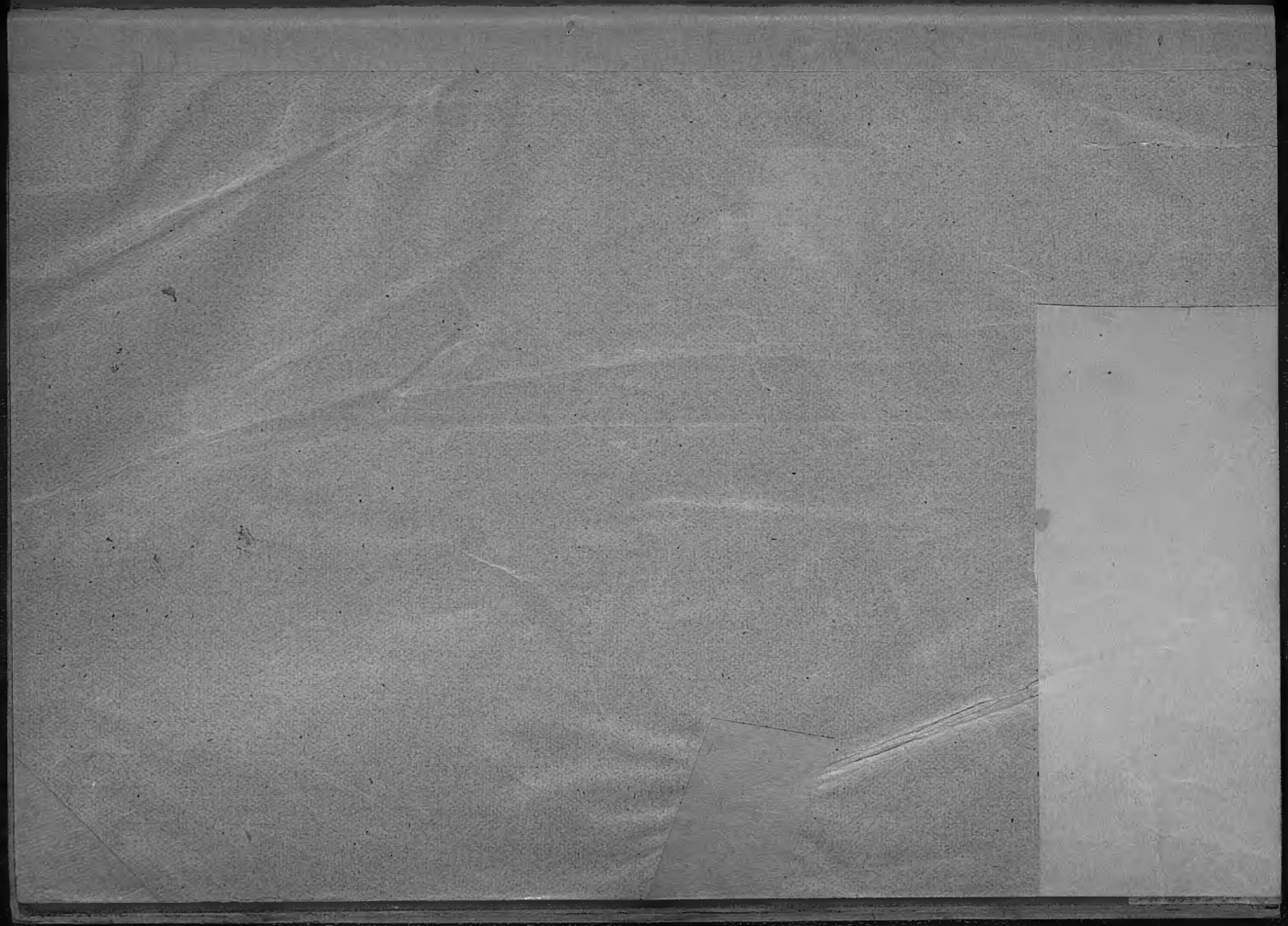
(по оффиціальнымъ документамъ)

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW
VERLAG

6876

Ц А 155
П 668

Погромы въ Россіи



Die Pogrome in Russland

Библиотека ИМЭЛ

ЦА 155
П 668

АРХИВ БУНДА

ПОГРОМЫ ВЪ РОССІИ

(по оффиціальнымъ документамъ)

BERLIN
Bühnen und Buchverlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow

3 213

K.

4 A 155
П 668

Alle Rechte vorbehalten.

Библиотека
Института Ленина
при ЦК Р.К.П. (б)
200
27

Б-6887

Druck: F. Lenz & Comp., G. m. b. H., Berlin O. 27. Holzmarktstr. 4.

2010г.
У 82

Катастрофа, разразившаяся одновременно съ обнародованіемъ манифеста 17 октября, охватила такія обширныя пространства, унесла столько жертвъ, произвела столь огромныя опустошенія, вскрыла столько звѣрствъ въ человѣкѣ—была вообще такъ велика и потрясающа, что и теперь, на разстояніи двухъ лѣтъ, мы не въ состояніи еще отчетливо и ясно представить себѣ все происшедшее въ эти черные дни, а безстрастное созерцаніе октябрьскихъ ужасовъ для насъ и теперь почти такъ же невозможно, какъ въ тѣ дни, когда они совершались. Читая матеріалы, относящіеся къ октябрьскимъ погромамъ, чувствуешь, что холодный ужасъ, которымъ вѣетъ со страницъ этихъ документовъ, зажигаетъ въ душѣ яркое пламя ненависти; кровь, застывающая въ жилахъ, при первомъ впечатлѣніи, бурно и гнѣвно закипаетъ, когда первое оцѣпененіе проходитъ. Тѣмъ не менѣе время дѣлаетъ свое, и многое для насъ теперь яснѣе какъ въ самыхъ событіяхъ, такъ и въ особенности въ связи ихъ съ прошедшими и послѣдовавшими за ними событіями.

Уже послѣ первыхъ извѣстій объ октябрьскихъ погромахъ было ясно, что это разлился по всей Россіи тотъ же разрушительный потокъ, который раньше дѣлалъ свое злое дѣло въ Кишиневѣ, Баку, Могилевѣ, Житомірѣ и Нижнемъ; но далеко не была такъ ясна, какъ теперь, организаціонная связь между октябрьскими погромами и ихъ предшественниками. Было ясно, что самовластье, принесшее столько бѣдъ Россіи, обрушило на нее и это бѣдствіе, пытаясь по-

токами крови залить пламя революціи; но далеко еще не было ясно, на сколько оно въ этомъ успѣло. Сейчасъ послѣ погромовъ мы склонны были думать и говорить, что это—лишь судороги стараго режима, уже обреченнаго; что кровь израильтянскихъ младенцевъ не исцѣлитъ его отъ язвъ, покрывшихъ тѣло его. Въ особенности въ столицахъ, пощаженныхъ погромами, мы, вращаясь въ вихрѣ «дней свободы», склонны были такъ оцѣнивать событія. Теперь, оглядываясь назадъ, мы должны признать, что октябрскими погромами реакція одержала первую и рѣшительную побѣду, открывшую ей путь къ нынѣшнему торжеству ея. Обезсиленная октябрьскимъ кровопролитіемъ революція въ состояніи была еще предпринимать и блестяще выполнить многіе штурмы, но побѣды ужъ рѣдко выпадали на ея долю.

Можетъ быть и теперь всѣ склонны будутъ придавать октябрьскому бѣдствію такое роковое значеніе; никто, во всякомъ случаѣ, не отрицаетъ ни огромныхъ размѣровъ самого факта, ни великой важности его въ цѣпи пережитыхъ нами событій. Никто, мы увѣрены, не будетъ отрицать и важность задачи, которую мы себѣ поставили: собрать и издать всѣ наиболѣе достовѣрные матеріалы, освѣщающіе погромную дѣятельность реакціи, начиная съ октябрьскихъ дней. Въ настоящій моментъ все изданіе разсчитано на три тома. Въ настоящій первый томъ вошли всѣ относящіеся къ предмету офиціальные документы, исключая огромный матеріалъ, находящійся въ дѣлопроизводствѣ многочисленныхъ судебныхъ процессовъ по погромнымъ дѣламъ. Второй томъ долженъ обнять именно этотъ судебный матеріалъ, причемъ предполагается наиболѣе важные документы печатать полностью, остальные за обширностью матеріала—въ извлеченіяхъ. Наконецъ, въ третьемъ томѣ думаемъ напечатать матеріалы, собранные по этому предмету хотя частными, но компентентными учрежденіями и лицами. Если намъ удается выполнить изданіе, какъ оно здѣсь намѣчено, мы, можетъ быть, еще выпустимъ четвертый томъ, въ который слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, собрать наиболѣе обстоятельныя и цѣнныя литературныя статьи, написанныя о погромахъ.

Въ настоящій томъ вошли слѣдующіе офиціальные документы: 1) Дѣло объ отвѣтственности бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгарта за неправильныя дѣйствія по службѣ, иначе говоря—всѣ матеріалы по разслѣдованію обстоятельствъ одесскаго погрома, произведенному сенаторомъ Кузьминскимъ, и постановленіе его о преданіи Нейдгарта суду. 2) Всеподданнѣйшій отчетъ сенатора Турау, разслѣдовавшаго причины «безпорядковъ» въ Кіевѣ. 3) Дѣло объ отвѣтственности и. д. минскаго губернатора П. Г. Курлова за неправильныя дѣйствія по службѣ. 4) Дѣло объ отвѣтственности градоначальника г. Ростова за неправильныя дѣйствія по службѣ. 5) Документы по разслѣдованію д. ст. сов. Савичемъ обстоятельствъ гомельскаго погрома 13—14 января 1906 г. 6) Рапортъ ротмистра Пѣтухова о сѣдлецкомъ погромѣ. 7) Приказъ, въ которомъ генералъ Скалонъ выражаетъ благодарность подполковнику Тихановскому, главному герою Сѣдлеца, за «прекращеніе безпорядковъ». 8) Рапортъ статскаго совѣтника Макарова, послужившій основаніемъ для запроса въ первой думѣ о погромной дѣятельности департамента полиціи. Изъ неофиціальныхъ документовъ напечатаны здѣсь: 1) Рѣчи кн. Урусова, М. Виновера, В. Набокова, Ѳ. Родичева сказанныя во время дебатовъ въ думѣ по только-что упомянутому запросу. 2) Письмо А. А. Лопухина къ Столыпину. Въ этихъ документахъ дѣятельность департамента полиціи по подготовленію погромовъ, лишь намѣченная въ докладѣ Макарова, вскрывается вполнѣ. 3) Наконецъ, рѣчь произнесенная въ думѣ депутатомъ Макушинымъ, чрезвычайно обстоятельно и дѣловито рисующая обстоятельства выдающагося по своей свирѣпости погрома въ Томскѣ, гдѣ г. Макушинъ служилъ въ то время городскимъ головой. Кромѣ того, приложена еще въ самомъ началѣ книги, обширная записка, составленная по порученію гр. Витте на основаніи документовъ департамента полиціи; записка эта, вообще толково составленная, интересна, главнымъ образомъ, цитатами изъ офиціальныхъ документовъ, имѣющихъ отношеніе, хотя косвенное, къ нашему предмету.

Теперь, когда матеріалы перваго тома уже собраны и отпеча-

таны, пишущему эти строки именно этотъ томъ представляется наиболѣе цѣннымъ во всемъ изданіи. Истина о погромахъ выступаетъ изъ напечатанныхъ документовъ такъ выпукло, какъ этого только можетъ желать изслѣдователь. Если изъ доклада Макарова, рѣчи кн. Урусова и письма Лопухина мы узнаемъ, гдѣ и какъ *подготовляются* погромы, то разслѣдованія г.г. Кузьминскаго, Турау и Савича показываютъ намъ съ ужасающей ясностью, какъ *происходятъ* они и *почему* происходятъ, хотя именно отвѣтъ на этотъ вопросъ официальные изслѣдователи старались—и оставаясь официальными лицами не могли не дѣлать этого—окутать туманомъ. Высокая цѣнность этихъ документовъ въ томъ именно и состоитъ, что авторы ихъ одинаково вскрываютъ передъ нами истину и тамъ, гдѣ они желаютъ этого, и тамъ, гдѣ они, наоборотъ, пытаются, вольно или невольно, сознательно или нѣтъ, ее прикрыть. *Какъ*, раньше всего, произошли октябрьскіе погромы? На этотъ вопросъ официальныя разслѣдованія въ *фактической* части своей отвѣчаютъ: при явномъ попустительствѣ однихъ представителей власти—гражданской и военной,—при прямомъ содѣйствіи другихъ и подъ дѣятельнымъ руководительствомъ третьихъ. Рядъ картинъ, проходящій предъ нашими глазами, всюду рисуетъ власть въ центрѣ громящей толпы совершенно такъ же, какъ это дѣлала въ свое время печать, и даже еще ярче. Въ Одессѣ «громилы, принадлежавшіе по преимуществу къ подонкамъ общества, такъ называемые «хулиганы, нерѣдко совершали преступленія на глазахъ войскъ и полиціи, и иногда даже при ихъ участіи, и не были задерживаемы»; тамъ же «околоточные надзиратели и городовые, кромѣ случайной посылки въ патрули, или пребывали безъ всякаго дѣла въ участкахъ, или же, какъ обнаружено разслѣдованіемъ, появлялись на мѣстахъ событій, нерѣдко переодѣтыми, *въ качествѣ участниковъ погрома и грабежей*», войска и полиція, обстрѣливая въ во время обходовъ патрулями по городу окна и двери тѣхъ домовъ, изъ коихъ, по указаніямъ городовыхъ, *нерѣдко невѣрнымъ и ложнымъ*, производились выстрѣлы, и разгоняя выстрѣлами появлявшіяся на улицахъ группы милиціи и обороны, не предпринимали рѣшительно

никакихъ мѣръ къ прекращенію разгрома еврейскихъ квартиръ и лавокъ, избіенія евреевъ и разграбленія ихъ имущества (стр. 10). Это изъ заключенія самого Кузьминскаго. Но въ собранныхъ имъ матеріалахъ находимъ еще многое, не нашедшее себѣ мѣста въ его выводахъ. Пр. пов. Данашевскій передаетъ со словъ д-ра Бурды, что на Слободкѣ-Романовкѣ городовые въ его присутствіи срѣзали шашками молодыя деревья близъ больницы и раздавали ихъ въ видѣ дубинъ тѣмъ изъ толпы, у которыхъ не было оружія, а войска сзади стрѣляли надъ головами громилъ въ окна 2 и 3 этажей еврейскихъ домовъ и квартиръ. Свидѣтель самъ слышалъ отъ одного изъ солдатъ, присланныхъ охранять квартиру и домъ генерала Шаталова, что «по инструкціи начальника войска не должны оказывать никакого противодѣйствія грабителямъ, убивающимъ и разоряющимъ евреевъ, а должны, напротивъ, преслѣдовать еврейскую самооборону, дѣйствующую противъ грабителей; евреевъ, пояснялъ солдатъ, велѣно придушить». По показанію прапорщика Теплицкаго директоръ кадетскаго корпуса, генералъ Дерюгинъ, встрѣтивши толпу громилъ, обратился къ ней со словами: «И вы идете громить евреевъ—благославляю васъ». Этотъ же воинъ въ разговорѣ со служащими корпуса сказалъ: «очень жаль, что на это дѣло посылается только чернь, а мы не можемъ сами идти. Это наша святая обязанность» (стр. 102). Такихъ показаній, никѣмъ не оспариваемыхъ, очень много. Среди этого мрака вырисовывается—по показаніямъ чиновника особыхъ порученій при градоначальникѣ, Подольцева,—характерная фигура Каульбарса, который въ кругу своихъ подчиненныхъ, говоритъ: «нужно признаться, что всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ этому погрому», и сожалѣетъ, что «*слишкомъ рано*», подтвердились слухи объ участіи войскъ въ погромѣ (стр. 123).

Совершенно такова же картина погрома въ Кіевѣ. И тамъ «случалось», что войска обстрѣливали дома по указаніямъ громилъ, по разслѣдованіи оказавшимся ложными, «что изъ домовъ этихъ стрѣляли»; «бывало также, что сами громилы, взобравшись на лѣстницу какого-либо дома, стрѣляли оттуда на улицу, чтобы вызвать отвѣтный залпъ воинской части и затѣмъ наброситься на домъ

и разгромить его подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ него кто-то осмѣлился стрѣлять въ «царскія войска.» (238). «Въ видѣ общей мѣры къ разрушеннымъ и разграбленнымъ, зіявшимъ пустотой, магазинамъ обыкновенно приставлялся военный караулъ, который, строго исполняя установленныя для караульныхъ инструкціи, считалъ своей обязанностію стоять у разграбленныхъ магазиновъ, не обращая вниманія на происходившій иногда тутъ же, рядомъ, разгромъ и грабежъ». (240). Одному изъ городовыхъ казачій патруль на его вопросъ отвѣтилъ, что казаки разъѣзжаютъ по улицѣ для того, «чтобы никто не стрѣлялъ въ громилъ изъ окна и съ балконовъ и чтобы они не подрались между собой». (24). Эта заботливость о громилахъ доходила въ Кіевѣ до нѣжности. «Двѣ какихъ то женщины у магазина Эпельбаума вырывали изъ рукъ другъ у друга кусокъ выброшеннаго громилами изъ магазина полотна. Проѣхалъ полицей. мейстеръ Цихоцкій и не обратилъ на это никакого вниманія, слѣдовавшій же за нимъ какой-то полицейскій чиновникъ остановился, вынулъ шашку и разрѣзалъ полотно пополамъ, чѣмъ удовлетворилъ обѣихъ женщинъ». Этотъ же Цихоцкій просто-на-просто предводительствовалъ громилами. «Полицеймейстеръ Цихоцкій 19 октября шелъ *во главѣ* толпы манифестантовъ, нѣкоторые изъ которыхъ громили по дорогѣ магазины; въ тотъ же день къ думѣ подошла съ потретомъ государя и флагами толпа громилъ, вооруженныхъ кольями и топорами. Въ толпѣ находился и Цихоцкій безъ фуражки. Съ думскаго балкона кто-то говорилъ рѣчь, закончивъ ее словами: «бей жидовъ, грабь, ломай». Рѣчь была покрыта криками «ура», послѣ чего толпа стала качать Цихоцкаго, а затѣмъ небольшими группами устремилась въ разныя стороны къ магазинамъ». А подчиненные Цихоцкаго, приставъ Лященко и помощникъ его Пирожковъ, сами кричали: «бейте жидовъ до одного и грабьте ихъ». А военное начальство! Генералъ-майоръ Безсоновъ, которому ввѣрена была охрана II отдѣла города, гдѣ живутъ преимущественно евреи, «стоялъ въ толпѣ громилъ и мирно бесѣдовалъ съ ними; «громить можно,—говорилъ онъ,—но грабить не слѣдуетъ». Громилы кричали «ура» и съ чѣмъ-то поздравляли генерала». На вопросъ управля-

ющаго канцеляріей генералъ-губернатора: «Ваше превосходительство, идетъ погромъ, мѣры не принимаются—какъ прикажете принимать это?—Безсоновъ отвѣтилъ: «какой же это погромъ? это—манифестація». На возраженіе, что это не манифестація, а дневной грабежъ, генералъ спросилъ: «А зачѣмъ они порвали царскій портретъ» (стр. 250). И такъ безъ конца.

Къ какимъ же выводамъ пришли сенаторы—разслѣдователи? Каковы причины бѣдствій, столь ужасныхъ, и въ ихъ, разслѣдователей, офиціальныхъ отчетахъ? И Кузминскій, и Турау указываютъ болѣе отдаленныя, посредственныя причины погромовъ, и причины ближайшія, непосредственныя. О болѣе отдаленныхъ причинахъ пока говорить не будемъ; непосредственныя причины это—нераспорядительность, бездѣйствіе власти. Бездѣйствіе—такъ бездѣйствіе. Но почему же обвиненіе въ бездѣйствіи власти пало въ Кіевѣ только на полицеймейстера Цихоцкого и двухъ его подчиненныхъ и не коснулось это самое обвиненіе генералъ-маіора Безсонова? Того самаго Безсонова, которому ввѣрена была охрана II отдѣла, населеннаго евреями, и который въ разговорѣ съ управляющимъ канцеляріей генералъ-губернатора называлъ погромъ манифестаціей и оправдывалъ грабежи и убійства тѣмъ, что евреи будто порвали царскій портретъ. Этотъ же генералъ сказалъ доктору Рубинштейну что «если бы онъ хотѣлъ, погромъ кончился бы въ полчаса, но евреи приняли слишкомъ большое участіе въ революціонномъ движеніи и потому должны поплатиться». (стр. 251). Сенаторъ Турау, приведя въ своемъ отчетѣ это свидѣтельское показаніе, ни однимъ словомъ его не оспариваетъ. Почему же Безсоновъ не преданъ суду пусть за бездѣйствіе власти? Почему не преданъ суду или не подвергся дисциплинарному взысканію генералъ-лейтенантъ Драке, завѣдывавшій всей охраной города, и многочисленные примѣры нераспорядительности котораго приводятся сен. Турау (стр. 246—248). Даже больше—сенаторъ устанавливаетъ, что генералъ Драке не исполнялъ прямыхъ приказаній своего начальника—временно-командующаго войсками округа, генерала Каросса; объясненія, представленныя генераломъ Драке, сенаторъ и самъ признаетъ неубѣдитель-

ными (248). Почему же сенаторская ревизія—даже сенаторская!—осталась безъ послѣдствій для генераловъ? На этотъ вопросъ отвѣта въ матеріалахъ, собранныхъ Турау, нѣтъ; но въ немъ заключается уже частичный отвѣтъ на вопросъ, почему возможно было октябрьское кровопролитіе, почему въ любой день и часъ мы можемъ ждать, что полиція и войско, смѣшавшись съ «отбросами общества, такъ называемыми хулиганами», примется громить родные города, убивать, грабить, разрушать.

Затѣмъ—«бездѣйствіе власти». Было, конечно, и бездѣйствіе; но развѣ не было и содѣйствія, соучастія—и не только городовыхъ и околоточныхъ надзирателей? Говорилъ же—по даннымъ отчета Турау—генералъ Безсоновъ въ толпѣ громилъ: «громить можно, но грабить не слѣдуетъ». А въ Одессѣ? Съ 18 на 19 октября Нейдгартъ обнародовалъ воззваніе, къ которому приложено «письмо 30 тысячъ мѣщанъ». «Еще осмѣливаемся доложить вашему превосходительству, отъ имени 30.000 мѣщанъ,—говорится въ письмѣ,—что если вашей милостью не будутъ приняты энергичныя мѣры, на которыя васъ уполномочилъ царь-батюшка, то мы придемъ къ университету и сожжемъ его, чтобы наши дѣти не учились не повиноваться начальству». Эту угрозу самосудомъ Нейдгартъ обнародовалъ и въ свою очередь оканчиваетъ воззваніе словами: «Безпорядки и забастовки страшно подняли цѣны на всѣ жизненные продукты. Кто во всемъ виноватъ—рѣшайте сами люди благонамѣренные» (стр. LXXXV—VI). Развѣ это бездѣйствіе? И какъ уложить въ формулу «бездѣйствіе власти» тотъ фактъ, что въ полицейской средѣ кровопролитія ждали заранѣе, къ нему готовились и увѣренно и радостно шли ему на встрѣчу. Въ Одессѣ приставъ Александровскаго участка, Рацишевскій, сказалъ при дежурившемъ въ этомъ участкѣ со своею частью прапорщикѣ Теплицкомъ, еще за три дня до погрома, именно съ 15 на 16 октября: «захотѣли они свободы—вотъ мы ихъ уложимъ двѣ—три тысячи, тогда они будутъ знать, что такое свобода». Такіе же разговоры велись и среди городовыхъ этого участка, которые упражнялись, между прочимъ, въ дѣйствіи шашками на чучелахъ съ надписями: «забастовщикъ, студентъ» (стр. 100).

По представленію минскаго окружнаго суда и тутъ полиція радостно предвкушала прелести будущаго погрома. Еще въ самомъ началѣ митинга, разрѣшеннаго губернаторомъ и разстрѣляннаго потомъ войсками, и. об. пристава Бернацкій сказалъ: «ничего, пусть жиды погуляютъ, мы скоро заткнемъ имъ глотку». (стр. 320). Только что упомянутаго прапорщика Теплицкаго остановила рано утромъ 18 числа, еще до опубликованія манифеста, толпа босяковъ—со слѣдующими словами: «Вотъ идемъ ваше благородіе, изъ участка получили «струкцію», вечеромъ разживемся» (стр. 101).

Какъ не укладываются факты въ слишкомъ тѣсныя рамки ближайшей причины, какъ она формулирована сенаторами-ревизорами, такъ не улавливаются они и той слишкомъ дырявой сѣтью общихъ причинъ, которыя ими нарисованы. Г. Кузьминскій спѣшитъ заявить въ самомъ началѣ своего «Постановленія», что, «тщательное изслѣдованіе обстоятельствъ, при которыхъ среди пребывающаго въ Одесскомъ портѣ русскаго населенія, преимущественно рабочихъ, зародилась и получила осуществленіе мысль о патріотической манифестаціи... не обнаружило рѣшительно никакихъ данныхъ, указывающихъ на какія-либо проявленія не только подстрекательства, но и участія представителей власти... въ образованіи означенной патріотической манифестаціи» (стр. 3—4). Допустимъ *). Но отсюда еще далеко до вывода, что не было вообще

*) Мы говоримъ „допустимъ", не входя въ обсужденіе вопроса о степени достовѣрности полицейскихъ показаній, легшихъ въ основу „тщательнаго изслѣдованія", о которомъ говоритъ г. Кузьминскій. Въ дѣйствительности-же истинное представленіе о степени этой достовѣрности можетъ дать сопоставленіе двухъ главныхъ показаній—полицеймейстера фонъ-Гесберга, данное судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ 12-го ноября, и и. д. полицеймейстера Головина, данное г. Кузьминскому 10 декабря. Оба показанія, какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ выписокъ, совпадаютъ цѣлыми страницами почти буква въ букву.

Показаніе ф. Гесберга (стр. 149—150).

Причемъ бывшій съ толпою ректоръ университета Занчевскій, съ этимъ требованіемъ обратился къ

Псказаніе Головина (стр. 168).

Ректоръ съ этимъ требованіемъ обратился къ начальнику участка, командиру 20го Измаильскаго полка;

«подстрекательства и участія»; погромъ, вѣдь, не вышелъ весь изъ патріотической манифестаціи; онъ, наоборотъ, начался еще 18 числа,

---

начальнику участка командиру 205 Измаильскаго полка полковнику Варатаеву; послѣдній отвѣтилъ, что безъ распоряженія градоначальника онъ этого сдѣлать не можетъ и пошелъ спросить по телефону, на что получилъ отвѣтъ, сказать Занчевскому, чтобы онъ раньше освободилъ избитаго толпою демонстрантовъ городового Александровскаго уч. Андрея Губія. Занчевскій согласился и вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его студентомъ уѣхалъ по указанному адресу; для провѣрки его дѣйствій полковникъ Варатаевъ послалъ взводъ драгунъ вмѣстѣ съ офицеромъ. Когда офицеръ прибылъ и доложилъ, что искалѣченный городовой отправленъ въ больницу Краснаго Креста, тогда были освобождены арестованные; за время поѣздки Занчевскаго возбужденная еврейская толпа, не переставая, наносила наглыя оскорбленія чинамъ полиціи и войскамъ, стоявшимъ во дворѣ участка. Такимъ путемъ были освобождены изъ всѣхъ полицейскихъ участковъ арестованные. Въ то же время было доложено, что околоточнаго надзирателя Михайловскаго участка Полянчикова толпа евреевъ, шедшая съ красными флагами, задержала, избила его и выколола глаза, но онъ былъ отбитъ и доставленъ въ больницу Краснаго Креста. Городовой Александровскаго участка Андрей Губій, котораго полковнику Варыбаеву,—послѣдній отвѣтилъ, что безъ разрѣшенія градоначальника онъ этого сдѣлать не можетъ и пошелъ спросить по телефону, на что получилъ отвѣтъ сказать Занчевскому, чтобы онъ раньше освободилъ избитаго и израненнаго толпой демонстрантовъ городового Александровскаго участка, Андрея Губія. Занчевскій на это согласился и вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его студентомъ уѣхалъ къ мѣсту избіенія и задержанія Губія. Для провѣрки его дѣйствій полковникъ Варыбаевъ послалъ взводъ драгунъ вмѣстѣ съ офицеромъ. Когда офицеръ прибылъ и доложилъ, что искалѣченый городовой отправленъ въ больницу Краснаго Креста, тогда были освобождены арестованные. За время поѣздки Занчевскаго, возбужденная еврейская толпа, не переставая, наносила наглыя оскорбленія чинамъ полиціи и войскамъ, стоявшимъ во дворѣ участка. Такимъ путемъ были освобождены изъ всѣхъ полицейскихъ участковъ арестованные. Въ то же время было донесено, что околоточнаго надзирателя Михайловскаго участка, Полянчикова, толпа евреевъ, шедшая съ красными флагами, задержала избила и выколола глаза, но онъ былъ отбитъ и доставленъ въ больницу Краснаго Креста. Городовой Андрей Губій въ тотъ же день

т. е. наканунъ дня манифестаціи, и зарождался самостоятельно въ разныхъ частяхъ города. Между тѣмъ, сенаторъ изъ этого частнаго

избила и истязала толпа евреевъ, въ тотъ же день умеръ, а надзиратель Полянчиковъ былъ только сильно избитъ и находился на излѣченіи въ больницѣ Краснаго Креста. Послѣ этого стали поступать по телефону другіе случаи о насиліи толпы надъ чинами полиціи, которые по провѣркѣ впослѣдствіи не подтвердились и объ этихъ случаяхъ подполковникъ Головинъ докладывалъ г. градоначальнику, послѣ чего градоначальникъ распорядился снять постовыхъ городовыхъ съ постовъ, собрать ихъ въ участкахъ и посылать по городу патрулями, дабы предупредить нападенія на означенныхъ городовыхъ. При снятіи городовыхъ съ постовъ они, напуганные нападеніями еврейскихъ толпъ на полицію и избіеніемъ, ушли сами по участкамъ. Демонстративныя толпы евреевъ съ красными флагами, съ пѣніемъ марсельезы и съ криками „долой царя, долой самодержавіе“ безпрепятственно ходили по улицамъ города, нагло заставляли встрѣчныхъ снимать шапки и вызывающе держали себя по отношенію лицъ, не сочувствовавшихъ такому движенію.

Показаніе ф. Гесберга (стр. 152—153).

19 октября были назначены въ 11 час. утра похороны жертвъ погибшихъ 16 числа; съ утра, по пути

умеръ, а надзиратель Полянчиковъ былъ только сильно избитъ и находится на излеченіи въ больницѣ Краснаго Креста. Послѣ этого стали поступать по телефону другіе слухи о насиліи толпы надъ чинами полиціи, которые по повѣркѣ впослѣдствіи не подтвердились; объ этихъ слухахъ я докладывалъ г. градоначальнику и онъ распорядился снять постовыхъ городовыхъ съ постовъ, собрать ихъ въ участкахъ и посылать по городу патрулями, дабы предупредить нападенія на одиночныхъ городовыхъ. Демонстративныя толпы евреевъ съ красными флагами, съ пѣніемъ Марсельезы и съ криками „долой царя, долой самодержавіе“, безпрепятственно ходили по улицамъ города, нагло заставляли встрѣчныхъ снимать шапки и вызывающе держали себя по отношенію лицъ, не сочувствующихъ такому движенію.

Показаніе Головина (стр. 170—171).

19 октября были назначены въ 11 часовъ утра похороны жертвъ, погибшихъ 16 числа,—съ утра по

факта дѣлаетъ именно *общій* выводъ. Еще болѣе широкое обобщеніе въ слѣдующихъ за приведенными здѣсь строкахъ «Постановле-

---

слѣдованія процессіи, по Херсонской и Преображенской улицамъ, опять начали группироваться толпы учащейся молодежи и евреевъ. Около 10 час. по пути слѣдованія начали развѣшивать траурные флаги по газовымъ столбамъ и воротамъ частныхъ домовъ, былъ повѣшенъ и на воротахъ зданія полиціи; улицы, какъ и наканунѣ, были въ рукахъ демонстрантовъ. Полиція и войска бездѣйствовали, движенія конокъ не возобновляли. Часовъ въ 11 утра было передано по телефону въ семинарію, что въ порту на Таможенной площади образовалась большая толпа русскихъ манифестантовъ, которые съ портретомъ государя императора, національными флагами и пѣніемъ народнаго гимна направляются въ городъ; затѣмъ было передано что манифестація подошла ко дворцу командующаго войсками и просила военный оркестръ музыки, на что послѣдовало разрѣшеніе. Отъ дворца они подошли къ думѣ, сняли красный флагъ и водрузили національный. Когда эти свѣдѣнія дошли до еврейскихъ группъ, то онѣ моментально начали расходиться по разнымъ направленіямъ, говоря, что похороны отложены и, дѣйствительно, похороны не состоялись. Одновременно съ манифестаціей, шедшей изъ порта, собралась громадная толпа манифестантовъ на Куликовомъ

пути слѣдованія процессіи по Херсонской и Преображенской улицамъ опять начали группироваться толпы учащейся молодежи и евреевъ. Около 10 часовъ по пути слѣдованія начали развѣшивать траурные флаги по газовымъ столбамъ и воротамъ частныхъ домовъ; былъ повѣшенъ флагъ и на воротахъ зданія полиціи. Улицы, какъ и наканунѣ, были въ рукахъ демонстрантовъ, полиція и войска бездѣйствовали, движеніе конокъ не возобновлялось. Въ это время, т. е. около 11 часовъ утра, было передано по телефону въ семинарію, что въ порту на Таможенной площади образовалась большая толпа русскихъ манифестантовъ, которые съ портретомъ государя императора, національными флагами и пѣніемъ народнаго гимна направляются въ городъ; затѣмъ было передано, что манифестація подошла ко дворцу командующаго войсками и просила военный оркестръ, на что послѣдовало разрѣшеніе. Отъ дворца они подошли къ думѣ, сняли красный флагъ и водрузили національный. Когда эти свѣдѣнія дошли до еврейскихъ группъ, то онѣ моментально начали расходиться по разнымъ направленіямъ, говоря, что похороны отложены и, дѣйствительно, похороны не состоялись. Одновременно съ манифестаціей, шедшей изъ порта, собралась громадная толпа

нія». «Собранными, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣдѣніями объ обстоятельствахъ, при которыхъ, вслѣдъ за объявленіемъ высочайшаго мани-

---

полѣ, которая пошла по Екатерининской ул. Вскорѣ послѣ этого начали поступать свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ, что въ русскую манифестацію евреи производятъ изъ оконъ, съ крышъ домовъ и воротъ стрѣльбу изъ револьверовъ, и въ этихъ мѣстахъ манифестанты начали громить и избивать. По распоряженію генерала Глаголева были посланы отдѣльныя части войска, роты, эскадроны и сотни. Возвращавшіеся начальники этихъ частей докладывали, что евреи стрѣляютъ и по войскамъ, что вызвало распоряженіе генерала Глаголева дѣлать залпы по тѣмъ домамъ, изъ которыхъ производится стрѣльба. Сейчасъ же по улицамъ опять появились въ большомъ количествѣ санитарные отряды, которые, прикрываясь одѣяніемъ краснаго креста, имѣли повсюду свободный пропускъ; учащенное, безъ видимой надобности, движеніе ихъ по 4 человѣка на дрожкахъ и раздававшіеся выстрѣлы послѣ ихъ проѣзда возбудили подозрѣніе у войска, ихъ начали останавливать и осматривать, при чемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ оказывались револьверы или патроны, почему такихъ задерживали и передавали чинамъ полиціи. Въ тотъ же день дѣйствовала по городу милиція, состоящая изъ нѣсколькихъ группъ студентовъ. Было также задержано много манифестантовъ на Куликовомъ полѣ, которая пошла по Екатерининской улицѣ. Вскорѣ послѣ этого начали поступать свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ, что въ русскую манифестацію евреи производятъ изъ оконъ, крышъ домовъ и воротъ стрѣльбу изъ револьверовъ и въ этихъ мѣстахъ манифестанты начали громить и избивать евреевъ; въ такіе пункты, по распоряженію генерала Глаголева, были посылаемы отдѣльныя части войскъ, роты, эскадроны и сотни; возвращающіеся начальники частей докладывали, что евреи стрѣляютъ и по войскамъ; тогда было отдано распоряженіе дѣлать залпы по тѣмъ домамъ, изъ которыхъ производится стрѣльба. Сейчасъ же по улицамъ опять появились въ большомъ количествѣ санитарные отряды, которые, прикрываясь одѣяніемъ краснаго креста, имѣли повсюду свободный пропускъ, но это безцѣльное движеніе по четыре человѣка на извозчикахъ и раздававшіеся выстрѣлы послѣ ихъ проѣзда возбудили подозрѣніе у войскъ, ихъ начали останавливать и осматривать; оказалось, что большинство изъ нихъ были вооружены револьверами или имѣли при себѣ патроны, такихъ лицъ задерживали и передавали чинамъ полиціи (составленные протоколы при этомъ прилагаю). Въ этотъ же день дѣй-

феста 17 октября 1905 года, произошли во многихъ другихъ городахъ и мѣстностяхъ юга Россіи безпорядки, носившіе такъ же, какъ

лицъ изъ еврейской самообороны. При проходѣ русскихъ манифестацій въ толпу не только стрѣляли изъ револьверовъ, но и бросали бомбы; брошена была бомба напротивъ зданія старой семинаріи, взрывомъ которой было убито нѣсколько человѣкъ и ранено два солдата; вторая бомба разорвалась на Пушкинской улицѣ, возлѣ Парижской гостиницы и убила на мѣстѣ лицо, несшее ее, и впереди этого мѣста прошла русская манифестація и, повидимому, бомба эта предназначалась для этой группы, но вслѣдствіе какихъ либо причинъ разорвалась самостоятельно. Такое дѣйствіе самообороны съ циркулирующими по городу слухами о звѣрствахъ, производимыхъ евреями надъ русскими, вызвало возмущеніе со стороны послѣднихъ, которое и разразилось погромомъ еврейскаго имущества и большимъ числомъ убитыхъ жертвъ въ разныхъ частяхъ города. По городу циркулировалъ слухъ, что евреи на улицахъ задерживаютъ русскихъ, бьютъ ихъ и затѣмъ отправляютъ съ санитарами въ университетскую клинику:

ствовала по городу милиція, состоящая изъ нѣсколькихъ группъ студентовъ (протоколы при семъ прилагаю). Кромѣ того, было задержано много лицъ изъ еврейской самообороны (протоколы прилагаю). При проходѣ русскихъ манифестацій, въ толпу не только стрѣляли изъ револьверовъ, но и бросали бомбы; такъ, была брошена бомба противъ семинаріи, которой было убито нѣсколько человѣкъ, а также ранены два солдата; вторая бомба разорвалось на Пушкинской улицѣ, возлѣ Парижской гостиницы, убившая на мѣстѣ лицо, несшее ее,—впереди этого мѣста прошла русская манифестація и, повидимому, бомба приготовлялась для этой группы, но вслѣдствіе какихъ-то причинъ бомба разорвалась самостоятельно. Подобное дѣйствіе самообороны съ циркулирующими по городу слухами о звѣрствахъ, производимыхъ евреями надъ русскими, вызвало возмездіе со стороны послѣднихъ, которое разразилось громаднымъ погромомъ еврейскаго имущества и большимъ числомъ убитыхъ жертвъ. По городу ходилъ слухъ, что на улицахъ задерживаютъ русскихъ, бьютъ ихъ и затѣмъ отправляютъ съ санитарами въ университетскую клинику.

Особенно любопытно то, что показанія совпадаютъ не только въ изложеніи событій, но и въ оцѣнкѣ ихъ:

и въ Одессѣ, характеръ еврейскаго погрома, выяснено повсемѣстно, что возникли они исключительно вслѣдствіе вызывающаго образа дѣйствія революціонеровъ, въ значительной мѣрѣ изъ евреевъ и т. д...» Кѣмъ собраны такія свѣдѣнія и гдѣ они находятся, не сказано. А изъ дальнѣйшаго мы видимъ, что не только для выводовъ о томъ, что было «повсемѣстно», нѣтъ у сенатора фактическихъ данныхъ, но и насчетъ того, что было въ Одессѣ, приходится довольствоваться дедукціей изъ *общихъ соображеній*. «Такимъ образомъ,—говорится нѣсколькими строками ниже,—приписываемое градоначальнику «провокаторство», въ смыслѣ подстрекательства къ погрому или на созданіе благопріятныхъ для него условій, здѣсь мѣста не имѣло и *имѣть не могло*; насущные интересы мирныхъ гражданъ *слишкомъ живо были затронуты, чтобы не вызвать съ ихъ стороны* въ свою защиту, противодѣйствія, проявившагося, къ сожалѣнію, въ цѣломъ рядѣ дѣяній жестокихъ, преступныхъ, соединенныхъ съ массовыми убійствами и пораненіями, а также значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ». Это—значитъ строить догадки, а не опе-

№ 6887

Показаніе ф. Гесберга (стр. 151).

Во время этихъ демонстрацій начали все чаще и чаще поступать свѣдѣнія объ издѣвательствѣ толпы надъ отдѣльными лицами православнаго вѣроисповѣданія; эти слухи очень быстро распространились по городу и къ вечеру, когда всѣ демонстраціи окончились среди русскаго населенія города, въ особенности простого класса, начало пробуждаться чувство ненависти къ еврейскому населенію, такъ нагло и открыто насмѣхавшемуся надъ существующимъ государственнымъ строемъ.

Показаніе Головина (стр. 169).

Во время этихъ демонстрацій начали все чаще и чаще поступать свѣдѣнія объ издѣвательствѣ толпы надъ отдѣльными лицами православнаго вѣроисповѣданія, — эти слухи очень быстро распространились по городу и къ вечеру, когда всѣ демонстраціи окончились, среди русскаго населенія города, въ особенности простого класса, начало пробуждаться чувство ненависти къ еврейскому населенію, такъ нагло и открыто насмѣхавшемуся надъ существующимъ государственнымъ строемъ.

Крайне интересно было бы найти ту властную руку, которая водила перомъ обоихъ „достовѣрныхъ свидѣтелей.“

рировать фактами. А если для такого построенія приходится отнести грабителей и убійцъ къ категоріи мирныхъ гражданъ, то врядъ ли стоило труда строить; не стоитъ труда и разрушать такое зданіе... Какъ мало критической мысли вложилъ другой сенаторъ въ свое разслѣдованіе, и именно въ ту часть его, гдѣ выясняются общія причины погромовъ—достаточно показываютъ слѣдующіе отрывки изъ отчета Турау, если сопоставить ихъ другъ съ другомъ. Поднимаясь до философскихъ высей, сенаторъ говоритъ, что «по единогласнымъ отзывомъ всѣхъ, изучавшихъ мѣстную жизнь, никакой *расовой* вражды между малороссійскимъ и еврейскимъ населеніемъ никогда не замѣчалось. Безпорно существующій антагонизмъ между этими двумя народностями объясняется, главнымъ образомъ, коренным различіемъ ихъ *міросозерцанія*». Въ данномъ случаѣ различіе міросозерцаній выразилось въ революціонности евреевъ и въ приверженности къ національной старинѣ малороссовъ. Казалось бы,—широкая философская точка зрѣнія—правильная или нѣтъ, но широкая. Посмотримъ же, до чего широта эта доходитъ. Разсказывая, со словъ другихъ, конечно, какъ послѣ объявленія манифеста евреи-революціонеры разрушали царскіе портреты и другія эмблемы и какъ это оскорбило національное чувство не-еврейскаго населенія, сенаторъ продолжаетъ: «Вспоминалось самомнѣніе тѣхъ же евреевъ, когда они, съ оскорбительной самоувѣренностью и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своемъ собственномъ превосходствѣ и въ превосходствѣ своихъ взглядовъ, говорили русскимъ: скоро вотъ Софійскій соборъ станетъ нашей синагогой», «скоро евреи будутъ министрами, а ваши министры станутъ наливать чай нашимъ тряпичникамъ», «мы вамъ дали Бога, мы вамъ дали свободу, мы вамъ дадимъ и царя» (стр. 230). Фразу о еврейскомъ Богѣ и еврейскомъ царѣ, мы неоднократно читали въ «Вѣчѣ» и другихъ уличныхъ листкахъ черносотеннаго направленія, и тамъ это никого не удивляетъ. Но въ отчетѣ сенатора! Вѣдь, не ортодоксальные же евреи въ лапсердакахъ и ермолкахъ, какъ рисуетъ ихъ то же «Вѣче», и не «почетные евреи», о которыхъ говоритъ законъ, рвали царскіе портреты. Это дѣлали—если вообще дѣлалъ кто—крайніе революціонеры; а эти,

какъ извѣстно,—республиканцы и *давать* царя не собираются, ни изъ своей среды, ни изъ какой-либо другой. Не менѣе извѣстно, что эти евреи одинаково мало заботятся и о Софійскомъ соборѣ и о синагогѣ; они также весьма равнодушны насчетъ того, кто кому далъ Бога. Есть, конечно, и такіе евреи, которымъ синогога безконечно дороже собора; но эти не рвутъ царскихъ портретовъ, и не только не говорятъ, но и не мечтаютъ объ экспропріаціи въ свою пользу Софійскаго собора или о царѣ въ Россіи изъ своей среды. Г. Турау и самъ говоритъ о рѣзкомъ различіи между двумя слоями еврейства. «Въ то время,—говоритъ онъ на стр. 259,—какъ старики строго консервативны и не легко разстаются съ традиціями, молодежь увлекается новыми вліяніями, видя, между прочимъ, въ осуществленіи революціонныхъ идеаловъ выходъ изъ своего неравноправнаго положенія въ государствѣ». (И эти, значитъ, не къ господству стремятся, а только къ равноправію). Это ему не помѣшало внести въ свой отчетъ явные вымыслы грубыхъ умовъ о еврейскомъ царѣ и Софійскомъ соборѣ.

Факты, изъ которыхъ не сдѣланы соотвѣтствующіе выводы, и выводы, не основанные на фактахъ,—этими путями официальные отчеты вэдутъ насъ къ подобающему, съ официальной точки зрѣнія, окончательному выводу. «Совокупность всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ навлекаетъ, — полагаетъ сенаторъ Кузьминскій — на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейдгарта обвиненіе въ томъ, что, по должности одесскаго градоначальника, имѣя возможность предотвратить и подавить вооруженное столкновеніе русскаго населенія гор. Одессы съ еврейскимъ, онъ допустилъ 18 октября 1905 года демонстративныя шествія по городу еврейскихъ революціонныхъ скопищъ, дозволявшихъ себѣ дерзко оскорблять верховную властъ и русское національное чувство, и находившимися въ его распоряженіи средствами не разсѣялъ эти скопища, а на слѣдующій день допустилъ русскую патріотическую манифестацію, не предваривъ ее объ угрожавшемъ столкновеніи съ вновь собравшимися на улицахъ евреями, и не только не принялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ тому, чтобы предупредить такое столкновеніе, но напро-

тивъ и т. д... Погрома, которымъ заполнены всѣ страницы отчета въ окончательномъ выводѣ вовсе не оказывается; мѣсто его занимаетъ «столкновеніе». Да и столкновеніе не первоначальный фактъ, а производный. Основной фактъ это—шествіе по улицамъ революціонныхъ скопищъ, оскорблявшихъ верховную власть, національное чувство и т. д. По существу дѣла, не формально, а по содержанію дѣянія, Нейдгартъ оказывается, въ концѣ концовъ, повиннымъ въ томъ, что онъ не проявилъ надлежащей распорядительности въ борьбѣ съ крамолой. Только опершись на этотъ твердый базисъ, сен. Кузминскій могъ предложить сенату привлечь градоначальника къ отвѣтственности, формально, по 2 ч. 341 ст. И *это* обвиненіе, обвиненіе въ отсутствіи распорядительности и энергіи въ борьбѣ, съ крамолой, Нейдгартъ блестяще опровергъ въ своемъ объясненіи, представленномъ Кузьминскому. Такъ, онъ въ параграфѣ «о бездѣйствіи власти *18* октября» указываетъ не то, что имѣвшая мѣсто *16* октября попытка открытаго сопротивленія властямъ, выразившаяся въ устройствѣ баррикадъ, была подавлена самымъ рѣшительнымъ образомъ»; и въ результатѣ этихъ рѣшительныхъ дѣйствій «оказалось около 80 раненыхъ и 9 убитыхъ». Что же касается 18 и слѣдующихъ дней, то власть находилась въ это время въ особо трудномъ положеніи, такъ какъ «приходилось немедленно принять мѣры пресѣченія, а какъ согласовать ихъ съ новыми способами успокоенія, предложенными гр. Витте?». «Рѣшать приходилось трудную задачу,— продолжаетъ обвиняемый, — *но ее рѣшилъ русскій народъ, собравшійся для патріотическихъ манифестацій*» (стр. 211). Эти доводы не убѣдили Кузьминскаго, но убѣдили, повидимому, сенатъ, не нашедшій состава преступленія въ дѣяніяхъ Нейдгарта.

Почему въ Россіи, и только въ Россіи, сталъ заурядным явленіемъ «погромъ», почему кровавая анархія, носящая это названіе, становится у насъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—дѣломъ организованныхъ силъ государства,—это изъ сенаторскихъ отчетовъ видно гораздо яснѣе, чѣмъ это казалось ихъ авторамъ. Пока всякое преступленіе носителя власти, какъ бы велико оно ни было, будетъ признаваться таковымъ лишь тогда и лишь настолько, когда и по-

сколько въ немъ будетъ усмотрѣно упущеніе въ борьбѣ съ крамолой; пока всякое преступленіе будетъ считаться доблестью, разъ преступникъ сумѣетъ прикрыть себя высшей властью,—до тѣхъ поръ наши администраторы и военные начальники будутъ отъ времени до времени водить полицейскія и военныя силы страны, подъ національнымъ флагомъ, и при крикахъ «Боже Царя Храни», на разгромъ родныхъ городовъ; до тѣхъ поръ русская земля не перестанетъ пятнаться кровью стариковъ и младенцевъ. Ясные сами по себѣ, сенаторскіе отчеты становятся особенно вразумительными, послѣ тѣхъ комментаріевъ, которые сдѣлала къ нимъ жизнь. Въ дѣяніяхъ Нейдгарта не найдено состава преступленія; преслѣдованіе противъ кіевскаго полицеймейстера Цихоцкаго прекращено, и онъ назначенъ на новую должность; гр. Подгоричани—Петровичъ, снабдившій гомельскихъ громилъ печатнымъ станкомъ и револьверами, переведенъ на новое мѣсто; подполковникъ Тихановскій, герой Сѣдлеца, получилъ благодарность отъ начальства; Комиссаровъ, печатавшій въ тайникахъ департамента полиціи воззванія въ погромамъ, получилъ повышеніе по службѣ; а Дубровинъ, черезъ посредство котораго, эти воззванія, по словамъ А. А. Лопухина, распространялись,—какими милостями онъ взысканъ!

Правительство и контръ-Революція [1]).

Сравнительно слабое еще въ срединѣ 90-хъ годовъ общественное движеніе начало усиленно расти въ послѣднія 6—7 лѣтъ и достигло особаго напряженія въ періодъ 1902—4 годовъ, т. е. въ то именно время, когда принимались особенно энергичныя мѣры къ полному его подавленію. Не находя себѣ законныхъ формъ, дѣятельность общества поневолѣ выливалась въ незаконныя; при этомъ одна часть ограничивалась осторожными выраженіями недовольства существующимъ строемъ, другая—всячески поддерживала противоправительственныя движенія и снабжала ихъ матеріальными средствами, и, наконецъ, третья, наиболѣе энергичная и смѣлая, сама принимала въ нихъ активное участіе. Противоправительственная агитація почти не встрѣчала противодѣйствія въ обществѣ. Происходило это отчасти потому, что даже лица,

---

[1]) По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ печатаемая записка составлена была лицомъ, оставшимся намъ неизвѣстнымъ, по порученію графа Витте въ ноябрѣ 1905 г. Записка, составленная, какъ видно изъ текста, по документамъ Департамента Полиціи, имѣла, повидимому, цѣлью доставить матеріалъ для возможности успѣшной борьбы съ генераломъ Д. Треповымъ и кругомъ лицъ, его поддерживавшихъ. Использована, однако, эта записка, насколько намъ извѣстно, не была. Мы печатаемъ ее съ черновика, сохраняя всѣ недомолвки, повторенія и т. д. рукописи. Заглавіе запискѣ дано нами.

принципіально ей не сочувствующія, не считали себя вправѣ выступать противъ нея, находя, что при существовавшемъ тогда положеніи борьба можетъ происходить только въ слишкомъ неравныхъ условіяхъ, а именно: въ то время какъ одна сторона—за правительство—имѣетъ право все говорить открыто и безбоязненно, другая—противъ правительства — рискуетъ подвергнуться самому строгому наказанію, вплоть до лишенія свободы на многіе годы, за одно неосторожное слово или за самый фактъ обнаруженія своего образа мыслей. Невозможность вести борьбу при столь неравныхъ условіяхъ заставляла молчать лучшую часть благонамѣреннаго общества, худшая же его часть своею нетактичностью, а иногда и недостаточною разборчивостью въ пріемахъ борьбы, только дискредитировала дѣло правительства *въ глазахъ общества.*

Объявленіе войны съ Японіей и крайне неудачное ея теченіе еще болѣе обострили антагонизмъ между правительствомъ и обществомъ. Послѣднее не понимало причинъ и смысла этой войны, видѣло въ ней только ненужную и опасную политическую авантюру и объясняло себѣ ея возникновеніе не государственными нуждами, а своекорыстными стремленіями небольшой, но вліятельной группы лицъ, имена которыхъ открыто назывались; получавшіяся съ войны извѣстія единогласно говорили о полной нашей неподготовленности къ войнѣ и неблагоустройствѣ важнѣйшихъ отраслей управленія—арміи, флота, путей сообщенія. Въ то же время естественное, благодаря войнѣ, стремленіе познакомиться со своимъ противникомъ показало, какъ *небольшая* Японія, сорокъ лѣтъ тому назадъ полуварварская страна, благодаря правильному ходу государственной жизни, достигла высокой степени культурнаго развитія и теперь побѣждаетъ Россію. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ 1904 г. настроеніе общества отнюдь не было еще революціоннымъ, и передовые его классы (постановленіе перваго земскаго съѣзда 6—8 ноября 1904 г.) заявляли только, что „правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ“, и что „для созданія и

сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи", причемъ меньшинство находило даже это мнѣніе слишкомъ крайнимъ и готово было удовлетвориться однимъ участіемъ народнаго представительства въ законодательствѣ.

Правительство, въ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату 12 декабря 1904 г. высказало свое согласіе съ критической частью постановленія земскаго съѣзда и признало, что (въ числѣ прочихъ подлежатъ коренной переработкѣ вопросы объ охраненіи полной силы закона о земскихъ учрежденіяхъ, объ устройствѣ судебной части, о мѣрахъ по охраненію государственнаго спокойствія, о правахъ инородцевъ, объ устраненіи излишнихъ стѣсненій печати, о государственномъ страхованіи рабочихъ,— иными словами,—почти всѣ важнѣйшія стороны государственной жизни имѣютъ быть пересмотрѣны и обновлены), но въ самый день опубликованія этого указа оно рѣшительно отвергло ходатайство о привлеченіи общественныхъ силъ къ дѣлу управленія государствомъ (Правит. сообщеніе отъ 14 декабря 1904 г.). Передовые классы общества остались глубоко неудовлетворенными, но, будучи лишены прямыхъ способовъ воздѣйствія на правительство, выражали свое недовольство только въ рядѣ политическихъ банкетовъ и резолюцій, а болѣе энергичныя лица — въ усиленной пропагандѣ въ рабочей и крестьянской средѣ. Почва для такой пропаганды, въ особенности среди рабочихъ промышленныхъ предпріятій и желѣзныхъ дорогъ, оказалась крайне благопріятной. Съ одной стороны, чрезвычайно тяжелое экономическое положеніе рабочихъ стало еще тяжелѣе за время войны въ виду естественнаго въ такіе періоды сокращенія дѣятельности многихъ промышленныхъ предпріятій, съ другой

же, интересъ къ войнѣ заставилъ рабочихъ интересоваться повременною печатью во много разъ больше, чѣмъ прежде, и изъ нея узнавать о нашихъ неудачахъ и причинахъ этихъ неудачъ. Къ этому присоединялось вліяніе той революціонной агитаціи, которая велась во многихъ мѣстахъ имперіи (съ особою силою въ С.-Петербургѣ), въ значительной мѣрѣ за счетъ и подъ покровительствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Послѣднее, чтобы создать противодѣйствіе революціонной агитаціи противоправительственныхъ партій, рѣшило взять революціонную агитацію въ свои руки, въ надеждѣ, что такимъ образомъ ему удастся направлять ее сообразно видамъ правительства. Съ этой цѣлью основанные охранными отдѣленіями въ разныхъ городахъ союзы *рабочихъ* устраивали для рабочихъ публичныя чтенія по экономическимъ и политическимъ вопросамъ, собирали деньги на стачки (стачечный фондъ), организовывали процессіи рабочихъ (въ Москвѣ—до 50.000 человѣкъ) и стачки на заводахъ. Наиболѣе крайніе и сознательно-революціонные элементы среди рабочихъ или держались въ сторонѣ отъ этихъ полицейскихъ организацій, или наоборотъ, шли въ нихъ для того, чтобы подъ ихъ покровомъ поддерживать и возбуждать броженіе въ рабочихъ массахъ. Послѣднее случилось въ Петербургѣ, гдѣ во главѣ такой организаціи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ поставленъ свящ. Георгій Гапонъ. Результатомъ этого явилась сперва громадная стачка на петербургскихъ заводахъ, а затѣмъ извѣстныя событія 9 января 1905 г., послѣ которыхъ началась еще болѣе крупная забастовка рабочихъ въ Петербургѣ, осложнившаяся къ тому же забастовкой рабочихъ и низшихъ служащихъ на многихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Забастовка служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ въ началѣ 1905 года отнюдь не имѣла революціонной подкладки. Это видно не только изъ содержанія подававшихся въ то время петицій, весьма почтительныхъ по тону и совершенно не содержащихъ въ себѣ требованій политическаго характера, но и изъ донесеній управляющихъ дорогами; такъ, напр., управляющій рязанско-уральской жел. дор. (въ началѣ января 1905 г.) доноситъ министру путей сообщенія: „Многочисленныя стачки не только рабочихъ, но также

и другихъ служащихъ въ разныхъ учрежденіяхъ и даже учащейся молодежи,—зиждутся, безъ сомнѣнія, на общихъ условіяхъ, лежащихъ въ основаніи нашей государственной жизни. Эти общія причины въ разсматриваемомъ явленіи могли вліять только на меньшую часть лицъ, примкнувшихъ къ стачкѣ, и на ихъ руководителей, большая же часть участниковъ, почти вся масса болѣе простыхъ рабочихъ легко примкнула къ этому движенію благодаря условіямъ своего существованія. Поскольку это касается желѣзнодорожныхъ служащихъ, то нельзя не признать, что громадная масса ихъ находится въ экономическомъ отношеніи въ условіяхъ мало благопріятныхъ". Общее присутствіе сызрано-вяземской жел. дор. (1 апрѣля 1905 г.) „нашло необходимымъ признать, что въ улучшеніи общаго быта и содержанія нуждаются въ равной мѣрѣ служащіе всей дороги, такъ какъ жизнь за послѣдніе годы сильно усложнилась и вздорожала, по каковой причинѣ и требуетъ улучшенія жизненныхъ условій одинаково по всей линіи". Такого же рода свѣдѣнія получались почти безъ исключенія со всѣхъ дорогъ, какъ казенныхъ, такъ и принадлежащихъ частнымъ обществамъ.

Практическимъ результатомъ *вышеуказанныхъ событій* (январьскихъ забастовокъ) для рабочихъ вообще было объявленіе по высочайшему повелѣнію, министра финансовъ и спб. генералъ-губернатора, которымъ рабочимъ сообщалось, что „министерство финансовъ готово приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ". Желѣзнодорожные же рабочіе получили нѣсколько льготъ, главнымъ образомъ въ области заработной платы, при чемъ по большинству заявленныхъ рабочими ходатайствъ, какъ требовавшихъ особой разработки, или учрежденія высшихъ органовъ управленія, рабочимъ было обѣщано въ полной мѣрѣ или въ части удовлетвореніе въ возможно скоромъ времени. Впослѣдствіи эти обѣщанія послужили поводомъ къ новымъ безпорядкамъ на желѣзнодорожной сѣти.

Событія 9 января въ Петербургѣ и забастовки рабочихъ на

фабрикахъ и жел. дорогахъ вызвали сильное движеніе во всѣхъ слояхъ общества. Наиболѣе рѣшительно объявили себя на сторонѣ рабочихъ студенты высшихъ учебныхъ заведеній, въ средѣ которыхъ политическое броженіе поддерживалось не прекращавшимися въ послѣдніе годы безпорядками. Безпорядки эти возникли сперва на чисто мѣстной почвѣ—недовольства университетскимъ уставомъ, но въ 1899 г., послѣ избіенія студентовъ, расходившихся съ торжественнаго акта въ университетѣ въ СПБ., студенты выставили требованіе обезпеченія имъ неприкосновенности личности и поддержали свое требованіе забастовкой почти всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи. Опубликованіе временныхъ правилъ, согласно которымъ студенты, за участіе въ забастовкѣ, могли быть отдаваемы въ солдаты, вызвало въ 1901 и 1902 гг. еще болѣе сильное движеніе на почвѣ протеста противъ этихъ временныхъ правилъ, при чемъ это движеніе приняло уже революціонныя формы (демонстрація на Казанской площ.), послѣ чего означенныя временныя правила были отмѣнены. Несмотря на это, броженіе не только не ослабѣвало, но все болѣе усиливалось, такъ какъ не были устранены основныя причины студенческихъ волненій,—несовершенство и устарѣлость уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній и искусственно созданное разъединеніе между профессорами и студентами, не позволявшее первымъ оказывать какое бы то ни было вліяніе на вторыхъ. Такія волненія продолжались въ очень рѣзкой формѣ въ теченіе всего 1903 и 1904 гг. (въ технологическомъ институтѣ въ Харьковѣ, въ горномъ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ), создавая, какъ въ средѣ студентовъ, такъ и у профессоровъ, все болѣе оппозиціонное настроеніе, и, наконецъ, въ концѣ 1904 г. верхъ среди студентовъ начали брать крайнія партіи. Результатомъ этого явилась революціонная демонстрація студентовъ у Казанскаго собора (28 ноября 1904 г.) съ флагами: „долой войну“ и „долой самодержавіе“. Январьскія событія *по всей странѣ* довели такое настроеніе студенчества до крайней степени напряженія, и потому, признавая, что при такомъ состояніи духа никакія занятія невозможны, студенты постановили закрыть учебныя заведенія. Поста-

новленіе это было выполнено повсемѣстно, при чемъ студенты встрѣтили полное сочувствіе и со стороны своихъ профессоровъ. Въ средѣ послѣднихъ особенно сильное движеніе началось уже въ 1904 г., а съ января 1905 г. была составлена и подписана нѣсколькими стами представителей ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній записка о современномъ положеніи и нуждахъ русской школы. Указавъ на несовершенство постановки учебнаго дѣла въ школахъ разныхъ типовъ, записка приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „нашъ школьный режимъ представляетъ собою общественное и государственное зло. Попирая авторитетъ науки и задерживая ея развитіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается безсильнымъ осуществить великія задачи просвѣщенія и обезпечить народу широкое развитіе его духовныхъ силъ... Угрожающее состояніе отечественнаго просвѣщенія не дозволяетъ намъ оставаться безучастными и вынуждаетъ насъ заявить наше глубокое убѣжденіе, что академическая свобода несовмѣстима съ современнымъ государственнымъ строемъ Россіи. Для достиженія ея недостаточны частичныя поправки существующаго порядка, а необходимо полное и коренное его преобразованіе. Въ настоящее время такое преобразованіе совершенно неотложно... Мы, дѣятели ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній, высказываемъ твердое убѣжденіе, что для блага страны необходимо установленіе незыблемаго начала законности и неразрывно съ нимъ связаннаго начала политической свободы. Опытъ исторіи свидѣтельствуетъ, что эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ привлеченія свободно избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи. Только на этихъ условіяхъ обезпеченной личной и общественной свободы можетъ быть достигнута свобода академическая, — это необходимое условіе истиннаго просвѣщенія“.

Еще болѣе, чѣмъ учебныя заведенія, взволновалась крупная промышленность, потрясенная войной и видѣвшая въ развитіи рабочихъ безпорядковъ свое полное разореніе.

Уже въ срединѣ января 1905 г. группа крупнѣйшихъ фабрикантовъ и заводчиковъ Москвы и Московскаго района писала въ

своей запискѣ, представленной предсѣдателю комитета министровъ „событія, переживаемыя Россіей въ послѣднее время, вызвали всеобщее движеніе культурныхъ элементовъ страны, захвативъ, въ концѣ концовъ, и рабочіе кадры, какъ болѣе отзывчивый классъ народной массы. Движеніе это обнаружило коренящееся внутри страны и въ ея населеніи глубокое недовольство существующимъ правопорядкомъ, уже долгое время таившееся въ немъ и невысказанное благодаря исключительнымъ мѣропріятіямъ, которыя предпринимались правящей бюрократіей, наложившей запреты и оковы на печать, слово, мысль, однимъ словомъ, на всѣ тѣ законные пути, при помощи которыхъ граждане, и въ томъ числѣ мы, промышленники, съ одной стороны, и рабочая сила, съ другой, свободно могли бы заявлять о своихъ нуждахъ и желаніяхъ". Затѣмъ, записка указываетъ на искусственно поддерживавшееся невѣжество русскаго народа. „Безъ ошибки можно сказать, что русская народная масса, со времени освободительной эпохи Александра II почти не подвинулась впередъ въ отношеніи культурномъ, но зато въ ней выросъ глухой протестъ противъ всего того, что ее гнететъ и давитъ, что оскорбляетъ ея достоинство и честь, что отдаляетъ отъ другихъ сословій созданіемъ для нея особыхъ судовъ и особой администраціи и что не даетъ ей никакихъ законныхъ способовъ требовать и достигать лучшихъ условій своего быта. Къ сожалѣнію, на русской промышленности тяжелыми ударами отзываются печальные результаты перечисленныхъ ненормальностей; русской промышленности часто приходится испытывать накопившееся неудовольствіе занятыхъ въ ней рабочихъ, которые, при прочномъ правовомъ порядкѣ, при равенствѣ всѣхъ предъ закономъ, при неотъемлемыхъ гарантіяхъ неприкосновенности личности, при свободѣ коалицій и союзовъ различныхъ группъ населенія, связанныхъ общностью интересовъ, могло бы вылиться въ спокойныя законныя формы борьбы, какъ это наблюдается въ западной Европѣ и Америкѣ, гдѣ отъ этого промышленность не только не пострадала, но достигла, наоборотъ, такого расцвѣта, котораго далеко еще не наблюдается въ Россіи... Настоящія рабочія волненія, хотя и построены на экономической

почвѣ, въ то же время являются крупнымъ политическимъ движеніемъ, связаннымъ съ общимъ настроеніемъ... Напрасно властвующая администрація приписываетъ всякое народное возмущеніе исключительно агитаціи лицъ, сѣющихъ смуту и непокорность. Слишкомъ очевидно, что на невспаханной нивѣ не взойдетъ никакое сѣмя, не примется никакое зерно. Рабочіе и крестьянскіе безпорядки, непрестанно разъѣдающіе русскую промышленность, нанося ей огромные убытки, и широкой волной охватывающіе то одинъ, то другой районъ обширной Россіи,—выражаясь часто въ грабежахъ, поджогахъ и насиліяхъ,—наивно объяснять воздѣйствіемъ революціонныхъ элементовъ. Нѣтъ, общее настроеніе государственной жизни, отсутствіе политическихъ правъ, отсутствіе гласнаго заступничества передъ престоломъ за народные интересы въ лицѣ свободно избранныхъ представителей изъ народа, отсутствіе другихъ прерогативъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность свободной личности въ свободномъ государствѣ—вотъ гдѣ слѣдуетъ искать главнѣйшей причины періодическихъ рабочихъ волненій". Въ виду этого, крупнѣйшіе промышленники Москвы и Московскаго района указываютъ, что настроеніе народныхъ массъ въ странѣ является грознымъ предостереженіемъ существующему режиму, что никакими репрессіями не остановить движенія, „имѣющаго глубокіе корни въ народѣ, съ каждымъ днемъ дающаго все новые и новые ростки", и что выходъ изъ этого положенія возможенъ лишь при установленіи элементарныхъ условій правового государства и привлеченіи народныхъ представителей къ участію въ законодательствѣ и обсужденіи бюджета.

Представленная около того же времени докладная записка фабрикантовъ и заводчиковъ центральнаго района, за подписью 47 промышленныхъ предпріятій, съ 125.000 рабочихъ, слѣдующимъ образомъ объясняетъ причины движенія въ январѣ 1905 г. „Обращаясь къ изслѣдованію этихъ причинъ, мы прежде всего наталкиваемся на то въ высшей степени характерное явленіе, что рабочіе, пріостановивъ работы подъ предлогомъ различныхъ недовольствъ экономическаго свойства, объединяются затѣмъ въ группы внѣ предѣловъ фабрикъ и предъявляютъ цѣлый рядъ

другихъ, но уже политическихъ требованій. Сознательно ли формулированы означенныя требованія или же они навѣяны сторонним вліяніемъ, это, по нашему убѣжденію, не имѣетъ особаго значенія, но, во всякомъ случаѣ, приходится констатировать, что они являются отголоскомъ накопившагося въ странѣ недовольства на почвѣ общаго правового положенія, каковое одинаково испытываютъ, какъ культурные элементы общества, такъ и народъ, съ наиболѣе отзывчивымъ его классомъ—рабочими". Въ виду этого, промышленники центральнаго района указываютъ на необходимость выполненія тѣхъ же по существу условій, что и промышленники московскіе. Къ тому же выводу приходятъ съѣздъ уральскихъ промышленниковъ и высочайше утвержденная совѣщательная контора желѣзо-заводчиковъ, изъ которыхъ послѣдняя является представительницей всей желѣзо-дѣлательной промышленности Россіи. Промышленники,—классъ у насъ, какъ и вездѣ, консервативный и боящійся всякихъ рѣзкихъ перемѣнъ, на этотъ разъ, въ лицѣ своихъ наиболѣе крупныхъ группъ, высказался именно за коренное измѣненіе государственнаго строя, и сдѣлалъ это, очевидно, потому что видѣлъ въ происходящихъ событіяхъ „грозное предостереженіе".

Весьма рѣшительно и почти единодушно высказались по поводу январьскихъ событій и органы земскаго и городского, а отчасти и *дворянскаго самоуправленія* (дворянскія сословія). Такъ, нижегородское губернское земское собраніе, большинствомъ 45 голосовъ противъ двухъ, приняло обращеніе на имя министра внутреннихъ дѣлъ, князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго, заканчивавшееся слѣдующимъ образомъ: „внутреннія нестроенія русской земли велики, чреваты осложненіями, требующими отъ всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества смѣлаго слова и дружной работы для устроенія государства. При широкомъ, правдивомъ изложеніи своихъ убѣжденій и нуждъ со стороны самихъ представителей народа, высочайшія предначертанія будутъ надежно обезпечены въ своемъ жизненномъ осуществленіи. Всегда вѣрное долгу присяги, нижегородское губернское земское собраніе считаетъ своею гражданскою обязанностью ходатайствовать черезъ посредство

вашего сіятельства предъ его императорскимъ величествомъ, дабы повелѣно было созвать на творческую работу, столь необходимую для внутренняго замиренія государства, свободно избранныхъ представителей народа". Бессарабское губернское дворянское собраніе въ своемъ всеподданнѣйшемъ адресѣ, между прочимъ, писало: „внѣшнія затрудненія и внутреннія, охватившія всю страну, велики и тягостны для всякаго, кому дороги слава и величіе царскаго престола и Россіи. Государь, призовите свободно избранныхъ представителей дворянства и всей земли русской сказать свое правдивое слово". Такія же или аналогичныя имъ заявленія поступали въ различныя высшія правительственныя установленія со всѣхъ концовъ имперіи.

Въ это же время заканчивается усиленное объединеніе на почвѣ политическаго протеста разныхъ общественныхъ группъ. Это объединеніе началось еще въ концѣ 1904 г. на устраивавшихся въ то время, по разнымъ поводамъ, товарищескихъ обѣдахъ и банкетахъ адвокатовъ, инженеровъ и др., гдѣ обсуждалось, главнымъ образомъ, современное положеніе Россіи. Результаты этихъ обсужденій вылились въ рядѣ записокъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляетъ записка инженеровъ, покрытая тысячами подписей. „Грозныя событія послѣднихъ дней", — говоритъ эта записка,—„создавшія тягостныя, невыносимыя условія для насъ, инженеровъ и техниковъ, работниковъ на разныхъ поприщахъ промышленности, заставляютъ насъ открыто высказать наше мнѣніе... Причина частыхъ за послѣдніе годы потрясеній нашей промышленности бурными взрывами рабочихъ движеній лежитъ не въ агитаціи, такъ называемыхъ, революціонеровъ, и, конечно, уже не въ иноземномъ воздѣйствіи, а въ коренномъ и ясно сознаваемомъ всѣми мыслящими гражданами неустройствѣ нашей государственной жизни. Мы опасаемся, что отечественная промышленность, нынѣ и безъ того находящаяся въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, можетъ быть поставлена въ безвыходное положеніе, при которомъ участіе въ ней капитала и интеллигентнаго труда сдѣлается совершенно невозможнымъ.

Рабочему населенію должна быть открыта возможность на законной почвѣ самостоятельно отстаивать свои интересы. На томъ уровнѣ развитія, котораго достигла русская промышленность, мѣры бюрократическаго попеченія уже не въ силахъ вносить успокоеніе въ умы: напротивъ, своими постоянными колебаніями, то въ направленіи односторонней защиты предпринимателя, то въ сторону показной поддержки рабочихъ, онѣ порождаютъ во всѣхъ слояхъ промышленнаго населенія неувѣренность и раздраженіе. Удовлетвореніе же основного требованія рабочаго класса путемъ дарованія широкой свободы союзовъ и собраній предполагаетъ проведеніе въ жизнь началъ обще-гражданской политической свободы".

Уже самый фактъ подписанія такихъ записокъ до извѣстной степени объединилъ дѣятелей отдѣльныхъ спеціальностей (инженеровъ, адвокатовъ, профессоровъ и т. д.), указавъ каждому изъ нихъ его единомышленниковъ, а необходимость дѣйствовать солидарно — прежде всего въ виду возможныхъ преслѣдованій со стороны администраціи,—заставила подписавшихъ записки лицъ сдѣлать слѣдующій шагъ по пути взаимнаго объединенія и образовать политическіе союзы—инженеровъ, адвокатовъ и т. п. Всѣ эти союзы образовывались безъ всякаго разрѣшенія, но дѣйствовали вполнѣ открыто, не только не скрывая своихъ постановленій и списка своихъ членовъ, но всячески ихъ распространяя въ обществѣ. Такой смѣлый, до сихъ поръ невиданный у насъ, образъ дѣйствій, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ союзовъ стали пользующіеся большимъ уваженіемъ общественные дѣятели, сразу заставилъ смотрѣть на союзы, какъ на новую, но крупную общественную силу. Политическая программа или, какъ ее называютъ въ самыхъ союзахъ заимствованнымъ изъ англійской практики терминомъ—платформа почти всѣхъ союзовъ одинакова.

Наконецъ, въ томъ же направленіи дѣйствовали и ученыя общества. Такъ, 14 января 1905 г. состоялось засѣданіе императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства. На этомъ засѣданіи состоялось постановленіе съ выраженіемъ протеста пра-

вительству за мѣры, принятыя при подавленіи рабочихъ волненій въ С.-Петербургѣ 9 января, и съ требованіемъ призыва народныхъ представителей. Это постановленіе было вскорѣ отпечатано съ цѣлью распространенія въ обществѣ. По всеподданнѣйшему докладу министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ этомъ постановленіи московскаго общества сельскаго хозяйства государю императору благоугодно было высочайше повелѣть соизволить лишить общество права именоваться императорскимъ, каковое обстоятельство придало еще большую извѣстность постановленію названнаго общества.

Такимъ образомъ, всѣ слои интеллигенціи, какъ городской такъ и земельной, не исключая даже такихъ обычно-консервативныхъ группъ, какъ дворянство и крупная промышленность, единогласно высказались за неотложность реформъ въ духѣ дарованія странѣ обще-гражданской свободы и привлеченія къ управленію страной представителей отъ населенія.

Что касается рабочихъ, то послѣ нѣсколькихъ дней волненій и забастовокъ, они къ серединѣ января стали опять на работы Ясно было, однако, что отъ такого начала работъ далеко еще до полнаго успокоенія, и что рабочіе ждутъ только удобнаго случая и того момента, когда они съ большими шансами на успѣхъ смогутъ вновь вступить на борьбу. Въ виду этого, 29 января 1905 г. государемъ императоромъ было высочайше повелѣно образовать подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Шидловскаго особую комиссію для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ г. Петербургѣ и его пригородахъ, и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ. Комиссія эта должна была состоять изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, назначаемыхъ по соглашенію предсѣдателя комиссіи съ подлежащими министрами, представителей промышленниковъ, по ихъ выбору, и рабочихъ, по избранію самихъ рабочихъ.

Рабочіе сперва охотно начали производить выборы депутатовъ въ комиссію, но объявленіе предсѣдателя комиссіи о томъ, что „никто изъ избранныхъ въ комиссію представителей рабочихъ

не подвергнется преслѣдованію за откровенность въ дѣловыхъ сужденіяхъ", въ виду крайней неопредѣленности понятія „дѣловое сужденіе"—навело рабочихъ на мысль, что въ самомъ учрежденіи комиссіи кроется какая-то, пока еще непонятная имъ, ловушка. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что крайнія партіи усиленно агитировали противъ участія рабочихъ въ комиссіи. Сперва эта агитація была, однако, почти безуспѣшна, но когда безъ всякаго, съ ихъ стороны, повода, по распоряженію петербургскаго генералъ-губернатора, выбранные на нѣкоторыхъ заводахъ (Балтійскомъ) депутаты были арестованы, а на другихъ (Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ) уволены со службы, рабочіе единодушно возмутились и заявили, что они только въ томъ случаѣ могутъ приступить къ избранію своихъ представителей, если имъ будетъ дана возможность вполнѣ свободно обсудить свои нужды и гарантирована полная неприкосновенность, какъ самихъ рабочихъ, такъ и ихъ представителей. Въ отвѣтъ на это, предсѣдателемъ комиссіи было объявлено, что многія изъ требованій рабочихъ не могутъ подлежать удовлетворенію, такъ какъ выходятъ изъ предѣловъ возложенной на комиссію задачи и полномочій ея предсѣдателя. Ознакомившись съ этимъ постановленіемъ, рабочіе отказались отъ производства выборовъ, вслѣдствіе чего комиссія была закрыта. Вслѣдъ за симъ была учреждена новая комиссія по рабочему вопросу подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря В. Н. Коковцева, но уже безъ представителей отъ рабочихъ. Комиссія эта начала свои засѣданія только въ маѣ, рабочіе о ея дѣятельности ничего не знали и ею не интересовались, и видѣли только, что когда они волновались, о нихъ думали и давали имъ всяческія обѣщанія, а какъ только они успокоились, *перестало о нихъ думать* и правительство. *Это обстоятельство получило* затѣмъ чрезвычайно важное вліяніе на весь ходъ рабочаго движенія во второй половинѣ года.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что въ первые мѣсяцы 1905 года настроеніе всѣхъ слоевъ русскаго народа отличалось большимъ единодушіемъ и выражалось въ почти единогласномъ требованіи установленія въ странѣ началъ граждан-

скаго правопорядка и свободы и призыва къ участію въ управленіи *страною* народныхъ представителей. При этомъ громадное большинство общества и рабочихъ ждало проведенія этихъ реформъ отъ правительства и видѣло до извѣстной степени доказательство готовности правительства сдѣлать это въ высочайшемъ указѣ 12 декабря 1904 г. Дѣйствія высшей администраціи, въ связи съ комиссіей, позволили на одинъ моментъ крайнимъ партіямъ взять верхъ въ рабочей массѣ, но большинство рабочихъ, даже послѣ этого, было настроено довольно миролюбиво. При столь благопріятныхъ, сравнительно, обстоятельствахъ были опубликованы историческіе акты 18 февраля 1905 г.

Наиболѣе обратилъ вниманіе общества, конечно, высочайшій рескриптъ, данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ государь императоръ соблаговолилъ указать: „Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божьей помощью, привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей, къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній". Общество поняло глубокое значеніе этихъ словъ: „18 февраля 1905 г. навсегда останется памятнымъ днемъ въ нашей государственной жизни"—писалъ вліятельный журналъ „Право", нынѣ главный органъ конституціонно-демократической партіи,—„какъ бы ни смотрѣть на тѣ послѣдствія, которыя объявленіе о созывѣ народныхъ представителей повлечетъ за собою, день этотъ составитъ поворотный пунктъ въ нашей исторіи. Высочайшій рескриптъ 18 февраля—та дверь, за которой рисуются перспективы свѣтлаго будущаго". Рескриптъ былъ встрѣченъ очень сочувственно, но въ то же время общество было смущено своимъ полнымъ непониманіемъ дѣйствительныхъ намѣреній правительства. Рескриптъ былъ опубликованъ вечеромъ 19 февраля, а утромъ того же дня высочайшимъ манифестомъ было, между прочимъ, объявлено: „ослѣпленные гордынею злоумышленные вожди мятежнаго движенія дерзновенно посягаютъ на освященные православною церковью и утвержденные законами основные устои государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государ-

ственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною на началахъ, отечеству несвойственныхъ", и далѣе: „мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствіи Намъ словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ землѣ нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней". Общество находило глубокое противорѣчіе между этими двумя актами, полагая, что если правительство считаетъ многократныя заявленія народа объ установленіи въ странѣ гражданскаго правопорядка и о призывѣ къ участію въ управленіи государствомъ народныхъ представителей крамолой и проявленіями смуты внутренней, то и высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ будетъ осуществленъ не такъ, какъ того желаетъ и ожидаетъ общество.

Всего болѣе, однако, тревожило общество то обстоятельство, что, несмотря на выраженное въ высочайшемъ рескриптѣ твердое намѣреніе правительства призвать народныхъ представителей, всѣ другія желанія народа и общества объ установленіи началъ гражданской свободы и правопорядка въ странѣ остались совершенно неудовлетворенными, и дѣйствія администраціи послѣ опубликованія рескрипта остались такими же, какими они были и до него. Отклонены были и всѣ ходатайства общественныхъ организацій (земствъ и городовъ) о привлеченіи ихъ представителей къ разработкѣ закона о созывѣ народныхъ представителей; работы гофмейстера Булыгина были облечены глубокой тайной, самый же созывъ народныхъ представителей, повидимому, отдалялся на очень долгій срокъ. 18 марта появилось первое правительственное сообщеніе о ходѣ работъ состоявшаго подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина особаго совѣщанія, въ каковомъ сообщеніи указывалось на сложность предстоящихъ совѣщанію работъ, и объявлялось, что при избранной совѣщаніемъ постановкѣ дѣла, всѣ подготовительныя работы могли бы быть закончены не долѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, т. е. въ маѣ или іюнѣ; затѣмъ, основанія эти будутъ обсуждены въ совѣтѣ министровъ,

далѣе, дѣло перейдетъ въ государственный совѣтъ, такъ что, какъ указывала газета „Новое Время“ (это указаніе считалось исходящимъ изъ оффиціальныхъ сферъ), самый созывъ народныхъ избранниковъ можетъ послѣдовать не ранѣе лѣта 1906 г. или даже, что гораздо вѣроятнѣе, не ранѣе осени будущаго года. „Въ эти полтора года жизнь не будетъ стоять на мѣстѣ“, — писалъ журналъ „Право“ 27 марта 1905 г., „теперь, какъ мы уже говорили, идетъ вѣдь вихрь событій, который каждую минуту грозитъ перейти въ настоящій ураганъ. Настроеніе таково, что малѣйшій толчокъ, отъ котораго нельзя уберечься при нынѣшнихъ условіяхъ, вызываетъ ужасные взрывы, гулъ которыхъ раскатывается по всей странѣ“.

Въ то же время произошелъ рядъ событій, естественно волновавшій общество. Еще въ началѣ февраля имѣло мѣсто въ Баку огромное избіеніе армянъ татарами, подавшее поводъ обвинять мѣстныя власти если не въ самой организаціи этого избіенія, то въ умышленномъ попустительствѣ и непротиводѣйствіи ему. Вслѣдъ затѣмъ произошелъ рядъ избіеній учащихся, какъ студентовъ, такъ и гимназистовъ, часто 10—12-лѣтнихъ дѣтей, полиціей и городской чернью, почти не скрывавшей, что она дѣйствуетъ по указаніямъ полиціи; такія избіенія имѣли мѣсто въ Курскѣ, Казани, Псковѣ, Москвѣ, Тамбовѣ и др. городахъ. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безпорядки были организованы простыми грабителями, и не имѣя никакой политической подкладки, были направлены только противъ жизни и имущества мирныхъ гражданъ, полиція и мѣстныя власти, какъ это было, напримѣръ, въ Ялтѣ, *оказывались* совершенно безсильными помѣшать грабителямъ, во власти которыхъ оказывались, благодаря этому, цѣлые города. Всѣ эти обстоятельства приводили въ смущеніе ту благонамѣренную часть общества, которая, сознавая необходимость преобразованія государственнаго порядка для устраненія столь ярко проявившагося настроенія страны, полагала, что выполнить это преобразованіе надлежитъ правительству, а отнюдь не революціоннымъ группамъ, бывшимъ въ это время все еще

Библиотека ИМЭЛ

въ несомнѣнномъ меньшинствѣ. Эта благонамѣренная часть общества не могла уже, однако, твердо отстаивать свои убѣжденія, какъ она это дѣлала до 18 февраля, потому что въ высочайшемъ рескриптѣ 18 февраля правительство сдѣлало то, что тогда считали максимумомъ уступокъ общественному мнѣнію, а между тѣмъ не только ничего не было предпринято для успокоенія общественнаго движенія въ странѣ, путемъ дарованія населенію правъ гражданской свободы, но еще болѣе увеличенъ административный гнетъ. Въ то же время крайнія партіи, которыя съ самаго начала утверждали, что правительство по своей волѣ ничего народу не дастъ и что только силой можно у него взять гражданскія права, указывали на то, что самый высочайшій рескриптъ 18 февраля явился результатомъ грандіознаго рабочаго движенія въ январѣ и февралѣ 1905 г., и что, какъ только это движеніе прекратилось, правительство опять пошло по старому пути воздѣйствія, исключительно путемъ репрессій. При этомъ крайнія партіи утверждали, что созывъ народныхъ представителей или совсѣмъ не состоится, или, если состоится, то народные представители будутъ поставлены въ такое положеніе, при которомъ они будутъ безсильны что-либо сдѣлать для избравшаго ихъ народа и станутъ только совѣщательной канцеляріей при государственномъ совѣтѣ.

Къ этому же времени стало выясняться, что и результаты работъ комитета министровъ по высочайшему указу 12 декабря 1904 года, на которые благонамѣренныя части населенія возлагали большія надежды, въ наиболѣе важныхъ своихъ частяхъ не оправдали этихъ надеждъ. По важнѣйшему пункту этого указа — объ охраненіи полной силы закона — онъ былъ разсмотрѣнъ комитетомъ; комитетъ выразилъ убѣжденіе, что „сознаніе святости и ненарушимости закона можетъ укрѣпиться въ населеніи только наряду съ увѣренностью въ твердости положенныхъ въ законодательство началъ... Поэтому выполненіе предуказанія его величества можетъ быть обезпечено неуклоннымъ соблюденіемъ законнаго порядка въ дѣлѣ составленія

законовъ"; а въ то же время нѣкоторые важные законодательные акты, какъ, напримѣръ, учрежденіе намѣстничества на Кавказѣ, были проведены внѣ обычнаго законодательнаго порядка. Комитетъ министровъ указалъ на глубокое несовершенство законовъ о печати и цензурѣ, но положеніе печати ничѣмъ облегчено не было. Комитетъ министровъ имѣлъ сужденіе о чрезмѣрномъ распространеніи положенія объ усиленной охранѣ, не вызываемомъ необходимостью, и о неприспособленности этой мѣры, стѣснительной для мирныхъ обывателей, для борьбы съ крамолой, но положеніе объ усиленной охранѣ нигдѣ снято не было, а вскорѣ даже въ значительной мѣрѣ распространено. Только по вопросу вѣротерпимости была, на основаніи указа 12 декабря 1905 г., произведена коренная реформа въ дѣйствующемъ законодательствѣ, и хотя на мѣстахъ высочайшій указъ примѣнялся не всегда согласно его основнымъ началамъ, тѣмъ не менѣе важныя и дотолѣ недружелюбно настроенныя по отношенію къ правительству части населенія—раскольники и уніаты, ничѣмъ своего участія въ дальнѣйшемъ революціонномъ движеніи не проявили.

Извѣстные обществу факты русской жизни за мартъ и апрѣль 1905 г. (Медленность работъ комиссіи гофмейстера Булыгина, отсутствіе реальныхъ результатовъ работъ комитета министровъ по указу 12 декабря 1904 г. и рядъ событій внутренней жизни за первые мѣсяцы 1905 г.) несомнѣнно легче поддавались толкованію съ точки зрѣнія той, благонамѣренной части общества, которая ожидала водворенія гражданской свободы и правопорядка дѣйствіями правительства, и понемногу крайнія партіи начали брать верхъ, „жизнь начала лѣвѣть", по заявленію одного общественнаго дѣятеля.

Важную поддержку крайнія партіи нашли себѣ въ этотъ періодъ въ *движеніяхъ* рабочей и крестьянской массы.

Рабочее движеніе *въ концѣ декабря 1904 г. и въ особенности въ январѣ 1905 г.* охватило громадное большинство фабрично-заводскихъ предпріятій и почти всѣ желѣзныя дороги имперіи, при чемъ въ однихъ мѣстахъ рабочіе забастовали, а въ другихъ

ограничились только предъявленіемъ требованій—почти исключительно экономическаго характера. Только въ очень немногихъ случаяхъ эти требованія были сразу удовлетворены; въ большинствѣ же рабочимъ были даны только обѣщанія въ скорѣйшемъ времени подвергнуть ихъ требованія детальному разсмотрѣнію и по возможности ихъ удовлетворить. Къ сожалѣнію, въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ это не было выполнено ни на фабрикахъ, ни на заводахъ, ни на желѣзныхъ дорогахъ, какъ частныхъ, такъ равно и казенныхъ, что не могло само по себѣ не вызвать новаго движенія въ рабочей средѣ. Такъ, напр., завѣдующій главными мастерскими с.-петербургско-варшавской желѣзной дороги рапортомъ отъ 27 января 1905 г. доноситъ: „*Имѣю честь доложить Вамъ, что 26 сего января мастеровые и рабочіе ввѣренныхъ мнѣ мастерскихъ вновь прекратили работу, при чемъ явившіеся ко мнѣ депутаты отъ мастеровыхъ и рабочихъ заявили, что причиною забастовки служитъ неполученіе отвѣта на предложенныя ими требованія по слѣдующимъ вопросамъ:* 1) *о выборѣ старостъ для суда совѣсти,* 2) *о выборѣ старостъ въ комиссіи по расцѣнкѣ сдѣланныхъ работъ,* 3) *объ уплатѣ за время забастовки,* 4) *о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ*“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое замедленіе въ исполненіи данныхъ рабочимъ обѣщаній вызывалось дѣйствительной сложностью нужныхъ для этого работъ, но были и такіе случаи, когда это могло быть выполнено безъ труда и задержки, и мѣшала этому только совершенно непонятная медленность канцелярскаго дѣлопроизводства. Такъ, напримѣръ, рабочіе станціи „Баку“ закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ числѣ прочихъ требованій, указали на необходимость расширенія бакинской желѣзнодорожной бани, при чемъ, повидимому, очень дорожили выполненіемъ этого ихъ требованія. Настроеніе рабочихъ массъ въ Баку, со времени большихъ стачекъ на механическихъ заводахъ и нефтяныхъ промыслахъ въ этомъ городѣ, было вообще чрезвычайно тревожно, и управленіе дорогъ сознавало необходимость возможно осторожнаго отношенія къ требованіямъ своихъ рабочихъ, требованіе же

о расширеніи бани было легко выполнимо и сопряжено съ производствомъ совершенно незначительнаго расхода, о чемъ управленіе закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ и доносило рапортомъ отъ 14 января и телеграммой отъ 15 января 1905 г. въ управленіе желѣзныхъ дорогъ: „Предоставляя при семъ журнальное постановленіе совѣта по вопросу о расширеніи бакинской бани, ходатайствую о возможно поспѣшномъ утвержденіи этого постановленія. Важность утвердительнаго рѣшенія этого вопроса можно усмотрѣть въ рапортѣ отъ 14 января и въ телеграммѣ отъ 15 января 1905 г.“. Естественно, что, не получая удовлетворенія даже столь скромныхъ требованій, рабочіе приходили къ убѣжденію, что правительство преднамѣренно не желаетъ ничего для нихъ дѣлать, и начинали вновь волноваться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этому содѣйствовали и несоотвѣтственныя нуждамъ времени дѣйствія администраціи. Такъ, какъ видно изъ рапорта правленія московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги, въ управленіе желѣзныхъ дорогъ отъ 23 февраля 1905 г., за № 121, въ виндавскомъ портѣ броженіе среди рабочихъ началось съ первыхъ дней того года и усилилось, когда прошелъ слухъ о стачкахъ рабочихъ въ другихъ портахъ Балтійскаго моря. 17 января толпа рабочихъ, около 1.500 человѣкъ, предъявила рядъ требованій къ администраціи виндавскаго порта, при чемъ требованія эти коснулись, главнымъ образомъ, московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги, такъ какъ фактически портовыя работы почти исключительно сосредоточены на территоріи желѣзной дороги. Тѣмъ не менѣе, начальникъ порта, взявъ на себя иниціативу уладить этотъ вопросъ и образовавъ для этого особое совѣщаніе, не пригласилъ на него оффиціальнаго представителя желѣзной дороги. На этомъ совѣщаніи начальникомъ порта поденная плата, бывшая до того 80 коп., была повышена до 1 руб. 50 коп., безъ различія рода и трудности работы. Послѣ объявленія такого рѣшенія начальникомъ порта, рабочіе успокоились и стали на работы, но способъ производства работъ исключительно по поденному разсчету (на иной рабочіе болѣе не

соглашались), при столь высокой поденной платѣ, удорожилъ стоимость работъ въ коммерческомъ агентствѣ отъ 3 до 5 разъ, каковой расходъ не покрывался установленными сборами; объявленная же высокая поденная плата (почти вдвое выше прежней) вызвала наплывъ всякой рабочей силы, часто мало пригодной для работъ. Въ виду этого, коммерческое агентство дороги вынуждено было предъявить рабочимъ, чрезъ начальника порта, расцѣнку на производство впредь работъ по задѣльной платѣ, при чемъ по новой расцѣнкѣ рабочіе получили прибавку противъ прежнихъ (т. е. до первой забастовки) цѣнъ: на сдѣльныя работы отъ 20% до 25%, а на поденныя 25% (т. е. до 1 р. въ день). Рабочіе не поняли причинъ такого пониженія платы, которую они имѣли право считать установившейся навсегда, и опять забастовали, а когда часть рабочихъ стала на работы, другіе явились съ кольями и разогнали работавшихъ.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствія администраціи, какъ мѣстной, такъ и высшей, какъ бы наталкивали рабочихъ на превращеніе ихъ движенія изъ экономическаго въ политическое. Такъ, на средне-азіатской желѣзной дорогѣ, въ числѣ экономическихъ требованій, рабочими ташкентскихъ мастерскихъ было заявлено ходатайство о дарованіи свободы стачекъ и союзовъ. По поводу этого ходатайства управленіе желѣзныхъ дорогъ телеграфно сообщило 21 февраля 1905 г. начальнику средне-азіатской желѣзной дороги: „Ходатайство о свободѣ стачекъ и союзовъ разсмотрѣнію не подлежитъ“. Не входя въ разсмотрѣніе этого отвѣта по существу, слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что во второй половинѣ февраля, когда была послана эта телеграмма, правительствомъ уже было принципіально рѣшено даровать рабочимъ, какъ право стачекъ, такъ и право союзовъ, а потому указывать, что эти ходатайства разсмотрѣнію не подлежатъ, было совершенно неправильно. Кромѣ того, рабочіе ташкентскихъ мастерскихъ, несомнѣнно, знали объ объявленіи с.-петербургскаго генералъ-губернатора и министра финансовъ, въ которомъ рабочимъ возвѣщалось, что, съ соизволенія его император-

скаго величества, правительство готово приступить къ разработкѣ „такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ". Къ числу такихъ мѣръ, несомнѣнно, могли принадлежать рабочіе союзы и стачки, а потому отказъ отъ самаго разсмотрѣнія означенныхъ ходатайствъ могъ внушить рабочимъ, какъ это, повидимому, и было, мысль о томъ, что правительство сдѣлало свое обѣщаніе исключительно подъ давленіемъ происходившихъ въ то время безпорядковъ, но, какъ только эти безпорядки утихли, отнюдь не намѣрено приводить свои обѣщанія въ исполненіе, и что, слѣдовательно, только новыми безпорядками рабочіе могутъ добиться уже обѣщанныхъ имъ правъ.

Были, наконецъ, и такіе случаи, гдѣ совершенно неосмотрительныя и несправедливыя дѣйствія высшихъ мѣстныхъ властей сразу прекращали мирное экономическое движеніе въ политическое, съ выставленіемъ такихъ требованій, какъ неприкосновенность личности. Наиболѣе яркій изъ такихъ случаевъ имѣлъ мѣсто на сибирской желѣзной дорогѣ, гдѣ военныя обстоятельства вынуждали къ особой бдительности въ смыслѣ предупрежденія самой возможности возникновенія какихъ-либо безпорядковъ съ политической подкладкой. Нѣкій Решъ, служащій въ главной бухгалтеріи управленія сибирской дороги, подалъ начальнику дороги рапортъ, въ которомъ заявлялъ, что 12 его сослуживцевъ якобы принимали участіе въ бывшей въ Томскѣ противоправительственной демонстраціи. Копія этого рапорта, безъ вѣдома начальника дороги, была доставлена начальнику томскаго губернскаго жандармскаго управленія, а послѣднимъ командующему войсками, ген. Сухотину, который потребовалъ отъ начальника дороги немедленнаго увольненія означенныхъ въ рапортѣ Реша служащихъ главной бухгалтеріи и въ то же время воспретилъ имъ выходить на полосу отчужденія дороги. По ходатайству начальника дороги, командующій войсками постановилъ, однако, произвести дознаніе, порученное имъ генералу Калишевскому, каковое дознаніе выяснило полную невиновность уже наказанныхъ служащихъ. Но пока это разслѣдо-

ваніе было назначено, и невинность служащихъ установлена, „все происшедшее въ огромной степени нарушило спокойное теченіе дѣлъ въ управленіи дороги“, доносилъ начальникъ дороги въ письмѣ отъ 9 марта 1905 г. на имя начальника управленія желѣзныхъ дорогъ П. Н. Думитрашко: „Лишь только служащимъ въ управленіи дороги стало извѣстно о предстоящемъ увольненіи, безъ предварительнаго хотя бы опроса, 12 человѣкъ изъ ихъ числа, какъ пошли разнообразные толки, слухи и вообще броженіе на почвѣ несправедливости къ нимъ, что привело затѣмъ къ разсылкѣ по почтѣ воззваній къ служащимъ отъ имени негласнаго „комитета служащихъ сибирской желѣзной дороги“, призывающаго ихъ къ сплоченію и предъявленію разнаго рода требованій къ управленію дороги. Возникъ, такимъ образомъ, вопросъ о забастовкѣ, о которой, повидимому, до того времени служащіе сибирской желѣзной дороги не помышляли, несмотря на извѣстные имъ изъ газетъ факты, бывшіе на другихъ казенныхъ и частныхъ дорогахъ. Считаю нелишнимъ добавить, что, какъ я могъ заключить изъ словесныхъ объясненій съ генераломъ Калишевскимъ, требованіе объ этомъ увольненіи возникло изъ данныхъ, доставленныхъ командующему войсками начальникомъ томскаго губернскаго жандармскаго управленія, при чемъ, однако, составленію такихъ данныхъ не предшествовали, какъ бы слѣдовало, ни допросъ обвиняемыхъ, ни сношеніе со мною, а было, надо полагать, основано главнѣйшимъ образомъ на помянутомъ выше рапортѣ младшаго помощника главнаго бухгалтера Реша, копія какового рапорта оказалась доставленною неизвѣстнымъ мнѣ путемъ въ распоряженіе начальника губернскаго жандармскаго управленія. Это свидѣтельствуетъ, что, благодаря непостижимому легковѣрію къ навѣтамъ отдѣльной личности, кстати сказать, мало пригодной для дѣла, какимъ является, по моимъ наблюденіямъ, Решъ, дискредитируется достоинство цѣлаго учрежденія; принимаются крутыя мѣры, репрессіи ко многимъ лицамъ безъ всякой провѣрки и, какъ слѣдствіе всего этого, возбуждаются осложненія на политической почвѣ, дѣйствующія на страсти служащихъ“.

Слѣдуетъ, впрочемъ, добавить, что на самой дорогѣ (и помимо вышеизложеннаго случая) было вполнѣ достаточно основаній для волненій среди рабочихъ. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ (Д. Ф. Треповъ) писалъ министру путей сообщенія 22 іюня 1905 г.: „Милостивый государь, князь Михаилъ Ивановичъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, происходившая 30 минувшаго мая забастовка рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ станціи „Челябинскъ“ сибирской желѣзной дороги сопровождалась нижеслѣдующими обстоятельствами: съ начала военныхъ дѣйствій, въ виду усиленной работы, всѣмъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ была назначена особая надбавка въ видѣ мобилизаціонныхъ денегъ. Не получая очень долго этихъ денегъ, рабочіе при проѣздѣ черезъ Челябинскъ вашего сіятельства возбудили объ этомъ ходатайство. По распоряженію вашему состоялся отпускъ этихъ денегъ, но администрація дороги почему-то оттягивала выдачу таковыхъ, отговариваясь неготовностью списковъ. Три раза начальникомъ депо назначался срокъ выдачи денегъ, но каждый разъ выдача эта откладывалась. 28 мая вновь была обѣщана выдача денегъ, но обѣщаніе это и на этотъ разъ не было исполнено. Придя на слѣдующій рабочій день 30 мая въ мастерскія и узнавъ, что деньги не выданы, и, когда будутъ выданы неизвѣстно, рабочіе стали просить начальника депо Крупышева оказать содѣйствіе скорѣйшей выдачѣ денегъ, но эта просьба встрѣтила со стороны Крупышева грубую и рѣзкую брань. Раздраженные этимъ, рабочіе тотчасъ же прекратили занятія, остановивъ таковыя и въ самарскомъ депо. Забастовка эта вышла совершенной неожиданностью для мѣстныхъ революціонныхъ элементовъ, которые уже по возникновеніи забастовки стали прилагать всѣ усилія, чтобы захватить въ свои руки руководство движеніемъ“. Слѣдуетъ отмѣтить, что подобные случаи бывали неоднократно.

Создаваемое такого рода фактами недовѣріе къ дѣятельности правительства, его готовности защищать интересы рабочихъ и служащихъ, усугублялось еще болѣе постоянными напоминаніями о томъ, что дороги состоятъ на военномъ положеніи, и потому

всѣ преступленія служащихъ могутъ быть переданы на разсмотрѣніе военнаго суда, вообще крайне непопулярнаго, вслѣдствіе суровости налагаемаго имъ наказанія и быстроты судопроизводства, лишь въ весьма незначительной степени обезпечивающей дѣйствительную справедливость приговоровъ. Еще 16 января 1905 г. командующій войсками сибирскаго военнаго округа генералъ Сухотинъ телеграфировалъ въ Томскъ начальнику сибирской дороги: „Прошу сдѣлать извѣстнымъ, что въ виду состоянія дороги на военномъ положеніи, всѣ дѣла по нарушенію порядка, благочинія, спокойнаго теченія службы и движенія будутъ мною обращены для сужденія военному суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени„. Нѣсколько позже, а именно 15 февраля 1905 г. былъ вывѣшенъ, за надлежащими подписями, приказъ по елецкимъ мастерскимъ юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, заканчивающійся слѣдующимъ образомъ: „Кромѣ того, предлагается имѣть въ виду то, что на юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогахъ съ высочайшаго соизволенія введено высочайше утвержденное положеніе о желѣзнодорожныхъ служащихъ въ военное время". Иногда, наконецъ, къ забастовавшимъ по экономическимъ причинамъ рабочимъ и служащимъ примѣнялись такія мѣры, которыя не могли не возбуждать ихъ противъ существующаго правительства. Такъ, начальникъ закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ телеграфируетъ 6 апрѣля 1905 г. начальнику управленія желѣзныхъ дорогъ и министру путей сообщенія: „Временный генералъ-губернаторъ князь Амилахвари объявилъ служащимъ Баку и Аджикабулъ, что всѣ будутъ уволены и высланы по этапу на родину, если не станутъ на работу въ 6 часовъ утра 7 апрѣля".

Такимъ образомъ, данныя рабочимъ въ первую стачку обѣщанія не выполнялись, совершенно справедливыя и признаваемыя таковыми ихъ экономическія требованія совсѣмъ не удовлетворялись или удовлетворялись съ крайней медленностью; юридически рабочіе оставались настолько безправными, что даже просьба объ ускореніи выдачи денегъ, обѣщанныхъ имъ министромъ путей сообщенія, встрѣчалась только грубой бранью, и въ то же время

примѣнялись угрозы военнымъ положеніемъ и наложеніе серьезныхъ наказаній безъ всякаго разслѣдованія, по одному лишь „непостижимому легковѣрію“ высшихъ мѣстныхъ властей. Все это, естественно, приводило къ забастовкамъ, которыя выходили „совершенной неожиданностью для мѣстныхъ революціонныхъ элементовъ“. Тѣмъ не менѣе, было бы странно, еслибы революціонное движеніе не развилось на столь благопріятной и подготовленной для него почвѣ. Уже въ концѣ апрѣля начинается организація „всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ“, который вскорѣ получаетъ значительное распространеніе; въ одномъ изъ своихъ воззваній этотъ союзъ говоритъ: „нигдѣ, быть можетъ, не чувствуется такой нужды въ объединеніи, въ организаціи служащихъ для защиты своихъ интересовъ, какъ на желѣзныхъ дорогахъ; едва-ли найдется другая сфера общественной дѣятельности, гдѣ бы въ такой степени царилъ полный неограниченный произволъ, полное господство сильнаго надъ слабымъ, какъ въ области желѣзнодорожной жизни“. Въ другомъ своемъ воззваніи союзъ говоритъ: „довольно съ насъ и одного безплоднаго опыта съ пресловутыми петиціями, чтобы еще разъ ставить себя въ унизительное положеніе просителей о нашихъ насущныхъ нуждахъ предъ бездушными желѣзнодорожными бюрократами... Образуемъ такой союзъ, который могъ бы организовать желѣзнодорожныхъ служащихъ въ сплоченную и внушительную массу,— вотъ что прежде всего диктуетъ намъ переживаемое теперь время“. Программа союза желѣзнодорожныхъ служащихъ была почти исключительно экономическая, но союзъ указывалъ на то, что „и при предполагаемой организаціи на почвѣ профессіональныхъ нуждъ жизненность и плодотворность профессіональнаго союза все же немыслима при отсутствіи тѣхъ государственно-правовыхъ нормъ, которыя только и могутъ гарантировать успѣшное развитіе всякой общественной самодѣятельности. Успѣшность союза мыслима лишь при достиженіи свободы слова, печати, собраній, союзовъ, стачекъ, неприкосновенности личности, жилища. А отсюда само собою слѣдуетъ, что дѣятельность союза не-

избѣжно должна принять политическій характеръ, и члены его должны протянуть свою трудовую руку всѣмъ группамъ и организаціямъ, выступившимъ уже на путь освободительной борьбы для достиженія демократическаго государственнаго строя". Съ образованіемъ союза рабочее движеніе на желѣзныхъ дорогахъ начало принимать все болѣе революціонный характеръ.

Еще болѣе важной для крайнихъ партій оказалась поддержка, оказанная имъ движеніемъ крестьянскимъ. Причины послѣдняго, по донесеніямъ мѣстныхъ властей, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Тверской губернаторъ секретно доноситъ 7 апрѣля 1905 года министру внутреннихъ дѣлъ: „Въ моемъ распоряженіи имѣется рядъ указаній на то, что возвратившіеся изъ столицъ и высланные съ фабрикъ и заводовъ на мѣста приписки рабочіе являются среди крестьянскаго населенія элементомъ недовольнымъ и мало надежнымъ въ отношеніи соблюденія спокойствія и порядка, но въ большинствѣ случаевъ коренное крестьянское населеніе относится къ этому, ставшему ему чуждымъ люду недовѣрчиво, считая, что фабричные находятся въ лучшемъ, сравнительно съ осѣдлыми крестьянами, матеріальномъ положеніи и полагая, что стачки и безпорядки на фабрикахъ происходятъ отъ того, что столичные и городскіе рабочіе „не зная настоящей нужды, бѣсятся съ жиру". Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что рабочее движеніе въ городахъ сочувствіемъ крестьянъ не пользуется. Точно также мало замѣтно вліяніе на крестьянъ агитаторовъ, старающихся вовлечь населеніе въ противоправительственную борьбу по вопросамъ государственнаго устройства и политическихъ правъ. Означенными вопросами крестьяне въ большинствѣ мало интересуются, прокламаціямъ революціоннаго и соціалистическаго характера мало вѣрятъ и агитаторовъ не одобряютъ. Зато вопросы о землѣ и о податяхъ,— касаясь насущныхъ интересовъ крестьянства, ближе затрагиваютъ ихъ, и всѣ извѣстія, относящіяся къ означеннымъ вопросамъ, воспринимаются крестьянскимъ населеніемъ гораздо живѣе. Инте-

ресуясь извѣстіями о войнѣ, крестьяне стали читать газеты при всякомъ удобномъ случаѣ и, относясь очень довѣрчиво ко всему, напечатанному въ легальныхъ изданіяхъ, они попутно знакомятся со всѣми вопросами, обсуждаемыми на страницахъ многочисленныхъ и разнообразныхъ газетъ, обращая преимущественно вниманіе на появляющіяся неоднократно въ ежедневной прессѣ статьи и разсужденія, касающіяся экономическаго положенія сельскаго населенія и, конечно, понимаютъ и толкуютъ всѣ извѣстія въ одностороннемъ, для нихъ желательномъ, духѣ. Слѣдуетъ признать, что вліяніе газетъ на крестьянъ въ настоящее время очень значительно, и что онѣ, благодаря страстному и непокойному тону всѣхъ современныхъ изданій, независимо отъ ихъ направленія, дѣйствуютъ на населеніе возбуждающе. Крестьянское населеніе губерніи, насколько я могъ замѣтить, относится къ представителямъ правительственной власти довѣрчиво, видя въ ней защиту и огражденіе своихъ интересовъ, а изученіе нѣкоторыхъ дѣлъ о бывшихъ въ губерніяхъ нарушеніяхъ права собственности со стороны крестьянскихъ обществъ доказываетъ, что каждый разъ волненіе и безпорядокъ были вызваны какой-либо особенной, мѣстнаго свойства, причиной, понявъ и устранивъ которую, возможно было достигнуть возстановленія нарушеннаго порядка и успокоенія".

Останавливаясь на такихъ „причинахъ мѣстнаго свойства", тотъ же тверской губернаторъ 7 апрѣля 1905 г. доноситъ: „изъ полученныхъ свѣдѣній усматривается, между прочимъ, что причиною производства порубокъ въ казенныхъ дачахъ и обостренныхъ непріязненныхъ отношеній крестьянъ къ лѣсной стражѣ служитъ то, что года четыре или пять тому назадъ управленіе земледѣліемъ и государственными имуществами отобрало изъ пользованія крестьянъ и закрыло много казенныхъ оброчныхъ статей, издавна находившихся въ арендѣ у крестьянъ, которые многолѣтнимъ трудомъ привели ихъ въ наилучшее состояніе, и затѣмъ передало эти участки земли въ пользованіе лѣсной стражи, чѣмъ разстроило экономическое положеніе крестьянъ и поставило ихъ въ

безвыходное положеніе, такъ какъ крестьяне крайне нуждаются въ землѣ".

Первые по времени крестьянскіе безпорядки возникли въ февралѣ мѣсяцѣ въ губерніяхъ Черниговской, Курской, Воронежской и Орловской. Началось это движеніе съ массовой порубки въ имѣніи купца Попова Дмитровскаго уѣзда Курской губ., у котораго сложились дурныя отношенія съ крестьянами, а затѣмъ былъ разграбленъ хуторъ у купца Чернина, послѣ чего движеніе стало разростаться съ поразительной силой: въ теченіе нѣсколькихъ дней въ этомъ уѣздѣ было разграблено 15 имѣній и экономій. Затѣмъ, движеніе перешло въ Сѣвскій и Дмитровскій уѣзды Орловской губерніи; въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ движеніе, по свѣдѣніямъ департамента полиціи, попало на весьма благопріятную почву, такъ какъ мѣстные крестьяне значительно менѣе обезпечены землею и находятся въ худшихъ экономическихъ условіяхъ, нежели курскіе; что же касается Дмитровскаго уѣзда, то въ немъ безпорядки выразились главнымъ образомъ въ погромѣ Долбенкинской экономіи великаго князя Сергѣя Александровича, гдѣ, по свѣдѣніямъ департамента полиціи, мѣстное населеніе было крайне непріязненно къ этой экономіи вслѣдствіе чрезвычайно строгой системы штрафовъ, установленныхъ управляющимъ имѣніемъ егеръмейстеромъ Филатьевымъ, налагавшимъ ихъ по разнымъ поводамъ, особенно же часто за появленіе крестьянскаго скота и птицъ на лугу возлѣ рѣчки, протекавшей въ селеніи, и къ которой, однако, не было другого пути. Кромѣ того, крайне непріятное впечатлѣніе произвела на крестьянъ продажа Филатьевымъ постороннему лицу земли, расположенной среди селенія и весьма необходимой крестьянамъ. Какъ въ Черниговской, такъ и въ Воронежской губ. безпорядки носили почти случайный характеръ. Затѣмъ, крестьянскіе безпорядки поочередно обошли почти всѣ губерніи Европейской Россіи.

Изъ донесеній мѣстныхъ властей и лицъ, командированныхъ на мѣста безпорядковъ изъ Петербурга, усматривается, что главнѣйшей причиной этихъ безпорядковъ является

крайне тяжелое экономическое положеніе крестьянъ; кромѣ этой основной причины оказали важное вліяніе притѣсненія крестьянъ помѣщиками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—неправильныя дѣйствія *правительственныхъ* властей и, наконецъ, падавшая на чрезвычайно благопріятную почву, агитація. Въ Черниговской губ. наиболѣе опасными мѣстами являлись, по донесенію черниговскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ отъ 13 апрѣля 1905 г., имѣнія бывшаго черниговскаго губернскаго предводителя дворянства А. А. Муханова, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику „по причинѣ полной экономической зависимости отъ него крестьянъ, стѣсненныхъ выпасомъ и водопоемъ для скота, а также вслѣдствіе установившихся въ управленіи имѣніемъ весьма строгихъ правилъ къ предупрежденію самовольнаго пользованія водопоемъ, пастбищемъ и пр. Между крестьянами и экономіей издавна установились враждебныя отношенія, вызывавшія въ 1901 и 1902 гг. у крестьянъ попытки добиться самовольнаго завладѣнія землями А. А. Муханова, имѣвшими послѣдствіемъ своимъ вызовъ въ эту мѣстность въ 1902 г. войскъ. Съ тѣхъ поръ крестьяне относятся къ владѣльцу съ затаенной злобой, которая усиливается ежегодно весною при заключеніи между крестьянами и управленіемъ имѣніями А. А. Муханова, за сравнительно высокую цѣну, договоровъ на пользованіе рѣчкой для водопоя ихъ скота и на пастьбу его на отводимыхъ для этого участкахъ земли“. Изъ донесенія губернатора не видно, принимались ли за всѣ эти годы какія-либо мѣры для облегченія тяжелаго положенія крестьянъ въ этой мѣстности, хотя принятіе такихъ мѣръ несомнѣнно облегчалось высокимъ сравнительно общественнымъ положеніемъ владѣльца имѣніемъ, крестьяне же имѣли полное основаніе думать, что именно положеніе владѣльца имѣній и позволяетъ ему безнаказанно угнетать ихъ, прибѣгая, какъ это было въ 1902 г., къ защитѣ своихъ правъ путемъ посылки войскъ. Вторымъ опаснымъ мѣстомъ той же губерніи (гдѣ и произошли безпорядки въ апрѣлѣ 1905 года) являлась мѣстность близъ села Медвѣдевки Стародубскаго уѣзда, въ которой расположено имѣніе

А. В. Бороздни. Около десяти лѣтъ тому назадъ медвѣдевское крестьянское общество получило планъ генеральнаго межеванія на свои земли, на которомъ ошибочно, по какому-то недоразумѣнію, былъ показанъ участокъ около ста десятинъ замежеванным за крестьянами, хотя отъ самаго размежеванія имъ владѣла помѣщица Бороздня. Крестьяне начали дѣло съ Бороздней и проиграли его во всѣхъ инстанціяхъ, но все-таки считаютъ себя имѣющими право на эти сто десятинъ.

Относительно волненій въ Полтавской губ., гдѣ безпорядки возникали неоднократно, начальникъ полтавскаго губернскаго жандармскаго правленія, секретнымъ рапортомъ въ департаментъ полиціи по особому отдѣлу, отъ 25 апрѣля 1905 года, доноситъ: „что же касается броженія среди крестьянскаго населенія, то оно создалось на экономической почвѣ и вызывается эксплоатаціей крестьянъ нѣкоторыми экономіями болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ имѣнія ихъ окружены селеніями безземельныхъ крестьянъ, бывшихъ дворовыхъ, не получившихъ семейныхъ надѣловъ. Эти экономіи, пользуясь тяжелымъ положеніемъ крестьянъ, ежегодно увеличиваютъ арендную плату на землю“.

Роль пропаганды въ той же губерніи выясняется изъ секретнаго рапорта помощника начальника полтавскаго губернскаго жандармскаго управленія начальнику сего управленія отъ 24 апрѣля 1905 г.: „Что касается пропаганды, крайне незначительной, среди крестьянскаго населенія, то таковая обстояла до настоящаго времени въ слѣдующемъ положеніи: ведется она посредствомъ нелегальной литературы, преимущественно закордонной украинской, весьма мало понятной по языку крестьянамъ Полтавской губ. Изданія мѣстнаго изготовленія, очень жидкія по содержанію и тоже незначительны по количеству. Таковы преимущественно изданія партіи соціалъ-революціонеровъ, такъ какъ соціалъ-демократическая партія въ ядрѣ своемъ состоитъ изъ еврейства, мало популярнаго въ сельской средѣ. Подобная пропаганда имѣетъ весьма небольшой успѣхъ, и если листки читаются крестьянами, то только потому, что селяне лишены возможности

читать что-либо другое, легальное, за отсутствіемъ въ деревнѣ книгъ и газетъ. Большое значеніе могла бы имѣть пропаганда изустная, но о таковой положительныхъ свѣдѣній не поступало".

О положеніи въ сосѣдней Воронежской губ. губернаторъ секретнымъ рапортомъ отъ 2 апрѣля 1905 г. доноситъ министру внутреннихъ дѣлъ: „Скрытое недовольство несомнѣнно существуетъ преимущественно въ средѣ малоземельныхъ крестьянъ, имѣющихъ лишь только даровые надѣлы и находящихся вслѣдствіе этого въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ; такихъ крестьянъ въ Воронежской губ. масса". Что же касается пропаганды, то, говоря о распространяемыхъ въ средѣ крестьянъ нелегальныхъ изданіяхъ, губернаторъ поясняетъ: „значительное количество этихъ изданій несомнѣнно имѣется у крестьянъ, которые ихъ втайнѣ читаютъ и обсуждаютъ. Прокламаціи, въ которыхъ говорится о низверженіи самодержавія, объ измѣненіи государственнаго строя и о рабочемъ движеніи, *пока* [1]) не производятъ сильнаго впечатлѣнія на крестьянъ, изданія же, въ которыхъ указывается на положеніе крестьянъ и на неправильное владѣніе помѣщиками землею, имѣютъ для нихъ особое значеніе; эти изданія крестьяне усердно читаютъ и толкуютъ по-своему".

Что касается Харьковской губ., то изъ представленной генералъ-адъютантомъ Струковымъ записки объ аграрныхъ безпорядкахъ, происходившихъ въ этой губерніи, въ маѣ и іюнѣ 1905 г усматривается, что прежде всего причиною таковыхъ являлись крайне неблагопріятныя экономическія условія крестьянскаго хозяйства, какъ-то: 1) недостаточность земельныхъ надѣловъ, 2) невозможность въ большинствѣ случаевъ получать аренду изъ первыхъ рукъ, 3) полное отсутствіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выпасовъ для скота, 4) черезполосица, 5) отдаленность въ нѣкоторыхъ случаяхъ надѣловъ отъ крестьянскихъ усадебъ, 6) несоотвѣтственно составленныя въ свое время уставныя грамоты и

[1]) *Прим. автора.* Да позволено будетъ обратить вниманіе на это слово, употребленное воронежскимъ губернаторомъ.

7) отсутствіе дешеваго кредита. Кромѣ того, къ числу причинъ безпорядковъ слѣдуетъ отнести усиленную противоправительственную пропаганду и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ ненормальныя отношенія, установившіяся между экономіями и окружнымъ сельскимъ населеніемъ.

Въ Симбирской губ., по секретному донесенію симбирскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ отъ 4 апрѣля 1905 года, настроеніе крестьянъ въ это время было вообще нервно, причемъ наиболѣе опаснымъ считалось то мѣсто, гдѣ Волга дѣлаетъ крутой поворотъ, подходя вплотную къ Самарѣ—такъ называемая „Самарская лука“. По словамъ губернатора, „это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что среди крестьянъ, населяющихъ данную мѣстность, еще слишкомъ живы воспоминанія про буйную волю временъ Стеньки Разина и Пугачева, а съ другой стороны, и тѣмъ обстоятельствомъ, что, живя на самомъ ограниченномъ надѣлѣ, среди громадныхъ имѣній графа Орлова-Давыдова, изобилующихъ нетронутыми лѣсами и богатѣйшими рыбными ловлями, крестьяне, естественно, съ завистью смотрятъ на все это приволье и очень неохотно примиряются съ необходимостью платить графу высокій, даже и по мѣстнымъ цѣнамъ, оброкъ—до 18 руб. за хозяйственную десятину пахотной земли“. „Не имѣя совершенно своего лѣса, крестьяне — сосѣди графа и въ этомъ отношеніи вполнѣ зависимы отъ усмотрѣнія управляющихъ графскими имѣніями. А между тѣмъ въ мѣстномъ темномъ крестьянствѣ и до сихъ поръ еще не исчезло убѣжденіе, что „лѣсъ — божій“, такимъ образомъ, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, броженіе среди крестьянъ вызывается не только ихъ общимъ тяжелымъ экономическимъ положеніемъ, но и тою эксплоатаціей, жертвами которой они становятся со стороны мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ: естественно вѣдь нежеланіе крестьянъ платить „высокій даже и по мѣстнымъ цѣнамъ оброкъ“ милліонеру графу“.

Наконецъ, въ Архангельской губ. броженіе крестьянъ имѣло мѣсто въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Въ секретномъ рапортѣ на имя

министра внутреннихъ дѣлъ архангельскій губернаторъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ причины этого явленія: „По ознакомленіи во время этой поѣздки съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, я пришелъ къ заключенію, что наблюдаемое среди крестьянскаго населенія Шенкурскаго уѣзда броженіе не имѣетъ *пока* политическаго характера, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне и постановили приговоры по вопросамъ, *выходящимъ изъ ихъ компетенціи*. Движеніе это является скорѣе результатомъ и выраженіемъ недовольства бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ уѣзда неудовлетворительнымъ ихъ экономическимъ положеніемъ и нѣкоторыми хозяйственными порядками, которые установлены въ удѣльномъ управленіи Шенкурскаго уѣзда и которые особенно неблагопріятно отозвались на положеніи крестьянъ въ такое тяжелое, вслѣдствіе неурожаевъ, время, какими были послѣдніе 1903 и 1904 гг. Это недовольство, замѣтно сдерживаемое въ тѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ, гдѣ чины удѣльнаго вѣдомства относятся внимательно и доброжелательно къ крестьянскимъ нуждамъ, напротивъ того, сильно обостряется тамъ, гдѣ исключительною цѣлью удѣльнаго управленія является извлеченіе во что бы то ни стало наибольшихъ хозяйственныхъ для управленія выгодъ, и совершенно игнорируется та тяжесть, которой существующіе порядки ложатся на населеніе. Политическіе ссыльные несомнѣнно имѣли вліяніе на отдѣльныя личности изъ крестьянскаго населенія, но вліяніе это было не особенно велико и захватило пока еще небольшой по своей численности кругъ людей“.

Въ особенно рѣзкой формѣ и притомъ съ ясно опредѣленной политической окраской выразились крестьянскіе безпорядки въ губерніяхъ прибалтійскихъ и Витебской, однако, какъ видно изъ секретныхъ донесеній мѣстныхъ властей, и въ этихъ губерніяхъ первой причиной безпорядковъ явились мѣстныя условія, самые безпорядки носили въ началѣ исключительно экономическій характеръ, и только значительно позже приняли революціонную окраску. Эстляндскій губернаторъ секретнымъ рапортомъ на имя

министра внутреннихъ дѣлъ отъ 1 апрѣля 1905 г. доноситъ: „Броженіе среди крестьянъ носитъ пока экономическій характеръ, и толчкомъ къ нему послужили разбрасываемыя прокламаціи и сообщенія эстонскихъ газетъ о волненіяхъ среди крестьянъ въ Лифляндской и Курляндской губ. и центральной Россіи.

Недовольство крестьянъ настоящимъ ихъ экономическимъ и отчасти правовымъ положеніемъ вызвано главнымъ образомъ слѣдующими причинами:

1) „Несоблюденіемъ во многихъ случаяхъ дѣйствующихъ законоположеній касательно заарендованія поземельныхъ участковъ по формально утвержденнымъ арендным контрактамъ, недостаточностью установленнаго закономъ шестилѣтняго арендаго срока, высокой платой, зависящей отъ исключительнаго усмотрѣнія помѣщиковъ, включеніемъ въ арендныя условія барщинныхъ работъ и неудовлетворительнымъ состояніемъ построекъ на многихъ арендныхъ участкахъ;

2) продажей помѣщиками участковъ крестьянской арендной земли мѣщанамъ, купцамъ и дворянамъ вопреки изложенному въ ст. 5 положенія о крестьянахъ Эстляндской губ. 1856 г. основному поземельному постановленію объ обезпеченіи этою землею лишь лицъ крестьянскаго сословія;

3) полною зависимостью крестьянъ при покупкѣ поземельныхъ участковъ отъ помѣщиковъ, опредѣляющихъ цѣны участковъ и устанавливающихъ въ свою пользу на продаваемыхъ участкахъ разные сервитуты, и отсутствіемъ удобнаго долгосрочнаго кредита при куплѣ-продажѣ участковъ;

4) самовольнымъ пользованіемъ нѣкоторыми помѣщиками крестьянской арендной землей;

5) неисполненіемъ по настоящее время высочайшаго повелѣнія отъ 18 февраля 1893 г. касательно шестой доли и пользованіемъ этой землей помѣщиками;

6) исключительнымъ правомъ дворянства составлять раскладки земскихъ повинностей, неосвѣдомленностью крестьянъ-плательщи-

ковъ о доходахъ и расходахъ земской кассы и неотдѣленіемъ дворянской кассы отъ таковой же земской;

7) исключительнымъ правомъ помѣщиковъ производить раскладку дорожной повинности, неудобнымъ для крестьянъ распредѣленіемъ дорожныхъ участковъ и неосвѣдомленностью послѣднихъ о дѣйствующемъ въ этомъ отношеніи законѣ;

8) неимѣніемъ у крестьянъ права голоса на церковныхъ конвентахъ и отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній о повинностяхъ въ пользу приходскаго еванг.-лютеранскаго духовенства;

9) отсутствіемъ для крестьянъ дешевой врачебной помощи;

10) исключительною обязанностью крестьянъ содержать волостные и верхніе крестьянскіе суды и школы и

11) тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ мызныхъ батраковъ и безземельныхъ крестьянъ".

Еще болѣе полныя свѣдѣнія о причинахъ крестьянскихъ безпорядковъ—по Витебской губ.—даетъ секретный рапортъ начальника витебскаго губернскаго жандармскаго управленія шефу жандармовъ отъ 13 марта 1905 г.:

„Помощникъ мой въ Двинскомъ и друг. уѣздахъ донесъ, что изъ поступившихъ къ нему свѣдѣній, а также и данныхъ, добытыхъ имъ при поѣздкѣ по Двинскому уѣзду, о причинахъ крестьянскихъ волненій, выразившихся въ массовыхъ порубкахъ лѣса и разграбленіяхъ имѣній помѣщиковъ, явствуетъ:

1) „Ближайшею причиною происходившаго слѣдуетъ считать крайне бѣдственное экономическое положеніе крестьянъ уѣзда вообще и Ужвальдской, Малиновской, Креславской, Дагдинской, частью Капинской и Вышковской волостей въ особенности".

„Хлѣбъ не только съѣденъ, какой былъ, но и предназначенный къ посѣву, такъ что у большинства крестьянъ ничего нѣтъ, и собственно нужно считать, что въ настоящее время среди крестьянъ голодъ".

„По донесенію помощника, онъ видѣлъ тотъ хлѣбъ, который ѣдятъ крестьяне теперь, и высказываетъ свое удивленіе, что его

можно ѣсть, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, что тѣ, которые его ѣдятъ, еще живы".

„Такое положеніе и отсутствіе заработковъ можетъ повести еще къ худшимъ послѣдствіямъ, а потому необходима безотлагательная и немедленная помощь".

„Никакія репрессіи, если не будетъ хлѣба, не помогутъ; тяжелое положеніе крестьянъ видятъ и солдаты, что производитъ на нихъ дурное впечатлѣніе".

„Будетъ хлѣбъ или вообще помощь—обычная жизнь сама собою войдетъ въ обычную колею".

„Земскимъ начальникамъ это болѣе, чѣмъ кому бы то ни было извѣстно, но тѣмъ не менѣе они, какъ видно, не позаботились, если не объ устраненіи, то хотя бы объ ограниченіи этого бѣдствія".

2) „Вторая причина безпорядковъ, во первыхъ—отсутствіе дровъ: изъ разговоровъ съ крестьянами послѣдніе высказали помощнику, что своего лѣса не имѣютъ, и помѣщики имъ его не продаютъ, въ случаѣ просьбы объ этомъ, посылаютъ крестьянъ къ евреямъ или, какъ они выражаются, къ „купцамъ", которые скупили лѣсъ у помѣщика; такимъ образомъ, дрова приходится покупать не по мѣстной, а по базарной цѣнѣ; во-вторыхъ, презрительное, дерзкое и подчасъ жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами и полное игнорированіе нуждъ послѣднихъ. Сумма такихъ отношеній порождаетъ вражду и ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ, и разгромъ имѣній есть результатъ этихъ отношеній".

„При разговорѣ съ графомъ Евгеніемъ Плятеръ-Зибергъ, этотъ послѣдній высказалъ помощнику: „Все это „быдло", которыхъ надо бить и стрѣлять", при чемъ заявилъ, что убытокъ отъ порубки лѣсовъ его равняется 90.000 руб.; по свѣдѣніямъ изъ безпристрастныхъ источниковъ, убытокъ его не превышаетъ 3.000 руб".

„Нѣкоторые помѣщики высказываютъ свое удивленіе и досаду: „почему на каждое имѣніе не дадутъ хотя бы 10 человѣкъ солдатъ, до весны"...

„Помѣщикъ Реутъ (имѣніе „Каменецъ" Капинской волости)

стѣсненіями и притѣсненіями довелъ окрестныхъ крестьянъ до крайней степени вражды, и имѣніе его постигнетъ рано или поздно печальная участь".

„Вообще у помѣщиковъ какое-то озвѣрѣлое чувство къ крестьянамъ".

3) „Третья причина, по донесенію того же помощника,—бездѣйствіе полиціи. Порубки продолжались весь январь и начало февраля, но полиція никакихъ мѣръ не принимала, что придало увѣренность крестьянамъ въ безнаказанности содѣяннаго ими, и когда массовыя порубки приняли грандіозные размѣры, тогда только поднялась тревога".

„При самомъ погашеніи безпорядковъ чины уѣздной полиціи оказались или ненаходчивыми или безпомощными".

„16 февраля рота солдатъ съ помощникомъ исправника Поспѣловымъ, прибывъ въ д. Слоставку, Ужвальдской волости, для розыска лѣса, была встрѣчена толпою бабъ и мужиковъ съ палками, при чемъ крестьяне набросились на урядника Черняева, и этотъ послѣдній бѣжалъ между солдатами, спасаясь отъ преслѣдованія, Поспѣловъ же, вмѣсто распоряженій—скрылся".

„Были и такіе случаи: исправникъ командируетъ на мѣсто безпорядковъ помощника, этотъ туда командируетъ пристава, а послѣдній, вмѣсто себя,—урядника, какъ было дальше,—узнать не удалось".

4) „Къ четвертой, какъ побочной причинѣ безпорядковъ, слѣдуетъ отнести пропаганду евреевъ среди крестьянъ. Пропаганда эта выразилась въ распространеніи прокламацій, при чемъ при сносныхъ экономическихъ условіяхъ она не сыграла бы ровно никакой роли".

Къ представленію помощникъ счелъ необходимымъ добавить такое характерное обстоятельство. Когда, послѣ разгрома имѣній, ксендзы порицали дѣйствія крестьянъ, а ужвальдскій ксендзъ даже заперъ костелъ и не пускалъ крестьянъ молиться въ праздники, въ наказаніе за означенныя ихъ насилія, на это крестьяне-католики отвѣтили ему: „не пустишь, поѣдемъ въ Рыбинишки"

(въ этой деревнѣ православная церковь, и слова крестьянъ надо понимать: „не пустишь, перейдемъ въ православіе“).

Встревоженный ксендзъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Какъ представляемое, такъ и мои личныя впечатлѣнія, вынесенныя во время поѣздки моей по означенной мѣстности, еще разъ служатъ доказательствомъ того, что такія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ есть результатъ преступныхъ отношеній помѣщиковъ-католиковъ къ „быдлу“, подъ каковымъ именемъ у нихъ слыветъ крестьянство.

Изъ помѣщиковъ того района, подвергшихся вырубкѣ крестьянами лѣса, разграбленію имѣній, только о помѣщикѣ Петражицкомъ приходилось слышать порядочные отзывы, и то не со стороны крестьянъ.

Для характеристики этихъ взаимныхъ отношеній необходимо привести сообщеніе мнѣ командира 98-го пѣхотнаго запаснаго баталіона, вызваннаго съ баталіономъ на усмиреніе крестьянъ. Онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Прибывъ своевременно въ с. Ужвальды, я былъ приглашенъ исправникомъ въ волостное правленіе, гдѣ сходъ хотя уже былъ оконченъ, но мужики не всѣ еще разошлись“.

„Узнавъ о положеніи дѣла и выходя изъ волостного правленія, я былъ мирно окруженъ толпою крестьянъ, которые сперва одиночно, а потомъ всѣ обратились ко мнѣ съ просьбой защитить ихъ, обвиняя помѣщиковъ въ продажѣ лѣса „жиду“ и за границу, а „жидъ“ продаетъ имъ по сильно возвышеннымъ цѣнамъ. Имъ, крестьянамъ, помѣщики лѣса не продаютъ, находя предлагаемыя мірскимъ сходомъ цѣны низкими, почему они голодаютъ“.

„Не будучи уполномоченъ вести съ крестьянами переговоры, я предложилъ имъ обратиться съ ихъ просьбами къ земскому начальнику, исправнику и строго наказалъ не производить кражъ чужой собственности. Обѣщалъ съ своей стороны довести объ ихъ просьбахъ по командѣ, что исполнилъ въ тотъ же день, 15 февраля, донеся начальнику минской мѣстной бригады, витебскому губернатору и сообщивъ двинскому исправнику“.

Заслуживаютъ вниманія также слова двинскаго уѣзднаго исправника г. Иванова, который совершенно довѣрительно высказался: „Сами же помѣщики виноваты всему этому недобросовѣстнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ и притѣсненіями ихъ“. На мое замѣчаніе: „Вотъ вы объ этомъ говорите, а даже губернатору объ этомъ не пишете“ исправникъ отвѣтилъ: „писать объ этомъ неудобно, но частнымъ образомъ я губернатору докладывалъ“.

Обращаютъ на себя вниманіе также слова крестьянъ с. Капина, сказанныя и мнѣ, и губернатору относительно помѣщика Оскерко: „Благодаримъ г. Оскерко, онъ даетъ намъ лѣсъ за наши отработки, хоть и дорого, а все же даетъ, а другіе помѣщики насъ совсѣмъ рѣжутъ“.

И, дѣйствительно, крестьяне, судя по отзывамъ ихъ, очень благодарны г. Оскерко, и несомнѣнно противъ него не будетъ насилій, несмотря на высокую оцѣнку имъ своего лѣса и дровъ (14 руб. саж. дровъ на мѣстѣ) въ продажѣ крестьянамъ подъ ихъ работы и несмотря на чрезвычайно низкую расцѣнку за это поденной работы крестьянъ (по 25 коп. въ день, при томъ на ихъ же собственныхъ харчахъ).

Этотъ послѣдній фактъ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что, дѣйствительно, „сами помѣщики виноваты“, такъ какъ крестьяне благодарны даже за такое „благодѣяніе“, какъ оказываемое имъ Оскерко.

При самой безпристрастной оцѣнкѣ такія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ врядъ ли можно назвать нормальными.

Къ представляемому необходимо отмѣтить еще слѣдующее:

Лица, такъ или иначе виновныя въ пассивномъ созданіи крестьянскихъ безпорядковъ, распускаютъ толки, что крестьяне, нападая на помѣщичьи усадьбы, рубя ихъ лѣсъ и грабя имущество, не сознаютъ, будто бы, что они творятъ беззаконіе, заблуждаются, якобы добросовѣстно, такъ какъ эти дѣйствія крестьянъ служатъ, будто бы, послѣдствіемъ убѣжденія ихъ, что такъ поступать имъ „разрѣшено царской грамотой“.

„Толки эти распускаются несомнѣнно съ цѣлью отвлечь вниманіе правительства отъ дѣйствительной причины крестьянскихъ волненій—ненормальныхъ въ этой мѣстности отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, каковою ненормальностью, разумѣется, не преминули воспользоваться соціалисты-революціонеры, бундисты и т. п. революціонные дѣятели".

Такимъ образомъ, какъ видно изъ цѣлаго ряда донесеній высшихъ мѣстныхъ властей, основными причинами крестьянскихъ волненій почти по всей Россіи являются: 1) крайно тяжелое экономическое положеніе крестьянъ; 2) эксплоатація ихъ помѣщиками, изъ которыхъ у нѣкоторыхъ наблюдалось „какое-то озвѣрѣлое чувство къ крестьянамъ", и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствія мѣстныхъ властей, нарушающія самые жизненные интересы крестьянъ. Несомнѣнно, столь бурному проявленію крестьянскаго неудовольствія по всей Россіи въ весьма значительной мѣрѣ способствовало охватившее всѣ слои русскаго общества волненіе, но, по мнѣнію громаднаго большинства мѣстныхъ администраторовъ, пропаганда и агитація со стороны играли въ этомъ движеніи, по крайней мѣрѣ, въ первой его половинѣ, совершенно второстепенную роль.

Въ борьбѣ съ этими безпорядками принимались исключительно репрессивныя мѣры, какъ послѣдующія, когда войска призывались для подавленія уже начавшихся безпорядковъ, такъ и предупредительныя, когда имѣлось въ виду посылкой войскъ удержать крестьянъ отъ самаго производства безпорядковъ. Что же касается основныхъ причинъ безпорядковъ, то, для устраненія ихъ, никакихъ мѣръ не предпринималось даже въ томъ случаѣ, когда правота крестьянъ была для всѣхъ очевидна. Это обстоятельство имѣло особо важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ крестьяне возставали противъ эксплоатаціи помѣщиковъ. Въ такихъ случаяхъ репрессіи, оставляя крестьянъ въ еще болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ прежде, невольно наталкивали ихъ на мысль, что правительство „держитъ руку" помѣщиковъ, и что только благодаря поддержкѣ правительства и становится возможнымъ

для помѣщиковъ угнетать и эксплоатировать крестьянъ. Такимъ образомъ, самими фактами и дѣйствіями правительства создавалась почва для превращенія экономической борьбы противъ несправедливостей помѣщиковъ въ революціонную борьбу противъ правительства. Въ обычное время это превращеніе, быть можетъ, не произошло бы такъ скоро, но, съ одной стороны, интересъ къ войнѣ облегчилъ газетѣ проникновеніе ея въ деревню, а съ другой—революціонная борьба противъ правительства уже происходила на глазахъ у крестьянъ—въ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ, и крестьянамъ оставалось только присоединиться къ ней, что и сдѣлали уже наиболѣе передовыя группы крестьянства въ такъ-называемомъ „крестьянскомъ союзѣ“, уже въ маѣ мѣсяцѣ указывавшемъ, по свѣдѣніямъ департамента полиціи, что настоящее бѣдственное положеніе крестьянъ вслѣдствіе малоземелья, непосильныхъ сборовъ и налоговъ, малограмотности населенія и его безправія, не можетъ быть исправлено настоящимъ чиновничьимъ государственнымъ управленіемъ. Какъ образованіе „союза желѣзнодорожныхъ служащихъ“, такъ и образованіе „крестьянскаго союза“ свидѣтельствовали, что, подъ давленіемъ ряда обстоятельствъ, двѣ большія группы населенія, пытавшіяся, при содѣйствіи правительства, хотя бы немного облегчить свое несомнѣнно тяжелое, часто безвыходное положеніе, послѣ того какъ они были имъ въ той, или иной формѣ оттолкнуты, перешли формально въ лагерь революціи.

Точно такъ же и среди либеральныхъ партій, подъ вліяніемъ задержекъ въ исполненіи высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18 февраля и полной неизвѣстности о томъ, дѣлается ли что-нибудь для осуществленія созыва народныхъ представителей, все болѣе и болѣе брали верхъ крайнія партіи, утверждавшія, что никакого созыва народныхъ представителей не будетъ, и что, давъ обѣщаніе подъ вліяніемъ рабочихъ и крестьянскихъ безпорядковъ, правительство не имѣетъ никакого намѣренія выполнять его. Представители умѣренныхъ партій пытались еще отстаивать необходимость обождать и дать правительству возмож-

ность самостоятельно выполнить взятое имъ на себя дѣло обновленія государственнаго строя Россіи, но чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилось отстаивать такую точку зрѣнія, и, наконецъ, извѣстіе о Цусимской катастрофѣ заставило умѣренныя партіи отказаться отъ выжидательнаго образа дѣйствій. Начинается длинный рядъ ходатайствъ о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, завершившихся извѣстной депутаціей московскаго съѣзда, которую его императорскому величеству благоугодно было соизволить принять въ Петергофѣ 6 іюня 1905 г. Уже эта депутація свидѣтельствовала о томъ, что въ положеніи государства произошла крупная перемѣна. Во главѣ ея стоялъ князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, состоявшій въ это время подъ слѣдствіемъ въ качествѣ обвиняемаго по 126 ст. угол. улож., т. е. по обвиненію въ государственномъ преступленіи, а потому пріемъ депутаціи въ такомъ составѣ (кромѣ князя С. Н. Трубецкого, въ ея составѣ находились считавшіеся до того времени „неблагонадежными“ Ф. И. Родичевъ, И. И. Петрункевичъ и Д. Н. Шиповъ) былъ истолкованъ въ томъ смыслѣ, что или правительство окончательно рѣшило итти по новому пути, и признать дѣйствительными выразителями желаній русской земли тѣхъ, кого оно еще вчера, а формально—и сегодня считало государственными преступниками, или же, наоборотъ, не желая измѣнять своей политики болѣе, чѣмъ оно вынуждено будетъ сдѣлать это подъ давленіемъ прямой силы, правительство не рѣшилось однако открыто порвать съ земскими группами, и вынуждено было допустить пріемъ депутаціи отъ *неразрѣшеннаго* правительствомъ земскаго съѣзда. Правительство слабо, оно не вѣритъ своимъ собственнымъ силамъ,—таковъ былъ выводъ тѣхъ, кто держался послѣдняго взгляда, и, къ сожалѣнію, ближайшее время дало имъ обильный матеріалъ для доказательства своей правоты.

Въ теченіе всего іюня происходили въ разныхъ мѣстахъ имперіи большія движенія (въ Варшавѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Лодзи, Одессѣ, на Кавказѣ), вынудившія правительство широко примѣнять самыя рѣшительныя мѣры, репрессіи, какъ-то: объявленіе данныхъ

мѣстностей на военномъ положеніи и широкое употребленіе военной силы; несмотря на это, порядокъ не только не водворялся, а становилось все яснѣе, что волненія грозятъ еще большимъ распространеніемъ. До сихъ поръ, однако, волненія ограничивались только такими группами населенія, какъ рабочіе и отчасти крестьяне, изъ которыхъ первые считались элементомъ вообще неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи, а вторые, какъ предполагалось, дѣйствовали не вполнѣ сознательно, подъ вліяніемъ сторонней агитаціи. Кромѣ того, ни крестьяне, ни рабочіе не обладали твердой организаціей, и было основаніе думать, что примѣненіемъ особо энергичныхъ мѣръ можно это движеніе подавить, правда, быть можетъ, цѣною пролитія рѣкъ крови. Во всякомъ случаѣ, можно было надѣяться, что въ тотъ день, когда неорганизованная сила мятежа столкнется съ правильно организованнымъ отпоромъ правительства, мятежъ будетъ подавленъ. Для этого правительство имѣло огромную военную силу, при чемъ въ первой половинѣ года мало кто сомнѣвался въ обществѣ въ томъ, что армія никакими революціонными вѣяніями не затронута и будетъ всецѣло на сторонѣ правительства. Бывавшіе отъ времени до времени бунты въ войскахъ и въ особенности во флотѣ были сравнительно мало извѣстны, и объяснялись исключительно мѣстными специфическими причинами, внѣ всякой связи съ общерусскимъ движеніемъ. Въ дѣйствительности же въ войскахъ уже наблюдалось революціонное движеніе, и при томъ не вызываемое никакой пропагандой. Такъ, начальникъ витебскаго губернскаго жандармскаго управленія еще 13 марта сего года секретно доносилъ шефу жандармовъ, что въ находящейся подъ его наблюденіемъ губерніи „тяжелое положеніе крестьянъ видятъ и солдаты, что производитъ на нихъ дурное впечатлѣніе“. Но такъ называемая большая публика этихъ фактовъ не знала, и бунтъ въ Черноморскомъ флотѣ явился для нея полной неожиданностью; въ то же время этотъ бунтъ, который даже правительственное сообщеніе назвало „безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ русскаго флота событіемъ“, показалъ, что и въ арміи и во флотѣ далеко не все обсто-

нтъ благополучно, и что слова крайнихъ партій о „единеніи революціоннаго войска съ революціоннымъ народомъ“, быть можетъ, не лишены нѣкоторой доли справедливости. Къ сожалѣнію, послѣдующіе факты могли только подтвердить эти предположенія. За мятежомъ въ Черноморскомъ флотѣ послѣдовали безпорядки въ Либавскомъ военномъ портѣ и Кронштадтѣ, а затѣмъ въ войсковыхъ частяхъ въ Херсонѣ, Варшавѣ и друг. мѣстахъ, и мнѣніе о слабости правительства укрѣплялось все болѣе. Этому содѣйствовали и многія дѣйствія администраціи, въ особенности тѣ, которыя, завѣдомо для всѣхъ, не могли не имѣть серьезнаго политическаго значенія, и по всеобщему (вполнѣ правильному) убѣжденію предпринимались не иначе, какъ по указаніямъ высшихъ властей. Особенно ярко была обнаружена слабость правительства и въ то же время его стремленіе во что бы то ни стало „мѣшать“,—въ его отношеніяхъ къ отдѣльнымъ союзамъ (незадолго передъ этимъ образованнымъ, какъ было указано выше, нелегальнымъ союзамъ).

Какъ видно изъ донесенія пермскаго губернатора въ департаментъ полиціи отъ 7 мая 1905 г., губернаторъ, будучи предупрежденъ, что въ мѣстномъ клубѣ имѣетъ состояться засѣданіе пермскаго отдѣла „союза инженеровъ“, пригласилъ къ себѣ предсѣдателя совѣта старшинъ клуба и приказалъ ему не дозволять „открывать засѣданіе при обычной въ подобныхъ случаяхъ обстановкѣ и организаціи учрежденія, и въ этихъ видахъ въ общемъ залѣ клуба не дѣлать и не допускать никакихъ приготовленій и приспособленій зала для засѣданія“. Несмотря на это, „собравшіеся открыли засѣданіе—формальное, какъ принято въ подобныхъ случаяхъ, съ выборомъ предсѣдателя и секретаря, установленіемъ порядка преній и голосованіемъ вопросовъ“ и т. д., и черезъ нѣсколько дней оффиціально извѣстили губернатора о происшедшемъ. Въ отвѣтъ на это губернаторъ, по его словамъ, объявилъ черезъ полицію Сигову и его товарищамъ на ихъ заявленіе, что собраніе, бывшее 25 апрѣля, какъ равно дальнѣйшія попытки къ такимъ собраніямъ, если они будутъ, „я впредь до какихъ-либо разъясненій считаю лишенными законнаго основанія и не могу относиться

къ нимъ иначе, какъ къ таковымъ". Это равносильно было роспискѣ въ своемъ безсиліи помѣшать тому, что уже было воспрещено.

Еще болѣе странная вещь происходила съ „союзомъ инженеровъ" въ Москвѣ. На докладѣ московскаго градоначальника въ департаментъ полиціи отъ 26 іюня 1905 г. имѣется такая помѣтка товарища министра внутреннихъ дѣлъ Д. Ф. Трепова: „сообщаемыя свѣдѣнія надо использовать, дабы организаціи эти разбить. Кромѣ того, обсудить вопросъ о привлеченіи къ судебной отвѣтственности моск. собранія". О привлеченіи къ судебной отвѣтственности и его результатахъ будетъ сказано ниже, что же касается намѣренія „разбить эти организаціи", то оно приводилось въ исполненіе слѣдующимъ образомъ.

25 іюня 1905 г. въ такъ называемомъ бѣломъ залѣ гостиницы „Континенталь" состоялось засѣданіе московскаго отдѣленія всероссійскаго союза инженеровъ и техниковъ, при участіи 162 лицъ, въ числѣ которыхъ находилось много видныхъ инженеровъ изъ обѣихъ столицъ. Собраніе успѣло обсудить большинство стоявшихъ на очереди вопросовъ, когда въ залъ вошелъ и. д. полицеймейстера подполковникъ Носковъ и объявилъ собравшимся, что, руководствуясь телеграммой директора департамента полиціи и распоряженіемъ московскаго генералъ-губернатора, онъ закрываетъ настоящее собраніе и проситъ присутствующихъ, подписавъ протоколъ, разойтись. Послѣ нѣкоторыхъ пререканій предсѣдатель собранія объявилъ полковнику Носкову, что, такъ какъ собраніе всѣ члены считаютъ вполнѣ законнымъ, то добровольно не разойдутся и подчиняются распоряженію полиціи лишь потому, что при неисполненіи требованія разойтись полиціей будутъ приняты насильственныя мѣры. Былъ составленъ протоколъ, но, несмотря на это, слѣдующее собраніе союза было назначено въ томъ же ресторанѣ на 7 іюля. Этому собранію полиціи удалось помѣшать слѣдующимъ способомъ, о которомъ сообщаетъ и. д. моск. градоначальника департаменту полиціи рапортомъ отъ 9 іюля 1905 г.: „Въ дополненіе къ сообщенію отъ 7 сего іюля за № 6430, увѣдомляю д-тъ полиціи, что, по полу

ченнымъ свѣдѣніямъ, сего числа въ 8 ч. в. въ гостиницѣ „Континенталь“ должно было состояться многочисленное собраніе московскаго отдѣленія всероссійскаго союза инженеровъ и техниковъ, вслѣдствіе чего мною, по распоряженію моск. генералъ-губернатора, было предложено администраціи означеннаго ресторана отказать въ необходимомъ помѣщеніи, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ послѣдній моментъ предъ самымъ собраніемъ, что̀ администраціей и было исполнено, при чемъ, какъ мотивъ отказа, былъ выставленъ ремонтъ ресторана“.

Собравшіеся члены союза расходились безъ нарушенія порядка, но нѣкоторые изъ нихъ поѣхали въ помѣщеніе литературно-художественнаго кружка, намѣревалсь принять участіе въ происходившемъ тамъ обѣдѣ земскихъ дѣятелей, но не были допущены сюда старшинами кружка, предупрежденными мною о возможности проникновенія ихъ на этотъ обѣдъ“.

Само собою разумѣется, что эти мѣры быстро стали извѣстны и не могли не внушить инженерамъ увѣренности, что власть, прибѣгающая къ такимъ мелкимъ пріемамъ борьбы, ихъ боится, и въ то же время не могли не внушить и раздраженія противъ примѣняющей эти пріемы власти. Какъ то, такъ и другое сказалось на слѣдующемъ засѣданіи союза въ гостиницѣ „Метрополь“. Московскій градоначальникъ доноситъ д-ту полиціи рапортомъ отъ 4 сентября 1905 г.: „Въ дополненіе сообщенія отъ 25 минувшаго августа за № 8213, увѣдомляю д-тъ полиціи, что вчерашняго числа въ 9 ч. в. въ гостиницѣ „Метрополь“, подъ предсѣдательствомъ инженера Павла Николаевича Милюкова собрались, въ числѣ 79 человѣкъ, члены моск. отдѣл. всероссійскаго союза инженеровъ и техниковъ. На собраніи этомъ, подъ видомъ товарищеской бесѣды былъ вновь подвергнутъ обсужденію возбужденный въ прошломъ собраніи, происходившемъ 20 августа, вопросъ объ отношеніи союза инженеровъ къ извѣстному постановленію союза союзовъ о бойкотѣ государственной думы. По мнѣнію большинства присутствовавшихъ, подобный бойкотъ, по извѣстнымъ уже соображеніямъ, могъ привести къ очень нежелательнымъ послѣд-

ствіямъ, и въ этомъ смыслѣ было сказано нѣсколько рѣчей, вызвавшихъ возраженія со стороны нѣкоторыхъ лицъ крайняго направленія, которыя находили, что едва-ли возможно разсчитывать, чтобы лица либеральнаго образа мыслей при современномъ правительственномъ режимѣ могли быть проведены въ госуд. думу, а если бы даже это и осуществилось, то весьма сомнительно, чтобы этимъ лицамъ была предоставлена возможность проведенія въ жизнь политическихъ стремленій либеральныхъ партій".

„По полученіи свѣдѣній о мѣстѣ и цѣли означеннаго собранія, мною предписано было мѣстному участковому приставу предложить администраціи ресторана, не испросившей моего разрѣшенія на предоставленіе помѣщенія для засѣданій союза инженеровъ, отказать собравшимся въ дальнѣйшемъ предоставленіи помѣщенія, что и было исполнено. По полученіи о семъ заявленія отъ администраціи, Милюковъ довѣлъ объ этомъ до свѣдѣнія и присовокупилъ, что мѣстныя полицейскія власти, безсильныя по отношенію къ интеллигентному общественному движенію, нынѣ избрали другой способъ недопущенія собраній въ ресторанахъ, а именно угрозы по отношенію къ администраціи ресторана за допущеніе въ немъ неразрѣшенныхъ собраній, въ смыслѣ сокращенія часовъ торговли. Въ виду этого, находя неудобнымъ продолжать дальнѣйшее собраніе, чѣмъ возможно причинить ущербъ совершенно незаинтересованнымъ въ дѣлѣ союза лицамъ, и не желая вмѣстѣ съ тѣмъ прервать засѣданіе,—Милюковъ предложилъ собравшимся, въ цѣляхъ выясненія настроенія настоящаго собранія по отношенію къ постановленію союза союзовъ о бойкотѣ государ. думы, баллотировать этотъ вопросъ; произведенная баллотировка дала слѣдующіе результаты: изъ 79 присутствовавшихъ 21 высказалось за бойкотъ и 58 противъ бойкота государственной думы. Послѣ этого нѣкоторыми лицами былъ возбужденъ вопросъ о необходимости разъ навсегда установить систему собраній членовъ союза, при которой не могли бы происходить подобныя недоразумѣнія, такъ какъ до настоящаго времени члены союза не могли осуществить ни одного собранія безъ вмѣшательства полиціи, но предсѣдатель, инженеровъ Милюковъ,

нашелъ неудобнымъ продолжать дальнѣйшее собраніе, и присутствующіе въ 10 ч. в. оставили ресторанъ".

Не ограничиваясь этимъ, полицейская администрація шла еще дальше и, угрожая разными мѣрами, затѣмъ этихъ угрозъ въ исполненіе не приводила (само собою разумѣется, что плохо не то, что эти угрозы не приводились въ исполненіе, а то, что онѣ дѣлались, разъ не было возможности ихъ привести въ исполненіе). Въ дѣлѣ департамента полиціи о союзѣ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній имѣется выписка изъ полученнаго „агентурнымъ" путемъ письма профессора А. А. Брандта къ профессору В. И. Вернадскому, гдѣ, между прочимъ, находится такое мѣсто: „Въ охранномъ отдѣленіи я, конечно, не отрицалъ того, что съѣздъ предполагается, и меня тамъ предупредили, что теперь, въ виду отмѣны указа 18 февраля, никакіе съѣзды допускаться не будутъ... Я напомнилъ всѣмъ петербургскимъ делегатамъ о съѣздѣ и собираю ихъ на предварительное совѣщаніе 22 августа". Изъ этого видно, что профессоръ А. А. Брандтъ совершенно игнорируетъ сдѣланное ему въ охранномъ отдѣленіи предупрежденіе, и факты доказываютъ затѣмъ, что онъ былъ правъ, потому что, какъ видно изъ донесенія московскаго градоначальника въ департаментъ полиціи отъ 30 августа 1905 г., съѣздъ, въ составѣ 129 представителей отъ 30 высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, безпрепятственно состоялся 26 и 27 августа и имѣлъ три засѣданія.

Такимъ образомъ, попытка товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей, „разбить эти организаціи" мѣрами полицейской репрессіи оказалась совершенно неудачной и скорѣе даже содѣйствовала усиленію союзовъ, внушивъ всѣмъ увѣренность въ ихъ силѣ, что же касается престижа правительства, то онъ несомнѣнно такимъ образомъ дѣйствій былъ подорванъ въ глазахъ общества. Еще хуже кончилась попытка осуществить вторую половину указанной выше программы борьбы съ союзами—путемъ возбужденія противъ ихъ членовъ уголовнаго преслѣдованія. Для начала былъ избранъ союзъ адвокатовъ, членамъ котораго, извѣст-

нымъ присяжнымъ повѣреннымъ, Винаверу и Берештамму, было объявлено обвиненіе по 126 ст. угол. улож. Выборъ именно союза адвокатовъ для возбужденія противъ него уголовнаго преслѣдованія обѣщалъ тяжелую борьбу, такъ какъ въ этомъ союзѣ группируются почти всѣ лучшія юридическія силы страны, и члены его объединены издавна существующей легальной организаціей въ видѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Привлеченіе къ суду двухъ видныхъ и пользующихся въ средѣ товарищей большимъ уваженіемъ адвокатовъ вызвало сильное движеніе, выразившееся въ подачѣ въ жандармскія управленія ряда однородныхъ по содержанію прошеній съ ходатайствомъ также о привлеченіи и подписавшихъ эти прошенія лицъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ за участіе въ томъ же союзѣ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не могло, однако, рѣшиться посадить на скамью подсудимыхъ всю русскую адвокатуру, и изъ самой попытки ничего не вышло, на общественное же мнѣніе неудача правительства произвела вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе. Въ связи съ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ фактовъ она показала,—такъ думали въ обществѣ,—что правительство хотѣло помѣшать такъ называемому освободительному движенію, но въ сущности уже совершенно не въ силахъ это сдѣлать и вынуждено отступать всякій разъ, когда оно встрѣчаетъ рѣзкій и организованный отпоръ, а отсюда, естественно, послѣдовалъ выводъ—необходимо организоваться, а организовавшись, можно будетъ дать отпоръ. Между тѣмъ, въ то самое время, когда престижу правительства наносились такіе удары, произошелъ рядъ событій, которыя даже наиболѣе благорасположенные къ правительству круги общества не могли объяснить и оправдать, а именно: погромы и избіенія въ разныхъ городахъ, организованные, по всеобщему убѣжденію, полиціей. Такое убѣжденіе поддерживалось не только оглашавшимися въ газетахъ и установленными мѣстными обывателями фактами, но и совершенно непонятнымъ (и не имѣющимъ мѣста — при другихъ условіяхъ) поведеніемъ властей, которыя не только не предпринимали ничего для подавленія такого рода безпорядковъ, сопровождавшихся даже

убійствами и грабежемъ имущества, но и оставляли затѣмъ безнаказанными извѣстныхъ всему городу и часто открыто называвшихся въ печати организаторовъ и участниковъ этихъ погромовъ. Наибольшее вниманіе обратили на себя еврейскій погромъ въ Житомірѣ и избіеніе интеллигенціи въ Нижнемъ-Новгородѣ, при чемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ было указано много неправильностей въ передачѣ фактовъ въ правительственномъ сообщеніи о безпорядкахъ. Такъ, напримѣръ, въ правительственномъ сообщеніи о безпорядкахъ въ Житомірѣ было указано, что поводомъ къ безпорядкамъ послужилъ фактъ стрѣльбы евреями въ портретъ государя-императора. Высшія мѣстныя власти немедленно опровергли этотъ фактъ и заявили, что ничего подобнаго не было; между тѣмъ, столь важное обстоятельство не должно было быть указываемо въ правительственномъ сообщеніи безъ надлежащей провѣрки, способной гарантировать правильность сообщенія, и, естественно, что когда выяснилась вымышленность столь важнаго повода къ возникновенію безпорядковъ, у общества еще болѣе укрѣпилось убѣжденіе, что правительство сознательно говоритъ неправду для сокрытія своего участія въ организаціи этихъ безпорядковъ, нужныхъ ему для того, чтобы справиться такимъ образомъ съ людьми, съ которыми справиться иными способами оно болѣе не въ состояніи.

Изъ изложеннаго видно, что въ половинѣ февраля, т. е. ко времени опубликованія высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18 февраля, всѣ слои общества находились уже въ движеніи, но ожидали дарованія гражданской свободы и общаго обновленія государственнаго строя Россіи отъ правительства, при чемъ значительное большинство вѣрило, что только правительство можетъ это сдѣлать, какъ оно же можетъ и помѣшать этому, но что оно готово это сдѣлать. За время, протекшее съ тѣхъ поръ до конца іюля, движеніе во всѣхъ направленіяхъ страшно разрослось, но характеръ его рѣзко измѣнился въ томъ отношеніи, что господствующимъ стало убѣжденіе въ томъ, что правительство, поскольку это отъ него зависитъ, ничего обществу давать не намѣрено и употре-

битъ все отъ него зависящее, вплоть до *самыхъ непозволительныхъ* средствъ, какъ, напримѣръ, организація погромовъ для борьбы съ „освободительнымъ“ движеніемъ, но въ то же время выяснилось, что силъ бороться съ этимъ движеніемъ у него нѣтъ, что противъ организованныхъ сообществъ оно уже ничего сдѣлать не можетъ и не можетъ болѣе всецѣло положиться даже на свое войско и флотъ. При такомъ настроеніи общества были опубликованы законы 6 августа 1905 г. Общество несомнѣнно вполнѣ удовлетворилось бы ими тогда, когда оно вѣрило еще въ готовность правительства дать необходимыя, по всеобщему убѣжденію, реформы, и когда оно считало, что сила въ рукахъ правительства, и отъ него зависитъ дать ихъ, или не дать. Но 6 августа ни той, ни другой увѣренности уже не было; между тѣмъ, въ новыхъ законахъ обращали на себя особенное вниманіе общества двѣ ихъ особенности: крайне ограниченныя права государственной думы, какъ совѣщательнаго учрежденія, безъ права иниціативы по предметамъ, касающимся „началъ государственнаго устройства“, установленныхъ законами основными (§ 34 учр. гос. думы), и незначительность круга лицъ имѣющихъ право выбора въ думу, какового права оказались лишенными почти вся городская интеллигенція, рабочіе и значительная часть крестьянства. Кромѣ того, оставали сь совершенно необезпеченными основныя права гражданской свободы: болѣе того, съ изданіемъ закона 6 августа, общество оказалось лишеннымъ и того небольшого права собраній и петицій, которое ему давалъ высочайшій указъ прав. сенату 18 февраля 1905 г., взамѣнъ же этого ничего дано не было, и положеніе послѣ 6 августа оказалось еще хуже, чѣмъ до него. Естественно было, что данная при такихъ обстоятельствахъ госуд. дума не удовлетворила никого: ни тѣхъ, кто могъ въ нее попасть, ни тѣхъ, кто этого права былъ лишенъ. Первые предлагали итти въ думу, чтобы объявить ее учредительнымъ собраніемъ, т. е. пересмотрѣть законъ о выборахъ и о правахъ думы, и, добившись обращенія своего постановленія въ законъ, объявить думу распущенной и произвести новые выборы на началахъ, установленныхъ учредительнымъ собраніемъ.

Вторые предлагали бойкотъ думы и даже вооруженное сопротивленіе производству выборовъ. Въ самый разгаръ этихъ споровъ о правильности того или иного пути послѣдовалъ указъ правительствующему сенату 27 августа объ университетской автономіи.

Автономія университетовъ являлась несомнѣнно единственнымъ способомъ, чтобы умиротворить высшія учебныя заведенія, и такое умиротвореніе, несомнѣнно, произошло бы, если бы одновременно съ этимъ были приняты аналогичныя мѣры и для успокоенія всей страны: „высшія учебныя заведенія—чуткіе показатели культурнаго уровня страны, опредѣляющіе мѣсто и значеніе ея среди другихъ странъ“,—еще въ началѣ года указывала записка представителей ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній. При томъ же революціонномъ броженіи, въ какомъ находилась страна въ концѣ августа 1905 г., одно объявленіе объ университетской автономіи, безъ измѣненія общаго положенія страны, не могло внести успокоенія даже въ студенческую сферу. Это показали и происходившіе въ петербургскомъ университетѣ и политехникумѣ споры на сходкахъ 12 и 13 сентября по вопросу объ открытіи учебныхъ заведеній. Студенты раздѣлились на двѣ партіи. Одни говорили, что студенчество своей единственной задачей должно себѣ поставить широкую агитацію „на землѣ“, итти къ крестьянину. „Послѣдній сознателенъ, но дѣйствуетъ безъ планомѣрности и организованности. Эти двѣ цѣли и необходимо теперь осуществить. Университетъ нужно закрыть—пусть фактъ закрытія будетъ нашимъ принципіальнымъ положеніемъ. Обратимся къ пропагандѣ, къ митингамъ, къ практической дѣятельности на полѣ обновленія всего соціальнаго строя“. Другіе студенты возражали: „только романтики могутъ полагать, что вся среда студенчества можетъ служить агитаціоннымъ очагомъ. Едва-ли сотня изъ насъ готова къ этому назначенію. Мы ставимъ иныя задачи. Такъ какъ условія измѣнились только въ сторону близости общаго исхода, мы должны подготовиться, образовать изъ себя новыя силы“.

Значеніе послѣднихъ словъ поясняется резолюціею, принятой на сходкѣ 13 сентября 1905 г. въ петербургскомъ политехниче-

скомъ институтѣ: „студенты петербургскаго политехническаго института, обсудивъ, согласно своему постановленію (31 января 1905 г.), положеніе страны, прекращаютъ забастовку, считая ее для настоящаго момента слишкомъ пассивнымъ орудіемъ. Бюрократія въ борьбѣ за существованіе усилила реакцію до наивысшаго предѣла. На академическую свободу и государственную думу, если она дѣйствительно будетъ собрана, студенчество смотритъ, какъ на уступки современному движенію. Измѣняя тактику, студенчество будетъ руководиться нижеслѣдующей программой, оставляя за собою право дѣйствовать сообразно условіямъ жизни страны: 1) студенчество будетъ фактически осуществлять право собраній, предоставивъ помѣщеніе общежитія для митинговъ, сходокъ и защищая это право всѣми средствами, которыя находятся въ его распоряженіи; 2) студенчество будетъ стремиться къ расширенію аудиторіи въ формѣ вечернихъ лекцій по вопросамъ общественнаго характера для всѣхъ желающихъ; 3) студенчество будетъ осуществлять завоеванную академическую свободу въ самой широкой формѣ". Образцомъ для большинства высшихъ учебныхъ заведеній стала краткая, но вполнѣ опредѣленная резолюція сходки въ петербургскомъ университетѣ: „отложить объявленіе о забастовкѣ впредь до момента, когда это будетъ выгодно по соображеніямъ руководящихъ партій; открыть университетъ для развитія въ стѣнахъ его политической пропаганды, митинговъ, союзовъ и проч., служащихъ подготовкой для дальнѣйшаго: открытый университетъ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ университетъ бастующій". Такимъ образомъ, въ университетахъ и иныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всей Россіи начались такъ наз. „народные митинги", на которые приходили всѣ, кто хотѣлъ, и гдѣ говорили *всѣ, кто хотѣлъ*.

Всего менѣе желали такого положенія профессора. Въ Москвѣ они нѣсколько разъ заявляли студентамъ о нежелательности и недопустимости митинговъ въ университетѣ, но всякій разъ наталкивались на вопросъ, гдѣ же эти митинги устраивать, если не въ университетѣ. Съ другой стороны, рекомендовать студентамъ до-

бровольно отказаться отъ уже имѣющейся у нихъ возможности устраивать митинги, каковую возможность они считали завоеванной ихъ революціонной борьбой съ правительствомъ, значило бы говорить завѣдомо такія вещи, которыя только безполезно дискредитировали бы профессорскую коллегію въ глазахъ студенчества. Поэтому, послѣ нѣкоторыхъ столкновеній совѣтъ счелъ себя вынужденнымъ 21 сентября объявить университетъ закрытымъ. Ректоръ университета, кн. С. Н. Трубецкой, слѣдующимъ образомъ объяснилъ студентамъ мотивы этой мѣры: „вчера совершилось печальное событіе: совѣтъ профессоровъ вынужденъ былъ временно закрыть университетъ. Совѣтъ гарантировалъ вамъ полную свободу вашихъ собраній въ этихъ стѣнахъ. Мы заручились увѣренностью, что полиція сюда не войдетъ, но поставили два условія студентамъ: 1) чтобы собранія не нарушали академическихъ занятій, и чтобы они назначались явочнымъ порядкомъ, и 2) чтобы на собранія не допускались постороннія лица. Условія эти, однако, неоднократно нарушались вами. Вчера здѣсь скопилось много больше трехъ тысячъ человѣкъ, при чемъ больше половины ихъ—нестуденты. Градоначальникъ увѣдомилъ меня, что въ манежѣ находятся войска, готовыя во всякую минуту приступить къ активнымъ дѣйствіямъ, если внѣшній порядокъ будетъ нарушенъ“. При этомъ онъ сообщилъ, что въ Москвѣ есть группы лицъ, которымъ на руку такія столкновенія. Сообщеніе градоначальника только рѣзче подчеркнуло всю неестественность положенія, созданнаго правилами 27 августа. Университеты превратились въ какое-то государство въ государствѣ, при чемъ такія дѣйствія администраціи, какъ указанное кн. Трубецкимъ распоряженіе градоначальника, усиленно подчеркивали огромную разницу между „свободой“ въ стѣнахъ университета и грознымъ положеніемъ вещей за его стѣнами. Настроеніе студентовъ по этому вопросу показываетъ происшедшій нѣсколько позже случай въ петербургскомъ университетѣ (по свѣдѣніямъ департамента полиціи). Профессоръ Петражицкій, выборный ректоръ университета, слѣдующимъ образомъ выяснилъ свой взглядъ на закрытіе универ-

ситета: „если университетъ закроетъ правительство, то студенты и профессора будутъ уволены, а многіе, вѣроятно, и высланы изъ столицы, если же университетъ закроютъ профессора, то они всегда будутъ имѣть возможность и открыть его“.

Поэтому, чтобы спасти свой корабликъ и благополучно дождаться окончанія бури и болѣе ясной погоды, необходимо университету самому немедленно закрыться. Рѣчь эта была покрыта аплодисментами, но послѣ ухода профессора выступилъ какой-то студентъ и, назвавъ Петражицкаго провокаторомъ, заявилъ, что его планъ подведетъ подъ пули рабочихъ и пролетаріевъ, которые, потерявъ возможность устраивать митинги въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, станутъ собираться на улицахъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе на слушателей, и затѣмъ, на состоявшейся общей сходкѣ, всѣ ораторы высказались противъ закрытія университета.

Горячо возставая противъ обращенія университетовъ въ совершенно несоотвѣтствующее ихъ цѣлямъ мѣсто для народныхъ митинговъ, совѣты университетовъ и отдѣльные ихъ дѣятели неоднократно обращались къ правительству съ ходатайствами объ урегулированіи вопроса о митингахъ и открытіи для нихъ новыхъ помѣщеній. Въ началѣ, однако, всѣ такія ходатайства оставлялись безъ всякаго вниманія, а затѣмъ—когда былъ выработанъ законъ о собраніяхъ—все, касающееся его, держалось въ такой тайнѣ, что еще 11 октября совѣтъ московскаго университета вынужденъ былъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ „поддержать ходатайство, уже разъ возбужденное совѣтомъ, черезъ покойнаго ректора кн. Трубецкого, о необходимости совершенно безотлагательно издать законъ, разрѣшающій русскимъ гражданамъ широкую свободу политическихъ собраній и гарантирующій неприкосновенность личности. Если изданіе этого закона почему-либо замедлится, то временно слѣдуетъ предоставить для политическихъ собраній не помѣщенія высшихъ школъ, а какія-нибудь другія, болѣе подходящія для этой цѣли, обезпечивъ участникамъ происходившихъ тамъ собраній ту же неприкосно-

венность, которую они фактически находятъ въ помѣщеніяхъ высшихъ школъ".

Это писалось наканунѣ изданія правилъ о собраніяхъ 12 октября 1905 г. Что касается собственно этихъ правилъ, то изданіе ихъ никакого успокоенія не внесло. Причиною этому являлось прежде всего то, что мѣсяцъ митинговъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пріучилъ массу къ совершенно свободнымъ народнымъ собраніямъ, безъ всякой полицейской цензуры. Если бы правила 12 октября были изданы въ августѣ, правительство дало бы народу то, чего онъ не имѣлъ, и народъ былъ бы ему, можетъ быть, за это признателенъ. Но тогда правительство такого права народу не дало, и онъ, при помощи студенчества, взялъ это право революціоннымъ путемъ и взялъ его въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ соглашалось его дать правительство. Поэтому, когда оно, наконецъ, дало это право, оказалось, что правительство не только ничего не дало, а, наоборотъ, стремится отнять кое-что изъ того, что народъ уже имѣетъ и что онъ считаетъ завоеваннымъ собственными усиліями. Между тѣмъ, какъ извѣстно, народъ крайне неохотно разстается съ такими завоеваніями, въ особенности въ революціонныя эпохи, когда онъ чувствуетъ свою силу. Слѣдуетъ отмѣтить, что и моментъ для этого былъ выбранъ *странно* (неудачно)—начало всеобщей стачки, когда, казалось бы, желательно было бы принять мѣры для умиротворенія рабочихъ массъ, а отнюдь не для обостренія борьбы и вовлеченія въ нее новыхъ группъ рабочихъ.

Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить и другіе результаты, которые имѣлъ вопросъ о митингахъ въ постановкѣ, данной ему правительствомъ въ сентябрѣ и октябрѣ. Какъ извѣстно, крайнія партіи всегда говорили, что правительство по своей волѣ ничего давать не желаетъ и уступитъ только силѣ, и что въ настоящее время сила можетъ быть примѣнена, потому что правительство слабо и не выдержитъ организованнаго натиска. Самый фактъ созданія митинговъ революціоннымъ путемъ выставлялся доказательствомъ правоты крайнихъ партій. Правительство ихъ не да-

вало, народъ ихъ взялъ, и правительство не смѣетъ имъ помѣшать. И когда появились правила 12 октября, они были истолкованы въ томъ смыслѣ, что, не рѣшаясь совершенно запретить то, что уже создалось помимо его власти, правительство готово это санкціонировать, но все-таки не полностью, а только въ части, т. е. даже теперь не желаетъ признать за народомъ право на то, что онъ уже имѣетъ. По всеобщему убѣжденію, правительство обнаружило этимъ свою слабость, во-первыхъ, и неискренность, во-вторыхъ, т. е. какъ разъ то, что утверждали крайнія партіи. Такимъ образомъ, одновременно съ крайнимъ паденіемъ престижа правительства высоко поднялся престижъ крайнихъ партій. Вопросъ о митингахъ былъ ихъ крупной побѣдой, въ сущности отдавшей въ ихъ руки почти все дальнѣйшее движеніе. Если бы законъ о митингахъ былъ изданъ въ августѣ или даже въ началѣ сентября, то успѣхъ этотъ приписали бы земцамъ, промышленникамъ и профессіональнымъ союзамъ, которые съ большой настойчивостью выдвигали вопросъ о собраніяхъ, имѣющій особенную важность именно для этихъ группъ, но революціоннымъ путемъ это право было взято не ими, а крайними группами, которыя съ этого момента и заняли первенствующее мѣсто въ движеніи, ставшемъ изъ „освободительнаго“ чисто революціоннымъ Между тѣмъ, вообще, для правительства всего менѣе, конечно желательно помогать крайнимъ партіямъ брать верхъ за счетъ партій умѣренныхъ.

Вторымъ важнымъ результатомъ политики правительства по вопросу о митингахъ было возвышеніе въ глазахъ народа рабочихъ вообще, и въ особенности студентовъ, какъ революціонныхъ дѣятелей. Народъ нигдѣ не могъ собираться, и даже небольшая толпа на улицахъ, ни о какой революціи и не думавшая, безпощадно разгонялась полиціей и войсками, и тутъ же рядомъ въ университетѣ или въ иномъ высшемъ учебномъ заведеніи собирались тысячныя толпы, свободно и рѣзко обсуждались самые жгучіе вопросы, и полиція не смѣла вмѣшиваться. Невольно создавалось убѣжденіе, что студенты—сила, и толпа не могла не испы-

тывать къ нимъ уваженія за то, что они сумѣли эту силу добыть. Кромѣ того, всеобщее вниманіе обращалъ и тотъ удивительный порядокъ, который обыкновенно (за очень немногими исключеніями) царилъ на митингахъ, гдѣ не было, однако, никакой полиціи, не видно было никакого начальства. Толпа, знавшая, съ какими затрудненіями удается обыкновенно поддерживать порядокъ, даже при небольшомъ скопленіи народа полиціи, и какъ часто безпорядокъ все-таки происходитъ, не могла не дѣлать сравненія между полиціей и студентами, и невольно, съ особымъ вниманіемъ слушала, что ей эти студенты говорили на митингахъ и внѣ ихъ. Митинги становились дороги массѣ, какъ благодаря этому порядку, такъ еще и потому, что обыкновенно загнанный и чувствующій себя всюду презираемымъ простолюдинъ здѣсь сознавалъ себя не только бариномъ, но едва-ли не выше его. Къ нему этотъ баринъ обращался со словомъ „товарищъ“ (обыкновенная форма обращенія на митингахъ), для него съ такими трудами и жертвами были открыты эти аудиторіи, отъ него ждали рѣшенія тѣхъ важныхъ политическихъ вопросовъ, о которыхъ за стѣнами университета ему и думать не полагалось. На митингѣ простолюдинъ отдыхалъ душою; и, послѣ того, какъ онъ на нихъ побывалъ, перестать тамъ бывать,—являлось уже для него тяжелою жертвою.

Наконецъ, митинги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вселили всѣмъ окончательное убѣжденіе, что теперь все дозволено, и что правительство рѣшительно не въ состояніи чему бы то ни было помѣшать. Когда собирались съѣзды земцевъ, или профессіональныхъ союзовъ, и полиція, несмотря на свои угрозы, не разгоняла ихъ, этому находили оправданіе и объясненіе въ томъ, что, повидимому, правительство не желаетъ принимать слишкомъ рѣзкихъ мѣръ, быть можетъ, не считая эти собранія достаточно для себя опасными, а быть можетъ, и боясь этимъ вызвать движеніе народныхъ массъ. Но, когда изо дня въ день стали безъ всякаго разрѣшенія собираться народныя собранія въ тысячи, иногда десятки тысячъ людей, и тамъ открыто произносились

самыя рѣзкія рѣчи, съ призывомъ даже къ вооруженному возстанію, и правительство все-таки ничего не предпринимало, то всѣ прежнія объясненія падали, и приходилось создавать новыя. Одни говорили, что правительство сознательно допускаетъ митинги въ надеждѣ на то, что такимъ образомъ движеніе скорѣе выйдетъ на улицу, что дастъ возможность подавить его вооруженной силой,—иными словами, митинги допускаются въ цѣляхъ провокаціи. Другіе говорили, что правительство допускаетъ митинги потому, что оно безсильно имъ помѣшать. Что же касается объясненія, что митинги допускаются потому, что правительство не считаетъ себя въ правѣ послѣ закона 27 августа вмѣшиваться въ происходящее въ стѣнахъ университета, то этому никто не вѣрилъ, такъ какъ, по всеобщему убѣжденію, правительство не потѣснялось бы нарушить или отмѣнить законъ, если бы онъ дѣйствительно стѣснялъ его въ его дѣйствіяхъ.

Такимъ образомъ, революціонное настроеніе массъ создавалось уже самыми фактами и все болѣе укоренявшимся въ сознаніи массъ—отчасти благодаря этимъ же фактамъ—убѣжденіемъ, что хотя правительство побѣждено и не въ состояніи болѣе отстоять своей позиціи, оно все же пытается еще возвратить народъ къ старому положенію вещей и отнять (или ограничить) тѣ его права, которыя ему стали дороги за этотъ короткій промежутокъ времени.

Падая на такую благодарную почву, революціонная пропаганда не могла не оказывать самаго серьезнаго воздѣйствія даже на такіе слои населенія, которые при иныхъ условіяхъ остались бы несомнѣнно глухи къ ней, какъ, напр., войска и полиція. Между тѣмъ, уже въ срединѣ періода митинговъ въ аудиторіяхъ начинаютъ сначала появляться, а затѣмъ и говорить офицеры и солдаты, а въ концѣ этого періода въ университетѣ происходятъ спеціальные митинги дворниковъ, городовыхъ и солдатъ.

Были еще факты, которые не могли не дѣйствовать возбуждающе на массу. Такъ, 14 сентября въ газетѣ „Слово“ появилась статья англійскаго журналиста Вильяма Стэда, въ которой этотъ писатель утверждалъ слѣдующее:

„Генералъ Треповъ сказалъ Стэду, что онъ разрѣшитъ ему устройство митинговъ повсюду въ Россіи и даже прикажетъ мѣстнымъ властямъ оказать ему всякое содѣйствіе. Я отвѣтилъ на это, что я съ радостью воспользовался бы этимъ позволеніемъ, но не ранѣе, какъ тогда, когда профессоръ Милюковъ былъ бы освобожденъ изъ тюрьмы 11 октября въ 6 час. 15 мин. вечера. Генералъ Треповъ какъ разъ въ эту минуту послалъ мнѣ сказать, что проф. Милюковъ освобожденъ".

Общество не могло не волноваться по поводу этого и не дѣлать вывода, что или проф. Милюковъ былъ виновенъ въ томъ, въ чемъ онъ обвинялся, но его выпустили потому, что правительство не рѣшилось отказать знатному иностранцу, или Милюковъ виноватъ не былъ,—но его держали безъ всякаго законнаго основанія до тѣхъ поръ, пока за него не вступился вліятельный человѣкъ, безъ чего онъ могъ бы просидѣть совершенно неопредѣленное время въ тюрьмѣ.

Затѣмъ, тотъ же Стэдъ ѣдетъ въ Москву на съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей и оказываетъ важную услугу этому съѣзду, о чемъ въ такомъ видѣ разсказываетъ газета „Биржевыя Вѣдомости": „Цензурованіе отчетовъ съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей постигла довольно интересная судьба. Вначалѣ изъ отчетовъ выкидывалось по меньшей мѣрѣ девять десятыхъ текста, что, конечно, отзывалось не только на полнотѣ текста, но и на смыслѣ. Присутствующій на съѣздѣ журналистъ г. В. Стэдъ телеграфировалъ въ Петербургъ Д. Ф. Трепову, что уполномоченный московскаго генералъ-губернатора, церемоніймейстеръ Воронинъ, не компетентенъ въ порученномъ ему дѣлѣ, что отчеты искажаются, и что, благодаря этому, въ газетахъ появляется не то, что нужно. Это нарушаетъ то обѣщаніе, которое дано въ Петербургѣ Д. Ф. Треповымъ г. Стэду. Отъ генералъ-маіора Трепова была получена телеграмма, и теперь отчеты о засѣданіяхъ съѣзда не подвергаются болѣе сокращенію". Такимъ образомъ создавалось впечатлѣніе, что такіе важные вопросы, какъ допущеніе или недопущеніе печатанія отчетовъ о съѣздѣ земскихъ и городскихъ

дѣятелей, обсуждающемъ серьезнѣйшіе вопросы государственной жизни, рѣшаются не на основаніи закона или дѣйствительнаго соображенія вопроса съ требованіями общественнаго благосостоянія и спокойствія, а въ силу какихъ-то обѣщаній, случайно данныхъ заѣзжему журналисту и едва-ли не забытыхъ на завтра. До тѣхъ поръ правительство считали неискреннимъ въ его отношеніяхъ къ русскому освободительному движенію и слабымъ;—исторія со Стэдомъ подала поводъ упрекать правительство въ легкомыслiи и презрительномъ отношеніи къ Россіи. Эти упреки дѣлались столь открыто, что министерство внутреннихъ дѣлъ вынуждено было циркулярно запретить газетамъ писать о г. Стэдѣ, послѣ чего газета „Сынъ Отечества“ напечатала открытое письмо къ г. Стэду съ просьбой употребить его вліяніе на русское правительство и добиться для газетъ разрѣшенія писать о немъ, г. Стэдѣ.

Въ это же время начинаетъ съ особой остротой выступать вопросъ о военныхъ судахъ и смертной казни. Въ виду объявленія многихъ мѣстностей на военномъ положеніи, участились случаи передачи дѣлъ военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени. При этомъ имѣлось, конечно, въ виду предупредить повтореніе и распространеніе преступленій особо суровыми за нихъ наказаніями, главнымъ образомъ, примѣненіемъ смертной казни. Въ дѣйствительности, однако, военный судъ примѣнялъ не только законы о наказаніяхъ, налагаемыхъ за преступленія въ военное время, но и крайне сокращенное и упрощенное судопроизводство, приспособленное для особыхъ обстоятельствъ военнаго времени, но весьма плохо обезпечивающее установленіе истинной виновности, въ обстоятельствахъ мирнаго времени.

Такъ, напр., военный судъ отказывалъ въ вызовѣ свидѣтеля изъ другого города для доказательства алиби подсудимаго, который затѣмъ былъ присужденъ къ смертной казни (дѣло Маньковскаго во временномъ военно-полевомъ судѣ въ Двинскѣ). Случайно въ приговорѣ оказались столь существенные процессуальные дефекты, что приговоръ былъ кассированъ главнымъ военнымъ судомъ, и

дѣло было передано для новаго разсмотрѣнія въ тотъ же военный судъ въ другомъ составѣ присутствія. При новомъ слушаніи дѣла, судъ выслушалъ не вызваннаго прежде свидѣтеля и оправдалъ Маньковскаго. Это дѣло обратило на себя чрезвычайное вниманіе общества, которое справедливо указывало, что если правительство примѣняетъ особо суровыя наказанія за политическія преступленія, то самая исключительность этихъ наказаній налагаетъ тѣмъ большія обязательства слѣдить за тѣмъ, чтобы эти наказанія постигали дѣйствительно виновныхъ, и что, наоборотъ, никакая строгость наказаній не отвратитъ отъ совершенія политическихъ преступленій, когда преступникъ можетъ надѣяться, что, благодаря неумѣлому сыску, съ одной стороны, и слишкомъ большой поспѣшности судопроизводства съ другой,—кара постигнетъ не его, а другого, неизвѣстнаго ему человѣка. Кромѣ того, имѣя на глазахъ такіе случаи, какъ дѣло Маньковскаго (а такіе случаи не единичные), общество теряло вѣру въ самую священную основу гражданской жизни—правоту уголовнаго суда, и видя, что правительство не цѣнитъ жизни гражданъ, допуская жертвы даже на судѣ изъ политическихъ соображеній, само начало терять уваженіе къ жизни ближняго: военно-полевые суды повели къ особому учащенію террористическихъ актовъ, съ одной стороны, и къ все болѣе наростающему протесту противъ нихъ въ болѣе благонамѣренныхъ кругахъ общества, съ другой.

Усиленное примѣненіе военно-полевыхъ судовъ ярко выдвинуло и еще два несовершенства ихъ процессуальной стороны, которыя были особенно подчеркнуты дѣйствіями высшихъ мѣстныхъ военныхъ властей. Основнымъ закономъ справедливости является несомнѣнно правило, согласно которому приговоръ, постановленный съ существенными нарушеніями правилъ судопроизводства или уголовныхъ законовъ, не имѣетъ силы приговора и долженъ быть отмѣненъ: тѣмъ болѣе важно такое правило, когда судъ постановляетъ смертный приговоръ, неисправимый ни при какихъ обстоятельствахъ. Поэтому право кассаціи, т. е. обжалованія приговора съ указанной стороны, во всѣхъ странахъ считается не-

отъемлемымъ правомъ каждаго подсудимаго.. Военный судъ, вынужденный примѣняться къ исключительной обстановкѣ военнаго времени, гдѣ жизнь вообще цѣнится менѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ гражданскомъ обществѣ, допускаетъ иногда право командующаго войсками не допускать кассаціоннаго обжалованія приговора, но недопущеніе его въ мирное время не можетъ быть оправдано никакими соображеніями и способно только, какъ и было въ дѣйствительности, внушить обществу мысль, что правительство настолько мало само вѣритъ приговору суда, присудившаго, однако, человѣка къ смертной казни, и настолько желаетъ, чтобы этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, что не рискуетъ даже допустить перенесеніе его на разсмотрѣніе другого, высшаго, хотя и такого же коронnаго суда. Между тѣмъ, случаевъ отказа въ пріемѣ кассаціонныхъ жалобъ по дѣламъ, гдѣ были постановлены смертные приговоры, было много; какъ на примѣры, можно указать на дѣла: о бунтѣ матросовъ въ Либавѣ, о бунтѣ матросовъ на броненосцѣ „Георгій Побѣдоносецъ“ въ Одессѣ, Окружи въ Варшавѣ.

Было, однако, и другое нарушеніе если не писаннаго закона то не менѣе обязательнаго закона человѣколюбія и справедливости. Законы всѣхъ странъ и народовъ давали судьѣ право признавать смягчающія обстоятельства, и въ томъ случаѣ, когда эти смягчающія обстоятельства не могли измѣнить мѣры наказанія,— обращаться къ высшему суду въ странѣ—подвергать дѣло на высочайшее благовоззрѣніе въ порядкѣ ходатайства о смягченіи наказанія высочайшей милостью. Отнимать у суда или подсудимаго эту послѣднюю возможность, значитъ лишить монарха драгоцѣннѣйшаго изъ принадлежащихъ ему правъ, и если это и допускается иногда въ обстановкѣ военнаго времени, когда обращеніе къ монаршей милости сопряжено съ особыми затрудненіями, съ опасностями, оно совершенно необъяснимо въ мирное время, когда всего важнѣе возвысить идеалъ государя, а не лишать того, что дѣлаетъ его особенно дорогимъ въ глазахъ народа. И это было сдѣлано. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ, изъ которыхъ наибольшую

извѣстность получилъ случай по дѣлу о безпорядкахъ на учебномъ суднѣ „Прутъ“, постановленія военно-полевыхъ судовъ о представленіи на высочайшее имя ходатайствъ о смягченіи наказаній (смертной казни) оставлялись безъ послѣдствій собственной властью командующихъ войсками, и приговоры приводились въ исполненіе. Все это, въ особенности въ столь тревожное время, какимъ были осенніе мѣсяцы текущаго года, не могло не обострить и безъ того достигавшаго крайней степени напряженія общественнаго возбужденія. Кромѣ того, эти обстоятельства близко касались флота и войскъ и вносили и въ ихъ среду тѣ же недовольство и тревогу, которыя къ этому времени такъ глубоко охватили гражданское общество.

Между тѣмъ, надвигались событія исключительной важности, 23 сентября въ Москвѣ началась большая забастовка типографскихъ рабочихъ, и уже въ этотъ день были небольшія столкновенія рабочихъ съ полиціей. 24 сентября на Тверскомъ бульварѣ были уже даны залпы боевыми патронами въ рабочихъ, а затѣмъ случаи репрессіи повторялись почти ежедневно. При этомъ мѣстныя власти въ своихъ объявленіяхъ сообщали завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія, которыя немедленно изъ почти оффиціальныхъ же источниковъ и опровергались. Такъ, во всѣхъ газетахъ была напечатана телеграмма „Россійскаго телеграфнаго агентства“ отъ 29 сентября слѣдующаго содержанія. „Сегодня вывѣшено опроверженіе градоначальника объ употребленіи войсками огнестрѣльнаго оружія. Указывается, что оно примѣнялось всего два раза: 24 сентября въ 7 ч. 30 м. вечера на Тверскомъ бульварѣ и 25 сентября въ верхній этажъ булочной Филиппова. По его свѣдѣніямъ, изъ публики раненъ пулей 1, и 6 получили различныя поврежденія. Полицейскихъ чиновъ пострадало 16, казаковъ 10, изъ нихъ 1 умеръ, 4 драгуна и 4 жандарма, изъ нихъ умеръ 1. О массовомъ избіеніи булочниковъ во дворѣ градоначальника и скрывшихся раненыхъ изъ рабочихъ и публики не упоминается“. Эта телеграмма заслуживаетъ тѣмъ большаго довѣрія, что представитель россійскаго телеграфнаго агентства въ Москвѣ И. В.

Поляковъ имѣетъ установленныя сношенія съ московскимъ градоначальникомъ, и по словамъ послѣдняго, въ письмѣ его на имя директора департамента полиціи отъ 19 с. г. обѣщалъ ему даже „употребить всѣ зависящія отъ него средства къ негласному установленію личнаго состава бюро съѣзда союза союзовъ". Такія мѣры, какъ „массовое избіеніе булочниковъ во дворѣ градоначальника", и сокрытіе, а тѣмъ болѣе отрицаніе, затѣмъ, этихъ фактовъ, не могли не вызвать еще большаго раздраженія въ средѣ рабочихъ и, какъ результатъ этого, начиная съ 27 сентября, забастовка, начавшаяся изъ-за неудовлетворенія экономическихъ требованій наборщиковъ и булочниковъ, принимаетъ революціонный характеръ, и быстро распространяется на цѣлый рядъ заводовъ, рабочіе которыхъ никакихъ самостоятельныхъ требованій не выдвигали. Наконецъ, 29 сентября начинается броженіе въ мастерскихъ московско-курской желѣзной дороги, гдѣ оно находитъ для себя почву вполнѣ подготовленной предыдущими событіями. Такъ продолжалось всю слѣдующую недѣлю.

Вечеромъ 6 октября началось волненіе среди телеграфистовъ и машинистовъ московско-казанской желѣзной дороги, а 7 октября на станціи „Москва" той же дороги, были выпущены пары изъ паровозовъ, послѣ чего движеніе прекратилось. Въ этотъ день, начальникъ охраннаго отдѣленія, подполковникъ Смирницкій, арестовалъ двухъ служащихъ, но, подъ вліяніемъ угрозъ со стороны другихъ служащихъ, какъ видно изъ донесенія московскаго градоначальника въ департаментъ полиціи отъ 8 октября 1905 г. за № 9879, принужденъ былъ ихъ освободить. Арестъ сильно озлобилъ толпу, а освобожденіе вслѣдствіе угрозъ сильно подняло ея духъ, показавъ, что силой она можетъ многаго добиться, вслѣдствіе чего дѣйствія толпы становятся болѣе смѣлыми. 8 октября, подъ вліяніемъ угрозъ и насильственныхъ дѣйствій, доходящихъ до разрушенія сооруженій, окончательно останавливаются работы на ярославской, московско-курской и нижегородской желѣзныхъ дорогахъ, а въ ночь на 9 октября были арестованы въ Москвѣ 10 членовъ „Всероссійскаго союза желѣзнодо-

рожныхъ служащихъ". Это дало самый сильный аргументъ для агитаторовъ въ пользу всеобщей стачки. До тѣхъ поръ (неоднократно) выпускали всѣхъ арестованныхъ, если ихъ освобожденіе становилось условіемъ прекращенія стачки, и еще наканунѣ подъ угрозами толпы были освобождены два агитатора. Не было никакого основанія думать, что на этотъ разъ правительство поступитъ иначе, и, слѣдовательно, требовалось только сдѣлать забастовку достаточно сильной и грозной. Агитаторамъ была дана возможность выставить присоединеніе къ забастовкѣ вопросомъ не политическихъ убѣжденій, а чести и товарищества, т. е. перейти съ шаткой и спорной почвы на совершенно твердую, и они это сдѣлали въ распространенномъ по всей сѣти воззваніи отъ имени „Всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза": „Лучшія наши силы уже арестованы. Мы должны потребовать ихъ освобожденія. Князь Хилковъ наглымъ образомъ пытался обмануть рабочихъ на станціи „Москва". Къ счастью, рабочіе не стали его слушать, а заявили, что, пока арестованные не будутъ выпущены, они съ Хилковымъ говорить ни о чемъ не станутъ. Будемъ же брать примѣръ съ этихъ рабочихъ и дѣйствовать такъ же, какъ они". Забастовка быстро распространяется по всей Россіи и уже 10 октября министру путей сообщенія посылается слѣдующая телеграмма: „Мы, пассажиры поѣздовъ № 4 и 10, задержанные въ пути вслѣдствіе забастовки на станціи Рузаевка, покорнѣйше просимъ Ваше сіятельство объ освобожденіи делегатовъ желѣзное дорожныхъ служащихъ, арестованныхъ въ Петербургѣ, отъ чего зависитъ возможность дальнѣйшаго слѣдованія".

Поведеніе высшихъ правительственныхъ чиновъ въ это время смущало даже наиболѣе преданныхъ правительству людей. Передавая свои наблюденія за это время въ секретномъ рапортѣ завѣдующему политической частью департамента полиціи, отъ 10 октября 1905 г. за № 4377, начальникъ харьковскаго охраннаго отдѣленія говоритъ: „Словомъ, повсюду и во всемъ, вѣроятнѣе всего изъ страха, уклончивое отношеніе къ предупрежденію проявленій общественной распущенности и разнузданности", а нѣсколько

позже, какъ видно изъ телеграммы управляющаго рязанско-уральской желѣзной дорогой, на имя министра путей сообщенія отъ 22 октября 1905 г., къ управляющему дорогой являются депутаціи несомнѣнно благонамѣренныхъ рабочихъ, по ихъ словамъ, „озлобленныхъ обманомъ агитаторовъ, втянувшихъ ихъ въ политическую авантюру, и оскорбленныхъ въ своихъ патріотическихъ чувствахъ революціонными постановленіями сходокъ", и, „вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми одинаково заявлено, что ихъ нарочно не удовлетворяютъ съ цѣлью возбужденія къ бунту".

Бунтъ произошелъ въ цѣломъ рядѣ городовъ, но наиболѣе характерное развитіе онъ получилъ въ Харьковѣ. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ этомъ городѣ, подъ вліяніемъ митинговъ, въ теченіе истекшаго мѣсяца, и забастовки дорогъ московскаго узла, создалось крайне повышенное настроеніе. 8 октября началось движеніе въ средѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ, 9 октября прекратила работы смѣна телеграфистовъ на станціи, а 10 октября забастовали, какъ станція и мастерскія, такъ и управленіе дороги. Переходя отъ одного мѣста къ другому, толпа все росла и къ 1 ч. дня составила массу около 20.000, полиція же и войска—отсутствовали. Толпа направилась за городъ къ „вевадѣ" и устроила тамъ митингъ, который также прошелъ безпрепятственно, но когда та же толпа возвращалась въ городъ, она была встрѣчена войсками на Екатерининской улицѣ и разсѣяна. Такимъ образомъ, когда толпа дѣлала дѣйствительно противозаконныя вещи, какъ-то снимала людей съ работъ, заставляла закрывать правительственныя учрежденія и устраивала митинги, никто ее не трогалъ, а когда та же толпа мирно возвращалась въ городъ, чтобы разойтись по домамъ, на нее были направлены войска.

Въ теченіе дня было еще нѣсколько столкновеній толпы съ войсками. Солдаты сильно тяготились исполненіемъ своихъ обязанностей при такихъ условіяхъ. Согласно секретному рапорту начальника харьковскаго охраннаго отдѣленія завѣдующему политической частью департамента полиціи отъ 19 октября 1905 года, за № 4377, „по свѣдѣніямъ, запасные нижніе чины, пополнившіе пѣхотные

полки, стоящіе въ Харьковѣ, при разговорѣ съ рабочими высказываютъ недовольство, что съ окончаніемъ войны ихъ не распускаютъ, а заставляютъ принимать участіе въ подавленіи безпорядковъ. Слушая это, рабочіе утѣшаютъ себя, что только казаковъ слѣдуетъ бояться". То же самое, но въ еще болѣе сильной степени, происходило и 11 октября. Объ этомъ днѣ тотъ же секретный рапортъ доноситъ; „вечеромъ 19 октября мною были получены указанія, что на 11 число назначены сборными пунктами паровозо-строительный заводъ и вокзалъ, откуда массы направятся въ городъ, для демонстративныхъ дѣйствій, почему къ утру въ обоихъ мѣстахъ стояли наряды войскъ. Подходившіе къ вокзалу, при видѣ заколоченныхъ оконъ и наряда войскъ, уходили въ городъ, а у паровозо-строительнаго завода, на глазахъ войска, съ 8 ч. утра рабочіе упражнялись въ стрѣльбѣ, а затѣмъ начался митингъ. Рабочіе подходили къ наряду, бранили казаковъ, упрекая, что они, надѣленные въ обиліи землей, не понимаютъ нужды рабочихъ и защищаютъ „негодное правительство" и капиталистовъ, при этомъ грозили за избіеніе рабочихъ отомстить, когда власть перейдетъ въ ихъ руки. Вскорѣ послѣ этого бывшія здѣсь двѣ сотни казаковъ ушли одна за другой, съ нѣкоторымъ промежуткомъ. Замѣтя это, рабочіе подошли къ баталіону во главѣ съ двумя бывшими среди нихъ ораторами, интеллигентами, прося командира баталіона пропустить на митингъ толпу, стоявшую позади войскъ. Просьба была исполнена, но затѣмъ среди рабочихъ послышались замѣчанія, что казаковъ нѣтъ, и потому съ пѣхотинцами можно справиться. Вскорѣ баталіонный командиръ, разговаривавшій съ интеллигентами, повернулся къ баталіону, скомандовалъ на плечо и увелъ баталіонъ въ направленіи къ городу". Такимъ образомъ, рабочіе исключительно только силою своего убѣжденія одержали громадную побѣду, заставивъ войска нарушить данный имъ приказъ и уйти съ поста, на который они были поставлены, а черезъ часъ на городскомъ соборѣ развѣвался уже красный флагъ, звонъ колоколовъ возвѣщалъ побѣду революціи, и рабочіе имѣли основаніе думать, что городъ былъ въ ихъ рукахъ, и могли даже на-

значить на 13 октября митингъ для выбора должностныхъ лицъ для Харькова. „Бросая бѣглый взглядъ на все происшедшее въ эти дни—(говоритъ начальникъ охраннаго отдѣленія),—нельзя не сознаться, что революціонная среда пробную мобилизацію своихъ силъ закончила весьма успѣшно".

Настроеніе массъ въ это время вполнѣ правильно охарактеризовано профессоромъ харьковскаго университета Н. А. Гредескуломъ, принимавшимъ видное участіе въ освободительномъ движеніи и потому хорошо знакомымъ съ настроеніемъ общества и массъ: „Какъ извѣстно, мнѣнія русскаго общества въ этомъ отношеніи съ іюля мѣсяца, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ сталъ извѣстенъ въ существенныхъ чертахъ булыгинскій проектъ государственной думы, рѣзко раздѣлились на-двое. Одни говорятъ: надо продолжать, и даже съ новой силой, революціонный натискъ на правительство: надо привести въ революціонное состояніе всю страну; надо довести страну до вооруженнаго возстанія, и—когда оно разразится и удастся—разомъ получить все желаемое. Поэтому, въ частности, надо сдѣлать невозможнымъ нормальное функціонированіе возможно большаго числа учрежденій: нужны забастовки, нуженъ бойкотъ. Естественно, что это теченіе не желаетъ также участвовать и въ выборахъ въ государственную думу, а желаетъ ее всю и цѣликомъ, отъ начала и до конца, бойкотировать.

Другое общественное теченіе, съ іюля мѣсяца, все разростающееся, говоритъ: правительство морально и соціально уже разбито и совершенно пало. То, что требуется, можно получить отъ него и мирнымъ путемъ, если только мирный натискъ будетъ настолько настойчивъ, чтобы не скрывать того, что если правительство не уступитъ, то онъ перейдетъ въ революцію, ибо дѣло идетъ о самой жизни страны; вся моральная и соціальная сила уже на сторонѣ общества, и оно, несомнѣнно, побѣдитъ—побѣдитъ безъ революціи и безъ вооруженнаго возстанія, если только заявитъ, что оно дѣлаетъ послѣднюю попытку мирнаго исхода, при неудачѣ которой ему не останется ничего другого, кромѣ революціи".

При такихъ условіяхъ былъ данъ манифестъ 17 октября; опу-

бликованіе его вызвало на мѣстахъ несомнѣнную радость населенія, утомленнаго царящей уже около года смутой и видѣвшаго въ немъ залогъ приближающагося успокоенія. „Островецкіе рабочіе восторженно отнеслись къ манифесту. Прочтя таковой, освѣтили заводъ и прекратили забастовку“—доноситъ радомскій губернаторъ шифрованной телеграммой на имя Д. Ф. Трепова отъ 22 октября 1905 года, и таковыхъ донесеній много. Возстали противъ манифеста только крайнія партіи, органъ которыхъ въ Петербургѣ „Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ“ (№ 2) отъ 18 октября писалъ: „Буржуазія ликуетъ. Либералы и черносотенцы петербургской думы встрѣтили злополучный виттевскій манифестъ кликами радости. Они цѣловались другъ съ другомъ, служили съ попами молебенъ и пили шампанское. Правительство нашло опору въ рядахъ либераловъ и буржуазіи“. Что же касается крайнихъ партій, то они опредѣляли свое отношеніе къ манифесту слѣдующимъ образомъ: перечисливъ заключающіяся въ манифестѣ 17 октября обѣщанія, „Извѣстіи совѣта рабочихъ депутатовъ“ (№ 3) продолжаютъ: „таковы обѣщанія царя. Они далеко не удовлетворяютъ многихъ существенныхъ требованій народа. Если объявляется свобода вѣроисповѣданій, слова, собраній и союзовъ, то почему же наши братья, боровшіеся вмѣстѣ съ нами за свободу народа, томятся въ тюрьмахъ и ссылкахъ. Мы требуемъ немедленнаго освобожденія сосланныхъ и заключенныхъ за такъ называемыя политическія и религіозные преступленія, а также за стачки и крестьянскаго безпорядка.

Если объявлена неприкосновенность личности, почему половина Россіи находится на военномъ положеніи или на положеніи усиленной охраны? Мы требуемъ немедленной отмѣны военнаго военнаго положенія и усиленной охраны повсемѣстно, гдѣ она существуетъ“ [1]). Повсемѣстно крайнія партіи указывали на полное несоотвѣтствіе существующаго положенія страны съ высказаннымъ въ манифестѣ великимъ принципомъ гражданской и поли-

[1]) Въ данномъ мѣстѣ нѣсколько строкъ рукописи остались неразобранными.

тической свободы и выражали недовѣріе тому, что данныя манифестомъ обѣщанія будутъ выполнены правительствомъ. Къ сожалѣнію, за истекшій годъ населеніе неоднократно считало себя вправѣ жаловаться на неискренность правительства и указывать на случаи неисполненія имъ своихъ обѣщаній, а потому естественно, что и на этотъ разъ народъ, привѣтствуя манифестъ въ принципѣ, только въ сравнительно немногихъ случаяхъ счелъ освободительную борьбу законченной, въ большинствѣ же занялъ выжидательное положеніе, желая посмотрѣть, какія измѣненія въ дѣйствительную жизнь внесетъ этотъ манифестъ. Что же касается крайнихъ партій, то онѣ, какъ и всегда, утверждали, что правительство никакой свободы давать народу не желаетъ и что манифестъ есть не что иное, какъ политическій маневръ, къ которому правительство вынуждено было всеобщей стачкой, забастовкой желѣзныхъ дорогъ, открытымъ возстаніемъ во многихъ большихъ городахъ и все усиливающимся броженіемъ въ войскахъ.

Какъ было указано выше, агитація крайнихъ партій оказывалась въ началѣ успѣшной только тамъ, гдѣ почва для безпорядковъ была уже подготовлена или невыносимо тяжелыми экономическими условіями, или угнетеніемъ болѣе сильныхъ классовъ или неумѣлыми и неискренними дѣйствіями администраціи, причемъ главнымъ образомъ крайнія партіи пріобрѣли силу потому, что, рѣзко критикуя каждое дѣйствіе правительства, онѣ слишкомъ часто оказывались правыми. Эти партіи потеряли бы значительную часть своего престижа, если бы массы тотчасъ по распубликованіи манифеста увидѣли, что правительство дѣйствительно рѣшило пойти по новому, начертанному въ манифестѣ, пути, и что оно идетъ по нему. Къ сожалѣнію, случилось совершенно обратное, и крайнія партіи имѣли еще разъ случай, важность котораго почти невозможно оцѣнить, гордиться тѣмъ, что онѣ, и только онѣ, правильно оцѣнили значеніе обѣщаній правительства.

Первый же день по опубликованіи манифеста въ Петербургѣ ознаменовался пролитіемъ крови, а именно стрѣльбой въ толпу,

которая въ мирной манифестаціи шла отчасти по Гороховой, отчасти по Загородному пр. А затѣмъ кровь полилась по всей Россіи. Число убитыхъ и тяжело раненыхъ въ послѣдовавшіе за опубликованіемъ манифеста четыре или пять дней трудно исчислить, но, по вполнѣ достовѣрнымъ источникамъ, оно опредѣляется въ десятки тысячъ. Хуже всего, однако, было то, что у населенія при этомъ создалось вполнѣ твердое убѣжденіе, что всѣ эти погромы, такъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно прокатившіеся по всей Россіи, и залившіе кровью ликованіе по поводу дарованной населенію свободы, провоцировались и направлялись одной и той же рукой, и притомъ рукой властной. Голосъ народа и печать утверждали, что погромы являлись результатомъ провокаціи правительства, для того, чтобы не дать осуществиться обѣщаніямъ манифеста. Къ сожалѣнію, населеніе имѣло весьма серьезныя основанія такъ думать. Какъ мѣстныя, такъ и высшія власти съ первыхъ же дней отнеслись къ манифесту если не недружелюбно, то, во всякомъ случаѣ, далеко не сочувственно. Ген.-м. Дебиль доноситъ изъ Люблина командиру корпуса жандармовъ телеграммой отъ 19 октября: „Сегодня по полученіи манифеста 17 октября, въ виду распоряженія католическаго епископа о молебнахъ въ костелахъ, отслуженъ таковой въ соборѣ". Такимъ образомъ, только потому, что иниціативу взялъ на себя католическій епископъ, мѣстная власть сочла неловкимъ не отслужить молебна по поводу столь знаменательнаго акта монаршей милости къ народу. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мѣстныя власти, даже высшія, предлагали мѣры для приведенія дѣйствительной жизни въ соотвѣтствіе съ обѣщаніями манифеста, они встрѣчали рѣзкій отпоръ со стороны высшихъ властей въ Петербургѣ. Такъ, напр., курляндскій временный ген.-губернаторъ Бекманъ 20 октября телеграммой доносилъ м-ру внутреннихъ дѣлъ: „Комендантъ либавской крѣпости телеграфируетъ: вчера отъ собравшейся 20-тысячной сходки, рѣзкаго и рѣшительнаго направленія, прибыли къ нему пять депутатовъ и заявили свои требованія на основаніи манифеста 17 октября. Первое—упраз-

днить военное положеніе и усиленную охрану; второе—удалить казаковъ и драгунъ; третье—освободить немедленно всѣхъ политическихъ и административно арестованныхъ. Въ случаѣ полнаго удовлетворенія требованій депутаты обѣщали полное спокойствіе и приступъ къ работамъ, въ противномъ случаѣ—продолженіе забастовокъ. Комендантъ проситъ указаній по телеграфу и ходатайствуетъ объ отмѣнѣ военнаго положенія. Полагаю съ своей стороны, что военное положеніе не соотвѣтствуетъ новой обстановкѣ". Такимъ образомъ, комендантъ крѣпости и временный военный ген.-губернаторъ, т. е. лица, прямо отвѣтственныя за спокойствіе въ краѣ, ходатайствовали объ отмѣнѣ военнаго положенія. На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: „На телеграмму 20 октября. Вашимъ заключеніемъ несоотвѣтствія военнаго положенія новой обстановкѣ не согласенъ. Указанія вскорѣ послѣдуютъ. Товарищъ министра Треповъ" (шифрованная телеграмма отъ 21 октября, за № 2952). Особо чуткое и обыкновенно вполнѣ освѣдомленное о томъ, что происходитъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, населеніе не могло не смутиться тѣмъ, что военное положеніе, признанное ненужнымъ само по себѣ, оставляется только потому, что принципіально оно соотвѣтствуетъ новой обстановкѣ. И безъ того мало вѣрящее правительству, оно, естественно, думало, что „соотвѣтствіе" заключается именно въ томъ, что при военномъ положеніи легче не осуществлять дарованныхъ населенію свободъ, и въ средѣ населенія, вчера еще гарантировавшаго полное спокойствіе, если и правительство вполнѣ выполнитъ свои обѣщанія, начинается протестъ, тѣмъ болѣе рѣзкій, что теперь населеніе боролось уже не на революціонной, а на строго-конституціонной почвѣ, потому что оно боролось уже не за новыя свободы, а за то только, чтобы отстоять то, что уже было даровано ему высочайшимъ манифестомъ. Съ этого момента, по убѣжденію населенія, оно стояло на почвѣ закона и отстаивало прерогативы императорской власти, а правительство дѣлало контръ-революцію, чтобы внѣ законнымъ путемъ отнять у народа дарованныя ему высочайшею милостію права. Всего болѣе, однако,

населеніе возмущалось при этомъ тѣмъ, что борьба происходила внѣ законнымъ путемъ, а именно, какъ оно думало, путемъ грубаго насилія и погромовъ, производимыхъ отбросами населенія, подъ руководствомъ полиціи, съ вѣдома и поощренія высшихъ властей.

Было ли это такъ въ дѣйствительности? Вопросъ настолько важенъ, *и утвердительный отвѣтъ на него положилъ бы столь несмываемое пятно на честь многихъ людей*, что трудно рѣшиться прямо отвѣтить на него, но, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что населеніе, которое судитъ о намѣреніяхъ властей прежде всего по ихъ дѣйствіямъ, имѣло весьма серьезныя основанія для обвиненія нхъ въ организаціи и провокаціи погромовъ. По официальной версіи, погромы всюду происходили слѣдующимъ образомъ: толпа патріотическихъ манифестантовъ шла съ портретомъ Е. И. В., въ нее стрѣлялъ какой-нибудь еврей, и толпа разъярялась и кидалась громить и убивать евреевъ, при чемъ власти въ теченіе 1-2 или 3 хъ дней оказывались безсильными, а затѣмъ, чаще всего, безъ выстрѣла, разгоняли погромщиковъ и водворяли порядокъ. Населеніе указывало прежде всего на странность того, что все происходило такъ однообразно: всюду толпа шла съ портретомъ Е. И. В, чего прежде никогда не дѣлалось, всюду находился такой еврей, который въ нее стрѣлялъ, и опять-таки всюду этотъ выстрѣлъ имѣлъ одинаковыя послѣдствія, вплоть до безсилія властей подавить погромы, которые производились, однако, очень небольшой кучкой людей. И населеніе давало другую версію этихъ погромовъ, которая съ внѣшней стороны дѣйствительно *лучше объясняла* однообразіе происходившаго повсюду. По этой версіи, толпа патріотическихъ манифестантовъ состояла изъ набранныхъ мѣстной полиціей, часто за деньги, подонковъ населенія — хулигановъ; выстрѣлъ въ нее, чаще всего безвредный, дѣлался полицейскимъ провокаторомъ, и затѣмъ толпа, подъ руководствомъ полиціи, бросалась грабить и убивать до тѣхъ поръ, пока полиція же не давала ей сигнала прекратить.

Чтобы установить, какая изъ двухъ версій болѣе справедлива,

слѣдуетъ разобрать ихъ по частямъ. Всѣ факты въ дальнѣйшемъ изложеніи почерпнуты исключительно изъ документовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, главнымъ образомъ, по д-ту полиціи.

1. Занимались ли высшіе чины правительства на мѣстахъ организаціей своихъ сторонниковъ? На этотъ вопросъ приходится дать положительный отвѣтъ. Въ довѣрительномъ письмѣ отъ 1 сентября 1905 года тульскій губернаторъ пишетъ ген.-майору Д. Ф. Трепову: „Изъ прилагаемаго при семъ письма вы, ваше превосходительство, усмотрите, что 2 сентября въ Тулѣ имѣетъ состояться частное совѣщаніе лицъ, вполнѣ благонамѣренныхъ, съ цѣлью объединенія въ интересахъ правительственныхъ. Я не имѣю основаній къ недопущенію подобнаго рода собраній, какъ по цѣли ихъ созыва, такъ и по составу лицъ, убѣжденный въ томъ, что работа такихъ совѣщаній предпринимается въ интересахъ опредѣленной партіи. Но, разрѣшая собираться однимъ, а другимъ отказывая, администрація, естественно, вызоветъ недовольство и обвиненіе въ пристрастномъ отношеніи къ различнымъ частямъ населенія, и можетъ вселить въ немъ убѣжденіе въ преднамѣренной, съ опредѣленными цѣлями, предвыборной агитаціи въ Госуд. Думу“. На этомъ письмѣ Д. Ф. Треповымъ положена резолюція: „Сего взгляда не раздѣляю. Правительство обязано поддерживать друзей и не поощрять враговъ правительства“. Такая дѣятельность высшихъ властей продолжалась и послѣ манифеста 17 октября. Въ телеграммѣ на имя Д. Ф. Трепова отъ 20 октября изъ Митавы, ген.-лейтенантъ Бекманъ доноситъ: „Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаю попытки сплачивать умѣренные слои общества къ организованному отпору домогательствамъ крайнихъ элементовъ“. Но, по мнѣнію населенія, 20 октября организованный отпоръ домогательствамъ крайнихъ элементовъ могъ принять только формы, не предусмотрѣнныя манифестомъ 17 октября. Потому, когда погромы произошли, у населенія, какъ правильно предвидѣлъ тульскій губернаторъ, „вселилось убѣжденіе въ преднамѣренной, съ опредѣленными цѣлями“, страшной организаціи ради грабежа и избіенія мирныхъ гражданъ.

2. Какъ обставлялись патріотическія манифестаціи, и не было ли въ ихъ обстановкѣ такихъ особенностей, которыя заставляли бы думать, что онѣ инсценированы полицейскими властями? Несомнѣнно было. Генералъ-маіоръ Ширинкинъ доноситъ телеграммой отъ 22 октября изъ Тифлиса генералъ-маіору Трепову: „20 октября среди рабочей партіи патріотовъ возникла мысль отпраздновать актъ дарованія государемъ политической свободы. Рѣшено на другой день отслужить молебенъ въ военномъ соборѣ, привѣтствовать передъ дворцомъ намѣстника. 21 октября, около 10 часовъ вечера желѣзно-дорожная группа отслужила молебенъ. Въ то время другая группа патріотовъ противоположной части города, съ національными флагами, пѣніемъ народнаго гимна, отправилась къ военному собору, гдѣ происходило торжественное служеніе по случаю царскаго дня. По окончаніи парада группа эта, увеличившаяся до 1.000 человѣкъ, двинулась съ хоромъ музыки, исполнявшимъ народный гимнъ, пѣніемъ гимна, національными флагами, портретомъ государя императора, на коемъ красовалась надпись: „да здравствуетъ свобода“, направилась къ Головинскому пр., далѣе, черезъ Верійскій спускъ. Въ огражденіе возможныхъ попытокъ насилія отъ манифестантовъ крайнихъ партій, впереди шествія былъ поставленъ взводъ драгунъ, въ хвостѣ—взводъ пѣхоты. Все время шествія оркестръ военной музыки по требованію манифестантовъ непрерывно игралъ національный гимнъ... У кадетскаго корпуса кадеты и воспитатели вышли изъ корпуса, нѣкоторые присоединились къ манифестантамъ... На Михайловскомъ пр., у зданія юнкерскаго училища, манифестанты были встрѣчены второй толпой желѣзно-дорожныхъ служащихъ, отслужившихъ ранній молебенъ въ миссіонерской церкви. Къ манифестантамъ присоединились юнкера“. Такимъ образомъ, въ Тифлисѣ уже существовала „рабочая партія патріотовъ“, манифестаціи которой пользовались особымъ покровительствомъ: имъ давалась военная охрана и оркестръ военной музыки, выполнявшій требованія манифестантовъ, къ этимъ манифестаціямъ позволяли официально присоединяться кадетамъ и юнкерамъ: все это

дѣлалось въ то время, когда манифестаціи въ городѣ были строжайше воспрещены и обыкновенно разгонялись войсками, причемъ многократно бывали жертвы. При такой же обстановкѣ происходили манифестаціи и въ другихъ мѣстахъ, такъ напр., въ Баку, какъ видно изъ шифрованной телеграммы контръ-адмирала Баля отъ 21 октября, за № 113, на имя морского министра: «процессія ходила по городу съ музыкой каспійскаго флотскаго экипажа и даже зашла на дворъ казармы экипажа, неся впереди портретъ Его Императорскаго Величества и играя гимнъ. Въ это время изъ казармы нѣсколько матросовъ съ ружьями бросились на толпу и одного рабочаго ранили въ руку штыкомъ легко, но были остановлены другими матросами и офицерами, бывшими въ экипажѣ и въ процессіи. Эти матросы съ ружьями снова вошли въ казармы. Экипажный командиръ поставилъ часовыхъ у дверей и велѣлъ никого не выпускать изъ казармы. Тотчасъ же прибылъ я въ казармы и, узнавъ обстоятельства, распорядился оцѣпить казармы двумя ротами сальянскаго полка, а затѣмъ, проигравъ гимнъ и прокричавъ „ура“ предложилъ процессіи слѣдовать далѣе“. Такимъ образомъ, въ стремленіи организовать патріотическія манифестаціи не останавливались даже предъ опасностью вовлеченія въ политику арміи и флота, вплоть до дѣтей-кадетовъ и юнкеровъ.

Населеніе, даже наиболѣе далекое отъ всякой политики, ясно сознавало опасность отъ такихъ манифестацій для мирныхъ жителей. Такъ германскій консулъ въ Баку Релль телеграфировалъ 28 октября германскому послу въ С.-Петербургъ: „Въ настоящій моментъ тихо, но есть основаніе бояться, что въ воскресенье будутъ опять безпорядки, которые вызовутъ новые пожары и кровопролитія въ армянской части города, гдѣ живетъ много иностранцевъ. Прошу употребить всѣ усилія, чтобы мѣстныя власти получили *строжайшія указанія* всѣми силами не допускать *никакихъ* демонстрацій“. Эта телеграмма была препровождена въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и послѣднимъ была послана намѣстнику телеграмма: „Германскій повѣренный въ дѣлахъ проситъ оградить личность, имущество германскихъ подданныхъ въ

Баку. Не откажите въ зависящихъ распоряженіяхъ". Такимъ образомъ, ходатайство германскаго консула о недопущеніи демонстраціи осталось безъ послѣдствія.

Хуже всего было, однако, то, что въ то самое время, когда патріотическія манифестаціи такъ сильно поощрялись, всякія другія, даже если онѣ вели себя вполнѣ прилично, безпощадно разгонялись. Такъ, полковникъ Мейеръ изъ Варшавы шифрованной телеграммой отъ 21 октября, на имя Д. Ф. Трепова, сообщалъ: „Сегодня были допущены манифестаціи, толпы, выходившія изъ костеловъ съ крестами, хоругвями, бѣлыми флагами народовцевъ, нѣкоторыя съ ксендзами; толпы съ красными флагами разгонялись".

Такимъ образомъ, населеніе немедленно послѣ манифеста 17 октября увидѣло, что патріотическія манифестаціи пользуются всяческимъ покровительствомъ властей въ то самое время, когда всякія другія преслѣдуются, а затѣмъ, населеніе увидѣло, что участники этихъ именно патріотическихъ манифестацій производили грабежи и убійства. *Къ глубокому прискорбію, правильный или неправильный—выводъ напрашивался самъ собою.*

3. Принимались ли всѣ возможныя мѣры къ прекращенію погромовъ? Къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ случаяхъ, между тѣмъ, населеніе не могло не сознавать, что принятіе такихъ мѣръ обязательно противъ толпы, грабящей и убивающей мирныхъ гражданъ, каковы бы ихъ политическія убѣжденія ни были. Какъ на примѣръ, можно указать на случай сожженія толпой тверской губернской земской управы и избіеніе гласныхъ и служащихъ. Начальникъ тверского губернскаго жандармскаго управленія, въ секретномъ донесеніи въ департаментъ полиціи отъ 18 октября 1905 г., за № 5317, сообщаетъ слѣдующее: „17 октября" около 7 часовъ вечера, въ тверской губернской земской управѣ состоялось частное совѣщаніе служащихъ по вопросу о томъ, присоединиться ли имъ къ общей забастовкѣ. Туда пыталась войти группа около 25 человѣкъ, повидимому, мастеровыхъ, но швейцаръ не впустилъ; на просьбу ихъ впустить двухъ депутатовъ, кто-то изъ служащихъ отвѣтилъ отказомъ и пояснилъ, что лица, не служащія въ управѣ, на это собраніе не допускаются,

при чемъ входныя двери приказалъ запереть на замокъ. Нѣкоторые изъ группы начали стучать въ дверь и разбили въ ней стекло, въ отвѣтъ на что было сдѣлано съ площадки входной лѣстницы въ нихъ два револьверныхъ выстрѣла; группа, отбѣжавъ отъ дверей, бросила нѣсколько камней въ окна управы. Чинами полиціи, усиленными полуэскадрономъ драгунъ, собравшаяся толпа была удалена отъ зданія управы. Явившійся на мѣсто происшествія тверской губернаторъ увѣщевалъ толпу не безчинствовать и разойтись, угрожая противъ ослушавшихся употребить военную силу. Въ отвѣтъ послышались возгласы: „они собрались въ управѣ поддержать забастовку, арестуйте ихъ, бунтовщиковъ, сахаръ уже стоитъ 25 копѣекъ, они хотятъ свергнуть царя и разорвали его портретъ, мы умремъ за царя“. Но послѣ завѣреній, что виновные изъ служащихъ въ управѣ будутъ привлечены къ отвѣтственности, толпа разошлась и смѣшалась съ прогуливавшейся публикой, среди которой распространился слухъ, что изъ управы собравшіеся тамъ забастовщики стрѣляли въ народъ и есть убитые.

Возбужденная такимъ извѣщеніемъ, толпа бросилась къ управѣ, разбила камнями нѣсколько оконъ, и, раздѣлившись на три части, начала осаждать входъ въ управу и два входа во дворъ.

Наличныхъ силъ полиціи и драгунъ было недостаточно, чтобы удержать толпу, и часть ея, оттѣснивъ охранявшихъ ворота городовыхъ, выломала ворота и, проникнувъ во дворъ, подожгла складъ бумаги въ типографіи. Начавшійся пожаръ вызвалъ панику среди находившихся въ управѣ участниковъ собранія, и они стали выбѣгать изъ всѣхъ выходовъ на улицу, стараясь незамѣтно смѣшаться съ толпой, но часть изъ нихъ, въ числѣ около 25 мужчинъ и женщинъ, была узнана и избита толпой, безъ серьезныхъ послѣдствій. Прибывшій для подкрѣпленія еще эскадронъ драгунъ разсѣялъ собравшихся, не оказавшихъ никакого сопротивленія“.

Населеніе не могла не поражать мягкость губернатора, который, видя, что толпа громитъ казенное учрежденіе, только уговариваетъ ее не безчинствовать. Затѣмъ толпа, на глазахъ у войскъ

и полиціи, разбиваетъ окна, выламываетъ ворота, поджигаетъ зданіе,—на все это нужно много времени, не менѣе часа,—а войска и полиція стоятъ тутъ же и не принимаютъ рѣшительно никакихъ мѣръ, ссылаясь якобы на то, что ихъ было недостаточно. Но, вѣдь, для всѣхъ ясно, что громила управу не вооруженная толпа революціонеровъ, а просто мѣстные хулиганы, и, конечно, достаточно было бы одного залпа, чтобы разогнать всю толпу, которая и разошлась безъ малѣйшаго сопротивленія, когда ей приказали. Къ сожалѣнію, это приказаніе было дано послѣ того, какъ оказались убитые и тяжело раненые. Между тѣмъ, населеніе хорошо знаетъ, что въ другихъ случаяхъ войска стрѣляли въ толпу безъ предупрежденія, и у него, естественно, создается убѣжденіе, что къ этому поджогу и избіенію были причастны и мѣстныя власти.

Еще сильнѣе укрѣпилось такое убѣжденіе въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ погромъ евреевъ въ Кіевѣ. Какъ видно изъ секретнаго донесенія начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія отъ 31 октятря 1905 г., № 3850, директору департамента полиціи, погромъ въ Кіевѣ начался 18 октября. Днемъ били только отдѣльныхъ евреевъ, „съ наступленіемъ же темноты, какъ и слѣдовало ожидать, чернь начала громить еврейскія лавки на Троицкомъ и Житномъ базарахъ и въ своемъ изступленіи мстила невиннымъ и несчастнымъ за дѣйствительно виновныхъ. Чинами полиціи и войсками группы погромщиковъ по возможности разсѣивались, но они вскорѣ собирались въ другихъ мѣстахъ и продолжали разгромъ новыхъ магазиновъ и лавокъ. Въ погромщиковъ, а также въ войсковыя части, изъ многихъ домовъ евреи стрѣляли изъ револьверовъ, въ особенности въ районѣ Васильковской ул., на что войска отвѣчали залпами“. Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ, вполнѣ достовѣрнымъ, войска не прибѣгали къ оружію для удаленія погромщиковъ, даже защищали ихъ, отвѣчая залпами тѣмъ, кто пытался оградить себя отъ погромщиковъ. На завтра происходило то же самое, но еще въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ.

„Съ утра же во многихъ частяхъ города появились толпы мастеровыхъ, чернорабочихъ и босяковъ, которыя начали нападать на еврейскіе магазины и лавки. Нѣкоторые изъ громилъ присоединились къ патріотическимъ манифестаціямъ.

Въ короткое время погромъ принялъ стихійный характеръ.

Группы въ нѣсколько сотъ человѣкъ съ неистовствомъ набрасывались на еврейскіе магазины, ломали обстановку, выбрасывали на улицу вещи и товаръ, который тутъ же и топтали, при чемъ, находившіяся по близости лица, преимущественно крестьяне окрестныхъ деревень, не принимавшіе активнаго участія въ разгромѣ магазиновъ, подбирали съ улицы товаръ, частью же вытаскивали таковой изъ магазиновъ и скрывались.

Толпа, врываясь въ магазины, съ остервенѣніемъ рвала конторскія книги, счета, переписку, разбивала дорогія стекла въ магазинахъ и драгоцѣнныя вещи. Въ то же время толпа не трогала тѣхъ магазиновъ, владѣльцы коихъ выставляли въ окнахъ и въ дверяхъ образа или портретъ государя императора.

Усилія войскъ и полиціи препятствовать погрому, за недостаткомъ ихъ, вслѣдствіе слишкомъ большой площади погрома и подвижности громилъ, не достигали цѣли, и лишь въ немногихъ мѣстахъ войскамъ удалось отстоять отъ разгрома еврейское имущество.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со стороны отдѣльныхъ группъ нижнихъ воинскихъ чиновъ и полиціи, въ которыхъ не имѣлось офицеровъ, замѣчалось равнодушное отношеніе къ погрому.

Особенно пострадали отъ погромовъ еврейскіе магазины, находящіеся на Подолѣ, Крещатикѣ и Б. Васильковской ул.

Результатомъ погрома было разграбленіе въ районѣ Подола около ста магазиновъ и сожженіе цѣлаго ряда лавокъ на толкучемъ рынкѣ, а всего въ городѣ разгромлено въ теченіе дня до 500 магазиновъ, лавокъ, мастерскихъ и еврейскихъ квартиръ. Изъ многихъ домовъ по манифестантамъ, погромщикамъ и мирнымъ обывателямъ, проходившимъ по улицамъ, а также войскамъ производились выстрѣлы изъ еврейскихъ квартиръ, на каковые войска отвѣчали залпами“.

Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ войска и полиція относились къ погрому равнодушно; вообще въ погромщиковъ нигдѣ не стрѣляли, но неуклонно пускали оружіе и стрѣляли залпами, когда кто-либо пытался оказать сопротивленіе погромщикамъ. Погромъ, при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, продолжался уже два дня, и у населенія все болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что войска высланы только для охраны погромщиковъ.

„Разгромъ продолжался въ теченіе всего дня до поздней ночи и прекращенъ былъ войсками, начавшими выстрѣлами разгонять погромщиковъ". На завтра опять были крупныя попытки къ погрому (на Галицкомъ базарѣ собралась болѣе чѣмъ 10-тысячная толпа простого народа), но войска дѣйствовали иначе, и погромъ не состоялся. Такимъ образомъ, населеніе видѣло, что, когда высшее начальство захотѣло, оно оказалось въ состояніи очень быстро прекратить погромъ и, естественно, сдѣлало отсюда выводъ, что оно не прекращало погрома прежде, потому что желало его.

Нѣкоторыя дѣйствія властей въ Одессѣ давали, наконецъ, населенію право прямо обвинять правительство въ подстрекательствѣ къ погрому. Въ ночь съ 18 на 19 октября одескій градоначальникъ Нейдгардтъ обнародовалъ на улицѣ города слѣдующее воззваніе къ населенію: „Отъ одесскаго градоначальника: „Предомною лежитъ письмо, которое я показывалъ недѣлю тому назадъ ректору университета, подписанное по уполномочію мѣщанъ, крестьянъ и рабочихъ, съ приложеніемъ адреса слѣдующаго содержанія: „предупреждаемъ, ваше превосходительство, что въ стѣнахъ университета творятся безпорядки. Неужели университетское начальство, которое присягало нашему царю-батюшкѣ, сдѣлалось главнымъ крамольникомъ и направляетъ непорядочныхъ молодыхъ людей вмѣшиваться въ дѣла государственнаго правленія. Да развѣ государство устроило высшій храмъ науки для того, чтобы тамъ собирались крамольники, травили народъ на правительство и не подчинялись всѣмъ законнымъ его требованіямъ. Да гдѣ же это видано, чтобы въ университетѣ развѣшивались противоправитель-

ственныя прокламаціи и смѣялись надъ властями, называли ихъ разными неподобными словами огульно. Да вѣдь наши господа и царскіе слуги правили нашимъ государствомъ тысячу лѣтъ и вдругъ въ глазахъ какой-то кучки недоучекъ сдѣлались негодными управлять народомъ. Больно и стыдно становится, глядя на то что допустила административная власть. Извините, ваше превосходительство, что мы осмѣливаемся такъ высказываться, но что же дѣлать, если сердце кровью обливается, и больно намъ видѣть самовольство нашей интеллигентной голи, которая старается вырвать власть у правительства. Еще осмѣливаемся доложить вашему превосходительству отъ имени 30,000 мѣщанъ, что если вашей милостью не будутъ приняты энергичныя мѣры, на которыя васъ уполномочилъ царь-батюшка, то мы придемъ къ университету и сожжемъ его, чтобы наши дѣти не учились не повиноваться начальству. Къ чему примѣшивать къ этому дѣлу рабочій классъ. Да развѣ начальство мѣшаетъ рабочимъ; наоборотъ, рабочій радъ, когда начальство заступается за него. Очень просимъ ваше п—ство отпечатать это письмо наше, а въ случаѣ желанія вашего разъяснить нашему темному люду все, что найдете нужнымъ; просимъ васъ послать ваше разъясненіе по всѣмъ церквамъ нашимъ батюшкамъ, которые намъ скажутъ проповѣди по этому поводу". Слѣдуютъ подписи и адресъ. Обращая вниманіе на это письмо, я указываю ту громадную опасность, которая возникаетъ въ случаѣ продолженія забастовки и вздорожанія жизненныхъ припасовъ. Въ университетѣ, которому дано самоуправленіе, но не право собранія постороннихъ лицъ, открывшіяся собранія сопровождались недозволенными и возмутительными сборами на вооруженіе бойцовъ. Я указывалъ ректору на недопустимость такихъ сборовъ, которые должны были привести къ кровавой развязкѣ, но ни ректоръ, ни совѣтъ не принимали мѣръ къ прекращенію сбора денегъ на вооруженіе. 13 октября забастовали ученики училищъ коммерческаго и Файга, и никто ихъ не трогалъ, пока они сами не начали насильничать, начавъ 14 октября насиліе противъ дѣвочекъ учебныхъ заведеній; на Канатной, толпы

встрѣтились съ нарядомъ городовыхъ въ 10 человѣкъ; когда городовой Соболевъ оказался раненымъ камнемъ, то городовые обнажили, по закону, шашки, и раненными оказались: двѣ зрѣлыя дѣвицы и студентъ, по дознанію городской управы, а по другимъ свѣдѣніямъ—6 человѣкъ. Послѣ этого пошли росказни по городу, что чуть не всѣхъ дѣтей всѣхъ учебныхъ заведеній изрубили дикіе городовые, что одной дѣвочкѣ голову отрубили совсѣмъ отъ тѣла, что въ училищѣ Березиной всѣ изрублены безъ остатка. Люди благонамѣренные, осторожнѣе относитесь къ слухамъ: ихъ теперь пускаютъ превеликое множество, и одинъ страшнѣе другого. Вчера съ утра, по приказу забастовщиковъ, закрылись аптеки, а въ нѣкоторыхъ, заранѣе назначенныхъ мѣстахъ, около будущихъ баррикадъ, открыты перевязочные пункты. Кто же это все организовалъ, предвидѣлъ и подготовилъ. Вчера баррикады строили въ 11 мѣстахъ, преграждали движеніе войскъ, ломая заборы, рубя деревья, разбивая кіоски и разбирая мостовую; опрокинули до 50 вагоновъ конки, войско стрѣляло нѣсколько разъ и, по свѣдѣніямъ изъ больницъ, до 80 раненыхъ и убитыхъ. Толпа молодежи разбила оружейный магазинъ на Дерибассовской и расхитила все оружіе. Хорошо, что полиція догадалась заранѣе отобрать всѣ патроны изъ всѣхъ оружейныхъ магазиновъ города, такъ что разграбленное оружіе не опасно. Безпорядки и забастовки страшно подняли цѣны на всѣ жизненные продукты. Кто во всемъ виновать, — рѣшайте сами, люди благонамѣренные. Градоначальникъ Нейдгардтъ".

Въ приведенномъ воззваніи явно и открыто заключается натравливаніе извѣстной части населенія на университетъ, учащуюся молодежь и интеллигенцію. Подобные циркуляры могутъ вызвать и уже вызвали новыя, болѣе ужасныя событія.

Такимъ образомъ, градоначальникъ, опубликовавъ письмо 30,000 мѣщанъ, обѣщавшихъ ему придти и сжечь университетъ, ни однимъ словомъ не упомянулъ при этомъ, что онъ считаетъ эту мѣру незаконной и недопустимой. Болѣе того, онъ кончаетъ

свое воззваніе къ населенію словами: „Безпорядки и забастовки страшно подняли цѣны на всѣ жизненные продукты. Кто во всемъ виновать, рѣшайте сами, люди благонамѣренные“. Населеніе не могло не смотрѣть на это воззваніе, какъ на призывъ къ содѣйствію тѣхъ „благонамѣренныхъ“ людей, которые предлагали градоначальнику сжечь университетъ, и когда послѣ этого произошелъ погромъ, и войска вели себя такъ же, какъ и въ Кіевѣ, въ городѣ и въ печати прямо обвиняли градоначальника, а, слѣдовательно, и правительство вообще, въ пролитой въ ближайшіе дни массѣ крови.

Такимъ образомъ, факты, даже взятые изъ дѣлъ департамента полиціи, съ полной очевидностью показываютъ, что значительная часть тяжелыхъ обвиненій, возведенныхъ на правительство обществомъ и народомъ, въ ближайшіе послѣ манифеста дни, имѣли подъ собою вполнѣ серьезныя основанія: существовали созданныя высшими *чинами правительства* партіи для „организованнаго отпора крайнимъ элементамъ“; организовались правительствомъ патріотическія манифестаціи, и въ то же время разгонялись другія; стрѣляли въ мирныхъ демонстрантовъ и позволяли на глазахъ у полиціи и войскъ избивать людей и жечь губернскую земскую управу; не трогали погромщиковъ и залпами стрѣляли въ тѣхъ, кто позволялъ себѣ защищаться отъ нихъ; сознательно или безсознательно подстрекали толпу къ насиліямъ офиціальными объявленіями за подписью высшаго представителя *правительственной* власти въ большомъ городѣ, и когда затѣмъ безпорядки возникли, не принимали мѣръ къ ихъ подавленію. Всѣ эти факты произошли на протяженіи 3—4 дней въ разныхъ концахъ Россіи, и вызвали такую бурю негодованія въ средѣ населенія, которая совершенно смела первое радостное впечатлѣніе отъ чтенія манифеста 17 октября.

Министру внутреннихъ дѣлъ

завѣдующаго особымъ отдѣломъ департамента полиціи, чиновника особыхъ порученій 5-го класса при министрѣ, статскаго совѣтника Макарова

рапортъ отъ 15-го февраля 1906 г.

„По полученіи 11-го сего февраля въ особомъ отдѣлѣ департамента полиціи извѣстнаго вашему высокопревосходительству, адресованнаго на имя предсѣдателя совѣта министровъ, письма литератора Оболенскаго о готовящемся въ г. Александровскѣ, Екатеринославской губерніи, избіеніи евреевъ, я, въ виду доложенныхъ мною вашему высокопревосходительству 6 числа текущаго мѣсяца свѣдѣній о составленіи, отпечатаніи и распространеніи департаментомъ полиціи воззваній, возбуждающихъ одни классы населенія противъ другихъ, остановился на мысли о томъ, не организовано ли, дѣйствительно, какъ утверждаетъ Оболенскій, ожидаемое въ г. Александровскѣ избіеніе евреевъ, должностными лицами и не дѣйствовали ли послѣднія подъ руководствомъ или съ вѣдома чиновъ департамента полиціи. Разсмотрѣвъ дѣла особаго отдѣла департамента полиціи по екатеринославской губерніи, я обнаружилъ въ нихъ два донесенія департаменту помощника начальника екатеринославскаго губерн-

скаго жандармскаго управленія по александровскому и павлоградскому уѣздамъ ротмистра Будоговскаго отъ 27 ноября и 5 декабря 1905 г. за №№ 1054 и 1061, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что избіеніе евреевъ въ г. Александровскѣ подготовляется, что преступная агитація съ этой цѣлью ведется по иниціативѣ ротмистра Будоговскаго и что чинами департамента полиціи, которые о семъ были своевременно освѣдомлены, не только не было принято мѣръ къ прекращенію означенной агитаціи, но дѣятельность ротмистра Будоговскаго даже поощрялась. При вышеуказанныхъ донесеніяхъ ротмистромъ Будоговскимъ были представлены 6 литографированныхъ и 2 печатныхъ воззванія, послѣднія со штемпелемъ „александровская народная партія 17 октября". Печатныя воззванія озаглавлены одно: „Ко всѣмъ истинно-русскимъ людямъ, гражданамъ земли русской", другое — „Сочувствуетъ ли русскій народъ революціи и республикѣ",—и излагаютъ разъясненія народу „преступныхъ" „своекорыстныхъ" цѣлей революціонеровъ, отождествленныхъ въ воззваніяхъ съ евреями, и описанія того, какъ 19 октября минувшаго года патріотически настроенная толпа въ г. Нѣжинѣ заставляла революціонеровъ, студентовъ и евреевъ пѣть народный гимнъ и присягать передъ портретомъ государя императора. По общему тону и нѣкоторымъ отдѣльнымъ фразамъ воззванія представляютъ изъ себя агитаціонныя средства къ возбужденію одной части населенія противъ другой. Одно мимеографированное воззваніе заключаетъ въ себѣ критику общественной дѣятельности нѣкоторыхъ гласныхъ александровскаго уѣзднаго земства, въ воззваніи поименованныхъ, и призывъ противъ нихъ. Остальныя мимеографированныя воззванія, изъ коихъ нѣкоторыя подписаны „александровскій союзъ русскихъ людей 17 октября", а одно „александровская русская боевая дружина", отличаются крайнимъ возбужденіемъ населенія противъ „революціонеровъ, соціалъ-демократовъ и жидовъ". Въ нихъ первые называются братьями и холопами „жидовъ", доказывается, что революціонное движеніе ведется исключительно евреями; они заканчиваются призывами: „прочь, коварное

дьявольское наважденье. Прочь жиды и ихъ братья-ученики, соціалъ-демократы и революціонеры, долой жидовъ и ихъ братьевъ соціалъ-демократовъ и революціонеровъ". Воззваніе же александровской боевой дружины: „Ко всѣмъ истинно-русскимъ людямъ" заключаетъ въ себѣ открытый призывъ къ избіенію революціонеровъ и евреевъ. Въ немъ послѣ упоминанія о томъ, что Россію ведутъ къ гибели „соціалъ-демократы, революціонеры и жиды", говорится: „Мало ли намъ, что уже въ Петербургѣ захватили власть революціонеры и не даютъ царю объявить законъ о дарованныхъ свободахъ". „Вотъ уже на этихъ дняхъ эти изверги рода человѣческаго соціалъ-демократы и революціонеры ранили царя-батюшку нашего, который отъ горя уже успѣлъ посѣдѣть". „Вотъ уже нѣмецкій государь послалъ свои военныя суда къ Петербургу". „Мы, русскіе люди, погибнемъ, если сейчасъ же не соединимся въ дружины и дружными напорами не отразимъ нашего врага, соціалъ-демократовъ и жидовъ", „еще не поздно, но скоро будетъ поздно, и врагъ нашъ внутренній разорветъ нашу дорогую родину на части и отдастъ ее на съѣденіе жидамъ". „Такъ вставай, сказано въ воззваніи, подымайся, великій русскій народъ, образуй дружины, запасайся оружіемъ, косами, вилами и иди на защиту своего царя, родины и вѣры православной. Но помните, что врагъ нашъ, кто стоитъ за жидовъ, за нынѣшнія политическія забастовки, ходитъ съ краснымъ флагомъ и называетъ себя соціалъ-демократомъ и революціонеромъ. Итакъ, истинно-русскіе люди: кто за царя, родину и вѣру православную, тотъ по первой тревогѣ собирайтесь съ оружіемъ, косами и вилами на площади у народнаго дома и вступайте подъ русскія трехцвѣтныя знамена сформированной Александровской русской боевой дружины, которая ринется съ портретомъ царя и святой иконой на враговъ нашихъ краснофлажниковъ".

Представляя вышеописанныя воззванія департаменту полиціи, ротмистръ Будоговскій въ донесеніяхъ своихъ за №№ 1054 и 1061 сообщаетъ, что воззванія эти разбрасываются „александровскимъ союзомъ 17-го октября" въ г. Александровскѣ и въ

сосѣднихъ деревняхъ „въ значительномъ количествѣ“, что они „приносятъ существенную пользу въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ“, что весь составъ означеннаго патріотическаго союза ему, ротмистру Будоговскому, извѣстенъ и что онъ „употребляетъ все свое вліяніе на выпускъ подобныхъ же воззваній и въ селахъ своего района“, что, „по его мнѣнію, благотворно повліяетъ на крестьянъ и удержитъ ихъ отъ насилій надъ помѣщиками“. Подобныя донесенія поступали въ департаментъ полиціи отъ ротмистра Будоговскаго и ранѣе, какъ то видно изъ помѣты на его донесеніи за № 1054, сдѣланной прикомандированнымъ къ особому отдѣлу департамента чиновникомъ особыхъ порученій Пятницкимъ, но донесеній этихъ я въ дѣлахъ особаго отдѣла не нашелъ, несмотря на то, что чиновникомъ особыхъ порученій Пятницкимъ, при представленіи донесенія ротмистра Будоговскаго за № 1054 завѣдывавшему политической частью департамента полиціи Рачковскому, а донесенія за № 1061 завѣдывавшему особымъ отдѣломъ департамента полиціи Тимофееву (нынѣ чиновника для порученій при дворцовомъ комендантѣ) были сдѣланы на донесеніи помѣты: на первомъ—„прилагаемыя воззванія александровскаго союза 17 октября безусловно заключаютъ въ себѣ натравливаніе противъ евреевъ“, а на второмъ—„еще рядъ воззваній, направленныхъ противъ евреевъ“, донесенія эти не вызвали по поводу означенныхъ воззваній никакихъ распоряженій, ни со стороны д. с. с. Рачковскаго, ни со стороны с. с. Тимофеева, а вмѣстѣ съ тѣмъ ротмистръ Будоговскій былъ представленъ къ награжденію.

Изъ письма литератора Оболенскаго на имя ст.-секр. гр. Витте ваше высокопревосходительство изволите знать, что агитація къ истребленію евреевъ, веденная александровскимъ союзомъ 17 октября, подъ вліяніемъ помощника начальника екатеринославскаго губернскаго жандармскаго управленія ротмистра Будоговскаго, дѣйствовавшаго по молчаливому одобренію д. с. с. Рачковскаго и с. с. Тимофеева, достигла своей цѣли и избіеніе еврейскаго населенія г. Александровска ожидается 19 сего фе-

враля. Такія дѣйствія поименованныхъ должностныхъ лицъ, ведущія къ возникновенію среди населенія имперіи междоусобной розни и создающія условія, благопріятныя для усиленнаго развитія и успѣха революціоннаго движенія, составляютъ преступленія, предусмотрѣнныя 341 ст. улож. о нак. Въ виду чего я объ изложенномъ считаю долгомъ доложить на усмотрѣніе вашего высокопревосходительства".

Письмо А. А. Лопухина къ П. А. Столыпину.

Милостивый Государь, Петръ Аркадьевичъ!

Письмомъ отъ 13 минувшаго мая я счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о томъ, что копія рапорта завѣдывающаго особымъ отдѣленіемъ департамента полиціи Макарова министру внутреннихъ дѣлъ объ организаціи избіенія евреевъ въ городѣ Александровскѣ, екатеринославской губ., и объ участіи въ этомъ чиновъ департамента полиціи была передана редакціи газеты „Рѣчь“ мною въ виду глубокаго моего убѣжденія, что только освѣдомленная прессой государственная дума въ силахъ навсегда прекратить грозящее государству величайшей опасностью систематическое подготовленіе властями еврейскихъ и иныхъ погромовъ. Упомянутое письмо мое было написано съ тѣмъ, чтобы подозрѣніе въ передачѣ рапорта г. Макарова газетѣ не коснулось кого-либо изъ подчиненныхъ Вашему превосходительству лицъ, къ этому непричастныхъ. Вслѣдствіе этого я въ означенномъ письмѣ не изложилъ тѣ относящіяся къ рапорту Макарова данныя, которыя имѣются у меня; не сдѣлалъ я этого также потому, что я былъ далекъ отъ мысли, что при вызванномъ запросомъ государственной думы изслѣдованіи по поводу рапорта Макарова истина можетъ быть скрыта отъ Вашего превосходительства. Между тѣмъ изъ газетныхъ отчетовъ о происходившемъ 8 іюня засѣданіи Государственной Думы я не могъ не убѣдиться, что въ матеріалѣ, доставленномъ Вамъ для составленія объясненій, которыя Ваше превосходительство представили думѣ, обстоятельства дѣла были совершенно извращены. Въ виду этого счи-

таю долгомъ настоящимъ письмомъ довести до свѣдѣнія Вашего превосходительства имѣющіяся у меня данныя.

Въ январѣ текущаго года нѣкоторыя лица, евреи, сообщая мнѣ указанія на подготовлявшіеся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи еврейскіе погромы, обращались ко мнѣ съ просьбами оказать содѣйствіе къ предотвращенію этихъ бѣдствій. Выясненіе этихъ указаній подтвердило ихъ, привело меня къ убѣжденію въ участіи власти въ подготовленіи погромовъ и навело меня, такъ сказать, на слѣдъ типографіи департамента полиціи. 20 января предсѣдатель совѣта министровъ гр. Витте вызвалъ меня къ себѣ, чтобы ознакомиться съ моимъ взглядомъ на еврейскій вопросъ и на причины участія еврейскаго пролетаріата въ революціонномъ движеніи. Я, давъ гр. Витте отвѣтъ по существу, вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ, что рядомъ съ юридической стороной вопроса есть и другая, бытовая его сторона, выражающаяся въ данное время въ боевомъ антисемитизмѣ, созданномъ не только продолжительностью безправнаго положенія евреевъ, но и непосредственно дѣйствующей умышленной провокаціей властей. Я сообщилъ гр. Витте и свѣдѣнія о сціаліально существующей для этой провокаціи типографіи департамента полиціи, къ этому дню бывшія, впрочемъ, еще недостаточно подробными. Гр. Витте далъ мнѣ, какъ лицу, состоявшему на службѣ, причисленному къ министерству внутреннихъ дѣлъ, порученіе возможно подробно провѣрить означенныя свѣдѣнія.

Вотъ что мною было по этому поводу выяснено.

Послѣ изданія манифеста 17 окт. 1905 г., когда благодаря послѣдовавшимъ за этимъ законодательнымъ актомъ во многихъ городахъ безпорядкамъ, въ умѣренныхъ кругахъ общества появились признаки реакціи, завѣдывающій политической частью деп-та полиціи чиновникъ особыхъ порученій при м-рѣ внут. дѣлъ, Рачковскій, съ цѣлью усиленія реакціи, предпринялъ изданіе соотвѣтствующихъ воззваній. Они печатались въ то время жандармскими офицерами въ помѣщеніи губернскаго жандармск. управленія на станкѣ, отобранномъ по обыску у революціоннаго кружка.

У меня въ рукахъ было одно, напечатанное такимъ способомъ воззваніе. Оно было обращено къ рабочимъ, носило подпись: „Группа русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Петербурга“ и пыталось подорвать довѣріе рабочихъ къ ихъ крайнимъ по направленію руководителямъ увѣреніями, что эти руководители расхищаютъ деньги, собранныя рабочими на политическую борьбу. Это было не единственное воззваніе, отпечатанное въ жандармскомъ управленіи. Производя изслѣдованіе, я не могъ получить другихъ, такъ какъ они всѣ уже разошлись. Затѣмъ, когда служившій ранѣе революціонному кружку печатный станокъ оказался орудіемъ недостаточнымъ, на средства д-та полиціи была пріобрѣтена усовершенствованная ручная печатная машина, отрабатывающая до 1000 экземпляровъ въ часъ. Она была поставлена въ секретномъ отдѣленіи д-та полиціи, завѣдываніе ея работой было поручено ротмистру Комиссарову, при ней состояло два наборщика. На этой машинѣ въ декабрѣ 1905 г. и въ январѣ 1906 г. было отпечатано не одно, а значительное количество воззваній, различныхъ по изложенію, однородныхъ по содержанію. Въ нихъ, рядомъ съ осужденіемъ революціоннаго движенія, доказывалось, что виновниками его являются преимущественно инородцы, прежде всего евреи, къ борьбѣ съ которыми воззванія и возбуждали. Въ моихъ рукахъ было 3 образца, отпечатанныхъ въ типографіи д-та полиціи воззваній: ими, какъ я выяснилъ, не исчерпывались провокаціонныя изданія этой типографіи: четвертый въ то время (21 янв.) былъ только набранъ. Онъ заключалъ въ себѣ самыя уродливыя обвиненія противъ евреевъ и призывалъ къ бойкоту ихъ при выборахъ въ Госуд. Думу. Изъ отпечатанныхъ же воззваній, видѣнныхъ мной, одно представлялось наиболѣе преступнымъ: въ немъ авторы его, противъ „поляковъ, армянъ, жидовъ“, возбуждали армію, такъ какъ воззваніе было обращено къ солдатамъ; каждый образецъ воззваній отпечатывался въ тысячахъ экземпляровъ. Только что упомянутое воззваніе къ солдатамъ было послано для распространенія въ Вильну съ чиновникомъ особыхъ порученій при виленскомъ генералъ-губернаторѣ Шкотѣ въ количествѣ около

5 тыс. экз. Шкотъ частью ихъ самъ разбросалъ ночью по улицамъ города, остальные же передалъ виленскому полицеймейстеру, который около 15 января прислалъ въ д-тъ полиціи телеграмму съ просьбой въ виду успѣха воззваній къ солдатамъ прислать новую партію ихъ. Таковая была отпечатана вновь въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ и послана виленскому полицеймейстеру. Тѣ же воззванія къ солдатамъ были также въ тысячахъ экземпляровъ посланы для разпространенія въ Курскъ командированному туда врачу Михайлову, состоявшему по приглашенію д. с. с. Рачковскаго на службѣ въ д-тѣ полиціи по вольному найму. Михайловъ 19 или 20 января также потребовалъ изъ д-та полиціи телеграммой присылки новой партіи тѣхъ же воззваній, въ виду особаго ихъ успѣха среди солдатъ. Кромѣ того, издававшіяся д-томъ полиціи воззванія распространялись въ Петербургѣ черезъ Дубровина и находящійся подъ его предсѣдательствомъ „союзъ русскаго народа“, а въ Москвѣ—черезъ изд.-редактора „Моск. Вѣдомостей“ Грингмута, которому транспортъ воззваній былъ переданъ въ декабрѣ 1905 г. въ Москвѣ лично д. с. с. Рачковскимъ. Провокаціонныя воззванія д-та полиціи распространялись и въ иныхъ мѣстахъ черезъ полицію и жандармовъ.

Всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія я въ январѣ текущаго года сообщилъ Предсѣдателю Совѣта М—ровъ, передавъ статсъ-секретарю гр. Витте и всѣ вышеописанныя воззванія (вслѣдствіе этого экземпляры ихъ у меня не остались). Гр. Витте вызвалъ къ себѣ ротм. Комиссарова, который всѣ эти свѣдѣнія подтвердилъ. Ротм. Комиссаровъ и мнѣ подтвердилъ ихъ всѣ безъ исключенія, при чемъ объяснилъ, что дѣйствовалъ по приказанію завѣдывающаго политическою частью Д-та Полиціи Рачковскаго, а затѣмъ образцы воззваній до набора ихъ представлялъ для прочтенія директору д-та полиціи *Вуичу* и только послѣ отмѣтки послѣдняго о прочтеніи проекта воззванія отдавалъ его въ наборъ.

По настойчивому требованію ст.-секретаря гр. Витте, дѣятельность типографіи д-та полиціи была прекращена. При этомъ для того, чтобы имѣть поводъ отказать Рачковскому въ исполненіи

требованія печатать воззванія вопреки приказанію Предсѣдателя совѣта мин-ровъ, ротмистръ Комиссаровъ сломалъ печатный станокъ, а затѣмъ онъ изъ помѣщенія д-та полиціи былъ перенесенъ въ квартиру ротмистра Комиссарова.

Помимо всего изложеннаго, отъ В. Превосходительства было скрыто, что прокламаціи, призывающія къ избіенію евреевъ, распространялись въ г. Александровскѣ, Екатер. губ., и послѣ прекращенія въ этомъ городѣ безпорядковъ, т. е. 14 декабря 1905 г. Считаю долгомъ представить сохранившійся у меня экземпляръ, распространявшійся въ г. Александровскѣ 25 и 26 января текущаго года, призывающій населеніе этого города къ избіенію евреевъ 27 января, въ годовщину возникновенія войны съ Японіей. Отъ Вашего Превосходительства было скрыто, что чиновникъ особыхъ порученій Рачковскій завѣдывалъ политической частью д-та полиціи до 20-хъ чиселъ апрѣля; будучи по Высочайшему распоряженію освобожденъ отъ этой обязанности, онъ по писанному приказанію начальства завѣдывалъ всѣми охранными отдѣленіями; ему было предоставлено право давать направленіе всѣмъ дѣламъ д-та полиціи, которыя онъ признаетъ нужнымъ взять въ свое вѣдѣніе, и на него тѣмъ же приказаніемъ было возложено порученіе использовать въ видахъ правительства общественныя силы и организаціи. Вашему Превосходительству было доложено невѣрно, что ротм. Будоговскій для внушенія былъ вызванъ въ Петербургъ по обнаруженіи его преступленія и что д-томъ полиціи, немедленно по полученіи свѣдѣній о подготовленіи еврейскихъ погромовъ, самостоятельно посылались телеграммы о принятіи предупредительныхъ мѣръ. Ротмистръ Будоговскій былъ вызванъ въ Петербургъ не по полученіи его декабрьскихъ донесеній объ успѣхѣ его пропаганды въ Александровскѣ, а лишь въ концѣ февраля или въ мартѣ исключительно вслѣдствіе рѣшительныхъ настояній предсѣдателя совѣта министровъ гр. Витте о необходимости прекращенія дѣятельности правительственныхъ организаторовъ погромовъ. Также и телеграммы о предупрежденіи погромовъ посылались только по требованію гр. Витте, что

мнѣ хорошо извѣстно, вслѣдствіе того, что свѣдѣнія объ организаціи погромовъ гр. Витте получались почти исключительно отъ меня.

Позвольте мнѣ помимо свѣдѣній, которыя нравственный долгъ обязываетъ, сообщить Вамъ также и мнѣніе мое, бывшаго дир. Д-та Полиціи, о причинахъ представляющагося на первый взглядъ непонятнымъ безсилія центральной правительственной власти не только прекратить погромную политику мѣстныхъ властей, когда она исходитъ отъ нихъ, но даже получить полную освѣдомленность объ организаціи ими погромовъ. Я не останавливаюсь на безнаказанности должностныхъ лицъ, виновныхъ въ погромахъ, какъ на одной изъ этихъ причинъ,—она не нуждается въ доказательствѣ. Существуютъ и иныя причины общаго свойства. Въ бытность мою директоромъ д—та полиціи произошелъ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ еврейскихъ погромовъ, кишиневскій. Пользовавшаяся въ то время привилегіей обсуждать наши внутреннія дѣла заграничная и нелегальная пресса, а также и нѣкоторые общественные круги обвиняли въ организаціи этого погрома департаментъ полиціи. Д-тъ полиціи въ немъ не повиненъ, но обвиненіе имѣло то основаніе, что исходило изъ предположенія о всемогуществѣ и д-та полиціи и м-ра внутреннихъ дѣлъ. Для каждаго, взволнованнаго впечатлѣніемъ ужасовъ погрома, обывателя не могло не казаться абсурдомъ, что низшіе исполнительные чины могутъ посмѣть организовывать погромы безъ санкціи высшаго начальства или хотя бы безъ увѣренности въ его сочувствіи. А между тѣмъ такое утвержденіе существуетъ. При самомъ добросовѣстномъ изслѣдованіи участія должностныхъ лицъ въ устроенномъ въ 1903 г. въ Кишиневѣ избіеніи евреевъ, мнѣ, въ качествѣ директора департамента полиціи, не удалось обнаружить въ этомъ отношеніи ничего, кромѣ неясныхъ указаній; однако, такое участіе несомнѣнно существовало. И что весьма характерно, тайна погромныхъ организацій стала мнѣ доступна только послѣ того, какъ я пересталъ занимать оффиціальное положеніе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ такихъ условіяхъ

находится каждый, не придерживающійся погромной политики, членъ центральнаго правительства. Объясняется это тѣмъ, что власть министерства внутреннихъ дѣлъ и его центральнаго политическаго органа совершенно безсильна: не полиція и жандармерія находятся въ его рукахъ, а онъ находится въ рукахъ у правителей этихъ учрежденій. Вся власть фактически перенесена сверху внизъ положеніемъ объ охранѣ, продолжительностью его примѣненія въ государствѣ.

Служба въ судебномъ вѣдомствѣ, дающая огромный матеріалъ для правильнаго сужденія о практическомъ значеніи положенія объ охранѣ, убѣдила меня, что положеніе это никогда ни въ одинъ изъ періодовъ своего существованія не принесло государству ничего, кромѣ вреда; вслѣдствіе этого, я согласился принять должность д-ра д-та полиціи только подъ условіемъ полнаго прекращенія дѣйствія положенія объ охранѣ. Не моя вина, что условіе это не было выполнено и я вынужденъ былъ посвятить себя посильному ослабленію приносимаго положеніемъ объ охранѣ зла. Этотъ невольный опытъ даетъ мнѣ основаніе утверждать, что самая опасная сторона означеннаго исключительнаго закона состоитъ въ томъ, что, благодаря ему, каждый чиновникъ полиціи, каждый жанд. офицеръ съ своими секретными агентами обращается въ вершителей судьбы каждаго обывателя, а въ суммѣ— всей Россіи. Все примѣненіе положенія объ охранѣ основано на свѣдѣніяхъ чиновъ полиціи и жандармеріи, не имѣющихъ надъ собою никакого контроля на мѣстахъ и не поддающихся контролю центральнаго учрежденія, что приводитъ послѣднее къ необходимости всякія свѣдѣнія изъ этихъ источниковъ принимать на вѣру. Въ полицейскихъ и жандармскихъ чинахъ вселяютъ увѣренность, что все зависитъ отъ нихъ и ихъ свѣдѣній, а не отъ министерства, безсиліе котораго передъ ними и ихъ свѣдѣніями они воочію передъ собою видятъ. Вслѣдствіе этого, отдѣльные чиновники и жандармскіе офицеры считаютъ себя въ правѣ вести свою самостоятельную политику, а министерство въ отношеніи злоупотребленій своихъ подчиненныхъ является самымъ неосвѣдомленнымъ

*

изъ учрежденій, ибо вынуждено имѣть дѣло или съ явной ложью или съ затемняющей истину умышленной неполнотой доставляемыхъ ему свѣдѣній. Откровенность ротмистра Будоговскаго въ его декабрьскихъ донесеніяхъ объясняется только его увѣренностью въ поддержкѣ начальства. Отсюда происходитъ полное безначаліе полиціи и жандармеріи въ области ихъ политической дѣятельности, безвластіе министра внутреннихъ дѣлъ.

Рядомъ съ этой постоянной причиной описаннаго мною разлагающаго государственную власть порядка, существуетъ и причина временная. Когда мнѣ въ январѣ и февралѣ текущаго года пришлось собирать свѣдѣнія объ организаціи еврейскихъ погромовъ, я не встрѣтилъ ни одного лица изъ состава д-та полиціи, общегосударственной полиціи, которая не имѣла бы непоколебимой увѣренности, что существуетъ два правительства, проводящія каждое свою самостоятельную политику: одно въ лицѣ статсъ-секретаря графа Витте, другое — дворцоваго коменданта генералъ-маіора Трепова, который по распространенному мнѣнію докладываетъ Его Императорскому Величеству Государю Императору свѣдѣнія о положеніи вещей въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ которое имъ дается докладами предсѣдателя совѣта министровъ, и, такимъ образомъ, вліяетъ на направленіе политики. Къ такому убѣжденію имѣются основанія въ томъ, что, будучи назначенъ дворцовымъ комендантомъ, генералъ Треповъ настоялъ на назначеніи въ его распоряженіе особыхъ суммъ на агентурные расходы и тѣмъ пріобрѣлъ средства, которыми можетъ быть снабженъ только министръ внутреннихъ дѣлъ, и въ томъ, что, оставивъ въ октябрѣ 1905 г. должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ Треповъ тѣмъ не менѣе продолжалъ, помимо министра внутреннихъ дѣлъ и безъ его вѣдома, получать изъ департамента полиціи для ознакомленія всѣ сколько-нибудь выдающіяся, не имѣющія никакого отношенія къ дѣламъ дворцоваго коменданта, дѣла и бумаги и даже не только тѣ, которыя получались департаментомъ, но и тѣ, которыя отъ него исходили. Для какой бы цѣли генералъ Треповъ ни имѣлъ особый фондъ и документы

департамента полиціи, какъ бы онъ ни пользовался своимъ положеніемъ,—всеобщее, вѣрное или ошибочное, убѣжденіе среди подчиненныхъ Вашего Превосходительства о вліяніи генерала Трепова на политику государства существуетъ непоколебимо. Оно такъ же твердо, какъ и увѣренность ихъ въ сочувствіи генерала Трепова погромной политикѣ. И какія бы мѣры ни принимались министромъ противъ погромовъ, они будутъ продолжаться, пока въ мѣстныхъ полицейскихъ властяхъ будетъ существовать увѣренность въ безсиліи министерства и силѣ другихъ властей.

Прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности Вашего покорнаго слуги

А. Лопухинъ.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ОТЧЕТЪ

СЕНАТОРА КУЗМИНСКАГО.

о причинахъ безпорядковъ, происходившихъ въ гор. Одессѣ въ октябрѣ 1905 г., и о порядкѣ дѣйствія мѣстныхъ властей.

Всеподданнѣйшій отчетъ сенатора Кузминскаго о причинахъ безпорядковъ, происходившихъ въ г. Одессѣ въ октябрѣ 1905 г., и о порядкѣ дѣйствія мѣстныхъ властей.

Вашему Императорскому Величеству, въ 10 и 16 дни ноября 1905 г., благоугодно было Высочайше мнѣ повелѣть выяснить причины возникновенія происходившихъ въ октябрѣ того же года въ городѣ Одессѣ безпорядковъ и провѣрить правильность дѣйствій мѣстныхъ властей, руководствуясь въ порядкѣ изслѣдованія сихъ предметовъ инструкціями, преподанными ревизующимъ сенаторамъ въ Высочайшихъ повелѣніяхъ, воспослѣдовавшихъ 22 сентября 1880 г., 23 марта и 16 ноября 1905 г., и постановленіями дѣйствующаго Устава Уголовнаго Судопроизводства.

Приступивъ 21 ноября, въ г. Одессѣ, къ исполненію возложеннаго на меня порученія и нынѣ окончивъ его, имѣю счастье повергнуть на Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества благовоззрѣніе нижеслѣдующій всеподданнѣйшій отчетъ.

Съ 18 по 22 октября 1905 года въ гор. Одессѣ происходилъ необычайный по своей продолжительности погромъ, сопровождавшійся избіеніемъ евреевъ, истребленіемъ и расхищеніемъ ихъ имущества и многочисленными жертвами, убитыми и ранеными, не только евреевъ, но и христіанъ. По силѣ и проявленной жестокости, этотъ погромъ превзошелъ всѣ ему предшествовавшіе, носившіе обыкновенно характеръ борьбы, вызванной, главнымъ образомъ, причинами національно-экономическими, тогда какъ послѣдній долженъ быть отнесенъ къ явленіямъ иного порядка, въ которыхъ наблюдавшіяся

ранѣе причины были поглощены другими, обусловленными современнымъ состояніемъ государства.

Изслѣдованіе показало, что печальныя событія октябрьскихъ дней представляются въ политической жизни гор. Одессы явленіемъ, находящимся въ послѣдовательной связи со всѣмъ ходомъ мѣстнаго революціоннаго движенія, вслѣдствіе чего, для правильнаго опредѣленія причинъ ихъ возникновенія, необходимо представить краткій обзоръ развитія этого движенія въ предшествовавшее имъ время.

Съ января 1905 года среди рабочихъ разныхъ Одесскихъ фабрикъ стало уже замѣчаться нѣкоторое броженіе, то усиливавшееся, то затихавшее; съ конца апрѣля это движеніе, подъ вліяніемъ агитаціи существующихъ въ Одессѣ революціонныхъ комитетовъ, именно соціалъ-демократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ и Бунда, начало принимать опредѣленныя формы: рабочіе предъявили предпринимателямъ требованія о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, объ увеличеніи заработной платы, о свободѣ слова, печати и сходокъ и т. д.; движеніе постоянно поддерживалось распространяемыми между рабочими революціонными изданіями, въ которыхъ они приглашались къ забастовкамъ, при чемъ проводилась та мысль, что только всеобщая забастовка на политической почвѣ можетъ дать ощутительные результаты. На собраніи рабочихъ, при участіи революціонеровъ, большею частью изъ евреевъ, происходившемъ 3 іюня на Пересыпи, за заводомъ земледѣльческихъ орудій Гена, было окончательно рѣшено добиться всеобщей забастовки и озаботиться вооруженіемъ рабочихъ на случай столкновенія съ войсками и полиціею. Для воспрепятствованія устройству такой забастовки, полиція 12 іюня арестовала выборныхъ представителей рабочихъ въ числѣ 32 человѣкъ, но на слѣдующій же день значительныя толпы рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, преимущественно изъ евреевъ, стали насильственно прекращать работы на заводахъ и фабрикахъ, требуя присоединенія рабочихъ къ забастовщикамъ и вступая въ вооруженныя столкновенія съ войсками и полиціею. Такъ, вечеромъ 13 числа многочисленная толпа пыталась проникнуть въ

зданіе городской электрической станціи на Пересыпи и хотѣла ворваться въ помѣщеніе Херсонскаго полицейскаго участка, но была разсѣяна нарядомъ полиціи и подоспѣвшими конными стражниками, въ которыхъ производились изъ толпы выстрѣлы, не причинившіе однако вреда. Утромъ 14 іюня довольно большая толпа евреевъ ворвалась во дворъ жестяной фабрики Вальтуха, на Прохоровской улицѣ, и, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны бывшаго тамъ городового Кайриса, накинулась на него, засыпала ему глаза табакомъ, оборвала шнуръ отъ револьвера и шашку закинула на крышу дома, а при появленіи полицейскаго наряда разбѣжалась, открывъ огонь изъ револьверовъ, при чемъ изъ числа стрѣлявшихъ четыре еврея, Іосифъ Кланъ, Борухъ Кулимовичъ, Сруль Ниренбергъ и Израиль Куninъ были тогда же задержаны. Въ то же время на углу Большой Арнаутской и Мѣщанской улицъ толпа евреевъ набросилась на постового городового Гоготова, сбила его съ ногъ и выстрѣломъ изъ револьвера поранила въ голову; тогда же на углу Троицкой и Канатной улицъ толпа евреевъ, человѣкъ въ 300, пыталась проникнуть въ развѣсочную чайнаго товарищества Высоцкаго, произвела нѣсколько выстрѣловъ въ околоточнаго надзирателя, удерживавшаго толпу отъ вторженія, но была разсѣяна послѣ сдѣланнаго въ нее полицейскимъ нарядомъ залпа. Вскорѣ, однако, она снова собралась и направилась къ помѣщенію Бульварнаго участка, гдѣ, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ вышедшимъ нарядомъ и продолжая отстрѣливаться, отошла къ дому Докса, изъ оконъ и балкона котораго было произведено въ полицейскихъ чиновъ нѣсколько выстрѣловъ. Около 12 часовъ того же дня, толпа численностью до полуторы тысячи человѣкъ, сгруппировалась около зданія Ліонскаго кредита, гдѣ успѣла разбить лишь одно зеркальное стекло, какъ сейчасъ же была разсѣяна полиціею при помощи войскъ, при чемъ раненъ камнемъ въ голову вольноопредѣляющійся драгунскаго полка Самаринъ. Тѣмъ временемъ на Мѣщанской улицѣ толпа евреевъ изъ лежавшихъ на улицѣ строительныхъ матеріаловъ устроила баррикаду, изъ-за которой стрѣляла по наряду полиціи, пытавшемуся разобрать загражденіе;

на Преображенской улицѣ толпою евреевъ было опрокинуто нѣсколько вагоновъ конно-желѣзной дороги; между 11 и 2 ч. дня изъ собравшейся на углу Тираспольской и Старопортофранковской улицъ толпы евреевъ четыре человѣка: Наумъ Кофманъ, Иванъ Ошко, Ицекъ Гадамшеръ и Рувинъ Виндманъ набросились съ оружіемъ въ рукахъ на чиновъ полиціи, при чемъ Кофманъ и Ошко стрѣляли изъ револьверовъ и ранили коннаго стражника Харкевича. Вообще въ теченіе всего дня 14 іюня на всѣхъ почти улицахъ города происходили постоянныя стычки евреевъ съ нарядами полиціи, во время которыхъ евреи пускали въ дѣло огнестрѣльное оружіе и камни и причинили поврежденіе околоточному надзирателю Толкачеву и нѣсколькимъ городовымъ. Со стороны евреевъ было также ранено до 10 человѣкъ, но кто именно,—дознаніемъ выяснено не было, такъ какъ толпа уводила раненыхъ и скрывала ихъ. Кромѣ того, около 10 часовъ вечера того же числа, на Соборной площади была брошена бомба, взрывомъ которой убиты бросившій ее мѣщанинъ Мордко Ципкинъ и городовой Павловскій, пытавшійся задержать Ципкина по требованію слѣдившихъ за нимъ агентовъ охраннаго отдѣленія.

14 іюня, около 7 часовъ вечера, на Одесскій рейдъ пришелъ броненосецъ «Князь Потемкинъ-Таврическій» и сталъ на якорѣ верстахъ въ двухъ отъ гавани, въ виду города; на его приходъ не обратили никакого вниманія ни портовыя власти, ни городскія. На слѣдующее утро, въ 6 часовъ, съ броненосца свезенъ былъ вооруженными матросами на паровомъ катерѣ и положенъ на концѣ новаго мола въ практической гавани трупъ матроса, на груди котораго приклеено было воззваніе слѣдующаго содержанія: «Гг. Одесситы. Вчера старшій офицеръ эскадреннаго броненосца «Князь Потемкинъ» выстрѣломъ изъ револьвера убилъ наповалъ матроса Григорія Вокаленчука, осмѣлившагося заявить неудовольствіе по поводу недоброкачественности борща. Товарищи, помянемъ его душу, отмстимъ тираннамъ, смерть кровопійцамъ, да здравствуетъ свобода». Матросы, привезшіе трупъ, разсказали портовымъ рабочимъ, что на броненосцѣ произошелъ бунтъ, во время котораго

были убиты всѣ офицеры, и при этомъ высказали угрозу, что если кто-либо изъ властей рѣшится убрать доставленный ими для погребенія трупъ, городъ будетъ подвергнутъ бомбардировкѣ.

Вѣсть о бунтѣ на броненосцѣ и о привозѣ матросами трупа на новый молъ со страшной быстротой облетѣла городъ, и въ портъ со всѣхъ сторонъ устремились городскіе жители, среди которыхъ видное мѣсто занимали евреи; въ теченіе двухъ часовъ на молѣ собралось до 5.000 человѣкъ. Въ толпѣ появился революціонный элементъ, многіе мужчины и женщины изъ евреевъ, оставшіеся необнаруженными даже агентурнымъ путемъ, произносили рѣчи, призывавшія народъ къ возстанію противъ правительства. Узнавъ объ этомъ, градоначальникъ Нейдгардъ, лично, въ десятомъ часу утра, заявилъ командовавшему въ то время войсками, генералу Каханову, что, въ виду нахожденія въ порту массы народа и революціонеровъ, произносящихъ зажигательныя рѣчи, гражданская власть безсильна водворить порядокъ, и потому онъ передаетъ всѣ дальнѣйшія распоряженія по прекращенію безпорядковъ военному начальству. Генералъ Кахановъ, усмотрѣвъ, что всѣ особенно неблагонадежные элементы городского населенія уже находятся въ порту, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь возможности бомбардированія города единственно вслѣдствіе угрозы, выраженной привезшими трупъ матросами, рѣшилъ отдѣлить происходившіе въ порту безпорядки отъ городскихъ и, оцѣпивъ войсками всѣ выходы изъ порта, приказалъ никого оттуда не выпускать; лицъ же, прорывающихся черезъ цѣпь войскъ задерживать, не прибѣгая къ стрѣльбѣ, дабы не раздражать команду взбунтовавшагося броненосца и не дать ей повода къ бомбардировкѣ города. Въ виду, такимъ образомъ, одной возможности бомбардировки, весь портъ, съ его постройками и товарами на десятки милліоновъ рублей, былъ оставленъ на произволъ многотысячной толпѣ, тогда какъ въ началѣ толпа была довольно еще спокойна и не предпринимала никакихъ насильственныхъ дѣйствій, такъ что возможно было очистить молъ отъ публики, при помощи нѣсколькихъ ротъ, о нарядѣ которыхъ ходатайствовалъ приставъ портового участка,

но ему въ этомъ было отказано. Послѣ 9 часовъ утра, благодаря отсутствію войскъ и полиціи, выведенной изъ порта по распоряженію градоначальника Нейдгарда одновременно съ передачею власти въ руки военнаго начальства, толпа еще болѣе увеличилась; среди нея слышались крики: «долой полицію, да здравствуетъ свобода» и стали раздаваться выстрѣлы. Возбужденіе толпы постепенно росло. Съ броненосцемъ установились съ самаго утра безпрерывныя сношенія: масса народа, въ томъ числѣ много студентовъ, курсистокъ и рабочихъ, посѣщала броненосецъ; между посѣтителями, по свидѣтельству прапорщика Алексѣева, выбраннаго взбунтовавшеюся командою командиромъ броненосца, находились четыре лица, явившіяся съ очевидною цѣлью поддерживать возмущеніе и склонять команду къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ лицами, производившими безпорядки въ гор. Одессѣ. Изъ числа этихъ лицъ, по словамъ Алексѣева, два студента покинули броненосецъ въ тотъ же день, а двое другихъ—одинъ студентъ, назвавшійся Ивановымъ и оказавшійся одесскимъ мѣщаниномъ Константиномъ Фельдманомъ, и другой статскій, извѣстный лишь подъ именемъ «Кирилла»,—оставались на броненосцѣ. Около 4 часовъ дня настроеніе толпы выразилось въ начавшемся разграбленіи сложенныхъ въ порту товаровъ. Толпа набросилась сначала на ящики съ виномъ, которое стало распивать, а затѣмъ, на глазахъ всѣхъ находившихся въ то время на Николаевскомъ бульварѣ властей и войскъ, расположенныхъ по линіи бульвара и на спускахъ изъ города въ портъ, устремилась къ пакгаузамъ и, разбивая ихъ, предала полному разграбленію всѣ товары. Грабежъ продолжался до 8 часовъ вечера, послѣ чего въ разныхъ мѣстахъ мола одновременно появился огонь: отдѣльныя группы поджигателей, преимущественно подростковъ, съ крикомъ и гиканьемъ бросались къ кипамъ товаровъ, обливали ихъ керосиномъ и зажигали. Посланная изъ города въ портъ пожарная команда не была допущена толпою. Къ 10 часамъ вечера вся практическая гавань была охвачена огнемъ и пожаръ сталъ угрожать карантинной гавани, гдѣ находились иностранные корабли и пакгаузы съ иностранными товарами, а также

таможня и склады спирта въ нѣсколько сотъ бочекъ; но, благодаря нѣсколькимъ выстрѣламъ, даннымъ, по распоряженію начальника карантиннаго порта, солдатами карантинной роты и двухъ ротъ, охранявшихъ таможню, группы поджигателей, стремившихся проникнуть въ карантинную гавань, тотчасъ же разсѣялись и гавань съ ея зданіями и товарами стоимостью болѣе 50 милліоновъ рублей, была спасена. Послѣ этого, уже въ одиннадцатомъ часу ночи, командующій войсками рѣшился сдѣлать распоряженіе объ очисткѣ порта отъ грабежей и поджигателей силою оружія, каковою цѣлью расположенныя по бульвару и по спускамъ въ портъ войска открыли стрѣльбу по порту, который залпами войскъ за ночь совершенно былъ очищенъ отъ толпы, при чемъ оказалось около 10 человѣкъ убитыхъ, въ томъ числѣ два солдата изъ расположенныхъ въ городѣ частей войскъ, и 75 человѣкъ раненыхъ.

И на этотъ, разъ, несмотря на массовую стрѣльбу залпами, броненосецъ «Кн. Потемкинъ» молчалъ; слѣдовательно, распоряженіе объ очищеніи порта войсками могло быть сдѣлано раньше и портъ уцѣлѣлъ бы. По собраннымъ свѣдѣніямъ, отъ грабежа и пожара потерпѣли убытки, на сумму свыше восьми милліоновъ рублей, главное управленіе торговаго мореплаванія и портовъ, казенныя юго-западныя дороги, русское общество пароходства и торговли и россійское общество страхованія и транспортированія кладей, всѣ зданія и товары которыхъ погибли, и цѣлый рядъ другихъ обществъ и частныхъ лицъ.

Во время происходившихъ въ порту грабежа и пожара, на броненосцѣ «Потемкинъ» происходили бурныя засѣданія комиссіи, при участіи Кирилла и Фельдмана, по вопросу о необходимости поддержать безпорядки въ Одессѣ, и, какъ на способъ для достиженія сего, указывалось на бомбардировку города; но, подъ вліяніемъ убѣжденій Алексѣева, большинство команды не согласилось на бомбардировку. Какъ выяснено разслѣдованіями, произведенными по поводу возмущенія на броненосцѣ «Кн. Потемкинъ», Одесскій революціонный элементъ не имѣлъ предварительныхъ свѣдѣній о бунтѣ на броненосцѣ и узналъ о немъ лишь утромъ 15 іюня, такъ что

приходъ броненосца въ Одессу и бунтъ на немъ не были подготовлены заранѣе въ видахъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Одесскими революціонерами, хотя команда броненосца «Потемкинъ» могла знать о начавшихся въ Одессѣ съ утра 13 числа безпорядкахъ еще на Тендрѣ рано утромъ 14 іюня отъ своихъ товарищей, покупавшихъ въ Одессѣ провизію вечеромъ 13 числа въ лавкѣ Копылова.

Въ виду этого обстоятельства, а также и по причинѣ того, что все неблагонадежное населеніе находилось въ порту, въ большей части гор. Одессы 15 іюня было спокойно, хотя, по прекращеніи доступа въ портъ, на улицахъ, прилегавшихъ къ Николаевскому бульвару, Биржевой и Екатерининской площадямъ, гдѣ была поставлена цѣпь изъ полицейскихъ нарядовъ, казаковъ и войскъ пѣхоты, скопилось нѣсколько сотъ рабочихъ и евреевъ, пытавшихся проникнуть въ портъ. Только около 9 часовъ вечера изъ густой толпы, стоявшей на Екатерининской площади, неизвѣстнымъ лицомъ была брошена въ войска и полицейскій нарядъ бомба, взрывомъ которой оказались легко ранеными семь казаковъ и околоточные надзиратели Радченко и Рай, а вслѣдъ за тѣмъ изъ толпы начали раздаваться выстрѣлы, что и вызвало распоряженіе военной власти объ очисткѣ прилегающихъ къ означенной площади улицъ отъ народа нѣсколькими ружейными залпами, коими было убито 4 лица и ранено 18 человѣкъ.

Въ ночь на 16 іюня въ Одессѣ было получено извѣщеніе о введеніи военнаго положенія въ городѣ и уѣздѣ, а 16 числа утромъ команда матросовъ съ броненосца «Кн. Потемкинъ», въ числѣ 20 человѣкъ, во главѣ съ руководителемъ возмущенія матросомъ Матюшенко, прибыла въ портъ для погребенія, съ разрѣшенія командующаго войсками, на городскомъ кладбищѣ тѣла убитаго матроса Вокаленчука. Въ предѣлахъ территоріи порта въ погребальной процессіи участвовали только матросы, такъ какъ портъ охранялся войсками и народа въ немъ не было; но едва процессія вступила въ городъ, какъ со всѣхъ сторонъ къ ней стали присоединяться разныя лица, образовавшія вскорѣ тысячную толпу, преимущественно молодыхъ евреевъ. Ни полиція, ни расположенные въ городѣ патрули отъ

войскъ не препятствовали скопленію толпы, за неимѣніемъ никакого по сему предмету распоряженія отъ подлежащихъ властей. Надъ могилой Вокаленчука неизвѣстный еврей произнесъ рѣчь, въ которой, съ крикомъ «долой Самодержавіе», призывалъ товарищей дѣйствовать смѣлѣе и не бояться полиціи. По окончаніи похоронъ, матросы направились въ портъ по военному спуску, но тамъ они были встрѣчены залпомъ войсковой части и два изъ нихъ были убиты. Почти въ то же время, около семи часовъ вечера, съ броненосца было дано по Одессѣ пять выстрѣловъ—три холостыхъ и два боевыхъ изъ 6-ти дюймовыхъ орудій; оба эти выстрѣлы особаго вреда не причинили. По показанію Фельдмана, въ комиссіи матросовъ, собравшейся 16 іюня днемъ, рѣшено было три холостыхъ выстрѣла сдѣлать для предупрежденія жителей г. Одессы, а два боевыхъ для устрашенія командующаго войсками, къ которому затѣмъ должна была отправиться депутація съ требованіемъ явиться на броненосецъ для предъявленія ему слѣдующихъ предложеній: «немедленное прекращеніе стрѣльбы въ городѣ и, какъ гарантія этого, выводъ войскъ изъ города и выпускъ изъ тюрьмы всѣхъ политическихъ». Дѣйствительно, въ тотъ же день, въ 9 часовъ вечера къ командующему войсками явилась съ броненосца депутація съ требованіемъ, чтобы генералъ Каханов, градоначальникъ и городской голова прибыли на броненосецъ для переговоровъ; но депутація не была принята и не получила отвѣта на предъявленныя ею требованія. На слѣдующій день, 17 іюня, на Одесскій рейдъ прибыли эскадры подъ командою адмираловъ Вышневецкаго и Кригера для захвата взбунтовавшагося броненосца, команда котораго успѣла войти въ сношеніе съ командою броненосца «Георгій Побѣдоносецъ» и возбудить среди нея возмущеніе, вскорѣ однако прекратившееся, послѣ чего 18 числа «Кн. Потемкинъ» ушелъ въ море.

Четырехдневная стоянка на Одесскомъ рейдѣ взбунтовавшагося броненосца и постоянныя безпрепятственныя сношенія его съ берегомъ значительно подняли духъ Одесскихъ революціонеровъ, которымъ эти обстоятельства подали надежды на возможную въ будущемъ поддержку военной силы. Однако, съ уходомъ броненосца,

внѣшнія проявленія революціоннаго движенія, подъ дѣйствіемъ введеннаго 16 іюня военнаго положенія, должны были затихнуть и сравнительное спокойствіе настолько, по мнѣнію градоначальника Нейдгарта, успѣло установиться въ городѣ, что онъ нашелъ возможнымъ войти 25 августа съ представленіемъ о снятіи военнаго положенія и о введеніи, взамѣнъ его, положенія о чрезвычайной охранѣ, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что военное положеніе «угнетающе отражается на одесской торговлѣ», тогда какъ чрезвычайная охрана угрожаетъ «не столько населенію, ищущему свободной мирной торговли, сколько служилымъ классамъ всѣхъ вѣдомствъ и прессѣ, для которой возможно было бы допустить безцензурность, при условіи права налагать на нее скоропостижныя взысканія». Это представленіе не было уважено и военное положеніе продержалось до 30 сентября.

Сохраненіе его не воспрепятствовало однако проявленіямъ революціоннаго движенія, возобновившимся вскорѣ послѣ изданія закона 27 августа о порядкѣ управленія высшими учебными заведеніями вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Съ началомъ учебнаго года возникли рѣзкія волненія среди учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніямъ, со студентами университета во главѣ. Студенчество выдѣлило изъ своего состава «коалиціонный совѣтъ», о цѣли и назначеніи котораго можно судить по изданному имъ уже въ началѣ ноября, т. е. около двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ его образованія, отчету. Коалиціонный совѣтъ, сказано въ отчетѣ, представляетъ изъ себя «органъ передового, такъ называемаго организованнаго, студенчества, входящаго въ политическія партійныя группы и организаціи той части студенчества, которая являлась авангардами студенческой борьбы не столь далекаго прошлаго. Состоя исключительно изъ студентовъ, и при томъ изъ представителей всѣхъ политическихъ теченій, нашедшихъ себѣ отраженіе въ средѣ Новороссійскаго студенчества, совѣтъ объединяетъ всѣхъ своихъ членовъ въ программномъ смыслѣ на почвѣ широкихъ общедемократическихъ требованій — на лозунгѣ учредительнаго собранія, на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, а въ

тактическомъ—на единственно возможной для политическаго руководства всего студенчества строгаго выполненія постановленій общестуденческихъ сходокъ, поскольку эти постановленія въ общемъ цѣломъ не идутъ принципіально въ разрѣзъ съ соціально-политическими воззрѣніями представленныхъ въ коалиціонномъ совѣтѣ группъ и организицій студенчества». При осуществленіи указанной задачи, говорится въ отчетѣ, коалиціонный совѣтъ «не могъ, конечно, игнорировать профессоровъ, и поэтому, разобравъ предварительно личный составъ комиссіи профессоровъ, нашелъ возможнымъ войти въ тѣсныя сношенія съ означенной комиссіей. Послѣдняя же, представляющая собою собраніе всего лѣваго крыла профессорской коллегіи, пошла навстрѣчу «коалиціонному совѣту» и дѣлала все «для того, чтобы не расходиться съ означеннымъ совѣтомъ». Упоминаемая здѣсь комиссія профессоровъ представляетъ изъ себя выдѣленную изъ состава совѣта университета, согласно п. а, ст. 2 закона 27 августа 1905 г., комиссію профессоровъ, назначеніе которой, на точномъ основаніи этого закона, заключается «въ поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ». Комиссія состоитъ изъ 12 профессоровъ, въ томъ числѣ ректора. Какъ показала дѣйствительность, въ Новороссійскомъ университетѣ, «коалиціонный совѣтъ» своимъ рѣшительнымъ и смѣлымъ образомъ дѣйствій вполнѣ подчинилъ своему вліянію не только студенчество, но и профессорскій составъ съ его совѣтскою комиссіей, которая, изъ опасенія какихъ-либо непріятныхъ столкновеній со студентами, въ родѣ бойкота, изгнанія профессора изъ аудиторіи и т. п., прислушивается къ мнѣніямъ коалиціоннаго совѣта и нерѣдко идетъ даже навстрѣчу его требованіямъ. Насколько подавляюще вліяніе коалиціоннаго совѣта, видно изъ указываемаго въ приведенномъ отчетѣ слѣдующаго случая: 27 октября, подъ давленіемъ слуховъ о предстоявшемъ погромѣ, спеціально направленномъ противъ интеллигенціи и студентовъ, совѣтъ профессоровъ, безъ вѣдома и согласія коалиціоннаго совѣта, рѣшилъ совершенно закрыть зданіе университета. Находя, что подобнымъ распоряженіемъ профессорская коллегія нарушила установившіяся между коалиціоннымъ совѣтомъ и

*

комиссіей профессоровъ отношенія, такъ какъ до этого времени комиссія не дѣлала никакихъ рѣшительныхъ шаговъ въ этомъ направленіи помимо коалиціоннаго совѣта, послѣдній выразилъ протестъ и совѣтъ университета немедленно рѣшилъ открыть университетъ со слѣдующаго же дня. Когда же затѣмъ, по распоряженію ректора, юридическому бюро, помѣщающемуся въ зданіи на Преображенской улицѣ, было отказано въ помѣщеніи, а всѣ аудиторіи по Ольгіевской улицѣ были закрыты въ видахъ недопущенія въ зданіе университета посторонней публики, — и коалиціонный совѣтъ, выразивъ противъ этого протестъ, пригрозилъ опубликовать резолюцію объ отношеніи своемъ къ изложеннымъ двумъ фактамъ: закрытію университета въ такой тревожный моментъ помимо коалиціоннаго совѣта и послѣдовавшему послѣ того открытію его съ явно незаконнымъ добавленіемъ о недопущеніи посторонней публики, вопреки постановленію общей сходки,—то немедленно созвано было экстренное засѣданіе комиссіи профессоровъ, постановленіемъ коей къ 5 часамъ вечера было отмѣнено состоявшееся распоряженіе ректора, а въ 6 часовъ коалиціоннымъ совѣтомъ была уже предоставлена всѣмъ желающимъ возможность собраться въ университетѣ.

Первая общестуденческая сходка состоялась въ университетѣ 17 сентября, въ присутствіи совѣтской комиссіи изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора и при участіи посторонней публики, преимущественно еврейской молодежи, нахлынувшей въ такомъ громадномъ количествѣ, что пришлось устроить двѣ отдѣльныя сходки; большая часть студенчества съ профессорами и большинствомъ членовъ коалиціоннаго совѣта устроила сходку въ нижней аудиторіи медицинской клиники, а меньшая часть, вмѣстѣ съ публикой—достигавшей 1.500 человѣкъ, устроила въ верхней аудиторіи политическій митингъ, на которомъ, по свѣдѣніямъ охраннаго отдѣленія, соціалистъ-революціонеръ Тэперъ, одѣтый въ синюю рубашку и сѣрую студенческую тужурку, и два студента еврея произносили рѣчи, призывая слушателей вести борьбу за освобожденіе страны отъ политическаго гнета и разлагающагося Самодержавія; митингъ

закончился словомъ Тэпера о томъ, что «кровь и трупы повѣшенныхъ товарищей взываютъ къ намъ и мы должны неустанной работой вызвать теперь же всероссійскую революцію».

Узнавъ о присутствіи на упомянутой сходкѣ, по нераспорядительности университетскаго начальства, постороннихъ лицъ, временный одесскій генералъ-губернаторъ генералъ Карангозовъ издалъ 19 сентября обязательное постановленіе, коимъ, прежде принятія административныхъ мѣръ, обращаясь къ благоразумію профессоровъ и студентовъ и напоминая имъ, что, въ виду существующаго въ Одессѣ военнаго положенія, никакія общественныя собранія безъ особаго на то каждый разъ его разрѣшенія не допускаются, равнымъ образомъ, и обращеніе университета, храма науки, въ аудиторію публичныхъ засѣданій уличной толпы также не можетъ быть допускаемо,—предупреждалъ всѣхъ частныхъ лицъ, не состоящихъ студентами университета, что, въ случаѣ обнаруженія ихъ на студенческихъ сходкахъ въ зданіи университета, они, какъ не имѣющія права присутствовать на этихъ сходкахъ, будутъ подвергаемы взысканію, на основаніи 2 и 3 п.п. 19 ст. правилъ приложенныхъ къ 23 ст. 11 т. св. зак., изд. 1892 г.

Послѣ того въ университетѣ до конца сентября мѣсяца происходили лишь отдѣльныя факультетскія и спеціально общестуденческія сходки, на коихъ, между прочимъ, рѣшено было не открывать университета до снятія военнаго положенія. Въ такомъ же смыслѣ состоялось 30 сентября и постановленіе совѣта университета, а вечеромъ того же числа военное положеніе въ гор. Одессѣ было снято.

По снятіи военнаго положенія университетъ сдѣлался ареною народныхъ митинговъ, на которые безпрепятственно допускались всѣ желающіе и сочувствующіе революціонному движенію. На эти митинги, кромѣ студентовъ, являлись тысячами рабочіе, военнослужащіе, лица разныхъ профессій, представители и члены разныхъ революціонныхъ организацій, воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній, даже въ возрастѣ 14 лѣтъ; конечно, преобладающимъ элементомъ на этихъ митингахъ были евреи, которые являлись

главными ораторами, призывавшими слушателей къ открытому возстанію и вооруженной борьбѣ съ Самодержавіемъ и существующимъ государственнымъ строемъ. Во время подобныхъ сходокъ, на которыя собиралось иногда до 6—7 тысячъ человѣкъ, производился сборъ денегъ на вооруженіе рабочихъ и пролетаріата, на вооруженное возстаніе, на покупку оружія для будущей милиціи и самообороны; въ рѣчахъ обсуждался, между прочимъ, и образъ дѣйствій организаторовъ будущаго возстанія, при чемъ, на случай уличныхъ демонстрацій, предположено было пускать впередъ дѣтей и подростковъ, въ той увѣренности, что такой авангардъ удержитъ полицію и войска отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Словомъ, университетъ былъ превращенъ въ доступное для всѣхъ мѣсто революціонныхъ сборищъ, благодаря своеобразно понимаемой студенчествомъ и профессорскимъ составомъ автономіи университета, въ смыслѣ неприкосновенности во всѣхъ отношеніяхъ университета для всякой другой, кромѣ университетской, власти.

Университетское начальство и профессорская коллегія не только не стремились вліять отрезвляющимъ образомъ на крайне опасный образъ мыслей и дѣйствій студентовъ, но даже, выражая имъ своимъ присутствіемъ на собраніяхъ, иногда съ ректоромъ университета Занчевскимъ во главѣ, полное сочувствіе и солидарность, являлись главными распространителями революціонныхъ идей среди студентовъ. На одномъ изъ первыхъ митинговъ ректоръ Занчевскій прочелъ постановленіе совѣта отъ 2 октября о томъ, что такъ какъ въ задачи университета, въ виду необходимости участія въ освободительномъ движеніи, должна входить политическая подготовка будущихъ общественныхъ дѣятелей, то совѣтъ университета рѣшилъ предоставить студентамъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства для активнаго участія въ освободительномъ движеніи и выработки политическихъ убѣжденій путемъ устройства митинговъ и организацій всевозможныхъ партій.

Выдающимся фактомъ за этотъ періодъ времени была торжественно-демонстративная встрѣча 4 октября на желѣзнодорожномъ вокзалѣ высланнаго изъ Одессы временнымъ генералъ-губернаторомъ

и возвратившагося послѣ снятія военнаго положенія профессора университета и гласнаго думы Ярошенко. Встрѣча была устроена студентами съ профессорами Щепкинымъ и Ланге во главѣ, гласными городской думы и служащими Одесскаго общества взаимнаго кредита, въ коемъ Ярошенко состоялъ предсѣдателемъ правленія; профессоры Щепкинъ и Ланге и студентъ Плятъ, въ произнесенныхъ ими при встрѣчѣ рѣчахъ, привѣтствовали Ярошенко, какъ борца противъ своеволія Самодержавія, невинно пострадавшаго и теперь въ общественномъ мнѣніи поставленнаго на пьедесталъ, на которомъ онъ не стоялъ до своего изгнанія. По выходѣ изъ вокзала, толпа понесла Щепкина и Ярошенко на рукахъ, посадила Ярошенко въ экипажъ, выпрягла лошадей и сама повезла его домой съ криками «ура» и «долой Самодержавіе».

Начавшаяся съ первыхъ чиселъ октября во многихъ городахъ Имперіи политическая забастовка проявилась въ гор. Одессѣ прежде всего постепеннымъ, въ періодъ времени съ 12 по 14 число, прекращеніемъ работъ и движенія поѣздовъ на Одесскихъ желѣзныхъ дорогахъ и прекращеніемъ занятій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Раньше другихъ, 12 и 13 октября, прекратили занятія ученики коммерческихъ училищъ Императора Николая I и Файга, какъ наиболѣе воспріимчивые къ революціонной пропагандѣ, вслѣдствіе принадлежности большинства учащихся въ нихъ къ еврейской народности. На слѣдующій послѣ того день, 14 октября, ученики забастовавшихъ коммерческихъ училищъ явились въ университетъ, гдѣ на сходкѣ, происходившей при участіи студентовъ, рѣшено было прекратить занятія во всѣхъ остальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гор. Одессы. Во исполненіе сего, коммерсанты, предшествуемые студентами, направились къ находящейся вблизи университета электротехнической школѣ Соколовскаго, пытаясь «снять» оттуда учениковъ, и затѣмъ толпа молодежи, разбившись на части, стала обходить другія учебныя заведенія и насильственно прекращать занятія въ нихъ, при чемъ большинство снятыхъ учениковъ присоединилось къ забастовщикамъ, и такимъ образомъ толпа постепенно увеличивалась. Около 2-хъ часовъ дня толпа, возросшая

до двухъ тысячъ слишкомъ человѣкъ, подошла со стороны училища торговаго мореплаванія къ женской гимназіи Березиной; нѣсколько студентовъ и коммерсантовъ изъ толпы вошли въ эту гимназію и по выходѣ оттуда заявили, что занятія ими прекращены и учащіяся должны скоро выйти. Въ это время неожиданно появился посланный исправлявшимъ должность пристава Бульварнаго участка помощникомъ его Шишкинымъ нарядъ полиціи, состоявшій изъ 20 городовыхъ, подъ начальствомъ околоточнаго надзирателя Клюева, въ сопровожденіи другого околоточнаго надзирателя Стефанова, за нѣсколько лишь дней передъ тѣмъ поступившаго на службу и вслѣдъ затѣмъ покинувшаго ее. Приблизившись къ толпѣ, городовые стали разгонять ее и при этомъ обнаженными шашками нанесли находившимся въ толпѣ лицамъ разныя поврежденія; по агентурнымъ свѣдѣніямъ, были поранены два студента, ученикъ электротехническаго училища и три дѣвицы; раненый студентъ Чарквіани, какъ видно изъ медицинскаго свидѣтельства, выданнаго 23 ноября директоромъ факультетской хирургической клиники, профессоромъ Сапѣжко, получилъ двѣ тяжелыя и глубокія раны, нанесенныя острорѣжущимъ оружіемъ, въ височнотемянной области съ поврежденіемъ самаго вещества мозга, и на затылкѣ сзади уха съ разсѣченіемъ надкостницы до кости; для излеченія его потребовалась трепанація черепа; кромѣ того, у него была переломана правая скуловая дуга По объясненію Чарквіани, онъ случайно подошелъ къ собравшейся на улицѣ толпѣ, которая вела себя вполнѣ тихо и чинно; по командѣ. «разойдись» и по знаку околоточнаго надзирателя Клюева, револьверомъ указывавшаго городовымъ, въ какомъ направленіи нужно разогнать толпу, городовые обнаженными шашками стали избивать собравшихся людей, которые въ страхѣ и смятеніи бросились по разнымъ направленіямъ. Въ числѣ другихъ и Чарквіани старался убѣжать, но былъ задержанъ какимъ-то городовымъ, а четверо другихъ городовыхъ, которыхъ онъ не разсмотрѣлъ, начали наносить ему удары шашками и кулаками. По словамъ нѣкоторыхъ городовыхъ, бывшихъ въ нарядѣ, при приближеніи полиціи, въ толпѣ стали раздаваться крики, свистки и послѣдовало бросаніе камней,

вслѣдствіе чего и городовые вынуждены были дѣйствовать шашками. Два городовыхъ, по заявленію бывшаго полицеймейстера Головина, оказались со слѣдами поврежденій.

Между тѣмъ, по разсказамъ начальника Одесскаго училища торговаго мореплаванія Гавришева и военнаго врача Филатова, стоявшая у зданія гимназіи Березиной толпа, состоявшая главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи, вела себя спокойно и сдержанно, никакихъ криковъ, пѣсенъ и возгласовъ не допускала и камней въ чиновъ полиціи не бросала; нападеніе на эту толпу городовыхъ безъ всякаго предупрежденія было совсѣмъ неожиданнымъ и ничѣмъ не вызваннымъ. При томъ же и околоточный надзиратель Епифановъ заявилъ, что онъ не видѣлъ, чтобы изъ толпы бросали камни; сами городовые, съ криками „разойдись", внезапно бросились на толпу, и онъ не знаетъ, почему нѣкоторые изъ нихъ обнажили шашки. Въ виду приведенныхъ обстоятельствъ, такъ какъ околоточный надзиратель Клюевъ, въ качествѣ старшаго во главѣ полицейскаго наряда, не только не остановилъ городовыхъ отъ нанесенія стоявшимъ у зданія гимназіи Березиной лицамъ ничѣмъ не вызывавшихся побоевъ, но и самъ руководилъ въ семъ случаѣ дѣйствіями городовыхъ, указывая городовымъ съ револьверомъ въ рукахъ направленіе, въ которомъ они должны гнать толпу, и, слѣдовательно, завѣдомо и намѣренно допустилъ избіеніе указанныхъ лицъ,—противъ околоточнаго надзирателя Клюева, въ силу предоставленнаго мнѣ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 16 октября 1905 г. полномочія, возбуждено судебное преслѣдованіе по обвиненію его въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 446 ст. улож. о нак.

Означенное столкновеніе, сопровождавшееся дѣйствительно неправильнымъ, безъ всякой необходимости, избіеніемъ учащихся чинами полиціи, вызвало протестъ со стороны совѣта университета, который, постановленіемъ, состоявшимся вечеромъ того же 14 октября, рѣшилъ временно прекратить начатое послѣ снятія военнаго положенія чтеніе лекцій въ университетѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что, въ виду „варварскаго избіенія студента и учащихся

среднихъ учебныхъ заведеній, учиненнаго полиціею на улицахъ гор. Одессы и необезпеченія жизни и личности студентовъ", учебныя занятія въ университетѣ невозможны.

Въ то же время толпа забастовавшей учащейся молодежи, съ присоединившимися къ ней многими посторонними лицами, численностью въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, устроила въ зданіи университета бурный митингъ, на которомъ говорившіе передъ собраніемъ ораторы призывали всѣ учебныя заведенія къ всеобщей забастовкѣ и указывали на большія жертвы, понесенныя „при избіеніи дѣтей" у гимназіи Березиной. По окончаніи этого митинга, значительная часть публики и учащихся ворвалась въ городскую думу, гдѣ въ то время происходило частное совѣщаніе гласныхъ, и демонстративно стала требовать, чтобы дума предъявила градоначальнику Нейдгарту требованіе объ оставленіи имъ должности и о выходѣ въ отставку, оглашая во время обсужденія этого вопроса залъ криками: „долой Нейдгарта, смерть Нейдгарту". Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе настаивало на замѣнѣ правительственной власти временнымъ управленіемъ и учрежденіемъ милиціи, вмѣсто полиціи, которой необходимо прекратить денежный отпускъ отъ города на дальнѣйшее содержаніе. Когда же городской голова Крыжановскій пытался остановить толпу заявленіемъ, что она не имѣла права врываться въ залъ во время совѣщанія гласныхъ и нарушать порядокъ, въ толпѣ шумъ еще болѣе усилился и раздались крики: „что его слушать, онъ играетъ съ Нейдгартомъ въ карты".

Мѣстная административная власть, въ лицѣ градоначальника Нейдгарта, знала о характерѣ дѣятельности вышеуказанныхъ сборищъ, служившихъ какъ бы первою ступенью къ осуществленію революціонныхъ стремленій, но никакихъ мѣръ къ прекращенію подобныхъ, явно противоправительственныхъ, сборищъ не предпринимала, пока 15 октября не было получено телеграфное распоряженіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшаго полиціею, основанное на Высочайше утвержденномъ 12 октября постановленіи особаго совѣщанія министровъ о недопущеніи въ университетъ на студенческія собранія посторонниихъ лицъ и, въ случаѣ

неисполненія сего, о временномъ закрытіи университета. Объ этомъ распоряженіи градоначальникъ Нейдгартъ немедленно сообщилъ ректору университета, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ этомъ былъ извѣщенъ и попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. Въ то же время Нейдгартъ счелъ нужнымъ о недопущеніи постороннихъ лицъ въ зданіе университета для народныхъ собраній объявить во всеобщее свѣдѣніе въ ближайшемъ номерѣ „Вѣдомостей Одесскаго градоначальства", при чемъ въ этомъ объявленіи добавилъ: „Въ виду закона о дѣйствіи оружіемъ для воинскихъ и полицейскихъ чиновъ, довожу до всеобщаго свѣдѣнія, что дѣйствіе оружіемъ начнется немедленно послѣ нападенія на чиновъ полиціи. Брошенный изъ толпы камень можетъ послужить поводомъ для дѣйствія оружіемъ, а такъ какъ ни въ какой толпѣ нельзя отвѣчать за дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, то лучше всего избѣгать толпы. Храните неприкосновенность улицы, памятуя, что закономъ 6 августа, призвавшимъ избранниковъ русскаго народа къ участью въ законодательствѣ страны, дано каждому право свободнаго высказыванія своихъ политическихъ взглядовъ, безъ права однако же насиловать мнѣнія другихъ, а тѣмъ болѣе улицы—этого общаго достоянія всякаго культурнаго народа. Не насилуйте улицы, исполняйте просьбы стражи порядка во избѣжаніе кровавыхъ жертвъ".

На слѣдующій день, 16 октября, когда въ университетѣ назначенъ былъ утромъ общестуденческій митингъ, градоначальникъ распорядился не впускать постороннихъ лицъ въ университетъ и для этого оцѣпить его солдатами, которымъ было приказано пропускать только студентовъ, одѣтыхъ въ форменное платье. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай какихъ-либо безпорядковъ, вызванныхъ этимъ распоряженіемъ, онъ приказалъ изъять въ ночь на 16 число изъ оружейныхъ магазиновъ всѣ револьверные патроны. Закрытіе постороннимъ лицамъ доступа въ университетъ вызвало сильное броженіе среди учащейся и еврейской молодежи, которая, собравшись съ ранняго утра у зданія университета и не имѣя возможности туда проникнуть, хотя и стала расходиться, но, подстрекаемая рѣчами ораторовъ, призывавшихъ къ оружію и баррикадамъ, тутъ

же образовала толпу и демонстративно, съ угрозами полиціи и войскамъ, направилась къ центру города, закрывая торговыя и промышленныя заведенія. Сборище это, на пути своего слѣдованія, быстро увеличилось и обратилось въ громадную толпу, начавшую безчинствовать, останавливать извозчиковъ и т. п. Толпа, разгромившая американскій магазинъ оружія, забравъ изъ него ружья, палки и револьверы, останавливала и опрокидывала вагоны конножелѣзной дороги и трамъ-кареты, а къ 11 часамъ утра стала воздвигать въ разныхъ мѣстахъ баррикады, пользуясь для этого опрокинутыми вагонами и каретами, спиленными и срубленными на улицахъ деревьями, строительнымъ матеріаломъ изъ вновь сооружаемыхъ домовъ, телеграфною и телефонною проволоками, служившими для загражденія улицъ, разобранною желѣзною рѣшеткою у садовъ на Александровскомъ проспектѣ и т. п. Тотчасъ послѣ этого, градоначальникъ Нейдгартъ, сначала по телефону, а затѣмъ отзывомъ отъ 16 октября за № 365, посланнымъ въ 11 ч. 15 м. утра, просилъ распоряженія командующаго войсками округа о занятіи всего города войсками, что̀ и было немедленно исполнено: на мѣста устройства баррикадъ и скопленія народа посланы были войсковыя части, распредѣленныя еще наканунѣ по полицейскимъ участкамъ, согласно общему росписанію и инструкціи, утвержденнымъ командующимъ войсками 15 октября 1905 года. При появленіи войскъ, изъ-за баррикадъ, за которыми размѣстились группы демонстрантовъ, большею частью евреевъ, съ женщинами и подростками въ ихъ числѣ, стали обстрѣливать войска; стрѣляли по войскамъ также съ крышъ, балконовъ и оконъ прилегающихъ къ баррикадамъ домовъ; войска отвѣчали огнемъ, и демонстранты вскорѣ были разсѣяны, а баррикады разрушены. Продолжительнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, было оказано сопротивленіе на баррикадѣ, сооруженной на углу Мѣщанской и Большой Арнаутской улицъ, гдѣ одна рота Дунайскаго полка оказалась недостаточною и ей на помощь прислана была полурота сапернаго баталіона, давшая три залпа, послѣ которыхъ демонстранты разбѣжались, оставивъ на мѣстѣ 5 убитыхъ, которые были затѣмъ доставлены въ еврейскую больницу. Къ вечеру порядокъ

въ городѣ былъ возстановленъ. Число убитыхъ и раненыхъ въ этотъ день съ точностью не можетъ быть установлено, такъ какъ появившійся вслѣдъ за возникновѣніемъ безпорядка санитарный отрядъ, состоявшій изъ сестеръ милосердія и санитаровъ, преимущественно изъ студентовъ и евреевъ въ бѣлыхъ одеждахъ Краснаго Креста, поспѣшно убралъ съ улицъ раненыхъ и убитыхъ и доставилъ ихъ въ клинику университета, еврейскую больницу, или на перевязочные пункты, устроенные возлѣ баррикадъ, почти во всѣхъ аптекахъ, въ коихъ передъ тѣмъ, вслѣдствіе всеобщей забастовки, прекращенъ былъ отпускъ лекарствъ частнымъ лицамъ. По свѣдѣніямъ градоначальника 16 октября убито было 9 человѣкъ и ранено около 80; изъ состава же войскъ и полиціи оказались раненными одинъ казакъ, 4 городовыхъ, 1 жандармъ и контуженъ 1 офицеръ.

Изъ участниковъ безпорядковъ въ этотъ день было задержано полиціею 214 человѣкъ, въ томъ числѣ 197 евреевъ, много женщинъ и 13 дѣтей, въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ; всѣ они, по распоряженію полицеймейстера, были доставлены для временнаго содержанія въ управленіе Бульварнаго полицейскаго участка. Въ тотъ же день стали ходить слухи о томъ, что задержанные, по доставленіи въ участокъ, подверглись избіенію со стороны городовыхъ и солдатъ; однако своевременно ни градоначальникомъ, ни полиціею не было обращено вниманія на это обстоятельство и никакого разслѣдованія не было произведено. При производствѣ же впослѣдствіи по сему предмету дознанія, по распоряженію одесскаго градоначальника генералъ-маіора Григорьева, 24 лица изъ числа арестованныхъ въ участкѣ заявили, что, по доставленіи въ управленіе участка, всѣхъ задержанныхъ систематически избивали; сначала ихъ сталкивали по лѣстницѣ въ нижній подвалъ, служившій арестантскимъ помѣщеніемъ, при чемъ многіе изъ нихъ падали, а затѣмъ стоявшіе шеренгами городовые и солдаты наносили имъ побои шашками, резинами, ногами и кулаками въ разныя части тѣла; нѣкоторыхъ изъ задержанныхъ женщинъ били до истерики и потери сознанія. Прибывшіе въ тотъ же вечеръ шесть гласныхъ городской думы, состоявшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ участковыми и почетными мировыми судьями гор.

Одессы, удостовѣрили, что они нашли задержанныхъ въ крайне тяжелыхъ условіяхъ содержанія; въ подвальное помѣщеніе, гдѣ они были заключены, нужно спускаться по крутой, темной лѣстницѣ, самое помѣщеніе было очень тѣсное; задержанные убѣдительно просили оградить ихъ отъ насилій и побоевъ со стороны чиновъ полиціи, упрашивая не оставлять ихъ однихъ; у многихъ изъ нихъ были видны слѣды нанесенныхъ передъ тѣмъ побоевъ въ видѣ синяковъ, кровоподтековъ и повязокъ на лицѣ и головѣ; вдова Корнфельдъ, сильно избитая, въ болѣзненномъ истерическомъ припадкѣ валялась на голомъ полу и, по настоянію мировыхъ судей, была отправлена въ городскую больницу, а другая задержанная, Брайна Рабиновичъ, впавшая въ обморочное состояніе тотчасъ по заключеніи ея въ подвальное состояніе, какъ она заявила, пришла въ себя только въ больницѣ. Словомъ, по отношенію къ задержаннымъ въ тотъ день въ Бульварномъ участкѣ лицамъ было допущено чинами полиціи и, въ ихъ присутствіи, солдатами жестокое избіеніе съ причиненіемъ многимъ изъ нихъ разнаго рода поврежденій. Кѣмъ именно изъ городовыхъ наносились означенные побои, никто изъ задержанныхъ и разспрошенныхъ на дознаніи лицъ не могъ пояснить; только Пейсахъ Шацъ утверждаетъ, что онъ былъ «безбожно избитъ» городовымъ Пилипчукомъ, который, поваливъ его на землю, наносилъ ему удары шашкою въ корридорѣ арестнаго помѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящимъ разслѣдованіемъ установлено, что указанное массовое избіеніе арестованныхъ и необнаруженіе виновныхъ въ ономъ были допущены вслѣдствіе бездѣйствія власти исправлявшаго тогда должность пристава Бульварнаго участка, помощника пристава Шишкина и бывшаго въ тотъ день дежурнымъ по участку околоточнаго надзирателя Клюева, которые, въ нарушеніе лежавшихъ на нихъ обязанностей, не приняли никакихъ мѣръ къ охраненію правильности и законности содержанія задержанныхъ при участкѣ, не удостовѣрились въ условіяхъ содержанія столь значительнаго числа лицъ и не только не озаботились выясненіемъ виновныхъ въ избіеніи задержанныхъ, что на первыхъ порахъ представлялось вполнѣ возможнымъ, но даже оставили этотъ фактъ, который имъ, конечно, не могъ быть

неизвѣстенъ, безъ всякаго вниманія; вслѣдствіе сего названные Шишкинъ, Клюевъ и Пилипчукъ привлечены мною въ установленномъ порядкѣ къ законной отвѣтственности по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ: въ отношеніи первыхъ двухъ 341 ст. улож. о нак. и въ отношеніи послѣдняго—345 ст. того же улож.

Изъ числа задержанныхъ лицъ, 27 малолѣтнихъ, не достигшихъ 14 лѣтняго возраста, немедленно были освобождены градоначальникомъ Нейдгартомъ по просьбѣ гласныхъ думы—мировыхъ судей, переданной ему городскимъ головою. Но и это обстоятельство послужило потомъ поводомъ къ распубликованному 18 октября обращенію Нейдгарта къ населенію, въ коемъ объявилъ, что, освобождая малолѣтнихъ, онъ былъ введенъ въ заблужденіе мировыми судьями, утверждавшими, что предѣльный возрастъ безнаказанности—14 лѣтъ, тогда какъ, на основаніи 137 ст. ул. о нак., только дѣти, не достигшія 10 лѣтъ отъ роду, не подвергаются опредѣленнымъ въ законѣ наказаніямъ и отдаются родителямъ или родственникамъ для домашняго исправленія; дѣти же въ возрастѣ свыше 10 лѣтъ подлежатъ суду и могутъ быть освобождены отъ наказанія лишь въ случаѣ признанія ихъ судомъ дѣйствовавшими безъ разумѣнія.

Закрытіе градоначальникомъ университета для посторонней публики и вооруженное съ помощью войскъ подавленіе безпорядка 16 октября вызвало значительное возбужденіе въ университетѣ. Прежде всего, ректоръ Занчевскій обратился къ градоначальнику съ просьбою отмѣнить свое распоряженіе о недопущеніи посторонихъ лицъ на университетскія собранія, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что постановленіе особаго совѣщанія министровъ, въ силу котораго Нейдгартомъ были закрыты двери университета для постороннихъ лицъ, говоритъ о мѣрахъ, рекомендуемыхъ совѣту университета, и не имѣетъ никакого отношенія къ администраціи города, почему недопущеніе въ зданіе университета лицъ, не одѣтыхъ въ студенческую форму, въ числѣ коихъ могли быть и студенты, вольнослушатели, профессора и служащіе въ университетѣ, составляетъ прямое нарушеніе Высочайше дарованной уни-

верситетамъ автономіи, тѣмъ болѣе, что совѣтъ университета не нашелъ основаній возбуждать ходатайство о закрытіи университета, такъ какъ митинги въ университетѣ носили совершенно мирный характеръ и происходили въ послѣобѣденное или вечернее время, не мѣшая правильному ходу университетской жизни, которую послѣ долгихъ усилій удалось направить въ нормальное русло. Затѣмъ комиссія профессоровъ университета, сообщеніемъ отъ 16 октября, предупредила градоначальника, что если въ виду прегражденія полиціею и войсками доступа публикѣ въ университетъ, послѣдуютъ кровавыя столкновенія на улицахъ гор. Одессы, то они будутъ прямымъ послѣдствіемъ вмѣшательства администраціи и полиціи въ жизнь автономнаго университета и о такомъ предупрежденіи, на счетъ возможныхъ послѣдствій дѣйствій полиціи, комиссія профессоровъ своевременно увѣдомитъ министра внутреннихъ дѣлъ. Изъ помѣты Нейдгарта на этомъ сообщеніи видно, что оно было имъ получено въ 6 часовъ вечера, тогда какъ кровопролитіе началось въ 2 часа дня. Наконецъ, совѣтъ университета, въ засѣданіи 17 октября, выслушавъ заявленія членовъ совѣтской комиссіи о томъ, что, по показаніямъ свидѣтелей-очевидцевъ, полиція и войска, преслѣдуя и избивая толпу, обращали преимущественное вниманіе на студентовъ, направляя на нихъ свои шашки и нагайки, что были случаи нападенія на отдѣльныхъ студентовъ, шедшихъ мирно по улицѣ и на санитаровъ, имѣвшихъ знакъ Краснаго Креста, и, наконецъ, не допускали студентовъ-санитаровъ къ раненымъ,— постановилъ: а) выразить протестъ отъ имени совѣта по поводу возмутительныхъ насилій, допущенныхъ градоначальникомъ и администраціей надъ жителями города Одессы и въ частности надъ студентами и другими учащимися 16 октября; б) обратиться къ министру юстиціи съ просьбою о назначеніи строжайшаго слѣдствія объ актахъ избіенія студентовъ вообще и студентовъ-санитаровъ во время оказанія ими помощи пострадавшимъ отъ нападенія войскъ на одесскихъ гражданъ 16 октября; в) поручить совѣтской комиссіи составить проектъ обращенія совѣта въ центральное бюро Краснаго Креста въ Женевѣ по поводу насилій надъ санитарами,

подъ охраною Краснаго Креста подававшими помощь при столкновеніи съ войсками, и г) такъ какъ ношеніе формы студентами является безусловно опаснымъ, въ виду обнаружившихся нападеній, признать ношеніе ея необязательнымъ, о чемъ и донести министру народнаго просвѣщенія.

Городское общественное управленіе также не осталось безучастнымъ къ совершившимся въ теченіе послѣднихъ двухъ дней событіямъ. По требованію думы, мировые судьи изъ числа гласныхъ были командированы въ ночь на 17 октября въ управленіе Бульварнаго участка, какъ выше уже указано, для изслѣдованія случаевъ избіенія въ этомъ участкѣ чинами полиціи и солдатами задержанныхъ 16 числа на баррикадахъ лицъ. Кромѣ того, въ вечернемъ засѣданіи городской думы 16 октября состоялось постановленіе объ учрежденіи при городскомъ головѣ совѣщательнаго комитета изъ нѣсколькихъ гласныхъ думы и представителей всѣхъ союзныхъ и рабочихъ организацій, по два отъ каждой, въ томъ числѣ и отъ студенческаго коалиціоннаго комитета. По объясненію бывшаго городского головы Крыжановскаго, учрежденіе думою этого комитета было вызвано необходимостью постоянно принимать экстренныя мѣры для удовлетворенія насущныхъ потребностей населенія и скорѣйшаго установленія нормальныхъ условій жизни города, при чемъ предполагалось, черезъ посредство комитета, установить живую связь между городскимъ общественнымъ управленіемъ и населеніемъ. Городской голова видѣлъ въ учрежденіи совѣщательнаго при немъ комитета единственное средство для успокоенія тревожнаго настроенія умовъ среди служащихъ въ думѣ и ея учрежденіяхъ, въ томъ числѣ среди рабочихъ; безъ какихъ-либо мѣръ въ этомъ направленіи городу угрожало прекращеніе водоснабженія, прекращеніе дѣятельности городскихъ больницъ, вслѣдствіе ожидавшейся въ этихъ учрежденіяхъ забастовки служащихъ и т. п. Однако, по свѣдѣніямъ охраннаго отдѣленія, задачи этого комитета сводились въ концѣ концовъ къ захвату правительственной власти и учрежденій насильственнымъ путемъ, для чего на комитетъ возложены были обязанности по во-

оруженію массы и подготовленію медицинской помощи раненымъ и, сверхъ того, въ томъ же засѣданіи думы было рѣшено немедленно принять мѣры къ учрежденію городской милиціи, взамѣнъ правительственной полиціи.

17 октября весь городъ былъ занятъ войсками, по улицамъ ходили военные патрули и порядокъ весь день ничѣмъ не нарушался, хотя настроеніе въ общемъ было тревожное. Въ этотъ день появилось и получило распространеніе по городу печатное объявленіе градоначальника Нейдгарта за № 3, обращенное къ населенію, начинающееся словами: «Передо мною лежитъ письмо, которое я показывалъ недѣлю тому назадъ ректору университета, подписанное по уполномочію мѣщанъ, крестьянъ и рабочихъ съ приложеніемъ адреса»; далѣе въ объявленіи приводится текстъ этого письма, написаннаго отъ имени 30 тысячъ мѣщанъ и извѣщающаго градоначальника о томъ, что въ стѣнахъ университета творятся безпорядки и «университетское начальство, которое присягало нашему царю-батюшкѣ, сдѣлалось главнымъ крамольникомъ и направляетъ непорядочныхъ молодыхъ людей вмѣшиваться въ дѣла государственнаго управленія. Да развѣ государство устроило высшій храмъ науки для того, чтобы тамъ собирались крамольники, травила народъ на правительство и не подчинялись всѣмъ законнымъ его требованіямъ? Да гдѣ это видано, чтобы въ университетѣ развѣшивались противоправительственныя прокламаціи и смѣялись надъ властями, называя ихъ разными неподобными словами огульно... Больно и стыдно становится, глядя на то, что допустила административная власть... Сердце кровью обливается и больно намъ видѣть самовольство нашей интеллигентной голи, которая старается вырвать власть у правительства». Далѣе говорится, что «если вашею милостью не будутъ приняты энергическія мѣры, на которыя васъ уполномочилъ царь-батюшка, то мы придемъ къ университету и сожжемъ его, чтобы наши дѣти не учились не повиноваться начальству... Очень просимъ ваше превосходительство отпечатать въ вашей газетѣ это письмо наше». Приводя это письмо, градоначальникъ Нейдгартъ въ томъ же обращеніи отъ себя добавилъ, что «въ университетѣ, которому

дано самоуправленіе, но не право собранія посторонних лицъ, открывшіяся собранія сопровождались недозволенными и возмутительными сборами на вооруженіе бойцовъ. Я указывалъ ректору на недопустимость такихъ сборовъ, которые должны были привести къ кровавой развязкѣ, но ни ректоръ, ни совѣтъ не принимали мѣръ къ прекращенію сбора денегъ на вооруженіе. 13 октября забастовали ученики училищъ коммерческаго и Файга, и никто ихъ не трогалъ, пока они сами не начали насильничать, начавъ 14 октября насилье противъ дѣвочекъ учебныхъ заведеній. На Канатной толпа встрѣтилась съ нарядомъ городовыхъ въ 25 человѣкъ; когда же городовой Соболевъ оказался раненымъ камнемъ, то городовые обнажили по закону шашки и ранеными оказались двѣ зрѣлыя дѣвицы и студентъ... Послѣ этого пошли росказни по городу, что чуть не всѣхъ дѣтей всѣхъ учебныхъ заведеній изрубили дикіе городовые... Люди благонамѣренные, осторожнѣе относитесь къ слухамъ; ихъ теперь превеликое множество и одинъ страшнѣе другого. Вчера съ утра по приказу забастовщиковъ закрылись аптеки, а въ нѣкоторыхъ назначенныхъ мѣстахъ около будущихъ баррикадъ открыты перевязочные пункты. Кто же все это организовалъ и предвидѣлъ и подготовлялъ? Вчера баррикады строили въ одиннадцати мѣстахъ... Войско стрѣляло нѣсколько разъ и по свѣдѣніямъ изъ больницъ до восьмидесяти раненыхъ и убитыхъ... Безпорядки и забастовки страшно подняли цѣны на всѣ жизненные продукты. Кто во всемъ виноватъ,—рѣшайте сами, люди благонамѣренные».

Происхожденіе и появленіе этого письма во время пребыванія моего въ Одессѣ оставались загадочными; у градоначальника и въ дѣлахъ его канцеляріи письма не оказалось; видѣлъ его старшій инспекторъ по надзору за заведеніями печати Плаксинъ, которому градоначальникъ Нейдгартъ поручилъ составить по его содержанію объявленіе, имъ, впрочемъ, не одобренное. Письмо было написано безграмотно и подписано однимъ или двумя лицами съ русскими фамиліями, при чемъ указано мѣсто жительства. Никакихъ слѣдовъ разслѣдованія по поводу этого письма на предметъ выясненія личностей, прислвшихъ его, не сохранилось. Старшина одесскаго мѣ-

щанскаго общества Добровольскій, безъ вѣдома котораго тридцать тысячъ мѣщанъ не могли бы дать уполномочія, отозвался совершеннымъ незнаніемъ о происхожденіи этого письма. По возвращеніи моемъ изъ Одессы это письмо было мнѣ 10 января предъявлено Нейдгартомъ. Изъ обозрѣнія его видно, что оно подписано мебельно-столярнымъ мастеромъ, одесскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Ивановымъ Ефимовымъ, указавшимъ свой адресъ; въ письмѣ, написанномъ крайне безграмотно и безсвязно, онъ не ссылается на данныя ему кѣмъ-либо полномочія, но въ серединѣ письма говоритъ: «Еще осмѣлюся доложить отъ имени тридцать тысячъ мищанъ» и въ концѣ его «ваши вѣрныя мещани, кристияни и рабочіи».

Не говоря о томъ, что приведенное письмо ни по содержанію своему, ни по неизвѣстности его происхожденія никакъ не могло быть признано выраженіемъ настроенія 30-тысячной группы населенія, нельзя не замѣтить, что самое оглашеніе его и время, избранное для того градоначальникомъ Нейдгартомъ, ни мало не соотвѣтствовали событіямъ дня и могли только породить осложненія, вовсе не желательныя въ интересахъ порядка, такъ какъ не столько письмо, сколько комментаріи къ нему Нейдгарта, легко могли вызвать движеніе, направленное противъ университета.

Означенное объявленіе градоначальника чрезвычайно взволновало совѣтъ университета, который, въ засѣданіи 18 октября, постановилъ довести по телеграфу до свѣдѣнія предсѣдателя совѣта министровъ графа Витте, какъ вышеприведенное объявленіе Нейдгарта, такъ и о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ можетъ привести это объявленіе, имѣющее явную и открытую цѣль натравить извѣстныя части населенія на университетъ, учащуюся молодежь и интеллигенцію.

Того же 17 октября, по свѣдѣніямъ охраннаго отдѣленія, на митингѣ членовъ мѣстнаго комитета «Бунда» было рѣшено устроить на слѣдующій день торжественныя похороны погибшихъ наканунѣ на баррикадахъ «борцовъ за свободу», при участіи изъявившихъ желаніе присутствовать на похоронахъ всѣхъ мѣстныхъ организацій. Изъ опасенія демонстрацій, градоначальникъ Нейдгартъ рас-

порядился тайно вывезти изъ еврейской больницы трупы убитыхъ и похоронить ихъ раньше назначеннаго времени на кладбищахъ. Хотя полицеймейстеръ Головинъ убѣждалъ Нейдгарта трупы эти перенести изъ больницы въ кладбищенскія часовни, гдѣ и оставить ихъ до погребенія, но такъ какъ разрѣшенія на это не послѣдовало, приказаніе было въ точности исполнено помощникомъ полицеймейстера Кисляковскимъ и взятые изъ еврейской больницы въ ночь на 18 октября трупы пяти убитыхъ крестьянъ и евреевъ были преданы землѣ на христіанскомъ и еврейскомъ кладбищахъ. Когда 18-го, утромъ въ больницѣ собрались участники похоронъ, большею частью евреи, они стали требовать, подъ угрозою смерти, отъ старшаго врача Пуриса выдачи труповъ; Пурисъ передалъ объ этомъ градоначальнику, который разрѣшилъ вырыть и возвратить больницѣ трупы, похороненные затѣмъ безъ всякой торжественности въ общей братской могилѣ; впрочемъ, по другимъ свѣдѣніямъ, эти трупы были перевезены въ университетскую клинику, гдѣ дѣйствительно до двадцатыхъ чиселъ декабря стояли гробы съ пятью набальзамированными трупами убитыхъ 16-го на баррикадахъ, ожидая подходящаго случая для торжественнаго погребенія. Тождество этихъ труповъ съ тѣми, которые были вырыты изъ могилъ и возвращены, по распоряженію Нейдгарта, въ еврейскую больницу, осталось неустановленнымъ. Погребеніе же тѣхъ, которые находились въ университетской клиникѣ, состоялось послѣ введенія 15 декабря военнаго положенія, по настоянію временнаго генералъ-губернатора.

Въ ночь на 18 октября, послѣ окончанія въ городской думѣ публичнаго засѣданія и митинга, состоялось, при участіи нѣсколькихъ гласныхъ думы, собраніе представителей союзныхъ организацій, въ составѣ около 35 лицъ; въ этомъ собраніи было намѣчено только число представителей отъ разныхъ организацій въ предположенный думою совѣщательный комитетъ, окончательный составъ котораго долженъ былъ опредѣлиться особымъ постановленіемъ думы.

Въ то же время, когда сборище въ думѣ продолжалось, командующій войсками, получивъ телеграфное извѣстіе о воспослѣдовав-

шемъ 17 октября Высочайшемъ Манифестѣ, тотчасъ же передалъ его по телефону городскому головѣ Крыжановскому, который поспѣшилъ подѣлиться съ собравшимися на митингъ въ думѣ лицами радостною вѣстью о расширеніи гражданскихъ правъ населенія, о предоставленіи государственной думѣ рѣшающаго по законодательнымъ вопросамъ голоса и дарованіи населенію свободы слова и союзовъ и права неприкосновенности личности. Утромъ 18 октября вѣсть о Манифестѣ быстро разнеслась по всему городу. Населеніе шумно и возбужденно выражало радость по поводу Высочайше дарованныхъ правъ; уже съ 10 часовъ утра несмѣтныя толпы народа наполнили улицы. Во избѣжаніе осложненій и съ цѣлью, какъ сказано въ рапортѣ командующаго войсками Одесскаго военнаго округа военному министру отъ 12-го ноября за № 28657, «дать населенію возможность безпрепятственно использовать предоставляемую Манифестомъ свободу во всѣхъ видахъ», генералъ Каульбарсъ съ утра 18 числа сдѣлалъ распоряженіе, чтобы войска, оставаясь въ городѣ, не показывались на улицахъ, дабы не нарушать среди населенія радостнаго настроенія. Но такое настроеніе недолго продолжалось; весьма скоро оно смѣнилось настроеніемъ возбужденнымъ и враждебнымъ правительству. Молодежь, и въ особенности еврейская, съ видимымъ сознаніемъ своего превосходства и даже наглостью, стала указывать русскимъ, что свобода не добровольно дана, а вырвана у правительства евреями. Со всѣхъ сторонъ начали стекаться къ центру города отдѣльныя группы, преимущественно евреевъ и учащейся молодежи, съ приколотыми на груди красными цвѣтами или розетками; въ толпахъ появились красные флаги и стали раздаваться крики: «долой Самодержавіе», «долой полицію», «да здравствуетъ свобода». Во многихъ мѣстахъ—на Дерибасовской улицѣ, у зданія думы и въ другихъ, появились ораторы, которые старались внушить слушателямъ, что не слѣдуетъ довольствоваться такими неполными свободами, которыя бросаются пролетаріату въ видѣ подачки, а нужно добыть полную политическую и экономическую свободу, путемъ революціи, баррикадъ, сверженія Самодержавія и учрежденія демократической республики.

Одновременно съ этимъ металлическое изображеніе на зданіи думы словъ «Боже Царя храни» было сломано и оставлено лишь одно слово «храни».—Въ думскомъ залѣ ворвавшеюся толпою былъ изорванъ большой портретъ Государя Императора, а на думѣ національный флагъ замѣненъ краснымъ. Толпы евреевъ безъ стѣсненія оскорбляли національное чувство русскаго населенія всѣми возможными способами и по отношенію къ русскимъ вели себя крайне заносчиво; по всему городу разбрасывались воззванія «кровавый царь»; останавливая русскихъ, евреи заставляли ихъ снимать шапки передъ красными флагами; толпа остановила даже проѣзжавшихъ на извозчикѣ протоіерея Воскресенскаго, дьякона и псаломщика, причемъ у перваго сорвала, а у двухъ послѣднихъ сбила съ головы шапки, а когда, послѣ того, тѣ же представители духовенства сопровождали похоронную процессію на кладбище, то на пути слѣдованія толпа неоднократно останавливала ихъ, требуя, чтобы они сняли шляпы, и прерывая пѣніе «Святый Боже» криками «ура». Въ толпѣ, по показаніямъ командира 273 пѣхотнаго Дунайскаго полка, полковника Присненко и подполковника Головина, возили чучело безъ головы съ надписью «вотъ Самодержавіе» и носили дохлую кошку, производя тутъ же денежный сборъ «на избіеніе Царя» или «на смерть Николая»; желая показать, что, съ дарованіемъ свободы, евреямъ принадлежитъ первенствующее значеніе, многіе изъ нихъ, какъ заявилъ приставъ Александровскаго участка Рацишевскій, открыто говорили русскимъ: «теперь мы будемъ управлять вами», или же, какъ заявилъ помощникъ полицеймейстера Кисляковскій, въ толпѣ раздавались еврейскіе возгласы: «мы вамъ дали Бога, дадимъ и царя (или правительство)». Столь же враждебное отношеніе проявляли толпы демонстрантовъ и къ чинамъ полиціи. Около 11 часовъ утра по Александровской улицѣ большая толпа евреевъ съ красными флагами гналась отъ большой Арнаутской улицы за городовыми Губіемъ и Ильницкимъ, которые, забѣжавъ во дворъ дома № 19, просили дворника Херсоненко закрыть за ними ворота отъ жидовъ и сами пытались спрятаться; изъ нихъ Ильницкій, переодѣвшись, успѣлъ бѣжать черезъ крышу

въ сосѣдній дворъ, а Губія толпа евреевъ, вооруженная револьверами, топорами, колами и желѣзными палками, ворвавшись во дворъ, нашла спрятаннымъ на чердакѣ и такъ изувѣчила, что онъ по дорогѣ въ больницу умеръ, два же отрубленные пальца его руки найдены дворникомъ Херсоненко на лѣстницѣ, ведущей на чердакъ. Нѣсколько позже, около 2 часовъ дня, толпа евреевъ остановила ѣхавшаго на извозчикѣ околоточнаго надзирателя Полянчикова и, издѣваясь надъ нимъ, избила его; въ тотъ же день, уже вечеромъ, были поранены и избиты еще двое городовыхъ и одинъ околоточный надзиратель, а у пяти городовыхъ были отобраны казенные револьверы. Утромъ толпа демонстрантовъ подходила къ квартирамъ командующаго войсками и градоначальника, которые выходили къ ней и привѣтствовали по случаю Манифеста. Вскорѣ затѣмъ многотысячная толпа двинулась къ Александровскому полицейскому участку и потребовала освобожденія содержавшихся по политическимъ дѣламъ; слѣдовавшіе во главѣ толпы какіе-то студенты заявили приставу Рацишевскому: «именемъ народа мы, представители народа и народнаго правительства, требуемъ освобожденія всѣхъ политическихъ арестованныхъ», а въ виду отказа пристава исполнить это требованіе, добавили, что они достигнутъ своего силою и тогда «отъ участка не останется камня на камнѣ». Одновременно съ этимъ, къ участку подъѣхалъ ректоръ университета Занчевскій и предъявилъ такое же требованіе, а по полученіи отказа, просилъ разрѣшенія переговорить съ градоначальникомъ, который изъявилъ согласіе на освобожденіе политическихъ арестованныхъ на условіи выдачи избитаго передъ тѣмъ городового Губія. Условіе это было принято, Губій былъ высланъ полиціи, и содержавшіеся въ Александровскомъ участкѣ арестованные были освобождены. Оттуда ректоръ университета отправился въ зданіе судебныхъ установленій, расположенное рядомъ съ означеннымъ участкомъ, и предъявилъ отъ имени пятитысячной толпы прокурору окружнаго суда требованіе объ освобожденіи изъ тюрьмы не менѣе 15 заключенныхъ, настаивая на немедленномъ исполненіи этого требованія во избѣжаніе кровопролитія, такъ какъ

огромная толпа уже отправилась къ тюрьмѣ, охраняемой войсками, въ намѣреніи силою освободить политическихъ заключенныхъ; въ то же время и начальникъ жандармскаго губернскаго управленія сообщилъ прокурору суда по телефону, что ему также предъявлено подобное требованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ камеру прокурора стали приходить студенты изъ толпы, бывшей у тюрьмы и окружавшей судъ, настаивая на безотлагательномъ освобожденіи заключенныхъ, въ виду того, что толпа нервно настроена, сильно волнуется и сдерживать ее не представляется возможности. Тогда ректоръ Занчевскій отправился успокаивать толпу, а прокуроръ окружнаго суда, по телефонному соглашенію съ начальникомъ жандармскаго управленія, сдѣлалъ распоряженіе объ освобожденіи 12 политическихъ арестованныхъ, которые тотчасъ же и были выпущены изъ тюрьмы. Къ сему надлежитъ добавить, что, еще раньше появленія ректора и студентовъ, какъ только стало извѣстно о Манифестѣ, прокуроръ судебной палаты входилъ въ личное сношеніе съ градоначальникомъ Нейдгартомъ и начальникомъ жандармскаго управленія по вопросу о томъ, кто изъ политическихъ арестованныхъ можетъ быть освобожденъ въ виду означеннаго Манифеста. Съ такимъ же требованіемъ ректоръ Занчевскій съ студентами являлся и къ приставу Бульварнаго участка, но изъ этого участка, равно какъ и изъ другихъ, политическіе заключенные были еще раньше освобождены по распоряженію градоначальника Нейдгарта. Тѣмъ не менѣе, огромная толпа молодежи и евреевъ явилась въ Портовый участокъ и, не довѣряя полиціи, ворвалась въ зданіе участка и, не найдя политическихъ арестованныхъ, удалилась. Еще болѣе буйно толпа вела себя въ Херсонскомъ участкѣ, гдѣ она угрожала убить коннаго стражника Гарусова и околоточнаго надзирателя Прандуна, а приставу Яшниченкѣ изъ толпы кричали, что градоначальника болѣе не существуетъ и что онъ будетъ повѣшенъ, если не освободитъ политическихъ заключенныхъ. Когда, утромъ еще, толпа стала проявлять враждебное настроеніе, градоначальникъ Нейдгартъ, сообщивъ объ этомъ по телефону городскому головѣ Крыжановскому, просилъ его пріѣхать къ нему съ нѣсколькими предста-

вителями союзныхъ организацій, чтобы обсудить положеніе вещей и содѣйствовать умиротворенію населенія. Изъ находившихся въ городской управѣ членовъ союзныхъ организацій только профессоръ Щепкинъ изъявилъ согласіе отправиться къ градоначальнику. По объясненію Нейдгарта, на убѣдительную его просьбу употребить все вліяніе для умиротворенія населенія, разъяснивъ значеніе возвѣщенной Манифестомъ великой реформы, профессоръ Щепкинъ предъявилъ требованія, поддержанныя и городскимъ головою Крыжановскимъ, о томъ, чтобы: а) убрать войска, дабы они не раздражали публику; б) допустить торжественныя похороны жертвъ предыдущихъ дней и в) разоруживъ немедленно полицію, спрятать ее». На эти требованія онъ отвѣчалъ имъ, что объ удаленіи войска нужно обратиться къ военному начальству, что «полиція охраняетъ всѣхъ и дѣйствуетъ оружіемъ лишь тогда, когда на нее нападаютъ, какъ это указано въ уставѣ, что снять полицію и разоружить ее онъ можетъ не по требованію публики, а когда послѣдуетъ распоряженіе высшей власти и будетъ установлена другая охрана, на что профессоръ Щепкинъ возразилъ, что другая охрана существуетъ и въ такомъ случаѣ не обойдется безъ жертвъ мщенія, и что полиція будетъ разоружена захватнымъ правомъ». Приведенное изложеніе содержанія разговора не нашло себѣ однако подтвержденія въ объясненіяхъ Щепкина и Крыжановскаго, удостовѣрившихъ, что никакихъ угрозъ относительно разоруженія городовыхъ первымъ изъ нихъ сдѣлано не было; онъ доказывалъ градоначальнику необходимость вооружить населеніе для защиты отъ хулигановъ и желательность создать милицію, заявилъ, что въ такомъ случаѣ, ради спасенія собственной жизни, гласные думы принуждены будутъ организовать милицію собственными средствами. Разнорѣчіе при этомъ объясненіи Щепкина и Крыжановскаго заключалось лишь въ томъ, говорилъ ли первый изъ нихъ по уполномочію представителей союзныхъ организацій, или совѣщательнаго при городскомъ головѣ комитета, который Щепкинъ ошибочно могъ считать образовавшимся, тогда какъ въ дѣйствительности онъ еще не существовалъ. Во время этого разговора къ градоначальнику пришелъ прокуроръ судебной

палаты Полланъ, свидѣтельствующій о томъ, что названныя лица, предъявляя какія-то требованія отъ имени союза или комитета, говорили: «это не наши личныя требованія, мы только уполномочены предъявить ихъ Вашему Превосходительству»; когда же градоначальникъ, обратившись къ Щепкину, сказалъ: «такимъ образомъ, если полиція не будетъ разоружена, то вы это сдѣлаете захватнымъ правомъ?» Щепкинъ, ничего не отвѣтивъ, одѣлалъ какой-то неопредѣленный жестъ руками, но угрозъ никакихъ не произносилъ.

Не взирая на то, что самъ Нейдгартъ говорилъ профессору Щепкину и городскому головѣ Крыжановскому, что онъ не имѣетъ права, безъ разрѣшенія высшей власти, снимать и разоружать городовыхъ, онъ, вслѣдъ за уходомъ этихъ лицъ, распорядился снять постовыхъ городовыхъ съ постовъ, собрать ихъ въ участокъ и посылать по городу, дабы предупредить нападеніе на одиночныхъ городовыхъ. Распоряженіе это послѣдовало совершенно неожиданно для полицеймейстера Головина, безъ предупрежденія его объ этомъ, и хотя Головинъ не сочувствовалъ такому распоряженію, отданному по неизвѣстнымъ для него причинамъ, онъ тотчасъ же по телефону передалъ его для исполненія всѣмъ полицейскимъ приставамъ. По завѣренію подполковника Головина и приставовъ Александровскаго участка—Рацишевскаго и Портового — Чепурина, приказаніе градоначальника о снятіи городовыхъ съ постовъ послѣдовалс около 12 часовъ дня, а въ нѣкоторыхъ полицейскихъ участкахъ оно было получено нѣсколько позднѣе. Такимъ образомъ, съ этого времени весь городъ оставленъ былъ Нейдгартомъ безъ наружной полицейской охраны, и, вдобавокъ, безъ воинской охраны, такъ какъ одновременно, по распоряженію командующаго войсками, воинскія части были удалены съ улицъ и стянуты въ помѣщенія полицейскихъ участковъ.

Основаніемъ къ такому распоряженію, какъ видно изъ представленія градоначальника Нейдгарта министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30 октября за № 3818, послужило то обстоятельство, что черезъ три часа послѣ бесѣды съ головой и профессоромъ Щепкинымъ къ нему стали поступать свѣдѣнія объ истязаніяхъ, издѣва-

тельствахъ и убійствахъ во всѣхъ частяхъ города городовыхъ, которыхъ организованныя шайки пытались обезоруживать и убивать. Угроза профессора Щепкина стала приводиться въ исполненіе,— убито 2, ранено 10 и отнято оружіе у 22, вслѣдствіе чего городовые стали покидать посты. Онъ, градоначальникъ, издалъ распоряженіе собрать ихъ въ участокъ для организаціи охраны города патрулями, при чемъ всѣ городовые единогласно заявили ему, что вмѣстѣ они пойдутъ, куда пошлютъ, но на посты стать не могутъ, такъ какъ ихъ посты заняла городская милиція изъ вооруженныхъ въ университетѣ студентовъ и другихъ лицъ. Подчиняясь необходимости и принимая во вниманіе сдѣланныя ему заявленія: городскимъ головою отъ лица думы и отъ союзовъ—профессоромъ Щепкинымъ, угроза котораго разоружить полицію захватнымъ правомъ стала приводиться въ исполненіе, градоначальникъ стянулъ посты, чтобы спасти жизнь отдѣльныхъ людей, уже покинувшихъ посты.

При сопоставленіи этого объясненія съ данными разслѣдованія, оказывается: а) что распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ должно было послѣдовать не черезъ три часа послѣ разговора съ Щепкинымъ и Крыжановскимъ, но вслѣдъ за ихъ уходомъ, такъ какъ оно, по словамъ полицеймейстера Головина и приставовъ Рацишевскаго и Чепурина, было отдано около 12 часовъ дня, что подтверждается и сообщеніемъ вновь назначеннаго полицеймейстера фонъ-Гесберга отъ 2 декабря за № 11180; б) что, по свѣдѣніямъ того же фонъ-Гесберга, 18-го до 12 ч. дня былъ избитъ и раненъ одинъ только городовой Губій, который потомъ умеръ, и у трехъ городовыхъ были отобраны револьверы; въ тотъ же день, но уже послѣ снятія наружной полиціи, были ранены и избиты два околоточныхъ надзирателя и двое городовыхъ, а у двухъ было отобрано оружіе; въ теченіе же всего остального времени октябрьскихъ событій были еще ранены и избиты 8 городовыхъ и у трехъ отобраны револьверы; в) что 18 числа городовые не собирались у градоначальника и никакихъ заявленій ему въ этотъ день о нежеланіи нести постовую службу не могли дѣлать; изъ записей въ дневникѣ, который вели дежурившіе при градоначальникѣ чиновники

особыхъ порученій, видно, что городовые были собраны къ градоначальнику 21 октября и тогда заявили ему, что въ виду бывшихъ случаевъ убійства нѣкоторыхъ городовыхъ, постоянной стрѣльбы изъ оконъ по всѣмъ улицамъ, состоявшагося въ думѣ рѣшенія революціонеровъ смѣнить градоначальника, не выдавать жалованья городовымъ и уничтожить всю полицію,—они не считаютъ возможнымъ подвергать свою жизнь опасности, становясь теперь на посты за такое ничтожное жалованье, тѣмъ болѣе, что теперь и домовладѣльцы смотрятъ на нихъ съ крайнимъ озлобленіемъ. На указаніе градоначальника, что тѣ городовые, которые не соглашаются нести службу, будутъ уволены и замѣнены другими, городовые, ссылаясь на утомленіе, сказали, что они согласны занять посты съ слѣдующаго дня, послѣ чего разошлись; г) какъ видно изъ объясненій профессора Щепкина, городского головы Крыжановскаго и прокурора судебной палаты Поллана, первый изъ нихъ въ разговорѣ съ Нейдгартомъ не угрожалъ разоруженіемъ городовыхъ захватнымъ правомъ.

На-ряду съ этимъ, разспросами начальника Одесскаго училища торговаго мореплаванія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гавришева, выясняется, что у градоначальника Нейдгарта, повидимому, было какое-либо иное, имъ необнаруживаемое, основаніе къ снятію городовыхъ, такъ какъ, пригласивъ къ себѣ 20 октября Гавришева по дѣламъ службы, онъ, между прочимъ, сказалъ ему: «по просьбѣ этого канальи, профессора Щепкина, гарантировавшаго мнѣ при такихъ условіяхъ порядокъ, я 18 октября снялъ съ постовъ городовыхъ, а «они» выдумали какую-то милицію и вотъ, сами видите, что изъ всего этого вышло. Теперь городовые ни за что не соглашаются стать на посты, опасаясь, что ихъ перестрѣляютъ».

Вслѣдъ за тѣмъ, какъ городовые прекратили нести постовую полицейскую службу, въ городѣ появились двѣ группы самообороны: студенческая милиція и еврейская оборона. Первая изъ нихъ была организована «коалиціоннымъ совѣтомъ», который, какъ видно изъ его отчета, при наступленіи событій, несмотря на всю неподготовленность къ такого рода дѣятельности, назначилъ комитетъ мили-

ціи, досталъ оружіе и снабдилъ имъ милиціонеровъ-студентовъ, рабочихъ и моряковъ. Коалиціонный совѣтъ въ данномъ случаѣ не получилъ помощи ни отъ одной изъ существующихъ партійныхъ организацій, несмотря на ихъ обѣщаніе выставить вооруженныя силы; напротивъ, совѣтъ вынужденъ былъ снабжать оружіемъ бывшихъ въ университетѣ организованныхъ рабочихъ. Высылка отрядовъ милиціи производилась до тѣхъ поръ, пока эта мѣра не была сочтена безплодною въ виду большого урона среди милиціонеровъ. Содѣйствіе въ этомъ отношеніи коалиціонному совѣту оказывалъ профессоръ Щепкинъ, который, какъ онъ самъ заявилъ мнѣ, досталъ и роздалъ въ университетѣ милиціонерамъ 150 револьверовъ, не пожелавъ, однако, указать, гдѣ они были имъ пріобрѣтены. Кромѣ того, коалиціонный совѣтъ отправлялъ санитарные отряды и вѣдалъ распредѣленіе студентовъ на питательные и санитарные пункты, а также студентовъ-медиковъ старшихъ курсовъ въ помощь врачамъ. Что же касается еврейской обороны, то она, не имѣя правильной организаціи, стала формироваться, какъ выяснилось изъ разспросовъ нѣкоторыхъ лицъ, входящихъ въ составъ этой обороны, послѣ Кишиневскаго погрома и въ своемъ основаніи имѣетъ словесное соглашеніе еврейскаго населенія, въ случаѣ какихъ-либо погромовъ, съ оружіемъ въ рукахъ защищать въ предѣлахъ своего участка цѣлость и неприкосновенность личности и имущества. Исполняя принятую на себя задачу, студенческая милиція, тотчасъ по снятіи городовыхъ съ постовъ, замѣнила ихъ и стала выполнять всѣ полицейскія обязанности, распредѣливъ между собою городъ по участкамъ и установивъ очередныя дежурства; поэтому уже 18-го числа вечеромъ можно было видѣть, что на улицахъ стояли вооруженные студенты-милиціонеры, наблюдавшіе за наружнымъ порядкомъ и отправлявшіе нарушителей такового въ университетъ. Городовые же и околоточные надзиратели, послѣ снятія первыхъ съ постовъ, или вовсе не показывались на улицахъ, или появлялись переодѣтыми въ гражданское платье, безъ бляхъ и гербовъ. Хотя студенческая милиція и еврейская оборона предназначены были, какъ заявляли лица, входившія въ ихъ составъ, для водворенія

порядка и прекращенія погрома, но, по находящимся въ дѣлѣ даннымъ, нерѣдко сами прибѣгали къ насильственнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ войскамъ и мирной части русскаго населенія, производя выстрѣлы и убивая совершенно неповинныхъ людей. Изъ донесеній командировъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ воинскихъ частей усматривается, что уже 19 октября, когда характеръ дѣятельности чиновъ полиціи и войска въ дѣлѣ усмиренія безпорядковъ еще не могъ съ достаточною опредѣленностью проявиться, студенты стрѣляли въ войска изъ револьверовъ возлѣ Соборной площади, а недалеко отъ Сѣнной площади командиръ 205 Измаильскаго полка Ворыпаевъ въ тотъ же день видѣлъ студента, который съ краснымъ флагомъ шелъ во главѣ толпы евреевъ, около 60 человѣкъ, производившей безпорядочный огонь изъ револьверовъ. Еще болѣе наглядным доказательствомъ того, что студенческая милиція задалась цѣлью не столько водворять порядокъ, сколько противодѣйствовать войскамъ и власти, служатъ указанія въ рапортѣ командовавшаго 15 ротою того же полка поручика Андреева, отъ 26 октября за № 51, на то, что 19 числа, когда онъ находился въ охранѣ университета, какой-то студентъ предложилъ ему перейти на ихъ сторону; когда же онъ пригрозилъ пустить въ него пулю, студентъ сказалъ ему, что пошутилъ.

О студенческой милиціи, ея цѣли и назначеніи было извѣстно градоначальнику, такъ какъ по объясненію подполковника Головина, самъ Нейдгартъ, около 12 час. ночи 18 октября, по телефону передалъ ему о послѣдовавшемъ только-что посѣщеніи командующаго войсками ректоромъ университета и городскимъ головою, просившими его разрѣшенія поставить, вмѣсто городовыхъ, милицію, на что генералъ баронъ Каульбарсъ, заручившись согласіемъ градоначальника, выразилъ и съ своей стороны согласіе. Такимъ образомъ, студенческая милиція была допущена во время октябрьскихъ событій съ согласія и одобренія самого Нейдгарта, что впрочемъ явствуетъ и изъ телеграммы, посланной имъ товарищу министра, завѣдывавшему полиціею, вечеромъ 18 октября, въ которой, между прочимъ, сообщалъ: «полицію, въ виду убійствъ, посылаю сильными патру-

лями... организована студенческая милиція», ни словомъ не упомянувъ при этомъ о снятіи городовыхъ съ постовъ и не возражая противъ правильности и законности допущенія указываемой имъ милиціи.

Противъ принятія такихъ мѣръ сильныя возраженія представлялъ полицеймейстеръ Головинъ, старавшійся убѣдить градоначальника, что нельзя ввѣрять охрану города какой-то невѣдомой и неизвѣстно изъ кого состоящей милиціи, но онъ съ нимъ не соглашался, увѣряя, что милиція успокоитъ гражданъ и пробудетъ всего три дня. Признавая, что при такихъ обстоятельствахъ нельзя брать на себя дальнѣйшую отвѣтственность за порядокъ въ городѣ, подполковникъ Головинъ просилъ градоначальника объ освобожденіи его отъ обязанностей полицеймейстера и на слѣдующій день подалъ рапортъ о болѣзни, а къ исправленію его должности былъ допущенъ помощникъ полицеймейстера подполковникъ фонъ-Гесбергъ.

Въ тотъ же день, 18 октября, въ 4 ч. 15 мин. по полудни, появилось воззваніе къ гражданамъ отъ временнаго комитета при Одесской городской думѣ слѣдующаго содержанія: «Теперь, когда Россія пошла по пути къ завоеванію свободы, необходимо соблюдать полное хладнокровіе и предоставить возможность комитету выработать не позже сегодняшняго вечера, 18 октября, дальнѣйшія основанія его дѣятельности. На слѣдующій день все населеніе всѣми возможными способами будетъ оповѣщено объ окончательной организаціи комитета и объ осуществленныхъ и предположенныхъ имъ мѣрахъ». Этимъ обращеніемъ къ населенію временный или совѣщательный комитетъ впервые обнаружилъ свое существованіе. По словамъ Крыжановскаго, возвратившись 18 числа утромъ отъ градоначальника въ городскую управу, онъ засталъ тамъ отъ 15 до 20 лицъ, считавшихъ, повидимому, себя уже членами комитета при городскомъ головѣ, и увидѣлъ составленный ими проектъ воззванія къ населенію. Заявивъ присутствующимъ, что содержаніе проекта несогласно съ его убѣжденіями, что воззваіне въ предположенной редакціи не только не успокоитъ населеніе, но, напротивъ, еще болѣе взволнуетъ его, что существующій лишь въ принципѣ комитетъ,

который долженъ быть еще организованъ городскою думою въ качествѣ совѣщательнаго комитета при городскомъ головѣ, придаетъ себѣ значеніе фактически уже существующаго исполнительнаго комитета общественной безопасности, Крыжановскій отказался подписать означенное воззваніе и сложилъ съ себя званіе предсѣдателя комитета. По свѣдѣніямъ охраннаго отдѣленія, проектъ воззванія предположеннаго временнаго комитета начинался словами: «Наконецъ Самодержавіе свалилось въ пропасть»...

Вечеромъ 18 октября состоялись засѣданія совѣта университета и городской думы. Первый изъ нихъ, признавая, что главною причиною печальныхъ происшествій въ дни 14, 16 и 18 октября является бездѣйствіе власти и попустительство со стороны высшихъ чиновъ мѣстной администраціи, а также поощреніе неистовствующей толпы къ нападеніямъ, убійствамъ и грабежамъ низшими полицейскими чинами, принимавшими непосредственное въ этомъ участіе, находилъ, что только немедленное удаленіе градоначальника Нейдгарта является единственнымъ средствомъ для предупрежденія дальнѣйшаго развитія такихъ прискорбныхъ явленій, о чемъ постановилъ послать заслушанную и одобренную совѣтомъ телеграмму на имя предсѣдателя совѣта министровъ.

Городская же дума, въ засѣданіи 18 октября, постановила: 1) принять участіе въ полномъ составѣ въ похоронахъ жертвъ кровавыхъ событій 16 октября, каковыя похороны назначены были изъ университетской клиники на 19 октября; 2) считать избранными въ совѣщательный комитетъ при городскомъ головѣ гласныхъ: Вольфензона, Драго, Житкова, Исаковича, Климовича, Литвицкаго, Лишина (впослѣдствіи, во время октябрьскихъ событій, случайно убитаго на улицѣ), Новикова, Пергамента, Тимофеева, Ярошенко и кандидатами: Протопопова и Саморупо; 3) выразить отъ имени городской думы искреннюю и глубокую благодарность студентамъ Новороссійскаго университета за ихъ энергичныя, разумныя и самоотверженныя дѣйствія по охраненію порядка въ городѣ 18 октября, и 4) въ виду Высочайшаго Манифеста 17 октября: а) привѣтствовать всѣхъ гражданъ съ разсвѣтомъ свободы въ нашемъ отечествѣ,

б) выразить глубокую скорбь по всѣмъ жертвамъ произвола и насилія, отходящихъ въ исторію бюрократическаго строя, в) для обезпеченія спокойствія населенія, взволнованнаго произволомъ и возмутительными дѣйствіями мѣстной администраціи, особенно проявленными въ послѣдніе скорбные дни, просить телеграфно предсѣдателя совѣта министровъ графа С. Ю. Витте о безотлагательномъ назначеніи на должность одесскаго градоначальника новаго лица, съ именемъ котораго не были бы связаны для города тяжелыя воспоминанія и г) возбудить подлежащее ходатайство о немедленномъ освобожденіи всѣхъ лицъ, подвергавшихся преслѣдованію за политическія преступленія.

Засѣданію думы предшествовало частное совѣщаніе гласныхъ, которое, какъ усматривается изъ объясненія Крыжановскаго, окончательно убѣдило его въ полнѣйшемъ безсиліи городского общественнаго управленія къ умиротворенію населенія и неимѣніи у него никакихъ средствъ къ предотвращенію столкновенія, которое неминуемо должно было послѣдовать въ виду образовавшихся въ населеніи двухъ противоположныхъ теченій, почему онъ тогда же заявилъ гласнымъ, что оставаться долѣе на посту городского головы, при данныхъ условіяхъ, онъ не можетъ и слагаетъ съ себя это званіе, не питая никакой надежды найти путь къ благополучному выходу изъ настоящаго невыносимаго положенія лица, стоящаго во главѣ городского общественнаго управленія. Въ исполненіе обязанностей городского головы вступилъ товарищъ его Андреевскій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, городской голова Крыжановскій, отношеніемъ отъ 18 октября за № 321, отъ имени членовъ учрежденнаго при городскомъ головѣ совѣщательнаго комитета, просилъ распоряженія командующаго войсками о томъ, чтобы на похоранахъ жертвъ событій 16 октября по пути слѣдованія похоронной процессіи отсутствовали войска, обѣщая, что стараніями самихъ членовъ этого комитета будетъ достигнуто полное соблюденіе порядка на похоронахъ. Объ этомъ же лично просили генерала Каульбарса депутаціи отъ городской думы и университета, явившіяся къ нему для этой цѣли поздно вечеромъ 18 числа. Командующій войсками изъ-

явилъ согласіе на снятіе войскъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должна была пройти похоронная процессія, при условіи, если депутація приметъ на себя ручательство въ соблюденіи порядка во время похоронъ, предупредивъ при этомъ, что, въ случаѣ нарушенія порядка, войска выступятъ съ самыми рѣшительными мѣрами.

Между тѣмъ, уже вечеромъ 18 числа по городу стали ходить толки о томъ, что въ окраинной части города, на Прохоровской улицѣ, въ предѣлахъ Михайловскаго участка, произошло какое-то вооруженное столкновеніе. Оказалось, что демонстративная толпа съ красными флагами, состоящая преимущественно изъ евреевъ, пробовала снять рабочихъ съ завода Гена, требуя, чтобы они приняли участіе въ демонстраціи, но рабочіе не исполнили этого требованія; послѣ того, та же толпа, встрѣтивъ русскихъ рабочихъ на Головковской улицѣ, потребовала, чтобы они сняли шапки передъ красными флагами. Послѣ отказа рабочихъ, изъ толпы раздались выстрѣлы; рабочіе, хотя и безоружные, успѣли разогнать толпу и преслѣдовали ее до Прохоровской улицы, гдѣ къ толпѣ присоединилась еще другая толпа вооруженныхъ евреевъ, численностью до тысячи человѣкъ, которая стала стрѣлять въ рабочихъ. По донесенію пристава Михайловскаго участка, прибывшаго на мѣсто столкновенія съ полусотнею казаковъ, четверо рабочихъ были убиты. Казаки и полиція были встрѣчены выстрѣлами не только изъ толпы, но также съ крышъ, балконовъ и изъ оконъ; начались въ разныхъ мѣстахъ драки и вооруженныя столкновенія русскихъ съ евреями; русскіе рабочіе и люди безъ опредѣленныхъ занятій, такъ называемые хулиганы, стали ловить и избивать евреевъ, затѣмъ перешли къ разгрому и разоренію еврейскихъ домовъ, квартиръ и лавокъ. Безпорядки приняли столь крупные размѣры, что приставъ счелъ нужнымъ вызвать изъ участка дежурную роту пѣхоты, которая прекратила дальнѣйшія столкновенія и возстановила порядокъ къ 8-ми часамъ вечера. Во время происходившихъ въ той части вооруженныхъ столкновеній, были убитые и раненые, но толпа тотчасъ же ихъ уносила, и потому число жертвъ осталось неизвѣстнымъ.

*

19 октября, съ ранняго утра, группы молодыхъ людей и евреевъ стали усиленно разъѣзжать по городу, развѣшивая на балконахъ, фонаряхъ, окнахъ и дверяхъ Херсонской, Прохоровской и другихъ улицъ, по которымъ должно было слѣдовать похоронное шествіе, траурные флаги; такой же флагъ былъ повѣшенъ и на зданіи управленія полицеймейстера, но вскорѣ, по распоряженію подполковника фонъ-Гесберга, былъ оттуда снятъ. Вслѣдъ затѣмъ, къ 10—11 часамъ утра, на улицахъ стали появляться болѣе или менѣе многочисленныя толпы русскихъ рабочихъ и людей разныхъ профессій, которыя слѣдовали съ иконами въ рукахъ, съ портретами Государя Императора, національными флагами, съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя» и гимна. Эти патріотическія манифестаціи, состоявшія исключительно изъ русскихъ людей, стали образовываться одновременно въ разныхъ частяхъ города, но начало имъ было положено въ портѣ, откуда вышла первая, особенно многочисленная толпа манифестантовъ, состоявшая изъ рабочихъ Московской артели, Русскаго общества пароходства и торговли и другихъ. Какимъ образомъ сгруппировалась означенная манифестація, по непосредственному ли побужденію, или подъ вліяніемъ посторонняго воздѣйствія и вліянія, произведеннымъ разслѣдованіемъ не могло быть въ точности выяснено; всѣ принятыя въ этомъ направленіи мѣры не дали опредѣленныхъ результатовъ, и потому не представляется основанія допустить, чтобы въ это дѣло внесена была какая-либо искусственность, чтобы устройство манифестаціи внушено было кѣмъ-либо и тѣмъ менѣе органами власти, какъ бездоказательно утверждаютъ нѣкоторые слои мѣстнаго общества. Представляется, напротивъ, основаніе признать, что озлобленіе, вызванное поведеніемъ евреевъ въ теченіе всего предшествующаго дня, ихъ дерзкимъ и чаглымъ поруганіемъ и оскорбленіемъ національнаго чувства русскаго населенія, должно было вылиться въ какой-либо съ его стороны протестъ и выразиться во внѣшнихъ проявленіяхъ національнаго своего достоинства и вѣрноподданнической преданности Государю Императору. Разслѣдованіемъ обнаружены данныя, указывающія на то, что градона-

чальнику Нейдгарту не безызвѣстно было о подготовлявшейся патріотической манифестаціи. Такъ, изъ объясненія помощника полицеймейстера Кисляковскаго видно, что какъ только эта манифестація показалась изъ порта, полицеймейстеръ фонъ-Гесбергъ тотчасъ же далъ ему знать объ этомъ по телефону, сказавъ: «уже идетъ русская манифестація», какъ бы указывая этими словами на то, что она поджидалась. На-ряду съ этимъ, прокуроръ судебной палаты Поланъ удостовѣряетъ, что еще утромъ 18 числа самъ Нейдгартъ говорилъ ему, что онъ разрѣшилъ русскую патріотическую манифестацію.

Настроеніе толпы манифестантовъ было вполнѣ мирное и спокойное, хотя свидѣтель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гаврилевъ, завѣряетъ, что толпа эта, встрѣченная имъ въ девятомъ часу утра на Канатской улицѣ по направленію къ морю, шла съ возгласами: «да здравствуетъ Царь, да здравствуетъ свобода, долой жидовъ, бить ихъ надо», а служителя училища торговаго мореплаванія и разсыльные говорили, что толпа шла «подымать Московскую артель идти вмѣстѣ бить жидовъ».

Въ виду появленія этой толпы, торжественныя похороны убитыхъ 16 октября на баррикадахъ, изъ опасенія столкновенія двухъ противоположныхъ партій, были самими распорядителями внезапно отмѣнены, и трупы умершихъ, набальзамированные, въ запаянныхъ цинковыхъ гробахъ, оставались въ помѣщеніи клиники университета впредь до удобнаго случая, когда представилась бы возможность устроить для нихъ торжественное погребеніе. Храненіе въ теченіе неопредѣленнаго времени этихъ труповъ въ зданіи университета создавало такимъ образомъ для населенія постоянную угрозу новой демонстраціей и связанными съ нею безпорядками, размѣръ которыхъ трудно было предвидѣть. Однако, предѣлъ ожиданіямъ удобнаго случая былъ въ двадцатыхъ числахъ декабря положенъ временнымъ генералъ-губернаторомъ, потребовавшимъ отъ ректора университета безотлагательнаго погребенія, безъ всякой при томъ торжественности, что̀ и было исполнено.

Выйдя изъ порта, толпа манифестантовъ направилась къ зданію

городской думы, откуда прослѣдовала къ квартирамъ командующаго войсками и градоначальника, которыми была сочувственно встрѣчена, и затѣмъ двинулась по Гаванной улицѣ въ направленіи къ собору. По пути слѣдованія къ толпѣ присоединялись и многія другія случайно попавшіяся лица и въ томъ числѣ много хулигановъ, босяковъ, женщинъ и подростковъ. По окончаніи молебствія, манифестанты, разбившись на группы, пошли изъ собора по разнымъ направленіямъ. Въ это время, невдалекѣ отъ Соборной площади, со стороны Гулевой, Коблевской и Нѣжинской улицъ, въ толпу манифестантовъ произведено было нѣсколько выстрѣловъ, однимъ изъ коихъ былъ убитъ мальчикъ, несшій икону. Тамъ же была встрѣчена револьверными выстрѣлами и недошедшая рота 205 пѣхотнаго Измаильскаго полка, при чемъ, какъ видно изъ донесеній командировъ 1 и 15 ротъ этого полка, эти выстрѣлы были произведены студентами. Когда одна изъ группъ проходила мимо дома, въ которомъ помѣщается редакція газеты «Южное обозрѣніе», изъ оконъ этого дома, по направленію къ манифестантамъ, также сдѣланы выстрѣлы; вообще по всему пути слѣдованія, въ районѣ Херсонскаго участка, на Сѣнной площади, въ Александровскомъ участкѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, изъ оконъ, дверей, съ балконовъ, изъ воротъ и съ крышъ стали раздаваться выстрѣлы. Кромѣ того, въ манифестантовъ были брошены въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрывные снаряды: на углу Александровскаго проспекта и Почтовой улицы такимъ снарядомъ было убито 6 человѣкъ и въ томъ числѣ 1 солдатъ; на углу Дерибасовской и Ришельевской улицъ были брошены три бомбы въ казачью сотню, но здѣсь не было никому причинено вреда; около того же мѣста была брошена еще одна бомба извѣстнымъ охранному отдѣленію анархистомъ Яковомъ Брейтманомъ, который, убѣгая отъ преслѣдованія, самъ былъ случайно убитъ другою разорвавшеюся при его паденіи и находившеюся у него бомбою. Всѣ эти насильственныя дѣйствія, послѣдствіемъ коихъ въ рядахъ манифестантовъ было много убитыхъ и раненыхъ, приписывались русскими не безъ основанія евреямъ, почему тотчасъ же въ группахъ манифестантовъ стали раздаваться крики «бей жидовъ»,

«смерть жидамъ» и, озлобленныя издѣвательствами евреевъ, толпы манифестантовъ бросились разбивать въ разныхъ частяхъ города еврейскіе магазины, изъ коихъ нѣкоторые почти въ одинъ мигъ были разгромлены. Вскорѣ единичные случаи перешли въ общій погромъ: всѣ лавки, дома и квартиры еврейскіе, попадавшіеся по пути слѣдованія манифестантовъ, подвергнулись совершенному разгрому, все имущество евреевъ подверглось истребленію, а то, что случайно оставалось нетронутымъ, было расхищаемо толпою хулигановъ и босяковъ, сопровождавшихъ всюду манифестантовъ. Такимъ образомъ, нерѣдко бывали такія сцены, что разграбленіе еврейскихъ помѣщеній производилось на глазахъ манифестантовъ, слѣдовавшихъ съ иконами и пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя». Къ вечеру того же дня взаимное ожесточеніе двухъ враждующихъ партій достигло чрезвычайнаго напряженія: тутъ уже обѣ стороны одинаково не давали другъ другу пощады, избивая и подвергая истязаніямъ, иногда съ особенною жестокостью, всѣхъ попадавшихся имъ въ руки, безъ различія пола и возраста. Толпы хулигановъ врывались въ квартиры евреевъ и нерѣдко звѣрски расправлялись съ людьми. Ординаторъ клиники женскихъ болѣзней Новороссійскаго университета докторъ Радецкій говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ, какъ на Картамышевской улицѣ, во дворѣ трехъэтажнаго дома № 5, толпа хулигановъ убивала на мѣстѣ евреевъ; на его глазахъ хулиганъ какимъ-то желѣзнымъ станкомъ раздробилъ еврею голову; другой хулиганъ ударомъ по головѣ свалилъ замертво дѣвочку; свидѣтель Радецкій видѣлъ, какъ хулиганы со второго и третьяго этажей выбрасывали дѣтей внизъ на мостовую, а одного ребенка хулиганъ схватилъ за ноги и, ударивъ головой объ стѣну, размозжилъ ему голову. Въ свою очередь, и евреи не щадили русскихъ, убивая ихъ при всякомъ возможномъ случаѣ; днемъ они не показывались открыто на улицахъ и обстрѣливали проходившихъ изъ воротъ, оконъ и т. п., но вечеромъ они собирались толпами, и дерзость ихъ доходила до того, что они осаждали полицейскіе участки. Такъ, еще днемъ, 19 числа, вооруженная толпа, человѣкъ въ пятьсотъ, пыталась открытою силою взять зданіе Бульварнаго участка, подступая

къ нему и стрѣляя изъ револьверовъ, но была отбита нарядомъ городовыхъ и войсками; такому же обстрѣлу подвергался и Михайловскій участокъ, а по донесенію пристава Александровскаго участка, онъ выдержалъ въ зданіи своего участка семь настоящихъ атакъ вооруженной револьверами толпы. Особенную жестокость проявляли евреи въ отношеніи полицейскихъ чиновъ, когда имъ удавалось захватить ихъ въ свои руки; помимо случая убіенія городового Губія, о которомъ выше было упомянуто, разслѣдованіемъ установлены еще два другіе подобные же случаи: истязаніе городового Ревенка, которому были дѣлаемы уколы пальцевъ руки иголкою и перочиннымъ ножомъ, и присужденіе къ смерти околоточнаго надзирателя Иванова, который подвергнутъ былъ разстрѣлянію и раненъ нѣсколькими выстрѣлами, неожиданно оказавшимися несмертельными.

19 октября, также какъ и въ послѣдующіе дни, полиція совершенно отсутствовала на улицахъ. Пристава и ихъ помощники большею частью безвыходно оставались въ участкахъ или показывались на улицахъ весьма рѣдко, какъ нѣкоторые изъ нихъ объяснили, по той причинѣ, что, вслѣдствіе происходившей со всѣхъ сторонъ стрѣльбы, опасно было показываться, и что градоначальникъ Нейдгартъ требовалъ отъ нихъ безопаснаго по возможности нахожденія въ участкахъ, дабы въ случаѣ надобности всегда по телефону можно было получать требуемыя свѣдѣнія или отдавать необходимыя приказанія. Городовые, послѣ снятія съ постовъ и сосредоточенія въ участкахъ, не несли постовыхъ обязанностей и на улицахъ не появлялись, или же выходили въ статскомъ платьѣ и безъ бляхъ и гербовъ; хотя, по распоряженію градоначальника Нейдгарта, они должны были отбывать полицейскую службу патрулями, но въ дѣйствительности и эта обязанность выполнялась весьма разнообразно и неаккуратно. Въ однихъ участкахъ городовые посылались патрулями совмѣстно съ воинскими командами, въ другихъ отбывали эту обязанность самостоятельно, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ не несли патрульной службы. Вообще, какъ можно заключить изъ объясненій полковника Присненко и приставовъ Рацишевскаго,

Яшниченко, Ольшевскаго, Погребнаго и др., въ порядокъ отправленія патрульныхъ полицейскихъ обязанностей никакой организаціи внесено не было и наблюденія установлено не было. Такимъ образомъ, во время безпорядковъ, полицейскіе чины, пребывая въ участкахъ, въ сущности не несли никакихъ наружныхъ полицейскихъ обязанностей, тогда какъ въ штатѣ одесской городской полиціи числилось 853 городовыхъ, которые, при умѣломъ и энергичномъ пользованіи ими, могли бы представить, совмѣстно съ войсками, вполнѣ достаточную силу для прекращенія безпорядковъ и разсѣянія скопищъ въ теченіе самаго короткаго времени, не давая погрому тянуться нѣсколько дней. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда полицейскіе патрули появлялись на мѣстахъ происшествія съ воинскими командами, они, по объясненіямъ почти всѣхъ спрошенныхъ при разслѣдованіи свидѣтелей, обыкновенно никакихъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ и совершавшихся разгромовъ не принимали, какъ потому, что всѣ полицейскіе чины, считая евреевъ виновниками всякихъ политическихъ смутъ и забастовокъ и признавая ихъ революціонерами, вполнѣ сочувствовали совершавшемуся погрому еврейскаго населенія, не считали даже нужнымъ скрывать этого и вслѣдствіе сего, конечно, не задавались цѣлью прекращать погромъ, такъ и потому, что во многихъ случаяхъ сами полицейскіе чины направляли толпы хулигановъ на разгромъ и разграбленіе еврейскихъ домовъ, квартиръ и лавокъ, снабжали хулигановъ дубинами изъ срубленныхъ деревьевъ, сами совмѣстно съ ними принимали участіе въ этихъ разгромахъ, грабежахъ и убійствахъ и руководили дѣйствіями толпы. Характерныя въ этомъ отношеніи указанія даютъ свидѣтели: адъютантъ 273 пѣхотнаго Дунайскаго полка поручикъ Вайманъ и штабсъ-капитанъ запаса Якимовичъ. Первый изъ нихъ заявилъ, что когда ввѣренная ему команда стала разгонять громилъ, то городовой, угрожая подошедшему солдату, сказалъ ему: «если ты будешь разгонять русскихъ людей, я тебѣ задамъ», пришлось задержать городового, и тогда только представилась возможность разсѣять толпу. По словамъ же Якимовича, на вопросъ его, почему не прекращаются погромы, одинъ городовой

на Пересыпи сказалъ, что начальство разрѣшило бить евреевъ три дня за то, что они изорвали портретъ государя и сломали надпись на думѣ «Боже, царя храни»; а другой городовой въ томъ же участкѣ передалъ, что на донесеніе его о разгромѣ на Куяльникѣ, изъ участка по телефону ему отвѣтили: «не вмѣшивайся, это не твое дѣло». Наконецъ, были и такіе случаи, что городовые сами производили выстрѣлы въ землю, или въ воздухъ и затѣмъ ложно указывали войскамъ, какъ будто эти выстрѣлы послѣдовали изъ оконъ еврейскихъ домовъ, чѣмъ и вызывали обстрѣливаніе войсковыми частями означенныхъ домовъ и допущеніе жестокой расправы съ тѣми евреями и ихъ семьями, которые оказывались въ этихъ квартирахъ. Многіе околоточные надзиратели дѣйствовали заодно съ городовыми и зачастую предводительствовали толпами хулигановъ, разбивавшихъ лавки евреевъ и расхищавшихъ ихъ имущество. Всѣ подобные, обнаруженные разслѣдованіемъ, случаи, касающіеся преступной дѣятельности чиновъ полиціи, приведены въ постановленіи моемъ отъ 9 декабря 1905 года, согласно коему мною возбуждено судебное преслѣдованіе противъ 4 полицейскихъ приставовъ, 7 помощниковъ приставовъ, 12 околоточныхъ надзирателей и 19 городовыхъ одесской городской полиціи по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 341, 1 ч. 342, 345, 2 ч. 446 и 1459 ст. улож. о нак.

Равнымъ образомъ и войска относились вполнѣ безучастно къ виновникамъ погрома, такъ какъ, съ одной стороны, они не были ознакомлены съ существомъ лежавшихъ на нихъ обязанностей и, не получая отъ чиновъ полиціи никакихъ указаній, по прибытіи на мѣсто происшествій, при видѣ производимыхъ погромовъ и вооруженныхъ группъ самообороны, не знали, противъ кого и въ какомъ порядкѣ они должны дѣйствовать силою оружія. Съ другой стороны, видя покровительственное отношеніе чиновъ полиціи къ громиламъ еврейскаго имущества, войска могли полагать, что погромъ предпринятъ съ вѣдома и одобренія власти. Вслѣдствіе сего, по объясненіямъ свидѣтелей, войска и городовые обыкновенно избивали только студентовъ и стрѣляли только по группамъ еврей-

ской обороны и студенческой милиціи; при этомъ, иногда, городовые говорили избиваемымъ: «вотъ вамъ свобода, вотъ вамъ долой самодержавіе», а въ одномъ случаѣ, по объясненію доктора Радецкаго, офицеръ, присутствовавшій при звѣрскомъ избіеніи хулиганами евреевъ, равнодушно смотрѣлъ на эту картину и только сказалъ: «не хотѣли правительства, вотъ и нѣтъ правительства». По отношенію къ громиламъ войска никакихъ мѣръ не предпринимали, не взирая на то, что они нерѣдко въ присутствіи полиціи и войсковыхъ частей разбивали еврейскія лавки и квартиры, истребляли и расхищали еврейское имущество... Вообще, толпы хулигановъ дѣйствовали вполнѣ безпрепятственно, въ полномъ убѣжденіи, что ни войска, ни полиція не окажутъ имъ никакого противодѣйствія и не остановятъ ихъ на мѣстѣ преступленія, тогда какъ многіе студенты, евреи и другія лица, принадлежавшія къ составу обороны, были задерживаемы десятками въ виду одного лишь обнаруженія у нихъ какого-либо оружія и содержались въ участкахъ при самой тяжелой обстановкѣ, подвергаясь нерѣдко избіенію чинами полиціи, солдатами и казаками. Благодаря такому отношенію, виновники разгромовъ своевременно остались необнаруженными, и въ настоящее время установленіе ихъ виновности представляется крайне затруднительнымъ. По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ штабомъ Одесскаго военнаго округа, въ составѣ Одесскаго гарнизона во время октябрьскихъ событій находились: пѣхотные полки 205 Измаильскій, 208 Очаковскій, 273 Дунайскій и 274 Ставучанскій; 57, 59 и 60 пѣхотные запасные баталіоны, 4 стрѣлковый баталіонъ, 11 саперный баталіонъ, Одесскій морской баталіонъ, 22 драгунскій Астраханскій полкъ, 8 Донской казачій полкъ, крѣпостной артиллерійскій баталіонъ, 15 артиллерійская бригада, управленіе склада крѣпостного артиллерійскаго имущества, Одесское пѣхотное юнкерское училище и 4 полевой жандармскій эскадронъ. Численный составъ означенныхъ войсковыхъ частей штабомъ не установленъ. Кромѣ того, разслѣдованіемъ добыты указанія на то, что и солдаты и казаки также нерѣдко участвовали въ расхищеніи товаровъ изъ разбиваемыхъ лавокъ и разныхъ вещей изъ разгромленныхъ еврейскихъ

квартиръ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія лица, наблюдавшія сцены погрома въ разныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые же свидѣтели удостовѣрили и то, что солдаты и казаки убивали безъ всякой причины совершенно неповинныхъ лицъ. Домовладѣлецъ г. Таганрога Демьяновичъ, временно проживавшій въ Одессѣ во время октябрьскихъ событій, самъ лично изъ окна гостиницы видѣлъ,—какъ хулиганъ и казакъ преслѣдовали какого-то молодого человѣка, шедшаго съ двумя сестрами милосердія, и, не найдя ничего у него, все-таки убили его на улицѣ; какъ солдаты убили двухъ студентовъ, мирно проѣзжавшихъ на извозчикѣ, произведя въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ приколовъ одного изъ нихъ штыкомъ, а другому разбивъ камнемъ голову; какъ пять человѣкъ солдатъ на Полицейской улицѣ, отдѣлавшись отъ патруля, разстрѣляли проходившаго по улицѣ молодого учащагося человѣка, объяснивъ потомъ, что убили его «за то, что онъ еврей».

Помимо сего, такъ какъ изъ оконъ домовъ и съ крышъ производилась стрѣльба по войскамъ во время слѣдованія ихъ по улицамъ, то эти дома обыкновенно подвергались обстрѣливанію воинскихъ командъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводило къ крайне прискорбнымъ послѣдствіямъ, какъ, напримѣръ, убійства ни въ чемъ неповинныхъ обитателей обстрѣливаемыхъ квартиръ; въ числѣ жертвъ, невинно пострадавшихъ отъ такого обстрѣливанія, по даннымъ разслѣдованія, оказались, между прочимъ, жена протоіерея Лебедева, убитая выстрѣломъ въ своей квартирѣ, и Вайнгуртъ, въ котораго произведенъ выстрѣлъ въ то время, когда онъ съ 4-хъ лѣтнею дочерью на рукахъ подошелъ къ полуоткрытой ставнѣ окна въ гостиницѣ «Имперіаль», гдѣ онъ проживалъ, при чемъ самъ Вайнгуртъ былъ раненъ, а ребенокъ убитъ.

Когда 19 октября возникли столкновенія русской части населенія съ революціонерами и евреями и начался разгромъ еврейскаго имущества, градоначальникъ Нейдгартъ обратился къ командующему войсками съ отзывомъ, помѣченнымъ имъ 19 октября 12 ч. 40 м. дня и полученнымъ генераломъ Каульбарсомъ въ 2 ч. дня, слѣдующаго содержанія: «Получаются свѣдѣнія, что толпы намѣ-

рены разбивать тюрьму, участки и другія казенныя зданія. Толпы убѣждаютъ войска не дѣйствовать, такъ какъ Манифестомъ они породнились. Революціонный комитетъ умѣлъ такимъ образомъ отколоть войска отъ полиціи, которая осталась одинокой и не въ силахъ бороться съ революціонной организаціей, выставившей уже свою вооруженную милицію на всѣхъ улицахъ. Въ виду заявленія мнѣ профессоромъ Щепкинымъ о разоруженіи полиціи на основаніи захватнаго права и многократныхъ убійствъ и разоруженія городовыхъ, я принужденъ стянуть всю полицію въ участки и только сильными патрулями исполнять службу. Одесская революція прикрылась сначала дѣтьми, потомъ ложными слухами и клеветой на полицію и, наконецъ, городской думой, отъ которой хотѣла выпустить прокламацію со словами: «наконецъ Самодержавіе упало въ пропасть». Городской голова П. А. Крыжановскій вышелъ въ отставку, не желая подписать такого воззванія. Только сила войска подъ Вашимъ руководствомъ можетъ возстановить нормальный порядокъ и прекратить возстаніе. Прошу приказанія Вашего Высокопревосходительства войсками не допускать движенія революціонныхъ процессій съ красными флагами, не допустить торжественныхъ похоронъ, отмѣненныхъ сегодня, и не допускать еврейскаго погрома, который, конечно, будетъ приписанъ полиціи».

Отношеніе это, по самому содержанію своему, не указываетъ на передачу градоначальникомъ Нейдгартомъ военному начальству власти дѣйствовать по усмиренію безпорядковъ самостоятельно, по собственному усмотрѣнію, въ порядкѣ, предписанномъ 16 и 17 ст. прилож. къ 316 ст. общ. губ. учр. (т. 11 ч. 1 св. зак., изд. 1892 г.). Такой передачи власти, какъ признаетъ и командующій войсками, не послѣдовало за все время безпорядковъ и всю распорядительную власть по подавленію погрома градоначальникъ сохранилъ за собою; означенное отношеніе заключаетъ въ себѣ лишь требованіе объ оказаніи войсками, съ цѣлью подавленія погрома, содѣйствія путемъ выполненія тѣхъ отдѣльныхъ требованій, которыя въ немъ перечислены и въ этомъ отношеніи находится въ связи съ тѣмъ словеснымъ соглашеніемъ, которое послѣдовало еще лѣтомъ 1904 года

между Нейдгартомъ и командовавшимъ въ то время войсками генераломъ-отъ-кавалеріи барономъ Каульбарсомъ по вопросу о взаимномъ отношеніи гражданской и военной властей въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ. Какъ усматривается изъ отношенія ко мнѣ начальника штаба Одесскаго военнаго округа отъ 13 декабря 1905 года за № 25458, вскорѣ послѣ кишиневскаго погрома 1904 года, по словесному соглашенію командующаго войсками съ градоначальникомъ Нейдгартомъ, на случай народныхъ волненій въ Одессѣ, городъ былъ раздѣленъ на участки для занятія его войсками. Войска—сказано въ этомъ отзывѣ—главнымъ образомъ офицеры, должны были еще въ тихое время ознакомиться со своими участками и съ служащими тамъ полицейскими чинами. Было условлено, что войска, занимающія участки, распоряжаются въ оныхъ самостоятельно, а полиція содѣйствуетъ войскамъ. Двойственная власть (полиція и войско) оказалась на практикѣ неудобною. Войсковый начальникъ участка отвѣчалъ за спокойствіе во ввѣренномъ ему участкѣ и распоряжался по своему усмотрѣнію. Кромѣ этихъ основныхъ правилъ, было установлено нѣсколько частныхъ правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія войска, полиціи, вызова войскъ и пр. Такъ было въ участкахъ. Слѣдовало бы провести то же во взаимныхъ отношеніяхъ командующаго войсками (начальника гарнизона) и градоначальника, но это могло бы имѣть мѣсто только послѣ оффиціальнаго заявленія градоначальника, что онъ передаетъ командующему войсками власть. Этого не было, но взамѣнъ этого получались требованія градоначальника занять городъ войсками, поддержать или охранять городовыхъ, тюрьму, снять баррикады и т. п., что всегда исполнялось по мѣрѣ силъ, такъ какъ войска были утомлены до послѣдней степени. Мѣры этого рода принимались не только, когда народное волненіе разгоралось, но въ ожиданіи предстоящихъ волненій. Послѣднее обстоятельство было причиною тому, что войска вынуждены были дѣйствовать самостоятельно, не получая указаній администраціи о передачѣ дѣла усмиренія въ руки войскъ. Разбросанныя на огромной площади города, имѣя около себя лишь низшихъ чиновъ поли-

ціи, войска должны были дѣйствовать самостоятельно, что имъ и было неоднократно указано командующимъ войсками. „Такимъ образомъ, въ силу этого соглашенія, какъ пояснилъ въ письмѣ своемъ на мое имя 13 декабря за № 33 баронъ Каульбарсъ, когда ожидались безпорядки, градоначальникъ просилъ занять городъ войсками, которыя затѣмъ дѣйствовали въ зависимости отъ обстоятельствъ».

Когда возникли безпорядки, никакихъ иныхъ распоряженій градоначальникъ Нейдгартъ для подавленія таковыхъ не дѣлалъ и мѣръ не предпринималъ. Едва-ли онъ самъ могъ смотрѣть на состоявшееся болѣе чѣмъ за годъ словесное соглашеніе съ барономъ Каульбарсомъ, какъ на способъ передачи военной власти дѣла усмиренія мятежа силою оружія, по собственному ея усмотрѣнію, вполнѣ самостоятельно, въ порядкѣ, указанномъ правилами о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданской власти (прил. къ 316 ст. общ. губ. учр.). Такого значенія, во всякомъ случаѣ, ни командующій войсками, ни штабъ округа этому соглашенію не придавали и придавать не могли въ виду рѣзкаго его несогласія съ точными предписаніями приведеннаго закона. Если бы градоначальникъ Нейдгартъ считалъ, что существованіе соглашенія устраняетъ необходимость оффиціальной передачи власти по подавленію смуты силою оружія военному начальству, согласно 16 и 17 ст. означенныхъ правилъ, то ему не представлялось уже въ такомъ случаѣ надобности обращаться 16 и 19 октября къ командующему войсками съ требованіями, содержавшими въ себѣ указанія на отдѣльныя задачи, подлежавшія достиженію воинскою силою. Наконецъ, во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ военнымъ начальствомъ въ теченіе октябрьскихъ безпорядковъ онъ ни разу не ссылался на соглашеніе 1904 года, а когда лѣтомъ 1905 года, въ потемкинскіе дни, онъ призналъ безсиліе гражданской власти положить конецъ происходившимъ въ Одесскомъ портѣ волненіямъ, то прямо обратился, какъ выше указано, къ командовавшему въ то время войсками генералу Каханову о принятіи военнымъ начальствомъ въ свои руки прекращенія волненій силою оружія, всецѣло устранивъ

себя отъ этого дѣла и даже удаливъ изъ порта полицію, одновременно съ передачею власти.

Такимъ образомъ, необходимо прійти къ тому выводу, что за все время октябрьскихъ безпорядковъ не было момента, когда бы, какъ признаетъ и военное начальство, ему предоставлено было по собственному усмотрѣнію, вполнѣ самостоятельно подавлять разгорѣвшійся въ городѣ погромъ.

Въ послѣдующіе дни, 20 и 21 октября, погромъ не только не прекращался и даже не ослабѣвалъ, но, напротивъ, принялъ еще болѣе ужасающій, по своимъ размѣрамъ, характеръ. Разгромъ еврейскихъ магазиновъ и квартиръ, грабежъ, расхищеніе и уничтоженіе еврейскаго имущества, избіеніе и убійства людей совершенно открыто и безнаказанно совершались днемъ на улицахъ; никто изъ полицейскихъ и военныхъ властей никого не задерживалъ, грабители открыто носили и возили награбленное имущество, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ задерживали члены студенческой и еврейской милиціи, доставляя съ вещами въ университетъ, гдѣ къ вечеру 20 октября такихъ задержанныхъ оказалось до 40 лицъ. Градоначальникъ Нейдгартъ ограничился тѣмъ, что 20 числа въ № 222 газеты «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства» помѣстилъ обращеніе къ «Одесскимъ гражданамъ» отъ 18-го октября такого содержанія: «Во исполненіе великихъ словъ Высочайшаго Манифеста, прошу все населеніе Одессы всѣми мѣрами убѣжденія и слова способствовать успокоенію умовъ и водворенію порядка»; затѣмъ опубликовалъ путемъ печатныхъ объявленій два слѣдующихъ воззванія: первое, помѣченное 20 октября, 11 ч. дня: «Чтобы остановить грабежъ, разлившійся со снятіемъ полицейской охраны, а снята она потому, что нападенія на единичныхъ городовыхъ стали многочисленны, посылаются патрули отъ войскъ и полиціи, по которымъ стрѣляютъ жители изъ оконъ, нанося этимъ непоправимый вредъ себѣ же самимъ. Милиціи въ Одессѣ нѣтъ, закономъ установленной. Убѣдительно прошу остановить стрѣльбу изъ оконъ во избѣжаніе необходимости разрушать артиллеріею дома, изъ которыхъ стрѣляютъ»; второе же отъ того же числа, 1 ч. дня:

«Ко мнѣ обращаются многочисленные жители съ просьбами возстановить полицейскую охрану. Это возможно, если около каждаго городового станетъ десять гражданъ, которымъ онъ довѣритъ свою жизнь. Желающимъ возстановить городовыхъ обращаться въ участки къ приставамъ. Войска и полиція заняты прекращеніемъ грабежей. Стрѣльба изъ оконъ мѣшаетъ исполнять имъ задачу».

Въ виду вышеприведенныхъ объявленій градоначальника Нейдгарта, указывавшихъ на непринятіе имъ никакихъ мѣръ къ подавленію происходившихъ безпорядковъ, городская дума, въ засѣданіи 20 октября, постановила: а) просить всѣхъ жителей города не выходить безъ крайней необходимости изъ домовъ, прекращать всякаго рода сборища, ничѣмъ не вызывать раздраженія и принять всѣ мѣры для успокоенія и умиротворенія города, и б) такъ какъ градоначальникъ самъ приказалъ снятіе полицейской охраны въ городѣ, то просить командующаго войсками принять немедленно въ свое вѣдѣніе охрану города, а если своею властью онъ этого сдѣлать не можетъ, просить снестись по телеграфу съ высшимъ правительствомъ. И дѣйствительно, въ тотъ же день, какъ видно изъ упомянутаго ранѣе рапорта генерала Каульбарса, гласные городской думы, въ числѣ 28 человѣкъ, съ исправляющимъ должность городского головы Андреевскимъ, явились къ нему съ просьбою принять въ свои руки власть, такъ какъ только военное начальство, съ помощью имѣвшейся въ его распоряженіи военной силы, можетъ спасти городъ; при этомъ городская депутація настойчиво и неоднократно утверждала, что виновникомъ всѣхъ происходившихъ въ Одессѣ безпорядковъ, по ихъ мнѣнію, является градоначальникъ Нейдгартъ, якобы вызывавшій это движеніе своими предшествовавшими дѣйствіями, и что только съ удаленіемъ градоначальника можно надѣяться на успокоеніе города. На просьбу городскихъ депутатовъ командующій войсками отвѣтилъ, что до введенія военнаго положенія военное начальство не въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія гражданской администраціи и только обязано оказывать ей содѣйствіе войсками для подавленія безпорядковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданская администрація того

потребуетъ, каковое содѣйствіе по мѣрѣ силъ и возможности нынѣ оказывается, но стрѣльба по войскамъ и бросаніе въ нихъ бомбъ до крайности затрудняетъ успѣшное подавленіе происходящихъ безпорядковъ. Приведенный отвѣтъ служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что власть подавленія безпорядковъ силою оружія не была всецѣло передана военному начальству въ порядкѣ 16 и 17 ст. прилож. къ 316 ст. общ. губ. учр., если командующій войсками ссылался на отсутствіе военнаго положенія, введеніемъ котораго, между тѣмъ, вовсе не обусловлено примѣненіе порядка, указаннаго въ означенныхъ статьяхъ закона.

Того же 20 октября, въ виду распространившихся ложныхъ слуховъ о существованіи особаго городского исполнительнаго комитета для завѣдыванія всѣми городскими дѣлами, городская дума нашла нужнымъ довести до свѣдѣнія населенія гор. Одессы, что такого комитета, съ исполнительною властью, не существуетъ и что еще 16 октября постановлено было образовать при городскомъ головѣ совѣщательный комитетъ изъ гласныхъ думы и представителей союзныхъ и рабочихъ организацій, но комитетъ въ проектированномъ думою видѣ не успѣлъ еще образоваться.

Результатомъ бесѣды командующаго войсками съ городскими депутатами было то, что и генералъ баронъ Каульбарсъ обратился къ населенію съ двумя рѣшительными объявленіями, изъ коихъ въ первомъ, 21 октября, начальникъ окружнаго штаба довелъ до свѣдѣнія жителей гор. Одессы, что командующій войсками приказалъ принять самыя рѣшительныя мѣры противъ тѣхъ домовъ, изъ которыхъ стрѣляютъ и бросаютъ бомбы, не останавливаясь даже предъ разрушеніемъ ихъ, и стрѣлять по грабителямъ, донося послѣ каждой стрѣльбы о числѣ убитыхъ и раненыхъ, а во второмъ, отъ 22 октября, самъ генералъ Каульбарсъ предупреждалъ, что войскамъ приказано истреблять на мѣстѣ оружіемъ всѣхъ безъ исключенія грабителей, нападающихъ на дома, магазины мирныхъ жителей.

Въ виду такого категорическаго и рѣшительнаго предупрежденія, погромъ постепенно сталъ ослабѣвать. Распространившись въ

началѣ на протяженіи почти всего города, безпорядки эти 21 октября прекратились сначала въ Бульварномъ участкѣ, потомъ въ Портовомъ и, наконецъ, въ наиболѣе отдаленныхъ участкахъ—Петропавловскомъ, Михайловскомъ, Пересыпскомъ и отчасти Херсонскомъ. Съ 22 числа возстановлена была постовая полицейская служба городовыхъ, становившихся на посты съ двумя-тремя нижними чинами изъ войскъ. Въ этотъ же день уже не было массоваго проявленія безпорядковъ; съ утра были совершены лишь единичныя попытки на разграбленіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ еврейскихъ магазиновъ, но таковыя были прекращены; было также нѣсколько случаевъ нападеній на отдѣльныхъ лицъ: на Екатерининской улицѣ были поранены двое русскихъ рабочихъ, на Дерибасовской улицѣ убитъ ночной сторожъ; изрѣдка раздавались отдѣльные револьверные выстрѣлы, которые однако вскорѣ стали затихать. Уличное движеніе нѣсколько оживилось и усилилось; началось движеніе трамвая и къ вечеру порядокъ въ городѣ можно было считать возстановленнымъ, хотя населеніе, подъ вліяніемъ пережитыхъ волненій, еще долгое время оставалось въ тревожномъ состояніи, и вслѣдствіе сего, въ видахъ успокоенія, по улицамъ продолжали ходить усиленные патрули войскъ.

За время событій, какъ видно изъ разспросовъ свидѣтелей, объясненія самого Нейдгарта, телеграммы его на имя товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшаго полиціей, отъ 22 октября и записей въ дневникѣ, который вели чиновники особыхъ порученій, градоначальникъ Нейдгартъ выѣзжалъ въ городъ, не считая бытности его 19 числа въ соборѣ по случаю молебствія, одинъ только разъ, 21 октября, окруженный значительнымъ конвоемъ казаковъ; все же остальное время онъ оставался дома, нигдѣ не показываясь, и того же требовалъ отъ полицейскихъ приставовъ. Толпы хулигановъ, занимавшіяся разгромами и грабежами, какъ признаетъ и Нейдгартъ, восторженно его встрѣчали съ криками «ура»; въ отвѣтъ на эти привѣтствія онъ, по показанію доктора Готшалка, бывшей сестры милосердія Александры Барановой, Деборы Эпштейнъ и студента Леонида Нутиса, раскланивался съ

толпой, снималъ фуражку и говорилъ: «спасибо, братцы», а по словамъ бывшей въ санитарномъ отрядѣ Розаліи Ровенской, стоя въ экипажѣ, говорилъ толпѣ: «ну, братцы, довольно, расходитесь по домамъ». Во время проѣзда по улицамъ, по словамъ градоначальника Нейдгарта, «всюду населеніе умоляло возстановить полицейскую охрану», и многія лица обращались къ нему съ просьбами объ огражденіи ихъ отъ насильственныхъ дѣйствій хулигановъ, но получали въ томъ отказъ. По объясненію Якова Альтера, на такую просьбу Губермана и другихъ лицъ, Нейдгартъ отвѣтилъ: «я ничего не могу сдѣлать, вы хотѣли свободы, вотъ вамъ жидовская свобода». Свидѣтель Вольфъ Гандельсманъ былъ очевидцемъ того, что, когда градоначальникъ ѣхалъ по Прохоровской улицѣ и толпа грабителей съ награбленнымъ имуществомъ въ фургонахъ пошла по тому направленію, откуда слѣдовалъ Нейдгартъ, многія лица, опасаясь возвращенія грабителей, просили у него защиты, но градоначальникъ не обратилъ на эти просьбы никакого вниманія и быстро проѣхалъ дальше. Наконецъ, такой же отказъ получилъ и директоръ 2 общества взаимнаго кредита Владиміръ Брахманъ, когда онъ по телефону просилъ градоначальника оградить банкъ, въ которомъ хранятся цѣнности на очень крупную сумму, отъ грозившей ему со стороны грабителей опасности, на что самъ Нейдгартъ отвѣтилъ, что за охраной слѣдуетъ обратиться въ университетъ, который, по его словамъ, вообще завѣдываетъ охраной города; на заявленіе же Брахмана, что онъ обращается не за совѣтомъ, а за охраною, и при этомъ указалъ на ужасныя послѣдствія разгрома банка, Нейдгартъ отвѣтилъ: «я вамъ уже сказалъ, куда нужно обратиться, и болѣе ничего не могу сказать», послѣ чего прервалъ разговоръ.

Въ тотъ же день, 21 октября, какъ усматривается изъ дневника и объясненія чиновника особыхъ порученій Подольцева, градоначальникъ Нейдгартъ призывалъ къ себѣ утромъ полицейскихъ приставовъ и вечеромъ всѣхъ городовыхъ. Во время бытности приставовъ, къ градоначальнику Нейдгарту прибылъ командующій войсками баронъ Каульбарсъ, въ сопровожденіи адъютан-

товъ, и обратился къ названнымъ полицейскимъ чинамъ съ рѣчью, которая начиналась словами: «Будемъ называть вещи ихъ настоящими именами. Нужно признаться, что всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ этому погрому. Но мы не должны переносить злобу, которую мы, можетъ быть, имѣемъ противъ евреевъ, въ нашу служебную дѣятельность. На насъ лежитъ обязанность по долгу присяги поддерживать порядокъ и защищать отъ погромовъ и убійствъ. Между тѣмъ, до меня доходятъ свѣдѣнія, что чины полиціи не только не принимаютъ мѣры къ прекращенію погромовъ и насилій, но и сами, переодѣваясь, принимаютъ въ нихъ участіе». Въ это время по телефону раввинъ Черновецъ сообщилъ, что онъ былъ сейчасъ очевидцемъ, какъ на Екатерининской улицѣ толпа громилъ совершила страшный погромъ въ предшествіи и подъ прикрытіемъ войскъ, которыя, слѣдуя впереди, расчищали дорогу. Узнавъ объ этомъ, баронъ Каульбарсъ только произнесъ: «къ сожалѣнію, слишкомъ рано пришло подтвержденіе того, о чемъ носились лишь слухи». Къ изложенному Подольцевъ добавилъ, что градоначальникъ, насколько ему извѣстно, всегда дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ генераломъ Каульбарсомъ и нѣсколько разъ выражалъ удовольствіе дѣйствіямъ войскъ.

Призванные вечеромъ городовые отказались встать на посты прежде, чѣмъ имъ будетъ увеличено жалованье, такъ какъ, получая столь ничтожное вознагражденіе, они не считаютъ возможнымъ, въ виду бывшихъ случаевъ убійствъ и постоянной стрѣльбы изъ оконъ, подвергать свою жизнь опасности; послѣ же разъясненія градоначальника, что взамѣнъ тѣхъ городовыхъ, которые отказываются нести службу, будутъ наняты другіе, городовые сказали, что они согласны начать службу вновь съ слѣдующаго дня, т. е. 22 октября. По связи съ этимъ вопросомъ, надлежитъ сказать, что, въ виду требованія городовыми увеличенія содержанія, градоначальникъ обѣщалъ имъ увеличить таковое до 25 рублей въ мѣсяцъ и по этому поводу обращался телеграммами къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшему полиціей, и предсѣдателю совѣта министровъ и къ другимъ лицамъ съ просьбою объ ассигнованіи

ему дополнительнаго кредита на содержаніе городовыхъ, на что, однако, не послѣдовало распоряженія. Одновременно съ этимъ, для пополненія суммы, вызываемой увеличеніемъ содержанія городовыхъ, Нейдгартъ обложилъ домовладѣльцевъ гор. Одессы особымъ налогомъ и по сему предмету издалъ 21 октября слѣдующее обязательное постановленіе: «для возстановленія безопасности и полицейской охраны, обязываю всѣхъ домовладѣльцевъ уплачивать сборъ, равный во всемъ раскладкѣ комиссіи о ночныхъ сторожахъ. Это дастъ возможность довести жалованье городовыхъ до 25 рублей каждому. Это постановленіе основано на 15 ст. положенія объ усиленной охранѣ, и нарушеніе его влечетъ взысканіе до 500 рублей штрафа или трехмѣсячный арестъ».

Въ теченіе всѣхъ дней погрома съ 18 по 22 октября изъ состава полиціи былъ убитъ одинъ городовой и ранены 2 околоточные надзирателя и 10 городовыхъ; сверхъ того, одинъ городовой былъ раненъ 16 октября; въ войскахъ были: ранены—подпоручикъ 11 сапернаго батальона Иванишевъ и чиновникъ Одесской инженерной дистанціи Бржозовскій, который умеръ отъ полученной раны; нижнихъ чиновъ убито 2, изъ нихъ одинъ бомбою и другой пулей, и ранено 16. Число убитыхъ и раненыхъ частныхъ лицъ даже приблизительно не можетъ быть опредѣлено, такъ какъ для этого не имѣется точныхъ свѣдѣній ни въ канцеляріи градоначальника, ни въ управленіяхъ полицеймейстера и приставовъ; много умершихъ и большинство раненыхъ остались неизвѣстными. По свѣдѣніямъ полиціи, число убитыхъ превышаетъ 500 человѣкъ, изъ нихъ болѣе 400 евреевъ, а раненыхъ, зарегистрованныхъ полиціею—289 человѣкъ, изъ нихъ 237 евреевъ. По свѣдѣніямъ кладбищенскихъ смотрителей, за время событій и послѣ того до ноября было похоронено на христіанскомъ кладбищѣ 86 человѣкъ и на еврейскомъ—298. Въ теченіе того же времени поступило 73 трупа убитыхъ въ институтъ судебной медицины при университетѣ и 97 труповъ убитыхъ въ старую городскую больницу. На излѣченіе же въ новую и старую городскія больницы, въ госпитальную хирургическую клинику и госпитальную клинику Щеголева поступило

раненыхъ 608 человѣкъ и въ томъ числѣ 392 еврея; изъ общаго числа раненыхъ въ городской больницѣ умерло 66 человѣкъ. Наконецъ, на пространствѣ всего города были разграблены 1.632 еврейскія помѣщенія, считая въ томъ числѣ магазины, квартиры, дома и пр.,—съ причиненіемъ, по заявленіямъ, конечно, крайне преувеличеннымъ самихъ потерпѣвшихъ лицъ, убытка на сумму 3.668.824 рубля. Наибольшее число разгромленныхъ помѣщеній приходится въ Петропавловскомъ (594) и Пересыпскомъ (354) участкахъ и наименьшее въ Дальницкомъ (57) и Портовомъ (52) участкахъ; наиболѣе значительные по цѣнности магазины и квартиры были разгромлены въ Бульварномъ (73 — на 788.828 р.), въ Александровскомъ (154—на 649.285 р.) и Михайловскомъ (189—на 710.150 р.) участкахъ. О тѣхъ разгромахъ и убійствахъ, о коихъ поступили свѣдѣнія къ прокурорскому надзору и судебной власти, производятся участковыми судебными слѣдователями особыя предварительныя слѣдствія и такихъ дѣлъ къ декабрю мѣсяцу было въ производствѣ 442, не считая, однако, основного слѣдственнаго дѣла, производимаго судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ, о преступномъ сообществѣ, предусмотрѣнномъ 269[1] ст. ул. о нак.

Къ изложенному надлежитъ добавить, что: а) какъ видно изъ постановленія совѣта университета отъ 27 октября, въ виду ходившихъ въ городѣ слуховъ о томъ, что въ университетѣ изготовляются бомбы и имѣется большой складъ оружія, по предложенію командующаго войсками и по соглашенію его съ ректоромъ университета, послѣдовавшему 21 октября, рѣшено было на слѣдующій день произвести осмотръ университетскаго зданія профессорами, при участіи представителей военнаго вѣдомства и городского общественнаго управленія, причемъ на заявленіе ректора университета, что такое вторженіе въ университетъ было бы нарушеніемъ университетской автономіи, командующій войсками возразилъ, что если университетъ не при мегъ его предложенія, то онъ принужденъ будетъ назначить для осмотра комиссію изъ офицеровъ, такъ какъ осмотръ необходимъ въ цѣляхъ успокоенія общества, и онъ предпочитаетъ, чтобы на него жаловались. Когда въ назначенный для

осмотра день въ университетъ, кромѣ офицеровъ, явился и полицеймейстеръ фонъ-Гесбергъ, то ректоръ не допустилъ его къ участію въ осмотрѣ зданія, о чемъ было передано по телефону командующему войсками, который тогда отказался отъ назначенія въ комиссію военныхъ депутатовъ, и осмотръ произведенъ былъ совѣтомъ комиссіи профессоровъ въ присутствіи представителей городского общественнаго управленія, при чемъ, какъ значится въ составленномъ по сему предмету протоколѣ отъ 22 октября, комиссія ничего подозрительнаго въ зданіяхъ университета не нашла, и б) что по окончаніи безпорядковъ и водвореніи въ городѣ спокойствія градоначальникъ Нейдгартъ, въ виду помѣщеннаго въ Одесскихъ изданіяхъ оповѣщенія городской думы объ организованномъ при городскомъ головѣ совѣщательномъ комитетѣ, въ особомъ печатномъ объявленіи отъ 26 октября изложивъ разговоръ, происходившій у него 18 октября съ городскимъ головою Крыжановскимъ и профессоромъ Щепкинымъ и предъявленныя послѣднимъ требованія относительно удаленія войскъ, допущенія торжественныхъ похоронъ жертвъ 16 октября и разоруженія полиціи,—добавилъ для свѣдѣнія населенія, что «черезъ полчаса по уходѣ названныхъ лицъ на площади думы слышалась горячая рѣчь профессора Щепкина, повторившаго свои требованія и объявившаго народу, что полиція уничтожена и что послано въ Петербургъ телеграфное требованіе немедленно смѣстить градоначальника», а затѣмъ стали поступать свѣдѣнія объ истязаніяхъ, издѣвательствахъ и убійствахъ городовыхъ, которыхъ организованныя шайки пытались обезоруживать и убивать, и городовые стали покидать свои посты. Такимъ образомъ, по заявленію градоначальника Нейдгарта, «подчиняясь необходимости и принимая во вниманіе заявленіе союзовъ, сдѣланное городскимъ головою, и заявленіе думы, сдѣланное профессоромъ Щепкинымъ, угроза котораго разоружить полицію захватнымъ правомъ стала приводиться въ исполненіе, онъ стянулъ посты, чтобы спасти жизнь отдѣльныхъ людей, уже покинувшихъ посты. День Манифеста прошелъ въ Одессѣ безъ войскъ и полиціи на улицахъ, но не безъ насилій и грубыхъ издѣвательствъ надъ національнымъ

русскимъ чувствомъ. Послѣдующее извѣстно и настоящее оправданіе думы далеко отъ ея требованій и распоряженій въ дни вооруженнаго народнаго возстанія, подготовленнаго людьми, которые станутъ извѣстны и которые привели къ столькимъ печалямъ и скорби».

Приведенное публичное обращеніе градоначальника Нейдгарта къ жителямъ гор. Одессы вызвало два постановленія совѣта университета, состоявшіяся 27 октября: въ первомъ изъ нихъ совѣтъ, находя, что «для всего Одесскаго общества несомнѣнно не только бездѣйствіе администраціи Одессы во время кровавыхъ дней 18—22 октября, но и прямое участіе нѣкоторыхъ ея органовъ въ злодѣйствахъ озвѣрѣвшей толпы, что въ результатѣ этого въ городѣ четыре дня происходили разнузданные грабежи и гнусная бойня, не щадившая ни стариковъ, ни женщинъ, ни малолѣтнихъ дѣтей, содрогаясь отъ ужаса и сознавая, что администрація ведетъ городъ къ анархіи, ибо въ настоящее время ведется агитація въ пользу новаго погрома уже противъ интеллигенціи,—убѣдительнѣйше телеграммою просилъ графа Витте о немедленномъ устраненіи одесскаго градоначальника Нейдгарта отъ должности, о снятіи положенія объ усиленной охранѣ, отдающей городъ въ безконтрольное распоряженіе администраціи, и о назначеніи строжайшей сенаторской ревизіи для обнаруженія и наказанія истинныхъ виновниковъ этого неслыханнаго злодѣянія, ужаснувшаго весь цивилизованный міръ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, была избрана депутація изъ профессоровъ Щепкина, Ланге и Вериго для личнаго доклада графу Витте о событіяхъ въ городѣ и поддержанія вышеизложеннаго ходатайства. Вторымъ постановленіемъ совѣтъ университета опредѣлилъ увѣдомить прокурора судебной палаты и командующаго войсками, что объявленіе, распространяемое градоначальникомъ Нейдгартомъ на отдѣльныхъ листахъ среди населенія, нельзя не разсматривать, какъ попытку возстановить одну часть населенія противъ профессора Щепкина и противъ университета вообще и что такая попытка въ настоящее смутное время можетъ повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ свою очередь и профессоръ Щеп-

кинъ, въ письмѣ своемъ отъ 27 октября, помѣщенномъ въ № 6733 газеты «Одесскія Новости» отъ 30 октября, оставляя за собою право привлечь градоначальника въ будущемъ къ суду и призывая въ свидѣтели городского голову Крыжановскаго и отчасти прокурора судебной палаты Поллана, возражаетъ, что ни 18 октября, ни въ другое время онъ никогда не произносилъ народу рѣчи на площади думы, или вообще подъ открытымъ небомъ; съ градоначальникомъ же онъ говорилъ не отъ себя, но по порученію совѣщательнаго при городскомъ головѣ комитета, уполномочившаго его заявить ему о необходимости вооружить населеніе для защиты отъ хулигановъ и желательности созданія милиціи, при чемъ вовсе не упоминалъ о разоруженіи городовыхъ захватнымъ правомъ.

Для соображенія при опредѣленіи причинъ возникновенія въ Одессѣ октябрьскихъ безпорядковъ, собраны были мною, чрезъ посредство прокурора Одесской судебной палаты, свѣдѣнія о происходившихъ въ то же время погромахъ въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ Новороссійскаго края, какъ-то: въ Херсонѣ, Николаевѣ, Елисаветградѣ, Кишиневѣ, Симферополѣ, Ѳеодосіи, Винницѣ, Балтѣ и др. Повсемѣстно возникли они въ самый день или на слѣдующій по полученіи на мѣстахъ извѣстія о воспослѣдовавшемъ 17 октября Высочайшемъ Манифестѣ и были вызваны крайнимъ возбужденіемъ русскаго населенія противъ революціонной дѣятельности евреевъ и ихъ оскорбительнымъ для русскаго національнаго чувства обращеніемъ; вслѣдствіе чего устраиваемыя ими демонстраціи встрѣчали противодѣйствіе въ русскихъ патріотическихъ манифестаціяхъ; евреи отвѣчали на нихъ выстрѣлами, которые и служили ближайшимъ поводомъ къ погромамъ, направленнымъ противъ ихъ жизни и имущества. Знаменательно однако то, что въ тѣхъ городахъ и мѣстностяхъ, гдѣ полиція и войска дѣйствовали энергично, погромы производились въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ и оканчивались весьма быстро. Такъ, въ Каменецъ-Подольскѣ, благодаря умѣлымъ и своевременнымъ дѣйствіямъ войскъ и полиціи, всѣ попытки толпы произвести разгромъ евреевъ были отражены и безпорядокъ ограничился только разгромомъ рундуковъ на базарѣ и разбитіемъ

оконъ въ нѣкоторыхъ домахъ и лавкахъ, а въ городахъ Херсонѣ и Николаевѣ начавшійся разгромъ былъ прекращенъ въ самомъ началѣ, вслѣдствіе того, что явившіяся для прекращенія безпорядковъ войска залпами, направленными въ громилъ, разогнали ихъ и не дали имъ возможности вновь собраться.

Изложенными обстоятельствами исчерпываются добытыя моимъ разслѣдованіемъ фактическія данныя, выясняющія условія, при которыхъ протекли въ Одессѣ безпорядки, причины, ихъ вызвавшія, размѣры постигшаго городъ бѣдствія и порядокъ дѣйствія мѣстныхъ властей по принятію мѣръ къ предупрежденію и подавленію кровавыхъ столкновеній, происшедшихъ 18—22 октября между двумя враждебно одна къ другой настроенными, частями населенія.

Въ извѣстныхъ слояхъ мѣстнаго общества, хотя принадлежащихъ къ различнымъ классамъ населенія, но объединенныхъ одними и тѣми же взглядами на современное движеніе и преслѣдующихъ своимъ участіемъ въ немъ однѣ и тѣ же цѣли, сложилось убѣжденіе, что событія октябрьскихъ дней исключительно порождены образомъ дѣйствій бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгарта, для опредѣленія которыхъ въ недавнее время выдвинуто, въ аналогичныхъ случаяхъ, спеціальное слово «провокаторство». Принимая это выраженіе въ смыслѣ дѣйствія, умышленно вызывающаго или допускающаго преступныя послѣдствія, подстрекающаго къ ихъ достиженію, или завѣдомо создающаго благопріятныя для нихъ условія, слѣдуетъ признать, что оно къ данному случаю не имѣетъ никакого примѣненія, за отсутствіемъ всякихъ фактическихъ къ тому основаній.

Вслѣдъ за октябрьскими событіями, для ихъ разслѣдованія, образовалось въ Одессѣ нѣсколько комиссій, въ томъ числѣ при университетѣ, при городской думѣ и при совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ. Эти три комиссіи, состоявшія изъ лицъ, принадлежащихъ къ симъ учрежденіямъ предоставили въ мое распоряженіе собранный ими матеріалъ, направленный, между прочимъ, къ изобличенію не-

правильныхъ дѣйствій градоначальника, но, по тщательной повѣркѣ, подъ моимъ наблюденіемъ, этого матеріала двумя состоявшими при мнѣ старшими чиновниками, въ немъ не усмотрѣно мною сколько-нибудь доказательныхъ данныхъ, на которыхъ могло бы быть построено обвиненіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейдгарта въ провокаторской дѣятельности въ указанномъ выше смыслѣ.

Напротивъ, всестороннее изслѣдованіе обстоятельствъ, при которыхъ среди пребывающаго въ Одесскомъ портѣ русскаго населенія, преимущественно рабочихъ, зародилась и получила осуществленіе мысль о патріотической манифестаціи, направленной въ подрывъ происходившимъ 18 октября въ городѣ революціоннымъ демонстраціямъ евреевъ, сопровождавшимся наглымъ и дерзкимъ попираніемъ вѣрноподданническихъ и національныхъ чувствъ благонамѣренной части русскаго населенія,—не обнаружило рѣшительно никакихъ обстоятельствъ, указывающихъ на то, чтобы даже кто-либо изъ органовъ полиціи принялъ участіе въ организаціи патріотической манифестаціи, съ цѣлью допустить между нею и революціонными группами евреевъ столкновеніе, принявшее столь огромные размѣры.

Собранными, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣдѣніями объ обстоятельствахъ, при которыхъ, вслѣдъ за объявленіемъ Высочайшаго Манифеста 17 октября, произошли въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ юга Россіи безпорядки, носившіе, такъ же какъ и въ Одессѣ, характеръ еврейскаго погрома, выяснено, что повсемѣстно возникли они исключительно вслѣдствіе вызывающаго образа дѣйствій революціонеровъ, въ значительнѣйшей мѣрѣ изъ евреевъ, принявшихъ дарованныя Манифестомъ права въ смыслѣ упраздненія всякаго законнаго порядка и водворенія анархіи, въ которой они стали хозяевами положенія и перестали считаться даже съ достоинствомъ Верховной власти и русскаго имени. Избранные ими по отношенію къ остальной части населенія способы дѣйствія, полные презрѣнія къ личности и насилія надъ нею, въ формѣ предъявленія различнаго рода требованій, касавшихся труда и имущества и сопровождавшихся угрозами, нерѣдко приводившимися въ исполненіе,—до крайности

озлобили мѣстное населеніе и неизбѣжно должны были вызвать, и въ дѣйствительности вызвали, реактивное съ его стороны движеніе, выразившееся въ погромахъ, ставшихъ еврейскими потому только, что представители этой именно народности заполнили главнымъ образомъ ряды революціонеровъ. Насущные интересы мирныхъ гражданъ слишкомъ живо были ими затронуты, чтобы не вызвать противодѣйствія, проявившагося, къ сожалѣнію, въ цѣломъ рядѣ дѣяній жестокихъ и преступныхъ, соединенныхъ съ массовыми убійствами и покушеніями, а также значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ.

Такого рода явленія, отнюдь нетерпимыя въ благоустроенномъ государствѣ, требуютъ всесторонняго изслѣдованія порядка дѣйствій органовъ власти на предметъ опредѣленія: были ли ими предприняты всѣ установленныя закономъ и вызываемыя ходомъ событій мѣры къ предупрежденію и подавленію безпорядковъ, имѣвшихъ такія гибельныя послѣдствія?

Разсмотрѣвъ въ отдѣльномъ производствѣ дѣйствія классныхъ нижнихъ чиновъ Одесской городской полиціи, о возбужденіи противъ которыхъ уголовнаго преслѣдованія состоялись, какъ выше упомянуто, постановленія мои отъ 9 и 16 декабря 1905 года, и войдя въ обсужденіе распоряженій и дѣйствій занимавшаго во время октябрьскихъ безпорядковъ должность одесскаго градоначальника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейдгарта, я нашелъ, что произведеннымъ въ этомъ отношеніи, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ отъ 22 сентября 1880 года (собр. узак. № 97), 23 марта и 16 ноября 1905 года (собр. узак. №№ 51 и 225), особымъ разслѣдованіемъ выяснены нижеслѣдующія обстоятельства.

Появившаяся 18 октября утромъ на Одесскихъ улицахъ толпа молодыхъ евреевъ, студентовъ и учащихся, въ началѣ мирно, повидимому, торжествовавшая оглашенный утромъ этого дня воспослѣдовавшій наканунѣ Высочайшій Манифестъ, весьма скоро, какъ только достигла зданія городской думы, приняла ярко выраженный революціонный характеръ: среди толпы развѣвались крас-

ные флаги съ возмутительными на нихъ надписями, несли чучело безъ головы съ надписью «вотъ Самодержавіе», на крышѣ зданія думы національный флагъ былъ замѣненъ краснымъ, на фронтонѣ сорвана металлическая надпись «Боже, Царя храни», а внутри зданія, въ залѣ засѣданія, дерзновенно порванъ портретъ Государя Императора; толпа допускала издѣвательства надъ русскими, и въ ней слышались возгласы, въ родѣ: «мы дали вамъ Бога, дадимъ и царя»; появились ораторы, возбуждавшіе своими рѣчами недовольство толпы дарованными правами и приглашавшіе ее къ тому, чтобы насиліемъ и терроромъ добиваться учрежденія демократической республики. Такія дѣйствія толпы, не потому только, что они носили на себѣ всѣ признаки караемаго 121 статьею уголовнаго уложенія преступленія, требовавшаго немедленнаго прекращенія дальнѣйшаго его совершенія, но главнымъ образомъ потому, что послѣдующія проявленія мятежнаго настроенія толпы угрожали самою серьезною опасностью,—обязывали власть принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы безотлагательно подавить смуту.

Между тѣмъ, около полудня, градоначальникъ Нейдгартъ отдалъ по телефону распоряженіе, чтобы на всемъ пространствѣ города сняты были городовые со всѣхъ наружныхъ постовъ, что и было вслѣдъ за симъ исполнено. Одновременно воинскія части, по распоряженію командующаго войсками, стянуты были съ улицъ въ помѣщенія полицейскихъ участковъ для того, какъ объясняетъ баронъ Каульбарсъ въ рапортѣ военному министру, отъ 12 ноября за № 23657, чтобы «дать населенію возможность безпрепятственно использовать предоставляемую Манифестомъ свободу во всѣхъ видахъ». Городъ, такимъ образомъ, былъ оставленъ безъ всякой наружной охраны. Описанное поведеніе толпы, между тѣмъ, безпрепятственно продолжалось до вечера, когда на окраинѣ его, между нею и рабочими завода Гена, произошло кровавое столкновеніе, для прекращенія котораго вызвана была мѣстнымъ приставомъ рота солдатъ, находившаяся во дворѣ полицейскаго участка.

Въ разъясненіе своего образа дѣйствій градоначальникъ Нейд-

гартъ, въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30 октября за № 3818, указываетъ на обстоятельства, совершенно несогласныя съ данными, установленными разслѣдованіемъ. Такъ, указаніе его на то, что къ нему съ утра начали поступать свѣдѣнія объ истязаніяхъ, издѣвательствахъ и убійствѣ во всѣхъ частяхъ города городовыхъ, изъ числа коихъ было убито 2, ранено 10 и обезоружено 22, фактически невѣрно, такъ какъ удостовѣрено, что распоряженіе его о снятіи городовыхъ съ постовъ послѣдовало въ то время, когда былъ раненъ одинъ лишь городовой Губій, вскорѣ умершій, и обезоружено трое; изъ остальныхъ же 11 были ранены, а 6 подвергались нападенію съ цѣлью отобранія оружія въ послѣдующее уже время, когда распоряженіе было приведено въ исполненіе. Равнымъ образомъ несогласна съ истиной ссылка на единогласное заявленіе, сдѣланное ему всѣми городовыми, о нежеланіи стать порознь на посты, въ виду того, что таковые заняла городская милиція изъ вооруженныхъ въ университетѣ студентовъ и другихъ лицъ. Какъ видно изъ дневника, веденнаго, по порученію градоначальника Нейдгарта, чиновниками особыхъ при немъ порученій, и показанія одного изъ нихъ, Подольцева, городовые были собраны къ градоначальнику не 18-го, но 21-го, и заявили только о несогласіи занять посты, пока не будетъ увеличено имъ содержаніе. Прочія объясненія градоначальника Нейдгарта, изложенныя въ упомянутомъ его представленіи за № 3818, состоятъ въ томъ, что 18-го утромъ къ нему явились, по его приглашенію, городской голова Крыжановскій и, въ качествѣ представителя академическаго союза, профессоръ университета Щепкинъ, предъявившіе ему требованія о томъ, чтобы «убрать войска, дабы они не раздражали публику, и немедленно разоружить и спрятать полицію», при чемъ Щепкинъ пояснилъ, что существуетъ «другая охрана» и что «полиція будетъ разоружена захватнымъ правомъ». Въ приведенномъ выше фактическомъ изложеніи обстоятельствъ дѣла указаны показанія заслуживающихъ довѣрія свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что Крыжановскій и Щепкинъ никакихъ требованій, лично отъ себя, не заяв-

ляли, а передали содержаніе лишь тѣхъ требованій, на предъявленіе которыхъ уполномочили ихъ союзныя организаціи; что означенная угроза Щепкинымъ произнесена не была и что упоминаніе о «захватномъ правѣ» сдѣлано было самимъ Нейдгартомъ при выясненіи способа, которымъ полицейская стража, въ случаѣ его несогласія удалить ее, можетъ быть замѣнена «другою охраною». На самомъ дѣлѣ, какъ установлено разслѣдованіемъ, вскорѣ послѣ разговора съ городскимъ головою и профессоромъ Щепкинымъ, около полудня, отданы были приказанія: градоначальникомъ Нейдгартомъ о снятіи съ постовъ городовыхъ и командующимъ войсками объ удаленіи съ улицъ войскъ и о сосредоточеніи ихъ въ помѣщеніяхъ полицейскихъ участковъ. Оба эти распоряженія, такимъ образомъ, находились не только въ непосредственной связи съ означенными заявленіями, но являлись прямыми ихъ послѣдствіями— недостойною уступкою высшихъ представителей власти не только противозаконнымъ, но дерзкимъ требованіямъ, отъ кого бы они ни исходили, отъ названныхъ ли лицъ, или отъ организацій, уполномочившихъ ихъ на передачу таковыхъ. Этотъ послѣдній выводъ прямо вытекаетъ изъ показаній полицеймейстера Головина и начальника мореходнаго училища, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гавришева, свидѣтельствующихъ о томъ, что самъ Нейдгартъ сказалъ имъ, что согласился допустить студенческую милицію; впослѣдствіи же, 20-го числа, когда событія приняли особенно тревожный оборотъ, онъ жаловался Гавришеву на то, что этотъ, по его выраженію, «каналья Щепкинъ» обманулъ его, завѣривши, что порядокъ будетъ вполнѣ соблюденъ, если послѣдуетъ распоряженіе объ удаленіи полиціи.

Изложенныя данныя ясно указываютъ на то, что градоначальникъ Нейдгартъ 18 октября не только лично, или черезъ подвѣдомую ему полицію, или при помощи войскъ, не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы разсѣять собравшуюся на улицахъ города революціонно настроенную толпу, явно выражавшую неуваженіе Верховной власти и сочувствіе бунту, стремящемуся къ насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ строя, но

произвольно, безъ всякихъ, достойныхъ уваженія, причинъ и вопреки указаніямъ закона, отдалъ распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ и этимъ лишилъ населеніе охраны, а себя тѣхъ органовъ власти, черезъ которыхъ имѣлъ возможность подавить смуту и водворить порядокъ. На-ряду съ этимъ, въ городѣ допущена была студенческая милиція, составленная, какъ оказалось, изъ лицъ крайнихъ партій революціоннаго направленія; она не ограничивала круга своихъ дѣйствій отраженіемъ нападеній на евреевъ и ихъ имущество, но обстрѣливала проходившія по улицамъ войска; и тѣмъ не менѣе городская дума, въ засѣданіи 18 октября, постановила: «выразить искреннюю и глубокую благодарность студентамъ Новороссійскаго университета за ихъ энергичныя, разумныя и самоотверженныя дѣйствія по охраненію порядка въ городѣ 18 октября». Съ своей стороны, полицеймейстеръ Головинъ того же числа докладывалъ градоначальнику Нейдгарту о необходимости устранить милицію и возстановить посты городовыхъ, указывая на невозможность водворенія порядка при допущеніи милиціи и, такъ какъ его представленіе не было уважено, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности и былъ замѣненъ другимъ лицомъ.

При такомъ состояніи, въ которомъ находился городъ 18-го числа, когда наружная полиція была, ея же начальствомъ, устранена и допущена, вмѣсто нея, частная милиція; когда войска были удалены съ улицъ; когда произошелъ, такимъ образомъ, захватъ власти, добровольно уступленной самими ея представителями; когда, наконецъ, скопища евреевъ и революціонеровъ продолжали совершать на улицахъ описанныя безчинства, завершившіяся вечеромъ кровавымъ столкновеніемъ,—казалось бы, что со стороны высшаго представителя административной власти въ городѣ необходимо должны были быть приняты дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы на слѣдующій день предотвратить самую возможность возобновленія продолженія прежнихъ безпорядковъ.

Представлялось это тѣмъ болѣе необходимымъ, что на 19-е были назначены торжественныя похороны убитыхъ 16-го на баррикадахъ и что о демонстративномъ характерѣ этихъ похоронъ возможно

было судить уже по одному тому, что дума единогласно наканунѣ постановила принять въ нихъ участіе въ полномъ составѣ. 18-го, поздно вечеромъ, къ командующему войсками, какъ видно изъ его рапорта военному министру отъ 12 ноября за № 23657, явились двѣ депутаціи—отъ думы и университета—съ ходатайствомъ о снятіи войскъ на пути слѣдованія процессіи, на что генералъ баронъ Каульбарсъ изъявилъ согласіе, подъ условіемъ принятія на себя депутаціями ручательства за соблюденіе во время похоронъ полнаго порядка.

Между тѣмъ, съ утра 19-го на улицахъ, по которымъ ожидалось погребальное шествіе, стали собираться значительныя группы евреевъ, всюду развѣшивались черные флаги, даже на зданіи полиціи. Полиція и войска отсутствовали. Одновременно распространилось извѣстіе о томъ, что изъ порта двинулась въ городъ состоявшая изъ русскихъ рабочихъ и артельщиковъ, патріотическая манифестація съ иконами, хоругвями и портретомъ Государя Императора. Лица, распоряжавшіяся похоронами, признали необходимымъ отмѣнить ихъ въ виду возможнаго столкновенія этой манифестаціи съ революціонерами и другими евреями, собравшимися по случаю ожидавшейся погребальной процессіи. Однако и въ этомъ случаѣ, явно угрожавшемъ, несмотря даже на отмѣну похоронъ, крупными безпорядками, обусловленными на этотъ разъ не только обычными причинами еврейскихъ погромовъ, но, главнымъ образомъ, политическою смутою, внесенною революціонерами и евреями,—градоначальникъ Нейдгардъ не обнаружилъ ни элементарной предусмотрительности, ни какой-либо распорядительности. О выходѣ изъ порта патріотической манифестаціи онъ, какъ свидѣтельствуетъ помощникъ полицеймейстера Кисляковскій, былъ извѣщенъ по телефону новымъ полицеймейстеромъ фонъ-Гесбергомъ словами: «уже идетъ манифестація», какъ бы указывавшими на то, что ему заранѣе было извѣстно о готовившейся манифестаціи, и такое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи прокурора судебной палаты Поллана, слышавшаго отъ него наканунѣ утромъ о томъ, что онъ эту манифестацію разрѣшилъ. Но 18-го событія всего дня при-

няли такіе, угрожавшіе порядку, размѣры, что если разрѣшеніе и было дано, то простая осторожность обязывала напряженно блюсти за тѣмъ, чтобы вполнѣ вѣроятное столкновеніе между двумя враждебными партіями не могло произойти. Возможно было, съ одной стороны, разсѣять образовавшіяся на улицахъ скопища евреевъ и революціонеровъ, вызвавъ для этого, въ случаѣ надобности, войска; съ другой же—ограничить задачи патріотической манифестаціи торжественнымъ служеніемъ на Соборной площади молебствія, которое и было отслужено, но не допускать дальнѣйшаго шествія ея по улицамъ. Однако, въ дѣйствительности, никакихъ распоряженій въ этихъ серьезнѣйшихъ обстоятельствахъ градоначальникомъ Нейгартомъ сдѣлано не было, и вслѣдъ за окончаніемъ молебствія, когда манифестація двинулась дальше, въ нее стали стрѣлять и бросать разрывные снаряды. Не взирая на жертвы среди русскихъ людей, она въ началѣ мирно продолжала свое шествіе, но вскорѣ бросилась избивать нападавшихъ, и начался погромъ, ставшій стихать лишь 21-го, подъ вечеръ, и закончился 22-го утромъ, благодаря расклееннымъ по городу 21-го и 22-го объявленіямъ командующаго войсками о томъ, что войскамъ приказано: а) не останавливаться передъ разрушеніемъ домовъ, изъ которыхъ будутъ стрѣлять и бросать бомбы и б) истреблять на мѣстѣ оружіемъ всѣхъ безъ исключенія грабителей, нападающихъ на дома, магазины и мирныхъ жителей.

Подобный образъ дѣйствій градоначальника Нейдгарта могъ быть до нѣкоторой степени понятенъ, если бы, одновременно съ произвольнымъ снятіемъ городовыхъ съ постовъ, онъ, сознавъ свое безсиліе, хотя и не исчерпавъ, какъ требуетъ этого законъ, всѣхъ находившихся въ его распоряженіи средствъ къ подавленію смуты, передалъ эту задачу всецѣло въ руки военнаго начальства для дѣйствія силою оружія самостоятельно и по собственному усмотрѣнію, въ порядкѣ, опредѣленномъ 16 и 17 статьями приложенія къ 316 ст. общаго губернскаго учрежденія (т. II, ч. I св. зак., изд. 1892 г.). Но изъ письма ко мнѣ командующаго войсками Одесскаго военнаго округа отъ 13 декабря за № 33 и отзыва начальника штаба округа

отъ того же числа за № 25458 видно, что такого требованія градоначальникомъ Нейдгартомъ за все время безпорядковъ военной власти предъявлено не было. 13-го числа онъ, не взирая на то, что, по его распоряженію, сняты были съ постовъ городовые, не обращался къ ней для разсѣянія мятежной толпы, безчинствовавшей, какъ выше указано, до вечера на улицахъ; 19-го же, письмомъ, посланнымъ, какъ значится на немъ, въ 12 ч. 40 м. дня, просилъ генерала барона Каульбарса «не допускать процессій съ красными флагами, торжественныхъ похоронъ убитыхъ 16-го на баррикадахъ и еврейскаго погрома», между тѣмъ, какъ въ означенное время такихъ процессій уже не было и похороны были самими же распорядителями съ ранняго утра отмѣнены. Оставалось лишь не допускать начавшагося приблизительно съ полудня погрома, относительно котораго на обязанности гражданской власти лежало, на точномъ основаніи 16 статьи, опредѣлить время, когда войска должны приступить къ дѣйствію оружіемъ, но сдѣлано этого не было. Градоначальникъ, какъ указываетъ означенное это письмо, продолжалъ сохранять за собою власть по подавленію погрома, и, на-ряду съ этимъ, войска дѣйствовали силою оружія, не получая на то отъ гражданскаго начальства ни отдѣльныхъ указаній, ни общаго полномочія. Такъ продолжалось и въ послѣдующіе дни погрома.

Такая неопредѣленность въ соотношеніи гражданскихъ и военныхъ властей, идущая въ разрѣзъ съ положительными и не вызывающими сомнѣній указаніями закона, имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что какъ начальники воинскихъ частей, такъ равно и полицейскіе чины не отдавали себѣ яснаго отчета въ существѣ лежащихъ на нихъ обязанностей и, не имѣя ни общаго наставленія, ни отдѣльныхъ указаній относительно порядка и способа дѣйствій на мѣстахъ столкновеній и, разгромовъ, никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ подавленію безпорядковъ не принимали. Обстрѣливая, во время обходовъ патрулями по городу, окна и двери тѣхъ домовъ, изъ коихъ, по указаніямъ городовыхъ—нерѣдко невѣрнымъ и ложнымъ, производились выстрѣлы, и разгоняя выстрѣлами появлявъ-

шіяся на улицахъ группы милиціи и обороны, войска и полиція не предпринимали рѣшительно никакихъ мѣръ къ прекращенію разгрома еврейскихъ квартиръ и лавокъ, избіенія евреевъ и разграбленія ихъ имущества. Громилы, принадлежавшіе, по преимуществу, къ подонкамъ населенія, такъ называемые хулиганы, нерѣдко совершали преступленія на глазахъ войскъ и полиціи, иногда даже при ихъ участіи, и не были задерживаемы, чему въ значительной мѣрѣ должна быть приписана — чрезвычайная продолжительность погрома.

Отсутствіе должной распорядительности при подавленіи безпорядковъ 18—22 октября нельзя также, въ извѣстной степени, не отнести къ необычайной путаницѣ—не имѣющей, конечно, ничего общаго съ единствомъ дѣйствій гражданской и военной властей,—въ распредѣленіи лежащихъ на каждой изъ нихъ по закону обязанностей. Несмотря на то, что дѣло подавленія смуты не было за всѣ эти дни передаваемо военному начальству для дѣйствія оружіемъ вполнѣ самостоятельно и по собственному усмотрѣнію (16 и 17 ст. прил. къ 316 ст. общ. губ. учр.), командующій войсками неоднократно, какъ было упомянуто въ первой части отчета, принималъ у себя депутаціи отъ городской думы и университета и, согласно ихъ ходатайствамъ, дважды дѣлалъ распоряженіе объ удаленіи съ улицы войскъ, при такихъ обстоятельствахъ, которыя, какъ 18-го, уже заключали въ себѣ признаки преступленія, требовавшаго немедленнаго прекращенія его совершенія, или, какъ 19-го, угрожали серьезнѣйшею опасностью государственному порядку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отвѣчалъ депутаціямъ, просившимъ о принятіи военнымъ начальствомъ въ свои руки подавленія безпорядковъ, что удовлетвореніе ихъ ходатайства возможно только при введеніи въ городѣ, по Высочайшему повелѣнію, военнаго положенія, каковое разъясненіе вовсе не согласуется съ приведенными статьями, а также 19-й означеннаго приложенія. Затѣмъ, 20-го, въ домѣ градоначальника и въ его присутствіи, генералъ баронъ Каульбарсъ давалъ собраннымъ полицейскимъ приставамъ наставленіе, начинавшееся едва-ли умѣстнымъ заявленіемъ, что «мы всѣ сочувствуемъ погрому», и опре-

дѣляя такое вступленіе тѣмъ, что «надо называть вещи ихъ именами». Само собою разумѣется, что такого рода дѣйствія, какъ пріемъ депутацій по вопросу о порядкѣ прекращенія волненія, снятіе съ улицъ войскъ по ихъ ходатайствамъ, наставленіе полиціи, могли быть допущены только въ случаѣ полнаго принятія на себя военнымъ начальствомъ власти по прекращенію волненій и устраненія себя отъ дальнѣйшихъ распоряженій градоначальника, котораго, на точномъ основаніи только-что указанной 19 статьи, военное начальство, признавъ предназначенную ему цѣль достигнутою, увѣдомляетъ о томъ, прекращая вмѣстѣ съ тѣмъ свои дѣйствія.

Соотношеніе военной и гражданской властей опредѣлилось на все время безпорядковъ утвержденнымъ 15 октября 1905 года командующимъ войсками наставленіемъ о порядкѣ вызова войскъ на случай безпорядковъ въ гор. Одессѣ. Установленъ былъ особый нарядъ дежурныхъ частей отъ войскъ гарнизона, которыя вызываются обращеніемъ градоначальника къ командирамъ частей, или непосредственно къ начальникамъ дежурныхъ частей, путемъ письменныхъ сношеній или по телефону съ указаніемъ въ послѣднемъ случаѣ секретнаго ключа. Войска гарнизона были распредѣлены по девяти городскимъ полицейскимъ участкамъ и имъ предписано строго руководствоваться правилами, изложенными въ приложеніи 2-мъ къ уставу гарнизонной службы. Независимо отъ этого, разслѣдованіемъ выяснено, что еще въ 1904 г. послѣ Кишиневскаго погрома, между командующимъ войсками барономъ Каульбарсомъ и градоначальникомъ Нейдгартомъ состоялось соглашеніе, согласно которому, какъ усматривается изъ отзыва ко мнѣ начальника штаба округа генерала Безрадецкаго отъ 13 декабря за № 25458, городъ Одесса, на случай народныхъ волненій, былъ раздѣленъ на участки, каждый изъ которыхъ состоялъ въ вѣдѣніи особаго воинскаго начальника, распоряжавшагося самостоятельно и отвѣчавшаго за спокойствіе въ немъ; полиція оказывала лишь содѣйствіе войскамъ. Мѣры этого рода принимались не только, когда разгоралось народное волненіе, но и въ ожиданіи предстоящихъ волненій. Это послѣднее обстоятельство было причиною того, что войска вынуждены были дѣй-

ствовать самостоятельно, не получая указаній администраціи о передачѣ дѣла усмиренія въ руки войскъ. Разбросанныя на огромномъ пространствѣ города, имѣя около себя лишь низшихъ чиновъ полиціи, войска должны были дѣйствовать самостоятельно, что̀ имъ и было неоднократно приказано командующимъ войсками.

Не говоря уже о полномъ несоотвѣтствіи этого порядка съ ясными требованіями не разъ уже приведенныхъ выше правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, — на нецѣлесообразность его въ данномъ случаѣ достаточно указываютъ условія, при которыхъ протекалъ погромъ, его продолжительность, число человѣческихъ жертвъ и размѣръ причиненнаго населенію матеріальнаго ущерба. Самое соглашеніе, послѣдовавшее болѣе, чѣмъ за годъ до наступленія октябрьскихъ событій, и, къ тому же, на словахъ, что̀ лишаетъ возможности судить о степени его обоснованности, не могло быть сообразовано съ обстоятельствами, въ которыхъ они проявятся, между тѣмъ какъ въ прямой зависимости отъ характера и размѣра событій находилось принятіе тѣхъ или другихъ, указанныхъ въ законѣ, мѣръ. Въ Потемкинскіе дни, градоначальникъ Нейдгартъ, сознавъ свое безсиліе подавить мятежъ, передалъ въ десятомъ часу утра, 15 іюня 1905 г., въ самомъ началѣ безпорядковъ, всѣ распоряженія по прекращенію ихъ командовавшему въ то время войсками генералу Каханову, признавъ, повидимому, всю непримѣнимость означеннаго соглашенія, послѣдовавшаго, при томъ, съ другимъ представителемъ высшей военной власти. Быть можетъ, и въ данномъ случаѣ онъ сознавъ совершенную его несостоятельность, такъ какъ въ сношеніяхъ своихъ съ барономъ Каульбарсомъ въ теченіе октябрьскихъ дней ни разу не ссылался, письменно по крайней мѣрѣ, на содержаніе этого соглашенія. Но въ такомъ случаѣ почему же не обратился онъ къ тому, слагавшему съ него всякую отвѣтственность за послѣдствія, порядку, къ которому онъ съ такою поспѣшностью прибѣгъ въ Потемкинскіе дни? Точное велѣніе закона было несомнѣнно ему извѣстно, такъ какъ всего за четыре мѣсяца до октябрьскихъ событій онъ самъ его примѣнилъ. Если тѣмъ не менѣе онъ руковод-

ствовался означеннымъ соглашеніемъ, съ добавленіемъ упомянутаго наставленія войскамъ отъ 15 октября, считая ихъ исчерпывающими всѣ случаи обращенія къ военному начальству въ случаяхъ народныхъ волненій, то справедливость требуетъ признать такой порядокъ дѣйствій нарушающимъ кореннымъ образомъ законъ и ведущимъ къ бѣдствіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя постигли Одессу въ минувшемъ октябрѣ.

Если такова была распорядительность градоначальника Нейдгарта въ мятежные октябрскіе дни, то, съ другой стороны, надо признать, что за это время онъ развернулъ особенную дѣятельность въ изданіи и распространеніи по городу разнаго рода обращенныхъ къ населенію объявленій, касающихся текущихъ событій. Въ числѣ ихъ останавливаетъ на себѣ преимущественное вниманіе выпущенное 17-го октября объявленіе, составленное по поводу безграмотнаго и безсвязнаго письма отъ имени тридцати тысячъ одесскихъ мѣщанъ, подписаннаго однимъ лицомъ, безъ всякой ссылки на какія-либо, данныя ему на то, полномочія и заключавшаго въ себѣ просьбу принять мѣры противъ революціонной агитаціи университета. Не предпринявъ никакихъ дѣйствій съ цѣлью провѣрить содержаніе и удостовѣриться въ происхожденіи этого письма, которое, по объясненію, данному при моемъ разслѣдованіи мѣщанскимъ старостою, не могло безъ его вѣдома появиться отъ столь многочисленной группы одесскихъ мѣщанъ, градоначальникъ Нейдгартъ, придавъ въ своемъ объявленіи этому письму удобопонятную форму, присовокупилъ отъ себя, что онъ обращался къ ректору и совѣту университета о прекращеніи въ подвѣдомомъ имъ зданіи собраній съ участіемъ постороннихъ лицъ, сопровождавшихся возмутительными сборами на вооруженіе бойцовъ, но ничего по этому поводу ими не сдѣлано. Изложивъ затѣмъ ходъ послѣднихъ событій, какъ, то: забастовокъ, «страшно поднявшихъ цѣны на жизненные припасы», безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, вызвавшихъ ложные слухи, сооруженія баррикадъ, стрѣльбы съ многими человѣческими жертвами, градоначальникъ оканчиваетъ объявленіе воззваніемъ къ населенію: «Кто во всемъ виноватъ—рѣшайте сами, люди благонамѣ-

ренные». Такое объявленіе, изданное при томъ по весьма сомнительному поводу, не могло, конечно, способствовать успокоенію населенія; напротивъ, оно способно было только вызвать раздраженіе и связанныя съ нимъ новыя замѣшательства, которыя еще болѣе затруднили бы мѣстную администрацію, обнаружившую и безъ того достаточную растерянность. 18 октября, по случаю происходившихъ за день до того уличныхъ безпорядковъ, во время которыхъ задержаны были полиціею дѣти, градоначальникъ объявлялъ населенію о невѣрныхъ разъясненіяхъ, данныхъ ему шестью мировыми судьями относительно наказуемости дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ. 20-го, вслѣдъ за напечатаннымъ въ вѣдомостяхъ градоначальства (№ 222) воззваніемъ «къ Одесскимъ гражданамъ», увѣщевавшимъ ихъ всѣми силами убѣжденія и слова содѣйствовать успокоенію умовъ и водворенію порядка, онъ выпустилъ еще два объявленія: одно, помѣченное 11-ью часами утра, и другое,—часомъ дня; въ первомъ, объясняя, что снятіе полицейской охраны было вызвано многочисленными нападеніями на единичныхъ городовыхъ, что посылаются патрули и что никакой законом установленной милиціи въ городѣ нѣтъ, онъ просилъ остановить стрѣльбу изъ оконъ во избѣжаніе разрушенія артиллеріей домовъ, изъ которыхъ стрѣляютъ; во второмъ же указывалъ на то, что многочисленныя просьбы жителей о возстановленіи полицейской охраны не могутъ получить удовлетворенія иначе, какъ «если около каждаго городового станетъ десять гражданъ, которымъ онъ довѣритъ свою жизнь». Приведенныя объясненія поражаютъ своею безцѣльностью въ смыслѣ мѣръ, направленныхъ къ водворенію порядка; тѣ изъ нихъ, которыя касаются университета, мировыхъ судей и возстановленія полицейской охраны, въ состояніи вызвать одно раздраженіе, особенно послѣднее, ни мало не сообразованное съ возможностью осуществить поставленное условіе въ такихъ смутныхъ и тревожныхъ обстоятельствахъ, когда забота каждаго мирнаго обывателя была исключительно сосредоточена на сохраненіи своей жизни. Всѣхъ объявленій и постановленій за эти дни было выпущено четырнадцать. Послѣднее изъ нихъ, помѣченное 26-мъ октября, когда порядокъ

уже водворился, замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно вынесло на улицу упоминаемые ранѣе переговоры, происходившіе 18-го числа между градоначальникомъ и профессоромъ Щепкинымъ, объ удаленіи войскъ и обезоруженіи городовыхъ. Возражая на это объявленіе въ № «Одесскихъ Новостей» отъ 30 октября, Щепкинъ заявилъ, что оставляетъ за собою право привлечь градоначальника къ суду за взводимыя имъ на него обвиненія. Нельзя, наконецъ, не упомянуть о получившемъ въ Одессѣ значительную огласку печатномъ приказѣ градоначальника по полиціи за № 205, отданномъ 29 сентября, т. е. наканунѣ снятія съ города военнаго положенія, въ то время, когда наружный порядокъ нарушаемъ въ немъ не былъ. Въ этомъ приказѣ по поводу газетныхъ описаній Московскихъ безпорядковъ, при которыхъ городовые стрѣляли холостыми патронами, градоначальникъ Нейдгартъ указывалъ Одесской полиціи что «холостыхъ патроновъ нѣтъ, и промаховъ въ Одесской полиціи, быть не должно; это лучшее средство не давать безпорядку разростись». Какъ показали послѣдствія, угроза населенію, ничѣмъ съ его стороны тогда не вызванная, не подѣйствовала; наступившіе же черезъ двѣ недѣли въ Одессѣ безпорядки, по своей продолжительности и понесеннымъ жертвамъ, достигли ужасающихъ размѣровъ.

За все это время безпорядковъ градоначальникъ всего одинъ разъ выѣзжалъ въ объѣздъ по городу подъ усиленнымъ конвоемъ казаковъ и при томъ 21-го, на четвертый день вечеромъ, когда погромъ сталъ уже стихать; впрочемъ, 19-го, также со взводомъ казаковъ, онъ ѣздилъ на молебствіе въ соборъ. Остальное же время онъ пребывалъ дома, требуя и отъ приставовъ безотлучнаго нахожденія въ участкахъ, вслѣдствіе чего они и ихъ помощники изъ опасенія за свою жизнь, весьма рѣдко появлялись на улицахъ, а на мѣстахъ наиболѣе крупныхъ столкновеній вовсе не появлялись. Относительно городовыхъ, хотя и было отдано градоначальникомъ приказаніе посылать ихъ патрулями по городу, но въ этого рода службу никакой организаціи и надзора внесено не было: патрули дѣйствовали внѣ всякаго наблюденія за ними, и появленіе ихъ ни мало не способствовало прекращенію, или, по крайней мѣрѣ, ослабленію разгро-

мовъ; бывали даже случаи, что они появлялись на мѣстахъ событій нерѣдко переодѣтыми, въ качествѣ участниковъ погрома и грабежей.

Наконецъ, проявленія бездѣятельности градоначальника Нейдгарта выразились и въ томъ, что онъ отказывалъ въ помощи лицамъ и учрежденіямъ, обращавшимся къ нему съ просьбами о защитѣ отъ нападеній и погрома, говоря, что ничего не можетъ сдѣлать, и направляя просителей въ университетъ: «идите въ университетъ— сказалъ онъ директору общества взаимнаго кредита Брахману— тамъ сосредоточена теперь охрана города».

Выдѣляя изъ изложенныхъ обстоятельствъ, очерчивающихъ отношеніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейдгарда къ лежавшимъ на немъ обязанностямъ, тѣ, которыя содержатъ въ себѣ прямыя указанія на признаки должностного преступнаго дѣянія, я нахожу, что установленныя разслѣдованіемъ данныя навлекаютъ на него обвиненіе въ томъ, что, по должности одесскаго градоначальника, имѣя власть и возможность предотвратить и подавить вооруженное столкновеніе русскаго населенія города Одессы съ евреями, онъ допусталъ 18-го октября 1905 года демонстративныя шествія по городу еврейскихъ революціонныхъ скопищъ, дозволявшихъ себѣ дерзко оскорблять верховную власть и русское національное чувство, и находившимися въ его распоряженіи средствами не разсѣялъ этихъ скопищъ, а на слѣдующій день допустилъ русскую патріотическую манифестацію, не предваривъ объ угрожавшемъ столкновеніи съ вновь собравшимися на улицахъ евреями, и не только не принялъ никакихъ рѣшительно мѣръ къ тому, чтобы предупредить такое столкновеніе, но, напротивъ, въ самомъ началѣ шествій, 18-го, не имѣя на то по закону права и достойныхъ уваженія основаній, самовольно распорядился снять съ наружныхъ постовъ городовыхъ, и, оставивъ, такимъ образомъ, городъ безъ всякой полицейской охраны, самъ ничего не предпринималъ для водворенія порядка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не передалъ военному начальству власти самостоятельнаго подавленія силою оружія возникшихъ безпорядковъ въ порядкѣ, указанномъ 16

и 17 ст. ст. приложенія къ 316 ст. общ. губ. учр. (т. II, ч. 1 св. зак., изд. 1892 г.), чѣмъ допустилъ противозаконное бездѣйствіе власти, въ значительной мѣрѣ способствовавшее тому, что начавшееся 18-го октября столкновеніе между двумя враждебно настроенными частями населенія окончилось лишь 22-го октября и сопровождалось огромнымъ числомъ человѣческихъ жертвъ убитыми и ранеными, а также истребленіемъ и расхищеніемъ имущества на значительную сумму; то есть въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. уложенія о наказаніяхъ.

Вслѣдствіе сего, въ силу полномочій, предоставленныхъ мнѣ высочайшими повелѣніями, воспослѣдовавшими 16 ноября 1905 г. (собр. узак. № 225) и 22-го сентября 1880 г. (собр. узак. № 97) и на основаніи 1086 ст. уст. угол. судопр., я 12 января текущаго года постановилъ: предварительно возбужденія вопроса объ уголовномъ преслѣдованіи бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгарта, потребовать отъ него объясненіе, назначивъ ему для представленія такового двухъ-недѣльный срокъ со дня объявленія сего постановленія. Постановленіе объявлено того же числа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Нейдгарту открыто было для обозрѣнія произведенное о его дѣйствіяхъ разслѣдованіе.

Въ представленномъ 24 января объясненіи, д. с. с. Нейдгартъ, отвергая предъявленное ему обвиненіе въ бездѣйствіи власти, приводитъ въ свое оправданіе нижеслѣдующія обстоятельства:

1. Власть въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась во время октябрьскихъ событій, едва-ли имѣла возможность предотвратить и подавить вооруженное столкновеніе еврейскаго населенія съ русскимъ, такъ какъ событія эти являлись послѣдствіемъ политическаго движенія, которое, охвативъ въ Одессѣ широкіе слои еврейскихъ массъ и интеллигенціи, перешло, начиная съ 14-го октября, въ вооруженное возстаніе, съ попыткою захватить власть и совершить переворотъ, проявившееся въ дни событій 18—22 октября въ формѣ не только еврейскаго погрома, но и настоящей революціи. Тѣмъ не менѣе, съ его стороны предпринятъ былъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ немедленному прекращенію смуты, без-

чинствъ и насилій мятежныхъ группъ и заключавшихся въ усиленіи вооруженныхъ полицейскихъ отрядовъ, разгонявшихъ толпы и сборища, въ изъятіи въ ночь на 16-го октября изъ оружейныхъ магазиновъ патроновъ, въ запрещеніи митинга въ университетѣ и прегражденіи спеціальною охраною доступа публикѣ въ зданіе университета и, наконецъ, въ призывѣ, въ виду недостаточности однихъ полицейскихъ средствъ, войскъ для содѣйствія при подавленіи усилившагося движенія, съ каковою цѣлью, въ интересахъ дѣйствительной охраны всѣхъ частей города, 15-го октября городъ былъ раздѣленъ на участки съ 47 военными постами; тогда же было утверждено командующимъ войсками подробное наставленіе войсковымъ частямъ; попытка открытаго сопротивленія властямъ, выразившаяся въ устройствѣ 16 октября баррикадъ, была подавлена при содѣйствіи войскъ и, наконецъ, 18 октября, вопреки первоначальному рѣшенію командующаго войсками, войска, по требованію его, Нейдгарта, вышли на улицу и принимали участіе въ подавленіи безпорядковъ.

2. Распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ послѣдовало не подъ вліяніемъ переговоровъ и соглашенія съ профессоромъ Щепкинымъ, а единственно вслѣдствіе примѣнявшейся еще во время потемкинскихъ безпорядковъ и получившей дальнѣйшее развитіе во время октябрьской вооруженной смуты системы обезоруженія и убійства городовыхъ, вслѣдствіе чего среди постовыхъ городовыхъ стала появляться паника, вызвавшая случаи оставленія постовъ. Соглашенія по сему предмету съ Щепкинымъ не могло быть уже потому, что приказаніе стянуть посты городовыхъ для посылки ихъ патрулями послѣдовало 18 октября, какъ значится въ постановленіи отъ 12 января сего года, до полудня, а профессоръ Щепкинъ былъ у него въ тотъ день, по объясненію д. с. с. Поллана, въ первомъ часу дня. При томъ же, замѣна постовъ патрулями не можетъ быть признаваема незаконною мѣрою, такъ какъ посты учреждены инструкціею, утвержденною градоначальникомъ, и въ законѣ о постахъ ничего не говорится, а подвижное охраненіе порядка сильными патрулями во время массовыхъ безпоряд-

ковъ представляется болѣе цѣлесообразною мѣрою. Поэтому замѣна неподвижной постовой формы охраны города подвижною, патрульною, не могла еще означать прекращенія службы полиціи, такъ какъ въ объясненіяхъ студента Нутиса, пристава Рацишевскаго и товарища прокурора Каменскаго имѣются указанія на то, что полицейскіе патрули проявляли свою дѣятельность въ отраженіи нападеній и разгромовъ толпы, а заявленіе бывшаго полицеймейстера Головина о томъ, что онъ лишился помощи городовыхъ только оттого, что они были стянуты въ участки, не выдерживаетъ критики и не внушаетъ довѣрія въ виду непростительнаго его ухода со службы въ минуту опасности. Распоряженія о безотлучномъ пребываніи приставовъ дома, имъ, Нейдгартомъ, не было сдѣлано, а требованіе о семъ было передано изъ канцеляріи полицеймейстера, вѣроятно, по приказанію послѣдняго; въ дѣйствительности, какъ усматривается изъ объясненій Михайла Шульмана и Рацишевскаго, пристава появлялись на улицахъ. Равнымъ образомъ, изъ сопоставленія объясненія профессора Щепкина въ письмѣ его отъ 27 октября о томъ, что въ разговорѣ 18 числа утромъ съ градоначальникомъ онъ говорилъ о необходимости вооруженія населенія для защиты отъ хулигановъ, хотя въ то время не могло быть еще рѣчи о какомъ-либо нападеніи хулигановъ, о возможности организаціи городской милиціи захватнымъ правомъ, съ объясненіемъ д. с. с. Поллана о томъ, что тогда же шла рѣчь о разоруженіи полиціи—«самъ собою напрашивается выводъ о дѣйствительномъ назначеніи вооруженной захватнымъ правомъ... милиціи для борьбы съ полиціей, которую требуется при томъ разоружить». При наличности вышеизложеннаго, д. с. с. Нейдгартъ, по его объясненію, имѣлъ основаніе усмотрѣть опасность для другихъ городовыхъ и угрозу, которая затѣмъ была приведена въ исполненіе. Обращеніе же его къ населенію съ заявленіемъ о возможности возстановленія постовыхъ городовыхъ при условіи усиленія постовъ гражданами, имѣло своею цѣлью указать населенію «на необходимость участія въ охранѣ самихъ гражданъ образованіемъ группъ изъ десяти лицъ на каждомъ посту».

3. Студенческая милиція имъ не была допущена, о чемъ онъ заявилъ профессору Щепкину въ разговорѣ съ нимъ 18 октября и то же самое подтвердилъ въ объявленіи своемъ, появившемся 20 числа. «Окрыленные—говорится въ объясненіи—успѣхомъ добытой свободы, революціонеры, организованные на университетскихъ митингахъ въ банды, сами учредились въ милицію, согласно предсказанію профессора Щепкина и постоянному поощренію ректора Занчевскаго». Милиція эта обнаружилась вечеромъ 18 октября и дѣйствовала во время вооруженнаго возстанія, но не имъ, Нейдгартомъ, допущенная, «а сломленная имъ въ дни подавленія мятежа». О появленіи означенной милиціи ему было извѣстно, но въ «день манифеста дѣйствительно старался избѣгать всякаго новаго повода для возбужденія массъ, находившихся въ состояніи подъема» и «не придалъ значенія тому, что группы студентовъ вечеромъ дежурили на Дерибасовской. Онъ счелъ за лучшее не направлять противъ нихъ войскъ и полицейскихъ нарядовъ съ спеціальной задачей ихъ разсѣянія». Вслѣдствіе сего, если принять на видъ, что «никакого слѣда въ дѣлахъ градоначальника, касающихся его распоряженій, относительно его функціонированія милиціи не имѣется, то возможно было бы признать, что показанія о какихъ-то переговорахъ относительно милиціи свидѣтелей, полицеймейстера Головина и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гавришева, съ которымъ у него былъ разговоръ лишь по вопросу о возстановленіи постовъ городовыхъ, не должны заслуживать уваженія, тѣмъ болѣе, что въ это время, какъ видно изъ объясненія Нутиса, Штульмана и товарища прокурора Каменскаго, полиція ходила по городу патрулями, что̀ подтверждаетъ и командующій войсками и, слѣдовательно, не бездѣйствовала». Убѣдившись затѣмъ 19 октября въ тщетности возлагавшейся наканунѣ надежды на манифестъ, въ дѣлѣ умиротворенія крайнихъ партій, и продолжавшейся смутѣ и агитаціи, онъ созналъ тогда необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ во избѣжаніе погрома и даже рѣзни и, въ письмѣ командующему войсками 19 октября, указалъ на опасность функціонированія революціонной милиціи. Этотъ письменный актъ, по объясненію д. с. с.

Нейдгарта, служитъ подтвержденіемъ его словъ и доказательствомъ того, что принимались мѣры къ подавленію милиціи, но отнюдь не къ замѣнѣ ею охраны города».

4. Непринятіе мѣръ къ предотвращенію 19 октября патріотическихъ манифестацій, двинувшихся на Соборную площадь къ молебну, объявленному по распоряженію изъ Петербурга, не можетъ быть ему поставлено въ вину, такъ какъ при наличности объявленныхъ Манифестомъ свободъ приходилось считаться съ появленіемъ этихъ манифестацій безъ принятія мѣръ къ разсѣянію ихъ, что было даже опасно предпринять и на что онъ никогда не пошелъ бы, ибо осуществить это можно было бы отобраніемъ иконъ и портретовъ и предложеніемъ расходиться, а между тѣмъ наканунѣ «краснофлажныя манифестаціи» не были прекращены. При томъ же на патріотическія манифестаціи были сдѣланы нападенія при возвращеніи ихъ отъ Соборной площади, послѣ чего эту толпу, подошедшую къ его дому въ величайшемъ озлобленіи, онъ убѣждалъ вспомнить Бога и вернуться по домамъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ присяжный повѣренный Данашевскій. Не помогло бы дѣлу и разсѣяніе еврейской толпы, собравшейся въ тотъ день на похороны, такъ какъ «дума и университетъ, минуя его, исторгли у командующаго войсками обѣщаніе убрать войска съ пути шествія похоронной процессіи». Такимъ образомъ, «положеніе власти становилось труднымъ—съ одной стороны онъ приказывалъ убрать городъ флагами и собираться на молебенъ, а революціонный комитетъ на средства думы украшаетъ улицы черными флагами и созываетъ на похороны, обезопасивъ себя отъ войскъ частнымъ соглашеніемъ; ему приходилось немедленно принять мѣры пресѣченія, а ихъ нельзя было согласовать съ новыми способами успокоенія, предложенными графомъ Витте». Когда же нападенія революціонеровъ на патріотическія манифестаціи убѣдили его въ томъ, что должно разразиться давно висѣвшее въ воздухѣ столкновеніе двухъ враждебныхъ элементовъ, онъ обратился къ командующему войсками съ просьбою приказать войскамъ остановить возстаніе силою войска, не допускать процессій съ красными флагами и еврейскаго погрома, при чемъ упомянулъ и о недопуще-

ніи демонстративныхъ похоронъ, дабы указать командующему войсками, что онъ вышелъ изъ своей компетенціи, обѣщавъ отсутствіе войска на похоронахъ.

5. Содѣйствіемъ военной власти онъ пользовался во все время безпорядковъ для разсѣянія мятежной толпы въ порядкѣ и предѣлахъ, указанныхъ 15, 16 и 17 ст. прил. къ 316 ст. общ. губ. учр. Хотя командующій войсками въ рапортѣ военному министру утверждалъ, что 18 октября онъ, Нейдгартъ, не обращался къ военной власти съ подобнымъ требованіемъ, но такое утвержденіе опровергается дѣйствіями войскъ по подавленію отдѣльныхъ случаевъ столкновеній 18 октября силою оружія. Послѣдовавшее въ 1904 г. словесное соглашеніе, какъ подготовительный матеріалъ, не было имъ принимаемо въ руководство въ виду выработаннаго 15 октября особаго наставленія, установившаго взаимныя отношенія гражданскихъ и военныхъ властей по принятію мѣръ къ подавленію безпорядковъ. Хотя опредѣленіе времени перехода къ дѣйствію оружіемъ зависитъ отъ гражданскаго начальства, но, при расположеніи войскъ въ 47 пунктахъ, онъ считалъ вполнѣ цѣлесообразнымъ «развязать руки войскамъ, перенеся центръ тяжести на ст. 16 прилож. къ 316 ст., по силѣ которой, при отсутствіи на мѣстѣ гражданскаго начальства, военное распоряжается самостоятельно, и предоставилъ войскамъ самостоятельность дѣйствій, такъ какъ если бы войскамъ приходилось во время всеобщаго мятежнаго движенія въ городѣ ждать гражданское начальство для опредѣленія времени перехода къ дѣйствію оружіемъ, то, безспорно, войска все время стояли бы безучастными свидѣтелями насилій. На передачу же власти всецѣло военному начальству онъ не былъ уполномоченъ закономъ, который мѣру эту устанавливаетъ только на случай введенія военнаго положенія, по Высочайшему повелѣнію.

6. Лицамъ, обращавшимся къ нему съ просьбами о содѣйствіи, онъ не отказывалъ въ защитѣ, и, какъ значится въ дневникѣ, директору общества взаимнаго кредита Брахману и врачу Бордаху онъ указалъ обратиться съ требованіемъ войсковой охраны къ генералу Глаголеву, который, распоряжаясь войсками, имѣлъ возможность дать

немедленную охрану, отрядивъ свободную ближайшую часть; упоминаніе же объ университетѣ, странное на первый взглядъ, сдѣлано имъ было въ видѣ укора университетской агитаціи, посланнаго въ сущности по адресу не Брахмана, но доктора Бордаха, популярнаго среди еврейской молодежи врача и приватъ-доцента университета.

7. Помимо бытности въ городѣ 21 октября, онъ объѣзжалъ городъ еще 19 числа, когда, слѣдуя въ соборъ на молебенъ, онъ долженъ былъ слѣдовать по дальнимъ улицамъ, чтобы подъѣхать съ неожиданной стороны, а 20 октября онъ ходилъ къ командующему войсками съ просьбою о болѣе энергичныхъ приказаніяхъ войскамъ. Вообще же, по объясненію д. с. с. Нейдгарта, начальникъ, сознающій себя главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за порядокъ, долженъ не упускать лишь общихъ распоряженій и неустанно быть въ центрѣ свѣдѣній и распоряженій, не размѣниваясь на борьбу съ отдѣльными эпизодами,

и 8. Объявленіе командующаго войсками отъ 21 октября, возвѣщавшее, что войскамъ приказано истреблять грабителей оружіемъ, послѣ чего погромъ сталъ прекращаться, ставитъ, однако, также какъ и подобное объявленіе его, Нейдгарта, первымъ требованіемъ не стрѣльбу по грабителямъ, а прекращеніе стрѣльбы революціонеровъ изъ оконъ по войскамъ и полиціи подъ угрозою разрушенія домовъ. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что въ то время и военная и гражданская власти, въ отчетливомъ представленіи обстановки событій, видѣли главную опасность для порядка не въ погромѣ, но въ вооруженномъ нападеніи революціонеровъ на власть, войска и полицію съ цѣлью добиться переворота.

При сопоставленіи изложеннаго объясненія съ обстоятельствами дѣла въ томъ видѣ, какъ они установлены разслѣдованіемъ, оказывается, что оно почти всецѣло основано на невѣрно приводимыхъ фактахъ и непровѣренныхъ указаніяхъ.

Прежде всего д. с. с. Нейдгартъ объясняетъ, что октябрьскимъ событіямъ не можетъ быть придаваемо значеніе еврейскаго погрома, такъ какъ въ дѣйствительности они составляли вооруженное нападеніе революціонеровъ на войска и властей, съ которыми администра-

тивная власть безсильна была бороться. Но каковъ бы ни былъ характеръ происходившихъ волненій, все же власть должна была использовать всѣ находившіяся въ ея распоряженіи средства и въ точности исполнить всѣ указанія закона, прежде чѣмъ признать свое безсиліе, и чѣмъ опаснѣе и серьезнѣе была почва, на которой происходила смута, тѣмъ рѣшительнѣе должны были быть мѣры, принимаемыя для наиболѣе успѣшнаго ея подавленія. Въ дѣйствительности же онъ никакихъ къ тому мѣръ не принималъ съ момента появленія 18 октября на улицахъ города мятежныхъ скопищъ; всѣ тѣ распоряженія, о коихъ онъ упоминаетъ въ началѣ своего объясненія, отданы были въ предшествующее означенному числу время и, по содержанію своему, не могли способствовать предотвращенію или прекращенію послѣдующихъ событій, такъ какъ вовсе къ нимъ не относились. Хотя д. с. с. Нейдгартъ утверждаетъ, что войска, убранныя утромъ 18 октября съ улицъ, по приказанію командующаго войсками, вслѣдъ затѣмъ, въ тотъ же день появились на улицахъ по его о томъ распоряженію и принимали участіе въ прекращеніи отдѣльныхъ случаевъ столкновеній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не объясняетъ, въ чемъ именно, когда, кому и при какихъ обстоятельствахъ было оно отдано и затѣмъ проявилось; на самомъ дѣлѣ 18 числа войска дѣйствовали въ отдѣльныхъ случаяхъ безъ всякаго о томъ съ его стороны распоряженія, въ чемъ убѣждаетъ сообщеніе генерала барона Каульбарса о томъ, что въ тотъ день требованія о содѣйствіи войскъ отъ градоначальника не поступало и дѣйствовали они непосредственно по приказанію военнаго начальства или требованію чиновъ полиціи.

Единственнымъ распоряженіемъ д. с. с. Нейдгарта за все время безпорядковъ было обращеніе его къ командующему войсками 19 октября съ просьбою приказать войскамъ не допускать процессій съ красными флагами, торжественныхъ похоронъ убитыхъ сторонниковъ революціи, а также еврейскаго погрома. Но и это обращеніе, помимо его неопредѣленности, являлось запоздалымъ и неосуществимымъ, такъ какъ послѣдовало оно уже послѣ того, какъ наканунѣ онъ самъ допустилъ подобныя шествія, которыя 19 числа

уже не возобновлялись, и не принялъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію демонстративныхъ похоронъ, о коихъ ему заранѣе было извѣстно и которыя не состоялись утромъ 19 октября по причинамъ чисто случайнымъ и ни мало не зависѣвшимъ отъ его распоряженій; требованіе же о недопущеніи еврейскаго погрома, въ виду непредставленія военному начальству самостоятельной власти подавленія безпорядковъ силою оружія по его усмотрѣнію, могло быть осуществлено лишь по отдѣльнымъ въ каждомъ случаѣ указаніямъ гражданской власти, такъ какъ при этомъ условіи военное начальство могло лишь оказывать гражданской власти содѣйствіе въ подавленіи безпорядковъ и погрома.

Объясненія д. с. с. Нейдгардта объ основаніяхъ снятія городовыхъ съ постовъ рѣзко расходятся съ представленіемъ, сдѣланнымъ имъ по сему предмету министру внутреннихъ дѣлъ восемь дней спустя послѣ окончанія безпорядковъ. Первоначально онъ указывалъ на то, что городовые были сняты съ постовъ вслѣдствіе многочисленныхъ убійствъ, истязаній и обезоруженія ихъ, въ общемъ числѣ 34-хъ, и единогласнаго ихъ заявленія ему о томъ, что на посты они не могутъ стать. Когда же произведеннымъ разслѣдованіемъ была установлена совершенная невѣрность этихъ указаній, то нынѣ онъ объясняетъ, что имѣвшіе мѣсто во время Потемкинскихъ безпорядковъ случаи убійствъ и разоруженія городовыхъ нагнали на нихъ такой страхъ, что они съ утра 18 числа стали покидать занимаемые ими посты. Однако и это объясненіе, ничѣмъ не подтвержденное, нисколько не оправдываетъ сдѣланнаго имъ распоряженія, такъ какъ если бы въ дѣйствительности нѣкоторые городовые покинули посты, на что никакихъ указаній въ дѣлѣ нѣтъ, то это не давало еще права идти навстрѣчу незаконнымъ дѣйствіямъ городовыхъ и освобождать ихъ отъ постовой службы, а налагало обязанность принять соотвѣтствующія мѣры къ успокоенію городовыхъ и поддержанію въ нихъ бодрости.

Указаніе на то, что распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ и замѣнѣ постовой службы патрульною не заключаетъ въ себѣ ничего неправильнаго или противозаконнаго, такъ какъ утвержде-

ніе полицейскихъ постовъ принадлежитъ власти градоначальника и такое распоряженіе не было равносильно освобожденію отъ несенія полицейскихъ обязанностей, представляется очевидно неправильнымъ. Губернаторамъ и градоначальникамъ принадлежитъ лишь право утвержденія числа и мѣста нахожденія полицейскихъ постовъ въ городахъ; самое же отправленіе постовой службы вытекаетъ изъ свойства лежащихъ на низшихъ полицейскихъ чинахъ обязанностей по охраненію порядка и спокойствія въ порученныхъ ихъ завѣдыванію раіонахъ, каковая обязанность только и можетъ быть выполняема путемъ постовой службы, какъ это и дѣлается на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи и что никогда не вызывало какихъ-либо сомнѣній.

Равнымъ образомъ не можетъ быть признано уважительнымъ и объясненіе, что въ данномъ случаѣ патрульная служба представлялась болѣе цѣлесообразною и полезною по сравненію съ постовою, такъ какъ патрульная полицейская служба, выполнявшаяся безъ всякихъ инструкцій и указаній, внѣ всякаго наблюденія и надзора со стороны начальства, неминуемо должна была носить случайный характеръ, и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могла способствовать предотвращенію или прекращенію безпорядковъ. Наилучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что бывшій полицеймейстеръ Головинъ, объясненіе коего д. с. с. Нейдгартъ старается опорочить, настоятельно убѣждалъ его возстановить посты городовыхъ; на-ряду съ этимъ, командующій войсками доносилъ, что градоначальникъ своимъ распоряженіемъ о снятіи городовыхъ оставилъ городъ безъ всякой полицейской охраны, а населеніе гор. Одессы, какъ признаетъ и д. с. с. Нейдгартъ, умоляло его возстановить городовыхъ на постахъ, что было сдѣлано только 22-го, когда погромъ совсѣмъ стихъ.

Ссылка на то, что самъ командующій войсками потребовалъ отъ него снятія одиночныхъ постовъ у телефонныхъ колодцевъ, представляется голословной и находится въ противорѣчіи съ вышеприведеннымъ донесеніемъ барона Каульбарса въ рапортѣ его военному министру; указаніе же на то, что, по объясненіямъ студента

Нутиса и товарища прокурора Каменскаго, полицейскіе патрули принимали мѣры къ прекращенію безпорядковъ и разгромовъ, опровергается дѣйствительнымъ содержаніемъ объясненій названныхъ лицъ, изъ коихъ Нутисъ, напротивъ, удостовѣрилъ, что городовые дѣйствовали заодно съ толпою и участвовали въ совершаемыхъ ею насильственныхъ дѣйствіяхъ, а товарищъ прокурора Каменскій лично видѣлъ, какъ проходившіе патрули и разъѣзды не останавливали грабителей и относились безучастно къ насиліямъ толпы. Стремленія д. с. с. Нейдгарта доказать, что городовые были сняты съ постовъ не вслѣдствіе разговоровъ и соглашенія съ профессоромъ Щепкинымъ, въ подтвержденіе чего онъ ссылается на объясненіе д. с. с. Поллана, который, придя къ нему 18-го числа въ 1-мъ часу дня, засталъ у него городского голову Крыжановскаго и профессора Щепкина, разговаривавшихъ о снятіи городовыхъ съ постовъ, равно какъ и то, что онъ не допускалъ студенческую милицію,—должны быть признаны безуспѣшными. Д. с. с. Полланъ дѣйствительно засталъ у Нейдгарта въ 1-мъ часу дня Крыжановскаго и Щепкина, но онъ пришелъ къ концу происходившаго между ними разговора и былъ свидѣтелемъ конца разговора о разоруженіи городовыхъ; но было ли Нейдгартомъ сдѣлано распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ до прихода Поллана или послѣ того, ему неизвѣстно, и потому пребываніе Щепкина у Нейдгардта въ 1-мъ часу дня и происходившій у нихъ тогда разговоръ о разоруженіи городовыхъ ни мало не исключаетъ возможности того, что распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ было сдѣлано раньше. Наконецъ, изъ объясненія городского головы Крыжановскаго видно, что, отправившись въ 10-мъ часу утра въ судебную палату для участія въ засѣданіи, которое, однако, не состоялось, онъ тамъ же былъ приглашенъ по телефону къ градоначальнику, къ которому тотчасъ же отправился, заѣхавъ лишь въ думу за кѣмъ-либо изъ представителей союзовъ, каковымъ оказался Щепкинъ. Такимъ образомъ, еще въ 11-мъ часу они могли уже быть у градоначальника.

Что же касается допущенія студенческой милиціи, то, помимо

объясненій полицеймейстера Головина, которому д. с. с. Нейдгартъ говорилъ о данномъ имъ согласіи на допущеніе милиціи, д. с. с. Гавришева, которому онъ впослѣдствіи жаловался, что Щепкинъ подвелъ его въ этомъ отношеніи,—самъ Нейдгардъ въ настоящее время признаетъ, что означенная милиція была допущена съ его вѣдома и согласія, такъ какъ о ея появленіи ему стало извѣстно еще 18 октября, и онъ не считалъ нужнымъ предпринять какія-либо мѣры противъ ея появленія. Въ виду того, что назначеніе этой милиціи состояло, по увѣренію Щепкина, въ прекращеніи безпорядковъ, слѣдуетъ заключить, что допущена она была взамѣнъ полиціи, и такому выводу не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ послѣдующіе дни Нейдгартъ сталъ указывать на незаконный характеръ никѣмъ не установленной студенческой милиціи, такъ какъ подобныя указанія были сдѣланы послѣ того, какъ милиція проявила свою причастность къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ войскъ и полиціи, и Нейдгартъ счелъ себя обманутымъ увѣреніями Щепкина о томъ, что съ устраненіемъ полиціи и замѣною ея милиціею немедленно будетъ возстановленъ порядокъ.

Дальнѣйшія объясненія д. с. с. Нейдгарта о томъ, что онъ не считалъ себя въ правѣ принимать мѣръ къ удаленію 19 октября патріотическихъ манифестацій, такъ какъ наканунѣ были допущены демонстративныя шествія съ красными флагами, и при томъ для удаленія этихъ манифестацій пришлось бы прибѣгнуть къ отобранію иконъ и Царскихъ портретовъ, нисколько не оправдываетъ проявленнаго имъ въ семъ случаѣ бездѣйствія власти, потому что на его прямой обязанности лежало принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, даже при содѣйствіи войскъ, къ разсѣянію 18 октября революціонныхъ скопищъ, появленіе коихъ представлялось прямо преступнымъ съ точки зрѣнія уголовнаго закона; къ тому же, этимъ способомъ былъ бы устраненъ самый поводъ къ контрманифестаціямъ патріотическаго характера. Появленіе на слѣдующій день этихъ послѣднихъ манифестацій безусловно обязывало озаботиться предотвращеніемъ возможности вооруженнаго столкновенія этихъ двухъ враждебно настроенныхъ партій назначеніемъ усиленныхъ

полицейскихъ нарядовъ и призывомъ войскъ для занятія улицъ по пути слѣдованія означенной манифестаціи въ соборъ на молебствіе и удаленіемъ съ этого пути еврейскихъ сборищъ. При извѣстномъ умѣніи распорядиться своею властью и служебномъ тактѣ, всегда возможно было избѣгнуть тѣхъ крайнихъ средствъ, на которыя нынѣ указываетъ въ своемъ объясненіи д. с. с. Нейдгартъ. Своевременное принятіе соотвѣтствующихъ по этому предмету мѣръ представлялось вполнѣ возможнымъ уже потому, что еще 18 числа ему было извѣстно о появленіи на слѣдующій день патріотическихъ манифестацій, но никакихъ даже попытокъ въ этомъ направленіи сдѣлано не было, хотя бы къ тому, чтобы путемъ убѣжденія, указаніемъ на неминуемо грозившую опасность кроваваго столкновенія склонить эти манифестаціи къ тому, чтобы разойтись. Ссылка д. с. с. Нейдгарта на свидѣтеля Данашевскаго въ подтвержденіе того, что патріотическая манифестація подошла къ его дому на обратномъ пути изъ собора въ крайне уже озлобленномъ состояніи, вызванномъ произведенною въ нее стрѣльбою, опровергается показаніемъ именно этого свидѣтеля, удостовѣряющаго, что на обращенную изъ этой толпы горячую рѣчь къ градоначальнику онъ отвѣчалъ: «спасибо, братцы, теперь идите помолиться» (л. 11 об.), изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ, что группа манифестантовъ еще только шла въ соборъ и, слѣдовательно, предупредить столкновеніе было возможно.

Наконецъ, объясненіе д. с. с. Нейдгарта, что онъ все время пользовался содѣйствіемъ войскъ для подавленія безпорядковъ согласно указаніямъ 15, 16 и 17 ст. прил. къ 316 ст. общ. губ. учр. и предоставилъ войскамъ полную самостоятельность дѣйствій, ни въ чемъ въ этомъ отношеніи ихъ не стѣсняя, и не считалъ себя лишь въ правѣ передавать власть усмиренія безпорядковъ всецѣло военному начальству до введенія военнаго положенія,—свидѣтельствуетъ о совершенномъ непониманіи лежавшихъ на немъ обязанностей. Точный смыслъ приведенныхъ законоположеній не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что ст. 15 указаннаго приложенія съ одной стороны и ст. 16 и 17 того же приложенія—съ другой предусматри-

ваютъ два совершенно различныхъ случая вызова войскъ гражданскою властью. Первая статья имѣетъ въ виду тотъ случай, когда гражданское начальство, оставляя за собою право распоряженія подавленіемъ безпорядковъ, приглашаетъ военную силу лишь для оказанія ей содѣйствія оружіемъ; тогда военное начальство дѣйствуетъ по указаніямъ гражданскаго, въ предѣлахъ возложеннаго на него порученія. Въ этомъ именно смыслѣ послѣдовало обращеніе д. с. с. Нейдгарта къ командующему войсками въ письмѣ отъ 19 октября. но въ такомъ случаѣ войска не дѣйствовали самостоятельно и должны были находиться въ распоряженіи гражданской власти. Статьи же 16 и 17 касаются такихъ случаевъ, когда гражданское начальство, сознавъ свое безсиліе послѣ того, какъ оно исчерпало всѣ способы усмиренія, слагаетъ съ себя эту обязанность и передаетъ власть подавленія безпорядковъ всецѣло въ распоряженіе военнаго начальства, для чего вовсе не требуется введенія военнаго положенія, какъ ошибочно полагаетъ Нейдгартъ, а также командующій войсками; тогда военное начальство дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно и независимо, предпринимая всѣ мѣры къ прекращенію безпорядковъ по собственному усмотрѣнію, и по достиженіи этой цѣли увѣдомляетъ о томъ, согласно 19 статьи, гражданское начальство, прекращая, вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшія свои дѣйствія. Въ данномъ случаѣ бездѣйствіе власти и нераспорядительность бывшаго градоначальника Нейдгарта въ томъ именно и проявились, что онъ, снявъ городовыхъ съ постовъ, лишилъ городъ полицейской охраны и, тѣмъ самымъ установивъ на дѣлѣ полную свою несостоятельность по водворенію порядка, не передалъ власти усмиренія смуты военному начальству въ порядкѣ, предписанномъ 16 и 17 ст. прилож. къ 317 ст. общ. губ. учр., но сохранилъ за собою право распоряженія. Благодаря исключительно такому образу дѣйствій гражданская и полицейская власти бездѣйствовали, а военная, въ лицѣ командующаго войсками, стѣснена была въ самостоятельномъ распоряженіи всѣми военными силами и войсковыя части, расположенныя въ участкахъ, дѣйствовали безъ всякой ситемы и порядка.

Признавая по изложеннымъ основаніямъ, что представленное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Нейдгартомъ объясненіе не колеблетъ предъявленнаго ему мною обвиненія въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особенно важныя послѣдствія, и руководствуясь высочайшими повелѣніями, воспослѣдовавшими 22 сентября 1880 г. (собр. узак. № 97), 25 марта и 16 ноября 1905 г. (собр. узак. №№ 51 и 225) и статьями 1095 и 1088 п. 3 уст. угол. суд., я 31 января 1906 года постановилъ: представить Правительствующему Сенату (по первому департаменту) о возбужденіи противъ бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгарта уголовнаго преслѣдованія по обвиненію въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. уложенія о наказаніяхъ.

Въ какой бы мѣрѣ, однако, администрація и полиція ни являлись отвѣтственными за то, что не предупредили погромовъ 18—22 октября и допустили ихъ разростись до такихъ ужасающихъ размѣровъ, все же первоисточникомъ октябрьскихъ волненій въ городѣ Одессѣ, коренной ихъ причиною слѣдуетъ признать революціонное движеніе, получившее чрезвычайное развитіе въ этомъ крупнѣйшемъ центрѣ юга Россіи. Въ началѣ отчета данъ краткій обзоръ хода этого движенія, которое, съ введеніемъ въ Одессѣ 16 іюня 1905 года военнаго положенія, стало затихать; но, послѣ изданія закона 27 августа о порядкѣ управленія высшими учебными заведеніями вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ самомъ началѣ учебнаго года, оно возгорѣлось и получило особенно яркое выраженіе всего нѣсколько дней спустя по снятіи 30 сентября военнаго положенія, когда началась забастовка учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ частью добровольная, по собственному почину, но преимущественно насильственная, при участіи студентовъ университета, и распространилась затѣмъ на всѣ заведенія этого вида.

Къ этому времени вполнѣ опредѣлилось настроеніе университета, совѣтъ котораго, согласно 2 ст. закона 27 августа, выдѣлилъ изъ

своего состава комиссію изъ двѣнадцати профессоровъ крайняго направленія, въ томъ числѣ ректора; параллельно съ нею образовался коалиціонный совѣтъ изъ представителей студенческихъ революціонныхъ партій, фактически замѣнившій собою совѣтъ старостъ. Несмотря на то, что, по точному смыслу приведеннаго закона, прямое назначеніе, такъ называемой, совѣтской комиссіи профессоровъ состояло въ заботахъ о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ, на дѣлѣ оказалось, что кругъ ея дѣйствій опредѣлился совершенно иначе: она, вмѣстѣ съ коалиціоннымъ совѣтомъ, принимала дѣятельное участіе въ устраиваемыхъ въ университетскихъ аудиторіяхъ митингахъ, присутствію на которыхъ посторонникъ лицъ, доходившихъ до нѣсколькихъ тысячъ, въ томъ числѣ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, даже младшаго возраста, былъ положенъ конецъ только распоряженіемъ временнаго генералъ-губернатора отъ 20 сентября, послѣ чего митинги продолжались по факультетамъ, и хотя на нихъ проникали постороннія лица, но въ значительно меньшемъ числѣ.

Тотчасъ послѣ снятія военнаго положенія, съ упраздненіемъ должности генералъ-губернатора, въ университетѣ возобновились ежедневные общедоступные митинги численностью иногда до 6—7 тысячъ человѣкъ при участіи совѣтской комиссіи, не обнаруживавшей ни малѣйшей склонности сдерживать рѣзкость рѣчей и крайнюю неумѣренность заявляемыхъ политическихъ требованій, но, напротивъ, поддерживавшей горячечное настроеніе толпы, наполнявшей аудиторіи. Такъ, на митингѣ 4 октября ректоръ университета прочелъ постановленіе совѣта профессоровъ отъ 2 октября о томъ, что такъ какъ въ задачи университета, въ виду необходимости участія въ освободительномъ движеніи, должна входить политическая подготовка будущихъ политическихъ дѣятелей, то университетъ предоставляетъ студентамъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства для активнаго участія въ освободительномъ движеніи путемъ устройства митинговъ и организаціи всевозможныхъ партій. На митингѣ 7 октября членъ совѣтской комиссіи профессоръ Щепкинъ, привѣтствуя присутству-

ющихъ «за открытое и честное выраженіе своихъ убѣжденій» и опредѣляя значеніе революціи, сказалъ имъ: «когда настанетъ время и вы постучитесь въ дверь, мы пойдемъ съ вами на вашемъ «Потемкинѣ»; другой же членъ комиссіи, деканъ юридическаго факультета, говорилъ, что видитъ въ университетѣ «единственный очагъ свѣта для той массы темнаго люда, который не спитъ болѣе, а давно проснулся и жадно ловитъ каждое слово науки...» Едва-ли однако найдетъ онъ науку въ Новороссійскомъ университетѣ, гдѣ она давно отодвинулась и дала мѣсто революціонной агитаціи. И дѣйствительно, на университетскихъ общедоступныхъ митингахъ ораторы, въ значительнѣйшей мѣрѣ изъ евреевъ, произносили рѣчи, взывавшія къ сверженію Самодержавія, къ учрежденію демократической республики, къ насилію и террору. На митингахъ раздавалось и разбрасывалось огромное количество прокламацій всевозможныхъ революціонныхъ организацій и собирались деньги на вооруженіе. Систематически, изо дня въ день, завѣдомо развращались юноши и даже дѣти въ возрастѣ 14 лѣтъ тѣмъ, что они отвлекались отъ науки и школьнаго ученія, ради цѣлей, многимъ изъ нихъ недоступныхъ и усваиваемыхъ ими въ томъ, очевидно, смыслѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ умственному уровню. Наиболѣе склонные къ воспріятію революціонныхъ ученій,— евреи жадно къ нимъ прислушивались, извлекая изъ нихъ то, что отвѣчало ихъ національнымъ и экономическимъ интересамъ, мало заботясь объ общемъ благѣ страны. Наносилось, такимъ образомъ, непоправимое зло для цѣлаго поколѣнія, которое едва-ли будетъ въ состояніи дать людей труда и знанія.

Отъ зданія университета пошла 16 октября вооруженная толпа на баррикады, когда войсками и полиціей, по распоряженію изъ Петербурга, прегражденъ былъ доступъ на митингъ въ университетъ; оттуда же были направлены санитарные отряды и врачебная помощь на заранѣе опредѣленные пункты, между прочимъ, при аптекахъ, несмотря на то, что онѣ въ то время бастовали. Изъ числа жертвъ этого дня пять труповъ доставлены были въ университетъ, набальзамированы и положены въ гробы, хранившіеся тамъ до

двадцатыхъ чиселъ декабря въ ожиданіи благопріятныхъ условій для торжественнаго ихъ погребенія, которое не могло состояться въ первоначально назначенный для этого день 19 октября, вслѣдствіе появившихся въ городѣ патріотическихъ манифестацій. Создалась, такимъ образомъ, постоянная, въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ, угроза для мирныхъ жителей новыми безпорядками и связанными съ ними насиліями и только при возстановленномъ въ городѣ 15 декабря военномъ положеніи, по требованію генералъ-губернатора, означенные трупы преданы были землѣ безъ всякой торжественности.

Вооруженное столкновеніе съ войсками 16-го на баррикадахъ и предшествовавшая ему 14-го вынужденная забастовка въ гимназіи Березиной, вызвавшая вмѣшательство полиціи, дали университету поводы къ протестамъ, которыми совѣтъ профессоровъ въ отношеніи событій 16-го дѣлалъ отвѣтственнымъ градоначальника, не допустившаго общедоступнаго митинга и тѣмъ нарушившаго, по мнѣнію совѣта, университетскую автономію; въ другомъ же протестѣ указывалось на избіеніе полиціею дѣтей, тогда какъ разслѣдованіемъ точно установлено, что никто изъ дѣтей не пострадалъ и учащіяся не успѣли еще выйти изъ гимназіи на улицу. Въ оба протеста внесены были существенныя извращенія, какъ фактическія, такъ и въ опредѣленіи значенія автономіи, и резолюціи, полныя негодованія, указывающія на невозможность продолженія занятій въ университетѣ, хотя они въ дѣйствительности не происходили, и на необходимость обращенія къ министрамъ и даже къ центральному управленію Краснаго Креста въ Женевѣ. Тотъ же градусъ преувеличенія и излишества, который такъ ярко выступалъ въ рѣчахъ ораторовъ на митингахъ, держался и при обсужденіи текущихъ событій совѣтомъ университета, отъ котораго, между тѣмъ, возможно было ожидать болѣе трезвой мысли.

Днемъ 16 октября завершились волненія, происходившія до оглашенія въ Одессѣ воспослѣдовавшаго 17 октября высочайшаго манифеста, настолько расширившаго права населенія, что, казалось бы, одно появленіе такого величайшей важности государствен-

наго акта должно было дать удовлетвореніе освободительнымъ стремленіямъ и внести ликованіе и успокоеніе. Однако съ утра 18-го начались на улицахъ безчинства толпы студентовъ, учащихся и евреевъ, ясно выражавшія плоды науки, преподававшейся на университетскихъ митингахъ. Поведеніе толпы, къ сожалѣнію, не встрѣтило должнаго отпора со стороны правительственной власти, пошедшей, наоборотъ, на недостойныя уступки, исполнивъ дерзкія требованія объ удаленіи войскъ и снятіи наружной полиціи, заявленныя профессоромъ университета Щепкинымъ. Взамѣнъ закономъ установленной охраны, явилась студенческая охрана, или милиція, вооруженная въ университетѣ, какъ можно заключить изъ того, что профессоръ Щепкинъ призналъ то, что тамъ имъ роздано было студентамъ полтораста револьверовъ, добытыхъ изъ источника, указать который онъ не пожелалъ. Охранное отдѣленіе располагало точными свѣдѣніями о хранящемся въ зданіи университета складѣ оружія и сообщило ихъ градоначальнику, который входилъ въ сношенія съ ректоромъ университета о производствѣ осмотра. Переговоры на почвѣ соблюденія автономіи затянулись и ни къ чему не привели, по поводу чего градоначальнику указано было изъ Петербурга на то, что ему надлежало снестись съ прокурорскимъ надзоромъ и, въ присутствіи его представителя, произвести внезапный обыскъ, не входя ни въ какіе предварительные переговоры съ университетскимъ начальствомъ. Требованіе о допущеніи къ осмотру было возобновлено 20-го октября, на этотъ разъ командующимъ войсками, неизвѣстно впрочемъ на какомъ основаніи. Предположено было произвести осмотръ въ присутствіи представителей отъ войскъ и городской думы, но съ ними явился и полицеймейстеръ, который не былъ допущенъ ректоромъ къ участію въ осмотрѣ, подъ тѣмъ же предлогомъ соблюденія университетской автономіи, и тогда генералъ баронъ Каульбарсъ отозвалъ по телефону военныхъ представителей, а осмотръ ограничился обходомъ зданія совѣтскою комиссіею въ составѣ ректора и 8 членовъ, съ тремя гласными думы, не нашедшими, какъ сказано въ журналѣ совѣта профессоровъ отъ 27 октября, «ничего

подозрительнаго». Хотя совѣтъ призналъ дѣйствія ректора и совѣтской комиссіи правильными, но едва-ли, съ другой стороны, можно признать, чтобы осмотръ въ подобныхъ условіяхъ времени и порядка его производства служилъ доказательствомъ того, что въ стѣнахъ университета не хранилось оружія въ теченіе октябрьскихъ безпорядковъ.

Однимъ изъ первыхъ активныхъ проявленій участія университета въ начавшейся 18-го октября смутѣ было обращенное ректоромъ къ университетскому и жандармскому начальству и прокурорскому надзору требованіе, поддержанное въ одномъ случаѣ собравшеюся пятитысячною толпою, объ освобожденіи изъ заключенія лицъ, содержавшихся по политическимъ дѣламъ. Ректоръ, въ сопровожденіи студентовъ, разъѣзжалъ по полицейскимъ участкамъ, предъявляя тѣ же требованія объ освобожденіи заключенныхъ и, когда получалъ отвѣтъ о томъ, что ихъ нѣтъ, удостовѣрялся въ томъ, обходя камеры и обозрѣвая книги участка, при чемъ студенты угрожали чинамъ полиціи насиліемъ, до повѣшанія включительно, и распространяли свѣдѣнія о совершившемся упраздненіи законной власти.

Когда 19-го октября погромъ принялъ вполнѣ опредѣленный характеръ, студенческая милиція занимала уже посты на улицахъ, но, судя по ея дѣйствіямъ, въ задачи ея входили не столько защита населенія отъ насилій и водвореніе порядка, сколько противодѣйствіе войскамъ, въ которыя она стрѣляла при прохожденіи ихъ по улицамъ. Обнаруженъ даже случай попытки студента склонить офицера къ переходу «на ихъ сторону». Милиція задерживала людей, казавшихся ей подозрительными, и отправляла ихъ для разбора въ университетъ. Образъ ея дѣйствій вообще не внесъ успокоенія и не внушалъ довѣрія населенію, много разъ тщетно обращавшемуся къ градоначальнику съ просьбою о востановленіи наружной полиціи, появившейся только 22-го, по окончаніи погрома.

Роль Новороссійскаго университета въ Одесскомъ революціонномъ движеніи послѣдняго времени вытекала, повидимому, изъ положенія, созданнаго закономъ 27-го августа о Россійскихъ уни-

верситетахъ. Совѣтъ профессоровъ въ своихъ журналахъ постоянно ссылается на данную университету автономію, проявляя особенную заботливость о ея ненарушимости, но понимая ее не въ смыслѣ исключительно полной свободы академическаго преподаванія науки, но совершенно иначе. Подъ автономіею подразумѣвалось право вполнѣ самостоятельной университетской жизни, не считающейся ни съ какими общественными условіями и не признающей никакого законнаго воздѣйствія, какъ бы проявленія этой жизни ни отражались вредно на государственномъ порядкѣ. Поэтому такія дѣйствія, какъ устройство въ университетѣ общедоступныхъ митинговъ, на которыхъ устно и письменно проповѣдывались понятія, распространеніе которыхъ составляетъ, само по себѣ, дѣяніе, караемое уголовнымъ закономъ,—вовлеченіе на эти митинги дѣтей,—храненіе оружія и вооруженіе имъ для открытой борьбы и т. п., составляютъ какъ бы дѣйствія, покрываемыя университетскою автономіею, исключающею право преслѣдованія въ общеустановленномъ закономъ порядкѣ и, какъ будто, создающее для университета права убѣжища и внѣземельности, вовсе не составляющія признаковъ автономіи и университетамъ поэтому не принадлежащія.

Трудно однако допустить, чтобы профессорская коллегія могла держаться такого превратнаго толкованія значенія автономіи и, если тѣмъ не менѣе дѣйствительность показываетъ противное, то порождаемыя такимъ взглядомъ явленія находятъ себѣ объясненіе въ томъ положеніи, которое занялъ университетъ, въ лицѣ ректора, совѣта и совѣтской комиссіи, по отношенію къ студентамъ.

На дѣлѣ активными факторами въ университетской жизни въ Одессѣ являются совѣтская комиссія и коалиціонной совѣтъ: первая, съ ректоромъ во главѣ, составленная изъ крайнихъ элементовъ состава профессоровъ, упразднила вліяніе совѣта профессоровъ, а второй, образованный изъ представителей всѣхъ революціонныхъ партій студентовъ, всевозможныхъ оттѣнковъ, неограниченно распоряжался всѣмъ студенчествомъ. Но этимъ не исчерпывалась фактическая власть коалиціоннаго совѣта. Своимъ смѣлымъ и рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, не отличавшимся разборчи-

востью въ средствахъ, склоннымъ даже къ мѣрамъ воздѣйствія, въ родѣ бойкота профессоровъ, изгнанія ихъ изъ аудиторій и т. д., коалиціонный совѣтъ весьма быстро пріобрѣлъ преобладающее вліяніе на ходъ университетской жизни и затмилъ собою совѣтскую комиссію. Въ первой части отчета изложены выдержки изъ отчета коалиціоннаго совѣта за первые два мѣсяца его дѣйствія, изъ котораго видно, что этотъ совѣтъ призналъ возможнымъ войти въ тѣсное общеніе съ совѣтскою комиссіею, лишь разобравъ, изъ какихъ профессоровъ она состоитъ, и удостовѣрившись въ томъ, что она идетъ «навстрѣчу коалиціонному совѣту и дѣлаетъ все для того, чтобы съ нимъ не расходиться». Тамъ же между прочимъ указаны случаи, когда ректоръ университета и совѣтъ профессоровъ отмѣняли свои распоряженія и постановленія по требованію коалиціоннаго совѣта, до такой степени подавляюще было его вліяніе на дѣлѣ университета. Занятое коалиціоннымъ совѣтомъ положеніе, въ союзѣ съ единомышленною совѣтскою комиссіею одинаковаго революціоннаго направленія, всегда идущей навстрѣчу стремленіямъ и желаніямъ совѣта, создали то, что на дѣлѣ онъ властно распоряжался въ университетѣ и совершенно упразднилъ значеніе совѣта профессоровъ и ректора. Этотъ послѣдній, одновременно состоявшій предсѣдателемъ совѣтской комиссіи, сталъ послушнымъ исполнителемъ требованій коалиціоннаго совѣта. Чѣмъ инымъ можно объяснить такія его дѣйствія, какъ участіе въ депутаціи будто бы отъ университета, просившей командующаго войсками объ удаленіи съ улицъ войскъ на время демонстративныхъ, или, какъ называютъ ихъ въ Одессѣ, символическихъ, похоронъ убитыхъ на баррикадахъ; или же, какъ предъявленіе властямъ требованій объ освобожденіи политическихъ заключенныхъ и разъѣзды для этой цѣли по полицейскимъ участкамъ въ сопровожденіи группы студентовъ и т. п.? Какого рода ректорскія обязанности могли приводить его въ соприкосновеніе съ этими предметами и подвинуть его на такія проявленія крайней энергіи, какія онъ обнаруживалъ во все время октябрьскихъ волненій? Произошелъ, очевидно, обмѣнъ положеній: коллегія профессоровъ, долженствующая не только

въ силу закона, но и по самому существу вещей, руководить университетскою жизнью, уступила все овое вліяніе коалиціонному совѣту студентовъ крайняго революціоннаго направленія и сама подчинилась ему.

Однородныя явленія наблюдались также и въ Одесской городской думѣ. Здѣсь обнаружили притязаніе на вліяніе и власть служащіе въ городской управѣ и въ различныхъ ея учрежденіяхъ, такъ называемый третій элементъ, совмѣстно съ другими группами населенія. Большинство городскихъ служащихъ прекратило 14 октября занятія въ управѣ, принудило забастовать меньшинство и образовало комитетъ, выработавшій и предъявившій городской думѣ разнаго рода требованія, преимущественно политическаго характера, и, между прочимъ, требованіе объ учрежденіи особаго комитета для завѣдыванія общественными городскими дѣлами; исполненіемъ этихъ требованій было обусловлено возвращеніе служащихъ въ управѣ къ своимъ занятіямъ. Подъ вліяніемъ происшествія 14-го у гимназіи Березиной, значительно преувеличеннаго общественнымъ мнѣніемъ, и баррикадъ 16-го, возбужденіе въ революціонно-настроенныхъ слояхъ населенія чрезвычайно возросло.

Попытки открыть въ эти дни засѣданія думы не могли быть осуществлены, вслѣдствіе огромнаго стеченія публики, превращавшей эти засѣданія въ политическіе митинги, такъ что приходилось устраивать лишь частныя совѣщанія гласныхъ въ посторонникъ помѣщеніяхъ, какъ-то въ биржевомъ залѣ. Въ такомъ-то, созванномъ городскимъ головою 16-го октября вечеромъ, частномъ совѣщаніи, на которое собралось 30 гласныхъ, рѣшившихъ обратить его въ думское засѣданіе, было постановлено учредить при городскомъ головѣ совѣщательный комитетъ изъ гласныхъ думы и представителей союзныхъ и рабочихъ организацій. Постановленіе это было вызвано необходимостью безотлагательно принять мѣры къ предотвращенію грозившихъ городу бѣдствій, въ родѣ прекращенія водоснабженія, дѣйствія больницъ и проч., вслѣдствіе ожидавшейся на слѣдующій день забастовки служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ. Вечеромъ 17-го было открыто засѣданіе въ зданіи думы, гдѣ только

могли быть объявлены постановленія предшествующаго дня, такъ какъ собравшаяся публика, свыше 800 человѣкъ, снова открыла митингъ и тѣмъ положила конецъ засѣданію. Позднѣе, уже ночью, собралось нѣсколько гласныхъ думы и 35 представителей различныхъ союзовъ, въ томъ числѣ городскихъ служащихъ, въ качествѣ членовъ совѣщательнаго комитета при городскомъ головѣ, безъ указанія на какія-либо полученныя ими полномочія. На слѣдующій день эти представители, въ отсутствіе городского головы, составили проектъ воззванія къ одесскимъ гражданамъ, начинавшійся словами: «Наконецъ Самодержавіе провалилось въ пропасть»; городской голова, по прибытіи, отказался его подписать и сложилъ съ себя обязанности предсѣдателя этого совѣщанія, а воззваніе было въ тотъ же день отпечатано и расклеено по городу, однако, безъ этого дерзновеннаго вступленія. Хотя существованіе этого комитета затѣмъ отвергалось и дума распубликовала 20-го, что онъ не успѣлъ еще организоваться, однако, какъ видно изъ думскихъ постановленій, 18-го уже избраны были въ его составъ одиннадцать гласныхъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что въ послѣдующее время онъ дѣйствовалъ, и въ теченіе декабрьской всеобщей забастовки организовалъ дежурство для пріема обращенныхъ въ городскую управу поступленій, пока, со введеніемъ въ городѣ 15-го декабря военнаго положенія, не былъ по требованію генералъ-губернатора закрытъ.

Въ вечернемъ засѣданіи думы, 18-го октября, городской голова Крыжановскій, удрученный событіями послѣднихъ дней, извѣрившись въ возможности внести своею дѣятельностью въ какой бы то ни было мѣрѣ успокоеніе въ населеніе и умиротвореніе въ среду все разроставшейся ненависти одной части населенія къ другой, сложилъ съ себя должность и передалъ ее товарищу городского головы Андреевскому, въ которомъ крайніе элементы не встрѣтили уже сдерживающаго начала, отличавшаго покинувшаго свою плодотворную дѣятельность почтеннаго городского первоизбранника.

Въ тотъ же день состоялся рядъ постановленій думы, ярко очерчивающихъ ея настроеніе. Она постановила: 1) выразить

искреннюю и глубокую благодарность студентамъ университета за ихъ энергичныя, разумныя и самоотверженныя дѣйствія по охраненію порядка въ городѣ 18-го октября, между тѣмъ, какъ характеръ этой дѣятельности съ перваго же дня представлялся уже сомнительнымъ; 2) привѣтствовать одесскихъ гражданъ съ разсвѣтомъ свободы; 3) выразить глубокую скорбь по всѣмъ жертвамъ произвола и насилія, отходящихъ въ исторію бюрократическаго строя; 4) принять участіе, въ полномъ составѣ, въ похоронахъ жертвъ кровавыхъ событій 16-го октября; 5) возбудить ходатайство о немедленномъ освобожденіи всѣхъ лицъ, подвергшихся преслѣдованію за политическія преступленія; 6) для обезпеченія спокойствія населенія, взволнованнаго произволомъ и возмутительными дѣйствіями мѣстной администраціи, особенно проявленными въ послѣдніе скорбные дни, просить предсѣдателя совѣта министровъ безотлагательно назначить на должность градоначальника новое лицо, съ именемъ котораго не были бы связаны для города тяжелыя воспоминанія. Въ развитіе этого послѣдняго пункта, дума 20-го октября постановила, въ виду объявленія градоначальника о снятіи полицейской охраны въ городѣ, отправиться въ полномъ составѣ думы къ командующему войсками и просить его принять немедленно въ свое вѣдѣніе охрану города.

Сходныя черты между университетомъ и городскимъ общественнымъ управленіемъ выразились въ томъ, что оба эти учрежденія, подъ дѣйствіемъ бушевавшихъ въ городѣ революціонныхъ вѣяній, выдвинули двѣ организаціи: коалиціонный совѣтъ студентовъ и совѣщательный при городскомъ головѣ комитетъ, состоявшій въ двухъ третяхъ своего состава изъ представителей различныхъ союзовъ, дѣятельность каковыхъ организацій была несомнѣнно направлена на поддержаніе и дальнѣйшее развитіе революціоннаго движенія и имѣла цѣлью, если не замѣнить собою законно существующія установленія, то, по меньшей мѣрѣ, оказывать на нихъ такое сильное вліяніе, при которомъ власть лишь формально сохранялась за ними, а въ дѣйствительности принадлежала бы означеннымъ организаціямъ. Быть можетъ, въ началѣ октябрьскихъ волненій было попол-

зновеніе произвести полный захватъ власти, и въ такомъ случаѣ распоряженія градоначальника о снятіи наружной полицейской охраны и командующаго войсками объ удаленіи съ улицъ войскъ въ критическіе дни 18 и 19 октября могли значительно способствовать достиженію этой цѣли, тѣмъ болѣе, что на улицахъ дѣйствовали студенческая милиція и еврейская самооборона, а въ думѣ возникалъ вопросъ объ учрежденіи городской милиціи. Но, съ подавленіемъ, хотя и запоздалымъ, силою оружія смуты, поползновенія эти должны были отпасть и дали мѣсто организаціямъ, поддерживавшимъ настроеніе революціонныхъ слоевъ населенія.

Весьма сильнымъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи факторомъ явилась въ Одессѣ повседневная печать, излишества которой вовсе не сдерживались цензурою, полагавшей, повидимому, что съ появленіемъ Манифеста 17 октября, даровавшаго свободу слова, функціи ея упразднены, и, къ тому же, не получавшей по этому поводу руководящихъ указаній. Съ изданіемъ же закона 24 ноября, отмѣнившаго предварительную цензуру и введшаго карательную систему, возбужденіе преслѣдованія не могло въ теченіе нѣкотораго времени получить примѣненія, такъ какъ вслѣдствіе почтово-телеграфной забастовки этотъ законъ былъ полученъ на мѣстѣ лишь 8 декабря и потому, согласно 59 ст. основныхъ государственныхъ законовъ, не могъ ранѣе воспріять свою силу.

Съ началомъ всеобщей забастовки въ Одессѣ, около 10 декабря, всѣ ежедневныя газеты перестали выходить; ихъ замѣнили «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ г. Одессы», первый номеръ которыхъ вышелъ 13 декабря. Не касаясь общаго содержанія помѣщенныхъ статей, въ немъ поражаетъ повелительный тонъ объявленія о всеобщей забастовкѣ: послѣ перечисленія немногихъ заведеній, которымъ разрѣшено въ теченіе извѣстнаго времени дня не бастовать, въ томъ числѣ всего пяти аптекамъ на почти полумилліонное населеніе, съ обязательствомъ при томъ ежедневно представлять въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ всю чистую выручку, — сказано: «все остальное должно бастовать; мы этого требуемъ и свое требованіе осуществимъ». Тѣмъ не менѣе забастовка продолжалась не болѣе

недѣли и должна быть признана рѣшительно неудавшеюся. Она внесла нѣкоторое вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ, пріостановку пароходнаго и желѣзнодорожнаго движенія, темноту на улицахъ, прекращеніе электрическаго освѣщенія и торговли, но вызвала и ропотъ среди рабочаго класса. Послѣ введеннаго въ Одессѣ, на основаніи закона 29 ноября, военнаго положенія, забастовка продержалась всего два дня.

Въ концѣ минувшаго года Одесса, несмотря на всю наружную ея культурность, производила удручающее впечатлѣніе тѣмъ гнетомъ, который наблюдался во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ ея жизни. Тревожное состояніе населенія постоянно поддерживалось нахожденіемъ въ городѣ бомбъ, бросаніемъ ихъ, единичными выстрѣлами; въ дни забастовокъ темнота на улицахъ, прекращеніе торговли и движенія, мертвенность порта; акты безправія и насилія, въ родѣ отобранія и изорванія кипъ начавшей выходить патріотической газеты «Русская рѣчь», требованія денегъ на революціонныя цѣли подъ угрозами, вслѣдъ за тѣмъ осуществлявшимися; толпы праздныхъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній и т. п. Все это дѣйствовало неотразимо и лишало увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Населеніе, очевидно, находилось подъ гнетомъ революціоннаго движенія, руководимаго молодежью, преимущественно еврейскою, не считавшеюся съ правами личности и проявлявшею крайнюю нетерпимость къ убѣжденіямъ противныхъ лагерей. Запуганнымъ состояніемъ населенія пользовались низменные его слои, какъ изобилующіе въ Одессѣ хулиганы, пользовавшіеся этими обстоятельствами для своекорыстныхъ преступныхъ цѣлей. Военное положеніе внесло сравнительное, хотя вынужденное, успокоеніе, но истекшіе послѣ ужасовъ Потемкинскихъ дней три съ половиною мѣсяца, въ продолженіе которыхъ оно существовало въ Одессѣ, показали, что достаточно было всего нѣсколькихъ дней для того, чтобы, по снятіи его, возгорѣлась революція.

Совокупность всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, выясненныхъ моимъ изслѣдованіемъ, въ связи съ вышеприведенными соображеніями, даетъ мнѣ основаніе прійти къ тому заключенію, что октябрь-

скіе волненія и безпорядки были вызваны причинами безусловно революціоннаго характера и завершились разгромомъ евреевъ исключительно вслѣдствіе того, что представители именно этой народности принимали преобладающее участіе въ революціонномъ движеніи и своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій довели до крайняго озлобленія русскую часть городского населенія. Ужасающіе же размѣры этого разгрома, какъ по его продолжительности, такъ и по проистекшему отъ сего значительному числу человѣческихъ жертвъ и матеріальному ущербу, должны быть въ значительной мѣрѣ отнесены: 1) къ противозаконному бездѣйствію власти бывшаго одесскаго градоначальника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейдгарта, о возбужденіи противъ котораго уголовнаго преслѣдованія я вошелъ съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ, и 2) къ преступнымъ дѣйствіямъ нѣсколькихъ классныхъ и нижнихъ чиновъ Одесской городской полиціи, привлеченныхъ мною къ отвѣтственности по суду.

Въ заключеніе пріемлю долгъ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству доложить объ отличныхъ трудахъ и выдающемся усердіи командированныхъ министерствомъ юстиціи въ мое распоряженіе дѣйствительнаго статскаго (нынѣ тайнаго) совѣтника Хладовскаго, коллежскаго совѣтника Рѣзникова и коллежскаго ассесора Прибыткова, оказавшихъ мнѣ въ минувшемъ году ревностное содѣйствіе, какъ при производствѣ ревизіи города Баку и Бакинской губерніи, такъ и при исполненіи настоящаго, Высочайше на меня возложеннаго порученія по городу Одессѣ.

10 февраля 1906 года.

Дѣло объ отвѣтственности бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгарта за неправильныя дѣйствія по службѣ.

Постановленіе сенатора Кузьминскаго отъ 12 января 1906 г. объ истребованіи объясненій отъ бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгарта.

Постановленіе 1906 года января 12 дня, г. С.-Петербургъ.

Я, сенаторъ, тайный совѣтникъ Кузьминскій, разсмотрѣвъ произведенное разслѣдованіе объ обстоятельствахъ, породившихъ и сопровождавшихъ событія, происшедшія въ городѣ Одессѣ 18—22 октября 1905 года, нахожу, что сложившееся въ извѣстныхъ слояхъ мѣстнаго населенія убѣжденіе въ томъ, что эти событія были вызваны, такъ называемою, провокаторскою дѣятельностью бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгарта, должно быть признано лишеннымъ всякаго фактическаго основанія. Всѣ, сдѣланныя мнѣ по этому поводу заявленія, равно какъ и предоставленный въ мое распоряженіе матеріалъ, собранный образовавшимися, до моего прибытія въ Одессу, при университетѣ, думѣ и совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ комиссіями для изслѣдованія октябрскихъ событій, не содержатъ въ себѣ, по надлежащей провѣркѣ сего матеріала, никакихъ, основанныхъ на реальныхъ данныхъ, указаній на то, чтобы погромъ былъ намѣренно созданъ градоначальникомъ Нейдгартомъ. Напротивъ, тщательное изслѣдованіе обстоятельствъ, при которыхъ среди пребывающаго въ одесскомъ портѣ русскаго населенія, преимущественно рабочихъ, зародилась и получила осуществленіе мысль о патріотической манифестаціи, направленной въ подрывъ происходившимъ 18 октября въ городѣ революціоннымъ демонстраціямъ евреевъ, сопровождавшимся наглымъ и дерзкимъ попираніемъ вѣрноподданническихъ и національныхъ чувствъ благонамѣренной части русскаго населенія,—не обнаружено рѣшительно никакихъ данныхъ, указываю-

По 1 департаменту (1-ой экспедиціи).

ящихъ на какія либо проявленія не только подстрекательства, но и участія представителей власти, хотя бы въ лицѣ низшихъ органовъ полиціи, въ образованіи означенной патріотической манифестаціи.

Собранными, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣдѣніями объ обстоятельствахъ, при которыхъ. вслѣдъ за объявленіемъ высочайшаго манифеста 17 октября 1905 года, произошли во многихъ другихъ городахъ и мѣстностяхъ юга Россіи, безпорядки, носившіе, такъ же, какъ и въ Одессѣ, характеръ еврейскаго погрома, выяснено повсемѣстно, что возникали они исключительно вслѣдствіе вызывающаго образа дѣйствій революціонеровъ, въ значительнѣйшей мѣрѣ изъ евреевъ, принявшихъ дарованныя манифестомъ милости въ смыслѣ упраздненія всякаго законнаго порядка и водворенія анархіи, въ которой они стали хозяевами положенія и перестали считаться даже съ достоинствомъ верховной власти и русскаго имени. Избранные ими способы дѣйствія по отношенію къ остальной части населенія, какъ-то: презрѣніе къ личности и насиліе надъ нею въ формѣ предъявленія различнаго рода требованій, касавшихся труда и имущества и сопровождавшимся угрозами, нерѣдко приводившимися въ исполненіе, до крайности озлобили мирное населеніе и неизбѣжно должны были вызвать, и въ дѣйствительности вызвали, реактивное съ его стороны движеніе, выразившееся въ погромахъ, ставшихъ еврейскими потому, что представители этой именно народности заполнили, главнымъ образомъ, ряды революціонеровъ. Такимъ образомъ, приписываемое градоначальнику „провокаторство“, въ смыслѣ подстрекательства къ погрому или намѣреннаго созданія благопріятныхъ для него условій, здѣсь мѣста не имѣло и имѣть не могло; насущные интересы мирныхъ гражданъ слишкомъ живо были затронуты, чтобы не вызвать съ ихъ стороны, въ свою защиту. противодѣйствія, проявившагося, къ сожалѣнію, въ цѣломъ рядѣ дѣяній жестокихъ и преступныхъ, соединенныхъ съ массовыми убійствами и покаліченіями, а также значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ. Такого рода явленія, отнюдь не терпимыя въ благоустроенномъ государствѣ, требуютъ всесторонняго изслѣдованія порядка дѣйствій органовъ власти на предметъ опредѣленія: были ли ими предприняты всѣ установленныя закономъ и вызываемыя ходомъ событій мѣры къ предупрежденію и подавленію безпорядковъ, имѣвшихъ столь гибельныя послѣдствія.

Разсмотрѣвъ въ отдѣльномъ отъ сего производствѣ дѣйствія классныхъ и нижнихъ чиновъ полиціи, о возбужденіи противъ

которыхъ преслѣдованія состоялись постановленія мои отъ 9 и 16 декабря 1905 года, и обращаясь нынѣ къ обсужденію распоряженій и дѣйствій занимавшаго во время октябрскихъ событій должность одесскаго градоначальника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейдгарта, я усматриваю, что произведеннымъ въ этомъ отношеніи, согласно высочайшимъ повелѣніямъ отъ 22 сентября 1880 г. (собр. узак. № 97) и 16 ноября 1905 г. (собр. узак. № 225), особымъ разслѣдованіемъ выяснены нижеслѣдующія обстоятельства:

Появившаяся 18 октября утромъ, ранѣе полудня, на одесскихъ улицахъ толпа молодыхъ евреевъ, студентовъ и учащихся, вначалѣ мирно, повидимому, торжествовавшая оглашенный утромъ этого дня воспослѣдовавшій наканунѣ высочайшій манифестъ, весьма скоро, какъ только достигла зданія городской думы, приняла ярко выраженный революціонный характеръ: среди толпы развѣвались красные флаги съ возмутительными на нихъ надписями, несли чучело безъ головы съ надписью: „вотъ самодержавіе“, на крышѣ зданія думы національный флагъ былъ замѣненъ краснымъ, на фронтонѣ сорвана металлическая надпись „Боже царя храни“; а внутри зданія, въ залѣ засѣданій, дерзновенно порванъ портретъ государя императора; толпа допускала издѣвательства надъ русскими, и въ ней слышались возгласы вродѣ „мы дали вамъ Бога, дадимъ и царя“; появились ораторы, возбуждавшіе въ толпѣ неудовлетвореніе дарованными милостями и приглашавшіе ее къ тому, чтобы насиліемъ и терроромъ добиваться учрежденія демократической республики. Такія дѣйствія толпы, не потому только, что они носили на себѣ всѣ признаки караемаго 121-ю статьею уголовнаго уложенія преступленія, требовавшаго немедленнаго прекращенія дальнѣйшаго его совершенія, но, главнымъ образомъ, потому, что послѣдующія проявленія мятежнаго настроенія толпы угрожали самою серьезною опасностью,—обязывали власть принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы безотлагательно подавить смуту. Между тѣмъ, около полудня градоначальникъ отдалъ по телефону распоряженіе, чтобы на всемъ пространствѣ города городовые сняты были со всѣхъ наружныхъ постовъ, что и было вслѣдъ засимъ исполнено. Одновременно войсковыя части стянуты были съ улицъ въ помѣщенія полицейскихъ участковъ, и городъ былъ оставленъ безъ всякой наружной охраны. Описанное поведеніе толпы безпрепятственно продолжалось до вечера, когда на окраинѣ города между нею и рабочими завода Гена произошло кровавое столкновеніе, вскорѣ однако силою оружія подавленное.

Всѣ приводимыя градоначальникомъ Нейдгартомъ, въ представленіи его министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30 октября за № 3818, объясненія основаній отданнаго имъ распоряженія оказываются совершенно несогласными съ данными, установленными разслѣдованіемъ. Такъ, указаніе его на то, что къ нему съ утра поступали свѣдѣнія объ истязаніяхъ, издѣвательствахъ и убійствѣ во всѣхъ частяхъ города городовыхъ, изъ числа коихъ было убито 2, ранено 10 и обезоружено 22, фактически невѣрно, такъ какъ удостовѣрено, что распоряженіе послѣдовало въ то время, когда раненъ былъ одинъ лишь городовой Губій, впослѣдствіи умершій, и обезоружено трое; изъ остальныхъ же, 11 были ранены, а 6 подверглись нападенію съ цѣлью отобранія оружія уже въ послѣдующее время, послѣ снятія съ постовъ. Равнымъ образомъ несогласна съ истиной ссылка на единогласное заявленіе, сдѣланное ему всѣми городовыми о несогласіи стать порознь на посты въ виду того, что таковые заняла городская милиція изъ вооруженныхъ въ университетѣ студентовъ и другихъ лицъ. Какъ видно изъ дневника, веденнаго, по порученію градоначальника, чиновникомъ особыхъ при немъ порученій Подольцевымъ и показанія, даннаго имъ при разслѣдованіи, городовые были собраны къ градоначальнику не 18-го, но 21-го и заявили только о несогласіи занять посты, пока не будетъ увеличено имъ содержаніе. Прочія объясненія градоначальника Нейдгарта, изложеныя въ упомянутомъ его представленіи за № 3818, состоятъ въ томъ, что 18 утромъ къ нему явились, по его приглашенію, городской голова Крыжановскій и, въ качествѣ представителя академическаго союза, профессоръ университета Щепкинъ, предъявившіе ему требованія о томъ, чтобы „убрать войска, дабы они не раздражали публику, немедленно разоружить и спрятать полицію“, причемъ профессоръ Щепкинъ пояснилъ, что существуетъ „другая охрана“ и что полиція будетъ разоружена „захватнымъ правомъ“. Не касаясь существа этого разговора, не носившаго во всякомъ случаѣ характера требованія со стороны городского головы, эта послѣдняя, приписываемая Щепкину, угроза не нашла себѣ подтвержденія въ объясненіяхъ свидѣтелей разговора—Крыжановскаго и прокурора судебной палаты Поллана, удостовѣрившихъ, что упоминаніе о „захватномъ правѣ“ сдѣлано было не Щепкинымъ, но самимъ Нейдгартомъ, спросившимъ, не этимъ ли способомъ будутъ обезоружены городовые, въ случаѣ его несогласія снять ихъ съ постовъ. Выясненныя затѣмъ при разслѣдованіи обстоятельства даютъ основаніе признать доказаннымъ то, что, отдавая распоряженіе

объ удаленіи городовыхъ, градоначальникъ Нейдгартъ исключительно уступалъ требованію Щепкина, несмотря на то, что въ бесѣдѣ съ нимъ указывалъ на всю незаконность этой мѣры и на то, что принята она можетъ быть только съ разрѣшенія высшаго начальства. Однако вслѣдъ за уходомъ Щепкина требуемое распоряженіе было сдѣлано и затѣмъ, какъ видно изъ показаній бывшаго одесскаго полицеймейстера Головина и начальника мореходнаго училища, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гавришева, Нейдгартъ сказалъ имъ, что онъ согласился допустить студенческую милицію; впослѣдствіи же, 20-го, когда событія приняли особенно неблагопріятный оборотъ, онъ жаловался Гавришеву на то, что Щепкинъ его обманулъ, завѣривши, что порядокъ будетъ вполнѣ сохраненъ, если послѣдуетъ распоряженіе объ устраненіи полиціи.

Изложенныя обстоятельства ясно указываютъ, на то, что градоначальникъ Нейдгартъ 18 октября не только лично, или черезъ подвѣдомую ему полицію, или при помощи войскъ не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы разсѣять собравшуюся на улицахъ города революціонно-настроенную толпу, явно выражавшую неуваженіе верховной власти и сочувствіе бунту, стремящемуся къ насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ строя, но произвольно, безъ всякихъ, достойныхъ уваженія, причинъ и вопреки указаніямъ закона, отдалъ распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ, чѣмъ лишилъ населеніе охраны, а себя тѣхъ органовъ власти, черезъ которыхъ имѣлъ возможность подавить смуту и поддерживать наружный порядокъ. На-ряду съ этимъ, въ городѣ допущена была студенческая милиція и на окраинахъ образовались еврейскія заставы, производившія насильственныя дѣйствія и прибѣгавшія къ огнестрѣльному оружію. Въ лицѣ этихъ противозаконныхъ организацій учиненъ былъ захватъ полицейской власти. Какъ вскорѣ оказалось, милиція была составлена изъ лицъ крайнихъ партій революціоннаго направленія; она въ слѣдующіе дни погрома не только отражала нападенія на евреевъ и ихъ имущество, но обстрѣливала проходившія по улицамъ войска. Вслѣдъ за ея допущеніемъ полицеймейстеръ Головинъ докладывалъ градоначальнику о необходимости устранить ее и возстановить посты городовыхъ, и, такъ какъ представленіе его не было уважено, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности и былъ замѣненъ другимъ лицомъ.

При томъ состояніи, въ которомъ городъ находился 18 числа, когда наружная полиція, по распоряженію своего начальства, от-

сутствовала и была замѣнена частною милиціею, когда скопища евреевъ и революціонеровъ безпрепятственно совершали на улицахъ описанныя безчинства, завершившіяся вечеромъ кровавымъ столкновеніемъ между двумя враждебно настроенными частями населенія, казалось бы, что со стороны высшаго представителя административной власти въ городѣ необходимо должны были быть приняты дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы на слѣдующій день предотвратить самую возможность возобновленія и продолженія прежнихъ безпорядковъ. Представлялось это тѣмъ болѣе необходимымъ, что на 19-е были назначены торжественныя похороны нѣсколькихъ лицъ, убитыхъ 16 октября на баррикадахъ. Наконецъ, поздно вечеромъ, къ командующему войсками, какъ видно изъ его рапорта военному министру отъ 12 ноября за № 23657, явились двѣ депутаціи—отъ думы и университета—съ ходатайствомъ о снятіи войскъ на пути слѣдованія процессіи; генералъ баронъ Каульбарсъ изъявилъ на это согласіе подъ условіемъ принятія на себя депутаціями ручательства за соблюденіе во время похоронъ полнаго порядка. Между тѣмъ съ утра 19-го на улицахъ, по которымъ ожидалось погребальное шествіе, стали собираться значительныя группы евреевъ, всюду развѣшивались черные флаги. Полиція и войска отсутствовали. Одновременно распространилось извѣстіе о томъ, что изъ порта двинулась въ городъ патріотическая манифестація съ иконами, хоругвями и портретомъ государя императора, вслѣдствіе чего лица, распоряжавшіяся похоронами, признали необходимымъ отмѣнить ихъ въ виду возможнаго столкновенія этой манифестаціи съ революціонерами и евреями, собравшимися по случаю ожидавшейся погребальной процессіи. Однако, и въ этомъ случаѣ, явно угрожавшемъ, несмотря даже на отмѣну похоронъ, крупными безпорядками, обусловленными на этотъ разъ не только прежними причинами бывавшихъ ранѣе въ Одессѣ еврейскихъ погромовъ, но, главнымъ образомъ, политическою смутою, наканунѣ, внесенною революціонерами и евреями,—градоначальникъ Нейдгартъ не обнаружилъ ни самой элементарной предусмотрительности, ни какой либо распорядительности. О выходѣ изъ порта патріотической манифестаціи онъ, какъ свидѣтельствуетъ помощникъ полицеймейстера Кисляковскій, былъ извѣщенъ по телефону новымъ полицеймейстеромъ фонъ-Гесбергомъ словами: „уже идетъ манифестація“, указывавшими какъ бы на то, что ему заранѣе было извѣстно о готовившейся манифестаціи, и такое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи прокурора палаты Пол-

лана, слышавшаго отъ него наканунѣ угромъ о томъ, что онъ эту манифестацію разрѣшилъ. Но 18-го событія всего дня приняли такіе, угрожавшіе порядку, размѣры, что если разрѣшеніе и было дано, то простая осторожность облзывала внимательно блюсти за тѣмъ, чтобы вполнѣ вѣроятное столкновеніе между двумя враждебно настроенными частями населенія не могло произойти. Возможно было, съ одной, стороны, разсѣять образовавшіяся на улицахъ скопища евреевъ и революціонеровъ, вызвавъ для этого, въ случаѣ надобности, войска; съ другой же—ограничить задачи патріотической манифестаціи торжественнымъ служеніемъ на соборной площади молебна, который и былъ отслуженъ, но не допускать дальнѣйшаго шествія ея по улицамъ. Однако, въ дѣйствительности, никакихъ распоряженій въ этихъ серьезнѣйшихъ обстоятельствахъ градоначальникомъ Нейдгартомъ сдѣлано не было, и вслѣдъ за окончаніемъ молебна, когда патріотическая манифестація двинулась дальше, въ нее стали стрѣлять и бросать разрывные снаряды. Не взирая на жертвы среди русскихъ людей, она вначалѣ мирно продолжала свое шествіе, но вскорѣ бросилась избивать нападавшихъ, и начался погромъ, ставшій стихать лишь 21-го подъ вечеръ, когда только градоначальникъ Нейдгартъ, подъ усиленнымъ конвоемъ казаковъ, рѣшился выѣхать въ объѣздъ по городу, и закончился 22-го, благодаря расклеенному по городу объявленію командующаго войсками, возвѣщавшему, что „войскамъ приказано истреблять на мѣстѣ оружіемъ всѣхъ безъ исключенія грабителей, нападающихъ на дома, магазины и мирныхъ жителей“.

Описанный образъ дѣйствій градоначальника Нейдгарта могъ быть до нѣкоторой степени понятенъ, если бы, одновременно съ произвольнымъ снятіемъ городовыхъ съ постовъ, онъ, сознавъ свое безсиліе, хотя и не исчерпавъ, какъ требуетъ этого законъ, всѣхъ находившихся въ его распоряженіи средствъ къ подавленію смуты, передалъ эту задачу всецѣло въ руки военнаго начальства, для дѣйствія силою оружія, самостоятельно и по собственному усмотрѣнію, въ порядкѣ, опредѣленномъ 16 и 17 статьями приложенія къ 316 ст. общ. губ. учр. (т. II, ч. I св. зак. изд. 1892 г.). Но изъ письма ко мнѣ командующаго войсками одесскаго военнаго округа отъ 13 декабря за № 33 и отзыва начальника штаба округа отъ того же числа за № 25458 видно, что такого требованія градоначальникомъ Нейдгартомъ за все время безпорядковъ военной власти предъявлено не было. 18-го числа онъ вовсе не обращался къ ней за содѣйствіемъ для разсѣянія мятежной толпы,

безчинствовавшей, какъ указано выше, до вечера на улицахъ, а 19-го, письмомъ, посланнымъ, какъ значится на немъ, въ 12 ч. 40 м. дня, просилъ генерала барона Каульбарса „не допускать процессій съ красными флагами, торжественныхъ похоронъ убитыхъ 16 на баррикадахъ и еврейскаго погрома“, между тѣмъ какъ въ означенное время такихъ процессій уже не было и торжественные похороны были самими же распорядителями съ ранняго утра отмѣнены. Оставалось лишь не допускать начавшагося приблизительно съ полудня погрома, относительно котораго на обязанности гражданской власти лежало, на точномъ основаніи 16 статьи, опредѣлить время, когда должны приступить къ дѣйствію оружіемъ, но сдѣлано этого не было. Градоначальникъ, какъ указываетъ означенное его письмо, продолжалъ сохранять за собою власть по подавленію погрома, и на-ряду съ этимъ войска дѣйствовали силою оружія, не получая на то отъ гражданскаго начальства ни отдѣльныхъ указаній, ни общаго полномочія, причемъ полицеймейстеръ поставленъ былъ въ зависимость отъ начальника обороны генералъ-маіора Глаголева, а другіе чины полиціи находились въ вѣдѣніи второстепеннаго военнаго начальства. Такъ продолжалось и въ послѣдующіе дни погрома.

Такая неопредѣленность въ соотношеніи гражданскихъ и военныхъ властей, идущая вразрѣзъ съ положительными и невызывающими никакихъ сомнѣній указаніями закона, имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что какъ начальники отдѣльныхъ воинскихъ частей, такъ равно полицейскіе чины не отдавали себѣ яснаго отчета въ существѣ лежащихъ на нихъ обязанностей и, не имѣя ни общаго наставленія, ни отдѣльныхъ указаній относительно порядка и способа дѣйствій на мѣстахъ столкновеній и погромовъ, никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ подавленію безпорядковъ не принимали. Обстрѣливая, во время обходовъ патрулями по городу, окна и двери тѣхъ домовъ, изъ коихъ, по указаніямъ городовыхъ—нерѣдко невѣрнымъ и ложнымъ—производились выстрѣлы, и разгоняя выстрѣлами появлявшіяся на улицахъ группы милиціи и обороны, войска и полиція не предпринимали никакихъ рѣшительно мѣръ къ прекращенію разгрома еврейскихъ квартиръ и лавокъ, избіенія евреевъ и разграбленія ихъ имущества. Громилы, принадлежавшіе по преимуществу къ подонкамъ общества, такъ называемые „хулиганы“, нерѣдко совершали преступленія на глазахъ войскъ и полиціи, иногда даже при ихъ участіи, и не были задерживаемы, чему въ значительной мѣрѣ должна быть приписана чрезвычайная продолжительность погромовъ.

Отсутствіе должной распорядительности при подавленіи октябрскихъ безпорядковъ объясняется также тѣмъ, что градоначальникъ Нейдгартъ, въ порядкѣ призыва войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, руководствовался не правилами, указанными на этотъ предметъ въ законѣ (приложеніе къ 316 ст. общ. губ. учр.), но идущимъ съ ними вразрѣзъ словеснымъ соглашеніемъ, состоявшимся между нимъ и командующимъ войсками, еще въ 1904 году, послѣ кишиневскаго погрома. На основаніи этого соглашенія, какъ усматривается изъ отзыва начальника штаба округа за № 25458, городъ Одесса, на случай народныхъ волненій, былъ раздѣленъ на участки, каждый изъ которыхъ состоялъ въ вѣдѣніи особаго воинскаго начальника, распоряжавшагося въ немъ самостоятельно и отвѣчавшаго за спокойствіе въ немъ; полиція оказывала лишь содѣйствіе войскамъ. Мѣры этого рода принимались не только когда разгоралось народное волненіе, но и въ ожиданіи предстоящихъ волненій; это послѣднее обстоятельство было причиною тому, что войска вынуждены были дѣйствовать самостоятельно, не получая указаній администраціи о передачѣ дѣла усмиренія въ руки войскъ. Разбросанныя на огромномъ пространствѣ города, имѣя около себя лишь низшихъ чиновъ полиціи, войска должны были дѣйствовать самостоятельно, что имъ и было неоднократно приказано командующимъ войсками.

Не говоря уже о полномъ несогласіи этого порядка съ ясными требованіями статей 15, 16 и 17 правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ,—на нецѣлесообразность его въ данномъ случаѣ достаточно указываютъ условія, при которыхъ протекалъ погромъ, его продолжительность, число человѣческихъ жертвъ и размѣръ причиненнаго населенію матеріальнаго ущерба. Самое соглашеніе, послѣдовавшее за годъ до наступленія октябрскихъ событій, не могло быть сообразовано съ обстоятельствами, въ которыхъ они проявятся, между тѣмъ какъ въ прямой зависимости отъ характера и размѣра событій находилось принятіе тѣхъ или другихъ, указанныхъ въ законѣ, мѣръ. Наконецъ, если бы, по какимъ либо основаніямъ, градоначальникъ признавалъ дѣйствующія правила о порядкѣ призыва войскъ неисчерпывающими всѣхъ случаевъ, въ коихъ они подлежатъ примѣненію, онъ могъ своевременно войти о семъ съ представленіемъ по начальству. Словесная форма, въ которую вылилось это соглашеніе, лишаетъ возможности судить о степени его обоснованности, но, какъ показали послѣдствія, оно создало для градоначальника Нейдгарта положеніе, при которомъ онъ проявилъ совершенную

бездѣятельность въ принятіи цѣлесообразныхъ мѣръ къ подавленію безпорядковъ. Его бездѣйствіе отразилось и на полиціи: снявши 18 числа городовыхъ съ постовъ, онъ хотя и распорядился посылать ихъ патрулями по городу, но въ этого рода службу никакой организаціи не было внесено, патрули дѣйствовали внѣ всякаго наблюденія за ними, и появленіе ихъ ни мало не способствовало прекращенію или, по крайней мѣрѣ, ослабленію разгромовъ. Самъ градоначальникъ всего одинъ разъ, подъ охраною сильнаго конвоя казаковъ, проѣхалъ по городу и притомъ на четвертый день безпорядковъ, когда погромъ сталъ затихать; все остальное время онъ оставался дома, требуя и отъ приставовъ безотлучнаго нахожденія въ участкахъ, вслѣдствіе чего они и ихъ помощники, изъ опасенія за свою жизнь, весьма рѣдко появлялись на улицахъ, а на мѣстахъ наиболѣе крупныхъ столкновеній вовсе не появлялись. Околоточные надзиратели и городовые, кромѣ случайной посылки въ патрули, или пребывали безъ всякаго дѣла въ участкахъ, или же, какъ обнаружено разслѣдованіемъ, появлялись на мѣстахъ событій нерѣдко переодѣтыми въ качествѣ участниковъ погрома и грабежей.

Помимо сего, бездѣятельность градоначальника Нейдгарта выразилась еще и въ томъ, что онъ отказывалъ въ помощи лицамъ и учрежденіямъ, обращавшимся къ нему съ просьбами о защитѣ отъ нападеній и погрома, говоря, что ничего не можетъ сдѣлать, и направляя просителей въ университетъ: „идите въ университетъ,—сказалъ онъ директору общества взаимнаго кредита Брахману,—тамъ сосредоточена теперь охрана города". На многократныя просьбы одесскихъ жителей о возстановленіи постовой полицейской охраны, онъ отвѣчалъ печатнымъ объявленіемъ отъ 20 октября, коимъ извѣщалъ населеніе, что „это возможно, если около каждаго городового станетъ десять гражданъ, которымъ онъ довѣритъ свою жизнь", и предлагалъ желающимъ возстановленія городовыхъ обращаться въ участки къ приставамъ. Такимъ образомъ, охрана города, осложненная, къ тому же, охраною городовыхъ, предлагалась иниціативѣ самихъ жителей, безъ всякаго соображенія съ возможностью осуществленія этого предложенія въ условіяхъ времени, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, созданныхъ событіями октябрскихъ дней. Для оцѣнки значенія этой мѣры достаточно указать, что, по числу наружныхъ полицейскихъ постовъ въ Одессѣ (182), потребовалось бы, слѣдуя указанной Нейдгартомъ нормѣ, собрать 1820 жителей.

Совокупность всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ навлекаетъ

на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейдгарта обвиненіе въ томъ, что, по должности одесскаго градоначальника, имѣя возможность предотвратить и подавить вооруженное столкновеніе русскаго населенія гор. Одессы съ еврейскимъ, онъ допустилъ 18 октября 1905 года демонстративныя шествія по городу еврейскихъ революціонныхъ скопищъ, дозволявшихъ себѣ дерзко оскорблять верховную власть и русское національное чувство, и, находившимся въ его распоряженіи средствами, не разсѣялъ эти скопища, а на слѣдующій день допустилъ русскую патріотическую манифестацію, не предваривъ ее объ угрожавшемъ столкновеніи съ вновь собравшимися на улицахъ евреями, и не только не принялъ никакихъ рѣшительно мѣръ къ тому, чтобы предупредить такое столкновеніе, но, напротивъ, въ самомъ началѣ шествій 18-го, не имѣя на то по закону права и достойныхъ уваженія основаній, самовольно распорядился снять съ наружныхъ постовъ городовыхъ и, оставивъ такимъ образомъ городъ безъ всякой полицейской охраны, самъ ничего не предпринималъ для водворенія порядка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не передалъ военному начальству власти самостоятельнаго подавленія силою оружія возникшихъ безпорядковъ, въ порядкѣ, указанномъ 16 и 17 ст.ст. прилож. къ 316 ст. общ. губ. учр. (т. II, ч. I св. зак., изд. 1892 г.), чѣмъ допустилъ бездѣйствіе власти, въ значительной мѣрѣ способствовавшее тому, что начавшееся 18 Октября столкновеніе между двумя враждебно настроенными частями населенія окончилось лишь 22 октября и сопровождалось огромнымъ числомъ человѣческихъ жертвъ убитыми и ранеными, а также истребленіемъ и расхищеніемъ имущества на значительную сумму,—то есть въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. улож. о нак.

Вслѣдствіе сего, въ силу полномочій, предоставленныхъ мнѣ высочайшими повелѣніями, воспослѣдовавшими 16 ноября 1905 г. (собр. узак. № 225) и 22 сентября 1880 г. (собр. узак. № 97) и на основаніи 1086 ст. уст. угол. суд.,—постановляю: предварительно возбужденія вопроса объ уголовномъ преслѣдованіи бывшаго Одесскаго градоначальника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейдгарта, потребовать отъ него объясненіе, назначивъ ему для представленія такового двухнедѣльный срокъ со дня объявленія сего постановленія.

Сенаторъ *А. Кузьминскій.*

Объясненіе Нейдгарта, представленное сенатору Кузьминскому.

Во исполненіе постановленія вашего превосходительства, обязываюсь представить нижеслѣдующія объясненія.

I. О бездѣйствіи власти 18 октября.

Предъявляемое противъ меня обвиненіе состоитъ въ томъ, что, *имѣя возможность предотвратить и подавить вооруженное столкновеніе русскаго населенія гор. Одессы съ еврейскимъ*, я, въ періодъ времени съ 18 по 22 октября, допустилъ бездѣйствіе власти.

Сознаніе выполненнаго служебнаго и нравственнаго долга, а затѣмъ твердое убѣжденіе въ законномъ дѣйствіи данной мнѣ власти, пропикнутое искреннимъ и неослабнымъ стремленіемъ къ изысканію средствъ умиротворенія населенія и водворенія порядка въ г. Одессѣ, заставляетъ меня прежде всего просить ваше превосходительство остановиться на событіяхъ, предшествовавшихъ, такъ называемому, еврейскому погрому, уясняющихъ причинность и планомѣрность отдѣльныхъ моихъ мѣропріятій и распоряженій, которыя внѣ этой исторической и логической связи лишаются внутренняго смысла, способнаго, по крайнему моему разумѣнію, дать полную и подлинную характеристику моей дѣятельности, снявъ съ меня тяжелое обвиненіе въ нарушеніи служебнаго долга и присяги, и выяснить, что еврейскій погромъ не былъ самостоятельнымъ явленіемъ, а явился лишь слѣдствіемъ вооруженнаго нападенія революціонеровъ на власть и войска, по которымъ въ дни погрома не прекращалась по всему городу стрѣльба изъ оконъ, отвлекавшая войска и полицію отъ преслѣдованія грабителей.

Въ началѣ октября, послѣ отмѣны военнаго положенія, отказа мнѣ въ полномочіяхъ чрезвычайной охраны и возвращенія въ Одессу многихъ десятковъ главныхъ агитаторовъ, высланныхъ военною властью, политическое движеніе, охватившее широкіе круги еврейскихъ массъ и интеллигенціи съ центромъ въ городскомъ управленіи и въ особенности въ университетѣ, усилившись подъ вліяніемъ всеобщей забастовки, перешло, начиная *съ 14 октября*, въ вооруженное возстаніе, съ попыткою захватить фактически власть и совершить переворотъ. Цѣлый рядъ принятыхъ мною мѣръ былъ направленъ къ немедленному прекращенію смуты, безчинствъ и насилій со стороны мятежныхъ группъ; съ этой цѣлью были усилены вооруженные полицейскіе отряды, пѣшіе и конные, разгонявшіе толпы и сборища; въ ночь на 16 октября были свезены въ полицейскіе участки патроны, отобранные изъ

всѣхъ частныхъ оружейныхъ магазиновъ; запрещенъ былъ, несмотря на доставленный мнѣ грозный протестъ совѣтской комиссіи, митингъ, назначенный въ университетѣ, и спеціальной охраной *фактически прегражденъ* доступъ публикѣ въ зданіе университета; наконецъ, въ виду выяснившейся недостаточности однихъ полицейскихъ средствъ, для подавленія усилившагося движенія—призваны для содѣйствія войска, причемъ, въ интересахъ дѣйствительной охраны всѣхъ частей города и для немедленнаго прекращенія всякой вспышки народнаго волненія, 15 октября городъ былъ раздѣленъ на десять участковъ обороны съ 47 военными постами и одновременно съ симъ утверждено командующимъ войсками подробное наставленіе войсковымъ частямъ, составленное примѣнительно къ положенію дѣлъ на точномъ основаніи правилъ приложенія къ ст. 316 общаго учрежденія губернскаго (т. II, ч. I). Попытка открытаго сопротивленія властямъ, выразившаяся въ устройствѣ баррикадъ, была подавлена самымъ рѣшительнымъ образомъ, при содѣйствіи войскъ, 16 октября и смѣнилась крайнимъ возбужденіемъ противъ дѣйствій власти, употребившей рѣшительныя мѣры, въ результатѣ которыхъ оказалось около 80 раненыхъ и 9 убитыхъ.

При такомъ настроеніи полученъ былъ 18 утромъ высочайшій Манифестъ, даровавшій населенію тѣ свободы, которыя недавно требовались съ высоты баррикадъ. Великодушный царскій призывъ къ населенію „вспомнить долгъ свой передъ родиной и помочь прекращенію неслыханной смуты“, въ связи съ указаніями всеподданнѣйшаго доклада статсъ-секретаря графа Витте о желательномъ дѣятельномъ содѣйствіи общества въ возстановленіи порядка при пріемахъ власти, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній, не могли не вызвать во мнѣ стремленія достигнуть *этими способами* умиротворенія умовъ и скораго успокоенія населенія. Радость, вызванная сообщеніемъ манифеста, съ утра охватила жизнь города, и я немедленно рѣшился воспользоваться этимъ подъемомъ для внесенія новыхъ мѣръ, направленныхъ къ водворенію порядка. Около часу дня прибылъ, приглашенный ко мнѣ по телефону, городской голова, въ качествѣ представителя общественнаго управленія и профессоръ Щепкинъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ событіяхъ послѣднихъ дней. Изложивъ явившимся мой взглядъ на необходимость содѣйствія общества въ дѣлѣ немедленнаго проведенія въ жизнь царской воли, призывающей къ миру и къ плодотворной, дружной работѣ всѣхъ элементовъ народ-

ныхъ—въ лицѣ общества и органовъ правительственной власти,— я просилъ городского голову Крыжановскаго и профессора Щепкина напречь всѣ силы, черезъ вліявшихъ на народъ дѣятелей, къ возстановленію тишины въ Одессѣ, дабы загладить воспоминаніе о тяжелыхъ только что пережитыхъ дняхъ величественнымъ народнымъ молебномъ 21 октября, въ день восшествія на престолъ. Я имѣлъ основаніе вѣрить въ полную возможность осуществленія предначертаннаго плана, опираясь на тотъ восторженный пріемъ и образцовый порядокъ, поддержанный самимъ населеніемъ, за которые такъ недавно, всего годъ до переживаемаго момента, населеніе города Одессы удостоилось монаршей благодарности.

Но не благодарностью отвѣтила на манифестъ революціонно настроенная часть населенія, а задоромъ, и въ первый же день, именно 18-го, были приняты мѣры подавить смуту войсками вопреки утреннему рѣшенію командующаго войсками ихъ въ этотъ день не выводить на улицу.

Они вышли на улицу по моему требованію, и вотъ страницы дѣла, въ которыхъ упоминается о дѣйствіяхъ войскъ 18 числа.

1) Казаки сняли красный флагъ съ Думы (л. д. 553).

2) Казаки разогнали толпу, избивавшую околоточнаго надзирателя Полянчикова (тамъ же).

3) Посланная имъ въ подмогу рота дала 5 залповъ и въ роту была брошена бомба (тамъ же).

О дѣйствіяхъ войскъ 18 числа упоминаютъ свидѣтели Штульманъ и студентъ Трещинъ (л. д. 7—8).

Городской голова Крыжановскій пишетъ: послѣ полудня 18 числа на Думской площади смятеніе и плачъ отъ появившагося взвода казаковъ, такъ какъ скрытыя отъ глазъ населенія войска были вызваны вновь на улицу вслѣдствіе происходившихъ тамъ безпорядковъ (л. д. 193).

18 октября полусотня разогнала толпу съ красными флагами, грозившую жандармскому управленію (л. д. 229 об.).

18 числа 3-я сотня три раза патрулировала въ полномъ составѣ, кромѣ того три взвода ходили въ разъѣзды (л. д. 234).

18 числа 4-я, 5-я и 6-я сотни патрулировали по городу до тюрьмы (л. д. 237, 241 и 244).

18 числа рота измаильскаго полка отбираетъ все оружіе въ магазинѣ Хакаловскаго въ виду ограбленія утромъ другого оружейнаго магазина (л. д. 272).

18 числа ночью 5-я рота патрулировала (л. д. 280).

18 числа 6-я рота заняла всѣ выходы изъ порта, дабы босяки

не шли въ городъ, а 20-го числа на всѣхъ спускахъ для того же были поставлены пулеметы (л. д. 282 и 65 об.).

Кромѣ того, я въ это время распорядился по обществу трезвости выдавать босякамъ даровые обѣды по мѣрѣ дѣйствительной необходимости.

18 октября 13 рота дунайскаго полка преградила пятитысячной толпѣ путь по Преображенской и разсѣяла ее (л. д. 415).

18 числа на Думскую площадь была двинута полурота (л. д. 508).

Не указываютъ ли всѣ эти свѣдѣнія, что 18 числа мною были немедленно приняты всѣ надлежащія мѣры къ безотлагательному подавленію смуты и не снимаютъ ли эти данныя съ меня обвиненіе въ бездѣйствіи власти 18 числа, тѣмъ болѣе, что въ постановленіи вашего превосходительства значится: „когда 18 числа на окраинѣ города дошло до кроваваго столкновенія между толпой и рабочими завода Гена, оно было вскорѣ подавлено силою оружія“. Скорость эта и была возможна въ виду принятыхъ мною своевременно мѣръ расположенія войсковыхъ отрядовъ въ наиболѣе угрожаемыхъ мѣстахъ.

II. *Невозможности предотвратить вооруженное столкновеніе.*

Ревизіей вашего превосходительства установлено, *что милости, дарованныя манифестомъ, были приняты революціонно настроенною частью населенія въ смыслѣ упраздненія всякаго законнаго порядка и удобнаго случая для водворенія анархіи.* Преобладаніе среди массъ, стремящихся къ смутѣ, еврейской молодежи, дозволившей себѣ дерзко оскорблять верховную власть и тѣсно съ ней связанное русское національное чувство, до крайности озлобило мирное населеніе, измученное непрерывными безпорядками, и вызвало реактивное съ его стороны движеніе, выразившееся въ погромѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлено вашимъ превосходительствомъ, что при такихъ данныхъ приписываемое мнѣ подстрекательство къ погрому или *намѣренное созданіе благопріятныхъ для него* условій не имѣло мѣста. И дѣйствительно, событія, называемыя погромомъ, явились лишь печальнымъ слѣдствіемъ вооруженной борьбы революціонеровъ, старавшихся совершить переворотомъ захватъ власти, опираясь на ту страшную смуту, которая именно въ Одессѣ, съ потемкинскихъ дней, приняла грандіозные размѣры, мною своевременно освѣщенные предъ

Библиотека ИМЭЛ
61 6887

высшимъ правительствомъ, предъ которымъ я въ августѣ ходатайствовалъ объ усиленіи гарнизона и о введеніи положенія о чрезвычайной охранѣ, въ чемъ мнѣ было отказано. Я беру смѣлость поэтому утверждать, что власть въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась въ то время, едва ли имѣла возможность, какъ указано въ постановленіи вашего превосходительства, предотвратить и подавить вооруженное столкновеніе еврейскаго населенія съ русскимъ; медленно накоплявшіяся въ населеніи чувства озлобленія и ненависть въ связи съ жаждою переворота у агитаторовъ должны были неизбѣжно превратиться въ стихійное движеніе, и въ постановленіи вашего превосходительства указывается, *„что еврейскіе погромы“* (какъ выяснено повсемѣстно), возникли *исключительно* вслѣдствіе вызывающаго образа дѣйствій революціонеровъ въ значительной мѣрѣ изъ евреевъ.

Дозволительно поэтому, при предоставленіи объясненій по поводу отдѣльныхъ, отмѣченныхъ мнѣ на видъ вашимъ превосходительствомъ, неправильныхъ дѣйствій, освѣщать ихъ не съ точки зрѣнія конечнаго исхода событій, а по тѣмъ даннымъ и обстоятельствамъ, которыя въ совокупности представляли заданія, ждавшія отъ власти въ моемъ лицѣ неотложнаго ихъ разрѣшенія.

III. О снятіи городовыхъ.

Распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ признано вашимъ превосходительствомъ мѣрой незаконной, принятой *исключительно по требованію профессора Щепкина*, лишившей населеніе охраны, а меня органовъ власти, необходимыхъ *„для подавленія смуты и поддержанія порядка“*.

Считаю долгомъ привести соображенія, которыми я руководствовался, снявъ городовыхъ съ постовъ и распорядившись посылать ихъ патрулями по городу.

Событія, предшествовавшія 18 октября, потребовавшія рѣшительныхъ дѣйствій со стороны полиціи, въ особенности во время баррикадъ, вызвали крайнее противъ нея раздраженіе, всячески разжигаемое агитаторами и выразившееся въ нападеніи на отдѣльныхъ чиновъ. Система обезоруженія и убійства городовыхъ примѣнялась уже во время потемкинскихъ безпорядковъ и получила дальнѣйшее развитіе во время октябрской вооруженной смуты, захватившей значительный раіонъ городской территоріи. Среди постовыхъ городовыхъ, людей въ большинствѣ семейныхъ, стала

появляться паника, вызвавшая случаи оставленія постовъ; потому-то уже въ $9^1/_2$ ч утра свидѣтель д. с. сов. Гавришевъ не усматривалъ городовыхъ на постахъ (стр. 30 оборотъ).

Разслѣдованіемъ вашего превосходительства установлено, что мое приказаніе стянуть посты для посылки патрулями было отдано до полудня (пом. полицеймейстера Кислаковскій показываетъ въ 10 ч. утра, стр. 17 оборотъ), а Головинъ и Гесбергъ показываютъ около полудня.

Какъ же могъ я отдать это распоряженіе, *уступая исключительно требованіямъ Щепкина*, который былъ у меня послѣ полудня, сколько помню, ровно въ часъ дня (д. с. с. Полланъ показываетъ въ первомъ часу дня, стр. 48). Смѣю увѣрить, что распоряженіе о замѣнѣ постовъ подвижными патрулями было мной продумано и отдано совершенно самостоятельно.

Беру смѣлость утверждать, что мѣра эта не является и незаконной, такъ какъ посты учреждены инструкціей, утвержденной градоначальникомъ, который и можетъ измѣнить порядокъ службы; въ законѣ о постахъ ничего не говорится. Щепкину же я указывалъ на незаконность требованія разоруженія полиціи, такъ какъ полиціи оружіе присвоено высочайше утвержденными штатами.

Неподвижное охраненіе одиночными постами пригодно въ мирное время при спокойномъ настроеніи населенія, когда же по городу ходятъ возбужденныя предшествовавшими столкновеніями съ полиціей и торжествующія достигнутую свободу толпы, оставлять отдѣльныхъ городовыхъ на постахъ было нецѣлесообразно, и я рисковалъ вовсе потерять этихъ людей для службы.

Только подвижное охраненіе сильными патрулями возможно въ такихъ случаяхъ. Такъ же на дѣло посмотрѣлъ и командующій войсками, потребовавшій отъ меня 18 числа снятія одиночныхъ солдатскихъ постовъ, выставленныхъ по моему указанію у телефонныхъ колодцевъ изъ опасенія ихъ обезоруженія, съ чѣмъ я согласился, зная невозможность усилить эти посты по недостаточности гарнизона, выдѣлившаго значительную часть въ 6 ротъ на охрану бастовавшей желѣзной дороги, и принимая во вниманіе утомленіе войскъ, бывшихъ подъ ружьемъ съ 16 числа.

Органами власти, способными подавить смуту, я не могъ считать одиночныхъ постовыхъ городовыхъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Въ Одессѣ по адресъ-календарю кажется 120 улицъ. Если принять половину ихъ за продольныя, а остальную половину за

поперечныя, то получилось бы 3600 перекрестковъ; допустимъ, ихъ меньше хоть на половину, именно 1800,—городъ занимаетъ около 10.000 десятинъ земли, и на нихъ стоятъ, какъ установлено разслѣдованіемъ вашего превосходительства, 182 городовыхъ, разобщенныхъ другъ отъ друга разстояніемъ. Могутъ ли они при такихъ условіяхъ и при наличности революціонной толпы быть органами власти, *способными* подавить смуту, производимую вооруженными въ университетѣ бандами мятежниковъ.

Я считалъ по всѣмъ этимъ соображеніямъ, что постовая служба, представляя опасность для жизни отдѣльныхъ рядовыхъ, не могла служить „органомъ власти, пригоднымъ для подавленія смуты, а посему приказалъ сосредоточить городовыхъ въ участкахъ, отряжая ихъ патрулями по городу или посылая партіями въ части города, требующія усиленной защиты. Эта организація службы, функціонировавшей въ дѣйствительности, *находитъ* себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ, взятыхъ изъ дѣла, показаніяхъ свидѣтелей.

Нутиса (стр. 1—3), указывавшаго на дѣйствія 18 числа сильнаго патруля въ 20 городовыхъ при помощникѣ пристава Тюринѣ, защищавшаго аптеку отъ разгрома толпой, указывавшей, что изъ аптеки студентъ стрѣлялъ по толпѣ русскихъ.

Рацишевскій (стр. 9) говоритъ объ организаціи патрульной службы, наконецъ товарищъ прокурора Каменскій (стр. 58 оборотъ) говоритъ, что въ ночь на 19-ое ходили патрули, и, когда онъ обнаружилъ, что одинъ изъ нихъ не остановилъ начавшагося грабежа, онъ телефонировалъ приставу, не могшему однако послать помощь или прибыть на мѣсто, такъ какъ его самого въ участкѣ всю ночь атаковали революціонеры.

Для повѣрки патрульной службы мною постоянно посылался состоящій при мнѣ штабъ-офицеръ Невражинъ, равно какъ и остальныя лица состоявшія при мнѣ въ числѣ восьми человѣкъ. Этимъ лицамъ былъ порученъ въ наблюденіе каждому особый участокъ обороны, и въ немъ они обязывались простирать свое наблюденіе за патрульной службой,—четыре изъ этихъ лицъ съ высшимъ образованіемъ. Они слѣдили за удобнымъ размѣщеніемъ войскъ, освѣдомляли меня, во-время ли войска получали пищу, такъ какъ я все время опасался, что утомленныя войска выбьются изъ силъ. Всякому донесенію этихъ лицъ давался немедленный ходъ, и слѣдилось за исполненіемъ распоряженія. Эти лица незамѣтно, находясь въ толпѣ, давали мнѣ свѣдѣнія о ея настроеніи, на чемъ я основывалъ свои мѣропріятія, но постоянная стрѣльба

изъ окопъ революціонерами затрудняла дѣятельность войскъ и полиціи. У моихъ чиновниковъ, капитана Невражина и князя Цулукидзе, прострѣлены шинели, въ Челебидаки стрѣляли; какъ только стрѣльба прекратилась, остановился и погромъ. Достойно вниманія заявленіе представителей еврейской общины, на третій, кажется, день погрома (записано въ мой дневникъ), *что евреи больше не признаютъ временнаго правительства* и рѣшили запретить стрѣльбу изъ оконъ

Измѣненіе неподвижной формы охраны города подвижною не могло еще означать прекращенія службы полиціи, посему-то не выдерживаетъ критики заявленіе бывшаго полицеймейстера Головина, что онъ лишился помощи городовыхъ только оттого, что они были стянуты въ казармы.

Этому раненому человѣку приходится изыскивать объясненіе своего непростительнаго ухода со службы въ минуту опасности, и его показанія слѣдуетъ оцѣнивать, имѣя въ виду это обстоятельство.

Требованіе же приставамъ не отлучаться изъ дому мною не предъявлялось, а было передано изъ канцеляріи полицеймейстера по его, вѣроятно, приказанію (стр. 30).

Свидѣтель Михелевъ (стр. 16) говоритъ о встрѣчѣ на улицѣ съ приставомъ „охрипшимъ“.

Штульманъ (стр. 7) былъ на улицѣ задержанъ приставомъ 18 числа.

Радишевскій (стр. 9) говоритъ, что старшіе чины были на улицѣ.

Разслѣдованіемъ вашего превосходительства дается вѣра показаніямъ свидѣтелей о томъ, что не Щепкинъ грозилъ захватнымъ правомъ, а я произнесъ это слово.

Дозволяю себѣ привести дословную выпись изъ письма, напечатаннаго Щепкинымъ (стр. 186—2). Щепкинъ говорилъ съ градоначальникомъ по порученію совѣщательнаго комитета при городскомъ головѣ *о необходимости вооружить населеніе* Одессы для защиты отъ хулигановъ. (Естественно ли это указаніе на хулигановъ 18 числа, когда ихъ нашествіе и не предвидѣлось, а на улицахъ шло ликованіе по случаю манифеста?).

Когда градоначальникъ указалъ мнѣ, что *милиціи не допуститъ*, тогда я (Щепкинъ) высказалъ, что гласные думы для защиты своей жизни принуждены будутъ организовать милицію собственными силами, *т. е. захватнымъ правомъ*. О разоруженіи полиціи захватнымъ правомъ я не говорилъ и угрозъ не дѣлалъ. Щепкинъ.

Такъ ли это?

Сначала Щепкинъ на мое заявленіе, что милиціи не допущу, отвѣчаетъ, что она организуется захватнымъ правомъ, а черезъ минуту при пришедшемъ д. с. с. Полланѣ требуетъ разоруженія полиціи. Мнѣ думается, что выводъ напрашивается самъ собой о дѣйствительномъ назначеніи вооруженной, захватнымъ правомъ, милиціи для борьбы съ полиціей, которую требуется еще разоружить.

При наличности всего вышеизложеннаго я имѣлъ основаніе усмотрѣть опасность жизни городовыхъ и угрозу, которая и приведена была въ исполненіе впослѣдствіи.

Что же касается показаній д. с. с. Поллана, то слѣдуетъ допустить, что невозможно было въ томъ хаосѣ быстро смѣнявшихся впечатлѣній, какой въ тѣ дни переживали всѣ, сохранить твердо хронологическую послѣдовательность фактовъ.

Г. Полланъ показываетъ, что я еще 18 числа (а видѣлся я съ нимъ утромъ въ часъ дня) говорилъ ему, что разрѣшилъ патріотическую манифестацію.

Возможно ли допустить, что я говорилъ о контръ-манифестаціи въ то время, когда еще не осуществились эти краснофлажныя демонстраціи.

IV. Попытка организаціи охраны.

Вашему превосходительству угодно было признать неосуществимою предлагавшуюся мною населенію мѣру усиленія постовъ городовыхъ гражданами. 20 октября ко мнѣ стали обращаться съ требованіемъ возстановить постовыхъ; я хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для организаціи охраны изъ надежнѣйшихъ гражданъ, прекрасно сознавая, что въ ближайшіе дни 182 городовыхъ *безъ содѣйствія самихъ гражданъ*, даже при возможности вмѣшательства войскъ, не въ состояніи будутъ надлежащимъ образомъ возстановить равновѣсіе въ одесской жизни. Таковъ былъ смыслъ моего объявленія отъ 20 октября, въ которомъ, предлагая жителямъ обращаться съ просьбами о возстановленіи постовъ городовыхъ къ приставамъ по принадлежности, я указывалъ населенію на необходимость участія въ охранѣ самихъ гражданъ образованіемъ группъ изъ десяти лицъ на каждомъ посту.

Въ семъ отношеніи считаю долгомъ доложить, что я дѣйство-

валъ не гадательно, а опирался на опытъ организаціи охраны во время царскаго посѣщенія Одессы, когда мною было собрано не 1820, а болѣе 20 тысячъ гражданъ охранителей порядка, группировавшихся около органовъ полицейскихъ. За примѣрный порядокъ при посѣщеніи Одессы его величествомъ я удостоился высочайшей благодарности.

V. О допущеніи патріотическихъ манифестацій.

Вашимъ превосходительствомъ усматривается моя *нераспорядительность и отсутствіе самой элементарной предусмотрительности* въ непредотвращеніи 19 октября патріотическихъ манифестацій, явившихся отвѣтомъ русской части населенія на революціонныя выходки наканунѣ, и въ неразсѣяніи ихъ войскомъ, „*тѣмъ болѣе, что на 19 были назначены торжественныя похороны жертвъ баррикадъ*“. Разслѣдованіемъ вашего превосходительства не обнаружено, однако, никакихъ рѣшительныхъ данныхъ, указывающихъ на какія либо проявленія не только подстрекательства, но и участія представителей власти въ образованіи означенныхъ патріотическихъ манифестацій, двинувшихся на Соборную площадь къ молебну, мной объявленному по распоряженію изъ Петербурга. При наличности только что объявленныхъ манифестомъ свободъ мнѣ приходилось считаться съ появленіями этихъ манифестацій безъ принятія мѣръ къ разсѣянію ихъ, что было даже опасно предпринять и на что я никогда не пошелъ бы, такъ какъ осуществить это можно было бы отобраніемъ иконъ и портретовъ и предложеніемъ расходиться, тѣмъ болѣе, что бывшія наканунѣ краснофлажныя манифестаціи не были прекращаемы, пока онѣ не угрожали порядку насиліемъ.

Рѣшаюсь утверждать, что на патріотическія манифестаціи были сдѣланы нападенія *при возвращеніи* ихъ отъ Соборной площади, именно на Гаванной улицѣ изъ дома редакціи „Южнаго Обозрѣнія“, и эту же толпу, подошедшую къ моему дому въ величайшемъ озлобленіи со словами: „мы ихъ вчера не трогали, а они въ насъ, безоружныхъ, сегодня стрѣляютъ“. Я убѣждалъ вспомнить Бога и вернуться по домамъ, какъ свидѣтельствуетъ присяжный повѣренный Данашевскій (стр. 11 оборотъ).

Другую патріотическую толпу, встрѣченную мной на Екатерининской въ то время, какъ шла стрѣльба изъ оконъ, я лично защитилъ, приказавъ сопровождавшимъ меня казакамъ охранить

толпу съ тылу и приводить въ портъ. Казаки открыли перестрѣлку съ мятежниками (рапортъ командующаго войсками, стр. 553), а я поѣхалъ далѣе безъ казаковъ.

Толпа, возвращавшаяся изъ собора на Куликово поле, откуда она вышла, была тоже встрѣчена выстрѣлами и бомбами изъ домовъ. Эта тактика революціонеровъ, проявившаяся потомъ и въ Москвѣ, указываетъ, что не помогло бы дѣлу и разсѣяніе еврейской толпы, собравшейся на похороны, долженствовавшіе быть символическими похоронами стараго режима самодержавія, какъ говорилось въ народѣ, подъ революціонные гимны свободы въ присутствіи всей думы и городского головы съ краснымъ вѣнкомъ. Минуя меня, дума и университетъ исторгли у командующаго войсками обѣщаніе убрать войска съ пути шествія этого.

Положеніе власти становилось труднымъ—съ одной стороны я приказываю убрать городъ флагами и собираться на молебенъ, а революціонный комитетъ на средства думы украшаетъ улицы черными флагами и созываетъ на похороны, обезопасивъ себя отъ войскъ частнымъ соглашеніемъ. Мнѣ приходилось немедленно принять мѣры пресѣченія, а какъ согласовать ихъ съ новыми способами успокоенія, предложенными графомъ Витте?

„Ваши крутыя мѣры не вяжутся съ политикой графа Витте“, говорилъ мнѣ въ этотъ день баронъ Каульбарсъ (свидѣтель ст. сов. Ермолинскій).

Рѣшать приходилось трудную задачу, но ее рѣшилъ русскій народъ, собравшійся для патріотическихъ манифестацій. Лишь разнесшійся слухъ о движеніи русскихъ людей разсѣялъ толпы евреевъ, и похороны оказались поневолѣ отмѣненными, но что не оставилъ революціонный комитетъ мысли о символическихъ похоронахъ—свидѣтельствуетъ присутствіе въ университетѣ въ теченіе мѣсяцевъ набальзамированныхъ труповъ студентовъ.

Нападеніе революціонеровъ на патріотическія манифестаціи убѣдили меня въ томъ, что должно разразиться давно висѣвшее въ воздухѣ столкновеніе двухъ элементовъ: революціоннаго, отождествляемаго народомъ въ Одессѣ съ еврейской агитаціей, и мирными обитателями, измученными нравственно и матеріально смутой, забастовками, безпорядками, которымъ и послѣ милостей манифеста не предвидѣлось конца, посему-то я въ 12 ч. 40 м. написалъ командующему войсками письмо, прося приказанія войскамъ остановить возстаніе силой войскъ, не допускать процессій съ красными флагами и еврейскаго погрома; упоминаніе же о похоронахъ мною

было сдѣлано, чтобы указать командующему войсками, что вышелъ онъ изъ своей компетенціи, обѣщавъ отсутствіе войска на похоронахъ, а о красныхъ флагахъ, потому что никто же тогда не могъ предвидѣть, будутъ ли они появляться или нѣтъ. Письмо мое, въ виду инструкціи особенно п. 7 общихъ ея указаній и при нахожденіи войскъ на мѣстахъ, заключало въ себѣ, по буквальному смыслу и на точномъ основаніи 15 ст. прил. къ ст. 316 т. II, ч. 1, сообщеніе военному начальству (командующему войсками) о положеніи дѣла *и передачу указанія* о цѣли, которую имѣлось въ виду достигнуть.

Таковы были мои дѣйствія и распоряженія въ теченіе 18 и 19 октября. Вашему превосходительству угодно было усмотрѣть въ нихъ отсутствіе „самой элементарной предусмотрительности и какой либо распорядительности". Если принять во вниманіе при оцѣнкѣ причинъ одесскаго погрома ту почву, которая была подготовлена революціоннымъ движеніемъ, начавшимся съ лѣта, затѣмъ сдержаннымъ военнымъ положеніемъ и вспыхнувшимъ вновь сразу послѣ его снятія, то, быть можетъ, вашему превосходительству угодно будетъ признать нелишеннымъ реальныхъ данныхъ мое глубокое убѣжденіе въ томъ, что принятыя мѣры вызывались ходомъ событій и отнюдь не способствовали интенсивности и продолжительности погрома, явившагося неизбѣжнымъ результатомъ цѣлаго ряда событій и обстоятельствъ, которымъ далъ окончательный толчокъ манифестъ, послужившій поводомъ для оскорбленія національнаго чувства большинства русскаго населенія г. Одессы, и не только погромомъ должныи именоваться эти событія а вооруженнымъ столкновеніемъ революціи съ властями.

VI. О непередачѣ власти военному начальству.

Вашимъ превосходительствомъ мнѣ поставлено въ вину то, что власть, при невозможности подавленія смуты находящимися въ моемъ распоряженіи средствами, не была „всецѣло" передана въ руки военнаго начальства для дѣйствія силою оружія „самостоятельно и по собственному усмотрѣнію, въ порядкѣ, опредѣленномъ 16, 17 ст. прил. къ ст. 316 общаго губернскаго учрежденія (т. II, ч. 1)". Въ семъ отношеніи считаю прежде всего необходимымъ дополнить письмо командующаго войсками отъ 13 декабря № 33, изъ содержанія котораго усматривается, что 18 октября я не обратился къ власти военной за содѣйствіемъ для разсѣянія мятежной толпы, ссылкой на рапортъ командую-

щаго войсками военному министру (стр. 553), удостовѣряющій фактъ снятія краснаго флага казаками; затѣмъ, какъ установлено вашимъ превосходительствомъ, столкновеніе на заводѣ Гена было вечеромъ 18 октября подавлено силою оружія, кромѣ того, въ началѣ моего объясненія я указалъ на всѣ случаи дѣйствія войскъ 18 числа. Этими данными несомнѣнно доказывается *наличность содѣйствія войскъ гражданскимъ властямъ* на основаніи закона и наставленія, утвержденнаго 15 октября. Соглашеніе, о которомъ упоминается въ постановленіи вашего превосходительства, составляло тотъ подготовительный матеріалъ, на основаніи котораго было рыработано въ рѣшительный моментъ, т. е. 15 октября, наставленіе. Соглашеніе это не принималось мною въ руководство и являлось совершенно излишнимъ, именно при наличности наставленія, которое указываетъ на внимательную разработку вопроса гражданской и военной властями. Дѣйствительно, опредѣленіе времени перехода къ дѣйствію оружіемъ зависитъ отъ гражданскаго начальства,—къ таковому принадлежало въ Одессѣ три лица: градоначальникъ, помощникъ его и полицеймейстеръ. При расположеніи же войскъ въ 47 пунктахъ, причемъ отдѣльные отряды могли вызвать еще большее дробленіе въ зависимости отъ обстановки, я считалъ вполнѣ цѣлесообразнымъ развязать руки войскамъ, перенеся центръ тяжести на § 16 прилож. къ 316 ст., въ которомъ говорится: „при отсутствіи на мѣстѣ гражданскаго начальства военное распоряжается самостоятельно“. Если бы войскамъ приходилось во время всеобщаго движенія мятежа въ городѣ ждать гражданское начальство для опредѣленія времени перехода къ дѣйствію оружіемъ, то, безспорно, войска все время стояли бы безучастными свидѣтелями насилій. Въ предвидѣніи сего, я и озаботился развязать руки войскамъ для быстраго подавленія безпорядковъ вначалѣ, что отвѣчаетъ требованію вашего превосходительства дать войскамъ самостоятельность въ дѣйствіяхъ.

Несмотря на п. 7 наставленія со ссылкой 16 ст. правилъ, предоставлявшую возможность военнымъ властямъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, какъ это и было 18-го октября, мною, на точномъ основаніи 15 ст., было сообщено письмомъ отъ 19 октября командующему войсками о положеніи дѣла и передано *ему указаніе о цѣли, которую имѣлось въ виду достигнуть военной силой.*

Для полной согласованности дѣйствій военныхъ частей, у командующаго войсками въ моемъ присутствіи было два собранія всѣхъ

военныхъ начальниковъ—13 и 15 октября, гдѣ были мной даны общія указанія цѣли и способовъ дѣйствій, а 14 окт., по моему требованію, были вызваны всѣ войска по тревогѣ, для повѣрки правильности предварительныхъ расчетовъ, обсужденныхъ въ засѣданіи 15-го числа и вылившихся въ наставленіе 15 октября. Кромѣ сего, какъ видно изъ журнала, гражданская власть сообщала, какъ это требуетъ ст. 15, всѣ получаемыя о положеніи дѣла свѣдѣнія и оказывала военнымъ властямъ постоянное содѣйствіе. На передачу власти всецѣло военному начальству я не былъ уполномоченъ закономъ, который мѣру эту устанавливаетъ только на случай введенія военнаго положенія по высочайшему повелѣнію. Засимъ, съ точки зрѣнія конечнаго результата такой передачи дающей возможность по указанію вашего превосходительства военнымъ властямъ дѣйствовать „самостоятельно“ и по собственному усмотрѣнію, то, какъ это установлено вашимъ превосходительствомъ въ постановленіи, войска именно „дѣйствовали самостоятельно“, какъ имъ это неоднократно было приказано командующимъ войсками. Эти данныя даютъ мнѣ основаніе разсчитывать на признаніе со стороны вашего превосходительства полной законности моихъ дѣйствій по примѣненію 316, ст. II т., ч. 1.

VII. О допущеніи милиціи.

Вашимъ превосходительствомъ въ постановленіи говорится, что наряду съ упраздненіемъ городовыхъ была допущена студенческая милиція, на это обязываюсь доложить вамъ слѣдующее: изъ дѣла видно, что въ 1 часу дня 18-го октября (стр. 186) я заявилъ профессору Щепкину, *что не допущу вооруженной милиціи*, на что получилъ отвѣтъ, что она въ такомъ случаѣ организуется захватнымъ правомъ.

19 октября я уже писалъ въ объявленіи, появившемся утромъ 20-го октября, что милиціи, закономъ установленной, въ Одессѣ нѣтъ. Смѣю завѣрить ваше превосходительство, что я милиціи не допускалъ, но, окрыленные успѣхомъ добытой свободы, революціонеры, организованные на университетскихъ митингахъ въ банды, сами учредились въ милицію, согласно предсказанію Щепкина (стр. 186) и постоянному поощренію ректора (стр. 205) Занчевскаго, который объѣзжалъ полицейскіе участки, требуя съ толпой освобожденія арестованныхъ, назначалъ секретные пароли (журналъ 22 октября) и допустилъ устройство тюрьмы въ уни-

верентетѣ для годовыхъ и громилъ, которыхъ хватали мятежники. Милиція обнаружилась на главной улицѣ вечеромъ въ теченіе двухъ часовъ 18-го числа, за что заслужила единогласную благодарность одесской думы, выраженную особымъ постановленіемъ. Милиція дѣйствовала во время вооруженнаго возстанія, но не мною допущенная, а мною сломленная въ дни подавленія мятежа, когда милиціонеры неоднократно пытались переманить войска на свою сторону (стр. 263). когда обнаружены были такіе случаи: 2 домовладѣльца-милиціонеры и солдатъ-еврей изъ дому стрѣляли по мастеру, поправлявшему телефонную проволоку, ими порванную (стр. 224). Въ день манифеста, дѣйствительно, я старался избѣгать всякаго новаго повода для возбужденія массъ, находившихся въ состояніи подъема и, зная, что городъ охраняется патрулями, не придалъ значенія тому, что группы студентовъ вечеромъ дежурили на Дерибасовской. Я счелъ за лучшее не направлять противъ нихъ войскъ и полицейскихъ нарядовъ со спеціальной задачей ихъ разсѣянія, что и не повлекло за собой худыхъ послѣдствій въ этотъ день, а охрана города сильными патрулями, при видѣ которыхъ милиція разбѣгалась, была достаточной на этотъ вечеръ гарантіей порядка.

Считаю долгомъ указать, что съ Гавришевымъ я говорилъ по телефону лишь одинъ разъ, что и видно изъ его показанія, а не два, и говорилъ 20-го числа по вопросу о возстановленіи постовъ городовыхъ, совокупно съ охраной отъ гражданъ. О показаніяхъ полицеймейстера Головина, покинувшаго службу въ минуту опасности, я уже высказался ранѣе, и потому, если принять на видъ и то обстоятельство, что никакого слѣда въ дѣлахъ градоначальника, касающихся моихъ распоряженій относительно допущенія къ функціонированію милиціи, не имѣется, то, казалось бы, возможно признать, что показанія о какихъ-то переговорахъ относительно милиціи единственнаго свидѣтеля, касающагося этого вопроса полицеймейстера Головина, не заслуживаетъ уваженія. О томъ же, что въ это время ходили патрули, упоминается въ показаніи Нутиса (стр. 1 и 3); Рувимъ Штульманъ показываетъ, что онъ былъ 18-го числа на улицѣ арестованъ приставомъ. Товарищъ прокурора Каменскій тоже упоминаетъ о патруляхъ 18-го числа, о томъ же говоритъ командующій войсками (стр. 554),—слѣдовательно полиція не бездѣйствовала.

Вашимъ превосходительствомъ поставляется мнѣ въ вину, что *полиція наружная, отсутствовавшая съ 18 октября, съ того же числа была замѣнена частной милиціей* и что „лично мной

ничего не предпринималось для водворенія порядка". Въ связи съ объясненіемъ о дѣйствіяхъ моихъ, относящихся до 18-го октября, приведены уже тѣ соображенія, которыми я руководствовался, признавъ возможнымъ не употреблять репрессивныхъ мѣръ для удаленія изъ главнѣйшей улицы Одессы появившейся на ней милиціи. Убѣдившись 19 октября въ тщетности возлагавшейся наканунѣ надежды на манифестъ, въ дѣлѣ умиротворенія крайнихъ партій, и продолжающейся смутѣ и агитаціи, пашедшихъ, между прочимъ, выраженіе въ постановленіяхъ думы 18 октября вечеромъ, а затѣмъ, сознавая необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ во избѣжаніе погрома и даже рѣзни,—я въ письмѣ командующему войсками 19 октября указалъ на опасность функціонированія революціонной милиціи. Этотъ письменный актъ служитъ подтвержденіемъ моихъ словъ и доказательствомъ того, что принимались мѣры къ подавленію милиціи, но отнюдь не къ замѣнѣ ею охраны города.

VIII. Объ отказѣ въ защитѣ.

Наконецъ, въ разъясненіе послѣдняго обвиненія въ томъ, что я отказывалъ въ защитѣ лицамъ, обращавшимся ко мнѣ съ просьбами, направляя ихъ въ университетъ, считаю необходимымъ сослаться на журналъ отъ 21-го октября. Въ записяхъ этого дня значится, что директору общества взаимнаго кредита Брахману и врачу Бардаху дано было указаніе обратиться съ требованіемъ войсковой охраны къ генералу Глаголеву, который, распоряжаясь войсками, имѣлъ возможность дать немедленную охрану, отрядивъ свободную ближайшую часть. Защита была такимъ образомъ дана. Странное на первый взглядъ упоминаніе объ университетѣ было укоромъ университетской агитаціи, посланнымъ при этомъ, въ сущности, не по адресу Брахмана, а доктора Бардаха, популярнаго среди еврейской молодежи врача и приватъ-доцента университета.

IX. Неточности въ представленіяхъ.

Къ изложеннымъ объясненіямъ, относящимся до предъявленныхъ обвиненій въ бездѣйствіи власти, считаю себя вправѣ добавить данныя въ оправданіе отмѣченнаго несоотвѣтствія между нѣкоторыми свѣдѣніями, приведенными въ моемъ представленіи

министру внутреннихъ дѣлъ, и фактами, установленными разслѣдованіемъ. Они объясняются тою крайнею спѣшностью, съ которою составлялось мое представленіе за нѣсколько часовъ до отъѣзда изъ Одессы. Въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ, рядомъ съ изложеніемъ наиболѣе выдающихся фактовъ заключалась и мотивировка моего распоряженія о постовой службѣ, я стремился дать высшей власти характеристику событій, и изложеніе мое имѣло ретроспективный характеръ. Съ точки зрѣнія хронологической послѣдовательности въ изложеніе вкрались нѣкоторыя неточности, но въ представленіи моемъ, прежде всего, я задался цѣлью привести основанія, вызвавшія мои распоряженія. Сославшись на признаки угрожавшей городовымъ опасности, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, привелъ и всѣ отдѣльные случаи насилія надъ городовыми, и приводилъ эти реальныя данныя въ доказательство основательности моихъ опасеній, оправдавшихся въ дѣйствительности, причемъ большая или меньшая цифра не мѣняла сути дѣла. Заявленія городовыхъ, касающіяся опасности постовой службы, о которыхъ говорится въ представленіи, было передано мнѣ не лично, а черезъ нѣкоторыхъ приставовъ, но, кромѣ того, они это повторили мнѣ 21 октября, что видно изъ дневника, когда они не ограничились заявленіемъ мнѣ лишь о матеріальныхъ условіяхъ службы, какъ сказано въ постановленіи вашего превосходительства, а указывали на опасность стоять на постахъ въ виду стрѣльбы революціонеровъ. При поразительной быстротѣ, съ которой смѣнялись событія и настроенія, при той массѣ лицъ, фактовъ и впечатлѣній, которые приходилось принимать для сохраненія ихъ въ памяти, немыслима была группировка и систематизація по точнымъ категоріямъ времени и мѣста. Дѣйствующія лица находились подъ вліяніемъ главнаго для данной минуты явленія. Надѣюсь, что вашему превосходительству угодно будетъ принять во вниманіе и это объясненіе при окончательномъ обсужденіи вопроса о томъ, насколько свѣдѣнія, помѣщенныя въ представленіи моемъ министру внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть сочтены поставляемымъ мнѣ въ вину невѣрнымъ изложеніемъ фактовъ.

X. О выѣздахъ.

Въ постановленіи вашего превосходительства говорится, что, когда погромъ прекратился, я рѣшился, подъ сильнымъ конвоемъ, объѣхать городъ. Почитаю должнымъ представить, что я объѣзжалъ

городъ еще 19 числа при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Полицеймейстеромъ было сообщено мнѣ и командующему войсками, что проѣхать къ собору на молебенъ опасно, такъ какъ идетъ сильная стрѣльба изъ оконъ. Начальникъ охраннаго отдѣленія доложилъ мнѣ свѣдѣніе о людяхъ съ бомбами на пути; тѣмъ не менѣе, не считая возможнымъ отсутствовать въ соборѣ, я направился къ нему по дальнимъ улицамъ, чтобы подъѣхать съ неожиданной стороны; я ѣхалъ, стоя въ коляскѣ, и когда наткнулся на патріотическую манифестацію, по которой стрѣляли, немедленно приказалъ защитить ее казаками, бывшими при мнѣ (рапортъ командующему войсками, стр. 553), и продолжалъ путь безъ казаковъ. Этотъ объѣздъ города воочію убѣдилъ меня, что войскамъ придется сражаться съ вооруженными революціонерами; тогда я направилъ командующему войсками письмо съ ясно поставленной задачей прекращенія возстанія и еврейскаго погрома.

20-го я ходилъ къ командующему войсками, прося болѣе энергичныхъ приказаній войскамъ, а 21-го числа я ѣздилъ съ казаками, взятыми въ резервѣ, до котораго проѣхалъ городъ безъ нихъ.

Послѣ двухлѣтней непрерывно опасной службы на посту одесскаго градоначальника, при наличности трехъ покушеній на мою жизнь, я полагаю, что дальше останавливаться мнѣ на этомъ вопросѣ не придется: на него отвѣчаетъ моя прежняя 25-лѣтняя служба.

Обязываюсь доложить, что начальнику, который сознаетъ себя главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за порядокъ и считаетъ своимъ долгомъ не упускать общихъ распоряженій и не размѣниваться на борьбу съ отдѣльными эпизодами, надлежитъ неустанно быть въ центрѣ свѣдѣній и распоряженій.

Безпрерывная работа по 4 телефонамъ налагала на меня разрѣшеніе быстро смѣнявшихся одной за другою задачъ, которыя въ дни народныхъ волненій грозно требуютъ немедленнаго выполненія, посему-то предоставилъ я войсковымъ начальникамъ самостоятельность на мѣстахъ къ быстрому подавленію безпорядковъ. Но серьезнѣйшія обстоятельства были созданы революціонерами, къ которымъ примкнули дума и университетъ. Непрестанная стрѣльба изъ оконъ вызывала въ войскахъ озлобленіе, которое вылилось въ словахъ командующаго войсками, что всѣ, отъ мала до велика, сочувствуютъ въ войскахъ еврейскому погрому; этимъ наименованіемъ нельзя однако же опредѣлять всѣ событія Одессы за время съ 14 по 22 октября, которыя поистинѣ должны

быть названы одесской революціей, а не только еврейскимъ погромомъ. Въ зависимости же отъ объема событій находились и мѣры, принимавшіяся къ возстановленію порядка и сравнительная успѣшность ихъ.

Въ постановленіи вашего превосходительства говорится, что погромъ прекратился, когда появилось объявленіе командующаго войсками, возвѣщавшее, что войскамъ приказано „истреблять оружіемъ грабителей“ (стр. 201). Текстъ этого объявленія 21 октября ставитъ, однако, первымъ требованіемъ не стрѣльбу по грабителямъ, а прекращеніе стрѣльбы революціонеровъ изъ оконъ по войскамъ и полиціи подъ угрозой разрушенія домовъ. То же говоритъ и мое объявленіе.

Не изволите ли, ваше превосходительство, изъ этого заключить, что въ то время и военная и гражданская власть въ отчетливомъ представленіи обстановки событій видѣла главную опасность для порядка не въ погромѣ, а въ вооруженномъ нападеніи революціонеровъ на власть, войска и полицію съ цѣлью добиться переворота.

XI.

Въ заключеніе, подъ гнетомъ весьма тяжкаго и непредвидѣннаго для меня обвиненія въ бездѣйствіи власти, прошу ваше превосходительство не оставить безъ вниманія еще слѣдующее мое заявленіе.

Разыгравшіяся страсти, увлеченныя стихійнымъ стремленіемъ разрушенія власти въ ея нравственныхъ основахъ, вызвали противъ меня дикое обвиненіе въ провокаторствѣ. При отсутствіи фактовъ необходимо было тенденціозное освѣщеніе моихъ распоряженій, подвинувшихъ думу и университетъ ходатайствовать о моемъ отозваніи. Теперь высказанное вашимъ превосходительствомъ мнѣніе, что эти учрежденія стали очагами революціи, даютъ, хотя и поздно, для меня неопровержимыя доказательства дѣйствительной цѣны ихъ ходатайствъ, къ которымъ однако прислушалось высшее правительство.

Теперь я беру смѣлость надѣяться, въ виду представленныхъ мной объясненій, что окончательное сужденіе вашего превосходительства объ истинномъ смыслѣ моихъ распоряженій сниметъ съ меня и тяжкое обвиненіе въ бездѣйствіи власти.

Камергеръ высочайшаго двора дѣйствительный статскій совѣтникъ *Нейдгартъ*.

Постановленіе сенатора Кузьминскаго отъ 31 января 1906 г. о представленіи дѣла правит. сенату для возбужденія противъ Нейдгарта уголовнаго преслѣдованія по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. ул. о нак.

Постановленіе.

1906 года января 31 дня, я, сенаторъ, тайный совѣтникъ Кузьминскій, командированный, по высочайшему повелѣнію, въ г. Одессу для изслѣдованія причинъ октябрьскихъ безпорядковъ и порядка дѣйствія мѣстныхъ властей, разсмотрѣвъ представленное 24 января бывшимъ одесскимъ градоначальникомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Нейдгартомъ истребованное отъ него, согласно постановленію моему отъ 12 числа того же мѣсяца, объясненіе, нашелъ, что онъ, отвергая предъявленное ему обвиненіе въ бездѣйствіи власти, приводитъ въ свое оправданіе нижеслѣдующія обстоятельства:

1. Власть, въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась во время октябрьскихъ событій, едва ли имѣла возможность предотвратить и подавить вооруженное столкновеніе еврейскаго населенія съ русскимъ, такъ какъ событія эти явились послѣдствіемъ политическаго движенія, которое, охвативъ въ Одессѣ широкіе слои еврейскихъ массъ и интеллигенціи, перешло, начиная съ 14 октября, въ вооруженное возстаніе, съ попыткою захватить власть и совершить переворотъ, проявившееся въ дни событій 18—22 октября въ формѣ не только еврейскаго погрома, но и настоящей революціи. Тѣмъ не менѣе, съ его стороны предпринятъ былъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ немедленному прекращенію смуты, безчинствъ и насилій мятежныхъ группъ и заключавшихся въ усиленіи вооруженныхъ полицейскихъ отрядовъ, разгонявшихъ толпы и сборища, въ изъятіи въ ночь на 16 октября изъ оружейныхъ магазиновъ патроновъ, въ запрещеніи митинга въ университетѣ и прегражденіи спеціальною охраною доступа публикѣ въ зданіе университета и, наконецъ, въ призывѣ, въ виду недостаточности однихъ полицейскихъ средствъ, войскъ для содѣйствія при подавленіи усилившагося движенія, съ каковою цѣлью, въ интересахъ дѣйствительной охраны всѣхъ частей

города, 15 октября городъ былъ раздѣленъ на участки съ 47 военными постами; тогда же было утверждено командующимъ войсками подробное наставленіе войсковымъ частямъ; попытка открытаго сопротивленія властямъ, выразившаяся въ устройствѣ 16 октября баррикадъ, была подавлена при содѣйствіи войскъ, и, наконецъ, 18 октября, вопреки первоначальному рѣшенію командующаго войсками, войска, по требованію его, Нейдгарта, вышли на улицу и принимали участіе въ подавленіи безпорядковъ.

2. Распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ послѣдовало не подъ вліяніемъ переговоровъ и соглашенія съ профессоромъ Щепкинымъ, а единственно вслѣдствіе примѣнявшейся еще во время потемкинскихъ безпорядковъ и получившей дальнѣйшее развитіе во время октябрьской вооруженной смуты системы обезоруженія и убійства городовыхъ, вслѣдствіе чего среди постовыхъ городовыхъ стала появляться паника, вызвавшая случаи оставленія постовъ. Соглашенія по сему предмету съ Щепкинымъ не могло быть уже потому, что приказаніе стянуть посты городовыхъ для посылки ихъ патрулями послѣдовало 18 октября, какъ значится въ постановленіи отъ 12 января сего года, до полудня, а профессоръ Щепкинъ былъ у него въ тотъ день, по объясненію д. с. с. Поллана, въ первомъ часу дня. Притомъ же, замѣна постовъ патрулями не можетъ быть признаваема незаконною мѣрою, такъ какъ посты учреждены инструкціею, утвержденною градоначальникомъ, и въ законѣ о постахъ ничего не говорится, а подвижное охраненіе порядка сильными патрулями во время массовыхъ безпорядковъ представляется болѣе цѣлесообразною мѣрою. Поэтому замѣна неподвижной постовой формы охраны города подвижною, патрульною, не могло еще означать прекращенія службы полиціи, такъ какъ въ объясненіяхъ студента Нутиса, пристава Рацишевскаго и товарища прокурора Каменскаго имѣются указанія на то, что полицейскіе патрули проявляли свою дѣятельность въ отраженіи нападеній и разгромовъ толпы, а заявленіе бывшаго полицеймейстера Головина о томъ, что онъ лишился помощи городовыхъ только оттого, что они были стянуты въ участки, не выдерживаетъ критики и не внушаетъ довѣрія въ виду непростительнаго его ухода со службы въ минуту опасности. Распоряженія о безотлучномъ пребываніи приставовъ дома, имъ, Нейдгартомъ, не было сдѣлано, а требованіе о семъ было передано изъ канцеляріи полицеймейстера, вѣроятно, по приказанію послѣдняго; въ дѣйствительности, какъ усматривается изъ

объясненій Михаила Штульмана и Рацишевскаго, пристава появлялись на улицахъ. Равнымъ образомъ, изъ сопоставленія объясненія профессора Щепкина, въ письмѣ его отъ 27 октября о томъ, что, въ разговорѣ 18 числа утромъ съ градоначальникомъ, онъ говорилъ о необходимости вооруженія населенія для защиты отъ хулигановъ, хотя въ то время не могло быть еще рѣчи о какомъ либо нападеніи хулигановъ и о возможности организаціи городской милиціи захватнымъ правомъ, съ объясненіемъ д. с. с. Поллана о томъ, что тогда же шла рѣчь о разоруженіи полиціи,—„самъ собою напрашивается выводъ о дѣйствительномъ назначеніи вооруженной захватнымъ правомъ милиціи для борьбы съ полиціей, которую требуется притомъ разоружить“. При наличности вышеизложеннаго, д. с. с. Нейдгартъ, по его объясненію, имѣлъ основаніе усмотрѣть опасность для другихъ городовыхъ и угрозу, которая затѣмъ была приведена въ исполненіе. Обращеніе же его къ населенію, съ заявленіемъ о возможности возстановленія постовыхъ городовыхъ при условіи усиленія постовъ гражданами, имѣло своею цѣлью указать населенію „на необходимость участія въ охранѣ самихъ гражданъ образованіемъ группъ изъ десяти лицъ на каждомъ посту“.

3. Студенческая милиція имъ не была допущена, о чемъ онъ заявилъ профессору Щепкину въ разговорѣ съ нимъ 18 октября и то же самое подтвердилъ въ объясненіи своемъ, появившемся 20-го числа. „Окрыленные,—говорится въ объясненіи,—успѣхомъ добытой свободы, революціонеры, организованные на университетскихъ митингахъ въ банды, сами учредились въ милицію, согласно предсказанію профессора Щепкина, и постоянному поощренію ректора Занчевскаго“. Милиція эта обнаружилась вечеромъ 15 октября и дѣйствовала во время вооруженнаго возстанія, но не имъ, Нейдгартомъ, допущенная, а „сломленная имъ въ дни подавленія мятежа“. О появленіи означенной милиціи ему было извѣстно, но въ „день манифеста дѣйствительно старался избѣгать всякаго новаго повода для возбужденія массъ, находившихся въ состояніи подъема“ и „не придалъ значенія тому, что группы студентовъ вечеромъ дежурили на Дерибасовской. Онъ счелъ за лучшее не направлять противъ нихъ войскъ и полицейскихъ нарядовъ съ спеціальной задачей ихъ разсѣянія“. Вслѣдствіе сего, если принять на видъ, что „никакого слѣда въ дѣлахъ градоначальника, касающихся его распоряженій относительно допущенія функціонированія милиціи не имѣется, то возможно было бы признать, что показанія о какихъ-то переговорахъ относительно ми-

лиціи свидѣтелей полицеймейстера Головина и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гавришева, съ которымъ у него былъ разговоръ лишь по вопросу о возстановленіи постовъ городовыхъ, не должны заслуживать уваженія, тѣмъ болѣе, что въ это время, какъ видно изъ объясненій Нутиса, Штульмана и товарища прокурора Каменскаго, полиція ходила по городу патрулями, что подтверждаетъ и командующій войсками, и, слѣдовательно, не бездѣйствовала". „Убѣдившись затѣмъ 19 октября въ тщетности возлагавшейся наканунѣ надежды на манифестъ въ дѣлѣ умиротворенія крайнихъ партій, и продолжавшейся смутѣ и агитаціи, онъ созналъ тогда необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ во избѣжаніе погрома и даже рѣзни и, въ письмѣ командующему войсками 19 октября, указалъ на опасность функціонированія революціонной милиціи. Этотъ письменный актъ, по объясненію д. с. с. Нейдгарта, служитъ подтвержденіемъ его словъ и доказательствомъ того, что принимались мѣры „къ подавленію милиціи, но отнюдь не къ замѣнѣ ею охраны города".

4. Непринятіе мѣръ къ предотвращенію 19 октября патріотическихъ манифестацій, двинувшихся на Соборную площадь къ молебну, объявленному по распоряженію изъ Петербурга, не можетъ быть ему поставлено въ вину, такъ какъ, при наличности объявленныхъ манифестомъ свободъ, приходилось считаться съ появленіемъ этихъ манифестацій безъ принятія мѣръ къ разсѣянію ихъ, что было даже опасно предпринять и на что онъ никогда не пошелъ бы, ибо осуществить это можно было бы отобраніемъ иконъ и портретовъ и предложеніемъ расходиться, а между тѣмъ наканунѣ „краснофлажныя манифестаціи" не были прекращены. Притомъ же на патріотическія манифестаціи были сдѣланы нападенія при возвращеніи ихъ отъ Соборной площади, послѣ чего эту толпу, подошедшую къ его дому въ величайшемъ озлобленіи, онъ убѣждалъ вспомнить Бога и вернуться по домамъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ присяжный повѣренный Данашевскій. Не помогло бы дѣлу и разсѣяніе еврейской толпы, собравшейся въ тотъ день на похороны, такъ какъ „дума и университетъ, минуя его, исторгли у командующаго войсками обѣщаніе убрать войска съ пути шествія похоронной процессіи". Такимъ образомъ, „положеніе власти становилось труднымъ—съ одной стороны онъ приказываетъ убрать городъ флагами и собираться на молебенъ, а революціонный комитетъ на средства думы украшаетъ улицы черными флагами и созываетъ на похороны, обезопасивъ себя отъ войскъ частнымъ соглашеніемъ; ему приходи-

лось немедленно принять мѣры пресѣченія, а ихъ нельзя было согласовать съ новыми способами успокоенія, предложенными графомъ Витте". Когда же нападенія революціонеровъ на патріотическія манифестаціи убѣдили его въ томъ, что должно разразиться давно висѣвшее въ воздухѣ столкновеніе двухъ враждебныхъ элементовъ, онъ обратился къ командующему войсками съ просьбою приказать войскамъ остановить возстаніе силою войскъ, не допускать процессій съ красными флагами и еврейскаго погрома, причемъ упомянулъ и о недопущеніи демонстративныхъ похоронъ, дабы указать командующему войсками, что онъ вышелъ изъ своей компетенціи, обѣщавъ отсутствіе войска на похоронахъ.

5. Содѣйствіемъ военной власти онъ пользовался во все время безпорядковъ для разсѣянія мятежной толпы въ порядкѣ и предѣлахъ, указанныхъ 15, 16 и 17 ст. прил. къ 316 ст. общ. губ. учр. Хотя командующій войсками въ рапортѣ военному министру утверждалъ, что 18 октября онъ, Нейдгартъ, не обращался къ военной власти съ подобнымъ требованіемъ, но такое утвержденіе опровергается дѣйствіями войскъ по подавленію отдѣльныхъ случаевъ столкновеній 18 октября силою оружія. Послѣдовавшее въ 1904 году словесное соглашеніе, какъ подготовительный матеріалъ, не было имъ принимаемо въ руководство въ виду выработаннаго 15 октября особаго наставленія, установившаго взаимныя отношенія гражданскихъ и военныхъ властей по принятію мѣръ къ подавленію безпорядковъ. Хотя опредѣленіе времени перехода къ дѣйствію оружіемъ зависитъ отъ гражданскаго начальства, но, при расположеніи войскъ въ 47 пунктахъ, онъ считалъ вполнѣ цѣлесообразнымъ „развязать руки войскамъ, перенеся центръ тяжести на ст. 16 прилож. къ 316 ст., по силѣ которой, при отсутствіи на мѣстѣ гражданскаго начальства, военное распоряжается самостоятельно, и предоставилъ самостоятельность дѣйствій, такъ какъ если бы войскамъ приходилось во время всеобщаго мятежнаго движенія въ городѣ ждать гражданское начальство для опредѣленія времени перехода къ дѣйствію оружіемъ, то, безспорно, войска все время стояли бы безучастными свидѣтелями насилій. На передачу же власти всецѣло военному начальству онъ не былъ уполномоченъ закономъ, который мѣру эту устанавливаетъ только на случай введенія военнаго положенія, по высочайшему повелѣнію".

6. Лицамъ, обращавшимся къ нему съ просьбами о содѣйствіи, онъ не отказывалъ въ защитѣ, и, какъ значится въ дневникѣ,

директору общества взаимнаго кредита Брахману и врачу Бордаху онъ указалъ обратиться съ требованіемъ войсковой охраны къ генералу Глаголеву, который, распоряжаясь войсками, имѣлъ возможность дать немедленную охрану, отрядивъ свободную ближайшую часть; упоминаніе же объ университетѣ, странное на первый взглядъ, сдѣлано имъ было въ видѣ укора университетской агитаціи, посланнаго въ сущности по адресу не Брахмана, но доктора Бордаха, популярнаго среди еврейской молодежи врача и приватъ-доцента университета.

7. Помимо бытности въ городѣ 21 октября, онъ объѣзжалъ городъ еще 19 числа, когда, слѣдуя въ соборъ на молебенъ, онъ долженъ былъ слѣдовать по дальнимъ улицамъ, чтобы подъѣхать съ неожиданной стороны, а 20 октября онъ ходилъ къ командующему войсками съ просьбою о болѣе энергичныхъ приказаніяхъ войскамъ. Вообще же, по объясненію д. с. с. Нейдгарта, начальникъ, сознающій себя главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за порядокъ, долженъ не упускать лишь общихъ распоряженій и неустанно быть въ центрѣ свѣдѣній и распоряженій, не размѣниваясь на борьбу съ отдѣльными эпизодами.

8. Объявленіе командующаго войсками отъ 21 октября, возвѣщавшее, что войскамъ приказано истреблять грабителей оружіемъ, послѣ чего погромъ сталъ прекращаться, ставитъ, однако, также какъ и подобное объявленіе его, Нейдгарта, первымъ требованіемъ на стрѣльбу по грабителямъ, а прекращеніе стрѣльбы революціонеровъ изъ оконъ по войскамъ и полиціи подъ угрозою разрушенія домовъ. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что въ то время и военная и гражданская власти, въ отчетливомъ представленіи обстановки событій, видѣли главную опасность для порядка не въ погромѣ, но въ вооруженномъ нападеніи революціонеровъ на власть, войска и полицію съ цѣлью добиться переворота.

При сопоставленіи изложеннаго объясненія съ обстоятельствами дѣла въ томъ видѣ, какъ они установлены разслѣдованіемъ, оказывается, что оно почти всецѣло основано на невѣрно приводимыхъ фактахъ и непровѣренныхъ указаніяхъ.

Прежде всего, д. с. с. Нейдгартъ объясняетъ, что октябрьскимъ событіямъ не можетъ быть придаваемо значеніе еврейскаго погрома, такъ какъ въ дѣйствительности они составляли вооруженное нападеніе революціонеровъ на войска и власти, съ которымъ административная власть безсильна была бороться. Но каковъ бы ни былъ характеръ происходившихъ волненій, все же власть должна была использовать всѣ находившіяся въ ея распо-

ряженій средства и въ точности исполнить всѣ указанія закона, прежде чѣмъ признать свое безсиліе, и чѣмъ опаснѣе и серьезнѣе была почва, на которой происходила смута, тѣмъ рѣшительнѣе должны были быть мѣры, предпринимаемыя для наиболѣе успѣшнаго ея подавленія. Въ дѣйствительности же онъ никакихъ къ тому мѣръ не принималъ съ момента появленія 18 октября на улицахъ города мятежныхъ скопищъ; всѣ тѣ распоряженія, о коихъ онъ упоминаетъ въ началѣ своего объясненія, отданы были въ предшествующее означенному числу время и, по содержанію своему, не могли способствовать предотвращенію или прекращенію послѣдующихъ событій, такъ какъ вовсе къ нимъ не относились. Хотя д. с. с. Нейдгартъ утверждаетъ, что войска, убранныя утромъ 18 октября съ улицъ, по приказанію командующаго войсками, вслѣдъ затѣмъ, въ тотъ же день появились на улицахъ по его о томъ распоряженію и принимали участіе въ прекращеніи отдѣльныхъ случаевъ столкновеній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не объясняетъ, въ чемъ именно, когда и при какихъ обстоятельствахъ было оно отдано и затѣмъ проявилось; на самомъ дѣлѣ, 18 числа войска дѣйствовали въ отдѣльныхъ случаяхъ безъ всякаго о томъ съ его стороны распоряженія, въ чемъ убѣждаетъ сообщеніе генерала барона Каульбарса о томъ, что въ тотъ день требованія о содѣйствіи войскъ отъ градоначальника не поступало и дѣйствовали они непосредственно по приказанію военнаго начальства или требованію чиновъ полиціи.

Единственнымъ распоряженіемъ д. с. с. Нейдгарта за все время безпорядковъ было обращеніе его къ командующему войсками 19 октября съ просьбою приказать войскамъ не допускать процессій съ красными флагами, торжественныхъ похоронъ убитыхъ сторонниковъ революціи, а также еврейскаго погрома. Но и это обращеніе, помимо его неопредѣленности, являлось запоздалымъ и неосуществимымъ, такъ какъ послѣдовало оно уже послѣ того, какъ наканунѣ онъ самъ допустилъ подобныя шествія, которыя 19 числа уже не возобновлялись, и не принялъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію демонстративныхъ похоронъ, о коихъ ему заранѣе было извѣстно и которыя не состоялись утромъ 19 октября по причинамъ, чисто случайнымъ и ни мало не зависѣвшимъ отъ его распоряженій; требованіе же о недопущеніи еврейскаго погрома, въ виду непредоставленія военному начальству самостоятельной власти подавленія безпорядковъ силою оружія по его усмотрѣнію, могло быть осуществимо лишь по отдѣльнымъ въ каждомъ случаѣ указаніямъ гражданской власти, такъ какъ при

этомъ условіи военное начальство могло лишь оказывать гражданской власти содѣйствіе въ подавленіи безпорядковъ и погрома.

Объясненія д. с. с. Нейдгарта объ основаніяхъ снятія городовыхъ съ постовъ рѣзко расходятся съ представленіемъ, сдѣланнымъ имъ по сему предмету министру внутреннихъ дѣлъ восемь дней спустя послѣ окончанія безпорядковъ. Первоначально онъ указывалъ на то, что городовые были сняты съ постовъ вслѣдствіе многочисленныхъ убійствъ, истязаній и обезоруженія ихъ, въ общемъ числѣ 34-хъ, и единогласнаго ихъ заявленія ему о томъ, что на посты они не могутъ стать. Когда же произведеннымъ разслѣдованіемъ была установлена совершенная невѣрность этихъ указаній, то нынѣ онъ объясняетъ, что имѣвшіе мѣсто во время потемкинскихъ безпорядковъ случаи убійствъ и разоруженія городовыхъ нагнали на нихъ такой страхъ, что они съ утра 18 числа стали покидать занимаемые ими посты. Однако и это объясненіе, ничѣмъ не подтвержденное, нисколько не оправдываетъ сдѣланнаго имъ распоряженія, такъ какъ, если бы въ дѣйствительности нѣкоторые городовые покинули посты, на что никакихъ указаній въ дѣлѣ нѣтъ, то это не давало еще права идти навстрѣчу незаконнымъ дѣйствіямъ городовыхъ и освобождать ихъ отъ постовой службы, а налагало обязанность принять соотвѣтствующія мѣры къ успокоенію городовыхъ и поддержанію въ нихъ бодрости. Указаніе на то, что распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ и замѣнѣ постовой службы патрульною не заключаетъ въ себѣ ничего неправильнаго или противозаконнаго, такъ какъ утвержденіе полицейскихъ постовъ принадлежитъ власти градоначальника, и такое распоряженіе не было равносильно освобожденію отъ несенія полицейскихъ обязанностей, представляется очевидно неправильнымъ. Губернаторамъ и градоначальникамъ принадлежитъ лишь право утвержденія числа и мѣста нахожденія полицейскихъ постовъ въ городахъ; самое же отправленіе постовой службы вытекаетъ изъ свойства лежащихъ на низшихъ полицейскихъ чинахъ обязанностей по охраненію порядка и спокойствія въ порученныхъ ихъ завѣдыванію районахъ, каковая обязанность только и можетъ быть выполняема путемъ постовой службы, какъ это и дѣлается на всемъ пространствѣ россійской имперіи, и что никогда не вызывало какихъ либо сомнѣній.

Равнымъ образомъ не можетъ быть признано уважительнымъ и объясненіе, что въ данномъ случаѣ патрульная служба представлялась болѣе цѣлесообразною и полезною по сравненію съ постовою, такъ какъ патрульная полицейская служба, выполнявшаяся

безъ всякихъ инструкцій и указаній, внѣ всякаго наблюденія и надзора со стороны начальства, неминуемо должна была носить случайный характеръ, и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могла способствовать предотвращенію или прекращенію безпорядковъ. Наилучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что бывшій полицеймейстеръ Головинъ, объясненіе коего д. с. с. Нейдгартъ старается опорочить, настоятельно убѣждалъ его возстановить посты городовыхъ; на-ряду съ этимъ, командующій войсками доносилъ, что градоначальникъ своимъ распоряженіемъ о снятіи городовыхъ оставилъ городъ безъ всякой полицейской охраны, а населеніе гор. Одессы, какъ признаетъ и д. с. с. Нейдгартъ, умоляло его возстановить городовыхъ на постахъ, что было сдѣлано только 22-го, когда погромъ совсѣмъ стихъ.

Ссылка на то, что самъ командующій войсками потребовалъ отъ него одиночныхъ постовъ у телефонныхъ колодцевъ, представляется голословной и находится въ противорѣчіи съ вышеприведеннымъ донесеніемъ барона Каульбарса въ рапортѣ его военному министру; указаніе же на то, что по объясненіямъ студента Нутиса и товарища прокурора Каменскаго, полицейскіе патрули принимали мѣры къ прекращенію безпорядковъ и разгромовъ, опровергается дѣйствительнымъ содержаніемъ объясненій названныхъ лицъ, изъ коихъ Нутисъ, напротивъ, удостовѣрилъ, что городовые дѣйствовали заодно съ толпою и участвовали въ совершаемыхъ ею насильственныхъ дѣйствіяхъ, а товарищъ прокурора Каменскій лично видѣлъ, какъ проходившіе патрули и разъѣзды не останавливали грабителей и относились безучастно къ насиліямъ толпы.

Стремленія д. с. с. Нейдгарта доказать, что городовые были сняты съ постовъ не вслѣдствіе разговоровъ и соглашенія съ профессоромъ Щепкинымъ, въ подтвержденіе чего онъ ссылается на объясненіе д. с. с. Поллана, который, придя къ нему 18 числа во 2-мъ часу дня, засталъ у него городского голову Крыжановскаго и профессора Щепкина, разговаривавшихъ о снятіи городовыхъ съ постовъ, равно какъ и то, что онъ не допускалъ студенческую милицію,—должны быть признаны безуспѣшными. Д. с. с. Полланъ дѣйствительно засталъ у Нейдгарта въ 1-мъ часу дня Крыжановскаго и Щепкина, но онъ пришелъ къ концу происходившаго между ними разговора и былъ свидѣтелемъ конца разговора о разоруженіи городовыхъ; но было ли Нейдгартомъ сдѣлано распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ до прихода Поллана или послѣ того, ему неизвѣстно, и потому пребываніе Щепкина у

Нейдгарта въ 1-мъ часу дня и происходившій у нихъ тогда разговоръ о разоруженіи городовыхъ ни мало не исключаетъ возможности того, что распоряженіе о снятіи городовыхъ съ постовъ было сдѣлано раньше. Наконецъ, изъ объясненія городского головы Крыжановскаго видно, что, отправившись въ 10-мъ часу утра въ судебную палату для участія въ засѣданіи, которое однако не состоялось, онъ тамъ же былъ приглашенъ по телефону къ градоначальнику, къ которому тотчасъ же отправился, заѣхавъ лишь въ думу за кѣмъ либо изъ представителей союзовъ, каковымъ оказался Щепкинъ. Такимъ образомъ, еще въ 11-мъ часу они могли уже быть у градоначальника.

Что касается допущенія студенческой милиціи, то, помимо объясненій полицеймейстера Головина, которому д. с. с. Нейдгартъ говорилъ о данномъ имъ согласіи на допущеніе милиціи, и д. с. с. Гавришева, которому онъ впослѣдствіи жаловался, что Щепкинъ подвелъ его въ этомъ отношеніи,—самъ Нейдгартъ въ настоящее время признаетъ, что означенная милиція была допущена съ его вѣдома и согласія, такъ какъ о ея появленіи ему стало извѣстно еще 19 октября и онъ не считалъ нужнымъ предпринять какія либо мѣры противъ ея появленія. Въ виду того, что назначеніе этой милиціи состояло, по увѣренію Щепкина, въ прекращеніи безпорядковъ, слѣдуетъ заключить, что допущена она была взамѣнъ полиціи, и такому выводу не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ послѣдующіе дни Нейдгартъ сталъ указывать на незаконный характеръ никѣмъ не установленной студенческой милиціи, такъ какъ подобныя указанія были сдѣланы послѣ того, какъ милиція проявила свою причастность къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ войскъ и полиціи, и Нейдгартъ счелъ себя обманутымъ увѣреніями Щепкина о томъ, что съ устраненіемъ полиціи и замѣною ея милиціею немедленно будетъ возстановленъ порядокъ.

Дальнѣйшія объясненія д. с. с. Нейдгарта о томъ, что онъ не считалъ себя вправѣ принимать мѣръ къ удаленію 19 октября патріотическихъ манифестацій, такъ какъ наканунѣ были допущены демонстративныя шествія съ красными флагами и притомъ, для удаленія этихъ манифестацій, пришлось бы прибѣгнуть къ отобранію иконъ и царскихъ портретовъ, нисколько не оправдываетъ проявленнаго имъ въ семъ случаѣ бездѣйствія власти, потому что на его прямой обязанности лежало принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, даже при содѣйствіи войскъ, къ разсѣянію 18 октября революціонныхъ скопищъ, появленіе коихъ предста-

злялось прямо преступнымъ съ точки зрѣнія уголовнаго закона, къ тому же, этимъ способомъ былъ бы устраненъ самый поводъ къ контръ манифестаціямъ патріотическаго характера. Появленіе на слѣдующій день этихъ послѣднихъ манифестацій безусловно обязывало озаботиться предотвращеніемъ возможности вооруженнаго столкновенія этихъ двухъ враждебно настроенныхъ партій назначеніемъ усиленныхъ полицейскихъ нарядовъ призывомъ войскъ для занятія улицъ по пути слѣдованія означенной манифестаціи въ соборъ на молебствіе и удаленіемъ съ этого пути еврейскихъ сборищъ. При извѣстномъ умѣніи распорядиться своею властью и служебномъ тактѣ, всегда возможно было избѣгнуть тѣхъ крайнихъ средствъ, на которыя нынѣ указываетъ въ своемъ объясненіи д. с. с. Нейдгартъ. Своевременное принятіе соотвѣтствующихъ по этому предмету мѣръ представлялось вполнѣ возможнымъ уже потому, что еще 18 числа ему было извѣстно о появленіи на слѣдующій день патріотическихъ манифестацій, но никакихъ даже попытокъ въ этомъ направленіи сдѣлано не было, хотя бы къ тому, чтобы путемъ убѣжденія, указаніемъ на неминуемо грозившую опасность кроваваго столкновенія, склонить эти манифестаціи къ тому, чтобы разойтись. Ссылка д. с. с. Нейдгарта на свидѣтеля Данашевскаго въ подтвержденіе того, что патріотическая манифестація подошла къ его дому на обратномъ пути изъ собора въ крайне уже озлобленномъ состояніи, вызванномъ произведенною въ нее стрѣльбою, опровергается показаніемъ именно этого свидѣтеля, удостовѣряющаго, что на обращенную изъ этой толпы горячую рѣчь къ градоначальнику, онъ отвѣчалъ: „спасибо, братцы, теперь идите помолиться“ (л. II об.), изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ, что группа манифестантовъ еще только шла въ соборъ и, слѣдовательно, предупредить столкновеніе было возможно.

Наконецъ, объясненіе д. с. с. Нейдгарта, что онъ все время пользовался содѣйствіемъ войскъ для подавленія безпорядковъ, согласно указаніямъ 15, 16 и 17 ст. ст. прил. къ 316 ст. общ. губ. учр., и предоставилъ войскамъ полную самостоятельность дѣйствій, ни въ чемъ въ этомъ отношеніи ихъ не стѣсняя, и не считалъ себя лишь вправѣ передавать власть усмиренія безпорядковъ всецѣло военному начальству до введенія военнаго положенія,—свидѣтельствуетъ о совершенномъ непониманіи лежавшихъ на немъ обязанностей. Точный смыслъ приведенныхъ законоположеній не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что ст. 15 указаннаго приложенія, съ одной стороны, и ст. ст. 16 и 17 того же

приложенія, съ другой—предусматриваютъ два совершенно различныхъ случая вызова войскъ гражданскою властью. Первая статья имѣетъ въ виду тотъ случай, когда гражданское начальство, оставляя за собою право распоряженія подавленіемъ безпорядковъ, приглашаетъ военную силу лишь для оказанія ей содѣйствія оружіемъ; тогда военное начальство дѣйствуетъ по указаніямъ гражданскаго, въ предѣлахъ возложеннаго на него порученія. Въ этомъ именно смыслѣ послѣдовало обращеніе д. с. с. Нейдгарта къ командующему войсками въ письмѣ отъ 19 октября, но въ такомъ случаѣ войска не дѣйствовали самостоятельно и должны были находиться въ распоряженіи гражданской власти. Статьи же 16 и 17 касаются такихъ случаевъ, когда гражданское начальство, сознавъ свое безсиліе послѣ того, какъ оно исчерпало всѣ способы усмиренія, слагаетъ съ себя эту обязанность и передаетъ власть подавленія безпорядковъ всецѣло въ распоряженіе военнаго начальства, для чего вовсе не требуется введенія военнаго положенія, какъ ошибочно полагаетъ Нейдгартъ, а также командующій войсками; тогда военное начальство дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно и независимо, предпринимая всѣ мѣры къ прекращенію безпорядковъ по собственному усмотрѣнію, и по достиженіи этой цѣли увѣдомляетъ о томъ, согласно 19 статьѣ, гражданское начальство, прекращая, вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшія свои дѣйствія. Въ данномъ случаѣ бездѣйствіе власти и нераспорядительность бывшаго градоначальника Нейдгарта въ томъ именно и проявились, что онъ, снявъ городовыхъ съ постовъ, лишилъ городъ полицейской охраны, и тѣмъ самымъ, установивъ на дѣлѣ полную несостоятельность по водворенію порядка, не передалъ власти усмиренія смуты военному начальству въ порядкѣ, предписанномъ 16 и 17 ст. ст. прил. къ 316 ст. общ. губ. учр., но сохранилъ за собою право распоряженія. Благодаря исключительно такому образу дѣйствій, гражданская и полицейская власти бездѣйствовали, а военная, въ лицѣ командующаго войсками, стѣснена была въ самостоятельномъ распоряженіи всѣми военными силами, и войсковыя части, расположенныя въ участкахъ, дѣйствовали безъ всякой системы и порядка.

Признавая по изложеннымъ основаніямъ, что представленное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Нейдгартомъ объясненіе не колеблетъ предъявленнаго ему мною обвиненія въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особенно важныя послѣдствія, и, руководствуясь высочайшими повелѣніями, воспослѣдовавшими 22 сентября 1880 г. (собр. узак. № 97), 25

марта и 16 ноября 1905 г. (собр. узак. №№ 51 и 225) и статьями 1085 и 1088 п. 3 уст. угол. суд., постановилъ: представить правительствующему сенату (по первому департаменту) о возбужденіи противъ бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгарта уголовнаго преслѣдованія по обвиненію въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. уложенія о наказаніяхъ.

Сенаторъ *А. Кузьминскій.*

Приложенія, представленныя Нейдгартомъ къ своему объясненію.

1) Рапортъ Нейдгарта отъ 25 августа 1905 года товаришу министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующему полиціей, о необходимости введенія въ Одессѣ положенія о чрезвычайной охранѣ.

Г. тов. мин. завѣдующему полиціей.

О введеніи въ Одессѣ положенія о чрезвычайной охранѣ.

Еще задолго до мятежныхъ одесскихъ іюньскихъ дней я дважды ходатайствовалъ о необходимости усилить мѣстную власть новыми полномочіями, которыя могли бы способствовать успѣшной борьбѣ со все растущей революціей.

Въ періоды революціонныхъ эксцессовъ и власть должна развивать такое напряженіе, которое давало бы ей возможность оставаться хозяиномъ положенія, а не сгибаться подъ ударами террора; въ эти періоды мѣропріятія не должны отставать отъ событій, и на-ряду съ усиленнымъ внѣсрочнымъ поощреніемъ усердныхъ и вѣрныхъ слугъ порядка, власть должна пользоваться создающимся настроеніемъ общества вслѣдъ за совершившимся злодѣяніемъ, дабы сильно и мѣтко, не теряя иногда дня, карать крамольниковъ; только такія мѣры, свидѣтельствующія о полной мочи и сознаніи силы, создадутъ ей то обаяніе, которое одно является залогомъ порядка и мирнаго теченія жизни населенія.

Дѣйствующее въ Одессѣ военное положеніе угнетающе отражается на одесской торговлѣ, и ведетъ къ упадку города, имѣющаго такое важное значеніе для всего юга Россіи, такъ что съ этой стороны снятіе военнаго положенія является желательнымъ.

Но не надо упускать изъ вида, что власти потомъ придется ликвидировать послѣдствія суровыхъ мѣръ высылки или секвестра имущества виновныхъ, каковыя мѣры легко могутъ вызвать раздраженіе въ широкихъ кругахъ одесскаго населенія, а въ случаѣ возвращенія высланныхъ создать имъ ореолы и поводы агитаціонной вокругъ нихъ дѣятельности. Власть же не будетъ въ силахъ при старыхъ полномочіяхъ оставаться хозяиномъ положенія.

Въ виду вышеизложеннаго и несмотря на тяжелыя лично для меня послѣдствія предлагаемой мною мѣры, я нахожу безусловно необходимымъ просить для Одессы по снятіи военнаго положенія, которое надлежитъ сдѣлать до начала занятія въ университетѣ, о введеніи на первое время положенія о чрезвычайной охранѣ.

Преимущества ея заключаются въ томъ, что она своими положеніями грозитъ не столько населенію, ищущему свободной мирной торговли, сколько служилымъ классамъ всѣхъ вѣдомствъ, сколько прессѣ, для которой при условіи возможности налагать на нее скоропостижныя взысканія, я полагалъ бы возможнымъ допустить безцензурность, что вызвало бы всеобщее одобреніе прогрессивной Одессы, а для населенія остались бы мѣры усиленной охраны, которыя только дополняются положеніемъ о чрезвычайной охранѣ. Высылка, остающаяся за особымъ совѣщаніемъ, перестала бы раздражать общество, а угроза потери состоянія отъ секвестра осталась бы суровымъ призракомъ для тѣхъ, кто посягаетъ на общественную безопасность. Возраженіе, что чрезвычайная охрана никогда не употреблялась, падаетъ предъ внимательнымъ взглядомъ на положеніе многострадальной Россіи. Разбушевавшееся море народныхъ страстей, налагая печать стихійности на дѣйствія людей, не остановитъ своихъ волнъ, пока не докатятся онѣ до скалъ твердой, непреклонной, но благожелательной власти.

Чѣмъ либеральнѣе реформы, тѣмъ должна быть сильнѣе власть на мѣстахъ, иначе воцарится анархія, а съ передачею нужныхъ и грозныхъ полномочій въ руки мѣстныхъ правителей, центральная власть своимъ контролемъ не преминетъ объединить работу на мѣстахъ въ планомѣрное усиленіе государственности для единства Россіи, теперь распадающейся.

2) Отношеніе одесскаго градоначальника отъ 19 октября 1905 г. командующему войсками одесскаго военнаго округа.

Г. командующему войсками.

Получаются свѣдѣнія, что толпы намѣрены разбивать тюрьму, участки и другія казенныя зданія. Толпы убѣждаютъ войска не дѣйствовать, такъ какъ манифестомъ они породнились. Революціонный комитетъ сумѣлъ такимъ образомъ отклонить войска отъ полиціи, которая осталась одинокою и не въ силахъ бороться съ революціонной организаціей, выставившей уже свою вооруженную милицію.

Въ виду заявленія мнѣ профессоромъ Щепкинымъ о разоруженіи полиціи на основаніи захватнаго права и многократныхъ убійствъ, истязаній и разоруженія городовыхъ, я принужденъ снять всю полицію въ участки и только сильными патрулями исполнять службу.

Одесская революція прикрылась сначала дѣтьми, потомъ ложными слухами и клеветой на полицію и, наконецъ, городской думой, отъ которой хотѣла выпустить прокламацію со словами: „Наконецъ самодержавіе упало въ пропасть“, вслѣдствіе чего одесскій городской голова Крыжановскій вышелъ въ отставку, не желая подписать такого воззванія.

Только сила войскъ подъ вашимъ руководствомъ можетъ возстановить нормальный порядокъ и прекратить возстаніе.

Прошу приказанія вашего высокопревосходительства войскамъ: не допускать процессій съ красными флагами, не допустить торжественныхъ похоронъ сторонниковъ революціи, отмѣненныхъ сегодня, и не допускать еврейскаго погрома, который, конечно, будетъ приписанъ полиціи.

Градоначальникъ *Нейдгартъ*.

19 октября, 12 ч. 40 м. дня.

3) Сообщеніе комиссіи профессоровъ новороссійскаго университета отъ 16 октября 1905 года Нейдгарту.

Его пр. одесскому градоначальнику.

Отъ комиссіи профессоровъ совѣта императорскаго новороссійскаго университета.

Комиссія профессоровъ совѣта императорскаго всероссійскаго университета, избранная на основаніи высочайше утвержденныхъ правилъ 27 августа 1905 г. для общаго руководства университетской жизни, считаетъ своимъ служебнымъ и нравственнымъ долгомъ сообщить вашему превосходительству слѣдующія данныя:

Собраніе студентовъ въ зданіи медицинскихъ лабораторій было назначено на воскресенье 16 октября студентами университета еще недѣлю тому назадъ и приливъ посторонней публики, посѣщающей подобныя собранія, сегодня уже не могъ быть ими пріостановленъ. Въ виду того, что всѣ подобныя смѣшанныя собранія изъ студентовъ и сторонней публики до сихъ поръ протекали спокойно, комиссія увѣрена, что при обычныхъ условіяхъ и собраніе 16 октября закончилось бы безъ всякихъ проявленій насилія. Въ такомъ случаѣ по окончаніи общей политической забастовки занятія въ университетѣ могли бы быть возобновлены, но вслѣдствіе того, что съ ранняго утра 16 октября доступъ для публики къ зданіямъ университета былъ, въ силу распоряженій в. пр., прегражденъ полиціей и войсками, комиссія профессоровъ совѣта имѣетъ основанія ожидать, что это насильственное недопущеніе публики поведетъ только къ кровавымъ столкновеніямъ на улицахъ Одессы. Толпа, которая могла бы мирно бесѣдовать въ аудиторіяхъ, въ возбужденномъ состояніи будетъ разсѣиваться по улицамъ и увлекать за собою студентовъ; примѣромъ тому могутъ служить событія 14 октября въ Канатной улицѣ. Послѣ повторенія подобныхъ кровопролитій возобновленіе занятій въ университетѣ станетъ невозможнымъ даже и по окончаніи политической забастовки. Предоставляя совѣту новороссійскаго университета изыскать мѣры для защиты университетской автономіи отъ нарушенія администраціей высочайше утвержденныхъ правилъ 27 августа, комиссія профессоровъ устанавливаетъ этимъ

заявленіемъ тотъ фактъ, что ею, комиссіей профессоровъ, были на 16 октября приняты достаточныя мѣры для предупрежденія безпорядковъ въ зданіяхъ университета и на улицахъ передъ ними, но что если теперь, въ виду вмѣшательства полиціи въ жизнь автономнаго университета, послѣдуютъ кровавыя столкновенія на улицахъ Одессы, то они будутъ прямымъ слѣдствіемъ распоряженій вашего превосходительства, лишившихъ публику возможности, по примѣру предыдущихъ дней, спокойно засѣдать со студентами на собраніяхъ въ университетѣ. Комиссія профессоровъ своевременно увѣдомитъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, что она съ утра 16 октября и черезъ ректора и посредствомъ этого заявленія предупреждала ваше превосходительство о возможныхъ послѣдствіяхъ дѣйствій полиціи.

Одесса, 16 октября 1905 года.

Члены совѣтской комиссіи: *Борисовъ, Завьяловъ, Косинскій, Щепкинъ, Верцо, Лысенковъ, Ланге, Сапѣжко.*

---

4) Дневникъ одесскихъ событій, веденный чиновникомъ особыхъ порученій при градонач. Подольцевымъ.

14 октября 1905 г. 9 ч. 25 м.

Толпа учениковъ училища Файга подошла къ гимназіи Соколовой, требуя удаленія учениць и прекращенія занятій (передано въ Бульварный участокъ и толпа разсѣяна полицейскимъ нарядомъ).

Толпа собралась около Ришельевской гимназіи, начала требовать прекращенія занятій, бросала камни и побила стекла (посланъ полицейскій нарядъ и разсѣяна). Въ 1 ч. 20 м. въ Михайловскій уч. прибыло ½ сотни казаковъ (ушли въ 6 ч. вечера). Въ 1 ч. 20 м. въ Пересыпскій уч. прибыло 100 казаковъ (ушли въ 5 ч. 40 м.). Въ 1 ч. 15 м. въ Херсонскій уч. прибыло 100 казаковъ (Соборная площадь); въ 1 ч. 30 м. въ Петровскій прибыло ½ сотни казаковъ; въ 1 ч. 40 м. въ Петропавловскій—54 изъ Дунайскаго полка (въ 5 ч. 5 м. полученъ приказъ и уходятъ). Въ 1. 30 м. въ Бульварный—1 рота Очаковскаго полка, въ 1 ч. 45 м. въ Херсонскій—1 рота 273 Дунайскаго полка съ Сл. Ром., въ

1 ч. 50 м. въ Бульварный участокъ надз. Свирскій. Толпа по Канатной дошла до Успенской, къ Березиной, спявъ ученицъ; толпа, направившись по Успенской, оказала сопротивленіе городовымъ. Въ 1 ч. 55 м. изъ Александровскаго уч. (полк. Вырыпаевъ) доноситъ, что тюрьма, водопроводъ, Одесса-Главная, Александровскій уч. и постъ Преобр. и Б. Арнаутская заняты къ 10 ч. утра. Въ 2 ч. въ Херсонскій уч. прибыли 2 роты Дунайскаго полка, въ 2 ч. 20 м. (пом. пристава Шишкинъ)—1 рота Морского батальона размѣщена въ д. Левашева, въ 2 ч. 25 м. (Херсонск. уч. Харченко) сотня казаковъ съ Соборной площади въ крытые рынки. Въ 3 ч. 15 м. (Яшниченко) въ казначейство прибыла 1 рота, въ 3 ч. 15 м. (Александровскій уч.) на Привозной площади 1 рота, въ 12 ч. (тюрьма) въ тюремный замокъ полурота (въ 6 ч. поп. приказъ и полурота снята), въ 3½ ч. (тюрьма) 1 взводъ на мукомольную (до смѣны остаются), въ 3½ ч. (тюрьма) на почту прибыло 22 человѣка, въ 4 ч. 5 м. (С. И. П.) на углу Пушкинской и Полицейской большая толпа. Въ 5 ч. 5 м. (Михайлов. уч.) въ Михайловскомъ участкѣ 57 пѣхотный запасный батальонъ (ушли въ 6 ч. вечера), въ 6 ч. вечера (Дальниц.) получено распоряженіе объ уходѣ войскъ. Въ 6 ч. 10 м. веч. (Пересып.) войска ушли. Въ 6 ч. 14 м. (Портов.) войска ушли.

15 октября.

Въ 8 ч. утра (Бульвар.) 1 рота Очаковскаго полка при участкѣ. Въ 8 ч. утра (Александр. уч.) 2 рота Измаильскаго полка: 1 взводъ на водопроводѣ, 6 чел. удѣльное вѣдомство, 6 чел. депо трамваевъ. Въ 8 ч. (Портовый) 2 роты Измаильскаго полка при зданіи. 8 ч. 15 м. (Михайловскій) 1 рота 65 запаснаго батальона. 8 ч. 15 м. (Херсонскій) 1 рота Дунайскаго полка. 8 ч. 30 м. (Херсонскій) 1 рота Дунайскаго полка, 8 ч. 30 м. (Бульварный) 1 рота Очаковскаго полка, 8 ч. 30 м. (Пересыпскій) 2 роты 59 запаснаго батальона. 9 ч. (Петропавловскій) 1 рота Дунайскаго полка. 11 ч. 25 м. (Портовый) 2 роты Ставучанскаго полка. 8 ч. 45 м. вечера передано во всѣ участки отобрать патроны изъ всѣхъ оружейныхъ магазиновъ.

16 октября.

9½ ч. утра (тел. ст.) ½ роты Морского батальона (Государ. банкъ), ½ роты того же батальона. 9½ ч. утра (Бульвар., Але-

ксандров., Херсонскій, Петропавловскій, Михайловскій, Пересыпскій и Портовый) объявленія расклеены. 9 ч. 40 м. (Дальницкій) объявленія расклеены. 9 ч. 45 м. (водопроводъ) 33 человѣка Дунайскаго полка. 12 ч. 30 м. (Бульварный) 1 рота Очаковскаго полка. 12 ч. 40 м. (Пересыпь.) 2 роты Ставучанскаго полка. 12 ч. 55 м. (Дальницкій) 2 роты Дунайскаго полка охраняютъ вокзалъ. 1 ч. (Пересып.) 1/2 эскадрона Астраханскаго полка. 1 ч. (Михайловскій) 1/2 сотни Донского казачьяго полка. 1 ч. (Бульварный) 1 рота Очаковскаго полка Екатерин. площадь. 1 ч. 10 м. (Портовый) 1 рота Измаильскаго полка—таможня. 1 ч. 15 м. (Петропав.) 1 рота Дунайскаго полка—толчекъ, 1 рота того же полка уголъ Усп. и Мѣщ. 1/2 сотни казаковъ, 1 ч. 25 м. (Херсонскій) 1 рота Дунайскаго полка—слободка. 1 ч. 50 м. (Портовый) 4 роты Измаильскаго полка. Было сдѣлано распоряженіе всѣмъ городовымъ врачамъ быть при участкахъ и по телефону градоначальникъ просилъ прокурора направить туда и товарищей прокурора. Когда оказалось, что въ Бульварномъ участкѣ есть больная арестантка и нѣтъ врача, который бы подалъ ей врачебную помощь, градоначальникъ чрезъ помощника врачебнаго инспектора Попова вызвалъ къ себѣ город. врача Бульварнаго уч. и лично сдѣлалъ ему замѣчаніе за то, что онъ не явился въ участокъ. Оказалось, что онъ былъ въ семинаріи. 2 ч. 15 м. (Кисляковскій). Преображенская изъ дома № 58 стрѣльба, войска отвѣчаютъ. 2 ч. 20 м. (Кисляковскій) на толчкѣ стрѣляли (Бульвар. уч.) войска около городского театра стрѣляли по направленію къ Александровскому уч. по толпѣ, пуля попала городовому въ ногу, ранила. 3 ч. Опрошен. больницы: городская, раненыхъ 10 чел., еврейская, раненыхъ 18 чел. изъ нихъ 5 умѣрло. 4 ч. 35 м. Моргуліесъ сообщилъ, что толпа повалила столбы электрическіе на Александровской и Успенской ул.

4 ч. 45 м. Скорая помощь выѣзжала 40 разъ и, по ихъ свѣдѣніямъ, такое же количество раненыхъ, смертныхъ 2 случая. 4 ч. 45 м. Генералъ Милорадовичъ сообщилъ, что на Пушкинской и Почтовой рота запаснаго баталіона и что казаки стрѣляли въ баррикады по Ришельевской. 4 ч. 50 м. (пом. полиц—ра Гесбергъ) на углу Еврейской и Преобр. толпа окружила конки, нѣсколько человѣкъ (евреи) забрались на крышу конокъ и стали говорить рѣчи, приглашая публику къ сопротивленію властямъ; войска послѣ безуспѣшнаго требованія разойтись, дали три залпа, раненыхъ человѣкъ около 20 и, вѣроятно, есть убитые. Въ Бульварномъ уч. до 200 арестованныхъ, которые съ наступленіемъ ночи

*

будутъ переведены въ тюрьму. 3 ч. 30 м. (чиновникъ особ. порученій Подольцевъ, сообщаетъ, что получены свѣдѣнія въ Петропав. уч.). На углу Базарной и Щепного пер. стрѣляли въ эсаула 4 сотни Назарова, лошадь ранена. 3 ч. 45 м. (чинов. ос. пор. Подольцевъ) въ Михайловскомъ уч. жители ощущаютъ недостатокъ въ хлѣбѣ (сообщено по телефону завѣдующему домомъ трудолюбія). Тамъ же задержаны 4 человѣка съ повязками краснаго креста, изъ нихъ одинъ оказался слесарь и одинъ студентъ съ 5 разными прокламаціями. Туда же доставлено 100 экземпляровъ объявленій градоначальника для раздачи публикѣ. 3 ч. 30 м. Въ Петропавловскомъ уч. сообщили, что мятежниками устроены баррикады въ слѣдующихъ мѣстахъ: уголъ Дегтярной и Успенской, Мѣщанской и Успенской, Кузнечной и Успенской, Успенской и Преображенской, Базарной и Трехугольнаго пер. и Базарной и Преображенской. 6 ч. (Александров.). Доставлено въ участокъ человѣкъ 15 съ медикаментами. Они устроили перевязочный пунктъ въ д. Полли по Ришельевской улицѣ. 12 ч. дня. По приказанію градоначальника чиновникъ особ. пор. Подольцевъ явился къ архіепископу Дмитрію въ соборъ, гдѣ при нѣсколькихъ священникахъ по окончаніи литургіи доложилъ, что сегодня при университетѣ ожидается многотысячная неразрѣшенная общедоступная сходка, которая, вѣроятно, не разойдется по требованію полиціи, а потому не признаетъ ли его высокопреосвященство цѣлесообразнымъ, во избѣжаніе кровопролитія, испробовать мѣру увѣщанія толпы духовенствомъ; на это архіепископъ по выслушаніи мнѣній священниковъ отозвался, что такъ какъ толпа можетъ быть преимущественно изъ евреевъ и пьяныхъ русскихъ, на которыхъ увѣщанія не подѣйствуютъ, и можно ожидать выходокъ съ ихъ стороны противъ духовенства, то его высокопреосвященство признаетъ нецѣлесообразной эту мѣру. 12 ч. дня штабъ-офицеръ для ос. порученій капитанъ Невражинъ былъ командированъ, въ виду заявленія инженера Маргулиеса о предполагавшейся забастовкѣ на телефонѣ и на электрической городской станціи, въ вышеназванныя мѣста. Прибывъ на телефонную станцію и переговоривъ съ телефонистками и съ телефонисткой, работающей на аппаратахъ, обслуживающихъ кабинетъ градоначальника, дежурную комнату и др. административныя мѣста, М. Шапошниковой, уговорилъ ихъ и убѣдилъ остаться на телефонѣ и продолжать работу. Очень много способствовала этому телефонистка Марія Шапошникова, которая и оставалась не въ очередь на дежурство при аппаратахъ; оттуда капитанъ Невражинъ поѣхалъ на электрическую станцію на

Старопортофранковской ул., гдѣ, по приказанію его превосходительства одесскаго градоначальника, передалъ офицеру, находящемуся съ полуротой для охраны электрической станціи, распоряженіе его превосходительства не только задерживать и не допускать никакого насилія со стороны толпы какъ надъ самой станціей и надъ лицами, работающими тамъ, такъ точно не допускать ни въ какомъ случаѣ ухода со станціи кочегаровъ и всѣхъ мастеровыхъ, въ случаѣ же проявленія желанія бросить работы, задерживать, арестовывать и отправлять въ участокъ. По желанію градоначальника Маргуліесъ для поощренія служащихъ и рабочихъ вручилъ капитану Невражину 200 р. Капитанъ Невражинъ, собравъ рабочихъ, просилъ ихъ не оставлять работу и обѣщалъ отъ имени градоначальника вознаградить ихъ за это отдѣльно, причемъ рабочіе послѣ долгой бесѣды дали слово не оставлять работы ни въ какомъ случаѣ. Возвращаясь обратно на Тираспольскую ул., встрѣченъ былъ толпой въ 100—150 человѣкъ, окружившей извозчика и выпрягшей лошадь, заставивъ этимъ возвратиться пѣшкомъ. Толпа состояла преимущественно изъ студентовъ, учащейся молодежи, а также женщинъ и мужчинъ неопредѣленныхъ профессій. Передано по телефону во всѣ участки распоряженіе градоначальника о недопущеніи сходбищъ въ аудиторіяхъ, театрахъ (спектакли отмѣнены) и другихъ т. п. помѣщеніяхъ. 3 ч. дня (Челебидаки)—2 роты оцѣпили клинику, приставъ заявилъ, что къ нимъ подходятъ студенты и частныя лица и раздаютъ прокламаціи. По порученію градоначальника, отправился къ генералу Милорадовичу просить поставить роты при участкѣ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности онѣ могли быть призваны къ клиникѣ. Приставъ просилъ оставить при клиникѣ войска, т. к. иначе тамъ можетъ собраться толпа. Тогда было отдано распоряженіе поставить роты около клиники въ двухъ мѣстахъ вмѣстѣ съ офицеромъ. 12 ч. дня (князь Цулукидзе)—обходя Дерибасовскую, видѣлъ, какъ толпа человѣкъ въ 200 разбирала оружіе изъ разбитаго оружейнаго магазина Гессена. Какъ только я сталъ переходить улицу по направленію къ магазину, появилась казачья часть, которая обратила всю толпу въ бѣгство; затѣмъ я поѣхалъ въ канцелярію полицеймейстера, по приказанію градоначальника, гдѣ находился раненый жандармъ (изъ револьвера), тамъ была также раненая (шашкой) еврейка Линденъ, которая стрѣляла, какъ заявили жандармы и городовые, въ жандарма. Поѣхавъ обратно для доклада къ градоначальнику, я былъ остановленъ на углу Дерибасовской и Екатерининской толпой въ

500 человѣкъ, которая просила меня отпустить извозчика, заявляя, что они хотятъ только, чтобы извозчики забастовали. Я увѣщевалъ толпу разойтись, но разошлись только нѣкоторые гимназисты и студенты. Я отправился по Дерибасовской улицѣ пѣшкомъ къ Ришельевской, гдѣ строили баррикады, увѣщевая толпу и молодежь разойтись, но толпа и молодежь не расходились. Появился казачій разъѣздъ къ 2 часамъ дня и, разогнавъ толпу, разбилъ баррикады и очистилъ отъ нихъ улицу. Черезъ полчаса опять стала собираться толпа, снова устраивая баррикады, и оказала сопротивленіе войскамъ, кидая камнями и стрѣляя въ нихъ; по нимъ былъ данъ залпъ (въ $3^1/_2$ ч.); вернувшись къ 4 ч. обо всемъ этомъ мною было доложено градоначальнику. 2 ч. дня (Щербинскій)—объѣзжая пункты бульварнаго уч., занятые войсками, былъ на центральной телефонной станціи, занятой полуротой морского батальона, причемъ находящійся здѣсь офицеръ заявилъ мнѣ, что было нѣсколько попытокъ снять телефонныхъ барышень по телефону убѣжденіями и угрозами, и наконецъ одна бывшая телефонистка, пользуясь старымъ пропускнымъ билетомъ, пробралась на станцію и тоже уговаривала ихъ бросить работу, говоря, что въ противномъ случаѣ имъ грозитъ даже смерть; кромѣ того, отъ того же офицера я узналъ, что нѣсколько аптекъ, къ которымъ обращались по телефону съ просьбой дать имъ лекарство, отказались сдѣлать это для телефонной станціи въ томъ числѣ и городская больница. Также отказалась подать помощь раненому городовому и карета скорой помощи. Мимо станціи по Полицейской пронесли за каретой скорой помощи совершенно здороваго человѣка, но съ забинтованной ногой, очевидно, въ видѣ демонстраціи, причемъ громадная толпа слѣдовала за нимъ. Нигдѣ кромѣ этой толпы не встрѣчалъ. Изъ Петропавловскаго уч. въ 7 ч. вечера сообщено: съ 2-хъ до 4-хъ часовъ пополудни разобраны баррикады: уголъ Б. Арнаутской и Мѣщанской, Базарной и Трехугольнаго пер., Кузнечной и Успенской, Преображенской и Успенской, Успенской и Трехугольнаго пер, Базарной и Мѣщанской и Успенской и Мѣщанской. Изъ Бульварнаго участка около 7 ч. сообщено: съ 2-хъ до 5 ч. пополудни разобраны баррикады по Еврейской противъ дома № 14, по Ришельевской ул. противъ домовъ № № 7, 13, 23, 29 и 35 по Преображенской двѣ баррикады; секретарь полиц—стера въ 9 ч. 40 м. вечера сообщилъ по телефону: число убитыхъ и раненыхъ: въ городской больницѣ 12 раненыхъ, въ еврейской 23, изъ которыхъ 6 умерло, въ анатомическомъ 3 убитыхъ, въ воен-

номъ госпиталѣ 1 раненъ (жандармъ), въ Стурдзовской общинѣ два раненыхъ и въ больницѣ Краснаго Креста 3 раненыхъ, итого раненыхъ 35, убитыхъ 9. Кромѣ того, по сообщенію больницъ, было много легко раненыхъ, которые послѣ перевязки отправились по домамъ. (И. Д. Ермолинскій) при обходѣ въ 10 ч. утра зданія университета на Херсонской ул., которое было оцѣплено войсками, замѣтилъ много студентовъ, подговаривавшихъ солдатъ не стрѣлять въ толпу. Толпа состояла, преимущественно, изъ студентовъ, учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній—подростковъ, которые, расхаживая по улицѣ, имѣли озлобленный видъ. Въ 12 ч., по порученію градоначальника отправился по Ришельевской ул., гдѣ отъ угла Дерибасовской засталъ большую толпу, строющую баррикады на Греческой и Ришельевской и Полицейской и Ришельевской, опрокидывая для этого вагоны конки и устраивая проволочныя загражденія. И тутъ толпа состояла преимущественно изъ студентовъ и подростковъ. Въ 2 ч. пополудни объѣхалъ расположеніе войскъ въ Александровскомъ участкѣ и засталъ всѣхъ на мѣстахъ, кромѣ полъ-эскадрона драгуновъ, высланнаго на Александровскій проспектъ для защиты магазина Яковенко и 1 роты на углу Б. Арнаутской и Преображенской, вовсе отсутствующей. Въ Александровскомъ участкѣ узналъ, что шальной пулей раненъ городовой Бондарь, стоявшій около участка и ранена лошадь офицера. По Александровскому проспекту при возвращеніи видѣлъ баррикады, устроенныя изъ рѣшетокъ, которыми огороженъ бульваръ. Слышалъ, что толпы останавливаютъ извозчиковъ и заставляютъ ѣдущихъ слѣзать. Въ 9 ч. вечера былъ на Преображенской въ д. 57, изъ котораго была стрѣльба по войскамъ днемъ, что заставило войска въ свою очередь обстрѣливать его. Дворникъ при допросѣ показалъ, что въ его домѣ легко ранены два еврея, а стрѣляли ли изъ того дома—онъ не замѣтилъ. Одинъ изъ раненыхъ, Аронъ Бродскій, часовыхъ дѣлъ мастеръ, занимаетъ квартиру съ балкономъ, выходящимъ на Преображенскую ул. Отъ дворника противоположнаго дома нельзя было ничего добиться. По Александровскому проспекту къ 9 ч. вечера баррикады еще не были сняты. Въ Бульварномъ уч. узналъ, что профессоръ Ярошенко, при встрѣчѣ съ бушевавшей толпой, выразилъ ей полное одобреніе и похвалу за ея дѣйствія (свидѣтель городовой Пискуновъ). Въ теченіе дня 16 октября разбито около 50 вагоновъ конокъ. Въ 9 ч. вечера передано по телефону всѣмъ приставамъ распоряженіе градоначальника допускать къ арестованнымъ мировыхъ судей, но не иначе какъ въ присутствіи приставовъ съ

тѣмъ, чтобы судьи не задавали вопросовъ арестованнымъ, а лишь выслушивали ихъ заявленія. Въ 9 3/4 ч. вечера приставъ Михайловскаго уч. сообщилъ по телефону, что казаковъ при участкѣ оставлено, по распоряженію генерала Милорадовича, только трое, всѣ же остальные отправлены въ казарму полка на Косвенной ул. (отъ участка 4—5 кварталовъ) съ тѣмъ, что по тревогѣ должны явиться въ участокъ, при которомъ нѣтъ помѣщенія для лошадей

17 октября.

Въ 6 час. утра приказано разбудить всѣхъ приставовъ, чтобы они имѣли неослабное наблюденіе за фабриками и заводами и обо всемъ бы докладывали его превосходительству. Въ 6 час. утра приставъ херсонскаго уч. доложилъ, что доставленный вчера въ клинику трупъ неизвѣстнаго мужчины убранъ. Въ 6 ч. 45 м. утра приставъ александровскаго участка ручается чиновнику ос. пор. Подольцеву, что на водопроводѣ будетъ все спокойно. Въ 6 ч. 50 м. утра изъ бульварнаго уч. доложено, что 70 арестованныхъ отправлены въ тюрьму. Въ 8 ч. 25 м. начальникъ портоваго уч. полковникъ Рудницкій сообщилъ, что въ порту благополучно, и что роты смѣнены новыми, въ его распоряженіи 5 ротъ. Въ 9 ч. утра штабъ-офицеръ при градоначальникѣ капитанъ Невражинъ, вернувшись изъ поѣздки по городу, донесъ, что на Б. Арнаутской, выше Преображенской, по Базарной и въ двухъ мѣстахъ на Пушкинской имъ были замѣчены небольшія отдѣльныя группы, старавшіяся собраться (сгруппироваться). На телефонной станціи весь вчерашній день 16 октября дежурили на станціи не въ очередь телефонистки: Шапошникова Марія, Худобина Елена, а на ночное дежурство остались также не въ очередь Марія Шапошникова Елена Худобина, Юковская, Малютина Марія, Малютина Вѣра и Костюкова, которыя все время обслуживали всѣ административные и военные аппараты: Шапошникова Марія лично все время поддерживала порядокъ и своимъ примѣрнымъ поведеніемъ подбадривала всѣхъ остальныхъ служащихъ. Кромѣ того, капитанъ Невражинъ, которому было поручено наблюденіе за телефонами, доноситъ, что телефонистки Небѣльская, Ритова, Георги, Покаржевская, Попова Лидія, Мазоровская, Чистякова, Ченская, Самарская, Грудзинская и Щетура остались на телефонной станціи вслѣдствіе усиленной работы при аппаратахъ сверхъ своего дежурства на три часа. Нельзя не отмѣтить усердно и безостановочно-усиленной работы механиковъ

телефонной станціи, въ особенности Вейнберина и Ткачева, а также Гутштейна, Турчинскаго и Крѣпчеева. Въ 8 ч. утра чиновники Ермолинскій и Орловъ, вернувшись, донесли, что въ портовой территоріи все обстоитъ благополучно. Пароходы подъ парами, войско на своихъ мѣстахъ. Въ 9 ч. утра приставъ Портового уч. сообщилъ, что всѣ рабочіе стали на работу съ утра, но 130 рабочихъ мин. пут. сообщ. только что ушли, побросавъ инструменты и не сказавъ причины прекращенія никому. Въ 9 ч. 40 м. Михайловскаго уч. надзиратель Касифовъ: насильно снимаютъ съ заводовъ Люльки, Вальтухъ и Грицмахера, посланъ взводъ казаковъ и нарядъ полиціи того же участка съ приставомъ. Въ 9 ч. 45 м. чиновникъ ос. пор. Челебидаки, возвратившись изъ обхода херсонскаго уч., доноситъ, что войска стоятъ на прежнихъ мѣстахъ; на новомъ базарѣ помѣщена въ крытыхъ рынкахъ рота. Войска, стоящія у городской хлѣбопекарни, почты и казначейства и при электрической станціи, не смѣнены въ виду того, что они помѣщены въ теплыхъ помѣщеніяхъ, а роты, стоящія у клиники, смѣнены. Съ 6 до 10 ч. утра (чиновникъ ос. пор. Подольцевъ) объѣхалъ часть Нѣжинской, Градоначальническую, Петропавловскій уч., Косвенскую, Михайловскій уч. и вернулся черезъ Прохоровскую, Тираспольскую и Преображенскую. Съ утра конки вездѣ ходятъ, магазины торгуютъ, флаги (по случаю дня спасенія государя) вывѣшены. Въ Петропавловскомъ уч. отъ офицера узналъ, что вчера при разборкѣ войсками баррикадъ одинъ нижній чинъ слегка ушибленъ. Вечеромъ публика помогала разбирать загражденіе. Парадъ отмѣненъ сегодня. Вчера на Садиковской ул. толпа окружила двухъ нижнихъ чиновъ, подговаривая примкнуть къ толпѣ, но одинъ изъ нижнихъ чиновъ выстрѣлилъ вверхъ и толпа разбѣжалась. Приставъ заявилъ о затруднительности размѣщать войска при участкѣ: помѣщаются въ казармахъ городовыхъ, а городовые въ канцеляріи участка. Изъ казаковъ ночью было только трое, остальные ночевали въ казармѣ (на Косвенной). Фабрики съ утра работаютъ. На Староконной—базаръ въ полномъ сборѣ. По Косвенной встрѣтилъ проходившую полуроту войскъ. Въ Михайловскомъ участкѣ войска на мѣстахъ. Фабрики съ утра работаютъ. Приставъ сегодня вызывается въ окружной судъ. Вчера городовой съ фабрики Вальтуха Кайрисъ, возвращаясь изъ канцеляріи полицеймейстера домой, на углу Преображенской и Успенской ул. слегка раненъ въ ногу выстрѣломъ войскъ; пуля прошла чрезъ мягкую часть ноги и вылетѣла, городовой прихрамываетъ, но остался на службѣ. Изъ задержан-

ныхъ вчера 5 санитаровъ у одного оказался револьверъ съ 5 пулями. У студента-санитара оказалось удостовѣреніе въ томъ, что онъ санитаръ, за подписями врачей „скорой помощи“, нѣсколькихъ профессоровъ и приватъ-доцента, и еще одинъ санитаръ-фельдшеръ еврейской больницы. Двое послѣднихъ отпущены, а еще двое (студентъ съ прокламаціями и слесарь), а также первый—арестованы. На Малороссійской найдены 2 прокламаціи къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ и четыре подъ названіемъ „кровавый царь“. На Прохоровской, когда я ѣхалъ по конкѣ, видѣлъ толпу около завода Вальтуха, кричавшую и разбрасывавшую прокламаціи. Вернулся и сказалъ городовому на углу Прохоровской и Дальницкой, приказавъ сообщить сейчасъ же съ дворникомъ въ Михайловскій уч. Снова поѣхалъ по Прохоровской, у фабрики Дубинина видѣлъ толпу народа, изъ которой многіе (преимущественно еврейскіе ребятишки) бросались за конкой, требуя остановиться, но конка продолжала идти. Немного отъѣхавъ, услышалъ выстрѣлъ около фабрики Дубинина и видѣлъ, какъ толпа разсѣялась въ разныя стороны. Ѣхавшіе на конкѣ вмѣстѣ со мною говорили, что стрѣлялъ надзиратель холостымъ зарядомъ. На Прохоровской на протяженіи всей улицы массы народа. Магазины закрыты, а остальныя лавки торгуютъ и около нихъ много рабочихъ и въ томъ числѣ пьяные, пьютъ на улицѣ около лавки (сообщено г. Данскому о необходимости закрыть). На углу Тираспольской и Кузнечной у аптеки въ 5 окнахъ приклеены объявленія: „Аптека закрыта и превращена въ перевязочный пунктъ“. Такая же бумажка наклеена на дверяхъ аптеки на углу Нѣжинской и Преображенской. На Прохоровской тоже видѣлъ нѣсколько бумажекъ, наклеенныхъ на окнахъ аптеки. На Преображенской съ жадностью цѣлая толпа читала объявленія градоначальника (сказано Ипатову, чтобы напечатать еще и расклеить). Въ 10 ч. 30 м. старшій фабричный инспекторъ Поповъ сообщилъ, что пріостановили работы всѣ типографіи, портняжныя, заготовочныя, гильзовыя и табачныя мастерскія (фабрики)—всѣ еврейскія, и типографія Фесенко, у котораго выбиты окна. Остановили также работы заводы Люльки, Вальтуха и Грицмахера; рабочіе относятся къ движенію несочувственно. Въ 11 ч. и. д. врачебнаго инспектора Поповъ сообщилъ, что всѣхъ раненыхъ за вчерашній день въ больницахъ и на станціи скорой помощи 89 (сообщено бумагой). Въ 1 часъ приставъ Петропавловскаго уч. далъ знать, что на сахарномъ заводѣ Бродскаго 2-я смѣна не вышла на работу. Явились представители рабочихъ къ директору, просили прибавку, но имъ въ

этомъ отказано. Рабочіе сидятъ въ казармахъ. Въ 2 ч. дня Портовый уч. доноситъ, что ушедшіе утромъ 30 человѣкъ изъ техническихъ мастерскихъ въ 12 ч. дня вернулись и стали на работу. Въ 3 ч. дня приказано всѣмъ приставамъ чрезъ наблюдающихъ чиновниковъ ос. порученій принять всѣ мѣры къ хорошему довольствію войскъ. Въ 5 ч. дня чиновникъ ос. пор. Подольцевъ доложилъ, что въ Михайловскомъ и Петропавловскомъ участкахъ въ послѣобѣденное время торговля производилась и коночное движеніе не прекратилось. Въ томъ и другомъ участкѣ ни одной аптеки не было закрыто. На Прохоровской у аптеки надпись: „Аптека закрыта, здѣсь перевязочный пунктъ, лекарства отпускаются только по экстреннымъ рецептамъ“. Въ Михайловскомъ и Петропавловскомъ участкахъ приказаніе о хорошемъ довольствіи войскъ передано; оба пристава предполагаютъ сверхъ пищи отъ полка давать чай съ хлѣбомъ отъ 7—9 ч. Онъ же доложилъ, что иллюминація горѣла безпрепятственно. Аптека на Ришельевской ул. открыта, на двери надпись: „Лекарства отпускаются только въ экстренныхъ случаяхъ“. Черезъ стеклянную дверь видно нѣсколько человѣкъ въ аптекѣ, которымъ отпускаются лекарства. Въ 10 ч. вечера (сообщено полицеймейстеру) начальникъ Портоваго уч. полковникъ Рудницкій сообщилъ, что имѣются свѣдѣнія, что съ утра 8 час. завтра начнется движеніе рабочихъ съ Пересыпи.

18 сентября.

Въ 2 ч. дня приказано всѣмъ приставамъ держать при участкахъ назначенныя по расписанію войска, изъ Херсонскаго уч. выдѣлить полуроту для охраны Портоваго, испросивъ разрѣшеніе генерала Глаголева. Сообщено, что городовой убитъ и что разбитъ оружейный магазинъ Бокоша. Передано въ Херсонскій уч. немедленно освободить 4 арестованныхъ фигистовъ. 9 ч. 30 м.—10 ч. 30 м. чиновникъ ос. пор. Подольцевъ доложилъ, что на столбахъ жители читали объявленія градоначальника, собирались толпами. Ученики ходятъ въ фуражкахъ, съ которыхъ сорваны названія училищъ. У еврейской больницы были большія толпы народа, собравшагося на похороны умершихъ во время безпорядковъ. Въ толпахъ слышались возгласы, что трупы украдены (они похоронены рано утромъ). Къ 10 ч. толпы отчасти по уговору полиціи, отчасти, вѣроятно, вслѣдствіе присутствія войскъ, разошлись. На возвратномъ пути по Прохоровской и Тираспольской встрѣчались конки безъ пассажировъ; кондукторъ сказалъ, что онѣ возвраща-

ются въ депо, не приказано никого сажать—конституція. Въ 11 ч. дня по порученію градоначальника былъ у архіепископа съ телеграммой-манифестомъ, прося сейчасъ же служить молебенъ, чтобы отвлечь народъ въ церкви. Архіепископъ пріѣзжалъ къ градоначальнику. Молебны не служились. Въ 12 ч. дано приказаніе участкамъ выпустить задержанныхъ за безпорядки. Собравшейся около балкона квартиры градоначальника толпѣ его превосходительство объявилъ объ этомъ, добавивъ, что выпустить арестованныхъ по судебнымъ приговорамъ не вправѣ. Въ 1 ч. дня сообщено начальнику тюрьмы о выпускѣ 70 арестованныхъ за безпорядки. Съ 11 ч. утра печатныя телеграммы съ манифестомъ читаются нарасхватъ. На улицахъ толпы съ криками: „да здравствуетъ свобода!“ и съ красными флагами. Въ 3 ч. 35 м. Крыжановскій сообщилъ, что толпа схватила околоточнаго надзирателя Полянчикова, раздѣла, побила и усадила на извозчика, увезла неизвѣстно куда; полицеймейстеръ послалъ казаковъ для освобожденія. Найденъ и отбитъ казаками еле живымъ. Евреи, избивая, издѣвались, заставляя грызть землю. Князь Цулукидзе доноситъ, что около думы большая толпа. Въ 11 ч. утра Челебидаки доложилъ, что видѣлъ, какъ около зданія университета какой-то еврей подошелъ къ ротѣ солдатъ, оцѣпившей университетъ, и, вынувъ бумажникъ съ деньгами, спросилъ офицера, сколько при немъ солдатъ, и затѣмъ сталъ раздавать деньги солдатамъ со словами; „вотъ вамъ, братцы, за то, что вы въ насъ не стрѣляли“. При видѣ этого многіе изъ публики тоже стали давать солдатамъ деньги. На Херсонской въ большой толпѣ было нѣсколько партій солдатъ съ красными флагами. Въ 7 ч. вечера чиновникъ ос. пор. Подольцевъ, объѣзжая участки, былъ задержанъ на Прохоровской ул. толпой евреевъ, вооруженныхъ дубинами, которые въ темнотѣ не узнали его, но одинъ изъ нихъ, держа въ рукахъ громадную дубину, сѣлъ къ нему въ экипажъ и сопровождалъ его въ такомъ видѣ до половины Тираспольской ул. Въ 9 ч. вечера на томъ же мѣстѣ задержанъ въ штатскомъ платьѣ околоточный надзиратель Ивановъ, котораго евреи узнали, затащили во дворъ и до полусмерти избили. Приставъ Параценко сообщилъ, что въ магазинъ Хакаловскаго явились студенты, потребовавъ выдачи всѣхъ револьверовъ; когда имъ было въ этомъ отказано, то они заявили, что сейчасъ явится толпа и разобьетъ все и возьметъ силой. Затѣмъ цѣлый рядъ сообщеній, что толпа съ красными флагами и транспарантомъ; „да здравствуетъ свободная Россія. Честь и слава погибшимъ борцамъ за свободу!“—ходитъ по городу.

19 октября.

Въ 10 ч. утра явился Енчъ, содержатель оружейнаго магазина, и заявилъ, что къ нему явились студенты и подъ угрозой, что застрѣлятъ его, принудили выдать 16 револьверовъ, причемъ выдали Енчу расписку слѣдующаго содержанія: „комитетъ вооруженія студенческой милиціи принудилъ Енча выдать находящіеся у него револьверы въ количествѣ 16 штукъ. Членъ комитета по вооруженію (безъ подписи) 19 октября 1905 г.“ (Енчъ посланъ къ командующему войсками). Секретарь канцеляріи Чебаненко въ 10 ч. 35 м. утра сообщилъ, что городовой Михайловскаго уч. убитъ, войска даютъ залпы по толпамъ на углу Степовой и Прохоровской. Въ 10 ч. утра городской голова подалъ въ отставку. Его заставляли подписать воззваніе отъ имени думы, начинающееся словами: „Самодержавіе наконецъ-то рушилось въ пропасть“, онъ отказался подписать и вышелъ въ отставку. Товарищъ городского головы Андреевскій повезъ вѣнокъ на похороны убитыхъ евреевъ. Въ разныхъ частяхъ города формируются партіи рабочихъ съ иконами, портретомъ государя и національными флагами. Въ 1 ч. дня на Ремесленной ул. раненъ городовой Коваленко и зарѣзанъ солдатъ. Въ 1 ч. 20 м. къ квартирѣ градоначальника подходила толпа манифестантовъ во главѣ съ рабочимъ Жимонидовымъ съ иконами, портретами государя и національными флагами. Въ 2 ч. на Госпитальной убитъ часовой у мукомольной мельницы. Въ 3 ч. по Польскому спуску разбиваютъ лавочки, на Карантинной гавани собираются толпы хулигановъ. Въ 3 ч. 15 м. пом. пристава Шишкинъ сообщилъ, что генералъ Лишинъ, выходя изъ квартиры своего дома, выстрѣломъ изъ револьвера былъ раненъ пулей гимназистомъ Таубеншлягомъ. Въ 4 ч. получено частное свѣдѣніе, что приходящіе патрули обстрѣливаются изъ домовъ, вслѣдствіе чего патрули отвѣчаютъ на выстрѣлы выстрѣлами, а толпа, сопровождающая ихъ, врывается въ дома, изъ которыхъ сдѣланы выстрѣлы, грабитъ и разбиваетъ квартиры. На Дерибасовской и Екатерининской постоянная стрѣльба изъ оконъ. Въ 5 ч. 40 м. около 12 ч. дня городовой Шишкинъ Александровскаго уч. въ штатскомъ платьѣ проходилъ по Б. Арнаутской ул.; на него около толчка напала толпа евреевъ, въ томъ числѣ были и студенты. Одинъ изъ студентовъ сказалъ по-еврейски: „это городовой“, и стали бить и топтать ногами, отняли у него 100 р., часы и револьверъ; затѣмъ одинъ изъ студентовъ для чего-то

повезъ его въ городскую управу, гдѣ въ это время было засѣданіе. Когда сказали, что это городовой, то одинъ изъ членовъ сталъ кричать: „васъ всѣхъ надо перебить“, а сидѣвшіе тутъ же студенты бросились къ нему и сказали: „убирайся, а то хуже разобьемъ“. Въ 5 ч. вечера во время проѣзда пом. полицеймейстера фонъ-Гесберга съ надзирателемъ Дылевскимъ по нимъ изъ дома Баржановскаго было дано нѣсколько выстрѣловъ и на углу Екатерининской и Ланжероновской изъ гостиницы Пале-Рояль также стрѣляли въ него, но безрезультатно. Около того же времени стрѣляли въ князя Цулукидзе, причемъ пробита у него шинель. Около 2 ч. дня по ул. Жуковскаго проходила манифестація русскихъ рабочихъ съ портретомъ государя и флагами, какъ на углу этой улицы и Александровскаго проспекта въ нее брошена бомба изъ дома гимназіи „Шольпъ“, убито 6 русскихъ, взятыхъ каретой скорой помощи. На Преображенской ул., уголъ Еврейской, убитъ изъ окна студентами казакъ. На углу Дерибасовской и Ришельевской брошены двѣ бомбы въ толпу грабителей безрезультатно. На углу Пушкинской и Греческой бьютъ лавки; сообщено генералу Глаголеву послать охрану. Изъ д. № 10 по Косвенному пер. по манифестантамъ стрѣляли. Въ часъ дня на Бульварный уч. напала громадная толпа евреевъ, чтобы разгромить, но была отбита городовыми; убито два еврея и раненъ въ бедро городовой Ковалевъ. Въ 7 ч. вечера (Петропавловскій уч.) на углу Косвенной и Градоначальнической еврей стрѣлялъ въ патруль и ранилъ вольноопредѣляющагося. Проходившій тутъ городовой убилъ этого еврея. Манифестанты съ иконами, портретомъ государя и національными флагами около участка пропѣли: „Боже царя храни“ и направились на Косвенную. Тамъ въ нихъ стрѣляли изъ еврейскаго дома, на что они отвѣтили тоже выстрѣлами. (Михайловскій уч.) На Дальницкой раздаются выстрѣлы, посланы войска. Бульварный находится какъ бы въ осадномъ положеніи, въ него послѣ нападаютъ толпы, часто стрѣляютъ, почему рота безотлучно находится при участкѣ, отъ времени до времени отстрѣливаясь отъ нападающихъ. (Портовый) грабятъ и бьютъ евреевъ на Приморской и Польскому спуску. Сообщено войскамъ (Александровскій), съ 3 часовъ войска безпрерывно посылаются по требованію то на одну, то на другую улицу. На Сѣнную площадь, Вознесенскій пер. явились студенты-евреи, стрѣляли залпами, войска тоже давали залпы. Убитымъ оказался студентъ и человѣкъ 5 раненыхъ, раненыхъ сейчасъ же убираютъ евреи. Въ данное время продолжается раз-

громъ еврейскихъ лавокъ. (Пересыпскій) русскіе грабили товары изъ еврейскихъ лавокъ на Московской и Божакиной, теперь перестали. (Дальницкій) на балаганахъ толпа до 1000 человѣкъ разбила 10—12 еврейскихъ лавокъ. По Дальницкой тоже разбито много лавокъ. (Херсонскій) продолжается стрѣльба съ балконовъ и изъ окопъ почти на всѣхъ улицахъ. На Коблевской убита 1 женщина, разбито много лавокъ. На Сѣнной площади чернорабочіе разбиваютъ еврейскія лавки. Въ 9 ч. 30 м. вечера (Херсонскій уч.) помощникъ пристава Яшниченко сообщилъ, что городовой Бульварнаго уч. Ревенко, проходя переодѣтымъ по Авчинникову пер., былъ схваченъ толпой евреевъ, которые, затащивъ его во второй дворъ съ лѣвой стороны, начали его обыскивать, нашли револьверъ, затѣмъ стали пытать, нанося уколы острымъ большимъ ножомъ въ ладони и другія мѣста; городовой сознался, кто онъ такой, но на вопросы, какія распоряженія и приказанія отданы, не отвѣчалъ; явилась карета скорой помощи съ тремя студентами, которые забрали городового, заявивъ, что въ клиникѣ они добьются всего. Они поѣхали по Греческой, Преображенской и Херсонской, городовой притворился мертвымъ, на Херсонской, разбивъ окно, выпалъ на мостовую, студенты выскочили и стали добивать, городовой сталъ кричать, подошелъ на крикъ патруль и, увидя, что студенты кого-то бьютъ, далъ залпъ, одинъ былъ убитъ, котораго подобрали студенты и увезли въ каретѣ. Городовой былъ доставленъ патрулемъ въ Херсонскій уч., гдѣ и находится. Въ 9 ч. 45 м. и. д. врачебнаго инспектора Поновъ доложилъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ въ городской больницѣ, доставлены около 100 раненыхъ, въ еврейскую до ста раненыхъ и 20 убитыхъ, въ евангелическую пять раненыхъ, въ стурдзовскую—одинъ раненый. 9 ч. 55 м. Приставъ Херсонскаго уч. доноситъ, что на углу Нѣжинской и Торговой съ балкона д. № 41 студенты стрѣляли по патрулю, послѣдній отвѣтилъ залпомъ и двухъ или трехъ убилъ. 10 ч. чиновникъ особыхъ порученій Ермолинскій сообщилъ, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ громятъ заводъ Мускатова. 11¼ ч. вечера изъ Александровскаго участка сообщаютъ, что часъ тому назадъ толпа обстрѣливала зданіе участка, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ надзирателей отступила. 12 ч. ночи было вторично нападеніе на Александровскій участокъ.

20 октября.

(9 ч. утра приставъ Петропавловскаго уч.) въ проходящій по Градоначальнической ул. военно-полицейскій патруль произведенъ

выстрѣлъ студентомъ, послѣдній убитъ изъ винтовки. (9 ч. утра Михайловскій уч.) надзиратель Полтавченко доложилъ: 1) сегодня въ 8 ч. утра убиты два русскихъ на Стеновой выстрѣломъ изъ д. кн. Горчакова, въ которомъ аптека превращена въ перевязочный пунктъ, читальня и школа. Стрѣлялъ первымъ изъ балкона тюремный фармацевтъ въ тюремной формѣ на глазахъ надзирателя Полатовскаго; по сигналу фармацевта началась стрѣльба изъ сего дома и изъ противоположнаго дома № 78, гдѣ тоже перевязочный пунктъ и откуда постоянно обстрѣливаютъ. Необходимо принять необходимыя мѣры по обыску этихъ домовъ. 2) Около аудиторіи найденъ убитый изуродованный русскій. 3) По Дальницкой въ домѣ № 2 еврей, носящій офицерскую форму (уклонившійся отъ службы—запасный), постоянно обстрѣливаетъ публику, являлся въ участокъ, прося дать ему военную охрану, когда отказали, назвалъ надзирателя „лакеемъ“. Получены свѣдѣнія (еще не провѣрены), будто бы на Б. Арнаутской вырѣзаны всѣ христіане, посланъ патруль провѣрить. 9 ч. 15 м. Приставъ Петропавловскаго уч. докладываетъ: посланъ патруль изъ 21 городового, на углу Дегтярной и Градоначальнической въ него выстрѣлилъ встрѣтившійся студентъ, который патрулемъ убитъ. На Тираспольской въ патруль выстрѣлилъ еврей, выстрѣломъ патруля еврей раненъ, толпа русскихъ подхватила раненаго еврея и что съ нимъ сдѣлала—неизвѣстно. На Михайловской ул. происходитъ стрѣльба, ночью стрѣляли въ участокъ. Въ 1 ч дня сообщили, что на углу Пушкинской и Греческой № 17 во дворѣ большая толпа евреевъ, вооруженныхъ револьверами и бомбами (соб. изъ кан.). 1 ч. 10 м. дня. По Троицкой ул. д. № 30 освобожденъ патрулемъ городовой Жаржецкій. Сообщено, что въ солдатскую кухню брошена бомба. Революціонеры стали стрѣлять въ окна телефонной станціи изъ сосѣднихъ домовъ; на станціи огромное смятеніе и желаніе бросить работу. Въ 6 ч. вечера стрѣляли въ патруль, возлѣ котораго шелъ чиновникъ Челебидаки на Садовой ул. Изъ Александровскаго уч. Въ 7 ч. вечера на углу Новорыбной и Пушкинской изъ еврейскаго дома стрѣляли въ войска, войска отвѣтили и толпа русскихъ разгромила этотъ домъ и разграбила имущество. Изъ Пересыпскаго уч. На еврейской фермѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, много евреевъ, вооруженныхъ ножами, собираются рѣзать русскихъ, туда послана кавалерія. Изъ Дальницкаго уч. получены свѣдѣнія, что собираются толпами евреи на химическомъ заводѣ около 4000, около кирпичныхъ заводовъ—около 2000 и нападаютъ на Кривую балку. Изъ Александров-

скаго уч. сообщаютъ, что два раза нападали на участокъ евреи, но оба раза были отбиты. (Съ 20 на 21 октября) 2 ч. ночи. Часовъ въ 8 вечера у студентовъ, сопровождающихъ красный крестъ, отобраны 3 револьвера и 1 рапира на Куликовомъ полѣ. Михайловскій уч.—по свѣдѣнію, что на Малороссійской ул. евреи нападаютъ на русскихъ, туда были посланы войска; при ихъ приближеніи обнаружена сигнализація у непріятеля барабаномъ и фонарями, которою онъ видимо старается вводить въ заблужденіе войска и сообщаетъ своимъ о приближеніи войскъ; войска это распознали и не поддались обману; на ихъ залпъ точно по командѣ раздались выстрѣлы со всѣхъ сторонъ. Петропавловскій уч. 3 ч. ночи. Получены свѣдѣнія, что на Ризовской № 18 разбиваютъ квартиры, посланы войска изъ участка Дальницкій. Минутъ 10—15 назадъ раздавались одиночные выстрѣлы по направленію къ Степовой. 3 ч. ночи Петропавловскій уч. На Ризовской № 18 никто квартиръ не разбивалъ, какъ узналъ ходившій патруль, а какіе-то два русскихъ солдата явились въ этотъ домъ, стучали въ ворота и сообщили, что евреи собираются рѣзать русскихъ и по этому извѣстію, быстро распространенному, теперь поднялась вся Молдаванка и готовится къ оборонѣ, кто чѣмъ можетъ. Недавно былъ слышенъ колокольный звонъ на сл. Романовкѣ. 3 ч. 40 м. Александровскій уч. Приблизительно $^3/_4$ ч. назадъ по солдатамъ, разставленнымъ цѣпью вокругъ участка, стрѣляли изъ ближайшаго дома, войска отвѣтили залпомъ. 3 ч. 45 м. Петропавловскій уч. Имѣется частное свѣдѣніе, что на сл. Романовкѣ русскіе жители хорошо подготовились къ самообороне, вывѣсили объявленіе, что будутъ перебиты всѣ, кто появится съ краснымъ флагомъ (сообщилъ помощ. пристава Карпитскій). 4 ч. утра сл. Романовка) пом. пристава Колоій на запросъ сообщилъ: утромъ 20-го было тихо, потомъ стали раздаваться изъ нѣсколькихъ еврейскихъ домовъ выстрѣлы (русскихъ въ слободкѣ тысячъ 20, а евреевъ тысячи 2) и была убита выстрѣломъ изъ окна русская женщина, тогда поднялось все русское населеніе и начало громить еврейскія лавки; евреи обстрѣливали громящихъ, а русскіе при помощи войскъ отвѣчали, послѣ чего врывались въ дома и обезоруживали евреевъ, вооружаясь отбитыми револьверами; были убитые съ той и другой стороны, вѣроятно человѣкъ 12. Теперь русскіе всѣ на ногахъ, вооруженные, кто чѣмъ попало—топорами, ножами, палками и т. п., на случай нападенія со стороны евреевъ, но такъ какъ оружія у нихъ нѣтъ, кромѣ отбитыхъ нѣсколько револьверовъ, то они при всякомъ еврейскомъ выстрѣлѣ бѣгутъ въ

участокъ вызывать войска. Около полчаса тому назадъ въ солдатъ, слѣдовавшихъ изъ города въ слободку съ патронами для войскъ, по дорогѣ стрѣляли и кромѣ того раздалось нѣсколько выстрѣловъ къ Романовкѣ, тогда для тревоги ударили въ колоколъ (этотъ звонъ и былъ слышенъ въ Петропавловскомъ уч.), сбѣжались всѣ и стали ждать прихода евреевъ изъ Одессы, а въ то же время къ слободкѣ отправился военный патруль, теперь патруль вернулся, никого не встрѣтивъ по дорогѣ, однако, жители всѣ на ногахъ, опасаясь быть застигнутыми врасплохъ. Въ теченіе 20 числа октября по свѣдѣніямъ, собраннымъ и. д. врачебнаго инспектора, въ больницы поступило: въ городскую раненыхъ около 200, убитыхъ—85, въ еврейскую раненыхъ около 200 и убитыхъ 25.

21 октября.

6 ч. утра канцелярія полицеймейстера на запросъ сообщила, что съ вечера расклеены при помощи патруля объявленія градоначальника: 1) о томъ, что будутъ стрѣлять изъ пушекъ въ тѣ дома, изъ которыхъ будутъ раздаваться выстрѣлы, и 2) что жители приглашаются стать въ помощь городовымъ на постахъ, предварительное же сообщеніе еще не расклеено. Приказано немедленно расклеить правительственное сообщеніе. 9 ч. утра начальникъ охраннаго отдѣленія сообщилъ: домовладѣлецъ д. № 15 по Базарной ул. прислалъ записку въ конную жандармскую команду, что изъ его дома, квартиры Пейсаха Герша Перельмана, раздавали оружіе и стрѣляли. Приказано приставу Александровскаго уч. произвести обыскъ. Начальникъ жандармскаго управленія сообщилъ, что на углу Екатерининской и Полицейской разбитъ магазинъ суконъ, вызваны казаки, разгоняютъ слабо: пока не набралъ, до тѣхъ поръ не отгоняютъ, и солдаты несутъ сукна, каждый несетъ. Кто набралъ, тѣ уходятъ, а другіе остаются и тутъ же дѣлятся между собой, обматываютъ себя кругомъ матеріями; нужно, чтобы войска дѣйствовали энергично, происходитъ дневной грабежъ. Посланъ помощн. пристава Шишкинъ съ войсками. 9 ч.—10 ч. утра начальникъ жандармскаго управленія сообщилъ, что въ д. № 59 на углу Б. Арнаутской и Пушкинской во всѣхъ квартирахъ масса орудій и бомбъ. Приказано приставу Александровскаго уч. произвести обыскъ. 10—11 ч. утра къградоначальнику явился помощн. раввина Черновицъ, предлагая, какъ мѣру успокоенія, прекратить разгромы, на это градоначальникомъ было сказано, что пока евреи не перестанутъ стрѣлять,—что заставило

снять посты городовыхъ,—до тѣхъ поръ немыслима постановка на постахъ городовыхъ, такъ какъ это значило бы ставить ихъ подъ выстрѣлы. Черновицъ обѣщалъ подѣйствовать на евреевъ, чтобы они прекратили стрѣльбу изъ оконъ съ тѣмъ, чтобы тогда были возстановлены посты. 11 ч. дня поручикъ Русскій доложилъ, что изъ д. № 14 по улицѣ Гоголя явился жилецъ и заявилъ, что изъ дома произведенъ выстрѣлъ (свѣдѣніе получено отъ фонъ-Бронша). Въ поручика Роменко стрѣляли на углу Полицейской и Александровскаго проспекта. 12—1 ч. у градоначальника былъ командующій войсками вмѣстѣ съ гг. Нотара и полковникомъ генеральнаго штаба Лавдовскимъ, въ это время при нихъ были въ залѣ кромѣ градоначальника Подольцевъ, Челебидаки, Анагностіевъ, помощн. полицеймейстера фонъ-Гесбергъ и всѣ пристава. По звонку въ кабинетѣ Подольцевъ принялъ телефонное сообщеніе отъ помощн. раввина Черновица, что онъ, согласно указанію градоначальника, объѣхалъ нѣсколько улицъ и ему пришлось видѣть своими глазами, что на Екатерининской уголъ Еврейской страшный погромъ, причемъ впереди шли войска, очищая дорогу, а за ними громилы производили разгромъ. Войдя въ залъ, Подольцевъ при всѣхъ доложилъ градоначальнику о полученной телефонограммѣ тихимъ голосомъ, а затѣмъ по приказанію его превосходительства вслухъ доложилъ эту телефонограмму командующему войсками, добавивъ, что передъ тѣмъ была получена телефонограмма начальника жандармскаго управленія о грабежѣ магазина на углу Екатерининской и Полицейской при попустительствѣ и даже участіи войскъ. Это было сказано Подольцевымъ какъ разъ послѣ того, какъ командующій войсками въ рѣчи, обращенной къ чинамъ полиціи, напомнилъ имъ о необходимости руководствоваться умомъ, а не злобою къ евреямъ, и сообщилъ о полученномъ имъ, г. командующимъ, извѣстіи, что въ разгромѣ принимаютъ участіе городовые. Рѣчь началась словами: „Будемъ называть вещи ихъ настоящими именами... Всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ этому погрому". 2—3 ч. дня на углу Почтовой и Подольскаго спуска брошена бомба. Сообщено редакторамъ мѣстныхъ газетъ, выпустятъ ли они завтра газеты и чтобы явились къ 8 ч. всѣ къ градоначальнику. Эрмансъ отозвался, что едва ли выпуститъ, такъ какъ нельзя собрать рабочихъ, а прибавить не можетъ, такъ какъ стрѣляютъ по улицамъ, другіе не отозвались на вызовъ по телефону. По заявленію командующаго войсками, что онъ не получаетъ извѣстій о распоряженіяхъ и объявленіяхъ градоначальника, по приказанію его превосходи-

тельства передано редактору „Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства“, чтобы №№ газеты и всѣ доселѣ выпущенныя объявленія градоначальника, касающіяся безпорядковъ, были немедленно посланы командующему войсками и впредь посылались въ первую очередь. Объ этомъ редакторъ долженъ снестись съ канцеляріей полицеймейстера. По личному соглашенію г. командующаго съ градоначальникомъ рѣшено установить посты изъ солдатъ и городовыхъ по 2 солдата на посту. По Ришельевской и другимъ улицамъ ходятъ конки. 2—3 ч. дня. Въ порту изъ моря извлечены три трупа, въ томъ числѣ 1 купецъ, у котораго найдены деньги. По сообщенію помощн. начальника почтово-телеграфной конторы, что за Пересыпомъ, верстахъ въ 5 отъ нея, повреждена линія, приказано приставу Пересыпскаго уч. отправить туда 4 конныхъ солдата для сопровожденія телеграфныхъ чиновниковъ, ѣдущихъ исправлять поврежденіе. Явился помощн. раввина Авиновицкій и заявилъ, что еврейская община не признаетъ временнаго правительства и рѣшила образовать комитетъ въ противовѣсъ революціонному, чтобы дѣйствовать на жителей, склоняя ихъ прекратить стрѣльбу изъ домовъ. 3 ч. дня на Греческой № 7 брошена бомба и хулиганами разбитъ домъ. 12 ч. дня на Херсонской задержанъ студентъ Лубовичъ съ краснымъ крестомъ и револьверомъ, подходившій къ патрулю. 1 ч. 30 м. толпа замѣтила на Полицейской двухъ студентовъ и одного, повидимому, армянина, избила ихъ, студенты убѣжали, а товарищъ ихъ укрылся въ казармы, здѣсь его обыскали и нашли при немъ кинжалъ, револьверъ, приложенныя прокламаціи „русскихъ православныхъ гражданъ“ и опросный листокъ кого-то выслѣдить и поймать. Избитый хозяинъ этихъ бумажекъ захваченъ каретой скорой помощи, случай загадочный. 2—3 ч. дня, директору 2-го кредитнаго общества, заявившему, что на Ришельевской идетъ разгромъ, и врачу Бардаху, заявившему, что патрулемъ обыскиваются кареты скорой помощи, передано по телефону, что должны адресовать свои заявленія генералу Глаголеву, телефонъ № 23, распоряжающемуся войсками. То же объявлялось и другимъ лицамъ, обращавшимся къ градоначальнику за помощью войскъ. Градоначальникъ проѣзжалъ по Екатерининской чрезъ Сабанѣевъ мостъ на Дерибасовскую, отсюда по Преображенской на Почтовую, далѣе на Пушкинскую, Базарную, старый базаръ, Александровскую, Старо-Рѣзничную, вновь на Пушкинскую, по Ново-Рыбной къ зданію Александровскаго уч., изъ участка на Прохоровскую съ прилегающими переулками къ Михайловскому уч., сюда по разнымъ

улицамъ къ Петропавловскому уч., а отсюда по Градоначальнической, Лютеранскому пер., по Ямской, Манежной на Сѣнную площадь, по Ольгіевской, по Ямской до Херсонскаго уч., отсюда по Херсонской, по улицѣ Витте, Елисаветинской, Казарменному переулку и Надеждинской. По дорогѣ встрѣчались группы народа, привѣтствовавшія криками „ура“ и просившія его превосходительство возстановить посты городовыхъ. 4 ч. 30 м. По сообщеніямъ прокуроровъ судебной палаты и окружного суда о томъ, что на углу Польской и Греческой въ д. Беренштейна вырѣзали семью одного присяжнаго повѣреннаго-еврея, туда былъ посланъ изъ Бульварнаго уч. патруль, который, возвратившись, доложилъ, что ничего подобнаго тамъ не случилось. Послѣ этого, по распоряженію градоначальника, Щербинскій провѣрилъ самое донесеніе патруля, г. Щербинскій спросилъ по телефону самого Беренштейна и тотъ самъ подтвердилъ, что въ его домѣ ничего не случилось. Объ этомъ сообщено обоимъ прокурорамъ съ добавленіемъ г. Левченко, что вчера подобнымъ же образомъ евреи дѣлали много ложныхъ тревогъ, очевидно съ цѣлью мучить войска и отвлекать отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они дѣйствительно нужны. Тогда г. Левченко сообщилъ по телефону чин. ос. пор. Подольцеву, что онъ больше сообщеній отъ евреевъ не будетъ принимать. 4 ч. 10 м. дня также оказались ложными два сообщенія раввина Креиса о томъ, что будто вырѣзаны еврейскія дѣти на Картамышевской, куда посылались войска. 5 ч. вечера еврей Рабоновичъ (уголъ Пушкинской и Еврейской № 31) приходилъ въ отсутствіе градоначальника заявить, что у него разгромленъ и разграбленъ магазинъ на 100.000 руб. и войска не подали помощи, хотя онъ просилъ объ этомъ распоряженія военныхъ властей. 5 ч. 10 м. на Тираспольской, недалеко отъ Мѣщанской церкви брошена въ войска бомба, ранившая нѣсколько человѣкъ изъ публики. 5 ч. 30 м. въ почтальона Бобина, несшаго телеграмму, на углу Малаго пер. и Преображенской стрѣляли. 5 ч. 40 м. сдѣлано нѣсколько обысковъ въ домахъ, изъ которыхъ произведены выстрѣлы. 6 ч. приставъ Дальницкаго уч. доложилъ, что назавтра собираются двинутыя въ Одессу жители окрестныхъ деревень для грабежа. Сообщено завѣдывающему передвиженіемъ войскъ. 7 ч. вечера городовые отказались стать на посты, предъявляя требованіе объ увеличеніи жалованья. Они были призваны въ квартиру градоначальника, гдѣ на повторенное приказаніе заявили, что въ виду бывшихъ случаевъ убійства нѣкоторыхъ городовыхъ, въ виду постоянной стрѣльбы изъ оконъ по всѣмъ улицамъ, въ виду со-

стоявшагося въ думѣ рѣшенія революціонеровъ смѣнить градоначальника, не выдавать жалованья городовымъ и уничтожить всю полицію, что одному изъ нихъ извѣстно потому, что онъ самъ былъ на этомъ засѣданіи, переодѣвшись чернорабочимъ, они не считаютъ возможнымъ подвергать свою жизнь опасности, становясь теперь на посты за такое ничтожное жалованье, тѣмъ болѣе, что и сами домовладѣльцы смотрятъ теперь на нихъ съ крайнимъ озлобленіемъ. На замѣчаніе градоначальника, что теперь жители сами умоляютъ возобновить посты, городовые заявили, что въ такомъ случаѣ пусть жители увеличатъ имъ на свой счетъ содержаніе. Градоначальникъ сказалъ, что онъ не однажды представлялъ объ увеличеніи городовымъ жалованья, но его ходатайства доселѣ успѣха не имѣли. Что же касается домовладѣльцевъ, то онъ ничего не имѣетъ, чтобы околоточные обошли бы ихъ и взяли бы отъ нихъ въ этомъ подписку, если они согласятся на это. Въ заключеніе градоначальникъ сказалъ, что тѣ изъ городовыхъ, которые не согласятся нести службу, конечно, могутъ это сдѣлать, и тогда придется взять другихъ. Послѣ этого городовые, ссылаясь на утомленіе, сказали, что согласны стать на посты, но уже завтра, а не сегодня; на повторенный вопросъ: „а сегодня не пойдете“, всѣ отвѣтили: „никакъ нѣтъ, ваше превосходительство“ и направились къ выходу. 10 ч. вечера докторъ Поповъ сообщилъ, что за 21 октября въ городской больницѣ раненыхъ 102, убитыхъ до 80, а въ еврейской раненыхъ 30, убитыхъ очень много. 10 ч. вечера на запросъ Александровскаго уч., сдѣланъ ли порученный утромъ обыскъ, приставъ сообщилъ, что будетъ сдѣланъ завтра. 11 ч. ночи поручено командиру карантинной роты немедленно произвести обыскъ дома Русова, изъ котораго стрѣляли въ казарму карантинной роты. 12 ч. ночи испортился телефонъ въ Бульварномъ уч., сообщено станціи послать исправить. 1¼ ч. ночи Александровскій уч. На артиллерійскія казармы около чумки, гдѣ помѣщается пулеметная рота, было сдѣлано нападеніе. Сначала отвѣтила прислуга при пулеметѣ, а затѣмъ самъ пулеметъ. Нападавшіе со страшными визгами бросились бѣжать, а пулеметъ сталъ обсыпать ихъ пулями (многіе изъ которыхъ попали въ зданіе Михайловскаго уч. и даже 1 въ комнату участка). Изъ нападавшихъ, вѣроятно, много убитыхъ и раненыхъ.

Ночь на 22 октября.

2 ч. ночи было нападеніе на Александровскій уч., отраженное залпомъ. 4 ч. ночи опрошены всѣ участки и получены отвѣты,

что все благополучно. 6 ч. опрошены всѣ участки, полученъ отвѣтъ, что все благополучно. Въ 8 ч. 30 м. объявлено, что градоначальникъ назначаетъ жалованье городовымъ по 25 р. Въ 9 ч. утра городовые Бульварнаго уч., забастовавъ, снимаютъ съ постовъ другихъ городовыхъ. 9 ч. утра приставъ портового участка далъ знать, что городовые Бульварнаго уч. явились толпою въ портъ и начали снимать посты городовыхъ, принуждая ихъ къ забастовкѣ (сообщено полицеймейстеру и приставу Бульварнаго уч. Сожжена конфектная фабрика Крахмальникова прошлую ночь. 10 ч. утра была у градоначальника депутація евреевъ съ раввиномъ Крепсомъ, которая со слезами умоляла градоначальника охранить ихъ жизнь и имущество городовыми, заявляя, что войска грабителямъ помогаютъ, расчищая для нихъ путь. Градоначальникомъ указано депутаціи, что городовые, подвергаемые обстрѣливанію изъ домовъ, не становятся на посты и предъявляютъ неисполнимыя требованія, почему теперь и не возстановляются посты, и что посты будутъ возстановлены, какъ только перестанутъ стрѣлять. На заявленіе, что это стрѣляютъ революціонеры, было указано, чтобы они обратились со своими слезами къ тому, кто сталъ во главѣ организаціи— къ ректору университета, такъ какъ тамъ нужно искать причину ихъ слезъ, и пусть ректоръ университета придетъ и заявитъ, что онъ ручается за прекращеніе стрѣльбы. Депутація отвѣтила, что они пойдутъ, но не надѣются, чтобы ректоръ согласился придти. 10 ч. 10 м. утра приставъ Херсонскаго уч. докладываетъ, что городовые, когда имъ было объявлено о назначеніи жалованья въ 25 р., сегодня утромъ заявили, что на посты станутъ, но если кого либо изъ полицейскихъ послѣ этого убьютъ, то они бросятъ посты и перебьютъ всѣхъ студентовъ. 1 ч. прокуроръ окружного суда сообщилъ, что до его свѣдѣнія доведено профессоромъ Коршемъ, что при клиникѣ имѣется 42 доставленныхъ туда трупа. Прокуроръ добавилъ, что, кажется, обязанность полиціи озаботиться, чтобы они были похоронены, нѣкоторые трупы лежатъ уже 4 дня и предаются разложенію. Приставъ Портового уч. доложилъ въ 10 ч. 15 м. утра: 1) въ университетскомъ зданіи дѣлаютъ подкопъ подъ зданія Херсонскаго и Портового участковъ. Приказано сдѣлать обыскъ; 2) что босяки, три дня не работавшіе, не имѣютъ хлѣба и необходимо озаботиться ихъ прокормленіемъ, иначе они, какъ ходятъ слухи, намѣрены идти въ городъ грабить. Приказано давать обѣды изъ чайныхъ. Дано 2300 квитанцій на обѣды приставу отъ комитета трезвости. 1 ¾ ч. В. В. Орловъ, наблюдающій за Портовымъ участкомъ, доложилъ: 1) по

словамъ Санценбахера, прошлую ночь евреи нападали на Малофонтанской дорогѣ на русскихъ дачниковъ подъ предводительствомъ Форстера, живущаго въ домѣ Кримера, по улицѣ Бѣлинскаго, около дома Кнельскаго. Шайка группируется тутъ. Поручено приставу Александровскаго участка наблюдать; 2) изъ-за недоразумѣній съ завѣдующимъ домомъ трудолюбія не доставляется хлѣбъ на чайную, отчего цѣна на хлѣбъ вмѣсто 3 коп. 10 коп. и ощущается недостатокъ въ хлѣбѣ въ порту. Приказано завѣдующему отпустить хлѣбъ. Въ 7 ч. вечера завѣдующій доложилъ, что хлѣбъ готовъ и по прибытіи конвоя будетъ отправленъ. Отправленъ въ 9 ч. подъ прикрытіемъ караула; 3) въ порту разсказывалъ какой-то человѣкъ, при нѣсколькихъ лицахъ, какъ онъ былъ арестованъ студентами при клиникѣ и видѣлъ тамъ, какъ убивали задержанныхъ. Сказано В. В. Орлову, чтобы собралъ свѣдѣнія болѣе подробныя и сообщилъ бы письменно. 7 ч. вечера доставленъ письменный докладъ С. Е. Попова, который, съ резолюціей градоначальника о порученіи дознанія помощнику пристава Иванову, переданъ въ канцелярію градоначальника. 8 ч. вечера туда же отправлена резолюція объ увольненіи тюремнаго фармацевта (см. докладъ Полтавченко 20 октября) и объ арестованіи его. За Жеваховой горой идетъ рѣзня (сообщено приставу Пересыпскаго уч.), оттуда сообщено, что уже знаютъ и послали драгунъ. 8 ч. 20 м. вечера помощн. пристава Колоій доложилъ, что на сл. Романовкѣ русскіе, обезоруживъ около 600 евреевъ, отвели для нихъ помѣщенія въ двухъ училищахъ, гдѣ къ каждому помѣщенію приставлено по 4 солдата. Кромѣ того отъ времени до времени туда ходитъ патруль. Хлѣбъ ходятъ покупать евреи, которымъ даются провожатые. Расходы по продовольствію несутъ сами евреи. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока все не успокоится. Въ 9 ч. утра приставъ Портового участка доложилъ, что на Андросовой гавани толпа убила революціонера, у котораго оказались прокламаціи, и подъ Строгановскимъ мостомъ найденъ убитый. Въ 12 ч. дня надзиратель Волчанецкій доложилъ, что въ Пересыпскомъ участкѣ выставлено 6 постовъ городовыхъ, изъ которыхъ 3 стоятъ съ солдатами и 3 съ дружинниками. Въ 3 ч. 20 м. опрошены были всѣ участки, изъ которыхъ Александровскій участокъ заявилъ, что выставлено 15 постовъ городовыхъ; кромѣ того по Базарной улицѣ, въ домѣ № 27 былъ произведенъ обыскъ и найдено 2 револьвера и одно охотничье ружье, кинжалъ и два наручника. На улицахъ же все спокойно, погромовъ нѣтъ во всѣхъ участкахъ. Въ 4 ч. дня командиръ карантинной

роты доложилъ его превосходительству: 1) 21 октября въ 4 ч дня по Греческой ул. задержанъ въ солдатской формѣ какой-то субъектъ, назвавшій себя чиномъ морского батальона. Батальонъ же не призналъ его, отправленъ въ Бульварный участокъ. Толпа разсказала, что онъ былъ въ сопровожденіи двухъ штатскихъ скрывшихся; 2) въ 6 ч. толпа въ 1000 человѣкъ съ 2 городовыми и дозоромъ сообщила, что изъ дома № 6, по Карантинному переулку, стрѣляли; произведенъ обыскъ безъ результата; 3) 9 ч. прибѣжавшая женщина сообщила, что въ домахъ по Левашевскому спуску евреи рѣжутъ русскую семью. Прибывшій отрядъ нашелъ во дворѣ убитаго еврея. Разсказываютъ, что 4 еврея бросились рѣзать русскихъ, одинъ былъ убитъ, а трое разбѣжались; 4) въ 10 часовъ ночи начались усиленные выстрѣлы по Карантинному пер., Греческой и Канатной улиц. и изъ дома Ефруси было сдѣлано 4 выстрѣла въ казарму Карантинной роты. Нижніе чины обстрѣливали домъ Ефруси. Въ 5 ч. чиновникъ ос. пор. Ермолинскій сообщилъ, что адъютантъ командующаго войсками одесскаго военнаго округа Дунинъ говорилъ, что въ телефонѣ подслушано было, какъ ректоръ университета передавалъ какимъ-то студентамъ о томъ, что завтра будетъ сообщенъ пароль и приказаніе. На вопросъ Ермолинскаго, передано ли объ этомъ командующему войсками, полученъ отвѣтъ „да“. Въ 11 ч. 15 м. ночи Ермолинскій сообщилъ: полковникъ Брюмеръ шелъ по Пушкинской улицѣ близъ Дерибасовской, какой-то человѣкъ въ одеждѣ нижняго чина, ѣхавшій на извозчикѣ, прицѣливался въ него револьверомъ. Брюнеръ взялъ извозчика и хотѣлъ догнать его, но не могъ; какъ разъ подвернулся патруль и задержалъ; его доставили къ командующему войсками; оказался пьяный, одѣтый въ форму военнаго писаря, назвавшій себя Горѣвымъ; отъ него отобранъ 6-ти зарядный револьверъ, неимѣющій зарядовъ. Въ то же время вблизи отъ этого мѣста на Ланжероновской ул. найденъ убитый почной сторожъ. Въ 12 ч. ночи поручено приставу Михайловскаго участка сдѣлать обыскъ въ аптекѣ на Степовой, откуда дѣлались выстрѣлы, на что приставъ доложилъ, что уже сдѣланъ обыскъ и найдено 2 револьвера, причемъ сестры милосердія объяснили, что эти револьверы были отобраны отъ раненыхъ. Въ 1 ч. ночи изъ Пересыпскаго участка доложено, что у Жеваховой горы ничего не произошло и тревога была ложная. Приставъ Петропавловскаго участка доложилъ, что на постахъ 14 городовыхъ, а остальные, онъ надѣется, станутъ завтра. Надзиратель Полтавченко на запросъ объяснилъ, что тюремный фармацевтъ далъ первый вы-

стрѣлъ изъ аптеки на Степовой не тогда, когда убили двухъ русскихъ, а въ первый день безпорядковъ, когда рабочіе фабрики Гена прогнали съ Дальницкой на Степовую манифестантовъ съ красными флагами.

23 октября.

Въ 8 ч. утра опрошенные участки дали свѣдѣнія: 1) Бульварный—городовые не стали, ночью убитъ ночной сторожъ, 2) Пересыпскій—спокойно, посты городовыхъ возстановлены, 3) Михайловскій—спокойно, городовые всѣ стоятъ, 4) Петропавловскій—благополучно, всѣхъ постовъ въ участкѣ положено 30, вчера вечеромъ было 14, теперь 20, 5) Портовый—благополучно, изъ 22 положенныхъ постовъ возстановлены 21, каждый постъ состоитъ изъ 1 городового и 1 артиллериста; одинъ постъ наиболѣе опасный еще не возстановленъ, 6) Херсонскій—спокойно, посты всѣ возстановлены, 7) Александровскій — благополучно, изъ всѣхъ 29 постовъ съ утра возстановлено 12, 8) Дальницкій—спокойно, городовые на своихъ мѣстахъ. Въ 11 ч. врачебный инспекторъ сообщилъ, что за 22 сего октября доставлено въ городскую больницу 32 больныхъ и раненыхъ, а въ еврейскую ни одного. Больные эти взяты въ разныхъ пунктахъ города и относятся къ раненымъ за 21 октября. Въ 2 ч. дня во всемъ городѣ полное спокойствіе. Въ 2 ч. 10 м. дня Херсонскій участокъ сообщаетъ, что на Коблевской ул. въ д. № 4, кв. 10, у Левина найдена тайная типографія на всемъ ходу; прокламація „сборъ на вооруженіе“ и другія доставлены въ участокъ и разбираются начальникомъ охраннаго отдѣленія. Въ 3 ч. дня приставъ Петропавловскаго участка сообщаетъ, что всѣ городовые на постахъ, приходятъ изъ другихъ и уговариваютъ уходить. Приставъ при особо умѣломъ содѣйствіи старосты городовыхъ—Пенькова, надѣется удержать. Въ 3 ч. дня получено свѣдѣніе, что евреи на старомъ базарѣ говорили между собой по-еврейски, что революціонеры намѣрены взорвать квартиры командующаго войсками и градоначальника и для этого имѣются такой величины и силы бомбы, что даже сосѣдніе дома должны разрушиться; бомбисты должны проникнуть въ квартиры въ военной формѣ генерала, офицера или нижняго чина. Сообщено командующему войсками и приняты предупредительныя мѣры. Въ 4 ч. дня конки ходятъ, магазины закрыты, на улицахъ не видно интеллигенціи, бродятъ почти исключительно мастеровые и босяки, озираясь другъ на друга; впечатлѣніе удручающее, по угламъ посты солдатъ съ ружьями; на теле-

графѣ чуть не дерутся изъ-за очереди: желающихъ подать телеграмму такъ много, что ряды ихъ тянутся черезъ двѣ комнаты. Въ 5 ч. вечера приказано и. д. пристава Бульварнаго участка послать во дворецъ командующаго войсками за отобранными у грабителей и сданными туда на храненіе вещами, переписать ихъ и хранить при участкѣ до особаго распоряженія. Ночь съ 23 на 24 октября прошла спокойно.

24 октября.

Съ утра тихо, магазины открыты, конки ходятъ, на улицахъ оживленіе близко къ нормальному, но интеллигенціи мало. Въ 7 ч. утра Портовый участокъ сообщилъ, что заводы къ работамъ приступили, на гавани работаютъ, на желѣзной дорогѣ ожидаютъ распоряженія съ заставы. Петропавловскій участокъ сообщаетъ: на фабрикахъ работаютъ, Пересыпскій тоже. Михайловскій—мастерскія работаютъ, на заводахъ собираются работать. Въ 9 час. утра Бульварный участокъ сообщаетъ, что городовые стали на посты. Въ 11 ч. дня по личному докладу фабричнаго инспектора—на фабрикахъ работаютъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ еврейскихъ. Въ 12 ч. дня Бульварный уч.—на нѣкоторыхъ фабрикахъ частично работаютъ, на остальныхъ еще не приступили, какъ нужно думать, изъ-за боязни; завтра, вѣроятно, будутъ работать всѣ. Подтверждено секретарю полицеймейстера, чтобы по полиціи велся подробный дневникъ происшествій съ указаніемъ часа каждаго зарегистрованнаго случая. Въ 11 ч. дня лично чиновникомъ ос. пор. Подольцевымъ передана пом. начальника телеграфной конторы просьба его превосходительства градоначальника о принятіи мѣръ къ тому, чтобы доходили всѣ правительственныя телеграммы, такъ какъ есть основаніе полагать, что нѣкоторыя не дошли. Въ 12 ч. дня помощникъ пристава Колоій (па сл. Романовкѣ) доложилъ, что фабрики и заводы начали работать, но рабочіе-евреи еще не явились. Съ евреевъ, которые собраны въ двухъ домахъ (см. запись 22 октября), охрана войскъ не снята, но имъ позволяется возвратиться по домамъ, если желаютъ; нѣкоторые евреи возвратились, другіе остались, потому что хозяева домовъ не желаютъ пустить ихъ къ себѣ на квартиры.

Въ 4 ч. дня во всемъ городѣ полное спокойствіе въ продолженіе всего дня. Въ 3 ч. дня открытъ пріемъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ безпорядковъ.

Не подлежитъ оглашенію.

Наставленіе войскамъ на случай безпорядковъ въ Одессѣ.

Утверждено командующимъ войсками 15 октября 1905 г.

Наставленіе для вызова войскъ на случай безпорядковъ въ г. Одессѣ.

(составлены на основаніи устава гарнизонной службы).

Вызовъ дежурныхъ частей (Отд. III §305 и прил. 2-е А. п. 4-й).

На случай безпорядковъ въ городѣ установленъ особый нарядъ дежурныхъ частей отъ войскъ гарнизона, которыя, находясь всегда въ полной готовности, могутъ вызываться обращеніемъ градоначальника къ командирамъ соотвѣтствующихъ частей войскъ или непосредственно къ начальникамъ дежурныхъ частей.

При вызовѣ по телефону начальника дежурныхъ частей слѣдуетъ требовать сообщенія секретнаго ключа.

О вызовѣ градоначальникомъ дежурныхъ частей командиры отдѣльныхъ частей немедленно доносятъ (по телефону или письменно): начальнику гарнизона, въ штабъ округа и сообщаютъ и. об. коменданта города.

Въ дежурную часть ежедневно назначаются: по двѣ роты отъ 205 пѣх. Измаильскаго, 273 пѣх. Дунайскаго и 274 пѣх. Ставучанскаго полковъ; одна рота отъ 208 пѣх. Очаковскаго полка; одна сотня отъ 8 Донского казачьяго полка и одинъ эскадронъ отъ 22 драгунскаго Астраханскаго полка.

Вызовъ частей гарниз. (прил. 2-е Б. ст. 26).

Кромѣ дежурныхъ—остальныя части войскъ гарнизона вызываются только по распоряженію начальника гарнизона.

Вызовъ производится письменнымъ приказаніемъ или по телефону; въ послѣднемъ случаѣ части войскъ требуютъ сообщенія секретно ключа.

На случай общаго вызова войскъ гарнизона, войска занимаютъ участки, согласно нижеслѣдующему:

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПО УЧАСТКАМЪ.

Наименованіе участковъ и начальники ихъ.	Отъ какой части высылаются роты, сотни и команды.	Главнѣйшіе пункты, подлежащіе занятію ротами, сотнями и командами.
1. Бульварный. Командиръ батальона 208 пѣх. Очаковскаго полка.	Одесск. морск. бат. 1 рота, 208 пѣх. Очаковскаго полка 2 роты, 8 Донского казачьяго полка ½ сотни. Итого: 3 роты и ½ сот.	1) ½ роты у государственнаго банка; по одному взводу у обѣихъ телефонныхъ станцій. 2) рота на Екатерининской площади. 3) рота въ Бульварн. участкѣ, домъ Порро, по Карантинной ул. 4) ½ сотни казаковъ во дворѣ старой семинаріи, Почтовая ул.
2. Александровскій Командиръ 205 п Измаильскаго пол.	205 пѣх. Измаильскаго полка 4 роты, 22 драгун. Астраханскаго полка ½ эскадр. Итого: 4 роты и ½ эск.	1) Рота у пассажирскаго вокзала. 2) Рота { а) ½ роты у водопровода. б) ½ роты у тюрьмы. 3) Рота уг. Преображ. и Б. Арнаутской ул. 4) Рота при участкѣ. 5) ½ эскадрона на Привозн. площ. Отъ него взводъ при офицерѣ выдѣляется на Старый базаръ.
3. Херсонскій. Командиръ 273 п. Дунайскаго полка.	273 п. Дунайскаго полка 4 роты. Итого: 4 роты.	1) Рота на Новый баз. 2) { ½ роты электрич. станція. ½ роты Нарышкин. спускъ. 3) { ½ роты у казначейства. ½ роты у почтовой конторы. 4) Рота въ Херсонск. ул.

Наименованіе участковъ и начальники ихъ.	Отъ какой части высылаются роты, сотни и команды.	Главнѣйшіе пункты, подлежащіе занятію ротами, сотнями и командами.
4. Петропавловскій. Командиръ батальона 273 пѣх. Дунайскаго полка.	273 пѣх. Дунайскаго полка 3 роты, 8 Донского казачьяго полка 1/2 сот. Итого: 3 роты и 1/2 сот.	1) Рота на Толкуч. р. 2) Рота на углу Успенской и Мѣщанской. 3) Рота въ участкѣ. 4) 1/2 сотни казаковъ въ участкѣ.
5. Михайловскій. Командиръ 274 п. Ставучанскаго п.	274 пѣх. Ставучанскаго полка 4 роты, 8 Донского казачьяго полка 1/2 сотни. Итого: 4 роты и 1/2 сот.	1) 2 1/2 роты на ст. Товарной. 2) 1/2 роты въ кадетскомъ корпусѣ. 3) Взводъ на воен. мукомольнѣ по Госпитальной ул. 4) 3/4 роты при уч. 5) 1/2 сотни казаковъ въ участкѣ.
6. Пересыпскій. Командиръ батальона 274 пѣх. Ставучанскаго полка.	274 пѣх. Ставучанскаго полка 3 роты, 22 драгун. Астраханскаго полка 1/2 эскадр. Итого: 3 роты и 1/2 эск.	1) а) 1/2 роты на городской скотобойнѣ. б) 1/2 роты въ газовомъ заводѣ. 2) 1/2 роты у водокачки. 3) 1 1/2 роты при уч. 4) 1/2 эскадрона драгунъ при участкѣ.
7. Дальницкій. Командиръ роты Крѣпостного артиллерійскаго бат.	Одесскаго крѣпостного артиллерійскаго батальона 1 рота. Итого: 1 рота.	Охраняетъ Дальницкую улицу и Тираспольск. заставу, оставаясь въ своихъ казармахъ; въ помѣщеніе Дальницкаго участка высылается постъ для связи.
8. Портовая территорія. Командиръ батальона 205 пѣх. Измаильскаго полка.	208 пѣхот. Очаковскаго полка 1 рота, 205 пѣхот. Измаильскаго полка 4 р. Итого: 5 ротъ.	1) Рота на Таможенной площади. 2) Рота въ Карантинѣ у царскаго павил. 3) Рота на станціи желѣзной дороги „Портъ“. 4) Рота въ практич. гавани (во дворѣ практическаго аг.). 5) Рота у эллинговъ русскаго общества.

Наименованіе участковъ и начальники ихъ.	Отъ какой части высылаются роты, сотни и команды.	Главнѣйшіе пункты, подлежащіе занятію ротами, сотнями и командами.
9. Слободка-Романовка. Командиръ роты 273 пѣх. Дунайскаго полка.	273 пѣхотн. Дунайскаго полка 1 рота. Итого: 1 рота.	1) ½ роты въ городской хлѣбопекарнѣ. 2) ½ роты при полицейскомъ отдѣлен.
10. Общій резервъ. Старшій изъ ротныхъ командировъ.	274 пѣхотн. Ставучанскаго полка 1 рота, 11 саперн. батал. 1 рота, 57 запас. батал. 1 рота, 59 запас. батал. 1 рота, 60 запас. батал. 1 рота, 4 стр. батал. 1 рота, 8 Донского казач. полка 1 сот., 22 драгун. Астраханскаго полка 1 эск. Итого: 6 р., 1 эск. и 1 с.	Зданіе старой семинаріи (уголъ Александровскаго бульвара и улицы Жуковскаго).

1) Одесское пѣхотное юнкерское училище охраняетъ штабъ одесскаго военнаго округа и госпиталя, высылая туда по полуротѣ.

2) Полуэскадронъ 4-го полевого жандармскаго эскадрона прибываетъ въ штабъ округа.

3) Отъ 15-й артиллерійской бригады имѣть въ полной готовности 2 батареи (4 орудія въ батареѣ). При вызовѣ батарей для дѣйствія къ нимъ назначается, по распоряженію начальника резерва или участка прикрытіе отъ пѣхотной части.

4) Отъ 8 донского казачьяго полка полусотня назначается ко дворцу командующаго войсками.

5) Общее руководство дѣйствіями войсками, *въ случаѣ вызова ихъ, какъ по общей тревогѣ, такъ и нѣкоторыхъ частей въ отдѣльности*, возлагается на начальника 52 пѣхотной дивизіи. По вызовѣ всѣхъ войскъ гарнизона и до возвращенія ихъ въ казармы начальникъ 52-ой пѣхотной дивизіи назначается временнымъ комендантомъ города.

6) Помощникомъ его назначается начальникъ 5 саперной бригады.

Примѣчаніе: При отсутствіи изъ г. Одессы начальника 52

пѣх. дивизіи его заступаетъ начальникъ 5 саперной бригады, а въ должность помощника вступаетъ командиръ 8-го Донского казачьяго полка.

7) Для посылки съ приказаніями, отъ 8 Донского казачьяго полка, назначить: къ временному коменданту города — офицера, 2 урядника и 8 казаковъ и къ начальнику 5 саперной бригады для той же цѣли: 2 урядниковъ и 4 казака.

8) Начальники участковъ, по прибытіи на собранные пункты, немедленно должны установить наблюденіе за важнѣйшими казенными зданіями, находящимися въ участкахъ, какъ-то: военно-окружными управленіями и управленіями начальника одесской мѣстной бригады и уѣзднаго воинскаго начальника, продовольственными магазинами и телефонными помѣщеніями консульствъ и пр., а при надобности и за большими частными складами винъ, магазинами оружія и т. п.

9) При выходѣ войскъ, должны быть одновременно съ этимъ усилены, по непосредственному распоряженію командировъ частей, караулы при всѣхъ войсковыхъ складахъ, а въ особенности при складахъ оружія и патроновъ.

Примѣчаніе: Тотчасъ по полученіи приказанія объ общемъ вызовѣ войскъ, командиръ части, отъ которой въ этотъ день содержится гарнизонный караулъ, усиливаетъ караулъ у порохового городка на стрѣльбищномъ полѣ, выславъ туда вдобавокъ 12 человѣкъ подъ командою ефрейтора. Усиленіе это производится впредь до возвращенія войскъ въ казармы.

10) Въ случаѣ совпаденія дня безпорядковъ съ днемъ нахожденія 208 пѣхотнаго Очаковскаго полка въ городскомъ караулѣ, въ Бульварный участокъ и портовую территорію вмѣсто него посылаются, по распоряженію начальника 52 пѣхотной дивизіи, роты отъ другихъ частей гарнизона.

11) Вмѣстѣ съ войсками слѣдуетъ на каждый участокъ врачъ или фельдшеръ. Къ общему резерву назначаются отъ 11 сапернаго батальона и 8 донского казачьяго полка по одному врачу и одному фельдшеру. Фельдшера должны быть снабжены сумками и перевязочными припасами.

Общія указанія.

1) Войска выступаютъ изъ казармъ по вызову въ караульной формѣ (казаки безъ пикъ), нижніе чины должны имѣть по двѣ пачки боевыхъ патроновъ; роты, сотни и эскадроны слѣдуютъ прямо къ назначеннымъ въ наставленіи пунктамъ.

2) Дежурныя роты, вызванныя для предупрежденія безпорядка, послѣ общаго занятія города войсками, если они находились не въ назначенныхъ имъ наставленіемъ участкахъ, послѣ смѣны ихъ подлежащими ротами, поступаютъ въ вѣдѣніе своихъ прямыхъ начальниковъ.

3) Если окажется нужнымъ, воинскія части, назначенныя къ государственному банку, почтовой конторѣ, казначейству, телеграфной станціи, газовому заводу, водопроводу, городской хлѣбопекарнѣ, скотобойнѣ и электрической станціи,—занимаютъ названные пункты по распоряженію градоначальника, до выхода всѣхъ войскъ.

4) Начальники участковъ, по полученіи сихъ правилъ, должны безотлагательно и обстоятельно ознакомиться со своими участками и составить соображенія, къ какимъ именно домамъ должны быть выставлены караулы.

5) Лицъ, задержанныхъ во время безпорядковъ, слѣдуетъ препровождать въ ближайшіе участки.

6) Временный комендантъ представляетъ донесенія начальнику гарнизона.

7) Всѣмъ войскамъ гарнизона, при содѣйствіи гражданскому начальству, строго руководствоваться правилами, изложенными въ приложеніи 2-мъ къ уставу гарнизонной службы, обративъ особое вниманіе на правильное пониманіе и исполненіе § 16 приложенія, а именно: при отсутствіи на мѣстѣ безпорядка гражданскаго начальства (градоначальника или его помощника, или полицеймейстера), прибывшій съ войскомъ военный начальникъ распоряжается по своему усмотрѣнію.

Подписалъ начальникъ штаба
генералъ-лейтенантъ *Безрадецкій.*

Скрѣпилъ старшій адъютантъ
генеральнаго штаба подполковникъ *Румянцевъ.*

Письмо командующаго войсками одесскаго округа отъ 13 декабря 1905 г. за № 33 сенатору Кузьминскому.

Милостивый государь, Александръ Михайловичъ.

Сегодня изъ штаба округа вамъ были доставлены отвѣты на ваши запросы; что же касается вопроса, была ли одесскимъ гра-

доначальникомъ передана военному начальству власть дѣйствовать для усмиренія октябрскихъ безпорядковъ, то я могу утверждать, что такой формальной передачи не было.

Когда ожидались безпорядки, градоначальникъ просилъ занять городъ войсками, а эти послѣднія затѣмъ дѣйствовали въ зависимости отъ обстоятельствъ; словомъ, происходило то, что имѣетъ мѣсто сегодня: безпорядка нѣтъ, но его ожидаютъ, войска вошли въ свои участки, гдѣ будутъ, каждый въ своемъ, поддерживать спокойствіе всѣми средствами. При этомъ можетъ быть, что вспышка, во-время потушенная въ одномъ изъ участковъ, не распространится на весь городъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Баронъ *А. Каульбарсъ.*

Отношеніе штаба одесскаго военнаго округа за № 25458, отъ 13 декабря 1905 г. сенатору Кузьминскому.

Командированному по высочайшему повелѣнію тайному совѣтнику *Кузьминскому.*

По приказанію командующаго войсками, увѣдомляю, что, по словесному соглашенію съ градоначальникомъ (еще послѣ кишиневскаго погрома 1904 г.), городъ Одесса былъ раздѣленъ на участки для занятія войсками въ случаѣ народныхъ волненій. Войска (главнымъ образомъ офицеры) должны были еще въ тихое время ознакомиться съ своими участками и съ служащими тамъ полицейскими чинами.

Было условлено, что войска, занимающія участки, распоряжаются въ нихъ самостоятельно, а полиція содѣйствуетъ войскамъ. Двойственная власть (полиція и войска) оказалась на практикѣ неудобною.

Войсковой начальникъ участка отвѣчалъ за спокойствіе во ввѣренномъ участкѣ и распоряжался по своему усмотрѣнію.

Кромѣ этихъ основныхъ правилъ, было установлено нѣсколько частныхъ правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія войска, полиціи, вызовъ войскъ и пр.

Такъ было въ участкахъ. Слѣдовало бы провести то же до взаимныхъ отношеній командующаго войсками (начальника гарнизона) и градоначальника, но это могло бы имѣть мѣсто только

послѣ офиціальнаго заявленія градоначальника, что онъ передаетъ командующему войсками власть.

Этого не было, но взамѣнъ того получались требованія градоначальника занять городъ войсками, поддержать или охранять городовыхъ, тюрьму, снять баррикады и т. п., что всегда исполнялось по мѣрѣ силъ, такъ какъ войска были утомлены до послѣдней степени.

Мѣры этого рода принимались не только какъ народное волненіе разгоралось, но и въ ожиданіи предстоящихъ волненій. Послѣднее обстоятельство было причиною тому, что войска вынуждены были дѣйствовать самостоятельно, не получая указаній администраціи о передачѣ дѣла усмиренія въ руки войскъ. Разбросанныя на огромной площади города, имѣя около себя лишь низшихъ чиновъ полиціи, войска должны были дѣйствовать самостоятельно, что имъ и было неоднократно указано командующимъ войсками.

По соглашенію съ ректоромъ университета было установлено, что при похоронахъ студентовъ, убитыхъ 16 октября на баррикадахъ, войска не будутъ появляться, если въ процессіи будетъ поддерживаться спокойствіе; объ этомъ было своевременно поставлено въ извѣстность градоначальника.

Начальникъ штаба генералъ-лейтенантъ *Безрадецкій.*

Старшій адъютантъ подполковникъ (подпись).

Дополнительное объясненіе Нейдгарта, представленное оберъ-прокурору 1 д—та 3 марта с. г.

Сенаторъ Кузьминскій, обвиняя меня въ бездѣйствіи власти, указываетъ, что единственнымъ распоряженіемъ за все время безпорядковъ было мое письменное обращеніе къ командующему войсками 19 октября съ просьбой прекратить еврейскій погромъ.

Заявляю, что въ эти мятежные дни писать я не имѣлъ времени, войска я вызвалъ для предупрежденія и подавленія народныхъ волненій задолго до 19 числа, а именно 16 октября, когда появились баррикады, и до 22 октября я не отпускалъ войскъ.

На военномъ совѣтѣ 15 октября у командующаго войсками

*

были собраны всѣ военачальники, и я имъ передалъ полномочіе прибѣгать къ оружію, руководствуясь § 16 правилъ призыва войскъ, въ случаѣ отсутствія гражданскаго начальства, чѣмъ развязалъ руки войскамъ и далъ имъ самостоятельность.

Стрѣльба войскъ какъ на другой день по баррикадамъ, такъ и во всѣ послѣдующіе дни, а равно и приказаніе командующаго войсками дѣйствовать войскамъ самостоятельно (первое пост. сенатора) достаточно доказываютъ неголословность приводимыхъ мной доводовъ.

Требуемыя 15 ст. правилъ призыва войскъ сообщенія о положеніи дѣла я дѣлалъ все время словесно, ставя войскамъ многочисленныя частныя задачи, и одинъ разъ поставилъ требованіе письменно для прекращенія еврейскаго погрома. Я это требованіе обратилъ письменно послѣ того, какъ узналъ, что революціонный комитетъ, прикрываясь лживымъ названіемъ совѣщательнаго комитета при городскомъ головѣ, просилъ командующаго войсками меня арестовать, полицію обезоружить и допустить милицію.

Опровергая обвиненіе въ непередачѣ мной власти военному начальству, докладываю, что я руководствовался 21 ст. правилъ призыва войскъ и, если бы передалъ власть, то совершилъ бы преступленіе бездѣйствія власти.

Войска же дѣйствовали, руководствуясь печатнымъ наставленіемъ для подавленія безпорядковъ, выработаннымъ, по моимъ указаніямъ 15 октября и утвержденнымъ командующимъ войсками.

Опровергая голословное обвиненіе въ бездѣйствіи, привожу перечень задачъ революціонеровъ, какъ я ихъ изложилъ на военномъ совѣтѣ 15 октября и какъ они выяснились впослѣдствіи.

Революціонеры хотѣли вооруженнымъ возстаніемъ, сорганизованнымъ на митингахъ въ университетѣ, захватить власть въ разсчетѣ, что Дунайскій полкъ забастуетъ, а флотъ ихъ поддержитъ.

Во исполненіе общей задачи выдвинуты были слѣдующія частныя задачи революціонерами:

Задачи.	*Мѣры противодѣйствія.*
1) 12 октября началась всеобщая политическая забастовка, чтобы терроризовать населеніе	Забастовка частью удалась, но вздорожаніе цѣнъ на продукты натолкнуло народъ на погромъ еврейскихъ лавокъ.

2) Предполагалась остановка дѣйствія электричества, газа, водопровода и телефона.	Войсковая охрана по вызову моему охраняла эти учрежденія съ 16 октября по 24. Служащіе въ нихъ были арестованы прибывшими войсками, и служащимъ я платилъ добавочныя деньги, только бы работали, подъ угрозой ареста въ случаѣ отказа.
3) Предполагалось захватить деньги въ казначействѣ и банкахъ.	По моему распоряженію, были заложены за городомъ три тайныя телеграфныя станціи; сообщеніе съ одной изъ нихъ было на паровомъ катерѣ. Важно было знать, гдѣ флотъ, про который говорили, что онъ вновь взбунтовался: я телеграммами неоднократно запрашивалъ всѣ порты.
4) Предполагалось захватить почту и телеграфъ, уничтожить сообщенія съ цѣлью распусканія ложныхъ слуховъ о революціи въ Россіи и во флотѣ.	Не удалось, но убито, ранено и обезоружено до 20 человѣкъ. Замѣною одиночныхъ постовъ патрулями предотвращены дальнѣйшія нападенія.
5) Предполагалось обезоружить полицію и тѣмъ парализовать ея сопротивленіе.	
6) Предполагался арестъ градоначальника и смѣщеніе его.	Арестъ не удался, а о смѣщеніи были посланы телеграммы революціонными организаціями думы и университета на имя графа Витте.

Принятыя мѣры за это время были слѣдующія:

1) На запросъ времен. ген.-губернат. 15 августа о снятіи военнаго положенія въ Одессѣ я отвѣтилъ представленіемъ № 322 (тутъ прилагаемымъ) объ условіяхъ возможности снятія военнаго положенія.

2) 25 августа я ходатайствовалъ по тому же вопросу о введеніи чрезвычайной охраны въ Одессѣ; въ этомъ мнѣ было отказано. (Митинги начались въ университетѣ 17 сентября, а 1 октября снято военное положеніе безъ введенія чрезвычайной охраны).

3) Телеграфно ходатайствовалъ 10 октября о запрещеніи митинговъ.

4) За неполученіемъ отвѣта самолично распорядился прекратить митинги 16 октября, что вызвало протестъ университета.

5) Пятью объявленіями 14, 16, 17, 18 и 20 октября, предупреждалъ населеніе не подвергаться опасности.

6) Вызвалъ всѣ войска гарнизона 16 октября съ задачею, указанной въ печатномъ наставленіи о прекращеніи безпорядковъ.

7) На военномъ совѣтѣ 15 октября далъ войскамъ полномочіе дѣйствовать самостоятельно.

8) Принялъ дѣйствительныя мѣры къ обезпеченію дѣйствія телефоновъ, электричества, водопровода и телеграфа (дневникъ).

9) Въ ночь на 16 окт. отобралъ патроны отъ всѣхъ частныхъ оружейныхъ магазиновъ (дневникъ).

10) Распорядился кормить босяковъ, дабы не грабили отъ забастовки (дневникъ).

11) Просилъ архіерея молебнами привлечь народъ въ храмы 18 числа (дневникъ).

12) Замѣнилъ одиночныхъ городовыхъ патрулями въ 10 человѣкъ. Рапортъ штабъ-офицера о патрульной службѣ тутъ прилагается.

13) Отказъ командующему войсками 18 числа отпустить войска въ казармы въ виду ликованія народа.

14) Отдалъ письменное распоряженіе начальнику телеграфной конторы не выдавать газетамъ зажигательныхъ агентскихъ телеграммъ о безпорядкахъ по всей Россіи.

15) Закрытіе винныхъ лавокъ (распоряженіе передано по телефону управляющему акцизными сборами Данскому) (дневникъ).

16) Огромный груженый вагонный паркъ, брошенный забастовщиками безъ охраны, былъ огражденъ отъ грабежа пятью ротами.

17) Не было допущено ни одного поджога (фабрика Крахмальникова сгорѣла случайно).

18) Давалась военная охрана тѣмъ домамъ, куда собирались напуганные мирные евреи; такъ было на Пересыпи и на слободкѣ Романовкѣ.

Результатъ вооруженнаго возстанія оказался неудачнымъ и неожиданнымъ для революціонеровъ, именно еврейскій погромъ, но это былъ результатъ, а причина погрома не въ бездѣйствіи власти, боровшейся съ революціей, а въ самой революціи, одесскіе дѣятели которой до сихъ поръ на свободѣ и не обнаружены сенаторскимъ разслѣдованіемъ.

Приложенія, представленныя Нейдгартомъ къ своему объясненію.

1) Рапортъ штабъ-офицера для порученій Невражина одесскому градоначальнику отъ 18 окт. 1905 г. за № 43.

Допошу вашему превосходительству, что я сего числа передалъ по телефону приставамъ всѣхъ участковъ приказаніе ваше немедленно организовать патрули по 5 человѣкъ городовыхъ изъ имѣющихся при участкахъ людей и объ удержаніи для этого при участкахъ также и городовыхъ, живущихъ на вольныхъ квартирахъ. Городовые заявили приставамъ просьбу—посылать ихъ не менѣе 10 человѣкъ сразу, ибо они боятся по порученіямъ ходить по городу малыми группами, въ виду постоянной стрѣльбы изъ оконъ и вооруженныхъ на нихъ нападеній.

Согласно приказанію вашего превосходительства, я и чиновники особыхъ порученій объѣзжали всѣ участки для провѣрки и нашли, что патрули организованы всюду, посылаются черезъ каждый часъ и количество людей при участкахъ, изъ коего составлены патрули, слѣдующее:

Участки.	Город.	Надз.	Патр.
Бульварный	112	11	10
Александровскій	100	12	10
Херсонскій	65	5	5
Петропавловскій	125	10	12
Михайловскій	62	6	6
Портовой	50	4	5
Пересыпскій	45	5	4
Дальницкій	10	1	„

Высылать одновременно всѣхъ людей въ патрули и оставлять зданія участковъ безъ полицейской охраны не представляется возможнымъ въ виду попытокъ нападеній на участки, а потому только двѣ трети всего числа городовыхъ высылается въ патрули, а остальные находятся при участкахъ и смѣняются возвращающимися изъ обходовъ.

Всѣ винныя лавки и трактирныя заведенія закрыты еще съ утра и торговля нигдѣ въ нихъ не производится.

И. д. штабъ-офицера капитанъ *В. И. Невражинъ*.

---

2) Представленіе Нейдгарта отъ 15 августа 1905 г. за № 322 временному генералъ-губернатору.

Въ отвѣтъ на № 364 представляю вашему превосходительству мои соображенія. Я ранѣе введенія военнаго положенія два раза ходатайствовалъ передъ м. в. д. о передачѣ всѣхъ дѣлъ по покушеніямъ на должностныхъ лицъ на разсмотрѣніе военнаго суда, что зависитъ отъ министра въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны.

Я ходатайствовалъ о возвращеніи губернатору и градоначальнику права высылки, какъ оно изображено въ ст. 16 положенія объ усиленій охранъ.

При исполненіи этихъ условій снятіе военнаго положенія при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Одессѣ было бы возможно.

О будущемъ же, мнѣ невѣдомомъ, высказывать предположеній я не нахожу возможнымъ, но предвижу, что первое время по снятіи военнаго положенія революціонные элементы не упустятъ использовать въ агитаціонномъ смыслѣ, ища поводовъ въ дѣйствіяхъ военнаго положенія, и для сего крайне необходимо закрѣпить высланныхъ лицъ въ мѣстахъ ихъ настоящаго пребыванія распоряженіемъ особ. сов. при м-рѣ в. д. на продолжительный срокъ.

Подписалъ град. *Нейдгартъ*.

(Это представленіе было отвѣтомъ на запросъ, полученный временнымъ генералъ-губернаторомъ отъ генерала Трепова, въ виду желательности снятія военнаго положенія. Я лишь условно высказывался за снятіе въ этомъ представленіи, а 25 августа ставилъ условіемъ введеніе чрезвычайной охраны. *Въ этомъ мнѣ было отказано. Д. Нейдгартъ*).

---

3) Показаніе чиновника особыхъ порученій Ермолинскаго одесскому градоначальнику отъ 19 февраля 1906 года.

На вопросъ, какія распоряженія отдавались черезъ меня бывшимъ градоначальникомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтни-

комъ Найдгартомъ, за время октябрьской вооруженной смуты въ Одессѣ, отвѣчаю:

1) 14 октября былъ посланъ провѣрить сообщеніе ректора о томъ, что полиція убиваетъ учащихся. Сообщеніе не подтвердилось.

2) 15, 16 и 17 октября посылался въ тюрьму для провѣрки войсковой и тюремной охраны тюрьмы.

3) За время безпорядковъ ежедневно долженъ былъ посѣщать водопроводную станцію, отвѣчая предъ градоначальникомъ за правильность дѣйствія водопровода, постоянно охранявшагося полуротой.

4) Провѣрялъ ежедневно правильность службы войскъ по Александровскому участку и обязанъ былъ о всякой неисправности немедленно по телефону докладывать градоначальнику.

5) 18 числа былъ посланъ выручить архіерея, къ которому подошла толпа; туда же градоначальникъ направилъ полусотню казаковъ.

6) Наблюдалъ за толпой 18 числа и по докладѣ о ея дѣйствіяхъ, градоначальникъ распорядился разгонять толпу.

7) Кромѣ переименованныхъ порученій, ежедневно мнѣ поручалось много и другихъ: провѣрялъ на мѣстѣ и по телефону получаемыя донесенія, передавалъ полиціи и войскамъ распоряженія градоначальника, при объѣздахъ участка обязанъ былъ провѣрять службу полицейскихъ патрулей, причемъ неоднократно былъ обстрѣленъ революціонерами.

Причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ и откомандированный въ распоряженіе одесскаго градоначальника, статскій совѣтникъ *В. Ермолинскій*.

Дополнительное объясненіе Нейдгарта, представленное правительствующему сенату 7 марта 1906 года.

Имѣю честь почтительно просить правительствующій сенатъ при обсужденіи вопроса о моемъ бездѣйствіи власти принять на видъ, что, сознавъ недостаточность обыкновенныхъ мѣръ, я еще 16 октября, т. е. за три дня до погрома, вызвалъ всѣ войска, и они находились въ состояніи содѣйствія гражданской власти все время до 23 октября.

Насколько успѣшны были ихъ дѣйствія за это время, на мнѣ ли лежитъ отвѣтственность, разъ мнѣ не предоставлено распоря-

женіе войсками (ст. 21 правилъ призыва войскъ); а что войска дѣйствовали самостоятельно, то это подтверждаетъ въ первомъ своемъ постановленіи самъ сенаторъ Кузьминскій, правда, опровергающій свои же слова во второмъ постановленіи по сему вопросу.

Войска были расположены въ 47 пунктахъ города, объятаго мятежемъ, и задача поддержать порядокъ была имъ ясно поставлена въ печатномъ наставленіи отъ 15 октября.

Д. с. сов. Дмитрій Нейдгартъ.

7 марта 1906 г.

Приложенія къ этому объясненію.

1) Показаніе чиновника особыхъ порученій Челибидаки одесскому градоначальнику отъ 1 марта 1906 года.

На вопросъ, какія распоряженія отдавались черезъ меня бывшимъ одесскимъ градоначальникомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ Д. Б. Нейдгартомъ, за время октябрьскаго вооруженнаго возстанія, отвѣчаю:

1) 15-го октября былъ посланъ провѣрить, дѣйствительно ли и въ какомъ размѣрѣ строятся баррикады на Преображенской улицѣ, и доложилъ, что большая баррикада изъ колючихъ проволокъ и опрокинутыхъ вагоновъ конки возведена на углу Ямской и Преображенской ул. По распоряженію г. градоначальника, туда были посланы войска.

2) Провѣрялъ ежедневно правильность службы войскъ и полиціи по Херсонскому полицейскому участку, и на моей обязанности было о каждой неисправности докладывать г. градоначальнику.

3) За время безпорядковъ неоднократно посѣтилъ почтово-телеграфную контору, казначейство, крытые рынки и электрическую станцію, за правильность дѣйствій которой я былъ отвѣтственъ; всѣ эти учрежденія охранялись солдатами.

4) Былъ посланъ г. градоначальникомъ провѣрить, дѣйствительно ли революціонеры стараются подкупить войска. Былъ свидѣтелемъ того, что у зданія университета какой-то статскій, въ присутствіи офицера, раздавалъ кучкѣ солдатъ деньги, говоря: „вотъ вамъ, братцы, въ благодарность за то, что вы въ насъ не стрѣляли“, о немъ и доложилъ г. градоначальнику.

5) Неоднократно, по порученію г. градоначальника, ходилъ съ патрулемъ по городу, причемъ подвергался обстрѣлу.

6) Провѣрялъ на мѣстѣ получаемыя изъ участковъ и другихъ мѣстъ донесенія и передавалъ полиціи и войскамъ соотвѣтствующія распоряженія г. градоначальника. Такъ, я былъ посланъ провѣрить, дѣйствительно ли рѣжутъ семью присяжнаго повѣреннаго Бернштейна, куда одновременно былъ посланъ полицейскій нарядъ. Донесеніе не оправдалось, и присланный нарядъ отправленъ патрулировать.

Коллежскій Секретарь Антонъ *Челебидзки.*

---

2) Показаніе чиновника особыхъ поруч. Щербинскаго одесскому градоначальнику.

На вопросъ, въ чемъ состояла моя дѣятельность во время октябрьскихъ безпорядковъ въ г. Одессѣ, имѣю честь сообщить слѣдующее:

1) Дежурилъ (по очереди) на квартирѣ г. градоначальника около телефона, чтобы записывать всѣ поступающія донесенія, а также передаваемыя г. градоначальникомъ распоряженія.

2) Съ 15-го октября долженъ былъ рано утромъ и вечеромъ объѣзжать пункты расположенія вызванныхъ войскъ для собиранія свѣдѣній о происшедшемъ—а также озаботиться о лучшемъ, по возможности, помѣщеніи войскъ и о снабженіи ихъ, гдѣ возможно, горячимъ чаемъ.

3) Былъ неоднократно посылаемъ на телефонную станцію, въ виду частыхъ попытокъ снять телефонистокъ съ работъ, а также отказа аптекъ выдавать для надобностей незабастовавшихъ телефонистокъ лекарствъ.

4) 18-го октября съ утра былъ командированъ съ чиновникомъ особыхъ порученій Подольцевымъ въ еврейскую больницу, куда громадная толпа пыталась ворваться силой и взять трупы убитыхъ, чтобы устроить торжественныя похороны. Былъ посланъ въ типографію „Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства“ ускорить, насколько возможно, печатаніе манифеста. На обратномъ пути былъ задержанъ толпами съ красными флагами, шедшими къ думѣ и требовавшими снимать шляпы передъ красными флагами. Донеся по ближайшему телефону градоначальнику, получилъ распоряженіе оставаться тутъ же на бульварѣ и доносить о дальнѣй-

шемъ ходѣ событій. Присутствовалъ при поднятіи краснаго флага на зданіе думы, срываніи надписи „Боже, царя храни“, при произнесеніи зажигательныхъ рѣчей съ подъѣзда думы, видѣлъ депутацію съ товарищемъ городского головы Андріевскимъ во главѣ, шедшую къ командующему войсками съ цѣлью, какъ они заявляли толпѣ, просить объ удаленіи изъ города войскъ, снятіи полиціи и замѣнѣ ея милиціей.

5) Былъ посланъ градоначальникомъ въ Бульварный участокъ, гдѣ помощникъ градоначальника и полицеймейстеръ убѣждали городовыхъ стать на посты, чтобы отъ имени его превосходительства объявить имъ, что все возможное къ улучшенію ихъ быта будетъ сдѣлано, если они, съ своей стороны, немедленно станутъ на посты, но встрѣтилъ упорный отказъ нести постовую службу при теперешнихъ обстоятельствахъ.

6) Провѣрялъ сообщеніе прокурора о томъ, что цѣлая интеллигентная семья адвоката-еврея вырѣзана въ одномъ домѣ на Греческой улицѣ, причемъ, переговоривъ съ главой семьи, убѣдился въ вымышленности извѣстія.

Чиновникъ особыхъ порученій при одесскомъ градоначальникѣ *А. Щербинскій.*

---

3) Показаніе пом. пристава г. Одессы Яблонскаго Нейдгарту.

Помощникъ пристава Александровскаго полицейскаго участка города Одессы Иванъ Карловичъ Яблонскій, дежурившій въ дни октябрьскихъ событій при квартирѣ бывшаго одесскаго градоначальника камергера двора его величества, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Борисовича Нейдгарта, на вопросъ, какія мнѣ давались его превосходительствомъ порученія, отвѣчаю:

1) 14-го октября я былъ командированъ съ нарядомъ городовыхъ къ гимназіи Соколовской разсѣять толпу учениковъ коммерческаго училища Файга, явившихся для снятія съ гимназіи учениць.

2) Съ 14 по 22 октября, т. е. въ дни революціоннаго возстанія, мнѣ давались г. градоначальникомъ порученія, довольно часто, обходить части города въ различныхъ пунктахъ и докладывать о происходящемъ движеніи по улицамъ; ходить приходилось переодѣтымъ въ штатское платье.

3) 19 октября въ 12 ч. ночи мнѣ г. градоначальникъ пору-

чилъ обойти часть города съ цѣлью установить, дѣйствительно ли развозится оружіе санитарными отрядами революціонеровъ; со мною былъ взводъ солдатъ карантинной роты.

4) Я былъ также командированъ въ Александровскій полицейскій участокъ, для донесенія г. градоначальнику о производимыхъ нападеніяхъ на участокъ толпы, которая пыталась нѣсколько разъ напасть на участокъ, освободить арестованныхъ и разгромить самое зданіе. Я ходилъ также въ штатскомъ платье.

5) Кромѣ указанныхъ командировокъ, я сопровождалъ г. градоначальника во время объѣздовъ его превосходительствомъ города, и вообще различныхъ поѣздокъ, въ октябрьскія событія.

Иванъ *Яблонскій.*

---

4) Показаніе чиновника особыхъ поруч. Цулукидзе одесскому градоначальнику.

На вопросъ, какія распоряженія отдавались черезъ меня бывшимъ одесскимъ градоначальникомъ Д. Б. Нейдгартомъ, отвѣчаю:

1) 14-го октября 1905 года былъ посланъ градоначальникомъ во всѣ участки съ предупрежденіемъ, чтобы были приняты мѣры приставами относительно того, чтобы недоброжелательныя лица не заставляли бы силой закрывать магазины и не собирали бы ни въ какихъ мѣстахъ деньги на вооруженное возстаніе и таковыхъ арестовывать.

2) 15-го октября былъ посланъ на Ришельевскую улицу. Ришельская улица была забаррикадирована (уголъ Почтовой). По донесенію, были высланы, по распоряженію градоначальника, казаки; толпа разсѣяна, баррикады разрушены (съ баррикадъ стрѣляли).

3) Былъ посланъ г. градоначальникомъ на Садовую улицу, къ Ришельевской гимназіи, гдѣ силой заставляли прекратить занятія. Стекла въ окнахъ были выбиты; полиція толпу разгоняла.

4) Былъ командированъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ разставилъ часовыхъ, присланныхъ градоначальникомъ. Туда же прибылъ взводъ казаковъ при одномъ офицерѣ, вызванный г. градоначальникомъ.

5) 17-го октября объѣзжалъ разные участки города, черезъ

каждый часъ послѣ того, какъ вернувшись, докладывалъ г. градоначальнику о происходившемъ (каждый изъ чиновниковъ особыхъ порученій дѣлалъ то же самое).

6) 18-го октября былъ командированъ въ Бульварный и Херсонскій участки (въ остальные были командированы другіе чиновники) съ тѣмъ, чтобы каждый участокъ патрулировалъ бы свой раіонъ городовыми-командами (отдѣльные городовые отказывались стоять въ одиночку на постахъ, ибо въ нихъ стрѣляли революціонеры). Въ патрули городовыхъ стрѣляли изъ оконъ разныхъ домовъ.

7) 19 октября сопровождалъ г. градоначальника въ соборъ, а оттуда по городу. Въ этотъ день, во время моего объѣзда, изъ „Южнаго Обозрѣнія“ данъ былъ залпъ въ патріотическую манифестацію; нѣсколько человѣкъ изъ манифестантовъ наповалъ были убиты.

8) Командированъ былъ въ Бульварный участокъ для передачи порученія, когда застлъ городовыхъ выстроенныхъ, и полицеймейстеръ уговаривалъ ихъ не бастовать и стать на посты.

Съ 17 октября по 23 число я, какъ и всѣ другіе чиновники, находился все время въ распоряженіи г. градоначальника, будучи посылаемъ, какъ и другіе, въ разныя мѣста съ порученіями. Ѣздилъ неоднократно, по порученію градоначальника, къ начальнику обороны города генералу Глаголеву съ просьбой выслать войска въ разныя части города для прекращенія безпорядковъ.

Чиновникъ особыхъ порученій при одесскомъ градоначальникѣ, прапорщикъ милиціи, князь Давидъ Димитріевичъ *Цулукидзе*.

---

5) Показаніе Анагности одесскому градоначальнику.

Я служилъ въ одесскомъ отдѣлѣ портъ-артурскаго комитета и, во время октябрьскаго вооруженнаго возстанія, по приказанію бывшаго одесскаго градоначальника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, камергера высочайшаго двора Д. Б. Нейдгарта, дежурилъ при квартирѣ его, съ 14-го по 26 октября 1905 г., у телефона, получая донесенія и передавая распоряженія г. градоначальника. На меня также возложена была обязанность вести точный дневникъ донесеній и распоряженій, но, въ силу огромной работы въ тѣ дни, все вниманіе сосредоточено было на записи донесеній.

Кромѣ этого, мнѣ пришлось, во время отсылки всѣхъ состоя-

щихъ при г. градоначальникѣ чиновниковъ въ разныя части города съ порученіями, по приказанію г. градоначальника, отправиться:

1) На Канатную улицу, гдѣ толпа отказалась разойтись по требованію полицейскаго наряда.

2) Въ районъ Петропавловскаго полицейскаго участка, гдѣ были возведены баррикады. По распоряженію г. градоначальника, посланы были войска.

3) Къ женской гимназіи Бальцъ—провѣрить, дѣйствительно ли ученики училища Файга снимаютъ насильственно учениць; одновременно высланъ, по приказанію г. градоначальника, туда нарядъ полиціи.

4) Къ казенному реальному училищу и къ разнымъ учебнымъ заведеніямъ—узнать, идутъ ли занятія нормально, и, по докладу г. градоначальнику, къ тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ были сборища учащихся; по личному приказанію г. градоначальника по телефону, высылались какъ войска, такъ и полицейскіе наряды.

5) Въ городскую думу, 17 октября, на засѣданіе, гдѣ проф. Щепкинъ призывалъ къ возстанію и, при помощи революціонеровъ, требовалъ, чтобы дума, въ полномъ составѣ, присутствовала на похоронахъ павшихъ 15 октября. Резолюціи этого сборища были антидинастическія и антиправительственныя. По докладу объ этомъ (былъ 1 часъ ночи), г. градоначальникъ приказалъ вызвать къ себѣ проф. Щепкина и городского голову П. А. Крыжановскаго.

6) Къ редакціи „Одесскаго Листка“—узнать, какой манифестъ читается около зданія послѣдней.

7) На площадь, передъ думой, гдѣ проф. Щепкинъ (послѣ бесѣды съ г. градоначальникомъ), объявивъ, что войска будутъ выведены изъ города, призывалъ многочисленную толпу къ вооруженному возстанію и, „захватнымъ правомъ“ уничтоживъ полицію (совѣтовалось не брезгать для этого никакими средствами), поставить свою милицію. Градоначальника, молъ, не существуетъ, а всѣ распоряженія будутъ исходить отъ временнаго правительства, засѣдающаго въ городской думѣ.

8) На Соборную площадь, Дерибасовскую и Преображенскую улицы, гдѣ находилась милиція, состоящая изъ студентовъ и другой учащейся молодежи. По приказанію градоначальника, отдано распоряженіе—посылать патрули, возможно чаще, изъ городовыхъ по улицамъ.

9) По приказанію градоначальника, отправился въ Бульварный участокъ—узнать, стали ли городовые на посты. Это было рано утромъ, послѣ того какъ наканунѣ г. градоначальникъ въ своей

квартирѣ, при мнѣ и еще нѣсколькихъ лицахъ, просилъ и уговаривалъ команду городовыхъ стать на посты.

10) Въ Петропавловскій полицейскій участокъ, поздно ночью, узнать, сколько войскъ, гдѣ размѣщены и какія происшествія.

Кромѣ указанныхъ случаевъ, по приказанію г. градоначальника, приходилось исполнять и другія порученія какъ днемъ, такъ и почью, нерѣдко подвергаясь обстрѣлу съ крышъ, балконовъ и т. п. мѣстъ.

Бывшій студентъ императорскаго новороссійскаго университета *Д. Анагности.*

Дополненія къ запискѣ, печатанной по дѣлу по обвиненію бывшаго градоначальника г. Одессы Нейдгарта въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. ул. о наказ.

Показанія свидѣтеля Кутиса отъ 25 ноября 1905 г. сенатору Кузьминскому.

Леонидъ Яковлевичъ Кутисъ, студентъ новороссійскаго университета, вѣроисповѣданія іудейскаго, проживаю въ г. Одессѣ, по Садовой ул., въ д. № 5, кв. 25. 15 и 16 октября по городу усиленно разъѣзжали казачьи патрули,—чувствовалось что-то недоброе и можно было ожидать какихъ либо крупныхъ столкновеній, тѣмъ болѣе, что за эти дни слышны были съ разныхъ сторонъ нареканія на продѣлки казаковъ, безцеремонное избіеніе ими проходящихъ и самовольные обыски. Въ виду этого многіе студенты, курсистки и фельдшерицы стали записываться въ санитарные отряды въ обществѣ „скорой помощи“ на случай необходимости. Въ числѣ другихъ и я записался. Въ качествѣ санитара 16 числа мнѣ пришлось дѣлать перевязки въ аптекѣ Гаевскаго противъ собора. 18 числа около 9 час. утра сталъ извѣстенъ манифестъ 17 октября. На улицахъ появилась радостная толпа,—другъ друга поздравляли,—замѣтно было праздничное настроеніе. Около 12 час., когда я находился въ зданіи медицинскаго факультета, въ видѣ слуха стали говорить о какомъ-то побоищѣ на Прохоровской улицѣ; сначала никто этому не придавалъ значенія. Затѣмъ, когда я вышелъ на улицу, случайно встрѣтившаяся на улицѣ г-жа Эпштейнъ, которую я раньше не зналъ,—узнавъ, что я санитаръ, сказала, что по телефону насъ приглашаютъ

въ аптеку Горлика, помѣщающуюся на уг. Степовой и Прохоровской улицъ, въ нижнемъ этажѣ трехэтажнаго дома. Мы туда отправились. По дорогѣ намъ попадались толпы народа, которыя все больше и больше увеличивались. Аптека Горлика была запружена громадною толпою, состоявшею изъ нѣсколькихъ тысячъ народа, среди коего находилось человѣкъ 20 или болѣе городовыхъ, въ полицейской формѣ, съ револьверами въ рукахъ. Въ аптекѣ, кромѣ меня, находились докторъ Готшалкъ, сестры Эпштейнъ и Баранова, санитаръ Прусинскій и еще другіе. Все время мы работали на виду стоявшей на улицѣ толпы, равно какъ и намъ видны были всѣ дѣйствія толпы. Толпа эта, состоявшая изъ хулигановъ, дѣйствовала возбужденно и все время бросала въ аптеку камни, которые пробивали окна, не имѣвшія прикрытій и ставень. Изъ толпы раздавались выстрѣлы въ разныя направленія. Городовые, бывшіе въ толпѣ, дѣйствовали какъ-то странно: то, находясь въ толпѣ, они дѣйствовали совмѣстно съ нею, то, отойдя въ сторону, производили выстрѣлы поверхъ толпы, или стояли въ толпѣ, стрѣляли внизъ, а затѣмъ указывали толпѣ на противоположныя зданія, какъ будто выстрѣлы оттуда слѣдовали, послѣ чего толпа начинала кидать камни въ эти зданія и громить ихъ. Та же толпа бросилась громить и грабить разные магазины; на виду аптеки ею были разрушены двѣ табачныя лавки, 1 галантерейная, 1 бакалейная и 1 красильня. Городовые совмѣстно съ толпою принимали участіе въ этихъ погромахъ и грабежахъ. Все это я лично видѣлъ. Однажды проѣхали драгуны и остановились возлѣ толпы, когда кончилось разграбленіе первой лавочки, откуда еще выносились разныя вещи. Солдаты и даже офицеры спокойно закурили папиросы, коими угостила ихъ толпа, и затѣмъ спокойно уѣхали. Въ толпѣ стали увѣрять, что выстрѣлы были произведены изъ нашей аптеки; кто-то пустилъ этотъ слухъ въ толпѣ, которая поэтому была возбуждена противъ находившихся въ аптекѣ, и намъ грозила серьезная опасность. Появившійся въ толпѣ околоточный надзиратель Полтавченко нѣсколько разъ влеталъ въ аптеку и требовалъ выдачи отдѣльнаго студента. Для успокоенія толпы произведенъ былъ осмотръ дома; во 2 этажѣ была семья аптекаря Горлика, состоявшая изъ однѣхъ женщинъ, въ 3 этажѣ никакихъ жильцовъ не было вообще и не оказалось лицъ, которыя могли бы стрѣлять. Никакихъ признаковъ выстрѣла не было, а намъ, работавшимъ въ аптекѣ, не до выстрѣловъ было, такъ какъ поступала такая масса раненыхъ, что мы едва успѣвали дѣлать перевязки, не имѣя свободной минуты. Но молва о

выстрѣлахъ изъ этого дома скоро для меня выяснилась: 19 и 20 числа въ аптеку изъ этого же дома былъ доставленъ раненый человѣкъ, который былъ одѣтъ въ штатскій свитокъ и назвался городовымъ Демиденко; онъ былъ раненъ солдатскою пулею и при немъ оказался большой полицейскій револьверъ съ нѣсколькими прострѣленными гильзами. Очевидно, что если изъ дома стрѣляли, то могъ стрѣлять съ крыши или чердака только Демиденко, который и самъ былъ пораненъ въ то время, когда солдаты, въ виду произведенныхъ изъ дома выстрѣловъ, производили залпы по направленію къ дому,—причемъ одна пуля случайно попала въ окно аптеки. 21, кажется, числа, помощникъ пристава Михайловскаго участка Тюринъ появился въ аптекѣ и сталъ насъ успокаивать, говоря, что онъ предводительствуетъ толпою и что онъ не допуститъ толпу до разгрома аптеки и головою отвѣчаетъ за нашу безопасность. Всѣ эти дни, съ ранняго утра, мы были окружены толпами хулигановъ; только на ночь они удалялись, но и по ночамъ постоянно раздавались выстрѣлы то одиночные, то залпами. На второй день сестра Баранова успѣла выхлопотать для аптеки охрану изъ солдатъ,—нѣсколько ихъ помѣщалось въ самой аптекѣ. Разъ случилось, что, когда на улицѣ раздались выстрѣлы, солдаты ночью стали стрѣлять изъ аптеки; въ кого и по какому поводу они стрѣляли, я не знаю, но раненыхъ послѣ этого не было. Однажды за эти дни былъ такой случай, что на улицѣ стоялъ взводъ солдатъ съ офицерами, кажется, Модлинскаго полка (голубой околышекъ); хулиганы утромъ бушевали, громили, стрѣляли, а войска ничего не предпринимали и безмолвно стояли. Подошелъ къ Степовой улицѣ отрядъ студенческой милиціи изъ 10—12 человѣкъ и просилъ офицера разрѣшить разогнать толпу, но офицеръ на это не согласился, предложилъ самообороной удалиться и сказалъ, что если она станетъ стрѣлять по толпѣ, то онъ прикажетъ стрѣлять имъ въ затылокъ. Такъ они и удалились; а между тѣмъ достаточно было двухъ залповъ поверхъ толпы, чтобы разогнать ее. 21 числа проѣзжалъ мимо градоначальникъ Нейдгартъ, окруженный значительнымъ количествомъ казаковъ, и, стоя въ коляскѣ, раскланивался съ толпою, снимая шапку, а толпа кричала „ура“. Говорилъ ли что либо Нейдгардтъ—я не слышалъ, такъ какъ стоялъ на ступеняхъ аптеки довольно далеко. Какъ образована была студенческая самооборона—я не знаю такъ какъ самъ къ ней не принадлежалъ. Кажется, 24 октября, когда я былъ въ коммерческомъ судѣ, какой-то господинъ, фамилія котораго мнѣ неизвѣстна, но въ лицо я его знаю, сказалъ мнѣ, что

ему извѣстно, что приставъ Пересыпскаго участка уговаривалъ рабочихъ сахарнаго завода на Пересыпи идти громить и бить жидовъ. Этотъ заявитель самъ почему-то боялся объ этомъ говорить и просилъ меня заявить извѣстные ему факты, прибавивъ, что такіе факты знаетъ и извѣстный въ Одессѣ г. Влодекъ.

Показаніе свидѣтеля Теплицкаго сенатору Кузьминскому отъ 25 ноября 1905 г.

Левъ Давидовичъ Теплицкій, прапорщикъ 205 Измаильскаго полка, вѣры православной, проживаю по Екатерининской улицѣ, № 22. До поступленія изъ запаса на военную службу состоялъ помощникомъ контролера при Одесской городской управѣ, гдѣ и теперь числюсь на службѣ. Въ цѣляхъ военной охраны города на случай безпорядковъ, весь городъ раздѣленъ былъ на участки, изъ коихъ каждый ввѣренъ былъ охранѣ извѣстной военной части. Той части войска, въ которой я служу, ввѣренъ былъ Александровскій участокъ; съ 15 на 16 октября мнѣ пришлось быть съ моею частью въ охранѣ этого участка, и я весь день оставался въ управленіи участка. Оставаясь то въ дежурной комнатѣ, то въ кабинетѣ пристава, я изъ разговоровъ полицейскихъ чиновъ убѣдился, что всѣ они считаютъ евреевъ виновниками происходящаго движенія и проявленій разныхъ безпорядковъ и по этому поводу крайне противъ нихъ возбуждены. Изъ словъ ихъ можно было заключить, что готовится какое-то движеніе противъ евреевъ, вродѣ погрома; самъ приставъ Рацишевскій, не стѣсняясь моего присутствія и не допуская, повидимому, возможности несогласія моего съ нимъ по этому вопросу, открыто выразился: „Захотѣли они свободы,—вотъ мы ихъ уложимъ двѣ—три тысячи, тогда они будутъ знать, что такое свобода“. Изъ разсказовъ нижнихъ чиновъ я зналъ, что такіе же разговоры велись и среди городовыхъ, которые высказывались о желательномъ избіеніи евреевъ. Эти же нижніе чины, со словъ городовыхъ, передавали, что на-дняхъ Нейдгартъ пріѣзжалъ въ участокъ и подготовлялъ полицейскихъ нижнихъ чиновъ къ рубкѣ и дѣйствію оружіемъ, производя опыты перерѣзанія шашками ленты и осматривая шашки для убѣжденія въ томъ, что онѣ отточены. Сами солдаты видѣли, какъ городовые упражнялись въ дѣйствіи шашками на чучелахъ, на которыхъ имѣлись надписи: „забастовщикъ“, „студентъ“. Сутки съ 17 на

18 октября я провелъ въ охранѣ у городского водопровода; рано утромъ 18 числа группа бѣдныхъ рабочихъ, вродѣ босяковъ, пройдя мимо водопровода, нѣсколько подвыпившая, пріостановилась около меня и, обращаясь ко мнѣ, сказала: „Вотъ, идемъ, ваше благородіе, изъ участка получили „струкцію“ (вѣроятно, инструкцію),—вечеромъ разживемся“. Я не вступалъ въ разговоръ съ полупьяною толпою и не выяснилъ значенія этихъ словъ; но, изъ связи предыдущихъ разговоровъ въ участкѣ съ указаннымъ заявленіемъ, сталъ предполагать, что готовится еврейскій погромъ, который разыграется въ самомъ скоромъ времени. 18 октября, когда получено было свѣдѣніе о манифестѣ, я все утро ходилъ по разнымъ улицамъ; вездѣ встрѣчались значительныя группы людей, состоявшихъ изъ приличной интеллигенціи средняго класса; всѣ были настроены радостно, вездѣ была всеобщая веселость, но всюду виденъ былъ порядокъ и полное спокойствіе. Часамъ къ 4 вечера стали появляться толпы другого характера,—большія группы какихъ-то оборванцевъ, рабочихъ и молодыхъ людей, которые ходили по улицамъ съ иконами, портретами государя и національными флагами. Эти группы состояли изъ однихъ христіанъ,—тогда какъ въ первыхъ группахъ были и христіане и евреи, а также имѣлись красные флаги безъ всякихъ революціонныхъ надписей. Только на Херсонской улицѣ, недалеко отъ университета, въ толпѣ были два черныхъ флага съ надписями: „вѣчная память борцамъ за свободу“. Кажется, былъ и третій такой же флагъ. Мнѣ не приходилось видѣть момента встрѣчи означенныхъ группъ. Такимъ образомъ весь этотъ день въ центрѣ города не было никакихъ нарушеній порядка. Я не слышалъ, чтобы евреи разрушили у думы надпись „Боже, царя храни“, напротивъ, мнѣ передавали, что эта надпись случайно была разрушена нижними чинами, которымъ было поручено сорвать съ думы красный флагъ. Къ вечеру стали доходить слухи, что на окраинной Дальницкой улицѣ произошло столкновеніе съ евреями. Извѣстіе это меня очень удивило, такъ какъ оно находилось въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что я самъ видѣлъ въ центральной части города. Спеціально еврейскихъ группъ я въ этотъ день въ городѣ не встрѣчалъ. Я отправился на Дальницкую улицу, но не могъ добраться до самаго мѣста столкновенія, такъ какъ оттуда раздался ружейный залпъ,—тамъ уже были войска и мѣстность была оцѣплена. Туда хотѣли пробраться учащаяся молодежь, студенческая и еврейская самообороны, но войска ихъ не допустили, производя выстрѣлы не по толпѣ, учинившей без-

порядки, а въ сторону, какъ бы отстрѣливаясь отъ тѣхъ, кто хотѣлъ приблизиться къ толпѣ. Поэтому имъ пришлось вернуться. На обратномъ пути я уже не видѣлъ полиціи на улицахъ: оказывается, всѣ городовые были сняты съ постовъ въ 4—5 час. вечера, и охрану города приняли на себя студенты, которые по 2—3 человѣка стояли на углахъ улицы и просили расходиться всѣхъ останавливавшихся. Въ этотъ же вечеръ два какихъ-то интеллигентныхъ господина, ѣхавшихъ на извозчикѣ, кричали: „надо бить жидовъ“; ихъ задержали и, только благодаря моему вмѣшательству, они избѣжали непріятностей. Кто они были, я не знаю. 19-го числа я съ утра отправился въ казармы при тюрьмѣ; слѣдуя туда по Екатерининской улицѣ, я видѣлъ на улицѣ группы евреевъ и, повидимому, изъ состава самообороны, такъ какъ у многихъ изъ нихъ были въ рукахъ револьверы; но они держались тихо, смирно и находились въ выжидательномъ положеніи. Эта самооборона была организована послѣ кишиневскаго погрома и носила полуофиціальный характеръ; самооборону составляли, насколько мнѣ извѣстно, молодые евреи всѣхъ участковъ. Въ тюрьмѣ я остался до 23 октября и очевидцемъ происходившаго за эти дни въ городѣ я не былъ. 20 или 21 числа со стороны пригороднаго селенія Чубаевки бросились хулиганы грабить еврейскую лавку около тюрьмы; но я вышелъ съ нѣсколькими солдатами и приказалъ разогнать ихъ. 19 числа, освободившись изъ тюрьмы на короткое время, я заѣхалъ въ управу, гдѣ мой товарищъ по городской службѣ, прапорщикъ 273 пѣхотнаго Дунайскаго полка, Таубергеръ (Пушкинская, д. Питкиса, кажется, № 8) сказалъ мнѣ о слѣдующемъ случаѣ, какъ недавно передъ тѣмъ происшедшемъ: по его словамъ, директоръ кадетскаго корпуса генералъ Дерюгинъ, встрѣтившись гдѣ-то вблизи кадетскаго корпуса съ толпою хулигановъ, обратился къ ней со словами: „И вы идете громить евреевъ,—благословляю васъ“, и въ разговорѣ со служащими корпуса тотъ же Дерюгинъ сказалъ: „очень жаль, что на это дѣло посылается только чернь, и мы не можемъ сами идти. Это наша святая обязанность“. Нужно сказать, что братъ Таубергера состоитъ преподавателемъ этого корпуса. Помню также, что, кажется, 20 числа въ тюрьмѣ поручикъ Арендтъ (пулеметной роты) въ присутствіи моемъ и другихъ офицеровъ возмущался тѣмъ, что саперные офицеры и солдаты сами принимали участіе въ разграбленіи конфектной фабрики Крахмальникова и уносили оттуда конфекты, чему Арендтъ былъ очевидцемъ. Въ тотъ же день околоточный надзиратель, доставившій арестованныхъ изъ

города, возбуждалъ солдатъ, передавая имъ разсказы, что будто евреи забирали христіанъ и въ каретахъ скорой помощи увозили на казнь. Подобные разсказы сильно возбуждали солдатъ и вызывали съ ихъ стороны волненія. Послѣ событій, когда мнѣ пришлось снова быть въ Александровскомъ участкѣ, приставъ Рацишевскій началъ было разговоры про Нейдгарта, но тотчасъ же остановился и только сказалъ: „да, онъ былъ очень жестокъ". Въ томъ домѣ, гдѣ я живу, всѣ магазины христіанскіе и только одинъ угловой еврейскій; громилы хотѣли его разрушить, но кто-то изъ толпы крикнулъ: „Ребята, это иностранный подданный. Приставъ не велѣлъ". Объ этомъ мнѣ говорили приказчикъ какого-то магазина и другіе люди, живущіе въ этомъ домѣ; самъ я не слышалъ. Во время событій военное начальство рѣзко проявляло покровительство еврейскимъ погромамъ и выражало явное недовольство тѣмъ офицерамъ, которые проявляли стремленіе къ противодѣйствію этимъ погромамъ. Такихъ офицеровъ подвергали аресту за выраженіе протеста, переводили въ Очаковъ, какъ, напр., меня,—причемъ я только по болѣзни временно остаюсь здѣсь. Командиръ 273 пѣх. Дунайскаго полка, какъ говорилось въ группахъ офицеровъ этого полка, прямо говорилъ подобнымъ офицерамъ: „Это не ваше дѣло вмѣшиваться,—теперь рѣшается важный національный вопросъ".

Подписалъ прапорщикъ *Теплицкій.*

Показаніе свидѣтеля Штульмана сенатору Кузьминскому отъ того же числа.

Рувинъ Рувиновичъ Штульманъ, ратковскій мѣщанинъ, вѣры іудейской, проживаю въ Одессѣ по Большой Арнаутской улицѣ, въ д. № 125, кв. № 1. 18 октября утромъ получилось въ городѣ свѣдѣніе о манифестѣ 17 октября; на улицѣ появились радостныя толпы народа, состоявшія изъ христіанъ и евреевъ и мирно, спокойно слѣдовавшія; вскорѣ въ толпахъ оказались красные флаги, наскоро приготовленные изъ платковъ и кусковъ матеріи, но безъ всякихъ надписей. Съ этою толпою и я въ это время слѣдовалъ по улицамъ, направляясь къ думѣ, гдѣ тогда представители разныхъ партій произносили рѣчи. Одни изъ нихъ дѣлились съ народомъ радостью по поводу дарованной свободы, другіе высказывали недовѣріе и говорили, что этого недостаточно.

Въ общемъ настроеніе было мирное, спокойное. Часу въ 3-мъ пронеслась молва, что на Дальницкой улицѣ произошло какое-то столкновеніе, а позже стали говорить о погромѣ въ той мѣстности евреевъ. Такъ какъ я живу недалеко отъ той мѣстности, то отправился сейчасъ же домой и, захвативъ револьверъ, счелъ нужнымъ отправиться на Дальникъ. Сдѣлалъ я такъ потому, что еще на пасху въ этомъ году, когда ожидался еврейскій погромъ и боялись его, среди еврейскаго общества рѣшено было составить свою внутреннюю оборону изъ молодежи для прекращенія подобныхъ погромовъ. Оборона эта не носила строго опредѣленной организаціи и была результатомъ словесныхъ разговоровъ, частаго соглашенія—въ каждомъ участкѣ собраться мѣстнымъ жителямъ для защиты населенія отъ погромовъ. Въ составъ этой обороны входили и христіане. Въ этихъ видахъ я и отправился на Дальникъ,—туда же собирались и другіе, составлявшіе обогону, но я ихъ не знаю по фамиліямъ. Собралось насъ постепенно человѣкъ 30—40; у нѣкоторыхъ были револьверы, у другихъ палки. Стояли мы спокойно на Прохоровской улицѣ, недалеко, кажется, отъ Дурьяновскаго переулка. Навстрѣчу намъ двинулись войска, шедшія по улицѣ и окруженныя вилотную хулиганами, состоявшими; по внѣшнему виду, изъ босяковъ и сѣраго сюда. Хулиганы, въ количествѣ человѣкъ 60, примыкали къ солдатамъ съ боковъ и сзади. Изъ среды хулигановъ бросались камни, слышенъ былъ звонъ разбиваемаго стекла, раздавались выстрѣлы, направленные въ нашу сторону, причемъ одинъ изъ нашей группы, не знаю, кто именно, былъ раненъ. Когда войска приблизились къ намъ на разстояніе одного дома, я обратился къ слѣдовавшему съ ними офицеру съ просьбою удалить хулигановъ, говоря, что мы стоимъ смирно, а они стрѣляютъ въ насъ и одного уже ранили. Въ отвѣтъ на это офицеръ скомандовалъ части войска, раздался залпъ и многіе изъ нашей группы оказались ранеными солдатскими пулями въ ноги. Я отправился въ еврейскую больницу узнать о числѣ раненыхъ (ихъ было около 30 человѣкъ) и затѣмъ примкнулъ къ отряду обороны, слѣдовавшему по Госпитальной улицѣ. Идя далѣе, мы наткнулись уже ночью на разгромленный на углу Степовой и Прохоровской улицъ табачный магазинъ. При нашемъ приближеніи изъ этого магазина выскочили три хулигана, по нимъ мы произвели нѣсколько выстрѣловъ, и одинъ изъ хулигановъ оказался раненымъ. Его мы подобрали и доставили въ аптеку, находившуюся тутъ же напротивъ. Вскорѣ подошли войска,—произвели въ нашу сторону залпъ,

хотя въ то время мы не стрѣляли, и двое изъ нашей партіи были ранены. Вообще нужно отмѣтить, что войска стрѣляли только въ группы обороны или санитаровъ, а хулигановъ совсѣмъ не трогали. Даже кареты скорой помощи не могли свободно работать, такъ какъ подвергались обстрѣлу солдатъ; на это жаловались намъ въ ту же ночь ѣхавшіе съ одною такою каретою. Невдалекѣ отъ указаннаго разгромленнаго магазина расположена казарма съ солдатами, но никто изъ нихъ не воспрепятствовалъ разгрому. Потомъ я отправился домой. На другое утро, 19-го числа, когда я былъ около думы, въ народѣ говорили, что переодѣтый околоточный надзиратель Ивановъ спаиваетъ портовыхъ рабочихъ, даетъ имъ деньги и револьверы, чтобы они шли на избіеніе евреевъ. Вслѣдъ затѣмъ изъ порта показались четыре человѣка совершенно пьяные: двое мужчинъ и двѣ женщины. Послѣднія держали въ рукахъ два портрета государя, а у мужчинъ были—у одного револьверъ, похожій по формѣ на полицейскій, а у другого—кухонный большой ножъ (сѣчка). Одинъ изъ нихъ занесъ ножъ надъ какимъ-то прилично одѣтымъ человѣкомъ, какъ-то послѣ говорили, иностранцемъ, но какой-то рабочій предотвратилъ ударъ, а другіе люди обезоружили этихъ манифестантовъ, отобравъ у нихъ револьверъ и ножъ. Оттуда я отправился къ университету, гдѣ собравшіеся студенты предложили сорганизовать оборону для защиты отъ начавшихся погромовъ. Рѣшено было образовать нѣсколько отрядовъ, въ составъ коихъ входили желающіе христіане и евреи,—они должны были дѣйствовать въ разныхъ частяхъ города. Было условлено дѣйствовать оружіемъ лишь тогда, когда хулиганы не только громятъ лавки, но и допускаютъ насилія надъ личностью, и вообще стараться избѣгать всякихъ съ ними столкновеній. Я тоже вошелъ въ составъ одного изъ этихъ отрядовъ, въ коемъ было насъ до 40 человѣкъ. Когда я съ этимъ отрядомъ слѣдовалъ по Екатерининской улицѣ, навстрѣчу намъ показалась толпа хулигановъ человѣкъ въ 50 въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ,—и хулиганы, и солдаты въ насъ стали стрѣлять; въ результатѣ оказалось, что изъ нашего отряда учитель Левинтонъ былъ убитъ, а двое другихъ ранено. Хулиганы разсѣялись. Идя по улицамъ, я видѣлъ разгромленные въ разныхъ мѣстахъ магазины. Къ вечеру я отправился домой,—было уже 6 ч. вечера. Въ томъ домѣ, гдѣ я живу, стояли солдаты, расположившіеся въ ресторація. Командовавшій ими офицеръ Грюнбергъ хотѣлъ отобрать у меня револьверъ, но, повѣривъ моему заявленію, что я не буду имъ злоупо-

треблять и не буду изъ него стрѣлять, ограничился отобраніемъ пачки патроновъ, а револьверъ оставилъ у меня. Когда я вошелъ домой, въ нашемъ дворѣ раздался выстрѣлъ, какъ я увѣренъ, провокаторскій. Чтобы избѣжать всякихъ нареканій, я сейчасъ же вернулся къ Грюнбергу и самъ отдалъ ему свой револьверъ. Съ разрѣшенія Грюнберга, я отправился предупредить всѣхъ членовъ своего отряда, чтобы они не стрѣляли въ ту сторону, гдѣ стояла часть войска подъ командою Грюнберга; идя такимъ образомъ, я дошелъ до управленія Бульварнаго участка, гдѣ на улицѣ былъ задержанъ какимъ-то приставомъ. Въ участкѣ я былъ подвергнутъ жестокому избіенію и истязанію со стороны двухъ казаковъ, изъ коихъ одинъ былъ калмыкъ,—а и. д. полицеймейстера фонъ-Генсбергъ сталъ издѣваться надо мною, говоря: „а, милиціонеръ, хотите занимать наши должности?“ Въ участкѣ меня продержали 30 часовъ, а затѣмъ отправили въ тюрьму, гдѣ я пробылъ 5 дней. Со мною было арестовано 20 человѣкъ, не одновременно, а постепенно; въ числѣ арестованныхъ были и христіане и евреи, всѣ изъ состава обороны, и ни одного хулигана. Въ числѣ арестованныхъ былъ студентъ Рогозинскій, его товарищъ, неизвѣстный мнѣ по фамиліи, Станиславъ Рай, приказчикъ изъ магазина Неофита и другіе. Когда мы сидѣли въ участкѣ, кругомъ все время стрѣляли, и полицейскіе чины, для возбужденія среди солдатъ недовольства противъ евреевъ, утверждали, что это стрѣляютъ евреи. Между тѣмъ, когда раздался выстрѣлъ сверху того дома, гдѣ помѣщается участокъ, солдаты направились туда искать стрѣлявшаго и привели переодѣтаго городового. Кто онъ былъ—я не знаю. Это видѣли и вышеназванные Рогозинскій и Рай. Этого городового въ участкѣ сейчасъ же постарались скрыть. Одинъ солдатъ, доставившій въ участокъ одного изъ арестованныхъ, имѣлъ при себѣ награбленныя вещи, которыми были наполнены у него карманы, а дѣтскіе ботинки были у него заткнуты за поясъ.

Подписалъ Рувинъ *Штульманъ*.

Показаніе свидѣтеля Рацишевскаго сенат. Кузьминскому отъ 28 ноября 1905 года.

Болеславъ Карловичъ Рацишевскій, приставъ Александровскаго участка; состою въ этой должности 7 лѣтъ. Участокъ мой заселенъ преимущественно евреями—ихъ болѣе 90%. Еще съ

весны въ Одессѣ стали ходить слухи, что евреи вооружаются и устраиваютъ какую-то оборону, въ виду могущихъ быть безпорядковъ. Слухи эти особенно усилились послѣ іюньскихъ событій, но, въ виду неопредѣленности подобныхъ слуховъ, имъ не было придаваемо значеніе и никакихъ мѣръ особенныхъ не предпринималось. Въ октябрѣ безпорядки начались 14 числа избіеніемъ учащихся гимназіи Березиной,—чувствовалось, что-то готовится. 16 числа толпы евреевъ стали группироваться на улицахъ. Въ то же время на случай безпорядковъ при участкѣ были войсковыя части изъ пѣхоты, подъ начальствомъ полковника Воронова и драгуны. Для разсѣянія толпы посылались военные патрули при участіи полицейскихъ чиновъ. Въ разныхъ мѣстахъ еврейскія толпы устраивали баррикады изъ попадавшихся имъ лѣсныхъ матеріаловъ, опрокидываемыхъ вагоновъ конокъ; по патрулямъ изъ толпы раздавались выстрѣлы,—почему и патрули должны были давать залпы; въ результатѣ за этотъ день въ моемъ участкѣ былъ пораненъ одинъ городовой, какой-то еврей, женщина и лошадь драгунскаго офицера. Усиліями патрулей толпы были разсѣяны и порядокъ возстановленъ. 18 числа, по полученіи свѣдѣній о манифестѣ, волненіе въ моемъ участкѣ началось изъза того, что къ значительной толпѣ евреевъ, стоявшихъ на углу Большой Арнаутской и Александровской улицъ, подошелъ постовой городовой Губій, вѣроятно, съ цѣлью разсѣять ее. Толпа на него обозлилась, стала его преслѣдовать, а также городового сосѣдняго поста Ильницкаго; послѣдній успѣлъ спастись, а Губій былъ убитъ евреями на чердакѣ дома, гдѣ онъ пытался укрыться. Послѣ того пошла стрѣльба по городу. Въ виду опасности, которой подвергались городовые, бывшій градоначальникъ Нейдгартъ, часовъ въ 12 дня, по телефону приказалъ всѣхъ городовыхъ снять съ постовъ и сосредоточить ихъ въ управленіи участка, что и было исполнено. Съ тѣхъ поръ за всѣ дни безпорядковъ городовые вмѣстѣ съ войсками охраняли управленіе участка и посылались періодически съ военными патрулями. Около 1 часу дня, 18 числа, студентъ, придя въ участокъ и называя себя народнымъ представителемъ, требовалъ освобожденія полицейскихъ арестованныхъ. Вслѣдъ затѣмъ съ такимъ же требованіемъ явился ректоръ университета Занчевскій съ какими-то профессорами. Собравшаяся значительная толпа студентовъ настаивала на немедленномъ исполненіи этого требованія, угрожая въ противномъ случаѣ разнести участокъ. Съ разрѣшенія градоначальника, по телефону, были освобождены 8 человѣкъ, задержанныхъ за безпо-

рядки. Отсюда толпа отправилась къ тюрьмѣ. Къ вечеру стали доходить свѣдѣнія о погромѣ евреевъ на Дальницкой улицѣ. Объ этомъ погромѣ никакихъ раньше разговоровъ не было и никакихъ предвѣстниковъ погрома не было. Но въ этотъ день евреи вели себя очень вызывающимъ образомъ и проявляли необычайную дерзость; они открыто говорили: „теперь мы будемъ управлять". Вѣроятно, такой образъ дѣйствій евреевъ и вызвалъ протестъ христіанской части населенія, тѣмъ болѣе, что толпы евреевъ расхаживали по городу съ красными флагами и проявляли антиправительственное движеніе. На другой день, 19 числа, изъ окраины города появились патріотическія манифестаціи христіанъ съ національными флагами, иконами и портретомъ государя. Такія патріотическія манифестаціи и еврейскія толпы потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней все время появлялись въ разныхъ частяхъ участка. При взаимныхъ встрѣчахъ между ними происходили вооруженныя столкновенія и раздавались выстрѣлы. Разъѣзжавшіе патрули принимали мѣры къ разсѣянію этихъ толпъ и предупрежденію столкновеній, но безуспѣшно; въ то же время изъ оконъ, крышъ и домовъ стали производиться одиночные выстрѣлы по христіанскимъ толпамъ и патрулямъ, но, по счастливой случайности, въ моемъ участкѣ выстрѣлы эти не имѣли никакихъ послѣдствій; изъ состава войска и полиціи никто не былъ убитъ или раненъ. Я увѣренъ, что выстрѣлы эти производились евреями, такъ какъ въ моемъ участкѣ всѣ квартиры большею частью заняты еврейскими семьями. Патріотическія толпы были очень возбуждены противъ евреевъ и изъ такой толпы нерѣдко приходилось слышать возгласы: „насъ мутили, подстрекали, давали разныя обѣщанія, а теперь стали нахалами". Многіе люди изъ патріотической толпы производили разгромы и разграбленіе еврейскихъ лавокъ, но въ моемъ участкѣ было разгромлено только около 10 лавокъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ сами евреи собирались толпами на улицахъ и отстрѣливались, успѣвали разгонять манифестантовъ и отстаивать свое имущество. О происходившемъ въ участкѣ я знаю изъ докладовъ надзирателей, которые ходили съ патрулями, и отъ своихъ помощниковъ, Пащенко и Данашевскаго, которые бывали въ разныхъ частяхъ участка. Сверхъ того, и я лично постоянно бывалъ на улицѣ возлѣ управленія, а также посѣщалъ и другія мѣста своего участка, хотя и не могу указать тѣхъ лицъ, которыя могли бы удостовѣрить посѣщенія мною тѣхъ или другихъ улицъ. 20 числа толпа евреевъ подходила и къ управленію участка и производила выстрѣлы по участку.

22 октября городовые вступили на посты, но такъ какъ въ этотъ день были ранены двое рабочихъ, то въ 6 ч. вечера они снова оставили посты, а съ 23 числа поставлены все-таки на посты. 23 октября погромъ остановился, и толпы не стали показываться, послѣ того какъ командующій войсками предупредилъ, что будетъ дѣйствовать рѣшительно и будетъ пускать въ ходъ артиллерію. Въ моемъ участкѣ числится 127 городовыхъ и имѣется 29 постовъ, такъ какъ Нейдгартъ распорядился на каждый постъ держать четыре смѣны; околоточныхъ же надзирателей полагается по штату 14. Мнѣ неизвѣстно, чтобы городовые вели какіе либо разговоры по поводу предстоящаго избіенія евреевъ, чтобы городовые участвовали съ толпами въ разгромѣ и грабежѣ лавокъ, чтобы они появлялись въ толпахъ переодѣтыми, чтобы они стрѣляли въ тѣхъ, кто противился погрому; объ этомъ я ни отъ кого ничего не слышалъ и никто мнѣ не заявлялъ. За время безпорядковъ при участкѣ было задержано нѣсколько человѣкъ за нахожденіе у нихъ оружія, въ числѣ ихъ были и студенты; ихъ продержали нѣсколько дней и отпустили. Я знаю, что было задержано и нѣсколько человѣкъ изъ толпы такъ называемыхъ хулигановъ, и что они были тотчасъ же освобождены; но я въ то время не былъ въ участкѣ, и причина освобожденія ихъ мнѣ неизвѣстна. Въ виду происходившихъ въ этомъ году въ Одессѣ безпорядковъ, Нейдгартъ съ лѣта приказалъ обратить вниманіе наше, чтобы всѣ городовые умѣли стрѣлять,—а съ осени поручилъ упражняться съ ними и въ дѣйствіи шашками. Вслѣдствіе этого въ участкахъ ежедневно происходили упражненія городовыхъ въ рубкѣ шашками и самъ Нейдгартъ иногда провѣрялъ, насколько городовые успѣшно дѣйствуютъ оружіемъ. Никакихъ предположеній о предстоящемъ погромѣ евреевъ Нейдгартъ не дѣлалъ, но въ послѣднее время приказывалъ приставамъ быть готовыми, въ виду возможности наступленія какихъ либо волненій. Самъ Нейдгартъ иногда посѣщалъ управленіе участка и въ послѣдній разъ былъ въ участкѣ, кажется, въ сентябрѣ. За время событій я у него ни разу не былъ и обо всемъ происходившемъ докладывалъ по телефону. Кажется, 22 или 23 числа всѣ пристава были потребованы Нейдгартомъ къ себѣ въ 9 ч. утра; помню, что пришлось поѣхать къ нему подъ сильной охраной, такъ какъ по городу уже раздавались выстрѣлы.

Подписалъ приставъ Болеславъ Карловичъ *Рацишевскій.*

Показаніе свидѣтеля Донашевскаго сенатору Кузьминскому отъ 29 ноября 1905 г.

Дмитрій Владимировичъ Донашевскій, присяжный повѣренный, вѣры православной, проживаю по Торговой ул. д. № 10. 16 октября я видѣлъ, какъ на Преображенской, Дерибасовской, Пушкинской и другихъ улицахъ толпы подростковъ, дѣтей и учащихся устроили демонстративное шествіе (это было утромъ), опрокидывали вагоны трамвая, строили баррикады и кричали „ура“; но все это шествіе, въ моихъ глазахъ, не имѣло угрожающаго вида и носило скорѣе забавный характеръ. Но администрація приняла рѣшительныя мѣры къ подавленію этого безпорядка; на улицахъ появилась масса войска, которое производило залпы по манифестантамъ; вѣроятно, въ тотъ же день были убитые и раненые, хотя это было мнѣ неизвѣстно. Въ 12 ч. дня, направляясь домой, я шелъ по Преображенской ул., но дальше Полицейской не могъ идти, такъ какъ казаки разгоняли проходившихъ даже съ тротуара, замахиваясь нагайками и нанося удары даже тѣмъ, которые никакого къ тому повода не подавали. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ казакъ гонялся за мальчикомъ лѣтъ 10, а другой поднялъ нагайку надъ головою старика-нищаго. Ружейные выстрѣлы раздавались въ тотъ день въ разныхъ мѣстахъ,—и на Дерибасовской, и на Пушкинской, и на другихъ улицахъ. Слышалъ я, что въ этотъ день много лицъ было арестовано и большею частью дѣти, подростки. Какъ мнѣ казалось, столь рѣшительная стрѣльба не вызывалась надобностью. Въ обществѣ такой образъ дѣйствій вызвалъ негодованіе и, какъ мнѣ приходилось слышать, въ экстренномъ по этому поводу засѣданіи думы, выраженъ былъ горячій протестъ противъ администраціи и ходатайство о смѣщеніи градоначальника Нейдгарта. 17 октября прошло спокойно. 18-го числа, по случаю манифеста о конституціи, на улицахъ появились грандіозныя манифестаціи при полномъ отсутствіи войска и полиціи. На думской площади, у городской управы, собралась громадная толпа всякаго народа, среди коего были люди разныхъ званій и національностей; тутъ были и христіане и евреи. Нѣкоторыя лица произносили рѣчи, взобравшись для этого на иллюминаціонный орелъ у зданія думы, но содержанія этихъ рѣчей я не слышалъ. Видѣлъ я, что въ толпѣ производился сборъ

денегъ на вооруженіе пролетаріата. Я отказался сдѣлать взносъ и за это сборщики обругали меня буржуемъ, добавивъ, что конституція дана только для блага буржуазіи, а рабочій народъ ничего не получилъ и потому не можетъ сложить оружіе. Вечеромъ того же дня, какъ я слышалъ, начался разгромъ, на Дальницкой улицѣ, производимый, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, хулиганами при участіи полиціи. На слѣдующій день, 19 октября, у меня предстояло засѣданіе въ судебной палатѣ, но таковое не состоялось за неприбытіемъ городского головы. Возвращаясь домой, я отъ встрѣтившихся лицъ узналъ, что на Дерибасовской улицѣ хулиганы устроили кровопролитіе,—а затѣмъ, идя дальше, я встрѣтилъ шедшую съ Дерибасовской улицы патріотическую манифестацію, отъ которой прохожіе въ страхѣ разбѣгались и магазины закрывались. Дойдя до Сабанскаго моста, я опять встрѣтилъ толпу манифестантовъ, состоявшую изъ 100—200 грязно одѣтыхъ людей, оборванцевъ, подростковъ и дѣтей. Толпа эта направлялась къ дому градоначальника; попавъ случайно въ середину толпы и не имѣя возможности выбраться, и я долженъ былъ слѣдовать съ нею. Толпа остановилась передъ балкономъ градоначальника,—я прижался къ рѣшеткѣ, изъ-за которой выглядывали солдаты карантинной стражи съ ружьями. Нейдгартъ вышелъ на балконъ; его я не могъ видѣть, но слышалъ, что кто то изъ толпы страстнымъ и вызывающимъ тономъ говорилъ рѣчь, которую закончилъ словами: „мы не хотимъ“. Въ отвѣтъ на эту рѣчь, содержаніе которой я не разслышалъ, Нейдгартъ крикнулъ: „спасибо вамъ, братцы“ и еще что-то сказалъ, вродѣ того: „теперь идите помолиться“. Толпа прокричала „ура“ и стала пѣть „Спаси, Господи, люди твоя“. Я забылъ сказать, что въ толпѣ было много національныхъ флаговъ и впереди несли нѣсколько портретовъ государя. Въ это же время, какъ бы надъ головами нашими, раздались ружейные выстрѣлы; какъ потомъ оказалось, на Гаванной улицѣ, сзади дома градоначальника, солдаты обстрѣливали какой-то домъ. Одновременно почти съ пѣніемъ гимна и молитвы раздались въ толпѣ крики: „бей жидовъ, смерть жидамъ, крови жидовской“, — и толпа двинулась впередъ, сопровождаемая отрядомъ солдатъ. Тутъ я успѣлъ выбраться изъ толпы и ушелъ домой. Я былъ сильно взволнованъ пребываніемъ въ толпѣ хулигановъ; мнѣ казалось, что на меня, какъ на единственнаго почти интеллигентнаго человѣка, смотрятъ подозрительно и я, для отвлеченія отъ себя подозрѣнія, показывалъ даже видъ, что пою вмѣстѣ съ толпою. Въ тотъ же день я узналъ, что погромъ евреевъ

распространился по всему городу, всюду слышны были выстрѣлы и днемъ и ночью. 20-го числа утромъ, кухарка моя, Софія Крижевская, женщина вполнѣ правдивая, возвратившись съ базара очень взволнованной, разсказала, что на ея глазахъ какой-то городовой выстрѣломъ изъ револьвера убилъ совершенно неповинно проходившаго по улицѣ студента. Въ тотъ же день докторъ Бурда, пріѣхавъ изъ слободки Романовки, говорилъ, что тамъ на улицахъ толпа, подъ предводительствомъ городовыхъ, открыто грабитъ лавки, дома и убиваетъ евреевъ; онъ самъ видѣлъ, какъ городовые шашками срѣзали молодыя деревья близъ больницы и раздавали ихъ въ видѣ дубины тѣмъ изъ толпы, у которыхъ не было оружія. И всѣ эти ужасы происходили, по словамъ Бурды, въ присутствіи войскъ, которыя сзади стрѣляли надъ головами громилъ въ окна 2 и 3 этажей еврейскихъ домовъ и квартиръ. Одинъ изъ солдатъ присланной, по просьбѣ генерала Шашалова, команды для охраны его квартиры и дома, въ моемъ присутствіи, разсказывалъ, что по инструкціи начальника войска не должны оказывать никакого противодѣйствія грабителямъ, убивающимъ и разоряющимъ евреевъ, а должны, напротивъ, преслѣдовать еврейскую самооборону, дѣйствующую противъ грабителей. Это потому, какъ пояснилъ этотъ солдатъ, что „евреевъ велѣно придушить“. Со словъ своего шурина, студента Антона Великанова, я знаю, что 19 октября на углу Нѣжинской и Торговой улицъ, въ 3 ч. дня, онъ видѣлъ, какъ хулиганы, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ городовыхъ, грабили; при видѣ двухъ подошедшихъ студентовъ, городовые бросились бѣжать за ними съ револьверами въ рукахъ. Студенты разбѣжались, а Великановъ спасся только потому, что, забѣжавъ въ слесарную мастерскую, успѣлъ сбросить студенческую шапку и взамѣнъ ея взялъ другую рабочую. Сосѣду нашему, студенту Солобинскому, товарищи его, также студенты, разсказывали, что они изъ мансарды видѣли, какъ городовые разстрѣливали во дворѣ четырехъ ихъ товарищей-студентовъ. Кромѣ изложеннаго считаю нужнымъ добавить, что я получилъ существенныя указанія отъ одного изъ моихъ кліентовъ—рабочаго, состоявшаго членомъ артели разсыльныхъ, а теперь дворника на фабрикѣ Вальтуха, на Прохоровской улицѣ,—Сѣмашко. Онъ мнѣ разсказывалъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ на Дальницкой улицѣ, близъ Прохоровской и Михайловскаго участка, съ первыхъ же моментовъ, съ 2—3 ч. дня 18 числа, стали организовываться хулиганскія банды. Тамъ стали группироваться разныя подозрительныя лица, въ числѣ коихъ были выпущенные передъ тѣмъ изъ-подъ ареста по случаю

манифеста и многіе подростки, а на другой сторонѣ улицы въ это время стоялъ помощникъ пристава Казалабъ или Касалалъ и, переодѣтый, кажется, околоточный Полтавченко. Вокругъ нихъ стояла кучка лицъ, неизвѣстныхъ Сѣмашко. Они перебрасывались словами съ хулиганскою толпою. Въ это время съ конца Дальницкой улицы сталъ приближаться еврей, несшій нѣсколько мѣшковъ съ зерномъ для пробы въ контору. По знаку со стороны группы полицейской изъ хулиганской толпы бросились 1—2 оборванца и вырвали у него мѣшочекъ. Еврей хотѣлъ отобрать мѣшокъ, но въ это время изъ толпы на него посыпались удары палками и камнями,— при общемъ смѣхѣ и полицейскихъ чиновъ и толпы хулигановъ. Избитый, а можетъ быть и убитый еврей упалъ на мостовую. Проходившія двѣ женщины стали корить городовыхъ, зачѣмъ они дозволяютъ такія безчинства, но городовые ихъ прогнали, говоря „убирайтесь, не то еще будетъ". Женщины положили еврея въ сторону. Вслѣдъ затѣмъ показалась телѣга съ кожами, на ней сидѣли одинъ или два еврея Когда телѣга приблизилась, со стороны полицейскихъ Казалабъ или Полтавченко, подмигнувъ толпѣ, сказали: „а ну-ка, покажи или дай-ка ему свободу". Въ одинъ мигъ хулиганы растащили кожи, а евреевъ избили. Нѣчто въ этомъ же родѣ повторилось и съ третьей подводой съ зерномъ, а затѣмъ уже толпа направилась по Дальницкой и Прохоровской улицамъ и начала погромъ съ истязаніями и убійствами евреевъ. Въ толпѣ громилъ видно было много переодѣтыхъ полицейскихъ чиновъ, которые явно покровительствовали толпѣ. Главный штабъ громилъ помѣстился въ трактирѣ на углу Прохоровской и Дальницкой. Здѣсь хулиганы выпивали и забавлялись тѣмъ, что набрасывались на проѣзжавшихъ евреевъ, увѣчили ихъ или убивали. Когда 20 ч. съ Большого вокзала двинулся отрядъ рабочихъ на защиту безпомощныхъ людей, тогда толпа хулигановъ бросилась въ казармы на Дальницкой улицѣ и вызвала оттуда войска, которыя разстрѣливали рабочихъ самообороны. Грабежи и убійства происходили на глазахъ патрулей, которые содержались въ полицейскихъ участкахъ и являлись на свои посты охмелѣвшими, такъ какъ въ участкахъ ихъ спаивали награбленнымъ виномъ. Сѣмашко самъ видѣлъ, какъ громадное количество разграбленнаго въ Черноморскомъ винодѣліи вина перевозили въ Михайловскій участокъ. Сѣмашко передавалъ мнѣ и многіе отдѣльные случаи звѣрствъ, грабежей и пр. По словамъ Сѣмашко, въ грабежахъ принимали дѣятельное участіе жены городовыхъ, которыя заворачивали въ простыни награбленное имущество. Сѣмашко боится давать объясненія изъ опасенія мести.

Подписалъ *Дмитрій Донашевскій.*

———

Показаніе свидѣтеля Яшниченко сенатору Кузьминскому отъ того же числа.

Павелъ Ивановичъ Яшниченко, испр. должность пристава Херсонскаго участка, а во время октябрскихъ событій былъ помощникомъ пристава этого же участка. 18-го числа съ утра я поставилъ нарядъ городовыхъ. Вскорѣ послѣ того на улицахъ появились толпы, состоявшія изъ евреевъ и студентовъ, и ко мнѣ стали поступать заявленія объ избіеніи въ разныхъ мѣстахъ городовыхъ, а черезъ нѣкоторое время значительная толпа стала приближаться къ участку. Командиръ Дунайскаго полка Приснепко и команда солдатъ не допустила дальнѣйшаго шествія толпы и остановила ее; а затѣмъ около 2 часовъ доставлено было приказаніе командующаго убрать войска съ улицъ. Тогда многіе изъ толпы стали кричать „ура“, цѣловаться съ солдатами, надѣвали имъ на штыки красныя ленты. Около того же времени большая толпа студентовъ, евреевъ и подростковъ стала заявлять требованіе объ освобожденіи полицейскихъ арестованныхъ; съ такимъ же требованіемъ явился и ректоръ университета. Было сдѣлано спошеніе съ градоначальникомъ и онъ распорядился освободить четырехъ учениковъ, задержанныхъ 14 октября за безпорядки. Городовые были сняты съ постовъ въ тотъ день около 2 час. дня по распоряженію градоначальника, послѣдовавшему потому, что около того времени одинъ городовой былъ убитъ на Преображенской улицѣ въ Александровскомъ участкѣ, а другой былъ раненъ на той же улицѣ. Въ то же время былъ избитъ въ Михайловскомъ участкѣ окол. надз. Поляпчиковъ. Нѣкоторые городовые и сами покидали посты въ виду такихъ насилій надъ ними, совершаемыхъ толпою. 19 октября появились на улицахъ толпы патріотическихъ манифестантовъ, слѣдовавшихъ съ національными флагами, иконами и портретомъ государя. По этой толпѣ изъ многихъ оконъ и балконовъ производились многочисленные одиночные выстрѣлы; былъ ли кто нибудь убитъ или раненъ этими выстрѣлами—я не знаю. Хозяинъ дома № 41 по Торговой улицѣ, Андручанъ и жилецъ этого дома Авдѣевъ мнѣ разсказывали, что толпа студентовъ, около 20 человѣкъ, ворвалась въ домъ и требовала указанія балкона, выходящаго на улицу, а затѣмъ съ этого балкона стала днемъ стрѣлять въ проходившіе патрули. Я лично такіе выстрѣлы

не слышалъ и какъ въ подобныхъ случаяхъ поступали войска и патрули—самъ не знаю; но со словъ другихъ мнѣ извѣстно, что патрули стрѣляли по тѣмъ домамъ, откуда раздавались выстрѣлы. За время этихъ событій я все время оставался въ управленіи и въ участкѣ, на улицахъ не бывалъ: не было возможности выходить изъ-за массы выстрѣловъ, постоянно раздававшихся даже у самаго управленія. О томъ, что происходило въ участкѣ, я знаю только со словъ жителей. Околоточные надзиратели днемъ оставались въ управленіи, а на ночь уходили домой; городовые и днемъ, и ночью оставались въ управленіи и только по ночамъ расхаживали по улицамъ съ патрулями, совмѣстно по 10—20 человѣкъ при каждомъ патрулѣ. Днемъ также иногда посылались патрули въ сопровожденіи городовыхъ. Патрули назначались по распоряженію пристава по соглашенію съ мѣстной военною властью, при участіи войскъ. Тогда приставомъ былъ Ольшевскій. Околоточные надзиратели и городовые не ходили переодѣтыми по улицамъ и въ толпахъ не бывали. Одинъ только городовой Мацько былъ избитъ въ то время, когда онъ въ штатскомъ платьѣ шелъ къ сыну своему на Слободку-Романовку. Приставъ Ольшевскій, также какъ и я, сидѣли всѣ дни въ управленіи и не показывались на улицахъ. 18 числа я не былъ утромъ въ толпѣ около думы; около университета мнѣ каждый день приходилось бывать. О погромѣ евреевъ раньше никакихъ разговоровъ или слуховъ не было; онъ случился какъ-то сразу, неожиданно. О томъ, что евреи вооружены, раньше было извѣстно. Полиція знала, что евреи снабжаются оружіемъ въ клиникѣ университета, куда его доставила городская управа. Объ этомъ, между прочимъ, говорили мнѣ студентъ Давидъ Феферъ (Кобелевская, 1); такъ же онъ показалъ и судебному слѣдователю 3 участка г. Одессы по дѣлу о разгромѣ лавки въ томъ же домѣ, гдѣ и онъ живетъ. Бывшій градоначальникъ не предупреждалъ чиновъ полиціи быть на-готовѣ на случай ожидаемыхъ безпорядковъ; еще съ прошлаго года было имъ обращено вниманіе на то, чтобы городовые умѣли стрѣлять и дѣйствовать шашками. Въ участкахъ городовые часто упражняются и обучаются разнымъ пріемамъ съ шашками, какъ ихъ вынимать и вкладывать въ ножны; но упражненій въ рубкѣ шашками не бываетъ. Какъ сформированы были патріотическія манифестаціи—я не знаю. Дѣятельность полиціи за время безпорядковъ, по прекращеніи и подавленіи таковыхъ, заключалась только въ посылкѣ патрулей,—никакихъ иныхъ мѣръ не принималось. Указанія патрулямъ ихъ обязанностей, какъ они должны дѣйствовать, въ какихъ случаяхъ

и противъ кого употреблять оружіе—дѣлались военнымъ начальствомъ; полицейская власть въ это не вмѣшивалась. Обязанность городовыхъ, слѣдовавшихъ съ патрулями, заключалась въ удаленіи и разсѣяніи встрѣчаемыхъ толпъ, стрѣлять приказано было только въ случаѣ вооруженнаго нападенія на патрули. Кромѣ Мацько, никто изъ чиновъ полицейскихъ за все время не былъ убитъ или раненъ. Въ участкѣ было разгромлено 47 лавокъ; убитыхъ въ общемъ было 22 человѣка,—изъ нихъ было больше евреевъ.

Подписалъ Павелъ *Яшниченко.*

Показаніе свидѣтеля Кисляковскаго сенатору Кузьминскому отъ 30 ноября 1905 г.

Евлампій Владиміровичъ Кисляковскій, помощникъ одесскаго полицеймейстера, состою въ этой должности съ 1902 года и завѣдую исключительно канцеляріею, не касаясь наружной службы. 16 октября около 8 ч. вечера бывшій полицеймейстеръ Головинъ, по распоряженію градоначальника, поручилъ мнѣ съѣздить въ управленіе Бульварнаго участка и привести въ извѣстность всѣхъ арестованныхъ въ тотъ день изъ домовъ №№ 57 и 37 по Преображенской улицѣ. Тогда, какъ говорили, стрѣляли въ войска. Эти лица были арестованы по распоряженію высшаго начальства. На меня это порученіе было возложено потому, что самъ Головинъ и его помощникъ фонъ-Генсбергъ боялись ѣздить по городу, а меня въ Одессѣ всѣ знаютъ и никто противъ меня неудовольствій не имѣлъ. Я поѣхалъ и во дворѣ Бульварнаго участка увидѣлъ толпу задержанныхъ, въ числѣ которыхъ были и малолѣтнія дѣти. Этихъ послѣднихъ я освободилъ, а всѣмъ остальнымъ составилъ списокъ; всѣхъ задержанныхъ оказалось 214 человѣкъ. Ихъ размѣстили по камерамъ въ участкѣ. Задержанные просили оградить ихъ отъ побоевъ, и я настрого приказалъ и. д. пристава Бульварнаго участка, чтобы никто не смѣлъ ихъ трогать. Въ ночь на 18 число, когда я уже спалъ дома, въ 12 часовъ меня потребовали въ управленіе полицеймейстера, гдѣ Головинъ передалъ мнѣ, что, по приказанію градоначальника, я долженъ отправиться въ еврейскую больницу, безотлагательно, и взять тамъ пять труповъ убитыхъ—трехъ евреевъ и двухъ христіанъ—для немедленнаго погребенія ихъ на кладбищѣ. Для сопровожденія мнѣ были даны двѣ роты пѣхоты, эскадронъ драгунъ, сотня казаковъ, приставъ Погреб-

ной, 3 околоточныхъ надзирателя и 10 городовыхъ; стража эта была назначена на случай сопротивленія. Я исполнилъ это порученіе и безъ всякаго противодѣйствія взялъ означенные трупы, которые въ ту же ночь были похоронены. А на другое утро, по распоряженію Нейдгарта, послѣдовавшему по ходатайству врача еврейской больницы Пурица, трупы эти были вырыты и доставлены въ университетскую клинику, такъ какъ предположено было торжественно похоронить ихъ. Торжественные похороны не состоялись, и 18 числа вечеромъ означенные трупы были снова тихо похоронены. 18 числа съ утра появились въ городѣ значительныя еврейскія толпы съ красными флагами; толпы эти пѣли революціонныя пѣсни, постоянно раздавались возгласы: „долой царя, долой самодержавіе“; я, ходилъ въ штатскомъ платьѣ по Дерибасовской улицѣ и слышалъ, какъ въ толпѣ раздавались наряду съ криками „долой царя“ и возгласы: „мы вамъ дали Бога, дадимъ и царя“. Толпа эта держала себя очень дерзко и вызывающе,—снимала съ дрожекъ проѣзжающихъ, заставляла снимать шапки. Въ то же утро, часовъ въ 10, были сняты съ постовъ городовые; объ этомъ я зналъ изъ переговоровъ по телефону Нейдгарта съ Генсбергомъ, что шла у нихъ рѣчь объ образованіи милиціи; но въ силу чего послѣдовало такое распоряженіе, я не знаю. Противъ снятія городовыхъ и народной милиціи сильно возставалъ полицеймейстеръ Головинъ; онъ говорилъ, что при дѣйствіи милиціи онъ не станетъ ни одного часа служить; и дѣйствительно, въ тотъ же день подалъ рапортъ о болѣзни, а затѣмъ и прошеніе объ увольненіи его отъ должности, а къ исправленію должности полицеймейстера по распоряженію Нейдгарта былъ допущенъ Генсбергъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ его. На слѣдующій день съ утра появилась народная патріотическая манифестація съ національными флагами, иконами и портретами государя. Эта манифестація вышла съ порта, съ Ланжероновскаго спуска. Какъ она образовалась и сформировалась—я не знаю, но утромъ я присутствовалъ въ управленіи при разговорѣ Генсберга по этому поводу съ Нейдгартомъ. Первый изъ нихъ сказалъ послѣднему: „уже идетъ русская манифестація“. Я понялъ, что рѣчь идетъ какъ о предметѣ ожидавшемся. Потомъ чиновникъ управленія полицеймейстера Андросовъ говорилъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ, какъ на соборной площади толпа еврейской обороны встрѣтила означенную манифестацію выстрѣлами, причемъ были убиты лица, несшія икону и портретъ государя. Въ это время русская манифестація шла мирно, не трогала и не

задѣвала евреевъ; толпа пѣла „Боже, царя храни“ и „Спаси, Господи, люди твоя“. Въ тотъ же день около 2 часовъ дня, на углу Почтовой и Александровскаго проспекта, въ толпу русскихъ манифестантовъ была брошена бомба со стороны Овчинниковскаго переулка; въ толпѣ было нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Въ отношеніи бывшаго градоначальника и Генсберга по вопросу еврейскаго погрома мнѣ ничего неизвѣстно; при разговорѣ ихъ я никогда не присутствовалъ,—они устраивали между собою совѣщаніе наединѣ. По поводу задержанныхъ въ Бульварномъ участкѣ была возбуждена переписка, которая и представлена въ управленіе самимъ приставомъ. Что происходило въ участкѣ, послѣ моего оттуда выѣзда, съ арестованными—я не знаю.

Подписалъ *Е. Кисляковскій*.

Показаніе свидѣтеля Чепурина сенатору Кузьминскому отъ 3 декабря 1905 года.

Владиміръ Алексѣевичъ Чепуринъ, приставъ Портового участка. Участокъ этотъ открытъ въ 1903 г. исключительно для порта на средства главнаго управленія торговаго мореплаванія. Октябрскія событія въ порту собственно ни въ чемъ не проявлялись; но къ моему участку прорѣзана Приморская улица, Военный спускъ, Таможенная площадь, Польскій и Левашевскій спуски и лѣвая сторона Барятинскаго переулка. Изъ этихъ мѣстъ на Приморской улицѣ и Польскомъ спускѣ были разграблены бѣдныя еврейскія лавочки и совершено было убійство 7 евреевъ; въ этихъ преступленіяхъ участвовали какъ босяки, пребывающіе въ районѣ порта, такъ и толпа, нахлынувшая изъ города, главнымъ образомъ, изъ Пересыпскаго участка. Войска прибыли въ Портовой участокъ только 18 октября вечеромъ, а событія начались на слѣдующій день. Войска патрулировали по городу; обстрѣливали тѣ дома, откуда раздавались выстрѣлы, противъ же громилъ никакихъ мѣръ не принималось. Въ Портовомъ участкѣ дѣйствовала и еврейская милиція-оборона, состоявшая большею частью изъ евреевъ, но эта оборона во многихъ случаяхъ нападала не только на громилъ, но и на мирныхъ христіанъ подъ вліяніемъ озлобленія, а полиціи нельзя было показаться, такъ какъ полицейскіе сейчасъ же подвергались нападенію этой обороны. Войска стрѣляли по группамъ обороны,—въ особенности въ послѣдующіе дни,

когда обнаружилось, что оборона эта не защищаетъ евреевъ отъ погрома, а сама допускаетъ нападенія на неповинныхъ русскихъ. Никто изъ полицейскихъ въ моемъ участкѣ не былъ убитъ или раненъ,—только двое были обезоружены толпою студентовъ обороны. О томъ, что городовые подвергались нападенію, было извѣстно по свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ города. Городовые были сняты съ постовъ 18 числа между 11 и 12 час. утра,—ихъ приказано было сосредоточить въ участкѣ. Въ этотъ день около 11 час. утра въ участокъ прибыла толпа евреевъ и студентовъ, человѣкъ до тысячи или полуторы тысячи, и требовала освобожденія политическихъ арестованныхъ, но такихъ у меня не оказалось. Съ 19 числа городовые ходили по городу патрулями человѣкъ по 10—12,—одни, безъ войскъ; военные патрули снаряжались военнымъ начальствомъ либо отъ полиціи. Я каждый день объѣзжалъ участокъ, наблюдалъ за порядкомъ и у меня рѣзкихъ проявленій безпорядковъ не было. Околоточные же надзиратели постоянно посылались мною въ участокъ и руководили дѣйствіемъ патрулей; они оказывали помощь также жителямъ, гдѣ въ томъ представлялась надобность. Никакихъ предвѣстниковъ еврейскаго погрома не было,—онъ начался какъ-то неожиданно. Недавно только говорилось въ городѣ о какомъ-то еврейскомъ движеніи,—чувствовалось, что евреи что-то подготовляютъ и задумываютъ. Въ народѣ все время существовало обостренное отношеніе къ евреямъ; въ рабочемъ классѣ нерѣдко приходилось слышать заявленія: „эхъ, если бы намъ дали дѣло, мы бы имъ показали“. Казалось, что малѣйшій поводъ можетъ вызвать взрывъ негодованія; а тутъ какъ разъ неожиданно появившійся манифестъ и поднялъ евреевъ. Въ средѣ городовыхъ также замѣтна была разнузданность; они отказывались нести службу, требовали прибавки жалованья, и это ихъ требованіе было исполнено; изъ какихъ-то суммъ теперь городовымъ вмѣсто 16 р. выдается 25 р. жалованья. Откуда взялась патріотическая контръ-манифестація я тоже не знаю. Сами портовые рабочіе мнѣ говорили, что московская артель, недовольная движеніемъ и демонстраціей евреевъ 18 числа, вознамѣрилась выразить протестъ и устроить патріотическое шествіе съ иконами, флагами и портретомъ государя. Эта артель работаетъ въ таможнѣ, но живетъ въ предѣлахъ Бульварнаго участка; состоитъ же человѣкъ изъ 400. Къ этой артели въ шествіи пристало, какъ водится, много босяковъ, женщинъ, дѣтей и подростковъ. Старостою этой артели состоитъ Муратовъ. Болѣе точныхъ свѣдѣній объ организаціи этой манифестаціи у меня не

имѣется. Бывшій градоначальникъ Нейдгардъ не предупреждалъ объ ожидавшемся погромѣ; онъ только говорилъ, что нужно быть готовыми, такъ какъ, по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ, евреи что-то хотятъ сдѣлать. Еще за полгода до октября Нейдгартъ приказывалъ обращать вниманіе на то, чтобы городовые умѣли стрѣлять и дѣйствовать шашками; происходили постоянныя упражненія и даже приставовъ онъ испытывалъ въ умѣньи стрѣлять изъ револьверовъ въ цѣль... Къ Рождеству даже предполагалось назначить призовую стрѣльбу для полицейскихъ чиновъ и городовыхъ. За время событій Нейдгартъ не былъ въ участкѣ, а къ себѣ онъ вызывалъ приставовъ, кажется, 21 числа. Никакихъ переговоровъ съ Бульварнымъ участкомъ во время событій относительно какихъ либо воззваній по телефону у меня не было. Но и до октябрскихъ событій и послѣ нихъ много поступало разныхъ воззваній отъ Нейдгарта, и они расклеивались по участку, а также раздавались на руки.

Подписалъ приставъ *В. Чепуринъ*.

Показаніе свидѣтеля Головина сенатору Кузьминскому отъ того же числа.

Николай Степановичъ Головинъ, бывшій и. д. одесскаго полицеймейстера. Въ дополненіе къ показанію, данному судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ, объясняю слѣдующее: причиною оставленія мною должности полицеймейстера служило несогласіе бывшаго градоначальника Нейдгарта съ нѣкоторыми моими предположеніями по службѣ, каковое несогласіе проявилось въ снятіи городовыхъ съ постовъ и въ порученіи охраны спокойствія города какой-то милиціи; я считалъ неудобнымъ оставаться начальникомъ полиціи, не имѣя въ своемъ распоряженіи низшихъ чиновъ полиціи, при дѣйствіи милиціи, мнѣ неизвѣстной и закономъ вовсе неустановленной. Распоряженіе градоначальника о снятіи городовыхъ и о допущеніи народной милиціи послѣдовало безъ всякаго предувѣдомленія меня объ этомъ; оно было для меня совершенно неожиданнымъ. Чѣмъ вызвано было означенное распоряженіе и подъ вліяніемъ чего градоначальникъ допустилъ его—мнѣ неизвѣстно. Я не вполнѣ соглашался и съ распоряженіемъ градоначальника относительно секретнаго погребенія ночью пяти труповъ, находившихся въ еврейской больницѣ, и предлагалъ градоначальнику перевезти ихъ въ часовни на кладбищахъ, гдѣ они могли быть погребены на слѣдующій день при

участіи тѣхъ лицъ, которыя въ этомъ были заинтересованы. Градоначальникъ не разрѣшилъ этого сдѣлать, вслѣдствіе чего пришлось означенные трупы, послѣ погребенія, на слѣдующее утро вырывать изъ земли и вновь перевозить въ городъ. О патріотической манифестаціи, появившейся 19 октября утромъ, заранѣе ничего не было извѣстно. О томъ, что эта манифестація организуется изъ числа русскихъ рабочихъ, раньше до меня не доходили свѣдѣнія и самъ Нейдгартъ также объ этомъ ничего мнѣ не говорилъ. Поэтому я не знаю, послѣдовала ли она съ вѣдома и одобренія градоначальника или также для него неожиданно, какъ и для меня. О томъ, что означенная манифестація слѣдуетъ изъ порта, я узналъ часовъ въ 9 утра. Городовые были сняты съ постовъ около 12 час. утра 18 числа, а относительно милиціи градоначальникъ мнѣ передалъ того же числа часовъ въ 12 ночи, когда въ думѣ состоялось уже постановленіе объ образованіи ея. Часовъ въ 9 вечера 18 октября я просилъ градоначальника возстановить посты и поставить городовыхъ вмѣстѣ съ двумя солдатами на каждый постъ, но Нейдгартъ на это не согласился, сказавъ, что имъ сдѣлано распоряженіе, чтобы по городу ходили патрули городовыхъ и военные, а черезъ три часа послѣ этого имъ было передано мнѣ относительно милиціи. Эта милиція представляла нѣчто отдѣльное отъ самообороны, которая была организована среди молодого еврейскаго населенія послѣ кишиневскаго погрома. Эта самооборона постепенно запасалась оружіемъ и у нея заранѣе были распредѣлены пункты, гдѣ отряды ея должны были собираться въ случаѣ возникновенія еврейскихъ безпорядковъ; а также заранѣе была подготовлена и система подачи помощи пострадавшимъ, организованная докторами общества подачи скорой помощи. Въ данномъ случаѣ еврейскій погромъ явился неожиданнымъ событіемъ, но въ виду того враждебнаго настроенія, которое въ послѣднее время въ обществѣ чувствовалось по отношенію къ еврейской части населенія, всегда можно было ожидать, что при малѣйшемъ поводѣ погромъ этотъ вспыхнетъ.

Подписалъ подполковникъ *Головинъ*.

Показаніе свидѣтеля Подольцева сенатору Кузьминскому отъ 7 декабря 1905 г.

Василій Михайловичъ Подольцевъ, 41 года, православный, чиновникъ особыхъ порученій при одесскомъ градоначальникѣ.

Во время октябрскихъ событій я находился въ непосредственномъ распоряженіи градоначальника или дежурилъ въ его квартирѣ, или разъѣзжалъ по Петропавловскому и Михайловскому участкамъ. О причинахъ снятія городовыхъ съ постовъ мнѣ извѣстно со словъ бывшаго градоначальника, что это было сдѣлано вслѣдствіе неоднократныхъ случаевъ нападенія на городовыхъ, а также отказа нѣкоторыхъ городовыхъ стоять на постахъ. По словамъ градоначальника, на 18 октября городовымъ было приказано лишь не показываться на улицахъ, по которымъ проходила толпа, но не покидать постовъ, а по прохожденіи толпы становиться на свои мѣста. О томъ, когда было сдѣлано распоряженіе объ окончательномъ снятіи городовыхъ съ постовъ, мнѣ неизвѣстно. При разговорѣ градоначальника съ представителями города и различныхъ организацій о снятіи городовыхъ—я не присутствовалъ и знаю это только изъ газетъ. Городовые согласились вновь стать на посты лишь по прекращеніи выстрѣловъ изъ домовъ и то лишь подъ условіемъ увеличенія содержанія до 25 рублей. Болѣе всѣхъ упорствовали городовые Бульварнаго участка, которыхъ градоначальникъ вытребовалъ къ себѣ и лично уговаривалъ начать службу. Во время этихъ объясненій одинъ городовой говорилъ, что онъ, переодѣвшись, ходилъ на митингъ въ городской думѣ и слышалъ, что тамъ сговаривались истреблять городовыхъ. Воззванія, изданныя градоначальникомъ къ населенію, составлялъ и писалъ, вѣроятно, онъ самъ. Впрочемъ, черновикъ одного, кажется, того, въ которомъ говорится о 30.000 мѣщанъ, писалъ старшій инспекторъ типографіи Плаксинъ, но былъ ли проектъ Плаксина одобренъ градоначальникомъ или онъ замѣнилъ его своимъ текстомъ—я не знаю. Среди бумагъ градоначальника мнѣ пришлось видѣть четверть листка бумаги, сложеннаго вдвое, на которомъ было написано заявленіе отъ имени 30.000 мѣщанъ. Я пробѣжалъ это письмо и, кажется, это было то самое, о которомъ упоминалось въ воззваніи градоначальника. Точно содержанія его я не помню, но подписей на немъ или совсѣмъ не было, или если и были, то весьма мало. За все время октябрскихъ событій градоначальникъ выѣзжалъ 17 октября въ соборъ и 21 октября. 17 октября я его сопровождалъ, а 21 нѣтъ, и потому не могу точно удостовѣрить его маршрута. Кромѣ того, нѣсколько разъ градоначальникъ въ теченіе этихъ дней ѣздилъ къ командующему войсками. Градоначальникъ денно и нощно получалъ свѣдѣнія о происходившемъ въ разныхъ мѣстахъ города и находилъ, что онъ долженъ быть въ одномъ мѣстѣ, чтобы всѣ

кому нужно, могли бы его во-время видѣть или испрашивать указаній. Онъ высказывалъ это неоднократно и этимъ, какъ мнѣ кажется, объясняется то, что градоначальникъ рѣдко выѣзжалъ во время октябрскихъ событій изъ своей квартиры. По его распоряженію, чиновники особыхъ порученій разъѣзжали по городу и лично докладывали обо всемъ градоначальнику. Между прочимъ, чиновникамъ особыхъ порученій было приказано градоначальникомъ наблюдать, чтобы войска хорошо довольствовались пищей. О посѣщеніи арестованныхъ при участкахъ такими чиновниками особыхъ порученій распоряженія градоначальникомъ сдѣлано не было. У каждаго изъ чиновниковъ былъ опредѣленный районъ. У меня были Михайловскій и Петропавловскій участки. Наблюденіе за арестованными во время безпорядковъ, по состоявшемуся соглашенію между градоначальникомъ и прокуроромъ суда, должно было лежать на товарищѣ прокурора. Объ этомъ я слышалъ отъ градоначальника. Не помню какого числа, къ градоначальнику пришелъ помощникъ раввина Черновицъ и просилъ помощи противъ громилъ, утверждая, что имъ помогаютъ войска. Градоначальникъ выразилъ удивленіе по этому поводу. Черновицъ взялся доставить фактическія доказательства. Въ тотъ же день или на слѣдующій день у градоначальника былъ командующій войсками съ двумя адъютантами. Въ домѣ градоначальника были созваны всѣ пристава и и. д. полицеймейстера Генсбергъ. Командующій войсками вошелъ въ залъ и въ присутствіи градоначальника, адъютантовъ и нѣсколькихъ нашихъ чиновниковъ обратился къ приставамъ съ рѣчью, приблизительно такого содержанія: „въ настоящее время положеніе таково, что мы должны называть вещи ихъ собственными именами. Нужно признаться, что всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ этому погрому. Но мы не должны переносить злобу, которую мы, можетъ быть, имѣемъ противъ евреевъ, въ нашу служебную дѣятельность. На насъ лежитъ обязанность, по долгу присяги, поддерживать порядокъ и защищать отъ погромовъ, убійствъ и пр. Между тѣмъ, до меня доходятъ свѣдѣнія, что чины полиціи не только не принимаютъ мѣръ къ прекращенію погромовъ и насилій, но и сами, переодѣваясь, принимаютъ въ нихъ участіе“. Во время этой рѣчи кто-то изъ приставовъ спросилъ: „кто это сказалъ“, на что другой приставъ сталъ говорить въ оправданіе полиціи. Въ это время послышался звонокъ телефона. Я подошелъ и изъ разговоровъ по телефону съ Черновицемъ узналъ, что онъ былъ очевидцемъ погрома въ присутствіи и подъ прикрытіемъ войскъ. О томъ же

нѣсколько разъ по телефону сообщалъ начальникъ жандармскаго управленія. Я доложилъ градоначальнику, который поручилъ мнѣ доложить командующему войсками. Генералъ Каульбарсъ, выслушавъ мой докладъ, сказалъ: „къ сожалѣнію, слишкомъ рано пришло подтвержденіе того, о чемъ носились лишь слухи". По порученію градоначальника, весь этотъ разговоръ генерала Каульбарса и послѣдующіе переговоры по телефону съ Черновицемъ и полковникомъ Кузубовымъ я записалъ въ дневникъ, который вели чиновники во время безпорядковъ. Градоначальникъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣйствовалъ всегда въ полномъ согласіи съ генераломъ Каульбарсомъ и нѣсколько разъ выражалъ, что онъ вполнѣ доволенъ дѣйствіями войскъ. Мнѣ извѣстно, что для дѣйствій войскъ была выработана, вѣроятно, по соглашенію градоначальника съ командующимъ войсками, особая инструкція. Я ее не читалъ, но, по словамъ градоначальника, послѣдній пунктъ ея гласилъ, что войска, въ случаѣ безпорядковъ, могутъ дѣйствовать самостоятельно, не ожидая распоряженій въ каждомъ такомъ случаѣ гражданской власти. Градоначальникъ неоднократно говорилъ объ этомъ пунктѣ. Дѣйствіями войскъ распоряжался генералъ Глаголевъ, при которомъ состоялъ и. д. полицеймейстера Генсбергъ. 18 октября къ квартирѣ градоначальника подошла толпа, къ которой градоначальникъ вышелъ на балконъ. Градоначальникъ поздравилъ пришедшихъ съ манифестомъ и объявилъ, что онъ распорядился объ освобожденіи всѣхъ имъ арестованныхъ. Изъ толпы послышались требованія объ освобожденіи всѣхъ, безъ исключенія, политическихъ. Градоначальникъ сказалъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ и чтобы они обратились къ прокурору судебной палаты. Толпа отвѣчала свистками. Позже подходила другая толпа съ красными флагами, на которыхъ были надписи: „одесская революція" и др., но градоначальникъ къ нимъ не вышелъ. На слѣдующій день къ дому градоначальника подошли манифестанты съ національными флагами и портретомъ государя. Градоначальникъ сошелъ внизъ. Депутаты отъ толпы поднесли икону и жаловались на то, что въ нихъ стрѣляли евреи и прострѣлили икону или портретъ и убили нѣсколько человѣкъ. Они просили градоначальника вооружить ихъ, чтобы они могли защитить русскихъ. Градоначальникъ сказалъ имъ, что оружія дать имъ онъ не можетъ и чтобы они не ходили, такъ какъ ихъ могутъ перебить. Толпа мирно ушла. О томъ, кто организовалъ эту манифестацію, было ли испрашиваемо на нее разрѣшеніе и послѣдовало ли такое разрѣшеніе—мнѣ неизвѣстно. Среди мани-

фестантовъ слышались сильныя жалобы на то, что процессіи съ красными флагами ходили безпрепятственно, а въ нихъ, русскихъ, съ иконой и портретомъ государя, стрѣляютъ и они не находятъ защиты въ русскомъ же государствѣ. Градоначальникъ посылалъ меня 18 октября, тотчасъ по полученіи телеграммы, просить архіепископа служить молебенъ во всѣхъ церквахъ, читать манифестъ и звонить для того, чтобы отвлечь населеніе съ улицъ и разъяснить манифестъ. Архіепископъ лично поѣхалъ переговорить съ градоначальникомъ и пріѣзжалъ къ нему, но какіе унихъ были разговоры—не знаю. Молебна въ тотъ день не было. 24 октября 1905 года я присутствовалъ при пріемѣ градоначальникомъ ректора университета Занчевскаго. Ранѣе этого профессоръ Занчевскій нѣсколько разъ спрашивалъ по телефону, дома ли градоначальникъ. По приказанію градоначальника, сначала данъ былъ отвѣтъ отрицательный, а затѣмъ было сообщено, что если у ректора есть дѣло, то онъ можетъ пріѣхать лично, такъ какъ по телефону градоначальникъ говорить не считаетъ удобнымъ. Ректоръ пріѣхалъ. Градоначальникъ принялъ его въ кабинетѣ стоя, и на поклонъ отвѣтилъ поклономъ, не протягивая руки. Ректоръ сталъ просить объ освобожденіи арестованныхъ студентовъ и, не дождавшись приглашенія, со словами: „позвольте мнѣ сѣсть“, сѣлъ въ то время, какъ градоначальникъ стоялъ. Градоначальникъ, со словами: „если вы сѣли, когда я стою, то сидите безъ меня“, вышелъ изъ кабинета. Этому случаю, какъ мнѣ извѣстно отъ бывшаго градоначальника, предшествовало оскорбительное отношеніе ректора съ полицеймейстеромъ Генсбергомъ, явившимся въ числѣ другихъ лицъ для производства обыска въ университетѣ. Ректоръ не подалъ ему тогда руки. Послѣ погрома, на имя прокурора судебной палаты, былъ анонимный доносъ о нахожденіи разграбленныхъ вещей у помощника начальника сыскного отдѣленія Басюро и двухъ городовыхъ. По соглашенію градоначальника Нейдгарта съ прокуроромъ суда, у Басюры былъ сдѣланъ обыскъ въ присутствіи моемъ и товарища прокурора. По обыску ничего не нашли. Когда это было доложено градоначальнику и прокурору суда, то обыскъ у городовыхъ былъ отмѣненъ и мы смотрѣли лишь, какъ они живутъ. Эта отмѣна была вызвана тѣмъ, что Басюра былъ возмущенъ производствомъ у него обыска по анонимному доносу, и можно было опасаться, что онъ будетъ агитировать въ пользу полицейской забастовки. Въ квартирахъ городовыхъ ничего обращающаго на себя вниманія не было найдено.

Подписалъ Василій Михайловичъ *Подольцевъ*.

Показаніе свидѣтеля Погребного сенатору Кузьминскому отъ 9 декабря 1905 г.

Николай Алексѣевичъ Погребной, 40 лѣтъ, православный, приставъ Михайловскаго участка. 18 октября около 10 часовъ утра, я получилъ распоряженіе изъ канцеляріи полицеймейстера о томъ, что, если будетъ идти толпа съ красными флагами, не трогать ее и не мѣшать шествію. Вскорѣ я увидѣлъ около участка эту толпу, которая пошла внизъ по Дальницкой улицѣ. Черезъ нѣкоторое время я получилъ свѣдѣнія о томъ, что манифестанты разогнаны русскими, которые были крайне раздражены требованіемъ ихъ снимать шапки. Я самъ видѣлъ бѣгущихъ обратно манифестантовъ. Погрома на этотъ разъ не было. Около часу или двухъ я получилъ распоряженіе изъ канцеляріи полицеймейстера или изъ квартиры градоначальника о снятіи съ постовъ городовыхъ. Распоряженіе это было вызвано нападеніями на городовыхъ публики. Въ моемъ участкѣ былъ такой случай съ городовымъ Довгонемъ, котораго толпа остановила и потребовала, чтобы онъ не носилъ оружія. Довгонь въ то время на посту не стоялъ, а находился при участкѣ. Нападеніе на него было произведено, когда онъ былъ посланъ мною съ порученіемъ. Оружія у Довгоня не отобрали, но, по требованію публики, онъ долженъ былъ его снять и нести въ рукахъ. Кромѣ этого, въ моемъ участкѣ былъ случай нападенія на околоточнаго надзирателя Полянчикова. По словамъ послѣдняго, онъ въ формѣ ѣхалъ домой и подвергся нападенію на углу Мѣщанской и Большой Арнаутской. Толпа его стащила съ извозчика, била его, раздѣла, заставляла его есть землю, нести красный флагъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, я прибылъ на мѣсто происшествія, но Полянчикова уже не засталъ, такъ какъ его отправили въ каретѣ скорой помощи. Это было 18 октября до 2 часовъ дня. На возвратномъ пути въ участокъ я услышалъ стрѣльбу на Прохоровской улицѣ и поѣхалъ на выстрѣлы. Стрѣляли изъ домовъ князя Горчакова, Менделевича и Валеріо. Здѣсь находилась рота Ставучанскаго полка, которая отвѣчала также выстрѣлами. Я продолжалъ ѣхать по Запорожской улицѣ, гдѣ въ меня и бывшій со мною отрядъ казаковъ съ офицеромъ также стали стрѣлять изъ домовъ. Нѣкоторыя лица выскакивали изъ-за угла Госпитальной и, выстрѣливъ нѣсколько разъ, скрывались. Казаки отвѣчали на выстрѣлы. Замѣтивъ на улицѣ одного раненаго еврея,

я отправилъ его въ больницу. Вскорѣ пришла сюда рота солдатъ, а я возвратился въ участокъ. Одинъ изъ моихъ помощниковъ, Тюринъ, былъ у дома Горчакова, а другой пришелъ съ ротою ко мнѣ на Запорожскую. Возвращаясь, на углу Прохоровской и Лѣсной, я увидѣлъ двѣ разбитыя табачныя лавочки и прогналъ грабителей. 19 октября часовъ въ 10 утра я вышелъ на уголъ Михайловской и Дальницкой улицъ и замѣтилъ, что производятъ разгромъ мельницы Бернштейна и К°. Я съ городовыми пошелъ и разогналъ грабителей. 20 октября я былъ на Головковской улицѣ съ городовыми и прогналъ грабителей отъ мыльнаго завода Ципоркиса и преслѣдовалъ громилъ въ предѣлахъ Петропавловскаго участка. Мы выстрѣлили въ одного, который не хотѣлъ бросить награбленнаго, и поранили въ ногу. Вообще я пользовался всякой свободной минутой для того, чтобы выйти изъ участка и прекращать грабежи, хотя и было приказано изъ канцеляріи полицеймейстера, по возможности, оставаться въ участкахъ для полученія приказаній и отдачи распоряженій. Городовые, во время безпорядковъ, отправлялись почти исключительно съ военными патрулями и кромѣ того посылались за приказаніями и иногда сопровождали меня. Объ участіи въ разгромѣ ввѣренныхъ мнѣ чиновъ полиціи мнѣ ничего неизвѣстно. Въ моемъ участкѣ были арестованные и въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ, доставленныхъ изъ дома № 16 по Степовой улицѣ, околоточнымъ надзирателемъ Полатовскимъ. Они были доставлены безъ меня и я видѣлъ ихъ уже въ тотъ моментъ, когда ихъ вели изъ канцеляріи подъ арестъ. Въ это время солдаты, казаки и нѣкоторые городовые (какіе—не помню) дѣйствительно давали имъ сзади тумаки. Я и офицеры останавливали бившихъ, но безъ успѣха. Полатовскій даже грозилъ солдатамъ и городовымъ револьверомъ, если они будутъ бить евреевъ, но солдаты, казаки и городовые хотѣли даже напасть на Полатовскаго и были остановлены лишь офицеромъ. Я спросилъ у Полатовскаго, за что этихъ евреевъ арестовали и, узнавъ, что они арестованы лишь потому, что жили въ томъ домѣ, изъ котораго были убиты два человѣка, объявилъ арестованнымъ, что они задержаны неправильно и предложилъ имъ уйти. Они отказались и просили оставить въ участкѣ, пока все не успокоится. Во время безпорядковъ мой участокъ нѣсколько разъ, преимущественно ночью, подвергался обстрѣлу и настолько сильному, что приходилось тушить огни.

Подписалъ Николай *Погребной*.

———

Показаніе Гавришева сенатору Кузьминскому отъ того же числа.

Логгинъ Логгиновичъ Гавришевъ, начальникъ одесскаго училища торговаго мореплаванія. Не касаясь мелкихъ случаевъ, гдѣ я былъ свидѣтелемъ разгрома лавокъ и грабежа въ присутствіи войскъ, полагаю заслуживающимъ вниманія слѣдующіе факты:

1) Находясь на улицахъ 18 октября съ 9½ час. утра, я, тщательно присматриваясь, не видалъ уже въ 9½ час. городовыхъ на постахъ ни на Пушкинской, ни на Ришельевской въ приморскихъ ихъ кварталахъ, ни на всей Дерибасовской, ни на Ланжероновской, а равно у Соборной площади. Позже, въ первомъ часу и въ четвертомъ часу на Херсонской и Княжеской, тоже не видалъ признаковъ полиціи.

2) 19 октября утромъ въ 8½ час., возвращаясь въ училище изъ гидропатическаго заведенія на углу Канатной и Еврейской, видѣлъ толпу простонародья, свернувшую съ Почтовой на Канатную по направленію къ морю. Я шелъ въ томъ же направленіи въ училище (Канатная, 8). Толпа быстро шла, оживленно толкуя о чемъ-то и размахивая руками. На углу Полицейской двое изъ нея отдѣлились и съ угрозами погнались за двумя дѣвушками-подростками и, пугнувъ ихъ, вернулись бѣгомъ къ товарищамъ. Я не имѣлъ возможности догнать толпу. Она обогнала разсыльнаго училища, шедшаго съ ней до училища, гдѣ у подъѣзда стояла кучка служителей училища. Отъ послѣднихъ и разсыльнаго я узналъ, что эта толпа шла „подымать московскую артель“, помѣщающуюся противъ училища, съ цѣлью идти вмѣстѣ „бить жидовъ“. А артель,—сказали служителя,—уже пошла для этой цѣли въ портъ.

Черезъ полчаса я отъ лицъ, наблюдавшихъ съ обрыва надъ моремъ, на концѣ Канатной, узналъ, что въ карантинной гавани собираются толпы портовыхъ рабочихъ и босяковъ, примыкая къ московской таможенной артели, вышедшей процессіею изъ воротъ двора таможенныхъ пакгаузовъ. Свѣдѣнія о составѣ этой толпы можетъ дать секретарь матросской конторы регистраціи и найма штурманъ I разряда Константинъ Дублицкій (адресъ—Карантинъ, Деволановская ул., 5) и выборный регистраціи кочегаръ Филиппъ Пуренинъ (адресъ тамъ же), отъ которыхъ я узналъ, что толпа эта взяла изъ конторы регистраціи царскіе портреты и свободныхъ матросовъ, бывшихъ въ конторѣ регистраціи.

Толпа шла съ возгласами: „да здравствуетъ царь, да здравствуетъ свобода, долой жидовъ, бить ихъ надо“. Г-нъ Дублицкій и выборные регистраціи тщетно пытались замѣнить послѣднюю фразу: „надо выборныхъ отъ матросовъ въ государственную думу“. Отъ г-на Дублицкаго знаю, что манифестація эта, со значительнымъ числомъ судовыхъ флаговъ, была около дворца командующаго войсками, гдѣ генералъ баронъ Каульбарсъ, выйдя на балконъ, просилъ толпу, чтобы все было чинно, тихо и смирно, безъ какихъ либо насилій.

Позже на думской площади раздались выстрѣлы, кричали: „жиды стрѣляютъ въ царскіе портреты“, и были побитыми и израненными евреи.

Г-нъ Дублицкій утверждаетъ, что выстрѣлы были изъ толпы самихъ же манифестантовъ и онъ видѣлъ самъ руки съ поднятыми въ воздухъ большими револьверами казеннаго образца, изъ коихъ стрѣляли, какъ говорили, въ толпѣ, „въ видѣ салюта“.

Когда училищная комиссія разслѣдовала участіе учениковъ училища въ самооборонѣ (или охранной милиціи, какъ ее тогда называли), то опрошенные люди изъ матросовъ говорили, что въ толпѣ ходили слухи, что въ ней участвовали и переодѣтые городовые.

Съ тою же толпою, прошедшей по Дерибасовской улицѣ къ собору, грабя еврейскіе магазины или, точнѣе, съ частью ея, громившею магазины на Гулевой улицѣ, имѣлъ въ 12-мъ часу дня столкновеніе, на углу Гулевой и Нѣжинской, отрядъ самообороны изъ учениковъ училища, посланный изъ университета, какъ о томъ изложено мною судебному слѣдователю одесскаго окружного суда по важнѣйшимъ дѣламъ въ отношеніи отъ 30 ноября 1905 г., за № 833.

3) Участіе учениковъ въ самооборонѣ мною подробно указано въ вышеуказанномъ отношеніи моемъ къ г-ну слѣдователю.

4) 20 октября около 3 часовъ дня меня вызвалъ по телефону бывшій градоначальникъ камергеръ Нейдгартъ и сказалъ: „по просьбѣ этого каналіи профессора Щепкина, гарантировавшаго мнѣ при такихъ условіяхъ порядокъ, я 18 октября снялъ городовыхъ съ постовъ. А „они“ выдумали какую-то милицію. И вотъ, сами видите, что изъ всего этого вышло. Теперь городовые ни за что не соглашаются стать на посты, опасаясь, что ихъ перестрѣляютъ. Такъ вотъ: выборные изъ матросской регистраціи предлагаютъ мнѣ взять къ городовымъ охрану изъ матросовъ съ пароходовъ, по 10 человѣкъ къ каждому городовому, но безъ вашего

разрѣшенія я не могу распорядиться, такъ какъ вы у нихъ начальникъ.

Я напомнилъ, что я лѣтомъ былъ предсѣдателемъ комиссіи судовладѣльцевъ по урегулированію ихъ взаимоотношеній съ командами, послѣ апрѣльской забастовки. Поэтому выборные часто прибѣгаютъ къ моимъ совѣтамъ, а начальникомъ регистраціи считается инженеръ Чеховичъ. Чувствуя недоразумѣніе, я спросилъ, сколько надо постовъ охранять и будутъ ли матросы эти вооружены.

Градоначальникъ отвѣтилъ мнѣ, что вооруженія у него нѣтъ для матросовъ; по числу же показанныхъ имъ постовъ, выходило по расчету, что для охраны городовыхъ необходимо около 3—4000 матросовъ.

Я указалъ, что не могу дать совѣта матросской регистраціи поставить безоружныхъ людей подъ ту же опасность, которой опасаются городовые, лишь вооруженіе ихъ могло бы дать импонирующую силу. При всемъ томъ, свободныхъ для этого матросовъ найдется не болѣе 200—300, и то, если не фильтровать ихъ по благонадежности для такой серьезной цѣли. Градоначальникъ спросилъ: „что же мнѣ дѣлать?“. Я отвѣтилъ, если онъ желаетъ совѣта, я выскажу: „слѣдовало бы поставить патрули по 5 человѣкъ солдатъ съ ружьями на каждомъ посту при городовыхъ, препятствуя разгрому: это возстановило бы порядокъ“. На это градоначальникъ отвѣтилъ: „мнѣ военное начальство не даетъ солдатъ для патрулей, гарнизонъ малъ, да и опасно ставить солдатъ такими малыми группами; столько развелось революціонеровъ, что они станутъ обезоруживать такіе посты. Но можетъ быть возможно матросами сохранить портъ“.

Я отвѣтилъ, что объ этомъ посовѣтуюсь съ конторой регистраціи, тѣмъ болѣе, что въ іюньскіе дни погрома порта, выборные много сдѣлали по спасенію пароходовъ.

Я тотчасъ же вызвалъ по телефону контору регистраціи, откуда выборный Пуренинъ сказалъ мнѣ, что не слыхалъ о такомъ предложеніи градоначальника со стороны конторы регистраціи. Это подтвердилось впослѣдствіи опросомъ остальныхъ выборныхъ.

Я ознакомилъ Пуренина со своимъ взглядомъ и просилъ вызвать меня по телефону по приходѣ въ контору секретаря Дублицкаго.

Черезъ четверть часа Пуренинъ вызвалъ меня и сказалъ: „по телефону изъ Портового участка дали знать, что намъ посылаютъ 20 городовыхъ, которымъ мы должны дать охрану; что дѣлать?“

Я сказалъ: „заявите, что охраны дать никакой не можете, а по охранѣ порта, сдѣлаете предложеніе вечеромъ“.

Часовъ въ 6 я говорилъ по телефону съ секретаремъ Дублицкимъ и выборнымъ Пуренинымъ и мы выработали такой планъ:

а) Регистрація беретъ на себя охрану отъ погромовъ пароходы, главнымъ образомъ, принадлежащіе евреямъ и тѣ, гдѣ спасаются еврейскія семьи.

б) Для этого на пароходахъ ставятся изъ матросовъ посты до 5 человѣкъ, вооруженные винтовками.

в) Такіе же патрули образуются для охраны пакгаузовъ и портовой территоріи, но отнюдь не вкупѣ съ городовыми, иначе въ нихъ будутъ стрѣлять, не понимая истинной цѣли этихъ патрулей.

г) Вооруженіе берданками можно получить съ пароходовъ Добровольнаго флота.

д) Патрули и посты должны имѣть явственные знаки, вродѣ перевязей на рукавахъ, и должны быть снабжены письменными разрѣшеніями за подписью градоначальника.

е) Должно быть расклеено, по крайней мѣрѣ въ порту, объявленіе отъ градоначальника, что матросамъ поручена охрана пароходовъ и пакгаузовъ.

Вечеромъ же предложеніе это было г-номъ Дублицкимъ передано по телефону градоначальнику, но никакихъ распоряженій не послѣдовало.

5) 25-го октября, въ хлопотахъ объ освобожденіи арестованнаго ученика Ризака изъ-за того, что у него при обыскѣ при отъѣздѣ по желѣзной дорогѣ домой найденъ былъ револьверъ, мнѣ пришлось говорить съ помощникомъ полицеймейстера Кисляковскимъ. Онъ очень нападалъ на охранный отрядъ учениковъ и взводилъ на нихъ небылицы. Я возразилъ, что у меня есть фактическія данныя, установленныя опросомъ свидѣтелей, рисующія, иную картину. Кисляковскій въ раздраженіи сказалъ: „а я самъ видѣлъ, когда 19 октября ходилъ въ толпѣ переодѣтымъ“.

Переходя къ фактамъ, изложеннымъ г. Нейдгартомъ въ его официальномъ сообщеніи, напечатанномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, я считаю долгомъ указать на извращеніе фактовъ въ этомъ сообщеніи.

I) Относительно избіенія полиціей учащихся у гимназіи Березиной 14 октября.

Фактически невѣрно, что въ толпѣ учащихся были красные флаги. Я видѣлъ толпу первый разъ при началѣ обхода ею учебныхъ заведеній около 9 час., вторично въ 12-мъ часу и въ третій разъ въ началѣ 2-го часа съ балкона училища обозрѣвалъ всю толпу молодежи, запрудившую весь кварталъ.

Кромѣ учащихся никого не было, не было предводительства „агитаторовъ“, какъ пишетъ г. Нейдгартъ. Было нѣсколько человѣкъ самыхъ молодыхъ студентовъ. Толпа была очень весело настроена, ажитирована въ высшей степени. Но никакихъ возгласовъ, криковъ, пѣсенъ не было, кромѣ „ура“ при присоединеніи учениковъ. То же наблюдалъ наставникъ училища С. В. Придатко, прошедшій съ толпою отъ училища до гимназіи Березиной.

Абсолютно не было „красныхъ флаговъ“, какъ это утверждаетъ г. Нейдгартъ. Изъ показаній учениковъ, преподавателя С. В. Придатко, а на другой день изъ показаній г. Вальтуха, живущаго на Капатной около гимназіи Березиной, я твердо устанавливаю, что со стороны полиціи не было предупрежденія учащимся разойтись, не было безусловно камней, брошенныхъ изъ толпы въ полицію, какъ утверждаетъ то г. Нейдгартъ. Безусловно неожиданно, изъ-за угла, сзади, набросились городовые и стали бить учащихся шашками.

Я собралъ въ тотъ же вечеръ 14 октября экстренное засѣданіе педагогическаго комитета училища, въ протоколѣ котораго изложено слѣдующее:

„Начальникъ училища доложилъ, что исключительной цѣлью настоящаго экстреннаго засѣданія является всѣмъ уже несомнѣнно-извѣстный, ужасный фактъ избіенія учащихся полиціей. По этому дѣлу начальникъ училища доложилъ:

„Утромъ около 9 часовъ начальникъ училища лично видѣлъ, какъ толпа учениковъ гимназіи Березиной направлялась къ 4 гимназіи, но, встрѣченная на улицѣ полицейскимъ чиномъ съ городовыми, начавшими свистать, разбѣжалась.

Въ 11-мъ часу ему дали знать по телефону изъ женской гимназіи Видинской, что тамъ занятія прекращены подъ угрозой толпы учащихся. Поѣхавъ за дочерью, онъ узналъ у начальницы, что толпа учениковъ и учениць подошла къ гимназіи и что начальница, вслѣдствіе угрозъ, вынуждена была распустить ученицъ. Учащіеся требовали отпуска ученицъ на митингъ въ университетъ въ 4 часа дня.

Вернувшись домой, начальникъ училища справился по телефону у ректора университета, который сказалъ, что студенты предупредили его о томъ, что въ 4 часа будетъ митингъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, и они гарантируютъ порядокъ, если не будетъ вмѣшательства полиціи.

Какъ и по поводу бывшихъ до сего митинговъ, ректоръ университета и въ этомъ случаѣ обратился къ градоначальнику, ко-

торый заявилъ, по примѣру прежнихъ случаевъ, что вмѣшательства полиціи не будетъ.

Какъ уже извѣстно теперь, митингъ при такихъ условіяхъ начался въ 4 часа дня.

Въ 1-мъ часу дня начальнику училища стало извѣстно, что масса учащихся явилась передъ 4 гимназіею съ той же цѣлью, выломала парадныя двери, которыя не были, по ихъ требованію, открыты, и била стекла, послѣ чего ученики 4 гимназіи были отпущены.

При такихъ условіяхъ, въ началѣ 2-го часа, въ перерывъ между классными занятіями и работами въ мастерскихъ, начальникъ училища увидалъ изъ окна оживленную толпу учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, подходящую къ училищу, а во главѣ ихъ—цѣпь изъ студентовъ и учениковъ старшихъ классовъ.

Толпа запруживала весь кварталъ, и кромѣ оживленія отъ разговоровъ, никакихъ выкриковъ противоправительственныхъ—въ толпѣ не было слышно. Полиціи нигдѣ не было видно.

Спѣшно сбѣжавъ въ вестибюль, начальникъ училища приказалъ открыть парадную дверь, которую швейцаръ только что заперъ и которую трясли снаружи, не прерывая звонковъ.

Вошло нѣсколько человѣкъ молодежи, и на вопросъ: „что имъ угодно“, отвѣтили: „мы пришли за вашими учениками, чтобы взять ихъ на общій митингъ въ университетъ“. Начальникъ училища отвѣтилъ, что онъ отпускаетъ учениковъ и они сейчасъ же выйдутъ. Тогда часть молодежи вышла къ толпѣ съ возгласами: „товарищи, будьте покойны, ученики сейчасъ выйдутъ; смотрите, чтобы никто не расходился“. Находившейся группѣ учениковъ училища въ вестибюлѣ начальникъ училища сказалъ одѣваться и выходить. Остальные ученики почему-то замѣшкались, и тогда часть молодежи вошла внутрь училища и стала разыскивать учениковъ. И толпа, и эти вошедшіе въ училище,—держали себя прилично, хотя и были явно возбуждены, но торопили всѣхъ, чтобы успѣть до окончанія занятій дойти и до 3 гимназіи, зайдя раньше въ гимназію Березиной.

Нѣкоторые наши ученики, подходя къ начальнику училища, говорили, что не знаютъ—идти ли имъ и зачѣмъ. Всѣмъ имъ начальникъ училища говорилъ, что волей-неволей приходится идти, и онъ спокойно ихъ отпускаетъ, ибо они будутъ вполнѣ корректны.

Вошедшихъ учениковъ толпа молодежи привѣтствовала криками „ура“.

Вслѣдъ за толпой вышелъ наставникъ механическаго отдѣленія С. В. Придатко, бывшій при выпускѣ учениковъ. Идя за толпой въ женскую гимназію Березиной, С. В. Придатко присутствовалъ при избіеніи и доложилъ лично о немъ.

Чрезъ минутъ 20—30 стали возвращаться въ училище группы учениковъ и, взволнованные, разсказывали, какъ неожиданно на учащихся напали безъ всякаго рѣшительно предупрежденія сперва сзади, затѣмъ спереди городовые съ околоточными надзирателями и стали избивать ихъ обнаженными шашками плашмя.

Ученики сказали, что были раненые въ кровь и даже настолько, что ихъ приносили въ гимназію Березиной на рукахъ.

Узнавъ то же отъ возратившагося вскорѣ наставника механическаго отдѣленія, начальникъ училища приказалъ собрать немедленно настоящее экстренное засѣданіе педагогическаго комитета, а ученикамъ прійти въ это же время въ училище для опроса ихъ педагогическимъ комитетомъ.

Наставникъ механическаго отдѣленія С. В. Придатко доложилъ, что онъ вышелъ изъ училища вслѣдъ за учениками и отправился въ гимназію Березиной. Толпа учащихся запрудила всю улицу. На углу Канатной и Греческой улицъ стоялъ нарядъ городовыхъ (5—6 человѣкъ) съ околоточнымъ надзирателемъ, который не предъявлялъ къ учащимся никакихъ требованій. Учащіеся шли совершенно спокойно. Подойдя къ гимназіи Березиной, руководители учащихся потребовали прекращенія занятій и отпуска съ ними учениць. Имъ заявили, что занятія прекращены и часть учениць уже разошлась, а остающаяся часть одѣвается.

Изъ гимназіи Березиной вышло нѣсколько учениць въ сопровожденіи родителей, а также группа одѣвшихся учениць. Въ толпѣ объявляли о необходимости немедленно направиться въ 3 гимназію, такъ какъ уже половина второго, а въ 4 часа митингъ. Вдругъ съ Троицкой улицы, изъ-за угла, выбѣжало около 10 городовыхъ съ обнаженными шашками и 3 околоточныхъ надзирателя съ револьверами въ рукахъ и, безъ всякаго предупрежденія, набросились на учащихся и начали бить какъ попало. Наставникъ С. В. Придатко былъ смятъ толпой, споткнулся и упалъ, причемъ ушибъ колѣни. Освободившись и поднявшись, онъ видѣлъ, какъ дѣти бѣжали, падали, какъ ихъ топтали другіе; полицейскіе же догоняли и избивали. Кварталъ быстро опустѣлъ и весь былъ усѣянъ книгами, фуражками, шляпками, калошами и одеждой. Съ Успенской улицы оказалось, что дѣтей встрѣтили другіе городовые и тоже приняли участіе въ избіеніи.

Войдя въ гимназію Березиной, С. В. Придатко видѣлъ много учащихся различныхъ учебныхъ заведеній, которые были очень напуганы и не знали, что предпринять. Ученицы гимназіи многія плакали, не зная, что ихъ ожидаетъ послѣ видѣннаго ими на улицѣ.

Въ гимназіи въ вестибюлѣ на полу лежалъ тяжело раненый студентъ, кромѣ того были двѣ дѣвушки и какой-то человѣкъ съ окровавленными лицами.

Послѣ этого педагогическій комитетъ постановилъ опросить учениковъ училища, какъ потерпѣвшихъ, такъ и очевидцевъ, съ каковой цѣлью они были сейчасъ же приглашены въ засѣданіе комитета.

Они показали:

1) что цѣлью руководителей толпы учащихся было созвать учащихся среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на митингъ въ университетѣ;

2) что толпа учащихся встрѣчала полицейскихъ, между прочимъ, на углу Греческой и Канатной улицъ (въ числѣ 5—6 человѣкъ съ околоточнымъ), но полиція не предъявляла рѣшительно никакихъ требованій;

3) что толпа учащихся двигалась совершенно спокойно, по Канатной улицѣ;

4) что полиція (около десятка городовыхъ и трехъ околоточныхъ) неожиданно изъ-за угла бросилась съ обнаженными шашками на учащихся сзади, а потомъ и спереди (другая группа городовыхъ), избивая ихъ;

5) что учащіеся, при видѣ разсвирѣпѣвшихъ полицейскихъ, напавшихъ съ двухъ сторонъ, въ ужасѣ бросились во дворы, въ магазины и въ гимназію Березиной, но дворники спѣшили закрыть ворота, а въ магазины не пускали;

6) что полиція рѣшительно никакихъ предварительныхъ требованій къ учащимся не предъявляла;

7) что большинство учениковъ нашего училища получили удары шашками (причемъ одинъ въ високъ, одинъ по головѣ такъ, что мѣсто удара распухло), остальные были смяты толпой. Въ толпѣ были учащіеся низшихъ классовъ — малолѣтніе, которые тоже были смяты. Были опасно раненые, вслѣдствіе чего вызывалась карета скорой медицинской помощи;

8) предъ гимназіей Березиной улица вся была усѣяна книгами, калошами, фуражками, шляпками и одеждой.

Обсудивъ послѣ ухода учениковъ настоящій вопросъ, педагогическій комитетъ единогласно постановилъ:

1) прекратить занятія въ училищѣ до успокоенія учащихся;
2) представить ходатайство главноуправляющему торговымъ мореплаваніемъ и портами о защитѣ учащихся отъ произвола полиціи;
3) уполномочить начальника училища и наставника механическаго отдѣленія довести сейчасъ же объ изложенномъ личнымъ докладомъ до свѣдѣнія городской думы, въ настоящій моментъ обсуждавшей спеціально тотъ же вопросъ, и поручить упомянутымъ лицамъ присоединить къ протесту городской думы противъ дѣйствій полиціи протестъ педагогическаго комитета.

Необходимо обратить вниманіе, что въ 4 часа назначенъ былъ митингъ учащихся въ университетѣ, что гимназія Березиной была послѣднимъ пунктомъ для толпы молодежи въ концѣ 2-го часа. Они предполагали, правда, идти къ 3 гимназіи, но это было уже поздно—учащіеся тамъ уже должны были разойтись по домамъ.

Такимъ образомъ отъ гимназіи Березиной толпа *разсѣялась бы сама собой*, ибо до митинга оставалось еще 2 часа.

Очевидно, полиція боялась упустить моментъ для необходимаго, по ея мнѣнію, воздѣйствія на собранныхъ отовсюду учащихся: „чтобы впередъ не повадно было собираться въ толпу“.

II) Точно также, долгомъ считаю опровергнуть ту часть изложенія г. Нейдгарта, гдѣ указывается, что полиція покинула посты послѣ нападенія на городовыхъ со стороны вооруженныхъ шаекъ революціонеровъ. Какъ я показалъ въ началѣ изложенія, уже въ $9^1/_2$ часовъ утра, 18 октября, въ центральныхъ частяхъ города не было городовыхъ на постахъ.

За весь день 18 октября не было слышно ни о какихъ выстрѣлахъ и нападеніяхъ, и лишь къ вечеру стало слышно о погромѣ на Дальницкой улицѣ и о выстрѣлахъ, но одновременно какъ со стороны громилъ (по преимуществу), такъ и со стороны самообороны.

III) Равнымъ образомъ невѣрно показаніе г. Нейдгарта, что стрѣльба въ патріотическія манифестаціи со стороны революціонеровъ озлобила народъ, неудержимо бросившійся на еврейскія лавки.

Я показалъ уже, что утромъ въ $8^1/_2$ час. 19 октября, еще до патріотическихъ манифестацій, шли люди съ прямою задачею: „бить жидовъ“. А показанія, добытыя комиссіею по разслѣдованію участія учениковъ въ милиціи (мое отношеніе къ слѣдователю 30 минувшаго ноября за № 833), даютъ факты, что съ началомъ патріотической манифестаціи изъ порта совпало и начало погрома изъ той же толпы.

IV) Г. Нейдгартъ показываетъ, что 20 и 21 „войска безустанно боролись и бѣгали по улицамъ, но громилы продолжали разбѣгаться за углы". Мы всѣ видѣли, что войска вообще пассивно относились въ эти дни къ прекращенію погромовъ. Самъ я видѣлъ это въ трехъ мѣстахъ, а мой родственникъ, присяжный повѣренный Н. Н. Вусковичъ (Княжеская, 2), не разъ мнѣ передавалъ по телефону 20 октября, что изъ Херсонскаго участка на его глазахъ (квартира угловая—видны двѣ улицы) выходили процессіи съ флагами, съ царскими портретами и иконами въ сопровожденіи городовыхъ, и въ присутствіи послѣднихъ начинался рядомъ съ участкомъ погромъ лавочекъ. И это не одинъ разъ. Войска же безучастно проходили мимо или стояли вблизи.

Лично я, имѣя обширное знакомство, ни отъ кого не слышалъ о противодѣйствіи войскъ погромамъ 19, 20 и 21 октября, а лишь объ отдѣльныхъ попыткахъ и прямо подвигахъ единичныхъ лицъ изъ военнаго сословія, препятствовавшихъ мѣстами, къ сожалѣнію, мало гдѣ, погрому въ ограниченномъ районѣ.

Излагая общее впечатлѣніе свое о дняхъ 18—22 октября, укажу, что хотя я не имѣю прямыхъ фактовъ „организаціи» погромовъ, но, какъ все изложенное мною выше, такъ и впечатлѣніе, полученное въ тѣ же дни 19—22 октября изъ бесѣдъ съ лицами, находившимися въ разныхъ районахъ города, какъ лично, такъ и по телефону, я отмѣчалъ совершенно однородную, какъ бы планомѣрную картину, сопровождающую погромы вездѣ, съ очень малыми особенностями въ примѣненіи къ мѣстности. Въ то же время въ одинъ голосъ отовсюду слышалось объ участіи въ толпѣ громилъ переодѣтой полиціи, о безпрепятственныхъ погромахъ въ присутствіи отрядовъ городовыхъ, стрѣлявшихъ по тѣмъ, кто препятствовалъ громиламъ или стрѣлялъ въ нихъ, о вполнѣ пассивномъ отношеніи войскъ къ погромамъ и крайне активномъ разстрѣлѣ домовъ по однимъ лишь слухамъ о произведенномъ „изъ этого дома однимъ выстрѣлѣ".

Насколько послѣднее безпочвенно, я сужу по себѣ. Всѣ три дня—19, 20 и 21 октября, служащіе въ училищѣ мнѣ докладывали, что кругомъ говорятъ: „опять стрѣляютъ изъ училища", что команда пограничной стражи, расположенная наискось отъ училища, грозитъ разстрѣлять училище при слѣдующемъ выстрѣлѣ, а между тѣмъ я еще около 2-хъ часовъ дня 19-го октября лично заперъ всѣ помѣщенія училища, выходящія на улицу, и ключи хранилъ у себя, послѣ того, какъ сказали, что съ башни училища стрѣляютъ, неправдоподобность чего мною была тогда же выяснена.

18 октября, въ день объявленія манифеста, я былъ на улицахъ центральной части города съ 9½ часовъ утра до 4 часовъ и затѣмъ вечеромъ отъ 7 до 9 часовъ.

Я наблюдалъ только крайне радостное настроеніе толпы, въ высшей степени миролюбивое. Послѣднее проявлялось въ очень разнообразныхъ фактахъ: всѣ какъ бы стремились легко вздохнуть и пойти на примиреніе съ кѣмъ угодно. Я видѣлъ утромъ двухъ городовыхъ, шедшихъ съ разносными книгами; они шли передо мною квартала два. Никакихъ угрозъ и нелестныхъ эпитетовъ не слышно было по ихъ адресу, а нѣсколько разъ громко обращенныя къ нимъ слова, по смыслу: „теперь въ мирѣ съ вами будемъ жить“.

Вечеромъ въ кучкѣ людей на углу я слышалъ, какъ старикъ-еврей говорилъ, что слѣдуетъ войти въ положеніе полиціи, о тяжеломъ положеніи околоточныхъ и городовыхъ, заставляющемъ ихъ брать взятки, и какъ теперь трудно будетъ имъ, если требованія къ нимъ начальства и условія ихъ содержанія останутся прежнія.

Около 10 часовъ утра 18 октября на Соборной площади я видѣлъ верхового казака—одиночку, осторожно пробивавшагося въ толпѣ. Я долго слѣдилъ за нимъ и не слышалъ и не видѣлъ никакихъ выходокъ противъ него изъ толпы.

Около 2-хъ часовъ я видѣлъ на Херсонской взводъ солдатъ. Въ перемежку съ ними шли, обнявшись, крича „ура“ и „да здравствуетъ свобода“, студенты и люди въ штатскомъ. Они нацѣпили имъ на штыки красныя ленточки, обрывки красной матеріи. Все это производило видъ „братанія“. Съ 11 часовъ я видѣлъ процессіи съ красными флагами или, вѣрнѣе, обрывками красной матеріи на палкахъ. Много народа было съ красными петлицами.

Для меня лично все, что я вынесъ изъ впда и возгласовъ этихъ манифестацій—это исключительное празднованіе ими свободы и безчисленныя депутаціи съ ходатайствами объ освобожденіи изъ участковъ заключенныхъ за участіе въ политическомъ движеніи. Это мое общее впечатлѣніе отъ всѣхъ такихъ процессій въ ихъ массѣ.

Но были и единичные эксцессы—по моему впечатлѣнію, единичные и безъ реагированія на нихъ толпы въ духѣ этихъ эксцессовъ.

Я былъ на Думской площади; какой-то человѣкъ, плохо одѣтый, надрываясь до хрипоты, убѣждалъ толпу не вѣрить и не

довольствоваться тѣмъ, что дано манифестомъ; онъ ссылался, въ подтвержденіе, что за границею, даже при республиканскихъ формахъ правленія, остается бюрократическій строй, остается эксплоатація труда капиталомъ и страшная нищета и т. д. Говорилъ также другой и третій. То же и на Соборной площади—позже. Толпа аплодировала всякому, но толпа не реагировала на эти рѣчи такъ, чтобы у меня явилось опасеніе за послѣдствія со стороны толпы въ смыслѣ какихъ либо насилій ея надъ кѣмъ либо или надъ чѣмъ либо, какихъ либо своеволій и дѣйствій противъ установленнаго строя.

Это было проявленіе „свободы слова“ и толпа, по моему мнѣнію, такъ и понимала рѣчи.

Это я вынесъ, какъ твердое убѣжденіе по репликамъ отдѣльныхъ лицъ во всѣхъ такихъ случаяхъ, гдѣ нѣкоторые возмущались содержаніемъ рѣчей, а другіе ихъ успокаивали, указывая на дарованное каждому право высказывать свои убѣжденія, изъ чего ничего худого не можетъ выйти.

Я видѣлъ на Думской площади, какъ человѣкъ, взобравшись наверхъ, ломалъ слова газовой иллюминаціи „Боже царя храни“. И опять со стороны толпы не было никакого проявленія восторга и сочувствія этому дѣйствію, никакихъ одобряющихъ возгласовъ толпы.

Болѣе того. Какой-то студентъ, видимо тоже изъ ораторовъ, тщетно, пытался все время взобраться туда же,—я думалъ для той же цѣли ломать надпись.

Но когда ломавшій надпись спустился и, усѣвшись надъ изображеніемъ изъ газовыхъ трубъ государственнаго герба, сталъ ломать корону надъ нимъ, тотъ же студентъ долго дергалъ его за ноги; потомъ ему *помогли* взобраться выше, рядомъ съ ломавшимъ корону и послѣ взаимной бесѣды, оба спустились внизъ, а корона эта осталась цѣла. Я ее видѣлъ цѣлой и послѣ безпорядковъ.

Вечеромъ 18 октября на улицахъ я видѣлъ, какъ студенты подходили къ кучкамъ толкующихъ людей, *упрашивая* ихъ разойтись по домамъ, чтобы чего не вышло худого, такъ такъ на окрайнахъ уже погромъ.

Утромъ 19 октября около 11 часовъ стали приходить по телефону вѣсти: громятъ на Еврейской, громятъ на Ремеслепной, громятъ на Гулевой и т. д. Это уже въ центрѣ города. Къ вечеру положеніе стало въ этомъ отношеніи прямо невыносимо.

20 октября еще хуже. 21 октября настроеніе такое тяжелое,

что люди, стоявшіе въ сторонѣ отъ освободительнаго движенія и полной конституціи, какъ вѣнцѣ ея, мнѣ говорили: „Нѣтъ, довольно и одного объявленнаго манифеста. Если конституція требуетъ такихъ ужасовъ—я отъ всего отказываюсь...“

Все время утѣшали другъ друга, что командующій войсками принимаетъ мѣры къ прекращенію погромовъ, даетъ „на завтра“ распоряженіе войскамъ стрѣлять въ погромщиковъ. Но никто не упоминалъ о томъ, что полиція или градоначальникъ Нейдгартъ принимаютъ или обѣщаютъ принять мѣры противъ погрома. Въ сторону этихъ лицъ наши взоры и надежды не обращались.

Отъ простого народа, отъ кухарокъ, отъ служителей мы слышали, что къ 22 октября все успокоится, что „дано разрѣшеніе на три дня“. Это мы слышали уже 20 числа утромъ. Даже выводили, что 21 съ полдня все успокоится, ибо начало было 18 октября на окраинахъ и трехдневный срокъ къ полудню истекаетъ.

Но тщетны были наши надежды; появлялись на столбахъ разныя объявленія: они просили не скопляться въ толпу, предупреждали о стрѣльбѣ въ толпу при одномъ брошенномъ изъ нея камнѣ, что нѣтъ законной милиціи и т. п. Все было то, что только подтверждало ужасы, но не указывало мѣръ администраціи противъ громилъ.

Лишь появившееся утромъ 22 октября, расклеенное по городу, объявленіе командующаго войсками, несмотря на форму его, успокоило насъ, дало первую увѣренность, что администрація объявила о своемъ намѣреніи прекратить погромъ. Я указываю на неудовлетворительность формы, потому что и здѣсь доминирующимъ пунктомъ, кажется, даже крупнѣе отпечатаннымъ, было обѣщаніе стрѣлять по самооборонѣ, о которой мы все-таки получили понятіе, что она, хотя и своевольно, противодѣйствуетъ погрому.

Лишь на второмъ планѣ объявленія стояло, что войска будутъ стрѣлять и по громиламъ.

Подписалъ начальникъ Одесскаго училища торговаго мореплаванія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Л. Гавришевъ*.

Показаніе фонъ-Гесберга сенатору Кузьминскому отъ 10 декабря 1905 г.

И. д. Одесскаго полицеймейстера, Александръ Дмитріевичъ фонъ-Гесбергъ, подполковникъ отдѣла корпуса жандармовъ. Учащаяся молодежь, въ большинствѣ студенты, воспользовав-

шись въ послѣднее время нѣкоторыми льготами, стала проявлять усиленное движеніе въ организаціи сходокъ, съ участіемъ постороннихъ лицъ. Сходки эти устраивались въ помѣщеніи медицинскаго факультета новороссійскаго университета. Устраивались они съ вѣдома университетскаго начальства и состоялось ихъ нѣсколько. Главнымъ предметомъ сужденія каждой сходки было измѣненіе существующаго „строя“ и необходимыхъ къ достиженію этого мѣрахъ. На одну изъ послѣднихъ предъ октябрскими событіями сходокъ собралось болѣе 10 тысячъ посторонней публики, которой устроителями сходокъ говорились рѣчи революціоннаго направленія, раздавались прокламаціи, призывающія къ вооруженному возстанію, и собирались среди присутствовавшихъ пожертвованія на вооруженіе борцовъ за свободу. Согласно постановленію 14 октября, назначена была на 15 число въ 9 час. утра общая сходка. Къ этому времени въ главное зданіе университета на улицѣ Витте стали собираться студенты, ученики разныхъ учебныхъ заведеній, въ возрастѣ отъ 13 лѣтъ, лица неопредѣленныхъ профессій, рабочіе и вообще уличныя толпы, причемъ преобладающимъ элементомъ являлись евреи. Чрезъ непродолжительное время, выходя небольшими группами, направлялись къ зданію медицинскаго факультета на Ольгіевской улицѣ, куда часовъ въ 11 утра прибыли желѣзнодорожные служащіе, телеграфисты и многія другія неизвѣстныя лица, числомъ до 7 тысячъ. У входа въ аудиторіи и въ вестибюлѣ зданія стояли какія-то женщины съ студенческими, въ протянутыхъ рукахъ, фуражками и съ записками, приколотыми къ груди „пожертвуйте на вооруженіе рабочихъ“; проходившая публика бросала въ шапки деньги. На сходкѣ этой была выработана программа дѣйствій въ предстоящей 17 октября всеобщей забастовкѣ рабочихъ; при этомъ рѣшено было, чтобы во время уличныхъ демонстрацій находились впереди забастовщиковъ дѣти — уличные мальчишки и дѣвочки, а затѣмъ воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній; этимъ рѣшеніемъ они имѣли цѣлью лишить возможности полицію, при встрѣчѣ съ нею, принять репрессивныя мѣры противъ толпы, при видѣ впереди нея безотвѣтный элементъ демонстрантовъ; при этомъ каждый изъ нихъ долженъ былъ быть вооруженъ для самозащиты. Всѣ произнесенныя рѣчи вызывали одобреніе слушателей и покрывались громкими аплодисментами и криками: „долой самодержавіе“. По окончаніи сходки публика разошлась въ 9 час. вечера по разнымъ направленіямъ, подъ наблюденіемъ полицейскаго наряда, не дававшаго имъ возможности группироваться.

14 октября, въ 8 час. утра, ученики коммерческихъ училищъ „Файга“ и „Императора Николая I“, прекратившіе занятія въ училищахъ еще 13 октября, небольшими группами подошли къ зданію университета медицинскаго факультета и вошли въ аудиторію, гдѣ ихъ ожидали уже студенты. Тамъ состоялась сходка, продолжавшаяся около часа, на которой рѣшено было, въ виду подготовленности почвы, привлечь къ общей забастовкѣ всѣ учебныя заведенія города. Выйдя толпой изъ аудиторіи, они приблизились къ находящейся вблизи электротехнической школѣ Соколовскаго, пытаясь вызвать учениковъ ея, но были разсѣяны находившимся тамъ же полицейскимъ нарядомъ. Послѣ этого, сгруппировавшись вновь и руководимая студентами, толпа, переходя отъ одного учебнаго заведенія къ другому, вызывала учащихся и присоединяла къ себѣ. Появившись у Ришельевской гимназіи толпа пыталась силой проникнуть во внутрь ея и прекратить тамъ занятія, но въ этомъ имъ воспрепятствовали полицейскій нарядъ и конные жандармы, чѣмъ толпа возмутилась и, удаляясь вразсыпную, выбила окна въ нижнемъ этажѣ зданія гимназіи и бросала камнями и палками въ полицейскій нарядъ, а одинъ студентъ нанесъ палкой ударъ по головѣ конному стражнику Поликовскому; такой же ударъ кѣмъ-то изъ толпы нанесенъ былъ городовому Лавренюку и бывшему тогда помощникомъ—нынѣ исправляющему должность пристава Херсонскаго участка Яшниченко одинъ изъ студентовъ грозилъ нанести ударъ палкой, но былъ во-время имъ остановленъ. Толпа эта, будучи разсѣяна, отправилась небольшими группами вновь въ университетъ на сходку. Въ 10 час. утра того же 14 октября толпа файгистовъ, свыше 100 человѣкъ, появилась у женской гимназіи Соколовой, по Гоголевской улицѣ, д. № 17, съ требованіями прекратить занятія, но была удалена полицейскимъ нарядомъ; вслѣдъ затѣмъ появилась толпа учащейся молодежи, человѣкъ въ 150, около 4-ой мужской гимназіи съ тѣми же требованіями, но и здѣсь была нарядомъ полиціи разсѣяна. Часовъ въ 12, къ вышедшимъ изъ этой гимназіи нѣкоторымъ ученикамъ 6, 7 и 8 классовъ стали подходить и группироваться молодые евреи, которые на предложеніе околоточнаго надзирателя Вознева разойтись—кричали: „уйди, пока не разбитъ; бей его“. Въ это время изъ Дерибасовской улицы появилась толпа людей до 500 чел. и, забравъ съ собою всѣхъ учениковъ 4 гимназіи, направилась къ училищу торговаго мореплаванія, причемъ студенты-евреи разбили въ гимназіи 6 стеколъ. Забравъ учениковъ этого училища, толпа направилась къ чайной развѣсочной

Высоцкаго съ цѣлью вызвать забастовку рабочихъ. Прибывшему наряду полиціи удалось разсѣять толпу, которая оказывала сопротивленіе, швыряла въ полицію камнями и причинила ушибы городовымъ Соболеву, Дымченко, Василаки и Зоржицкому. Въ 12½ час. дня вновь собравшаяся толпа студентовъ и учащихся, числомъ до 300 человѣкъ, подошла къ казенному реальному училищу, потребовавъ прекращенія занятій, что и было исполнено. Вслѣдствіе такихъ насильственныхъ дѣйствій со стороны толпы, къ 2 ч. дня прекратили занятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ въ нѣкоторыхъ занятія прекращены были самимъ учебнымъ начальствомъ, во избѣжаніе насилія со стороны толпы. Такими дѣйствіями толпы забастовавшихъ учениковъ нарушили порядокъ на улицахъ и вслѣдствіе этого г. градоначальникъ въ 12 ч. дня просилъ командующаго войсками, согласно сдѣланному наставленію, вызвать нарядъ войскъ. Къ 2 часамъ войска начали занимать свои районы и къ этому же времени порядокъ въ городѣ былъ возстановленъ, почему войска, по докладу градоначальникомъ командующему войсками, были отпущены около 5 ч. вечера. Большинство учащейся молодежи старшихъ классовъ приняли участіе на сходкѣ въ университетѣ 15 октября. Утромъ 15 октября начали бастовать провизора и служащіе аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ, вслѣдствіе чего къ вечеру аптеки прекратили выдавать лекарства. Того же числа днемъ состоялось экстренное засѣданіе директоровъ частныхъ банковъ, на которомъ было рѣшено закрыть для всякихъ денежныхъ операцій банки и банкирскія конторы. 15 октября уличный порядокъ нарушенъ не былъ; забастовали рабочіе и служащіе типографій газетъ „Одесскія Новости“ и „Одесскій Листокъ“, рабочіе на табачной фабрикѣ Асвадурова и чайной развѣсочной Высоцкаго. Въ зданіи городской управы, во время экстреннаго засѣданія гласныхъ, въ первой комнатѣ при кабинетѣ городского головы, студентъ и три дамы производили отъ гласныхъ и профессоровъ, проходившихъ чрезъ эту комнату, сборъ пожертвованій для неизвѣстныхъ полиціи цѣлей; когда въ эту комнату неожиданно для нихъ вошелъ околоточный надзиратель Логинеско, то они немедленно скрылись въ залъ управы, захвативъ съ собою бывшую на столѣ кучу денегъ и оставивъ въ торопливости находившуюся было на томъ же столѣ прокламацію отъ 22/9 августа с. г. за № 13—Женева, подъ заглавіемъ „Пролетарій“ на 3-хъ листахъ. Того же 15 октября, вслѣдствіе назначенной на 16 число въ 9 час. утра общедоступной сходки въ университетѣ, и. д. полицеймейстера подполковникомъ Голови-

нымъ получено было распоряженіе отъ г. градоначальника занять съ утра 16 октября улицы, прилегающія къ зданіямъ университета цѣпью войскъ и допускать на сходку только лицъ, носящихъ студенческую форму. О недопускѣ на сходки въ университетъ посторонней публики, утромъ 16-го, были расклеены, по распоряженію градоначальника, по улицамъ плакаты. Въ 7 часовъ утра 16 октября, подполковникъ Головинъ, взявъ къ университету 4 дежурныхъ роты, занялъ всѣ прилегающія улицы и отдалъ приказаніе не пропускать частныхъ лицъ, студентовъ же не задерживать. Съ 8 часовъ утра по всѣмъ улицамъ къ зданію университета направлялась публика, преимущественно учащаяся молодежь, фабричные и лица всевозможныхъ профессій, при этомъ преобладала еврейская молодежь. Въ виду наплыва такой массы народа, подполковникъ Головинъ, въ интересахъ сохраненія уличнаго порядка, вызвалъ въ зданіе старой семинаріи дежурную сотню казаковъ и пятую дежурную роту пѣхоты и, отправивъ въ распоряженіе пристава Херсонскаго участка къ университету конную жандармскую команду, въ составѣ 10 человѣкъ, отправился съ докладомъ по этому поводу къ градоначальнику на квартиру. Въ 9 час. утра, среди евреевъ разнесся слухъ, что въ Петербургѣ и Москвѣ идетъ на улицѣ „побоище“ и не хватаетъ перевязочныхъ средствъ, а генералъ Треповъ будетъ на-днихъ убитъ. Распространеніе такого слуха, повидимому, еще больше воодушевило еврейскую молодежь, которая съ 10 час. утра стала проявлять оживленное движеніе и значительная толпа ихъ тотчасъ же направилась по Херсонской ул. къ Преображенской, а навстрѣчу ей, по распоряженію подполковника Головина, высланы были казаки, которые, очистивъ отъ толпы Преображенскую улицу, проѣхали къ университету; толпа же, снова соединившись, частью пошла по Преображенской, а частью по Дерибасовской ул., гдѣ начала останавливать извозчиковъ и предлагать пассажирамъ идти пѣшкомъ; затѣмъ, дойдя до американскаго магазина оружій, разгромила его, расхитивъ 6 ящиковъ револьверовъ разныхъ системъ, числомъ около 200 штукъ, штукъ 45 кинжаловъ и финскихъ ножей, около 300 карманныхъ ножей разной величины, штукъ 14 желѣзныхъ палокъ, около 10 кастетовъ, до 60 штукъ охотничьихъ ружей разныхъ системъ, коробокъ 20 пистоновъ и до 10 фунтовъ пороху. Патроны наканунѣ вечеромъ, по распоряженію г. градоначальника, были взяты изъ всѣхъ магазиновъ и спрятаны по полицейскимъ участкамъ. Послѣ этого случая г. градоначальникъ просилъ г. командующаго войсками вызвать всѣ войска, назна-

ченныя, по наставленію, для оказанія содѣйствія полиціи. Въ 11 часовъ утра, по Большой Арнаутской улицѣ и на Преображенской евреи группировались и моментально, хотя небольшими толпами, но съ каждымъ моментомъ увеличивавшимися, начали устрапять рабочихъ въ нѣкоторыхъ еврейскихъ мастерскихъ и удалять приказчиковъ открывавшихся еврейскихъ лавокъ. Толпою ремеслепниковъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ насильственно подъ угрозами удалены были рабочіе изъ конфектной фабрики Мееровича. Толпы эти были разсѣяны усиленнымъ полицейскимъ нарядомъ, и въ это время задержанъ еврей Елка, силою удалявшій рабочихъ изъ лавокъ. Въ 12 часовъ дня по Преображенской улицѣ образовались густыя сплошныя толпы народа, преимущественно евреи, занявшіе тротуары, панели и мостовую. Находившійся на углу Большой Арнаутской и Преображенской улицъ нарядъ полиціи, подъ командой помощника пристава Пащенко, сначала разсѣялъ толпу, а когда послѣдняя увеличилась и почти вплотную окружила его и когда одновременно съ этимъ изъ толпы произведены были въ него выстрѣлы, то онъ, будучи не въ состояніи удерживать дольше порядка на улицѣ, отступилъ къ участку; толпа же стала опрокидывать слѣдовавшіе по пути вагоны трамвая. На углу Тираспольской и Нѣжинской улицъ, когда чины полиціи и конные жандармы разсѣивали собравшуюся толпу, еврейская мѣщанка Софія Лазарева Левина выстрѣломъ изъ револьвера ранила въ правый бокъ на вылетъ жандарма конной жандармской команды Демиденко и бросилась бѣжать, но преслѣдовавшій ее городовой за № 129, Терейковскій, догналъ и причинилъ ей пораненіе праваго плеча шашкою. Часовъ въ 12 дня, на Ришельевской улицѣ появилась толпа народа, преимущественно изъ студентовъ, молодыхъ барышень, курсистокъ, воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній и 14 - 15-лѣтнихъ подростковъ, опять-таки преимущественно евреевъ, и стала опрокидывать слѣдовавшіе по рельсамъ вагоны трамвая. Полицейскій нарядъ подъ командой помощника пристава Данашевскаго успѣлъ очистить улицу до перекрестка съ Успенской улицы, но на углу встрѣтилъ полное сопротивленіе,—толпа стояла густая и изъ среды ея раздавались учащенные по полиціи выстрѣлы, въ отвѣтъ на которые произвелъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьверовъ и полицейскій нарядъ, но были ли послѣдствіемъ этихъ выстрѣловъ раненые или убитые среди толпы—осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ если таковые и были, то толпа ихъ моментально подхватывала и уносила неизвѣстно куда. Два залпа были произведены нарядомъ

по балкону дома № 44 по Успенской улицѣ, изъ котораго въ чиновъ полиціи раздался выстрѣлъ. Въ виду многочисленности толпы, небольшой полицейскій нарядъ, не будучи въ силахъ водворить порядокъ, отступилъ къ участку, задержавъ сына 2-ой гильдіи купца, ученика 7 класса коммерческаго училища Гофмана, Гершона Альперовича, Борися Вайса и Владиміра Зайца, которые опрокидывали вагоны и скамейки для устройства баррикадъ. Спустя $^1/_4$ часа послѣ того, на углу Базарной и Ришельевской ул., толпа, воспользовавшись строительнымъ матеріаломъ, сложеннымъ тамъ, возлѣ строющагося дома Одесскаго греческаго благотворительнаго общества, стала разбирать этотъ матеріалъ и приступила къ устройству изъ него баррикадъ; высланный на мѣсто нарядъ полиціи устранилъ толпу и при помощи дворниковъ разобралъ баррикаду. Около часу дня по Ришельевской и Еврейской улицамъ толпы народа опрокидывали вагоны, сносили съ построекъ лѣса и устраивали баррикады и проволочныя заграженія. Толпа эта была разсѣяна полиціей и войсками. Баррикады были устроены въ слѣдующихъ мѣстахъ: по Еврейской улицѣ противъ домовъ №№ 7, 11, 23, 29 и 35; по Ришельевской улицѣ противъ дома № 14, по Греческой противъ дома № 26, на углу Тираспольской и Преображенской ул. у домовъ Прокудина и Полетаева, на углу Успенской и Преображенской улицъ у дома Габриловичъ, на углу Успенской ул. и Александровскаго проспекта, на углу Троицкой ул. и проспекта, на углу Большой Арнаутской и Мѣщанской ул., на углу Базарной улицы и Трехугольнаго переулка, на углу Успенской и Кузнечной ул., на углу Успенской ул. и Трехугольнаго пер., на углу Базарной и Мѣщанской ул., на углу Успенской и Мѣщанской улицы и на Преображенской улицѣ противъ Успенской церкви. Баррикады эти были устраиваемы изъ разобранныхъ толпою чугунныхъ рѣшетокъ сквера Александровскаго проспекта, опрокинутыхъ вагоновъ конки, строительнаго матеріала, проволоки и прочаго и разобраны по разсѣяніи толпъ нижними чинами 4-й и 6-й роты 273 пѣхотнаго Дунайскаго полка, при помощи полиціи и дворниковъ. На проходившую уголъ Ришельевской и Жуковской ул. роту 60 пѣхотнаго запаснаго батальона изъ толпы произведены были выстрѣлы изъ-за баррикадъ. Рота отвѣтила залпомъ. На углу Полицейской и Екатерининской улицы толпа выбросила красный флагъ; проѣзжавшая въ это время полусотня казаковъ, спѣшившихся по командѣ офицера, дала по толпѣ залпъ. Около 2 часовъ дня, на углу Преображенской и

Новосельской улицъ толпа человѣкъ въ 500 устроила изъ опрокинутыхъ вагоновъ конки, ящиковъ, скамескъ, лѣстницъ и досокъ баррикалу и, оградивъ ее со всѣхъ сторонъ колючей проволокой, открыла изъ-за нея огонь въ подходившій нарядъ полиціи и роту сапернаго батальона, причемъ пулей была пробита шинель командира роты; въ отвѣтъ на огонь толпы рота произвела залпъ; изъ толпы продолжали отвѣчать выстрѣлами, оставаясь на мѣстѣ, и только послѣ второго залпа пустились въ разсыпную, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ раненыхъ. По пути къ означенной баррикадѣ, въ чиновъ полиціи и въ войска изъ открытыхъ воротъ дома Аглицкой и другихъ домовъ по Преображенской ул. неизвѣстными лицами были произведены выстрѣлы, но никто не раненъ. Въ 2 часа дня, со стороны городского театра раздался залпъ и въ то же время раненъ въ лѣвое плечо на вылетъ, съ поврежденіемъ легкаго, городовой Бомбиръ, стоявшій на улицѣ, и какой-то проходившій еврей, а также была ранена лошадь корнета Астраханскаго драгунскаго полка Сумовскаго. Около 4-хъ часовъ пополудни городовымъ Дудкинымъ на углу Мало-Арнаутской и Преображенской улицъ была задержана неизвѣстная еврейка, разбрасывавшая прокламаціи подъ заглавіемъ „Кровавый царь“ (донесеніе пристава Александровскаго участка отъ 16 октября за № 1331),—но моментально собравшаяся толпа отбила у Дудкина задержанную было еврейку, и онъ доставилъ въ участокъ только 27 штукъ означенныхъ выше прокламацій. Въ Театральномъ переулкѣ, противъ дома Іенча, гдѣ помѣщается оружейный магазинъ его, толпа набросилась на городового за № 73 Черепова, который вмѣстѣ съ дворникомъ задержалъ 2-хъ евреевъ, несшихъ 2 ружья. Череповъ и дворникъ Хрипенко отбились отъ толпы, а задержанные ими евреи, бросивъ ружья, скрылись. Изъ толпы былъ данъ безрезультатный выстрѣлъ; Череповъ и Хрипенко получили неопасные удары прикладами ружей въ грудь. На углу Преображенской и Полицейской улицъ околоточнымъ надзирателемъ Дылевскимъ задержанъ Абрамъ Берковъ Лейнахъ, намѣревавшійся выстрѣлить изъ револьвера въ казачьяго офицера. На чердакѣ д. № 14, по Ришельевской улицѣ околоточнымъ надзирателемъ Енакіевымъ задержанъ Абрамъ Гальперинъ, стрѣлявшій въ войска. Убитые въ день 16 октября доставлялись въ еврейскую больницу. При возникновеніи безпорядка среди толпы сразу появилось много братьевъ и сестеръ милосердія, одѣтыхъ въ бѣлые костюмы краснаго креста, которые, разъѣзжая на извозчикахъ, подбирали

раненыхъ и демонстративно провозили ихъ по улицамъ города, направляясь въ больницу или клинику университета. Почти во всѣхъ аптекахъ, гдѣ вслѣдствіе забастовки была прекращена выдача лекарствъ частной публикѣ, были вывѣшены плакаты „перевязочный пунктъ“; такой же пунктъ былъ устроенъ въ частномъ домѣ на углу Успенской и Б. Арнаутской ул. возлѣ баррикады. Въ продолженіе дня всѣ свѣдѣнія о возникновеніи безпорядковъ по разнымъ улицамъ передавались по телефону въ зданіе старой семинаріи, гдѣ былъ расположенъ резервъ войскъ, начальникомъ котораго былъ, согласно постановленію, генералъ-маіоръ Глаголевъ, который и дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. 17 октября съ утра было возобновлено движеніе конокъ и уличная жизнь пошла обыденнымъ порядкомъ. Возлѣ университета продолжали стоять войска и доступъ посторонней публикѣ былъ воспрещенъ. День въ общемъ прошелъ спокойно, хотя настроеніе публики было приподнято, вслѣдствіе происшедшихъ наканунѣ безпорядковъ. Войска по участкамъ и въ резервѣ продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ. Вечеромъ того же дня толпа студентовъ, курсистокъ и еврейской молодежи, придя въ городскую думу, гдѣ было экстренное засѣданіе по случаю событій дня, предложили публикѣ и гласнымъ думы почтить своимъ присутствіемъ торжественныя похороны, которыя они предполагали устроить „борцамъ за свободу, павшимъ на баррикадахъ 16-го числа“; нѣкоторые гласные изъявили свое согласіе. Похороны были назначены 19 числа въ 11 час. утра. Г. градоначальникъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, въ 12 час. ночи передалъ по телефону подполковнику Головину приказаніе взять нарядъ войска, подъ охраной котораго похоронить ночью находившіеся въ еврейской больницѣ трупы, торжественныя похороны коихъ готовили студенты, курсистки и другіе; приказаніе это было исполнено подъ наблюденіемъ помощника полицеймейстера Кисляковскаго. 18 Октября въ 8 час. утра стало замѣчаться усиленное движеніе еврейской молодежи обоего пола по центральнымъ улицамъ, группами стояли по угламъ на перекресткахъ и, повидимому, о чемъ-то совѣщались; среди нихъ было замѣтно много студентовъ и учащейся молодежи среднихъ учебныхъ заведеній. Около 10 час. утра, на Преображенской улицѣ, большая толпа народа направлялась къ зданію полиціи отъ Соборной площади и подполковникъ Головинъ, опасаясь нападенія толпы на зданіе полиціи, доложилъ объ этомъ генералу Глаголеву, прося послать для охраны роту солдатъ. Въ это

время изъ Александровскаго уч. было доложено подполковнику Головину по телефону, что большая толпа демонстрантовъ съ красными флагами, преимущественно евреевъ, по Пушкинской улицѣ направилась къ думѣ. Генералъ Глаголевъ, доложилъ объ этомъ по телефону командующему войсками и, переговоривъ съ нимъ, отдалъ приказаніе по всѣмъ участкамъ и бывшимъ при немъ офицерамъ, чтобы войска, стоявшія на улицахъ, были сняты и не препятствовали толпѣ ходить по городу съ красными флагами, въ виду полученнаго манифеста. Приказаніе было сейчасъ же исполнено. Спустя нѣкоторое время приставъ Паращенко, бывшій въ этотъ день дежурнымъ по городу и находившійся при канцеляріи полицеймейстера, замѣтилъ приближавшуюся къ зданію полиціи громадную толпу, которая, остановившись противъ полиціи, потребовала освобожденія политическихъ арестованныхъ, взятыхъ за безпорядки на улицахъ 16 октября. Паращенко, вслѣдствіе полученнаго приказанія подполковника Головина, объявилъ толпѣ, что при зданіи полиціи камеръ нѣтъ и арестованные здѣсь не содержатся, какъ это въ дѣйствительности и есть, и, для убѣжденія въ этомъ волновавшейся толпы, пригласилъ изъ среды ея трехъ студентовъ, повелъ ихъ во дворъ и указалъ, что нѣтъ арестантскихъ камеръ; тогда толпа, поволновавшись, но видя присутствіе во дворѣ роты пѣхоты, понемногу запѣвъ марсельезу, пошла внизъ по Преображенской улицѣ. Послѣ доклада объ этомъ градоначальнику подполковникомъ Головинымъ, послѣдній получилъ распоряженіе освободить по всѣмъ участкамъ, а также и изъ тюрьмы всѣхъ арестованныхъ за безпорядки 16 октября. Пока это распоряженіе передавалось по телефону, вторая громадная толпа подошла къ зданію Александровскаго участка, гдѣ также потребовала освобожденія арестованныхъ, причемъ бывшій съ толпою ректоръ университета Занчевскій, въ сопровожденіи студента, съ этимъ требованіемъ обратился къ начальнику участка командиру 205 Измаильскаго полка полковнику Варатаеву; послѣдній отвѣтилъ, что безъ распоряженія градоначальника онъ этого сдѣлать не можетъ и пошелъ спросить по телефону, на что получилъ отвѣтъ, сказать Занчевскому, чтобы онъ раньше освободилъ избитаго толпою демонстрантовъ городового Александровскаго уч. Андрея Губія. Занчевскій согласился и вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его студентомъ уѣхалъ по указанному адресу; для провѣрки его дѣйствій полковникъ Варатаевъ послалъ взводъ драгунъ вмѣстѣ съ офицеромъ. Когда офицеръ прибылъ и доложилъ, что иска-

лѣченный городовой отправленъ въ больницу краснаго креста, тогда были освобождены арестованные; за время поѣздки Занчевскаго возбужденная еврейская толпа, не переставая, наносила наглыя оскорбленія чинамъ полиціи и войскамъ, стоявшимъ во дворѣ участка. Такимъ путемъ были освобождены изъ всѣхъ полицейскихъ участковъ арестованные. Въ то же время было доложено, что околоточнаго надзирателя Михайловскаго участка Полянчикова толпа евреевъ, шедшая съ красными флагами, задержала, избила его и выколола глаза, но онъ былъ отбитъ и доставленъ въ больницу краснаго креста. Городовой Александровскаго участка Андрей Губій, котораго избила и истязала толпа евреевъ, въ тотъ же день умеръ, а надзиратель Полянчиковъ былъ только сильно избитъ и находился на излѣченіи въ больницѣ краснаго креста. Послѣ этого стали поступать по телефону другіе случаи о насиліи толпы надъ чинами полиціи, которые по провѣркѣ впослѣдствіи не подтвердились и объ этихъ случаяхъ подполковникъ Головинъ докладывалъ г. градоначальнику, послѣ чего градоначальникъ распорядился снять постовыхъ городовыхъ съ постовъ, собрать ихъ въ участкахъ и посылать по городу патрулями, дабы предупредить нападенія на означенныхъ городовыхъ. При снятіи городовыхъ съ постовъ они, напуганные нападеніями еврейскихъ толпъ на полицію и избіеніемъ, ушли сами по участкамъ. Демонстративныя толпы евреевъ съ красными флагами, съ пѣніемъ марсельезы и съ криками „долой царя, долой самодержавіе“ безпрепятственно ходили по улицамъ города, нагло заставляли встрѣчныхъ снимать шапки и вызывающе держали себя по отношенію лицъ, не сочувствовавшихъ такому движенію. Сейчасъ послѣ полученія въ городѣ высочайшаго манифеста, демонстранты-революціонеры проѣхали по нѣсколько человѣкъ, стоя на дрожкахъ, по Преображенской ул. мимо зданія полиціи, съ зелеными вѣнками и при нихъ красными лентами, съ надписями: „долой самодержавіе“, „продолжать борьбу за свободу“, „долой царя“ и другими, прочесть содержаніе коихъ представлялось затруднительнымъ. По свѣдѣніямъ, сомнѣваться въ вѣрности коихъ не имѣю основаній, толпа демонстрантовъ, подойдя къ зданію думы, водрузила здѣсь красный флагъ и сорвала слова „Боже Царя Храни“, отдѣльныя личности стали на возвышенія, говорили толпѣ рѣчи революціоннаго характера, при чемъ народу въ большомъ количествѣ раздавались, возмутительныя по своему содержанію, прокламаціи „Кровавый царь“.

Во время этихъ демонстрацій начали все чаще и чаще поступать свѣдѣнія объ издѣвательствѣ толпы надъ отдѣльными лицами православнаго вѣроисповѣданія; эти слухи очень быстро распространились по городу и къ вечеру, когда всѣ демонстраціи окончились, среди русскаго населенія города, въ особенности простого класса, начало пробуждаться чувство ненависти къ еврейскому населенію, такъ нагло и открыто насмѣхавшемуся надъ существующимъ государственнымъ строемъ. Въ 11 часовъ утра того же 18 октября, толпа, состоящая преимущественно изъ евреевъ, направилась съ красными флагами съ Прохоровской на Дальницкую улицу; на пути своего шествія требовала отъ всѣхъ проходившихъ и стоявшихъ на улицахъ, чтобы они снимали шапки; дойдя до угла Головковской улицы, гдѣ помѣщается фабрика Гена, встрѣтила столвшихъ у фабрики ея рабочихъ, которымъ предложила также снять шапки, но Геновскіе рабочіе отказались исполнить это требованіе; дойдя до Балковской улицы, гдѣ на углу помѣщается русскій трактиръ, толпа была встрѣчена вышедшими изъ трактира русскими, которымъ въ свою очередь предложила снять шапки передъ красными флагами, но и эти требованія толпы не исполнили, тогда евреи стали бросать въ нихъ камнями, русскіе же соединившись съ Геновскими русскими рабочими, принялись разгонять толпу евреевъ, избивая ихъ, и погнали обратно къ Прохоровской улицѣ; видѣвшіе это другіе евреи начали стрѣлять по русскимъ изъ домовъ и когда оказались раненые и убитые среди русскихъ, то послѣдніе, возмутившись такимъ поведеніемъ евреевъ, разгромили двѣ еврейскія табачныя лавки. Около 8 часовъ вечера того же числа, проѣзжавшій на дрожкахъ по Прохоровской улицѣ, одѣтый въ штатское платье, околоточный надзиратель Петропавловскаго участка Афанасій Ивановъ, подвергся на углу Мясоѣдовской улицы нападенію самообороны, которая остановивъ извозчика, стащила съ дрожекъ Иванова, увлекла его во дворъ д. № 20 по Прохоровской ул., гдѣ подвергла всевозможнымъ издѣвательствамъ, а затѣмъ вывела на улицу и произвела въ него изъ револьверовъ нѣсколько выстрѣловъ, коими ранила въ шею и ногу. На проходившаго того же числа въ 7 час. вечера по Прохоровской улицѣ городового Михайловскаго участка Калистрата Косиченко напала толпа евреевъ и окруживъ, начала наносить побои палками, а затѣмъ одинъ изъ нихъ произвелъ въ него въ упоръ три выстрѣла, изъ конхъ двумя выстрѣлами Косиченко раненъ въ правую кисть руки и въ правую ногу. Городовой Бульварнаго участка Иванъ Ткачукъ

подвергся въ 1 часъ дня, на углу Полицейской улицы и Колодезнаго переулка нападенію толпы евреевъ, отобравшей у него силою револьверъ и шашку. Городовой Александровскаго участка, Иванъ Романовъ, въ 6 час. вечера подвергся нападенію толпы евреевъ возлѣ Толкучаго рынка, избившей его палками и отобравшей казенный револьверъ. Городовые Александровскаго участка, Павелъ Ходакъ и Тихонъ Балакеръ, находясь на посту у депо конножелѣзной дороги, около 2 час. дня, подверглись нападенію толпы евреевъ, причемъ находившіеся въ толпѣ студенты отрѣзали у нихъ шнуры и портупеи и, отобравъ шашки и револьверы, скрылись. Городовой портоваго участка Иванъ Датій, проходя, въ 12 час. дня по Херсонской улицѣ, встрѣтилъ толпу евреевъ съ красными флагами и евреи отняли у него силой револьверъ и шашку. У городового Портоваго уч. Павла Сидорова, находившагося около 12 час. дня на посту на Старопортофранковской улицѣ, толпа евреевъ силой отняла револьверъ и шашку. Ночью 18 октября къ подполковнику Головину поступили донесенія, что на улицахъ стоятъ вооруженные студенты и наблюдаютъ за уличнымъ порядкомъ, причемъ арестованныхъ отправляютъ въ зданіе университета. Съ 19 октября, вслѣдствіе поданнаго и. д. полиціймейстера подполковникомъ Головинымъ г. градоначальнику рапорта о болѣзни и согласно распоряженію его превосходительства, отданному въ приказѣ по полиціи 24 октября № 221, въ исправленіе должности полиціймейстера вступилъ я. 19 октября были назначены въ 11 час. утра похороны жертвъ погибшихъ 16 числа; съ утра, по пути слѣдованія процессіи, по Херсонской и Преображенской улицамъ опять начали группироваться толпы учащейся молодежи и евреевъ. Около 10 час. по пути слѣдованія начали развѣшивать траурные флаги по газовымъ столбамъ и воротамъ частныхъ домовъ, былъ повѣшенъ и на воротахъ зданія полиціи; улицы, какъ и наканунѣ, были въ рукахъ демонстрантовъ. Полиція и войска бездѣйствовали, движенія конокъ не возобновляли. Часовъ въ 11 утра было передано по телефону въ семинарію, что въ порту на Таможенной площади образовалась большая толпа русскихъ манифестантовъ, которые съ портретомъ государя императора, національными флагами и пѣніемъ народнаго гимна направляются въ городъ; затѣмъ было передано, что манифестація подошла ко дворцу командующаго войсками и просила военный оркестръ музыки, на что послѣдовало разрѣшеніе. Отъ дворца они подошли къ Думѣ, сняли красный флагъ и водрузили національный. Когда эти свѣдѣнія дошли до еврейскихъ группъ, то онѣ моментально

начали расходиться по разнымъ направленіямъ, говоря, что похороны отложены и, дѣйствительно, похороны не состоялись. Одновременно съ манифестаціей, шедшей изъ порта, собралась громадная толпа манифестантовъ на Куликовомъ полѣ, которая пошла по Екатерининской ул. Вскорѣ послѣ этого начали поступать свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ, что въ русскую манифестацію евреи производятъ изъ оконъ, съ крышъ домовъ и воротъ стрѣльбу изъ револьверовъ, и въ этихъ мѣстахъ манифестанты начали громить и избивать. По распоряженію генерала Глаголева были посланы отдѣльныя части войска, роты, эскадроны и сотни. Возвращавшіеся начальники этихъ частей докладывали, что евреи стрѣляютъ и по войскамъ, что вызвало распоряженіе генерала Глаголева дѣлать залпы по тѣмъ домамъ, изъ которыхъ производится стрѣльба. Сейчасъ же по улицамъ опять появились въ большомъ количествѣ санитарные отряды, которые, прикрываясь одѣяніемъ Краснаго Креста, имѣли повсюду свободный пропускъ; учащенное, безъ видимой надобности, движеніе ихъ по 4 человѣка на дрожкахъ и раздававшіеся выстрѣлы послѣ ихъ проѣзда, возбудили подозрѣніе у войска, ихъ начали останавливать и осматривать, причемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ оказывались револьверы или патроны, почему такихъ задерживали и передавали чинамъ полиціи. Въ тотъ же день дѣйствовала по городу милиція, состоящая изъ нѣсколькихъ группъ студентовъ. Было также задержано много лицъ изъ еврейской самообороны. При проходѣ русскихъ манифестацій, въ толпу не только стрѣляли изъ револьверовъ, но и бросали бомбы; брошена была бомба напротивъ зданія старой семинаріи, взрывомъ которой было убито нѣсколько человѣкъ и ранено два солдата; вторая бомба разорвалась на Пушкинской улицѣ, возлѣ Парижской гостиницы и убила на мѣстѣ лицо, несшее ее, и впереди этого мѣста прошла русская манифестація и, повидимому, бомба эта предназначалась для этой группы, но вслѣдствіе какихъ либо причинъ разорвалась самостоятельно. Такое дѣйствіе самообороны съ циркулирующими по городу слухами о звѣрствахъ, производимыхъ евреями надъ русскими, вызвало возмущеніе со стороны послѣднихъ, которое и разразилось погромомъ еврейскаго имущества и большимъ числомъ убитыхъ жертвъ въ разныхъ частяхъ города. По городу циркулировалъ слухъ, что евреи на улицахъ задерживаютъ русскихъ, бьютъ ихъ и затѣмъ отправляютъ съ санитарами въ университетскую клинику; поступило такихъ два заявленія: одно—переодѣтаго городового Бульварнаго участка Ревенко, другое—кучера

Ивана Фомича Кисленко; о немъ протоколъ заявленія отправленъ судебному слѣдователю 5 уч. г. Одессы Херсонскаго уч. за № 4372. 19 октября городовой Бульварнаго участка Емельянъ Емельяновъ подвергся на Базарной ул. нападенію толпы студентовъ, которая, избивъ его, отобрала револьверъ и шашку, а 20 октября утромъ онъ найденъ въ своей квартирѣ застрѣленнымъ или застрѣлившимся. 19 октября, въ квартиру околоточнаго надзирателя Любинскаго ворвалась толпа и потребовала выдачи оружія. Любинскій, опасаясь насилія, постарался скрыться изъ квартиры. Того же числа, въ 12 час. дня, въ проходившаго по Степовой ул. городового Михайловскаго участка Захарія Демиденко произведено было изъ домовъ нѣсколько выстрѣловъ и однимъ выстрѣломъ онъ раненъ на вылетъ въ правую руку. Того же числа около 6 часовъ вечера подвергся нападенію толпы политическихъ манифестантовъ, исключительно изъ евреевъ, проходившій по Степовой улицѣ городовой Херсонскаго участка Георгій Мацковъ, его избили, нанесли большое количество колотыхъ ранъ и отняли у него оружіе. Городовой Бульварнаго участка, Поликарпъ Коваленко, 19-го октября раненъ въ правую ногу при аттакѣ участка. Городовой бульварнаго участка Василій Ревенко, во дворѣ дома № 9 по Покровскому переулку подвергнутъ истязанію евреями. Городовой Бульварнаго участка, Даніилъ Погребной, проходя по Мясоѣдовской улицѣ, подвергся нападенію толпы евреевъ, отобравшей у него силою револьверъ и шашку. Городовой Александровскаго участка, Трофимъ Буяновъ, проходя въ штатскомъ платьѣ по Ришельевской улицѣ, подвергся нападенію толпы евреевъ, побившей его и отобравшей револьверъ. Городовой того же участка Иванъ Шакинъ, проходя по Прохоровской улицѣ, въ штатскомъ платьѣ, встрѣтилъ толпу евреевъ, которая стала наносить ему побои, причемъ отобрала казенный револьверъ, 130 р. денегъ и серебряные часы. 20 октября городовой Бульварнаго участка, Ефимъ Грищукъ, проходя по Еврейской улицѣ, встрѣтилъ толпу евреевъ, которая отобрала отъ него силой казенный револьверъ. Того же 20 октября, городовой Дальницкаго участка, Андрей Калениковъ, проходя по Среднефонтанской дорогѣ, возлѣ Кадетскаго корпуса, встрѣтилъ офицера, который предложилъ ему одѣть штатское платье. Переодѣвшись и захватя револьверъ, Калениковъ продолжалъ путь и на Малороссійской улицѣ встрѣтилъ студентовъ, которые, отобравъ у него револьверъ, отпустили его. 21 октября, городовой Бульварнаго участка, Павелъ Красный, проходя по Торговой улицѣ переодѣтымъ, неизвѣстно кѣмъ раненъ былъ въ шею

и лѣвую руку. Красный командированъ былъ на развѣдки. Въ виду того, что городъ занятъ былъ войсками, то всѣ распоряженія по охраненію въ городѣ порядка исходили отъ начальника генерала Глаголева. Я лично видѣлъ взрывъ брошенной изъ дома по Почтовой улицѣ, противъ зданія семинаріи, бомбы, убившей нѣсколькихъ человѣкъ и ранившей 2-хъ солдатъ, а равно былъ очевидцемъ и того, какъ въ проходившую по Почтовой улицѣ толпу русскихъ манифестантовъ произведены были въ томъ же мѣстѣ выстрѣлы изъ револьверовъ, послѣ чего они изъ мести набросились на домъ, изъ котораго стрѣляли по нимъ и стали громить его, но высланнымъ изъ зданія семинаріи военнымъ патрулемъ дѣйствія ихъ были пріостановлены. Послѣ снятія городовыхъ съ постовъ охрана города всецѣло была во власти военнаго начальства. Пристава всѣ получаемыя ими свѣдѣнія сообщали начальникамъ военныхъ участковъ или командирамъ и тѣ уже отъ себя предпринимали необходимыя мѣры для прекращенія безпорядка, усмиренія толпы и т. п. Пристава и вообще полиція никакихъ распоряженій въ этомъ отношеніи самостоятельно не предпринимали, и я находился всецѣло въ распоряженіи начальника обороны генерала Глаголева, исполняя всѣ его распоряженія. Такой порядокъ и зависимость полиціи отъ военнаго начальства были установлены градоначальникомъ Нейдгартомъ, такое распоряженіе сдѣлано было имъ по телефону. Но полицейскіе патрули находились въ вѣдѣніи приставовъ и ими посылались въ наряды по участкамъ. Только въ Бульварномъ участкѣ нѣсколько дней городовые не несли полицейской службы, такъ какъ они забастовали и отказывались нести какія либо обязанности; они требовали прибавки жалованья, которое имъ и было увеличено. Градоначальникъ за время событій, какъ мнѣ извѣстно, былъ одинъ разъ, 19 числа, на молебнѣ по случаю манифеста въ соборѣ; выѣзжалъ ли онъ въ городъ мнѣ неизвѣстно, а 21 октября и парадъ и молебствіе въ соборѣ были отмѣнены.

Подписалъ: подполковникъ фонъ *Гесбергъ*.

Показаніе прокурора одесской суд. палаты Поллана сенатору Кузьминскому отъ 7 декабря 1905 г.

Прокуроръ одесской судебной палаты Анатолій Іосифовичъ *Полланъ*,—18 октября, часовъ въ 11 утра, я видѣлъ бѣгущую по улицѣ толпу народа, и вслѣдъ затѣмъ по телефону бывшій градо-

начальникъ Нейдгартъ сообщилъ мнѣ о манифестѣ 17 октября,— при чемъ просилъ меня, не найду ли я возможнымъ сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи политическихъ арестованныхъ. Расчитывая, что манифестъ вызоветъ амнистію для политическихъ заключенныхъ, и что дальнѣйшее содержаніе ихъ представлялось бы излишнимъ, я высказалъ Нейдгарту свое согласіе по этому предмету,—и черезъ нѣкоторое время отправился къ нему для окончательныхъ переговоровъ о томъ, кто изъ политическихъ арестованныхъ можетъ быть освобожденъ въ тотъ же день, такъ какъ распоряженіе это не могло быть немедленно сдѣлано въ отношеніи тѣхъ арестованныхъ дѣла о коихъ находились въ разсмотрѣніи судебной палаты. У Нейдгарта я засталъ профессора Щепкина и городского голову Крыжановскаго; изъ разговора ихъ я услышалъ, что рѣчь шла о разоруженіи городовыхъ,—на что Нейдгартъ, повидимому, не соглашался, говоря, что городовые при отправленіи обязанностей службы должны быть при револьверахъ. Было это въ 1 часу дня. Затѣмъ Щепкинъ ушелъ, а я съ Крыжановскимъ остались у Нейдгарта завтракать. Въ бытность мою въ этотъ разъ у Нейдгарта я помню, что онъ какъ-то въ разговорѣ сказалъ мнѣ: „а я далъ уже разрѣшеніе на патріотическую манифестацію“. Не могу я только вспомнить, въ какой именно моментъ это заявленіе было имъ сдѣлано—до завтрака или во время самаго завтрака, до ухода Щепкина или послѣ него.—Знаю только, что сообщеніе это непріятно на меня подѣйствовало, такъ какъ у меня сейчасъ зародилось сомнѣніе, какъ бы не произошло столкновенія этой манифестаціи съ еврейскою демонстраціею. Могу лишь добавить, что когда я ѣхалъ къ градоначальнику и возвращался отъ него, по улицамъ встрѣчалъ толпы евреевъ съ красными флагами. Все остальное, мнѣ извѣстное о настоящихъ октябрскихъ событіяхъ, изложено въ моихъ донесеніяхъ министру юстиціи.

Прокуроръ одесской судебной палаты *А. Полланъ*.

Показаніе Брахмана сенатору Кузьминскому отъ 15 декабря 1905 г.

Владиміръ Яковлевичъ Брахманъ, директоръ 2-го общества взаимнаго кредита.

19 октября вечеромъ я получилъ отъ курьеровъ нашего банка по телефону свѣдѣнія о томъ, что недалеко отъ нашего банка собралась толпа громилъ, которые грабятъ магазины. Опасаясь за банкъ, въ которомъ хранятся цѣнности на очень крупныя суммы,

я обратился по телефону въ кабинетъ градоначальника. Сначала къ телефону подошелъ какой-то чиновникъ особыхъ порученій, котораго я попросилъ пригласить къ телефону самаго градоначальника. На мои заявленія о грозящей банку опасности и просьбу прислать охрану г. Нейдгартъ мнѣ отвѣтилъ, что за охраной мнѣ слѣдуетъ обратиться въ университетъ, который вообще, по словамъ градоначальника, завѣдывалъ охраной города. Я сказалъ градоначальнику, что я обращаюсь за охраной, а не за совѣтомъ, и указалъ на всѣ послѣдствія разгрома банка, но г. Нейдгардтъ мнѣ отвѣтилъ: „я вамъ уже сказалъ, куда обратиться, и больше ничего не могу вамъ сказать", бросилъ телефонную трубку и прервалъ разговоръ. 21 октября приблизительно въ часъ дня я увидѣлъ изъ оконъ своей квартиры на углу Ришельевской и Почтовой улицъ разгромъ магазиновъ и по телефону испросилъ охрану у командующаго войсками. Генералъ Каульбарсъ немедленно прислалъ драгунъ, но они не только не остановили грабителей, но даже принимали отъ нихъ нѣкоторыя мелкія вещи изъ награбленнаго имущества. Я вновь по телефону сообщилъ объ этомъ въ кабинетъ командующаго войсками, переговорилъ съ однимъ изъ адъютантовъ, послѣ чего были присланы казаки, прекратившіе разгромъ на этомъ кварталѣ. 20 октября начался разгромъ товарныхъ складовъ моихъ и купца Лонца при ст. Одесса товарная. Я послѣдовательно обращался съ просьбою о помощи въ Михайловскій полицейскій участокъ, къ командующему войсками, генералу Глаголеву и наконецъ къ начальнику войскъ Михайловскаго участка, такъ какъ дежурный полицейскій надзиратель мнѣ отвѣтилъ, что полиція не у власти. Начальникъ войска Михайловскаго участка меня спросилъ, идетъ ли рѣчь объ охранѣ частнаго или казеннаго имущества, и узнавъ отъ меня, что склады частные, отвѣтилъ, что охрана частнаго имущества не входитъ въ кругъ ихъ обязанностей. Въ теченіе трехъ сутокъ склады подвергались безпрепятственно разгрому. Пріѣзжали тысячи подводъ изъ окраинъ и увозили всевозможные товары. Были взломаны 2 несгораемыя кассы и похищены деньги, убытка свыше 100.000 р.

Представленіе тов. прокурора Одесскаго окружного суда Каменскаго прокурору одесскаго окружного суда отъ 1 ноября 1905 г.

Въ дополненіе къ моимъ словеснымъ докладамъ вашему превосходительству, доношу въ письменномъ изложеніи о тѣхъ фак-

тахъ, очевидцемъ коихъ я былъ въ теченіе 19—21 октября сего года, во время происходившихъ въ г. Одессѣ убійствъ и погромовъ.

Я живу на Дерибасовской улицѣ (домъ № 18) и съ утра 19 октября наблюдалъ изъ окна кватиры и со своего балкона проходившія по улицѣ группы манифестантовъ съ національными флагами и портретами государя императора. Первая группа манифестантовъ, которую я наблюдалъ въ 11—12 час. дня приблизительно, состояла преимущественно изъ портовыхъ рабочихъ, служащихъ таможни и портоваго управленія; въ толпѣ я замѣтилъ и нѣсколько человѣкъ въ чиновничьихъ фуражкахъ. Эта группа шла по улицѣ съ пѣніемъ. Остановившись на углу Дерибасовской и Гаванской улицъ, манифестанты произвели въ воздухъ нѣсколько залповъ изъ револьверовъ, а затѣмъ двинулись дальше вверхъ до Дерибасовской. По сторонамъ группы манифестантовъ слѣдовали уличные мальчишки и подростки и попутно разбивали у нѣкоторыхъ магазиновъ фонари, висѣвшіе у входныхъ дверей и витринъ. Когда шествіе приблизилось къ магазину Баржанскаго, послышался шумъ отъ разбиваемыхъ шторъ. Тогда однако шторы названнаго магазина, повидимому, еще не были окончательно взломаны, такъ какъ, насколько я могъ замѣтить со своего балкона, вся толпа манифестантовъ пошла дальше и около магазина никто не остался. Затѣмъ въ теченіе дня, до наступленія сумерокъ, я видѣлъ на Дерибасовской еще нѣсколько группъ манифестантовъ съ національными флагами. Всѣ эти группы шли вполнѣ чинно и за ними слѣдовали небольшіе отряды войскъ. Когда стемнѣло, опять послышался шумъ взламываемыхъ шторъ и отъ людей, стоявшихъ у воротъ дома, я узналъ, что толпа громитъ магазинъ часовъ и золотыхъ издѣлій Баржанскаго. Наблюденіе изъ окна за происходившимъ на улицѣ стало затруднительнымъ съ наступленіемъ темноты, такъ какъ распространился слухъ, что кто-то изъ начальствующихъ въ городѣ лицъ приказалъ держать закрытыми во всѣхъ домахъ не только окна, но даже ставни. Слухъ этотъ оказался вполнѣ правильнымъ, такъ какъ вскорѣ ко мнѣ прибѣжалъ дворникъ дома и попросилъ скорѣе закрыть дверь моего балкона, оказавшуюся открытой, такъ какъ передъ домомъ остановились казаки и собираются обстрѣливать мой балконъ. Дверь сейчасъ же была закрыта. Около 12 часовъ ночи я вновь началъ наблюдать за Дерибасовской улицей. Я смотрѣлъ изъ открытаго окна, которое прикрывалъ вмѣстѣ со ставнями при приближеніи патрулей и разъѣздовъ, опасаясь, что они

будутъ стрѣлять, замѣтивъ открытое окно. На улицѣ было свѣтло, такъ какъ всю ночь горѣли электрическіе и газовые фонари. Съ 12 часовъ ночи приблизительно по улицѣ проходили исключительно лишь солдаты, причемъ тѣ изъ нихъ, которые шли со стороны магазина Баржанскаго, несли въ рукахъ, подъ мышками и даже на плечахъ свертки и тюки награбленныхъ товаровъ. Въ часъ или два часа ночи приблизительно я опять услышалъ шумъ отъ взламываемыхъ желѣзныхъ шторъ и узналъ отъ ходившихъ подлѣ дома ночныхъ сторожей, что это разбиваютъ галантерейный магазинъ Бейма, помѣщающійся въ томъ же домѣ, гдѣ магазинъ Баржанскаго. Вскорѣ мимо моихъ оконъ стали проходить солдаты, нагруженные галантерейными товарами, въ рукахъ многихъ изъ нихъ виднѣлись зонтики. По улицѣ отъ поры до времени проѣзжали разъѣзды и проходили патрули, но не останавливали грабителей, которые преспокойно уносили товары куда-то внизъ по Дерибасовской. Нѣкоторые солдаты несли даже большія дорожныя корзины и чемоданы. Около 3 часовъ ночи разъѣзды и патрули перестали появляться на Дерибасовской. Я не могу точно опредѣлить, какихъ именно частей солдаты принимали участіе въ грабежѣ, ясно только видѣлъ, что это были пѣхотные солдаты. Вмѣстѣ со мною наблюдалъ все время изъ окна одинъ мой знакомый, у котораго зрѣніе значительно лучше моего, и онъ категорически утверждаетъ, что въ ту ночь Дерибасовскую грабили почти исключительно солдаты одесской карантинной стражи. При помощи бывшаго при мнѣ сильнаго морского бинокля мнѣ также удалось разъ ясно различить солдата карантинной стражи. Когда этотъ солдатъ проходилъ черезъ болѣе яркую полосу свѣта, я ясно различилъ въ бинокль первую букву на его погонахъ. Это была буква „К“, вторая буква видна была мнѣ неотчетливо. Грабившіе солдаты отъ поры до времени перекликались между собою и одну фамилію мнѣ удалось разслышать. Какъ только я увидѣлъ, что Дерибасовскую улицу грабятъ солдаты, я хотѣлъ сейчасъ же телефонировать объ этомъ подлежащимъ властямъ, но изъ ближайшей отъ меня гостиницы „Имперіаль“, откуда я хотѣлъ телефонировать, мнѣ отвѣтили, что телефонъ не дѣйствуетъ. Около 4-хъ часовъ пополуночи мнѣ сообщили, что телефонъ уже дѣйствуетъ, и я сейчасъ же отправился въ названную гостиницу. Сначала я вызвалъ кабинетъ градоначальника. Къ телефону сначала подошелъ какой-то чиновникъ особыхъ порученій, а затѣмъ состоящій при градоначальникѣ капитанъ Невражинъ, которому я сообщилъ, что солдаты карантинной стражи

безпрепятственно грабятъ Дерибасовскую. Я назвалъ при этомъ свое служебное положеніе и объяснилъ, что я лично наблюдаю грабежъ уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Капитанъ Неврaжинъ, выслушавъ меня, отвѣтилъ: „Благодарю васъ за сообщеніе. Мѣры будутъ приняты". Затѣмъ я вызвалъ управленіе полицеймейстера. Отъ дежурнаго надзирателя я узналъ, что дежурнымъ приставомъ при управленіи значится приставъ Херсонскаго участка Паращенко. Я попросилъ дежурнаго надзирателя пригласить къ телефону Паращенко. Надзиратель отошелъ отъ телефона исполнить мое порученіе. Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ къ телефону, онъ мнѣ доложилъ, что Паращенко въ управленіи нѣтъ. На всякій случай я сообщилъ и надзирателю о грабежѣ солдатами Дерибасовской и поручилъ ему доложить объ этомъ по начальству. Послѣ этого я вызвалъ канцелярію начальника обороны города генерала Глаголева, помѣщавшуюся въ старомъ зданіи семинаріи. Къ телефону подошелъ кто-то, назвавшійся адъютантомъ начальника обороны, и я сообщилъ ему о грабежѣ солдатъ. Адъютантъ мнѣ сказалъ: „Будетъ посланъ патруль". Я возразилъ, что, по моему мнѣнію, недостаточно послать только патруль и что слѣдовало бы послать большую воинскую часть подъ командой офицеровъ, такъ какъ солдатъ-грабителей много. Адъютантъ недовольнымъ тономъ отвѣтилъ: „Будетъ посланъ патруль. Все будетъ сдѣлано"—а затѣмъ прекратилъ разговоръ. Вернувшись изъ гостиницы домой, я, вмѣстѣ со своимъ знакомымъ, продолжалъ стоять у открытаго окна и выжидалъ, какія именно мѣры будутъ приняты для прекращенія грабежа. Я и мой знакомый отошли отъ окна въ 4 часа 55 минутъ пополуночи и до этого времени рѣшительно никакихъ мѣръ принято не было, не появилось даже ни одного разъѣзда, ни одного патруля и солдаты по-прежнему продолжали безпрепятственно уносить награбленные товары.

На другой день, 20-го, меня разбудили въ 8 часовъ утра и сообщили, что толпа разбиваетъ магазинъ часовъ и золотыхъ издѣлій Зильбергера, расположенный противъ того дома, гдѣ я живу. Подойдя къ окну, я увидѣлъ, что на мостовой передъ магазиномъ Зильбергера стоитъ небольшая группа людей съ національными флагами и портретами государя, а другая группа, приблизительно человѣкъ въ 20—30, разбиваетъ желѣзныя шторы магазина. Около 10 часовъ утра, когда разгромъ магазина Зильбергера еще продолжался и, по словамъ владѣльца магазина, громилы разбивали внутри магазина кассу, я вызвалъ по теле-

фону (изъ гостиницы „Имперіаль“) Бульварный полицейскій участокъ, намѣреваясь призвать на Дерибасовскую улицу воинскій отрядъ или же нарядъ полиціи. Къ телефону подошелъ п. д. пристава Шишкинъ, которому я заявилъ, что Дерибасовскую опять безпрепятственно громятъ и никто никакихъ мѣръ не принимаетъ. Шишкинъ возразилъ мнѣ раздраженнымъ тономъ: „Такъ что же я могу сдѣлать“. Я ему сказалъ, что вѣдь въ его распоряженіи, въ зданіи участка, есть же, вѣроятно войска. Шишкинъ отвѣтилъ: „Есть, но для охраны участка. Я нахожусь въ осадномъ положеніи, на меня въ атаку жиды ходятъ“. Послѣ этого случая я уже рѣшилъ не обращаться больше за содѣйствіемъ къ административнымъ и военнымъ властямъ, глубоко убѣдившись, что это безцѣльно, такъ какъ названныя власти не желаютъ оказать никакой помощи и защиты мирнымъ жителямъ и позволяютъ черни и войскамъ безпрепятственно убивать и грабить.

Весь день 20 октября по прежнему раздавались ружейные залпы и одиночные выстрѣлы, по прежнему по городу безпрепятственно бродили шайки убійцъ и грабителей, а войска продолжали стрѣлять по домамъ мирныхъ жителей.

Въ тотъ день на Дерибасовской улицѣ жандармами и городовымъ былъ убитъ, въ числѣ многихъ другихъ, студентъ Канаянцъ.

21 октября, около 3 часовъ дня, противъ моей квартиры въ 4-мъ этажѣ гостиницы „Имперіаль“ убита была проѣзжавшимъ по улицѣ солдатомъ 3-хъ-лѣтняя дѣвочка Елена Вайнгуртъ, сидѣвшая у закрытаго окна на рукахъ своего отца. У отца дѣвочки той же пулей пробита насквозь кисть руки. Объ этомъ случаѣ, за бездѣйствіемъ полиціи, мною было произведено дознаніе, переданное затѣмъ судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ.

Не стану перечислять другихъ фактовъ, очевидцемъ которыхъ мнѣ пришлось быть, и ограничиваюсь изложеніемъ только наиболѣе характерныхъ, ясно указывающихъ, кто былъ истиннымъ вдохновителемъ, пособникомъ и попустителемъ неслыханныхъ, вопіющихъ преступленій, совершенныхъ въ Одессѣ 19, 20 и 21 минувшаго октября.

Товарищъ прокурора *Каминскій.*

Ноября 1 дня 1905 года.—Гор. Одесса. № 2.

Показаніе свидѣтеля Головина судебному слѣдователю одесскаго окружнаго суда по важнѣйшимъ дѣламъ отъ 12 ноября 1905 г.

Я, подполковникъ Николай Степановичъ *Головинъ*, званіе мое и. д. полицеймейстера города Одессы, проживаю въ д. № 44 по Преображенской улицѣ въ зданіи полиціи, вѣроисповѣданія православнаго. Съ наступленіемъ учебнаго года, вслѣдствіе нѣкоторыхъ льготъ, среди учащейся молодежи мѣстныхъ учебныхъ заведеній, преимущественно университетской, стало проявляться усиленное движеніе, которое выразилось стремленіемъ къ организаціи сходокъ, при участіи совершенно постороннихъ лицъ. Мѣстомъ назначенія сходокъ выбраны были помѣщенія медицинскаго факультета, на Ольгіевской улицѣ. До настоящаго времени такихъ сходокъ, съ вѣдома и разрѣшенія университетскаго начальства состоялось нѣсколько: первая сходка была 17 октября. Общій характеръ ея, а также достигнутые ею результаты не могли быть выяснены, вслѣдствіе возникшихъ между собравшимися, съ самаго начала сходки, разногласій и безпорядка. Вторая сходка состоялась 23 сентября. Въ ней приняло участіе около 2000 студентовъ и обсуждались первые три пункта приложенной программы (въ копіи). По полученнымъ свѣдѣніямъ настроеніе участниковъ этой сходки характеризовалось содержаніемъ приложенной (въ копіи) прокламаціи. Главнымъ предметомъ обсужденія былъ вопросъ объ объединеніи всѣхъ партій и общей организаціи студенчества въ цѣляхъ упорядоченія общихъ собраній и достиженія сходками болѣе положительныхъ результатовъ, въ смыслѣ измѣненія существующаго государственнаго строя. Обсуждался вопросъ о необходимости снятія въ Одессѣ военнаго положенія, которое, по общему убѣжденію студентовъ, тормозитъ развитіе политическихъ собраній. Всѣ ораторы сходки, говоря о поставленныхъ на очереди вопросахъ, уклонялись въ сторону и произносили рѣчи на современныя политическія темы. Во время перерывовъ пѣлись революціонныя пѣсни и раздавались прокламаціи, послѣдствіемъ чего временнымъ генералъ-губернаторомъ было издано и опубликовано постановленіе, что посторонняя публика въ университетъ не допускается; при неисполненіи сего, виновные подвергаются штрафу въ размѣрѣ 3000 рублей или аресту на 3 мѣсяца. Такое постановленіе произвело должное впечатлѣніе, и на слѣдующія сходки посторон-

няя публика проникла въ небольшомъ количествѣ. На послѣдующихъ сходкахъ рѣшались вопросы чистоакадемическаго характера, а также о допускѣ въ университетъ евреевъ безъ процентнаго содержанія и женщинъ. По снятіи военнаго положенія на общія сходки въ университетъ собралось до 10 тысячъ и больше посторонней публики, которой говорились рѣчи революціоннаго направленія, раздавались прокламаціи, призывающія къ вооруженному возстанію, и собирались среди публики пожертвованія на вооруженіе борцовъ за свободу. Согласно постановленію частной сходки 14 октября, на 15-ое число была назначена общая сходка. Съ 9 часовъ утра 15 октября, къ главному зданію университета на улицѣ Витте стали собираться студенты, ученики разныхъ учебныхъ заведеній, въ возрастѣ отъ 13 лѣтъ, рабочіе, разныя лица неопредѣленныхъ профессій и вообще уличная толпа, причемъ евреи являлись преобладающимъ элементомъ, откуда скоро вышли и небольшими группами направились къ зданію медицинскаго факультета на Ольгіевской улицѣ. Къ 11 часамъ утра туда прибыли желѣзнодорожные служащіе, телеграфисты и другія лица разныхъ профессій, рода службы и категорій, въ общемъ до 7 тысячъ человѣкъ. У входа въ аудиторіи и въ вестибюлѣ зданія стояли женщины съ протянутыми въ рукахъ студенческими фуражками и съ записками на груди „Жертвуйте на вооруженіе рабочихъ“,— проходящая публика бросала въ эти шапки деньги. На этой сходкѣ была выработана программа дѣйствій къ предстоящей, въ понедѣльникъ 17 октября, всеобщей рабочей забастовкѣ въ городѣ, причемъ рѣшено, что при производствѣ уличныхъ демонстрацій впереди забастовщиковъ должны находиться дѣти,—уличные мальчишки и дѣвочки, затѣмъ гимназисты и другіе воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній; въ случаѣ столкновенія толпы съ полиціей, послѣдняя, встрѣтивъ безотвѣтный элементъ демонстрантовъ, лишена была бы возможности принять репрессивныя мѣры противъ толпы, при этомъ каждый долженъ быть вооруженъ для самозащиты. Всѣ рѣчи вызывали возгласы сочувственнаго одобренія громадной толпы слушателей и покрывались шумными аплодисментами и криками: „Долой самодержавіе“. Сходка продолжалась до 9 часовъ вечера, съ небольшимъ перерывомъ около 3-хъ часовъ дня. По окончаніи сходки публика небольшими группами разошлась по разнымъ направленіямъ подъ наблюденіемъ полицейскаго наряда, не дававшаго имъ возможности группироваться. Наканунѣ этой сходки, 14 октября въ 8 часовъ утра, я получилъ свѣдѣнія, что забастовавшіе ученики коммерческаго училища Файга

и императора Николая I, собираются на сходку въ университетъ, который былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ, откуда ученики, предводительствуемые студентами, должны были идти по учебнымъ заведеніямъ и насильственнымъ образомъ прекращать занятія во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Мною было сдѣлано распоряженіе по телефону по всѣмъ полицейскимъ участкамъ разослать городовыхъ къ названнымъ учебнымъ заведеніямъ для предупрежденія уличнаго безпорядка. Черезъ часъ времени было получено донесеніе изъ Бульварнаго участка, что на Надеждинской улицѣ толпа коммерсантовъ прекратила занятія въ частной женской гимназіи, но встрѣченная полицейскимъ нарядомъ была разсѣяна; затѣмъ начали поступать свѣдѣнія изъ другихъ мѣстъ о насильственномъ удаленіи учениковъ и учениць изъ гимназій и реальныхъ училищъ, при этомъ больше всего собралась толпа возлѣ частной гимназіи Березиной на Канатной улицѣ и Ришельевской мужской гимназіи на Садовой улицѣ, въ обоихъ пунктахъ толпа оказывала сопротивленіе полиціи, бросая въ нее камнями и палками. Среди городовыхъ Бульварнаго участка возлѣ гимназіи Березиной были двое раненыхъ городовыхъ. Такими дѣйствіями толпы забастовавшихъ учениковъ нарушили порядокъ на улицѣ, вслѣдствіе чего г. градоначальникъ въ 12 часовъ дня просилъ командующаго войсками вызвать нарядъ войскъ, согласно сдѣланному наставленію (которое при семъ прилагается). Къ двумъ часамъ войска начали занимать свои районы и къ этому же времени порядокъ въ городѣ былъ возстановленъ, почему войска, по докладу командующаго войсками, градоначальникомъ были отпущены около 5 часовъ вечера. Большинство учащейся молодежи старшихъ классовъ и приняли участіе на сходкѣ въ университетѣ 15 числа. 15-го числа утромъ начали бастовать провизоры и служащіе аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ, вслѣдствіе чего къ вечеру аптеки прекратили выдавать лекарства. Того же числа днемъ состоялось экстренное засѣданіе директоровъ частныхъ банковъ, на которомъ было рѣшено закрыть для всякихъ денежныхъ операцій банки и банкирскія конторы. 15-го числа уличный порядокъ нарушенъ не былъ. Того же числа, вслѣдствіе назначенной на 16 число съ 9 час. утра общедоступной сходки въ университетѣ, мною было получено распоряженіе отъ г. градоначальника съ утра 16 числа занять улицы, прилегающія къ зданіямъ университета цѣпью войскъ и допускать на сходку только лицъ, носящихъ студенческую форму. О недопускѣ на сходки въ университетъ посторонней публики 16 октября утромъ были расклеены,

по распоряженію градоначальника, по улицамъ плакаты (образецъ прилагаю). Въ 7 часовъ утра 16 числа, взявъ къ университету 4 дежурныхъ роты, я занялъ всѣ прилегающія улицы и отдалъ приказаніе не пропускать частныхъ лицъ, студентовъ же не задерживать. Начиная съ 8 часовъ утра по всѣмъ прилегающимъ улицамъ къ зданіямъ университета направлялась публика, преимущественно учащаяся молодежь, фабричные и лица всевозможныхъ профессій, при этомъ преобладала еврейская молодежь. Въ 10 часовъ утра я поѣхалъ къ градоначальнику и, доложивъ ему объ этомъ, добавилъ, что для поддержанія уличнаго порядка мною вызваны въ зданіе старой семинаріи дежурная сотня казаковъ и пятая дежурная рота пѣхоты,—конная жандармская команда въ составѣ 10 человѣкъ была отправлена въ распоряженіе пристава херсонскаго участка къ университету. Оставаясь въ квартирѣ градоначальника, я получилъ телефонное сообщеніе, что толпа демонстративно пошла по Херсонской улицѣ по направленію къ Преображенской,—на встрѣчу ей были по моему распоряженію высланы казаки. Очистивъ Преображенскую улицу отъ толпы, они проѣхали къ университету, а толпа, снова соединившись, частью пошла по Преображенской, а частью на Дерибасовскую, гдѣ начала останавливать извозчиковъ и предлагать пассажирамъ идти пѣшкомъ, затѣмъ, дойдя до американскаго магазина оружій разгромила его и забрала ружья, палки и револьверы. Патроны наканунѣ вечеромъ, по распоряженію градоначальника, были взяты изъ всѣхъ магазиновъ и спрятаны по полицейскимъ участкамъ. Послѣ моего доклада о происшедшемъ, градоначальникъ по телефону просилъ командующаго войсками вызвать всѣ войска, назначенныя, по наставленію, для оказанія содѣйствія полиціи. Въ это время начали поступать свѣдѣнія, что толпы въ разныхъ мѣстахъ опрокидывали вагоны конокъ и начали оказывать вооруженное сопротивленіе полиціи,—такъ былъ раненъ въ ногу выстрѣломъ изъ револьвера конный жандармъ, который будто бы ранившую его женщину (еврейку) ударилъ обнаженной шашкой и нанесъ ей серьезную рану. Потерпѣвшая была задержана и отправлена въ еврейскую больницу. Затѣмъ начали поступать свѣдѣнія о баррикадахъ, которыя дѣлались на разныхъ улицахъ. Къ этому времени, т. е. къ часу съ половиной дня, прибыли войска и начали водворять уличный порядокъ по своимъ районамъ. Упорное сопротивленіе оказали демонстранты за баррикадой на углу Мѣщанской и Большой Арнаутской улицъ,—посланная рота изъ старой семинаріи просила послать ей помощь,

такъ какъ она одна не могла разобрать баррикаду, изъ-за которой все время производились выстрѣлы,—была отправлена рота саперъ, которая возвратилась черезъ часъ и командиръ роты доложилъ, что послѣ сдѣланнаго первой ротой залпа толпа, оставивъ 5 человѣкъ убитыхъ разсѣялась; тогда саперы начали разбирать баррикаду подъ одиночными револьверными выстрѣлами, производившимися изъ толпы и оконъ сосѣднихъ домовъ, при этомъ одна пуля пробила младшему офицеру саперной роты пальто, но раны не сдѣлала. Убитые были доставлены въ еврейскую больницу. Остальныя баррикады также были разрушены войсками и къ вечеру порядокъ былъ возстановленъ. При возникновеніи безпорядка среди толпы сразу появилось много братьевъ и сестеръ милосердія, одѣтыхъ въ бѣлые костюмы Краснаго Креста, которые, разъѣзжая на извозчикахъ, подбирали раненыхъ и демонстративно провозили ихъ по улицамъ города, направляясь въ больницу или клинику университета. Почти во всѣхъ аптекахъ, гдѣ вслѣдствіе забастовки была прекращена выдача лекарствъ частной публикѣ, были вывѣшены плакаты: „Перевязочный пунктъ“, — такой же пунктъ былъ устроенъ въ частномъ домѣ на углу Мѣщанской и Б.-Арнаутской улицъ, возлѣ баррикады. Въ продолженіе дня всѣ свѣдѣнія о возникновеніи безпорядковъ на разныхъ улицахъ передавались по телефону въ зданіе старой семинаріи, гдѣ былъ расположенъ резервъ войскъ, начальникомъ котораго былъ согласно наставленія генералъ-маіоръ Глаголевъ, который и дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. 17-го октября съ утра было возобновлено движеніе конокъ и уличная жизнь пошла обыденнымъ порядкомъ. Возлѣ университета продолжали стоять войска и доступъ посторонней публикѣ былъ воспрещенъ. День прошелъ спокойно, хотя настроеніе публики было приподнято вслѣдствіе происшедшихъ наканунѣ безпорядковъ. Войска по участкамъ и въ резервѣ продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ. Вечеромъ того же дня толпа студентовъ, курсистокъ и еврейской молодежи, придя въ городскую думу, гдѣ было экстренное засѣданіе по случаю событія дня, предложили публикѣ и гласнымъ думы почтить своимъ присутствіемъ торжественныя похороны, которыя они предполагали устроить „борцамъ за свободу“, павшимъ на баррикадахъ 16 числа; нѣкоторые гласные изъявили свое согласіе. Похороны были назначены 19 числа въ 11 часовъ утра. Г. градоначальникъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, въ 12 часовъ ночи передалъ мнѣ по телефону приказаніе взять нарядъ войскъ, назначить за старшаго одного изъ моихъ помощниковъ, взять трупы

изъ еврейской больницы въ 3 часа ночи и похоронить. Доложивъ объ этомъ распоряженіи генералу Глаголеву, я попросилъ нарядъ войскъ: одну роту пѣхоты и эскадронъ драгунъ и въ два часа ночи, съ помощникомъ полиціймейстера Кисляковскимъ, этотъ нарядъ отправился въ еврейскую больницу, гдѣ были взяты пять труповъ; двое были похоронены на Новомъ христіанскомъ кладбищѣ, а трое евреевъ на еврейскомъ. 18 числа съ 8 часовъ утра было замѣчено усиленное движеніе еврейской молодежи обоего пола по центральнымъ улицамъ, группами стояли по угламъ на перекресткахъ и, повидимому, о чемъ-то совѣщались; среди нихъ было замѣчено много студентовъ и учащейся молодежи среднихъ учебныхъ заведеній. Около 10 часовъ утра, поѣхавъ съ суточнымъ рапортомъ къ градоначальнику, я замѣтилъ на Преображенской улицѣ большую толпу народа, движущуюся по направленію зданія полиціи отъ Соборной площади; возвратившись назадъ въ семинарію, я объ этомъ доложилъ генералу Глаголеву, прося для охраны зданія полиціи послать роту солдатъ. Въ это время изъ Александровскаго участка было получено сообщеніе по телефону, что большая толпа демонстрантовъ съ красными флагами, преимущественно евреевъ, по Пушкинской улицѣ направилась къ думѣ. Генералъ Глаголевъ объ этомъ доложилъ по телефону командующему войсками и, переговоривъ съ нимъ, отдалъ приказаніе по всѣмъ участкамъ и бывшимъ въ этой комнатѣ офицерамъ, чтобы войска, стоявшія на улицахъ, были сняты и не препятствовать толпѣ ходить по городу съ красными флагами, въ виду полученнаго манифеста. Приказаніе было сейчасъ же исполнено. Около 11 часовъ утра докторъ Пурицъ изъ еврейской больницы передалъ по телефону, что громадная толпа манифестантовъ окружила больницу и требуетъ выдачи взятыхъ наканунѣ труповъ, при этомъ угрожаетъ его жизни, и онъ проситъ выдать ему разрѣшеніе на кладбище для полученія труповъ обратно. Я сказалъ Пурицу, что это зависитъ отъ градоначальника, а не отъ меня, и я самостоятельно отмѣнить его распоряженія не имѣю права. Чрезъ нѣсколько минутъ я по телефону получилъ приказаніе отъ градоначальника выдать доктору Пурицу похороненные ночью трупы. Помощникъ полиціймейстера Кисляковскій принесъ мнѣ въ семинарію для подписи два отношенія—одно на имя смотрителя Новаго христіанскаго кладбища, а второе на имя смотрителя еврейскаго кладбища, въ которыхъ я, по приказанію градоначальника, прошу выдать трупы доктору Пурицу. При какихъ условіяхъ и кому были выданы трупы докторомъ Пурицомъ,

мнѣ неизвѣстно. Черезъ нѣкоторое время мнѣ доложилъ приставъ Паращенко, бывшій въ этотъ день дежурнымъ по городу и находившійся при моей канцеляріи, что громадная толпа стоитъ противъ зданія полиціи и требуетъ освобожденія политическихъ арестованныхъ, взятыхъ на улицахъ 16 числа. Я приказалъ приставу сказать толпѣ, что у насъ камеръ нѣтъ, и арестованные при зданіи полиціи не содержатся. Приставъ въ удостовѣреніе моего распоряженія пригласилъ изъ толпы трехъ студентовъ, повелъ ихъ во дворъ и указалъ, что у насъ нѣтъ арестантскихъ камеръ,—тогда толпа поволновавшись, но видя присутствіе во дворѣ роты пѣхоты, понемногу, запѣвъ Марсельезу, пошла внизъ по Преображенской улицѣ. Доложивъ объ этомъ градоначальнику, я получилъ распоряженіе освободить по всѣмъ участкамъ, а также изъ тюрьмы всѣхъ арестованныхъ за безпорядки 16 октября. Пока это распоряженіе передавалъ по телефону, вторая громадная толпа подошла къ зданію Александровскаго участка, гдѣ также потребовала освобожденія арестованныхъ, причемъ ректоръ университета Занчевскій, въ сопровожденіи студента, съ этимъ требованіемъ обратился къ начальнику участка, командиру 205 Измаильскаго полка, полковнику Варыбаеву,—послѣдній отвѣтилъ, что безъ разрѣшенія градоначальника онъ этого сдѣлать не можетъ и пошелъ спросить по телефону, на что получилъ отвѣтъ сказать Занчевскому, чтобы онъ раньше освободилъ избитаго и израненнаго толпой демонстрантовъ городового Александровскаго участка, Андрея Губія. Занчевскій на это согласился и вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его студентомъ уѣхалъ къ мѣсту избіенія и задержанія Губія. Для провѣрки его дѣйствій полковникъ Варыбаевъ послалъ взводъ драгунъ вмѣстѣ съ офицеромъ. Когда офицеръ прибылъ и доложилъ, что искалѣченый городовой отправленъ въ больницу Краснаго Креста, тогда были освобождены арестованные. За время поѣздки Занчевскаго, возбужденная еврейская толпа, не переставая, наносила наглыя оскорбленія чинамъ полиціи и войскамъ, стоявшимъ во дворѣ участка. Такимъ путемъ были освобождены изъ всѣхъ полицейскихъ участковъ арестованные. Въ то же время было донесено, что околоточнаго надзирателя Михайловскаго участка, Полянчикова, толпа евреевъ, шедшая съ красными флагами, задержала избила и выколола глаза, но онъ былъ отбитъ и доставленъ въ больницу Краснаго Креста. Городовой Андрей Губій въ тотъ же день умеръ, а надзиратель Полянчиковъ быль только сильно избитъ и находится на излеченіи въ больницѣ Краснаго Креста. Послѣ этого стали поступать

по телефону другіе слухи о насиліи толпы надъ чинами полиціи, которые по повѣркѣ впослѣдствіи не подтвердились; объ этихъ слухахъ я докладывалъ г. градоначальнику и онъ распорядился снять постовыхъ городовыхъ съ постовъ, собрать ихъ въ участкахъ и посылать по городу патрулями, дабы предупредить нападенія на одиночныхъ городовыхъ. Демонстративныя толпы евреевъ съ красными флагами, съ пѣніемъ Марсельезы и съ криками „долой царя, долой самодержавіе", безпрепятственно ходили по улицамъ города, нагло заставляли встрѣчныхъ снимать шапки и вызывающе держали себя по отношенію лицъ, не сочувствующихъ такому движенію. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ толпа демонстрантовъ, приблизившись къ зданію думы, водрузила здѣсь красный флагъ и сорвала слова „Боже царя храни". Отдѣльныя личности, ставъ на возвышеніи, начали толпѣ говорить рѣчи революціоннаго характера, причемъ народу въ большомъ количествѣ раздавались возмутительныя по своему содержанію прокламаціи „Кровавый царь". Толпа направлявшаяся по Преображенской улицѣ отъ Новорыбной по направленію къ зданію участка на углу Почтовой и Преображенской, была встрѣчена мною съ ротой солдатъ; впереди толпы везли на платформѣ какую-то черную фигуру, украшенную сзади изъ-за плечъ двумя красными флагами, а позади фигуры стояла въ красномъ платьѣ еврейка, имѣвшая въ рукахъ нагайку;—толпу эту, не допустивъ до участка, я свернулъ на Тираспольскую улицу. Во время этихъ демонстрацій начали все чаще и чаще поступать свѣдѣнія объ издѣвательствѣ толпы надъ отдѣльными лицами православнаго вѣроисповѣданія,—эти слухи очень быстро распространялись по городу и къ вечеру, когда всѣ демонстраціи окончились, среди русскаго населенія города, въ особенности простого класса, начало пробуждаться чувство ненависти къ еврейскому населенію, такъ нагло и открыто насмѣхавшемуся надъ существующимъ государственнымъ строемъ. Принимая во вниманіе крайне враждебное настроеніе части русскаго общества противъ евреевъ и не желая на ночь оставить городъ безъ полицейской охраны, я по телефону просилъ градоначальника исходатайствовать разрѣшеніе у командующаго войсками поставить на посты городовыхъ вмѣстѣ съ солдатами. Градоначальникъ не согласился съ моимъ предложеніемъ, говоря, что имъ сдѣлано распоряженіе посылать изъ резервовъ патрули солдатъ, а изъ участковъ патрули городовыхъ. Затѣмъ, около 12 часовъ ночи по телефону сказалъ мнѣ, что сейчасъ у командующаго войсками были ректоръ университета съ городскимъ головой, которые просили его

разрѣшить вмѣсто городовыхъ поставить милицію, на что командующій войсками, заручившись согласіемъ градоначальника, выразилъ также свое согласіе. На всѣ мои возраженія о невозможности ввѣрить охрану города милиціи, градоначальникъ не соглашался, говоря, что милиція успокоитъ гражданъ и пробудетъ всего 3 дня; тогда я сказалъ, что при такихъ условіяхъ я не могу брать на себя дальнѣйшую отвѣтственность за порядокъ въ городѣ и прошу снять съ меня обязанности по должности полиціймейстера. Нѣкоторое время спустя, въ эту же ночь ко мнѣ поступили донесенія, что на улицѣ стоятъ вооруженные студенты и наблюдаютъ за уличнымъ порядкомъ, причемъ арестованныхъ отправляютъ въ зданіе университета. На слѣдующій день утромъ, т. е. 19 числа, я подалъ градоначальнику рапортъ о болѣзни и рапортъ о снятіи съ меня обязанности по должности полиціймейстера; вмѣсто меня съ 19 числа былъ назначенъ мой помощникъ подполковникъ фонъ-Гесбергъ, 19 октября были назначены въ 11 часовъ утра похороны жертвъ, почившихъ 16 числа,—съ утра по пути слѣдованія процессіи по Херсонской и Преображенской улицамъ, опять начали группироваться толпы учащейся молодежи и евреевъ. Около 10 часовъ по пути слѣдованія начали развѣшивать траурные флаги по газовымъ столбамъ и воротамъ частныхъ домовъ; былъ повѣшенъ флагъ и на воротахъ зданія полиціи. Улицы, какъ и наканунѣ были въ рукахъ демонстрантовъ, полиція и войска бездѣйствовали, движеніе конокъ не возобновлялось. Въ это время, т. е. около 11 часовъ утра, было передано по телефону въ семинарію, что въ порту на Таможенной площади, образовалась большая толпа русскихъ манифестантовъ, которые съ портретомъ государя императора, національными флагами и пѣніемъ народнаго гимна, направляются въ городъ; затѣмъ было передано, что манифестація подошла ко дворцу командующаго войсками и просила военный оркестръ, на что послѣдовало разрѣшеніе. Отъ дворца они подошли къ думѣ, сняли красный флагъ и водрузили національный. Когда эти свѣдѣнія дошли до еврейскихъ группъ, то они моментально начали расходиться по разнымъ направленіямъ, говоря, что похороны отложены и, дѣйствительно, похороны не состоялись. Одновременно съ манифестаціей шедшей изъ порта, собралась громадная толпа манифестантовъ на Куликовомъ полѣ, которая пошла по Екатерининской улицѣ. Вскорѣ послѣ этого начали поступать свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ, что въ русскую манифестацію евреи производятъ изъ оконъ, крышъ домовъ и воротъ стрѣльбу изъ револьверовъ и въ этихъ мѣстахъ манифестанты начали

громить. и избивать евреевъ; въ такіе пункты, по распоряженію генерала Глаголева, были посылаемы отдѣльныя части войскъ, роты, эскадроны и сотни; возвращающіеся начальники частей докладывали, что евреи стрѣляютъ и по войскамъ; тогда было отдано распоряженіе дѣлать залпы по тѣмъ домамъ, изъ которыхъ производится стрѣльба. Сейчасъ же по улицамъ опять появились въ большомъ количествѣ санитарные отряды, которые, прикрываясь одѣяніемъ краснаго креста, имѣли повсюду свободный пропускъ, но это безцѣльное движеніе, по четыре человѣка на извозчикахъ и раздававшіеся выстрѣлы послѣ ихъ проѣзда, возбудило подозрѣніе у войскъ, ихъ начали останавливать и осматривать; оказалось, что большинство изъ нихъ были вооружены револьверами или имѣли при себѣ патроны, такихъ лицъ задерживали и передавали чинамъ полиціи, (составленные протоколы при этомъ прилагаю). Въ этотъ же день дѣйствовала по городу милиція, состоящая изъ нѣсколькихъ группъ студентовъ. (Протоколы при семъ прилагаю). Кромѣ того, было задержано много лицъ изъ еврейской самообороны (протоколы прилагаю). При проходѣ русскихъ манифестацій, въ толпу не только стрѣляли изъ револьверовъ, но и бросали бомбы; такъ была брошена бомба противъ семинаріи, которой было убито нѣсколько человѣкъ, а также ранены два солдата; вторая бомба разорвалось на Пушкинской улицѣ, возлѣ Парижской гостинницы, убившая на мѣстѣ лицо, несшее ее, — впереди этого мѣста прошла русская манифестація и, повидимому, бомба приготовлялась для этой группы, но вслѣдствіе какихъ-то причинъ бомба разорвалась самостоятельно. Подобное дѣйствіе самообороны съ циркулирующими по городу слухами о звѣрствахъ, производимыхъ евреями надъ русскими, вызвало возмездіе со стороны послѣднихъ, которое разразилось громаднымъ погромомъ еврейскаго имущества и большимъ числомъ убитыхъ жертвъ. По городу ходилъ слухъ, что на улицахъ задерживаютъ русскихъ, бьютъ ихъ и затѣмъ отправляютъ съ санитарами въ университетскую клинику; ко мнѣ поступило два такихъ заявленія — одно переодѣтаго городового бульварнаго участка Василія Ревенко, протоколъ о коемъ представленъ приставомъ бульварнаго участка 29 октября за № 31719 прокурору одесскаго окружнаго суда и второе заявленіе кучера Ивана Кисленко, протоколъ о коемъ 8 ноября за № 9911 переданъ приставу Херсонскаго участка для направленія по подсудности. На дальнѣйшіе ваши вопросы объясняю: 1) Какого либо разрѣшенія на ношеніе по улицамъ флаговъ красныхъ или національныхъ, царскихъ портретовъ и иконъ полиціей даваемо не было

и за такими разрѣшеніями въ полицію не обращались. 2) Какого либо распоряженія или разрѣшенія городовымъ снимать съ фуражекъ гербы съ номерами дѣлаемо не было, но я слышалъ, что городовые снимали только гербы города Одессы. 3) О случаяхъ провокаторскихъ выстрѣловъ съ цѣлью вызвать обстрѣлъ домовъ войсками мнѣ не приходилось слышать. 4) Изъ объясненій съ градоначальникомъ я понялъ, что разрѣшенная имъ и командующимъ войсками милиція должна была состоять изъ студентовъ, которые заняли бы посты на улицахъ и функціи ея предполагались въ теченіе трехъ ближайшихъ дней — въ видахъ успокоенія населенія. О какой либо организаціи милиціи, по которой можно было бы судить, что это именно милиція, а не собраніе частныхъ лицъ, рѣчи не было, и это обстоятельство вѣроятно могло вызвать недоразумѣнія среди войскъ, отбиравшихъ у студентовъ револьверы. 5) Была ли организована какая либо самооборона среди желѣзнодорожныхъ служащихъ и имѣла ли она столкновенія съ войсками, мнѣ неизвѣстно. Я сдалъ свою должность своему помощнику фонъ Гесбергу 19 октября утромъ и съ этого момента распоряжался уже онъ, а не я.

Отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ *Головинъ*.

Объявленіе въ печати градоначальника Нейдгарта жителямъ отъ 20 октября 1905 г.

Отъ Одесскаго градоначальника.

Чтобы остановить грабежи, развившіеся со снятіемъ полицейской охраны, а снята она потому, что нападенія на единичныхъ городовыхъ стали многочисленны, посылаются патрули отъ войскъ и полиціи, по которымъ стрѣляютъ жители изъ оконъ, нанося этимъ непоправимый вредъ себѣ же самимъ. Милиціи въ Одессѣ нѣтъ, закономъ установленной. Убѣдительно прошу остановить стрѣльбу изъ оконъ во избѣжаніе необходимости разрушать артиллеріею дома, изъ которыхъ стрѣляютъ.

Градоначальникъ *Нейдгартъ*.

20 октября 11 ч. дня, 1905 г.

Объявленіе его же отъ того же числа.

Отъ одесскаго градоначальника.

Ко мнѣ обращаются многочисленные жители съ просьбами возстановить полицейскую охрану. Это возможно, если около каж-

даго городового станетъ 10 гражданъ, которымъ онъ довѣритъ свою жизнь. Желающимъ возстановить городовыхъ — обращаться въ участки къ приставамъ. Войска и полиція заняты прекращеніемъ грабежей. Стрѣльба изъ оконъ мѣшаетъ исполнять имъ задачу.

Градоначальникъ *Нейдгартъ*.

20 октября, 1 ч. дня, 1905 г.

Копія письма профессора Щепкина, помѣщеннаго въ № 6773 „Одесскихъ новостей“ отъ 30 октября.

М. Г., г. редакторъ. Въ „Вѣд. Одес. Градон.“ отъ 27 октября 1905 г. за № 226 напечатано заявленіе градоначальника Нейдгарта, направленное лично противъ меня. Въ виду цѣлаго ряда обвиненій, взводимыхъ здѣсь на меня, я оставляю за собою право привлечь г. градоначальника въ будущемъ къ суду, а пока, призывая въ свидѣтели городского голову Крыжановскаго и отчасти прокурора судебной палаты г. Поллана, утверждаю слѣдующее: 1) я ни 18 октября, да и вообще никогда, не говорилъ къ народу на площади думы или вообще подъ открытымъ небомъ; 2) я говорилъ съ г. градоначальникомъ по порученію совѣщательнаго комитета при городскомъ головѣ о необходимости вооружать населеніе Одессы для защиты отъ хулигановъ и о желательности созданія милиціи. Когда градоначальникъ Нейдгартъ указалъ мнѣ, что онъ не дозволитъ созданія милиціи, тогда я высказалъ, что ради спасенія собственной жизни, гласные думы принуждены будутъ организовать милицію собственными силами, т. е. захватнымъ правомъ. О разоруженіи городовыхъ захватнымъ правомъ я не говорилъ и никакихъ угрозъ г. градоначальнику не дѣлалъ.

Профессоръ *Евг. Щепкинъ*.

Одесса, 27 октября 1905 г.

Рапортъ прокурора одес. суд. палаты г. министру юстиціи.

Въ дополненіе къ моему рапорту отъ 28 сего октября за № 227, представляя при семъ номеръ газеты „Одесскія Новости“, въ которомъ помѣщено письмо профессора Щепкина, который, между прочимъ, призываетъ меня въ свидѣтели по поводу его

разговора съ одесскимъ градоначальникомъ Нейдгаргомъ, имѣю честь почтительнѣйше донести вашему превосходительству:

1) что 18 октября сего года утромъ я, дѣйствительно, былъ у градоначальника Нейдгарта, въ кабинетѣ котораго я засталъ уже г. г. профессора Щепкина и бывшаго одесскаго городского голову Крыжановскаго, которые о чемъ-то между собою разговоривали. Представляя какія-то требованія отъ имени союза или комитета (теперь не помню), г. г. Щепкинъ и Крыжановскій говорили: „это не наши личныя требованія, мы только уполномочены предъявить ихъ вашему превосходительству".

2) Во время разговора, г. градоначальникъ, обращаясь къ г. Щепкину, сказалъ ему: „такимъ образомъ, если полиція не будетъ разоружена, то вы это сдѣлаете захватнымъ правомъ?" Г. Щепкинъ, ничего не отвѣтивъ, сдѣлалъ какой-то жестъ руками. Что этотъ жестъ означалъ, я не знаю.

3) Разговоръ, молчаливымъ свидѣтелемъ котораго я былъ, носилъ дѣловой характеръ и я никакихъ угрозъ не слышалъ.

Прокуроръ одесской судебной палаты *А. Полланъ*.

Копія письма Крыжановскаго, помѣщеннаго въ газетѣ „Одесскія Новости" 2 ноября 1905 г.

М. г., г. редакторъ.

30 октября въ редактируемой вами газетѣ напечатано письмо профессора Е. Н. Щепкина, который призываетъ меня къ свидѣтельству, какъ присутствовавшаго при его разговорѣ съ одесскимъ градоначальникомъ Д. Б. Нейдгартомъ, происходившемъ 18 октября.

Въ виду этого, считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать слѣдующее:

18 октября утромъ, находясь въ зданіи судебной палаты, я получилъ отъ одесскаго градоначальника, по телефону, приглашеніе пріѣхать къ нему съ представителями союзныхъ организацій для совѣщанія о способахъ умиротворенія населенія. Заѣхавъ въ гор. управу, я сообщилъ объ этомъ находившимся тамъ представителямъ союзовъ, изъ которыхъ профессоръ Щепкинъ согласился отправиться со мною къ градоначальнику. При этомъ другіе представители союзовъ предъявили мнѣ нѣсколько требованій, ко-

торыя, по мнѣнію ихъ, вытекаютъ изъ свободъ, объявленныхъ высочайшимъ манифестомъ отъ 17 октября.

По прибытіи къ градоначальнику, я изложилъ только содержаніе упомянутыхъ выше требованій, не предъявляя ихъ ни отъ имени городской думы, такъ какъ подобнаго порученія дума на меня не возлагала, ни отъ имени совѣщательнаго комитета, такъ какъ этотъ комитетъ еще не былъ организованъ думою, а только былъ предположенъ.

Въ письмѣ профессора Щепкина я усматриваю поэтому одну ошибку. Точно такъ же, какъ и я, онъ могъ говорить не отъ имени совѣщательнаго комитета, еще не существовавшаго, а отъ имени тѣхъ представителей союзовъ, которые присутствовали въ подготовительномъ собраніи ихъ въ ночь на 18 октября и которыхъ профессоръ Щепкинъ, повидимому, считалъ уже вошедшими въ составъ совѣщательнаго комитета при гор. головѣ.

Все остальное содержаніе письма проф. Щепкина, по отношенію къ бесѣдѣ съ градоначальникомъ, я подтверждаю. Никакихъ угрозъ въ словахъ г. Щепкина я не усматривалъ и не слышалъ, чтобы онъ угрожалъ разоруженіемъ городовыхъ захватнымъ правомъ.

Профессоръ Щепкинъ вышелъ изъ квартиры градоначальника раньше меня. Съ тѣхъ поръ г. Щепкина я нигдѣ не встрѣчалъ и о томъ, что онъ говорилъ рѣчь на Думской площади, я ни отъ кого не слышалъ.

Послѣ ухода профессора Щепкина я высказалъ градоначальнику лично отъ себя одно только пожеланіе—о томъ, чтобы при похоронахъ лицъ, умершихъ въ университетской клиникѣ, на глаза участвующаго въ похоронной процессіи населенія не показывались вооруженные чины полиціи, такъ какъ появленіе ихъ, по моему мнѣнію, можетъ только способствовать нарушенію порядка.

Примите и пр. *П. Крыжановскій.*

Объявленія командующаго войсками одесскаго округа отъ 21 и 20 октября 1905 г.

Объявленіе.

Въ виду продолжающихся безпорядковъ и грабежей, командующій войсками приказалъ:

1) Принять самыя рѣшительныя мѣры противъ тѣхъ домовъ, изъ которыхъ стрѣляютъ и бросаютъ бомбы, не останавливаясь даже передъ разрушеніемъ ихъ.

2) Стрѣлять по грабителямъ и послѣ каждой стрѣльбы доносить по начальству о числѣ убитыхъ и раненыхъ.

Начальникъ штаба одесскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ *Безрадецкій.*

Отъ командующаго войсками одесскаго военнаго округа.

Объявляется для свѣдѣнія всѣмъ жителямъ г. Одессы и окрестностей, что войскамъ приказано истреблять на мѣстѣ оружіемъ всѣхъ безъ исключенія грабителей, нападающихъ на дома, магазины и мирныхъ жителей.

Подпись команд. войсками.

Отношеніе одесскаго градоначальника командующему войсками отъ 16 октября за № 365.

Въ виду полученнаго извѣщенія о предполагаемой забастовкѣ на телефонѣ, каковой уже теперь плохо дѣйствуетъ, а также задержанія толпой трамвайныхъ вагоновъ и устройства на улицахъ баррикадъ, прошу распоряженія вашего превосходительства о занятіи всего города войсками.

Градоначальникъ *Нейдгартъ* (11 ч. 15 м. утра).

Отношеніе совѣта новороссійскаго университета отъ 27 октября 1905 г. командующему войсками одесскаго округа.

Прилагая при семъ объявленіе одесскаго градоначальника, которое раздавалось сегодня на улицахъ гор. Одессы, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что совѣтъ императорскаго новороссійскаго университета, обсудивъ его содержаніе, постановилъ въ сегодняшнемъ засѣданіи довести до вашего свѣдѣнія, что онъ усматриваетъ въ означенномъ объявленіи попытку возстановить противъ проф. Щепкина и противъ университета вообще извѣстную часть населенія, и что эта попытка при современномъ возбужденномъ состояніи умовъ можетъ привести къ чрезвычайно печальнымъ послѣдствіямъ.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго, совѣтъ новороссійскаго университета покорнѣйше проситъ ваше высокопревосходительство дать охрану для всѣхъ зданій университета: на Преображенской, на ул. Витте и вокругъ Безымянной площади, а также на Институтской ул. при студенческомъ общежитіи.

Ректоръ *И. Занчевскій.*

Донесеніе одесскаго полицеймейстера Гесберга сенет. Кузьминскому 2 декабря 1905 г.

Вслѣдствіе предложенія отъ 30 ноября за № 3, доношу вашему превосходительству, что, какъ сообщилъ мнѣ бывшій одесскій полицеймейстеръ, подполковникъ Головинъ, 18 октября 1905 г., около 12 часовъ дня, послѣдовало словесное приказаніе бывшаго одесскаго градоначальника, камергера двора его величества Д. Б. Нейдгарта, переданное по телефону, о снятіи всѣхъ постовыхъ городовыхъ въ Одессѣ и сосредоточить ихъ при полицейскихъ участкахъ; объ исполненіи этого приказанія передано по телефону того же 18 октября, около 12 часовъ дня, во всѣ полицейскіе участки, послѣ чего городовые были сняты съ постовъ.

При этомъ представляю списокъ чиновъ полиціи, убитыхъ и раненыхъ во время октябрскихъ событій, а также и тѣхъ, кои насильственно были толпою обезоружены, и списокъ всѣхъ чиновъ одесской городской полиціи, состоявшихъ на службѣ во время октябрскихъ событій.

И. д. полицеймейстера,
подполковникъ *Гесбергъ*.

———

Списокъ нижнимъ чинамъ одесской городской полиціи, убитымъ и раненымъ во время октябрскихъ безпорядковъ.

1. *Бомбиръ*, Адамъ. Городовой Александровскаго уч. 16 октября, стоя у зданія участка вмѣстѣ съ другими городовыми, былъ раненъ въ правую лопатку на вылетъ черезъ спину ружейной пулей, изъ произведеннаго войсками залпа отъ зданія городского театра по направленію къ участку.

2. *Губій*, Андрей. Городовой Александровскаго уч. 18 октября, около 12 часовъ дня, стоя на посту, на углу Б. Арнаутской и Александровской улицъ, подвергся нападенію толпы евреевъ. Спасаясь отъ толпы, Губій забѣжалъ во дворъ дома Бакоша, № 19, по Александровской улицѣ, и спрятался тамъ на чердакѣ. Толпа евреевъ, сломавъ ворота и разобравъ часть крыши, нашла его тамъ и такъ изувѣчила, что онъ по дорогѣ въ больницу умеръ.

3. *Ивановъ*, Афанасій. Околодочный надзиратель Петропавловскаго уч. 18 октября, около 8 часовъ вечера, проѣзжая на извозчикѣ, въ штатскомъ платьѣ, подвергся нападенію самообороны, на углу Прохоровской и Мясоѣдовской ул. Нѣсколько человѣкъ стащили его съ дрожекъ и увлекли во дворъ д. № 20 по Прохоровской ул., гдѣ подвергли его всевозможнымъ издѣвательствамъ, а затѣмъ вывели на улицу и произвели въ него изъ револьверовъ нѣсколько выстрѣловъ, коими ранили Иванова въ шею и ногу.

4. *Полянчиковъ*, Егоръ. Околодочный надзиратель Михайловскаго уч. 18 октября, около 2 часовъ дня, проѣзжая на извозчикѣ по Б. Арнаутской ул., возлѣ дома № 105, былъ остановленъ толпой евреевъ, которая начала его бить. Вырвавшись, Полянчиковъ скрылся во дворѣ того же дома. Толпа ворвалась во дворъ, нашла его тамъ, раздѣла и, издѣваясь надъ нимъ, заставила слѣдовать за собой по улицѣ и нести красный флагъ, причемъ все время наносила ему побои, преимущественно по головѣ.

5. *Косиченко*, Калистратъ. Городовой Михайловскаго уч. 18 октября, около 7 часовъ вечера, шелъ по Прохоровской улицѣ, по направленію къ участку. Вблизи Тритецкаго переулка настигла толпа евреевъ, которая, окруживъ его, начала наносить побои палками, а затѣмъ нѣсколько евреевъ схватили его и стали держать, а одинъ изъ толпы произвелъ въ него три выстрѣла въ упоръ, двумя изъ коихъ ранилъ Косиченко въ правую кисть руки и въ правую ногу. Пораненія легкія.

6. *Романовъ*, Иванъ. Городовой Александровскаго уч. 18 октября, въ 6 часовъ вечера, возвращаясь изъ участка домой, возлѣ толкучаго рынка, подвергся нападенію толпы евреевъ, сильно избившей его палками и отобравшей казенный револьверъ.

7. *Емельяновъ*, Емельянъ. Городовой Бульварнаго уч. 19 октября, возвращаясь изъ окружнаго суда, подвергся нападенію на Базарной улицѣ толпы студентовъ, которая, избивъ Емельянова, отобрала у него револьверъ и шашку. 20 октября, утромъ, Емельяновъ найденъ въ своей квартирѣ, въ домѣ № 30, по Тираспольской улицѣ, застрѣлившимся.

8. *Демиденко*, Захарій. Городовой Михайловскаго уч. 19 октября, около 12 часовъ дня, проходилъ по Становой улицѣ. Въ это время евреи стрѣляли изъ разныхъ домовъ и вблизи аптеки, по той же улицѣ, былъ произведенъ выстрѣлъ изъ револьвера въ Демиденко, коимъ послѣдній раненъ въ правую руку навылетъ.

9. *Мацковъ*, Георгій. Городовой Херсонскаго уч. 19 октября,

около 6 часовъ вечера, возвращаясь изъ дома на службу и проходя по Становой улицѣ, подвергся нападенію толпы политическихъ манифестантовъ, состоящихъ исключительно изъ евреевъ, которые схватили его, отняли оружіе и подвергли побоямъ, причемъ Мацковъ получилъ большое количество колотыхъ ранъ. Находится въ больницѣ.

10. *Коваленко,* Поликарпъ. Городовой Бульварнаго уч. 19 октября раненъ въ правую ногу при атакѣ участка.

11. *Ревенко,* Василій. Городовой Бульварнаго уч. 19 октября во дворѣ д. № 9, по Покровскому пер., подвергнутъ былъ истязанію евреями.

12. *Буяновъ,* Трофимъ. Городовой Александровскаго уч. 19 октября, вечеромъ, проходя въ штатскомъ платьѣ по Ришельевской улицѣ, подвергся нападенію толпы евреевъ, сильно избившей и отобравшей казенный револьверъ.

13. *Шакинъ,* Иванъ. Городовой Александровскаго уч. 19 октября, въ 11 часовъ утра, проходя въ штатскомъ платьѣ по Прохоровской улицѣ, встрѣтилъ толпу евреевъ, которая набросившись на него, стала наносить побои, причемъ отобрала казенный револьверъ, серебряные часы и 130 рублей собственныхъ денегъ.

14. *Красный,* Павелъ. Городовой Бульварнаго уч. 21 октября, проходя по Торговой улицѣ, куда былъ командированъ передъ тѣмъ на развѣдки, былъ раненъ, неизвѣстно кѣмъ, въ шею и лѣвую руку.

Кромѣ того, было отобрано оружіе у нижеслѣдующихъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ, которымъ не было нанесено тѣлесныхъ поврежденій.

15. *Ткачукъ,* Иванъ. Городовой Бульварнаго уч. Около часу дня, 18 октября, на углу Полицейской улицы и Колодезнаго переулка, былъ остановленъ толпою евреевъ, отобравшей у него шашку и револьверъ.

16. *Ходакъ,* Павелъ. Городовой Александровскаго уч. 18 октября, около 2 часовъ дня, стоя въ нарядѣ у зданія депо конно-желѣзной дороги, подвергся нападенію толпы евреевъ, которые обрѣзали у него револьверный шнуръ и портупею и отобрали шашку и револьверъ.

17. *Балакеръ,* Тихонъ. Городовой Александровскаго уч. 18 октября, около 2 часовъ дня, стоя въ нарядѣ у зданія депо конно-желѣзной дороги, подвергся нападенію толпы евреевъ, которые обрѣзали у него револьверный шнуръ и портупею и отобрали шашку и револьверъ.

18. *Датій*, Иванъ. Городовой Портоваго уч. 18 октября, около 12 часовъ дня, проходя по Херсонской ул., встрѣтилъ толпу евреевъ, отобравшую отъ него револьверъ и шашку.

19. *Сидоровъ*, Павелъ. Городовой Портоваго уч. 18 октября, около 12 часовъ дня, стоя на посту у зданія участка, былъ окруженъ толпой евреевъ, отобравшей у него шашку и револьверъ.

20. *Грищукъ*, Ефимъ. Городовой Бульварнаго уч. 20 октября, въ 9 часовъ утра, проходя по Еврейской улицѣ, встрѣтилъ толпу евреевъ, отобравшую у него револьверъ.

21. *Погребной*, Даніилъ Городовой Бульварнаго уч. 19 октября, въ 6 часовъ утра, проходя по Мясоѣдовской улицѣ, подвергся нападенію толпы евреевъ, отобравшей у него револьверъ и шашку.

22. *Калениковъ*, Андрей. Городовой Дальницкаго уч. 20 октября шелъ изъ сел. Ср. Фонтана, въ участокъ съ срочными бумагами и на Малороссійской ул. былъ остановленъ студентами, которые отобравъ отъ него револьверъ, отпустили.

23. *Любинскій*, Павелъ. Околодочный надзиратель Петропавловскаго уч. 19 октября толпа евреевъ ворвалась въ его квартиру, въ домъ № 120, по Базарной ул. и потребовала выдачи оружія. Любинскій, подозрѣвая, что надъ нимъ будетъ учинено насиліе, скрылся изъ квартиры.

Рапортъ командующаго войсками одесскаго округа военному министру отъ 12 ноября 1905 г. за № 23657.

Повышеніе общественнаго настроенія въ Одессѣ замѣчалось еще съ конца сентября мѣсяца и рѣзко начало проявляться съ начала октября на многочисленныхъ политическихъ сходкахъ въ зданіяхъ университета. Разрѣшенныя на началахъ университетской автономіи студенческія сходки обратились, со снятіемъ военнаго положенія, въ политическіе публичные митинги. На этихъ митингахъ разнаго рода ораторы возбуждающими рѣчами политическаго характера способствовали распространенію и поддержанію приподнятаго настроенія многочисленныхъ толпъ слушателей (преимущественно, евреевъ обоего пола), состоявшихъ, главнымъ образомъ, изъ учащейся молодежи высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и рабочаго элемента.

На митингахъ обсуждались способы борьбы съ правительственною властью для достиженія намѣченныхъ политическихъ требованій, и есть достаточныя основанія утверждать, что дѣло не ограничивалось одними разговорами, а сопровождалось подготовкою вооруженнаго противодѣйствія правительству въ его мѣропріятіяхъ, что для этой цѣли производились денежные сборы на пріобрѣтеніе оружія и что таковое раздавалось. Происходившее на этихъ митингахъ не могло не обратить на себя вниманіе мѣстныхъ административныхъ властей, принимавшихъ всѣ мѣры къ возможному ограниченію такого рода дѣятельности университета, но безъ всякаго въ томъ успѣха.

Университетскій профессорскій персоналъ признавалъ себя, какъ явствуетъ изъ неоднократныхъ заявленій ректора, безсильнымъ въ смыслѣ борьбы съ охватившимъ университетскую молодежь теченіемъ, ссылаясь на то, что профессора не пользуются достаточнымъ довѣріемъ со стороны студентовъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, по заслуживающимъ довѣрія свѣдѣніямъ, нѣкоторые изъ профессоровъ и сами были на сторонѣ политическаго движенія, принимая въ таковомъ активное участіе.

Значительную поддержку политическое движеніе встрѣчало со стороны крайней либеральной партіи городской думы, многочисленной и сильной по составу, дѣятельно работавшей въ томъ же направленіи. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ не могла способствовать сохраненію связи указанныхъ выше группъ университетскихъ и общественныхъ дѣятелей съ мѣстною администраціею, не встрѣчавшею поэтому никакой помощи съ ихъ стороны для успокоенія общественнаго настроенія.

Такимъ образомъ, положеніе въ городѣ въ началѣ первой половины октября представлялось уже неблагонадежнымъ, и каждую минуту можно было ожидать возникновенія уличныхъ безпорядковъ.

Въ предвидѣніи этого были приняты со стороны военнаго начальства мѣры для усиленія гарнизона г. Одессы, въ виду его слабости, и привлечены 4 эскадрона 22 драгунскаго Астраханскаго полка и сначала 2 баталіона, а затѣмъ, къ 15 октября, остальные 2 батальона 274 п. Ставучанскаго полка. Начавшаяся въ десятыхъ числахъ октября общая политическая забастовка желѣзныхъ дорогъ еще болѣе повысила нервное настроеніе всего населенія, внося разстройство во всѣ проявленія общественной жизни и, усиливая общее недовольство.

Особенно это стало сказываться въ бѣднѣйшей части населенія, вслѣдствіе неизбѣжнаго вздорожанія всѣхъ жизненныхъ припасовъ.

Принятыя со стороны военнаго начальства мѣры по поддержанію желѣзнодорожнаго сообщенія, выразившіяся въ высылкѣ 13 октября на линію Ю.-З. желѣзныхъ дорогъ телеграфистовъ и саперъ 11 Сапернаго баталіона для обслуживанія дороги, а также части войскъ для охраны Одесскихъ ж.-д. станцій, въ ожиданіи общей забастовки желѣзнодорожныхъ служащихъ, принеся извѣстную пользу, не могли, конечно, измѣнить общаго положенія дѣлъ

14 октября.

14 октября въ Одессѣ началась общая забастовка всѣхъ учебныхъ заведеній, сопровождавшаяся насиліями со стороны врывавшихся въ учебныя заведенія толпъ учащейся молодежи и студентовъ. При прекращеніи полиціею этихъ насилій въ женской гимназіи Березиной, по Канатной улицѣ, произошло вооруженное столкновеніе насильниковъ съ полиціею, сопровождавшееся жертвами и пострадавшими съ обѣихъ сторонъ. Это обстоятельство дало поводъ имѣющимъ въ томъ надобность лицамъ обвинять представителей мѣстной администраціи и полицію въ избіеніи дѣтей.

Такъ какъ забастовка учебныхъ заведеній сопровождалась усиленіемъ возбужденія, уличными толпами и сборищемъ крупныхъ толпъ у университета, то по требованію одесскаго градоначальника, отъ 12 ч. 5 м. дня 14 октября за № 362, было сдѣлано около часу дня распоряженіе о вызовѣ всѣхъ войскъ гарнизона для занятія города, согласно выработанной на сей случай окружнымъ штабомъ инструкціи. Вызванныя войска вскорѣ заняли свои мѣста, но, въ виду отсутствія въ это время уличныхъ безпорядковъ и относительнаго спокойствія, оружія въ дѣло не употребляли, а затѣмъ, къ 6 часамъ вечера, въ виду послѣдовавшаго прекращенія уличнаго движенія, были отозваны въ казармы.

15 октября уличныхъ безпорядковъ не происходило, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе тревожнаго настроенія и по просьбѣ градоначальника въ городѣ находилась часть войскъ, именно въ каждомъ полицейскомъ участкѣ было по двѣ роты, изъ которыхъ одна патрулировала въ раіонѣ участка, другая же составляла резервъ въ зданіи участка. День въ общемъ прошелъ спокойно.

16 октября.

На основаніи постановленія совѣта министровъ отъ 13 октября, распубликованнаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 14 октября, одесскій градоначальникъ воспретилъ предполагавшійся въ этотъ день митингъ въ зданіи университета. Это обстоя-

тельство послужило причиною возникновенія волненій. Съ утра началось уличное движеніе съ устройствомъ баррикадъ въ разныхъ мѣстахъ города. Многочисленныя толпы собирались у зданія университета, откуда давался импульсъ уличному движенію. Возбужденіе усиливалось и распространялось все больше и больше. Толпы стали прекращать движеніе вагоновъ трамвая и омнибусовъ, опрокидывая ихъ для устройства баррикадъ.

Въ 11 ч. 50 м. утра отъ градоначальника было получено письменное требованіе (отъ 11 ч. 15 м. дня 16 октября за № 365) о вызовѣ всѣхъ войскъ для занятія города.

Распоряженія же о вызовѣ войскъ были сдѣланы ранѣе сего, вслѣдствіе устной просьбы градоначальника, переданной по телефону. Къ часу дня войска уже были на своихъ мѣстахъ.

При подавленіи безпорядковъ въ теченіе этого дня, войска, разгоняя толпы безчинствующихъ на улицахъ и разбирая устроенныя ими баррикады, подвергались обстрѣливанію изъ толпы револьвернымъ огнемъ и камнями.

Вслѣдствіе этого войска вынуждены были прибѣгнуть къ употребленію огня для разсѣянія толпъ. Такъ какъ огонь былъ открытъ 6-ю ротою 273 пѣхотнаго Дунайскаго полка противъ толпы на Большой Арнаутской улицѣ, близъ толчка, гдѣ толпа, несмотря на троекратное предупрежденіе не только не расходилась, но съ явно враждебнымъ настроеніемъ противъ правительства кричала „да здравствуетъ свобода“, продолжая занимать баррикаду, изъ-за которой производились револьверные выстрѣлы. Произведенными тремя залпами роты толпа была разсѣяна, не оставивъ на мѣстѣ ни убитыхъ, ни раненыхъ. Раненыхъ въ ротѣ небыло, но одинъ нижній чинъ былъ ушибленъ камнемъ въ руку.

Ротою 60-го запаснаго баталіона былъ открытъ огонь противъ обстрѣливавшей роту толпы на улицѣ Жуковскаго; послѣ трехъ залповъ толпа также была разсѣяна.

Полурота 11-го Сапернаго баталіона, высланная на уголъ Преображенской и Новосельской улицъ для разбора баррикадъ, была окружена толпою, бросавшей прокламаціи и предлагавшей солдатамъ перейти на ея сторону. На требованіе разойтись, изъ оконъ домовъ раздались выстрѣлы, причемъ былъ контуженъ офицеръ. Открытымъ послѣ этого залповымъ огнемъ толпа была разсѣяна.

Вторично этой полуротѣ саперъ пришлось открыть огонь, совмѣстно съ полуротою 205 п. Измаильскаго полка, подошедшею къ ней на помощь, при разрушеніи баррикады на углу Успенской и Преображенской улицъ. Кромѣ того употреблено въ дѣло

оружіе 6-ю сотнею 8 Донского казачьяго полка при разсѣяніи толпы, сопротивлявшейся изъ-за баррикады на Ришельевской улицѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ толпы разсѣивались, унося съ собою убитыхъ и раненыхъ, послѣ чего войска разбирали баррикады.

Всего въ этотъ день въ войскахъ было ранено 1 казакъ и 1 жандармъ, контуженъ 1 офицеръ и ранено 2 лошади.

Въ общемъ безпорядки 16 октября носили характеръ чисто политическаго движенія, въ коемъ принимали наибольшее участіе евреи и учащаяся молодежь. Почти повсемѣстно на баррикадахъ выбрасывались красные флаги, по улицамъ разбрасывались зажигающія прокламаціи, въ толпахъ раздавались крики „ура, долой правительство, да здравствуетъ свобода“. Къ войскамъ толпы обращались съ возгласами подобнаго же характера, приглашая войска бросать оружіе и переходить на ихъ сторону.

Уличные безпорядки 16 октября въ высшей степени ухудшили положеніе дѣлъ въ городѣ. Правильное теченіе городской жизни нарушилось. Городскія и большая часть общественныхъ учрежденій прекратили свою дѣятельность, большинство магазиновъ и лавокъ было закрыто. Газеты прекратили свою дѣятельность, заявивъ, что, при существующемъ положеніи, онѣ не могутъ выполнять своего назначенія. Настроеніе всѣхъ жителей безъ исключенія было въ высшей степени повышенное и тревожное. Тревога эта усиливалась и поддерживалась быстро распространившимся въ городѣ слухомъ объ образованіи въ городской думѣ какого-то комитета, которому приписывали значеніе временнаго правительства. Вслѣдствіе заявленія градоначальника о необходимости продолженія занятія города войсками, войска оставлены на ночь на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

Вечеромъ 16 октября ко мнѣ явился ректоръ Новороссійскаго университета Занчевскій, съ 2 профессорами, съ сообщеніемъ, что именно настоятельное требованіе градоначальника о закрытіи университета и было причиною баррикадъ 16 октября и участія студентовъ въ уличномъ движеніи и что, при продленіи такихъ отношеній къ университету со стороны администраціи, ректоръ и профессора не ручаются за возстановленіе спокойствія въ средѣ студентовъ.

17 октября.

Ночь съ 16-го на 17 октября, по заявленію градоначальника, прошла спокойно. Утромъ рабочіе въ порту стали на работу. Но въ другихъ частяхъ города наоборотъ снимали съ работъ. Возбужденное состояніе населенія не измѣняло своего напряженія.

Днемъ партіи рабочихъ, подъ руководительствомъ студентовъ снимала рабочихъ съ заводовъ въ Пересыпскомъ участкѣ, но при приближеніи войскъ разошлась, не оказывая сопротивленія.

Въ общемъ, день 17 октября прошелъ, хотя и при неуспокоившемся общественномъ настроеніи, но все же безъ значительныхъ уличныхъ безпорядковъ, и внѣшнее спокойствіе поддерживалось войсками безъ употребленія въ дѣло оружія.

На ночь войска попрежнему оставались на назначенныхъ имъ при вызовѣ мѣстахъ, согласно полученной по телефону въ 5 ч. 40 м. вечера просьбы градоначальника, просившаго оставить войска на мѣстахъ до вечера 18 октября.

Основаніемъ этой просьбы градоначальникъ выставлялъ намѣреніе демонстрантовъ устроить 18 октября, съ цѣлью производства безпорядковъ, торжественныя похороны 8 жертвъ 16 октября.

Въ видахъ успокоенія общества полученная мною вечеромъ телеграмма изъ Петербурга о начначеніи графа *Витте* предсѣдателемъ комитета министровъ была немедленно передана по телефону городскому головѣ въ думу, гдѣ въ это время происходило засѣданіе гласныхъ. Ночь съ 17 на 18 октября протекла безъ особыхъ происшествій.

18 октября.

Утромъ по городу распространилась вѣсть о высочайшемъ Манифестѣ 17 октября, встрѣченномъ особенно оживленно еврейскою частью населенія, не скрывавшею своей радости и проявлявшей таковую въ самыхъ различныхъ формахъ.

Повсемѣстно стали образовываться многочисленныя толпы, которыя вели себя первоначально достаточно спокойно. Во избѣжаніе осложненій и съ цѣлью дать населенію возможность безпрепятственно использовать предоставляемую манифестомъ свободу во всѣхъ видахъ, съ утра было сдѣлано распоряженіе, чтобы войска, оставаясь въ городѣ, не показывались на улицахъ, дабы не нарушать въ средѣ населенія радостнаго настроенія.

Около 10—11 часовъ утра многочисленная толпа приблизилась къ моей квартирѣ, прося, чтобы я вышелъ къ толпѣ.

Выйдя къ толпѣ и указавъ на монаршую милость, я провозгласилъ здоровье Его Императорскаго Величества, подхваченное толпою съ полнымъ воодушевленіемъ восторженнаго ура.

Толпа вела себя при этомъ вполнѣ благопристойно и дѣйствія ея носили характеръ вполнѣ мирной манифестаціи.

Постепенно, однако проявленіе чувствъ, вызванныхъ въ насе-

леніи Высочайшимъ Манифестомъ, видоизмѣнилось и стало выражаться въ формѣ демонстративныхъ процессій антиправительственнаго направленія. Толпы евреевъ съ вызывающимъ видомъ проходили по городу съ красными флагами, на многихъ изъ которыхъ были разнаго рода надписи, вродѣ „долой самодержавіе“ и т. д.

На думской площади собралась огромная толпа, среди которой разные ораторы стали вести рѣчи, въ коихъ высказывались неудовлетворенность манифестомъ и раздавались возгласы „долой царя“, „долой правительство“. Зданіе думы украсилось краснымъ флагомъ съ надписью „честь и слава бойцамъ, павшимъ за свободу“.

Вслѣдъ затѣмъ демонстранты стали уничтожать надписи „Боже царя храни“ на фронтонѣ думы.

На одной изъ окраинъ города, на Молдаванкѣ, дѣйствія демонстрантовъ ознаменовались въ высшей степени дерзкимъ поступкомъ—портретъ государя былъ подвергнутъ поруганію.

Въ виду этихъ антиправительственныхъ выходокъ и частичныхъ безпорядковъ явилась необходимость въ противодѣйствіи имъ, причемъ войскамъ было приказано дѣйствовать оружіемъ только въ случаѣ крайней необходимости при проявленіи насилій въ отношеніи населенія или войскъ.

Посланная на думскую площадь полусотня казаковъ, разсѣявъ, безъ употребленія въ дѣло оружія, толпу, сняла съ думы красный флагъ. Произведеннымъ при этомъ изъ толпы револьвернымъ выстрѣломъ была ранена одна казачья лошадь.

При всемъ этомъ толпы демонстрантовъ не подвергались никакому нападенію со стороны несочувствовавшей этимъ манифестаціямъ части населенія.

Участившіеся случаи нападенія на постовыхъ городовыхъ имѣли своимъ послѣдствіемъ то обстоятельство, что сначала городовые по одиночкѣ стали покидать свои посты, а затѣмъ послѣдовало общее распоряженіе со стороны градоначальника о снятіи всѣхъ городовыхъ.

Къ вечеру городъ остался безъ полицейской охраны.

Около 12 ч. дня толпа до 4 тысячъ, преимущественно изъ учащихся евреевъ обоего пола, быстро надвинулась на Херсонскій полицейскій участокъ. Окруживъ зданіе участка, толпа стала требовать выпуска всѣхъ политическихъ арестованныхъ, причемъ многіе бросились къ рѣшеткамъ оконъ нижняго этажа и пытались ломать ихъ. Подъ угрозою дѣйствія оружіемъ толпа осадила на-

задъ. По полученіи согласія градоначальника, было освобождено 4 политическихъ арестованныхъ, но толпа не удовлетворилась этимъ и требовала освобожденія и уголовныхъ арестованныхъ, причемъ вела себя нагло и вызывающе. Когда толпѣ было въ этомъ отказано, явился въ здапіе участка ректоръ университета съ профессорами и предъявилъ желаніе лично провѣрить, всѣ ли политическіе арестованные выпущены, и лишь по удостовѣреніи по книгамъ ушли. Послѣ этого толпа, неистовствуя, съ криками: „долой самодержавіе, да здравствуетъ республика“, съ пѣніемъ марсельезы, двинулась дальше, неся на рукахъ освобожденныхъ арестованныхъ.

Около трехъ часовъ дня многочисленная толпа потребовала освобожденія всѣхъ арестованныхъ при Александровскомъ полицейскомъ участкѣ, угрожая въ случаѣ отказа освободить ихъ силою. По полученіи согласія градоначальника, арестованные были освобождены, и толпа разошлась спокойно.

Около того же времени полусотня казаковъ, посланная для освобожденія на Большой Арнаутской улицѣ изъ рукъ толпы околоточнаго надзирателя, встрѣтила на Прохоровской улицѣ толпу евреевъ, стрѣлявшую по русскимъ, а затѣмъ перенесшую огонь на казаковъ; при этомъ стрѣляли также съ балконовъ, съ крышъ и изъ оконъ. Полусотня, спѣшившись, дала два залпа. Въ поддержку казакамъ была направлена рота, также встрѣченная огнемъ изъ домовъ; послѣ пяти залповъ толпа разсѣялась, унося раненыхъ, но въ роту была брошена бомба, къ счастью не разорвавшаяся.

Кромѣ того, было сдѣлано три залпа (вверхъ) людьми крѣпостного артиллерійскаго баталіона противъ толпы, пытавшейся проникнуть въ казармы баталіона.

Этими случаями ограничилось употребленіе оружія войсками 18 октября.

Въ общемъ, поведеніе демонстрантовъ съ красными флагами, выразившееся дѣйствіями, оскорбляющими національное и монархическое чувства каждаго истинно русскаго человѣка, вызвало крайнее раздраженіе русской части населенія.

На почвѣ вышеуказанныхъ дѣйствій демонстрантовъ и вызывающаго поведенія главной массы ихъ, евреевъ, къ несочувствующей имъ части населенія,—начали возникать на окрайнахъ города сначала единичные случаи столкновенія, которые къ вечеру 18 октября стали учащаться и принимать характеръ еврейскаго погрома. Особенно рѣзко стало обнаруживаться въ Михайловскомъ участкѣ, на Молдаванкѣ, гдѣ безпорядки сопровождались пожаромъ.

Вслѣдствіе снятія полицейской охраны въ 9 часовъ вечера было приказано выслать отъ занимающихъ городъ войскъ сильные патрули.

Поздно вечеромъ у меня была депутація отъ городской думы, а затѣмъ отъ университета. Цѣлью посѣщенія депутацій были просьбы о снятіи войскъ во время предполагавшихся 19 октября похоронъ жертвъ 16-го октября, а также относительно мѣръ успокоенія населенія, для чего депутація отъ думы просила разрѣшеніе прибыть 19-го въ полномъ составѣ ко мнѣ. Я изъявилъ согласіе на снятіе войскъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должна была пройти похоронная процессія, при условіи если депутація ручается за соблюденіе порядка во время похоронъ, предупредивъ при этомъ, что, въ случаѣ нарушенія порядка, войска выступятъ съ самыми рѣшительными мѣрами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я изявилъ согласіе на принятіе у себя 19 октября гласныхъ думы, но исключительно для частнаго совѣщанія.

19 октября.

Въ отвѣтъ на манифестаціи, происходившія 18 октября при подавляющемъ большинствѣ участниковъ евреевъ подъ красными флагами, 19-го числа съ утра начали появляться на улицахъ патріотическія манифестаціи съ портретами государя подъ трехцвѣтными національными флагами. Манифестаціи эти производились исключительно русскимъ рабочимъ людомъ, огромныя толпы котораго, при пѣніи гимна и молитвы „Спаси Господи люди твоя“, слѣдовали по улицамъ. Толпы этихъ манифестантовъ проходили по бульвару около 10-ти часовъ утра, и въ $10^1/_2$ часовъ противъ моей квартиры собралась огромная толпа съ портретами государя, устроившая манифестацію вполнѣ мирнаго характера.

Выйдя къ толпѣ, я просилъ ее разойтись и не ходить въ городъ, такъ какъ въ этотъ день предположены были похороны жертвъ 16 октября.

Часть толпы послѣ этого, внявъ моимъ совѣтамъ, разошлась, но часть все же продолжала оставаться въ сборѣ. Затѣмъ толпа эта двинулась мимо городской думы, къ собору, причемъ во многихъ мѣстахъ была встрѣчена револьверными выстрѣлами изъ враждебно настроенной толпы евреевъ, и изъ этой же толпы евреевъ въ манифестантовъ была брошена бомба. Въ отвѣтъ на эту встрѣчу изъ толпы манифестантовъ раздались крики „бей жидовъ“. Мирное настроеніе рѣзко измѣнилось. Со всѣхъ сторонъ начали поступать донесенія о начавшихся безпорядкахъ.

Изъ оружейнаго магазина Іенча поступило въ 9 часовъ 20 минутъ утра заявленіе, что комитетъ по вооруженію студенческой милиціи потребовалъ выдачи всѣхъ имѣющихся въ магазинѣ револьверовъ. Подъ угрозой разгрома, требованіе это было выполнено и выдано 16 револьверовъ, причемъ студенты заявили, что патроны [1]) они возьмутъ въ магазинахъ „Раухвергера“ и „Штеренберга“.

Патріотическія манифестаціи, слѣдовавшія по улицамъ города въ полномъ порядкѣ и безъ совершенія какихъ либо насилій, подвергались на путяхъ своего слѣдованія обстрѣливанію изъ оконъ, съ крышъ и съ балконовъ. Такъ, манифестаціонная толпа, слѣдовавшая по Екатерининской улицѣ, была встрѣчена выстрѣлами изъ верхнихъ этажей домовъ по улицѣ Жуковскаго и здѣсь же въ толпу изъ подвальнаго этажа была брошена бомба.

Взводъ казаковъ, сопровождавшій въ это время градоначальника, возвращавшагося изъ собора по совершеніи молебствія по случаю дарованія манифеста 17 октября, получилъ отъ градоначальника приказаніе сопровождать манифестацію съ тыла. Когда толпа эта подверглась обстрѣливанію изъ домовъ, то спѣшеннымъ взводомъ былъ открытъ огонь въ окна домовъ, откуда раздавались выстрѣлы и въ подвалъ, откуда была брошена бомба.

Такому же обстрѣливанію изъ оконъ подверглась другая манифестующая толпа на Гаванной улицѣ. Слѣдовавшая сзади толпы рота 59 запаснаго баталіона, послѣ сигнала объ открытіи огня, дала залпъ по окнамъ, изъ которыхъ производилась стрѣльба.

Вѣсти обо всѣхъ этихъ случаяхъ нападенія на патріотическія манифестаціи съ неимовѣрною быстротою распространялись въ населеніи, вызывая крайнее раздраженіе и ожесточеніе противъ евреевъ, которыхъ не безъ основанія считали виновниками всѣхъ этихъ нападеній и поведеніе которыхъ наканунѣ возмутило и озлобило простонародную часть русскаго населенія.

Случаи погромовъ, участившіеся, очевидно, не безъ вліянія вышеуказанныхъ нападеній на патріотическія манифестаціи, начали возникать и въ центральныхъ частяхъ города. Вслѣдствіе этого, немедленно было отдано приказаніе о высылкѣ по всему городу усиленныхъ патрулей для прекращенія погромовъ. Для охраненія иностранныхъ консульствъ было отдано приказаніе о назначеніи къ нимъ постовъ.

Около 2 часовъ дня было получено письменное заявленіе

---

[1]) Патроны были заблаговременно удалены изъ магазиновъ распоряженіемъ полиціи.

градоначальника, датированное 12 часовъ 45 минутъ дня 19 октября, о состоявшемся снятіи полицейской охраны, объ ожидаемыхъ разгромахъ тюрьмы, участковъ и другихъ казенныхъ зданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ градоначальникъ проситъ о недопущеніи шествій революціонныхъ процессій и погрома.

Дѣятельность войскъ по прекращенію погрома въ высшей степени затруднялась обстрѣливаніемъ ихъ изъ оконъ и съ крышъ домовъ.

Поэтому войска принуждены были открывать огонь по домамъ, изъ коихъ производились выстрѣлы, и тратить время на обыски. Эти обстоятельства способствовали тому, что, несмотря на всѣ усилія войскъ, погромъ продолжался въ различныхъ частяхъ города до 6 часовъ вечера. Непрерывное въ теченіе 4 сутокъ пребываніе войскъ въ городѣ и крайне тяжелая служба въ высшей степени утомили и изнурили людей, почти безъ смѣны несшихъ свои обязанности.

Въ теченіе дня 19 октября было ранено револьверными пулями 3 нижнихъ чина разныхъ частей.

Ночь съ 19-го на 20-ое октября прошла относительно спокойно, но револьверная стрѣльба по улицамъ и на крышахъ домовъ не прекращалась. Особенно обстрѣливались зданія полицейскихъ участковъ, гдѣ были размѣщены воинскія части.

20 октября.

Съ разсвѣтомъ войска продолжали патрулированіе по городу. Въ разныхъ частяхъ города вновь стали возобновляться еврейскіе погромы.

Для прекращенія погромовъ были приняты немедленно всѣ возможныя мѣры: отданы приказанія объ энергичныхъ дѣйствіяхъ, усилено патрулированіе по улицамъ, вытребованы были изъ лагеря пулеметы, артиллеріи приказано быть готовой для дѣйствія по первому вызову.

Такъ же, какъ и накапунѣ, стрѣльба по войскамъ изъ оконъ и крышъ и случаи бросанія въ войска бомбъ весьма затрудняли успѣшное подавленіе и прекращеніе погромовъ.

Днемъ у меня состоялось частное совѣщаніе съ гласными одесской городской думы, просившими меня наканунѣ принять ихъ. На совѣщаніи этомъ гласные, явившіеся въ числѣ 28 человѣкъ, при участіи и. д. городского головы Андреевскаго, единогласно просили меня принять въ свои руки власть, ссылаясь на то, что только военное начальство, помощью имѣющейся въ его распоряженіи военной силы, можетъ спасти городъ.

Мною было обращено вниманіе гласныхъ на то обстоятельство, что военное начальство до введенія военнаго положенія не вправѣ вмѣшиваться въ распоряженіе гражданской администраціи, а только обязано оказывать ей содѣйствіе войсками для подавленія безпорядковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданская администрація того потребуетъ, и что подобное содѣйствіе по мѣрѣ силъ и возможности нынѣ оказывается. Я указывалъ также на то, что стрѣльба по войскамъ и бросаніе въ нихъ бомбъ до крайности затрудняетъ успѣшное подавленіе происходящихъ погромовъ и что эти постоянныя обстрѣливанія войскъ могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ весьма нежелательное озлобленіе войскъ.

Поэтому я просилъ гласныхъ воздѣйствовать на населеніе своимъ вліяніемъ для прекращенія этой стрѣльбы и тѣмъ облегчить задачу войскъ.

Во время этого собесѣдованія, гласные неоднократно и настойчиво заявляли, что виновникомъ всѣхъ происходящихъ въ Одессѣ безпорядковъ, по ихъ мнѣнію, является одесскій градоначальникъ, якобы вызвавшій это движеніе своими предшествовавшими дѣйствіями. Гласные заявляли, что только съ удаленіемъ градоначальника можно надѣяться на успокоеніе города. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые изъ гласныхъ обвиняли полицію въ организаціи погромовъ и потому указывали на необходимость, по ихъ мнѣнію, арестованія и обезоруженія полицейскихъ.

Указавъ въ свою очередь гласнымъ на неосновательность ихъ заявленій и оставляя въ сторонѣ эти вопросы, какъ не подлежащіе моему разсмотрѣнію, я въ конечномъ выводѣ вновь подтвердилъ, что, пока стрѣльба по войскамъ изъ домовъ не прекратится, до тѣхъ поръ нельзя расчитывать на прекращеніе безпорядковъ помощью войскъ и что, по всѣмъ имѣющимся у меня даннымъ, причиною происходящихъ безпорядковъ являются демонстраціи красныхъ флаговъ 18 октября и стрѣльба по патріотическимъ манифестаціямъ и по войскамъ и поруганія портретовъ государя. Собесѣдованіе было закончено рѣшеніемъ обратиться къ населенію съ воззваніемъ объ успокоеніи отъ думы и отъ имени университета.

Высылаемыя для прекращенія безпорядковъ войска прибѣгали къ дѣйствію оружіемъ, какъ противъ громилъ, такъ и противъ стрѣляющихъ по войскамъ изъ оконъ и съ крышъ. Такъ какъ изъ нѣкоторыхъ домовъ стрѣльба упорно продолжалась, то было объявлено, что, въ случаѣ повторной стрѣльбы, дома будутъ раз-

рушаться орудійнымъ огнемъ; тамъ же, гдѣ артиллерія не въ состояніи будетъ дѣйствовать, дома будутъ взрываемы пироксилиномъ, по предварительномъ, во всякомъ случаѣ, выселеніи жильцовъ изъ дома.

Въ теченіе дня въ войскахъ былъ убитъ взрывомъ бомбы нижній чинъ 57 пѣх. запаснаго баталіона, сопровождавшій въ числѣ другихъ походную кухню съ обѣдомъ для людей роты, и ранено пулями 3 нижнихъ чина разныхъ частей.

Кромѣ того, 20 октября пали жертвами стрѣльбы изъ оконъ непричастныя къ войскамъ лица: одинъ отставной штабъ-офицеръ, убитый револьвернымъ выстрѣломъ на Греческой улицѣ, и чиновникъ окружнаго инженернаго управленія Бржозовскій, смертельно раненый. Есть полное основаніе предполагать, что подобнаго рода выстрѣлы производились членами крайнихъ партій съ цѣлью терроризировать населеніе и продлить безпорядки. Полицейская охрана, попрежнему, отсутствовала на своихъ мѣстахъ.

Указанныя выше обстоятельства до крайности затрудняли дѣятельность войскъ по прекращенію погромовъ и потому 20 октября не удалось достигнуть полнаго прекращенія погромовъ. Ночью погромы какъ бы затихли, но непрерывная стрѣльба происходила всю ночь.

21 октября.

Въ общемъ повторилась картина предшествующаго дня, но въ меньшихъ размѣрахъ. Съ утра въ различныхъ частяхъ города начали возобновляться случаи погромовъ; для прекращенія ихъ немедленно направлялись войска, коимъ вновь было подтверждено дѣйствовать противъ громилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Попрежнему раздавались выстрѣлы изъ оконъ и съ крышъ, но уже не такъ часто, какъ въ предшествующіе дни. Это дало возможность войскамъ успѣшно выполнять ихъ обязанности, и къ 5 часамъ вечера погромы были совершенно прекращены.

Въ теченіе всего времени погромовъ, еврейская самооборона стрѣляла по толпамъ громилъ. Въ городѣ циркулировали самые невѣроятные слухи о насиліяхъ, якобы творимыхъ евреями надъ одиночными русскими, захватываемыми на улицахъ. Толпа, принимая эти слухи за достовѣрныя извѣстія, безо всякой провѣрки, ожесточалась и проявляла звѣрское отношеніе къ попадавшимся въ ея власть одиночнымъ евреямъ. Попутно съ нимъ происходилъ грабежъ разгромленныхъ магазиновъ.

Къ сожалѣнію, въ толпахъ громилъ и грабителей присутство-

вали отдѣльныя личности въ военной одеждѣ. Въ большинствѣ случаевъ это были уже уволенные отъ службы изъ частей войскъ запасные нижніе чины. Обнаруженіе же въ числѣ такихъ задержанныхъ нижнихъ чиновъ, еще состоящихъ на службѣ, вызвало необходимость немедленнаго принятія энергичныхъ мѣръ для прекращенія такихъ случаевъ.

22 октября въ городѣ началось возстановленіе внѣшняго порядка: закончена постановка полицейскихъ постовъ подъ охраною нижнихъ чиновъ, а тамъ, гдѣ городовые отказались нести службу, выставлены посты отъ воинскихъ частей; возобновилось и поддерживалось движеніе трамвая; уличное движеніе нѣсколько оживилось и усилилось. Но настроеніе въ общемъ у всѣхъ было крайне натянутое и тревожное. Изрѣдка раздавались отдѣльные револьверные выстрѣлы, но, однако, войскамъ не пришлось употреблять въ дѣло оружія, и внѣшній порядокъ поддерживался усиленнымъ патрулированіемъ войскъ по городу. Какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе дни погромы въ Одессѣ не возобновлялись и можно было, начиная съ 24 октября, уменьшить нарядъ войскъ, непрерывно съ 16 октября находившихся вызванными для содѣйствія гражданскимъ властямъ по подавленію безпорядковъ.

Въ общей сложности безпорядки въ Одессѣ носили тотъ же характеръ, какъ и во всѣхъ городахъ округа, а именно: съ утра 18 октября, по обнародованіи манифеста, населеніе проявляло бурный восторгъ, причемъ имя государя громко славилось; но вслѣдъ затѣмъ крайніе элементы общества выступали на улицѣ съ демонстраціями, носившими революціонный характеръ, причемъ правительство громко поносилось народными ораторами, кричали „долой самодержавіе“ и происходили порганія портретовъ государя. При этомъ преобладающимъ дѣйствующимъ элементомъ въ этихъ демонстраціяхъ являлась еврейская часть населенія, преимущественно молодежь.

На слѣдующій день 19 октября озлобленіе и оскорбленіе этими демонстраціями простого русскаго народа, особенно рабочихъ, повсемѣстно выразилось въ видѣ контръ-демонстраціи, мирными манифестаціями, шествовавшими съ образами, портретами государя и подъ національными флагами. Когда же эти мирныя манифестаціи были встрѣчены въ городѣ изъ толпы, съ крышъ и изъ оконъ револьверными выстрѣлами и бомбами, то манифестующія толпы съ криками „бей жидовъ“ приступили къ разгрому еврейскихъ домовъ, магазиновъ, и лавокъ, тщательно обходя христіанскіе. Во

время разгрома уничтожалось имущество, избивались и убивались евреи, особенно тамъ, гдѣ они рѣшались оказывать вооруженное сопротивленіе. По окончаніи разгрома кварталовъ, толпа слѣдовала далѣе, но вслѣдъ за нею къ разгромленнымъ зданіямъ и магазинамъ бросались подонки городского населенія и приступали къ грабежу уцѣлѣвшаго отъ разрушенія.

При этомъ значительная часть населенія оказалась вооруженною револьверами. Большая часть этихъ вооруженныхъ людей была организована въ отряды для самообороны, которые дѣйствовали противъ грабителей, стараясь избѣгать столкновеній съ войсками. Но остальные вооруженные люди населенія, принадлежа къ крайнимъ, по политическимъ убѣжденіямъ, элементамъ, жаждавшимъ смуты, расположились въ окнахъ верхнихъ этажей и на крышахъ многихъ домовъ и гостиницъ и оттуда поддерживали непрерывный огонь, какъ по войскамъ, такъ и по проходившимъ мимо мирнымъ жителямъ. Эти же люди, воспользовавшись появленіемъ на улицахъ добровольныхъ отрядовъ санитаровъ съ краснымъ крестомъ, надѣвали на себя эти же знаки краснаго креста и подъ охраною его производили нападенія на отдѣльно слѣдовавшихъ солдатъ и офицеровъ. Все вмѣстѣ взятое довело русское населеніе до бѣшенаго озлобленія противъ евреевъ, что и проявилось въ рядѣ насилій во всѣхъ почти городахъ и мѣстностяхъ округа.

И не мало потребуется времени и усилій для окончательнаго успокоенія страстей, взволнованныхъ происшедшими стихійнаго характера безпорядками.

Подписалъ: командующій войсками, генералъ-отъ-кавалеріи баронъ *Каульбарсъ*.

Скрѣпилъ: начальникъ штаба, генералъ-лейтенантъ *Безрадецкій*.

Копія представленія одесскаго градоначальника отъ 30 октября за № 3818 г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Освободительное движеніе, охватывая всѣ болѣе широкіе круги интеллигенціи, вылилось въ Одессѣ въ революцію, которая стремилась захватить фактически власть и совершить переворотъ вооруженнымъ возстаніемъ. Заговоръ созрѣлъ въ стѣнахъ университета, гдѣ комиссія профессоровъ съ ректоромъ Занчевскимъ во главѣ, допустивъ широкое устройство митинговъ, организовала

вооруженные отряды студентовъ и рабочихъ, намѣтила санитарную организацію помощи для своихъ сторонниковъ, устроила забастовку аптекъ и врачей, чтобы лишить помощи противную сторону, состоявшую изъ войскъ и полиціи. Революція сначала выдвинула дѣтей, устроивъ забастовку среднихъ учебныхъ заведеній. 13 октября забастовали ученики, преимущественно евреи, коммерческихъ училищъ императора Николая I и Файга.

14 октября эти ученики утромъ собрались въ университетѣ, гдѣ получили послѣднія инструкціи и, имѣя во главѣ студентовъ, двинулись безчисленными толпами по улицамъ требовать насильственнаго закрытія учебныхъ заведеній. Толпа пыталась ворваться на почту, но была разогнана конными стражниками. Толпа разгромила Ришельевскую гимназію и потомъ, все увеличиваясь, пошла по Полицейской на Канатную улицу. Начальства учебныхъ заведеній наперерывъ просили у меня защиты отъ насилія: было сдѣлано распоряженіе, чтобы городовые охраняли по возможности училища. Толпа прошедшая на Канатную, сильно увеличиваясь, подошла къ училищу Березиной; въ толпѣ появились красные флаги. Толпа потребовала освобожденія учениць, которыя были отпущены. Въ это время къ толпѣ подошли 20 городовыхъ бульварнаго участка съ требованіемъ разойтись,—они были осыпаны бранью и камнями, причемъ ушибленными оказались городовые: Соболевъ, Василаки, Дымченко и Заржицкій. Видя это, остальные городовые обнажили шашки и разогнали толпу; ранеными оказались студентъ и три зрѣлыя женщины. Вѣсть о столкновеніи полиціи съ толпой немедленно разрослась до чудовищныхъ размѣровъ и вызвала крайнее возбужденіе противъ полиціи. Вся городская управа отправилась производить дознаніе на мѣстѣ, но слухи о томъ, что перерѣзаны чуть не всѣ дѣти, облетали городъ, увеличивая возбужденіе.

Дума, подпавшая подъ вліяніе крайнихъ элементовъ, среди своихъ служащихъ, сдѣлала 15 числа рядъ протестующихъ постановленій, среди которыхъ было и объ учрежденіи городской милиціи. Въ виду всего этого я распорядился въ ночь на 16-е отобрать всѣ патроны изъ оружейныхъ магазиновъ, что и было исполнено.

16-го числа, въ воскресенье, я сдѣлалъ распоряженіе, согласно полученному указанію отъ генерала Трепова, не допускать митинговъ посторонниихъ лицъ въ университетѣ.

Митингъ не состоялся, но съ утра объявленная забастовка аптекъ указала, что на 16-е число, воскресенье, было рѣшено

*

революціоннымъ комитетомъ вынести движеніе на улицу. И дѣйствительно, около 2 часовъ дня толпа стала переворачивать вагоны конки и строить баррикады.

Ихъ въ городѣ было построено 11 и одна высотой съ сосѣдними домами. Всѣ баррикады были устроены около заранѣе намѣченныхъ перевязочныхъ пунктовъ въ различныхъ частныхъ квартирахъ; появились на улицахъ извозчики съ санитарами и сестрами, всѣ въ бѣлыхъ хирургическихъ фартукахъ и даже извозчики въ повязкахъ съ красными крестами.

Все это указывало на внимательную организацію этого народнаго вооруженнаго возстанія. Потомъ выяснилось, что эти санитары развозили также патроны и оружіе для студентовъ и другихъ сторонниковъ революціи. Какъ только получилась вѣсть объ уличномъ возбужденіи, я немедленно вызвалъ всѣ войска гарнизона занять свои мѣста по росписанію. Войска начали дѣйствовать по баррикадамъ, причемъ на выстрѣлы отвѣчали огнемъ. Въ этотъ день, 16 октября, было задержано войсками и полиціей 212 лицъ и ранеными оказалось до 80, а убитыхъ 9 человѣкъ.

17 число прошло тихо; революціонеры были озадачены тѣмъ, что войска дѣйствовали огнемъ безъ военнаго положенія. Хотя уличныя толпы исчезли, но возбужденіе приняло большіе размѣры: при думѣ насильственно образовался „временный комитетъ“, въ который вошли представители всѣхъ революціонныхъ организацій. Я предложилъ городскому головѣ разработать вопросъ о собраніяхъ, которыя должны были замѣнить сборища въ университетѣ.

Настало 18 октября—день, когда сталъ извѣстенъ манифестъ. Онъ вызвалъ весь народъ на улицу, и начались процессіи, изъ которыхъ къ первой я вышелъ, такъ какъ она была безъ красныхъ флаговъ, но вскорѣ возбужденіе этихъ процессій возросло, огромная толпа собралась у думы на площади. Изъ залы былъ убранъ, послѣ глумленія, портретъ государя императора, на думѣ взвились красные флаги, а слова „боже царя храни“, постоянно начертанныя на думѣ для иллюминаціи, были сорваны и поломаны.

Въ толпахъ появились всякія надписи на красныхъ полотнахъ, какъ напр.: „одесская революція“, „долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода, слава павшимъ борцамъ за свободу“, и распространялись въ массѣ прокламаціи: „Кровавый Царь“.

Я, по полученіи манифеста, распорядился выпустить всѣхъ задержанныхъ по моимъ постановленіямъ, что и объявилъ толпѣ, когда она подошла ко мнѣ, добавивъ, что выпустить остальныхъ не въ моей власти. Толпа направилась къ прокурору палаты и

къ тюрьмѣ, изъ которой были прокуроромъ выпущены и остальные политическіе преступники.

Имѣя точныя свѣдѣнія о настроеніи толпы, приподнятой и распропагандированной въ предшествующіе дни въ университетѣ, гдѣ шли безпрерывныя приготовленія къ возстанію, а именно—устраивались постоянные сборы „на вооруженіе бойцовъ", заготовлялось оружіе въ большомъ количествѣ и дѣлались прочія приготовленія,—какъ только я получилъ манифестъ, пригласилъ къ себѣ утромъ 18 числа городского голову и профессора Щепкина. Я имъ сказалъ: „горячо умоляю васъ употребить все ваше вліяніе на приподнятый народъ, чтобы растолковать ему суть великой реформы, возвѣщенной манифестомъ, и привести его къ радостному успокоенію". Къ городскому головѣ обратился я, какъ къ представителю образовавшагося временнаго комитета, куда вошли наиболѣе выдающіеся люди всѣхъ организацій, а къ профессору Щепкину я обратился, какъ къ представителю общеакадемическаго союза университета.

Въ отвѣтъ на мою просьбу я получилъ заявленіе о слѣдующихъ требованіяхъ, высказанныхъ профессоромъ Щепкинымъ и поддержанныхъ городскимъ головою отъ имени думы и комитета: 1-ое убрать войска, дабы они не раздражали публику. Мой отвѣтъ: на основаніи закона гражданское начальство призываетъ войска и ставитъ имъ задачу по водворенію порядка, и до исполненія задачи войска дѣйствуютъ исключительно по распоряженіямъ военнаго начальства, которому гражданская власть обязана сообщать о всѣхъ новыхъ обстоятельствахъ дѣла. Слѣдовательно, съ вопросомъ объ удаленіи войскъ имъ нужно обратиться къ военному начальству такъ же, какъ съ вопросомъ о выводѣ казаковъ изъ города.

2-ое требованіе—допустить торжественныя похороны жертвъ предыдущихъ дней. Мой отвѣтъ: посовѣтуюсь съ командующимъ войсками.

3-е требованіе—разоружить немедленно полицію и спрятать ее. (Это требованіе также поддерживалъ городской голова). На это я отвѣтилъ, что полиція охраняетъ всѣхъ и дѣйствуетъ оружіемъ лишь тогда, когда на нее нападаютъ, какъ-то указано въ уставѣ, что снять полицію и разоружить ее я могу не по требованію публики, а когда послѣдуетъ распоряженіе высшей власти и будетъ установлена другая охрана. На это профессоръ Щепкинъ заявилъ мнѣ, что другая охрана существуетъ и въ такомъ случаѣ не обойдется безъ жертвъ мщенія, и что полиція будетъ разоружена захватнымъ правомъ.

Послѣ этого говорили объ амнистіи. Я отвѣтилъ, что до просьбы ихъ я сдѣлалъ распоряженіе выпустить всѣхъ тѣхъ, кто числится за мной, а остальныхъ выпустить не имѣю права. Разставаясь, я вновь повторилъ просьбу мою успокоить населеніе, не доводя до кровавыхъ жертвъ. Черезъ полчаса на площади думы слышалась горячая рѣчь профессора Щепкина, повторившаго свои требованія и объявившаго народу, что полиція уничтожена и что послано въ Петербургъ телеграфное требованіе немедленно смѣнить градоначальника.

Черезъ три часа послѣ моей бесѣды съ головой и проф. Щепкинымъ, ко мнѣ стали поступать свѣдѣнія объ истязаніяхъ, издѣвательствѣ и убійствѣ городовыхъ во всѣхъ частяхъ города, которыхъ организованныя шайки пытались обезоружить и убивать. Угроза проф. Щепкина стала приводиться въ исполненіе,—убито 2, ранено 10 и отнято оружіе у 22, вслѣдствіе чего городовые стали покидать посты. Я сдѣлалъ распоряженіе собрать ихъ въ участки для организаціи охраны города патрулями. Всѣ городовые единогласно заявили мнѣ, что вмѣстѣ они пойдутъ, куда пошлю ихъ, но на посты стать не могутъ, не хотятъ, такъ какъ ихъ посты заняла городская милиція изъ вооруженныхъ въ университетѣ студентовъ и другихъ лицъ.

Такимъ образомъ, подчиняясь необходимости и принимая во вниманіе заявленіе думы, сдѣланное городскимъ головой и заявленіе союзовъ, сдѣланное проф. Щепкинымъ, угроза котораго разоружить полицію захватнымъ правомъ стала приводиться, въ исполненіе, я стянулъ посты, чтобы спасти жизнь отдѣльныхъ людей, уже покинувшихъ посты. Весь вечеръ на главныхъ улицахъ стояли посты студенческой милиціи, а на окраинахъ еврейскія заставы никого не пропускали безъ обыска; таковому подверглись состоящіе при мнѣ чиновники, которые объѣзжали полицейскіе участки по моему порученію.

День объявленія манифеста прошелъ въ Одессѣ безъ войскъ и полиціи на улицахъ, но не безъ насилій и грубыхъ издѣвательствъ надъ національнымъ русскимъ чувствомъ. Издѣвались надъ царскимъ портретомъ, ругались по адресу особы государя, срывали національные флаги, заставляли публику преклоняться передъ красными знаменами, привязывали портретъ государя императора къ хвостамъ собакъ...

Эти возмутительныя выходки процессій съ красными флагами вызвали чувство естественной обиды у русской части населенія, которая на другой день двинулась по городу съ національ-

ными флагами, иконами и портретомъ государя императора. Народъ двинулся изъ порта, прошелъ въ соборъ, гдѣ на площади отслужилъ молебенъ. Потомъ толпа пришла ко мнѣ и, въ въ величайшемъ возбужденіи, показала прострѣленные портреты государя императора и заявила, что два несшихъ портреты простолюдина были убиты выстрѣлами изъ оконъ революціонерами. Потомъ выяснилось, что въ другія процессіи націоналистовъ было брошено нѣсколько бомбъ.

Эти злодѣянія ожесточили народъ такъ, что онъ съ неудержимой стремительностью бросился на еврейскія лавки и съ криками: „бей жидовъ“ ураганомъ пронесся по различнымъ улицамъ. Повсемѣстно начался погромъ, причемъ русскіе люди, не бывъ вооруженными, понесли значительный уронъ отъ поголовно почти вооруженныхъ евреевъ и революціонеровъ. Вечеромъ, по свѣдѣніямъ изъ больницъ, выяснилось, что русскихъ раненыхъ было принято до 200 человѣкъ, а евреевъ только 70.

Войсковые патрули стали спѣшно разсылаться во всѣ стороны по распоряженію военнаго начальства, именно начальника дивизіи генерала Милорадовича, но громилы при видѣ войскъ немедленно разсѣивались, и задержанныхъ въ этотъ день было ничтожное число.

Простой народъ, видя свой уронъ отъ невооруженія, рѣшилъ на другой день „сквитоваться“, и на третій, именно 20 и 21 октября, войска, которыхъ вообще для Одессы мало, безуспѣшно боролись и бѣгали по улицамъ, но громилы продолжали разбѣгаться за углы, и городъ, съ котораго была снята сѣть полицейскихъ постовъ насиліемъ революціонеровъ, оставался во власти громилъ. Движеніе же войскъ и полицейскихъ патрулей, спѣшившихъ на мѣста разгрома, задерживалось постоянными выстрѣлами изъ оконъ многочисленныхъ домовъ.

При производствѣ такихъ выстрѣловъ, войска, по распоряженію военной власти, останавливались и отвѣчали залпами въ окна домовъ, изъ которыхъ стрѣляли. Я указывалъ военному начальству на достаточную безцѣльность такой стрѣльбы, но болѣе дѣйствительный способъ — обыскъ квартиръ, откуда стрѣляли, требовалъ еще большаго времени, что задерживало патрульныхъ вдали отъ цѣли ихъ стремленій—ареста и отогнанія громилъ.

Безусловно могу утверждать, что не будь стрѣльбы изъ оконъ революціонерами, войска и полиція гораздо скорѣй справились бы съ грабежомъ и прекратили бы погромъ.

Вечеромъ 20-го, именно на второй день погрома, я объявилъ,

что стрѣльба изъ оконъ мѣшаетъ дѣйствію патрулей войсковыхъ и полицейскихъ и что, если стрѣльба будетъ продолжаться, то начнетъ дѣйствовать артиллерія и громить дома. Это объявленіе безспорно устрашило и появилось немедленно много домовладѣльцевъ, просившихъ обыскать ихъ дома. Къ третьему дню стихійное движеніе стало терять свою силу и угасло къ 22 числу. Послѣ этого настало успокоеніе, нарушаемое изрѣдка одиночными выстрѣлами провокаторовъ-революціонеровъ.

Теперь всѣ усилія многоголоваго еврейства направлены къ доказательству будто бы организаціи и предварительнаго плана еврейскаго погрома, но справедливость, требуетъ свидѣтельствовать, что именно у революціонеровъ была полная предварительная организація вооруженнаго возстанія, которое не удалось, такъ какъ русскій народъ безъ оружія въ первый день и съ дубинами и колами въ другой громко поставилъ свои требованія: не унижать національнаго чувства русскихъ.

Когда на третій день я объѣхалъ всѣ мѣста погромовъ, населеніе, ютившееся у воротъ домовъ, выбѣгало мнѣ на встрѣчу, умоляя вернуть полицейскую охрану. Но тутъ я встрѣтилъ новое затрудненіе, полиція забастовала, требуя прибавки жалованья до 25 рублей (а другіе участки до 35 рублей) и немедленнаго напечатанія о семъ въ газетахъ.

Сознавая, что грабежи и погромъ могутъ прекратиться только съ возстановленіемъ полиціи, я увидѣлъ себя въ необходимости издать обязательное постановленіе, коимъ обязалъ домовладѣльцевъ уплачивать вдвойнѣ раскладку на ночныхъ сторожей, и это удвоеніе дастъ возможность платить городовымъ по 25 рублей въ мѣсяцъ. Я къ этой мѣрѣ долженъ былъ прибѣгнуть, имѣя въ то же время въ виду статью 340 уложенія о наказаніяхъ, гласящую, что не почитается превышеніемъ власти, когда при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, должностное лицо возьметъ на свою отвѣтственность принятіе также чрезвычайной мѣры, когда нельзя безъ видимой опасности отложить принятіе мѣры до высшаго на то разрѣшенія.

Теперь, во исполненіе моего обѣщанія городовымъ, вслѣдствіе чего они стали на посты, я имъ перваго числа выдамъ за 10 дней добавочнаго содержанія на 3000 рублей, но такъ какъ мною получено увѣдомленіе, что до рѣшенія вопроса законодательнымъ порядкомъ предлагается оставить городовыхъ на старомъ содержаніи, я не могу долѣе оставаться въ Одессѣ и прошу моего отозванія, тѣмъ болѣе, что и Дума и университетъ

нашли возможнымъ видѣть во мнѣ причину пережитой „Одесской революціи“ и о томъ ходатайствовать передъ графомъ Витте.

Обратившись письменно къ прокурорской власти о наиболѣе тщательномъ разслѣдованіи не только погрома, но и предшествующихъ событій, вызвавшихъ погромъ, съ цѣлью выискать виновныхъ, я прихожу къ убѣжденію, что мое дальнѣйшее управленіе Одессой не можетъ быть полезно, и потому прошу отозвать меня.

Положеніе дѣла таково, что нельзя разсчитывать, чтобы здѣшніе городовые остались на прежнемъ окладѣ жалованія, а съ другой стороны—всего можно ожидать отъ свившихъ здѣсь прочное гнѣздо революціонеровъ, которые въ пережитые мрачные дни доходили въ своей дерзости до того, что цѣлые два дня обстрѣливали два полицейскихъ участка и даже покушались отнять у войскъ пулеметы. Теперь революція Одесская кончилась, она унесла съ собою $2^1/_2$ тысячи жертвъ и оставила 10 тыс. разоренныхъ семействъ, главные же виновники ея остаются и доселѣ безнаказанными, виноватымъ оказался одинъ Одесскій градоначальникъ.

Подписано: градоначальникъ *Нейдгартъ*.

25 октября 1905 г. Одесса.

Предупредительныя мѣры принимались слѣдующія: 1) отобраніе въ ночь 16 октября всѣхъ патроновъ всѣхъ оружейныхъ магазиновъ города, отчего разграбленнымъ оказался лишь одинъ магазинъ, а патроны многочисленными подводами были свезены въ участки; 2) были устроены за городомъ три тайныя телеграфныя станціи, дабы не оторваться отъ Петербурга; 3) всѣ служащіе на водопроводѣ, телефонной станціи, электрической и газовомъ заводѣ были арестованы прибывшими командами и я объявилъ, что буду выдавать каждому пять рублей суточныхъ, что и исполнилъ. Въ виду этого всѣ эти учрежденія безпрерывно работали; 4) многочисленные склады товаровъ и огромный оружейный вагонный паркъ были охранены войсками отъ грабежей; 5) иностранцамъ была облегчена возможность перебраться на ихъ суда, и консульства охранялись; 6) безусловное закрытіе винныхъ лавокъ и трактировъ; 7) несмотря на забастовку газетъ, ежедневно выпускались мною успокоительныя агентскія телеграммы и печатались объявленія, предостерегающія объ опасности, 8) военная власть имѣла постоянное содѣйствіе гражданской.

Градоначальникъ *Нейдгартъ*.

Всеподданнѣйшій отчетъ о произведенномъ, по высочайшему повелѣнію, гофмейстеромъ двора его императорскаго величества сенаторомъ Турау изслѣдованіи причинъ безпорядковъ, бывшихъ въ г. Кіевѣ.

Высочайшимъ повелѣніемъ, воспослѣдовавшимъ въ 10 день ноября 1905 г., на меня было возложено, на правахъ ревизующихъ сенаторовъ, согласно ст. 245 учр. прав. сената, изслѣдованіе причинъ возникновенія безпорядковъ, происходившихъ въ октябрѣ 1905 г. въ г. Кіевѣ, а равно провѣрка правильности дѣйствій мѣстныхъ властей.

По прибытіи моемъ 21 ноября въ г. Кіевъ, для исполненія высочайше возложеннаго на меня порученія, было немедленно приступлено къ разсмотрѣнію всѣхъ дѣлъ, какъ возникшихъ въ мѣстныхъ слѣдственныхъ участкахъ, такъ и прокурорскаго надзора окружнаго суда и судебной палаты и мировыхъ судей, имѣющихъ отношеніе къ означеннымъ событіямъ.

Съ тою-же цѣлью были разсмотрѣны производства канцеляріи кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, кіевскаго губернатора, губернскаго правленія, городской полиціи, охраннаго отдѣленія, а также переписки, имѣющіяся въ штабѣ кіевскаго военнаго округа и штабѣ военной охраны г. Кіева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опрошено болѣе пятисотъ мѣстныхъ жителей, бывшихъ очевидцами означенныхъ событій.

Событія предшествовавшія октябрьскимъ безпорядкамъ. Автономія высшихъ учебныхъ заведеній.

Усилившееся за послѣдніе годы въ Россіи революціонное движеніе не могло не коснуться города Кіева—центра высшаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ и сосредоточія его сельскохозяйственной, торговой и отчасти промышленной дѣятельности. Однако до послѣд-

няго времени политическія смуты и вызванныя ими настроенія общественной жизни, благодаря слабо развитой въ Кіевѣ чисто фабричной дѣятельности, рѣдко проявлялись въ формѣ рѣзкихъ нарушеній порядка и общественной безопасности. Отсутствіе многочисленныхъ рабочихъ массъ, легко поддающихся воздѣйствію агитаторовъ и всякимъ крайнимъ увлеченіямъ, побудило революціонныхъ дѣятелей пока ограничиться обычной подпольной пропагандой своихъ разрушительныхъ ученій въ тайныхъ кружкахъ и собраніяхъ. По свидѣтельству оффиціальныхъ документовъ кіевской городской полиціи и удостовѣренію мѣстныхъ властей, а также и частныхъ лицъ, между наиболѣе усердными посѣтителями такихъ собраній и дѣятельными руководителями противоправительственнаго движенія выдѣлялись преимущественно молодые евреи и еврейки; при столкновеніяхъ съ чинами полиціи они не только позволяли себѣ насмѣшки и издѣвательства, но въ послѣднее время стали прибѣгать и къ огнестрѣльному оружію. Тѣмъ не менѣе мирный ходъ общественной жизни не нарушался до сентября мѣсяца 1905 года. Въ концѣ августа этого года воспослѣдовало высочайшее повелѣніе о дарованіи высшимъ учебнымъ заведеніямъ автономнаго управленія. Дарованная автономія была понята не только въ смыслѣ свободы самостоятельнаго научнаго развитія и обсужденія только тѣсно связанныхъ съ наукою вопросовъ, но также и въ смыслѣ безконтрольной свободы доступа въ учебныя заведенія лицъ, ничего общаго не имѣющихъ съ научною дѣятельностью этихъ заведеній, съ цѣлью политической атитаціи. Съ этого момента въ жизни кіевскихъ высшихъ учебныхъ заведеній произошелъ рядъ событій, создавшихъ почву, на которой возникли и получили дальнѣйшее развитіе октябрьскіе безпорядки, закончившіеся, благодаря особенно благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ, еврейскимъ погромомъ. Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи безпорядки эти, какъ по самому характеру своему, такъ и по причинамъ ихъ возникновенія, рѣзко распадаются на два періода, между которыми гранью явился день 18 октября. Необходимо при этомъ отмѣтить, что первый періодъ безпорядковъ, являясь естественнымъ продолженіемъ сентябрьскихъ событій, тѣсно примыкаетъ къ послѣднимъ, представляя вмѣстѣ съ ними одинъ общій послѣдовательный ходъ общественнаго движенія. Вслѣдствіе этого описанію октябрьскихъ безпорядковъ необходимо предпослать краткій обзоръ жизни кіевскихъ высшихъ учебныхъ заведеній при новомъ ихъ автономномъ режимѣ, а также и другихъ соприкасавшихся съ ними явленій общественнаго характера.

Вслѣдъ за изданіемъ закона объ автономіи, въ университетѣ св Владиміра и кіевскомъ политехническомъ институтѣ состоялся рядъ публичныхъ собраній студентовъ при участіи посторонней публики, не принадлежавшей къ составу учащихся рабочихъ и лицъ разныхъ профессій и общественнаго положенія. Собранія эти, получившія названіе „народныхъ митинговъ", съ каждымъ днемъ становились многолюднѣе, причемъ число постороннихъ лицъ, постепенно увеличиваясь, достигло къ концу сентября нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Въ залахъ, гдѣ происходили эти сборища, высочайшіе портреты вскорѣ были убраны, а вмѣсто нихъ развѣшены красные флаги съ революціонными надписями. На митингахъ произносились страстныя рѣчи о непригодности существующаго государственнаго строя,—о необходимости борьбы съ правительствомъ, раздавались прокламаціи и производились сборы пожертвованій на пріобрѣтеніе оружія и усиленіе средствъ революціонныхъ организацій.

Первый народный митингъ состоялся 7 сентября, въ 12 часовъ дня, въ актовомъ залѣ университета, куда, кромѣ студентовъ, собрались также слушатели политехническаго института и постороннія лица, въ томъ числѣ рабочіе и женщины. Всего собралось до 3 тысячъ человѣкъ. Аудиторія, гдѣ предполагалась сходка, не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ участвовать въ ней, а потому студенты обратились къ университетской администраціи съ просьбою предоставить для сходки актовый залъ, въ которомъ тогда происходило засѣданіе совѣта профессоровъ для выбора деканові и секретарей факультета. До полученія отвѣта небольшая группа студентовъ, во главѣ которой,—по свѣдѣніямъ, полученнымъ кіевскимъ губернаторомъ,—находился студентъ старшаго курса, неизвѣстный по фамиліи—еврей, насильно ворвалась въ актовый залъ, взломавъ въ немъ запертую дверь. Это насиліе, впрочемъ, не встрѣтило общаго сочувствія:—участники сходки выразили порицаніе товарищамъ, ломавшимъ дверь, и поручили передать извиненіе профессорамъ. Затѣмъ, по предложенію нѣкоторыхъ присутствовавшихъ, была пропѣта вѣчная память всѣмъ, погибшимъ въ борьбѣ за свободу во время предшествовавшихъ безпорядковъ, и произнесены рѣчи, въ которыхъ обсуждался вопросъ объ открытіи университета. Часть ораторовъ стояла за продолженіе забастовки, часть же настаивала на возобновленіи занятій съ тѣмъ, чтобы университетъ служилъ также и для цѣлей политической пропаганды и борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ. Послѣ переговоровъ съ профессоромъ княземъ

Трубецкимъ, убѣждавшимъ студентовъ приступить къ занятіямъ и указывавшимъ на необходимость для народа просвѣщенія, юридической и медицинской помощи, собраніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 23 рѣшило прекратить забастовку и приступить къ занятіямъ. Послѣ этого нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ собраніи, оставшіеся для выработки резолюціи, покинули актовый залъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ.

Два дня спустя такой же митингъ, съ участіемъ посторонней публики, состоялся въ политехническомъ институтѣ, гдѣ собрались студенты института и университета и рабочіе, преимущественно еврейки и евреи. Здѣсь также произносились рѣчи противоправительственнаго содержанія, раздавались прокламаціи и продавались брошюры революціоннаго направленія. Между прочимъ часть студентовъ настаивала на необходимости открытія института не для занятій, а исключительно для политической пропаганды, высказывая при этомъ мысль, что институтъ долженъ обратиться въ мѣсто сходокъ не только студентовъ, но и рабочихъ и сдѣлаться такимъ образомъ, народной трибуной.

Одновременно съ устройствомъ митинговъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при участіи посторонней публики, учащаяся молодежь, находя, повидимому, что и всякія другія публичныя собранія должны отнынѣ служить мѣстомъ обсужденія всякихъ вопросовъ политическаго характера, воспользовалась съ этой цѣлью двумя засѣданіями съѣзда русскихъ психіатровъ, а также публичнымъ чтеніемъ, устроеннымъ литераторомъ Водовозовымъ.

Безпорядки на засѣданіи съѣзда русскихъ психіатровъ.

Вечеромъ, 8 сентября, въ залѣ купеческаго собранія состоялось торжественное засѣданіе съѣзда русскихъ врачей—психіатровъ, при многочисленномъ стеченіи публики. По окончаніи лекціи, прочитанной профессоромъ Сикорскимъ, съ хоръ послышалась рѣчь какого-то студента, вспоминавшаго о погромѣ и о крови, пролитой въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Житомирѣ, Одессѣ и Бѣлостокѣ, а также на поляхъ Маньчжуріи. Другой студентъ, взойдя на каѳедру, прочелъ прокламацію соціалъ-демократической организаціи по поводу окончанія войны. Въ то же время какой-то молодой человѣкъ, начавъ рѣчь отъ имени рабочихъ, поднялъ вверхъ палку съ двумя красными лентами. Послышались крики: „долой полицію, долой самодержавіе“. Съ хоръ посыпались прокламаціи. Безпорядки

продолжались нѣсколько минутъ и прекратились сами собою, такъ какъ присутствовавшіе отнеслись ко всему происшедшему несочувственно и немедленно покинули залъ засѣданія.—Три дня спустя, 11 сентября, состоялось новое засѣданіе съѣзда психіатровъ, сопровождавшееся такими же событіями, причемъ, когда въ залъ засѣданія во время произнесенія противоправительственныхъ рѣчей и пѣнія вѣчной памяти вошелъ кіевскій полицеймейстеръ, въ него кѣмъ-то изъ публики была брошена электрическая лампа, перелетѣвшая черезъ его голову.

Безпорядки въ литературно-артистическомъ обществѣ.

14 сентября въ помѣщеніи кіевскаго литературно-артистическаго общества литераторомъ, Водовозовымъ по собственному почину, безъ разрѣшенія мѣстныхъ властей, было устроено публичное чтеніе, собравшее учащихся высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, по преимуществу еврейскую молодежь обоего пола, рабочихъ, мастеровыхъ и проч. Лекцію свою Водовозовъ посвятилъ критическому разбору положенія государственной думѣ, порицая при этомъ существующій государственный строй, что вызывало шумныя одобренія публики. Когда явился полицеймейстеръ и объявилъ о закрытіи собранія, какъ устроеннаго съ нарушеніемъ правилъ устава литературно-артистическаго общества, въ отвѣтъ послышался шумъ, свистъ и крики „долой полицію“. Литераторъ Водовозовъ предложилъ баллотировать вопросъ, слѣдуетъ ли подчиниться требованію полицеймейстера и прекратить чтеніе или же, не исполняя этого требованія, пожертвовать своею жизнью и тутъ же вступить съ полиціей въ кровавую борьбу, помня, что понесенныя жертвы „послужатъ на пользу святому дѣлу ниспроверженія существующаго порядка“. Часть публики высказалась за борьбу, другіе же протестовали и ушли изъ помѣщенія общества. Наиболѣе же сопротивлявшіеся, будучи арестованы, стали бросать въ городовыхъ обломки стульевъ и перилъ и разбили стекла въ окнахъ. Нѣкоторымъ чинамъ полиціи были нанесены удары по лицу, и у одного изъ околоточныхъ надзирателей была оборвана портупея. Всѣ эти оскорбленія и насилія заставили полицейскихъ чиновъ обнажить шашки, причемъ полицейскому приставу съ трудомъ удалось успокоить своихъ подчиненныхъ и предупредить такимъ образомъ, кровопролитіе, хотя одному изъ задержанныхъ и была причинена легкая рана въ голову.

Митинги въ концѣ сентября.

Между тѣмъ народные митинги въ университетѣ и политехническомъ институтѣ продолжались попрежнему. На одномъ изъ такихъ собраній, состоявшемся 20 сентября въ политехническомъ институтѣ, куда по обыкновенію явились рабочіе и еврейская молодежь, послѣдняя усиленно настаивала на томъ, чтобы какъ лекціи такъ и студенческія сходки были доступны и частной публикѣ, что однако встрѣтило возраженіе со стороны части студентовъ. Послѣдующіе митинги, прогрессируя въ смыслѣ все болѣе широкаго доступа въ помѣщенія высшихъ учебныхъ заведеній лицъ, совершенно не причастныхъ къ учебной дѣятельности этихъ учрежденій, къ половинѣ октября постепенно обратили какъ университетъ, такъ и политехническій институтъ въ арену открытой и ничѣмъ не стѣсняемой противоправительственной пропаганды. Революціонные агитаторы, еще недавно подвергавшіеся преслѣдованію властей за устройство тайныхъ кружковъ и собраній въ помѣщеніяхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, чувствовали себя теперь неуязвимыми. Подъ покровомъ автономной неприкосновенности высшихъ учебныхъ заведеній, они открыто и не стѣсняясь составляли и обсуждали планы дѣйствій, направленныхъ къ борьбѣ съ существующимъ государственнымъ строемъ и къ нарушенію общественнаго порядка и безопасности. Изъ такихъ митинговъ особаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которые, прочно организовавшись въ концѣ сентября, собирались періодически до половины октября и наконецъ рѣшили перенести свою дѣятельность изъ закрытыхъ помѣщеній на улицу.

Одно изъ такихъ собраній состоялось въ 10 часовъ утра 23 сентября въ актовомъ залѣ университета, куда сошлось до 5 тысячъ студентовъ и постороннихъ лицъ, — главнымъ образомъ евреевъ и въ томъ числѣ болѣе 500 женщинъ. Сходка открылась рѣчью революціоннаго содержанія, произнесенной студентомъ—евреемъ. По вопросу о продолженіи учебныхъ занятій между участниками собранія произошли пререканія, окончившіяся общимъ побоищемъ. Во время этой сходки, по установившемуся уже обыкновенію, продавались брошюры противоправительственнаго содержанія и фотографическія карточки политическихъ преступниковъ; раздавались такія же прокламаціи и производился сборъ пожертвованій на революціонныя цѣли.

На такомъ же митингѣ, происходившемъ 29 сентября, участвовало до тысячи человѣкъ студентовъ, врачей, адвокатовъ и женщинъ, причемъ присутствовали также делегаты отъ иногородних учебныхъ заведеній. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ на русскомъ, малороссійскомъ и польскомъ языкахъ говорилось о близости государственнаго переворота въ Россіи и о необходимости для поляковъ дѣйствовать за одно со всѣми стремящимися ниспровергнуть существующій строй; высказывалась мысль о возстановленіи Польши и созывѣ въ Варшавѣ польскаго сейма, о братствѣ съ пролетаріатомъ и т. п.

Митингъ этотъ возобновился на слѣдующій день, причемъ былъ особенно многолюденъ. Актовый залъ, аванъ-залъ и прилегающіе къ нимъ корридоры были переполнены самой разнообразной публикой, среди которой преобладали евреи и еврейки. Послѣ рѣчей и дебатовъ по обычной программѣ присутствовавшими была пропѣта вѣчная память скончавшимся ректору Московскаго университета князю Трубецкому и Кіевскому присяжному повѣренному Куперник, а также „жертвамъ произвола правительства“ — всѣмъ казненнымъ политическимъ преступникамъ.

Безпорядки на похоронахъ присяжнаго повѣреннаго Куперника 1 октября и митингъ 2 и 3 октября.

Чествованіе памяти Куперника этимъ, однако, не ограничилось. На слѣдующій день, 1 октября, во время похоронъ тѣло его провожала большая толпа народа, состоявшая главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи, причемъ въ числѣ другихъ на гробъ были возложены вѣнки съ красными лентами—съ надписью на одной изъ нихъ „Честному гражданину отъ К. К. П. С. Р.“ (т. е. отъ Кіевскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ). По пути слѣдованія погребальной процессіи толпа пѣла марсельезу, а на кладбищѣ были произнесены революціонныя рѣчи. По окончаніи обряда погребенія, часть толпы съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ направилась къ выходу съ кладбища съ явнымъ намѣреніемъ продолжать демонстрацію, но была встрѣчена полицейскимъ нарядомъ, преградившимъ ей путь. Изъ толпы было произведено нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, на которые бывшій въ нарядѣ околоточный надзиратель отвѣтилъ тоже выстрѣломъ. По разсѣяніи толпы, на мѣстѣ столкновенія ея съ полиціей была обнаружена убитая еврейка. Предварительнымъ слѣдствіемъ уста-

новлено, что еврейка эта была убита пулей не отъ револьвера системы „Смитъ и Вессонъ“, которымъ былъ вооруженъ околоточный надзиратель, а отъ револьвера системы „Браунингъ“. Между тѣмъ по городу распространился слухъ, что еврейка убита выстрѣломъ, произведеннымъ околоточнымъ надзирателемъ, и на слѣдующій день, 2 октября, съ самаго утра къ зданію университета стала стекаться разнообразная публика, среди которой студенты составляли незначительное меньшинство. Всего собралось нѣсколько сотъ человѣкъ, преимущественно молодыхъ евреевъ и евреекъ. Войдя въ зданіе университета, толпа заняла залъ аудиторіи и устроила тамъ сборище, открытое рѣчью какого-то студента-еврея по поводу убитой наканунѣ еврейки, послѣ чего было произнесено еще нѣсколько революціонныхъ рѣчей, сопровождавшихся криками „долой самодержавіе“. На предложеніе ректора оставить зданіе университета толпа не обратила вниманія и лишь нѣсколько времени спустя, выйдя изъ аудиторіи, направилась къ анатомическому театру, гдѣ, по предположенію толпы, долженъ былъ находиться трупъ убитой еврейки. Встрѣтивъ, однако, нарядъ полиціи и казачьи разъѣзды, толпа вернулась обратно, часть вошла въ зданіе университета, часть же отправилась къ народному дому, гдѣ въ то время шелъ спектакль. Ворвавшись въ народный домъ, скопище пыталось устроить тамъ демонстрацію, причемъ неизвѣстный студентъ, ставъ на стулъ, приглашалъ находившихся въ театрѣ зрителей собраться къ университету на митингъ. Подоспѣвшимъ нарядомъ полиціи безпорядокъ былъ прекращенъ, и толпа, оставивъ народный домъ, небольшими группами вернулась къ университету. Проникнувъ въ актовый залъ, толпа снова устроила собраніе, въ которомъ приняло участіе до 3 тысячъ человѣкъ, причемъ въ числѣ собравшихся замѣчены были воспитанники и воспитанницы среднихъ учебныхъ заведеній. Снова произносились рѣчи о современномъ государственномъ строѣ и объ убитой еврейкѣ, а затѣмъ ей была пропѣта вѣчная память на еврейскомъ языкѣ и собраны были деньги для покупки вѣнка на гробъ убитой.

На слѣдующій день, 3 октября, съ утра къ зданію политехническаго института стали прибывать смѣшанныя группы студентовъ и посторонней публики. Къ 11 часамъ физическая аудиторія оказалась настолько переполненной, что часть публики вынуждена была перейти въ главную аудиторію. Всего собралось до 5 тысячъ человѣкъ. И на этотъ разъ преобладала еврейская молодежь женскаго пола, студенты же составляли меньшинство,

нѣкоторые изъ нихъ, пробывъ короткое время въ институтѣ, покинули послѣдній. Передъ собравшимися были произнесены на русскомъ, польскомъ, еврейскомъ и грузинскомъ языкахъ рѣчи о необходимости ниспровергнуть самодержавіе, о борьбѣ съ правительствомъ, производился сборъ денегъ на покупку съ этой цѣлью оружія, и было поднято два флага: одинъ черный съ надписью „смерть палачамъ“, а другой красный со словами „долой самодержавіе“. Послѣ этого участники митинга предполагали устроить шествіе къ Лукьяновскому кладбищу на погребеніе убитой еврейки, но въ это время стало извѣстнымъ, что еврейка уже похоронена, вслѣдствіе чего толпа разошлась. Съ этого же дня, какъ впослѣдствіи были получены свѣдѣнія въ курильной комнатѣ университета устроена была тайная библіотека нелегальныхъ изданій, посѣщавшаяся какъ студентами, такъ и посторонней публикой, участвовавшей на митингахъ, а также помѣщена была кружка для сбора пожертвованій на усиленіе средствъ читальни. Въ этой же читальнѣ печатались резолюціи сходокъ и разныя преступныя воззванія, распространявшіяся на собраніяхъ.

Митинги въ началѣ октября и забастовки.

Послѣ этого собранія такіе же митинги состоялись въ обоихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 5, 7, 8 и 9 октября, причемъ на первомъ изъ нихъ обсуждался вопросъ объ устройствѣ народнаго митинга на улицѣ, а на послѣднемъ производился сборъ пожертвованій на оружіе. Въ числѣ посторонней публики обращала на себя вниманіе, какъ всегда, еврейская молодежь, а также нижніе чины разныхъ частей войскъ. Кромѣ другихъ ораторовъ, на собраніи 9 октября въ политехническомъ институтѣ выступилъ съ рѣчью бывшій служащій управленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ Александръ Шлихтеръ, состоявшій по свѣдѣніямъ Кіевскаго охраннаго отдѣленія, членомъ мѣстнаго комитета Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи и Всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Обратившись къ присутствовавшимъ тутъ же рабочимъ, Шлихтеръ призывалъ ихъ къ всеобщей забастовкѣ, которая, по его словамъ, является единственнымъ средствомъ заставить правительство пойти на уступки. Призывъ Шлихтера возымѣлъ свое дѣйствіе: служащіе и рабочіе мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ управленій, благодаря постоянному присутствію на митингахъ, успѣли организоваться

раньше другихъ. Вслѣдствіе этого 11 октября, еще до начала общихъ безпорядковъ, все управленіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ прекратило занятія, выработавъ подъ предсѣдательствомъ Шлихтера и предъявивъ администраціи особую „резолюцію“ съ перечисленіемъ своихъ требованій, какъ экономическаго, такъ и политическаго характера. Въ числѣ этихъ требованій упоминается объ учрежденіи „Россійскаго законодательнаго парламента, организованнаго на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національностей“. Воспроизведенная въ большомъ количествѣ экземпляровъ, резолюція эта была разослана всѣмъ служащимъ на линіи, мастеровымъ и рабочимъ, съ приглашеніемъ присоединиться къ общему движенію и немедленно выслать въ Кіевъ своихъ депутатовъ. Въ тотъ же день, т. е. 11 октября, прекратили работу служащіе въ управленіи Кіево-Полтавской желѣзной дороги, а 12 октября прервалось движеніе и на линіяхъ къ Москвѣ и Курску, а также на Полтавской вѣтви Кіево-Воронежской желѣзной дороги. Забастовка распространилась затѣмъ на мастерскія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ цѣлью оказать поддержку своимъ товарищамъ, перестали работать и на одномъ изъ немногихъ крупныхъ кіевскихъ заводовъ—южно-русскомъ машиностроительномъ. Забастовки эти, несомнѣнно, не были вызваны экономическими причинами, а явились результатомъ агитаціи и запугиванія рабочихъ насиліями, такъ какъ на слѣдующій день рабочіе хотѣли возобновить работы, но были разогнаны небольшой группой рабочей молодежи.

Прекращеніе желѣзнодорожнаго движенія повысило настроеніе революціонныхъ элементовъ въ народѣ и вызвало тревогу въ обществѣ. Событія между тѣмъ, развиваясь безпрепятственно, быстро приближались къ 13 октября, когда и со стороны революціонныхъ дѣятелей и со стороны мѣстныхъ властей было рѣшено принять особыя мѣры—первыми къ устройству уличныхъ безпорядковъ, а вторыми—къ охранѣ общественнаго порядка и безопасности. Еще въ началѣ октября руководители революціоннаго движенія были недовольны тѣмъ, что, устраиваемые ими въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, митинги не оказываютъ замѣтнаго вліянія на общество, а проповѣдуемыя ими политическія идеи слабо проникаютъ въ народъ. Поэтому они рѣшили перенести безпорядки на улицу и путемъ насилій и террора внести въ общество смуту, заставивъ его присоединиться къ нимъ. Еще до постановленія этого окончательнаго рѣшенія, 12 октября утромъ,

въ актовомъ залѣ университета состоялся предварительный „общій митингъ“, въ которомъ приняли участіе служащіе въ желѣзнодорожныхъ управленіяхъ, студенты и лица неопредѣленныхъ профессій, по преимуществу евреи. Предсѣдательствовалъ упомянутый Шлихтеръ, который, доложивъ собранію о результатахъ съѣзда желѣзнодорожныхъ делегатовъ въ С.-Петербургѣ, объявилъ „митингъ“ открытымъ и первый произнесъ рѣчь о необходимости ниспроверженія существующаго государственнаго строя, объ обязанности каждаго бойкотировать государственную думу и всѣми средствами стремиться къ созыву Учредительнаго Собранія. Въ томъ же направленіи говорили и другіе ораторы, а затѣмъ произведенъ былъ сборъ денегъ на пріобрѣтеніе оружія для „активной обороны“. Въ 4 часа пополудни „митингъ“ былъ закрытъ Шлихтеромъ, приглашавшимъ собраться утромъ 13 октября и „привлечь съ собою по возможности рабочую массу“. По свѣдѣніямъ полиціи, на митингѣ этомъ присутствовали пріѣзжіе „делегаты“ изъ столицъ и до 15 офицеровъ, изъ которыхъ одинъ раздавалъ присутствовавшимъ прокламаціи.

Митингъ 13 октября.

Наконецъ наступилъ день 13 октября, начавшійся многолюднымъ „митингомъ“ въ университетѣ, куда собралось до десяти тысячъ человѣкъ разнородной публики, не исключая воспитанниковъ среднеучебныхъ заведеній, массы евреевъ обоего пола и, по свѣдѣніямъ, полученнымъ полиціей, 14 офицеровъ разныхъ воинскихъ частей. Рѣчи произносились главнымъ образомъ представителями соціалъ-революціонной партіи и организаціи „Бундъ“. Собраніе было открыто рѣчью предсѣдателя Шлихтера, который требовалъ освобожденія вооруженной силой задержанныхъ въ ту ночь лицъ, являвшихся, по свѣдѣніямъ кіевскаго охраннаго отдѣленія, подстрекателями и руководителями желѣзнодорожной забастовки. Въ дальнѣйшей рѣчи Шлихтеръ, рисуя современное политическое положеніе Россіи, увѣрялъ присутствовавшихъ, что въ С.-Петербургѣ уже созвано Учредительное Собраніе, и что войска въ Петергофѣ и Царскомъ селѣ сложили оружіе и перешли на сторону революціонеровъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого въ массѣ плакатовъ передавалась депеша, полученная будто-бы изъ С.-Петербурга, о томъ, что „собравшійся съѣздъ делегатовъ конституціонно-демократической партіи, послѣ долгихъ дебатовъ,

объявилъ себя Учредительнымъ Собраніемъ. Рабочій и служебный Петербургъ сталъ. Рельсы разобраны. Столица оторвана. Засѣданія конституціонно-демократической партіи происходятъ подъ охраной тысячъ рабочихъ. Собранныя войска бездѣйствуютъ. Готовятся обѣ стороны къ рѣшительному столкновенію. Мы у порога великихъ событій". Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ рѣчами другихъ ораторовъ, призывавшихъ немедленно къ оружію и созыву Учредительнаго Собранія, вызвало чрезвычайное возбужденіе въ слушателяхъ. Въ раздававшихся крикахъ выражалась готовность хоть сейчасъ выйти на улицу, но Шлихтеръ и одинъ изъ главныхъ ораторовъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ратнеръ убѣждали присутствовавшихъ, по возможности, избѣгать столкновеній съ полиціей и войсками.

Въ то же время въ сосѣдней XIV аудиторіи происходила отдѣльная сходка „украинцевъ", на которой ораторы говорили объ отдѣленіи Украйны отъ Россіи и образованіи самостоятельнаго Украинскаго Королевства „отъ Львова до Харькова". Въ XIII аудиторіи одновременно собрались на сходку студенты политехническаго института. Всѣ эти группы соединились съ толпой, бывшей на митингѣ, гдѣ производился въ это время усиленный сборъ „на оружіе", причемъ присутствовавшіе бросали и золотыя монеты, и крупные кредитные билеты, и серебро, а одна дама вынула даже изъ ушей серьги и бросила ихъ въ шапку съ надписью „на оружіе". На сборищѣ этомъ рѣшено было начать 14-го октября общую забастовку въ городѣ, прибѣгая, въ случаѣ надобности, къ насилію, для чего организованы были три летучихъ отряда. На *первый* возложены были исполнительныя функціи, т. е. насильственное прекращеніе занятій во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, прекращеніе работъ на фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ, прекращеніе торговли въ магазинахъ, пріостановленіе движенія городского трамвая и вообще всякаго движенія въ городѣ. *Вторая* группа—боевая—составлена была съ цѣлью вооруженнаго сопротивленія войскамъ и полиціи, гдѣ это оказалось бы нужнымъ. Наконецъ *третья*—санитарная—въ видѣ летучихъ отрядовъ—предназначена была для оказанія помощи раненымъ и вообще потерпѣвшимъ членамъ организаціи. Главнымъ пунктомъ революціоннаго Краснаго Креста были избраны университетскія клиники, а сборнымъ пунктомъ назначено было мѣсто у станціи трамвая, на углу Бибиковскаго бульвара и Крещатика. Кромѣ того, намѣчено было восемь летучихъ пунктовъ въ различныхъ частяхъ города и организовано до 40 подвижныхъ отря-

довъ Краснаго Креста для оказанія помощи на мѣстахъ столкновеній революціонеровъ съ войсками и полиціей.

Около 4-хъ часовъ пополудни публика стала расходиться съ митинга, а къ 6-ти часамъ вечера въ актовый залъ университета явилось до 300 человѣкъ учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, заявившихъ, что они прекратили занятія. Молодежь эта осталась въ университетѣ до поздняго вечера и принимала участіе въ группировкѣ отрядовъ для устройства общей забастовки. Въ тотъ же вечеръ уже началась обструкція, выразившаяся въ появленіи трехъ какихъ-то молодыхъ людей въ помѣщеніи частной гимназіи Петра, гдѣ, въ присутствіи 300 слушателей, началась лекція на общеобразовательныхъ курсахъ. Забастовщиковъ удалили и даже нанесли имъ побои, но тѣмъ не менѣе, въ виду охватившаго слушателей волненія, пришлось прекратить занятія.

Передача генералъ-адъютантомъ Клейгельсомъ своихъ «полномочій» военному начальству и событія съ 14 по 18 октября.

По полученіи свѣдѣній о состоявшейся на митингѣ резолюціи у бывшаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Клейгельса въ ночь на 14 октября собрались на совѣщаніе и. д. губернатора—вице-губернаторъ Рафальскій, управляющій канцеляріей генералъ-губернатора д. с. с. Молчановскій, полицеймейстеръ полковникъ Цихоцкій, чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Малышевъ и явившійся, по приказанію генералъ-губернатора, помощникъ начальника охраннаго отдѣленія Кулябко. Послѣдній доложилъ сущность резолюціи, постановленной въ тотъ день на митингѣ въ университетѣ, и добавилъ, что, по имѣющимся въ охранномъ отдѣленіи свѣдѣніямъ, революціонныя организаціи намѣрены воспользоваться въ широкихъ размѣрахъ начавшимися уже въ городѣ безпорядками, и потому можно ожидать вооруженныхъ уличныхъ демонстрацій.

Въ виду возможности осуществленія программы революціонной партіи, генералъ-адъютантъ Клейгельсъ нашелъ, что въ Кіевѣ готовится вооруженное возстаніе, а потому призналъ необходимымъ, примѣняясь къ § 16 правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, передать „съ 7 часовъ утра 14-го октября свою власть и полномочія военному начальству“. Объ этомъ же чиновникомъ Малышевымъ было составлено сооб-

щеніе временно-командующему войсками кіевскаго военнаго округа генералъ-лейтенанту Карассу.

Еще въ августѣ мѣсяцѣ на случай безпорядковъ въ городѣ Кіевѣ была организована военная охрана, начальникомъ которой съ 12-го октября, вмѣсто прежде бывшаго генералъ-маіора Безсонова, былъ назначенъ командиръ 21-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Драке. Въ виду этого и согласно упомянутаго сообщенія генералъ-адъютанта Клейгельса о передачѣ полномочій военнымъ властямъ, генералъ-лейтенантъ Драке вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей начальника охраны города. Объ этомъ онъ оповѣстилъ населеніе особыми объявленіями, въ которыхъ предупредилъ, что всякія сборища на площадяхъ и улицахъ воспрещаются, и что при нарушеніи общественнаго порядка будетъ употреблено въ дѣло оружіе.

Однако принятыя мѣры не внесли успокоенія въ жизнь города. Изъ всѣхъ Кіевскихъ газетъ только „Кіевлянинъ“ издалъ обычный номеръ. Остальныя же 4 газеты 14-го октября выпустили лишь листки телеграммъ съ объявленіями, что „въ виду состоявшагося соглашенія издателей, редакторовъ, сотрудниковъ и наборщиковъ газетъ, „Кіевская Газета“, „Кіевскіе Отклики“, „Кіевское Слово“ и „Кіевскія Новости“,—они временно прекращаютъ выпускъ газетъ и ограничатся печатаніемъ только телеграммъ, имѣющихъ отношеніе къ освободительному движенію.

Послѣдующее теченіе дня 14-го октября было воспроизведеніемъ программы, поставленной наканунѣ на митингѣ въ университетѣ; не было только открытыхъ столкновеній съ полиціей, вслѣдствіе чего „боевой“ и „санитарный“ отряды бездѣйствовали, отрядъ же, на обязанность котораго возложено было проведеніе всеобщей забастовки, дѣйствовалъ съ полной энергіей. По всему городу небольшими группами ходили члены этого отряда, врываясь въ учебныя заведенія, фабрики, мастерскія, магазины и даже аптеки, всюду требуя прекращенія занятій, работы и торговли. Тамъ, гдѣ увѣщанія не дѣйствовали, употребляли силу, выбивали окна и грозили насиліемъ надъ личностью; въ вагонахъ трамвая у вагоновожатыхъ отнимали рукоятки отъ моторовъ, перерѣзывали веревки отъ роликовъ, а гдѣ это не удавалось, выбивали камнями стекла, были также случаи покалеченій пассажировъ. Нигдѣ группамъ этимъ не было оказано противодѣйствіе въ серьезной формѣ ни со стороны частныхъ лицъ и учрежденій, ни со стороны чиновъ полиціи и воинскихъ отрядовъ.

Въ большинствѣ случаевъ достаточно было одного появленія

агитаторовъ, чтобы учебныя заведенія, мастерскія и магазины закрывались. Правда, наряды полиціи и войска разсѣивали большія скопища народа на улицахъ, но обнаруживали совершенную неумѣлость бороться съ группами забастовщиковъ, которыхъ за весь день было задержано всего нѣсколько человѣкъ. Благодаря этому были остановлены трамваи, прекращены занятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, работы въ мастерскихъ и вся торговля въ магазинахъ на главныхъ улицахъ.

Были попытки остановить дѣйствія и правительственныхъ учрежденій. Такъ, толпа агитаторовъ безпрепятственно проникла въ почтово-телеграфную контору на Большой Владимірской улицѣ, охранявшуюся войсками, и предложила служащимъ, во имя гражданскихъ мотивовъ, прекратить занятія, угрожая въ противномъ случаѣ явиться съ бомбами и силою прекратить ихъ. На требованіе начальника конторы фельдфебель, стоявшій во главѣ взвода, охранявшаго эту контору, возразилъ, что онъ по этому поводу не имѣетъ опредѣленныхъ инструкцій и не знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Такое же отсутствіе надлежащихъ инструкцій замѣчалось и въ отношеніи всѣхъ остальныхъ воинскихъ частей, ходившихъ весь этотъ день по городу для прекращенія безпорядковъ до крайняго утомленія безъ всякой пользы для дѣла. Второй случай попытки остановить служебную дѣятельность произошелъ въ окружномъ судѣ. Около 2 часовъ дня къ предсѣдателю суда д. с. с. Грабару явилась группа присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, приблизительно около 15 человѣкъ, и просила закрыть судъ, такъ какъ при сильномъ нервно-возбужденномъ состояніи населенія они не въ состояніи защищать интересы своихъ кліентовъ. Въ просьбѣ этой имъ было отказано предсѣдателемъ суда, который заявилъ, что по закону не считаетъ себя въ правѣ закрыть судъ хотя бы на одинъ день. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ явившихся присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ стали обходить канцеляріи суда. Они приглашали прекратить занятія и указывали на разныя непріятности, которымъ, въ противномъ случаѣ, служащіе могутъ подвергнуться со стороны забастовщиковъ, ложно увѣряя при этомъ, что другіе чиновники уже не работаютъ. Благодаря настойчивымъ требованіямъ предсѣдателя суда и нѣкоторыхъ членовъ его, упомянутая группа адвокатовъ оставила помѣщеніе канцелярій, и занятія въ судѣ не были прерваны. Поступокъ этихъ адвокатовъ встрѣтилъ порицаніе со стороны ихъ товарищей, утверждавшихъ, что они дѣйствовали безъ всякаго уполномочія корпораціи.

Между тѣмъ въ университетѣ во время этихъ событій происходилъ митингъ подъ предсѣдательствомъ Шлихтера, а въ актовомъ залѣ былъ выставленъ большой красный флагъ съ иниціалами партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Оттуда, повидимому, исходили всѣ исполнительныя распоряженія, такъ какъ туда все время направлялись группы студентовъ и воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также еврейская молодежь разныхъ профессій, и затѣмъ тамъ же во дворѣ составлялись отряды забастовщиковъ, расходившіеся по всему городу.

Въ субботу, 15 октября, военными властями рѣшено было съ утра не допускать народныхъ митинговъ въ университетѣ и политехническомъ институтѣ. Оба эти заведенія были оцѣплены войсками, которыя никого, кромѣ студентовъ, не пропускали, вслѣдствіе чего произошло нѣсколько случаевъ столкновеній студентовъ съ военными чинами на почвѣ взаимныхъ оскорбленій. Прекратившаяся наканунѣ рядомъ насилій общественная жизнь снова стала заявлять о своемъ существованіи: магазины открылись, трамваи возобновили движеніе, и на улицахъ появилась обычная публика. Однако къ часу дня повсюду вновь показались большія группы агитаторовъ, шумно требовавшихъ прекращенія торговли и движенія трамваевъ. Во многихъ магазинахъ, не желавшихъ прекратить торговлю, были разбиты окна; въ проѣзжавшіе вагоны трамвая бросали камни, выбивали въ нихъ стекла и нѣсколькихъ пассажировъ ранили; въ мастерскихъ были случаи насилій надъ личностью владѣльцевъ; по улицамъ открыто ходили какія-то лица, дерзко требовавшія пожертвованій на стачечный фондъ, и такъ какъ эти насилія нигдѣ не встрѣчали надлежащаго отпора ни со стороны полиціи и войскъ, ни со стороны публики, то городомъ снова овладѣла паника. Нормальное теченіе жизни вновь было нарушено. На улицахъ появились толпы праздпаго люда, много любопытныхъ, и среди всей этой массы усиленно распространялись слухи объ успѣхахъ революціонно-стачечнаго движенія, еще болѣе возбуждавшіе и безъ того безпокойную толпу. Попытки конныхъ воинскихъ частей разсѣять эти скопища встрѣчали открытое противодѣйствіе. Въ казаковъ бросали камнями, они отвѣчали нагайками, но къ оружію не прибѣгали, за исключеніемъ одного случая, когда одинъ казакъ выстрѣлилъ изъ винтовки въ человѣка, бросившаго въ него камнемъ, и этимъ выстрѣломъ случайно ранилъ въ палецъ какого-то мальчика. Этотъ единичный случай и нѣсколько отдѣльныхъ столкновеній съ полиціей породили въ

публикѣ массу несосповательныхъ слуховъ. Распространились разсказы о двухстахъ мальчикахъ, поднятыхъ на штыки, о поголовномъ избіеніи полиціей политическихъ и административныхъ заключенныхъ въ полицейскихъ участкахъ, что, при провѣркѣ чинами прокурорскаго надзора, оказалось совершеннымъ вымысломъ.

Въ этотъ день арестовано было нѣсколько человѣкъ за оскорбленіе чиновъ полиціи и войскъ, а также задержанъ приватъ-доцентъ Леонтовичъ съ пятью студентами и докторомъ Женевскаго университета Екатериной Керкесъ, бывшихъ съ повязками Краснаго Креста въ той толпѣ, изъ которой камнями бросали въ казаковъ. Вечеромъ, по указанію Кіевскаго охраннаго отдѣленія, произведены были аресты агитаторовъ, причемъ при обыскѣ въ Петербургской гостиницѣ неизвѣстный человѣкъ выстрѣломъ изъ револьвера тяжело ранилъ околоточнаго надзирателя Вольскаго и затѣмъ самъ былъ убитъ караульнымъ солдатомъ.

16 и 17 октября прошли въ общемъ спокойно, если не считать нѣсколькихъ случаевъ столкновеній съ войсками и полиціей. Правительственныя учрежденія охранялись военной силой, движеніе трамваевъ возстановилось 17-го числа, и въ этотъ день открылись всѣ магазины. Еще въ ночь на 15 октября охраннымъ отдѣленіемъ былъ произведенъ рядъ арестовъ лицъ, принадлежащихъ, по свѣдѣніямъ этого отдѣленія, къ партіямъ соціалъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ, а въ томъ числѣ былъ арестованъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ратнеръ, который, какъ замѣчено было агентурой, принималъ видное участіе въ народныхъ митингахъ. Предполагалось арестовать также и другого агитатора Шлихтера, но розыскать его не могли, и были свѣдѣнія, что онъ переселился въ зданіе университета, гдѣ скрывался въ какой-то частной квартирѣ. Не лишнее при этомъ отмѣтить, что 16 октября какой-то человѣкъ, повидимому, отставной чиновникъ, подстрекалъ на Троицкомъ базарѣ собравшуюся толпу рабочихъ бить евреевъ и отправиться по улицамъ города съ бѣлымъ флагомъ съ надписью „за царя и отечество“, но рабочіе высказали опасеніе, что евреи за это станутъ бросать въ нихъ бомбы, и это подстрекательство успѣха не имѣло.

Этими событіями закончился первый циклъ октябрскихъ безпорядковъ и наступило наружное спокойствіе, которымъ жители города Кіева пользовались подъ охраной воинскихъ отрядовъ. Спокойствіе это длилось недолго. Начало второго періода безпорядковъ относится къ 18 октября 1905 года.

Объявленіе высочайшаго манифеста 17 октября и увольненіе генералъ-адъютанта Клейгельса отъ должности генералъ-губернатора. Манифестаціи съ красными флагами и событія у думы 18 октября.

Еще въ ночь на 18 октября къ исправляющему должность кіевскаго губернатора д. с. с. Рафальскому стали поступать свѣдѣнія о томъ, что въ Петербургѣ происходитъ что-то необычайное. Была получена для одной изъ газетъ частная телеграмма, въ которой, между прочимъ, сообщалось, что „ожидается опубликованіе правительственнаго акта высочайшей важности“. И, дѣйствительно, въ ту же ночь была доставлена телеграмма о послѣдовавшемъ 17 октября высочайшемъ манифестѣ о дарованіи населенію основъ гражданской свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ получена была телеграмма объ увольненіи отъ должности генералъ-адъютанта Клейгельса и о назначеніи на его мѣсто находившагося тогда въ отпускѣ командующаго войсками кіевскаго военнаго округа генералъ-лейтенанта Сухомлинова, до возвращенія котораго въ Кіевъ должность генералъ-губернатора высочайше повелѣно было исправлять помощнику командующаго войсками генералъ-лейтенанту Карассу. Около 11 часовъ утра 18 октября въ домѣ генералъ-адъютанта Клейгельса состоялась передача имъ должности генералъ-губернатора генералъ-лейтенанту Карассу. Вѣсть о всемилостивѣйшемъ манифестѣ быстро облетѣла весь городъ, повсюду вызвавъ радостное настроеніе по поводу дарованныхъ народу милостей.

Утренніе телеграфные листки съ текстомъ манифеста, выпущенные мѣстной прессой, раскупались нарасхватъ, особенно прибавленіе къ „Кіевской Газетѣ“, въ заголовкѣ котораго необычайно крупными буквами напечатано было слово „Конституція“. Листки эти многимъ раздавались даромъ, номера же консервативной газеты „Кіевлянинъ“ раскупались въ кіоскахъ и у разносчиковъ учащейся еврейской молодежью и тутъ же демонстративно разрывались на части. Рабочіе кіевскаго арсенала, явившись на работу, пригласили священника отслужить молебенъ, а затѣмъ панихиду по павшимъ жертвамъ рабочаго движенія. Когда же іеромонахъ отказался безъ особаго разрѣшенія своего начальства отслужить такую панихиду, сами рабочіе пропѣли „вѣчную память“, а затѣмъ отправились въ обмун-

дировальныя мастерскія, требуя тамъ прекращенія работъ. Изъ бесѣдъ участковаго товарища прокурора съ этими рабочими оказалось, что многіе изъ нихъ недовольны были уменьшеніемъ заработной платы и тѣмъ, что ихъ начальство, по ихъ словамъ, за взятки отдаетъ работу евреямъ, обижая тѣмъ русскихъ.

Еще утромъ, по ознакомленіи съ текстомъ всемилостивѣйшаго манифеста, рѣшено было, по соглашенію прокурорскаго надзора съ начальникомъ мѣстнаго губернскаго жандармскаго управленія, освободить изъ-подъ стражи и избрать другія мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда въ отношеніи тѣхъ изъ привлеченныхъ къ дознаніямъ за государственныя преступленія, дѣянія которыхъ не соединены съ преступленіями общаго характера или съ храненіемъ и употребленіемъ взрывчатыхъ веществъ. Такую же мѣру принялъ и исправляющій должность губернатора относительно тѣхъ лицъ, которыя въ предыдущіе дни были арестованы въ административномъ порядкѣ. Между тѣмъ, на улицахъ въ разныхъ частяхъ города стали образовываться многочисленныя скопища народа, имѣвшія сначала характеръ мирныхъ манифестацій. Настроеніе всюду было приподнятое, но безпорядковъ не было; магазины были открыты, трамваи ходили, полиція и войска отсутствовали. Около полудня стало извѣстнымъ, что въ политехническомъ институтѣ собралась толпа учащейся молодежи, человѣкъ 700—800, и, раздѣлившись на группы, направилась по Бибиковскому бульвару къ Крещатику съ криками „ура“, пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и красными флагами. Другая толпа, человѣкъ въ 400, собралась въ мастерскихъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и оттуда съ такими же флагами и пѣніемъ такихъ же пѣсенъ направилась также къ Крещатику, гдѣ къ тому времени скопились большія толпы публики. Возлѣ университета образовалась многотысячная толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и изъ значительнаго числа еврейской молодежи обоего пола. Изъ этой толпы выдѣлились ораторы и тутъ же на площади произносили рѣчи, въ отвѣтъ на которыя изъ толпы выкинуты были красные флаги и послышались революціонныя пѣсни. У большинства присутствовавшихъ появились въ рукахъ, петлицахъ и на шляпахъ красныя ленты, розетки и платки. Многіе изъ публики сначала не понимали значенія красныхъ флаговъ и красныхъ бантиковъ, считая красный цвѣтъ символомъ радости по поводу дарованныхъ народу милостей, но вскорѣ дальнѣйшія событія вывели ихъ изъ этого заблужденія.

По требованію сборища, ректоръ университета, повидимому, не зная о его настроеніи, приказалъ открыть парадныя двери главнаго зданія. Въ университетскій залъ ворвалась часть уличной толпы, мгновенно уничтожила императорскіе портреты, разорвала красное сукно, покрывавшее пьедесталы этихъ портретовъ и, сдѣлавъ изъ него флаги и ленты, раздавала ихъ прохожимъ на улицѣ. Среди лицъ, собравшихся въ университетѣ, находился также Шлихтеръ, который, обращаясь къ публикѣ, кричалъ, „армія наша—идемъ“. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ начали громко приглашать публику стать на колѣни передъ Шлихтеромъ, какъ жертвой произвола. Стоявшіе вблизи него, дѣйствительно, опустились на колѣни. Однако, вся эта сцена вызвала ропотъ среди остальной публики, которая во всемъ происшедшемъ усмотрѣла оскорбленіе своихъ національныхъ чувствъ. Уничтоживъ иниціалы государя императора на подъѣздѣ университетскаго зданія и украсивъ его красными флагами, толпа покинула университетъ, и, раздѣлившись на двѣ группы, двинулась—частью по Васильковской улицѣ—къ предмѣстью города Деміевкѣ, частью къ Крещатику—къ думѣ. Она приглашала прохожихъ присоединиться къ ней, требовала закрытія магазиновъ и распѣвала революціонныя пѣсни. Во главѣ толпы, направлявшейся къ думѣ, ѣхалъ верхомъ на лошади главный ораторъ и руководитель всѣхъ послѣднихъ митинговъ Шлихтеръ съ краснымъ бантомъ на лѣвой рукѣ. При остановкахъ шествія по городу Шлихтеръ произносилъ революціонныя рѣчи, доказывая, что борьба съ правительствомъ не закончена и должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока существующій государственный строй не будетъ замѣненъ демократической республикой. Изъ толпы слышались крики: „долой самодержавіе, долой кровопійцъ“, и проч. Въ то время, когда эти манифестанты направлялись къ думѣ, другіе ворвались въ Николаевскій паркъ и здѣсь сорвали иниціалы и надписи съ памятника императора Николая I. При этомъ евреи, набросивъ на памятникъ арканъ, старались стащить статую императора съ пьедестала. Нѣкоторые изъ толпы влѣзли на памятникъ и пытались укрѣпить въ рукѣ статуи красное знямя. Всѣхъ проходившихъ мимо, манифестанты заставляли снимать шапки передъ красными флагами. Былъ случай, когда на одной изъ улицъ они, набросившись на проѣзжавшаго какого-то священника, сбили съ него шапку палками. На другой улицѣ евреи, украшенные красными бантами, стали оскорблять четырехъ проходившихъ мимо солдатъ; они на нихъ плевали и вызвали этимъ общее негодова-

ніе случайныхъ свидѣтелей такого возмутительнаго поруганія войска.

Около часа дня большая толпа, съ красными флагами на длинныхъ шестахъ, подошла къ зданію присутственныхъ мѣстъ и потребовала освобожденія политическихъ арестантовъ. Въ это время со стороны Софійской площади появился воинскій патруль, растянувшійся цѣпью поперекъ улицы передъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ. Офицеръ, командовавшій патрулемъ, вступилъ въ какія то объясненія съ выдѣлившейся изъ толпы группой, вожаки которой усиленно старались жестами успокоить толпу, волновавшуюся и напиравшую на солдатъ. Цѣпь ихъ, тѣснимая передними рядами толпы, перешла въ наступленіе, вслѣдствіе чего толпа отхлынула и, по удостовѣренію нижнихъ чиновъ, стала бросать въ нихъ камнями, которыми было ушиблено 6 рядовыхъ. Послѣ этого, преслѣдуя отступавшихъ, нѣсколько солдатъ дали три или четыре выстрѣла по толпѣ, ранивъ двухъ человѣкъ, которые тутъ же были подобраны толпой и увезены.

Почти въ то же самое время другая толпа, подступивъ къ зданію Старокіевскаго полицейскаго участка, потребовала освобожденія содержавшихся въ немъ политическихъ заключенныхъ. Полицеймейстеру съ трудомъ удалось убѣдить сборище, что такихъ заключенныхъ въ участкѣ нѣтъ, такъ какъ одна часть ихъ освобождена по распоряженію управляющаго губерніей, а другая переведена въ тюрьму. Послышались крики „идти на тюрьму“, „на жандармское управленіе“, и толпа отхлынула по Житомірской улицѣ по направленію къ этимъ учрежденіямъ. Объ этомъ тотчасъ же сообщено было по телефону въ тюрьму и жандармское управленіе, гдѣ приняты были соотвѣтствующія мѣры, но къ управленію толпа не подходила, а у тюрьмы собралась значительно позже и была разсѣяна войсками.

Въ Подольскомъ полицейскомъ участкѣ другая толпа, окруживъ зданіе и порвавъ телефонные провода, побила стекла и силою освободила содержавшихся тамъ двухъ административныхъ и семь общеуголовныхъ арестантовъ, причинивъ при этомъ насиліе одному изъ городовыхъ, пытавшихся удержать нападавшихъ. Такое же сборище являлось и въ Польскій полицейскій участокъ, но удалилось спокойно, узнавъ, что оттуда всѣ арестованные, кромѣ общеуголовныхъ, уже освобождены по распоряженію администраціи.

Между тѣмъ, пока происходили эти событія, въ думу, къ и. д. городского головы Плахову, явилась группа лицъ, настроенныхъ совершенно мирно, и просила открыть залъ думскихъ засѣданій,

ссылаясь на то, что многіе желаютъ выразить свои чувства по поводу высочайшаго манифеста. Желаніе публики было исполнено. и въ думѣ состоялся митингъ подъ предсѣдательствомъ гласнаго Шефтеля. Митингъ этотъ прошелъ спокойно. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ, въ думѣ нѣкоторые высказывали мысль о необходимости немедленно идти въ тюрьму и силою освободить арестованныхъ за политическія преступленія, но приглашеніе это не встрѣтило сочувствія. Затѣмъ какой-то студентъ въ рѣчи своей доказывалъ, что все, обѣщанное въ манифестѣ, несомнѣнно будетъ осуществлено, но не сразу, а постепенно. Присутствовавшіе тутъ же евреи все время перебивали студента и, наконецъ, заставили его замолчать, принудивъ сойти съ трибуны. Поступокъ этотъ вызвалъ неудовольствіе въ публикѣ, выражавшей сомнѣніе по поводу дѣйствительности такой свободы слова, при которой не всѣ могутъ высказывать свои убѣжденія. Послышался чей то крикъ „бей жидовъ“, но крикъ этотъ не нашелъ себѣ поддержки среди остальныхъ присутствовавшихъ. Нѣкоторые рабочіе говорили, что съ изданіемъ манифеста еще не все окончено, и что остального необходимо добиваться кровью и оружіемъ. Была затѣмъ пропѣта вѣчная память князю Трубецкому, какъ борцу за свободу. Послѣ этого митингъ продолжался и окончился совершенно мирно.

Тѣмъ временемъ отъ большой Васильковской по Крещатику къ думѣ стала приближаться многотысячная толпа съ красными знаменами и значками, съ красными повязками и лентами на шляпахъ и въ петлицахъ и съ красными платками. На Крещатикѣ появилась рота солдатъ, которые были разставлены поперекъ улицы и стали заряжать ружья, а затѣмъ взяли ихъ на изготовку. Къ офицеру, командовавшему ротой, подбѣжало нѣсколько человѣкъ съ текстомъ манифеста въ рукахъ и убѣдили его, что толпа мирная. Солдаты были убраны, а манифестанты, двинувшись впередъ, ворвались въ думскій залъ, а остальные не помѣстившіеся въ немъ, заняли всю площадь передъ думой. По свидѣтельству очевидцевъ, толпа состояла изъ студентовъ и лицъ разнаго званія, возраста, пола и состоянія, при чемъ особенно выдѣлялись евреи. Мгновенно всѣ національные флаги, которыми, по случаю манифеста, была украшена дума, были сорваны, и ихъ мѣсто заняли красныя и черныя знамена съ разными революціонными надписями, какъ напр. „республика Русь“, „учредительное собраніе Кіевской Соціалъ Революціонной Партіи“, „Да здравствуетъ Россійская Соціалъ Революціонная Партія“ и „Кіевская Польская Соціалистическая Партія“. Въ это время съ тріумфомъ толпа при-

несла на рукахъ на площадь съ Институтской улицы помощника присяжнаго повѣреннаго Ратнера, только что передъ тѣмъ освобожденнаго изъ тюрьмы, по распоряженію генералъ-адъютанта Клейгельса, давшаго это порученіе исправлявшему должность губернатора д. с. с. Рафальскому еще 17 октября вечеромъ. Поднятый надъ толпой, при несмолкаемыхъ крикахъ восторга, Ратнеръ одѣтый въ синюю рабочую блузу, съ краснымъ флагомъ въ рукѣ, обратился къ „гражданамъ“ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, упомянулъ, что, хотя онъ и освобожденъ изъ тюрьмы, но въ ней томится еще свыше 200 человѣкъ его товарищей, на выручку которыхъ надо немедленно же итти. Между тѣмъ во главѣ другой толпы къ парадному ходу думы подъѣхалъ верхомъ Шлихтеръ. Войдя въ думу, онъ вышелъ на балконъ, и расцѣловавшись съ Ратнеромъ, обратился съ рѣчью къ толпѣ: „граждане, наша организація—сила, говорилъ онъ, намъ нужно, еще больше сплотиться и добиваться свободъ“. Затѣмъ онъ призывалъ населеніе къ всеобщей политической забастовкѣ, къ сформированію народной милиціи, и дерзостно отозвался объ особѣ государя императора. Въ это время участниками толпы были изорваны въ клочки находившіеся въ залѣ думы императорскіе портреты, а также поломаны зерцало и царскіе вензеля, устроенные на думскомъ балконѣ для иллюминаціи. Кто подалъ мысль рвать портреты и уничтожить вензеля и какія именно лица привели ее въ исполненіе, установить въ точности не представилось возможнымъ. Но несомнѣнно, что въ уничтоженіи портретовъ и вензелей принимали участіе какъ русскіе, такъ и евреи. Одинъ изъ очевидцевъ удостовѣряетъ, что когда онъ услыхалъ крики толпы, требовавшей снятія съ вензелей императорской короны, выбѣжалъ на балконъ, то увидѣлъ, что изъ инціаловъ буква „А“ уже была сломана; корону же ломалъ какой-то русскій рабочій. Когда корона была уже снята, нѣкоторые изъ толпы стали требовать, чтобы ее поставили на прежнее мѣсто. Требованіе это было исполнено, но въ коронѣ былъ укрѣпленъ красный флагъ. Однако минутъ пять спустя она снова была сброшена въ этотъ разъ уже евреемъ, который затѣмъ сломалъ и половину буквы „Н“. По заявленію другого свидѣтеля, когда онъ проходилъ мимо думы, корона на императорскомъ вензелѣ на думскомъ балконѣ была уже сломана. Въ это время какой-то молодой человѣкъ, по наружному виду еврей, ставъ одной ногой на перила балкона, а другой — на металлическій вѣнокъ, окружавшій инціалы государя императора, ломалъ этотъ вѣнокъ. Очевидецъ уничтоженія императорскихъ

портретовъ въ думѣ свидѣтельствуетъ, что въ уничтоженіи ихъ принимали участіе и евреи.

Въ то же время во внутреннихъ помѣщеніяхъ думы безпрепятственно хозяйничали постороннія лица. Испр. должн. городского головы Плаховъ, прійдя въ свой кабинетъ, нашелъ его занятымъ какими-то молодыми людьми. На просьбу уйти, молодые люди отвѣтили, что они не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ условились собраться здѣсь, и что теперь нѣтъ никакихъ „головъ“, кромѣ главенства народа. Для выясненія вопроса, удастся-ли устроить назначенное на 6 час. вечера засѣданіе думы, исправл. должность городского головы пришлось обратиться къ Шлихтеру и Ратнеру. Послѣдній вошелъ въ это время въ кабинетъ и усталый опустился на диванъ; на вопросы онъ отвѣчать не могъ, такъ какъ повидимому охрипъ и лишился голоса. За нимъ вскорѣ явился и Шлихтеръ, и отъ него, какъ отъ главы революціонеровъ, стали исходить всѣ распоряженія. На вопросы исправл. должн. городского головы и гласныхъ онъ давалъ отрывочные отвѣты, не имѣя, повидимому, возможности сосредоточиться; одновременно онъ отдавалъ распоряженія о формированіи милиціи, предлагая какому-то молодому человѣку немедленно записывать всѣхъ желающихъ вступить въ ряды ея, приказывалъ другому лицу выдѣлить часть толпы и идти въ оружейный магазинъ забирать оружіе и проч.; по корридорамъ ходили какіе-то евреи— сборщики денегъ на неизвѣстныя цѣли; неизвѣстный господинъ съ красной лентой на шляпѣ предлагалъ свои услуги пойти съ толпой и освободить изъ тюрьмы заключенныхъ. Было ясно, что залъ засѣданій думы очищенъ не будетъ и назначенное засѣданіе не состоится. Шлихтеръ обратился къ гласному князю Трубецкому и просилъ его похлопотать объ освобожденіи политическихъ арестованныхъ, такъ какъ толпа собирается идти къ тюрьмѣ и освободить ихъ силою. Настроеніе скопища, собравшагося передъ думой, становилось все болѣе возбужденнымъ, чему не мало способствовали всевозможные ораторы, взбиравшіеся даже на крыши остановленныхъ вагоновъ трамвая и оттуда произносившіе зажигательныя рѣчи. Князь Трубецкой вмѣстѣ съ другими общественными дѣятелями отправился къ исправлявшему должность губернатора съ просьбой освободить лицъ, арестованныхъ въ административномъ порядкѣ; нѣкоторые же изъ членовъ этой депутаціи просили также убрать съ улицъ города войска, во избѣжаніе столкновеній. Депутаціи было объявлено о состоявшемся уже освобожденіи части политическихъ арестованныхъ. Просьба же

объ удаленіи войскъ военными властями удовлетворена не была.

Между тѣмъ на площади у думы толпа продолжала стоять. На думскомъ балконѣ появлялись все новые ораторы, изъ которыхъ, однако, особымъ успѣхомъ пользовались Ратнеръ и Шлихтеръ. Содержаніе ихъ рѣчей въ точности не установлено; по разсказамъ же служащихъ въ управѣ и другихъ очевидцевъ, ораторы эти приглашали народъ удержаться на занятой ими позиціи. Другіе революціонные дѣятели, считая, повидимому Высочайшій манифестъ лишь первымъ шагомъ къ достиженію ихъ стремленій, взывали къ необходимости, не упуская времени, продолжать дальнѣйшую борьбу открытымъ мятежемъ. Какой-то еврей—подмастерье крпчалъ съ балкона: „долой самодержавіе“; другой, прилично одѣтый еврей, кричалъ: „валяй на мясо“; слышались голоса, взывавшіе къ мщенію и доказывавшіе, что „конституція—чушь“; что надо „сравнять горы съ долинами“. Самоослѣпленіе сторонниковъ революціонныхъ партій достигло высшихъ предѣловъ: уваженіе къ національному чувству народа, къ предметамъ его почитанія было забыто. Казалось, одна часть населенія не допускала даже возможности существованія у другой такихъ чувствъ и потому не стѣснялась въ способахъ выраженія своего презрѣнія къ послѣднимъ. Такъ, какой-то рабочій старался прикрѣпить къ портрету государя императора красный флагъ. Къ нему подошелъ неизвѣстный студентъ-еврей и, вырвавъ флагъ у рабочаго, древко его воткнулъ въ портретъ государя императора. Другой еврей, вырѣзавъ въ портретѣ государя голову, высунулъ свою въ образовавшееся, такимъ образомъ отверстіе, и съ думы кричалъ толпѣ: „теперь я государь“. Затѣмъ, евреи вынесли изъ думы на табуретѣ Ратнера и кричали, что онъ будетъ президентомъ или министромъ. На русское населеніе, — разсказывалъ одинъ изъ очевидцевъ,—все это производило такое впечатлѣніе, какъ будто евреи торжествуютъ и радуются не милостямъ, дарованнымъ государемъ, а мнимой своей побѣдѣ, одержанной при помощи революціонныхъ организацій. Возбужденіе народное, вызванное поруганіемъ высочайшихъ портретовъ, было необычайное. Нѣкоторые изъ стоявшихъ передъ думой, стали кричать „кто спялъ царя съ престола“, другіе плакали. Въ русскомъ населеніи проснулось наконецъ національное чувство, подвергавшееся въ послѣднее время такъ часто оскорбленіямъ со стороны революціонеровъ, среди которыхъ замѣтно выдѣлялась еврейская молодежь. Вспоминались выраженія „царскій холопъ“, „царскій опричникъ“, обычныя въ устахъ агитаторовъ-евреевъ при столкновеніяхъ съ

чинами войскъ и полиціи. Вспоминалось самомнѣніе тѣхъ же евреевъ, когда они, съ оскорбительной самоувѣренностью и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своемъ собственномъ превосходствѣ и въ превосходствѣ своихъ взглядовъ, говорили русскимъ: „скоро вашъ Софійскій соборъ станетъ нашей синагогой“, „скоро евреи будутъ министрами, а ваши министры станутъ наливать чай нашимъ тряпичникамъ“, „мы вамъ дали Бога, мы вамъ дали свободу, мы вамъ дадимъ и царя“. Все то, что происходило у думы,— говорилъ одинъ изъ очевидцевъ этихъ событій,—съ особенною рѣзкостью подчеркнуло всю ненависть и презрѣніе евреевъ къ русскому народу и его правительству; все происшедшее было до такой степени обидно и отвратительно, что безъ слезъ на это нельзя было смотрѣть, и не нужно было быть пророкомъ для того, чтобы предсказать, что такія оскорбленія для евреевъ не пройдутъ даромъ. И дѣйствительно, тутъ же, у думы, стали раздаваться голоса, выражавшіе удивленіе по поводу бездѣйствія властей; кое-гдѣ въ толпѣ, стоявшей вблизи думы, послышались крики „надо бить жидовъ“.

Въ это время зданіе думы совершенно перешло во власть членовъ крайнихъ соціалъ-революціонныхъ партій и сочувствующей имъ еврейской молодежи, потерявшей всякое самообладаніе. Возбужденіе расположившейся у думы толпы достигло крайняго предѣла, когда Шлихтеръ, убѣждая не бояться войскъ, сообщилъ въ своей рѣчи, что онъ самъ видѣлъ, какъ на Александровской улицѣ казакъ, убившій какого-то человѣка, ускакалъ, когда на него набросилась толпа Какъ разъ въ это время со стороны Крещатика показался казачій разъѣздъ въ 5 человѣкъ, и при видѣ ихъ наэлектризованная толпа бросилась на казаковъ, которые быстро ускакали, давъ одинъ выстрѣлъ на воздухъ.

Въ продолженіе всей этой манифестаціи, въ теченіе болѣе двухъ часовъ, войска и полиція стояли у зданія Думы безучастно, не двигаясь съ мѣста; къ нижнимъ чинамъ обращались съ воззваніемъ не слушать командировъ, не стрѣлять въ народъ и черезъ окна бросали прокламаціи, приглашавшія ихъ сложить оружіе и присоединиться къ толпѣ. Наконецъ, на рысяхъ подошелъ эскадронъ драгунъ Кіевскаго полка и выравнялся въ линію спиной къ дворянскому дому, а лицомъ къ Думѣ. Изъ стоявшей около нея сравнительно небольшой толпы, оставшейся отъ сборища, разбѣжавшагося при появленіи кавалеріи, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, а одинъ неизвѣстный молодой человѣкъ, выступивъ впередъ, направилъ свой револьверъ прямо на драгунъ. Тогда тѣ

рысью двинулись на стоявшихъ передъ ними демонстрантовъ и съ обнаженными шашками погнали ихъ по площади, тѣсня всю громадную толпу, бѣжавшую въ паническомъ страхѣ. Въ драгунъ стали стрѣлять изъ оконъ и съ балкона думы, а на стоявшую около нея роту полетѣли сверху кампи и бутылки. Выведенная на Крещатикъ, эта воинская часть оказалась въ критическомъ положеніи, ее стали обстрѣливать изъ револьверовъ съ четырехъ сторонъ: изъ думы, биржевого зала, гостиницы на углу Институтской и изъ толпы демонстрантовъ. Командиръ роты приказалъ открыть огонь пачками, послѣ чего площадь въ нѣсколько минутъ опустѣла. При этомъ столкновеніи войскъ съ толпою было убито 7 лицъ, ранено же около 130 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ и девять нижнихъ чиновъ были ушиблены, а 5 солдатъ ранено, изъ нихъ двое серьезно. Изъ думы часть демонстрантовъ успѣла скрыться, другая же, въ числѣ 124 человѣкъ, была временно задержана. Въ зданіи думы вся мебель была разрушена, нѣсколько шкафовъ разбито, а выброшенныя изъ нихъ дѣловыя бумаги изорваны.

Еврейскій погромъ 18 октября.

Безпорядки у думы не прошли безслѣдно: послѣдствія ихъ стали проявляться уже въ тотъ же вечеръ. Вѣсть о поруганныхъ императорскихъ портретахъ, о сломанной коронѣ, вензеляхъ, объ изорванныхъ національныхъ флагахъ быстро разнеслась по всему городу вплоть до окраинъ. На многихъ улицахъ можно было наблюдать кучки людей, въ большинствѣ рабочихъ, мастеровыхъ и торговцевъ, оживленно бесѣдовавшихъ обо всемъ происшедшемъ и во всемъ обвинявшихъ евреевъ, которые всегда особенно рѣзко выдѣлялись среди манифестантовъ. Еще около 5 часовъ дня 18 октября на Крещатской площади, у гостиницы „Санъ-Ремо“, собралась кучка полотеровъ, громко обвинявшая евреевъ въ смутахъ, и стали раздаваться грозные возгласы, что „надо проучить жидовъ“. Около того же времени толпа рабочихъ на Подолѣ рѣшила,—какъ удостовѣряетъ одинъ изъ участниковъ этой толпы,—ловить всѣхъ „демократовъ“,—т. е. и евреевъ, и русскихъ, подстрекавшихъ къ послѣднимъ безпорядкамъ, и сажать ихъ подъ арестъ „до распоряженія государя императора“.

Часовъ въ семь вечера на Александровской площади появилась первая группа манифестантовъ съ портретомъ государя императора, пѣвшая народный гимнъ. Группа эта быстро увеличилась, и

такъ какъ съ Крещатика расходилось много евреевъ съ красными лентами въ петлицахъ, то на нихъ, какъ на предполагаемыхъ виновниковъ думской демонстраціи, стали набрасываться и избивать отдѣльныхъ лицъ. Къ манифестаціи присоединились чернорабочіе, бездомные обыватели толкучаго рынка и береговые босяки, и вскорѣ послѣ этого въ двухъ полицейскихъ участкахъ—Лыбедскомъ и Подольскомъ—начался еврейскій погромъ, который продолжался нѣсколько дней, охватилъ почти весь громадный городъ съ предмѣстьями. Группы громилъ разбивали еврейскія квартиры и лавки и выбрасывали оттуда на улицу имущества и товары, которые частью тутъ же уничтожались, частью расхищались. На одной изъ улицъ на Подолѣ оказался убитымъ неизвѣстный еврей съ красной ленточкой въ петлицѣ пальто и съ револьверомъ въ рукѣ. Въ первоначальной своей стадіи погромъ, несомнѣнно, имѣлъ характеръ мщенія за поруганное національное чувство Подвергая встрѣчаемыхъ на улицѣ евреевъ побоямъ, разбивая магазины, топча въ грязь выброшенные оттуда товары, громилы приговаривали: „вотъ тебѣ свобода, вотъ тебѣ конституція и революція. Вотъ тебѣ царскіе портреты и корона“. Имущество евреевъ сначала не столько расхищалось, сколько истреблялось. Но вскорѣ къ лицамъ, искренно возмущеннымъ поведеніемъ демонстрантовъ, и глубоко убѣжденнымъ въ необходимости самосуда надъ ними, присоединились, съ одной стороны подонки города, преслѣдовавшіе лишь узко корыстныя цѣли и прикрывавшіеся патріотическимъ флагомъ только для болѣе удобнаго грабежа,—съ другой,—люди, очевидно, не отдававшіе себѣ яснаго отчета въ своихъ поступкахъ: какъ напр., прислуга, дворники, мелкіе лавочники, которые въ желаніи своемъ воспользоваться выброшеннымъ еврейскимъ имуществомъ и товарами не видѣли, повидимому, ничего предосудительнаго и запрещеннаго. Были, впрочемъ, среди громилъ и такіе, которые до самаго послѣдняго дня безпорядковъ оставались чуждыми корыстныхъ побужденій, заявляя всюду, что имъ чужого имущества не надо. Они выхватывали изъ рукъ своихъ товарищей расхищаемыя послѣдними вещи и, не обращая вниманія на цѣнность, тутъ же уничтожали ихъ; проходили, не трогая ихъ, мимо лавокъ караимовъ; покидали тѣ еврейскія квартиры, гдѣ имъ показывали императорскіе портреты; не трогали на улицахъ тѣхъ принятыхъ ими сначала за евреевъ русскихъ, которые могли прочитать молитву и т. д. Но въ общемъ уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ возникновенія безпорядковъ еврейскій погромъ получилъ характеръ разбоя, самаго безпощад-

наго и угрожающаго по своимъ послѣдствіямъ. Зачинщиками и руководителями въ большинствѣ случаевъ были лица изъ той же толпы громилъ; но случалось, что подстрекали къ погрому мелкіе лавочники — конкуренты евреевъ, дворники, нѣкоторые домовладѣльцы, хозяева ремесленныхъ заведеній и даже, какъ утверждаютъ многіе потерпѣвшіе, низшіе полицейскіе чины. Въ первый день, 18 октября, погромъ продолжался до поздней ночи и прекратился самъ собой, повидимому, потому, что народъ усталъ, и всѣ разошлись спать. Но уже съ утра 19 октября онъ возобновился и, продолжаясь еще два дня, кончился къ вечеру 20 октября, хотя единичныя попытки громить и грабить замѣчались еще и утромъ 21 октября. 19 октября отъ поджога загорѣлся на Подолѣ корпусъ деревянныхъ еврейскихъ лавокъ, сгорѣвшихъ до тла. Кромѣ этого случая, а также еще одной неудавшейся попытки поджечь разгромленный домъ, въ другихъ мѣстахъ города случаевъ поджога не было.

19 октября, утромъ, на Софійскую площадь прибыла изъ зданія городской думы тысячная толпа, рѣшившая, съ разрѣшенія военныхъ властей, устроить патріотическую манифестацію. Послѣ молебна митрополитъ Флавіанъ увѣщевалъ народъ не безчинствовать и разойтись по домамъ, а затѣмъ толпа эта, состоявшая изъ нѣсколькихъ священниковъ, купцовъ, чиновниковъ, мастеровыхъ, ремесленниковъ и рабочихъ съ національными флагами въ сопровожденіи оркестра военной музыки и небольшой воинской части двинулась по главнымъ улицамъ города. Впереди ея несли штандартъ съ вензелемъ государя императора, а за нимъ нѣсколько высочайшихъ портретовъ, пустыя отъ нихъ рамки и разбитое зеркало, взятое изъ думы. Толпа эта вошла, между прочемъ, въ университетъ, разставила въ залѣ часть портретовъ и отслужила молебенъ. Но въ то время какъ лица, составлявшія центръ патріотической демонстраціи, были глубоко проникнуты сознаніемъ важности подобной процессіи и поддерживали въ ней образцовый порядокъ, люди, примыкавшіе къ ней по дорогѣ, позволяли себѣ всевозможныя насилія по отношенію къ встрѣчнымъ евреямъ и носящимъ форму учебныхъ заведеній. Нѣкоторые демонстранты заставляли, напримѣръ, студентовъ, подъ угрозой побоевъ, цѣловать разбитое зеркало. Слѣдовавшіе же за процессіей громилы тутъ же продолжали разгромъ еврейскіе магазины, а уваженіе свое къ демонстраціи выражали тѣмъ, что разстилали передъ ней на мостовой награбленные куски сукна и другихъ матерій. Такія патріотическія процессіи вошли затѣмъ въ этотъ и въ слѣдующій день въ

обыкновеніе, и подъ прикрытіемъ ихъ совершался разгромъ и разгробленіе еврейскаго имущества. Былъ случай, когда въ одной изъ такихъ процессій, впереди несли трехцвѣтное—знамя, за нимъ портретъ государя, а непосредственно за портретомъ серебрянное блюдо и мѣшокъ съ награбленнымъ. По докладу управляющаго канцеляріей Кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора д. с. с. Молчановскаго и управляющаго губерніей д. с. с. Рафальскаго, исправляющій должность генералъ-губернатора генералъ Карассъ вечеромъ, 19 октября, издалъ энергичное объявленіе къ жителямъ Кіева, воспрещавшее всякаго рода манифестаціи съ предупрежденіемъ, что всякія шествія и скопища будутъ разсѣиваться силой оружія. Но еще до опубликованія этого объявленія громилы и лица, не брезгавшія чужимъ достояніемъ, широко пользовались патріотическими шествіями для разгрома и разграбленія квартиръ и магазиновъ. Погромъ въ этотъ день быстро разростался и вскорѣ охватилъ весь городъ. Одинъ за другимъ расхищались богатѣйшіе еврейскіе магазины даже въ центрѣ—на Крещатикѣ. Массивныя желѣзныя ставни и запоры взламывались послѣ упорной и продолжительной работы громилъ въ теченіе получаса и болѣе. Надъ вскрытіемъ огнеупорныхъ кассъ работали открыто на улицѣ при помощи неприспособленныхъ орудій цѣлыми часами. Дорогія сукна, бархаты выбрасывались изъ магазиновъ и, какъ ненужная ветошь, разстилались подъ дождемъ на грязныхъ улицахъ. Тротуаръ передъ магазиномъ ювелирныхъ и серебрянныхъ издѣлій Маршака на Крещатикѣ покрытъ былъ выброшенными изъ него драгоцѣнными вещами. Груды товаровъ навалены были и передъ магазинами галантерейными, модными и другими, причемъ всѣ конторскія книги, счета и торговая переписка были уничтожены; дорогія стекла въ витринахъ магазиновъ были разбиты. Разгромлена была и редакція газеты „Кіевскія Новости“, вывѣсившая наканунѣ изъ окна красный флагъ. Въ то время, какъ одни скопища громилъ свирѣпствовали на Крещатикѣ, другія, неся императорскіе портреты, стали подыматься по Александровской улицѣ въ мѣстность, называемую Липками. Вскорѣ тамъ подверглись разгрому дома-особняки евреевъ барона Гинцбурга, Гальперина, Александра и Льва Бродскихъ, Ландау и нѣсколькихъ другихъ. Вся роскошная обстановка этихъ домовъ была уничтожена, мебель поломана и выброшена на улицу, все, что попадалось громиламъ на глаза, разрушено. Во время разгрома дома барона Гинцбурга, жившій на противоположной сторонѣ улицы, студентъ Григорій Бродскій вбѣжалъ въ этотъ домъ и выстрѣлами изъ вин-

товки убилъ двухъ грабителей. Когда толпа разбѣжалась, Бродскій, выйдя изъ дома, хотѣлъ было возвратиться къ себѣ домой, но былъ окруженъ громилами и жестоко избитъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, наискось, расположенъ генералъ-губернаторскій домъ, который охранялся тогда частью 4-го Понтоннаго баталіона подъ командой капитана Нагорскаго. Послѣдній съ солдатами и помощникомъ пристава Челюскинымъ бросился на выручку Бродскаго, но въ это время братъ Бродскаго, перепуганный происшедшимъ, сталъ съ крыльца своего дома стрѣлять въ толпу и ранилъ тяжело одного солдата и легко Челюскина; вслѣдъ за тѣмъ, несмотря на присутствіе войска, былъ разгромленъ и самый домъ Александра Бродскаго.

Въ тотъ же день, 19 октября, подверглось разгрому образцовое еврейское училище имени Бродскаго, принадлежащее министерству народнаго просвѣщенія. Разграбленіе этого училища, построеннаго на средства Бродскаго и стоившаго болѣе 300 тысячъ рублей, продолжалось два дня. Въ немъ не только были выбиты стекла и рамы, но совершенно разрушены мраморныя лѣстницы и желѣзныя перила, уничтожена вся мебель, столы, шкафы, библіотека и всѣ документы учащихъ и учащихся. Остатки и уцѣлѣвшія вещи были затѣмъ вывезены грабителями на возахъ. Передъ разгромомъ съ крыши былъ снятъ тяжелый металлическій государственный гербъ, и изъ актоваго зала былъ взятъ портретъ государя императора и отнесены процессіей сначала къ думѣ, а затѣмъ въ Софійскій соборъ.

Въ этотъ второй день погрома, когда безчинства и разнузданность толпы достигли своего апогея, преосвященный Платонъ, епископъ Чигиринскій, обратился къ разъяренной толпѣ съ пасторскимъ увѣщаніемъ, чтобы прекратить избіеніе и ограбленіе евреевъ. Въ теченіе дня владыка совершалъ крестный ходъ по улицамъ Подола, гдѣ разгромъ былъ особенно силенъ, и увѣщевалъ народъ прекратить безчинства. Умоляя толпу пощадить жизнь и имущество евреевъ, владыка нѣсколько разъ опускался передъ нею на колѣни. Во время одного изъ такихъ увѣщаній къ епископу изъ толпы подскочилъ какой-то громила и съ угрозой крикнулъ: „И ты за жидовъ“. Большинство, казалось, поддавалось уговорамъ и мольбамъ преосвященнаго, но тутъ же раздавались голоса, что нужно бѣжать въ сосѣдній еврейскій магазинъ и взять оттуда кусокъ матеріи, чтобы разостлать ее на землѣ передъ владыкой, и немедленно часть сборища направилась туда для исполненія задуманнаго. При удаленіи крестнаго хода толпа опять устремилась

на магазины и грабила ихъ опять. Погромъ продолжался до поздней ночи и прекратился самъ собой только потому, что уставшіе громилы разошлись на покой. Въ этотъ же день рѣшено было громить не только еврейскіе дома, но и квартиры нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ своимъ либеральнымъ образомъ мыслей, какъ напр., кн. Трубецкого, Рузскаго и др. Объ этомъ Рузскому 19 октября было прислано неизвѣстнымъ лицомъ предупрежденіе съ приложеніемъ „проскрипціоннаго“ списка лицъ, дома которыхъ подлежали разгрому.

На слѣдующій день, 20 октября, погромъ возобновился по всему городу, при тѣхъ же условіяхъ и той же обстановкѣ, но принятыя, наконецъ, властями болѣе рѣшительныя мѣры дали положительные результаты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Галицкомъ базарѣ, гдѣ погромъ былъ особенно силенъ, войска употребляли оружіе, причемъ убито 5 человѣкъ и нѣсколько ранены. Несмотря на то, что съ утра были расклеены объявленія, запрещавшія всякія процессіи и манифестаціи, по городу продолжали ходить патріотическія процессіи, а за ними шли громилы и уничтожали и расхищали вещи, оставшіяся еще въ магазинахъ. Но власти дѣйствовали уже активнѣе и не только разгоняли грабителей, но и задерживали ихъ. Къ ночи, 20 октября, погромъ прекратился, и на слѣдующій день проявлялись лишь единичныя попытки громить и грабить еврейское имущество. Въ теченіе дня нѣсколько разъ распускались неизвѣстными лицами слухи о готовящейся мести со стороны евреевъ: утверждали, будто евреи въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ собрались въ 10 верстахъ отъ Кіева и оттуда намѣрены отправиться вооруженные къ городу; развѣдка, произведенная войсками, опровергла этотъ слухъ. Такимъ же измышленіемъ было и извѣстіе о разгромленіи Голосѣевскаго монастыря и избіеніи всѣхъ монаховъ. Разслѣдованіе установило, что 19 октября, вечеромъ, дежурный околоточный надзиратель Дворцоваго участка, при дѣловыхъ переговорахъ по телефону, случайно услыхалъ разговоръ крѣпостного штаба съ какимъ-то служащимъ изъ пироксилиноваго склада. Кто-то приказывалъ послать патрули въ складъ, такъ какъ въ Голосѣевскомъ лѣсу собрались будто-бы евреи, собиравшіеся осадить монастырь. Объ этомъ разговорѣ околоточный надзиратель доложилъ приставу, причемъ докладъ слышалъ телеграфистъ полицейскаго участка. Подъ впечатлѣніемъ переживаемыхъ событій телеграфистъ подѣлился этими свѣдѣніями со своимъ товарищемъ по службѣ, и затѣмъ весь разговоръ, въ видѣ преувеличенныхъ слуховъ о томъ, будто евреи подожгли монастырь

и взорвали пороховые погреба, былъ переданъ по полицейскому телеграфу въ Подольскій участокъ, создавъ легенду, вызвавшую всеобщую панику. Населеніе было такъ взволновано, что властямъ пришлось печатными объявленіями опровергать эти ложные слухи, такъ какъ громилы, въ оправданіе своей преступной дѣятельности, ссылались на оскорбленіе евреями святыни. Опасеніе мести со стороны послѣднихъ было настолько сильно, что 20 октября, поздно вечеромъ, слухъ о томъ, что евреи рѣжутъ русскихъ, привелъ жителей въ полное смятеніе. Въ участки на Подолѣ и Лукьяновкѣ прибѣгали полуодѣтые мужчины, женщины и дѣти и, моля о помощи, клялись, что рѣзня уже началась. Пришлось экстренно посылать войска, чтобы успокоить перепуганныхъ жителей и убѣдить ихъ въ неосновательности подобныхъ слуховъ.

Наконецъ, 21 октября въ городѣ сталъ постепенно возстановляться порядокъ, а 22 октября наступило полное успокоеніе. Открылись уцѣлѣвшіе магазины, трамваи начали обычное движеніе, и жизнь вошла въ нормальную колею. Лишь выбитыя стекла, расколотыя двери, разломанныя рамы, окончательно разграбленные богатые магазины, въ которыхъ уцѣлѣли одни стѣны, полы и потолки, груды разбросанныхъ по улицамъ товаровъ, остатки мебели и домашней обстановки напоминали объ ужасахъ послѣднихъ трехъ дней.

Въ общемъ, по подсчету полиціи и по даннымъ, установленнымъ осмотрами судебныхъ слѣдователей, было разграблено около полуторы тысячи еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній. Убытки отъ погрома, точную цифру которыхъ въ виду отсутствія вполнѣ опредѣленныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, установить не представилось возможнымъ, исчислялись въ нѣсколько милліоновъ рублей, такъ какъ почти двѣ трети всей торговли въ городѣ находилось въ рукахъ евреевъ, обстановка же богатыхъ еврейскихъ особняковъ въ Липкахъ стоила десятки и сотни тысячъ рублей.

Выстрѣлы изъ домовъ и самооборона.

Независимо отъ этихъ матеріальныхъ потерь, населеніе Кіева за время погрома понесло тяжелыя жертвы убитыми и ранеными. Еще вечеромъ, 18 октября, при самомъ началѣ погрома, а затѣмъ и въ послѣдующіе дни, изъ многихъ домовъ стали раздаваться выстрѣлы. Въ большинствѣ случаевъ выстрѣлы эти производились членами самообороны, организованной въ нѣкоторыхъ до-

махъ какъ евреями, такъ и русскими для защиты первыхъ отъ погрома и насилій. Такими выстрѣлами предполагалось устрашить громилъ и не допустить ихъ до вторженія въ магазины и частныя квартиры. Но, несомнѣнно, были случаи, когда подобные выстрѣлы направлялись въ войска и являлись актомъ мести за стрѣльбу ихъ во время демонстрацій. Нѣкоторые очевидцы положительно удостовѣряютъ, что были случаи, когда евреи стрѣляли и въ патріотическія процессіи, являвшіяся отвѣтомъ на предшествовавшія революціонныя манифестаціи. Самооборона и выстрѣлы въ войска и процессіи повели къ печальнымъ результатамъ. Нисколько не устрашая громилъ, они давали войскамъ формальное право дѣйствовать по инструкціямъ, еще раньше ими полученнымъ, когда власти боролись лишь съ революціонными проявленіями. Каждый разъ какъ только изъ какого-либо дома раздавались выстрѣлы, находившаяся тутъ же на улицѣ воинская часть, нерѣдко не разбирая, направлены ли пули въ нее, или въ громилъ, давала залпъ по окнамъ дома, послѣ чего толпа, считая, повидимому, что жильцы этого дома какъ-бы осуждены, а самый домъ отданъ на разграбленіе, набрасывались на него и безпрепятственно грабили и причиняли насилія тѣмъ, кого заставали въ квартирахъ. Бывали случаи, когда нѣкоторые дома подвергались обстрѣлу только потому, что громилы указывали на нихъ воинскимъ отрядамъ, заявляя, будто изъ домовъ этихъ стрѣляли. Въ иныхъ случаяхъ эти заявленія не провѣрялись, и воинскія части, вполнѣ довѣряя имъ, тотчасъ же давали залпы по окнамъ такихъ домовъ; но случалось также, что такія указанія, какъ удостовѣряютъ два офицера, командовавшіе воинскими нарядами,— тщательно разслѣдовались и оказывались ложными. Бывало также, что сами громилы, взобравшись на лѣстницу какого-либо дома, стрѣляли оттуда на улицу, чтобы вызвать отвѣтный залпъ воинской части и затѣмъ наброситься на домъ и разгромить его подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ него кто-то осмѣлился стрѣлять въ „царскія“ войска. Случаи такихъ именно „провокаторскихъ“ выстрѣловъ положительно устанавливаетъ одинъ изъ офицеровъ, командовавшій воинской частью. Такая взаимная перестрѣлка продолжалась во всѣ дни погрома, вслѣдствіе чего съ обѣихъ сторонъ было немало раненыхъ и убитыхъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ полиціей, съ 18 по 21 октября было убито 47 человѣкъ, въ томъ числѣ евреевъ 25%, ранено 205 человѣкъ, изъ которыхъ евреевъ—33%. Однако, цифры эти нельзя признать точными, такъ какъ было замѣчено, что убитые и раненые уно-

сились толпою. Изъ воинскихъ чиновъ, находившихся въ нарядѣ во время еврейскаго погрома, считая съ вечера 18 октября, было ушиблено 2 офицера, и 3 нижнихъ чина подверглись покушеніямъ и ушибамъ.

Дѣйствія чиновъ полиціи и войскъ по прекращенію еврейскаго погрома.

Переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ, которыя принимались мѣстными властями для предупрежденія и прекращенія еврейскаго погрома, необходимо имѣть въ виду, что насилія надъ личностью и открытое разграбленіе имущества возникли и продолжались въ теченіе трехъ дней въ то время, когда охрана города фактически находилась въ вѣдѣніи военныхъ властей. Многотысячный гарнизонъ былъ не только наготовѣ, но городъ былъ заранѣе раздѣленъ на участки, во главѣ которыхъ назначены были отдѣльные военные начальники. Еще съ 14 октября, какъ упомянуто раньше, генералъ-адъютантъ Клейгельсъ счелъ умѣстнымъ, согласно 16 ст. Правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражд. властямъ, передать военному начальству „свои полномочія“. Съ этого дня охрана города была возложена на начальника 21 армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Драке. Городъ еще до этого былъ подраздѣленъ на три отдѣла, ввѣренные: первый—генералъ-маіору Третьякову, второй—генералъ-маіору Безсонову и третій—генералъ-лейтенанту Эверту. Каждый отдѣлъ дѣлился на районы, причемъ въ опредѣленныхъ пунктахъ были сосредоточены необходимыя воинскія части. Несмотря на всѣ эти, заблаговременно сдѣланныя, распоряженія, еврейскій погромъ, возникшій вечеромъ 18 октября, длился три дня и повлекъ за собою многочисленныя жертвы и огромные убытки. Онъ прекратился только тогда, когда всѣ или почти всѣ еврейскіе магазины и множество квартиръ были разгромлены и разграблены.

По свидѣтельству очевидцевъ, которыми были чуть ли не всѣ жители города, и по отзывамъ должностныхъ лицъ, въ дни погрома поражало то несомнѣнное для всѣхъ, близкое къ попустительству бездѣйствіе, которое было проявлено и войсками, и чинами полиціи. Картина погрома во всѣ дни и вездѣ была одна и та же: полиція почти отсутствовала, войска медленно двигались посреди улицы, дѣятельно обстрѣливая дома, изъ которыхъ раздавались выстрѣлы, а по обѣимъ сторонамъ улицъ громились безпрепятственно еврейскіе магазины и квартиры, и на обра-

щенныя къ солдатамъ просьбы частныхъ и должностныхъ лицъ, получались стереотипные отвѣты: „намъ не приказано“. Такой же отвѣтъ былъ данъ казачьимъ разъѣздомъ на Большой Васильевской улицѣ даже исправлявшему должность губернатора д. с. с. Рафальскому, несмотря на то, что онъ былъ одѣтъ въ форменное пальто и сообщилъ казакамъ, что, какъ губернаторъ, онъ требуетъ прекращенія разгрома еврейскаго дома. Въ видѣ общей мѣры, къ разрушеннымъ и разграбленнымъ, зіявшимъ пустотой, магазинамъ обыкновенно приставлялся военный караулъ, который, строго, исполняя установленныя для караульныхъ инструкціи, считалъ своею обязанностью только стоять у разграбленныхъ магазиновъ, не обращая вниманія на происходившій иногда тутъ же, рядомъ, разгромъ и грабежъ. Случалось, что дозоръ или разъѣздъ, охранявшій, по приказанію начальства, извѣстную улицу, не считалъ себя въ правѣ защитить сосѣднюю, гдѣ совершался вопіющій грабежъ, если даже тамъ, гдѣ находился дозоръ, въ это время и было совершенно спокойно. Такъ одинъ изъ товарищей прокурора, увидѣвъ на Прорѣзной улицѣ толпу громилъ, грабившихъ магазины „Версаль“ и „б. Копейкина“, обратился къ проѣзжавшему по сосѣдней улицѣ, Большой Владимірской, казачьему разъѣзду съ просьбой о помощи. Казаки отвѣтили, что туда не поѣдутъ, такъ какъ это не ихъ участокъ. Подошедшій вслѣдъ затѣмъ къ Прорѣзной улицѣ взводъ пѣхотнаго полка тоже совершенно безучастно отнесся къ охранѣ упомянутыхъ магазиновъ, и когда одинъ изъ свидѣтелей этого разгрома обратилъ на него вниманіе унтеръ-офицера, послѣдній возразилъ, что ему приказано ходить лишь взадъ и впередъ по улицѣ. При разгромѣ въ пассажѣ даже городовому, обратившемуся за содѣйствіемъ къ проходившему патрулю было отказано по такой же причинѣ. На подобную же просьбу одного изъ чиновъ судебнаго вѣдомства шедшій съ патрулемъ унтеръ-офицеръ отвѣтилъ: „мы идемъ съ дежурства въ казармы и намъ приказано не вмѣшиваться въ толпу“.

Одинъ изъ свидѣтелей былъ очевидцемъ, какъ на сѣнномъ базарѣ городовой, обнаживъ шашку, разогналъ громилъ. Въ это время пришелъ патруль и остановился около лавокъ. Городовой, увѣренный въ томъ, что лавкамъ, съ приходомъ патруля, болѣе не угрожаетъ опасность, удалился для обхода своего раіона. Чуть онъ ушелъ, толпа громилъ, на глазахъ солдатъ, не препятствовавшихъ грабежу, разгромила лавки и расхитила товары.

На томъ же сѣнномъ базарѣ какой-то господинъ, видя, что

патруль спокойно смотритъ на разграбленіе аптекарскаго магазина, не принимая мѣръ къ его защитѣ, спросилъ солдатъ, неужели имъ не приказано прибѣгать къ оружію для прекращенія безпорядковъ. Солдаты отвѣтили: „нѣтъ, не приказано; приказано смотрѣть, чтобы драки не было, и чтобы русскихъ не били".

Для характеристики дѣйствій войскъ и чиновъ полиціи во время погрома достаточно привести нижеслѣдующіе факты, рисующіе полную бездѣятельность полицейской и военной властей, разрѣшавшихъ въ своемъ присутствіи открыто разрушать и грабить магазины и квартиры, оставшіеся безъ всякой защиты.

а) 19 октября происходилъ разгромъ дома Льва Бродскаго. Напротивъ передъ домомъ губернатора въ это время стояли полицейскіе чины, отрядъ пѣхоты съ офицеромъ и поперекъ улицы расположилась кавалерія, образовавъ съ пѣхотой треугольникъ. Въ этомъ треугольникѣ оказалась толпа громилъ. Они совершенно спокойно разбивали окна и двери, выкидывали мебель, уносили вещи, и никто изъ присутствовавшихъ при этомъ разгромѣ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки разогнать и задержать грабителей. Эти обстоятельства категорически установлены цѣлымъ рядомъ свидѣтелей, получившихъ впечатлѣніе, будто чины полиціи и войска присланы были не для разсѣянія, а для охраны громилъ.

б) Одинъ изъ городовыхъ удостовѣрилъ при допросѣ у судебнаго слѣдователя, что 19 октября на Прорѣзной улицѣ во время разгрома магазиновъ проѣзжали 2 или 3 казака, слѣдившіе лишь за тѣмъ, чтобы не было выстрѣловъ въ грабителей. Не будучи въ силахъ одинъ справиться съ громилами, городовой спросилъ казаковъ, зачѣмъ они ѣздятъ по улицамъ и не разгоняютъ громилъ. „Затѣмъ,—отвѣтили казаки,—чтобы никто не стрѣлялъ въ громилъ изъ оконъ и съ балконовъ и чтобы они не подрались между собою".

в) По заявленію одного околоточнаго надзирателя, когда, по его приказанію, въ одномъ изъ домовъ были задержаны громилы, подъѣхалъ какой-то казачій офицеръ и заявилъ, что изъ разгромленнаго дома стрѣляли по казакамъ, поэтому громиламъ и предоставлена возможность разорить этотъ домъ.

г) По донесенію участковаго товарища прокурора, въ Подольскомъ полицейскомъ участкѣ мимо одного изъ городовыхъ свободно проходили разныя лица, унося награбленныя вещи. Когда же товарищъ прокурора спросилъ городового, почему онъ не задерживаетъ похитителей, онъ отвѣтилъ, что теперь этого дѣлать

нельзя, такъ какъ начальство противъ этого: „самъ приставъ былъ при началѣ погрома и ничего никому не говорилъ“. Тоже происходило, по донесеніямъ чиновъ прокурорскаго надзора, на Софійской, Львовской улицахъ и на Рыльскомъ переулкѣ.

д) Одинъ изъ товарищей прокурора былъ свидѣтелемъ, какъ при разгромѣ дома на Жилянской улицѣ выбѣжалъ избитый и окровавленный еврей, преслѣдуемый толпой. Стоявшая тутъ же рота не обратила на это никакого вниманія и спокойно направилась вверхъ по улицѣ. Только послѣ настойчивыхъ просьбъ товарища прокурора она вернулась къ мѣсту погрома, гдѣ тогда уже оказалось нѣсколько раненыхъ и избитыхъ.

е) Въ присутствіи двухъ городовыхъ 19 октября толпа, человѣкъ въ 50, грабила магазинъ въ пассажѣ. Бывшій тутъ же чиновникъ предложилъ городовымъ принять мѣры къ разсѣянію громилъ; на это они отвѣтили. „что мы можемъ сдѣлать съ такой толпой“, а на совѣтъ призвать на помощь солдатъ, добавили: „мы дѣлаемъ, что приказано“. Въ это время мимо проходилъ патруль, подъ командой фельдфебеля, который на заявленіе свидѣтеля также не обратилъ никакого вниманія и повелъ свою часть вверхъ по улицѣ.

ж) Смотритель народнаго дома—офицеръ запаса—видѣлъ, какъ грабители ножками отъ столовъ въ буквальномъ смыслѣ убивали двухъ евреевъ; тутъ же, въ 10 шагахъ, стоялъ кавалерійскій разъѣздъ, спокойно смотрѣвшій на эту дикую расправу и не сдѣлавшій ни одного шага для спасенія евреевъ.

Можно было бы привести цѣлый рядъ заявленій о подобныхъ же случаяхъ проявленія какъ войсками, такъ и чинами полиціи полнаго бездѣйствія при самомъ вопіющемъ насиліи и открытомъ грабежѣ. Но описанія эти, не прибавляя болѣе яркихъ красокъ къ картинѣ погрома, являлись бы лишь повтореніемъ извѣстныхъ уже фактовъ, рисующихъ отношеніе военныхъ и полицейскихъ чиновъ къ еврейскому погрому.

20 октября военными властями было, наконецъ, сдѣлано распоряженіе „оцѣплять и задерживать всѣхъ громилъ“, и съ этого дня погромъ былъ быстро подавленъ и къ вечеру прекращенъ. До этого распоряженія нѣкоторые офицеры считали себя безсильными прекратить безпорядки, находя, что употребить оружіе они могутъ лишь тогда, когда насильственныя дѣйствія громилъ будутъ направлены противъ войскъ, очевидно забывая при этомъ объ объявленіи генерала Драке, изданномъ еще 14 октября и предупреждавшемъ, что „при нарушеніи общественнаго порядка въ городѣ будетъ употреблено въ дѣло оружіе“.

Благодаря такому пониманію своихъ обязанностей создалось положеніе, при которомъ военные дозоры и разъѣзды признавали возможность оставаться въ положеніи постороннихъ зрителей въ то время, когда на ихъ глазахъ совершались убійства, грубое насиліе надъ личностью, разгромъ и открытый грабежъ. Чины же полиціи, ссылаясь на состоявшуюся передачу гражданскимъ начальствомъ „его полномочій“ въ руки военныхъ властей, на обращенное къ нимъ требованіе прекращать безпорядки возражали, что они ничего не могутъ сдѣлать, такъ какъ вся власть перешла къ военному начальству.

А между тѣмъ прекратить погромъ, какъ показали дальнѣйшія событія,—и какъ видно изъ дѣйствій нѣкоторыхъ военныхъ начальниковъ и чиновъ полиціи, возможно было безъ особыхъ усилій. Достаточно было издать 20 октября приказъ о задержаніи громилъ и строго наблюдать за точнымъ его исполненіемъ и погромъ,—безъ частаго даже употребленія оружія,—къ вечеру былъ прекращенъ. На слѣдующій день утромъ повторились лишь рѣдкія единичныя попытки къ его возобновленію, но онѣ тотчасъ же были подавляемы энергичными мѣрами. Еще наканунѣ солдаты безучастно смотрѣли на разгромъ еврейскаго магазина и на упрекъ одного изъ очевидцевъ въ бездѣйствіи возражали: „развѣ вы хотите, чтобы мы были клятвопреступниками? Мы присягали Богу и государю, а вы хотите, чтобы мы защищали тѣхъ, которые изорвали царскіе портреты и надругались надъ ними и государемъ“. Но уже на слѣдующій день, повинуясь приказу и вѣрные своему долгу, тѣ же солдаты стрѣляли въ громилъ и задерживали ихъ, хотя и слышали отъ погромщиковъ упреки: „а гдѣ вы раньше были? Что вы не стрѣляли тогда, когда царскіе портреты рвали, да вензеля и короны ломали?“ Долгъ службы заставилъ ихъ, забывъ личное чувство негодованія и внутреннее, можетъ быть, сочувствіе громиламъ, точно исполнять приказаніе начальства, вслѣдствіе чего насиліямъ и грабежамъ былъ положенъ конецъ. По свидѣтельству полуротнаго командира, дѣйствовавшаго у думы, солдаты все время оказывали полное повиновеніе и энергично, когда получали приказанія, разгоняли толпу прикладами. Разгонять громилъ было не трудно, такъ какъ отъ одной лишь команды взять ружья на изготовку толпа мгновенно разбѣгалась. Одинъ учитель былъ очевидцемъ, какъ группа громилъ бросилась бѣжать лишь отъ одного окрика какого-то полицейскаго чиновника: „что вы дѣлаете. Развѣ это можно дѣлать? Расходитесь“. Другая группа мгновенно отхлынула отъ магазина, когда патруль, растянувшись

*

цѣпью, заигралъ въ рожокъ. Начальникъ Кіевской сыскной полиціи, лично защищавшій свой домъ, въ которомъ жили евреи, отъ разгрома, былъ очевидцемъ того, какъ толпа грабившихъ разбѣгалась при каждомъ появленіи казачьяго разъѣзда изъ 2—3 человѣкъ. Прапорщикъ запаса Дронниковъ, по удостовѣренію того же начальника сыскной полиціи, разъѣзжая верхомъ на лошади, много разъ безъ посторонней помощи разгонялъ большія скопища грабителей, и если бы находившіяся тутъ же войска окружили и задержали послѣднихъ, то на Александровской улицѣ погромъ былъ бы немедленно прекращенъ. Многія частныя лица были свидѣтелями, какъ громилы разбѣгались при одномъ появленіи дозоровъ и разъѣздовъ, но затѣмъ, никѣмъ не задерживаемые, тотчасъ же вновь собирались и начинали грабить, какъ только воинскія части скрывались изъ вида. На Маріинско-Благовѣщенской улицѣ толпа бросилась бѣжать, услыхавъ свистокъ, данный полицейскимъ приставомъ. На Большой Васильковской улицѣ она бѣжала на протяженіи цѣлаго квартала подъ натискомъ пристава, преслѣдовавшаго громилъ съ револьверомъ въ рукѣ и съ однимъ только городовымъ. Но особенно яркій примѣръ того, что при желаніи можно достигнуть съ самыми небольшими средствами, показалъ околоточный надзиратель Остроменскій. Съ 3 городовыми и нѣсколькими солдатами, даже не прибѣгая къ оружію, онъ защитилъ весь свой околотокъ отъ разгрома, за что жители этого участка поднесли ему черезъ губернатора золотые часы. Къ сожалѣнію, случаи такой энергичной защиты евреевъ отъ насилій и грабежа были единичными.

Кромѣ бездѣйствія, проявленнаго нижними чинами полиціи и войскъ, отношеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ еврейскому погрому выразилось также и въ прямомъ участіи въ грабежѣ и расхищеніи выброшенныхъ изъ магазиновъ товаровъ. Многочисленныя заявленія частныхъ лицъ, а также очевидцевъ должностныхъ лицъ удостовѣряютъ, что нѣкоторые городовые и бывшіе въ нарядѣ солдаты не пренебрегали товарами, выброшенными громилами изъ магазиновъ, и подбирая прятали ихъ въ карманы или подъ шинели и за пазуху. Былъ случай, когда на Сѣнной площади городовой, въ числѣ другихъ громилъ, разбивалъ плахой дверь еврейскаго магазина. Также на Прорѣзной улицѣ, неизвѣстный по фамиліи, ефрейторъ одного патруля разбивалъ прикладомъ ружья желѣзную оконную штору въ еврейскомъ магазинѣ. Даже какой-то прапорщикъ артиллеріи, не находившійся, впрочемъ, въ нарядѣ, подстрекалъ на Сѣнной площади толпу чернорабочихъ къ

погрому, доказывая, что евреи запутали народъ и захватили всю торговлю въ свои руки. Когда же очевидецъ этого спросилъ у прапорщика его фамилію, тотъ схватился за шашку; не получивъ отвѣта, свидѣтель удалился. Необходимо однако замѣтить, что печальные случаи участія въ погромѣ и расхищеніи товаровъ—бывшихъ въ нарядѣ нижнихъ чиновъ, а также городовыхъ, представляются лишь рѣдкими, единичными явленіями, не дающими права къ огульному обвиненію войскъ и полицейскихъ чиновъ въ грабежѣ, хотя убѣжденіе въ этомъ и существуетъ у извѣстной части населенія города Кіева. Это убѣжденіе, проникшее даже въ періодическую печать, основано было на томъ, что въ толпѣ громилъ замѣтны были также нижніе чины войскъ въ форменныхъ шинеляхъ и фуражкахъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ эти лица не состояли уже на службѣ, такъ какъ незадолго до того были уволены изъ полковъ въ числѣ другихъ запасныхъ, призванныхъ на дѣйствительную службу во время войны. Воспользовавшись пребываніемъ въ Кіевѣ, они примкнули къ толпѣ, участвовавшей въ погромѣ, и приняли въ немъ дѣятельное участіе. Двое изъ нихъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ начальникомъ штаба кіевскаго военнаго округа, были даже убиты при разсѣяніи скопищъ грабителей.

Еще 19 октября начальникъ штаба генералъ-лейтенантъ Мавринъ, видя, что грабители открыто проносятъ похищенныя вещи мимо штаба, отдалъ распоряженіе задерживать похитителей, отбирать у нихъ награбленныя вещи и сдавать ихъ на храненіе въ штабъ. Такое же распоряженіе было сдѣлано начальникомъ III отдѣла охраны города генералъ-лейтенантомъ Эвертомъ, приказавшимъ сносить похищенныя вещи въ складъ при военно-окружномъ судѣ. Распоряженія эти, вполнѣ цѣлесообразныя по существу, дали поводъ къ превратному толкованію, неблагопріятному для воинскихъ чиновъ: видя солдатъ при оружіи, уносившихъ иногда прямо съ мѣста погромовъ разные товары или отбиравшихъ ихъ у громилъ, постороннія лица, не зная о послѣдовавшемъ распоряженіи, были вполнѣ увѣрены, что солдаты дѣйствуютъ изъ корыстныхъ побужденій и предполагаютъ воспользоваться чужимъ добромъ. Между тѣмъ, благодаря этимъ распоряженіямъ, отъ похитителей было отобрано на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей разныхъ вещей и товаровъ, переданныхъ затѣмъ подъ росписки уполномоченнымъ отъ еврейской общины. Въ одномъ только складѣ при военно-окружномъ судѣ было собрано болѣе пяти тысячъ предметовъ, въ томъ числѣ много цѣль-

ныхъ кусковъ сукна и 35 мелкихъ издѣлій изъ серебра. Изъ одного изъ такихъ складовъ уполномоченнымъ было вывезено такихъ вещей на трехъ возахъ.

Дѣйствія и распоряженія начальника охраны города, генералъ-лейтенанта Драке.

Еще 12 октября 1905 г., въ виду ожидавшихся безпорядковъ, начальникомъ охраны города Кіева былъ назначенъ командиръ 21 армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Драке, послѣ передачи генералъ-губернаторомъ Клейгельсомъ своихъ полномочій военному начальству; временно командующій войсками кіевскаго округа генералъ-лейтенантъ Карассъ предложилъ генералу Драке при возникновеніи какихъ либо безпорядковъ въ Кіевѣ немедленно „принять самыя энергичныя мѣры къ подавленію ихъ и, въ случаѣ надобности, употребить въ дѣло оружіе". Въ тотъ же день генералъ Драке приказалъ по всему городу расклеить объявленія, предупреждавшія жителей о воспрещеніи всякихъ сборищъ на улицахъ и площадяхъ и о томъ, что, при нарушеніи общественнаго порядка, будетъ употреблено въ дѣло оружіе. Несмотря, однако, на всѣ эти мѣры и на инструкцію, изданную еще 20 августа 1905 г. на случай безпорядковъ въ г. Кіевѣ, еврейскіе погромы, возникшіе 18 октября и длившіеся до 21 октября, застали военную охрану города неподготовленной и неудовлетворявшей своему назначенію. Растерянность и бездѣйствіе войскъ было очевиднымъ для всѣхъ и продолжалось до 20 октября,—до дня, когда благодаря настоятельнымъ указаніямъ вр. командующаго войсками, были, наконецъ, приняты необходимыя мѣры къ прекращенію погрома. Начиная съ 15 по 18 октября включительно, подполковникъ Самойло лично неоднократно передавалъ генералу Драке приказанія генерала Карасса дѣйствовать при подавленіи безпорядковъ оружіемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и принять мѣры къ охранѣ разныхъ учрежденій, а въ частности почтово-телеграфной конторы. По этому поводу генералъ Драке донесъ, что всѣ предложенныя ему мѣры имъ уже лично приняты. Между тѣмъ, по провѣркѣ охраны телеграфной конторы, въ которую, по словамъ генерала Драке, была послана полурота при офицерѣ, подполковникъ Самойло нашелъ у входа въ контору нѣсколько рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ, причемъ послѣдній не зналъ, въ чемъ именно заключаются его обязанности. 19 октября, между

9 и 10 часами вечера, когда уже получены были свѣдѣнія о погромѣ, возникшемъ на Подолѣ, тотъ же подполковникъ Самойло лично передалъ генералу Драке приказаніе начальника штаба дѣйствовать рѣшительно. Несмотря на это, дѣйствія войскъ и послѣ такого приказанія остались тѣ же. Вслѣдствіе сего въ теченіе всего дня, 19 октября, по удостовѣренію начальника штаба округа, генералу Драке неоднократно подтверждались по телефону распоряженія генерала Карасса о принятіи болѣе рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ. Такое же предписаніе было передано ему въ $6^1/_2$ часовъ вечера того же 19 октября и на словахъ генераломъ Рутковскимъ. Тѣмъ не менѣе, охрана города даже 26 октября была настолько неудовлетворительна, что генералъ Мавринъ, пройдя между 6 и 7 часами утра по Крещатику, лично убѣдился, что со стороны генерала Драке не было проявлено должной распорядительности для надлежащей, правильной организаціи охраны. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить разгромъ и разграбленіе указаннаго уже раньше ремесленнаго училища имени Бродскаго. Еще наканунѣ вечеромъ, 18 октября, Левъ Бродскій, получивъ свѣдѣнія, что ночью собираются громить это училище, былъ лично у генерала Драке и просилъ принять мѣры къ охранѣ училища, что ему и было обѣщано. 19-го октября утромъ начался разгромъ этого учебнаго заведенія и продолжался вплоть до 20 октября включительно, причемъ не только все было разрушено, но увезены даже обломки мебели, хотя завѣдующій училищемъ и телефонировалъ начальнику охраны о помощи. Отсутствіе надлежащей организаціи охраны города было очевидно даже для не-военныхъ. Такъ, управляющій кіевской конторой государственнаго банка, 20 октября сообщилъ письмомъ генералу Драке, между прочимъ, что войска „безмѣрно разсѣяны“, а потому и не въ состояніи справиться со своею задачею. Письмо это, вызвало рѣзкій отвѣтъ генерала Драке; онъ отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ пользоваться совѣтами, такъ какъ предполагаетъ руководствоваться указаніями своего начальства и своимъ крайнимъ разумѣніемъ. Между тѣмъ, указаніе управляющаго конторой государственнаго банка о „чрезмѣрной разсѣянности“ войскъ въ тотъ же день нашло подтвержденіе въ приказѣ вр. командующаго войсками округа. Производя въ этотъ день,—20 октября, осмотръ нѣкоторыхъ частей города, генералъ-лейтенантъ Карассъ нашелъ, что войска „несоотвѣтственно разбросаны мелкими командами“, что на улицахъ „масса лишнихъ патрулей“, причемъ „люди часто стоятъ безъ дѣла у воротъ и напрасно утомляются“, что „порядокъ

охраны не выработанъ сообразно мѣстнымъ условіямъ“ и что „начальствующія лица несоотвѣтственно относятся къ дѣлу охраны, а многія и не знаютъ, какое имъ дано назначеніе“. Послѣ всѣхъ этихъ указаній и постоянныхъ настойчивыхъ требованій дѣйствовать энергичнѣе генералъ Драке призналъ, наконецъ, возможнымъ отдать 20 октября за № 12 приказъ, въ которомъ объявилъ войскамъ охраны города, что—для прекращенія безпорядковъ онъ считаетъ необходимымъ хулигановъ и громилъ задержать, а потому предписываетъ „буйствующихъ и грабящихъ дома, лавки и квартиры какъ на базарахъ, такъ и на улицахъ и въ домахъ окружать воинскою частью и немедленно препровождать“ въ полицейскіе участки и другія мѣста заключенія. Приказъ этотъ былъ повторенъ и 21 октября. Только послѣ этого предписанія войска стали дѣйствовать энергично, благодаря чему, а также строгимъ мѣрамъ, принятымъ генераломъ Карассомъ въ отношеніи кіевскаго полицеймейстера, къ ночи 20 октября погромъ былъ прекращенъ и утромъ 21 октября возобновлялся лишь въ видѣ рѣдкихъ, единичныхъ проявленій, немедленно подавляемыхъ. Въ объясненіяхъ своихъ, представленныхъ въ штабъ округа, генералъ Драке ссылался, между прочимъ, на сравнительную малочисленность войскъ, не дававшую возможности быстро прекращать безпорядки. Основательность этого соображенія однако опровергается, съ одной стороны, приведенными примѣрами распорядительности отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, прекращавшихъ погромъ собственными средствами, а съ другой, результатами, достигнутыми самимъ генераломъ Драке, когда съ тѣмъ же самымъ количествомъ войскъ 20 октября, благодаря указаніямъ вр. командующаго войсками, были, наконецъ, приняты рѣшительныя мѣры, и безпорядки были немедленно подавлены.

— —

Дѣйствія и распоряженія начальника II отдѣла охраны города генералъ-маіора Безсонова.

Изъ трехъ отдѣловъ охраны города наиболѣе пострадалъ второй, гдѣ начальникомъ охраны былъ генералъ-маіоръ Безсоновъ и куда, между прочимъ, входилъ весь Подолъ и Старокіевскій участокъ. Какъ на Подолѣ, такъ и въ этомъ участкѣ расположены самыя богатыя и солидныя еврейскія торговыя фирмы, понесшія отъ разгрома милліонные убытки. Насколько дѣйствія начальниковъ двухъ другихъ отдѣловъ охраны города—перваго

и третьяго – были направлены по возможности къ прекращенію безпорядковъ, настолько, наоборотъ, бездѣятельно было отношеніе генералъ-маіора Безсонова къ совершавшимся на его глазахъ разгрому и грабежамъ. По свидѣтельству прапорщика Телиховскаго, находившагося въ нарядѣ въ думѣ, гдѣ было сосредоточено до 450 нижнихъ чиновъ при четырехъ офицерахъ и батальонномъ командирѣ подполковникѣ Гейерѣ, генералъ-маіоръ Безсоновъ пріѣхалъ въ думу около 8 часовъ утра 19 октября. Пробывъ нѣкоторое время, онъ вышелъ на площадь, гдѣ и оставался почти все время. Вмѣстѣ съ генераломъ вышли и всѣ офицеры, не получивъ никакихъ инструкцій относительно прекращенія погрома. Въ это время, въ присутствіи какъ самого генерала, такъ и офицеровъ, а также вышедшихъ изъ думы нижнихъ чиновъ, громили и грабили магазины, расположенные въ сосѣднихъ домахъ по обѣимъ сторонамъ думы. Генералъ Безсоновъ спокойно смотрѣлъ на происходившій погромъ, не принимая никакихъ мѣръ къ его прекращенію. Солдаты, не получая приказаній, группами бродили среди толпы, не зная, что дѣлать. Нѣкоторые изъ нихъ начали грабить вмѣстѣ съ толпой. Замѣтивъ это, прапорщикъ Телиховскій сталъ усовѣщевать ихъ, и они тотчасъ же бросали похищенныя вещи. Въ это время къ думѣ подошла патріотическая процессія съ національными флагами и портретомъ государя императора. На балконъ думы былъ посланъ оркестръ музыки, заигравшій народный гимнъ; толпа крикнула „ура“, а затѣмъ раздались крики „бей жидовъ“, „Намъ дана царская милость: позволено бить жидовъ 6 дней“. Подъ видомъ патріотической манифестаціи грабежъ еврейскихъ магазиновъ продолжался безпрепятственно. Генералъ же Безсоновъ стоялъ въ толпѣ громилъ и мирно бесѣдовалъ съ ними: „Громить можно, говорилъ онъ, но грабить не слѣдуетъ“. Громилы кричали „ура“ и съ чѣмъ-то поздравляли генерала.

Описанныя происшествія у думы и отношеніе къ нимъ генерала Безсонова, независимо отъ объясненій прапорщика Телиховскаго, установлены заявленіями нѣсколькихъ очевидцевъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія по общественному ихъ положенію.

Такъ, товарищъ прокурора Племянниковъ, состоявшій тогда на военной службѣ прапорщикомъ запаса, проходя 19 октября по Крещатику, былъ свидѣтелемъ разгрома и разграбленія магазина Карантбайвеля около думы. Громилъ было не болѣе 50 человѣкъ. Тутъ же, противъ магазина, стоялъ воинскій нарядъ съ подполковникомъ и поручикомъ, а затѣмъ подошелъ и генералъ Безсоновъ. Видя, какъ безучастно послѣдній отно-

сится къ погрому, не отдавая никакихъ распоряженій, нѣсколько человѣкъ изъ публики, обратились съ просьбою къ генералу принять, наконецъ, мѣры къ защитѣ имущества евреевъ и возстановленію порядка. Но генералъ, не обращая никакого вниманія на эти просьбы, и замѣтивъ, что не позволитъ дѣйствовать силою противъ толпы, громящей еврейское имущество, продолжалъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ грабежа. Когда же одинъ изъ громилъ крикнулъ „бей жидовъ“, онъ въ отвѣтъ одобрительно засмѣялся. Видя такое отношеніе начальства къ погрому, чернь съ еще большей энергіей стала расхищать имущество евреевъ. Свидѣтелями открытаго грабежа, совершавшагося у думы въ присутствіи войскъ, были также инженеръ Бяликъ, коллежскій совѣтникъ Дрогичинскій и другіе. По показанію одного изъ очевидцевъ, когда солдаты, стоявшіе у думы, бросились было на громилъ, а офицеръ, командовавшій отрядомъ, крикнулъ „назадъ“— они вернулись, и разгромъ продолжался безпрепятственно. Спустя нѣкоторое время, тотъ же товарищъ прокурора, замѣтивъ, что погромъ перешелъ уже на Крещатикъ, обратился къ подъѣхавшему къ думѣ какому-то поручику, бывшему въ нарядѣ, съ просьбой послать противъ толпы хотя-бы взводъ солдатъ; поручикъ отвѣтилъ, что людей у него нѣтъ, а начальство приказываетъ смотрѣть на еврейскій погромъ сквозь пальцы.

Управляющій канцеляріей генералъ-губернатора д. с. с. Молчановскій, проѣзжая мимо думы и видя разгромъ, совершавшійся въ присутствіи роты солдатъ и бывшаго тутъ же генерала Безсонова, остановилъ извозчика и, подойдя къ генералу, съ которымъ и раньше былъ знакомъ, замѣтилъ: „Ваше превосходительство, идетъ погромъ, мѣры не принимаются—какъ прикажете понимать это?“ „Какой же это погромъ?“ отвѣтилъ генералъ: „это—манифестація“. На возраженіе же Молчановскаго, что это не манифестація, а дневной грабежъ, генералъ Безсоновъ спросилъ: „А зачѣмъ они порвали царскій портретъ?“

Предсѣдатель съѣзда мировыхъ посредниковъ былъ свидѣтелемъ, какъ проходившая мимо думы какая-то женщина подобрала кусокъ сукна, выброшенный громилами изъ сосѣдняго магазина. При видѣ этого генералъ Безсоновъ иронически замѣтилъ: „Развѣ это грабежъ? Вѣдь это находка“. Затѣмъ, выражая свое негодованіе по поводу вызывающаго въ послѣднее время поведенія евреевъ, онъ сказалъ, что въ виду этого, онъ не спѣшилъ съ исполненіемъ просьбъ евреевъ о присылкѣ войскъ для ихъ защиты и стрѣлять въ громилъ не приказывалъ потому, что они

все бы разнесли, а „евреевъ потреплютъ, но это—дѣло наживное, а жизни не вернешь“.

Начальникъ кіевской сыскной полиціи Рудой видѣлъ, какъ 19 октября, около 3 часовъ дня, на Подолъ пріѣхалъ въ экипажѣ съ какимъ-то полковникомъ генералъ Безсоновъ въ сопровожденіи казаковъ и остановился у разграбленнаго магазина. Когда по его требованію, громилы окружили его экипажъ, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, которую слышалъ также одинъ изъ агентовъ сыскной полиціи: „Братцы, вы уже дали достаточный отпоръ евреямъ. Вы доказали, что русскій народъ умѣетъ постоять за своего царя. Довольно бушевать: если вы и завтра будете громить, то мы употребимъ силу“. На эту рѣчь громилы отвѣтили крикомъ „ура“ и, чтобы не терять времени, принялись еще съ большимъ ожесточеніемъ грабить, такъ какъ поняли слова генерала въ томъ смыслѣ, что грабежъ разрѣшенъ только до 8 часовъ утра слѣдующаго дня.

По удостовѣренію доктора медицины Рубинштейна, генералъ Безсоновъ 20 октября сказалъ его товарищу, также доктору, что „если бы онъ хотѣлъ, погромъ окончился бы въ полчаса, но евреи приняли слишкомъ большое участіе въ революціонномъ движеніи и потому должны поплатиться.

Прапорщикъ Телиховскій, утромъ 23 октября, находясь въ штабѣ 21 армейскаго корпуса, слышалъ, какъ генералъ Безсоновъ, перейдя отъ телефона къ группѣ офицеровъ, объявилъ, что изъ Штаба округа ему приказано немедленно выслать полсотни казаковъ для охраны редакціи газеты „Кіевскіе отклики“, но онъ сожалѣетъ объ этомъ и желалъ бы, чтобы казаки опоздали, давъ возможность разнести редакцію. Затѣмъ, выславъ казаковъ, генералъ замѣтилъ: „Интересно бы узнать, кто раньше поспѣлъ—полсотня или черная сотня“.

Генералъ-лейтенантъ Мавринъ, пройдя раннимъ утромъ 20 октября по Крещатику, лично убѣдился въ отсутствіи должной организаціи охраны въ отдѣлѣ, ввѣренномъ генералу Безсонову, онъ доложилъ объ этомъ генералу Карассу, которому тогда же д. с. с. Молчановскій сообщилъ сущность своей бесѣды съ генераломъ Безсоновымъ. Вслѣдствіе этого генералъ Карассъ, вызвавъ 20 октября Безсонова, предложилъ ему принять, наконецъ, энергичныя мѣры къ прекращенію погрома, замѣтивъ при этомъ, что въ послѣдній разъ предупреждаетъ его объ обязанности исполнять его приказанія и дѣйствовать рѣшительно. Генералъ Безсоновъ оправдывался тѣмъ, что ради „жидовскихъ перинъ“, не

рѣшится стрѣлять и боится своей совѣсти. На это генералъ Мавринъ возразилъ, что дѣло не въ одной стрѣльбѣ, и что въ большинствѣ случаевъ можно обойтись и безъ нея.

Въ затребованномъ военнымъ начальствомъ отъ генерала Безсонова объясненіи, онъ заявилъ, что никакихъ разговоровъ во время еврейскаго погрома у думы ни съ кѣмъ не велъ и въ бесѣдѣ съ д. с. с. Молчановскимъ не называлъ грабежа патріотической манифестаціей. Къ толпѣ онъ, дѣйствительно, обращался съ рѣчью, приблизительно слѣдующаго содержанія: „Русскіе люди! Жиды вчера рвали царскіе портреты. Они глубоко оскорбили русское чувство преданности царю и родинѣ. Сегодня въ отмщеніе громятъ жидовскіе магазины и жилища. На подлое дѣло отвѣчаютъ незаконнымъ возмездіемъ. Умоляю васъ: идите, остановите погромъ; пожалѣйте насъ, не доводите войска до дѣйствія оружіемъ; не доводите войска до пролитія своей же, русской крови".

Дѣйствія и распоряженія кіевскаго полицеймейстера полковника Цихоцкаго.

Полное бездѣйствіе и растерянность были проявлены во время еврейскаго погрома, какъ указано раньше, также и чинами кіевской городской полиціи, изъ которыхъ только нѣкоторые, вѣрные долгу службы, добросовѣстно исполняли свои обязанности. Несмотря на отсутствіе какихъ либо руководящихъ указаній и распоряженій со стороны полицеймейстера, были случаи, когда отдѣльные чины полиціи — начальствующіе и подчиненные — дѣйствуя по собственной иниціативѣ и по своему крайнему разумѣнію, своей энергичной защитой спасли цѣлые околотки отъ разгрома. Забывая усталость, безсонныя ночи, проведенныя въ обыскахъ и наружной службѣ, они съ небольшими средствами, находившимися въ ихъ распоряженіи, отстаивали еврейскіе квартиры и магазины отъ погрома и достигали желаемыхъ результатовъ. Такъ поступили приставъ Рапота, околоточный надзиратель Остроменскій, городовой Ковальчукъ и нѣкоторые другіе низшіе полицейскіе чины. Дѣятельность послѣднихъ заслуживаетъ тѣмъ большей похвалы, что службу свою они несли самоотверженно при всей ничтожности получаемаго вознагражденія (10—15 руб. въ мѣсяцъ). Но не такъ дѣйствовалъ начальникъ кіевской полиціи, полицеймейстеръ Цихоцкій. По отзывамъ должностныхъ и много-

численнымъ заявленіямъ частныхъ лицъ, полковникъ Цихоцкій не принималъ никакихъ общихъ мѣръ къ объединенію и направленію дѣятельности подчиненныхъ ему органовъ полиціи, и самъ относился совершенно бездѣятельно къ совершавшимся насилію надъ личностью и расхищенію имущества даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему при объѣздѣ города приходилось быть свидѣтелемъ безчинствъ и разнузданности толпы. Узнавъ случайно о возникновеніи погрома на Подолѣ въ штабѣ округа еще вечеромъ 18 октября, полковникъ Цихоцкій только на слѣдующій день 19 октября, и то около 10 часовъ вечера, увѣдомилъ о происшедшемъ телеграммами приставовъ. Благодаря такому несвоевременному извѣщенію, нѣкоторые полицейскіе пристава даже не знали о безпорядкахъ, бывшихъ вечеромъ 18 октября на Подолѣ и никакихъ предупредительныхъ мѣръ предпринять не могли, а потому неожиданно возникшіе утромъ 19 октября въ ихъ участкахъ еврейскіе погромы застали ихъ врасплохъ. По заявленію начальниковъ отдѣловъ военной охраны города, генераловъ Эверта и Третьякова, полицеймейстеръ Цихоцкій также и имъ не сообщилъ никакихъ свѣдѣній о безпорядкахъ въ городѣ и никакихъ указаній, куда слѣдуетъ направлять войска, не давалъ. Очевидно, онъ и не разполагалъ точными свѣдѣніями о происходившемъ въ городѣ, такъ какъ на совѣщаніяхъ начальствующихъ лицъ по охранѣ всѣ сообщенія его страдали большей частью неопредѣленностью и сбивчивостью. Былъ случай 20-го октября, когда полицеймейстеръ Цихоцкій указалъ командовавшему воинскою частью на еврейскомъ базарѣ на одинъ домъ, откуда будто бы стрѣляли; между тѣмъ, по повѣркѣ оказалось, что выстрѣлъ послѣдовалъ вовсе не изъ этого дома, а изъ другого, находившагося на другой сторонѣ улицы. 19-го октября въ 4 часа дня на совѣщаніи въ штабѣ военнаго округа было постановлено для предупрежденія безпорядковъ воспретить всякія патріотическія манифестаціи. Постановленіе это требовало безотлагательнаго исполненія, между тѣмъ телеграмма о воспрещеніи уличныхъ шествій „съ флагами и портретами“ была разослана полицеймейстеромъ Цихоцкимъ участковымъ приставамъ лишь на другой день, т. е. 20-го октября въ 12 час. 26 мин. дня. Отсутствіе руководящихъ распоряженій полиціи и полное бездѣйствіе полицеймейстера при происходившихъ въ его присутствіи погромахъ внесли общее разстройство въ отправленіе служебныхъ обязанностей подвѣдомственныхъ ему полицейскихъ чиновъ. Послѣдніе, по примѣру своего начальства, также не принимали мѣръ ни къ подавленію безпорядковъ, ни

къ задержанію громилъ и похитителей еврейскаго имущества. Многочисленные аресты начались лишь съ 20-го октября, послѣ того какъ и въ отношеніи чиновъ полиціи, и войскъ были приняты генераломъ Карассомъ крайнія мѣры воздѣйствія.

Цѣлый рядъ очевидцевъ частныхъ и должностныхъ лицъ положительно удостовѣрилъ, что полковникъ Цихоцкій, объѣзжая городъ и будучи свидѣтелемъ вопіющихъ насилій надъ личностью и открытаго грабежа, спокойно и безучастно смотрѣлъ на происходившее, не принималъ никакихъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, хотя тутъ же въ его распоряженіи были и низшіе чины полиціи, и воинскіе отряды. Попытки его прекратить погромъ ограничивались обыкновенно словами, обращенными къ грабителямъ: „расходитесь, господа“, на это громилы не обращали никакого вниманія, спокойно продолжая свое дѣло, и ободряли другъ друга словами: „не бойся, это онъ въ шутку“, а иногда кричали какъ бы въ отвѣтъ „ура“. При разгромленіи дома-особняка Льва Бродскаго, полковникъ Цихоцкій, по удостовѣренію д. с. с. Молчановскаго, обратился къ громиламъ съ благодушною рѣчью: „господа, чужая собственность неприкосновенна“, послѣ чего, по свидѣтельству одного изъ мировыхъ судей, сталъ водворять порядокъ словами: „ну, будетъ, довольно, иди съ миромъ“. Въ нѣкоторыхъ патріотическихъ манифестаціяхъ полковникъ Цихоцкій принималъ лично участіе, причемъ въ одной изъ нихъ кто-то, выйдя на балконъ думы, сталъ кричать „бейте жидовъ, грабь, ломай“. Слова эти были покрыты криками „ура“ и толпа стала качать Цихоцкаго, а затѣмъ, разсѣявшись въ разныя стороны небольшими группами, набросилась на еврейскіе магазины. Не обращая вниманія на открытый грабежъ, полковникъ Цихоцкій удалился, и встрѣчая грабителей, на крики „ура“ отвѣчалъ поклонами. Разграбленіе училища Бродскаго длилось два дня, хотя завѣдующій имъ 18-го октября вечеромъ, узнавъ о предполагавшемся разгромѣ, по телефону увѣдомилъ Цихоцкаго съ просьбой о защитѣ. Онъ нѣсколько разъ обращался съ той же просьбой и на слѣдующій день, но тѣмъ не менѣе охрана не была прислана. Никакихъ распоряженій Цихоцкій не сдѣлалъ даже послѣ того, какъ директоръ народныхъ училищъ 19-го октября въ 5 час. дня оффиціальной бумагой увѣдомилъ его о погромѣ, предупреждая, что училище казенное.

На бездѣйствіе полковника Цихоцкаго обратило вниманіе и его начальство. Еще 19-го октября исправлявшій должность губернатора, объѣхавъ городъ и убѣдившись въ бездѣятельности

полицейскихъ чиновъ, немедленно же послалъ Цихоцкому письменное предписаніе, указывая въ немъ на необходимость дѣйствовать болѣе энергично для прекращенія погрома. Въ тотъ же день и управляющій канцеляріей генералъ-губернатора предупредилъ полковника Цихоцкаго, что, если онъ будетъ продолжать бездѣйствовать, то не миновать ему каторги. Исправлявшій должность генералъ-губернатора на второй же день по вступленіи въ должность, когда полицеймейстеръ счелъ нужнымъ ему представиться (и то лишь по особому вызову), указалъ полковнику Цихоцкому на полную бездѣятельность полиціи, замѣченную имъ при объѣздѣ города. На слѣдующій же день, 26-го октября, генералъ Карассъ, вызвавъ вновь Цихоцкаго въ штабъ военнаго округа, послѣ рѣзкаго внушенія объявилъ ему, что, если погромъ не прекратится, то онъ немедленно устранитъ его отъ должности и вышлетъ въ 24 часа изъ города. Только послѣ такого выговора полиція приступила къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ погрома.

Дѣйствія и распоряженія пристава Подольскаго полицейскаго участка Лященко и помощника его Пирожкова.

Изъ восьми полицейскихъ участковъ города Кіева бездѣйствіе власти особенно рѣзко проявилось въ Подольскомъ, гдѣ приставомъ состоялъ тогда надворный совѣтникъ Лященко, а помощникомъ его коллежскій секретарь Пирожковъ. Тамъ еврейское населеніе понесло наибольшіе убытки; изъ остальныхъ участковъ въ нѣкоторыхъ погромъ не достигъ большихъ размѣровъ, благодаря незначительному числу еврейскихъ квартиръ и магазиновъ; въ другихъ чинами полиціи принимались зависѣвшія мѣры къ прекращенію безпорядковъ; въ иныхъ бездѣйствіе полицейскихъ чиновъ было единичнымъ явленіемъ, вызваннымъ отсутствіемъ надлежащаго содѣйствія со стороны войскъ и малочисленностью состава полицейскихъ чиновъ.

По свидѣтельству ряда очевидцевъ, не только потерпѣвшихъ, но и посторонніхъ, какъ евреевъ, такъ и русскихъ, въ томъ числѣ одного прапорщика запаса, приставъ Лященко и помощникъ его Пирожковъ, присутствовавшіе все время при разгромѣ еврейскихъ магазиновъ, относились къ происходившему на ихъ глазахъ грабежу совершенно безучастно: они ничего не предпринимали для подавленія безпорядковъ и задержанія громилъ, хотя вблизи находились наряды полицейскихъ чиновъ и патрули. Нѣкоторые

изъ свидѣтелей положительно утверждаютъ, что Лященко и Пирожковъ даже руководили погромомъ. Такъ, 18 октября, вечеромъ, проходя по Подолу, они говорили толпѣ: „бейте жидовъ до одного и грабьте ихъ“. Два свидѣтеля были очевидцами, какъ Пирожковъ направлялъ грабителей на какой-то магазинъ, говоря: „бейте, это—жидовскій“. Впослѣдствіи, при обыскахъ и арестахъ, громилы жаловались: „сами приказывали грабить, а теперь обыскиваютъ“. По словамъ одного изъ мѣстныхъ жителей, погромъ на Подолѣ прекратился послѣ того, какъ Лященко 20 октября прошелъ по улицамъ со взводомъ солдатъ и объявилъ громиламъ: „довольно, довольно“. Тогда сборища разсѣялись и безпорядки прекратились.

При бездѣйствіи войскъ и полиціи во время безпорядковъ и безучастномъ ихъ отношеніи къ еврейскому погрому, не только въ низшихъ слояхъ населенія, но и у отдѣльныхъ низшихъ воинскихъ и полицейскихъ чиновъ сложилось убѣжденіе, что погромъ разрѣшенъ властями. Среди громилъ упорно держался слухъ, что грабить можно три дня. Даже управляющему канцеляріей генералъ-губернатора одинъ городовой на вопросъ, почему онъ не разгоняетъ громилъ, возразилъ: „да, вѣдь, это разрѣшено“. Другой городовой, принимавшій дѣятельное участіе въ прекращеніи погрома, подбѣжалъ къ грабителямъ, пригрозилъ имъ револьверомъ. Громилы стали его убѣждать, что „имъ самъ губернаторъ разрѣшилъ, а возлѣ думы генералъ приказалъ грабить“. Когда же городовой обратился за содѣйствіемъ къ патрульнымъ, послѣдніе ему сказали: „у насъ есть разрѣшеніе бить жидовъ и приказано только смотрѣть, чтобы не стрѣляли въ тѣхъ, которые будутъ разбивать“.—Одинъ учитель слышалъ разговоръ громилъ о томъ, что, какъ только былъ изорванъ царскій портретъ, объ этомъ по телеграфу донесли государю, который по телеграфу же отдалъ приказъ громить евреевъ. Тотъ же учитель, замѣтивъ двухъ артиллеристовъ, не бывшихъ въ нарядѣ и спокойно смотрѣвшихъ на разгромъ на Прорѣзной улицѣ, спросилъ ихъ, давно ли это началось. „Да,—отвѣтили артиллеристы,—разрѣшеніе только сегодня вышло“ и, на замѣчаніе учителя, что развѣ могло быть дано такое разрѣшеніе, они возразили: „чай, сами видите, мыслимо ли это безъ дозволенія начальства? Это куда тебѣ“.

Причины возникновенія октябрьскихъ безпорядковъ и еврейскаго погрома.

Обращаясь къ оцѣнкѣ событій, происшедшихъ въ Кіевѣ въ октябрѣ 1905 года, необходимо, прежде всего, остановиться на вопросѣ о причинахъ возникновенія октябрьскихъ безпорядковъ. Какъ сказано было раньше, послѣдніе по самому характеру своему распадаются на два періода, изъ которыхъ первый длился до момента возникновенія еврейскаго погрома, захвативъ собою и первую половину дня 18 октября, а второй составлялъ самый погромъ.

Было бы ошибочно искать причины революціоннаго движенія, выразившагося въ октябрьскихъ безпорядкахъ, до возникновенія еврейскаго погрома, исключительно въ мѣстныхъ условіяхъ жизни. Причины эти лежатъ далеко за предѣлами ихъ и находятъ себѣ объясненіе въ общемъ состояніи смуты, охватившей за послѣдніе годы всю Россію. Являясь лишь отголоскомъ общаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ „освободительнаго“ безпорядки эти подготовили только почву, на которой возникъ и получилъ дальнѣйшее развитіе еврейскій погромъ.

Изъ самаго хода кіевскихъ событій въ ихъ исторической послѣдовательности видно, что ближайшей причиной еврейскаго погрома, было то крайнее возбужденіе противъ евреевъ, которое въ послѣднее время глубоко проникло въ сознаніе мѣстнаго русскаго населенія, особенно въ низшіе слои его. Изорваніе высочайшихъ портретовъ и поврежденіе короны и вензелей было только непосредственнымъ поводомъ, ближайшимъ толчкомъ къ погрому, послѣдней каплей, переполнившей чашу народнаго негодованія. По единогласнымъ отзывамъ всѣхъ изучавшихъ мѣстную жизнь, никакой расовой вражды между малороссійскимъ и еврейскимъ населеніемъ никогда не замѣчалось. Безспорно, существующій антагонизмъ между этими двумя народностями объясняется, главнымъ образомъ, кореннымъ различіемъ ихъ міросозерцанія. Эта рознь въ теченіе многихъ уже вѣковъ выражалась въ періодическихъ, массовыхъ избіеніяхъ евреевъ (жидотрепкахъ) при всякомъ обостреніи взаимныхъ отношеній по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Въ послѣднее же время эти отношенія обострялись на почвѣ постоянно оскорбляемаго націо-

нальнаго чувства. Неудачи войны, по поводу которыхъ еврейская молодежь открыто выражала всегда живѣйшую радость, уклоненія ихъ отъ военной службы, участіе въ революціонномъ движеніи, въ рядѣ насилій и убійствъ должностныхъ лицъ, оскорбленія войскъ и проч. вызывало, несомнѣнно, въ простомъ народѣ раздраженіе противъ евреевъ и усиливало издавна существующую рознь между ними и кореннымъ населеніемъ. Особенно ненавистны были для народа всѣ тѣ собранія и сходки въ университетѣ и политехническомъ институтѣ, на которыхъ еврейская молодежь, не стѣсняясь, оскорбляла нерѣдко его вѣрованія и дорогое ему національное чувство. Вотъ почему въ Кіевѣ были случаи, когда многіе русскіе, открыто предоставляя у себя пріютъ бѣднякамъ евреямъ, укрывавшимся отъ насилій, рѣзко отказывали въ немъ молодымъ евреямъ и иногда только потому, что видѣли въ петлицѣ красныя ленточки—символъ революціи. Уличныя манифестаціи, шумные митинги, забастовки, часто сопровождавшіяся грубымъ насиліемъ и матеріальными потерями, не только не находили отклика въ народной массѣ, но и понимались ею, какъ направленный противъ государства „бунтъ“. А во главѣ „бунтовщиковъ“ народъ всегда видѣлъ евреевъ, которые, благодаря своей исключительной впечатлительности, нервности, легкой возбудимости и страстности, являлись наиболѣе видным элементомъ митинговъ, манифестацій и забастовокъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, представляли меньшинство среди другихъ участниковъ сборищъ и шествій. Наконецъ, когда 18 октября бунтовщики, ликуя по поводу манифеста, срывали національные флаги, понятные и близкіе народу, замѣняя ихъ красными—эмблемой ему чуждой и непонятной, раздраженіе массы еще болѣе возросло. Когда же вслѣдъ за страстными рѣчами, оскорблявшими даже имя того, кто только что даровалъ основы гражданской свободы, послѣдовало уничтоженіе его же портретовъ, императорской короны и вензелей, толпу охватила жажда мести относительно евреевъ „демократовъ“, и вообще главныхъ виновниковъ послѣднихъ безпорядковъ. По удостовѣренію очевидцевъ, громилы были чужды корыстныхъ побужденій: выбрасывая изъ магазиновъ товары, они не расхищали ихъ, но тутъ же уничтожали и разбивали, какъ бы стараясь доказать, что имъ „жидовскаго добра“ не нужно. Былъ случай, когда громилы взяли у прислуги всѣ купленные ею съѣстные припасы, заявивъ ей, что они „работали цѣлый день и даже на кусокъ хлѣба не заработали“.

Но народное негодованіе пало не на тѣхъ, кого народъ считалъ причиной всѣхъ бѣдствій. Въ минуту общаго возбужденія, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, онъ направилъ свой гнѣвъ на все еврейское населеніе, не щадя ни молодыхъ, ни стариковъ. Между тѣмъ, рознь среди евреевъ, мѣшающая имъ понимать другъ друга, становится все болѣе замѣтной: въ то время, какъ старики строго консервативны и не легко разстаются съ традиціями, молодежь увлекается новыми вѣяніями, видя, между прочимъ, въ осуществленіи революціонныхъ идеаловъ выходъ изъ своего неравноправнаго положенія въ государствѣ.

Участіе евреевъ въ революціонномъ движеніи.

Дѣйствующіе по нынѣ исключительные законы, значительно ограничивающіе права евреевъ, естественно должны были среди нихъ вызвать недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ и стремленіе всѣми мѣрами достигнуть уравненія въ общихъ правахъ. Часть еврейской молодежи примкнула къ революціонному движенію, другая же до сихъ поръ еще находитъ удовлетвореніе своихъ мечтаній въ сіонизмѣ, убѣжденная въ возможности созданія еврейскаго государства на соціально-демократическихъ началахъ.

Заключенные въ узкой чертѣ осѣдлости, не имѣя возможности воспитывать дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ и посвящать себя занятіямъ, доступнымъ всѣмъ другимъ гражданамъ, евреи всѣми средствами стремились обойти законъ и вызвали этимъ общее къ себѣ нерасположеніе. Установленная процентная норма учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ создала необходимость для евреевъ воспитывать своихъ дѣтей за границей, главнымъ образомъ, въ Швейцаріи. Тамъ еврейская молодежь представляла благодарную почву для агитаціи главарей русскаго революціоннаго движенія. Недовольные порядками своей родины, заставившими ихъ искать просвѣщенія на чужбинѣ, они вскорѣ подпадали подъ ихъ вліяніе, возвращались домой вполнѣ убѣжденными революціонными дѣятелями и немедленно примыкали къ разнымъ преступнымъ организаціямъ. Въ эти организаціи затѣмъ легко вовлекались сверстники ихъ евреи, которымъ, благодаря выдающимся способностямъ, удалось особо успѣшно окончить курсъ гимназій и быть принятыми въ высшія учебныя заведенія. Здѣсь революціонная агитація направлялась и на русское юноше-

ство, окончательно подпавшее подъ вліяніе своихъ товарищей-евреевъ и становившееся фанатическими поборниками проповѣдуемыхъ ими ученій. Большинство еврейской молодежи сознало всю безпочвенность иллюзій сіонизма, находя, что при помощи банковъ, нельзя пріобрѣсти новаго отечества. Оно только въ революціонномъ движеніи ищетъ спасенія и разсчитываетъ, что только при общемъ государственномъ переворотѣ евреи, наконецъ, станутъ полноправными русскими гражданами.

Такимъ образомъ, процентное ограниченіе при поступленіи въ учебныя заведенія и „черта еврейской осѣдлости“ являются для евреевъ особенно тягостными и тѣмъ болѣе въ Кіевѣ. Тамъ, кромѣ общихъ правилъ о проживаніи евреевъ внѣ черты осѣдлости, существуютъ особыя постановленія, по которымъ нѣкоторые евреи, какъ, напр., купцы 1-й гильдіи, пробывшіе въ этомъ званіи менѣе пяти лѣтъ, ихъ приказчики и т. п., пользуются правомъ временнаго пребыванія только въ двухъ полицейскихъ участкахъ—Лыбедскомъ и Плосскомъ. Разрѣшенія на право жительства выдаются городской полиціей, губернскимъ правленіемъ, а въ особыхъ случаяхъ даже генералъ-губернаторомъ. На нѣкоторыхъ улицахъ, какъ напр., на Бибиковскомъ бульварѣ, евреи могутъ жить лишь по одной сторонѣ: на другой же, входящей въ предѣлы Старокіевскаго полицейскаго участка, имъ жительство воспрещается. Этотъ ограничительный законъ, не имѣя для Кіева никакого практическаго значенія, всею своею тяжестью ложится на бѣднѣйшую часть еврейскаго населенія. Отдавая ее на произволъ администраціи, онъ создалъ для низшихъ органовъ власти источникъ незаконныхъ поборовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ на нихъ самое развращающее вліяніе. Это печальное явленіе давно обращало на себя вниманіе. При бывшихъ ревизіяхъ дѣлопроизводства кіевской городской полиціи, вызванныхъ многочисленными жалобами, неоднократно были обнаружены злоупотребленія при разрѣшеніи евреямъ права жительства. До какихъ размѣровъ могутъ доходить такія злоупотребленія, видно изъ того, что, напр., въ 1903 году въ одной только городской полиціи было подано евреями 6813 прошеній о разрѣшеніи проживать въ г. Кіевѣ.

Слухи объ организаціи погрома.

Разсматривая причины возникновенія еврейскаго погрома въ Кіевѣ, нельзя обойти молчаніемъ вопросъ объ организаціи погрома. Въ нѣкоторыхъ слояхъ кіевскаго населенія глубоко вкоре-

нилось убѣжденіе, что разгромъ и разграбленіе еврейскаго имущества были рѣшены заранѣе и произведены по строго выработанному плану.

Причины возникновенія погрома истолковываются, однако, различно. Одни видятъ въ немъ всероссійскую организацію, явившуюся какъ бы контръ-революціей, задавшуюся цѣлью воспротивиться осуществленію манифеста 17 октября; другіе—только мѣстную организацію по иниціативѣ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ власти. Наконецъ, третьи считаютъ виновниками погрома какую-то всероссійскую партію антисемитовъ и даже отдѣльныхъ частныхъ лицъ.

Насколько неосновательна и фантастична легенда объ устройствѣ повсемѣстно въ Россіи общаго еврейскаго погрома по почину правительственныхъ лицъ, свидѣтельствуютъ оффиціальные документы.

Еще съ 10 октября товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшій полиціей, вслѣдствіе донесеній мѣстныхъ властей о броженіи среди учащейся молодежи и начавшихся безпорядкахъ, настойчиво требовалъ принятія самыхъ энергичныхъ мѣръ „къ недопущенію уличныхъ безпорядковъ и къ прекращенію ихъ всѣми силами въ случаѣ возникновенія“.—12 октября имъ же было предложено губернатору подавлять уличныя манифестаціи, не останавливаясь передъ примѣненіемъ вооруженной силы, и сдѣлано распоряженіе о доставленіи жандармскими властями губернатору свѣдѣній о готовящихся событіяхъ. 13 октября было вновь подтверждено не допускать никакихъ уличныхъ скопищъ и сборищъ и, по мѣрѣ надобности, разсѣивать ихъ оружіемъ. По полученіи же свѣдѣній о еврейскомъ погромѣ въ Кіевѣ, свиты его величества генералъ-маіоръ Треповъ 20 октября телеграммой на имя генералъ-губернатора вновь просилъ проявить всю полноту власти для прекращенія безпорядковъ, насилій и погромовъ, дабы, во что бы то ни стало, обезпечить личную и имущественную безопасность обывателей. При этомъ генералъ-маіоръ Треповъ указалъ, что „результаты достигаются своевременнымъ принятіемъ надлежащихъ предупредительныхъ мѣръ, а не однимъ лишь кровопролитіемъ, которое всегда является неизбѣжнымъ, когда эти мѣры приняты не были“.

Послѣ всего происходившаго на митингахъ, кіевское охранное отдѣленіе предвидѣло возможность въ самомъ недалекомъ будущемъ серьезныхъ безпорядковъ“ и донесло объ этомъ 3 октября генералъ-губернатору и губернатору, прося прекратить митинги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Необходимо также имѣть въ виду, что еврейскіе безпорядки въ Юго-Западномъ краѣ начались не вездѣ одновременно съ кіевскими. Въ иныхъ мѣстахъ значительно позже, а въ другихъ еще весною и лѣтомъ (Житоміръ, Черкассы). Въ поселеніяхъ Кіевской губерніи погрому обыкновенно предшествовали шумныя уличныя манифестаціи съ преобладающимъ участіемъ въ нихъ еврейской молодежи и зажигательными революціонными рѣчами. Въ Каменецъ-Подольскѣ наканунѣ погрома, начавшагося 20 октября, еврейская молодежь устроила на улицахъ шумныя сборища, произносила революціонныя рѣчи и своимъ дерзкимъ поведеніемъ вызвала въ христіанскомъ населеніи общее негодованіе.

Въ одномъ изъ неболшихъ городовъ Юго-Западнаго края погромъ былъ предотвращенъ только тѣмъ, что пожилые евреи подвергли свою молодежь тѣлесному наказанію за устройство противоправительственной манифестаціи послѣ объявленія высочайшаго манифеста 17 октября.

Никакихъ указаній на предварительную организацію еврейскаго погрома въ Кіевѣ не могло представить даже бюро адвокатовъ, дѣятельно занимавшихся собираніемъ свѣдѣній о погромѣ, никакія указанія на такую организацію не могли быть также извлечены изъ обозрѣнія дѣлопроизводствъ прокурорскаго надзора, предварительныхъ слѣдствій, находящихся въ производствѣ мѣстныхъ судебныхъ слѣдователей, изъ дѣлъ мировыхъ судей, охраннаго отдѣленія и пр.

Предположенія объ организаціи погрома выводились обыкновенно изъ отдѣльныхъ случаевъ бездѣйствія власти,—изъ поверхностныхъ наблюденій при одностороннемъ освѣщеніи событій и нерѣдко изъ разныхъ разсказовъ и слуховъ, неизвѣстно откуда исходящихъ.

Такъ, говорили будто на кіевскихъ пароходахъ заранѣе изъ другихъ городовъ были доставлены громилы, что среди нихъ будто бы рѣзко выдѣлялись какія-то подозрительныя личности, что въ толпѣ были какіе то вожаки, имѣвшіе въ рукахъ списки, что дворники домовъ давали кому-то свѣдѣнія о жильцахъ-евреяхъ и проч. Всѣ эти слухи обыкновенно категорически опровергались тѣми лицами, на которыхъ ссылались разсказчики. Несомнѣнно, что бездѣйствіе, проявленное во время погрома полиціей и войсками, могло поддерживать убѣжденіе, что сама власть устроила погромъ, а потому и относится такъ безучастно къ насиліямъ надъ личностью и къ расхищенію еврейскаго имущества. Ко всему тому присоединялись разсказы о распространенныхъ какими-то

лицами воззваніяхъ, подстрекавшихъ будто бить евреевъ. Въ доставленныхъ, однако, нѣкоторыми свидѣтелями воззваніяхъ „къ русскимъ людямъ“ никакого призыва къ избіенію евреевъ не заключалось. Въ нихъ русскіе люди призываются лишь къ объединенію противъ „злыхъ людей“—„крамольниковъ“ и къ защитѣ „самодержавія и родины“, въ одномъ прямо осуждается всякое насиліе и грабежъ. Кромѣ этихъ печатныхъ листковъ неизвѣстными лицами разсылались рукописныя воззванія, предлагавшія русскимъ людямъ отъ имени какого-то великаго отшельника Кіево-Печерской Лавры „учить своимъ судомъ смутьяновъ, подсылаемыхъ жидами и поляками“ и не имѣть дѣла съ евреями. Кто былъ иниціаторомъ этихъ рукописныхъ листковъ—осталось неизвѣстнымъ.

Дѣйствія мѣстныхъ властей во время кіевскихъ безпорядковъ.

Отказъ генералъ-губернатора Клейгельса отъ „своихъ полномочій“ по охранѣ города и передача ихъ на неопредѣленное время военнымъ властямъ г. Кіева были главной причиной неопредѣленныхъ взаимныхъ отношеній, установившихся вслѣдъ за тѣмъ между гражданскими и военными властями. Вмѣсто генералъ—губернатора во главѣ управленія г. Кіева оказался начальникъ военной охраны, предѣлы и объемъ власти котораго никому не были извѣстны. Такая неясность положенія, возникшая изъ не установленной закономъ передачи правъ и обязанностей представителя высшей власти въ краѣ другому должностному лицу, порождала рядъ недоразумѣній и неминуемо должна была повлечь за собой общее разстройство въ отправленіи службы подвѣдомственной ему администраціи. При возникновеніи еврейскаго погрома печальныя послѣдствія такой мѣры обнаружились немедленно. Многіе чины полиціи были вполнѣ увѣрены, что власть всецѣло перешла къ военному начальству, и что только войска уполномочены дѣйствовать и подавлять безпорядки. Поэтому они устраняли отъ себя всякую иниціативу по охранѣ общественнаго порядка и спокойствія и безучастно относились къ совершавшимся въ ихъ присутствіи безпорядкамъ. Войска же, ссылаясь на 16 ст. правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, ожидали указаній со стороны полиціи, считая, что на нихъ не возложено исполненіе полицейскихъ обязанностей и въ этомъ отношеніи они были совершенно правы. По точному смыслу 15 и

16 ст. упомянутыхъ правилъ гражданскимъ властямъ не предоставлено право передавать военному начальству свои обязанности по водворенію спокойствія, напротивъ, по этому закону, они присутствуя лично на мѣстахъ безпорядковъ, должны направлять совмѣстную дѣятельность полиціи и вызванныхъ войскъ къ надлежащему и цѣлесообразному ихъ подавленію. Личныя распоряженія гражданскаго начальства прекращаются только послѣ предложенія, даннаго начальнику воинскихъ частей, дѣйствовать оружіемъ и притомъ только на время этого дѣйствія. Когда и гдѣ именно слѣдуетъ прибѣгнуть къ оружію—крайнему средству возстановленія порядка,—опредѣляется не военнымъ, а гражданскимъ начальствомъ, обязаннымъ поэтому быть на мѣстѣ волненій. Между тѣмъ въ Кіевѣ генералъ Клейгельсъ, еще до возникновенія безпорядковъ передавъ „свои полномочія“ по охранѣ города военнымъ властямъ и такимъ образомъ устранивъ гражданскую власть отъ общаго руководительства въ возстановленіи порядка и отъ приглашенія войскъ для содѣйствія въ опредѣленныхъ случаяхъ, поставилъ и войска въ затруднительное положеніе. Они должны были принять на себя административныя обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлять нарушенный порядокъ силою оружія.

Положеніе дѣла ухудшилось еще и тѣмъ, что, передавая свои „полномочія“, генералъ Клейгельсъ не позаботился ознакомить военное начальство ни съ положеніемъ дѣлъ въ городѣ, ни съ имѣвшимися у него свѣдѣніями о революціонномъ движеніи въ Кіевѣ. Онъ ограничился только краткимъ, неизвѣстно на чемъ основанномъ, указаніемъ на готовившееся будто бы „вооруженное возстаніе“. Въ виду этого военныя власти на первыхъ же порахъ не понимали, что означаетъ передача имъ полномочій генералъ губернатора по охранѣ города, и какія распоряженія должны послѣдовать съ ихъ стороны для осуществленія возложенныхъ на нихъ, очевидно, важныхъ обязанностей. По городу стали безцѣльно ходить отдѣльныя части войскъ; разсылались дозоры и патрули. Уже 15 октября, на слѣдующій день послѣ передачи охраны города войскамъ, командующій войсками округа генералъ Карассъ телеграфировалъ свиты его величества генералъ-маіору Трепову, что „передача кіевскимъ генералъ-губернаторомъ полномочій на неопредѣленное время вызываетъ неудобное положеніе военнаго начальства“. Нельзя не замѣтить также, что мѣра эта нисколько не предотвратила уличныхъ безпорядковъ, возникшихъ 18 октября. Прямымъ ея послѣдствіемъ была общая растерянность властей,

особенно гражданскихъ. Послѣднія остались безъ руководителя по охранѣ города въ то время, когда, по мнѣнію генерала Клейгельса, готовилось вооруженное возстаніе, и когда они обязаны были, при содѣйствіи войскъ, приложить всѣ усилія и выказать особую распорядительность къ обезпеченію спокойствія и порядка ввѣреннаго ихъ попеченію города. Только благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, уже во время безпорядковъ, 18 октября во главѣ администраціи сталъ генералъ Карассъ, принявшій немедленно мѣры къ объединенію дѣйствій администраціи и войскъ и такимъ образомъ положившій конецъ неопредѣленному ихъ положенію.

Устранивъ себя отъ охраны города и возложивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ всю отвѣтственность за безопасность жителей на военное начальство, генералъ Клейгельсъ тѣмъ не менѣе призналъ возможнымъ сдѣлать, безъ вѣдома военныхъ властей вечеромъ 17 октября распоряженіе объ освобожденіи изъ-подъ стражи помощника присяжнаго повѣреннаго Ратнера,—извѣстнаго оратора революціонныхъ собраній.

По увольненіи отъ должности генералъ-адъютантъ Клейгельсъ оставался еще въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Въ это время, 18 октября, распространился слухъ, будто къ генералу Клейгельсу должна явиться депутація жителей города съ просьбой остаться на генералъ-губернаторскомъ посту. Какъ выяснилось, слухъ этотъ исходилъ отъ чиновника особыхъ порученій Малышева, передавшаго чиновнику особыхъ порученій д. с. с. Чуйкову, что одинъ изъ гласныхъ думы,—хорошій знакомый Малышева и генерала Клейгельса—намѣренъ сдѣлать въ думѣ предложеніе объ избраніи особой депутаціи къ генералу Клейгельсу съ просьбой остаться въ должности генералъ-губернатора. Утромъ 19 октября, зайдя въ генералъ-губернаторскій домъ, Малышевъ просилъ офицера, командовавшаго воинской частью, охранявшею домъ, предупредить генерала Клейгельса о готовившейся депутаціи. По словамъ Малышева, необходимость ея объяснялась тѣмъ, что съ оставленіемъ генераломъ Клейгельсомъ должности генералъ-губернатора въ городѣ начались безпорядки, и что онъ только одинъ можетъ ихъ подавить. Въ ожиданіи этой депутаціи генераломъ Клейгельсомъ было отдано приказаніе пропустить безпрепятственно толпу, которая вмѣстѣ съ выборными отъ города должна была подойти къ генералъ-губернаторскому дому. Ожидавшаяся депутація съ флагами и портретомъ государя, дѣйствительно, явилась 19 октября, но безъ представителей думы и, вмѣсто просьбы остаться на посту генералъ-губернатора, она объ-

явила вышедшему къ ней генералу Клейгельсу, что жители желаютъ отправиться въ соборъ и помолиться за государя императора. Какъ впослѣдствіи выяснилось, нѣкоторымъ гласнымъ думы, дѣйствительно было предложено отправиться къ генералу Клейгельсу депутаціей, но предложеніе это не встрѣтило сочувствія и поэтому не было приведено въ исполненіе.

Полную бездѣятельность во время еврейскихъ безпорядковъ выказалъ, какъ выше упомянуто, полицеймейстеръ г. Кіева полковникъ Цихоцкій, не принимавшій никакихъ мѣръ ни къ руководительству дѣятельностью подчиненныхъ ему чиновъ полиціи, ни къ прекращенію тѣхъ безпорядковъ, случайнымъ свидѣтелемъ которыхъ онъ являлся при объѣздахъ города. Замѣшательство въ полицейской службѣ, обнаружившееся послѣ передачи охраны города военнымъ властямъ, не только не было своевременно устранено, но продолжало усиливаться и особенно рѣзко проявилось во время еврейскихъ безпорядковъ. Бездѣйствіе полковника Цихоцкаго объяснилось, между прочимъ, и тѣмъ, что съ увольненіемъ генерала Клейгельса онъ терялъ всякую надежду оставаться на занимаемомъ имъ посту.

Еще въ 1900 и 1902 г. при ревизіяхъ дѣлопроизводства Кіевской городской полиціи было обнаружено, что при выдачѣ евреямъ разрѣшеній на право жительства полиціей допускался рядъ неправильностей и злоупотребленій, вслѣдствіе чего и возникъ вопросъ о преданіи суду полицеймейстера Цихоцкаго. Еще до второй ревизіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ 1902 г., получились свѣдѣнія о поборахъ, производимыхъ будто бы съ вѣдома полковника Цихоцкаго, полиціей при выдачѣ разрѣшеній на право жительства евреямъ; тогда же сообщалось и о томъ, что полковникъ Цихоцкій, живя выше получаемаго содержанія, купилъ въ Полтавской губерніи имѣніе за 100 тысячъ рублей. По разслѣдованію оказалось, что дочь Цихоцкаго, по выходѣ замужъ, вскорѣ пріобрѣла въ Кіевѣ домъ, а мужъ ея, не имѣвшій никакихъ средствъ, купилъ въ Полтавской губерніи имѣніе, стоющее болѣе 100 тысячъ рублей, причемъ довѣренность по завѣдыванію имѣніемъ выдана была полковнику Цихоцкому.

Въ виду такихъ данныхъ генералъ-адъютантъ Драгомировъ предполагалъ принять въ отношеніи Цихоцкаго рѣшительныя мѣры, но въ это время состоялось назначеніе генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта Клейгельса. Послѣдній тогда также находилъ, что полковникъ Цихоцкій не можетъ быть оставленъ на занимаемой должности, и въ письмѣ на имя министра внут-

ренныхъ дѣлъ, отъ 19 іюня 1904 года, просилъ замѣнить его другимъ лицомъ. Вскорѣ, однако, онъ рѣзко измѣнилъ свое мнѣніе о Цихоцкомъ и намѣтилъ его даже кандидатомъ на должность оберъ-полицеймейстера г. Кіева, которую тогда предполагалось учредить. Желая особенно поощрить его дѣятельность, генералъ Клейгельсъ намѣревался представить Цихоцкаго къ производству въ генералъ-маіоры, что не разъ высказывалъ въ разговорѣ съ управляющимъ своей канцеляріею, но оказалось, что по закону сдѣлать этого было нельзя.

Предположеніе о замѣнѣ его другимъ лицомъ было оставлено и на запросъ товарища министра, завѣдывающаго полиціей, относительно возможности оставленія Цихоцкаго въ должности полицеймейстера, генералъ Клейгельсъ письмомъ отъ 9 августа 1905 года увѣдомилъ, что первоначальный отзывъ о полковникѣ Цихоцкомъ былъ вызванъ временными неблагопріятными для Цихоцкаго обстоятельствами. Въ настоящее же время онъ признаетъ его вполнѣ соотвѣтствующимъ занимаемой имъ должности, такъ какъ дѣятельность его не оставляетъ желать ничего лучшаго. Несмотря на такой отзывъ о Цихоцкомъ, въ отвѣтъ на это письмо генералъ-маіоръ Треповъ сообщилъ, что онъ находитъ необходимымъ возбудить противъ полковника Цихоцкаго уголовное преслѣдованіе по результатамъ произведенной въ 1902 году ревизіи дѣлопроизводства полиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить его отъ должности. При этомъ генералъ Треповъ указалъ, что преданіе суду Цихоцкаго раньше было пріостановлено только въ виду первоначальнаго ходатайства генерала Клейгельса о замѣнѣ Цихоцкаго другимъ лицомъ.

Давая въ августѣ 1905 г. блестящій отзывъ о дѣятельности полицеймейстера г. Кіева, генералъ Клейгельсъ, очевидно, не предвидѣлъ результатовъ изслѣдованія, предпринятаго уже по увольненіи его отъ должности генералъ-губернатора по поводу жалобы, поданной ему еще въ маѣ того же года однимъ изъ служащихъ кіевской городской полиціи. Въ этой жалобѣ указывалось на полученіе Цихоцкимъ 1.110 р. за предоставленіе классной должности по полиціи.

Разслѣдованіемъ и собственнымъ объясненіемъ Цихоцкаго жалоба эта вполнѣ подтвердилась и начальствомъ Цихоцкаго предполагается возбудить вопросъ о преданіи его суду.

Ожидавшееся генераломъ-адъютантомъ Клейгельсомъ 14 октября вооруженное возстаніе въ г. Кіевѣ, побудившее его „съ 7 часовъ утра“ этого дня передать свои „полномочія“ по охранѣ

города военному начальству, не осуществилось. Тѣмъ не менѣе, 15 октября, въ виду угрожающаго характера революціоннаго движенія въ Кіевѣ, онъ послалъ министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму, прося доложить его величеству о своемъ желаніи, до полнаго умиротворенія безпорядковъ, остаться въ должности генералъ-губернатора, такъ какъ еще въ началѣ октября онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи его по болѣзни отъ этой должности. Какъ извѣстно, въ ночь на 18 октября получено было извѣстіе объ увольненіи генерала Клейгельса и о назначеніи на его мѣсто временно, до возвращенія изъ отпуска генералъ-лейтенанта Сухомлинова, генералъ-лейтенанта Карасса. Когда послѣдній вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, безпорядки въ Кіевѣ были въ полномъ разгарѣ. Не зная ни предшествующихъ событій, ни общаго состоянія дѣлъ, а также личнаго состава администраціи и полиціи, временно исправляющій должность генералъ-губернатора былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе. Передавая должность, генералъ Клейгельсъ не нашелъ нужнымъ облегчить задачу своего пріемника; онъ ограничился исполненіемъ одной лишь формальности и немедленно устранилъ себя отъ всѣхъ дѣлъ. Полицеймейстеръ представился новому начальнику края только на слѣдующій день и то лишь, по его требованію, для выслушанія замѣчанія по поводу усмотрѣннаго генераломъ Карассомъ бездѣйствія полиціи во время безпорядковъ. При первомъ же объѣздѣ города, отъ опытнаго глаза генерала Карасса не ускользнули главные недостатки организаціи военной охраны. Войска, состоявшія, главнымъ образомъ, изъ призванныхъ изъ запаса нижнихъ чиновъ и офицеровъ, были разбросаны незначительными отрядами по всему городу и въ большинствѣ случаевъ бездѣйствовали. Бывшій (до 12 октября) начальникомъ охраны города генералъ Безсоновъ, наиболѣе ознакомленный съ организаціей охраны, и по своимъ личнымъ близкимъ отношеніямъ пользовавшійся указаніями генерала Клейгельса и поэтому болѣе другихъ освѣдомленный съ положеніемъ вещей, несмотря на все это, относился къ дѣлу подавленія безпорядковъ совершенно пассивно. Генералу Карассу предстояло, не теряя времени, немедленно устранить всѣ замѣченные имъ непорядки и, главнымъ образомъ, объединить въ рукахъ своихъ дѣятельность войскъ и гражданскихъ властей. Между тѣмъ его постоянно отрывали отъ занятій пріемы разныхъ депутацій, требовавшія то удаленія изъ города войскъ, то приказаній дѣйствовать оружіемъ, настойчивыми просьбами объ охранѣ казеннаго и частнаго имущества и проч. Достигнуть намѣченной

цѣли генералу Карассу удалось не сразу. Убѣдившись въ безуспѣшности нѣкоторыхъ предпринятыхъ имъ указаній, исполнявшихся не всѣми подвѣдомственными ему лицами съ должной энергіей, онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ и только послѣ того, какъ генералу Безсонову было сдѣлано имъ строгое внушеніе, а полковнику Цихоцкому предложено, подъ страхомъ ареста и высылки изъ города, дѣйствовать рѣшительно, безпорядки въ Кіевѣ были прекращены.

Должность кіевскаго губернатора во время кіевскаго погрома исполнялъ вице-губернаторъ д. с. с. Рафальскій. Онъ былъ назначенъ на занимаемую имъ должность всего лишь 20 августа 1905 г. Не успѣвъ освоиться со своими прямыми обязанностями, д. с. с. Рафальскій долженъ былъ вскорѣ вступить въ исправленіе вакантной должности губернатора. Онъ неожиданно принялъ на себя руководительство отвѣтственнаго и сложнаго дѣла администраціи Кіевской губерніи въ особо тяжелое время смуты, не имѣя ни необходимой для этого опытности, ни надлежащихъ указаній со стороны непосредственнаго начальства. Занятый распоряженіями о прекращеніи безпорядковъ, возникшихъ тогда въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, онъ былъ такъ же, какъ и другія должностныя лица, застигнутъ еврейскимъ погромомъ врасплохъ. Трудность его положенія увеличивалась неправильной передачей охраны города Кіева войскамъ, смѣной главнаго начальника края, а также бездѣйствіемъ полицеймейстера. Такъ же, какъ и вновь назначенный временный генералъ-губернаторъ, онъ употреблялъ всѣ зависящія отъ него мѣры побудить полицеймейстера дѣйствовать болѣе энергично и самъ лично дѣлалъ попытки къ возстановленію порядка въ городѣ. Никакихъ нареканій со стороны временно исправлявшаго должность генералъ-губернатора онъ не вызывалъ.

По предоставленнымъ мнѣ полномочіямъ, мною преданы суду, съ удаленіемъ отъ занимаемыхъ должностей, полицеймейстеръ г. Кіева полковникъ Цихоцкій, приставъ Подольскаго полицейскаго участка надворный совѣтникъ Лященко и помощникъ его коллежскій секретарь Пирожковъ по обвиненію ихъ въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особо важныя послѣдствія, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. улож о нак.

Приложеніе № 1.

КІЕВСКІЙ, ПОДОЛЬСКІЙ
и ВОЛЫНСКІЙ
генералъ-губернаторъ.
№ 11750.

Копія.
Секретно.

14 октября 1905 года.

Г. вр. командующему войсками Кіевскаго военнаго округа.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, сегодня, 13 октября, на сборищѣ въ университетѣ толпой въ 10 тыс. человѣкъ, сорганизовавшейся въ революціонную партію, рѣшено 14 октября къ 10 ч. утра всѣмъ собраться вооруженными въ университетѣ и оттуда идти на важнѣйшія общественныя зданія и учрежденія: вокзалъ, гдѣ предположено соединиться съ рабочими Ю.-З. жел. дорогъ, городской театръ, думу, всѣ среднія учебныя заведенія, полицейскіе участки, начиная съ Лукьяновскаго и т. п. Имѣя въ виду, что осуществленіе этой программы есть не что иное, какъ вооруженное возстаніе, я, согласно пар. 16 правилъ о содѣйствіи войскъ гражд. власт., передаю полномочія военному начальству съ 7 час. утра 14 сего октября.

Подписалъ: генералъ-адъютантъ *Клейгельсъ*.

Вр. командующій войсками Кіевскаго военнаго округа положилъ слѣдующую резолюцію:

Предлагаю генералъ-лейтенанту Драке принять самыя энергическія мѣры къ подавленію безпорядковъ, въ случаѣ надобности употребить въ дѣло оружіе—словомъ, съ 7 часовъ утра 14 октября власть къ обезпеченію порядка въ городѣ передается вамъ.

Подписалъ: генералъ-лейтенантъ *Карассъ*. 14 октября.

Съ подлиннымъ вѣрно: За старшаго адъютанта,
генеральнаго штаба капитанъ *Власьевъ*.

Приложеніе № 2.

М. В. Д.
КІЕВСКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ
ПО КАНЦЕЛЯРІИ
ЧАСТЬ СЕКРЕТНАЯ.
18 октября 1905 года.
№ 53.
Г. КІЕВЪ

Копія съ копіи.

Кіевскому полицеймейстеру.

Согласно распоряженію генералъ-губернатора, предлагаю вамъ освободить присяжнаго повѣреннаго Ратнера и лицъ, задержанныхъ вмѣстѣ съ приватъ-доцентомъ Леонтовичемъ съ повязками краснаго креста, а также тѣхъ лицъ, на которыхъ наложено административное взысканіе за участіе въ засѣданіи литературно-артистическаго общества 14 прошлаго сентября.

Подлинное подписалъ и. д. губернатора вице-губернаторъ Т. Рафальскій. Правитель канцеляріи Дашкевичъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: (подпись).

Съ копіею вѣрно: Управляющій канцеляріей сенатора, командированнаго по высочайшему повелѣнію въ г. Кіевъ *Н. Смоленскій.*

Приложеніе № 3.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

1905 года, декабря 19 дня, въ г. Кіевѣ. Командированный по высочайшему повелѣнію для выясненія происходившихъ въ октябрѣ того же года въ г. Кіевѣ безпорядковъ, а равно провѣрки правильности дѣйствій мѣстныхъ властей, сенаторъ Турау, разсмотрѣвъ объясненія потерпѣвшихъ и очевидцевъ, опрошенныхъ при разслѣдованіи причинъ еврейскаго погрома, происходившаго 18—21 октября с. г. въ городѣ Кіевѣ, а также сообщенія должностныхъ лицъ, нашелъ:

Вечеромъ 18 октября с. г. въ Кіевѣ, на Подолѣ, начались нападенія на проходившихъ и проѣзжавшихъ евреевъ, подвергавшихся при этомъ ограбленію. Въ то же время группы громилъ стали разбивать еврейскіе магазины и выбрасывать оттуда товары, которые частью тутъ же уничтожились, частью расхищались. Пріостановившійся ночью погромъ, съ еще большей силой возобновился утромъ 19 октября и, распространившись почти по всему городу, окончился лишь вечеромъ 20 октября (л. д. 98 об., 105 и 106). За всѣ дни погрома было разгромлено и разграблено около полуторы тысячи еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній, владѣльцы которыхъ понесли убытки на сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей (л. д. 67 об.). Въ то время, когда по всему городу уже происходилъ погромъ, чины полиціи, по удостовѣренію какъ частныхъ, такъ и должностныхъ лицъ (л. д. 105), бездѣйствовали; начальникъ же кіевской полиціи полицеймейстеръ Циховскій, не принимая никакихъ общихъ мѣръ къ возбужденію дѣятельности подчиненныхъ ему органовъ полиціи, и самъ относился совершенно бездѣятельно къ проявленіямъ насилія надъ личностью и къ расхищенію имущества въ тѣхъ случаяхъ, когда ему при объѣздѣ города приходилось быть свидѣтелемъ безчинствъ и разнузданности толпы громилъ.

Изъ пріобщенныхъ къ дѣлу копій телеграммъ по полиціи видно, что первая подробная телеграмма съ увѣдомленіемъ о еврейскомъ погромѣ и съ предписаніемъ „предупредить погромъ и насиліе и все немедленно прекращать; оградить студентовъ, евреевъ и интеллигенцію; грабителей задерживать и арестовывать; вызывать войска; городовымъ и надзирателямъ не бездѣй-

ствовать, а рѣшительно дѣйствовать, не допуская разграбленія и расхищенія"—была разослана полицеймейстеромъ Цихоцкимъ полицейскимъ приставамъ лишь въ 9 часовъ 22 минуты вечера 19 октября.—Въ поданной же въ тотъ же день, въ 11 часовъ 25 минутъ утра, телеграммѣ не упомянуто совершенно о еврейскомъ погромѣ, а даются лишь общія обычныя указанія о „задержаніи грабителей" (л. д. 13 и 12 об.). Между тѣмъ, еще наканунѣ, вечеромъ 18 октября, по удостовѣренію и. д. губернатора Рафальскаго, въ штабѣ военнаго округа, гдѣ тогда находился и полицеймейстеръ Цихоцкій, были получены свѣдѣнія о возникшемъ на Подолѣ еврейскомъ погромѣ. Вопросъ о погромѣ тутъ же обсуждался, и полковнику Цихоцкому было предложено принять всѣ мѣры къ предупрежденію погрома на слѣдующій день. Вмѣстѣ съ тѣмъ и. д. генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Карассъ поручилъ полковнику Цихоцкому съѣздить къ начальнику охраны города генералу Драке и передать послѣднему нѣкоторыя его распоряженія, какъ командующаго войсками (л. д. 98 об.). Впослѣдствіи же оказалось (л. д. 99), что распоряженія генерала Карасса были переданы генералу Драке полковникомъ Цихоцкимъ не лично, а по телефону (л. д. 96 об. и 106).—Благодаря отсутствію общихъ руководящихъ указаній полицеймейстера, нѣкоторые пристава даже не знали о возникшихъ вечеромъ 18 октября на Подолѣ антиеврейскихъ безпорядкахъ и не приняли поэтому никакихъ мѣръ со своей стороны къ противодѣйствію имъ. Такъ, приставъ Старокіевскаго участка Цвѣтковичъ узналъ о еврейскомъ погромѣ лишь утромъ 19 октября, когда ему исправлявшимъ должность губернатора Рафальскимъ приказано было отправиться на Бессарабку для прекращенія безпорядковъ (л. д. 87). Распоряженіе же о принятіи мѣръ къ недопущенію погрома было получено Цвѣтковичемъ отъ полицеймейстера лишь въ ночь на 20 октября (л. д. 88). Приставъ Дворцоваго участка Маширъ докладывалъ и. д. губернатора Рафальскому, что ему также не было извѣстно о происходившихъ 18 октября на Подолѣ безпорядкахъ, и потому возобновленіе погрома 19 октября застало его врасплохъ (л. д. 99). Даже на самомъ мѣстѣ погрома, какъ удостовѣряетъ околоточный надзиратель Мельниченко (л. д. 143), полицеймейстеръ Цихоцкій не отдалъ никакихъ распоряженій о прекращеніи разгрома магазина, мимо котораго проѣхалъ не останавливаясь.—По заявленію начальниковъ отдѣловъ военной охраны города генераловъ Эверта (л. д. 103) и Третьякова (л. д. 97), полицеймейстеръ Цихоцкій никакихъ свѣдѣній о безпорядкахъ

въ городѣ имъ не сообщалъ и указаній, куда слѣдуетъ направлять войска, имъ не давалъ. По словамъ генерала Эверта, свѣдѣнія о происходившемъ въ городѣ, получившіяся отъ полицеймейстера Цихоцкаго на совѣщаніяхъ начальствующихъ лицъ по охранѣ, страдали въ большинствѣ случаевъ неопредѣленностью и сбивчивостью (л. д. 103). Это послѣднее заявленіе генерала Эверта нашло себѣ подтвержденіе въ объясненіяхъ капитана генеральнаго штаба Духонина (л. д. 108) и присяжнаго повѣреннаго Полховскаго (л. д. 56), изъ показаній которыхъ видно, что полковникъ Цихоцкій, находясь 20 октября на еврейскомъ базарѣ, указалъ командовавшему воинскимъ отрядомъ капитану Духонину на угловой домъ № 41, заявляя, что изъ этого дома произведены были выстрѣлы; между тѣмъ при провѣркѣ оказалось, что угловой домъ имѣетъ № 51-й, и изъ дома этого, по удостовѣренію публики, никто не стрѣлялъ. На второй день погрома, т. е. 19 октября, въ 4 часа дня, какъ удостовѣряетъ и. д. губернатора Рафальскій (л. д. 99), состоялось въ штабѣ военнаго округа совѣщаніе, на которомъ присутствовалъ и полковникъ Цихоцкій. На совѣщаніи рѣшено было принять энергичныя мѣры къ подавленію безпорядковъ и воспретить патріотическія манифестаціи. Несмотря на это постановленіе и на необходимость дѣйствовать быстро, телеграммы о воспрещеніи уличныхъ манифестацій, процессій съ флагами и портретами были разосланы полицеймейстеромъ Цихоцкимъ участковымъ приставамъ лишь на другой день, т. е. 20 октября, въ 12 часовъ 26 минутъ дня, (л. д. 14). Самъ же полковникъ Цихоцкій, какъ усматривается изъ показанія генерала Третьякова (л. д 97), не принималъ мѣръ къ предупрежденію безчинствъ и разгромовъ, совершавшихся подъ прикрытіемъ патріотическихъ процессій. Такъ, когда одна изъ такихъ процессій появилась въ Липкахъ на Екатерининской улицѣ, и толпа собиралась безчинствовать, генералъ Третьяковъ высказалъ присутствующему здѣсь же полицеймейстеру Цихоцкому мысль о необходимости отнять у толпы флаги и портреты; но полковникъ Цихоцкій не призналъ возможнымъ сдѣлать это, и толпа была пропущена. Тотчасъ же около нея собралась вторая толпа, которая стала разгромлять домъ. Только послѣ того, какъ генераломъ Третьяковымъ были отобраны у толпы флаги и портреты, толпа разошлась и въ Липкахъ болѣе не показывалась (л. д. 97). Отсутствіе общихъ указаній и надлежащихъ наставленій полицеймейстера повело къ тому, что чины полиціи, допуская бездѣйствіе при подавленіи безпорядковъ, въ то же время не принимали

мѣръ къ задержанію громилъ и похитителей имущества изъ разгромленныхъ еврейскихъ квартиръ и магазиновъ. Изъ рапортовъ полковника Цихоцкаго кіевскому губернатору и генералъ-губернатору видно, что 18 октября было задержано лишь 15 человѣкъ, 19 октября—11 человѣкъ и только 20 октября,—послѣ энергичныхъ предписаній губернатора и генералъ-губернатора (л. д. 98 и 96) проявить дѣятельность при подавленіи безпорядковъ,—число задержанныхъ возросло до 111 человѣкъ, а 21-го достигло даже 352 человѣкъ (л. д. 144—148).

Независимо отъ общаго бездѣйствія, допущеннаго полковникомъ Цихоцкимъ во время еврейскаго погрома и выразившагося въ отсутствіи съ его стороны надлежащаго руководства дѣйствіями чиновъ полиціи по прекращенію погрома, имъ лично неоднократно было проявлено полное бездѣйствіе власти по прекращенію погрома магазиновъ и расхищенія имущества, совершавшагося на его глазахъ при проѣздѣ его по улицамъ города Кіева. Особенно ярко случаи такого бездѣйствія описаны въ нижеслѣдующихъ заявленіяхъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома.

а) Съ самаго утра 19-го октября по городу стали ходить съ портретами государя и національными флагами патріотическія процессіи, участники которыхъ, отдѣляясь отъ манифестантовъ, громили по обѣимъ сторонамъ улицъ магазины и выбрасывали изъ нихъ товары. Очевидцы такихъ манифестацій удостовѣряютъ, что въ процессіяхъ принималъ участіе и полковникъ Цихоцкій, не обращавшій при этомъ никакого вниманія на совершавшійся въ его присутствіи разгромъ и разграбленіе еврейскихъ магазиновъ. Такъ, Говтій Львовичъ (л. д. 58) былъ свидѣтелемъ того, какъ полицеймейстеръ Цихоцкій 19-го октября шелъ во главѣ толпы манифестантовъ, нѣкоторые изъ которыхъ громили по дорогѣ магазины. Купецъ Моисей Золотницкій лично видѣлъ (л. д. 63), какъ въ тотъ же день къ думѣ подошла съ портретомъ государя и флагами толпа громилъ, вооруженныхъ кольями, ломами и топорами. Въ толпѣ находился и Цихоцкій безъ фуражки. Съ думскаго балкона кто-то говорилъ рѣчь, закончивъ ее словами: „бейте жидовъ, грабь, ломай“. Рѣчь была покрыта криками “ура„, послѣ чего толпа стала качать Цихоцкаго, а затѣмъ небольшими группами устремилась въ разныя стороны къ магазинамъ (л. д. 62-63). На глазахъ студента Густылева (л. д. 76), утромъ 19 октября, происходилъ разгромъ магазина „Бухгольца“, при чемъ тутъ же находился и полковникъ Цихоцкій, который, не обращая вниманія на разгромъ, на звонъ раз-

биваемыхъ и падающихъ стеколъ и трескъ рамъ, снялъ шапку, крикнулъ „ура“ и медленно направился на встрѣчу приближавшейся патріотической процессіи (л. д. 76). Такую же картину наблюдали въ тотъ же день свидѣтели Казарновскій (л. д. 80) и Эгизъ (л. д. 85) на Большой Васильковской улицѣ: и тамъ также полковникъ Цихоцкій, шествуя во главѣ манифестантовъ, относился совершенно безучастно къ происходившему на его глазахъ погрому и не принималъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ охранѣ имущества населенія, хотя тутъ же были и полицейскіе и воинскіе наряды, и хотя,—какъ удостовѣряютъ околоточный надзиратель Остроменскій (л. д. 71), лично съ тремя городовыми и нѣсколькими солдатами защитившій свой околотокъ отъ погрома, свидѣтельница Шпонарская (л. д. 89), Іоаннъ Эйзенштейнъ (л. д. 55) и Андрей Шибинскій (л. д. 73),—погромъ можно было не только прекратить, но и предупредить. Околоточному надзирателю Остроменскому не приходилось прибѣгать даже къ оружію: достаточно было энергично разгонять громилъ, и они разбѣгались. На Маріинско же Благовѣщенской улицѣ толпа бросилась бѣжать, услыхавъ свистокъ, данный полицейскимъ приставомъ (л. д. 71 об.). На Большой Васильковской улицѣ, по свидѣтельству Шибинскаго (л. д. 73 об.), толпа бѣжала на протяженіи цѣлаго квартала подъ энергичнымъ натискомъ пристава, преслѣдовавшаго громилъ съ револьверомъ въ рукѣ и съ однимъ городовымъ. Упомянутая уже свидѣтельница Эгизъ видѣла полковника Цихоцкаго на Большой Васильковской улицѣ и на слѣдующій день, т. е. 20 октября, когда Цихоцкій, подъѣхавъ къ разграбляемой еврейской булочной, схватилъ одну булку, бросилъ ее въ кого-то изъ громилъ и, со словами „что вы дѣлаете“, уѣхалъ (л. д. 85).

б) Того же 19 октября, около 9 часовъ утра, на Большой Васильковской улицѣ грабили магазинъ часовщика Фрейдиса (л. д. 79). Въ это время, по удостовѣренію самого потерпѣвшаго, а также свидѣтелей Хаима Бланка (л. д. 79), Хаима Ганизы (л. д. 79 об.) и студента Патлы (л. д. 60), къ магазину прибылъ полковникъ Цихоцкій, который на привѣтствіе громилъ разсклянялся съ ними, но мѣръ къ прекращенію погрома не принялъ, несмотря на проходившіе патрули и проѣзжавшіе отряды казаковъ.

в) За нѣсколько минутъ до описаннаго происшествія грабили магазины на Бессарабкѣ. Тутъ же находился и полицеймейстеръ, который ограничился только тѣмъ, что, держа въ рукѣ револьверъ, кричалъ „расходитесь, господа“. На слова его

никто не обращалъ никакого вниманія, считая ихъ несерьезными и отвѣчая на нихъ шуткой: громилы ободряли другъ-друга словами: „не бойся, дуракъ, это онъ въ шутку“ и кричали Цихоцкому „ура“. (л. д. 79 об.).

г) Въ тотъ же день, 19 октября, около часа дня, въ Липкахъ, на Екатерининской улицѣ громили и грабили домъ Льва Бродскаго. Очевидцы этого разгрома, а именно инженеръ Ростиславъ Афанасьевъ (л. д. 53), студентъ Павловскій (л. д. 77 об), профессоръ Желѣзновъ (л. д 77), его жена и сестра (л. д. 77 об), Александра Щербина (л. д. 84) и мировой судья Савицкій (л. д. 95) удостовѣряютъ, что въ то время, какъ въ присутствіи стоявшихъ у губернаторскаго дома войскъ громили и грабили домъ Бродскаго, подъѣхалъ полицеймейстеръ Цихоцкій. При видѣ его часть зрителей бросилась бѣжать.

Вскорѣ однако было видно, какъ Цихоцкій съ толпою сталъ подвигаться въ сторону Александровской улицы, а въ это время за спиной Цихоцкаго изъ оконъ дома Бродскаго выпрыгивали громилы и, никѣмъ не задерживаемые, разбѣгались. Несмотря на присутствіе конныхъ и пѣшихъ войскъ, никто грабителей не арестовывалъ. Тутъ же, на глазахъ Цихоцкаго и присутствовавшихъ, связывали выброшенныя изъ дома вещи въ узлы и уносили ихъ, но Цихоцкій мѣръ къ задержанію похитителей не принималъ. Инженеръ Афанасьевъ (л. д. 53 об.) слышалъ при этомъ, какъ Цихоцкій обращался къ толпѣ съ какою-то рѣчью, въ отвѣтъ на которую раздались крики „ура“. По словамъ же мирового судьи Савицкаго, полковникъ Цихоцкій, подъѣхавъ къ дому Бродскаго, сталъ водворять порядокъ, говоря громиламъ: „ну, будетъ, довольно, иди съ миромъ“, и громилы послушно оставляли домъ, присоединяясь къ толпѣ манифестантовъ съ національными флагами (л. д. 95 об.). На свидѣтельницу Щербину все это произвело впечатлѣніе, какъ будто чины полиціи и войска присланы не для разсѣянія, а для охраны громилъ (л. д. 84).

д) Свидѣтель Иванъ Бакунъ (л. д. 94) въ дни погрома дважды видѣлъ полицеймейстера Цихоцкаго при проѣздѣ его по улицамъ во время совершавшагося погрома магазиновъ, при чемъ Цихоцкій къ разгрому относился совершенно безучастно и никакихъ мѣръ къ прекращенію грабежа не принималъ. Это обстоятельство удостовѣряетъ также Моисей Аптеръ (л. д. 90), Александръ Рабиновичъ (л. д. 83) и Авраамъ Кругликовъ (л. д. 78), по словамъ котораго громилы встрѣчали Цихоцкаго на Крещатикѣ криками „ура“, а онъ въ отвѣтъ раскланивался и продолжалъ

путь, не обращая вниманія на погромъ и не обращаясь къ содѣйствію, стоявшихъ по близости у Думы, войскъ.

е) По заявленію Софіи Шпонарской, когда она 19 октября, встрѣтивъ Цихоцкаго у окружнаго суда, сказала ему о расхищеніи имущества на Мало-Житомірской улицѣ, Цихоцкій прогналъ ее, крикнувъ„ пошла вонъ“ (л. д. 89).

ж) Товарищъ прокурора Племянниковъ (л. д. 81 и 92) былъ очевидцемъ разгрома и разграбленія магазиновъ у городской думы въ присутствіи цѣлаго отряда войскъ и начальника отдѣла охраны. Во время разгрома подъѣхалъ полковникъ Цихоцкій, который первоначально направилъ противъ громилъ нѣсколькихъ солдатъ; дѣйствовалъ онъ однако крайне нерѣшительно, и на громилъ его дѣйствія никакого впечатлѣнія не производили: они тутъ же изъ-за спины Цихоцкаго и изъ подъ штыковъ солдатъ вытаскивали изъ витринъ товары и расхищали ихъ, но Цихоцкій никакихъ мѣръ къ задержанію грабителей не принималъ, а затѣмъ, по приглашенію начальника отдѣла охраны города, совершенно ушелъ отъ разграбляемыхъ магазиновъ, послѣ чего громилы, на глазахъ Цихоцкаго, совершенно безпрепятственно, съ возраставшей энергіей стали продолжать разореніе магазина (л. д. 92). Свидѣтелемъ всего этого былъ также Александръ Рабиновичъ (л. д. 83 и 151).

з) Смотритель народнаго дома Андрей Шибинскій (л. д. 73), укрывшій въ этомъ домѣ ограбленныхъ евреевъ, когда начался погромъ сосѣднихъ магазиновъ, обратился по телефону къ полицеймейстеру съ просьбой объ охранѣ. Но полицеймейстеръ, узнавъ, что на посту находится городовой и патруль, прекратилъ дальнѣйшій разговоръ съ Шибинскимъ, хотя послѣдній и указывалъ, что патруль ничего не дѣлаетъ и покрываетъ грабителей.

і) Въ теченіе 19 и 20 октября было совершенно разграблено и разгромлено принадлежащее министерству народнаго просвѣщенія богатое еврейское училище имени Бродскаго. Еще наканунѣ, т. е. 18 октября, вечеромъ завѣдующій училищемъ Шиперовичъ, узнавъ, что трамвайные служители собираются громить училище, увѣдомилъ объ этомъ по телефону Цихоцкаго, прося защиты. Въ отвѣтъ Цихоцкій обѣщалъ прислать патруль и охрану. На слѣдующій день, когда уже начался погромъ, Шиперовичъ снова неоднократно просилъ о томъ же Цихоцкаго, который обѣщалъ прислать охрану, но обѣщанія своего не исполнилъ, и училище, никѣмъ не охраняемое, было разорено и разграблено. Шиперовичъ съ семьей нашелъ пріютъ у директора народныхъ училищъ Лубенца, кото-

рый, узнавъ о происшедшемъ, въ 5 часовъ 19 октября написалъ полковнику Цихоцкому оффиціальное срочное увѣдомленіе о разгромѣ училища, прося защиты и указывая, что училище—казенное. Увѣдомленіе это полицеймейстеромъ было получено, но никакихъ распоряженій по этому поводу сдѣлано не было, и когда Лубенецъ посѣтилъ утромъ 20 октября училище, то нашелъ еще въ немъ грабителей, похищавшихъ послѣднія цѣнныя вещи, оставшіяся еще въ училищѣ, какъ напр., дверныя ручки и т. п. (д. д. 64, 84 об. и 86).

и) Проявленіе полковникомъ Цихоцкимъ полнаго бездѣйствія во время погрома продолжалось также и 20 октября. Въ этотъ день на еврейскомъ базарѣ громили еврейскіе магазины; тутъ же были воинскіе отряды и пулеметъ, а затѣмъ пріѣхалъ и полицеймейстеръ, который однако, по удостовѣренію свидѣтелей Эйзенштейна (л. д. 54), Игдала (л. д. 68) и присяжнаго повѣреннаго Полховскаго (л. д. 56), не препятствовалъ погрому и не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ разсѣянію и задержанію громилъ. По словамъ Полховскаго, какой-то человѣкъ въ присутствіи Цихоцкаго даже успокаивалъ грабителей, говоря имъ, что „сегодня ни одинъ русскій не пострадаетъ“. Когда же свидѣтель Игдалъ, подбѣжавъ къ Цихоцкому, сталъ со слезами просить у него помощи, Цихоцкій отвѣтилъ, что черезъ полчаса все будетъ окончено. Въ это время громилы, услыхавъ жалобы и просьбы Игдала, бросились на него съ криками „мы тебѣ покажемъ, бей жида“. Игдалъ сталъ убѣгать, Цихоцкій же продолжалъ стоять спокойно, не обращая вниманія на преслѣдованіе свидѣтеля громилами (л. д. 68).

к) Въ тотъ же день свидѣтель Вольфъ Берляндъ видѣлъ, какъ двѣ какихъ-то женщины у магазина Эпельбаума вырывали изъ рукъ другъ у друга кусокъ выброшеннаго громилами изъ магазина полотна. Проѣхалъ полицеймейстеръ Цихоцкій и не обратилъ на это никакого вниманія; слѣдовавшій же за нимъ какой-то полицейскій чиновникъ остановился, вынулъ шашку и разрѣзалъ полотно пополамъ, чѣмъ удовлетворилъ обѣихъ женщинъ (л. д. 69).

л) Наконецъ, на Бибиковскомъ бульварѣ студенты Владиславъ и Евстафій Коцѣловскіе были свидѣтелями того, какъ 20 октября двое громилъ, проѣзжая на извозчикѣ и увидѣвъ приближавшагося въ экипажѣ полковника Цихоцкаго, стали махать веревочкой съ нанизанными на ней золотыми кольцами. Цихоцкій же въ отвѣтъ улыбнулся и отдалъ громиламъ честь, приложивъ руку къ козырьку (л. д. 93).

На полное бездѣйствіе, проявленное Цихоцкимъ во время анти-

еврейскихъ безпорядковъ, своевременно было обращено вниманіе и его начальствомъ. Еще 19 октября и. д. губернатора, вице-губернаторъ Рафальскій, объѣхавъ городъ и убѣдившись въ полномъ бездѣйствіи полицейскихъ чиновъ, немедленно же послалъ Цихоцкому за № 1501 предписаніе, требуя, чтобы онъ пробудилъ энергію въ подвѣдомственныхъ ему полицейскихъ чинахъ и принялъ всѣ мѣры къ охранѣ личности и имущества частныхъ лицъ, причемъ исполненіе этого предписанія возложилъ всецѣло на отвѣтственность полицеймейстера (л. д. 99 и 101). Въ тотъ же день и управляющій канцеляріей генералъ-губернатора Молчановскій, вслѣдствіе полученной отъ гр. Витте телеграммы о прекращеніи погрома, предупредилъ полковника Цихоцкаго въ энергичной формѣ, что, если дѣло будетъ идти такъ и дальше, то не миновать Цихоцкому каторги (л. д. 105). И. д. генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Карассъ, на второй день послѣ вступленія въ отправленіе своей должности, указалъ полковнику Цихоцкому, который лишь по особому вызову счелъ нужнымъ впервые представиться и. д. генералъ-губернатора, на бездѣятельность городской полиціи при погромѣ. 20-го же октября генералъ Карассъ, вызвавъ Цихоцкаго въ штабъ военнаго округа, послѣ рѣзкой, внушительной рѣчи заявилъ Цихоцкому въ присутствіи и. д. губернатора Рафальскаго, управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора д. с. с. Молчановскаго и начальника штаба генерала Маврина, что, если погромъ не прекратится, то онъ немедленно устранитъ Цихоцкаго отъ должности и вышлетъ его изъ города въ 24 часа. (л. д. 96, 98, 105, 106 и 107).—Лишь послѣ столь внушительныхъ угрозъ стали приниматься мѣры противъ погрома, который и прекратился къ 21 октября.—Находясь послѣ этого въ штабѣ военнаго округа 21 октября, полковникъ Цихоцкій, въ присутствіи генераловъ и д. с. с. Молчановскаго, развивалъ мысль, что еврейскій погромъ имѣлъ и хорошую сторону, такъ какъ заставилъ революціонеровъ притаиться (л. д. 105 об.).

Въ затребованныхъ отъ полковника Цихоцкаго, согласно 1086 ст. уст. уг. суд., объясненіяхъ по поводу собранныхъ противъ него данныхъ—Цихоцкій, отрицая справедливость заявленій всѣхъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома, утверждаетъ, что всѣ обвиненія, взводимыя на него, не вѣрны, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ, когда онъ лично былъ свидѣтелемъ насилій надъ личностью и расхищенія имущества, онъ немедленно же принималъ мѣры къ прекращенію погрома, лично разгонялъ и задерживалъ громилъ.—18 октября ему никто не докладывалъ о возникшемъ въ городѣ

погромѣ, и онъ узналъ о немъ лишь въ 12 часовъ ночи въ думѣ, куда зашелъ послѣ совѣщанія въ штабѣ военнаго округа и гдѣ засталъ и пристава Цвѣтковича. На совѣщаніи же въ штабѣ о погромѣ не было и рѣчи (л. д. 115 об. и 117). Вернувшись домой, онъ въ 2 часа ночи звонилъ во всѣ полицейскіе участки и приказывалъ принять мѣры къ предупрежденію погрома на слѣдующій день (л. д. 115 об.). Однако это послѣднее объясненіе полковника Цихоцкаго находится въ полномъ противорѣчіи, какъ съ изложенными выше заявленіями д. с. с. Рафальскаго, пристава Цвѣтковича и околоточнаго надзирателя Мельниченко, такъ и съ первоначальными его объясненіями, представленными имъ 16 ноября. Въ этихъ объясненіяхъ онъ прямо указывалъ, что 18 октября лично съ чинами полиціи „энергично препятствовалъ разгрому, защищая жизнь евреевъ“ и, слѣдовательно, о погромѣ зналъ во время самаго его возникновенія, а ночь 18-го октября былъ на совѣщаніи у начальника военной охраны города (л. д. 36 об.). Неблагопріятные отзывы о немъ д. с. с. Молчановскаго и Рафальскаго полковникъ Цихоцкій объясняетъ непріязненнымъ отношеніемъ къ нему перваго и желаніемъ послѣдняго свалить всю вину за погромъ на другое лицо. Между прочимъ, по поводу предписанія д. с. с. Рафальскаго отъ 19 октября за № 1501 объ усиленіи дѣятельности чиновъ полиціи, Цихоцкій заявляетъ, что, насколько помнитъ, онъ такого предписанія не получалъ, но, быть можетъ, и ошибается.

Во всякомъ случаѣ, 19 октября онъ послалъ приставамъ рядъ телеграммъ, требуя подавленія безпорядковъ (л. д 119 об. и 120—122).—Генералу Карассу онъ докладывалъ о бездѣйствіи войскъ, и за это всѣ власти стали къ нему во враждебныя отношенія (л. д. 117 и об.). Между тѣмъ, какъ удостовѣряетъ генералъ Карассъ (л. д. 96), полковникъ Цихоцкій о бездѣйствіи войскъ ему не докладывалъ.—Предписанія генерала Карасса о передачѣ лично распоряженій генералу Драке онъ не исполнилъ потому, что самъ генералъ Драке, вызвавъ его къ телефону для переговоровъ о безпорядкахъ и узнавъ, что Цихоцкій собирается прибыть къ нему, просилъ не безпокоиться, такъ какъ надобности въ этомъ нѣтъ (л. д. 119).—Въ заключеніе полковникъ Цихоцкій добавилъ, что угроза генерала Карасса выслать его изъ Кіева глубоко его оскорбила, такъ какъ онъ этого не заслужилъ. Все, что отъ него зависѣло, онъ дѣлалъ и не виноватъ въ томъ, что войска 19 октября относились безучастно къ погрому и допускали его, а 20-го дѣйствовали слабо. Теперь же послѣ погрома военныя власти и вице-губернаторъ Рафальскій всю отвѣтственность за послѣдствія

погрома слагаютъ на него. Между тѣмъ, предупредить или прекратить погромъ было совершенно невозможно, такъ какъ онъ разразился неожиданно, какъ стихійная сила (л. д. 118).

Обращаясь къ оцѣнкѣ, собранныхъ разслѣдованіемъ противъ Кіевскаго полицеймейстера полковника Вячеслава Цихоцкаго, данныхъ, заключающихъ въ себѣ прямыя указанія на противозаконное бездѣйствіе власти, допущенное имъ во время еврейскаго погрома 18—21 октября с. г. въ г. Кіевѣ, надлежитъ признать, что данныя эти не опровергнуты полковникомъ Цихоцкимъ, такъ какъ въ объясненіяхъ своихъ онъ лишь отрицаетъ достовѣрность событій, устанавливаемыхъ заявленіями потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома и должностныхъ лицъ.

Въ виду этого, и принимая во вниманіе:

1) что на полковника Цихоцкаго падаетъ обвиненіе въ допущенномъ во время антиеврейскихъ безпорядковъ въ Кіевѣ 18—21 октября 1905 г. противозаконномъ бездѣйствіи власти, выразившемся: а) въ томъ, что, будучи обязанъ, какъ начальникъ мѣстной полиціи, руководить дѣйствіями подвѣдомственныхъ ему чиновъ по предупрежденію и прекращенію безпорядковъ и имѣя 18 октября своевременно свѣдѣнія о возникшемъ въ одномъ изъ Кіевскихъ полицейскихъ участковъ еврейскомъ погромѣ, онъ не увѣдомилъ о немъ полицейскихъ приставовъ и не указалъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію возобновленія погрома на слѣдующій день, а затѣмъ, по возобновленіи погрома 19 октября, не руководилъ дѣйствіями полиціи по прекращенію разгрома квартиръ и магазиновъ и расхищенія имущества и не обращался къ надлежащему содѣйствію войскъ, согласно 16 ст. правилъ о призывѣ войскъ для содѣйст. гр. вл. (Прил. къ 316 ст. прим. общ. губ. учр., т. II), и б) въ томъ, что, будучи самъ, при объѣздѣ города, неоднократно очевидцемъ совершавшихся на его глазахъ проявленій насилія надъ личностью и расхищенія имущества, онъ, относясь къ этому совершенно бездѣятельно, не принималъ никакихъ мѣръ къ подавленію безпорядковъ и къ защитѣ неприкосновенности личности и имущества жителей города;

и 2) что проявленное полковникомъ Цихоцкимъ бездѣйствіе власти сопровождалось особенно важными послѣдствіями, такъ какъ повлекло за собою разгромъ и разграбленіе около полуторы тысячъ еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній, съ причиненіемъ убытковъ на сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей,— командированный по высочайшему повелѣнію сенаторъ Турау, руководствуясь высочайшимъ повелѣніемъ 16 ноября с. г., ст. 23

приложенія къ ст. 256 т. I учр. прав. сената, изд. 1857 г., 2 п высочайшаго повелѣнія 22 сентября 1880 года (собр. узак. № 97. ст. 738), статьями 1087, 3 п. 1089. 1100 и 1101 уст. уг. суд., постановилъ: 1) назначить предварительное слѣдствіе черезъ судебнаго слѣдователя по обвиненію Кіевскаго полицеймейстера полковника Вячеслава Иванова Цихоцкаго въ преступномъ дѣяніи, предусмотренномъ 2 ч. 341 ст. ул. о нак., и 2) удалить полковника Цихоцкаго отъ занимаемой имъ должности Кіевскаго полицеймейстера, сообщивъ объ этомъ, для надлежащаго исполненія, Кіевскому губернатору.

Подлинное подписалъ сенаторъ *Е. Турау.*

Приложеніе № 4.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

1905 года, декабря 19 дня, въ г. Кіевѣ. Командированный по высочайшему повелѣнію для выясненія причинъ возникновенія происходившихъ въ октябрѣ того же года въ г. Кіевѣ безпорядковъ, а равно провѣрки правильности дѣйствій мѣстныхъ властей, сенаторъ Турау, разсмотрѣвъ объясненія потерпѣвшихъ и очевидцевъ, опрошенныхъ при разслѣдованіи причинъ еврейскаго погрома, происходившаго 18—21 октября с. г. въ г. Кіевѣ, нашелъ:

Вечеромъ 18 октября с. г. въ Кіевѣ, въ предѣлахъ Подольскаго полицейскаго участка, приставомъ котораго въ то время состоялъ надворный совѣтникъ Лященко, а помощникомъ пристава коллежскій секретарь Пирожковъ, начались нападенія на проходившихъ и проѣзжавшихъ евреевъ, подвергавшихся при этомъ ограбленію Въ то же время группы громилъ стали разбивать еврейскіе магазины и выбрасывать оттуда товары, которые частью тутъ же уничтожались, частью расхищались. Пріостановившійся было ночью погромъ съ еще большей силой возобновился утромъ 19 октября и, продолжаясь этотъ и слѣдующій день, окончился лишь вечеромъ 20 октября (л. д. I, 10, 33, 19, 4). За всѣ дни погрома было разгромлено и разграблено нѣсколько сотъ еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній, владѣльцы которыхъ понесли убытки на сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей (л. д.

21 об.). Въ то время, когда по всему Подолу уже происходилъ погромъ и открытый грабежъ еврейскихъ магазиновъ, чины полиціи, по удостовѣренію, какъ частныхъ, такъ и должностныхъ лицъ (л. д. 35, 4, 27), бездѣйствовали. Приставъ же полицейскаго участка Лященко и помощникъ его Пирожковъ, не руководя дѣйствіями подчиненныхъ имъ низшихъ чиновъ полиціи по предупрежденію и прекращенію безпорядковъ, и сами относились бездѣятельно къ проявленіямъ насилія надъ личностью и къ расхищенію имущества въ тѣхъ случаяхъ, когда при обходѣ своего участка имъ приходилось быть свидѣтелями безчинствъ и разнузданности толпы громилъ.

Отсутствіе общаго руководства дѣйствіями низшихъ полицейскихъ чиновъ по прекращенію безпорядковъ и случаи прямого и непосредственнаго бездѣйствія власти, проявленнаго приставомъ Лященко и помощникомъ его Пирожковымъ, особенно ярко описаны въ нижеслѣдующихъ заявленіяхъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома.

а) Около 6 часовъ вечера 18 октября с. г. купецъ 1-ой гильдіи Быкъ (л. д. 33, 10), находясь на Александровской улицѣ противъ дома Проценки, увидѣлъ пристава Лященко и помощника его Пирожкова, которые, проходя по улицѣ съ околоточнымъ и двумя городовыми, говорили громиламъ: „бейте жидовъ до одного и грабьте ихъ“. Тотчасъ же послѣ прохода этихъ чиновъ полиціи начался разгромъ и разграбленіе еврейскихъ магазиновъ. Впослѣдствіи при обыскахъ свидѣтель слыхалъ, какъ обыскиваемые, брапя полицейскихъ чиновъ, говорили „сами приказали грабить, а теперь обыскиваютъ“ (л. д. 33 об.).

б) Въ тотъ же вечеръ купецъ Лифшицъ (л. д. 19) и обойщикъ Давидъ Факторовичъ (л. д 21) были очевидцами нападенія на Александровской улицѣ на евреевъ и ограбленія ихъ, а также разгрома еврейскихъ магазиновъ. Тутъ же на улицѣ стояли приставъ Лященко и помощникъ его Пирожковъ, которые, наблюдая спокойно картину разгрома и открытаго грабежа, не дѣлали рѣшительно никакихъ попытокъ къ прекращенію погрома и задержанію громилъ. Свидѣтелемъ такого же безучастнаго отношенія названныхъ чиновъ полиціи къ проявленіямъ насилія и къ расхищенію имущества былъ также Самуилъ Апштейнъ, по удостовѣренію котораго ни Лященко, ни Пирожковъ не позаботились обратиться къ стоявшимъ тутъ же патрулямъ для прекращенія безчинства грабителей и задержанія послѣднихъ.

в) Прапорщикъ Миргородскаго полка Ждановъ (л. д. 1—3), про

ѣзжая вечеромъ 18 октября по Александровской улицѣ, видѣлъ, какъ группа громилъ, состоявшая изъ 4 или 5 человѣкъ, стала разбивать зеркальныя стекла въ магазинѣ Дудкина. Вблизи Ждановъ замѣтилъ пристава Лященко, мирно бесѣдовавшаго съ околоточными надзирателями и не обращавшаго вниманія на то, что происходило на улицѣ, хотя не замѣтить этого нельзя было ни въ какомъ случаѣ. Поровнявшись съ Лященко, прапорщикъ Ждановъ сказалъ ему о начавшемся погромѣ. На это Лященко что-то отвѣтилъ и затѣмъ, продолжая бесѣдовать, сталъ подвигаться по направленію къ Александровскому спуску. На слѣдующій день, т. е. 19 октября, въ 12 часовъ дня прапорщикъ Ждановъ видѣлъ на улицѣ помощника пристава Пирожкова, который прохаживался мимо магазиновъ совершенно спокойно въ то время, когда тутъ же, на глазахъ у него, происходилъ открытый грабежъ. Между тѣмъ по собственному опыту прапорщикъ Ждановъ знаетъ, что предупредить погромъ было не трудно: онъ лично внушительнымъ окрикомъ прогналъ громилъ отъ того дома, гдѣ живетъ, а, затѣмъ ночью съ деньщикомъ и однимъ городовымъ все время защищалъ магазины отъ разгрома (л. д. 1—3).

г) 19 октября Невахъ Факторовичъ (л. д. 22) былъ очевидцемъ того, какъ толпа громила и грабила одинъ изъ магазиновъ на Александровской улицѣ. Неожиданно изъ противоположнаго дома раздался выстрѣлъ, и толпа разбѣжалась. Въ это время подошелъ приставъ Лященко, который обратился къ громиламъ со словами: „не бойтесь, ребята, это стрѣлялъ жидъ“. Послѣ этихъ словъ пристава Лященко, громилы бросились къ магазину Бронштейна и разграбили его. Стоявшій тутъ же помощникъ пристава Пирожковъ не препятствовалъ разгрому (л. д. 22).—Свидѣтелемъ такого же бездѣйствія, проявленнаго помощникомъ пристава Пирожковымъ 19 октября, былъ также купецъ Мойша Кацъ, по словамъ котораго Пирожковъ, прохаживаясь по Александровской улицѣ, не обращалъ никакого вниманія на происходившій на его глазахъ разгромъ и разграбленіе магазиновъ и не принималъ никакихъ мѣръ къ защитѣ ихъ, хотя по улицѣ проѣзжали мимо казаки, а на Александровской площади около электрической станціи стоялъ патруль числомъ болѣе 40 человѣкъ (л. д. 17).

д) Въ тотъ же день на Александровской улицѣ былъ разграбленъ богатый мануфактурный магазинъ Пеховича. Очевидецъ этого разгрома столяръ Хаимъ Ароновъ (л. д. 15 об.) удостовѣряетъ, что еще до разграбленія этого магазина приставъ Лященко, увидѣвъ приближавшуюся по Александровской улицѣ патріоти-

ческую процессію, сталъ поджидать ее. Когда толпа манифестантовъ подошла къ магазину Пеховича, Лященко махнулъ толпѣ рукой, послѣ чего несшіе портреты государя и государыни пріостановились, а толпа бросилась на магазинъ Пеховича и стала громить и грабить его. Лященко отошелъ въ сторону. Тутъ же на площади находились и другіе полицейскіе чины, въ томъ числѣ и помощникъ пристава Пирожковъ, но ни онъ, ни Лященко разгрому не препятствовали и мѣръ къ задержанію громилъ не принимали, хотя на улицѣ стояли патрули и проходили мимо части войскъ. Потомъ Ароновъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ присутствіи пристава Лященко были разгромлены и другіе магазины (л. д. 15 об.). Очевидцемъ бездѣйствія пристава Лященко при разгромѣ магазина Пеховича былъ также Александръ Курындинъ (л. д. 6 об.), который цѣлый часъ отстаивалъ этотъ магазинъ отъ громилъ, а затѣмъ вынужденъ былъ обратиться за помощью къ бывшему тамъ же Лященко, прося его поставить кого-либо у магазина. На просьбу—Лященко рѣзко отвѣтилъ: „можете стать сами“, и обѣщалъ поставить охрану, если пришлютъ войска. Охрана однако поставлена не была, хотя войска были и раньше и послѣ разговора съ приставомъ. Разгромъ магазина Пеховича продолжался до вечера, причемъ бывшій въ толпѣ Лященко не сдѣлалъ никакой попытки воспрепятствовать погрому (л. д. 6 об.). Во время разграбленія этого магазина, по удостовѣренію домовладѣльца Ивана Прядченко (л. д. 14 об.), тутъ же стоялъ и помощникъ пристава Пирожковъ, который, не обращая вниманія на погромъ, курилъ папиросу и спокойно разговаривалъ со знакомымъ. Получалось впечатлѣніе, какъ будто Пирожковъ разгромъ магазина считалъ самымъ обычнымъ явленіемъ (л. д. 14 об.).

е) Приказчикъ Илья Прасковскій удостовѣряетъ, что 19 октября толпа, разбивъ на Александровской площади одинъ еврейскій магазинъ, остановилась въ недоумѣніи передъ магазиномъ съ надписью „Кустарь“, не зная, русскій ли это или еврейскій. Кто-то убѣдилъ громилъ, что это русскій магазинъ, и толпа пошла дальше. Тогда помощникъ пристава Пирожковъ, обращаясь къ громиламъ, сказалъ: „бейте, это—жидовскій“. Толпа вернулась и разгромила магазинъ (л, д. 15). О такомъ же случаѣ Ушеру Зинкову (л. д. 25) разсказывалъ знакомый его купецъ Черный.

ж) По словамъ Демьяна Пинчука (л. д. 7), въ 2 часа дня, 19 октября, толпа напала на Подолѣ на магазинъ Шварцмана, но стоявшіе у магазина солдаты подъ командой фельдфебеля и казаки прогоняли громилъ. Тутъ же находился приставъ Лященко

и помощникъ его Пирожковъ. Кто-то изъ толпы сталъ упрекать фельдфебеля, что онъ не допускаетъ къ магазину, несмотря на то, что самъ приставъ разрѣшилъ разбивать магазины. Тогда фельдфебель подошелъ къ приставу Лященко, поговорилъ съ нимъ о чемъ-то, и вернувшись къ солдатамъ, отвелъ ихъ въ сторону. Казаки также отъѣхали. Толпа тотчасъ же бросилась къ магазину, выломала окна и двери и стала выбрасывать на улицу товары, которые тутъ же и расхищались. Разгромъ продолжался полчаса. Лященко въ это время прохаживался по площади, а затѣмъ сталъ свистать и кричать солдатамъ: „оттѣснить, оттѣснить?.. Солдаты и казаки прогнали громилъ, разгромъ магазина былъ пріостановленъ и болѣе не возобновлялся (л. д. 7). Изложенныя обстоятельства удостовѣрили также Илья Прасковскій (л. д. 15), Хаимъ Ароновъ (л. д. 15.) и Захаръ Бидерманъ (л. д. 24), изъ которыхъ послѣдній даже слыхалъ, какъ приставъ Лященко приказалъ стоявшему у магазина Шварцмана патрулю уйти и позволить пограбить магазинъ (л. д. 24).

з) Фейга Крупникъ видѣла, какъ приставъ Лященко и другіе чины полиціи заходили 19 октября въ кофейную Гольдера, который содѣйствовалъ погрому и скупилъ за безцѣнокъ награбленныя вещи. Въ эту же кофейную одинъ изъ околоточныхъ надзирателей уносилъ вещи, которыя отбиралъ у грабителей (л. д. 11—12).

і) Во время разоренія магазина Суры Шутинъ 19 октября, она обратилась за помощью къ приставу Лященко. Въ отвѣтъ на это Лященко сказалъ: „что же дѣлать, гдѣ вы взяли товаръ? въ Кіевѣ нажили, въ Кіевѣ и опять наживете“ (л. д. 13).

и) По удостовѣренію доктора Семена Вайсбанда (л. д. 35), приставъ Лященко все время руководилъ избіеніемъ и ограбленіемъ евреевъ. Во время же открытаго грабежа и насилія, онъ спокойно прохаживался по Александровской улицѣ, не обращая вниманія на погромъ. Впослѣдствіи, въ присутствіи Вайсбанда, Лященко высказывалъ опасеніе, что все это станетъ всѣмъ извѣстнымъ, такъ какъ будетъ напечатано въ газетахъ. „Лучше было бы,—замѣтилъ при этомъ Лященко, —вырѣзать всѣхъ евреевъ, и тогда бы никто не зналъ, что и какъ произошло“ (л. д. 35).

к) По заявленію купца Липы Ловцкаго, погромъ на Подолѣ прекратился около четырехъ часовъ, 20 октября, послѣ того, какъ приставъ Лященко прошелъ по улицамъ со взводомъ солдатъ и сказалъ: „довольно, довольно“. Всѣ тогда разошлись, и погромъ окончился (л. д. 5).

л) 23 октября, купцы: Лейба Ратскій (л. д. 14), Ушеръ Кацъ

(л. д. 17), Аронъ Лифшицъ (л. д. 19) и другіе (л. д. 34), получивъ отъ полицеймейстера разрѣшеніе собрать изъ Подольскаго полицейскаго участка отобранные у громилъ и сложенные тамъ товары для перевозки ихъ въ контрактовый домъ,—прибыли въ Подольскій участокъ. Дежурный Околоточный надзиратель выдалъ имъ товары, которые они стали нагружать на подводы. Въ это время пришелъ Лященко и, не обративъ вниманія на разрѣшеніе полицеймейстера, сталъ выгонять свидѣтелей изъ участка, причемъ кричалъ: „не смѣйте распоряжаться, лучше берегите свои головы. Вонъ всѣ отсюда. Вещи эти не ваши; это нажитое, вы еще разъ наживете". Послѣ этого онъ приказалъ городовому выгнать купцовъ изъ участка. Одного же изъ нихъ, Дудкина, разговаривавшаго съ Лященко нѣсколько рѣзко, послѣдній приказалъ арестовать и освободилъ лишь послѣ того, какъ купцы пожаловались полицеймейстеру.

м) Эмиль Кесслеръ былъ свидѣтелемъ того, какъ громилы, 23 октября при обыскахъ угрожали помощнику пристава Пирожкову, говоря, что они грабили съ его же разрѣшенія а теперь у нихъ почему то дѣлаютъ обыски (л. д. 16). Купцу же Лейбѣ Ратскому городовой Рыцай разсказывалъ, что онъ пытался разгонять громилъ, но помощникъ пристава Пирожковъ сказалъ Рыцаю: „тебѣ кто приказалъ разгонять?" (л. д. 14 об.).

Въ затребованныхъ отъ пристава Лященко и помощника его Пирожкова, согласно 1086 ст. уст. уг. суд., объясненіяхъ по поводу собранныхъ противъ нихъ данныхъ, оба они отрицаютъ справедливость заявленій потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома, утверждая, что обвиненія, взводимыя на нихъ, не вѣрны. Свидѣтели—евреи не заслуживаютъ вообще довѣрія, русскіе же свидѣтели, по словамъ Пирожкова, сдѣлали заявленія по просьбѣ евреевъ и, навѣрно, имѣютъ съ ними особыя дѣла. Къ погрому они никогда не подстрекали. Магазины были разграблены или до ихъ прихода, или позже. Если же и были случаи разгрома въ ихъ присутствіи, то противодѣйствовать этому они не могли, такъ какъ воинскій нарядъ въ Подольскомъ участкѣ былъ незначителенъ и недостаточенъ для прекращенія погрома. По заявленію пристава Лященко, евреи послѣ погрома самовольно дѣлали обыски, чѣмъ вызывали озлобленіе, которое чуть было не привело къ новому погрому. Когда евреи затѣмъ явились къ нему въ участокъ за вещами, онъ, дѣйствительно, говорилъ имъ, что имущество дѣло наживное; Богъ дастъ, они и опять наживутъ; а если начнется новый погромъ то онъ можетъ стоить имъ жизни. Такъ какъ однако евреи про-

должали ломиться въ его кабинетъ, ему же нужно было писать срочное донесеніе, то онъ попросилъ ихъ выйти изъ кабинета; Дудкина же за оскорбленіе его, Лященки, арестовалъ, намѣреваясь составить объ этомъ протоколъ; но, по приказанію полицеймейстера, долженъ былъ выпустить его. Вообще объясненія свидѣтелей частью лживы, частью являются выраженіемъ субъективнаго ихъ взгляда на дѣйствія должностныхъ лицъ; притомъ большинство изъ нихъ потерпѣвшіе. Въ заключеніе своихъ объясненій Пирожковъ добавилъ, что евреи сдѣлали на него заявленіе изъ мести, чтобы очернить его доброе имя; такъ какъ, будучи „русскимъ человѣкомъ и патріотомъ своего отечества“, онъ ни въ какія сдѣлки съ евреями не входилъ и незаконныхъ ихъ дѣйствій не покрывалъ, а всегда преслѣдовалъ (л. д. 37—66).

Обращаясь къ оцѣнкѣ собранныхъ разслѣдованіемъ противъ пристава Лященко и помощника пристава Пирожкова данныхъ, заключающихъ въ себѣ прямыя указанія на противозаконное бездѣйствіе власти, допущенное ими 18—21 октября с. г. во время еврейскаго погрома на Подолѣ въ Кіевѣ,—надлежитъ признать, что данныя эти не опровергнуты приставомъ Лященко и помощникомъ пристава Пирожковымъ, такъ какъ въ объясненіяхъ своихъ они лишь отрицаютъ достовѣрность событій, устанавливаемыхъ заявленіями потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома

Въ виду этого и принимая во вниманіе:

1) Что на пристава Лященко и помощника пристава Пирожкова падаетъ обвиненіе въ допущенномъ ими, 18—21 октября с. г., во время антиеврейскихъ безпорядковъ на Подолѣ, въ Кіевѣ, противозаконномъ бездѣйствіи власти, выразившемся: а) въ томъ, что они не руководили дѣйствіями подчиненныхъ имъ низшихъ чиновъ полиціи по предупрежденію и прекращенію разгрома квартиръ, магазиновъ и расхищенія имущества,—и б) въ томъ, что, будучи сами неоднократно очевидцами совершавшихся на ихъ глазахъ проявленій насилія надъ личностью и расхищенія имущества, они, относясь къ этому совершенно бездѣятельно, не принимали никакихъ мѣръ къ подавленію безпорядковъ и къ защитѣ неприкосновенности личности и имущества жителей;

и, 2) что проявленное приставомъ Лященко и помощникомъ пристава Пирожковымъ бездѣйствіе власти сопровождалось особенно важными послѣдствіями, такъ какъ повлекло за собою разгромъ и разграбленіе нѣсколькихъ сотъ еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній, съ причиненіемъ убытковъ на сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей. Командированный по высочайшему

повелѣнію сенаторъ Турау, руководствуясь высочайшимъ повелѣніемъ 16 ноября с. г., ст. 23 приложенія къ ст. 256 т. I учр. прав. сената, изд. 1857 г., 2 п. высочайшаго повелѣнія 22 сентября 1880 г. (собр. узак. № 97, ст. 738), статьями 1087, 3 п. 1089, 1100 и 1101 уст. уг. суд., постановилъ: 1) назначить предварительное слѣдствіе черезъ судебнаго слѣдователя по обвиненію состоящихъ въ штатѣ кіевской городской полиціи пристава надворнаго совѣтника Лященко и помощника пристава, коллежскаго секретаря Пирожкова въ преступномъ дѣяніи, пред. 2 ч., 341 ст. ул. о нак., и 2) удалить Лященко и Пирожкова отъ занимаемыхъ ими должностей, сообщивъ объ этомъ, для надлежащаго исполненія, кіевскому губернатору.

Подлинное подписалъ: сенаторъ *Е. Турау*.

Всеподданнѣйшая записка, содержащая главнѣйшіе выводы отчета о произведенномъ въ 1905 году, по высочайшему повелѣнію, гофмейстеромъ двора его императорскаго величества сенаторомъ Турау изслѣдованіи причинъ возникновенія безпорядковъ, происходившихъ въ г. Кіевѣ въ октябрѣ 1905 г., также о результатахъ провѣрки правильности дѣйствій мѣстныхъ властей.

Въ ночь на 18 октября были получены телеграммы о высочайшемъ манифестѣ 17 октября, объ увольненіи отъ должности генералъ-губернатора Клейгельса. Временно исправляющимъ его должность, до возвращенія изъ отпуска генералъ-лейтенанта Сухомлинова, былъ назначенъ генералъ Карассъ.

Высочайшій манифестъ былъ встрѣченъ общимъ ликованіемъ. Всѣ благомыслящіе были увѣрены, что тяжелые дни смуты прекратились, и наступило, наконецъ, время мирнаго и свободнаго развитія общественной жизни и пользованія благами только что дарованной гражданской свободы. На улицахъ появились группы лицъ съ красными ленточками въ петлицахъ, красными повязками и флагами. Большинство приняло красный цвѣтъ за выраженіе радости, но вскорѣ было выведено изъ заблужденія. Толпа съ красными флагами ворвалась въ университетъ, уничтожила тамъ императорскіе портреты и водрузила на зданіе красное знамя. Многотысячное сборище, состоявшее изъ мастеровыхъ, рабочихъ, воспитанниковъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно евреевъ, собралось около городской думы. Туда же подъѣхалъ, окруженный толпой съ красными флагами, Шлихтеръ, а также торжественно былъ внесенъ на рукахъ, извѣстный ораторъ на митингахъ Ратнеръ, только что освобожденный изъ-подъ стражи по распоряженію, отданному наканунѣ генералъ-губерна-

торомъ Клейгельсомъ. Оба они обращались съ балкона думы съ зажигательными, страстными рѣчами къ толпѣ, среди которой раздавались крики „долой самодержавіе“ и требованія немедленно отправиться къ мѣстамъ заключенія, для освобожденія арестованныхъ по государственнымъ преступленіямъ. Высочайшіе портреты въ думѣ были разорваны и сломаны императорскіе инициалы и короны, устроенные на балконѣ для иллюминаціи. Все это происходило въ присутствіи войскъ и громадной толпы, спокойно взиравшихъ въ продолженіе двухъ часовъ на неистовство революціонеровъ, противъ которыхъ не принималось никакихъ мѣръ. Между тѣмъ стали уже раздаваться возгласы негодованія и кое-гдѣ начали поговаривать, что „нужно проучить жидовъ“. Наконецъ, къ думѣ подъѣхалъ отрядъ драгунъ. Въ нихъ изъ толпы произведено было нѣсколько выстрѣловъ, направленныхъ затѣмъ и въ стоявшую тутъ же пѣхоту. Послѣдняя отвѣтила залпами; драгунамъ приказано было разогнать толпу, занимавшую площадь. Оказалось 7 убитыхъ и около 130 раненыхъ.

Уничтоженіе императорскихъ портретовъ, короны, инициаловъ и также національныхъ флаговъ и замѣна ихъ красными, вызвало общее негодованіе, особенно простого народа. Виновниковъ всего происшедшаго, всего глумленія и надругательства надъ всѣмъ, что ему свято и дорого, онъ видѣлъ въ однихъ только евреяхъ. Онъ не могъ понять, послѣ дарованныхъ милостей, само революціонное движеніе и объяснялъ его стремленіемъ евреевъ добиться „своей жидовской свободы“. Накипѣвшее чувство злобы вылилось у него въ еврейскомъ погромѣ, въ давно извѣстномъ и періодически повторявшемся въ теченіе многихъ вѣковъ въ Малороссіи пріемѣ „проучить жидовъ“. Погромъ начался вечеромъ 18 октября на Подолѣ, но къ ночи затихъ самъ собой. Утромъ, на слѣдующій день народъ въ торжественной процессіи съ музыкой, національными флагами и портретами государя императора во главѣ, отнесъ остатки порванныхъ высочайшихъ портретовъ и поломанныхъ императорскихъ короны и инициаловъ въ Софійскій соборъ; отслуживъ при этомъ молебенъ въ университетѣ и поставивъ въ актовомъ залѣ портретъ его величества. Отъ этого шествія дорогой отдѣлялась часть толпы, набрасывалась на еврейскіе магазины и лавки, выкидывала оттуда товары и тутъ же ихъ уничтожала. Попадавшихся же навстрѣчу евреевъ подвергала жестокому избіенію. Вскорѣ появились и подонки городского населенія и, прикрываясь патріотическими манифестаціями, стали грабить и расхищать еврейское имущество. Погромъ распространился на весь

городъ, и только 21 октября удалось его прекратить окончательно. Раздраженіе толпы усиливалось выстрѣлами „еврейской самообороны“, направленными сперва въ войско и патріотическія манифестаціи, а затѣмъ и въ громилъ. На эти выстрѣлы войска отвѣчали залпами и тѣ дома, откуда стрѣляли, обыкновенно предавались разграбленію. Вскорѣ грабители стали сами стрѣлять изъ домовъ, чтобы вызвать отвѣтные залпы войскъ и затѣмъ врывались въ еврейскія квартиры для грабежа.

Въ эти дни были разгромлены почти всѣ магазины на Подолѣ и Крещатикѣ, а также многіе дома-особняки богатыхъ евреевъ, жившихъ въ лучшей части города, въ Липкахъ. Всего было разгромлено около полуторы тысячи магазиновъ и квартиръ, владѣльцы которыхъ понесли убытку на нѣсколько милліоновъ рублей. Во время погрома убито было 47 ч., въ томъ числѣ 25% евреевъ, и ранено 205 ч., изъ нихъ евреевъ 33%. Такой общій погромъ еврейскаго имущества, продолжавшійся съ 18 по 21 октября, при значительномъ гарнизонѣ, очевидно, могъ произойти только благодаря нераспорядительности и растерянности военнаго начальства и бездѣйствію полиціи.

При первомъ же общемъ ознакомленіи съ дѣйствіями войскъ, генералъ Карассъ пришелъ къ заключенію, что военная охрана города организована несоотвѣтственно. Войска разбросаны были небольшими отрядами по всему городу, во многихъ мѣстахъ стояли безъ дѣла и не всегда были освѣдомлены о своихъ обязанностяхъ. Начальникъ военной охраны генералъ Драке дѣйствовалъ вяло, нерѣшительно и обнаруживалъ часто полную нераспорядительность. Въ виду этого, временно командовавшій войсками, немедленно, принималъ мѣры къ устраненію замѣченныхъ имъ непорядковъ, но не всѣ начальники отдѣловъ ихъ точно исполняли. Въ то время, когда генералы Третьяковъ и Эвертъ употребляли всѣ усилія къ подавленію безпорядковъ, генералъ Безсоновъ, знавшій, въ качествѣ бывшаго начальника охраны, всю ея организацію и кромѣ того и общее положеніе дѣлъ, благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ генералу Клейгельсу, обнаруживалъ стремленіе дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Онъ въ погромѣ видѣлъ справедливую расправу съ евреями и своими замѣчаніями и рѣчами, безъ должной осторожности и такта, давалъ поводъ предполагать, что погромъ разрѣшенъ властями, и что съ его стороны умышленно не предпринимаются мѣры къ его прекращенію. Только послѣ строгаго внушенія генерала Карасса, онъ рѣшился, наконецъ, въ точности исполнять его приказанія и вслѣдъ за тѣмъ

безпорядки были подавлены. Въ оправданіе бездѣйствія войскъ необходимо имѣть въ виду, что въ составъ ихъ въ то время входили въ значительномъ числѣ запасные, призванные на службу во время войны, и что тогда ощущался большой недостатокъ офицеровъ. Вслѣдствіе этого въ большинствѣ случаевъ войска не знали, что имъ дѣлать и при обходахъ и разъѣздахъ по участкамъ, наталкиваясь иногда на вопіющіе случаи насилія и грабежа, оставались спокойными зрителями происходившаго, отговариваясь: „памъ не приказано“, „не велѣно“.

Многіе изъ чиновъ полиціи, несмотря на утомленіе службой въ дни предшествовавшіе погрому, по собственному почину, дѣятельно отстаивали еврейское имущество и защищали евреевъ отъ насилій толпы. Большинство же полицейскихъ чиновъ бездѣйствовало. Особенно ярко выразилась бездѣятельность полицеймейстера г. Кіева полковника Цихоцкаго, а также пристава Подольскаго участка Лященко и помощника его Пирожкова. Получивъ, случайно вечеромъ 18 октября, свѣдѣнія о вспыхнувшемъ погромѣ на Подолѣ, полицеймейстеръ оповѣстилъ о томъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ полиціи только на слѣдующій день, и то лишь вечеромъ. Вслѣдствіе этого не было принято своевременно никакихъ предупредительныхъ мѣръ къ предотвращенію безпорядковъ въ другихъ частяхъ города. Полиція, застигнутая ими врасплохъ, совершенно растерялась. Отъ своего непосредственнаго начальства она не получала никакихъ общихъ указаній. Даже распоряженія и. д. генералъ-губернатора, какъ, напр., о воспрещеніи уличныхъ манифестацій, приводились полицеймейстеромъ въ исполненіе только на другой день. При объѣздѣ города, онъ также не проявлялъ никакой распорядительности для подавленія безпорядка, и громилы въ его присутствіи безпрепятственно продолжали свое преступное дѣло. Такое бездѣйствіе полицеймейстера, послѣ ряда данныхъ ему указаній дѣйствовать болѣе рѣшительно, вынудило, наконецъ, генерала Карасса предупредить полковника Цихоцкаго, что, если и впредь онъ будетъ относиться такъ же нерадиво къ своимъ обязанностямъ, то будетъ арестованъ и высланъ изъ города въ 24 часа. Только послѣ этой угрозы стали предприниматься имъ дѣйствительныя мѣры къ прекращенію погрома, скоро достигшія желаемыхъ результатовъ.

Бездѣятельность полковника Цихоцкаго объяснялась также растерянностью его по случаю неожиданнаго увольненія генерала Клейгельса и потерею имъ всякихъ надеждъ на дальнѣйшее продолженіе службы. Еще въ бытность генералъ-губернаторомъ ге-

неральъ-адъютанта Драгомирова, при ревизіяхъ дѣлопроизводства кіевской полиціи, были обнаружены злоупотребленія по выдачѣ евреямъ разрѣшеній на право жительства въ Кіевѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возбужденъ также и вопросъ о преданіи полковника Цихоцкаго суду. Генералъ Драгомировъ находилъ необходимымъ замѣнить Цихоцкаго другимъ лицомъ, но въ это время кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ Клейгельсъ. Послѣдній также признавалъ Цихоцкаго совершенно нежелательнымъ на посту кіевскаго полицеймейстера и сообщилъ объ этомъ б. министру внутреннихъ дѣлъ Плеве. Вскорѣ однако же генералъ Клейгельсъ рѣзко измѣнилъ свое мнѣніе о Цихоцкомъ и по поводу требованія тов. министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшаго полиціей, генерала Трепова, о преданіи Цихоцкаго суду, настаивалъ на томъ, что дѣятельность послѣдняго заслуживаетъ полнаго одобренія.

Во время еврейскаго погрома должность кіевскаго губернатора была вакантной. Исправлялъ ее д. с. с. Рафальскій, только недавно назначенный (20 августа) вице-губернаторомъ и поэтому не обладавшій еще необходимой опытностью.

Онъ лично дѣлалъ попытки къ возстановленію порядка въ городѣ и побуждалъ къ тому полицію, но всѣ его распоряженія парализовались бездѣйствіемъ полицеймейстера.

Такимъ образомъ, во время неожиданно вспыхнувшаго 18 октября, послѣ революціонныхъ безчинствъ, еврейскаго погрома въ г. Кіевѣ не было ни генералъ-губернатора, ни губернатора, ни командующаго войсками кіевскаго военнаго округа. Отсутствіе въ такое время высшихъ начальствующихъ лицъ не могло не отразиться неблагопріятно на общей дѣятельности какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновъ.

Временно исправлявшій должность генералъ-губернатора и командующаго войсками генералъ Карассъ, принявшій должность главнаго начальника края въ разгаръ безпорядковъ, былъ поставленъ въ чрезвычайно трудное положеніе. Губернатора не было, начальникъ военной охраны города генералъ Драке оказался недостаточно распорядительнымъ, генералъ Безсоновъ обнаруживалъ склонность дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, полицеймейстеръ бездѣйствовалъ, а только что оставившій свой постъ генералъ Клейгельсъ совершенно устранилъ себя отъ всѣхъ дѣлъ. При такомъ положеніи вещей возникшіе безпорядки, очевидно, не могли быть немедленно прекращены. Они были подавлены послѣ особыхъ усилій генерала Караса и рѣшительныхъ мѣръ, приня-

тыхъ имъ по отношенію нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ лицъ и особенно относительно полковника Цихоцкаго.

Между тѣмъ при видѣ растерянности и бездѣйствія властей въ населеніи создавалось убѣжденіе, что къ подавленію еврейскаго погрома умышленно не принимаются мѣры.

Въ это же время стараніями нѣкоторыхъ лицъ, близко стоявшихъ къ бывшему генералъ-губернатору, среди гласныхъ думы былъ поднятъ вопросъ объ особой депутаціи къ генералу Клейгельсу съ цѣлью просить его остаться пока на должности генералъ-губернатора, такъ какъ только онъ одинъ можетъ возстановить порядокъ.

Объ этой депутаціи былъ предупрежденъ генералъ Клейгельсъ и ожидалъ ее. Она не состоялась, такъ какъ мысль о ней не встрѣтила сочувствія въ большинствѣ гласныхъ и даже не обсуждалась въ думѣ. Дѣйствительно, къ генералъ-губернаторскому дому подошла толпа, съ иконами и флагами; къ ней вышелъ генералъ Клейгельсъ, принявъ ее за ожидаемую депутацію, но она только попросила разрѣшеніе помолиться за драгоцѣнное здравіе государя императора.

Такимъ образомъ, главной причиной еврейскаго погрома въ Кіевѣ была издавна существующая рознь между малороссійскимъ и еврейскимъ населеніемъ, обусловленная различіемъ ихъ міросозерцанія. Ближайшимъ же поводомъ явилось оскорбленіе національнаго чувства революціонными манифестаціями, въ которыхъ видная роль принадлежала еврейской молодежи.

По предоставленнымъ мнѣ полномочіямъ мною преданы суду, съ удаленіемъ отъ занимаемыхъ должностей, полицеймейстеръ г. Кіева полковникъ Цихоцкій, приставъ Подольскаго полицейскаго участка надворный совѣтникъ Лященко и помощникъ его коллежскій секретарь Пирожковъ по обвиненію ихъ въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особо важныя послѣдствія, т. е. преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. Улож. о нак.

Дѣло объ отвѣтственности и. д. минскаго губернатора П. Г. Курлова за неправильныя дѣйствія по службѣ.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДѢЛА.

Отношенія прокурора виленской судебной палаты на имя оберъ-прокурора 1-го департамента правительствующаго сената, предложенныя сенату.

Въ отношеніи на имя оберъ-прокурора 1-го департамента правительствующаго сената отъ 3 ноября 1905 года, прокуроръ виленской судебной палаты изложилъ слѣдующее: изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія по поводу безпорядковъ, произведенныхъ толпою 18 октября 1905 г. въ гор. Минскѣ на площади, расположенной передъ вокзаломъ Либаво-Роменской желѣзной дороги и прилегающихъ улицахъ Ильинской и Михайловской, а равно изъ полученныхъ лично имъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ чиновъ минской губернской администраціи, городской полиціи и войскъ при прекращеніи этихъ безпорядковъ, оказывается, между прочимъ, нижеслѣдующее: еще 12 октября, лишь въ предвидѣніи могущихъ возникнуть въ г. Минскѣ безпорядковъ, минскій губернаторъ Курловъ составилъ особое совѣщаніе съ участіемъ приглашенныхъ имъ вице-губернатора, полицеймейстера, военныхъ властей и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, поименованныхъ въ журналѣ сего совѣщанія, на которомъ и предложилъ обсудить мѣропріятія по охранѣ города и станцій желѣзныхъ дорогъ, въ виду забастовки желѣзнодорожныхъ служащихъ и предполагаемой общей забастовки въ гор. Минскѣ. Открывъ засѣданіе рѣчью, губернаторъ высказалъ свое мнѣніе, что въ случаѣ возникновенія уличныхъ безпорядковъ, необходимо ихъ немедленно прекратить всѣми средствами, не исключая вооруженныхъ силъ. Вторгаясь далѣе уже въ сферу

дѣйствій военныхъ властей, губернаторъ, по словамъ вице-губернатора Черницова и жандармскаго подполковника Хрыпова, выразился такъ: „холостыхъ патроновъ не брать и въ воздухъ не стрѣлять“ (сообщено прокурору Черницовымъ и Хрыповымъ). Послѣ обсужденія предложенныхъ губернаторомъ мѣропріятій совѣщаніе, между прочимъ, постановило: 1) опредѣленіе времени обращенія къ войскамъ на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ по ст. 15 и 16 правилъ, прилож. къ ст. 316 т. II, возлагается на гг. начальниковъ жандармскихъ отдѣленій желѣзныхъ дорогъ, 2) по г. Минску—гражданскими лицами, завѣдующими указаніемъ задачъ войсковымъ частямъ, кромѣ губернатора, вице-губернатора и полицеймейстера, назначаются еще помощникъ полицеймейстера, 4 полицейскихъ пристава, одинъ помощникъ пристава, каковыхъ и снабдить особыми бумагами (какъ оказалось впослѣдствіи, за подписью губернатора) для предъявленія ихъ войсковымъ частямъ, находящимся на мѣстѣ безпорядковъ. Въ постановленіи этомъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній чинамъ полиціи, что хотя бы въ тѣхъ случаяхъ, когда есть еще время и возможность обратиться къ авторитетному воздѣйствію на толпу высшихъ чиновъ администраціи, когда есть возможность этимъ чинамъ принять руководство военной силой на себя, чины полиціи, прежде нежели прибѣгнуть къ дѣйствію войсками, испрашивали бы указаній на этотъ предметъ со стороны губернатора или вице-губернатора. Въ постановленіи этомъ, нѣтъ также никакихъ указаній на тѣ опасные для общественнаго порядка и спокойствія моменты проявленія своеволія толпы, которые оправдывали бы предоставленіе такихъ крайнихъ мѣръ, какъ обращеніе къ войскамъ и дѣйствіе противъ толпы оружіемъ, самостоятельному распоряженію такихъ чиновъ, какъ полицеймейстеръ, пристава и ихъ помощники. Постановленіе было немедленно приведено въ исполненіе, и упомянутыя въ немъ лица получили конверты съ требованіями о присылкѣ войскъ (сообщено прокурору помощникомъ полицеймейстера Мельниковымъ). Обращаясь къ правиламъ, изложеннымъ въ приложеніи къ ст. 316 общ. губ. учр., прокуроръ находитъ, что уже исполненіемъ изложеннаго постановленія, губернаторъ Курловъ допустилъ явное превышеніе предоставленной ему власти. Въ ст. 4 правилъ этого приложенія указаны тѣ высшія должностныя лица, сенаторы, генералъ-губернаторы, губернаторы, градоначальники, которымъ принадлежитъ преимущественное право прибѣгать къ дѣйствію войскъ. Исправники и полицеймейстеры, къ каковымъ должны быть причислены и офицерскіе чины полицейскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ, могутъ

пользоваться этимъ правомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, указанныхъ въ ст. ст. 7 и 8 упомянутыхъ правилъ. Въ правилахъ этихъ вовсе нѣтъ указаній на предоставленіе права призыва войскъ полицейскимъ приставамъ и тѣмъ паче ихъ помощникамъ. Въ ст. 8 правилъ вмѣняется въ обязанность высшимъ чинамъ полиціи, въ случаѣ призыва ими войскъ, немедленно доносить объ этомъ губернатору. Даже отъ этой обязанности, постановленіе совѣщанія освобождаетъ не только ихъ, но и назначеннаго совѣщаніемъ помощника пристава. Изъ смысла ст. 8 правилъ очевидно, что исправникамъ и полицеймейстерамъ предоставляются права призыва войскъ, по предварительному испрошенію согласія губернатора, или—во вниманіе къ нахожденію ихъ внѣ города, гдѣ имѣетъ пребываніе губернаторъ, или, въ видѣ исключенія, въ случаяхъ крайней неотложности, недопускающей возможности ожидать распоряженій губернатора. Ни одно изъ этихъ условій не имѣло мѣста при безпорядкахъ 18 октября, длившихся въ городѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, какъ это видно изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія. Не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что постановленіе совѣщанія, происходившаго подъ предсѣдательствомъ губернатора, и немедленное приведеніе его въ исполненіе выдачею чинамъ подвѣдомственной ему полиціи и жандармскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ за его, губернатора, подписью уполномочій требовать войска и дѣйствовать оружіемъ въ городѣ, въ мѣстѣ его пребыванія, имѣетъ тотъ исключительный смыслъ, что губернаторъ заранѣе отклонилъ отъ себя всякое участіе въ мѣропріятіяхъ къ прекращенію могущихъ возникнуть въ городѣ и на вокзалахъ безпорядковъ. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается данными предварительнаго слѣдствія о событіяхъ 18 октября, а также полученными имъ, прокуроромъ, отъ должностныхъ лицъ свѣдѣніями. Толпа стала собираться около вокзала Либаво-Роменской желѣзной дороги въ одиннадцатомъ часу утра, требуя открыть залъ III класса для имѣющаго произойти въ немъ митинга. Начальникъ жандармскаго полицейскаго управленія этой дороги полковникъ фонъ-Вильдеманъ-Клопманъ около 11 часовъ утра былъ уже у губернатора съ цѣлью узнать, разрѣшенъ ли митингъ въ вокзалѣ для желѣзнодорожныхъ служащихъ. Полковникъ не могъ видѣть самого губернатора, ему, по его словамъ, было сказано, что губернаторъ спитъ. Его принялъ правитель канцеляріи, объяснившій, что митингъ разрѣшенъ, но въ вокзалѣ Московско-Брестской, а не Либаво Роменской желѣзной дороги. Не имѣя возможности ожидать выхода губерна-

тора, въ виду уже происходившаго около вокзала скопища народа, полковникъ вернулся на вокзалъ. Вскорѣ прибылъ начальникъ Либаво-Роменской желѣзной дороги инжинеръ Мошковъ и объявилъ, что митингъ разрѣшенъ. Позже казакъ привезъ распоряженіе губернатора о разрѣшеніи митинга. Вслѣдствіе невозможности всей собравшейся толпѣ, въ которой нельзя было отличить желѣзно дорожныхъ служащихъ отъ лицъ посторонниxъ, помѣститься въ залѣ III класса вокзала, собравшіеся въ залѣ перешли на площадь, которая тотчасъ была заполнена народомъ. Толпа наполняла уже части близъ лежащихъ улицъ Ильинской и Михайловской. Несомнѣнно, улицы находятся внѣ района отчужденія и въ вѣдѣніи общей полиціи. Были ли на этихъ улицахъ чины общей полиціи, слѣдствіемъ пока не выяснено, но установлено, что никакого активнаго участія въ разсѣяніи толпы и прекращеніи безпорядковъ они не принимали. Не могли чины полиціи не знать, что толпа заняла уже улицы, что улицы находятся внѣ района отчужденія, не могли они не довести о томъ до свѣдѣнія губернатора. Губернаторъ и его полиція бездѣйствовали окончательно. Ясно, что собравъ 12 октября произвольное совѣщаніе и допустивъ противозаконное постановленіе, въ цѣляхъ потомъ на него опираться, и возложивъ на совершенно неопытнаго, не обладающаго ни тактомъ, ни знаніемъ законовъ, опредѣляющихъ въ данномъ случаѣ его обязанности, администратора полковника фонъ-Вильдемана власть ему, губернатору, принадлежащую, губернаторъ бездѣйствовалъ, хорошо сознавая, что въ силу имъ же преподанныхъ наставленій толпа можетъ быть разстрѣляна безъ достаточныхъ основаній къ употребленію огнестрѣльнаго оружія. Это вытекаетъ, какъ изъ его рѣчи, обращенной къ совѣщанію, такъ и изъ образа дѣйствій во время безпорядковъ. По мѣрѣ развитія безпорядочнаго поведенія толпы полковникъ фонъ-Вильдеманъ-Клопманъ, по его словамъ, неоднократно и настойчиво обращался къ губернатору по телефону, прося, между прочимъ, прислать кого-либо изъ подвѣдомственныхъ чиновъ для руководства при прекращеніи безпорядковъ. Вмѣсто губернатора, находившагося въ своемъ домѣ, окруженномъ войсками, ему давалъ отвѣты полицеймейстеръ. Послѣдній отвѣтъ, уже въ критическій моментъ, былъ таковъ: „дѣйствуйте по своему усмотрѣнію“. Между тѣмъ время приближалось къ 4 часамъ. Войска стояли въ бездѣйствіи близъ толпы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Поведеніе толпы раздражало и оскорбляло солдатъ. Присутствіе послѣднихъ раздражало толпу. Тѣмъ не менѣе, настроеніе толпы было

повышенное, по удостовѣренію массы свидѣтелей, въ общемъ, веселое, радостное. Неприличныя выходки съ солдатами и офицерами носили характеръ дружескій, выражали желаніе „побрататься“. Но солдаты не понимали этого настроенія. По выраженію многихъ свидѣтелей, они озвѣрѣли. Нуженъ былъ авторитетный голосъ, могущій повліять на толпу. Нужно было отдалить войско отъ толпы. Полковникъ фонъ-Вильдеманъ Клопманъ несомнѣнно растерялся. Порядокъ, указанный въ 17 и 20 ст. правилъ, соблюденъ не былъ вовсе. Въ толпѣ была масса только любопытныхъ, не участвовавшихъ въ сходкѣ. Никакая гражданская власть не предупредила ихъ о возможности стрѣльбы и даже дѣйствія вообще оружіемъ. Войска открыли стрѣльбу безъ предупрежденія, какъ словеснаго, такъ и сигналами на трубѣ, горнѣ или барабанѣ. Стрѣльба была для всѣхъ совершенною неожиданностью, неоправдываемою происходившимъ. Никакихъ увѣщаній произнесено не было. Полковникъ фонъ-Вильдеманъ Клопманъ вслѣдъ за удаленіемъ участниковъ митинга изъ вокзала призналъ свою роль оконченною и сѣлъ обѣдать въ вокзалѣ съ своимъ знакомымъ. Онъ не признаетъ площадь предъ вокзаломъ входящею въ районъ отчужденія. Вице-губернаторъ и чины полиціи наоборотъ. Здѣсь уже является очень странное недоразумѣніе. Толпа побѣжала послѣ перваго залпа, но ихъ дано было нѣсколько, послѣ того войска стрѣляли бѣглымъ огнемъ. Стрѣльба продолжалась, по показаніямъ разныхъ лицъ, отъ 3 и до 5 минутъ. Убивали людей, прятавшихся въ вокзалѣ по угламъ, подъ лѣстницею. Большинство убитыхъ и раненыхъ получили пораненія въ спину, сзади. Въ 150 саженяхъ отъ вокзала на Михайловской улицѣ изъ 4-го полицейскаго участка выбѣжали нѣсколько городовыхъ и стрѣляли въ убѣгающихъ. Тутъ убитъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Энтысъ и ранены нѣсколько человѣкъ. Не нашлось даже полицейскаго чиновника, который остановилъ бы преступныя дѣйствія городовыхъ. Въ результатѣ около 50 убитыхъ и до 100, приблизительно, раненыхъ. Изъ прилагаемыхъ копій показаній полковника фонъ-Вильдемана и командовавшаго на вокзалѣ ротами подполковника Кургановича видно, какъ растерялись они въ критическій моментъ. Первый ничего не видѣлъ и не знаетъ о происходившемъ на площади, второй отзывается невѣдѣніемъ, по чьему распоряженію, или вовсе безъ команды, началась стрѣльба. Все это не могло бы имѣть мѣста, если бы власть компетентная исполнила свой долгъ. Все вышеизложенное приводитъ его, прокурора, къ заключенію: 1) что своимъ распоряженіемъ о приведеніи въ испол-

ненiе постановленiя совѣщанiя, состоявшагося 12 октября, въ нарушенiе ст. 1, 4, 7, 8, 16 и 20 правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствiя гражданскимъ властямъ (прилож. къ ст. 316 общ. губ. учр.), Минскiй губернаторъ Курловъ допустилъ явное превышенiе предоставленной ему власти, 2) что во время безпорядковъ, произведенныхъ толпою 18 октября въ гор. Минскѣ, близъ вокзала Либаво-Роменской желѣзной дороги, на площади и улицахъ Михайловской и Ильинской, имѣя точныя о нихъ свѣдѣнiя, не исполнилъ возложенную на него закономъ обязанность, лично или чрезъ вице-губернатора употребить силу убѣжденiя и другiя средства, прежде призыва войскъ и дѣйствiя оружiемъ, передалъ свои обязанности другому лицу безъ законныхъ къ тому основанiй, не явился самъ на мѣсто безпорядковъ и не командировалъ для сего вице-губернатора, т. е. допустилъ явное бездѣйствiе власти, и 3) что, какъ превышенiе губернаторомъ своей власти, такъ и бездѣйствiе его, повлекли за собою весьма важныя послѣдствiя—употребленiе противъ толпы огнестрѣльнаго оружiя безъ достаточной къ тому надобности, смерть около 50 человѣкъ и покалѣченiе свыше 100 человѣкъ. Сообщая объ изложенномъ, на основанiи 1085 ст. уст. угол. суд., оберъ-прокурору 1-го департамента правительствующаго сената прокуроръ палаты проситъ внести сiе сообщенiе на благоусмотрѣнiе перваго департамента правительствующаго сената. Къ сему отношенiю прокуроромъ палаты приложены слѣдующiе документы, подкрѣпляющiе фактическую сторону вышеизложеннаго: 1) протоколъ допроса (въ копiи) начальника Виленскаго жандармскаго полицейскаго управленiя дорогъ полковника Вильдеманъ-Клопмана, 2) протоколъ допроса (въ копiи) подполковника 239 Окскаго полка Кургановича, 3) копiя журнала особаго совѣщанiя, отъ 12 октября 1905 г., 4) копiя отношенiя Минскаго губернатора отъ 18 октября, и 5) копiя представленiя прокурора окружнаго суда на имя прокурора палаты отъ 1 ноября 1905 года.

Приложенiе къ сообщенiю прокурора виленской судебной палаты оберъ-прокурору 1-го департамента прав. сената: 1) копiя протокола допроса Клопмана.

1905 года, октября, 18-го дня Минскiй судебный слѣдователь Минскаго окружнаго суда по важнѣйшимъ дѣламъ допрашивалъ нижепоименованныхъ въ качествѣ свидѣтелей съ соблюденiемъ 443 ст. уст. угол. суд., и они показали:

Я, Вильгельмъ Вильгельмовичъ *Клопманъ*, 53 лѣтъ, начальникъ Виленскаго жандармскаго полицейскаго управленія дорогъ, живу въ городѣ Минскѣ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, не судился.

Сегодня, часу приблизительно въ одиннадцатомъ утра былъ я у здѣшняго губернатора съ тѣмъ, чтобы спросить у него, разрѣшить ли мнѣ сходку въ зданіи Виленскаго вокзала и затѣмъ просить его прислать для присутствованія на сходкѣ полицейскаго чиновника и освободить меня отъ этой обязанности. Видѣть губернатора мнѣ не удалось и я велъ переговоры лишь съ правителемъ его канцеляріи и полицеймейстеромъ. Правитель канцеляріи категорически сказалъ мнѣ, что губернаторомъ сходка разрѣшена, но на стан. Минскъ Московско-Брестской желѣзной дороги, а не Либаво-Роменской жел. дор. Такъ какъ станція Минскъ Либаво-Роменской жел. дор. въ районъ моей дѣятельности не входитъ, то я удовлетворился такимъ отвѣтомъ и вернулся на ст. Минскъ Либаво-Роменской желѣзной дороги, куда часу въ двѣнадцатомъ пріѣхалъ начальникъ дороги, инженеръ Мошковъ и сказалъ, что онъ только что отъ губернатора и что послѣдній разрѣшилъ собраніе служащихъ на нашемъ вокзалѣ. Къ тому времени на площади передъ вокзаломъ стала собираться, и притомъ весьма быстро, толпа народу, причемъ желѣзнодорожные служащіе составляли въ ней насколько я замѣтилъ, самую незначительную часть; а главная масса состояла изъ посторонней публики; гимназистовъ, евреевъ и др. Со времени забастовки желѣзнодорожныхъ служащихъ зданіе вокзала охранялось, отъ вторженія постороннихъ, часовыми, стоявшими у наружныхъ выходовъ. Несмотря на заявленіе начальника дороги, разрѣшить сходки безъ письменнаго разрѣшенія губернатора я не пожелалъ и дожидался, пока не получилъ отъ Минскаго губернатора бумаги за № 10077, которую я вамъ при семъ и передаю. За разрѣшеніемъ сходки къ губернатору ѣздилъ желѣзнодорожный агентъ Жаба, который еще до этого нѣсколько разъ порывался говорить толпѣ по поводу высочайшаго манифеста о дарованіи свободы слова, печати, собраній и т. д. Всякій разъ я останавливалъ Жабу и просилъ его замолчать, указывая, что по полученіи разрѣшенія отъ губернатора я допущу сходку въ залѣ III-го класса. Жаба согласился со мной и старался даже дѣйствовать на толпу, успокаивая ее. Толпа вела себя въ это время мирно и насильственныхъ дѣйствій не предпринимала, такъ что мнѣ удалось безъ труда охранить входъ въ вокзалъ выставленной цѣпью изъ нижнихъ чи-

новъ. Разрѣшеніе на сходку привезъ казакъ, приблизительно около часу дня и тутъ же я сдѣлалъ распоряженіе пропустить въ помѣщеніе вокзала всѣхъ желѣзнодорожныхъ агентовъ, которымъ только и было позволено губернаторомъ собраться на сходку. Желая отдѣлить изъ толпы всѣхъ посторонних, я, стоя у входа въ залъ III-го класса, сталъ задерживать гимназистовъ и такъ какъ всѣхъ служащихъ въ лицо я не знаю, то мнѣ ничего не оставалось, какъ впускать всѣхъ штатскихъ. Сдерживать напоръ толпы мнѣ удалось недолго: я былъ увлеченъ общимъ теченіемъ въ залъ III-го класса, гдѣ кто то ударилъ меня сзади палкой по головѣ, но тутъ меня вывели изъ зала нижніе чины и жандармскій подполковникъ Марченко, а вслѣдъ за нами повалила назадъ, изъ зданія вокзала на площадь толпа, бывшая въ III классѣ. Тутъ нужно сказать, что въ зданіе вокзала проникла лишь незначительная часть толпы, бывшей на площади. Къ этому времени я увидѣлъ, что на площади инж. Формаковскій держалъ къ толпѣ рѣчь, содержанія которой я не слышалъ и потому не знаю. Затѣмъ въ залѣ I-го класса вмѣстѣ съ однимъ пассажиромъ, задержавшимся на ст. Минскъ Либ.-Ром. ж. д. по случаю забастовки, я сталъ обѣдать. Въ это время передъ зданіемъ вокзала на площади происходилъ народный митингъ и говорились безконечныя рѣчи какими-то ораторами и среди нихъ женщиной съ распущенными волосами. Вокругъ нея, какъ я видѣлъ черезъ окно, развѣвалось нѣсколько красныхъ флаговъ Такъ шло все, сравнительно мирно, часовъ до четырехъ дня, когда вниманіе мое было обращено на толпу, которая стала насильно ломиться въ наружныя двери, стараясь открыть ихъ и ворваться внутрь. Съ наружной стороны солдатъ въ это время не было, такъ какъ я посты давно оттуда убралъ, не желая раздражать народъ. Толпа между тѣмъ стала бунтоваться, разбивая стекла въ наружныхъ дверяхъ и расположенныхъ рядомъ окнахъ. Тутъ въ дверяхъ тамбура, недалеко отъ багажной кассы, стоялъ какой-то прапорщикъ запаса, котораго я попросилъ принять мѣры къ тому, чтобы толпа не ворвалась внутрь. Прапорщикъ этотъ, однако, наотрѣзъ отказался принять противъ толпы какія либо мѣры. Тогда я пошелъ за баталліоннымъ командиромъ, котораго розыскалъ кажется на перронѣ и передалъ ему власть, сказавъ, что пусть онъ принимаетъ мѣры по возстановленію порядка, а затѣмъ занялся пассажирами, стараясь ихъ укрыть въ безопасное мѣсто. Тогда то до слуха моего стали доноситься огнестрѣльные выстрѣлы; стрѣляли часто и много, какъ бы пачками, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ ми-

нутъ. Кто распорядился стрѣлять, и насколько такая крайняя мѣра была вызвана необходимостью, не знаю, такъ какъ при этомъ я не былъ и въ этотъ вопросъ не вмѣшивался. Солдаты какъ-бы обезумѣли и стрѣляли даже тѣ, которые были на перронѣ; приставивъ ружья къ окнамъ, старались они попасть въ толпу черезъ помѣщеніе вокзала, простѣливъ окно со стороны перрона и затѣмъ противоположное со стороны площади. Про существованіе новаго манифеста я слышалъ, и то мелькомъ, лишь въ помѣщеніи губернатора. Ввѣренные мнѣ жандармы, какъ я убѣжденъ, не стрѣляли, да и находились они, насколько я знаю, не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ломилась толпа, а со стороны пути.

---

2) Копія протокола допроса Кургановича.

1905 года 27 октября гор. Минскъ. И. д. судебнаго слѣдователя 2 участка минскаго уѣзда допрашивалъ свидѣтеля съ соблюденіемъ 443 ст. уст. угол. суд., и онъ показалъ:

Федоръ Андреевичъ *Кургановичъ*, подполковникъ 239 Окскаго полка, православный, живу по Губернаторской улицѣ д. Коркозовича, показываю: 18 октября сего года я находился на Виленскомъ вокзалѣ, какъ начальникъ охраннаго отряда. Приблизительно съ 11 часовъ утра начала стекаться къ вокзалу публика; противъ подъѣзда вокзала была устроена трибуна, а на самомъ подъѣздѣ выстроилась полурота 12 роты для порядка. На трибунахъ начали появляться ораторы; нѣкоторые изъ нихъ произносили далеко не корректныя рѣчи, слышны были фразы: „долой самодержавіе, долой кровопійцу царя, долой Николашку“; публика относилась къ этимъ вещамъ довольно индиферентно. Я съ штабсъ-капитаномъ Запасовымъ вышелъ въ залъ I класса, гдѣ и оставался до начала 3 часа; затѣмъ я отправился съ штабсъ-капитаномъ Николаевскимъ и Запасовымъ на продовольственный пунктъ, гдѣ находилась 2 рота и полурота 1 роты; настроеніе нижнихъ чиновъ здѣсь было возбужденное; я предупредилъ нижнихъ чиновъ не расходиться, а самъ зашелъ въ офицерскій вагонъ; здѣсь мнѣ, не помню, кто передалъ слухъ, будто бы толпа раздѣла одного офицера и унесла безъ мундира въ городъ; сюда явился ко мнѣ фельдфебель 15 роты Монюшко и передалъ мнѣ приказаніе полковника Вильдеманъ-Клопмана привести на вокзалъ роту солдатъ; взявъ 2 роту, я съ ней явился черезъ летучій мостъ, на которомъ присоединились къ ней офицеры этой

же роты капитанъ Бышевскій и прапорщикъ Ивановъ, на вокзалъ; отдавъ приказаніе капитану Бышевскому выстроиться у летучаго моста противъ толпы и взять ружья на перевѣсъ на случай, если бы толпа пожелала обезоружить ихъ, самъ пошелъ за инструкціями на платформу, гдѣ меня встрѣтилъ полковникъ Вильдеманъ-Клопманъ и заявилъ мнѣ, что всѣ средства имъ исчерпаны, остается примѣнить силу: „распоряжайтесь"; какія мѣры предпринималъ Вильдеманъ-Клопманъ, онъ этого мнѣ не сказалъ, и я объ этомъ ничего не зналъ и спрашивать объ этомъ я, въ силу дисциплины, не считалъ возможнымъ, обратился только къ полковнику за совѣтомъ, что же сдѣлать; полковникъ, подумавъ, сказалъ: „это ваше дѣло". Я немедленно передалъ приказаніе командирамъ 1 и 2 ротъ предупредить публику, пригрозивъ ей, что если она не успокоится, то будетъ употреблено оружіе, но при этомъ я приказалъ ни въ какомъ случаѣ не открывать огня; въ этотъ моментъ, очевидно, самовольно начали стрѣлять черезъ залъ I класса солдаты 12 роты; я немедленно бросился къ этой части и началъ останавливать стрѣльбу, приказывая голосомъ и подбивая ружья кверху; въ это же время я услыхалъ, что происходитъ стрѣльба на площади, гдѣ стояла 2 рота; кто приказалъ этой ротѣ стрѣлять, или на какомъ основаніи она стрѣляла,—не знаю. Замѣтивъ, что стоявшіе за почтовымъ отдѣленіемъ на полотнѣ дороги четыре часовые стрѣляютъ, я подбѣжалъ туда, крича на ходу, чтобы прекратили стрѣльбу, здѣсь также перестали стрѣлять; періодъ стрѣльбы продолжался, по моему мнѣнію, не болѣе 2 съ половиною минутъ. Распорядившись объ оказаніи возможной помощи раненымъ, я вошелъ въ залъ I класса, гдѣ встрѣтилъ Вильдеманъ-Клопмана, передавшаго мнѣ, что нижніе чины просили у него разрѣшенія стрѣлять, грозя въ противномъ случаѣ бросить ружья, о чемъ я въ присутствіи же жандармскаго полковника Вильдеманъ-Клопмана и доложилъ пребывавшему на вокзалѣ командиру полка полковнику Ротіани. Чѣмъ была вызвана стрѣльба, я этого не знаю, такъ какъ за часъ до этого я ушелъ на продовольственный пунктъ; и что происходило на вокзалѣ и на площади, я очевидцемъ этого не былъ; припоминаю, что въ тотъ моментъ, когда я спускался съ летучаго моста со 2 ротою, я видѣлъ, что стоявшая у подъѣзда публика была возбуждена; не то—она махала шляпами, не то—бросала камнями въ вокзалъ, этого я не разобралъ. Ни въ этотъ день, ни въ другое время, никогда вообще, я солдатамъ не говорилъ, чтобы они патроновъ не жалѣли, и что, если у кого сломается штыкъ, чтобы они дѣйствовали прикла-

домъ; повторяю такихъ распоряженій я никогда не давалъ. Лично я никакихъ насилій толпы надъ офицерами и нижними чинами не видѣлъ.

Въ этотъ день, т. е. 18 октября, въ началѣ сходки, я въ залѣ I класса разговаривалъ съ полковникомъ Вильдеманъ-Клопманомъ; онъ передавалъ мнѣ, что убѣдилъ губернатора не разрѣшать сходки, но послѣ этого онъ получилъ сообщеніе, что сходка разрѣшена; какимъ образомъ полковникъ Клопманъ сносился съ губернаторомъ, по телефону или письменно, это мнѣ неизвѣстно; насколько помню, при этомъ разговорѣ никого изъ офицеровъ не было; возможно, что могъ подходить подполковникъ Здановичъ или Марченко, но я этого обстоятельства не помню. Больше показать ничего не имѣю.

---

3) Копія отношенія минскаго губернатора на имя начальника жандармскаго управленія жел. дор. полковника Клопмана.

Копія отношенія г. Минскаго губернатора отъ 18-го сего октября за № 10077 на имя начальника жандармскаго полицейскаго управленія жел. дор. полковника фонъ-Вильдеманъ-Клопмана.

Разрѣшивъ начальнику Либаво-Роменской желѣзной дороги устройство въ залѣ III-го класса ст. Минскъ 18-го сего октября собранія служащихъ Либаво-Роменской и Московско-Брестской жел. дор., прошу ваше высокоблагородіе, согласно п. 8 отд. I именного высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 12 октября сего года, принять на себя обязанности лица, надзирающаго за порядкомъ въ собраніи (ст. 6 отд. I); при этомъ вамъ надлежитъ руководствоваться указаніями, изложенными въ томъ же указѣ, согласно п. 7 и 11 отдѣла I-го. Подлинное подписали: и. д. губернатора П. Курловъ. Правитель канцеляріи Заринъ.

---

4) Журналъ особаго совѣщанія по мѣропріятіямъ къ охранѣ города Минска (въ копіи).

Журналъ особаго совѣщанія по мѣропріятіямъ къ охранѣ города Минска, станцій и путей Брестской и Либаво-Роменской желѣзныхъ дорогъ по случаю забастовки желѣзнодорожныхъ служащихъ и предполагаемой быть общей забастовки въ городѣ Минскѣ. 12 октября.

Прибыли: и. д. минскаго губернатора, камергеръ двора его императорскаго величества, *П. Г. Курловъ*, и. д. минскаго вице-губернатора *Ф. Ф. Черницовъ*, начальникъ гарнизона генералъ-маіоръ *Курчъ*, воинскій начальникъ полковникъ *Сулимовскій*, за начальника Минскаго губернскаго жандармскаго управленія подполковникъ *Хрыповъ*, командиръ Окскаго полка полковникъ *Ратіани*, командиръ 2-го Таманскаго полка, войсковой старшина *Толстопятовъ*, командиръ 119 пѣхотнаго запаснаго баталіона полковникъ *Бафталовскій*, комендантъ станціи Минскъ подполковникъ *Зданович*ъ, начальникъ жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ полковникъ *фонъ-Вильдеманъ-Клопманъ*, начальникъ Минскаго отдѣленія Минскаго жандармскаго полицейскаго управленія ж. д. подполковникъ *Марченко*, начальникъ Минскаго отдѣленія московско-рижскаго жандармскаго полицейскаго управленія жел. дор. ротмистръ *Черновъ*, начальникъ Либаво-Роменской желѣзной дороги *Мошковъ*, и. д. Минскаго полицеймейстера *Норовъ* и правитель канцеляріи *Л. Н. Заринъ*.

Начальникъ губерніи открылъ засѣданіе, объяснивъ цѣль созыва командировъ отдѣльныхъ воинскихъ частей и указавъ на то, что, въ случаѣ уличныхъ безпорядковъ въ городѣ Минскѣ, необходимо ихъ немедленно прекратить, хотя бы даже вооруженной силой и обратить особое вниманіе на охрану правительственныхъ учрежденій, главнымъ же образомъ казначейства, почтъ и телеграфовъ, и на желѣзныхъ дорогахъ принять мѣры къ охраненію имущества, обезпечивающаго движеніе поѣздовъ и тѣхъ служащихъ, которые желаютъ работать, но терроризованы забастовщиками. Кромѣ того, господиномъ губернаторомъ обращено вниманіе на необходимость наблюденія и охраны учебныхъ заведеній, дабы въ нихъ не могли проникнуть постороннія лица, а равно и сами воспитанники не могли массою выйти на улицу, гдѣ, смѣшавшись съ толпою бундистовъ, они несомнѣнно примутъ участіе въ уличныхъ безпорядкахъ.

На совѣщаніи выяснено, что въ г. Минскѣ въ настоящее время, не считая артиллеріи, находится Окскій пѣхотный полкъ, 119 пѣхотный запасный баталіонъ и 4 сотни 2-го Таманскаго казачьяго полка. При дальнѣйшемъ обсужденіи выработанъ слѣдующій общій планъ охраны города и желѣзнодорожныхъ вокзаловъ:

1) Вокзалы: на Либаво-Роменскомъ вокзалѣ—41 постъ, распредѣленный слѣдующимъ порядкомъ: телеграфъ—3, подъѣздъ—4, два боковые прохода—4, кругомъ товарной платформы—4, охрана паровозовъ—2, охрана депо—2; станціонные пути: шесть

входныхъ стрѣлокъ въ оба конца по два человѣка на стрѣлку—6 п., проходъ съ улицы на путь—постъ изъ 4 человѣкъ, на два моста—4 поста, на дровяномъ складѣ—2 поста, на водокачкѣ—1 п., на пѣшеходномъ мосту—2 п. и въ центрѣ пути—3 п. и на Московско-Брестскомъ вокзалѣ—46 постовъ, распредѣленныхъ слѣдующимъ порядкомъ: на вокзалѣ—3 п., на телеграфѣ—2 п., товарная контора—4 п., въ мастерскихъ—3 п., депо—3 п., газовый заводъ—3 п., матеріальный складъ—2 п., на станціонныхъ путяхъ—10 п., на водокачкѣ—2 п., на семафорныхъ блокъ-постахъ—4 п., на передаточной платформѣ—2 п., на переѣздахъ и у мостовъ—4 поста.

Для охраны вокзаловъ командируются части Окскаго полка, въ достаточномъ количествѣ людей, дабы они могли образовать общій резервъ и, такъ какъ выяснилось, что на общихъ вокзалахъ имѣется 1200 рабочихъ, то надо лишь опасаться участія партіи бундистовъ, тѣмъ болѣе, что начальникъ дороги заявилъ, что считаетъ забастовку, носящею не столько политическій, сколько экономическій характеръ.

Время обращенія къ войскамъ по ст. 15 и 16 правилъ, приложеніе къ ст. 316, т. 2 возлагается на г.г. начальниковъ жандармскихъ отдѣленій желѣзныхъ дорогъ.

2) Городъ Минскъ: въ помощь полиціи предположено выслать казачьи разъѣзды и наряды въ каждую часть отъ Таманскаго казачьяго полка и 70 человѣкъ нижнихъ чиновъ отъ 119 пѣхотнаго запаснаго баталіона, который, независимо отъ сего, высылаетъ обходы и патрули по городу, по соглашенію съ полиціей.

Въ случаѣ возникновенія безпорядковъ имѣются: 1) двѣ дежурныя роты отъ Окскаго пѣхотнаго полка; 2) одна дежурная рота отъ 119 пѣхотнаго запаснаго баталіона, и 3) дежурная сотня Таманскаго казачьяго полка; всѣ эти дежурныя части вызываются къ мѣсту безпорядковъ особыми бумагами на имя начальниковъ частей и одновременно сообщается о вызовѣ войскъ командиру гарнизона; причемъ вызванныя войска дѣйствуютъ по указанію полицеймейстера.

По ст. 15 и 16 правилъ, приложенныхъ къ ст. 316, т. 2-го гражданскими лицами, завѣдующими указаніемъ задачъ войсковымъ частямъ, кромѣ губернатора, вице-губернатора и полицеймейстера назначаются еще слѣдующіе полицейскіе чины: и. д. пристава 1 части *Чумаковъ*, приставъ второй части *Лаптевъ*, и. д. пристава 4 части *Бернадскій*, приставъ 5 части *Хоцяновичъ*, помощникъ пристава *Лукинъ* и помощникъ полицеймейстера *Мель-*

никовъ, каковые и будутъ снабжены особыми бумагами для предъявленія ихъ войсковымъ частямъ, находящимся на мѣстѣ безпорядковъ; мѣра эта выработана, въ виду возможности возникновенія демонстрацій въ разныхъ частяхъ города.

3) Въ случаѣ, если бы безпорядки приняли большіе размѣры, вызываются также отдѣльными бумагами на имя командира части резервы отъ Окскаго полка, 119-го пѣхотнаго запасного баталіона и 2-го Таманскаго казачьяго полка.

4) Охрана учебныхъ заведеній и казенныхъ зданій возлагается на Минскаго полицеймейстера, съ имѣющимися въ его распоряженіи военными и полицейскими средствами.

5) При отсылкѣ бумагъ командирамъ отдѣльныхъ частей, на случай вызова дежурныхъ или резервныхъ частей, лицомъ передающимъ бумагу будетъ указано, куда надлежитъ направить вызванную часть.

---

5) Представленіе прокурора минскаго окружного суда прокурору виленской судебной палаты

На основаніи п. 1 § 17 наказа чинамъ прокурорскаго надзора и въ дополненіе къ телеграммамъ моимъ доношу вашему превосходительству, что обстоятельства дѣла о произведенномъ толпою 18-го октября сего года на ст. Минскъ Либаво-Роменской жел. дор. нападеніи на войска, имѣвшемъ послѣдствіемъ убійства и пораненія многихъ лицъ изъ толпы, заключается, какъ это установлено совокупностью показаній допрошенныхъ, въ числѣ около 300 человѣкъ, свидѣтелей, въ слѣдующемъ:

18-го октября сего года около 11 часовъ утра на площади передъ вокзаломъ ст. Минскъ Либаво-Роменской жел. дор. стала собираться толпа, состоявшая преимущественно изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, въ намѣреніи устроить сходку. Находившійся на вокзалѣ начальникъ жандармскаго полицейскаго управленія жел. дор. полковникъ фонъ-Вильдеманъ-Клопманъ поѣхалъ къ губернатору Курлову, чтобы узнать, какъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ. Губернаторъ его не принялъ, а правитель канцеляріи губернатора Заринъ сказалъ ему, что ему нечего безпокоиться, такъ какъ сходка желѣзнодорожныхъ служащихъ разрѣшена не на Либаво-Роменскомъ, а на Московско-Брестскомъ вокзалѣ. Вернувшись на вокзалъ, Вильдеманъ-Клопманъ объявилъ собравшимся, что не можетъ допустить устройства сходки ни на

вокзалѣ, ни около него. Почти сейчасъ же, около 12 часовъ дня, на вокзалъ пріѣхалъ начальникъ Либаво-Роменской жел. дор. инженеръ Мошковъ, который привезъ съ собою и передалъ постоянному предсѣдателю собраній желѣзнодорожныхъ служащихъ агенту Жабѣ оттискъ высочайшаго манифеста отъ 17-го октября, только около этого времени разрѣшенный къ печатанію губернаторомъ, заявивъ въ то же время полковнику фонъ-Вильдеманъ-Клопману, что губернаторомъ разрѣшена сходка на Либаво-Роменскомъ вокзалѣ. Такъ какъ Вильдеманъ-Клопманъ все-таки отказался допустить устройство сходки безъ письменнаго разрѣшенія губернатора, то Жаба поѣхалъ къ губернатору и вскорѣ вернулся съ извѣстіемъ, что сейчасъ будетъ прислано письменное разрѣшеніе. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ казакъ привезъ оффиціальную бумагу отъ губернатора на имя полковника Вильдеманъ-Клопмана, въ которой значилось, что губернаторомъ разрѣшено устроить въ залѣ III-го класса ст. Минскъ Либаво-Роменской жел. дор. собраніе желѣзнодорожныхъ служащихъ, и что въ силу высочайшаго указа отъ 12-го октября лицомъ, наблюдающимъ за порядкомъ на сходкѣ, имъ назначенъ полковникъ Вильдеманъ-Клопманъ. По полученіи этого разрѣшенія находившійся на подъѣздѣ вокзальнаго зданія караулъ отъ 12-ой роты 239 пѣхотнаго Окскаго полка былъ убранъ внутрь зданія, и въ открытыя двери зала III-го класса хлынула собравшаяся на площади толпа. Не зная въ лицо почти никого изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, Вильдеманъ-Клопманъ разрѣшилъ пропускать въ залъ III-го класса всѣхъ, за исключеніемъ учащихся, и поэтому, ставъ самъ у входныхъ дверей, задержалъ одного ученика мѣстнаго коммерческаго училища, но сейчасъ же общимъ потокомъ былъ увлеченъ вмѣстѣ съ этимъ ученикомъ въ залъ III-го класса, гдѣ кто-то изъ публики ударилъ его сзади палкой по головѣ. На крикъ Вильдеманъ-Клопмана въ залѣ сейчасъ же появился патруль отъ 12-ой роты, но въ залѣ поднялся такой крикъ и шумъ, что патруль долженъ былъ уйти. Съ нимъ вмѣстѣ ушелъ и Вильдеманъ-Клопманъ. Такъ какъ залъ III-го класса могъ вмѣстить лишь небольшую часть собравшихся, то рѣшено было устроить собраніе подъ открытымъ небомъ на площади. Туда вынесли изъ зала III-го класса большой столъ, на который всталъ предсѣдатель собранія Жаба и прочиталъ высочайшій манифестъ, послѣ чего, по предложенію желѣзнодорожнаго агента Гамзагурди, было рѣшено просить губернатора объ освобожденіи политическихъ арестантовъ, для каковой цѣли была избрана депутація изъ 12 человѣкъ. Въ составъ ея вошли

Жаба, нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ, директоръ мѣстнаго коммерческаго банка, заступающій мѣсто городского головы и другія лица. Собравшись въ помѣщеніи городской управы, депутація отправилась оттуда къ дому губернатора, сопровождаемая скоплявшейся по пути ихъ слѣдованія толпой, но въ домъ губернатора депутація не была пропущена охранявшей домъ воинской частью. Въ толпѣ было замѣтно радостное возбужденіе, настолько сильное, что многіе изъ толпы подходили къ находившемуся на площади казачьему разъѣзду, пожимали казакамъ руки, поздравляли ихъ съ высочайшей милостью и говорили, что забыли всѣ прежнія обиды. Когда губернаторъ появился на балконѣ, толпа привѣтствовала его криками „ура“. Послѣ этого губернаторъ приказалъ впустить депутацію, которой пришлось пройти черезъ двѣ шеренги стоявшихъ въ передней казаковъ, заряжавшихъ при входѣ ихъ ружья. Выслушавъ просьбу депутатовъ объ освобожденіи политическихъ арестантовъ, губернаторъ заявилъ, что можетъ освободить своею властью лишь отбывающихъ заключеніе въ административномъ порядкѣ по его распоряженію, и что немедленно сдѣлаетъ распоряженіе объ ихъ освобожденіи, а на заявленный депутатами протестъ по поводу того, что казаки при входѣ ихъ заряжали ружья, съ усмѣшкою отвѣтилъ: „почемъ знать, заряжали или разряжали они винтовки“. Отъ губернатора депутація отправилась къ прокурору окружнаго суда, а толпа отправилась къ тюрьмѣ, передъ зданіемъ которой поднимала на ура и качала на рукахъ начальника тюрьмы и двухъ полицейскихъ чиновниковъ, привезшихъ приказъ губернатора объ освобожденіи отбывающихъ заключеніе по распоряженію административной власти. Отъ зданія тюрьмы толпа съ пѣніемъ марсельезы двинулась къ вокзалу. Дорогою къ ней присоединялись группы людей съ красными флагами. Порядокъ поддерживался самими участниками шествія, которые при пѣніи марсельезы вѣжливо просили встрѣчавшихся имъ прохожихъ снимать шапки. Толпа, оставшаяся на площади, въ отсутствіе депутатовъ вела себя вполнѣ чинно и слушала рѣчи, которыя произносились разными ораторами въ довольно умѣренномъ видѣ. Возвращеніе депутатовъ, прибывшихъ на площадь передъ вокзаломъ нѣсколько ранѣе толпы съ флагами, было встрѣчено овиціями. Предсѣдателя митинга Жабу на рукахъ донесли до трибуны. Когда къ вокзалу прибыло шествіе съ красными флагами, среди котораго несли на рукахъ нѣсколькихъ освобожденныхъ изъ тюрьмы, энтузіазмъ толпы достигъ крайнихъ предѣловъ: кричали „ура“, „да здрав-

ствуетъ свобода", махали платками, бросали въ воздухъ шапками, незнакомые между собою поздравляли другъ друга и цѣловались. Освобожденныхъ поставили на трибуну и показали народу, послѣ чего на трибуну взбирались разные ораторы и произносили рѣчи, хотя и отличавшіяся крайностью взглядовъ, но носившія, по отзыву свидѣтелей-офицеровъ бывшаго на вокзалѣ воинскаго патруля, вполнѣ академическій характеръ Въ части толпы, стоявшей ближе къ подъѣзду вокзала и состоявшей преимущественно изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, раздавались крики „долой красные флаги", въ отвѣтъ на что въ другой части толпы кричали „долой черную сотню, долой самодержавіе, долой полицію" и т. п. Между тѣмъ толпа быстро разросталась, пополняясь массою любопытныхъ, пришедшихъ посмотрѣть первый народный митингъ. На окраинѣ площади стояло много извозчиковъ, въ которыхъ сидѣли дамы и цѣлыя семейства съ дѣтьми. Такъ какъ толпа очень тѣснилась къ подъѣзду вокзала, то командиръ находившейся въ зданіи вокзала 12-й роты капитанъ Пучковскій вывелъ одинъ взводъ своей роты на подъѣздъ, но толпа, увидѣвъ солдатъ съ ружьями, стала кричать и требовать, чтобы ихъ убрали. Капитанъ Пучковскій приказалъ солдатамъ отойти назадъ, а самъ вышелъ впередъ и успокаивая толпу говорилъ: „Господа, тише, чтобы все обошлось безъ крови". При этомъ онъ разводилъ руками и раскланивался, какъ бы привѣтствуя толпу. Толпа пришла въ восторгъ, десятки рукъ сразу подняли Пучковскаго и стали качать съ криками „ура, да здравствуетъ армія". Затѣмъ его понесли къ трибунѣ, причемъ дорогой Пучковскій со многими цѣловался, а одинъ еврей изъ толпы даже поцѣловалъ у него руку. На трибунѣ его поставили подъ краснымъ флагомъ, который держала стоявшая на трибунѣ дѣвушка съ распущенными волосами. Когда капитана Пучковскаго несли въ толпѣ, то кто то вынулъ у него изъ ноженъ шашку, нацѣпилъ на нее кусокъ красной матеріи и носилъ въ толпѣ.

Офицера той же 12-ой роты поручика Бѣляева, вышедшаго на подъѣздъ вслѣдъ за капитаномъ Пучковскимъ, также подняли на руки и понесли къ трибунѣ, гдѣ поставили рядомъ съ Пучковскимъ. Здѣсь офицеры подали другъ другу руки и поцѣловались. Тогда же толпа подхватила еще двухъ офицеровъ, случайно бывшихъ на площади, прапорщиковъ Анюхина и Пчелина, и также отнесла ихъ на рукахъ на трибуну. Всѣхъ ихъ потомъ бережно отнесли назадъ и поставили на подъѣздѣ. Троихъ солдатъ бывшихъ въ толпѣ въ качествѣ любопытныхъ, качали и подбра-

сывали съ криками „ура“. Къ часовымъ, стоявшимъ на подъѣздѣ, подходили многіе изъ толпы и уговаривали ихъ бросить ружья и присоединиться къ толпѣ, указывая на то, что офицеры уже побратались съ народомъ. Все происходившее, повидимому, чрезвычайно раздражало начальника мѣстнаго отдѣленія жандармскаго полицейскаго управленія жел. дор. подполковника Марченко, который съ револьверомъ въ рукахъ и съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ постоянно выбѣгалъ изъ зала I-го класса на подъѣздъ и, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей изъ числа нижнихъ чиновъ 12 роты, даже приказывалъ имъ стрѣлять въ толпу, но они не исполнили этого приказа за отсутствіемъ распоряженій со стороны своего прямого начальства. Между тѣмъ полковникъ Вильдеманъ-Клопманъ, который по открытіи митинга на площади, сѣлъ обѣдать въ залѣ I-го класса съ однимъ изъ пассажировъ, проживавшихъ на ст. Минскъ, по случаю прекращенія движенія, вышелъ послѣ обѣда на подъѣздъ, на которомъ тѣснилась толпа. Одинъ изъ стоявшихъ ближе къ нему, прилично одѣтый молодой человѣкъ, какъ оказалось впослѣдствіи артистъ императорскихъ театровъ Кузнецовъ, по сценѣ Владимировъ, тѣснимый толпою, толкнулъ его, и Вильдеманъ-Клопманъ, схватилъ его за грудь, втащилъ въ залъ I-го класса и здѣсь приказалъ жандармамъ арестовать его. Это обстоятельство вызвало страшное возмущеніе среди толпы. Пронесся слухъ, что арестовали также одного изъ офицеровъ, бывшихъ на трибунѣ. Толпа стала ломиться въ зданіе вокзала съ цѣлью освободить арестованнаго, причемъ многіе палками и зонтиками били стекла во входныхъ дверяхъ и въ окнахъ вокзала. Тогда же древкомъ отъ краснаго флага, былъ разбитъ, повидимому случайно, фонарь у подъѣзда. Битье стеколъ продолжалось минутъ десять, но когда на подъѣздъ вышелъ прапорщикъ Анюхинъ вмѣстѣ съ Кузнецовымъ-Владимировымъ и объявилъ, что арестованнаго освободили, толпа понемногу успокоилась. Кузнецова-Владимирова подхватили на руки и понесли къ трибунѣ. Между тѣмъ Вильдеманъ-Клопманъ сообщилъ по телефону губернатору, что толпа насильно врывается въ вокзалъ, и что ее никакими мѣрами нельзя успокоить. Лично отъ губернатора, у котораго въ то время были приглашены къ обѣду гости, онъ отвѣта не получилъ, но полицеймейстеръ Норовъ отъ имени губернатора сначала передалъ ему совѣтъ въ случаѣ надобности пустить въ дѣло имѣющіяся у него воинскія части, а въ концѣ концовъ сказалъ что онъ можетъ дѣйствовать, какъ хочетъ. Вильдеманъ-Клопманъ послалъ тогда командовавшему охранявшими во

время забастовки вокзалъ и сооруженія Либаво-Роменской жел. дор пятью ротами подполковнику Кургановичу приказаніе привести къ вокзалу одну роту. Подполковникъ Кургановичъ привелъ полторы роты и 2-ую роту поставилъ на правой сторонѣ площади у зданія вокзала развернутымъ фронтомъ къ толпѣ, а полуроту 1-ой роты отвелъ на платформу и поставилъ фронтомъ къ зданію вокзала противъ зала I-го класса и багажнаго отдѣленія, послѣ чего обратился за приказаніями къ полковнику Вильдеманъ-Клопману, который сказалъ ему, что всѣ мѣры исчерпаны и что онъ, Вильдеманъ-Клопманъ передаетъ власть въ руки его, Кургановича. Вильдеманъ-Клопманъ не сказалъ при этомъ, какія мѣры принимались для успокоенія толпы, а Кургановичъ по долгу дисциплины не нашелъ возможнымъ спросить объ этомъ, но, однако, попросилъ Вильдеманъ-Клопмана дать совѣтъ, какъ, именно, нужно дѣйствовать войсками, на что получилъ отвѣтъ: „это ваше дѣло“. Ничего не зная о томъ, что въ залѣ III-го класса разрѣшена сходка, и полагая, что присутствіе толпы въ зданіи вокзала, охраняемомъ войсками, не можетъ быть допущено, Кургановичъ приказалъ полуротѣ первой роты очистить отъ публики залъ III-го класса, а 2-ой ротѣ вытѣснять толпу съ площади, указавъ имъ, по его словамъ, дѣйствовать лишь штыками и прикладами. Ружья 1-ой роты были заряжены боевыми патронами по командѣ и въ присутствіи командира роты штабсъ-капитана Запасова, а ружья 2-ой роты въ присутствіи подполковника Кургановича.

Во время этихъ приготовленій на площади продолжался митингъ, прерванный на время инцидентомъ съ арестованіемъ Кузнецова-Владимирова. Послѣднимъ взошелъ на трибуну Жаба и объявилъ, что они, депутаты, приняли на себя передъ губернаторомъ отвѣтственность за сохраненіе порядка, и что подъ этимъ условіемъ губернаторъ согласился убрать казаковъ и полицію, пригласилъ всѣхъ мирно идти въ городъ и объявилъ собраніе закрытымъ. Многіе изъ толпы направились съ площади, на Михайловскую улицу. Между тѣмъ командиръ 2-ой роты капитанъ Бышевскій размѣстилъ своихъ солдатъ цѣпью по краю площади, выслалъ впередъ патрули, по два нижнихъ чина въ каждый, которые приблизившись къ крайнимъ рядамъ толпы, стали размахивать штыками, а капитанъ Бышевскій, предварительно скомандовалъ „пальба“ и пройдя шаговъ 10 взадъ и впередъ у края толпы, все еще многочисленной и шумной, нѣсколько разъ сказалъ негромко: „господа, расходитесь, сейчасъ будутъ стрѣлять“. Дѣлалось

это, повидимому, лишь для выполненія формальности, такъ какъ многіе, мимо которыхъ проходилъ Бышевскій, даже не оборачивались на его слова. Сейчасъ же послѣ этого, въ ту самую минуту, когда Жаба сошелъ съ трибуны, Бышевскій, какъ это удостовѣрено многими свидѣтелями, быстро подошелъ къ своей ротѣ и махнувъ рукою, скомандовалъ: „рота, пли“. Раздался залпъ, за нимъ другой, а затѣмъ учащенная стрѣльба пачками. Толпа, въ которой многіе даже не подозрѣвали о присутствіи войскъ, оцѣпенѣвъ на минуту, бросилась отъ вокзала въ разныя стороны, давя и топча упавшихъ. При первомъ залпѣ часть солдатъ второй роты стрѣляла вверхъ, а часть, какъ установлено показаніями свидѣтелей, въ толпу. Многіе изъ толпы при первыхъ же выстрѣлахъ легли на землю, но стрѣльба производилась и по лежавшимъ на землѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ направленіе ранъ у нѣкоторыхъ убитыхъ и раненыхъ. Капитанъ Пучковскій, котораго при окончаніи митинга толпа вторично подняла на ура и кричала, при первыхъ выстрѣлахъ былъ брошенъ на землю и подъ выстрѣлами чиновъ 2-ой роты подбѣжалъ къ нимъ, размахивая руками и крича, чтобы перестали стрѣлять, но стрѣльба продолжалась. Почти одновременно съ выстрѣлами 2-ой роты раздались выстрѣлы и изъ багажнаго отдѣленія, черезъ окна на площадь, а также черезъ окна съ платформы вокзала, сквозь помѣщеніе I-го класса на площадь. Какъ установлено показаніями нижнихъ чиновъ 12-ой роты, означенная рота, оставшись безъ офицеровъ, унесенныхъ на трибуну и тѣснимая толпой, хлынувшей въ багажное отдѣленіе во время битья стеколъ, была разъединена и часть нижнихъ чиновъ при первыхъ же выстрѣлахъ пробралась на платформу и примкнула къ флангу стоявшей на платформѣ полуротѣ, часть ихъ легла на полъ въ багажномъ отдѣленіи, спасаясь отъ пуль, летѣвшихъ съ платформы черезъ багажное отдѣленіе, а трое нижнихъ чиновъ укрылись за багажной стойкой и стали стрѣлять въ людей, набившихся въ стекляномъ тамбурѣ подъѣзда. Однимъ изъ этихъ выстрѣловъ былъ убитъ присяжный повѣренный Стеблинъ-Каменскій. По показаніямъ офицеровъ пальба открылась одиночнымъ выстрѣломъ, послѣ котораго раздался залпъ, причемъ 2 рота открыла стрѣльбу безъ всякой команды, которой капитанъ Пучковскій и не могъ отдать, такъ какъ находился впереди роты и самъ очутился подъ выстрѣлами. По показаніямъ прапорщиковъ Иванова и Пчелина, они одновременно съ капитаномъ Пучковскимъ подошли къ толпѣ, уговаривая ее разойтись, и при первомъ залпѣ также оказались

подъ выстрѣлами. По словамъ штабсъ-капитановъ Запасова, Николаевскаго и подполковника Кургановича на платформѣ первыми начали стрѣлять, безъ всякой команды, нижніе чины 12 ой роты, несмотря на всѣ старанія офицеровъ прекратить стрѣльбу. Учащенная стрѣльба продолжалась отъ 5 до 10 минутъ. Послѣ первыхъ же залповъ площадь мгновенно опустѣла, остались лишь убитые и раненые, но и послѣ этого раздавались одиночные выстрѣлы по отдѣльнымъ перебѣгавшимъ площадь фигурамъ, стрѣляли въ раненыхъ, которые пробовали приподняться, а равно и въ тѣхъ, кто подходилъ спасать раненыхъ. Нижніе чины первой роты отведенные отъ зданія вокзала къ концу платформы обстрѣливали отсюда лѣвую сторону площади одиночными выстрѣлами, приготовились стрѣлять въ какого-то человѣка, выбѣжавшаго изъ ретирада, но онъ догадался снять шапку и перекреститься, послѣ чего солдаты подбѣжали къ нему и потребовали, чтобы онъ показалъ свой тѣльный крестъ. Чины той же роты, прежде чѣмъ офицеръ успѣлъ ихъ остановить, разстрѣляли нѣсколькихъ человѣкъ, забившихся подъ лѣстницей ретирада. Одиночные солдаты, стоявшіе часовыми на разныхъ постахъ у желѣзнодорожныхъ сооруженій, стрѣляли по спасавшимся съ площади лицамъ. Одинъ изъ нихъ прокололъ штыкомъ ногу забѣжавшему на желѣзнодорожные пути, другой приготовился поднять на штыкъ студента, выскочившаго изъ окна вокзала на платформу, но громкій окликъ одного изъ свидѣтелей „не смѣй его трогать“ остановилъ на мгновеніе солдата, и студентъ спасся.

По словамъ одного изъ свидѣтелей, подтвержденнымъ отчасти показаніемъ прапорщика Огородникова въ толпу, кромѣ солдатъ, стрѣлялъ также одинъ изъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, личность котораго пока не установлена. Огромное большинство бывшей на площади толпы при началѣ стрѣльбы бросилось по Михайловской улицѣ. Часть бѣжавшихъ укрылась по дворамъ и квартирамъ на этой улицѣ, а остальные, побѣжавшіе дальше, на углу возлѣ управленія 4 полицейской части были встрѣчены нѣсколькими городовыми, причемъ двое или трое изъ нихъ стали стрѣлять въ бѣгущихъ. Одинъ изъ этихъ городовыхъ Якубовичъ, опознанный на слѣдствіи многими свидѣтелями очевидцами, произведенными имъ выстрѣлами, убилъ 4 человѣка, въ томъ числѣ помощника присяжнаго повѣреннаго Ептыса. Установить, кто кромѣ Ептыса, былъ убитъ Якубовичемъ, пока не представилось возможнымъ. По показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей у помѣщенія полицейской части въ это время стоялъ п. д. пристава 4-ой

части помощникъ пристава Бернацкій, сдѣлавшій знакъ городовымъ, чтобы они стрѣляли.

Какъ установлено показаніями нѣкоторыхъ свидѣтелей, и. об. пристава Бернацкій въ началѣ митинга, когда у вокзала собралась толпа, сказалъ: „ничего, пусть жиды погуляютъ, мы скоро заткнемъ имъ глотку“; подполковникъ Марченко, когда были вызваны войска на вокзалъ, сказалъ: „надо жидовъ проучить“; ту же фразу произнесъ штабсъ-капитанъ Запасовъ, приказавъ своей полуротѣ заряжать ружья. Два вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтеля показали, что 18-го октября вечеромъ, пріѣхавъ на вокзалъ и обратившись къ находившемуся тамъ полковнику Генеральнаго Штаба Васильеву за разрѣшеніемъ пойти въ пріемный покой посмотрѣть нѣтъ ли среди раненыхъ ихъ сыновей студентовъ, они получили въ отвѣтъ: „эти студенты хуже жидовъ, ихъ надо бить“.

Всѣхъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ насчитывается болѣе 50, раненыхъ около 100. Вскрытіями труповъ и освидѣтельствованіями раненыхъ установлено, что огромное большинство ихъ поражено ружейными пулями въ затылокъ, спину и вообще заднюю сторону тѣла. Въ числѣ убитыхъ имѣется двое пораженныхъ револьверными пулями казеннаго образца и двое ранено такими же пулями.

Вообще, слѣдствіемъ вполнѣ установлено, что изъ толпы по войскамъ не стрѣляли и не предпринимали никакихъ насильственныхъ противъ войскъ дѣйствій, и что толпа при первыхъ же выстрѣлахъ бросилась бѣжать съ площади.

Донося объ изложенномъ, имѣю честь присовокупить, что къ дѣлу привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по 1 ч. 1455 ст. улож. о наказ. городовой Якубовичъ, и что, опредѣленіемъ минскаго губернскаго правленія отъ 31 октября сего года, противъ него возбуждено уголовное преслѣдованіе по признакамъ 346 и 1455 ст. ул. о наказ.

Мѣрою пресѣченія для Якубовича избрано безусловное содержаніе подъ стражей.

Дополнительное сообщеніе прокурора минскаго окружнаго суда прокурору виленской суд. палаты.

Въ дополненіе къ донесенію отъ 1-го ноября 1905 г., за № 23117, имѣю честь представить вашему превосходительству слѣдующія, установленныя предварительнымъ слѣдствіемъ, подробности объ обстоятельствахъ, при которыхъ былъ убитъ 18-го октября помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ентысъ.

Когда въ собравшихся на митингъ около зданія Либаво-Роменскаго вокзала были произведены нижними чинами ружейные залпы, толпа въ безпорядкѣ хлынула оттуда въ ближайшія улицы, причемъ большинство устремилось по Михайловской, наиболѣе широкой и идущей отъ вокзала, улицѣ. Въ числѣ убѣгавшихъ былъ и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ентысъ. Пробѣгая мимо зданія 4-й полицейской части, расположеннаго на углу Михайловской и Петербургскаго переулка, саженяхъ въ полутораста отъ вокзала, онъ натолкнулся на стоявшаго съ револьверомъ въ рукахъ городового 4-й части Якубовича, который задалъ ему вопросъ, кто онъ такой; получивъ отвѣтъ: „я присяжный повѣренный“, Якубовичъ спросилъ у него, куда онъ бѣжитъ, и, когда Ентысъ отвѣтилъ: „къ губернатору“, Якубовичъ сталъ цѣлиться въ Ентыса; послѣдній со словами: „не смѣй стрѣлять“, инстинктивно закрылъ лицо лѣвой полой своего пальто и бросился съ середины улицы на правую сторону. Якубовичъ выстрѣлилъ въ Ентыса, который тутъ же упалъ въ ренштокъ и черезъ нѣсколько мгновеній скончался.

Очевидцами убійства Ентыса были свидѣтели: Адольфъ Ясюкевичъ, Иванъ Кохановскій, Владиміръ Тиньковъ, Станиславъ Малиновскій и Иванъ Кохановъ. Всѣ они единогласно и категорически, при предъявленіи имъ на слѣдствіи Якубовича, опознали въ немъ именно убійцу Ентыса.

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ и вскрытіи трупа Ентыса, въ лѣвомъ боку была обнаружена огнестрѣльная рана, имѣющая направленіе черезъ нижнюю долю лѣваго легкаго, околосердечную сумку, правое сердце, подкожную жировую ткань правой грудной клѣтки и доходящая до правой сосковой линіи, гдѣ изъ-подъ кожи и была извлечена револьверная пуля. По заключенію помощника минскаго губернскаго врачебнаго инспектора, производившаго вскрытіе трупа Ентыса, выстрѣлъ былъ произведенъ сзади въ лѣвый бокъ и повлекъ за собою вышеописанное раненіе легкаго и сердца и почти мгновенную смерть.

Произведенной же черезъ капитана артиллеріи Поржецкаго экспертизой, между прочимъ, установлено, что извлеченная изъ трупа Ентыса пуля вполнѣ подходитъ къ казенному револьверу городового Якубовича.

Привлеченный къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемаго по 1 ч. 1455 ст. улож. о наказ., Якубовичъ виновнымъ себя не призналъ и въ оправданіе свое далъ такое объясненіе: 18-го октября, когда на вокзалѣ происходила стрѣльба, въ окно его квартиры, находя-

щейся въ домѣ Томковича, расположенномъ по Михайловской улицѣ, противъ зданія 4-й полицейской части, влетѣла пуля, онъ, обвиняемый, выскочилъ на улицу изъ своей квартиры съ револьверомъ въ рукахъ, на улицѣ на него бросилось нѣсколько человѣкъ, одинъ изъ которыхъ былъ съ кинжаломъ; тогда онъ, обвиняемый, не помня себя, произвелъ, ни въ кого не цѣлясь, выстрѣлъ, причемъ не знаетъ даже, ранилъ-ли, или убилъ онъ кого-либо въ ту минуту.

Однако, подобное объясненіе Якубовича категорически было опровергнуто показаніемъ свидѣтеля Томковича, удостовѣрившаго, что Якубовичъ выбѣжалъ изъ своей квартиры на улицу прежде, чѣмъ влетѣла туда пуля, что Якубовичъ безъ всякаго повода стрѣлялъ въ бѣжавшихъ по Михайловской улицѣ людей, и что на обвиняемаго никто рѣшительно ни съ какимъ оружіемъ не бросался.

Показаніе Томковича нашло себѣ полное подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей Николая и Софіи Павловскихъ и Антона Новицкаго.

Показаніями многихъ свидѣтелей установлено, что Якубовичъ, убивъ Ентыса, ранилъ еще нѣсколько человѣкъ, личности которыхъ пока еще не выяснены, и что, кромѣ Якубовича, около 4-й полицейской части стрѣляли по пробѣгавшимъ съ вокзала людямъ и нѣкоторые другіе городовые, но кто именно изъ нихъ, въ настоящее время пока не установлено.

Препровожденная оберъ-прокурору I-го д—та прав. сената прокуроромъ виленской судебной палаты копія протокола допроса Клопмана.

1905 года, ноября 9 дня, г. Вильна. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ округа виленскаго окружнаго суда, по требованію судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ округа минскаго окружнаго суда отъ 4 сего ноября за № 691, переданному для исполненія прокуроромъ виленскаго окружнаго суда отъ 8 сего ноября за № 14836 ему, судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ округа виленскаго окружнаго суда, допрашивалъ, съ соблюденіемъ 443 ст. уст. уг. суд., нижепоименованнаго въ качествѣ свидѣтеля, въ присутствіи и. д. прокурора судебной палаты С. Н. Ястребцова, и онъ показалъ:

Вильгельмъ Вильгельмовичъ фонъ-Вильдеманъ Клопманъ, 52 лѣтъ, начальникъ виленскаго жандармскаго полицейскаго

управленія жел. дорогъ, лютеранинъ, живу въ г. Вильнѣ, подъ судомъ не былъ.

На предлагаемые мнѣ Вами вопросы отвѣчаю.

Вслѣдствіе начавшейся 12 прошлаго октября желѣзнодорожной забастовки, съ 13 того-же октября ежедневно посылались 9 ротъ, помѣщавшихся на продовольственномъ пунктѣ, расположенномъ между ст. Минскъ Л. Р. ж. д. и ст. Минскъ Моск. Бр. жел. дор. Эти войсковыя части посылались въ вѣдѣніе начальниковъ жандармскихъ полицейскихъ желѣзнодорожныхъ управленій для охраны желѣзнодорожныхъ станцій и путей. Съ 12 октября я находился на ст. Минскъ. Я, получивъ 17 октября высочайшее повелѣніе, разрѣшающее сходки, въ $10^1/_2$ часовъ утра 18 октября отправился къ минскому губернатору, чтобы просить его о назначеніи имъ отъ себя чиновника для присутствованія на сходкѣ, если таковая будетъ происходить на вокзалѣ ст. Минскъ Л. Р. ж. д., входящей въ мой раіонъ. Правитель канцеляріи на мою просьбу доложить губернатору о моемъ прибытіи отвѣтилъ мнѣ, что губернаторъ цѣлую ночь не спалъ и еще отдыхаетъ; когда же я сообщилъ ему о цѣли моего прибытія, то онъ сказалъ мнѣ, что сходка разрѣшена лишь на вокзалѣ ст. Минскъ Моск. Бр. ж. д. Въ виду этого заявленія правителя канцеляріи, я уѣхалъ обратно на ст. Минскъ Л. Р. ж. д. Вслѣдъ за мной, туда пріѣхалъ начальникъ Л. Р. ж. д. Машковъ и сообщилъ мнѣ, что онъ сейчасъ отъ губернатора, разрѣшившаго, по его словамъ, сходку на вокзалѣ ст. Минскъ Л. Р. ж. д. Я отвѣтилъ ему, что я еще не имѣю разрѣшенія. На это онъ сказалъ мнѣ, что разрѣшеніе сейчасъ-же будетъ прислано губернаторомъ. Въ это время я замѣтилъ, что на площадку подлѣ вокзала стала собираться толпа, въ коей я увидѣлъ, бывшаго на прежнихъ сходкахъ предсѣдателемъ—нѣкоего Жабу. Тотчасъ послѣ разговора съ Машковымъ я сообщилъ о предполагающейся сходкѣ, находившемуся на вокзалѣ, баталіонному командиру и просилъ его выставить резервныя части войскъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ вокзала, изъ коихъ мною были указаны ему: мѣсто у входныхъ отъ города на вокзалѣ дверей и мѣсто на пѣшеходномъ проходѣ, ведущемъ отъ задняго праваго угла вокзальнаго зданія къ путепроводу черезъ рельсы. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого полурота солдатъ явилась къ вышеуказаннымъ дверямъ вокзала и здѣсь, по моему распоряженію, она была выстроена цѣпью противъ этихъ дверей, дабы препятствовать собравшейся на площади публикѣ двинуться въ вокзалъ. Публика дѣйствительно стремилась проникнуть на вокзалъ. Въ то же время

*

я обратился къ Жабѣ воздѣйствовать на публику, пока я не получу письменнаго разрѣшенія губернатора на сходку. Жаба успокоилъ публику, когда же онъ пытался произнести рѣчь на тему о сходкахъ, то я остановилъ его. Послѣ этого казакъ привезъ письменное разрѣшеніе губернатора. Я ввелъ упомянутую полуроту солдатъ въ переднюю вокзала и расположилъ ихъ здѣсь такъ, чтобы заградить входъ въ залъ I класса, такъ какъ митингъ былъ разрѣшенъ въ залѣ III класса. Публика хлынула съ площади въ залъ III класса, я же отдѣлялъ отъ публики воспитанниковъ учебныхъ заведеній, которые, согласно разрѣшенію губернатора, не могли присутствовать на сходкѣ. Этихъ воспитанниковъ я отводилъ въ сторону входа въ залъ I класса съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы послѣ прохода участниковъ сходки предложить этимъ воспитанникамъ выйти изъ помѣщенія вокзала. Одного взрослаго гимназиста, шедшаго въ толпѣ въ залъ III класса, я остановилъ, дотронувшись рукой до его рукава, но въ этотъ моментъ этого гимназиста потянули въ залъ III класса, а идущая сзади толпа втолкнула и меня туда. Здѣсь стали кричать на меня; что именно кричали,—я не разобралъ, стали дергать меня за платье, и кто-то ударилъ меня палкой по головѣ сзади. Меня освободилъ изъ толпы техникъ Гамзагурди, и въ то же время въ залъ III класса вошло отдѣленіе солдатъ, окружившее меня, и съ нимъ вмѣстѣ я вышелъ въ переднюю. Толпа, вошедшая въ залъ III класса, хлынула обратно на площадь. Я обратился къ этой публикѣ съ вопросомъ, что они дѣлаютъ, въ отвѣтъ на что кто-то изъ этой публики указалъ мнѣ на инженера Формаковскаго, стоявшаго въ тотъ моментъ на извозчикѣ и произносившаго рѣчь. Послѣ этого публика продолжала двигаться на площадь съ вокзала и освободила какъ залъ III класса, такъ и переднюю. Я велѣлъ запереть дверь вокзала, выходящую на площадь на ключъ, солдатамъ оставаться здѣсь же въ передней, а самъ направился въ залъ I класса. Хотя я считалъ сборище на площади у вокзала незаконнымъ, но я считаю, что эта площадь находится въ вѣдѣніи общей полиціи, поэтому я не считалъ себя обязаннымъ разсѣивать это сборище, да и къ тому собственныхъ силъ у меня не было, прибѣгать же въ такомъ случаѣ къ содѣйствію войскъ я не считалъ себя вправѣ. Никому изъ общей полиціи объ этомъ сборищѣ я не сообщалъ, такъ какъ предполагалъ, что объ этомъ ей извѣстно, ибо на этой площади имѣется постоянный полицейскій постъ, и кромѣ того, еще до начала сходки я видѣлъ на этой площади 2-хъ или 3-хъ старшихъ чиновъ полиціи. Я велѣлъ запереть дверь приблизительно

около часу дня. Въ 4 часа дня кто то изъ пассажировъ, находившихся въ залѣ I класса, обратилъ мое вниманіе на то, что на площади въ тол держатъ красные флаги. Увидѣвъ черезъ окно, что такихъ флаговъ около 30, и услышавъ сильный шумъ въ толѣ, я вышелъ въ переднюю вокзала, гдѣ увидѣлъ, что стекла выходныхъ дверей и оконъ выбиты и что публика силится взломать входныя двери. Я обратился къ офицеру, стоявшему тутъ-же съ полуротой, и предложилъ ему вывести полуроту на площадь, чтобы оградить вокзалъ отъ разрушенія. Офицеръ отвѣтилъ мнѣ категорическимъ отказомъ, ничѣмъ не мотивируя таковой. На полу передней никакихъ камней или палокъ я не видѣлъ. Послѣ этого отказа офицера я рѣшилъ переговорить по телефону съ губернаторомъ и, пройдя въ телефонную комнату, соединился съ кабинетомъ губернатора. На мой звонокъ и вопросъ „кто у телефона“, отвѣтилъ полицеймейстеръ, что у телефона онъ, полицеймейстеръ. Я просилъ его доложить губернатору вышеописанное положеніе на вокзалѣ, на что послѣдовалъ отвѣтъ полицеймейстера, чтобы я вышелъ къ толпѣ и успокоилъ ее. На это я сказалъ ему, что я прошу его доложить губернатору, что я не въ силахъ успокоить народъ, и что, въ виду начавшагося разбитія вокзала, я не могу поручиться за безопаспость находящихся на вокзалѣ пассажировъ, и прошу указаній губернатора, передать ли возстановленіе и охрану порядка военному начальству. Полицеймейстеръ на это тотчасъ-же мнѣ отвѣтилъ: „дѣйствуйте, какъ знаете“. Во время этого разговора часто слышался отбой телефона и мнѣ приходилось возобновлять соединеніе. Послѣ этого отвѣта я вышелъ на перронъ станціи. Здѣсь меня окружили солдаты, повидимому, тѣ самые, которые были оставлены мною въ передней. Они заявили мнѣ, что у нихъ офицера нѣтъ, и, если имъ не будетъ дано приказаніе дѣйствовать оружіемъ, то они таковое побросаютъ и уйдутъ со станціи. Послѣ описаннаго разговора съ полицеймейстеромъ я рѣшилъ передать охрану вокзала военному начальству и поэтому въ отвѣтъ на заявленіе солдатъ я сказалъ имъ, что я послалъ за баталіоннымъ командиромъ, который и сдѣлаетъ дальнѣйшія распоряженія. Баталіонный командиръ сейчасъ же пришелъ, и я передалъ ему обязанности по возстановленію и охранѣ порядка, а самъ сейчасъ-же сталъ уводить пассажировъ, находившихся въ залѣ I класса, въ болѣе безопасныя мѣста. Въ это время началась стрѣльба, очевидцемъ которой я не былъ, длившаяся отъ 3 до 5 минутъ. Въ теченіе всего этого времени я не видѣлъ, стояла ли какая-либо рота или часть ея на площади у задняго праваго угла вокзальнаго зданія.

Что послужило поводомъ къ тому, что стали бить стекла въ двери и окнахъ вокзала, я не знаю. Никакого молодого человѣка и вообще никого за все время съ 12 по 18 октября включительно я не арестовывалъ. 12 октября я не допустилъ одного гимназиста въ залъ вокзала, и такъ какъ онъ не желалъ исполнить мое требованіе, то я отправилъ его съ городовымъ къ директору гимназіи. Арестовывалъ ли въ это время начальникъ виленско-минскаго отдѣленія жанд. желѣзн. полиц. управленія подполковникъ Марченко кого-либо, я не знаю. Съ губернаторомъ до передачи охраны вокзала войскамъ я не разговаривалъ 18 октября, и кромѣ описаннаго разговора по толефону съ полицеймейстеромъ у меня не было ни съ кѣмъ разговора о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять для возстановленія порядка на вокзалѣ и на площади предъ нимъ. Передавъ охрану порядка военному начальству, я никакихъ совѣтовъ ему не передавалъ, а занялся пассажирами. Правитель канцеляріи губернатора утромъ 18 октября при описанномъ выше разговорѣ моемъ съ нимъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что онъ, на моемъ мѣстѣ, не присутствовалъ бы на этомъ митингѣ. Показаніе прочитано и изложено вѣрно.

Опредѣленіе сената 15 октября 1905 г.

1905 года ноября 15 дня. По указу его императорскаго величества, правительствующій сенатъ слушали: предложенныя оберъ-прокуроромъ 1-го департамента правительствующаго сената, отъ 9 ноября 1900 года, отношенія прокурора виленской судебной палаты, отъ 3 ноября и 4 ноября 1905 г. по вопросу объ отвѣтственности Минскаго губернатора *П. Г. Курлова* по обвиненію его въ превышеніи и бездѣйствіи власти во время бывшихъ въ гор. Минскѣ 17 октября 1905 г. безпорядковъ. *Приказали:* Выслушавъ заключеніе оберъ-прокурора,—правительствующій сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ сообщенныхъ прокуроромъ виленской судебной палаты данныхъ предварительнаго слѣдствія по поводу безпорядковъ, произведенныхъ толпою въ гор. Минскѣ 18 октября 1905 года, на минскаго губернатора камергера Курлова упадаетъ обвиненіе: 1) въ превышеніи власти, выразившемся въ приведеніи въ исполненіе постановленія особаго совѣщанія, отъ 12 октября, въ нарушеніи ст. 1, 4, 7, 8, 16 и 20 правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ (прилож. къ ст. 316 общ. губ. учр.), и 2) въ бездѣйствіи

власти, выразившемся въ непринятіи лично во время безпоряд ковъ какихъ либо мѣръ къ пресѣченію самихъ безпорядковъ и къ предупрежденію употребленія противъ толпы оружія, безъ особой къ тому надобности, послѣдствіемъ чего была смерть около 50 человѣкъ и пораненія свыше 100 человѣкъ, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 337, 339 и 341 ст. улож. наказ. Въ виду сего, и руководствуясь 1086 ст. уст. угол. суд.,—правительствующій сенатъ *опредѣляетъ*: поручить минскому губернатору Курлову, по упадающимъ на него обвиненіямъ, представить правительствующему сенату объясненіе, назначивъ для сего мѣсячный, со дня полученія указа, срокъ.

Опредѣленіе правительствующаго сената отъ 19 декабря 1905 г.

1905 года, декабря 19 го дня. По указу его императорскаго величества, правительствующій сенатъ слушали: 1) предложенную оберъ-прокуроромъ 1-го департамента телеграмму и. д. минскаго губернатора Курлова отъ 19 декабря 1905 г. о продленіи срока представленія объясненія во исполненіе указа правительствующаго сената, отъ 18 ноября 1905 года, въ виду „полной невозможности заняться составленіемъ“ объясненія, „такъ какъ дѣла губерніи не оставляютъ ни минуты свободнаго времени“ и 2) справку о томъ, что указомъ 17 ноября 1905 г. и. д. минскаго губернатора Курлову было поручено представить правительствующему сенату объясненіе по упадающему на него обвиненію въ мѣсячный, со дня полученія указа сего, срокъ. *Приказали*: Въ виду изложенныхъ въ ходатайствѣ и. д. минскаго губернатора доводовъ, правительствующій сенатъ находитъ возможнымъ удовлетворить таковое, а потому *опредѣляетъ*: продлить срокъ, назначенный указомъ 17 ноября 1905 года, на двѣ недѣли, о чемъ дать знать минскому гурбернатору указомъ.

Рапортъ и. д. минскаго губернатора Курлова правительствующему сенату.

Во исполненіе указа правительствующаго сената отъ 17 ноября 1905 года, за № 10205, имѣю честь представить нижеслѣдующее объясненіе:

Прокуроръ вилснской судебной палаты въ отношеніяхъ своихъ

отъ 3 и 4 ноября 1905 года на имя оберъ-прокурора 1-го департамента правительствующаго сената, говоря, что сообщеніе его касается вопросовъ объ отвѣтственности моей по обвиненію въ превышеніи и бездѣйствіи власти во время бывшихъ въ городѣ Минскѣ 18 октября безпорядковъ, не могъ не встрѣтить затрудненія при совмѣщеніи въ одномъ и томъ же дѣяніи, если его только пріурочить къ событіямъ 18 октября, двухъ, взаимно исключающихъ другъ друга, преступныхъ дѣяній: превышенія и бездѣйствія власти, а потому вынужденъ былъ присоединить къ этимъ событіямъ цѣлый рядъ предшествовавшихъ имъ моихъ распоряженій, никакого отношенія къ 18-му октября не имѣющихъ, какъ я буду имѣть честь доказать правительствующему сенату.

Только путемъ такого искусственнаго соединенія могутъ быть объяснены тѣ произвольные выводы, къ которымъ пришелъ прокурорскій надзоръ. Я позволяю себѣ назвать ихъ произвольными, чтобы не сказать преднамѣренными, на что имѣются совершенно достаточныя доказательства въ положеніи, занятомъ въ городѣ Минскѣ прокурорскимъ надзоромъ съ прокуроромъ минскаго окружнаго суда Бибиковымъ во главѣ, по отношенію къ дѣлу о разслѣдованіи причинъ столкновенія войскъ съ толпой манифестантовъ на площади передъ Либаво-Роменскимъ вокзаломъ. Въ своихъ объясненіяхъ я но-неволѣ долженъ слѣдовать порядку, принятому прокуроромъ виленской судебной палаты въ его отношеніяхъ.

12-го октября 1905 года ни я, да и никто въ Россіи не могъ предвидѣть обнародованія высочайшаго манифеста отъ 17 октября и тѣхъ послѣдствій, которыя были созданы противоправительственными партіями на почвѣ неправильнаго, въ видахъ достиженія намѣченныхъ ими цѣлей, истолкованія высочайшей воли.

Приложеніе № 1.

Совѣщаніе начальниковъ воинскихъ частей 12 октября было мною собрано во исполненіе полученной того же числа телеграммы товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшаго полиціей, свиты его императорскаго величества генералъ-маіора Трепова.

Приложеніе № 2.

Прокурорскій надзоръ, строя заранѣе обвиненіе въ превышеніи мною власти, считаетъ необходимымъ указать и на особую

съ моей стороны жестокость, которую онъ видитъ, какъ въ рѣчи моей въ началѣ совѣщанія, такъ и въ фразѣ, будто-бы сказанной военнымъ начальникамъ: „холостыхъ патроновъ не брать и въ воздухъ не стрѣлять". Эту попытку нельзя назвать удачной, такъ какъ для ея построенія пришлось прибѣгнуть къ приведенію несуществовавшихъ фактовъ. Если правительствующему сенату благоугодно будетъ сопоставить журналъ засѣданія съ вышеприведенной телеграммой, то онъ несомнѣнно убѣдится, что рѣчь моя ограничилась простымъ оглашеніемъ таковой; что касается до произнесенной мною фразы, то она никогда не имѣла мѣста, и заявленіе объ этомъ прокурорскаго надзора не вѣрно, какъ это видно изъ отвѣтовъ на мои письма и. д. минскаго вице-губернатора Чернцова и подполковника отдѣльнаго корпуса жандармовъ Хрыпова, не говоря уже о томъ, что въ засѣданіи присутствовалъ цѣлый рядъ другихъ лицъ, съ которыми бесѣдовалъ командированный въ городъ Минскъ членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Морозовъ, и которыми ничего подобнаго его превосходительству не заявлено. Итакъ, стремленіе прокурорскаго надзора доказать имѣвшееся у меня намѣреніе къ избіенію жителей города Минска, что составляетъ внутреннюю сторону преступленія—превышеніе власти, такъ какъ стрѣльба безъ намѣренія въ людей можетъ быть только актомъ сумасшедшаго—падаетъ само собой.

Прилож. №№ 3 и 4, 5, 6 и 7-ой.

Въ дальнѣйшемъ прокурорскій надзоръ указываетъ на передачу мной предоставленной мнѣ приложеніемъ къ 216 статьѣ т. 11 св. зак. и прилож. къ ст. 12 и 304 уст. гарнизонной службы, власти по вызову войскъ полицеймейстеру, приставамъ и даже помощнику пристава, при этомъ онъ подробно разбираетъ отдѣльные §§ означеннаго приложенія, а въ концѣ подтверждаетъ ихъ ссылкой на событія 18 октября, считая, что я 12-го долженъ былъ предвидѣть то, чего никто предвидѣть не могъ.

Всѣ заявленія прокурорскаго надзора по этому отдѣлу не вѣрны какъ съ фактической, такъ и съ юридической стороны.

Совѣщаніе 12 октября имѣло въ виду борьбу съ желѣзнодорожной забастовкой въ городѣ Минскѣ, на что указываютъ сообщенія начальника минскаго губернскаго жандармскаго управленія отъ 8 октября за № 7003, 13 октября и 15 октября.

Необходимо было предвидѣть возможность возникновенія

безпорядковъ въ разныхъ частяхъ города, куда одновременно я и вице-губернаторъ поспѣть не могли и считаться съ разбросанностью и отдаленностью казармъ войсковыхъ частей минскаго гарнизона. Бумаги, которыми были снабжены полицейскіе чиновники, не заключали въ себѣ какихъ бы то ни было для нихъ инструкцій и были адресованы не на ихъ имя, а на имя командировъ частей за моей подписью, въ виду состоявшагося въ совѣщаніи соглашенія. Нельзя было при такихъ условіяхъ, а равно и при возможной порчѣ телефона, заставлять полицейскихъ чиновъ сначала обращаться ко мнѣ, разыскивать меня, если-бы я выѣхалъ на одно изъ мѣстъ безпорядковъ, а затѣмъ посылать требованія къ начальникамъ войсковыхъ частей. Если бы я держался толкованія правилъ о вызовѣ войскъ прокурорскимъ надзоромъ, то войска всюду бы опоздали и въ городѣ Минскѣ могли произойти такіе же погромы и избіенія, какіе имѣли мѣсто въ другихъ городахъ.

Инструкція чиновникамъ полиціи, назначеннымъ въ разные районы, была преподана имъ, по моему распоряженію, и. д. минскаго полицеймейстера Норовымъ, причемъ имъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, въ случаѣ посылки бумагъ о вызовѣ войскъ, немедленно сообщать мнѣ объ этомъ по телефону въ губернаторскій домъ, гдѣ находился и полицеймейстеръ; на случай порчи телефона, къ каждому чиновнику были наряжены вѣстовые 2-го таманскаго казачьяго полка. Здѣсь, я считаю нелишнимъ доложить правительствующему сенату о причинахъ нахожденія полицеймейстера въ губернаторскомъ домѣ. Я возложилъ на коллежскаго ассесора Норова завѣдываніе центральнымъ райономъ: Соборной площадью, мѣстомъ, гдѣ расположенъ губернаторскій домъ. Эта площадь всегда служила въ городѣ Минскѣ центромъ всякихъ демонстрацій, такъ какъ на нее выходятъ улицы съ нижняго еврейскаго базара, гдѣ сженяхъ въ 150 отъ губернаторскаго дома расположенъ школьный дворъ (синагоги, молитвенные дома и школы). Школьный дворъ, съ момента моего пріѣзда въ городъ Минскъ, служилъ мѣстомъ для сходокъ партій „бундистовъ“ и съ него начинались всѣ демонстраціи. Изложивъ мои распоряженія по полиціи и мѣры къ охранѣ города на случай возникновенія безпорядковъ въ разныхъ его частяхъ, я считаю необходимымъ остановиться на дѣятельности жандармской желѣзнодорожной полиціи и обязанностяхъ на нее возложенныхъ.

Прокурорскій надзоръ, по основаніямъ мнѣ совершенно неизвѣстнымъ, считаетъ начальника жандармскаго полицейскаго

управленія желѣзныхъ дорогъ, полковника фонъ-Вильдемана-Клопмана человѣкомъ совершенно неопытнымъ, не обладающимъ ни тактомъ, ни знаніемъ законовъ, опредѣляющихъ его обязанности администратора. Не говоря уже о томъ, что начальникъ управленія занимаетъ очень высокій постъ, и что вокзалы находятся въ линіи отчужденія, въ самой передачѣ мною власти по вызову войскъ въ руки означеннаго лица, не было и надобности, что ясно при хотя бы, поверхностномъ ознакомленіи съ военными законами. Прокурорскій надзоръ не только не потрудился обратиться къ уставу гарнизонной службы и къ циркуляру главнаго штаба отъ 12 апрѣля 1898 года за № 201, разъясняющимъ этотъ вопросъ, но даже не прочиталъ 32-ю статью правилъ о порядкѣ призыва войскъ, благодаря чему смѣшалъ войска, вызываемыя на случай безпорядковъ, съ постоянными и временными караулами.

Войска, бывшія на Либаво-Роменскомъ вокзалѣ съ 13 октября, относятся именно къ числу таковыхъ и никакихъ иныхъ войскъ 18 октября на Либаво-Роменскій вокзалъ не вызывалось, а караулы для дѣйствія оружіемъ вовсе не нуждаются въ требованіи гражданской власти, какъ это ясно изъ приведенныхъ выше указаній, ст. 16 правилъ и 184 ст. устава о службѣ въ гарнизонѣ.

Перехожу къ фактической сторонѣ дѣла: 18-го октября 1905 года начальникъ Либаво-Роменской желѣзной дороги инженеръ Мошковъ просилъ меня разрѣшить служащимъ Либаво-Роменской желѣзной дороги, которая къ этому времени уже забастовала, собраться въ зданіи вокзала для обсужденія своихъ экономическихъ нуждъ.

Я согласился на просьбу инженера Мошкова и разрѣшилъ собраніе подъ личной его отвѣтственностью. Около 12 часовъ дня, того же числа, ко мнѣ явился и д. городского головы Стефановичъ и заявилъ, что въ виду забастовки городскихъ служащихъ, городъ черезъ часъ останется безъ воды, а вечеромъ безъ электрическаго освѣщенія. Вслѣдствіе чего, по соглашенію съ возвратившимся въ городъ Минскъ и вступившимъ въ должность начальника гарнизона, начальникомъ 60-ой пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантомъ Ильинскимъ, была командирована для охраны водокачки и электрической станціи, размѣщенныхъ въ одномъ и томъ же зданіи, одна полурота пѣхоты. Опасаясь, чтобы собраніе служащихъ на Либаво-Роменскомъ вокзалѣ не вышло за предѣлы даннаго ему разрѣшенія и признавая крайне

важнымъ обезпеченіе города водой и свѣтомъ, я съ генералъ-лейтенантомъ Ильинскимъ отправился на военную мукомольную мельницу, гдѣ генералъ приказалъ тотчасъ же послать на водокачку и станцію машинистовъ и опытныхъ рабочихъ, съ цѣлью замѣнить собой забастовщиковъ. Пока эти лица собрались, мы съ генераломъ Ильинскимъ поѣхали на Либаво-Роменскій вокзалъ, гдѣ полковникъ Вильдеманъ-Клопманъ и начальникъ отдѣленія подполковникъ Марченко сообщили мнѣ, что на собраніе служащихъ, происходящее въ залѣ 3-го класса, проникли посторонія лица и что предсѣдатель собранія служащій въ управленіи дороги Жаба допускаетъ обсужденіе политическихъ вопросовъ, между тѣмъ, какъ начальникъ дороги, принявшій на свою отвѣтственность собраніе—отсутствуетъ, и что на вокзалѣ нѣтъ ни одного изъ старшихъ агентовъ дороги. Я распорядился вызвать немедленно инженера Мошкова, которому по прибытіи и высказалъ свое удивленіе по поводу неисполненія даннаго имъ обѣщанія. Въ это время къ намъ подошло нѣсколько служащихъ, заявившихъ въ моемъ присутствіи начальнику дороги свое неудовольствіе на допущеніе въ собраніе посторонихъ и на отступленіе отъ экономической программы. Тутъ же подошелъ и предсѣдатель сходки Жаба. Инженеръ Мошковъ его мнѣ представилъ и на мое замѣчаніе о недопустимости на собраніи сужденій по политическимъ вопросамъ Жаба отвѣтилъ, что въ настоящее время отдѣлить политическіе вопросы отъ экономическихъ невозможно и что на дняхъ по этому поводу я получу надлежащія указанія изъ Петербурга. Дальнѣйшіе разговоры я призналъ излишними. Съ вокзала мы отправились на водопроводную и электрическую станцію, гдѣ при помощи прибывшихъ машинистовъ и рабочихъ возстановили дѣйствіе водопровода. Поставить рабочихъ на электрическую машину не представилось возможнымъ за неимѣніемъ таковыхъ, почему въ этотъ вечеръ городъ былъ безъ освѣщенія. Городскіе рабочіе собрались около станціи и вели себя вызывающе, такъ что одного изъ нихъ я долженъ былъ приказать арестовать, такъ какъ на него, какъ на зачинщика стачки, указалъ мнѣ завѣдующій станціей. Для охраны зданій былъ поставленъ военный караулъ. Благодаря принятымъ мѣрамъ водопроводъ продолжалъ дѣйствовать безостановочно, что же ксается до электричества, то городъ былъ безъ освѣщенія только одинъ день, такъ какъ на слѣдующій и. д. городского головы Стефановичъ просилъ меня освободить арестованнаго, заявляя, что рабочіе станутъ на ра-

боту, что я и нашелъ возможнымъ исполнить. Съ этого времени электричество въ городѣ не прекращалось. По возвращеніи въ губернаторскій домъ, я вызвалъ къ себѣ вечеромъ инженера Мошкова и инженера Шмидта, на котораго мнѣ указалъ начальникъ жандармскаго управленіи желѣзныхъ дорогъ фонъ-Видельманъ-Клопманъ, какъ на человѣка вполнѣ корректнаго и пользующагося самой лучшей репутаціей. Оба эти лица просили меня разрѣшить еще разъ собраніе служащихъ для обсужденія чисто экономическихъ вопросовъ. Я выразилъ на это согласіе, заявивъ начальнику дороги, что онъ долженъ обратиться ко мнѣ за разрѣшеніемъ письменно, что имъ и было исполнено на слѣдующій день, и собраніе разрѣшено мной подъ личной отвѣтственностью инжинера Шмидта

Прилож. №№ 8 и 9 10 и 11.

Такое же собраніе и на тѣхъ же условіяхъ было разрѣшено мною и 16 числа. Хотя собранія эти прошли сравнительно тихо и жандармская полиція не доносила мнѣ ни о какихъ нарушеніяхъ, но начальникъ дороги сообщилъ, что инженеръ Шмидтъ отъ дальнѣйшей отвѣтственности отказывается, почему 17 числа собранія служащихъ не было.

Прилож. № 12.

За всѣ эти дни въ городѣ было сравнительно спокойно и волненіе замѣчалось только среди учебныхъ заведеній, поэтому я счелъ необходимымъ собрать 16-го числа совѣщаніе начальниковъ таковыхъ. Въ ночь съ 17 на 18-е октября, около двухъ часовъ утра, мною былъ полученъ въ агентской телеграммѣ высочайшій манифестъ 17 октября. Не имѣя никакихъ распоряженій изъ министерства по этому предмету, я не счелъ себя въ правѣ опубликовать таковой немедленно, признавая, однако, что въ городѣ онъ сдѣлается извѣстнымъ, и что это обстоятельство при наличности въ городѣ Минскѣ партіи „Бундистовъ“, достигающей пяти тысячъ человѣкъ, и другихъ революціонныхъ партій, можетъ повлечь за собой нежелательныя осложенія и очень серьезные безпорядки. Вслѣдствіе сего, я собралъ своихъ ближайшихъ помощниковъ и приказалъ не печатать телеграммы въ подлежащемъ къ выпуску номерѣ „Бѣлорусскаго Вѣстника“, а полицеймейстеру приказалъ, что на случай возникновенія

безпорядковъ, необходимо руководствоваться основаніями журнала 12-го октября и подтвердить чинамъ полиціи ранѣе данныя по сему поводу инструкціи, изложенныя выше, что и было тотчасъ же исполнено. О правильности редакціи агентской телеграммы былъ сдѣланъ служебный запросъ и по полученіи отвѣта, около 12 часовъ дня, я разрѣшилъ печатаніе манифеста.

Прилож. №№ 13 и 14.

Съ 9 часовъ утра я принялъ рапортъ полицеймейстера, который доложилъ мнѣ, что въ городѣ пока волненій не замѣчается, но что всѣ необходимыя распоряженія сдѣланы, послѣ чего началъ общій пріемъ. О пріѣздѣ ко мнѣ полковника фонъ-Вильдемана-Клопмана, мнѣ никто не докладывалъ и показаніе его о томъ, что ему было сказано, что меня нельзя видѣть, такъ какъ я сплю—безусловно невѣрно по слѣдующимъ даннымъ. Наведя справки по этому предмету послѣ того, какъ мнѣ стало извѣстно заявленіе полковника, я узналъ, что онъ дѣйствительно пріѣзжалъ въ это утро, зашелъ въ канцелярію, помѣщающуюся въ нижнемъ этажѣ губернаторскаго дома, и спросилъ, разрѣшено-ли въ этотъ день собраніе служащихъ Либаво-Роменской желѣзной дороги. Получивъ отрицательный отвѣтъ, полковникъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ ему нечего подыматься на верхъ. Правильность сдѣланнаго мнѣ доклада подтверждается самымъ существомъ дѣла, а равно и порядкомъ моихъ пріемовъ, который могутъ удостовѣрить всѣ должностныя лица и жители Минской губерніи, когда-либо ко мнѣ обращавшіеся. Начиная ежедневный пріемъ съ $9^1/_2$—10-ти часовъ утра, я принималъ всѣхъ во всякое время, такъ что многіе обращались ко мнѣ и были мною приняты даже поздно вечеромъ, что не могутъ отрицать чины прокурорскаго надзора, которыхъ я принималъ даже ночью, какъ въ этомъ правительствующій сенатъ изволитъ убѣдиться изъ дальнѣйшихъ объясненій. Наконецъ, въ это утро, немного спустя послѣ полковника фонъ-Видельмана-Клопмана, ко мнѣ явился инженеръ Мошковъ и былъ тотчасъ же принятъ. Думаю, что при такихъ условіяхъ нельзя допустить исключенія съ моей стороны только для одного начальника жандармскаго управленія желѣзныхъ дорогъ. Инженеръ Мошковъ убѣдительно просилъ меня разрѣшить собраніе служащихъ и 18 числа, на что я согласился послѣ же даннаго имъ письменнаго ходатайства, назначивъ для присутствованія на собраніи полковника Вильдемана-Клопмана, о чемъ и послалъ

ему предложеніе съ вѣстовымъ казакомъ. До начала 2 часа никакихъ сообщеній съ вокзала Либаво-Роменской желѣзной дороги не было, и только около половины второго и. д. полицеймейстера доложилъ мнѣ, что толпа съ этого вокзала направилась къ городской думѣ. Толпа шла мирно, и порядокъ на улицахъ не нарушался, такъ что я не нашелъ нужнымъ принимать какія-бы то ни было репрессивныя мѣры, тѣмъ болѣе что наряды войскъ и полиціи были въ надлежащихъ мѣстахъ. Вскорѣ толпа показалась на губернаторской улицѣ и съ криками „ура“ подошла къ моему дому. Я вышелъ на балконъ, толпа продолжала кричать „ура“ и махала шапками. Стоявшій впереди ея Жаба заявилъ мнѣ просьбу принять депутацію, что я и исполнилъ, и депутаты въ числѣ около 10 человѣкъ вошли въ залъ. Въ числѣ депутаціи былъ, кромѣ Жабы, и. д. городского головы Стефановичъ въ цѣпи, какой-то инженеръ путей сообщенія, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ентысъ и другіе, неизвѣстныя мнѣ лица. Одинъ изъ членовъ депутаціи, кто именно, теперь не могу припомнить, обратился ко мнѣ съ заявленіемъ, что они, какъ представители свободнаго народа, явились ко мнѣ съ требованіемъ.

Приложеніе №№ 16, 17 и 18.

Я остановилъ говорившаго, сказавъ, что никакихъ требованій ко мнѣ предъявлено быть не можетъ, но что я съ удовольствіемъ выслушаю ихъ ходатайство. Тогда нѣкоторые изъ членовъ депутаціи, по преимуществу, Жаба, Стефановичъ и Ентысъ стали просить меня въ ознаменованіе столь счастливаго для Россіи дня освободить 8 человѣкъ, арестованныхъ мною за несоблюденіе обязательныхъ постановленій, освободить всѣхъ политическихъ арестованныхъ и вывести изъ города казаковъ, при чемъ и. д. городского головы и прочіе депутаты дали мнѣ слово, что порядокъ въ городѣ нарушенъ не будетъ, и вечеромъ будетъ иллюминація. Я призналъ возможнымъ удовлетворить первую просьбу и тотчасъ же отдалъ соотвѣтствующее приказаніе и. д. полицеймейстера, объяснивъ, что освобожденіе политическихъ преступниковъ зависитъ отъ жандармской власти и прокурорскаго надзора, а расквартированіе войскъ—отъ военнаго начальства. Депутаты удалились, и толпа во главѣ съ ними направилась къ тюрьмѣ. Здѣсь настроеніе толпы нѣсколько измѣнилось, а бывшій въ нарядѣ приставъ доложилъ по телефону, что толпа требуетъ освобожденія всѣхъ арестованныхъ. Я распорядился отправить туда изъ общаго резерва

роту пѣхоты для поддержанія бывшаго тамъ караула и тотчасъ же получилъ донесеніе, что волненіе около тюрьмы прекратилось благодаря точному исполненію командиромъ роты правилъ устава о гарнизонной службѣ. Штабсъ-капитанъ Безкостный предупредилъ толпу, что если она будетъ приближаться къ караулу ближе, чѣмъ это установлено закономъ, то онъ будетъ стрѣлять. Такимъ образомъ безпорядковъ не произошло, что отчасти подтвердило въ моихъ глазахъ данное депутатами обѣщаніе. Отсюда толпа, вмѣстѣ съ освобожденными, отправилась къ Либаво-Роменскому вокзалу, гдѣ, какъ потомъ оказалось, продолжалось собраніе служащихъ. По дорогѣ около помѣщенія 4-ой полицейской части толпа окружила городового Сурмача и стала его бить за то, что онъ не снялъ передъ ней фуражки. Помощникъ пристава Бернацкій освободилъ городового и вбѣжалъ съ нимъ во дворъ участка, при чемъ получилъ нѣсколько ударовъ по спинѣ и головѣ, и съ него была сбита фуражка. Такъ какъ въ участкѣ было всего 4 или 5 городовыхъ, то Бернацкій воспретилъ имъ выйти на улицу, опасаясь столкновенія съ толпой, которая стала разбивать камнями стекла и стрѣлять. О случившемся онъ хотѣлъ тотчасъ же доложить по телефону, но телефонъ оказался испорченнымъ, такъ что ему пришлось отправиться для этой цѣли въ полицейское управленіе. Отъ участка манифестанты отправились на площадь передъ Либаво-Роменскимъ вокзаломъ, гдѣ стали произносить рѣчи противоправительственнаго содержанія, позволяли себѣ оскорбительныя выраженія противъ священной особы государя императора, выхватили изъ рядовъ и подняли на руки капитана Пучковскаго и поручика Бѣляева, при чемъ у перваго была отнята шашка, на которую былъ навязанъ красный флагъ. Кромѣ того нѣкоторые изъ демонстрантовъ пытались вырвать у рядовыхъ Урбановича, Ермолаева, Семенова винтовки, а какой-то гимназистъ или студентъ стрѣлялъ изъ револьвера съ площадки вокзала по войскамъ, бывшимъ внутри багажнаго отдѣленія. Толпа ломилась въ зданіе вокзала, била стекла древками отъ флаговъ, палками и зонтами и оттѣснила нижнихъ чиновъ отъ занимаемаго ими поста, крича „наша беретъ“. Наконецъ у высланныхъ отъ второй роты патрульныхъ стали отнимать ружья, и какой-то еврей прицѣлился изъ револьвера въ ефрейтора Курилова; одному изъ рядовыхъ былъ нанесенъ желѣзнымъ крюкомъ ударъ по головѣ, а рядовой Гайдамовичъ получилъ сильный ударъ въ спину. Видя, что толпа переходитъ къ насилію, что схватили ихъ офицеровъ и что у нихъ вырываютъ ружья, нижніе чины, раздраженные предыдущимъ вызывающимъ поведеніемъ манифе-

стантовъ, открыли безъ команды бѣглый огонь, остановленный въ нѣсколько минутъ офицерами, при чемъ убито 52 и ранено 123 человѣка.

Какъ можно заключить изъ указа правительствующаго сената, къ этому именно моменту относится проявленное мной бездѣйствіе власти, наличность котораго основывается главнымъ образомъ на показаніи полковника фонъ-Вильдеманъ-Клопмана. Прокуроръ виленской судебной палаты находитъ, что бездѣйствіе власти выразилось въ томъ, что я въ моментъ безпорядковъ на Либаво-Роменскомъ вокзалѣ не поѣхалъ туда самъ или не послалъ туда вице-губернатора, и признаетъ, что это было сдѣлано мною умышленно. „Собравъ", говорится въ отношеніи 3-го ноября 1905 года, „12 октября произвольное совѣщаніе, и допустивъ противозаконное постановленіе въ цѣляхъ потомъ на него опираться, и возложивъ на совершенно неопытнаго, не обладающаго тактомъ, ни знаніемъ законовъ, опредѣляющихъ въ данномъ случаѣ его обязанности администратора, полковника фонъ-Вильдеманъ-Клопмана власть ему, губернатору, принадлежащую, губернаторъ бездѣйствовалъ, хорошо сознавая, что, въ силу имъ же преподанныхъ наставленій, толпа можетъ быть разстрѣляна безъ достаточнаго основанія къ употребленію огнестрѣльнаго оружія". Фактическая необоснованность такихъ обвиненій и произвольность выводовъ прокурорскаго надзора уже мною документально доказана, я считаю необходимымъ только добавить, что противозаконное, какъ его называетъ прокуроръ судебной палаты, постановленіе совѣщанія 12 октября было впослѣдствіи признано цѣлесообразнымъ циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 2 ноября за № 14000.

Приложеніе № 19.

Мнѣ остается только доказать, почему я не былъ въ моментъ безпорядковъ у Либаво-Роменскаго вокзала или не командировалъ туда вице-губернатора. Здѣсь приходится подробно остановиться на показаніи полковника фонъ-Вильдеманъ-Клопмана, лица, на обязанности котораго лежало охраненіе вокзала и наблюденіе за разрѣшеннымъ на немъ собраніемъ. Я не считаю себя въ правѣ входить въ оцѣнку его дѣйствій и остановлюсь только на тѣхъ объясненіяхъ, которыя меня непосредственно касаются. По мѣрѣ развитія безпорядочнаго поведенія толпы, заявляетъ полковникъ фонъ-Вильдеманъ-Клопманъ, онъ неоднократно и настойчиво обращался ко мнѣ по телефону, прося, между прочимъ, прислать кого-

либо изъ подвѣдомственныхъ мнѣ чиновъ, для руководства при прекращеніи безпорядковъ. Вмѣсто меня, находившагося въ своемъ домѣ, окруженномъ войсками, ему отвѣчалъ полицеймейстеръ. Послѣдній отвѣтъ уже въ критическій моментъ былъ таковъ: „дѣйствуйте по своему усмотрѣнію". Это показаніе совершенно противорѣчитъ истинѣ и можетъ быть только объяснено желаніемъ полковника снять съ себя всякую отвѣтственность. Въ дѣйствительности дѣло происходило такъ. Послѣ ухода толпы отъ моего дома къ тюрьмѣ и полученныхъ мною свѣдѣній о требованіи толпы освободить всѣхъ арестованныхъ изъ тюрьмы, мной была командирована, какъ я уже докладывалъ правительствующему сенату, рота солдатъ. Такъ какъ телефонъ въ моемъ кабинетѣ соединяется съ главной станціей черезъ канцелярію, чтобы не имѣть въ домѣ двухъ телефоновъ, и мой телефонъ оказался испорченнымъ, я спустился въ канцелярію, чтобы скорѣе получить всѣ необходимыя свѣдѣнія. Въ канцеляріи находился правитель канцеляріи, чиновникъ особыхъ порученій, кто-то изъ помощниковъ и и. д. полицеймейстера, который и доложилъ, что у тюрьмы все кончилось благополучно. Черезъ нѣсколько минутъ раздался звонокъ по телефону, къ телефону подошелъ полицеймейстеръ, и я услышалъ его отвѣтную фразу: „сейчасъ передаю трубку начальнику губерніи". Я подошелъ къ телефону и услышалъ отъ полковника фонъ-Вильдеманъ-Клопмана, что „толпа манифестантовъ подходитъ къ вокзалу, что дѣлать?". На это я отвѣтилъ, что „если толпа ведетъ себя мирно, то не слѣдуетъ прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ, а въ особенности употреблять оружіе". Не успѣлъ я положить телефонную трубку и дойти до двери въ сосѣднюю комнату, какъ раздался вторичный звонокъ. На этотъ разъ я самъ вернулся къ телефону и получилъ отъ полковника фонъ-Вильдеманъ-Клопмана буквальное повтореніе только что сдѣланнаго доклада, на что дословно повторилъ мое распоряженіе. Тутъ я уже не успѣлъ отойти отъ телефона, какъ раздался третій звонокъ, и полковникъ фонъ-Вильдеманъ-Клопманъ доложилъ, что „толпа съ насиліемъ нападаетъ на вокзалъ"; на это я отвѣтилъ, что „въ случаѣ насилія обратитесь къ военной власти, я самъ сейчасъ ѣду". Я приказалъ подавать лошадей, но не прошло и трехъ минутъ, какъ полицеймейстеръ доложилъ, что ему передали по телефону, что „войска стрѣляли, есть убитые, толпа разбѣжалась". Ѣхать при такихъ условіяхъ на вокзалъ не представлялось нужнымъ, и тотчасъ же были приняты мѣры подачи помощи раненымъ, для чего по телефону были командированы всѣ свободные отъ наряда полицейскіе

чиновники, вызваны желѣзнодорожные и участковые врачи и лазаретные фургоны 60-ой пѣхотной дивизіи. Въ принятіи этихъ мѣръ надобности не оказалось, такъ какъ убитые и раненые въ нѣсколько минутъ были увезены на извозчикахъ, что всегда имѣетъ мѣсто при еврейскихъ безпорядкахъ. Такимъ образомъ правительствующій сенатъ убѣдился, что я физически не могъ прибыть на мѣсто безпорядковъ, что я не могъ командировать туда и вице-губернатора, хотя квартира послѣдняго отстоитъ отъ моего дома въ 20-ти шагахъ, но я не успѣлъ даже вызвать его по телефону. Единственный способъ попасть къ Либаво-Роменскому вокзалу—это ѣхать во главѣ или сопровождать толпу манифестантовъ, что я не считалъ совмѣстимымъ съ достоинствомъ представителя высшей власти въ губерніи, той власти, отъ которой, вопреки мнѣнію прокурорскаго надзора, я никогда не отказывался. Какъ бы въ связи съ употребленіемъ оружія войсками у Либаво-Роменскаго вокзала стоитъ еще одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто у 4-ой полицейской части, когда толпа бѣжала обратно по Михайловской улицѣ. Здѣсь городовымъ Якубовичемъ былъ убитъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ентысъ. Установить съ точностью, какъ это произошло, не представляется возможнымъ. По дѣлу производится предварительное слѣдствіе, а городовой Якубовичъ заключенъ подъ стражу. Краткое извлеченіе изъ настоящаго дѣла, разсмотрѣннаго по моему распоряженію Минскимъ вице-губернаторомъ, и сдѣланныя имъ по сему предмету судебному слѣдователю указанія при семъ представляю.

Приложеніе № 30 и 31.

Вышеизложенными данными я могъ бы закончить свое объясненіе правительствующему сенату, если бы дальнѣйшія событія не объясняли причины возбужденія противъ меня прокурорскимъ надзоромъ необоснованныхъ обвиненій. Тотчасъ послѣ происшедшаго ко мнѣ пріѣхалъ бывшій минскій прокуроръ Бибиковъ и заявилъ, что онъ беретъ на себя разслѣдованіе всего случившагося, для чего тотчасъ же отправляется на вокзалъ, откуда вернется ко мнѣ. Признавая съ своей стороны разслѣдованіе столь важнаго дѣла судебной властью наиболѣе цѣлесообразнымъ, я приказалъ полицеймейстеру не приступать къ производству дознанія, а исполнять распоряженія прокурорскаго надзора и слѣдственной власти, но, желая выяснить себѣ картину происшедшаго, я поручилъ помощнику пристава Бернацкому про-

извести осмотръ зданія вокзала и 4-го полицейскаго участка. Помимо сего, исходя изъ того положенія, что разслѣдованіе обстоятельствъ, при которыхъ бывшія въ караулѣ войска употребили оружіе,—дѣло военныхъ властей, я просилъ прибывшаго ко мнѣ начальника гарнизона генералъ-лейтенанта Ильинскаго, въ присутствіи вице-губернатора и губернскаго предводителя дворянства, поручить дознаніе кому-нибудь изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ. Для этой цѣли на вокзалъ былъ командированъ командиръ 239 пѣхотнаго окскаго полка, полковникъ Ратіани, который, равно какъ и прокуроръ окружнаго суда возвратились въ 7 часовъ вечера и изложили происшедшее на вокзалѣ въ томъ видѣ, какъ оно представляется мною правительствующему сенату.

19-е число прошло спокойно и никакихъ заявленій со стороны прокурорскаго надзора о неправильныхъ дѣйствіяхъ полиціи ко мнѣ не поступало.

20-го утромъ явился и. д. городского головы Стефановичъ съ просьбой убрать во время похоронъ убитыхъ 18 октября войска и полицію. Я заявилъ г. Стефановичу, что, въ виду неисполненія даннаго имъ мнѣ слова о сохраненіи порядка 18-го октября, что повлекло за собой прискорбное столкновеніе съ войсками, я не считаю возможнымъ вступать съ нимъ въ какіе бы то ни было разговоры о мѣрахъ къ сохраненію порядка въ городѣ. Съ просьбой снять полицейскіе и войсковые наряды обращались ко мнѣ въ тотъ же день два товарища предсѣдателя окружнаго суда отъ имени общаго собранія отдѣленія этого суда, казенный раввинъ и товарищъ предсѣдателя еврейскаго погребальнаго братства Сліозбергъ. Если просьбы двухъ послѣднихъ лицъ являются естественными, такъ какъ большинство убитыхъ—евреи, то ходатайство представителей судебной власти, выходящее изъ предѣловъ вѣдѣнія общаго собранія, ничѣмъ объяснено быть не можетъ. На всѣ эти просьбы я заявилъ, что, отвѣчая за порядокъ въ городѣ, я не считаю возможнымъ, въ виду случившагося 18-го октября, ихъ исполнить, но, снисходя къ религіозному чувству, распоряжусь поставить наряды такимъ образомъ, чтобы они не бросались въ глаза.

Прилож. № 21 и 22. Прилож. № 23. Прилож. № 24.

Въ 11 часовъ 20 минутъ вечера прокуроръ минскаго окружнаго суда сообщилъ мнѣ по телефону, что онъ и собравшіеся у него товарищи прокурора имѣютъ мнѣ сдѣлать важное заявленіе,

почему онъ проситъ меня немедленно принять секретаря. Я отвѣтилъ, что, не смотря на позднее время, я готовъ принять его или кого-нибо изъ его товарищей, такъ какъ нахожу неудобнымъ вести переговоры съ секретаремъ. Черезъ полчаса ко мнѣ явились два товарища прокурора, представили мнѣ отношеніе прокурора за № 24100 и проектъ объявленія, которое прокуроръ за своею подписью желалъ расклеить по городу. Изъ этихъ бумагъ было ясно, что прокурорскій надзоръ считаетъ мѣстную администрацію, въ томъ числѣ и меня, стоящаго въ ея главѣ, виновною въ какихъ-то преступленіяхъ, вслѣдствіе чего лица эти довѣріемъ населенія не пользуются и только представители судебнаго вѣдомства заслужили своей дѣятельностью хоть нѣкоторое довѣріе. Не имѣя данныхъ раздѣлять мнѣніе прокурорскаго надзора и не считая себя въ правѣ отказаться отъ власти во ввѣренной мнѣ высочайше губерніи, я заявилъ прибывшимъ ко мнѣ, что на напечатаніе такого объявленія я согласиться не могу, тѣмъ болѣе, что всякому и безъ того извѣстно, что, въ силу закона, никакое лицо, совершившее преступленіе, не избѣгнетъ наказанія. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ товарищи прокурора сообщили мнѣ, что производящимся слѣдствіемъ городовой Якубовичъ изобличенъ въ убійствѣ присяжнаго повѣреннаго Ентыса, почему и привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по 1455 статьѣ уложенія о наказаніяхъ. Съ моимъ заявленіемъ, что преступленіе Якубовича предусмотрѣно 346 ст. того же уложенія и что слѣдствіе о немъ можетъ быть начато только въ особомъ порядкѣ, установленномъ для должностныхъ преступленій, представители прокурорскаго надзора не согласились. Около 2-хъ часовъ ночи прокуроръ суда вторично просилъ меня принять трехъ изъ его товарищей, которые вновь повторили предыдущее ходатайство и получили тотъ же отвѣтъ. Утромъ 21 октября и. д. минскаго полицеймейстера доложилъ мнѣ, что прокуроръ окружнаго суда требуетъ немедленной высылки къ нему въ камеру помощника пристава Бернацкаго и городового Якубовича, который, какъ донесъ мнѣ уже раньше полицеймейстеръ, боясь мести, 18 октября самовольно оставилъ оружіе и обмундированіе и отправился къ себѣ на родину въ Игуменскій уѣздъ. Я сообщилъ прокурору по телефону, что помощникъ пристава явится къ нему въ 4 часа, такъ какъ въ настоящее время онъ находится въ нарядѣ по случаю похоронъ, а о задержаніи Якубовича я немедленно сдѣлаю распоряженіе мѣстному исправнику, что тотчасъ же и исполнилъ. Не смотря на это, прокуроръ прислалъ ко мнѣ въ 12 часовъ дня товарища проку-

рора Зубкова съ отношеніемъ за № 24101, прося письменнаго отвѣта. Понять это отношеніе, противорѣчащее какъ существующимъ законамъ, такъ и установленнымъ служебнымъ отношеніямъ, я не могъ и отвѣтилъ отношеніемъ за № 10151. Однако, прокуроръ этимъ не удовольствовался, Якубовичъ былъ арестованъ подполковникомъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ Хрыповымъ. На другой день онъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго и товарищъ прокурора Сусловъ предписалъ начальнику тюрьмы не допускать къ Якубовичу рѣшительно никого изъ его начальства, то есть въ томъ числѣ и меня, какъ главнаго начальника полиціи.

Прилож. № 26.

Законный порядокъ былъ возстановленъ только 31-го октября прибывшимъ въ городъ Минскъ товарищемъ прокурора виленской судебной палаты Ястребцовымъ и противъ городового Якубовича возбуждено уголовное преслѣдованіе по журналу губернскаго правленія черезъ 10 дней послѣ того, какъ онъ былъ заключенъ подъ стражу.

Прилож. № 27.

Между тѣмъ, дѣлу о происшедшемъ на вокзалѣ Либаво-Роменской желѣзной дороги былъ данъ законный ходъ еще 21 октября, передачей его подлежащему военному слѣдователю.

Вышеприведенныя дѣйствія прокурорскаго надзора въ достаточной мѣрѣ объясняютъ тенденціозность и неправильность сообщенія прокурора виленской судебной палаты, основаннаго на донесеніи прокурора Бибикова и послужившаго основаніемъ для правительствующаго сената къ истребованію отъ меня настоящихъ объясненій.

Донося о всемъ вышеизложенномъ правительствующему сенату, я позволяю себѣ сдѣлать общее возраженіе по отдѣльнымъ предъявленнымъ ко мнѣ обвиненіямъ.

Мною не было допущено превышеніе власти, выразившееся въ томъ, что я привелъ въ исполненіе постановленіе особаго совѣщанія 12-го октября въ нарушеніе ст. 1-ой, 4, 7, 8, 15 и 20 правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ (прилож. къ ст. 316 общ. губ. учр.), такъ какъ совѣщаніе 12 октября было мною созвано не самопроизвольно, хотя бы я и на это имѣлъ полное право, а въ силу распоряженія товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшаго полиціей. Власти,

мнѣ предоставленной по вызову войскъ, я чинамъ полиціи и жандармско-полицейскому управленію желѣзныхъ дорогъ не передавалъ; раздѣленіе же города на районы на случай могущихъ возникнуть одновременно безпорядковъ съ обязательствомъ завѣдывающихъ районами немедленно мнѣ о нихъ докладывать я признавалъ правильнымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и послѣдующій циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, постановленіе совѣщанія 12 октября 18-го октября приведено въ исполненіе не было, а войска у виленскаго вокзала были временными караулами и дѣйствовали на основаніи 16 и 32 статей правилъ, 184 ст. устава о службѣ въ гарнизонѣ и циркуляра главнаго штаба отъ 12 апрѣля 1898 года за № 201.

Точно также мною не допущено было и бездѣйствіе власти, выразившееся въ непринятіи лично во время безпорядковъ какихъ либо мѣръ къ пресѣченію самыхъ безпорядковъ и къ предупрежденію употребленія противъ толпы оружія, безъ особой къ тому надобности, послѣдствіемъ чего была смерть 52-хъ человѣкъ и пораненіе свыше 100 человѣкъ. Обвиненіе это основано исключительно на совершенно противорѣчащихъ истинѣ показаніяхъ полковника фонъ-Вильдемана-Клопмана, между тѣмъ какъ изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла видно, что по времени я лично на мѣстѣ безпорядковъ быть не могъ, войска же употребили оружіе въ силу крайней необходимости, согласно требованію военной службы.

Считаю долгомъ доложить правительствующему сенату, что кровавое столкновеніе противоправительственныхъ партій съ войсками 18-го октября поколебало ихъ увѣренность, что войска противъ нихъ не будутъ дѣйствовать о чемъ, между прочимъ, мнѣ заявляли бывшіе у меня депутаты, и остановили дальнѣйшее развитіе преступныхъ демонстрацій, послѣдствіемъ которыхъ легко могъ быть еврейскій погромъ. Это столкновеніе сразу прекратило демонстраціи въ уѣздахъ, и даже въ переживаемое нами тяжелое время вооруженнаго возстанія въ различныхъ городахъ, порядокъ на улицахъ города Минска, несмотря на малочисленность его гарнизона, нарушенъ не былъ.

Руководствуясь въ управленіи высочайше ввѣренной мнѣ губерніи твердымъ исполненіемъ своего служебнаго долга, я всегда памятовалъ слова, которыми меня удостоилъ его императорское величество при моемъ представленіи по случаю назначенія на должность губернатора: *„я надѣюсь, что вы не допустите безпорядковъ въ губерніи“*

Приложеніе къ рапорту Курлова: 1) Телеграмма тов. министра внутреннихъ дѣлъ Трепова. 2) Журналъ особаго совѣщанія по мѣропріятіямъ къ охранѣ гор. Минска (см. приложеніе 4 къ сообщенію прокурора виленской судебной палаты оберъ-прокурора 1 д-та прав. сената.

Въ виду участившихся уличныхъ безпорядковъ, прошу принять рѣшительныя мѣры подавленія, не останавливаясь примѣненіемъ вооруженной силы. Особенное вниманіе обратите на охрану правительственныхъ учрежденій, главнымъ образомъ почтъ и телеграфовъ, на случай желѣзнодорожныхъ забастовокъ; въ видахъ противодѣйствія забастовщикамъ необходима охрана имущества, обезпечивающаго движеніе поѣздовъ, и тѣхъ служащихъ, которые желаютъ работать, но терроризированы забастовщиками; начальникамъ губернскихъ и желѣзнодорожныхъ жандармскихъ управленій предложено всѣ имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о готовящихся безпорядкахъ сообщать вамъ для совмѣстнаго съ вами обсужденія мѣръ противодѣйствія. Телеграмму подписалъ: товарищъ министра Треповъ.

Примѣчаніе. Вышеизложенная телеграмма получена была 12 октября 1905 года, по ней было созвано совѣщаніе и составленъ журналъ.

3) Отношеніе минскаго вице-губернатора къ Курлову.

Вслѣдствіе письма вашего превосходительства отъ 26 ноября с. г., сообщаю Вамъ слѣдующее.

По дѣлу о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ администраціи во время безпорядковъ въ Минскѣ никто изъ лицъ прокурорскаго надзора и вообще судебнаго вѣдомства меня не допрашивалъ, никому изъ нихъ никакихъ показаній я не давалъ и никакихъ оффиціальныхъ свѣдѣній не сообщалъ; такимъ образомъ всякая оффиціальная ссылка на меня является совершенно лишенной основанія.

Этимъ собственно я могъ бы ограничиться, но глубоко пораженный неожиданностью появленія безъ моего вѣдома имени моего въ столь важномъ документѣ, какъ запросъ правительственнаго сената, я, во избѣжаніе какихъ-либо для себя недоразумѣній, вынужденъ обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшей просьбой не отказать мнѣ въ содѣйствіи по выясненію этого, совершенно для меня непонятнаго, обстоятельства.

Въ этихъ видахъ я позволю себѣ сообщить слѣдующее. По дѣлу о распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ администраціи во время безпорядковъ я, какъ извѣстно и вашему превосходительству, много говорилъ съ прокуроромъ минскаго окружнаго суда г. Бибиковымъ, но разговоры наши, совершенно неоффиціальнаго характера, носили почти исключительно форму споровъ и, насколько припоминаю, трактуемой подробности совѣщанія 12 октября совершенно даже не касались. Нѣсколько позднѣе, по отъѣздѣ Вашемъ въ Петербургъ и во время управленія моего губерніей, въ Минскъ пріѣзжалъ и. д. прокурора виленской судебной палаты г. Ястребцовъ. Посѣтивъ меня, г. Ястребцовъ началъ свой разговоръ о происшедшихъ въ Минскѣ безпорядкахъ съ заявленія, что онъ никакого дознанія о дѣйствіяхъ администраціи не производитъ, никакихъ уполномочій на это не имѣетъ и обращается ко мнѣ совершенно частнымъ образомъ, лично желая уяснить себѣ сущность происшедшаго, между прочимъ въ виду явно, по его словамъ, допущенныхъ неправильностей въ дѣйствіяхъ прокурорскаго надзора и слѣдственной власти по разслѣдованію происшествія 18 октября. Во время нашего разговора рѣчь шла и о совѣщаніи 12 октября весьма, по его словамъ, г. Ястребцова интересовавшаго; передавая возможно подробнѣе все на этомъ совѣщаніи происходившее, я, между прочимъ, сообщилъ и тотъ фактъ, что въ связи съ не разъ возникавшимъ вопросомъ о возможности положиться на дѣйствія войскъ при подавленіи безпорядковъ и въ виду чрезвычайной серьезности положенія, вы обращались къ начальникамъ воинскихъ частей съ просьбой принять мѣры къ тому, чтобы въ случаѣ, если бы критическій моментъ пришлось обратиться къ содѣйствію и защитѣ войскъ и прибѣгнуть къ дѣйствію оружіемъ, войска исполнили бы это неуклонно и надлежащимъ образомъ, согласно требованій инструкціи, а не для виду только въ формѣ, напримѣръ, стрѣльбы на воздухъ, такъ какъ положеніе представлялось чрезвычайно серьезнымъ и малѣйшая оплошность могла бы сдѣлать его критическимъ. Объ огульномъ же будто бы вашемъ требованіи „не брать холостыхъ патроновъ и на воздухъ не стрѣлять“, я, конечно, не только не говорилъ, но охотно готовъ во всякое время удостовѣрить, что таковое требованіе вами вовсе и не высказывалось; да и вообще чье бы то ни было утвержденіе подобнаго рода было бы совершенно безсмысленнымъ, такъ какъ въ совѣщаніи находилось больше десятка другихъ лицъ, которыя въ любой данный моментъ могли бы съ надлежащей точностью возстановить все тамъ происходившее и установить ложность та-

кого заявленія. Узнавши далѣе, что о совѣщаніи былъ составленъ надлежащій протоколъ, г. Ястребцовъ обратился ко мнѣ съ просьбой выдать ему копію этого протокола, на что я отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, во-первыхъ потому, что г. Ястребцовъ по его собственнымъ словамъ обращался ко мнѣ не оффиціально, а совершенно частнымъ образомъ, а затѣмъ и потому, что я вообще не считалъ себя въ правѣ, временно управляя губерніей, выдавать изъ канцеляріи губернатора документы, касающіеся его личной дѣятельности; на выраженное же г. Ястребцовымъ желаніе прочесть упомянутый протоколъ, я отвѣтилъ полной готовностью и тотчасъ-же распорядился отослать ему таковой, тѣмъ болѣе считая это желательнымъ, что находилъ его содержаніе однимъ изъ вѣрныхъ доказательствъ правильности и цѣлесообразности административныхъ распоряженій; съ величайшимъ изумленіемъ я узналъ впослѣдствіи, что по распоряженію г. Ястребцова съ протокола этого была снята копія; но особаго значенія этому обстоятельству я тогда не придавалъ, въ виду категорическаго заявленія г. Ястребцова о томъ, что все его обращеніе ко мнѣ совершенно не имѣетъ никакого оффиціальнаго характера.

Въ виду всего вышеизложеннаго мнѣ представлялось бы весьма желательнымъ выяснить слѣдующее: 1) какимъ путемъ въ дѣлѣ правительствующаго сената могла появиться какая бы то ни было ссылка на меня, а тѣмъ болѣе совершенно дѣйствительности не соотвѣтствующая; 2) не имѣется ли въ томъ же дѣлопроизводствѣ и другихъ какихъ-либо на меня ссылокъ и если имѣется, то я просилъ бы сообщить мнѣ ихъ въ копіяхъ тѣхъ актовъ, кои ихъ приводятъ и 3) не пріобщена ли къ производству копія протокола совѣщанія 12 октября, если же пріобщена, то какимъ путемъ таковая значится полученной.

Въ увѣренности, что вы не откажете мнѣ въ содѣйствіи по выясненію вышеизложеннаго, прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

4) Отношеніе помощника начальника минскаго губернскаго жандармскаго управленія Хрыпова на имя Курлова.

Вслѣдствіе письма вашего отъ 26-го ноября за № 11928, докладываю, что никакихъ допросовъ по поводу событія 18 октября сего года съ меня никто не снималъ и никакихъ сообщеній прокурорскому надзору я не дѣлалъ, почему ссылка на мое показаніе является для меня совершенно непонятной.

По поводу событія меня, дѣйствительно, вызывалъ, для частной бесѣды, прокуроръ виленской судебной палаты Ястребцовъ въ 20 числахъ октября сего года, какъ производившаго негласное разслѣдованіе и наблюдавшаго за ходомъ событій, но бесѣда эта не носила оффиціальнаго характера, и въ ней я не высказывался о вторженіи вашимъ превосходительствомъ въ сферу дѣйствій военныхъ властей, да и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ самъ военный и знаю, что губернаторы по войсковымъ частямъ никакихъ распоряженій не дѣлаютъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

5) Сообщеніе начальника минскаго жандармскаго управленія минскому губернатору.

Согласно полученныхъ агентурныхъ свѣдѣній, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что сегодня или завтра должна состояться въ городѣ Минскѣ демонстрація, причемъ устройство ея зависитъ отъ того, будетъ ли усиленъ нарядъ полиціи, такъ какъ демонстрацію предполагаютъ устроить только лишь при слабости полицейскихъ патрулей.

Организація постановила объ убійствѣ и. д. Минскаго полицеймейстера г. Норова (поводомъ къ этому послужила неудавшаяся сходка 5-го октября, и для исполненія этого рѣшенія члены боевой дружины тянули жребій.

Изъ числа городовыхъ 12 человѣкъ принадлежатъ къ соціалъ-демократической рабочей партіи. Въ числѣ ихъ находится высокій, полный городовой 2-ой части, стоящій при дверяхъ дома вашего превосходительства, и двое, стоящихъ на Школьной улицѣ— одинъ съ окладистой бородой, другой молодой.

6) Записка минскаго губернскаго жандармскаго управленія отъ 13 октября 1905 г. минскому губернатору.

Завтра рѣшено устроить демонстрацію въ городѣ. Для этой цѣли предположено собираться небольшими кружками на улицахъ и потомъ сразу неожиданно образовать массу, которая, выкинувъ красныя знамена и стрѣляя изъ револьверовъ, пройдетъ по Захарьской улицѣ.

Полковникъ (подписалъ) Всесвятскій.

7) Записка минскаго губернскаго жандармскаго управленія отъ 15 октября 1905 г. минскому полицеймейстеру.

Несостоявшуюся сегодня сходку рабочихъ на Виленскомъ вокзалѣ предполагаютъ устроить завтра. На эту сходку должны явиться и члены боевой дружины, а также соціалисты-революціонеры, обѣщавшіе явиться при оружіи и съ бомбами. Думаютъ устроить вооруженную демонстрацію и нѣсколько манифестацій въ городѣ, чтобы разобщить силы полиціи и войска.

Усиленно раздаются прокламаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Начальникъ управленія, полковникъ (подписалъ) Всесвятскій.

8) Отношеніе начальника Либаво-Роменской желѣзной дороги минскому губернатору отъ 14 октября 1905 г.

Въ виду обращеннаго ко мнѣ ходатайства служащихъ ввѣренной мнѣ дороги, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство разрѣшить 14 сего октября въ 12 часовъ дня въ пассажирскомъ зданіи станціи Минскъ собраніе служащихъ Либаво-Роменской желѣзной дороги для обсужденія ихъ нуждъ, вытекающихъ изъ пріостановки движенія и прекращенія занятій въ управленіи дороги.

9) Отвѣтъ губернатора Курлова начальнику Либаво-Роменской желѣзной дороги.

Вслѣдствіе ходатайства вашего о разрѣшеніи собранія 14 сего октября въ пассажирскомъ зданіи станціи Минскъ служащихъ ввѣренной вамъ дороги сообщаю вашему высокородію, что устройство такового мною вамъ разрѣшается подъ отвѣтственностью инженера Шмидта и съ соблюденіемъ изданныхъ на этотъ предметъ правилъ, переданныхъ мною вамъ лично.

10) Отношеніе начальника Либаво-Роменской желѣзной дороги минскому губернатору Курлову отъ 15 октября 1905 г.

Въ виду обращеннаго ко мнѣ ходатайства служащихъ ввѣренной мнѣ дороги, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство разрѣшить 16 сего октября въ 12 часовъ дня въ пассажирскомъ зданіи станціи Минскъ собраніе служащихъ Либаво-

Роменской желѣзной дороги для обсужденія ихъ нуждъ, вытекающихъ изъ пріостановки движенія и прекращенія занятій въ управленіи дороги.

11) Отвѣтъ минскаго губернатора начальнику Либаво-Роменской желѣзной дороги.

Вслѣдствіе ходатайства вашего о разрѣшеніи собранія 16 сего октября въ пассажирскомъ зданіи станціи Минскъ служащихъ ввѣренной вамъ дороги сообщаю вашему высокородію, что устройство такового мною вамъ разрѣшается подъ отвѣтственностью инженера Шмидта и съ соблюденіемъ изданныхъ на сей предметъ правилъ, преподанныхъ въ именномъ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату отъ 12 октября сего года.

12) Журналъ общаго совѣщанія по вопросу о прекращеніи безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ г. Минска.

ЖУРНАЛЪ

Общаго совѣщанія 16 октября по вопросу о прекращеніи безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ г. Минска.

Присутствовали:

И.д. губернатора, камергеръ двора его величества П. Г. Курловъ, губернскій предводитель дворянства, камергера дворъ его величества А. С. Долгово-Сабуровъ, управляющій казенною палатою д. с. с. Ф. Н. Ястремскій, вице-губернаторъ, коллежскій ассесоръ Ѳ. Ѳ. Черницовъ, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, полковникъ Всесвятскій, директоръ реальнаго училища д. с. с. И. И. Самойло, директоръ народныхъ училищъ д. с. с. Н. Ф. Акоронко, директоръ мужской гимназіи С. С. Преображенскій, начальникъ минской женской гимназіи (и. д.) Преображенскій, главная надзирательница маріинской гимназіи Е. К. Гильтебрандтъ, главная надзирательница минской женской гимназіи С. П. Крупеникова, начальница женскаго духовнаго училища В. Ю. Курнатовская, директоръ коммерческаго училища П. Б. Чекановъ, ректоръ духовной семинаріи, протоіерей Юрашкевичъ, смотритель духовнаго училища Зенкевичъ, инспекторъ городского училища Н. В. Голубевъ, начальница частной гимназіи въ гор.

Минскѣ Добровольская, Минскій полицеймейстеръ, коллежскій ассесоръ Д. Д. Норовъ и правитель канцеляріи губернатора Л. Н. Зарипъ.

Слушали:

Начальникъ губерніи, открывая совѣщаніе, указалъ на то, что кромѣ отдѣльныхъ сообщеній отъ того или другого начальника учебнаго заведенія, или обращенія по телефону съ просьбой выслать охрану имъ, никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о ходѣ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ не получалось. Не смотря на такую явную неосвѣдомленность о дѣйствительной необходимости охраны учебныхъ заведеній, таковая всюду была своевременно высылаема по приказанію г-на губернатора. Рельефнымъ примѣромъ того, какъ начальники учебныхъ заведеній относились къ этимъ сообщеніямъ, можетъ служить сходка съ посторонними лицами въ помѣщеніи классической гимназіи, о которой губернаторъ узналъ только помимо г-на директора гимназіи.

Необходимость, прежде чѣмъ оказать должное содѣйствіе лицамъ учебнаго персонала, подробно ознакомиться: во 1-хъ, съ положеніемъ дѣла въ данномъ учебномъ заведеніи; во 2-хъ, съ дальнѣйшими намѣреніями начальниковъ учебныхъ заведеній въ смыслѣ продолженія учебныхъ занятій и въ 3-хъ, просить подробно выяснить по каждому учебному заведенію опредѣленныя требованія, въ какомъ именно смыслѣ, а также и въ какой формѣ должна быть организована охрана каждаго изъ нихъ, заставила начальника губерніи прибѣгнуть къ настоящему совѣщанію.

При этомъ г-нъ губернаторъ обратилъ вниманіе г.г. собравшихся на совѣщаніе, что внутренняя жизнь, а равно и распоряженіе внутри самихъ зданій учебныхъ заведеній не входятъ въ его компетенцію и, что предметомъ настоящаго засѣданія является, главнымъ образомъ, указаніе со стороны учебнаго начальства на необходимость наружной охраны и связанныхъ съ нею указаній чинамъ полиціи, каковыя губернаторъ имѣетъ преподать въ томъ, или другомъ отдѣльномъ случаѣ.

Директоръ мужской классической гимназіи, г. Преображенскій, изложилъ вкратцѣ исторію возникновенія безпорядковъ въ классической гимназіи. По его словамъ, съ 11 октября начали носиться слухи о всеобщей забастовкѣ, въ которой должны принять участіе и учащіеся. 11 и 12 числа имъ и учебнымъ персоналомъ гимназіи принимались мѣры къ успокоенію воспитанниковъ, но 13 числа гимназисты начали сильно волноваться и, не смотря на

своевременно прибывшую охрану, часть гимназистовъ успѣла выйти на улицу и, смѣшавшись съ посторонней публикой, вернулась обратно въ зданіе гимназіи. По имѣющимся у него свѣдѣніямъ, другая часть посторонних лицъ проникла чрезъ заборъ двора предводительскаго дома и такимъ образомъ съ гимназистами смѣшалось отъ 200 до 300 человѣкъ, проникшихъ въ гимназію съ улицы. Образовалась сходка, на которой кричали, пѣли и говорили рѣчи. 14 октября вновь была предположена сходка въ зданіи гимназіи, но своевременно прибыла усиленная охрана и сходка не состоялась.

Руководствуясь распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія продолжать занятія съ наличнымъ числомъ учащихся, педагогическій совѣтъ гимназій постановилъ: начать занятія въ первыхъ трехъ младшихъ классахъ и приготовительномъ съ 18 октября сего года, но дабы занятія эти шли безпрепятственно, по мнѣнію директора необходимо охранять гимназію отъ вторженія посторонних лицъ и воспитанниковъ старшихъ классовъ, каковые будутъ указаны наружной охранѣ г.г. надзирателями гимназіи. Охраняться должны, по мнѣнію Преображенскаго, не только входы въ гимназію со стороны улицы, но и со стороны двора г. предводителя дворянства, чрезъ заборъ котораго легко проникнутъ чрезъ черный ходъ въ зданіе гимназіи.

Продолжая свой докладъ, г. Преображенскій коснулся безпорядковъ и въ женской министерской гимназіи, гдѣ по его словамъ, изъ общаго числа 475 ученицъ зачинщицами явилось девять, которыя, не смотря на принимаемыя мѣры учебнымъ персоналомъ гимназіи, били стекла и бросали чернильницами, а затѣмъ уже безпорядки перешли въ другіе классы гимназіи и воспитанницы были распущены по домамъ. Занятія въ министерской женской гимназіи предположено также начать съ 18 октября въ первыхъ трехъ классахъ, а остальные классы имѣютъ быть закрыты. Наружная охрана необходима при входѣ въ гимназію.

Директоръ реальнаго училища д. с. с. Самойло объяснилъ, что, согласно предложенію попечителя виленскаго учебнаго округа, 41 воспитанникъ реальнаго училища будетъ уволенъ, вслѣдствіе чего можно ожидать нападенія на зданіе училища и требуется охрана наружныхъ входовъ; занятія предполагаетъ начать съ 18 октября.

Ректоръ семинаріи заявилъ, что въ настоящее время въ семинаріи хотя замѣчается нѣкоторое первное настроеніе, но занятія идутъ своимъ чередомъ. Были попытки проникнуть во внутрь

семинаріи, остановленныя сторожами и въ открытое окно была брошена какая-то коробка. Проситъ охраны для огражденія семинаріи отъ сообщенія извнѣ со стороны лицъ постороннихъ.

Въ епархіальномъ женскомъ училищѣ занятія продолжаются безостановочно. Начальница проситъ наружной охраны.

Директоръ коммерческаго училища объяснилъ, что занятія съ воспитанниками еще не начались и онъ предполагаетъ начать таковыя съ 24 октября. Въ зданіи училища была устроена сходка съ посторонними лицами и хотя наружная охрана была, но ей не было дано знать своевременно о невыпускѣ лицъ, не принадлежащихъ къ числу воспитанниковъ. Если помѣщеніе будетъ отремонтировано, то занятія предполагается открыть одновременно во всѣхъ классихъ. Проситъ организацію наружной охраны у двухъ входовъ въ училище, съ тѣмъ, чтобы пропускались только ученики въ формѣ коммерческаго училища, при чемъ обѣщаетъ снабдить ихъ билетами, если канцелярія успѣетъ это сдѣлать.

Директоръ народныхъ училищъ, д. с. с. Акоренко, находится при совершенно особыхъ условіяхъ: ученики его многочисленныхъ школъ крайне опечалены невозможностью продолжать занятія, такъ какъ воспитанники другихъ учебныхъ заведеній и постороннія лица врываются въ школы и выгоняютъ учащихся. Занятія думаетъ начать съ 18 октября и проситъ охраны всѣхъ училищъ.

Маріинская женская гимназія возобновляетъ занятія съ 18 октября въ трехъ младшихъ классахъ; охрана признается необходимой.

4-хъ классное городское училище и духовное училище начинаютъ занятія съ 18 октября и также просятъ охраны.

Начальница частной женской гимназіи, г-жа Добровольская, заявила, что у нея занятія идутъ все время нормально, но въ виду общаго приподнятаго настроенія воспитанницъ и всѣхъ учащихся въ городѣ, она распустила ученицъ и не считаетъ возможнымъ открыть гимназію съ 18 октября, предполагая выждать до 24-го. Въ настоящее время въ охранѣ не имѣетъ надобности, при открытіи же гимназіи находитъ нужнымъ наружную охрану двора.

Управляющій казенною палатою Ястремскій полагаетъ, что въ видахъ умиротворенія учащихся и малой освѣдомленности большинства родителей, среди которыхъ вдобавокъ циркулируютъ разные нелѣпые слухи, было-бы весьма желательнымъ организовать совѣщаніе родителей съ учебнымъ персоналомъ заведеній.

Губернаторъ, возражая Ястремскому, указываетъ на то, что ничего не имѣетъ противъ этихъ совѣщаній, но организація ихъ зависитъ исключительно отъ учебнаго начальства, составляя внутренній распорядокъ каждаго учебнаго заведенія, и обсужденіе этого вопроса въ настоящемъ совѣщаніи, было-бы вторженіемъ въ неподлежащую его вѣдѣнію область.

Объявляя совѣщаніе закрытымъ, начальникъ губерніи принимаетъ къ свѣдѣнію сдѣланное заявленіе объ организаціи наружной охраны учебныхъ заведеній, для надлежащихъ съ своей стороны распоряженій.

Въ полученномъ 17 сего октября отъ директора минскаго реальнаго училища отзывѣ видно, что въ виду городскихъ слуховъ угрожающаго характера онъ, совмѣстно съ директорами минскихъ мужской и женской гимназій, рѣшилъ начало учебныхъ занятій отложить до 24 числа сего мѣсяца октября.

Директоръ мужской гимназіи считаетъ нужнымъ присоединить, что онъ по телефону сообщилъ о происшедшемъ 13 октября въ гимназіи г. полицеймейстеру, прося его доложить г-ну губернатору о происходившей въ гимназіи сходкѣ и введеніи въ стѣны гимназіи военной охраны.

13) Отношеніе начальника Либаво-Роменской ж. д. Курлову отъ 18 октября 1905 г.

Имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство о разрѣшеніи собранія служащихъ Либаво-Роменской и Московско-Брестской желѣзныхъ дорогъ на основаніи указа 12 октября с. г. и циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, разъясняющаго этотъ указъ, въ залѣ III-го класса ст. Минскъ Либаво-Роменской жел. дороги 18 сего октября, для обсужденія своихъ экономическихъ и правовыхъ нуждъ.

14) Сообщеніе минскаго губернатора начальнику жандар. полицейскаго управленія жел. дор. Вильдеманъ Клопману.

Разрѣшивъ начальнику Либаво-Роменской желѣзной дороги устройство въ залѣ III-го класса станціи Минскъ 18 октября собранія служащихъ Либаво-Роменской и Московско-Брестской желѣзныхъ дорогъ, прошу ваше высокоблагородіе, согласно п. 8-му отд. 1-го именного высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 12 октября сего года, принять на себя обязанности

лица, надзирающаго за порядкомъ въ собраніи (ст. 6 отд. 1), при этомъ вамъ надлежитъ руководствоваться указаніями, изложенными въ томъ же указѣ, согласно п. 7 и 11 отдѣла 1-го.

16) Рапортъ пом. пристава Бернацкаго минскому полицеймейстеру.

По порученію вашего высокоблагородія я присутствовалъ 18-го истекшаго октября мѣсяца—въ день послѣдовавшаго высочайшаго манифеста—на митингѣ, который происходилъ на площади у виленскаго вокзала, подъ наблюденіемъ жандармскаго полковника фонъ-Клопмана и жандармскаго подполковника Марченко. Въ митингѣ этомъ, кромѣ служащихъ на желѣзной дорогѣ, принимали участіе постороннія лица—какъ христіане, такъ и евреи. На станціи въ то время находились войска отъ окскаго полка, которыя охраняли какъ вокзалъ, такъ и желѣзнодорожный путь отъ насилій со стороны забастовавшихъ нѣсколько времени тому назадъ служащихъ на той же Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ. Рѣчи на этомъ митингѣ говорили: извѣстный Жаба, инженеръ Гамзагурди, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, нынѣ покойный Ентысъ, еврей Окунь и другіе евреи, фамиліи которыхъ не знаю. Рѣчи говорились чисто политическія, въ которыхъ самымъ гнуснымъ образомъ поносилось имя государя и все правительство и указывалось на необходимость вооруженнымъ возстаніемъ свергнуть самодержавіе. Къ толпѣ, присутствовавшей на этомъ митингѣ, присоединилась другая численная еврейская толпа, которая несла по Михайловской улицѣ красные флаги и пѣла революціонныя пѣсни. Толпа эта, которой я пошелъ отъ вокзала навстрѣчу, остановилась возлѣ управленія 4 полицейской части, и, окруживъ бывшаго случайно на улицѣ городового Сурмача, стала бить его за то, что онъ не привѣтствовалъ толпу снятіемъ фуражки. Я вошелъ въ толпу и выручилъ Сурмача, съ которымъ вбѣжалъ на дворъ участка, при чемъ до этого момента толпа била меня по спинѣ и головѣ, съ которой сбросила фуражку и потоптала ее ногами. Послѣ этого я съ городовыми, которыхъ было только 4 или 5 человѣкъ, оставался въ участкѣ, а толпа продолжала (т)ять возлѣ участка и стала разбивать камнями стекла въ окнахъ участка и стрѣлять. Я не позволилъ выйти на улицу городовымъ для отраженія нападенія, такъ какъ понималъ, что съ такой огромной толпой справиться было не въ силахъ. Козина, въ домѣ которой помѣщается участокъ, вышла на улицу и стала молить толпу не губить ее съ дѣтьми. Подъ вліяніемъ этихъ

просьбъ толпа направилась къ вокзалу, а я хотѣлъ доложить по телефону о случившемся, но телефонъ, почему-то не дѣйствовалъ. Оставивъ въ управленіи участка пришедшаго полицейскаго чиновника Полторжицкаго и городовыхъ и отдавъ имъ приказаніе никуда не отлучаться и защищаться въ случаѣ нападенія на участокъ, я поспѣшилъ на извозчикѣ въ полицейское управленіе и оттуда доложилъ по телефону о случившемся. Выйдя изъ полицейскаго управленія, я услышалъ выстрѣлы и увидѣлъ публику, которая бѣжала и ѣхала на извозчикахъ. Я узналъ, что на площади у вокзала стрѣляли войска. Взявъ съ собою полицейскаго чиновника Яворскаго и городового 1 части № 40, бывшихъ возлѣ полицейскаго управленія, я поспѣшилъ на мѣсто происшествія и нашелъ тамъ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ развозили на извозчикахъ по домамъ и въ еврейскую больницу. На мѣстѣ я выяснилъ, что толпа, до стрѣльбы въ пее солдатъ, вела себя демонстративно, проявляла насильственныя дѣйствія надъ какимъ-то офицеромъ, разбила камнями стекла въ окнахъ помѣщенія вокзала и стрѣляла изъ револьверовъ, что подтверждалось найденными пробоинами въ тѣхъ же стеклахъ въ помѣщеніи вокзала. Въ числѣ убитыхъ оказался помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ентысъ, убитый, по словамъ очевидцевъ, городовымъ 4 участка Якубовичемъ, выбѣжавшимъ на выстрѣлы изъ своей квартиры. По словамъ очевидцевъ, стрѣляли также и другіе городовые. Таковыми по моимъ личнымъ разспросамъ оказался Кулинковичъ, Боровикъ, Сурмачъ и Сталько, которые объяснили мнѣ, что они слышали доносившіеся изъ толпы выстрѣлы и также стрѣляли въ защиту своихъ личностей, но послѣдствія этой стрѣльбы имъ неизвѣстны.

Изъ числа присутствовавшихъ на митингѣ лицъ самымъ лучшимъ образомъ могутъ засвидѣтельствовать поведеніе толпы служащій въ управленіи Либаво-Роменской желѣзной дороги Густавъ Карловичъ Шмидтъ и вдова надворнаго совѣтника Копецкая, которые могутъ также засвидѣтельствовать, какъ держали себя нижніе чины полиціи по отношенію публики. Приходу моему на площадь къ Виленскому вокзалу предшествовала встрѣча съ Жабой у дома Фогеля по Захарьевской улицѣ, шедшимъ на встрѣчу мнѣ съ какими-то двумя евреями, который, при видѣ меня, спрятался въ домѣ Фогеля въ какой-то еврейской квартирѣ. Я пошелъ за нимъ, чтобы спросить о происшедшемъ на вокзалѣ случаѣ, но евреи его мнѣ не показали и потомъ, благодаря этой встрѣчѣ, въ публикѣ распространился слухъ о томъ, что я искалъ Жабу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы его убить.

---

*

17) Протоколъ осмотра пристава Бернацкаго помѣщенія управленія 4 полицейской ч. г. Минска.

1905 года октября 18 дня. вр. и. д. пристава 4 части гор. Минска Бернацкій съ нижеподписавшимися понятыми осматривали помѣщеніе управленія 4 полицейской части на предметъ выясненія, какими насильственными дѣйствіями сопровождалось нападеніе, сдѣланное сего числа шедшей по Михайловской улицѣ къ Виленскому вокзалу значительно численной еврейской толпой манифестантовъ, несшей красные флаги и пѣвшей революціонныя пѣсни. Путемъ этого осмотра выяснено, что насильственныя дѣйствія еврейской толпы сопровождались разбитіемъ камнями стеколъ въ окнахъ помѣщенія управленія и револьверными выстрѣлами, пули отъ которыхъ попадали въ стѣны этого же помѣщенія и косяки оконъ и дверей, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіеся въ этихъ мѣстахъ слѣды отъ пуль.

---

18) Протоколъ пристава Бернацкаго объ осмотрѣ вокз. ст. Минскъ.

1905 года октября 18 дня. вр. и. д. пристава 4 части города Минска Бернацкій, послѣ подавленной войсками омскаго полка вооруженной манифестаціи, устроенной при станціи Минскъ Либаво-Роменской желѣзной дороги еврейской толпой, доходившей численностью своею до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, сопровождавшейся во время ея подавленія человѣческими жертвами, осматривалъ съ нижеподписавшимися лицами, приглашенными въ качествѣ понятыхъ въ зданіе вокзала на предметъ констатированія того факта, что толпа манифестантовъ стрѣляла первая, чѣмъ и заставила войска стрѣлять въ нее, и путемъ осмотра установили, что въ окнахъ дверей вокзала, къ которымъ стояла лицомъ толпа, имѣются въ значительномъ числѣ пробоины, образовавшіяся, судя по калибру пуль, отъ револьверныхъ выстрѣловъ, которыми была вооружена толпа манифестантовъ, которые, какъ выясняется дознаніемъ, стрѣляли также въ 4-ый полицейскій участокъ, направляясь съ красными флагами къ вокзалу.

---

19) Секретный циркуляръ д—та полиціи губернаторамъ.

Безпорядки, происходившіе за послѣднее время въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, обстоятельства ихъ сопровождавшія, и мѣры, принимавшіяся со стороны губернскихъ властей къ подавленію

смуты, съ полною очевидностью свидѣтельствуютъ, что въ большинствѣ губерній чины мѣстной администраціи не были совершенно освѣдомлены о возможности возникновенія безпорядковъ въ районахъ ихъ вѣдѣнія и не знали, въ какой именно формѣ они могутъ въ данной мѣстности скорѣе всего проявиться, а потому, будучи застигнуты врасплохъ, дѣйствовали безъ всякаго опредѣленнаго, заранѣе намѣченнаго плана и не могли въ полной мѣрѣ использовать всѣ имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи средства. Только растерянностью администраціи и можно себѣ объяснить, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, тѣ размѣры, которые приняли народныя волненія.

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что безпорядки, подобные происходившимъ, могутъ въ настоящее тревожное время повториться вновь и даже, быть можетъ, съ еще большею силою,—долгомъ считаю обратить самое серьезное вниманіе губернскаго начальства на необходимость прежде всего быть всегда въ курсѣ готовящихся событій. Общая и жандармская полиція, а также и существующія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ охранныя отдѣленія, должны въ этомъ отношеніи идти всегда рука объ руку, взаимно дополняя и провѣряя свои свѣдѣнія, чтобы дружными усиліями освѣщать всѣ происки противоправительственныхъ партій и не давать имъ застигнуть себя врасплохъ. Затѣмъ, необходимо всегда тщательно использовать матеріалъ, добытый полиціею, и, при поступающихъ указаніяхъ на возможность возникновенія безпорядковъ, всегда заранѣе вырабатывать, совмѣстно съ представителями военнаго вѣдомства, планъ дѣйствій къ предупрежденію и пресѣченію безпорядковъ, какъ это и дѣлается въ столицахъ. Въ частности, могутъ быть рекомендованы слѣдующія мѣры, всѣ правительственныя и общественныя зданія и сооруженія, которымъ можетъ угрожать опасность, необходимо охранять воинскими караулами. Кромѣ того весь городъ долженъ быть разбитъ на извѣстные районы,—которые, по степени важности, обезпечиваются надлежащимъ числомъ полицейской и воинской командъ. Полицейскій чиновникъ, стоящій во главѣ такого района, долженъ точно знать количество силъ, которыми онъ располагаетъ, какія именно эти силы и гдѣ онѣ расположены, а также къ кому ему надлежитъ, въ случаѣ надобности, обратиться за помощью и какую роль онъ самъ играетъ во исполненіе общаго намѣченнаго плана. Войсковыя части, какъ поступившія уже въ помощь полиціи, такъ и находящіяся для этой цѣли въ резервѣ, должны быть точно освѣдомлены, въ чье ближайшее вѣдѣніе онѣ поступаютъ и

отъ кого должны исходить ближайшія руководящія указанія относительно порядка ихъ дѣйствій. Словомъ, каждый чинъ полиціи или войнской команды, командированный въ помощь полиціи, долженъ твердо и ясно знать свое мѣсто и степень своего участія въ общемъ дѣлѣ подавленія безпорядковъ, главное руководительство дѣйствіями полиціи и войскъ должно принадлежать одному лицу, о званіи котораго и полиція и войска должны быть освѣдомлены. Мѣсто нахожденія этого лица во время безпорядковъ должно быть точно указано, чтобы всякій имѣющій къ нему неотложную надобность могъ навѣрное знать, гдѣ его найти. Въ распоряженіи такого лица долженъ быть достаточный резервъ полиціи и войскъ, чтобы, не ослабляя мѣстныя силы, можно было бы двинуть, въ случаѣ надобности, къ тому или другому пункту города подкрѣпленія изъ общаго резерва. Держать все время въ ожиданіи безпорядковъ войска въ полномъ комплектѣ подъ ружьемъ и на открытомъ воздухѣ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ это безцѣльно утомляетъ нижнихъ чиновъ. Воинскія части, въ районѣ, подлежащемъ ихъ охраненію, должны держаться только наготовѣ и по возможности въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Надлежитъ озаботиться подысканіемъ такихъ помѣщеній заблаговременно и предоставить войскамъ возможность получать во время продовольствіе средствами своихъ частей. Гдѣ возможно, администрація должна приходить въ этомъ отношеніи на помощь войскамъ и оказывать имъ всяческое содѣйствіе.

---

20) Отношеніе виленскаго жандармскаго полиц. управленія жел. дор начальнику штаба 60-й пѣх. дивизіи.

Въ началѣ 5-го часа дня 18 сего октября, находясь на станціи Минскъ Либаво-Роменской желѣзной дороги, мною было замѣчено, что тысячная толпа, находящаяся на плацу передъ вокзаломъ, въ средѣ которой разные ораторы держали рѣчи, стала усиленно напирать на вокзалъ. Двери вокзала, выходящія на эту площадь, были заперты, и въ помѣщеніи между багажной стойкой и дверьми находилась часть войскъ, выставленная для охраны, и при ней офицеръ.

Увидѣвъ изъ оконъ залы I-го класса натискъ разъяренной толпы, я вышелъ въ багажное отдѣленіе, гдѣ мнѣ представилась картина полнаго разоренія. Стекла въ окнахъ и дверяхъ были

побиты, и толпа силилась взломать двери и ворваться въ вокзалъ. Тогда я обратился къ тутъ же стоящему при охранѣ офицеру съ предложеніемъ возстановить порядокъ, для чего, если ему понадобится, употребить силу. На мое предложеніе получилъ отъ сказаннаго офицера самый рѣшительный отказъ. Не отвѣтивъ ему ни слова, я вышелъ искать батальоннаго командира и, выйдя на противоположную платформу, былъ окруженъ приблизительно полуротой солдатъ, которые въ самомъ возбужденномъ состояніи просили меня, дабы имъ разрѣшено было силой оттѣснить толпу, въ противномъ случаѣ они бросятъ ружья и уйдутъ. Напомнивъ солдатамъ долгъ службы, остановилъ ихъ и послалъ за батальоннымъ командиромъ, который сейчасъ же пришелъ. Батальонному командиру передалъ видѣнное и слышанное мною и просилъ его вступить и принять на себя возстановленіе порядка, такъ какъ незначительными силами полицейскихъ чиновъ этого сдѣлать было невозможно. Батальонный командиръ исполнилъ немедленно мое требованіе. За дѣйствіемъ войскъ наблюденія съ моей стороны не требовалось, и я обратился къ своимъ прямымъ обязанностямъ, принимая мѣры предохраненія пассажировъ отъ опасности. Стрѣльба на площади у вокзала длилась не болѣе 3-хъ—5-ти минутъ, и площадь была очищена отъ народа.

---

21) Сообщеніе прокурора минскаго окр. суда минскому губернатору.

На основаніи высочайше одобреннаго къ руководству въ 17 день октября 1905 года всеподданнѣйшаго доклада статсъ-секретаря графа С. Ю. Витте, въ которомъ властямъ на всѣхъ ступеняхъ предложено руководствоваться: 1) прямотой, искренностью въ учрежденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ; 2) согласованіемъ дѣйствій всѣхъ органовъ правительства; 3) противодѣйствіемъ дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу; 4) закономъ и стремленіемъ къ духовному единенію благоразумнаго большинства общества и, имѣя въ виду, что печальныя событія 17 сего октября въ городѣ Минскѣ глубоко поразили общество во всѣхъ его слояхъ, что сего числа по городу расклеены объявленія, явно угрожающія общественному порядку и правильному теченію мирной жизни, что въ обществѣ циркулируютъ ужасающіе слухи, вызванные, очевидно, недовѣріемъ населенія къ власти, и въ неувѣренности, что всѣ истинно виновные въ томъ, что была

пролита кровь многихъ гражданъ путемъ примѣненія вооруженной силы, понесутъ установленное уголовнымъ закономъ наказаніе, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ и обрядовъ судебныхъ уставовъ императора Александра II, что такое положеніе вещей грозитъ неисчислимыми новыми бѣдствіями и немедленно измѣнится при духовномъ единеніи властей съ благоразумнымъ большинствомъ общества, имѣю честь почтительно просить ваше превосходительство во имя закона разрѣшить мнѣ поставить населеніе города Минска въ извѣстность, что судебныя власти принимаютъ всѣ законныя мѣры къ раскрытію истинныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ событія 18 октября, и виновныхъ, не взирая на ихъ чины, званіе и независимо отъ вѣроисповѣданія и національности, и что тѣ, виновность коихъ будетъ установлена, понесутъ должное наказаніе.

Я прошу разрѣшить сдѣлать это именно мнѣ, какъ прокурору окружнаго суда, потому что съ 1864 года прокурорскій надзоръ и судъ дѣйствовали всегда, руководствуясь принципами, нынѣ провозглашенными съ высочайшаго престола для примѣненія во всѣхъ отрасляхъ управленія, почему населеніе и сохранило къ лицамъ судебнаго вѣдомства нѣкоторое довѣріе.

Я обращаюсь, ваше превосходительство, съ настоящей усердной просьбой именно къ вамъ, какъ представителю государя императора въ губерніи, потому что въ первый день вступленія вашего въ высочайше ввѣренную вамъ должность, вы объявили населенію, что, проведя свою жизнь въ службѣ царю и отечеству на поприщахъ военномъ и судебномъ, будете руководствоваться лишь закономъ и справедливостью въ вашемъ служеніи государству и царю, ради которыхъ всѣ мы готовы пожертвовать жизнью.

Пребывая въ увѣренности, что ваше превосходительство не замедлите дать мнѣ отвѣтъ, такъ какъ каждая минута дорога и можетъ быть скоро никто и ничто уже не будетъ въ состояніи предотвратить беззаконный и ужасный самосудъ неудовлетвореннаго въ своемъ естественномъ чувствѣ народа, присовокупляю, что сущность настоящаго моего отношенія представлена мною по телеграфу вчера прокурору виленской судебной палаты и министру юстиціи. Прилагаю копію объявленія.

---

22) Объявленіе прокурора минскаго окружнаго суда.

На основаніи 1 ст. уст. уг. суд. императора Александра II, всякій, совершившій преступленіе, присуждается къ наказанію

приговоромъ подлежащаго суда. Симъ объявляется, что всѣ судебные слѣдователи гор. Минска и его уѣзда и весь прокурорскій надзоръ напрягаютъ всѣ силы, чтобы обнаружены были истинные виновники кровавыхъ событій 18 октября с. г. и чтобы виновные не избѣгли бы законнаго наказанія, не взирая на чины, званіе, вѣроисповѣданіе и національность. Общество призывается довѣриться закону и положиться на объявленныя гарантіи свободы и равенства всѣхъ предъ закономъ, давъ возможность слѣдствію идти тѣмъ спокойнымъ ходомъ, который необходимъ для всесторонняго и безпристрастнаго разслѣдованія. Всѣ, могущіе дать указанія по дѣлу, приглашаются явиться въ камеру судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, въ зданіи судебныхъ установленій.

---

23) Отношеніе канцеляріи минскаго губернатора игуменскому уѣздному исправнику.

Канцелярія губернатора, по приказанію его превосходительства, г-на начальника губерніи, и вслѣдствіе требованія прокурора минскаго окружнаго суда, проситъ ваше высокоблагородіе объявить крестьянину деревни Висковичъ, Дудичской волости, запасному нижнему чину 116 пѣхотнаго малоярославскаго полка Антону Мартинову Якубовичу, дабы онъ явился, въ непродолжительномъ времени, въ камеру прокурора минскаго окружнаго суда, помѣщающуюся въ зданіи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ города Минска.

---

24) Отношеніе прокурора минскаго окр. суда минскому губернатору

Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, въ дополненіе къ отношенію моему отъ 20 октября за № 24100, что въ отвѣтъ на телеграммы мои его высокопревосходительству господину министру юстиціи съ докладомъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ, сопровождавшихъ и послѣдующихъ кровавыя событія 18 октября, насколько они выяснены производимыми подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ по сему дѣлу, и о необходимости немедленно мнѣ поставить въ извѣстность населеніе, что всѣ виновные, не взирая на чины, званіе, вѣроисповѣданіе и національность, будутъ немедленно привлечены къ уголовной отвѣтствен-

ности и затѣмъ понесутъ законное наказаніе по приговору надлежащаго суда, господинъ министръ юстиціи удостоилъ меня черезъ члена консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, Маламу по телеграфу отвѣтомъ нижеслѣдующаго содержанія: „Министръ вполнѣ одобряетъ ваши распоряженія".

Получивъ сегодня ночью словесный отказъ вашего превосходительства на ходатайство мое о распубликованіи означеннаго объявленія, въ виду полученной мною вышеизложенной телеграммы господина министра юстиціи, почтительнѣйше прошу ваше превосходительство, въ интересахъ дѣла, правды, справедливости и успокоенія населенія, а также для огражденія виновныхъ должностныхъ лицъ отъ возможнаго незаконнаго и преступнаго народнаго самосуда, основываясь вновь на высочайше одобренномъ докладѣ статсъ-секретаря графа Витте, немедленно распорядиться напечатаніемъ означеннаго объявленія въ губернской типографіи, какъ доказательство для меня и населенія, что ваше превосходительство согласитесь на всѣ законныя мѣры судебныхъ властей къ привлеченію подвѣдомственныхъ вамъ должностныхъ лицъ къ отвѣтственности и затѣмъ къ немедленному заключенію ихъ подъ стражу. Такое доказательство въ видѣ объявленія необходимо судебной власти и населенію потому, что, на основаніи 272 ст. уст. уг. суд., судебныя власти имѣютъ право, если встрѣтятъ сопротивленіе со стороны вашего превосходительства при исполненіи своихъ обязанностей, какъ бы незаконны онѣ съ вашей точки зрѣнія ни были, при условіи, что судебная власть признаетъ свои распоряженія законными,—требовать содѣйствія какъ гражданскаго или военнаго начальства, такъ и окольныхъ людей, а въ виду того, что у вашего превосходительства въ рукахъ большая военная сила, такая коллизія властей вызвала бы кровавыя столкновенія. Не желая пользоваться предоставленной 272 ст. уст. уг. суд. властью для предотвращенія того, что мы именно желаемъ предупредить, я и прошу ваше превосходительство немедленно и письменно увѣдомить меня, сдѣлаете ли вы тотчасъ распоряженіе напечатать препровожденное мною вчера объявленіе и расклеить таковое по городу. Къ сему присовокупляю, что начальникъ Либаво-Роменской желѣзной дороги сообщилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, въ случаѣ распубликованія моего объявленія забастовка на желѣзной дорогѣ немедленно прекратится и поѣзда пойдутъ правильно по всей линіи. Кромѣ того, предваряю ваше превосходительство, что 272 ст. уст. уг. суд. властями въ отношеніи васъ примѣнена не будетъ, такъ какъ при отказѣ въ моемъ требо-

ваніи я немедленно отправляюсь съ экстреннымъ поѣздомъ въ Петербургъ для доклада съ разрѣшенія прокурора палаты министру юстиціи, что въ виду противодѣйствія вашего превосходительства законнымъ распоряженіямъ судебныхъ властей, ни одно должностное лицо министерства внутреннихъ дѣлъ, виновность котораго доказана, или будетъ доказана, не будетъ привлечено къ слѣдствію или заключено подъ стражу до устраненія препятствій со стороны вашего превосходительства, во избѣжаніе невозможнаго конфликта, за исключеніемъ городового Якубовича, о задержаніи и заключеніи котораго подъ стражу мною еще вчера и послѣ сообщенія о томъ вашему превосходительству, въ виду совершенія означеннымъ городовымъ общаго, а не служебнаго преступленія, предложено помощнику начальника минскаго губернскаго жандармскаго управленія подполковнику Хрыпову, которымъ, а равно и начальникомъ жандармскаго управленія, сдѣлано распоряженіе объ исполненіи моего предложенія, тѣмъ болѣе, что городовой Якубовичъ скрылся отъ слѣдствія и суда и что это обстоятельство волнуетъ все населеніе города Минска.

---

25) Отвѣтъ минскаго губернатора прокурору суда.

Имѣю честь увѣдомить ваше высокородіе, что представлять какія либо объясненія должностнымъ лицамъ ввѣренной мнѣ губерніи я считаю для себя необязательнымъ, отвѣтственность же моя по закону, какъ губернатора, изложена въ статьяхъ 396 и 397 т. 2 общ. губ. учр.

---

26) Отношеніе помощника губ. жандармскаго управленія Хрыпова начальнику минской тюрьмы.

Согласно распоряженію прокурора минскаго окружнаго суда, прошу о принятіи подъ стражу крестьянина Антона Мартынова Якубовича, задержаннаго подвѣдомственными мнѣ нижними чинами. Подлинное подписалъ подполковникъ Хрыповъ.

---

27) Постановленіе судебнаго слѣдователя 3-го участка г. Минска и предложеніе товарища-прокурора нач. минской тюрьмы.

1905 года, октября 22 дня въ минской тюрьмѣ и. д. судебнаго слѣдователя 3 участка гор. Минска, выслушавъ показаніе поли-

цейскаго городового 4 части гор. Минска Антона Мартынова Якубовича, 36 лѣтъ, привлеченнаго въ качествѣ обвиняемаго по 1 ч 1455 ст. ул. о наказан., и принявъ во вниманіе, что показаніями свидѣтелей очевидцевъ Пухальскаго, Кохановскаго, Коханова, Павловичъ, Тинькова и Феськова онъ достаточно изобличается въ умышленномъ убійствѣ 18 октября въ г. Минскѣ помощника присяжнаго повѣреннаго Ентыса, и что ему грозитъ наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, руководствуясь 416—421 ст. уст. угол. суд., *постановилъ*: для пресѣченія означеному Якубовичу способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда по настоящему дѣлу, содержать его подъ стражею въ минской тюрьмѣ, безусловно, куда и послать копію сего постановленія, предъявивъ подлинное обвиняемому Якубовичу. Слѣдуетъ подпись.

---

28) Журналъ присутствія минскаго губернскаго правленія.

Журналъ присутствія минскаго губернскаго правленія, октября 31 дня 1905 года.

По 1-му отдѣленію, столу 3-му. Судебный.

Назначается предварительное слѣдствіе надъ бывшимъ городовымъ минской городской полицейской команды Якубовичемъ по 346 и I части 1455 ст. улож. о наказ.

Слушали:

Докладъ: прокуроръ виленской судебной палаты 29 сего октября, за № 22948, препроводилъ въ минское городское полицейское управленіе копію постановленія судебнаго слѣдователя 3 участка города Минска отъ 29 сего октября на предметъ привлеченія къ отвѣтственности по 346 и I ч. 1455 ст. улож. о наказ. городового Якубовича, какъ изобличаемаго въ убійствѣ помощника присяжнаго повѣреннаго Ентыса 18 сего октября.

Изъ копіи постановленія судебнаго слѣдователя видно, что 1905 года октября 29 дня и. д. судебнаго слѣдователя 3 участка города Минска, разсмотрѣвъ слѣдствіе о причинахъ смерти помощника присяжнаго повѣреннаго виленской судебной палаты Ентыса

и принимая во вниманіе, что при вскрытіи его трупа у него обнаружена огнестрѣльная рана въ лѣвомъ боку, имѣвшая направленіе черезъ нижнюю долю лѣваго легкаго, околосердечную сумку, правое сердце, подкожную жировую ткань правой грудной клѣтки и доходящая до правой сосковой линіи, гдѣ изъ-подъ кожи была извлечена револьверная пуля, что по заключенію врача, производившаго его вскрытіе, смерть Ентыса послѣдовала отъ выстрѣла изъ огнестрѣльнаго оружія, произведеннаго сзади въ лѣвый бокъ, и наступила быстро черезъ нѣсколько минутъ, въ виду того, что по удостовѣренію свидѣтелей Александра Пухальскаго, Ивана Коховскаго, Ивана Коханова, Софіи Павловичъ, Владиміра Тинькова и Владиміра Феськова, покойный Ентысъ былъ раненъ между 4—5-ю часами 18 сего октября на Михайловской улицѣ города Минска недалеко отъ 4 полицейской части, когда бѣгомъ возвращался съ митинга, происходившаго въ тотъ день возлѣ виленскаго вокзала, городовымъ той части, въ которомъ всѣ означенные свидѣтели, кромѣ Феськова, признали городового 4 части Антона Мартынова Якубовича, и, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, упалъ въ рейнштокъ, гдѣ вскорѣ и скончался, что, какъ установлено, показаніями тѣхъ свидѣтелей, Ентысъ передъ тѣмъ, какъ въ него выстрѣлилъ городовой, никакихъ оскорбленій ему не наносилъ и никакого насилія ему не причинялъ,—призналъ, что означенный Якубовичъ достаточно изобличается въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 346 и I ч. 1455 ст. улож. о наказ. Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что означенное преступленіе совершено Якубовичемъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, судебный слѣдователь постановилъ: сообщить о томъ, на распоряженіе г. прокурора минскаго окружнаго суда.

Минское городское полицейское управленіе, разсмотрѣвъ изложенную копію постановленія судебнаго слѣдователя 3 участка города Минска, нашло, что въ постановленіи этомъ приведены данныя, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ, коимъ городовой минской городской полицейской команды 4 части Антонъ Якубовичъ изобличается въ убійствѣ выстрѣломъ изъ револьвера помощника присяжнаго повѣреннаго виленской судебной палаты Адама Іосифовича Ентыса, каковое дѣяніе совершилъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, и что проступокъ этотъ предусмотрѣнъ 346 и I ч. 1455 ст. улож. о наказ., а потому полицейское управленіе 30 октября постановило: городового Якубовича уволить отъ службы въ полиціи съ сего числа, а настоящее постановленіе вмѣстѣ съ поименованными предложеніемъ прокурора

судебной палаты и копіи постановленія, на основаніи 1087 ст. уст. угол. суд., представить въ минское губернское правленіе съ ходатайствомъ о преданіи названнаго городового суду.

Приказали: Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, губернское правленіе находитъ, что бывшій городовой Антонъ Якубовичъ, при исполненіи служебныхъ обязанностей, въ помощника присяжнаго повѣреннаго Ентыса, возвращающагося 18 сего октября съ митинга, произвелъ выстрѣлъ изъ револьвера, причинивъ ему Ентысу, рану, повлекшую за собою его смерть, а потому губернское правленіе, руководствуясь 1089 ст. угол. судопр., *опредѣляетъ*: надъ бывшимъ городовымъ минской городской полицейской команды Якубовичемъ назначить предварительное слѣдствіе по 346 и I части 1455 ст. улож. о наказ., о чемъ для объявленія бывшему городовому Якубовичу послать указъ минскому полицейскому управленію; подлинную же по сему дѣлу переписку, съ копіей настоящаго постановленія, препроводить на распоряженіе прокурора минскаго окружнаго суда, а также увѣдомить прокурора виленской судебной палаты на предложеніе за № 22948.

---

29) Постановленіе военнаго губернскаго слѣдователя виленскаго округа, по минскому участку.

1905 года октября 21 дня, въ городѣ Минскѣ, военный слѣдователь виленскаго военнаго округа, по минскому участку, разсмотрѣвъ, по предложенію начальника 60 пѣхотной дивизіи отъ сего числа за № 5035, полученному сего же числа, дознаніе и переписку о производствѣ слѣдствія объ употребленіи оружія ротами 239 пѣхотнаго Окскаго полка, призванными для содѣйствія гражданскимъ властямъ близъ вокзала станціи Минскъ Либаво-Роменской желѣзной дороги, нашелъ, что 18 сего октября около 4-хъ часовъ пополудни собравшаяся въ количествѣ 15—20 тысячъ человѣкъ толпа манифестантовъ, съ нѣсколькими красными флагами, стала напирать на нижнихъ чиновъ и офицеровъ упомянутаго полка, охранявшихъ зданіе вокзала, причемъ стрѣляла въ нихъ изъ револьверовъ, бросала камни, пыталась вырывать винтовки, нанося нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ побои и крича, чтобы они снимали штыки и шли-бы къ нимъ, манифестантамъ, почему нижніе чины стали отвѣчать на выстрѣлы, коими и было убито и ранено нѣсколько человѣкъ изъ толпы. Принимая во вниманіе, что въ изложенномъ происшествіи могутъ быть обнару-

жены въ нарушеніе правилъ, объявленныхъ въ циркулярѣ главнаго штаба 1898 года № 201, признаки дѣяній, предусмотрѣнныхъ 141 и 142 ст. XXII кн. Св. В. П. 1869 г., изд. 3, военный слѣдователь, руководствуясь 335, 337, 346 и 378 ст. XXIV кн. того изданія, постановилъ: 1) дѣло это къ своему производству принять и 2) копію сего постановленія представить военному прокурору виленскаго военно-окружнаго суда.

---

30) Представленіе минскаго вице-губернатора минскому губернатору.

Ознакомившись, согласно порученію вашего превосходительства, съ слѣдственнымъ производствомъ по дѣлу о бывшемъ городовомъ Якубовичѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ присяжнаго повѣреннаго Ентыса, считаю долгомъ доложить слѣдующее:

Вслѣдствіе нѣкоторой односторонности и значительной поверхностности предварительнаго слѣдствія, представляется весьма затруднительнымъ уяснить себѣ какъ самую сущность, такъ и обстановку разслѣдуемаго преступнаго дѣянія: при чтеніи слѣдственнаго производства остается весьма неясной не только общая картина преступленія, но и самые мотивы его.

Основныя черты происшествія выясняются въ слѣдующемъ видѣ. Когда на площади около вокзала раздались ружейные выстрѣлы войскъ, болѣе или менѣе значительная часть находящейся тамъ толпы бросилась по Михайловской улицѣ; въ это время около 4-й полицейской части нѣсколько человѣкъ городовыхъ, въ числѣ коихъ былъ и Якубовичъ, стали стрѣлять по бѣжавшимъ изъ револьверовъ, причемъ ихъ выстрѣлами было сшиблено несомнѣнно не менѣе 3-хъ человѣкъ, а можетъ быть 5 и даже болѣе; въ числѣ пострадавшихъ былъ и присяжный повѣренный Ентысъ. Онъ бѣжалъ отъ вокзала, видимо, въ то время, когда главная волна народа уже схлынула; стоявшій въ это время посреди улицы Якубовичъ сначала выстрѣлилъ ему навстрѣчу, но у него, или произошла осѣчка, или онъ промахнулся; Ентысъ, крича ему, что онъ присяжный повѣренный и, закрываясь отъ него рукой, пробѣжалъ мимо; тогда Якубовичъ, повернувшись и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за Ентысомъ, выстрѣлилъ ему въ спину; пуля пронизала грудную полость, повредила сердце и положила потерпѣвшаго на мѣстѣ.

Что заставило городовыхъ стрѣлять вообще и въ частности почему Якубовичъ стрѣлялъ именно въ Ентыса—слѣдствіемъ со-

вершенно не выяснено: вызвано ли это было испугомъ—боялись ли городовые, что толпа бросится на нихъ или на помѣщеніе части, или же причиной происшедшаго было крайнее озлобленіе городовыхъ противъ толпы, вызванное всѣмъ ея предшествовавшимъ поведеніемъ и вылившееся въ такую форму подъ вліяніемъ раздавшейся у вокзала стрѣльбы войскъ по той же толпѣ—сказать пока трудно.

Объясненіе обвиняемаго Якубовича, будто онъ стрѣлялъ для самозащиты, такъ какъ кто-то изъ толпы выстрѣлилъ въ окно его квартиры, а когда онъ выбѣжалъ на улицу, то на него бросился одинъ изъ бѣжавшихъ (Ентысъ) съ кинжаломъ, совершенно неосновательно: рядомъ многочисленныхъ свидѣтельскихъ показаній устанавлено, что толпа бѣжала съ площади въ паническомъ страхѣ, спасаясь лишь отъ выстрѣловъ, ни у Ентыса, ни у кого-либо изъ бѣжавшихъ съ нимъ никакихъ кинжаловъ не было, и пуля въ окно квартиры Якубовича попала тогда, когда онъ и другіе городовые уже сами стрѣляли на улицѣ.

Что ни Якубовичъ, ни остальные городовые въ дѣйствительности не подвергались въ моментъ происшествія никакой опасности, не подлежитъ сомнѣнію, насколько же они имѣли основаніе считать себя въ опасности—выясненіе этого вопроса должно составлять одну изъ ближайшихъ задачъ предварительнаго слѣдствія, на что мною и обращено между прочимъ вниманіе судебнаго слѣдователя отношеніемъ отъ сего числа, копію коего при семъ прилагаю.

———

31) Отношеніе минскаго вице-губернатора судебному слѣдователю 3 участка г. Минска.

Ознакомившись съ слѣдственнымъ производствомъ по дѣлу о бывшемъ городовомъ Якубовичѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ присяжнаго повѣреннаго Ентыса, на основаніи 1090 ст. уст. угол. суд., позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на слѣдующее.

Исходнымъ пунктомъ въ описаніи обстоятельствъ, при которыхъ совершено было разслѣдуемое преступное дѣяніе, взято событіе на площади около вокзала, когда войска стали стрѣлять по находившейся тамъ толпѣ, причемъ событію этому, оставшемуся совершенно почти невыясненнымъ въ своей сущности, придано весьма одностороннее и потому совершенно невѣрное освѣщеніе. Почти всѣ свидѣтельскія показанія по этому поводу сводятся къ заявленіямъ о томъ, что толпа около вокзала вела себя

совершенно тихо, спокойно и, когда уже было рѣшено расходиться, войска стали совершенно неожиданно, безъ всякой видимой причины стрѣлять по толпѣ; никакихъ почти указаній на тѣ факты, которыми въ дѣйствительности стрѣльба была вызвана, въ дѣлѣ не имѣется; произошло это, вѣроятно, потому, что въ большинствѣ спрошенными оказались только лица, находившіяся далеко отъ войскъ, на противоположной отъ нихъ части площади. Считая, что вообще событія около вокзала не имѣли особо существеннаго значенія для выясненія виновности Якубовича, я, однако, нахожу, что, разъ уже слѣдствіе коснулось этихъ событій, то таковыя должны быть освѣщены, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, но всесторонне, такъ какъ столь одностороннее ихъ освѣщеніе, какъ вышеприведенное, совершенно искажая всю перспективу происшествія, несомнѣнно, должно повліять на оцѣнку и всего послѣдующаго. Поэтому мнѣ казалось бы необходимымъ, и въ интересахъ объективности въ оцѣнкѣ всего происшедшаго, указать и на тѣ факты, которые въ дѣйствительности вызвали стрѣльбу войскъ по толпѣ, для чего спросить о томъ хотя бы нѣсколько человѣкъ изъ числа бывшихъ въ караулѣ при вокзалѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Не считая, впрочемъ, какъ я уже говорилъ, происшествіе у вокзала особо существеннымъ въ данномъ дѣлѣ, я нахожу, что несравненно болѣе важное значеніе имѣетъ другой моментъ, едва лишь затронутый слѣдствіемъ и оставшійся почти совершенно невыясненнымъ, а именно—моментъ, когда толпа направлялась къ вокзалу, проходила мимо 4-ой части; изъ донесеній полиціи о событіяхъ 18 октября мною усмотрѣно, что толпа шла къ вокзалу съ красными флагами, революціонными пѣснями и стрѣльбой изъ револьверовъ, при чемъ останавливалась около помѣщенія 4 части, выбила въ немъ нѣсколько оконныхъ стеколъ и учинила насиліе надъ нѣкоторыми чинами полиціи (городовой Сурмачъ, помощникъ пристава Бернацкій); обстоятельства эти, несомнѣнно, имѣютъ весьма серьезное для дѣла значеніе, такъ какъ если бы они подтвердились на слѣдствіи, то служили бы въ нѣкоторой степени объясненіемъ поведенія городовыхъ, подвергшихся опасности нападенія со стороны бурной толпы и черезъ нѣсколько минутъ, при звукахъ раздавшихся у вокзала залповъ, увидавшихъ эту толпу стремившейся обратно. Достовѣрность этихъ обстоятельствъ слѣдствіемъ совершенно не выяснена, между тѣмъ достигнуть этого было бы весьма легко, допросивъ объ указанномъ сначала хотя бы тѣхъ многочисленныхъ очевидцевъ происшествія (жильцы смежныхъ съ частью

домовъ, служащіе земской управы и др.), показанія коихъ относительно обратнаго движенія толпы, отъ вокзала, уже имѣются, а затѣмъ, и главнымъ образомъ, допросивъ городовыхъ и другихъ полицейскихъ чиновъ четвертой части.

Далѣе представляется не вполнѣ выясненной и общая картина обратнаго движенія толпы отъ вокзала, такъ что въ значительной степени неясна и обстановка убійства Ентыса; большинство свидѣтельскихъ показаній сводится къ описанію того, какъ Ентысъ бѣжалъ отъ вокзала и какъ въ него былъ произведенъ выстрѣлъ Якубовичемъ; о томъ же, что происходило въ это время кругомъ, какъ двигалась вся масса народу, никто почти изъ свидѣтелей не спрошенъ, хотя имѣются такія показанія, что бѣжавшій за Ентысомъ въ 5-ти шагахъ свидѣтель не могъ слышать, что кричалъ послѣдній, изъ-за страшнаго шума, бывшаго на улицѣ. Если же толпа двигалась отъ вокзала, хотя уже и охваченная страхомъ, но также бурно, какъ и нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, врываясь (на что имѣются бѣглыя указанія въ дѣлѣ) въ попутные дома и дворы, чтобы искать тамъ убѣжища, то это опять-таки являлось бы нѣкоторымъ объясненіемъ дѣйствій городовыхъ, которые въ первую минуту могли, не разобравъ въ чемъ дѣло, счесть себя въ опасности. Выяснить это также не представляется затруднительнымъ, такъ какъ соотвѣтствующія показанія могли бы дать тѣ же допрошенные уже на слѣдствіи очевидцы происшествія.

Останавливаясь на тѣхъ данныхъ, которыя уже добыты слѣдствіемъ, я не могу не обратить вниманіе на крайнюю ихъ шаткость; наибольшее, почти исключительное вниманіе слѣдствія было до сихъ поръ обращено на самое столкновеніе Ентыса съ Якубовичемъ и, тѣмъ не менѣе, именно этотъ фактъ наименѣе точно обрисованъ; такъ, по показаніямъ однихъ свидѣтелей, покойный Ентысъ бѣжалъ по правому тротуару, по показанію другихъ—по лѣвому, а по показанію третьихъ—посреди улицы; по словамъ однихъ свидѣтелей Якубовичъ выбѣжалъ изъ помѣщенія части, по словамъ другихъ—изъ своей квартиры (на противоположной отъ части сторонѣ улицы); по утвержденію однихъ, онъ убилъ Ентыса, выстрѣливъ ему на встрѣчу по утвержденію другихъ—стрѣлялъ ему въ спину; всѣ эти подробности, сами по себѣ, конечно, не имѣютъ существеннаго для дѣла значенія, но столь рѣзкія относительно ихъ противорѣчія подрываютъ всякое довѣріе къ показаніямъ, ихъ устанавливающимъ и положеннымъ въ основу обвиненія Якубовича; безъ преувеличенія можно сказать, что не

будь данныхъ, добытыхъ вскрытіемъ трупа потерпѣвшаго и осмотромъ мѣстности происшествія, то отдать себѣ ясный отчетъ на основаніи однихъ свидѣтельскихъ показаній о томъ, гдѣ именно и какимъ образомъ былъ убитъ Ентысъ, представлялось бы невозможнымъ. Далѣе имѣются показанія о томъ, будто солдаты на площади штыками прикалывали лицъ, оказывавшихъ помощь раненымъ, будто Якубовичъ, разстрѣлявъ всѣ патроны, заряжалъ револьверъ нѣсколько разъ (опровергнуто осмотромъ револьвера), будто по толпѣ, кромѣ городовыхъ, стрѣляли чиновники полиціи, Бернацкій и Шпилевскій; завѣдомая ложность, этихъ утвержденій и вышеуказанная противорѣчивость другихъ вызываютъ основательное сомнѣніе въ вѣрности устанавливаемой слѣдствіемъ картины происшествія и степени виновности Якубовича; въ виду этого я полагалъ бы безусловно необходимымъ обратить самое серьезное вниманіе на изысканіе болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей и во всякомъ случаѣ безотлагательно допросить, какъ чиновъ полиціи, такъ и тѣхъ, коихъ они укажутъ.

———

32) Приказъ командующаго войсками виленскаго округа.

18-го октября сего года, около 4-хъ часовъ дня, въ Минскѣ на площади у вокзала станціи Минскъ Либаво-Роменской желѣзной дороги собралась огромная толпа народа, устроившая демонстрацію съ выкидываніемъ красныхъ флаговъ и произнесеніемъ рѣчей противоправительственнаго содержанія. Въ виду буйнаго поведенія толпы, позволявшей себѣ насильственныя дѣйствія противъ войскъ, полномочія по прекращенію безпорядковъ были переданы гражданскими властями войскамъ, которыми послѣ нѣсколькихъ револьверныхъ выстрѣловъ изъ толпы въ войска было пущено въ ходъ огнестрѣльное оружіе, и въ толпѣ убито 55 и ранено 75 человѣкъ.

На представленное по этому дѣлу слѣдственное производство военно-прокурорскій надзоръ виленскаго военно-окружнаго суда далъ слѣдующее заключеніе: „Охранявшія 18 октября сего года зданія вокзала ст. Минскъ роты сводnаго баталіона 239 пѣхотнаго окскаго полка, какъ призванныя установленнымъ порядкомъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, имѣли значеніе военнаго караула, который, согласно пункта 1-го ст. 277 кн. XXII св. военн. пост. 1869 г., изд. 3-го, и ст. 18 приложенія 2 къ ст. 12 и 304 уст. гарн. службы изд. 1900 года, разъясненныхъ

въ циркулярѣ главнаго штаба 1898 года № 201, могъ употребить въ дѣло оружіе безъ особыхъ предупрежденій, въ виду насильственныхъ дѣйствій толпы надъ офицерами и нижними чинами батальона и грозившей войскамъ явной опасности отъ произведенныхъ толпою револьверныхъ выстрѣловъ въ войска.

Самый фактъ насилія и производства выстрѣловъ изъ толпы въ войска слѣдствіемъ вполнѣ удостовѣренъ. А потому, за отсутствіемъ въ дѣлѣ виновности входившихъ въ составъ означеннаго батальона, въ превышеніи или бездѣйствіи власти (141—146 ст. XXII кн. св. военн. пост.), военно-прокурорскій надзоръ полагаетъ настоящее дѣло дальнѣйшимъ производствомъ прекратить".

Соглашаясь съ заключеніемъ военно-прокурорскаго надзора, предписываю означенное дѣло производствомъ прекратить. Подлинный подписалъ: командующій войсками, генералъ-лейтенантъ Кршивицкій.

№ 21.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ № 7.

Схематическій чертежъ станціи Минскъ Либаво-Роменской желѣзной дороги и прилегающей мѣстности.

КОПІЯ.

а, а, а: двери съ тамбурами.

б.) –двери на перронъ.

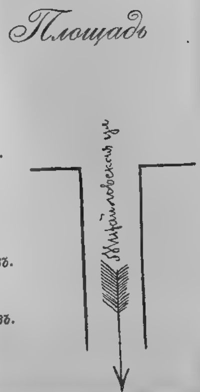
в, в, колонны.

г, г, лѣстница съ подъѣзда.

д, касса I и II классовъ.

е, прилавокъ багажнаго отдѣленія.

ж, ж, двери въ пассажирскіе залы.



Военный Слѣдователь,
Полковникъ *Фишеръ*.

Капитанъ *Кравковъ*.

Капитанъ *Кублицкій*.

Фельдфебель *Иванъ Бреховъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно:
За Правителя Канцеляріи *Даниловъ*.

Свѣрялъ: Помощникъ Правителя *Воробьевъ*.

Документы по разслѣдованію гомельскаго погрома.

Довѣрительно.

МИНИСТРЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

24 февраля 1906 г.
№ 3001.

Милостивый государь,
Сергѣй Юльевичъ.

Препровождая при семъ рапортъ члена совѣта м-ра внутреннихъ дѣлъ дѣйств. ст. сов. Савича, командированнаго въ г. Гомель для разслѣдованія причинъ бывшихъ тамъ 13—14 минувшаго января безпорядковъ, имѣю честь сообщить вашему сіятельству, что по даннымъ, изложеннымъ въ означенномъ рапортѣ, со стороны м-ства внутреннихъ дѣлъ послѣдовали нижеслѣдующія распоряженія:

1) Могилевскому губернатору и начальнику могил. губерн. жанд. управленія предложено обратить серьезное вниманіе на дѣятельность существующихъ въ г. Гомелѣ революціонныхъ организацій, на предметъ прекращенія этой дѣятельности, и принять мѣры къ закрытію существующаго тамъ же „союза русскихъ патріотовъ".

2) Могилевскому губернатору предложено немедленно сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы всѣ городовые, состоящіе при полиц. управленіяхъ въ качествѣ сторожей и разсыльныхъ, были обращены къ исполненію прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей по охраненію порядка и безопасности въ г. Гомелѣ, а также разъяснено, что вышеуказанная мѣра, въ связи съ послѣдовавшимъ въ послѣднее время усиленіемъ мѣстной полицейской стражи на 22 чел., даетъ возможность выставлять нынѣ 36 постовъ взамѣнъ 17 прежнихъ. Одновременно губернатору указано, что въ случаѣ, если бы составъ по-

Его сіятельству графу
С. Ю. Витте.

лиц. команды въ Гомелѣ оказался все-таки недостаточнымъ, мѣстному городскому общественному управленію надлежитъ предложить объ ассигнованіи соотвѣтственныхъ средствъ.

3) Начальнику штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ указано на необходимость увольненія изъ корпуса ротмистра графа Подгоричани, въ виду несоотвѣтственной дѣятельности въ качествѣ помощника начальника мѣстнаго жанд. управленія.

4) Приняты мѣры къ упорядоченію пожарной части въ г. Гомелѣ.

Прошу ваше сіятельство принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

П. Дурново.

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

командированнаго въ г. Гомель, мог. губ., для разслѣдованія происшедшихъ тамъ въ половинѣ января 1906 года безпорядковъ и дѣйствій при этомъ мѣстныхъ властей вѣдомства м-ства внутреннихъ дѣлъ члена совѣта министра дѣйств. ст. сов. Савича

РАПОРТЪ.

Въ исполненіе возложеннаго на меня вашимъ высокопревосходительствомъ порученія мною осмотрѣны въ Гомелѣ мѣста безпорядковъ и допрошены: состоявшіе въ дни происшествія въ Гомелѣ полицеймейстеромъ—колл. секр. Чешко и помощникомъ начальника мог. жанд. управленія—ротмистръ гр. Подгоричани-Петровичъ; исполняющій нынѣ обязанности названнаго помощника ротмистръ Кожинъ, городской голова Романовъ, казенный равв. Маянцъ и другія должностныя лица, причемъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ отъ бывшаго полицеймейстера, ротмистра гр. Подгоричани и гор. головы, взяты письменныя показанія.

Сверхъ того, по обстоятельствамъ дѣла я имѣлъ объясненія

съ начальникомъ прибывшаго послѣ безпорядковъ въ г. Гомель летучаго отряда генералъ-маіоромъ Орловымъ, начальникомъ мог. жанд. управленія полк. Поляковымъ, прокуроромъ мог. окр. суда Новичковымъ, товарищемъ его по гомельскому уѣзду Борисовымъ, который былъ очевидцемъ безпорядковъ и подъ наблюденіемъ котораго производится въ настоящее время предварительное по происшествію слѣдствіе, съ другимъ свидѣтелемъ безпорядковъ, бывшимъ камандиромъ квартировавшаго въ г. Гомелѣ абхазскаго запаснаго батальона полковникомъ Архаровымъ, проживающими въ г. Гомелѣ мѣстными уѣзднымъ предводителемъ дворянства Савицкимъ и земскимъ начальникомъ Карповскимъ, а также съ членами образованнаго въ Гомелѣ подъ предсѣдательствомъ гор. головы комитета для оказанія помощи пострадавшимъ отъ безпорядковъ и съ другими мѣстными жителями христіанскихъ и іудейскаго исповѣданій.

На основаніи полученныхъ такимъ путемъ свѣдѣній и данныхъ, надлежитъ придти къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ въ отношеніи событій 11—14 января въ Гомелѣ, ихъ причинъ и правильности дѣйствій мѣстныхъ властей при означенныхъ событіяхъ.

1. Событія 13—14 января.

Начавшіеся 13 января въ 4 ч. д. и прекратившіеся лишь на слѣд. день безпорядки выразились: 1) въ поджогѣ шайкою людей,—количествомъ отъ 10 до 15 чел., большею частью вооруженныхъ винтовками и револьверами,—находящихся въ торговомъ центрѣ города 13 отдѣльныхъ домовъ, а также магазиновъ и лавокъ, и въ покушеніи на разгромъ одного стоящаго на окраинѣ города дома, принадлежащаго мѣстному врачу Залкинду; 2) въ послѣдовавшемъ затѣмъ разграбленіи имущества и товаровъ изъ подожженныхъ помѣщеній, причемъ въ этомъ разграбленіи приняла участіе и не принадлежавшая къ составу шайки поджигателей толпа изъ хулигановъ и другихъ людей, перепившихся въ разграбленныхъ винныхъ лавкахъ и магазинахъ; 3) въ стрѣльбѣ по вызваннымъ для прекращенія безпорядковъ и пожара войсковымъ отрядамъ, полицейскимъ чинамъ и городской пожарной командѣ и въ бросаніи взрывчатыхъ снарядовъ, каковыя преступныя дѣйствія не сопровождались, къ счастью, ни убійствомъ, ни ранеміями лицъ, противъ которыхъ они были направлены, и 4) въ убійствѣ одного еврея (приказчика магазина Новаковскаго, Шапиро),

и въ пораненіи одного турецкаго подданнаго и 10 евреевъ, изъ коихъ только трое достигли возраста 45—50 лѣтъ, а остальные семь имѣютъ отъ роду 12—14 лѣтъ (4) и 19—25 лѣтъ (3).

Планъ г. Гомеля съ обозначеніемъ сгорѣвшихъ и разгромленныхъ зданій, списокъ, послѣднихъ, равно какъ подожженныхъ и разграбленныхъ магазиновъ и списокъ лицъ, указанныхъ выше въ п. 4, при семъ прилагается.

Изъ числа раненыхъ во время безпорядковъ 8 находится на излеченіи въ гомельской земской больницѣ, а 3 помѣщены въ мѣстную же еврейскую больницу.

Что касается имущественныхъ убытковъ, причиненныхъ поджогами и грабительствомъ 13—14 января, то сумма ихъ въ точности еще не выяснена и опредѣляется весьма разнорѣчиво: гомельскій комитетъ помощи пострадавшимъ, учрежденный съ разрѣшенія губернатора только 23 января, исчисляетъ приблизительно потери въ 4 милл. руб.; по личному мнѣ заявленію агентовъ страховыхъ обществъ, которые командированы были обществами въ г. Гомель для выясненія страховыхъ убытковъ послѣднихъ, убытки эти простираются до 400.000 руб., а потеря мѣстнаго общества взаимнаго страхованія составляетъ 50 т. руб., если же считать и убытки по незастрахованному имуществу, то, согласно мнѣнію названныхъ агентовъ, весь убытокъ, причиненный безпорядками, достигаетъ 2 милл. руб.; наконецъ, по заявленію нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и мѣстныхъ жителей, основанному на приблизительной оцѣнкѣ, слѣдуетъ считать, что общій размѣръ имущественнаго ущерба отъ упомянутыхъ безпорядковъ составляетъ отъ полутора до 2 милліоновъ руб., причемъ, такъ какъ торговля въ Гомелѣ ведется главнымъ образомъ въ кредитъ, то половина почти означенной суммы падетъ на лицъ, снабжавшихъ мѣстныхъ торговцевъ товарами въ долгъ, а на гомельскихъ потерпѣвшихъ жителей нужно исчислять общій убытокъ примѣрно въ 750.000 руб.

Несомнѣнно, однако, что отъ гомельскаго погрома пострадало много жителей, не имѣющихъ имущественнаго обезпеченія и работавшихъ для тѣхъ торговыхъ предпріятій, которыя, вслѣдствіе поджоговъ и разграбленія, прекратили свою дѣятельность. Помощь имъ оказывается черезъ упомянутый выше мѣстный комитетъ с.-петербургскимъ комитетомъ для оказанія помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ погромовъ, которому денежный для указанной цѣли сборъ высочайше разрѣшенъ 27 октября 1905 г. и послужилъ источникомъ для перевода гомельскому комитету около 40 т. руб.

2. Судебное по событіямъ 13—14 января производство.

Безпорядки въ Гомелѣ представляютъ собой цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній, выразившихся, какъ сказано выше, въ поджогѣ и разграбленіи чужого имущества и сопровождавшихся какъ стрѣльбою противъ войскъ, полиціи и пожарной команды, такъ равно и въ лишеніи жизни одного лица и пораненіи двухъ лицъ.

Выясненіе виновниковъ означенныхъ преступныхъ дѣяній, равно какъ и опредѣленіе лицъ, совершившихъ указанныя выше лишеніе жизни и пораненія, а затѣмъ и опредѣленіе вознагражденія потерпѣвшимъ отъ безпорядковъ зависитъ ближайшимъ образомъ отъ судебной власти, и, по сообщенію товар. прокурора Борисова, судебный слѣдов. I уч. гомельскаго уѣзда въ самый день безпорядковъ, 13 января, приступилъ къ производству ряда предварительныхъ слѣдствій. Въ настоящее время въ производствѣ слѣдователя находятся 3 категоріи дѣлъ: 1) семь дѣлъ о поджогѣ и разграбленіи еврейскихъ домовъ и магазиновъ; по этимъ дѣламъ привлечено два обвиняемыхъ—мѣщ. Гавріилъ Губкинъ и служащій въ городскомъ банкѣ Александръ Швандъ, причемъ первый заключенъ подъ стражу, а второй скрылся, но въ настоящее время разысканъ на ст. Тростинѣ Харьк.-Ник. жел. дор., куда и послана телеграмма объ арестованіи Шванда; 2) два дѣла о стрѣльбѣ евреевъ въ войска и полиц. чиновника, вызвавшія арестъ и привлеченіе къ слѣдствію пяти евреевъ, и 3) пять дѣлъ о кражахъ съ пожаровъ; по этимъ дѣламъ привлечено къ слѣдствію и заключено подъ стражу шесть человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ еврей.

Всѣ поименованные выше заключенные подъ стражу задержаны вечеромъ 13 января бывшимъ полицеймейстеромъ Чешко, приставомъ и однимъ изъ помощниковъ послѣдняго.

Приступивъ къ производству слѣдствія, суд. слѣд. распорядился расклеить по городу объявленія, приглашающія всѣхъ очевидцевъ происшествія 13 января сообщить свои адреса, но въ отвѣтъ на это до 28 января поступило весьма малое количество заявленій. Во время пребыванія моего въ Гомелѣ слѣдователемъ въ теченіе двухъ дней произведенъ осмотръ на мѣстѣ погорѣвшихъ и разгромленныхъ зданій и магазиновъ.

Въ указанномъ положеніи находится въ настоящее время судебное по дѣлу производство, причемъ прокуроръ мог. окр. суда высказалъ мнѣ, что имъ будутъ приняты всѣ необходимыя мѣры къ ускоренію означеннаго производства, весьма задерживаемаго

нежеланіемъ или, быть можетъ, боязнью очевидцевъ происшествія дать свои по дѣлу показанія.

3. Причины событій 13—14 января.

За невыясненностью еще судебною властью сущности событій 13—14 января и ихъ виновниковъ, представилось необходимымъ обратиться къ нѣсколькимъ должностнымъ лицамъ и жителямъ Гомеля съ опросомъ ихъ мнѣній относительно причинъ означенныхъ событій.

Изъ этого опроса оказалось, что безпорядки 13 — 14 января явились результатомъ не массовой борьбы христ. населенія противъ евреевъ г. Гомеля, составляющихъ 56% всего числа жителей этого города [1]), а нападеніемъ на имущество опредѣленныхъ лицъ еврейскаго происхожденія со стороны небольшой, 10—15 челов., шайки вооруженныхъ людей, къ которымъ, уже во время разгрома, присоединились и другіе неблагонадежные и недисциплинированные элементы; содѣйствовали же возникновенію и учиненію безпорядковъ: гомельская революціонная партія, неустройство мѣстной полиціи, слабость и непорядки въ расположенныхъ въ г. Гомелѣ войсковыхъ частей, плохое состояніе городской пожарной команды, неправильныя дѣйствія помощника начальника мог. жанд. управленія по гомельскому уѣзду и появленіе въ г. Гомелѣ за послѣднее время отдѣленія тайнаго общества „союза русскихъ патріотовъ“.

1. Гомельская революціонная партія.

Въ послѣдніе годы г. Гомель сталъ средоточіемъ трехъ революціонныхъ партій—Бунда, сіонистовъ-соціалистовъ и поэлесіонистовъ; но съ изданіемъ высочайшаго манифеста 17 октября 1905 г. въ названномъ городѣ образовался изъ спокойныхъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ элементовъ евр. населенія мѣстный союзъ для достиженія равноправія евреевъ, находящійся въ связи съ такого же рода союзомъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи и въ антагонизмѣ съ партіями революціоннаго характера.

Послѣ кишиневскаго погрома 1903 г. упомянутыя выше три

---

[1]) По переписи 1897 г. въ Гомелѣ исчислено 47.239 чел. обоего пола: изъ нихъ христіанъ около 20.000 и евреевъ 27.000. Въ настоящее время въ городѣ считается до 60.000 чел.

революціонныя партіи организовали самооборону, пріобрѣтая огнестрѣльное и холодное оружіе и снабжая имъ мѣстное евр. населеніе. Въ октябрѣ 1905 г. руководители партій пытались устроить въ городѣ милицію подъ покровительствомъ город. общественнаго управленія, а потерпѣвъ въ томъ неудачу, — образовали свои тайныя милиціи и открыто собирали въ городѣ деньги на вооруженіе, обращаясь съ требованіями какъ къ евреямъ зажиточнымъ, такъ и къ мѣстнымъ русскимъ жителямъ.

Такимъ образомъ организованныя и вооруженныя крайнія партіи,—говоритъ въ сообщенной мнѣ запискѣ гор. голова, инженеръ Романовъ, — благодаря къ тому же отсутствію въ городѣ войскъ, почувствовали себя господами положенія: нахальство, поборы съ револьверами въ рукахъ, бросаніе бомбъ, устройство забастовокъ, убійство испр. Еленскаго и помощ. пристава Славошевича, покушеніе на жизнь полицеймейстера (Чешко) страшно терроризовали населеніе. Точно также были терроризованы войска и полиція.

Другой мѣстный дѣятель, тов. прокурора Борисовъ, также въ запискѣ, мнѣ сообщенной, высказываетъ, что Гомель, благодаря своему географическому положенію и слабости надзора со стороны весьма малочисленной по составу полиціи, въ послѣднее время сдѣлался однимъ изъ центровъ революц. движенія, но въ послѣдніе мѣсяцы къ понятной слабости со стороны общей полиціи прибавилась, по моему мнѣнію, и слабая дѣятельность мѣстныхъ чиновъ жанд. полиціи. Все это вмѣстѣ создало такое положеніе вещей, которое и могло разрѣшиться чѣмъ-либо изъ ряда выходящимъ.

Однородныя негодованія противъ проявленій революц. дѣятельности крайнихъ партій еврейства, особливо же Бунда, числящаго въ составѣ своемъ главнымъ образомъ несовершеннолѣтнихъ, совершенно недисциплинированныхъ и притомъ вооруженныхъ, — высказывали мнѣ и нѣкоторые изъ мѣстныхъ евреевъ, объясняя, что сборища Бунда на улицахъ г. Гомеля, произносившіяся на нихъ безсмысленныя рѣчи противоправительственнаго характера, выходки членовъ Бунда, и совершавшіяся ими за послѣднее время преступныя дѣянія не могли не возмущать лицъ умѣренной партіи, стремящейся къ достиженію равноправія евреевъ легальными путями.

Послѣднимъ передъ безпорядками 13—14 января преступленіемъ означеннаго рода было убійство револьверными выстрѣлами 11 января помощника пристава Асонова, неизвѣстными злоумыш-

ленниками. Похороны этого должностного лица, еще молодого человѣка, происходившаго изъ крестьянъ гомельскаго уѣзда, состоялись 13 января, въ 2 ч. д., причемъ на нихъ присутствовала масса народу, а черезъ 2 часа послѣ погребенія начались въ Гомелѣ безпорядки. „Это убійство, — заявляетъ въ своей запискѣ гор. голова,—было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія, и вызвало взрывъ негодованія и общее предчувствіе надвигающейся бѣды, и, дѣйствительно, сейчасъ же послѣ похоронъ Асонова начался погромъ“.

Такое же мнѣніе высказывали мнѣ и другія мѣстныя должностныя лица, причемъ одинъ изъ нихъ, тов. прокурора Борисовъ, въ запискѣ своей даетъ и нѣкоторое объясненіе совершившагося погрома: „Противъ еврейскаго террора и вооруженной многочисленной еврейской самообороны, можетъ быть, еще немногочисленная партія людей, свято преданныхъ прежнему режиму, не могла противопоставить соотвѣтствующей вооруженной силы и потому прибѣгала къ такому средству, какъ поджогъ“.

2. Шайка поджигателей 13—14 января.

Изъ числа поджигателей привлечены, какъ сказано выше, только два обвиняемыхъ—Гавріилъ Губкинъ и Александръ Швандъ. Судя, однако, по даннымъ, представленнымъ въ запискахъ помощника начальника жанд. управленія, и по разсказамъ мѣстныхъ жителей, поджигателей было отъ 10 до 15 чел. При этомъ ротмистръ гр. Подгоричани объясняетъ, что „поджигатели были приглашены двумя членами патріотическаго союза изъ деревень, мѣстныхъ же людей въ ихъ числѣ не было“. Съ своей стороны, полк. Архаровъ, бывшій очевидцемъ разгрома одного изъ домовъ на окраинѣ города, сосѣднемъ съ его квартирою, далъ мнѣ цѣнныя свѣдѣнія, могущія, казалось бы, послужить основаніемъ для обнаруженія всей шайки поджигателей и ея организаціи. Архаровъ разсказываетъ, что вечеромъ 13 января къ нему явился денщикъ и доложилъ, что въ упомянутомъ домѣ какіе-то люди учиняютъ поджогъ и разгромъ вещей. По прибытіи на мѣсто происшествія полковникъ Архаровъ засталъ 7 или 8 чел., одѣтыхъ въ теплые бешметы, схожіе съ тѣми, которые носятъ находящіеся въ городѣ Гомелѣ казаки, но безъ погоновъ, въ папахахъ и съ ружьями несомнѣнно военнаго образца, и при нихъ одинъ городовой и человѣкъ въ штатскомъ платьѣ. Всѣ вещи были разломаны, на стѣнѣ и изразцовой печи одной изъ комнатъ вид-

нѣлись слѣды 7—8 пуль, а на полу валялась подожженная солома, грозившая пожаромъ всему зданію. На требованіе полковника гасить солому никто изъ поджигателей не отвѣтилъ; они стали уходить, а бывшій съ ними штатскій, показывая на уносимый чемоданчикъ, кричалъ: „вотъ они, вещественныя доказательства неблагонадежности Залкинда“ (хозяина дома). Выйдя на улицу, Архаровъ увидѣлъ драгунскій патруль, который, по его распоряженію, и погасилъ пожаръ. Въ нижнемъ этажѣ означеннаго дома оказался раненый пулей въ шею еврей, квартирантъ Залкинда.

Приведенныя свѣдѣнія сообщены были также полковникомъ Архаровымъ ротмистру гр. Подгоричани, причемъ послѣднимъ внесены въ одну изъ записокъ, мнѣ представленныхъ, съ поясненіемъ, что, „по слухамъ, человѣкъ въ штатскомъ платьѣ (видѣнный Архаровымъ въ квартирѣ Залкинда) былъ изъ союза патріотовъ“.

Въ другой изъ записокъ того же ротмистра указывается, что „въ числѣ членовъ союза патріотовъ былъ и Швандъ“ (объ арестѣ котораго, какъ сказано выше, состоялось уже постановленіе судебнаго слѣдователя), но что на этого члена союза „не возлагалось комитетомъ порученій, такъ какъ онъ извѣстенъ, какъ ненадежный человѣкъ“.

Нужно полагать, что арестъ и допросъ упомянутаго Шванда дастъ судебной власти возможность обнаружить шайку гомельскихъ поджигателей 13—14 января и раскрыть всѣ обстоятельства этого преступнаго и зловреднаго дѣла.

3. Неустройство полицейской въ г. Гомелѣ части.

Предотвратить безпорядки 13—14 января, прекратить ихъ въ самомъ началѣ и предупредить происшедшія отъ нихъ вредныя послѣдствія была не въ силахъ мѣстная полиція вслѣдствіе ея полнаго неустройства и безсилія.

На весь городъ, раскинутый на значительномъ пространствѣ и вмѣщающій въ себѣ, по примѣрному подсчету текущаго года, до 60.000 жителей, полицію образуютъ: полицеймейстеръ, одинъ приставъ, четыре помощника пристава,—изъ коихъ трое завѣдываютъ тремя городскими участками, а четвертый—участкомъ пригороднымъ, находящимся въ разстояніи пяти верстъ отъ города,—и 60 городовыхъ. При этомъ изъ числа послѣднихъ четыре состоятъ въ упомянутомъ пригородномъ участкѣ, 2 старшихъ городовыхъ, за отсутствіемъ околот. надзирателей, завѣдываютъ око-

лотками, трое исполняютъ обязанности писарей при городскихъ помощникахъ пристава и десять состоятъ при арестантской камерѣ, равно какъ канцеляріи полицейскаго управленія. Остается 30 городовыхъ, которые и распредѣлены на 15 постовъ въ двѣ смѣны и два поста дневныхъ. Такимъ образомъ, постоянная полиц. охрана города возлагается всего лишь на 17 городовыхъ.

Что касается содержанія полиціи, то на это отпускаются крайне скудныя средства. Полицеймейстеръ получаетъ въ годъ — 1473 руб., прочіе чиновники полиціи — отъ 600 до 900 руб. въ годъ, а городовые—отъ 14 до 17 руб. въ мѣсяцъ, считая въ томъ числѣ и квартирное довольствіе, при ежегодной выдачѣ по 25 руб на обмундированіе. Изъ произведеннаго мною опроса чиновъ полиціи выяснилось къ тому же, что 21 городовой не удовлетворены еще обмундировочными за полгода и жалованьемъ за декабрь 1904 г. вслѣдствіе обращенія кредита на городовыхъ бывшимъ полицеймейстеромъ Раевскимъ на другія потребности. По объясненію состоявшаго полицеймейстеромъ во время безпорядковъ колл. секр. Чешко, имъ неоднократно было представляемо губернскому начальству объ отпускѣ суммы, необходимой для полнаго возмѣщенія упомянутымъ городовымъ ихъ денежнаго довольствія, но никакихъ распоряженій по этому предмету не послѣдовало. Съ своей стороны не получившіе полнаго довольствія городовые подали мнѣ коллективное ходатайство о выдачѣ имъ причитающагося, но недополученнаго содержанія.

При изъясненныхъ условіяхъ, естественно, что ни полицеймейстеръ г. Гомеля, ни его помощники, въ качествѣ пристава и помощниковъ послѣдняго, ни составъ городовыхъ не только не представляютъ собою полицейско-охранной силы, но даже не пользуются авторитетомъ среди мѣстнаго населенія.

Къ тому же между гомельской полиціей, мѣстнымъ жанд. начальствомъ и уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ постоянно происходили раздоры на почвѣ служебной и личной, сопровождавшіеся или публичными пререканіями, или доносами, явными и тайными.

Означенные раздоры, несомнѣнно, отражались на дѣятельности мѣстныхъ властей: съ одной стороны — дѣйствія полиціи и жандармовъ были лишены надлежащаго единства, а съ другой—воинскій начальникъ не только не оказывалъ содѣйствія полиціи въ качествѣ начальника мѣстнаго гарнизона, но даже не назначилъ въ дни безпорядковъ 13—14 января особой войсковой части для охраны имущества погорѣльцевъ.

4. Плохое состояніе городской пожарной части.

Вся пожарная часть г. Гомеля состоитъ изъ 16 чел. команды съ однимъ брандмейстеромъ, при двухъ самаго простого устройства машинахъ (водокачекъ), 10 лошадяхъ, и 10 бочкахъ, съ 14-ю рукавами и другими принадлежностями [1]).

Такія противопожарныя средства оказались, конечно, совершенно безсильными противъ начавшихся 13 января, сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ города, пожарахъ, причемъ, какъ выяснилось изъ полученныхъ свѣдѣній, рукава и трубы команды нѣсколько разъ лопались отъ напора воды.

Произведенный мною внезапный ночной смотръ командѣ показалъ: 1) что команда явилась быстро и работала усердно, и 2) что лошади команды и самыя средства тушенія находятся въ весьма плохомъ состояніи.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ городского головы, въ смѣту на 1906 г. на содержаніе пожарной команды внесено 8.455 руб.

5. Воинская часть въ г. Гомелѣ.

При постоянномъ увеличеніи населенія города, развитіи въ немъ революціонныхъ проявленій и неустройствѣ полиціи, совершилось за послѣднее время чрезмѣрное сокращеніе мѣстнаго гарнизона, особливо же съ ноября 1905 года.

До означеннаго времени въ г. Гомелѣ стояли 316 пѣхотный вышневолоцкій полкъ и 160 пѣхотный запасный батальонъ абхазскаго полка. Изъ нихъ въ первомъ состояло 2.323, а во второмъ—1.500 нижнихъ чиновъ, всего же болѣе 3.800 чел.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 г. въ вышневолоцкомъ полку постепенно уволено 2.049 нижнихъ чиновъ, равнымъ образомъ состоялось увольненіе въ запасъ нижнихъ чиновъ 160 запаснаго батальона; оставшіеся чины его переданы 8 ноября 1905 г. въ вышневолоцкій полкъ, а самый батальонъ расформированъ съ 15 того же ноября.

За этими измѣненіями и нѣкоторымъ усиленіемъ въ Гомелѣ кавалерійской части къ 13 января 1906 г. составъ мѣстнаго гарнизона образовывали: 1) вышневолоцкаго батальона 107 строевыхъ нижнихъ чиновъ; 2) эскадронъ 50 драг. иркутскаго полка въ составѣ 96 строевыхъ нижнихъ чиновъ подъ командою одного стар-

[1]) Особая команда содержится для пригорода Бѣлицы.

шаго офицера при одномъ младшемъ, и 3) 2-я сотня 2 таманскаго полка кубанскаго казачьяго войска изъ 109 казаковъ подъ командою есаула при двухъ оберъ-офицерахъ. При этомъ чины пѣхоты были заняты, главнымъ образомъ, караулами при казенныхъ учрежденіяхъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто 3.800 чел. пѣхоты, какъ было въ 1905 г., ко времени безпорядковъ въ Гомелѣ 13 января воинская охрана города была ввѣрена одной сотнѣ драгунъ и одной сотнѣ кубанскихъ казаковъ. Совмѣстно съ этими двумя кавалерійскими частями дѣйствовала во время безпорядковъ упомянутая выше часть 160 абхазскаго полка подъ командой одного поручика.

Относительно дѣйствій означенныхъ войсковыхъ частей 13—14 января произведено разслѣдованіе на мѣстѣ состоящимъ при командующемъ войсками виленскаго округа ген.-лейт. Фаленбергомъ въ присутствіи испр. долж. совѣтника могилевск. губ. правленія Вержбицкаго, который былъ вызванъ мною затѣмъ въ г. Гомель для сообщенія необходимыхъ свѣдѣній. Въ дополненіе къ послѣднимъ мною полученъ 5 текущаго февраля отъ штаба названнаго округа приказъ ген.-лейт. Кршивицкаго отъ 31 января, № 40, слѣд. содержанія: „Изъ представленнаго мнѣ генералъ-маіоромъ Фаленбергомъ разслѣдованія безпорядковъ на пожарѣ въ Гомелѣ 13 января я усматриваю слѣдующее: 1) въ гарнизонѣ совсѣмъ не велось особаго наряда на пожаръ, и потому команды, прибывшія отъ разныхъ частей къ мѣсту пожара, своихъ обязанностей не знали, и дѣйствіями ихъ никто не руководилъ, такъ какъ общаго начальника для нихъ назначено не было. Команда отъ 2-й сотни 2-го таманскаго полка прибыла безъ офицера, а люди 316 пѣх. вышневолоцкаго полка явились на пожаръ въ качествѣ зрителей; 2) временно-командовавшій 316 пѣхотнымъ вышневолоцкимъ полкомъ подполковникъ Зайцевъ, приглашенный на мѣсто пожара начальникомъ гарнизона для водворенія порядка среди нижнихъ чиновъ полка, безпорядочно бродившихъ по пожарищу, отдалъ незаконное и необдуманное приказаніе своимъ нижнимъ чинамъ сносить спасаемыя вещи въ полковую канцелярію для сдачи ихъ оттуда въ полицію. Исполненіе этого распоряженія нижними чинами подало поводъ обвинять ихъ въ присвоеніи уносимыхъ и увозимыхъ ими съ пожара вещей и вводило, конечно, и самихъ нижнихъ чиновъ въ большой соблазнъ, причемъ нѣсколько нижнихъ чиновъ, дѣйствительно, заподозрѣны въ присвоеніи подобранныхъ на пожарѣ вещей; 3) казаки таманскаго полка, командированные на пожаръ безъ офицера и никѣмъ не руково-

димые, разойдясь по-одиночкѣ и по-парно, взяли на себя неподходящую обязанность выгонять изъ горѣвшихъ магазиновъ грабителей и этимъ навлекли на себя подозрѣніе въ томъ, что и они также участвовали въ разграбленіи магазиновъ. Три казака, дѣйствительно, при осмотрѣ ихъ были уличены въ присвоеніи поднятыхъ на пожарѣ вещей; 4) нижніе чины вышневолоцкаго полка и казаки позволяли себѣ принимать отъ хозяевъ загоравшихся магазиновъ, а иногда и отъ лицъ неизвѣстныхъ въ благодарность за спасеніе вещей бутылки съ водкой и вещи; 5) безукоризненно вела себя на пожарѣ команда 160 пѣхотнаго абхазскаго полка, прибывшая съ поручикомъ Фишевымъ, и 1-й эскадронъ 50 драг. иркутскаго полка съ корнетами Суше и Гегелидзе, и именно въ эту команду и въ эскадронъ евреи преимущественно бросали изъ домовъ бомбы и стрѣляли по нимъ изъ оконъ". Въ заключеніе приказа опредѣлено: „Уличенные въ преступленіяхъ нижніе чины будутъ преданы суду. Командиру 316 пѣхотнаго вышневолоцкаго полка полк. Асмусу объявляю выговоръ за распущенность нижнихъ чиновъ полка и ему же, какъ постоянному начальнику гарнизона, за несоблюденіе уставныхъ правилъ. Исправляющему должность начальника гарнизона уѣздному воинскому начальнику полковнику Шандаровскому и временно командированному 316 пѣхотнаго вышневолоцкаго полка подполковнику Зайцеву объявляю выговоръ за нераспорядительность и нерѣшительность при водвореніи порядка среди нижнихъ чиновъ на пожарѣ. Командира 2-й сотни таманскаго казачьяго полка есаула Усатова арестовать на три дня за распущенность казаковъ сотни и безпорядки на пожарѣ".

О распущенности таманскихъ казаковъ, находящихся въ Гомелѣ, и объ учиняемыхъ ими безпорядкахъ и правонарушеніяхъ свидѣтельствуютъ, дѣйствительно, какъ многочисленныя заявленія мѣстныхъ жителей, имѣющіяся въ полиц. управленіи, такъ равно разслѣдованія генерала Фаленберга и должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ начальника могилевск. жанд. управленія, его бывшаго помощника по могилевскому уѣзду и исполняющаго въ настоящее время эту должность ротмистра Кожина. Между прочимъ, послѣдній въ бытность мою въ г. Гомелѣ 26 января командированъ былъ мною для немедленнаго прекращенія безпорядковъ, совершавшихся казаками въ одной изъ улицъ на окраинѣ города, въ квартирѣ мѣщ. Бѣлинькаго, о чемъ заявила мнѣ прибѣжавшая за помощью сосѣдка этого мѣщанина. Вызванный затѣмъ, по распоряженію моему, на мѣсто происшествія полицей-

*

мейстеръ доложилъ, что четыре казака въ нетрезвомъ состояніи, въ томъ числѣ одинъ урядникъ, пытались изнасиловать 18-лѣтнюю дѣвушку, дочь названнаго мѣщанина, но съ прибытіемъ властей скрылись. О происшествіи сообщено было начальству виновныхъ, а имена ихъ обнаружены.

Съ прибытіемъ въ Гомель послѣ безпорядковъ особаго летучаго отряда изъ 312 чел. пѣхоты при двухъ орудіяхъ и двухъ пулеметахъ общее командованіе воинскими частями въ городѣ сосредоточилось въ рукахъ начальника этого отряда генералъ-маіора Орлова, и въ городѣ водворилось спокойствіе, причемъ, по свѣдѣніямъ полиціи, главари революц. движенія покинули Гомель, а въ отдѣльныхъ частяхъ войсковыхъ командъ установился лучшій, чѣмъ прежде, порядокъ.

Къ сожалѣнію, 29 января ген. Орловъ, по распоряженію высшаго начальства, отправилъ свой отрядъ въ г. Вильну, оставивъ въ Гомелѣ лишь одну роту и пулеметный взводъ. Между тѣмъ, по мнѣнію мѣстныхъ властей, военныхъ и гражданскихъ, для поддержанія порядка въ городѣ необходимо постоянное квартированіе въ немъ батальона пѣхоты полнаго состава при одной батареѣ или, по крайней мѣрѣ, полубатареѣ артиллеріи, о чемъ я имѣлъ честь телеграфировать вашему высокопревосходительству 25 и 26 января.

6. Неправильныя дѣйствія бывшаго помощника начальника могилевск. жанд. управленія по гомельскому уѣзду въ связи съ союзомъ „русскихъ патріотовъ“.

Въ виду сообщенныхъ мнѣ, какъ сказано выше, бывшимъ помощникомъ начальника жанд. управленія гр. Подгоричани свѣдѣній объ участіи въ безпорядкахъ 13—14 января нѣкоторыхъ изъ членовъ образовавшагося въ Гомелѣ тайнаго союза „русскихъ патріотовъ“ и просьбы начальника означеннаго управленія обозрѣть дѣлопроизводство ротмистра, при его, полковника Полякова, участіи,—я прибылъ въ помѣщеніе мѣстнаго управленія и предложилъ ротмистру доложить всѣ имѣющіяся у него свѣдѣнія относительно образованія упомянутаго союза, его организаціи и дѣйствій, находящихся въ связи съ безпорядками.

По выслушаніи доклада и обозрѣніи касающихся „союза русскихъ патріотовъ“ документовъ, въ присутствіи полковника Полякова и адъютанта его Кожина, я просилъ ротмистра гр. Подгоричани изложить его докладъ на письмѣ, что имъ и было ис-

полнено. Разсмотрѣніе затѣмъ представленныхъ ротмистромъ записокъ совмѣстно съ полковникомъ Поляковымъ привело насъ къ заключенію о нѣкоторой ихъ неполнотѣ и неточности по сравненію съ устнымъ докладомъ, вслѣдствіе чего гр. Подгоричани ихъ исправилъ и дополнилъ собственноручно.

Изъ этихъ записокъ, равно какъ изъ полученнаго мною 6 февраля письма полковника Полякова нельзя не усмотрѣть дѣятельнаго со стороны названнаго выше ротмистра содѣйствія тайному союзу „русскихъ патріотовъ“, который, задаваясь, быть можетъ, патріотическими цѣлями, дѣйствуетъ, однако, нелегальными путями и числитъ въ своей средѣ такихъ людей, какъ, напр., Швандъ, привлеченный къ слѣдствію по дѣлу о гомельскихъ безпорядкахъ.

Затѣмъ, изъ опроса ротмистра гр. Подгоричани выяснилось, что, зная о безпорядкахъ въ городѣ, начавшихся въ 4 ч. д. 13 января, онъ явился на мѣсто пожарища и погромовъ лишь въ 4 ч. у. 14 января и, судя по его собственному описанію, присутствовалъ на бѣдствіи въ качествѣ зрителя, не дѣлая никакихъ распоряженій; по удостовѣренію же полиціи, названнаго ротмистра и вовсе на мѣстѣ безпорядковъ замѣчено не было.

Наконецъ, обзоръ дѣлопроизводства ротмистра гр. Подгоричани, произведенный полковникомъ Поляковымъ за время послѣ 1 декабря 1905 г. (послѣднебывшая ревизія) показалъ, что въ этой части существуютъ нѣкоторые формальные пробѣлы и медленность, въ томъ числѣ по дѣламъ арестованныхъ въ порядкѣ охраны.

Изъ группы этихъ дѣлъ,—дабы не выходитъ за предѣлы возложеннаго на меня порученія, мною разсмотрѣны три дѣла, возникшія въ связи съ безпорядками 13—14 января, а именно: д-ра Хейфица, директора гомельскаго отдѣленія сѣвернаго банка Броуна и фельдшера Дубсона. Первыя два лица были заключены подъ стражу 17 января; единственною противъ нихъ уликою выставлены были книжка и расписки по выдачѣ пособій евреямъ, пострадавшимъ отъ погромовъ, причемъ выяснилось, что упомянутая книжка касалась суммъ, переведенныхъ въ банкъ с.-петербургскимъ комитетомъ оказанія помощи евреямъ; 27 января арестованные были освобождены, пробывъ такимъ образомъ подъ стражей 10 сутокъ безъ достаточныхъ основаній. Что касается третьяго изъ названныхъ арестованныхъ—Дубсона, то послѣ произведеннаго у него 22 января обыска, „не обнаружившаго ничего явно преступнаго“, онъ, Дубсонъ, былъ въ тотъ же день заключенъ въ тюрьму, а дѣло о немъ осталось безъ движенія до дня моего отъѣзда изъ

Гомеля, 28 января, т. е. въ теченіе недѣли, о чемъ, согласно указанію вашего высокопревосходительства, мною лично сообщено директору департамента полиціи.

Всѣ письменныя объясненія и записки гр. Подгоричани, равно какъ копію дѣлопроизводства по упомянутымъ тремъ арестамъ, имѣю честь приложить.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изложенное даетъ основаніе слѣдующимъ выводамъ:

1) Причиною безпорядковъ 13—14 января въ Гомелѣ были, съ одной стороны, дерзкія и преступныя проявленія революціоннаго движенія мѣстныхъ членовъ Бунда и другихъ крайнихъ партій еврейства, а съ другой—отомщеніе имъ шайкою поджигателей и погромщиковъ, находящихся въ нѣкоторой связи съ „тайнымъ союзомъ патріотовъ“, причемъ это отомщеніе выразилось въ поджогѣ и разгромѣ упомянутою шайкою домовъ и торговыхъ помѣщеній евреевъ и сопровождалось разграбленіемъ имущества послѣднихъ хулиганами и другими перепившимися людьми, въ томъ числѣ и нѣсколькими нижними чинами мѣстной воинской команды, о которыхъ сказано въ приказѣ командующаго войсками виленскаго военнаго округа 31 минувшаго января.

2) При малочисленности означенной команды, безпорядковъ въ ней, отмѣченныхъ въ томъ же приказѣ ген.-лейт. Кршивицкаго, неустройствѣ и слабости полицейской въ Гомелѣ части, неправильныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между этой частью, жандармами и воинскимъ начальникомъ, который, будучи во время безпорядковъ начальникомъ гарнизона, не назначилъ даже наряда для охраны имущества на пожарѣ, и при плохомъ состояніи гомельской пожарной команды,—полицеймейстеръ и приставъ съ нижними чинами, по свидѣтельству очевидца событія товарища прокурора Борисова, „въ теченіе всей ночи неотступно находившіеся въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ“, были безсильны какъ бороться съ пожарищемъ въ 14 домахъ и массѣ лавокъ, такъ и прекратить сопровождавшіе пожаръ безпорядки.

3) Никакой, наоборотъ, дѣятельности противъ безпорядковъ не проявилъ бывшій помощникъ начальника жанд. управленія Подгоричани, обнаружившій въ своихъ письменныхъ объясненіяхъ прикосновенность къ „союзу русскихъ патріотовъ“ (нѣкоторые члены котораго были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и участниками безпорядковъ), а, съ другой стороны, заключавшій подъ стражу безъ

достаточныхъ къ тому основаній, возбуждая тѣмъ мѣстное населеніе.

4) Описанный въ объясненіяхъ ротмистра гр. Подгоричани тайный „союзъ русскихъ патріотовъ“, несомнѣнно, представляетъ собою явленіе ненормальное, противорѣчитъ задачамъ государственнаго управленія и потому подлежитъ уничтоженію.

5) Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо принять мѣры противъ существующихъ въ Гомелѣ революціонныхъ, во главѣ съ Бундомъ, партій и къ полному ихъ разоруженію.

6) Для достиженія указанной въ п. 5 цѣли требуется: 1) преобразованіе гомельской городской полиціи, во главѣ которой должно быть поставлено не лицо гражданскаго вѣдомства, въ чинѣ колл. секретаря [1]), съ скуднымъ содержаніемъ, какъ это существуетъ теперь, а умный и распорядительный штабъ-офицеръ, съ соотвѣтствующимъ для значительнаго города окладомъ, причемъ въ подчиненіе ему надлежитъ дать не менѣе трехъ приставовъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ и хорошо оплачиваемыхъ нижнихъ чиновъ полиціи; 2) расквартированіе въ городѣ достаточной воинской силы въ видѣ батальона пѣхоты (полнаго состава) при нѣкоторой части артиллеріи съ сохраненіемъ драгунскаго эскадрона и освобожденіемъ отъ службы въ городѣ таманскихъ казаковъ; 3) упорядоченіе пожарной въ Гомелѣ части, и 4) разверстка еврейскаго населенія по кварталамъ, съ назначеніемъ для соблюденія внутренняго порядка особыхъ еврейскихъ старостъ, на обязанности которыхъ лежалъ бы ближайшій надзоръ за исполненіемъ правилъ о храненіи оружія, порядкѣ и спокойствіи среди еврейскаго населенія съ тѣмъ, чтобы такіе старосты были подчинены общему полицейскому управленію и подвергались строгой отвѣтственности за всякій служебный проступокъ.

Объ изложенномъ честь имѣю представить вашему высокопревосходительству съ относящимися къ настоящему докладу документами.

Подписалъ: членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ *Г. Савичъ*.

6 февраля 1906 года.

---

[1]) На мѣсто бывшаго полицеймейстера г. Гомеля колл. секр. Чешко,—едва ли основательно перемѣщеннаго мог. губ. правленіемъ, безъ прошенія, на должность помощника мог. уѣзднаго исправника во время производства мною разслѣдованія дѣла,—назначенъ колл. секр. Мизгайло, который, повидимому, еще менѣе своего предшественника будетъ въ состояніи справляться съ мѣстною полицейскою частью.

Ваше превосходительство,

милостивый государь,

Георгій Георгіевичъ.

По поводу моего личнаго участія въ событіяхъ 13—14 января въ г. Гомелѣ позволяю себѣ доложить о причинѣ моего отсутствія на пожарѣ съ самаго начала и объ отношеніи моемъ къ такъ называемому „союзу патріотовъ“.

Не пошелъ я тотчасъ же по возникновеніи на пожаръ, во-первыхъ, потому, что изъ доклада командированнаго мною унтеръ-офицера я никакъ не могъ заключить, что пожаръ этотъ носитъ характеръ спеціальныхъ поджоговъ: мнѣ объяснили его сначала, какъ пожаръ, вызванный самими владѣльцами съ цѣлью полученія премій. Во-вторыхъ, не пошелъ потому, что боялся конфликта съ полиціей: простымъ свидѣтелемъ я не хотѣлъ быть, а при вмѣшательствѣ я могъ рисковать вмѣсто пользы принести вредъ, отвлекая полицію отъ принятыхъ ею дѣйствій.

Тотъ фактъ, что командированнымъ мною на мѣсто пожара унтеръ-офицерамъ Чешейко и Лубочкину, на вопросъ ихъ, не нуженъ ли я, полицеймейстеръ отвѣтилъ отрицательно, показалъ мнѣ, что на улицѣ въ то время я не только могу быть лишнимъ, но и вреднымъ.

Командировалъ же я на мѣсто агентовъ-сотрудниковъ и лицъ, которыя своимъ нравственнымъ вліяніемъ могли бы оказать благотворное вліяніе на громилъ.

Въ дѣлѣ . . . пункта . . . есть указанія бывшаго губернатора Клингенберга о неправильности, по его мнѣнію, участія моего предшественника ротмистра Шебеко въ дѣлѣ прекращенія полиціей уличныхъ безпорядковъ: это, по мнѣнію губернатора, можетъ только создавать конфликты.

Поэтому я рѣшилъ поѣхать на пожаръ въ началѣ четвертаго часа утра, когда мнѣ дали знать, что, за усталостью, высшіе чины полиціи стали удаляться домой.

Что же касается моего участія въ „союзѣ гомельскихъ патріотовъ“, то цѣль этого была двойная: не надѣясь на продажныхъ, весьма опасныхъ агентовъ, я, въ цѣляхъ полученія возможно полезныхъ и своевременныхъ свѣдѣній о революціонномъ движеніи, не могъ упустить случая воспользоваться такимъ союзомъ, члены котораго вращаются во всѣхъ слояхъ общества. Наряду съ этимъ мнѣ казалось, что вліяніе мое на нѣкоторыхъ

членовъ союза могло бы дать хорошіе результаты именно съ патріотической точки зрѣнія, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Мнѣ казалось, что общество основалось въ цѣляхъ стремиться лояльными и культурными средствами къ упорядоченію соціальныхъ и національныхъ вопросовъ въ ненормально развившейся общественной жизни гор. Гомеля. Мнѣ думалось, что крайняя (лѣвая) революціонная партія, подтачивая въ корнѣ интересы большинства русскаго населенія, противоположнаго лагеря, обязательно, рано или поздно, но должна вызвать въ противовѣсъ себѣ такую же крайнюю реакціонную партію, каковой въ Гомелѣ и явились „патріоты“. Чтобы оказывать, по возможности, доброе, смягчающее вліяніе на этотъ союзъ, я и вошелъ въ общеніе съ нимъ и именно въ цѣляхъ главнымъ образомъ предотвратить еврейскій погромъ. Къ сожалѣнію, въ семьѣ не безъ урода, и въ общество вошли люди безнравственные, которые захотѣли дать преступную волю чувствамъ и повели окрестныхъ крестьянъ-погромщиковъ на кровавое дѣло.

Насколько мнѣ извѣстно, всѣ члены союза были противъ погрома, и нынѣ они собираются выдать двухъ зачинщиковъ властямъ.

Вступая въ активныя сношенія съ крайней группой людей, я зналъ, что, какъ должностное лицо и какъ гражданинъ, я не вправѣ вообще поддерживать какія бы то ни было тайныя сообщества, но тяжелые, полные неизвѣстности дни 10—14 декабря 1905 года, когда ставилось на карту достоинство правительственныхъ учрежденій, жизнь и спокойствіе всего города, я, по крайнему своему разумѣнію, зная, что совершаю граничащій съ преступленіемъ шагъ, рѣшился поддержать матеріально союзъ, дабы онъ могъ оказать противодѣйствіе, если бы въ городѣ возникла революція.

Пользуюсь случаемъ просить васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности вашего покорнаго слуги.

М. Подгоричани.

Начальникъ
могилевскаго губ.
жанд. управл.
2 февр. 1906 г.
№ 7.
Г. Гомель.

Ваше превосходительство,
милостивый государь,
Георгій Георгіевичъ.

Вслѣдствіе полученной мною телеграммы вашей изъ Вильны въ 11 ч. н. 29 января относительно приготовленія плана г. Гомеля съ обозначеніемъ на немъ мѣстъ пожаровъ 13 и 14 января с. г. и особаго описанія пострадавшихъ отъ огня построекъ и торговыхъ заведеній я могъ приступить къ исполненію сего лишь вечеромъ 30 января, такъ какъ въ этотъ день, по случаю пріѣзда въ г. Гомель командира 4 армейскаго корпуса ген.-маіора Волькенау для смотра казачьей сотни, вслѣдствіе разныхъ навѣтовъ на нее въ печати и обществѣ, мнѣ пришлось быть у него два раза и независимо того едва досталъ чертежный матеріалъ, такъ какъ магазины эти тоже пострадали отъ пожара, какъ, напр., Сыркина и два другихъ, а потому и планъ успѣлъ приготовить только 2 февраля, но по случаю праздника отправить его не могъ. Затѣмъ, въ ночь съ 31 января на 1 февраля пришлось руководить вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ повальнымъ обыскомъ въ г. Гомелѣ на предметъ отобранія оружія, вслѣдствіе телеграммы губернатора, основанной на распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ. Обысканы были двѣ улицы, самыя выдающіяся по населенію изъ сорганизованнаго еврейскаго пролетаріата—Гумянная, Кузнечная—и цѣлый участокъ подъ названіемъ „Кагальный Ровъ“, но, къ сожа-

Его превосходительству
члену совѣта м-стра
внутреннихъ дѣлъ
Г. Г. Савичу.

лѣнію, безъ результата. Видимо, еврейское оружіе исчезло изъ города одновременно съ членами организаціи, что же касается русскаго населенія, то таковое сдало оружіе еще въ январѣ по распоряженію ген.-маіора Орлова. Въ г. Гомелѣ 29 января остался лишь генералъ Орловъ, а изъ отряда одна рота и пулеметный взводъ.

Въ дополненіе же къ расположенному въ г. Гомелѣ гарнизону изъ 316 вышневолоцкаго полка, обремененнаго новобранцами и караулами, эскадрона драгунъ и сотни терскихъ казаковъ, я слышалъ, что придетъ еще батальонъ пѣхоты для постояннаго квартированія. Изъ области полицейской дѣятельности могу сообщить, что послѣ вашего отъѣзда полицеймейстеру Мизгайло удалось задержать троихъ изъ шайки называющихъ себя анархистами, а по-просту грабителей, вымогавшихъ отъ обывателей на квартирахъ деньги съ оружіемъ въ рукахъ якобы на революціонныя цѣли. Шайка эта состоитъ изъ русскихъ и евреевъ бездомниковъ, около 10 чел. Лица эти разыскиваются, въ чемъ помогаютъ пострадавшіе евреи.

Графъ Подгоричани-Петровичъ, наконецъ, 1 февраля уѣхалъ, оставивъ, по своей небрежности, кое-какіе недочеты, но что особенно мнѣ непріятно, что онъ обнаружилъ предъ вами и мною склонность къ безцеремонной лжи. Вы припомните, что при послѣднемъ посѣщеніи вашемъ канцеляріи моего помощника, онъ доложилъ вамъ, въ моемъ присутствіи, что выданные имъ револьверы въ числѣ 25 штукъ гомельской патріотической организаціи уже ему возвращены, между тѣмъ, какъ при фактически произведенной мною повѣркѣ оружія, задержаннаго на станціи Гомель въ іюлѣ 1905 г. ротмистромъ Шебеко въ числѣ 75 штукъ, оказалось на лицо лишь 37 револьверовъ, о чемъ и составленъ мною на всякій случай актъ. Куда дѣвались остальные 38 револьверовъ—неизвѣстно. Когда же я настоятельно предложилъ графу Подгоричани объяснить мнѣ, куда исчезло оружіе, то получилъ отъ него слѣдующее объясненіе. Въ половинѣ декабря 1905 г., когда члены партіи патріотовъ настоятельно требовали отъ него оружія для самозащиты, онъ будто бы былъ вынужденъ исполнить ихъ требованія и осуществилъ это слѣдующимъ образомъ: однажды вечеромъ онъ взялъ изъ ящика около 25 револьверовъ, завернулъ въ узелокъ и лично отнесъ извѣстному лицу, гдѣ, позвонивъ, дождался, когда ему отворили дверь, просунулъ туда руку и отворявшему отдалъ названный узелокъ и затѣмъ, никѣмъ не замѣченный, графъ быстро удалился. Кому отнесены была револьверы, графъ

Подгоричани назвать не пожелалъ. Точно такой же тайной было облечено и исчезновеніе изъ его канцеляріи хорошо оборудованной типографіи, отобранной по обыску предшественникомъ графа Подгоричани ротмистромъ Шебеко въ 1905 г., но, за прекращеніемъ дѣла, подлежавшей уничтоженію. Послѣ отъѣзда графа я приказалъ временно исправляющему должность моего помощника въ г. Гомелѣ ротмистру Кожину раскрыть во что бы то ни стало эту тайну и типографію, и вотъ сегодня, 2 февраля, типографію эту удалось обнаружить и водворить въ канцелярію для фактическаго уничтоженія. Находилась она у нѣкоего Макасевскаго, служащаго въ городскомъ страховомъ обществѣ,—патріота.

Обращаясь вновь къ посылаемому вмѣстѣ съ симъ плану, въ отдѣльной трубкѣ, долженъ просить извиненія, что при неудобствахъ и недостаткѣ времени копія плана вышла некаллиграфична, но былъ бы очень счастливъ, если бы эта работа смогла хоть нѣсколько осуществить желаніе вашего превосходительства имѣть пояснительный чертежъ къ вашему докладу о событіяхъ 13—14 января въ въ г. Гомелѣ.

При этомъ позволю себѣ просить распоряженія вашего о возвратѣ чрезъ моего помощника того плана города Гомеля, очень нужнаго въ городскомъ управленіи, но едва ли пригоднаго для вашей цѣли, который представилъ вамъ ротмистръ графъ Подгоричани-Петровичъ въ моментъ вашего отъѣзда изъ гор. Гомеля.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности.

Н. Поляковъ.

Дѣло объ отвѣтственности Ростовскихъ-на-Дону бывшаго градоначальника графа Коцебу, барона Пиларъ-фонъ-Пильхау и полицеймейстера Прокоповича за неправильныя дѣйствія по службѣ.

Дѣло объ отвѣтственности Ростовскихъ на Дону бывшаго градоначальника графа Коцебу барона Пиларъ-фонъ-Пильхау и полицеймейстера Прокоповича за неправильныя дѣйствія по службѣ.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДѢЛА.

Въ отношеніи прокурора новочеркасской судебной палаты отъ 23 ноября 1905 года, за № 3678, изложено слѣдующее: 18—20 октября 1905 года, въ городѣ Ростовѣ на Дону было произведено толпою нападеніе на имущество и торговыя заведенія, принадлежащія евреямъ, при чемъ разграблено и разрушено около 550 магазиновъ и лавокъ, и уничтожено, посредствомъ поджога, до 30 домовъ и весь „Новый“ базаръ. При столкновеніи толпы нападавшихъ съ евреями убито съ обѣихъ сторонъ до 34 и ранено свыше 200 человѣкъ. Возникшимъ по этому поводу предварительнымъ слѣдствіемъ установлены нижеслѣдующія обстоятельства: Рано утромъ 18 октября въ Ростовѣ на Дону былъ полученъ переданный частнымъ телеграфнымъ агенствомъ Высочайшій манифестъ 17 октября, который былъ тотчасъ же отпечатанъ мѣстными типографіями въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ и распространенъ по городу. Около 11 часовъ утра на улицахъ появились толпы народа, изъ которыхъ выдѣлились ученики среднихъ учебныхъ заведеній, находившіеся съ 12 октября въ забастовкѣ. Они образовали на главной улицѣ—Садовой—значительное скопище. Съ пѣніемъ марсельезы толпа эта пошла по Садовой, направляясь къ Нахичевани; по дорогѣ, взявъ въ одномъ изъ домовъ національный флагъ, демонстранты оторвали

синюю и бѣлую части, а красную оставили, и съ этимъ флагомъ двинулись дальше, при чемъ къ демонстраціи начало присоединяться много евреевъ и рабочихъ. На углахъ, прилегающихъ къ Садовой улицѣ, собрались толпы любопытныхъ, среди коихъ были торговцы, береговые рабочіе, извозчики и тому подобные, а также и гулявшая публика. Настроеніе этихъ группъ, подъ вліяніемъ вызывающаго поведенія демонстрантовъ, а также пѣнія марсельезы, стало понемногу принимать враждебный характеръ. Не доходя до соборной площади, бывшій въ толпѣ старикъ, съ цѣлью, повидимому, вырвать красный флагъ бросился къ флагоносцу, но былъ послѣднимъ застрѣленъ изъ револьвера, послѣ чего этому ученику были нанесены побои. Происшедшее при этомъ замѣшательство вскорѣ, однако, улеглось, и манифестанты двинулись далѣе. Въ Нахичевани они встрѣтились съ толпою рабочихъ завода „Аксай“, несшихъ красный флагъ съ написью „наша взяла“. Изъ Нахичевани обѣ соединившіяся манифестаціи, съ цѣлью освободить содержавшихся въ тюрьмѣ политическихъ заключенныхъ, отправились къ ней, куда и явились въ началѣ 2 го часа пополудни. Ростовская на Дону тюрьма, съ окружающей ее каменной стѣной, расположена на широкомъ пустопорожнемъ мѣстѣ на окраинѣ города Ростова, носящемъ названіе „Тюремной площади“. Входъ въ тюрьму со стороны Ростова. Явившаяся толпа остановилась съ противоположной стороны у стѣны и здѣсь бывшими въ средѣ ея евреями было выкинуто красное знамя, нынѣ пріобщенное къ слѣдствію къ качествѣ вещественнаго доказательства, съ надписью „Поалей Ціонъ“ и съ изображеніемъ на немъ сіонитскимъ знакомъ въ видѣ двухъ перекрещивающихся треугольниковъ. Ко времени прихода манифестаціи, на тюремной площади была выставлена, по приказанію ростовскаго градоначальника, графа Коцебу, сотня казаковъ и часть роты Феодосійскаго пѣхотнаго полка, изъ которыхъ первые встали вдоль боковой части наружной стѣны, вторые же противъ тюремныхъ воротъ. Въ то же время на краю площади, нѣсколько позади казаковъ, начала скопляться толпа, состоявшая частью изъ прохожихъ любопытныхъ, частью изъ рабочихъ, мастеровыхъ, приказчиковъ и тому подобныхъ, узнавшихъ, что къ тюрьмѣ собрались манифестанты, пѣвшіе ранѣе въ городѣ марсельезу. Эти лица явились сюда съ цѣлью посмотрѣть, чѣмъ кончится демонстрація. Изъ полицейскихъ чиновъ на мѣстѣ былъ лишь участковый приставъ 3 участка Новиковъ. Тѣмъ временемъ манифестанты избрали депутацію, которая, войдя въ тюрьму, потребовала немедленнаго освобожде-

нія полицейскихъ арестованныхъ. Бывшій въ тюрьмѣ товарищъ прокурора таганрогскаго окружнаго суда Гирчичъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, отказалъ въ освобожденіи осужденныхъ и содержавшихся въ порядкѣ формальнаго дознанія, но разрѣшилъ депутатамъ свиданіе съ ними для объявленія манифеста, такъ какъ требованіе такого свиданія сопровождалось угрозою разгромить тюрьму въ случаѣ отказа. Одновременно находившійся въ тюрьмѣ помощникъ начальника областнаго жандармскаго управленія, ротмистръ Карповъ, распорядился объ освобожденіи содержавшихся въ порядкѣ положенія объ охранѣ, и депутаты отъ манифестантовъ удалились. Пока они находились внутри тюрьмы, среди демонстрантовъ появились ораторы, произнесшіе рядъ рѣчей революціоннаго содержанія, направленныхъ противъ монархическаго образа правленія. По показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей, при произнесеніи этихъ рѣчей были допущены и выраженія, прямо оскорбительныя по отношенію къ священной особѣ государя императора, что, повидимому, вызвало негодованіе не только въ стоявшей неподалеку толпѣ, но и среди казаковъ. Тутъ же, по показаніямъ двухъ свидѣтелей, нуждающимися въ дальнѣйшей провѣркѣ, было совершено поруганіе, умышленно съ этой цѣлью принесеннаго портрета государя императора, который, послѣ того, какъ кто-то изъ евреевъ ножемъ прокололъ на немъ глаза, былъ брошенъ на землю и растоптанъ. По возвращеніи изъ тюрьмы депутатовъ, манифестанты остались на мѣстѣ, ожидая выхода на волю освобожденныхъ арестантовъ. Уже когда начало темнѣть, изъ среды демонстрантовъ былъ произведенъ рядъ револьверныхъ выстрѣловъ въ толпу, стоявшую на краю площади; однимъ изъ этихъ выстрѣловъ былъ убитъ въ толпѣ мальчикъ 14 лѣтъ. Въ то же время демонстранты начали тѣснить стоявшаго у стѣны часового. Увидѣвъ это, командиръ роты, капитанъ Янушевскій, вывелъ изъ расположеныхъ вблизи временныхъ казармъ взводъ той же роты Феодосійскаго полка и пошелъ съ нимъ по направленію къ демонстрантамъ, сдѣлавъ, при этомъ нѣсколько выстрѣловъ въ воздухъ. Какъ бы ободренная этимъ, толпа бросилась на демонстрантовъ, произошло побоище, и демонстранты были обращены въ бѣгство, при чемъ на мѣстѣ оказалось болѣе 10 убитыхъ и много раненыхъ; въ числѣ убитыхъ была дѣвица еврейка Рейзманъ, которая, во время столкновенія, держала флагъ съ надписью „Поалей Ціонъ“; убивъ ее, толпа ей воткнула флагштокъ въ ротъ. Это произошло уже въ 6 часу вечера, такимъ образомъ манифестанты

съ красными флагами, толпа, впослѣдствіи на нихъ напавшая, а также войска, призванныя съ самаго начала по распоряженію градоначальника, находились на мѣстѣ около тюрьмы въ теченіе приблизительно 3—4 часовъ. Изъ чиновъ администраціи, во все это время, находился у тюрьмы одинъ только приставъ 3-го участка города Ростова Новиковъ, который безпрерывно входилъ въ тюрьму и выходилъ изъ нея, не принимая никакого участія въ подавленіи безпорядка, не смотря даже на прямо обращенное къ нему требованіе объ этомъ казачьяго офицера, есаула Страхова. По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ оказалось, что приставъ Новиковъ былъ занятъ выпускомъ арестованныхъ, подлежавшихъ освобожденію, согласно распоряженію жандармскаго ротмистра Карпова. Ростово-Нахичеванскій полицеймейстеръ полк. Прокоповичъ пріѣхалъ на тюремную площадь въ самомъ началѣ, вскорѣ послѣ появленія тамъ манифестантовъ и войска, но, пробывъ не болѣе получаса, уѣхалъ, какъ потомъ оказалось, съ докладомъ къ градоначальнику, и болѣе на тюремной площади не появлялся. Градоначальникъ графъ Кобецу на мѣсто не являлся. Военные начальники въ виду отсутствія гражданской власти, послѣ нѣкотораго пререканія, возникшаго между ними на той почвѣ, что ни одному изъ нихъ не хотѣлось признать за собою старшинства въ столь отвѣтственномъ положеніи, дѣйствовали каждый по своему усмотрѣнію. Послѣ разсѣянія манифестантовъ, толпа двинулась въ выходящій на тюремную площадь со стороны Ростова Боготянскій переулокъ, гдѣ и начала производить разгромъ еврейскихъ магазиновъ. Воинскія части оставались вначалѣ на тюремной площади, полиція же совершенно отсутствовала, но вскорѣ пріѣхалъ помощникъ полицеймейстера, взялъ сотню казаковъ и повелъ ее въ Боготянскій переулокъ, откуда затѣмъ слѣдовалъ за толпою и заставалъ всюду уже оконченный разгромъ; перейдя на главныя улицы города Садовую, Московскую и Таганрогскій проспектъ, толпа продолжала разрушать всѣ еврейскіе магазины; разгромъ продолжался до 6-ти часовъ утра 19-го, когда на два или на три часа наступилъ перерывъ. Затѣмъ разграбленіе возобновилось, продолжалось до поздняго вечера и утромъ 20-го октября были разгромлены немногіе уцѣлѣвшіе еврейскіе магазины. По даннымъ предварительнаго слѣдствія можно придти къ заключенію, что разгромы, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, происходили въ слѣдующемъ порядкѣ: кучка громилъ, числомъ отъ десяти и не болѣе пятидесяти, разбивала двери и окна магазина, входила въ него и частью уничтожала товары, частью

выбрасывала ихъ на улицу, гдѣ толпа, состоявшая изъ простонародья и интеллигентныхъ — на видъ — лицъ, а также многихъ женщинъ и подростковъ, подбирала выброшенное и уносила, а также увозила на легковыхъ и ломовыхъ извозчикахъ въ разныя стороны. Разграбивъ магазинъ, громилы оставляли его и переходили къ сосѣднему; за ними слѣдовала и толпа; были случаи, что одни и тѣ же изъ укрывателей возвращались къ мѣсту грабежа по нѣскольку разъ. Многіе изъ ограбленныхъ магазиновъ громилы поджигали, предварительно обливъ полъ и оставшуюся обстановку керосиномъ. Такимъ образомъ уничтожены огнемъ почти въ цѣломъ составѣ два квартала Московской улицы между Новымъ базаромъ и Николаевскимъ переулкомъ. Изъ зданій, не принадлежащихъ къ числу торговыхъ заведеній, уничтожены огнемъ: ремесленная синагога, домъ присяжнаго повѣреннаго Волкенштейна и нѣкоторыя другія. Дѣйствія полиціи и воинскихъ частей совокупностью показаній потерпѣвшихъ и свидѣтелей, не исключая изъ числа послѣднихъ и полицейскихъ и воинскихъ чиновъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Съ самаго начала погрома, въ теченіе всего вечера 18 октября и въ продолженіе дня 19-го октября ни полицейскіе, ни воинскіе чины не получили никакихъ общихъ указаній о способахъ усмиренія безпорядка, а также о томъ, гдѣ ихъ содѣйствіе требуется. Изъ воинскихъ частей двѣ роты Феодосійскаго полка, расположенныя въ Ростовѣ, были введены въ дѣйствіе лишь 19-го октября послѣ 3-хъ часовъ дня, когда и было сдѣлано распоряженіе о дѣйствіи оружіемъ. Казачья сотня, съ самаго начала, раздробившись на отдѣльные мелкіе отряды отъ 2—3 до 10 человѣкъ, разъѣзжали по улицамъ, въ большинствѣ случаевъ сами выбирая себѣ районъ дѣйствій и вездѣ оставаясь лишь свидѣтелями происходящаго. Изъ чиновъ полиціи, градоначальникъ графъ Коцебу и полицеймейстеръ Прокоповичъ показывались въ различныхъ частяхъ города въ предѣлахъ мѣстъ, охваченныхъ погромами, но всѣ объясненія какъ потерпѣвшихъ, такъ и свидѣтелей по этому поводу сводятся къ тому, что появленіе этихъ лицъ не приводило къ какимъ либо видимымъ результатамъ. По показанію помощника Ростовскаго на Дону полицеймейстера, никто изъ полицейскихъ приставовъ, кромѣ пристава 2-го участка, не принималъ участія въ прекращеніи грабежей, что же касается помощниковъ приставовъ, околодочныхъ надзирателей и городовыхъ, то многочисленныя показанія потерпѣвшихъ и свидѣтелей сводятся къ тому, что эти лица оставались совершенно безучастными

зрителями происходившаго и отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ на обращавшіяся къ нимъ просьбы о защитѣ. Такія же указанія имѣются, впрочемъ и относительно полиціймейстера Прокоповича, къ которому два изъ допрошенныхъ понынѣ потерпѣвшихъ обращались по телефону, заявляя, что громилы уже находятся по близости и прося прислать хотя бы нѣсколько казаковъ. На эти ходатайства Прокоповичъ отвѣчалъ, что присылка казаковъ отъ него не зависитъ и просителямъ слѣдуетъ объ этомъ заявить градоначальнику. Свидѣтели Сааковъ, Марковъ, Робукъ, Домбровскій и потерпѣвшіе Левитинъ, Бутвинникъ, Рахлинъ и другіе заявили судебному слѣдователю, что полное бездѣйствіе присутствовавшихъ при отдѣльныхъ погромахъ полицейскихъ чиновъ было настолько явно, что производило впечатлѣніе, какъ будто на разграбленіе еврейскихъ магазиновъ полиція даетъ молчаливое разрѣшеніе. Изъ названныхъ лицъ Левитинъ обратился къ двумъ помощникамъ пристава, стоявшимъ на Московской улицѣ и безучастно смотрѣвшимъ на происходившій разгромъ и спросилъ ихъ, почему они не дѣйствуютъ, на что Ливитинъ отъ одного изъ этихъ чиновъ услышалъ отвѣтъ: „Дали народу свободу, мы ничего не можемъ сдѣлать“. Потерпѣвшій Цепельницкій объяснилъ, что онъ видѣлъ нѣсколько случаевъ, когда магазины начинали разбивать два—три человѣка, стоявшіе же по близости чины полиціи спокойно на это смотрѣли и не двигались съ мѣста. По показанію свидѣтеля Трояновскаго, во время разгрома мануфактурнаго и галантерейнаго магазина Цвѣтъ, громившіе выносили кипы товаровъ на глазахъ стоявшихъ тутъ же полицейскихъ чиновъ, которые, однако, ничего не предприняли въ цѣляхъ прекращенія погрома. Потерпѣвшій Шавенеръ заявилъ, что ему удавалось нѣсколько разъ отнимать награбленныя вещи у громилъ, но стоявшій по близости городовой отбиралъ эти вещи обратно и возвращалъ ихъ громиламъ. Показаніемъ Осадченко и нѣсколькихъ другихъ установлено, что при разгромѣ магазина Гольдштейна грабители вынесли на тротуаръ несгораемую кассу и тутъ же начали ее разбивать. Благодаря тому, что касса оказалась очень прочнаго устройства, работавшимъ надъ ней въ теченіи двухъ часовъ громиламъ не удавалось ее разбить. Все это время около нихъ стояли два казака и городовой, и, въ глазахъ присутствовавшей публики, эта сцена имѣла видъ, что казаки охраняютъ громилъ. Что касается дѣйствія казаковъ, то въ общей сложности показанія потерпѣвшихъ и свидѣтелей сводятся къ тому, что эти чины не только не противодѣйствовали грабежу, но какъ бы его поощ-

ряли. Заявленія эти, подлежащія тщательной дальнѣйшей провѣркѣ, отчасти подтвердились уже тѣмъ, что у трехъ изъ бывшихъ въ нарядѣ казаковъ отобрано впослѣдствіи ограбленное имущество. Обстоятельство это можетъ найти объясненіе только въ томъ, что, какъ выше сказано, нижніе чины казачьей сотни дѣйствовали въ различныхъ мѣстахъ малыми отрядами безъ всякаго надзора или контроля со стороны своего начальства или полиціи. По удостовѣренію свидѣтеля Лошкарева, громилы разбивали магазины и черезъ головы казаковъ, стоявшихъ неподвижно на тротуарѣ спиной къ магазину, выкидывали товаръ на улицу. Тутъ же публика у ногъ казаковъ безпрепятственно эти товары подбирала и уносила. Свидѣтель Фонштейнъ показалъ, что онъ видѣлъ какъ толпа грабила магазинъ Рысина. Рядомъ на тротуарѣ передъ магазиномъ Левина стояли нѣсколько казаковъ и его охраняли. Когда разгромъ магазина Рысина былъ уже оконченъ, тѣ же казаки передвинулись и стали передъ нимъ, а громилы тутъ же перешли къ Левину и разграбили его. Потерпѣвшій Коганъ заявилъ, что онъ обратился къ группѣ казаковъ съ просьбой охранить его магазинъ. Казаки потребовали за это десятъ рублей, но, получивъ ихъ, тотчасъ же ускакали, послѣ чего магазинъ былъ разграбленъ. По показаніямъ потерпѣвшихъ Левитина, Бейлина, Альнера, Дика, Рубуха и Шварца, свидѣтелей Домбровскаго, Робука, Саакова, Кочеткова, Шиппера и другихъ, казаки вездѣ стояли безучастными зрителями грабежей, иногда останавливали лицъ уносившихъ награбленное, но осмотрѣвъ уносимое, пропускали ихъ мимо. Были случаи, что казаки и разгоняли народъ, но не участвовавшій въ грабежѣ, а постороннюю публику, состоявшую изъ любопытныхъ. При такихъ условіяхъ, разграбленное имущество разносилось во всѣ части города и были случаи, когда громоздкіе предметы домашней обстановки переносились не только въ самыя отдаленныя улицы г. Ростова на Дону, но и въ Нахичевань, то есть на разстояніи до шести верстъ, при чемъ похитителямъ приходилось итти мимо цѣлаго ряда полицейскихъ постовъ, но ихъ никто не останавливалъ. По показанію капитана Гусакова, который 19-го октября съ частью роты Феодосійскаго полка охранялъ тюрьму съ 7 часовъ утра до 3-хъ часовъ дня, мимо него въ теченіе всего этого времени безпрерывно двигалась толпа въ такомъ числѣ, какъ бываетъ въ большой праздникъ, когда народъ выходитъ изъ церкви. Всѣ шедшіе были нагружены награбленнымъ имуществомъ. Никто ихъ не останавливалъ, свидѣтель же не считалъ себя въ правѣ это дѣ-

лать, такъ какъ ему никто не отдавалъ соотвѣтствующихъ распоряженій. Что касается тѣхъ данныхъ, которыя, указывая на настроеніе толпы, могли бы опредѣлить насколько немедленное подавленіе безпорядка было возможно при наличности имѣвшихся въ распоряженіи административной власти полицейскаго состава и войскъ,—послѣдніе находились въ числѣ двухъ ротъ пѣхоты и одной сотни казаковъ,—необходимо отмѣтить, что, какъ упомянуто выше въ самыхъ разгромахъ и поджогахъ магазиновъ, въ особенности въ теченіе 18-го октября и утромъ 19-го октября, участвовали повсемѣстно небольшія кучки громилъ, остальная же толпа состояла частью изъ любопытныхъ, частью изъ пришедшихъ съ цѣлью унести выброшеное на улицу имущество. По единогласному свидѣтельству допрошенныхъ лицъ, въ этой толпѣ никто вооруженъ не былъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ евреи, запершись въ магазинахъ, отстрѣливались изъ револьверовъ и этимъ останавливали толпу на продолжительное время. Въ другихъ случаяхъ, забравшіеся въ магазинъ и уже приступившіе къ разрушенію его нѣсколько громилъ, при возгласѣ изъ толпы стоявшей на улицѣ—„казаки“ тотчасъ разбѣгались, но казаки проѣзжали мимо и удалялись, послѣ чего разгромъ возобновлялся. Наконецъ, капитанъ Янушевскій, получившій въ 4-омъ часу 19 октября приказаніе ввести свою роту въ дѣйствіе и „успокоить толпу“, провелъ ее по Садовой улицѣ до Соборнаго переулка, гдѣ засталъ большое скопище, запрудившее весь переулокъ. При появленіи роты народъ этотъ привѣтствовалъ ее криками ура и многіе въ переднихъ рядахъ стали на колѣни; капитанъ Янушевичъ приказалъ взять ружья „на руку“ и тотчасъ же толпа разсѣялась. Изъ вышеизложеннаго видно, что начавшееся 18 октября настоящаго года на тюремной площади въ городѣ Ростовѣ на Дону безпорядки, перешедшіе затѣмъ въ погромъ и поджоги еврейскихъ имуществъ, продолжались въ теченіе почти двухъ сутокъ при полномъ отсутствіи надлежащаго воздѣйствія на толпу со стороны мѣстной власти и окончились утромъ 20-го октября не потому, что бы они были остановлены полиціею или войсками, а исключительно потому, что всѣ торговыя и иныя помѣщенія, принадлежавшія евреямъ, были къ этому времени уничтожены.

ДОКУМЕНТЫ

по Сѣдлецкому погрому.

КОПІЯ.

Докладъ Ротмистра Пѣтухова Варшавскому Генералъ-Губернатору о Сѣдлецкомъ погромѣ.

Вр. генералъ-губернаторъ сѣдлецкой губерніи, генералъ-маіоръ Энгельке, приказомъ отъ 10 августа с. г. за № 12, назначилъ начальникомъ охраны г. Сѣдлеца подполковника 39-го драг. Нарвскаго полка Тихановскаго.

11-го августа, въ 12 часовъ дня, я былъ потребованъ въ Губернское Жандармское Управленіе, гдѣ находился уже полковникъ Вырголичъ, ротмистръ Потоцкій и Григорьевъ, и. д. сѣдлецкаго полицеймейстера штабсъ-капитанъ Протопоповъ и начальникъ охраны подполковникъ Тихановскій. Происходило совѣщаніе о болѣе раціональной охранѣ города и о производствѣ въ Сѣдлецѣ повальныхъ обысковъ; послѣднее требовалось телеграммой главнаго начальника края. Подполковникъ Тихановскій тутъ же требовалъ указать ему нѣсколькихъ почтенныхъ гражданъ г Сѣдлеца, которые, хотя сами и не принимаютъ активнаго участія въ революціонномъ движеніи, но такъ или иначе способствуютъ ему. Подполковникъ Тихановскій высказалъ намѣреніе посадить этихъ лицъ въ тюрьму, считая ихъ заложниками, и хотѣлъ объявить имъ, что, въ случаѣ покушенія на кого-либо изъ служащихъ, они будутъ лишены жизни. Подполковникъ Тихановскій заявилъ, что онъ все беретъ на себя. На вопросъ же, какимъ образомъ заложники будутъ лишены жизни, подполковникъ Тихановскій обратился къ полицеймейстеру съ вопросомъ, не найдется ли у него стражника, который, прикинувшись сумасшедшимъ, перестрѣляетъ заложниковъ въ тюрьмѣ, либо подсыплетъ имъ въ кушанье мышьяку. „На терроръ революціи мы должны отвѣтить еще болѣе сильнымъ терроромъ“, добавилъ подполковникъ Тихановскій. Никакія убѣжденія не дѣйствовали на подполковника Тихановскаго, онъ твердо стоялъ на своемъ, заявляя, что все беретъ на себя.

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, мы вновь собрались въ Губ. Жанд. Управленіе, и нами вырабатывался планъ оцѣпленія города съ цѣлью производства повальныхъ обысковъ, но тутъ же выяснилось, что, при наличности 2-хъ батальоновъ пѣх. либавскаго полка и одного полка кавалеріи, повальныхъ обысковъ произвести нельзя, такъ какъ это остановило бы жизнь города болѣе, чѣмъ на однѣ сутки, и подобные обыски не дали бы никакихъ положительныхъ результатовъ. Подполковникъ Тихановскій продолжалъ настаивать на производствѣ повальнаго обыска всего города и, между прочимъ, потребовалъ, чтобы полицеймейстеромъ ко времени обысковъ была приготовлена пожарная команда, а всѣ доктора должны были къ этому времени собраться въ больницахъ. Съ своей стороны подполковникъ Тихановскій обѣщалъ приготовить лазаретныя линейки. На вопросъ, къ чему всѣ эти приготовленія, подполковникъ Тихановскій заявилъ, что могутъ быть и убитые и раненые, такъ какъ пощады не будетъ и употребленіе оружія будетъ поощрено: могутъ случиться и пожары. Такъ готовились мы къ производству мирныхъ обысковъ, а драгунскіе офицеры, какъ стало извѣстно затѣмъ уже, въ тотъ же вечеръ, будучи въ обществѣ, потирали руки и съ самодовольной улыбкой заявляли громогласно: „ужъ мы устроимъ имъ погромчикъ, пощады не будетъ“. О томъ же шли толки и среди солдатъ.

12 августа, въ 3 часа дня, въ Губ. Жанд. Управленіи вновь состоялось совѣщаніе съ подполковникомъ Тихановскимъ, который заявилъ, что повальные обыски всего города онъ назначаетъ въ ночь на 13-ое августа, при чемъ, по его требованію, мною тутъ же даны были ему списки лицъ съ указаніемъ адресовъ, извѣстныхъ своей преступной дѣятельностью.

Изучивъ настроеніе подполковника Тихановскаго и вообще офицеровъ драгунскаго полка и нижнихъ чиновъ, мы рѣшили протестовать противъ обысковъ по плану подполковника Тихановскаго, ссылаясь на недостатокъ силъ, но онъ не унимался. Полковникъ Вырголичъ, въ виду этого, сейчасъ же послѣ совѣщанія, поѣхалъ къ губернатору и, ознакомивъ его съ технической стороной обысковъ, въ смыслѣ продолжительности времени, потребнаго для повальнаго обыска всего Сѣдлеца, и особенно съ настроеніемъ войскъ, настоялъ на отмѣнѣ этихъ обысковъ до полученія подкрѣпленія. Вр. генер.-губернаторъ 13 августа поѣхалъ съ этой цѣлью въ Варшаву, но въ присылкѣ войскъ ему было отказано и повальные обыски въ принципѣ отмѣнены.

13 августа полковникъ Вырголичъ заболѣлъ и слегъ. Я же,

бывая у губернатора, неоднократно обращалъ его вниманіе на настроеніе подполковника Тихановскаго и вообще войскъ гарнизона и совѣтовалъ не давать имъ воли, открыто заявляя, что это можетъ вызвать грабежъ и ненужное кровопролитіе, какъ это уже имѣло мѣсто 8 августа послѣ убійства полицеймейстера капитана Гольцева. Губернаторъ, повидимому, внимательно прислушивался къ моимъ доводамъ и, дѣлая замѣтки для памяти, обѣщалъ принять нужныя мѣры.

Затѣмъ до 26 августа я нѣсколько разъ видѣлся съ подполковникомъ Тихановскимъ, онъ въ это время занимался составленіемъ инструкцій войскамъ по охранѣ города. Въ одной изъ инструкцій было сказано, между прочимъ, что съ наступленіемъ тревоги въ городѣ, телеграфъ прекращаетъ пріемъ частныхъ телеграммъ. На мой вопросъ о цѣли этого распоряженія, подполковникъ Тихановскій отвѣтилъ, что это распоряженіе онъ дѣлаетъ для того, чтобы жители не могли посылать телеграммъ о прекращеніи дѣйствій войскъ, когда послѣдніе будутъ ихъ проучать.

Хорошо характеризуютъ личность подполковника Тихановскаго и другіе факты. Такъ, напр., онъ говорилъ полицеймейстеру, все еще не оставляя мысли о повальныхъ обыскахъ: „пусть ротмистръ Пѣтуховъ и не думаетъ, что у насъ будутъ арестованные, а отмѣченные въ его спискѣ навѣрно среди арестованныхъ не окажутся“; это является какъ бы отвѣтомъ на устройство на время обысковъ перевязочныхъ пунктовъ и на приготовленія лазаретныхъ линеекъ.

Затѣмъ, въ первую же ночь стрѣльбы въ Сѣдлецѣ, около 3 часовъ на 27 августа, подполковникъ Тихановскій, вообразивъ себя вѣроятно окруженнымъ на полѣ битвы превосходнымъ по численности непріятелемъ, съ цѣлью поднятія духа войска, какъ потомъ самъ объяснилъ, вызвалъ изъ драгунскихъ казармъ хоръ трубачей, а когда ему въ этомъ было отказано, онъ собралъ пѣсенниковъ, и среди трескотни выстрѣловъ, кровопролитія, грабежа и пожаровъ, въ городѣ раздавалось пѣніе. Наконецъ, нѣсколько дней спустя послѣ безпорядковъ, когда стали носиться слухи о томъ, что подполковника Тихановскаго убьютъ, онъ явился въ эскадронъ, которымъ раньше командовалъ, объявилъ объ этомъ собравшимся людямъ и сказалъ, что, если его дѣйствительно убьютъ, то онъ хочетъ, чтобы они хорошенько справили тризну по немъ и выкупались бы въ крови по уши; объ этомъ мнѣ разсказывали драгунскіе офицеры, во время одного изъ завтраковъ у нихъ въ собраніи, какъ бы подчеркивая этимъ лихость подполковника Тихановскаго.

26 августа около 8 съ половиной часовъ вечера, какъ я уже доносилъ, въ городѣ раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, въ отвѣтъ на которые немедленно открылась безпорядочная стрѣльба войскъ, не разбиравшихъ, стрѣляютъ изъ даннаго дома или нѣтъ. Въ первую же ночь ружейными пулями побито на 30 руб. стеколъ въ общежитіи при женской гимназіи, откуда ужъ навѣрное не стрѣляли. Побиты стекла и въ домѣ, гдѣ помѣщается Губернское Жандармское Управленіе. Войска безпощадно расправлялись съ мирными жителями, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ приведено было въ Полицейское Управленіе нѣсколько человѣкъ, преимущественно пожилыхъ и старыхъ евреевъ, и какъ солдаты съ увлеченіемъ, на глазахъ подполковника Тихановскаго, пропускали ихъ сквозь строй прикладовъ. При мнѣ же стоявшій недалеко отъ полиціи драгунскій солдатъ, безъ всякой причины, стрѣлялъ въ окна квартиры члена Окружного Суда Мудрова. Я былъ также свидѣтелемъ, какъ драгунъ явился за патронами, и подполковникъ Тихановскій сказалъ ему: „мало убитыхъ“. Видя все это, я просилъ подполковника Тихановскаго прекратить безсмысленную стрѣльбу и битье и заняться правильнымъ розыскомъ стрѣлявшихъ, при этомъ я обратилъ его вниманіе на то, что войска утомятся, особенно безъ пищи, а къ вечеру революціонеры могутъ выкинуть что нибудь болѣе серьезное. На все это я получилъ отъ него отвѣтъ, что Ляоянскій бой вели 12 дней, а если понадобится, то онъ просидитъ на стулѣ у полиціи и 2 недѣли, и что въ городѣ много съѣстныхъ лавокъ и хватитъ на всѣхъ; все это было сказано въ присутствіи нижнихъ чиновъ.

Не желая быть свидѣтелемъ описанныхъ выше сценъ, и не имѣя возможности прекратить происходившаго, я въ 9 час. утра 27 августа ушелъ домой. Около 10 час. утра подполковникъ Тихановскій присылалъ за мной, но я уже не пошелъ къ нему больше, считая свое присутствіе тамъ совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что тамъ все время находился ротмистръ Потоцкій или Григорьевъ. Остановить подполковника Тихановскаго пытался и и. д. полицеймейстера штабсъ-кап. Протопоповъ. Но на всѣ доводы получалъ отвѣтъ: „не ваше дѣло“.

Унтеръ-офицеровъ ввѣреннаго мнѣ Управленія, живущихъ на Соколовскомъ шоссе, до разсвѣта 27 авг. въ городъ не пускали воинскіе посты, заявивъ, что никого не велѣно пускать. Съ разсвѣтомъ они принимали участіе въ обыскахъ, но затѣмъ имъ было доложено, что войска тамъ, гдѣ нѣтъ офицеровъ, и не про-

изводятъ обысковъ, а просто грабятъ, и зря бьютъ людей. Одинъ изъ драгунъ, котораго хотѣлъ остановить унтеръ-офицеръ Ефимовъ, выхватилъ на него шашку. Стражниковъ въ одномъ мѣстѣ солдаты прогнали прикладами.

Уже въ первую ночь драгуны обращались за керосиномъ для поджоговъ къ жандармскимъ унтеръ-офиц. Андреюку и Зайцу, и на вопросъ, какъ они смѣютъ это дѣлать, солдаты отвѣтили: „такъ велѣно“. Грабежи происходили также и въ первую ночь.

27 августа, съ наступленіемъ сумерекъ, войска окончательно разнуздались: ими разбиты всѣ пивныя и нѣкоторые склады винъ; все растаскано и частью выпито, а частью просто побито. Во вторую ночь войска почти поголовно были пьяны.

5 сентября прибыли изъ Петербурга чиновникъ особыхъ порученій 5 класса при г. министрѣ внутр. дѣлъ, Губонинъ, который обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ къ открытію истины о сѣдлецкихъ событіяхъ 27—28 августа. Не считая себя въ правѣ скрывать что-либо отъ лица, прибывшаго ознакомиться съ положеніемъ дѣла по порученію министра, я ознакомилъ его подробно съ личностью подполковника Тихановскаго и предшествовавшимъ настроеніемъ войскъ и вообще съ послѣдними сѣдлецкими событіями. Затѣмъ по его же просьбѣ вызывалъ въ губернское жандармское управленіе болѣе пострадавшихъ лицъ и помогалъ при опросѣ не умѣвшихъ объясняться по русски. Г. Губонинымъ опрошено до 40 чел. частныхъ лицъ, и всѣ подчиненные мнѣ жандармскіе унтеръ-офицеры.

При этомъ домохозяинъ Ксенжопольскій свидѣтельскими заявленіями своей прислуги и батрака подтвердилъ фактъ поджога его сараевъ драгунскими солдатами. То же самое вполнѣ установлено относительно другихъ 2—3 домовъ заявленіями нѣсколькихъ свидѣтелей-очевидцевъ, при чемъ выяснено,—что керосинъ для поджоговъ солдатами брался также и изъ лампъ уличныхъ фонарей.

Докторъ Штейнъ и прислуживающій въ еврейской больницѣ разсказали, какъ во дворѣ больницы былъ добитъ солдатами доставленный туда раненный еврей.

Еврейка Вольфъ разсказала, какъ 27 августа, въ 3 часа дня, въ ея квартиру явились драгуны во главѣ съ офицеромъ. Мужъ ея въ это время сидѣлъ съ сыновьями въ молитвенномъ одѣяніи и молился. Офицеръ выругалъ его переодѣтымъ мерзавцемъ и, схвативши за шиворотъ, ударилъ головой объ косякъ двери; затѣмъ драгуны вытащили его на дворъ и тутъ же на глазахъ жены, несмотря на ея мольбы, прикончили его прикладами.

Представитель фирмы жирардовской мануфактуры Рубинштейнъ заявилъ фактъ ограбленія у него солдатами значительной суммы наличными деньгами, билета внутренняго займа и векселей на 2000 руб., сославшись какъ на свидѣтеля, на штабсъ-капитана 195-го пѣхотнаго полка Стоянова. Одна еврейка, торгующая сапожнымъ товаромъ, прямо указала на извѣстнаго ей драгуна Акимова, являвшагося въ ея лавку и грабившаго товаръ вмѣстѣ съ другими солдатами. Были заявленія и объ изнасилованіи женщинъ, но это пока не установлено.

Поступило много заявленій о томъ, что солдаты, вламываясь въ квартиру, ничего не искали, а просто требовали денегъ; не желавшихъ подчиниться требованію убивали тутъ же или арестовывали. Евреи, по ихъ словамъ, отдавали все, что имѣли, а когда уже для слѣдующихъ партій солдатъ у нихъ ничего не оставалось, то солдаты арестовывали мужчинъ и уводили ихъ.

Поступали заявленія и о провокаторскихъ выстрѣлахъ со стороны стражниковъ. Такъ содержатель лавки съ ружьями, велосипедами и т. п. Боренштейнъ видѣлъ, какъ стражникъ, котораго онъ можетъ указать въ лицо, стрѣлялъ въ воздухъ и затѣмъ указывалъ солдатамъ, что стрѣляли изъ такого-то дома; солдаты обстрѣливали указанный домъ.

Фактъ грабежа солдатами во всякомъ случаѣ вполнѣ установленъ. Награбленное возвращается частями войскъ въ полицію. Во время безпорядковъ встрѣчались на улицѣ солдаты съ массой разныхъ вещей. Солдаты брали все, что могли, а другія вещи, какъ напр. мебель, во многихъ случаяхъ уничтожали на мѣстѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ и приказъ по сѣдлецкому гарнизону отъ 30 августа с. г. за № 77, съ надписью „не подлежитъ оглашенію“, гдѣ предлагается начальникамъ частей, въ виду происходившихъ грабежей, всѣхъ нижнихъ чиновъ, возвращающихся въ казармы, тщательно осматривать, а также немедленно произвести обыскъ въ частяхъ и донести списки нижнихъ чиновъ и описи отобранныхъ у нихъ вещей.

Все населеніе поголовно убѣждено, что все происшедшее въ Сѣдлецѣ было только провокаціей драгунъ и отчасти полиціи, придуманной подполковникомъ Тихановскимъ. Обращено вниманіе, что драгуны, ѣздившіе съ винтовками за плечомъ, 26 августа уже съ утра появились съ винтовками въ правой рукѣ. Къ вечеру драгуны объявляли торговцамъ, что торговать въ лавкахъ разрѣшено до $9^1/_2$ часовъ, тогда какъ раньше было разрѣшено торговать только до 8 часовъ вечера. Весьма непонятнымъ пред-

ставляется имъ фактъ, что всѣ потери войскъ ограничились однимъ раненымъ въ палецъ солдатомъ. Одна лошадь ранена шашкой въ ухо, а другая пулей въ ноздри. Жители довольно основательно заявляютъ, что если бы революціонеры дѣйствительно хотѣли нанести какой-нибудь вредъ постамъ и патрулямъ, то въ первый моментъ потери войскъ во всякомъ случаѣ были бы, ибо ничего не стоило революціонерамъ сосредоточить противъ всякаго поста за заборами хотя бы по 2—3 браунинга, изъ которыхъ закидать пулями солдатъ и затѣмъ, пользуясь темнотой, безнаказанно скрыться. А стрѣлять безъ цѣли революціонеры во всякомъ случаѣ не стали бы. Если допустить, что революціонеры промахнулись въ первый моментъ, то и въ этомъ случаѣ, послѣ неудавшихся покушеній, имъ оставалось только бѣжать, а не тратить безсмысленно патроны, добываемые съ большимъ трудомъ.

Ставить войскамъ обвиненіе въ провокаціи слишкомъ трудно и доказать это едва ли возможно. Я полагаю, что не было ли въ этомъ случаѣ провокаціи скорѣе со стороны революціонеровъ, хорошо знавшихъ настроеніе войскъ и желавшихъ, быть можетъ, вызвать то, что произошло, съ цѣлью дискредитировать власти и войска въ глазахъ общества и склонить на свою сторону симпатіи жителей Сѣдлеца, которые крайне возмущены послѣдними убійствами весьма полезныхъ для города президента Мировича и полицеймейстера капитана Гольцева. Если допустить, что это такъ, то революціонеры достигли своей цѣли. Мирные и самые благонамѣренные жители говорятъ: „Губернаторъ обѣщалъ, что пока онъ въ Сѣдлецѣ, то погромовъ не будетъ, а что вышло. Намъ не нужно никакихъ слѣдствій со стороны властей, мы свое слѣдствіе произведемъ и правду найдемъ“. На солдатъ даже и русское общество не смотритъ уже, какъ на защитниковъ, и появленіе на улицахъ конныхъ драгунъ производитъ на всѣхъ самое тревожное впечатлѣніе. Смѣна подполковника Тихановскаго на все населеніе произвела успокоительное воздѣйствіе.

Вся вина за происшедшее въ Сѣдлецѣ падаетъ не на одного подполковника Тихановскаго, не имѣвшаго даже и юридическаго права распоряжаться въ городѣ на правахъ главнокомандующаго, но и на бывшаго тогда временнаго генералъ-губернатора, генералъ-майора Энгельке, фактически передавшаго всю свою власть ему, а также и на губернатора, какъ постояннаго хозяина губерніи, упустившаго изъ рукъ власть въ столь серьезное время и не взявшаго ее обратно въ руки, когда того настоятетьно тре-

бовали обстоятельства. Обостреніе хроническихъ страданій губернатора совершенно не вызывало необходимости въ рапортѣ о болѣзни, насколько мнѣ извѣстно. Къ тому же губернаторъ, рапортовавшись больнымъ, съ 23 авг. непремѣнному члену губернскаго крестьянскаго присутствія Долгово-Сабурову онъ поручилъ лишь подписывать текущія бумаги и предсѣдательствовать на разныхъ засѣданіяхъ, управленіе же губерніей фактически оставилъ за собой.

Въ этомъ докладѣ я старался изложить не только личный взглядъ, но и то впечатлѣніе, какое вынесъ чиновникъ особыхъ порученій Губонинъ, который въ этомъ же духѣ представилъ докладъ министру.

27 сент. 1906 г., г. Сѣдлецъ.

Подлинный подписалъ ротмистръ Пѣтуховъ.

Благодарность подполковнику Тихановскому и др.

Въ приказѣ войскамъ варшавскаго военнаго округа отъ 7-го февраля 1907 года объявлено:

«26-го августа прошлаго года около 9½ часовъ вечера по часовому у окна арестованныхъ на гауптвахтѣ въ городѣ Сѣдлецѣ былъ неизвѣстными злоумышленниками открытъ огонь изъ револьверовъ, который вскорѣ былъ направленъ и на вышедшій изъ гауптвахты караулъ, причемъ у одного нижняго чина была прострѣлена фуражка, а другому пуля ударила въ шейку приклада ружья и контузила палецъ. Караулъ, въ свою очередь, отвѣтилъ огнемъ по чердачнымъ помѣщеніямъ сосѣднихъ домовъ.

Одновременно съ этимъ былъ обстрѣлянъ также и караулъ, находившійся во дворѣ полицейскаго управленія, а затѣмъ послышались револьверные выстрѣлы и въ другихъ частяхъ города. Вызванныя по сигналу «тревога» войска сѣдлецкаго гарнизона, шесть эскадроновъ 39-го драгунскаго нарвскаго полка и шесть ротъ 9-го пѣхотнаго либавскаго полка, по распоряженію начальника охраны города, подполковника 39-го драгунскаго нарвскаго полка Тихановскаго, подавляя револьверный огонь залпами и отстрѣливаясь отъ злоумышленниковъ, приступили къ обыску домовъ и садовъ, откуда производилась стрѣльба, но, благодаря этой чуждой войскамъ и вообще трудной задачѣ и пересѣченной мѣстности, обыски эти не привели къ желательнымъ результатамъ. Между тѣмъ стрѣльба злоумышленниковъ изъ чердачныхъ помѣщеній домовъ и изъ-за заборовъ шла по-прежнему и держала нижнихъ чиновъ все время въ напряженномъ состояніи.

Около 1 часу дня 27 августа прибыла въ Сѣдлецъ кадровая резервная батарея 48 артиллерійской бригады, возвращавшаяся изъ Рембертова въ Радинъ, причемъ прибытіе ея въ Сѣдлецъ въ виду событій было ускорено, а въ 2 часа ночи 28 августа прибылъ вызванный изъ города Бѣлы 195 пѣхотный резервный дубненскій полкъ. На своемъ пути отъ вокзала къ центру города полкъ былъ

встрѣченъ револьверными выстрѣлами со стороны садовъ, огородовъ и пустырей.

Такъ какъ отвѣтная стрѣльба войскъ по чердачнымъ помѣщеніямъ каменныхъ домовъ оставалась безрезультатной, а сами войска истомлялись тяжелой службой, то въ 7 часовъ утра того же 28 августа было приказано взводу артиллеріи открыть огонь гранатами (безъ ударной трубки, а только со втулкой, во избѣжаніе пожаровъ и напрасныхъ жертвъ) по тѣмъ домамъ, откуда особенно упорно велась стрѣльба злоумышленниками. Это произвело надлежащее впечатлѣніе и мятежной стрѣльбѣ былъ положенъ конецъ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ дѣйствій войскъ при подавленіи этого организованнаго революціоннаго мятежа, я долженъ по справедливости признать, что либавцы и нарвцы, находясь безсмѣнно на тяжелой и опасной службѣ болѣе 30 часовъ, а затѣмъ и пришедшіе къ нимъ на подмогу дубненцы и артиллеристы, дѣйствовали по долгу службы и присяги. Были отдѣльные случаи насилій и нарушеній правъ собственности со стороны нижнихъ чиновъ, но отвѣтственность за нихъ и пала на этихъ отдѣльныхъ лицъ.

Сравнительно быстрое подавленіе этого мятежа, угрожавшаго при его успѣхѣ очень серьезными послѣдствіями для края, отношу къ доблести упомянутыхъ войскъ сѣдлецкаго гарнизона, а въ особенности къ энергіи и распорядительности начальника охраны города подполковника 39-го драгунскаго нарвскаго полка Тихановскаго и командира кадровой резервной батареи 48-й артиллерійской бригады подполковника Болжинскаго, за что молодцамъ нижнимъ чинамъ 6-го пѣхотнаго либавскаго, 195-го пѣхотнаго резервнаго дубненскаго, 39-го драгунскаго нарвскаго полковъ, и кадровой резервной батареи 48-й артиллерійской бригады объявляю свое сердечное спасибо, а подполковникамъ Тихановскому и Волжинскому и гг. офицерамъ названныхъ частей войскъ приношу мою искреннюю благодарность.

Бывшему же временному сѣдлецкому генералъ-губернатору генералъ-маіору Энгельке не могу поставить въ заслугу отсутствіе съ его стороны всякой инициативы и устраненіе себя въ моменты, требовавшіе особой распорядительности и находчивости.

Подписалъ: командующій войсками,
генералъ-адъютантъ Скалонъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Пренія въ I сессіи Государственной Думы въ засѣданіи 8 іюня 1906 года по запросу № 1.

Предсѣдатель. Министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ еще дать разъясненіе по запросу, означенному у насъ подъ № 1. Этотъ запросъ касается фактовъ, оглашенныхъ относительно департамента полиціи, у котораго, по сообщенію газетъ, была оборудована спеціальная типографія, печатавшая возмутительныя воззванія. Запросъ состоялъ въ слѣдующемъ: «извѣстны ли г. министру приведенные факты, какія мѣры приняты имъ для наказанія виновныхъ, и что министръ намѣренъ сдѣлать для предотвращенія такихъ преступленій въ будущемъ»? Независимо отъ этого; «извѣстно ли г. министру, что администрація переполнила тюрьмы заключенными, въ числѣ коихъ есть завѣдомо невинные, и что въ нарушеніе законовъ даже законовъ исключительныхъ объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, власти содержатъ заключенныхъ свыше установленнаго срока безъ предъявленія какого бы то ни было обвиненія, доводя ихъ такимъ путемъ до отчаянія, выражающагося въ добровольной голодовкѣ?»

Министръ внутреннихъ дѣлъ. На заявленный мнѣ запросъ отъ 12 мая я не могъ ранѣе отвѣтить Государственной Думѣ, такъ какъ считалъ необходимымъ отправить въ нѣкоторые города, гдѣ были безпорядки, особыхъ уполномоченныхъ мною лицъ для провѣрки происшедшаго. Въ настоящее время я получилъ всѣ нужныя свѣдѣнія и могу дать подробныя объясненія, но желалъ бы сначала совершенно ясно, опредѣленно поставить тѣ вопросы, которые, очевидно, интересуютъ Государственную Думу. Расчленивъ запросъ, вникнувъ въ его смыслъ, я нахожу, что онъ имѣетъ въ виду три предмета: 1) обвиненіе противъ дѣятельности предыдущаго департамента полиціи, 2) заявленіе, что безпорядки, происходившіе въ Вологдѣ, Калязинѣ и Царицынѣ, обусловлены, вѣроятно, продолженіемъ этой дѣятельности, и 3) желаніе знать, будетъ ли министръ предотвращать такого рода непорядки въ будущемъ. Другими словами, заявляется, что въ недавнемъ прошломъ министерствѣ тво-

рились беззаконія, что они вѣроятно продолжаются и при мнѣ и что я приглашаюсь отвѣтить, буду ли терпѣть ихъ въ будущемъ. Какъ иллюстрація приводятся слухи о заключеніи невинныхъ людей въ тюрьму.

Приступая къ отвѣту, я желалъ бы сдѣлать маленькую оговорку. Согласно ст. 58 учрежденія Государственной Думы, свѣдѣнія и разъясненія со стороны министровъ могутъ касаться только незакономѣрныхъ дѣйствій, возникшихъ послѣ учрежденія Государственной Думы, т. е. послѣ 27-го апрѣля. Оговорку эту я дѣлаю потому, что если бы мнѣ пришлось отвѣчать на запросы по поводу всего происходившаго ранѣе, я, вѣроятно, былъ бы поставленъ въ физическую невозможность дать отвѣты. Но въ данномъ случаѣ я рѣшилъ отвѣтить на запросъ во всѣхъ его частяхъ и вотъ почему. Мнѣ кажется, что въ запросѣ Думы главный интересъ лежитъ не въ обвиненіи отдѣльныхъ лицъ,—отдѣльныя должностныя лица могутъ быть всегда обвинены,—тутъ нареканія на дѣятельность всего департамента полиціи, на него непосредственно взводится обвиненіе въ возбужденіи одной части населенія противъ другой, послѣдствіемъ чего было массовое убійство мирныхъ гражданъ. Я нахожу, что новому министру необходимо разобраться въ этомъ дѣлѣ. Меня интересуетъ не столько отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ, сколько степень пригодности опороченнаго орудія моей власти. Не предпославъ этого объясненія, мнѣ было бы трудно говорить о происшествіяхъ настоящаго. Поэтому, остановлюсь сначала вкратцѣ на инкриминируемой дѣятельности департамента полиціи въ минувшую зиму и оговариваюсь впередъ, что недомолвокъ не допускаю и полуправды не признаю. Суть рапорта чиновника особыхъ порученій Макарова заключается въ слѣдующемъ: департаментъ полиціи обвиняется въ оборудованіи преступной типографіи и въ распространеніи воззваній агитаціоннаго характера, затѣмъ въ участіи жандармскаго ротмистра Будаговскаго въ распространеніи преступныхъ воззваній и прокламацій того же характера, затѣмъ въ бездѣятельности властей департамента, не принявшаго мѣръ пресѣченія противъ преступныхъ дѣяній. При производствѣ по этому дѣлу тщательнаго разслѣдованія оказалось слѣдующее: въ срединѣ декабря 1905 года жандармскій офицеръ Комиссаровъ напечаталъ на отобранной при обыскѣ бостонкѣ воззваніе къ солдатамъ съ описаніемъ извѣстнаго избіенія въ городѣ Туккумѣ полуэскадрона драгунъ, съ призывомъ свято исполнять свой долгъ при столкновеніи съ мятежниками. Это воззваніе было послано въ Вильну въ количествѣ 200—300 экземпляровъ. Кромѣ того, былъ сдѣланъ наборъ другого воззванія къ избирателямъ Государственной Думы. Въ

это время его начальству стало извѣстно объ этихъ его дѣяніяхъ, и оно указало ему на всю несовмѣстимость его политической агитаціи съ его служебнымъ положеніемъ и потребовало прекращенія этой дѣятельности, внушивъ ему, что оставленіе на службѣ одновременно съ политической дѣятельностью невозможно. Вслѣдствіе этого былъ немедленно уничтоженъ наборъ воззванія къ избирателямъ и была послана телеграмма въ Вильну объ уничтоженіи тѣхъ экземпляровъ воззванія къ солдатамъ, которые не были еще розданы. Затѣмъ, что касается дѣятельности ротмистра Будаговскаго, то надо выяснить, что на почвѣ участія въ борьбѣ во время декабрьскихъ событій у Будаговскаго въ Александровскѣ установились личныя отношенія къ организаціямъ, которыя именовались «Александровскій союзъ 17 октября» и «Александровская боевая дружина», причемъ ротмистръ Будаговскій употреблялъ свое вліяніе на распространеніе этихъ воззваній среди населенія уѣзда. Однако послѣ 14 декабря новыхъ воззваній противъ революціонеровъ и евреевъ уже не распространялось. Хотя приписываемое ротмистру Будаговскому подстрекательство къ погромамъ юридически за невоспослѣдованіемъ погромовъ ненаказуемо, но, по полученію свѣдѣній о его дѣятельности, онъ былъ вызываемъ въ Петербургъ, ему было внушено о несовмѣстимости его дѣяній со службой въ корпусѣ жандармовъ и категорически было приказано прекратить агитацію.

Что касается нареканій на департаментъ полиціи за то, что имъ не принимались мѣры и что власть бездѣйствовала, то я долженъ сказать, что хотя по рапорту Будаговскаго распоряженія своевременно не было сдѣлано, но такое замедленіе должно объясняться тѣмъ, что этотъ рапортъ поступилъ въ разгаръ московскаго возстанія, между 3—10 декабря, когда завѣдующій департаментомъ полиціи Рачковскій находился въ Москвѣ; когда же онъ вернулся въ Петербургъ, то былъ освобожденъ отъ завѣдыванія политическою частью департамента. Позднѣе же, какъ было изложено ранѣе, Будаговскій былъ вызванъ въ Петербургъ и, повторяю, ему было сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе. Надо принять во вниманіе также и то, что не только ожидавшійся 13 февраля погромъ въ Александровскѣ не имѣлъ мѣста, но тамъ вообще не произошло никакихъ безпорядковъ. Для полноты картины я долженъ сказать, что, когда въ департаментъ достигали слухи о возможныхъ безпорядкахъ, немедленно посылались нужныя телеграммы о ихъ прекращеніи. Нѣкоторыя уясненія неправильныхъ дѣйствій жандармскихъ офицеровъ слѣдуетъ почерпнуть изъ воспоминаній о тѣхъ ужасныхъ событіяхъ, которыя переживала Россія

минувшей осенью и зимой, событіяхъ, которыя поселили во многихъ совершенно превратное понятіе о долгѣ передъ родиной. Участіе должностныхъ лицъ на собраніяхъ крайнихъ партій смѣнялось страстною агитаціею противъ началъ, проповѣдуемыхъ этими партіями, причемъ оба эти явленія несовмѣстимы съ сознательнымъ положеніемъ должностныхъ лицъ и должны быть признаны въ равной степени нетерпимыми. Въ частности, относительно ротмистра Будаговскаго надо принять во вниманіе обстановку, въ которой ему приходилось дѣйствовать. Не имѣя въ распоряженіи своемъ достаточно войска и видя захватъ желѣзнодорожной станціи и земскаго начальника мятежной толпою, онъ рѣшилъ, опираясь на сочувствующія ему общественныя группы, подавить безпорядки, за что и получилъ Высочайшую награду, а никакъ не за агитацію. Теперь эти дѣйствія ротмистра Будаговскаго, а также и послѣдствія дѣйствій администраціи, послужили предметомъ новаго запроса правительства. Я могу отвѣтить на этотъ запросъ только послѣ того, какъ судебное слѣдствіе будетъ опорочено. Мнѣ кажется, что вообще изъ всего вышеизложеннаго видно, что департаментъ полиціи не оборудовалъ преступной типографіи и что послѣдствіями его дѣйствій не могла быть масса убитыхъ людей. Для министра внутреннихъ дѣлъ, однако, несомнѣнно, что отдѣльные чины корпуса жандармовъ позволяли себѣ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, вмѣшиваться въ политическую агитацію и въ политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти дѣйствія неправильны, и министерство обязывается принимать самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторенія ихъ не будетъ.

Я перехожу ко второй части запроса, касающейся происшествій въ городахъ Вологдѣ, Царицынѣ и Калязинѣ, провѣренныхъ какъ чинами министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и чинами прокурорскаго надзора. Въ первомъ изъ этихъ городовъ, въ Вологдѣ, толпа сожгла народный домъ, повредила 4 частныхъ дома, разгромила типографію и пыталась разгромить домъ городского головы. При этомъ на мѣстѣ осталось 2 убитыхъ и 28 раненыхъ. Дознаніе выяснило, что безпорядки начались вслѣдствіе насильственнаго закрытія лавокъ группою манифестантовъ, когда въ городъ съѣхалась масса народу для закупокъ припасовъ въ виду двухъ праздниковъ— Николина и Троицына дней. Затѣмъ, при столкновеніи съ толпой, первый выстрѣлъ былъ произведенъ со стороны манифестантовъ. Губернаторъ, прокуроръ и полицеймейстеръ прикрывали собою избиваемыхъ; послѣдній затаптывалъ костры, сложенные изъ книгъ, выброшенныхъ изъ народнаго дома. Трудно даже себѣ представить,

чтобы тутъ была обвинена администрація въ устройствѣ и сочувствіи въ учиненіи погрома. Причина была ясна — насильственное закрытіе лавокъ, объектомъ же злобы народа явился народный домъ, который былъ обычнымъ мѣстомъ сборища политическихъ ссыльныхъ, причемъ въ октябрѣ тамъ на митингахъ раздавались рѣчи о вооруженномъ возстаніи, а сцена была украшена надписью «да здравствуетъ республика», что тогда же вызывало протестъ и безпорядки со стороны простонародья. Такіе же безпорядки повторились по этому же поводу въ декабрѣ. Что началомъ безпорядковъ послужили дѣйствія манифестантовъ, было видно изъ крайне враждебныхъ отзывовъ прессы и изъ показаній всѣхъ опрошенныхъ лицъ. Погромъ не былъ своевременно прекращенъ вслѣдствіе малочисленности полицейскихъ силъ. Всего на лицо было 59 человѣкъ, войска же пріѣхали слишкомъ поздно, такъ какъ они были вызваны изъ сосѣдняго города по желѣзной дорогѣ. Нареканія со стороны нѣкоторыхъ лицъ, вызванныя дѣйствіями ротмистра Пышкина, который командовалъ стражниками и который будто бы дѣйствовалъ недостаточно рѣшительно противъ толпы, объясняются тѣмъ, что стражники были только что сформированы и самъ онъ получилъ отъ губернатора приказаніе не стрѣлять. При такомъ положеніи едва ли ли онъ могъ дѣйствовать болѣе активно. Однако, если бы судебное слѣдствіе, которое ведется по этому дѣлу, показало обратное, то министерство не преминетъ соотвѣтственно распорядиться.

Къ сожалѣнію, обстоятельства происшествія, бывшаго въ Царицынѣ 1 мая, даютъ основательный поводъ къ нареканію на дѣйствія полиціи, причемъ дѣло слѣдствія—выяснить мѣру отвѣтственности каждаго должностного лица. Какъ теперь ясно, дѣло происходило приблизительно такимъ образомъ. День 1 мая прошелъ въ Царицынѣ спокойно, были маленькіе безпорядки, которые были своевременно прекращены. Но къ вечеру, около 7 часовъ, полицеймейстеръ получилъ извѣстіе, что двигается толпа манифестантовъ. Онъ послалъ отрядъ казаковъ, которые разогнали эту толпу, причемъ трое оказались сильно пострадавшими. Толпа эта оказалась толпою ополченцевъ. Немедленно на мѣсто собралась толпа горожанъ, пріѣхалъ полицеймейстеръ, потребовалъ разойтись. На это послѣдовало со стороны толпы насиліе въ видѣ брошенныхъ камней. Затѣмъ раздался залпъ, и въ концѣ концовъ оказалось 8 раненныхъ, изъ которыхъ трое тяжело, и они умерли. Происшествіе это не останется, конечно, безъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій для виновныхъ.

Я не могу признать виновной полицейскую власть въ г. Калязинѣ. Дѣло произошло въ г. Калязинѣ такимъ образомъ. Судеб-

ный слѣдователь привлекъ въ качествѣ обвиняемаго нѣкоего Демьянова и заключилъ его подъ стражу. Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, явившись къ слѣдователю, потребовала освобожденія его. Слѣдователь, чтобы выиграть время и для того, чтобы прекратить безпорядки, обѣщалъ запросить по телеграфу прокурора о томъ, возможно ли освобожденіе этого лица; до полученія на это отвѣта толпа начала дѣйствовать крайне вызывающе, спрашивала судебнаго слѣдователя, правда или нѣтъ, что Демьяновъ повѣшенъ. Слѣдователь просилъ толпу прислать отца Демьянова и еще двухъ депутатовъ, чтобы убѣдиться, что Демьяновъ цѣлъ, и самъ пошелъ по направленію къ тюрьмѣ, но толпа потребовала, чтобы ее туда впустили въ количествѣ отъ двухсотъ до трехсотъ человѣкъ. Раздались угрозы по адресу слѣдователя, и онъ едва успѣлъ только бѣгомъ скрыться въ полицейскомъ управленіи; туда укрылся и исправникъ, который тщетно убѣждалъ разойтись другую толпу, которая осталась передъ крыльцомъ судебнаго слѣдователя. Въ это время въ окно полицейскаго управленія были брошены камни; исправникъ распорядился такимъ образомъ: у него было 9 стражниковъ, 5 изъ нихъ онъ поставилъ у оконъ полицейскаго управленія, а съ 4-мя вышелъ на крыльцо довольно высокое, такъ что они стояли выше толпы. На просьбу разойтись, не дѣйствовать насильно и не освобождать насильно человѣка, который заключенъ подъ стражу по обвиненію судебной власти, послышались насмѣшки, а затѣмъ посыпались камни. Тогда полицеймейстеръ приказалъ дать залпъ. Такъ какъ стражники стояли выше толпы, то никто въ толпѣ не былъ поврежденъ этими выстрѣлами. Въ отвѣтъ посыпался градъ камней. Когда былъ данъ вторичный залпъ, то раненъ былъ одинъ человѣкъ, но два стражника, изъ которыхъ одинъ получилъ отъ камней поврежденія ноги, дали тоже выстрѣлы, въ результатѣ которыхъ оказалось два убитыхъ. Послѣ этого спокойствіе было возстановлено. Дѣйствія исправника въ данномъ случаѣ я не могу признать неправильными.

Кончивъ описаніе событій, бывшихъ послѣ вступленія моего въ должность, я все таки долженъ сдѣлать оговорку. Запросы Думы, конечно, касаются только такихъ явленій, которыя могутъ вызвать нареканія въ обществѣ. Отвѣчая на нихъ, я не скрывалъ неправильныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ; но мнѣ кажется, что отсюда нельзя и не слѣдуетъ дѣлать выводовъ о томъ, что большинство моихъ подчиненныхъ не слѣдуютъ велѣніямъ долга. Это, въ большинствѣ, люди, свято исполняющіе свой долгъ, любящіе свою родину и умирающіе на посту. Съ октября мѣсяца до 20-го апрѣля

ихъ было убито 288, а ранено 383, кромѣ того, было 156 неудачныхъ покушеній. Я бы могъ на этомъ закончить, но меня еще спрашиваютъ, что я думаю дѣлать въ будущемъ и извѣстно ли мнѣ, что администрація переполняетъ тюрьмы лицами, завѣдомо невиновными. Я не отрицаю, что въ настоящее смутное время могутъ быть ошибки, недосмотры по части формальностей, недобросовѣстность отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, но скажу, что съ моей стороны сдѣлаю все для ускоренія пересмотра этихъ дѣлъ. Пересмотръ этотъ въ полномъ ходу. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство такъ же, какъ и общество, желаетъ перехода къ нормальному порядку управленія. Тутъ въ Государственной Думѣ, съ этой самой трибуны, раздавались обвиненія правительству въ желаніи насаждать вездѣ военное положеніе, управлять все страной путемъ исключительныхъ законовъ; такого желанія у правительства нѣтъ, а есть желаніе и обязанность сохранять порядокъ (*шумъ*). Порядокъ нарушается всѣми средствами, нельзя же, во имя даже склоненія въ свою сторону симпатій, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизаціи... (*шумъ*).

Голоса. Довольно.

Предсѣдатель. Прошу сохранять порядокъ. Каждому, имѣющему на то право, должно быть представлено слово въ этомъ залѣ.

Голоса съ правой. Просимъ (*шумъ*).

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Власть не можетъ считаться цѣлью. Власть—это средство для охраненія жизни, спокойствія и порядка; поэтому, осуждая всемѣрно произволъ и самовластіе, нельзя не считать опаснымъ безвластіе правительства. Не нужно забывать, что бездѣйствіе власти ведетъ къ анархіи, что правительство не есть аппаратъ безсилія и искательства. Правительство—аппаратъ власти, опирающейся на законы, отсюда ясно, что министръ долженъ и будетъ требовать отъ чиновъ министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но твердаго исполненія своего долга и закона. Я предвижу возраженія, что существующіе законы настолько несовершенны, что всякое ихъ примѣненіе можетъ вызвать только ропотъ. Мнѣ рисуется волшебный кругъ, изъ котораго выходъ по моему такой: примѣнять существующіе законы до созданія новыхъ, ограждая всѣми способами и по мѣрѣ силъ права и интересы отдѣльныхъ лицъ. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и постороннихъ; брось ружье. На это честный часовой отвѣтитъ: покуда я на посту, покуда мнѣ не дали новаго ружья, я буду стараться умѣло дѣйствовать старымъ (*шумъ, смѣхъ*). Въ заключеніе повторяю, обязанность пра-

вительства—святая обязанность ограждать спокойствіе и законность, свободу не только труда но и свободу жизни, и всѣ мѣры, принимаемыя въ этомъ направленіи, знаменуютъ не реакцію, а порядокъ, необходимый для развитія самыхъ широкихъ реформъ (*шумъ*).

Кн. Урусовъ. (Калужская губ.). Я просилъ слова, господа народные представители, для того, чтобы представить вашему вниманію нѣкоторыя соображенія относительно только что выслушаннаго нами отвѣта на запросъ по поводу типографіи. Дѣйствительно, я полагаю, что извѣстія о скрывавшейся въ тайникахъ департамента полиціи «бостонкѣ», какъ назвалъ ее министръ внутреннихъ дѣлъ, мы разсматриваемъ не столько какъ фактъ прошлаго, съ точки зрѣнія отвѣтственности виновныхъ лицъ, сколько какъ тревожный вопросъ относительно возможности дальнѣйшаго участія правительственныхъ чиновниковъ, хотя бы и меньшинства ихъ, въ подготовленіи тѣхъ кровавыхъ драмъ, которыми мы за послѣднее время печально прославились и которыя, къ стыду нашему, продолжаютъ разыгрываться, какъ показываютъ недавнія обстоятельства, возбуждая негодованіе всѣхъ, кому дорога человѣческая жизнь и кому дорого достоинство русскаго государства. Поэтому не около вопроса о томъ, въ достаточной ли мѣрѣ наказанъ Комиссаровъ и Будаговскій, будетъ обращаться моя мысль, а исключительно около того вопроса возможно ли въ дальнѣйшемъ это участіе. При этомъ позвольте мнѣ оговориться, я совершенно искренно увѣренъ въ томъ, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ намъ все, что могъ, увѣренъ въ искренности его сообщенія, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Столыпинѣ никто не рѣшится воспользоваться зданіемъ министерства и министерскими суммами, чтобы организовать погромъ и устраивать подпольныя типографіи, но смыслъ, значеніе и важность настоящаго запроса въ томъ именно и заключается, что погромы и междоусобная война могутъ происходить и продолжаться внѣ зависимости отъ отношенія къ нимъ того или другого министра внутреннихъ дѣлъ.

Чтобы постарается это показать, мнѣ необходимо коснуться нѣсколько общаго вопроса о погромахъ и затѣмъ той служебной роли, которую при этомъ играла упомянутая типографія. Внимательное изслѣдованіе такъ называемыхъ погромовъ приводитъ наблюдателя ихъ къ фактамъ, всегда одинаковымъ, и ставитъ его лицомъ къ лицу съ явленіями, совершенно однородными. Во-первыхъ: погрому всегда предшествуютъ толки о немъ, сопровождаемые широкимъ распространеніемъ воззваній, возмущающихъ населеніе, и появленіемъ своего рода, я сказалъ бы «буревѣстниковъ» въ

лицѣ представителей мало кому извѣстныхъ подонковъ населенія; затѣмъ, официальное указаніе о возникновеніи погрома, поводахъ его всегда, безъ исключенія, впослѣдствіи оказывается ложнымъ. Далѣе, въ дѣйствіяхъ погромщиковъ усматривается своего рода плавомѣрость: они дѣйствуютъ въ сознаніи какого то права, въ сознаніи какой то безнаказанности, и дѣйствуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока это сознаніе не будетъ въ нихъ поколеблено, послѣ чего погромъ прекращается необыкновенно быстро и легко. Это всегда такъ бываетъ. Въ дѣйствіяхъ же полиціи, напротивъ, всегда усматривается отсутствіе единства, отсутствіе плана, и въ то время, когда въ нѣкоторыхъ полицейскихъ участкахъ при наличности значительныхъ полицейскихъ силъ, погромы принимаютъ характеръ сплошного бѣдствія, въ другихъ участкахъ отдѣльные полицейскіе чины, дѣйствуя твердо, въ сознаніи долга и смѣло, останавливали бѣдствія въ самомъ началѣ. О роли войскъ я ничего не скажу, потому что пришлось бы говорить до завтрашняго дня. Затѣмъ погромъ прекращается; тогда производятся аресты, арестованные заключаются въ тюрьму, и посѣщающее тюрьму начальство не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что предъ нимъ не столько преступники, сколько кѣмъ то обманутые люди; однимъ словомъ, чувствуется всегда организація и широко задуманная. Ошибаются тѣ, которые, назвавъ эту организацію правительственной, думаютъ, что вопросъ разрѣшенъ и дѣло стало вполнѣ ясно, но ошибаются не совсѣмъ; и вотъ, именно обстоятельства нынѣшней зимы, послужившія поводомъ къ запросамъ, на которые мы выслушали отвѣтъ, и помогутъ отчасти разобраться въ томъ туманѣ, который окутываетъ эти темныя дѣла. Въ январѣ 1906 года къ одному лицу, занимающему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ второстепенное положеніе, но извѣстному въ качествѣ противника погромной политики (я говорю не о себѣ), стали поступать воззванія хорошей, чистой работы изъ главныхъ центровъ нашего юга и запада, а также тревожныя жалобы съ указаніемъ на подготовленіе погрома въ Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Николаевѣ, Александровскѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Гомельскій январскій погромъ доказалъ, что это имѣетъ подъ собой полное основаніе, что и побудило это лицо внимательно отнестись къ вопросу и сдѣлать все возможное, чтобы предупредить возникновеніе этихъ погромовъ. Это удалось сдѣлать, главнымъ образомъ, благодаря энергичному содѣйствію тогдашняго предсѣдателя совѣта министровъ, но при этомъ открылась слѣдующая любопытная картина дѣятельности погромныхъ дѣлъ мастеровъ. Группа лицъ, составляющая какъ бы боевую дру-

жину одного изъ нашихъ самыхъ патріотическихъ собраній, въ связи и въ единеніи съ лицами, близко стоящими къ редакціи одной не петербургской газеты, задумала борьбу съ революціей. Будучи патріотами въ томъ смыслѣ, какой недавно придавалъ этому слову представитель тверской губерніи, истинно русскіе люди, они всю причину крамолы видѣли въ инородцахъ: полякахъ, армянахъ и обывателяхъ черты еврейской осѣдлости; и вотъ, въ широковѣщательныхъ воззваніяхъ населеніе приглашалось къ самосуду, къ борьбѣ съ этими врагами отечества своими средствами, причемъ къ солдатамъ было обращено особое воззваніе, чрезвычайно интересное по содержанію; оно у меня скоро будетъ въ рукахъ. Воззванія эти развозились на мѣста въ количествѣ не сотенъ экземпляровъ, а сотенъ тысячъ экземпляровъ, и развозились они членами сообществъ и на мѣстахъ вручались лицамъ, заслуживающимъ довѣрія, союзникамъ, единомышленникамъ, причемъ въ числѣ этихъ лицъ было очень много чиновниковъ, состоящихъ на государственной службѣ; тѣ въ свою очередь раздавали прокламаціи или воззванія въ широкихъ кругахъ населенія съ большимъ толкомъ и по извѣстному плану. И вотъ получалась оригинальная, въ смыслѣ сохраненія единства власти, картина. Помощникъ полицеймейстера, такъ я говорю для примѣра, зналъ объ этихъ воззваніяхъ, но не докладывалъ своему начальнику— полицеймейстеру. Приставу перваго стана или перваго, положимъ, участка довѣріе было оказано, но приставъ второго участка этого довѣрія былъ лишенъ. У кого нибудь изъ служащихъ жандармскаго и чаще охраннаго отдѣленія вдругъ появлялись какія то особыя суммы, къ нему начинали ходить неизвѣстные люди, изъ числа тѣхъ, о которыхъ я упоминалъ ранѣе. Въ городѣ начинали ходить тревожные слухи, жители начинали разъѣзжаться, губернаторъ ихъ успокаивалъ, но самъ былъ не всегда увѣренъ въ томъ, что спокойствіе будетъ сохранено. Изъ министерства всегда получались телеграммы тревожныя, съ указаніемъ на то, что готовятся безпорядки. и съ приказаніемъ употреблять самыя энергичныя мѣры. Мѣры принимались и распоряженія дѣлались, но не всѣ этимъ распоряженіямъ вѣрили. Бывало даже такъ, я самъ являюсь свидѣтелемъ этихъ событій, что чины полиціи не вѣрили губернаторскимъ приказамъ, полагая, что это такъ дѣлается для виду, для приличія, но что имъ лучше извѣстны истинные виды правительства. Они, не вѣря губернаторскимъ приказамъ, прислушивались къ какому то голосу издалека, которому, очевидно, болѣе вѣрили. Словомъ, получалась полная суматоха, полный безпорядокъ, полная дезорганизація и деморализація власти. А въ это время въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ № 16, въ

одномъ изъ отдаленныхъ угловъ департамента полиціи, уже работалъ печатный станокъ. Къ нему былъ приставленъ, а не самъ сталъ, офицеръ жандармскаго корпуса, Комиссаровъ, съ помощниками, въ статскомъ платьѣ. И вотъ они-то именно и печатали тѣ воззванія, о которыхъ я вамъ ранѣе говорилъ. Дѣйствія этой организаціи и работа Комиссарова были обставлены столь таинственно, и вообще всѣ дѣйствія ихъ были столь конспиративны, что, конечно, не только въ министерствѣ, но и въ департаментѣ полиціи, почти никто не зналъ о существованіи этой типографіи, организованной именно тѣми, кто долженъ находить подпольныя типографіи, и во всякомъ случаѣ, если кто нибудь и зналъ, то знали только тѣ, кому это вѣдать надлежало. Но этой таинственностью не измѣнялся успѣхъ дѣла. что доказывалось тѣмъ, что когда лицо, открывшее эту типографію, обратилось съ вопросомъ къ Комиссарову объ успѣхѣ дѣла, онъ отвѣтилъ: «погромъ устроить можно какой угодно; хотите на 10 человѣкъ, а хотите и на 10 тысячъ». Это фраза историческая. Къ свѣдѣнію господъ представителей кіевлянъ, я могу сообщить, что 3 февраля былъ организованъ погромъ именно на 10 тысячъ, но его удалось предупредить. Предсѣдатель совѣта министровъ, какъ говорятъ, испыталъ сильнѣйшій припадокъ нервной астмы, когда узналъ о работѣ этой типографіи, и это обстоятельство, вѣроятно, помѣшало ему немедлено выяснить эту организацію на мѣстѣ; такъ или иначе, но онъ ограничился тѣмъ, что вызвалъ Комиссарова. Тотъ ему доложилъ о своихъ дѣйствіяхъ и, вѣроятно, о полномочіяхъ, но результатъ то былъ тотъ, что черезъ три часа не было ни станка, ни воззваній, ни Комиссарова, ни его помощниковъ,—осталась одна только пустая комната, и вотъ почему ни министръ внутреннихъ дѣлъ, ни кто либо изъ насъ никогда не узнаетъ тѣхъ лицъ, которыя объединяли дѣйствія этой широкой организаціи, обезпечивали участникамъ ихъ безнаказанность, магически дѣйствовали на умы полицейскихъ и другихъ чиновъ, и, наконецъ, имѣли такую власть, что находили возможнымъ исхлопатывать для наиболѣе отличившихся награды и повышенія. Эти примѣры бывали. Я только потому не могу ихъ привести, что говорю безъ надлежащей подготовки, что у меня нѣтъ подъ руками тѣхъ справокъ, которыя, хотя въ ограниченномъ количествѣ, но всетаки имѣются. Мнѣ пора было бы кончить, я уже утомилъ ваше вниманіе.

Голоса. Просимъ, просимъ...

Кн. Урусовъ. Поэтому, я перейду къ выводу изъ всего только что сказаннаго. Первый мой выводъ заключается въ томъ, что мы

не имѣемъ никакихъ гарантій относительно прекращенія дѣятельности этихъ преступныхъ полуправительственныхъ организацій и относительно того, что въ нихъ не будутъ принимать участія лица, состоящія на государственной службѣ и впредь. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ главные вдохновители находятся, очевидно, внѣ сферы воздѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ, и вотъ почему я, не направляя свои слова ни противъ министерства, ни противъ отдѣльныхъ министровъ, могу все-таки утверждать, что категорическое заявленіе, сдѣланное намъ сегодня, врядъ ли имѣетъ подъ собой твердую почву. Я могу утверждать даже больше, а именно, что никакое министерство, будь оно даже взято изъ состава государственной думы, не сможетъ обезпечить порядокъ и спокойствіе, пока какіе то, неизвѣстные намъ, люди или темныя силы, стоящія за недосягаемой оградой, будутъ имѣть возможность грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма и изощрять свое политическое невѣжество опытами надъ живыми людьми, производя какія то политическія вивисекціи.

(*Голоса*. Браво, браво).

Кн. Урусовъ. Еще одна мысль неотвязно просится наружу; она уже мало имѣетъ отношенія къ этому вопросу, хотя, отчасти, является выводомъ изъ всего сказаннаго. Она относится къ дѣятельности самой государственной думы. Господа народные представители, мы принесли сюда, со всѣхъ концовъ Россіи, не только жалобы, негодованіе, но и горячую жажду дѣятельности, самоотверженіе, истинный, чистый патріотизмъ. Здѣсь много лицъ, живущихъ доходами отъ имѣній, а много ли вы слышали возраженій противъ принудительнаго отчужденія земли въ интересахъ трудового земледѣльца? Здѣсь много лицъ, принадлежащихъ къ привиллегированному сословію, занимающихъ привиллегированное положеніе въ обществѣ, а много ли мы слышали здѣсь словъ, которыя раздались бы противъ идеи всеобщаго гражданскаго равенства и противъ широкихъ реформъ въ демократическомъ народномъ духѣ, и не эта ли государственная дума, которую такъ легко и охотно называютъ революціонной, съ самаго начала своей дѣятельности и до послѣдняго дня, бережно старается поднять царскую корону, поставить ее выше нашихъ ежедневныхъ политическихъ дрязгъ, выше нашихъ ошибокъ и оградить ее отъ отвѣтственности за эти ошибки? Какую еще, казалось бы, думу нужно въ то время, когда наступила пора неотложныхъ реформъ, какъ не такую, въ которой личные интересы и классовая борьба уступили мѣсто идеѣ единаго народнаго и государственнаго блага (*взрывъ*

аплодисментовъ, голоса: браво, браво). И все же мы всѣ чувствуемъ, какъ на насъ ополчаются всюду тѣ же невѣдомыя темныя силы, какъ онѣ ограждаютъ отъ насъ довѣріе верховной власти и лишаютъ возможности государственную думу работать въ томъ единеніи съ этою властью, которая, по основному закону, утвердившему нашъ новый строй, является и необходимымъ залогомъ успѣха нашей работы, и необходимымъ залогомъ мирнаго развитія нашей государственной жизни. Здѣсь, господа, скрывается большая опасность, всѣ ее чувствуютъ; эта опасность, смѣю сказать, не исчезнетъ, пока на дѣла управленія, а слѣдовательно, на судьбы страны будутъ оказывать вліяніе люди, по вос итанію вахмистры и городовые, а по убѣжденію погромщики (*несмолкаемый громъ аплодисментовъ*).

Голоса. Погромщики! *(Предсѣдатель звонитъ).*

Голоса слѣва: Погромщики...

Винаверъ (С.-Петербургъ).

Господа народные представители! Спокойная, умѣренная, исполненная истиннаго государственнаго достоинства, рѣчь моего предшественника въ значительной мѣрѣ передвинула вниманіе собранія туда, куда надо было его направить (*голоса: браво*). Министръ внутреннихъ дѣлъ началъ свою рѣчь съ того, что онъ желалъ бы убѣдиться, по долгу совѣсти, пригодно ли то орудіе власти, которое ему ввѣрено. Онъ считалъ нужнымъ это сдѣлать, даже не будучи къ тому обязаннымъ, какъ говорилъ онъ, въ силу закона. И когда мы слышали эти слова и торжественное увѣреніе въ томъ, что министръ полуправды не допускаетъ, то казалось, что въ результатѣ этой рѣчи, въ результатѣ правдиваго анализа, мы получимъ оцѣнку явленій въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ то сдѣлалъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Меня приводитъ въ смущеніе тотъ выводъ, къ которому приходитъ, повидимому, министръ внутреннихъ дѣлъ, ибо въ концѣ концовъ выходитъ, что министръ доволенъ „тѣмъ орудіемъ власти, которое ему вручено“. Все дѣло сводится къ тому, что у одного чиновника гдѣ-то въ провинціи, „на почвѣ совмѣстнаго участія въ борьбѣ съ декабрьскими безпорядками“, какъ выразился министръ внутреннихъ дѣлъ, установились „отношенія“ къ двумъ „организаціямъ“ и что чиновникъ распространилъ какія-то воззванія. Этому чиновнику было выражено одной рукой предупрежденіе, а другой—вручена награда (*продолжительные аплодисменты*). Это—окончательная оцѣнка явленій со стороны министра внутреннихъ дѣлъ. Когда я слушалъ эту часть рѣчи, мнѣ стало страшно за будущее наше, не только потому, что стоятъ между

нами и Верховной властью лица, такъ мѣтко и ярко охарактеризованныя моимъ предшественникомъ, но и потому, что тѣ, кто передъ нами является носителями исполнительной власти, такъ ограничены въ пониманіи истинныхъ размѣровъ политическихъ явленій. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы полагаете, что вся страна волнуется оттого, что одинъ чиновникъ въ провинціи занимается невинною политической дѣятельностью, и оттого, что правительство дало ему награду или сдѣлало предупрежденіе? Когда министръ внутреннихъ дѣлъ, въ заключеніе, приведя эти факты, связалъ ихъ съ тѣмъ, что страна нуждается во власти, что власть направлена ко благу гражданъ, что она призвана охранять жизнь, спокойствіе и порядокъ, то стало страшно потому, что вы, значитъ, разумѣете, что этими средствами,—средствами, которыя мы выставляемъ какъ позоръ,—вы думаете охранять жизнь и спокойствіе гражданъ. Для насъ эти явленія—не вопросъ о мелкихъ провинностяхъ отдѣльныхъ чиновниковъ, не вопросъ о томъ, ходитъ ли чиновникъ на собранія, принимаетъ ли онъ участіе въ политической жизни. Для насъ дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что были пущены въ ходъ средства, которыхъ никогда и нигдѣ въ мірѣ не примѣняла власть, именующая себя государственною. Во всей исторіи культурнаго человѣчества вы не найдете страны, въ которой власть дерзнула бы сказать: я, призванная охранять жизнь, спокойствіе и порядокъ,—я, виновная даже, если только бездѣйствую и не охраняю жизни гражданъ, когда на нее посягаютъ другіе,—я сама сдѣлаю эту жизнь гражданъ орудіемъ, я принесу ее въ жертву для торжества моихъ политическихъ замысловъ,—и сдѣлаю не открыто, а тайно, крадучись,—вложу ножъ въ руки однихъ гражданъ и сдѣлаю ихъ убійцами другихъ, моихъ же гражданъ! Да развѣ вы не видите, что вы или ваши предшественники сдѣлали взаимное уничтоженіе гражданъ нормальнымъ средствомъ политической борьбы? Въ этомъ заключается весь трагизмъ положенія, и этотъ трагизмъ обостряется тѣмъ, что вы его даже не понимаете!

Когда при управленіи Плеве департаментомъ полиціи впервые появились еврейскіе погромы,—лѣтъ 25 тому назадъ,—совпаденіе ихъ съ революціоннымъ движеніемъ и съ сломившей его реакціей вызвало у всѣхъ недоумѣніе. Чуялось въ этомъ совпаденіи нѣчто недоброе. А когда, черезъ 20 лѣтъ, тотъ, кто былъ директоромъ департамента полиціи, сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ Кишиневѣ разразился погромъ, это новое совпаденіе вновь вызвало глубокую тревогу. Стало извѣстно, что

какая-то телеграмма изъ Петербурга была послана кишиневскому губернатору. Офиціальное опроверженіе этого извѣстія никого не успокоило, и у всѣхъ насъ осталось убѣжденіе, что телеграмма была, и что кишеневскіе ужасы были инсценированы. Быть можетъ, телеграмма не была отправлена кишиневскому губернатору, а, какъ говорили, сосѣднему, херсонскому. Будущее еще освѣтитъ въ деталяхъ эту таинственную страницу, но провокація чувствовалась уже со всѣмъ ужасомъ очевидности. Вслѣдъ за тѣмъ въ разныхъ углахъ Россіи стали вспыхивать тѣ же явленія; разлившись изъ Петербурга по всей странѣ, зараза охватила всѣ органы власти, и всюду жизнь гражданъ стала орудіемъ политической агитаціи властей. Достаточно было въ какой-нибудь мѣстности появиться какой-нибудь самой невинной организаціи, явной или тайной, все равно,—для того, чтобы мѣстная власть считала себя въ правѣ подавлять эти проявленія политической жизни, набрасывая одну часть населенія на другую. Можете ли вы удержать дальнѣйшее распространеніе этой заразы? Желаете ли удержать ее и какими средствами вы для этого располагаете? Твердой власти желаемъ и мы, но мы желаемъ, чтобы эта власть пользовалась средствами, какія власти подобаютъ. Присмотритесь къ тому случаю, который министръ внутреннихъ дѣлъ излагаетъ, какъ маленькій инцидентъ съ провинціальнымъ чиновникомъ, провинившимся въ политической пропагандѣ и получившимъ отъ начальства предупрежденіе. Въ рапортѣ чиновника Макарова приведенъ текстъ воззваній, которыя ротмистръ Будаговскій распространялъ среди населенія. Въ этихъ воззваніяхъ чиновникъ на государственной службѣ, ротмистръ Будаговскій, призываетъ населеніе образовать дружины, вооружаться вилами и косами и подняться противъ евреевъ и революціонеровъ: „Прочь жиды и ихъ братья-ученики, соціалъ-демократы и революціонеры, долой жидовъ и ихъ братьевъ соціалъ-демократовъ и революціонеровъ“. Эти воззванія ротмистръ Будаговскій не только распространяетъ, онъ доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія начальства, пишетъ два донесенія, одно за другимъ подрядъ, и докладываетъ въ нихъ: „Я, вашъ чиновникъ, вамъ подчиненный, употребилъ вотъ какое средство политической борьбы.“ Для чего онъ это пишетъ! Должно быть, знаетъ, что осуществляетъ нѣчто желательное наверху. И прибавляетъ: „Въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ эти распространенныя мною въ значительномъ количествѣ воззванія окажутъ существенную пользу“. И далѣе: „Я убѣжденъ, что эти воззванія благотворно повліяютъ на крестьянъ и удер-

жать ихъ отъ насилій надъ помѣщиками". Это—цитата изъ донесенія ротмистра Будаговскаго по начальству. Это не частная дружеская переписка, не политическая исповѣдь, это— бумага за номеромъ, писанная по начальству и попавшая въ надлежащія руки. Что же начальство съ этой бумагой дѣлаетъ? Бумага адресована въ особый отдѣлъ департамента полиціи. Какой это особый отдѣлъ? Учреждена, оказывается, при вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ новая инстанція, которая стоитъ внѣ связи съ прочими учрежденіями страны, которая имѣетъ право сноситься съ мелкими чиновниками на мѣстахъ, которая получаетъ отъ нихъ непосредственныя донесенія, даетъ имъ непосредственные приказы и можетъ, слѣдовательно, изъ Петербурга, внѣ установленной іерархической лѣстницы, руководить какъ угодно дѣйствіями особой государственной машины, пользующейся и своеобразными средствами. И въ этотъ-то отдѣлъ, сокрытый отъ глазъ обывателя, направлялись донесенія. Донесенія эти, какъ оказывается, обнаружилъ въ своемъ отдѣлѣ чиновникъ Макаровъ. Они были присланы еще въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ. Первое было прислано 27 ноября. Напомню, что 27 ноября было за двѣ недѣли до московскаго возстанія,—о которомъ упоминалъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Второе было послано 5 декабря. Когда они были присланы, они поступили къ чиновнику Тимофееву. Этотъ чиновникъ Тимофеевъ, завѣдывавшій тогда особымъ отдѣломъ, передалъ ихъ чиновнику, завѣдывающему департаментомъ полиціи, дѣйствительному статскому совѣтнику Рачковскому. Такимъ образомъ, бумаги съ офиціальнымъ донесеніемъ перебывали въ рукахъ одного чиновника, другого чиновника, а затѣмъ были доведены до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣдъ. Когда бумаги поступили, на нихъ были сдѣланы помѣтки: на первой—„прилагаемыя воззванія союза 17 октября безусловно заключаютъ въ себѣ натравленіе противъ евреевъ", на второй, отъ 5 декабря: „еще ряцъ воззваній, направленныхъ противъ евреевъ". Съ этими помѣтками бумаги направлялись въ ноябрѣ и въ декабрѣ къ двумъ чиновникамъ и къ министру внутреннихъ дѣлъ. Прошли два мѣсяца, новый чиновникъ Макаровъ случайно ихъ розыскалъ и составилъ о нихъ рапортъ. Еще прошли три мѣсяца, пока рапортъ былъ напечатанъ въ газетахъ и о немъ узнала вся Россія. Что же вы, власти, сдѣлали за все это время! Изъ словъ, которыя здѣсь были сказаны, видно, что Будаговскому было сдѣлано предупрежденіе, а что было сдѣлано чиновникамъ повыше, что было сдѣлано Рачковскому, что было сдѣлано г. Тимофееву! Эти люди,

сидя здѣсь, знали о томъ, что распространяются воззванія, натравливающія одну часть населенія противъ другой. Сдѣлали ли они хотя одинъ шагъ, чтобы остановить преступную руку, чтобы раскрыть преступленіе? Да, говорятъ, что послѣ московскаго возстанія Рачковскій вернулся и пересталъ исполнять свои обязанности. Не знаю, сумѣетъ ли министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтить мнѣ сейчасъ же: извѣстно ли ему, что Рачковскій, лишенный званія вице-директора департамента полиціи, назначенный чиновникомъ особыхъ порученій, на слѣдующій же день сѣлъ за тотъ же вице-директорскій столъ, съ наименованіемъ чиновника особыхъ порученій и до сихъ поръ за этимъ столомъ сидитъ! Извѣстно ли ему и пожелаетъ ли онъ отвѣтить, что Рачковскому по случаю этого переименованія было назначено не малое вознагражденіе—въ 75 тысячъ рублей (*голоса*: ого!.. браво!.. браво!..). Извѣстно-ли министру внутреннихъ дѣлъ, что сдѣлалось съ г. Тимофеевымъ, который состоялъ тогда чиновникомъ, завѣдывающимъ особымъ отдѣломъ!—съ господиномъ Тимофеевымъ, судьба котораго представляетъ нѣкоторый особый интересъ, ибо онъ былъ юрисконсультомъ при московскомъ градоначальникѣ, когда московскимъ градоначальникомъ былъ генералъ Треповъ; онъ былъ завѣдующимъ особымъ отдѣломъ департамента полиціи, когда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ генералъ Треповъ; и онъ состоитъ при дворцовомъ комендантѣ, когда дворцовымъ комендантомъ состоитъ генералъ Треповъ (*общій смѣхъ*). Этотъ Тимофеевъ, Рачковскій и министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, которымъ всѣ эти свѣдѣнія были извѣстны, что же они, по мнѣнію нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, являлись чиновниками, исполнявшими завѣты власти, направленные къ охранѣ жизни и спокойствія гражданъ! Отчего они не преданы суду! Вѣдь они стояли во главѣ управленія и знали, что подвѣдомственные имъ чины разбрасываютъ прокламаціи, возбуждаютъ одну часть населенія противъ другой, заражаютъ воздухъ ядомъ убійства, и, зная все это, молчали? Отчего же вы о нихъ не вспомнили, когда „предупреждали“ ротмистра Будаговскаго! Господа народные представители! Факты, которые я привелъ, въ достаточной мѣрѣ показываютъ, каковъ истинный источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ, откуда все направляется, при чьемъ содѣйствіи распложаются ротмистры Будаговскіе. Ихъ теперь много. Мой предшественникъ упомянулъ здѣсь о гомельскомъ погромѣ. Это былъ гомельскій погромъ номеръ второй,—не тотъ, который въ свое время надѣлалъ шуму, а теперешній—тихій, малозамѣтный

но чрезвычайно характерный. Этотъ погромъ разслѣдовалъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Савичъ. Оказывается, что на этотъ разъ на мѣстѣ не было даже обычныхъ условій погрома. Савичъ разсказываетъ, что толпа состояла всего изъ 10—15 человѣкъ поджигателей, въ казачьей формѣ, и что толпа эта была снабжена оружіемъ помощника начальника жандармскаго управленія. Объ этомъ всемъ разсказываетъ самъ г. Савичъ. Когда ему объ этомъ было доложено на мѣстѣ, онъ былъ до того изумленъ, что потребовалъ, чтобы самъ помощникъ начальника, графъ Подгоричани-Петровичъ, и самъ начальникъ его, Поляковъ, изложили ему свои показанія собственноручно. Копія этихъ показаній у меня передъ глазами. Оказывается, что въ городѣ Гомелѣ тоже имѣется типографія, отобранная у революціонеровъ и тоже благосклонно переданная властями для печатанія призывовъ къ погромамъ. Видите, какъ такіе примѣры заразительны (*смѣхъ*)! А относительно оружія имѣются слѣдующія данныя. Начальникъ Подгоричани-Петровича—Поляковъ объ этомъ пишетъ: „Онъ (т. е. Подгоричани-Петровичъ) обнаруживалъ въ своихъ письменныхъ заявленіяхъ—я извиняюсь за непарламентскія выраженія—безцеремонную ложь. Онъ говоритъ, что изъ захваченныхъ у революціонеровъ 75 револьверовъ онъ выдалъ союзу патріотовъ 25, которые потомъ ему были возвращены. Оказывается же, что по произведенному подсчету, на лицо было только 37, не хватало, значитъ, 38 револьверовъ. И когда его спросили, гдѣ револьверы, онъ разсказалъ небывалую исторію по этому поводу: онъ эти 38 револьверовъ сунулъ въ какую-то таинственную „дверь какому-то незнакомцу, предполагая, что онъ этимъ наилучшимъ образомъ борется съ революціею“.

„Точно такою же тайною—пишетъ Поляковъ—было облечено исчезновеніе изъ канцеляріи графа хорошо оборудованной типографіи, отобранной у революціонеровъ. Послѣ отъѣзда графа ее отыскали; оказалось, что она находится у Макосѣвскаго, члена „союза патріотовъ“.

И передъ лицомъ всѣхъ этихъ фактовъ, полныхъ ужаса, что-же отвѣчаютъ на запросъ государственной думы представители власти? Государственная дума не интересуется дисциплинарною провинностью отдѣльнаго чиновника. Государственная дума интересуется вопросомъ о томъ, понимаете ли вы, г.г. министры, размѣры бѣдствія. Что вы о немъ думаете? Какія у васъ есть средства для его пресѣченія? И, вмѣсто того, чтобы отвѣтить: вотъ зло и вотъ мои средства противъ него, министръ

отвѣчаетъ, что онъ, съ одной стороны, ротмистра Будаговскаго наградилъ, а съ другой стороны его предупредилъ. Не вправѣ ли мы сказать, что мы находимся въ большомъ смущеніи передъ этимъ отвѣтомъ? Власть можетъ и должна быть тверда. Власть можетъ и должна охранять жизнь и спокойствіе гражданъ. Но для этого она прежде всего не должна колебать свои собственные нравственные устои. А вы вырвали съ корнемъ эти устои, потворствуя преступленію, какъ орудію власти; это орудіе развратило тѣхъ, кто еще не былъ въ конецъ развращенъ. И никакая перемѣна къ лучшему потому невозможна, пока не будетъ обновлена вся наша разлагающаяся, прогнившая до корней администрація.

Далѣе, вы разрушили устои твердой власти потому, что вамъ нужно было для производства своихъ экспериментовъ создать почву безправія. Тамъ, гдѣ приходится управлять путемъ возстановленія гражданъ противъ гражданъ, нужно ослабить однихъ, чтобы легче выставлять ихъ подъ ножъ другихъ. И вы это сдѣлали мастерски. Вы разводили въ теченіе 20 лѣтъ и продолжаете разводить теперь эти бациллы безправія, ими кишитъ теперь уже воздухъ всей Россіи. Въ этой гнилой атмосферѣ рождаются тѣ ужасы, смыслъ которыхъ такъ страшенъ для насъ и такъ чуждъ вамъ. Если вы полагаете, что вы этимъ укрѣпляете власть, то глубоко заблуждаетесь. Тотъ порядокъ управленія, который вы поддерживаете, не есть проявленіе власти твердой и сильной: имя ему—анархія. Когда собирается гдѣ нибудь кучка незрѣлыхъ юношей, которая провозглашаетъ анархическіе принципы, вы на эту безумствующую молодежь сыплете громы, ополчаетесь пулеметами. А я думаю, что та анархія, которая бродитъ въ юныхъ умахъ и гнѣздится въ подпольѣ, въ потаенныхъ углахъ и закоулкахъ, во сто разъ менѣе вредна, чѣмъ ваша открытая, ваша сановная анархія! *(Бурные аплодисменты)*.

Набоковъ (С.-Петербургъ). Господа народные представители. Вологодскій погромъ, о которомъ я хочу сказать нѣсколько словъ, заслуживаетъ вниманія потому, что является, на мой взглядъ, очень блестящей иллюстраціей тѣхъ общихъ соображеній, которыя съ такой убѣдительностью и глубиной были высказаны предшествующими ораторами. Въ вологодскомъ погромѣ, прежде всего, я долженъ возстановить нѣкоторыя черты, которыя не получили вполнѣ точнаго освѣщенія въ рѣчи г. министра внутреннихъ дѣлъ. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сказалъ намъ, что погромъ начался въ виду насильственнаго закрытія лавокъ въ день 1 мая; что первый вы-

стрѣлъ послѣдовалъ со стороны манифестантовъ и что губернаторъ, полицеймейстеръ и прокуроръ принимали всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для прекращенія погрома и даже подверглись личнымъ непріятностямъ; что показанія всѣхъ опрошенныхъ лицъ это подтверждаютъ; что войска были вызваны, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, а стражники бездѣйствовали, потому что губернаторъ запретилъ имъ стрѣлять. На самомъ дѣлѣ стражники стрѣляли; это подтверждается показаніями многочисленныхъ лицъ, изъ которыхъ одинъ далъ показаніе передъ смертью, потому что онъ былъ убитъ пулей стражника. Это же самое говорятъ показанія офиціальныя, показанія полицеймейстера г. Вологды. Стражники стрѣляли въ народный домъ, стрѣляли въ противоположный домъ Бартеньева, которые оба подверглись разгрому. Стражники не стрѣляли тогда, когда шла рѣчь о защитѣ дома городского головы Клушина, и тутъ на мѣсто стражниковъ выступилъ отрядъ милиціонеровъ, повидимому, очень малочисленный, и стрѣлялъ въ воздухъ, не причинивъ никому никакого вреда, но наведя немедленно паническій ужасъ на тѣхъ громилъ, которые шли противъ дома Клушина; они тутъ же разбѣжались, и это показываетъ, какъ легко было остановить погромъ въ самомъ его началѣ. Что погромъ начался съ насильственнаго закрытія лавокъ—это тоже не совсѣмъ вѣрно. Изъ очень подробныхъ показаній того же полицеймейстера явствуетъ, что погромъ никакой связи съ закрытіемъ лавокъ не имѣлъ. Не было даже попытокъ насильственнаго закрытія лавокъ. Въ то время, когда всѣ тѣ, которые собрались 1 мая въ Вологдѣ устроить митингъ за городомъ, шли къ народному дому, который былъ сборнымъ пунктомъ, откуда должна была двинуться процессія, мирный характеръ которой былъ удостовѣренъ и обѣщанъ и который дѣйствительно оставался сохраняемымъ до тѣхъ поръ, пока процессія не сдѣлалась объектомъ нападенія,—въ то время, когда люди, которые должны были участвовать въ этой процессіи, шли по направленію къ этому дому, нѣкоторые изъ нихъ заходили въ лавки и уговаривали, а въ другихъ лавкахъ, какъ удостовѣряетъ тотъ же полицеймейстеръ, требовали закрытія ихъ. Нѣкоторыя лавки были закрыты, а большинство, повидимому, осталось открытыми. Этимъ заканчивается все, что относится къ лавкамъ; стало быть, повторяю, что насильственнаго закрытія лавокъ не было и что возбужденія страстей, вызваннаго этимъ актомъ, не было, по тому самому, что и акта этого не было. Погромъ начался тогда, когда процессія пошла отъ народнаго дома къ тѣмъ мѣстамъ за городомъ, которыя называются въ Вологдѣ «лагеремъ», хотя лагеря тамъ никакого нѣтъ. И въ то время эту процессію, въ

которой было, по показанію однихъ, не больше 150, а по показанію другихъ 500, встрѣтила огромная толпа, въ 600—800 человѣкъ, состоявшая изъ крестьянъ и, главнымъ образомъ, изъ желѣзнодорожныхъ крючниковъ, вооруженныхъ дубинами и камнями. Когда одна процессія встрѣтилась съ другой, то изъ толпы крючниковъ и крестьянъ полетѣли камни,—и значитъ, совершилось прямое нападеніе,—тогда изъ толпы манифестантовъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, однимъ изъ которыхъ былъ раненъ одинъ изъ крестьянъ, а затѣмъ манифестанты разбѣжались. Съ этого момента и начинается погромъ, который уже направленъ не на эту манифестацію, разошедшуюся, а на народный домъ и окружающіе его дома. И вотъ съ этого момента, въ сущности говоря, и начинается роль того лица, которое въ Вологдѣ имѣетъ символическое значеніе, какое имѣютъ по отношенію ко всей Россіи тѣ темныя силы, на которыя намекалъ представитель Калужской губерніи,—это ротмистръ Пышкинъ. По поводу его дѣятельности и по поводу запрещенія стрѣлять даннаго имъ, есть довольно краснорѣчивыя указанія; есть показанія пяти лицъ, которыя слышали, какъ въ официальномъ мѣстѣ, въ помѣщеніи, гдѣ живетъ этотъ ротмистръ Пышкинъ, онъ по телефону въ 6 час. вечера, въ то время, когда рѣчь шла о защитѣ дома Клушина, говорилъ съ кѣмъ-то на «ты». По показаніямъ этихъ пяти лицъ, сдѣланнымъ въ однихъ и тѣхъ же терминахъ, онъ говорилъ: «черной сотни не тронь, въ революціонеровъ стрѣляй, патроновъ не жалѣй»—это выраженіе, очевидно, позаимствованное (*аплодисменты смѣхъ*). «Если выйдутъ, еще дадимъ». Это ротмистръ Пышкинъ говоритъ въ своемъ кабинетѣ, служебномъ, а что онъ говоритъ въ городѣ? По этому поводу есть опять-таки показанія въ дѣлѣ, показанія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что, когда ротмистръ Пышкинъ, во главѣ 30 конныхъ стражниковъ съ шашками на-голо, приближался къ тому мѣсту, откуда пошелъ разгромъ народнаго дома, причемъ съ нимъ находился полицеймейстеръ, и когда изъ толпы крестьянъ и крючниковъ обратились къ ротмистру Пышкину съ просьбой: «позвольте ихъ бить», то ротмистръ Пышкинъ, обращаясь къ полицеймейстеру, говорилъ: «Просите его, это въ его власти». Полицеймейстеръ ничего на это не отвѣтилъ. Наконецъ, во время разгрома народнаго дома, Пышкинъ, какъ установлено, оставался на площади, ограничивая свою дѣятельность тѣмъ, что велѣлъ стражникамъ стрѣлять въ народный домъ и затѣмъ въ домъ Бартеньева. Тушить пожаръ никто не дозволялъ, и когда пріѣхала пожарная команда, то была перерѣзана кишка. Затѣмъ предполагалось, что въ народномъ домѣ въ это время былъ митингъ;

когда же полицеймейстеръ, желая удостовѣриться въ этомъ фактѣ, вошелъ въ народный домъ, съ тѣмъ чтобы убѣдить митингъ разойтись, то оказалось, что въ народномъ домѣ были библіотекарша и 6 дѣвочекъ, пришедшихъ брать книги. И съ перваго момента, когда начался погромъ и когда онъ продолжался, въ народномъ домѣ никакого митинга не было. Спрашивается теперь, чѣмъ объясняется такое неожиданное нападеніе на народный домъ? Оказывается, что наканунѣ предполагалось, что митингъ будетъ въ народномъ домѣ, а потомъ утромъ рѣшили не дѣлать митинга въ народномъ домѣ и выйти за городъ. Кто-то началъ объ этомъ распространять еще наканунѣ, а можетъ быть и за нѣсколько дней; въ дѣлѣ есть указанія на то, что стражники привозили крестьянъ изъ окружныхъ деревень, что крестьяне были напоены водкой; въ дѣлѣ есть еще нѣсколько подробностей относительно жены мѣстнаго земскаго начальника, которая, по показаніямъ одного изъ участвующихъ лицъ, въ самомъ началѣ, утромъ, была замѣчена на мосту, вблизи народнаго дома, окруженная толпой крючниковъ, которыхъ она приглашала принять участіе въ погромѣ, и затѣмъ эти крючники впослѣдствіи присоединились къ другой толпѣ крючниковъ и такимъ образомъ образовали погромную толпу.

Когда приходилось защищать домъ Клушина, то полицеймейсертъ обратился къ толпѣ и говорилъ, что если нападеніе не будетъ остановлено, то онъ будетъ стрѣлять. На это послѣдовалъ отвѣтъ со стороны стражниковъ: «мы будемъ стрѣлять, если прикажетъ ротмистръ». Совершенно ясно, что губернаторъ, полицеймейстеръ, прокуроръ желали прекратить погромъ; совершенно вѣрно, что они сами при этомъ пострадали, что они уговаривали толпу, что они даже вступали чуть ли не въ драку. Полицеймейстеръ такъ къ концу вечера измучился и усталъ, что не былъ въ состояніи держаться на ногахъ. А, между тѣмъ, погромъ все-таки произошелъ, произошелъ тогда, когда, повидимому, достаточно было одного залпа, даннаго на воздухъ, чтобы погромъ въ Вологдѣ прекратился. Является естественный вопросъ: какъ это могло произойти? И отвѣтъ на этотъ вопросъ получается, если сопоставить роль ротмистра Пышкина, который звляется тайнымъ правительствомъ въ городѣ Вологдѣ, на-ряду съ ролью явнаго правительства—губернатора, полицеймейстера и прокурора. И вотъ, господа, изъ этой иллюстраціи я вывожу иллюстрацію всего нашего положенія въ Россіи. У насъ тоже есть тайное правительство—своего рода ротмистръ Пышкинъ, и есть открытое правительство, которое, въ иныхъ случаяхъ, въ лицѣ представителей своихъ, одушевлено, можетъ быть, горячимъ жела-

ніемъ положить конецъ всему этому безобразію. Но вологодскій губернаторъ хорошо понялъ, что когда рядомъ съ нимъ существуетъ и продолжаетъ до сихъ поръ свою благонамѣренную дѣятельность ротмистръ Пышкинъ, то ему, вологодскому губернатору, при ротмистрѣ Пышкинѣ дѣлать нечего, и что если ротмистръ Пышкинъ будетъ продолжать вести свою темную агитацію, возбуждать темныя силы и направлять ихъ, а за него будетъ, такъ сказать, оддуваться открытая власть, то для нея это положеніе нѣсколько недостойное. Каково же въ самомъ дѣлѣ ихъ положеніе? Они за все отвѣчаютъ а можетъ быть и не знаютъ, что ротмистръ Пышкинъ дѣлаетъ за ихъ спиной. И одинъ изъ нихъ, вологодскій губернаторъ, это понялъ и ушелъ въ отставку. Я думаю, что это примѣръ съ точки зрѣнія личнаго достоинства, государственнаго достоинства,—примѣръ, достойный подражанія (*аплодисменты*). Но я вовсе не думаю, господа, и изъ рѣчи представителя Калужской губерніи вы можете это усмотрѣть, что дѣло далеко не въ одномъ этомъ. Для Вологды дѣло вовсе не въ томъ только, чтобы ушелъ г. вологодскій губернаторъ или г. вологодскій полицеймейстеръ: надо убрать прежде всего ротмистра Пышкина, Я думаю, что и для Россіи мы должны, конечно, требовать, чтобы ушли тѣ, которые сочли возможнымъ существованіе съ «ротмистромъ Пышкинымъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ мы считаемъ, что когда они уйдутъ, то другіе могутъ прійти на ихъ мѣсто съ однимъ только категорическимъ условіемъ, чтобы были навсегда изъ русской жизни вырваны господа ротмистры Пышкины! (*бурные аплодисменты*).

Родичевъ (Тверская губ.) Господа народные представители! Когда мы сегодня изъ устъ представителя власти услышали совершенно благопріятный отвѣтъ на нашъ запросъ, намъ показалось: «да, вотъ какъ слѣдуетъ поступать»! Мы запросили о судьбѣ Щербака, намъ сейчасъ же отвѣтили: «дѣло кончено». Практически мы добились возстановленія правъ или нѣкоторыхъ правъ для одного человѣка. Но когда, вслѣдъ за этимъ, послѣдовало объясненіе, объясненіе, въ которомъ весь вопросъ о судьбѣ соціальнаго мира, о судьбѣ спокойствія Россіи свелся къ вопросу о неправильномъ, о маленькомъ проступкѣ провинившагося жандармскаго офицера,— я испугался за судьбу нашей страны. Очевидно, думаютъ, что каплями можно исчерпать море! Какимъ же путемъ можно положить предѣлъ тому порядку вещей, который привелъ Россію къ тому состоянію анархіи, въ которомъ массовыя убійства и подстрекательства къ такимъ убійствамъ со стороны предствителей власти являются вещью обыденной? Вѣдь они и насъ перестали удивлять.

Вѣдь мы всѣ признаемъ это за атмосферу, въ которой мы живемъ. Для насъ возникаетъ вопросъ о томъ, отчего мы задыхаемся. Намъ отвѣчаютъ: провинившіеся чиновники подвергнутся взысканіямъ и... подверглись. Не въ людяхъ дѣло, господа. Мы себѣ можемъ представить министра внутреннихъ дѣлъ честнаго человѣка, хотя это не всегда въ Россіи бываетъ. Теперь мы имѣемъ это условіе. Но система то, система-то измѣнилась ли? Нѣтъ, къ несчастью положеніе таково, что люди съ лучшими намѣреніями, оставаясь на старомъ пути, ничего сдѣлать не могутъ. Законъ въ Россіи пересталъ существовать, и правосознаніе исчезло въ умахъ администраціи. Что вы видите? Если администраторъ желаетъ сдѣлать карьеру, для него до сихъ поръ было и остается, къ несчастью, лучшимъ средствомъ участвовать въ какомъ нибудь усмиреніи, учинить какую нибудь расправу; до сихъ поръ довольно вѣрнымъ путемъ въ сенатъ и въ государственный совѣтъ была порка крестьянъ; до сихъ поръ учиненіе погромовъ открывало карьеру, до сихъ поръ препятствіе погрому часто ее портило. Зимой мы видѣли примѣръ: удаленіе губернатора, присутствіе котораго успокаивало г. Минскъ и гарантировало его отъ погромовъ, и вслѣдъ затѣмъ назначеніе туда лица, только что прославившагося маленкимъ погромомъ и большой поркой. Когда это лицо было повышено въ должности, погромъ произошелъ, и я боюсь, господа, что эта практика не прекратилась. Вы видите по тѣмъ овѣдѣніямъ, которыя даетъ вамъ министръ внутреннихъ дѣлъ, въ добросовѣстности котораго нѣтъ никакого сомнѣнія ни у кого здѣсь, вы видите, какъ мало онъ освѣдомленъ! И это не есть личное свойство, это не есть состояніе даннаго времени. Министръ внутреннихъ дѣлъ, если онъ добросовѣстенъ, освѣдомленъ только въ той мѣрѣ, въ какой ему современные нравы администраціи позволяютъ быть освѣдомленнымъ, ибо сообщеніе ложныхъ извѣстій, если эти ложныя извѣстія указывали на революцію, было тоже средствомъ карьеры, и въ министерствѣ до сихъ поръ сидитъ лицо, которое позволяло себѣ дѣлать ложныя донесенія.

Давно въ Россіи существуютъ два закона и два устава: одинъ писанный, а другой неписанный. По писанному уставу погромовъ не допускается, по писанному уставу всѣ администраторы—честные патріоты, по писанному уставу клевета не допускается, по писанному уставу натравливаніе одной части населенія на другую не допускается, но по неписанному все это награждено, и все это понимаютъ дѣятели администраціи. Развѣ каждый изъ насъ не видалъ десятки разъ въ своей жизни примѣровъ, когда честному и добро-

совѣстному администратору его подчиненные не подчинялись, зная, что они найдутъ поддержку въ Петербургѣ, и что въ Петербургѣ честность не всегда служитъ залогомъ оставленія на мѣстѣ и залогомъ дѣйствительной власти. Вѣдь это явленіе, которое мы знаемъ повсюду, это явленіе, которое личнымъ воздѣйствіемъ неискоренимо, ибо мы, господа, дожили до того, что два года тому назадъ была составлена комиссія о введеніи законности въ Россіи!.. Жалкое и тяжкое наслѣдство оставилъ нынѣшней власти весь предшествующій режимъ; онъ оставилъ ей въ наслѣдство разложеніе и безчестность и съ ними вы старыми средствами не справитесь Вы говорите: вамъ нужна власть; власть есть дѣйственное оружіе; нельзя брать у часового изъ рукъ ружье, хотя бы оно было и кремневое! У часового изъ рукъ ружья брать нельзя, но администрація отрѣшиться отъ беззаконія должна, и то ружье, которое она держитъ въ рукахъ и которое называется беззаконіемъ, оно должно быть выброшено и сломано.

Это оружіе, это отрицаніе права—основа всего стараго режима. Это написано чернымъ по бѣлому. Былъ день, когда министерство, вступая во власть, могло торжественно заявить странѣ, что оно отрекается отъ старыхъ путей произвола и насилія, отъ старыхъ путей лжи; оно этого не сдѣлало въ тотъ день. Былъ день, когда министерство молго рука объ руку съ Государственной Думой идти къ обновленію Россіи и отречься отъ прошлыхъ нечистыхъ дѣлъ правительства. Оно этого не сдѣлало до настоящей минуты *(аплодисменты)*. Господа, наше несчастье состоитъ не въ томъ, что люди были злы, хотѣли этого—хотя есть и такіе люди—несчастье состоитъ въ отсутствіи государственнаго пониманія. Эти силы, съ которыми боги тщетно боролись, эти силы, можетъ быть, задушатъ нашу страну. Что такое тотъ режимъ, который, якобы, надо охранять властью? Это режимъ, который не признаетъ ни за кѣмъ ни малѣйшаго права. Когда намъ говорятъ: «я буду охранять право при помощи отрицанія права», намъ остается сказать: какая же судьба ждетъ нашу страну при этихъ охранителяхъ?!.. Скажу я больше того: тѣ слова, то объясненіе, которое здѣсь дано, быть можетъ, съ лучшими намѣреніями, вы знаете, какое значеніе будетъ оно имѣть въ умахъ всей администраціи, живущей на мѣстахъ?—Я не ошибусь, если скажу:—впередъ гарантируется оправданіе погромовъ (*аплодисменты, голоса*: вѣрно!!...). Будутъ искать виновника и найдутъ.... «стрѣлочника», потому что только его ищутъ, потому что орудія возстановленія правъ не требуется. Мы, представители страны, пришли къ сознанію того, что при старомъ режимѣ

жить невозможно. Мы пришли къ сознанію, мы это чувствуемъ на себѣ, что старый режимъ и носители его могутъ только угнетать страну, могутъ только разорять страну. Вѣдь вы, господа, не забудете, что политика послѣднихъ дней имѣетъ своимъ послѣдствіемъ государственное банкротство. Оно ждетъ насъ осенью, если дѣла будутъ идти такимъ же образомъ, если власти будутъ обнаруживать то же непониманіе, какъ теперь, ту же готовность вступить въ столкновеніе съ народнымъ представительствомъ. Государственнымъ банкротствомъ мы поплатимся еще раньше, чѣмъ поплатимся за это кровью. Подобно тому, какъ они говорятъ намъ: «вы требуете уничтоженія частной собственности», они говорятъ намъ: «когда, вы требуете уничтоженія положенія объ усиленной охранѣ, военнаго положенія, вы хотите уничтоженія власти». Да, ту власть, которая развязываетъ руки всѣмъ безотвѣтственнымъ дѣятелямъ, ту власть, которая ведетъ, наконецъ, къ тому, что въ рядахъ ея представителей число честныхъ людей убавляется до того, что на нихъ можно указывать пальцами, эту власть мы хотимъ уничтожить! (*аплодисменты*). Но мы хотимъ создать другую власть, ту власть, которая опирается на авторитетъ справедливости. Я повторяю, мы двадцать лѣтъ жертвуемъ молоху авторитета власти и добились того, что власти нѣтъ, авторитета нѣтъ, другихъ авторитетовъ, кромѣ военнаго положенія, не имѣется и увы, самое большое несчастье, что власть этого не знаетъ. Если данные представители власти зададутся вопросомъ о томъ, что же они могутъ сдѣлать по отношенію ко всѣмъ тѣмъ чинамъ, которые готовы измѣнить имъ и дѣйствовать противъ нихъ.—въ случаѣ, если они пойдутъ на благо Россіи,—которые кинутся на населеніе по первому потайному знаку, данному имъ съ набережной Фонтанки,—что они сдѣлаютъ въ этомъ случаѣ? Они безсильны сдѣлать что бы то ни было. Они могли бы показать примѣръ уваженія къ праву и примѣръ пожертвованія своимъ самолюбіемъ ради исполненія долга совѣсти.

Въ тотъ день, господа, когда самой русской администраціи изъ министерства данъ будетъ урокъ преклоненія передъ правомъ, преклоненія передъ законодательной властью, въ тотъ день мы будемъ имѣть возможность надѣяться, что миръ и порядокъ въ Россіи будутъ возстановлены. До того дня ослѣпленіе людей, находящихся у власти, есть залогъ новаго разоренія и потрясенія страны. Только покинувъ министерскія мѣста, они могутъ исполнить долгъ передъ родиной и показать примѣръ, въ которомъ такъ нуждаются ихъ подчиненные (*бурные аплодисменты, голоса*: въ отставку!... въ отставку!..).

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Господа, я долженъ дать свое разъясненіе теперь, такъ какъ, къ сожалѣнію, не могу остаться до конца,—я долженъ ѣхать въ Совѣтъ министровъ. Тутъ въ рѣчахъ предыдущихъ ораторовъ предо мной ясно предстали мысли говорившихъ, предо мной всталъ реальный ротмистръ Пышкинъ и Пышкинъ, какъ эмблема. Позвольте мнѣ расчленить его въ своей рѣчи тоже такимъ образомъ. Отвѣчая на тотъ реальный упрекъ въ неправдѣ...

Набоковъ. Въ неточности...

Министръ внутреннихъ дѣлъ... виноватъ, въ неточности, которой мнѣ бросили, я долженъ сказать, что мнѣ извѣстны другія свѣдѣнія о погромѣ, которыя были мнѣ доставлены лицами спеціально много посланными. Я долженъ указать на то, что ротмистръ Пышкинъ немного неточенъ въ рѣчи Набокова. Дѣло въ томъ, что стрѣляли, какъ точно установлено, въ народный домъ стражники пѣшіе, а не тѣ, которые были въ распоряженіи ротмистра Пышкина. Дѣло о погромѣ передано слѣдствію, и если судебнымъ слѣдствіемъ будетъ выяснена вина ротмистра Пышкина, то онъ конечно, будетъ въ отвѣтственности. Что же касается вологодскаго губернатора, тоже какъ реальной величины, то я долженъ сказать, что онъ подалъ въ отставку ранѣе вологодскаго погрома. Затѣмъ, когда я его спрашивалъ по телеграфу о нареканіяхъ, которыя распространяются на администрацію и полицію, онъ отвѣтилъ, что это сплошная ложь—извините за это выраженіе, но эти слова были въ телеграммѣ. Затѣмъ, я выслушалъ реальные вопросы и нареканія отъ г. Винавера. Онъ спрашиваетъ о моемъ мнѣніи относительно моихъ предшественниковъ. Мнѣ кажется, что распространять настолько право запроса не слѣдуетъ. Я не обязанъ отвѣчать на такого рода запросы. Относительнаго реальнаго факта о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Рачковскомъ, который сидѣлъ на мѣстѣ вице-директора, я заявляю, что этого мѣста онъ не занимаетъ и ни на какой опредѣленной должности въ департаментѣ полиціи не находится. Перейду къ Пышкину, какъ къ эмблемѣ. Я выслушалъ здѣсь отъ князя Урусова, что мои свѣдѣнія неточны, что я не освѣдомленъ. Я долженъ сказать, что я приложилъ всѣ усилія, чтобы выяснить ту картину, которая была брошена въ насъ, какъ обвиненіе, я имѣлъ показанія лицъ, выяснявшихъ это бывшему предсѣдателю совѣта министровъ, и документальныя данныя,—на основаніи ихъ только я могу отвѣтить. Я могу показать ихъ лицу, которое пожелаетъ ихъ видѣть. Не знаю, настолько ли документальны данныя князя Урусова, и откуда онъ черпалъ свои свѣдѣнія. Затѣмъ, онъ говоритъ, что если

даже министръ внутреннихъ дѣлъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями, онъ лишенъ возможности сдѣлать добро, ему мѣшаютъ какіе-то призраки ротмистра Пышкина въ видѣ эмблемы. Я долженъ сказать, что, по приказанію Государя, я, вступивъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, получилъ всю полноту власти, и на мнѣ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности. Если бы были призраки, которые бы мѣшали мнѣ, то эти призраки были бы разрушены, но этихъ призраковъ я не знаю. Затѣмъ, меня упрекалъ г. Винаверъ въ томъ, что я слишкомъ узко смотрю на дѣло, но я вошелъ на эту каѳедру съ чистой совѣстью. Что я зналъ, то и сказалъ и представилъ дѣло такимъ образомъ, что то, что нехорошо, того больше не будетъ... (*шумъ, крики*: а бѣлостокскій погромъ?!). Одни говорятъ—ты этого не можешь, а другіе—ты этого не хочешь, но то, что я могу и хочу сдѣлать, на то я уже отвѣтилъ въ своей рѣчи. Упрекъ, который мнѣ сдѣлалъ г. Винаверъ, что я узко смотрю на вопросъ, я не совсѣмъ понимаю. Для меня дѣло стоитъ такъ: если я признаю нежелательнымъ извѣстное явленіе, если я признаю, что власть должна идти объ руку съ правомъ, должна подчиняться закону, то явленія неправомѣрныя не могутъ имѣть мѣста. Мнѣ говорятъ, что у меня нѣтъ должнаго правосознанія, что я долженъ измѣнить систему,—я долженъ отвѣтить на это, что это дѣло не мое. Согласно понятію здороваго правосознанія, мнѣ надлежитъ справедливо и твердо охранять порядокъ въ Россіи (*шумъ, свистки*). Этотъ шумъ мнѣ мѣшаетъ, но меня не смущаетъ и смутить меня не можетъ. Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не въ правѣ, измѣнять законовъ я не могу. Законы измѣнять и дѣйствовать въ этомъ направленіи будете вы (*шумъ, крики*: отставка!).

Набоковъ (С.-Петербургъ). Позвольте мнѣ личное объясненіе, одно слово (*шумъ*). Я хочу только сказать, что всѣ свѣдѣнія... (*шумъ*). Позвольте мнѣ личное объясненіе. Тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщилъ съ этой каѳедры, добыты изъ актовъ предварительнаго слѣдствія и сказать это меня лично уполномочилъ судебный слѣдователь, и эти показанія во всемъ между собою согласуются (*бурные аплодисменты*).

II. Рѣчь члена Государственной Думы г. Макушина въ засѣданіи 29 іюня 1906 г.

Макушинъ (Томская губ.). Прежде чѣмъ говорить о Бѣлостокѣ, я на одну минуту займу ваше вниманіе исполненіемъ возложеннаго на насъ порученія. Намъ, томскимъ депутатамъ, собраніе губернскихъ выборщиковъ поручило выразить Государственной Думѣ твердую увѣренность въ томъ, что она своей дѣятельностью добьется условій свободнаго развитія всѣхъ силъ русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ передать Думѣ низкій поклонъ. Иниціаторомъ этого предложенія былъ неграмотный крестьянинъ дикаго Алтая, по фамиліи Кулакъ. Рѣчь Кулака была не велика, не сложна, но она была во всякомъ случаѣ для насъ, интеллигентовъ, интересна. Онъ говорилъ: «идутъ вѣсти, что нашимъ братьямъ,—а нашими братьями онъ считалъ всѣхъ, которые находятся здѣсь въ Думѣ,—что нашимъ братьямъ въ Думѣ тяжело, что у нѣкоторыхъ уже сердца разорвались. Поэтому имъ необходимо сказать, что въ Томской губерніи есть у нихъ помощь, есть помощники». Ближайшую ночь передъ выборами Кулакъ провелъ въ пересыльной тюрьмѣ, но и послѣ этого дума о Думѣ у него нисколько не уменьшилась, и восторженная вѣра въ силу и значеніе Думы нисколько не умалилась. Поэтому я позволяю себѣ, кромѣ настоящаго привѣтствія отъ собранія выборщиковъ, передать Думѣ привѣтствіе и отъ выборщика Кулака (*аплодисменты*).

Перейду къ Бѣлостоку. Проф. Щепкинъ здѣсь говорилъ, что онъ изучилъ погромы подъ руководствомъ Нейдгардта. Я научился понимать погромы подъ руководствомъ или, вѣрнѣе, на основаніи

наблюденій за дѣйствіями томскаго губернатора Азанчевскаго-Азанчеева и начальника томскаго гарнизона генералъ-майора Ризенкампфа. Въ Томскѣ были большіе митинги; были октябрскія забастовки; была городская дума, сочувствующая постановленіямъ и стремленіямъ земскихъ и городскихъ съѣздовъ, были и консерваторы. Консерваторы рѣшили устроить патріотическую манифестацію, и вотъ какимъ образомъ она шла. Собралось манифестантовъ у полицейскаго управленія человѣкъ около 300; изъ полицейскаго управленія и расположенной рядомъ мѣщанской управы они взяли царскій портретъ, а изъ двора полицейскаго управленія, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и дворомъ пожарной команды, они запаслись здоровыми дубинами, и въ такомъ видѣ отправились къ городской управѣ. Городская управа была закрыта, попасть туда они не могли и ограничились тѣмъ, что разбили окна и убили возлѣ управы трехъ человѣкъ. Затѣмъ поднялись дальше, пришли къ дому мѣстнаго архіерея и имѣли съ нимъ бесѣду. Какова была бесѣда, я не знаю, но затѣмъ толпа пошла дальше на Соборную площадь и затѣмъ встрѣтилась съ отрядомъ городской милиціи,—такъ называетъ ее администрація, мы же называли ее городской охраной. Встрѣтившись съ отрядомъ городской милиціи, толпа набросилась на нее съ дубинами и 2-хъ или 3-хъ лицъ изъ милиціи сильно ушибла. Милиція отвѣтила выстрѣлами и толпа моментально разсѣялась, такъ что можно было ожидать, что бѣдствіе отъ патріотической манифестаціи окончилось. Но это продолжалось недолго. Появился взводъ солдатъ, сотня казаковъ и солдаты направили свои ружья противъ городской милиціи, которая состояла изъ 55 человѣкъ. Когда начальникъ милиціи попробовалъ объясниться съ офицеромъ, то офицеръ заявилъ, что губернаторъ не признаетъ никакой городской милиціи и приказалъ ее всю разстрѣлять, хотя только за день до этого губернаторъ далъ полное согласіе на то, чтобы была организована городская охрана. Городская охрана должна была перейти въ близъ расположенное зданіе службы пути для того, чтобы выяснить это заявленіе губернатора; ушла она туда еще и потому, что собравшіеся тамъ служащіе просили ихъ о защитѣ, видя, что толпа неистовствуетъ. Толпа убѣдившись, что солдаты и казаки принимаютъ ея сторону, бросилась къ зданію и живо разбила окна нижняго этажа; служащіе перешли въ верхній этажъ; туда толпа не рѣшилась идти, потому что лѣстница защищалась охранниками. Всѣ прохожіе на площади, которые имѣли студенческую форму или имѣли такую одежду, что можно было считать ихъ желѣзнодорожнымм служащими или просто интеллиген-

ціей, избивались толпой очень жестоко. Вскорѣ на площадь прибыло разнаго рода томское начальство. Хорошо зналъ объ этомъ и губернаторъ, такъ какъ окна его дома выходили на площадь, и ему все прекрасно было видно и слышно. Онъ, несомнѣнно, прекрасно зналъ все, что дѣлалось на площади. Толпѣ вскорѣ наскучило убивать и бить только случайныхъ, которые ей попадались, поэтому она рѣшила приступить къ энергическимъ мѣрамъ. Натащили горючаго матеріала, и это громадное трехэтажное зданіе зажгли. Быстро пріѣхали пожарные, но тушить пожаръ толпа не давала. Такимъ образомъ всѣ три этажа быстро обнялись пламенемъ. Всѣ, кто пытался оттуда спастись, подвергались жестокому избіенію, или даже убивались, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ почти всѣ были ограблены; на виду у всѣхъ, значительнаго количества начальства, они не только увѣчились, не только избивались, но и на глазахъ у всѣхъ совершался грабежъ. Интересенъ при этомъ тотъ фактъ, что неистовство и грабежи, по крайней мѣрѣ, неистовство, были гораздо большими съ той стороны зданія, съ которой было больше начальства. Съ задней стороны, гдѣ начальства было мало или куда заходило оно только временно, случаевъ убійствъ было гораздо меньше; тамъ собирались преимущественно томскіе хулиганы, которые у насъ называются «шпаной», и вотъ они ограничивались тѣмъ, что отбирали все жалованье, которое служащіе получили въ этотъ день, все дорогое, что было у нихъ, затѣмъ даже помогали имъ выбираться на свободу; а для того, чтобы легче было этого достинуть, они давали имъ благой совѣтъ: схватить, напримѣръ, зеркало изъ желѣзнодорожнаго управленія или какую нибудь другую вещь и притвориться грабителемъ; въ этомъ видѣ многимъ удалось спастись; тѣ же, кто спасался съ фасада по передней лѣстницѣ, рѣдко оставались живы, они большей частью были убиваемы. Когда же начался пожаръ, многіе въ отчаяніи хотѣли спастись, взлѣзая сначала на крышу, а съ крыши спускаясь внизъ по водосточнымъ трубамъ, но этихъ смѣльчаковъ солдаты встрѣчали выстрѣлами, а толпа добивала ихъ. Это было въ первый день погрома. Второй день погромъ начался послѣ царскаго молебна, грабежемъ и разгромомъ еврейскихъ магазиновъ; продолжалось это до вечера. Роль полиціи была та, что она шла за этой толпой, и къ тому магазину, гдѣ уже погромъ совершился, ставился какой нибудь охраняющій нарядъ. Во время этого грабежа нѣкоторые изъ грабителей такъ же, какъ и въ первый день, несли царскіе портреты, и когда грабители доходили до очень крупнаго магазина, портретъ ставился на тротуаръ, а тѣ, кто несъ его, принимались за грабежъ.

Въ этотъ день былъ разгромленъ и разграбленъ домъ городского головы. Интересная особенность этого разгрома и грабежа была та, что разгромомъ и грабежемъ руководили двое городовыхъ. Наканунѣ губернаторъ для виду поставилъ здѣсь охрану изъ восьми человѣкъ солдатъ, однако, когда пришла толпа, они отошли въ сторону. Когда ихъ спрашивали, почему они не препятствуютъ разгрому, они говорили, что не имѣютъ такого распоряженія; этотъ отрядъ, очевидно, стоялъ только для виду. Потомъ, когда толпа шла громить домъ городского головы, полиція по телефону сообщила объ этомъ губернатору. Губернаторъ отвѣчалъ: «пусть идетъ и громитъ, лишь бы только не зажгли, не устроили пожара». На третій день съ утра еще были грабежи, но вскорѣ, часовъ около 10 или 11, появился приказъ разгонять грабителей. На улицахъ появились отряды полиціи и казаковъ, которые стали разгонять громилъ, и грабежи были прекращены, хотя толпа выражала очень большое неудовольствіе, что полиція допустила неустойку, что она лишила ее договореннаго третьяго дня. Третій день толпа считала за собой и предполагала прекратить грабежи лишь на четвертый день. Чѣмъ объяснить такую большую жестокость томскаго погрома? Я думаю, что, по своей жестокости, по своему характеру, томскій погромъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ бывшихъ большихъ погромовъ. Въ немъ было убито много десятковъ людей, было сожжено много десятковъ людей на виду всего города, на виду у начальства. Чѣмъ объяснить этотъ жестокій характеръ погрома? Для того, чтобы лучше понять это, я приведу кое-что изъ тѣхъ слуховъ, которые циркулировали тогда въ городѣ. Устроители погрома настойчиво распространяли въ толпѣ слухи, что евреи, студенты и интеллигенція стрѣляли въ иконы, которыя несли манифестанты, что они стрѣляли въ царскіе портреты, тогда какъ на самомъ дѣлѣ иконъ не было, а портреты остались совершенно цѣлыми. Они распространяли также слухи, что томскій голова объявилъ себя губернаторомъ, а затѣмъ, что какой то разстрига—попъ даже мазалъ его муромъ на царство въ каѳедральномъ соборѣ. Другіе прибавляли, что кромѣ этого царя готовится другой царь изъ евреевъ. Подобные, въ высокой степени нелѣпые разговоры, тѣмъ не менѣе, имѣли вліяніе на толпу и дѣйствовали на нее разжигающимъ образомъ въ смыслѣ свирѣпости и жестокости. Грабежи объясняются отчасти тѣмъ, что было 20-ое число, когда желѣзнодорожные служащіе получаютъ жалованье, вслѣдствіе чего они представляли интересъ для грабителей. Къ этому надо прибавить, что въ Томскѣ, какъ въ городѣ ссылки, много преступнаго элемента.

Грабежъ служащихъ былъ выполняемъ такъ, какъ онъ рѣдко выполняется. Напримѣръ, одинъ изъ служащихъ, совершенно сѣдой, старый человѣкъ, занимающій солидное положеніе, надѣялся, что, во вниманіе къ его солидному положенію и сѣдинѣ, погромщики его не тронутъ, но онъ жестоко ошибся: онъ былъ не только убитъ, но и ограбленъ такъ, что на немъ остался одинъ галстухъ. Этими обстоятельствами нужно объяснить жестокій характеръ томскаго погрома. Теперь интересенъ вопросъ, могла ли администрація предупредить томскій погромъ? Тѣ лица, которыя живутъ въ Томскѣ, категорически отвѣчаютъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что администрація имѣла положительную возможность предотвратить погромъ. Погромомъ активно занимались не болѣе, какъ человѣкъ триста, всѣ же остальныя лица, которыя находились на площади, были или любопытные, или люди, которые въ ужасѣ не могли уйти съ площади. Въ распоряженіи же администраціи находились двѣ тысячи солдатъ и сотня казаковъ. Кромѣ того, администрація, очевидно, могла бы прекратить участіе въ погромѣ городовыхъ, которые, несомнѣнно, участвовали въ немъ. Интересны слѣдующіе факты, которые доказываютъ, что администрація могла прекратить погромъ. Есть одинъ богатый домъ, принадлежащій русскому, гдѣ находится много еврейскихъ магазиновъ. Когда подошли къ этимъ магазинамъ, чтобы грабить, то небольшое количество солдатъ, которые стояли у магазина заявили: «Нельзя!»—По какому случаю?—«Здѣсь грабить не приказано». Толпа послѣ этого совершенно спокойно прошла мимо, не тронувъ ни одного изъ этихъ еврейскихъ магазиновъ. Толпа предполагала разгромить еще домъ присяжнаго повѣреннаго Вологодскаго. У него въ домѣ было расквартировано нѣсколько солдатъ. Горничная попросила солдатъ встать у воротъ и сказать, что нельзя громить этотъ домъ. Солдаты встали у воротъ и сказали, что начальство не приказало громить этотъ домъ, и толпа безпрекословно прошла мимо, не тронувъ его. Затѣмъ, интересенъ фактъ, указывающій на то, что была полная возможность оказать и моральное воздѣйствіе. Противъ одного изъ учебныхъ заведеній убили студента и добивали другого. Это увидѣлъ завѣдующій учебнымъ заведеніемъ молодой монахъ. Онъ бросился изъ своей квартиры къ погромщикамъ, поднялъ крестъ, который имѣлся у него на груди, и громко сказалъ: «Зачѣмъ вы бьете моего брата?» Толпа безпрекословно отошла въ сторону, такъ что учащіеся имѣли возможность втащить избитаго студента въ учебное заведеніе и подать ему своевременную помощь; благодаря этому студентъ остался живъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ и фактамъ я, а вмѣстѣ со мной, я думаю, и всѣ томичи заявятъ, что была полная возможность предупредить погромъ, или, по крайней мѣрѣ, если не предотвратить, то прекратить его въ самомъ началѣ. Отсюда уже, ясное дѣло, выходитъ заключеніе о роли, которую играла администрація въ этомъ погромѣ. Томскій губернаторъ Азанчевскій-Азанчеевъ не только попустительствовалъ погрому, но я думаю, что до нѣкоторой степени имъ и руководительствовалъ. А разъ фактъ такой былъ, то естественно и дальнѣйшее поведеніе администраціи послѣ погрома. Послѣ погрома со стороны полиціи усиліе было направлено къ тому, чтобы совершенно помѣшать слѣдствію, которое потомъ было назначено. Особенно рѣзко это сказалось въ случаѣ съ врачемъ. Врачу, который дѣлалъ вскрытія, сразу пришлось отмѣчать въ протоколѣ, что смерть того или другого лица произошла или отъ штыковыхъ ранъ, или отъ солдатскихъ пуль. Какъ только это сдѣлалось извѣстно губернатору, то послѣдній отрѣшилъ врача отъ должности, и для вскрытія труповъ былъ назначенъ другой врачъ. Затѣмъ начались тѣ же лживыя донесенія, рапорты, какіе идутъ теперь изъ Бѣлостока. Публикѣ хорошо извѣстенъ рапортъ начальника томскаго гарнизона; онъ былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ, и всѣ томскіе жители, читая рапорты генералъ-майора Ризенкампфа, только разводили руками и удивлялись, какъ можно такъ нагло врать во всеподданнѣйшемъ рапортѣ. Затѣмъ началось преслѣдованіе городского управленія; началось недоброжелательство къ судебному слѣдователю, который очень добросовѣстно исполнялъ свои обязанности; его хотѣли смѣнить, но попытки были безуспѣшны, пока не было введено военное положеніе; когда же это положеніе было введено, сейчасъ же былъ удаленъ предсѣдатель суда Витте, который старался оказать вліяніе въ томъ отношеніи, чтобы это дѣло не заглохло, и стоялъ на почвѣ законности. Послѣ него былъ высланъ изъ Томска и слѣдователь. Передъ тѣмъ, какъ его выслали, у него былъ произведенъ обыскъ, и при этомъ обыскѣ у него, въ числѣ понятыхъ, я не знаю какимъ образомъ, состоялъ тотъ самый городовой, котораго слѣдователь въ теченіе нѣкотораго времени держалъ подъ арестомъ за участіе въ погромѣ. Вотъ поведеніе администраціи послѣ погрома! Что можно сказать относительно того, какъ предотвратить погромы въ будущемъ? Я ничуть не оспариваю тѣхъ выводовъ, къ которымъ по этому поводу пришли члены парламентской комиссіи, которые были въ Бѣлостокѣ; но я, съ своей стороны, прибавлю, что Томскъ совершенно успокоился бы и въ Томскѣ, навѣрное, не произошло бы новыхъ погромовъ,

если бы только явилась увѣренность всего населенія въ томъ, что администрація навѣрно этихъ погромовъ не хочетъ, и что она этимъ погромамъ будетъ противодѣйствовать. Если бы такая увѣренность явилась, то я убѣжденъ, что въ Томскѣ второй погромъ былъ бы совершенно невозможенъ. Но въ настоящее время, къ сожалѣнію, въ Томскѣ такой увѣренности нѣтъ, и поэтому тамъ существуетъ весьма тревожное настроеніе. Къ извѣстіямъ о погромѣ въ Бѣлостокѣ томичи относятся къ высшей степени тревожно. Я долженъ сказать еще, какое впечатлѣніе на томское общество произвелъ погромъ. Конечно, не будетъ для васъ новостью, что это впечатлѣніе совершенно противоположно тому, чего хотѣли отъ погрома. Послѣ него въ Томскѣ оппозиціонное движеніе проникло глубже и шире, и число противниковъ еврейскаго равноправія послѣ погрома стало гораздо меньше. Къ Азанчевскому-Азанчееву, виновнику или попустителю этого погрома, все томское общество стало относиться съ глубочайшимъ омерзеніемъ. Изъ всѣхъ домовъ только два были для него открыты, и хотя эти два дома принадлежатъ высшимъ представителямъ министерства народнаго просвѣщенія, но мы хорошо знаемъ, что далеко не всегда удачно вербуются служащіе въ этомъ министерствѣ. Я покажу яркій примѣръ того, какъ относится томское общество къ Азанчевскому. Это—тотъ фактъ, который произошелъ въ общественномъ собраніи. Общественныя собранія въ губернскихъ городахъ, конечно, не идейныя, не политическія собранія; составъ ихъ вамъ хорошо извѣстенъ, въ немъ находится, между прочимъ, очень много чиновниковъ. И вотъ, вскорѣ послѣ погрома, былъ возбужденъ вопросъ объ исключеніи Азанчевскаго изъ членовъ этого собранія. Закрытой баллотировкой 66 лицъ высказались за то, чтобы исключить Азанчевскаго изъ членовъ собранія, и только одинъ былъ за него. И не только исключить, но было постановлено не пускать его никогда, ни подъ какимъ видомъ, въ собраніе, даже въ качествѣ гостя. Это я привожу, какъ примѣръ отношенія, которое погромщики возбудили въ массѣ томскаго населенія. Общій мой выводъ тотъ, что я вполнѣ вѣрю освѣщенію, которое докладчики сдѣлали о бѣлостокскомъ погромѣ. Я повѣрилъ бы ему даже на основаніи томскаго погрома, я повѣрилъ бы даже въ томъ случаѣ, если бы представили вдвое, вчетверо меньше матеріала сравнительно съ тѣмъ, что они намъ дали. Такъ много общаго между томскимъ погромомъ и бѣлостокскимъ, что по томскому погрому можно было бы вполнѣ безошибочно понимать и бѣлостокскій погромъ.

Библіотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

Книгоиздательствомъ предпринято изданіе цѣлаго ряда путеводителей по курортамъ на русскомъ языкѣ, подъ названіемъ:

СПУТНИКИ

ПО НѢМЕЦКИМЪ КУРОРТАМЪ

которые выходятъ подъ редакціей **А. Б. Левина,** русскаго врача въ Висбаденѣ.

Въ настоящее время поступили въ продажу слѣдующіе путеводители:

Висбаденъ

Содержаніе: Историческій очеркъ. Мѣстоположеніе, климатическія и санитарныя условія Медицинскія свѣдѣнія. Справочный отдѣлъ. Поѣздки по окрестностямъ. Съ планомъ Висбадена и рисунками.

Цѣна 1 м. 20 пф.

Южный Тироль

Меранъ. Гризъ-Боценъ. Арко.

Содержаніе: Историческій очеркъ. Мѣстоположеніе, климатическія и санитарныя условія. Медицинскія свѣдѣнія. Справочный отдѣлъ. Поѣздки по окрестностямъ. Съ планомъ Мерана и рисунками.

Цѣна 1 м. 20 пф.

Гомбургъ

Содержаніе: Историческій очеркъ. Мѣстоположеніе, климатическія и санитарныя условія. Медицинскія свѣдѣнія. Справочный отдѣлъ. Поѣздки по окрестностямъ.

Цѣна 1 м. 20 пф.

Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren

J. LADYSCHNIKOW, Berlin W. 15, Uhlandstr. 52.

Поступили въ продажу:

Максимъ Горькій.

Жизнь ненужнаго человѣка . . . . . 4,— м.
Исповѣдь. Повѣсть 3,— „
Мать. Романъ . . . 4,— „
Дачники . . . . . 2,— „
Дѣти солнца . . . . 2,— „
Варвары . . . . . 2,— „
Враги . . . . . 2,— „
Въ Америкѣ . . . . . 1,50 „
Тюрьма . . . . . 1,50 „
Послѣдніе . . . . . 1,50 „
Солдаты . . . . . 1,— „
Букоемовъ. Дѣвочка —,90 „
Разск. Филиппа Вас. —,90 „
А. П. Чеховъ . . . . —,90 „
Человѣкъ . . . . . —,60 „
9-е января . . . . . —,60 „
Прекрасная Франція —,50 „
Король республики —,50 „
Жрецъ морали . . . —,50 „
Хозяева жизни . . . —,50 „
Русскій царь . . . . —,50 „
Товарищъ! . . . . . —,50 „

Евгеній Чириковъ.

Мужики . . . . . 2,— „
Мятежники . . . . . 1,50 „
Легенда стар. замка 1,50 „
Евреи . . . . . 1,50 „
Красные огни . . . . 1,— „
На порукахъ . . . . 1,— „
На порогѣ жизни . . —,60 „
„Товарищъ“ . . . . —,50 „

Семенъ Юшкевичъ.

Голодъ . . . . . 2,— „
Прологъ. Романъ . 2,— „
Еврей. Романъ . . . 2,— „
Дина Гланкъ . . . . 1,50 „
Чужая . . . . . 1,— „

Леонидъ Андреевъ.

Савва (Ignis Sanat). 2,— м.
Къ звѣздамъ . . . 1,50 „
Жизнь Человѣка . 1,50 „
Царь Голодъ . . . 1,50 „
Іуда Искаріотъ и др. 1,50 „
Жизнь Василія Фивейскаго . . . . . 1,50 „
Красный смѣхъ . . 1,20 „
Губернаторъ . . . . 1,20 „
Тьма . . . . . 1,20 „
Проклятіе звѣря . . 1,— „
Такъ было . . . . . —,75 „
Христіане . . . . . —,50 „
Елеазаръ . . . . . —,50 „

Скиталецъ.

Полевой судъ . . . —,50 „
Лѣсъ разгорался . —,50 „

Давидъ Айзманъ.

Терновый кустъ . . 1,50 „

Кн. С. Д. Урусовъ.

Записки Губернатора 3,— „

Л. Н. Толстой.

Не могу молчать . 1,— „

Осипъ Дымовъ.

Каждый день . . . 1,— „

Д. С. Мережковскій.

Смерть Павла I-го . 1,50 „

Левъ Дейчъ.

Четыре побѣга . . 2,50 „

о. Гр. Петровъ.

Письмо къ митрополиту Антонію 1,— „